

Майн Рид

«TERRA» - «TERRA»

Рид Майн/Сочинения: В 3 т. Т. 3: Сигнал бедствий; Американские партизаны; Без пощады!; Голубой Дик; Черный мустангер:
Романы / Пер. с англ. // ТЕПРА, М., 1996
ISBN: 5-300-00287-9 (т. 3), 5-300-00284-4
FB2: mefysto. 132811194172094056, version 1
UUID: {E1AF5D99-C1D7-430A-B614-5FDB2959E383}
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 15, 2023

Майн Рид

Сочинения в трех томах. Том 3 (Майн Рид. Сочинения в 3 томах #3)

В третий том вошли романы: «Сигнал бедствий», «Американские партизаны», «Без пощады!», «Голубой Дик», «Черный мустангер». Эти романы после 1917 года в России ни разу не издавались.

Содержание

#1.....	0010
#2.....	0010
СИГНАЛ БЕДСТВИЙ роман.....	0011
#1.....	0011
Глава I ПОГОНЯ.....	0011
Глава II ПОЛИТИКА КАПИТАНА.....	0014
Глава III ТАИНСТВЕННОЕ СУДНО.....	0018
Глава IV ЧЕРНЫЙ ШКВАЛ.....	0025
Глава V ДВА АНГЛИЙСКИХ МОРЯКА.....	0028
Глава VI ДВЕ ИСПАНСКИЕ СЕНЬОРИТЫ.....	0034
Глава VII ДВА КАЛИФОРНИЙСКИХ КАБАЛЬЕРО.....	0039
Глава VIII НЕИЗБЕЖНАЯ ВСТРЕЧА.....	0045
Глава IX КОРАБЛЬ БЕЗ МАТРОСОВ.....	0052
Глава X ПЕРЕГОВОРЫ.....	0056
Глава XI В ПОИСКАХ СЕКУНДАНТА.....	0061
Глава XII КАВАЛЬКАДА.....	0065
Глава XIII СТЫЧКА ЛОШАДЕЙ.....	0069
Глава XIV «ДО СВИДАНИЯ В КАДИКСЕ!».....	0074
Глава XV НА ПУТИ К ВЕСЕЛЮ.....	0078
Глава XVI МОРЯК СТАРОГО ЗАКАЛА.....	0083
Глава XVII НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ.....	0087
Глава XVIII НЕГОСТЕПРИИМНЫЙ «ПРИЮТ».....	0091
Глава XIX «ЭЛЬДОРАДО».....	0094
Глава XX ИГРА В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ.....	0097
Глава XXI ОХОТА НА ТИГРА.....	0100
Глава XXII МАСТЕР СВОЕГО ДЕЛА.....	0103
Глава XXIII РОСКОШНЫЙ УЖИН.....	0106
Глава XXIV БЕЗ ПРИСТАНИЩА.....	0110
Глава XXV «ПАЛАДИНЫ».....	0115
Глава XXVI ЗАБРОШЕННАЯ ГАСИЕНДА.....	0119
Глава XXVII РАЗГОВОР С ОРАНГУТАНГАМИ.....	0124
Глава XXVIII ГОЛУБОЙ ФЛАГ.....	0127
Глава XXIX ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО.....	0129
Глава XXX ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД.....	0132
Глава XXXI ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР.....	0134
Глава XXXII «ОТВОРИТЕ!».....	0138
Глава XXXIII РАЗНОШЕРСТНАЯ КОМАНДА.....	0140
Глава XXXIV ПРОЩАЙ, КАЛИФОРНИЯ!.....	0142
Глава XXXV МАУНА-ЛОА.....	0144
Глава XXXVI БОЧКА С ПОРОХОМ.....	0146
Глава XXXVII ДВА ЖУЛИКА ИЗ СИДНЕЯ.....	0149
Глава XXXVIII ЗАГОВОР ЗА ЗАГОВОР.....	0155
Глава XXXIX ДЕЛЕЖКА ПОРОВНУ.....	0158
Глава XL БЕРЕГ!.....	0163
Глава XLI ПАНАМА ИЛИ САНТ-ЯГО?.....	0166
Глава XLII ПЕРЕПУГАННЫЕ ДЕЛЬФИНЫ.....	0170
Глава XLIII ПОКИНУТЫЙ КОРАБЛЬ.....	0174
Глава XLIV ДВА ТАРКВИНИЯ.....	0177
Глава XLV НАВСТРЕЧУ ОКЕАНУ.....	0181
Глава XLVI ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС.....	0184
Глава XLVII ДУЭЛЬ С ОТСРОЧКОЙ.....	0189

Глава XLVIII ДЛИТЕЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ	0191
Глава XLIX ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА, НЕОЖИДАННО РАЗРЕШИВШАЯ ВСЕ СОМНЕНИЯ	0193
Глава L ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА СУДОВОГО ЖУРНАЛА	0195
Глава LI ГОЛОД	0199
Глава LII МСТЯЩАЯ НЕМЕЗИДА	0200
Глава LIII СЧАСТЬЕ ПОЧТИ ИЗМЕНИЛО	0204
Глава LIV ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ МАТРОСА	0207
АМЕРИКАНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ роман	0211
#1	0211
Глава I ПАРТИЗАНЫ	0211
Глава II ДЕЛО КАСАЕТСЯ ЖЕНЩИНЫ	0214
Глава III ИЗБРАНИЕ ОФИЦЕРОВ	0216
Глава IV ПРИГЛАШЕНИЕ НА УЖИН	0218
Глава V ПРЕДНАМЕРЕННЫЙ ВЫЗОВ	0219
Глава VI САЛЮТ ОРУЖИЕМ	0222
Глава VII ДУЭЛЬ НАСМЕРТЬ	0225
Глава VIII УНИЗИТЕЛЬНАЯ КАРА	0227
Глава IX ПОХОД СПАРТАНЦЕВ	0229
Глава X АККОРДАДА	0232
Глава XI БЛЕСТЯЩИЙ ПОЛКОВНИК	0234
Глава XII СВИДАНИЕ	0236
Глава XIII МЕСТЬ САНТАНДЕРА	0238
Глава XIV НА АЗОТЕЕ	0240
Глава XV ОЖИДАНИЕ	0242
Глава XVI ДВОЙНАЯ ОШИБКА	0243
Глава XVII СТОЧНЫЕ КАНАВЫ	0247
Глава XVIII ТИРАН И ЕГО НАПЕРСНИК	0249
Глава XIX ДОНЖУАН С ДЕРЕВЯННОЙ НОГОЙ	0253
Глава XX ПРЕЛЕСТНЫЕ ПРОСИТЕЛЬНИЦЫ	0254
Глава XXI ЖЕНСКИЙ ЗАГОВОР	0256
Глава XXII УЗНИКИ ЗА РАБОТОЙ	0258
Глава XXIII ПРОЦЕССИЯ	0259
Глава XXIV МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ	0261
Глава XXV СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ	0262
Глава XXVI ПЕПИТА ЗА РАБОТОЙ	0264
Глава XXVII ПИСЬМО	0266
Глава XXVIII В ОЖИДАНИИ ЛАНДО	0268
Глава XXIX НЕЛОВКИЙ КУЧЕР	0269
Глава XXX НЕСЧАСТНЫЕ ДАМЫ	0270
Глава XXXI ПРЕВРАЩЕНИЕ	0272
Глава XXXII НЕЖДАННЫЕ ПОЧЕСТИ	0274
Глава XXXIII НЕ ВОССТАНИЕ ЛИ ЭТО?	0275
Глава XXXIV ПОПЛАТИВШИЙСЯ КУЧЕР	0277
Глава XXXV ПО ДВОЕ НА ЛОШАДИ	0279
Глава XXXVI ПЕДРЕГАЛЬ	0280
Глава XXXVII ПОДОЗРЕНИЕ В СООБЩНИЧЕСТВЕ	0282
Глава XXXVIII ДОНЕСЕНИЕ О ПОГОНЕ	0284
Глава XXXIX В ГОРАХ	0286
Глава XL ВЕРНЫЙ ДВОРЕЦКИЙ	0287
Глава XLI БЕСПОКОЙСТВО	0289
Глава XLII СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ	0291
Глава XLIII КТО ОНИ?	0293
Глава XLIV НАСТОЯТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ	0295

Глава XLV ПАРТИЗАНЫ	0297
Глава XLVI САН-АВГУСТИН	0299
Глава XLVII НА УТЕСЕ	0300
Глава XLVIII БЕГСТВО И ИЗМЕНА	0302
Глава XLIX СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ	0305
Глава L СЕРЖАНТ	0306
Глава LI ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ И РЯД СЛУЧАЙНОСТЕЙ	0307
Глава LII НЕТ БОЛЕЕ МОНАХОВ	0309
Глава LIII ОДНИ ТОЛЬКО ПУСТЫЕ БУТЫЛКИ	0310
Глава LIV ПЕРИПЕТИИ	0311
Глава LV УЗНИЦЫ	0312
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	0314
БЕЗ ПОЩАДЫ! исторический роман	0315
#1	0315
ПРОЛОГ	0315
Глава I ССОРА	0322
Глава II ПРИМИРЕНИЕ	0325
Глава III СЕСТРЫ	0328
Глава IV ОЖИДАНИЕ	0331
Глава V КОРОЛЕВСКИЙ ПОСЛАНЕЦ	0334
Глава VI ИСТИННО-КОРОЛЕВСКОЕ ПОСЛАНИЕ	0339
Глава VII НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА	0344
Глава VIII СЦЕНА В КАМЕНОЛОМНЯХ	0347
Глава IX ПОДГОТОВКА К БУДУЩЕМУ	0352
Глава X СОКОЛИНАЯ ОХОТА	0355
Глава XI НОВЫЙ ПОСЛАНЕЦ	0359
Глава XII НЕУДАВШИЙСЯ ПРИСТУП	0363
Глава XIII БРАТЬЯ-ВРАГИ	0367
Глава XIV НАЧАЛО СОБЫТИЙ	0370
Глава XV СЕРЖАНТ НАРОДНОЙ ГВАРДИИ	0372
Глава XVI В ГОРОДЕ И ЗАМКЕ	0378
Глава XVII ОТКРЫТЫЙ ЗАГОВОР	0384
Глава XVIII РАЗНОХАРАКТЕРНАЯ СЕМЬЯ	0387
Глава XIX В КОГТЯХ РЕВНОСТИ	0392
Глава XX РАСКРЫТИЕ ИГРЫ	0399
Глава XXI СДАЧА БРИСТОЛЯ	0407
Глава XXII ВЫСОКИЙ ПОКЛОННИК	0413
Глава XXIII РЕКОГНОСЦИРОВКА	0417
Глава XXIV ВЗЯТИЕ МОНМАУТСА	0424
Глава XXIV БЕСЕДА ДВУХ ДРУЗЕЙ	0428
Глава XXVI ЗАСАДА	0433
Глава XXVII ОПЯТЬ В ХОЛЛИМИДЕ	0437
Глава XXVIII НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ	0446
Глава XXIX В ПЛЕНУ	0451
Глава XXX МУЖЕСТВЕННАЯ ВЕСТНИЦА	0458
Глава XXXI ОПОЗДАЛИ	0465
Глава XXXII БОЙ СРЕДИ ПАВОДКА	0469
ГОЛУБОЙ ДИК роман	0476
#1	0476
Глава I СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ	0476
Глава II БЛЭКАДДЕРЫ	0482
Глава III ПЕРЕСЕЛЕНИЕ	0485
Глава IV ДИКАРИ	0489
Глава V ПРЕДАТЕЛЬ	0492

Глава VI ДВА ОХОТНИКА.....	0496
Глава VII ПРЕРВАННЫЙ ЗАВТРАК.....	0500
Глава VIII ПЛАН.....	0504
Глава IX ФОРТ СЕН-ВРЭ.....	0508
Глава X ИНДЕЙЦЫ И ИХ ПЛЕННИКИ.....	0512
Глава XI ВОЗМЕЗДИЕ.....	0516
Глава XII ПОМОЩЬ.....	0521
Глава XIII ОТКРЫТИЕ.....	0524
Глава XIV НАПАДЕНИЕ.....	0528
Глава XV РАЗВЯЗКА.....	0530
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	0532
ЧЕРНЫЙ МУСТАНГЕР роман.....	0533
#1.....	0533
Глава I МУСТАНГИ.....	0533
Глава II ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ.....	0537
Глава III НЕПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ.....	0540
Глава IV ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ.....	0543
Глава V СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.....	0546
Глава VI МЕЧТЫ ПРЕСТУПНИКА.....	0551
Глава VII РАЗВЕДКА.....	0554
Глава VIII ДОГОВОР.....	0556
Глава IX УКРОТИТЕЛИ МУСТАНГОВ.....	0558
Глава X ТИГРОВЫЙ ХВОСТ.....	0560
Глава XI ДВОЮРОДНЫЕ СЕСТРЫ.....	0566
Глава XII ОХОТА НА ДИКИХ ИНДЮКОВ.....	0570
Глава XIII КАРРОЛЬ ИДЕТ ПО СЛЕДУ.....	0575
Глава XIV ВОРОНОЙ МУСТАНГ.....	0580
Глава XV ЛОГОВИЩЕ ТИГРА.....	0584
Глава XVI РЕГУЛЯТОРЫ.....	0586
Глава XVII ЗАЛОЖНИК.....	0591
Глава XVIII ЛУИЗИАНА И ТЕННЕССИ.....	0596
Глава XIX СЛИШКОМ ПОЗДНО.....	0600
Глава XX БЛОКГАУЗ.....	0605
Глава XXI ЛОВКИЙ ОБМАН.....	0608
Глава XXII БИТВА.....	0612
Глава XXIII СУД.....	0617
INFO.....	0622

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Майн Рид

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ
Том третий
*

СИГНАЛ БЕДСТВИЙ
роман

АМЕРИКАНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ
роман

БЕЗ ПОЩАДЫ!
исторический роман

ГОЛУБОЙ ДИК

роман

ЧЕРНЫЙ МУСТАНГЕР
роман

Москва

«ТЕРА» – «TERRA»

1996

*

Перевод
Е. ГРОТ, М. ЛЕВБЕРГ

Под редакцией
Б. ЛИВШИЦА

Оформление художника
А. ЕВДОКИМОВА

© Издательский центр «ТЕРРА», 1994

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

СИГНАЛ БЕДСТВИЙ

роман

Глава I

ПОГОНЯ

Посреди Тихого океана плыли в виду друг у друга два корабля. Их отделяли всего лишь какие-нибудь три мили. Оба они неслись по ветру на всех парусах. Один из них как будто преследовал другого.

Впрочем, действительно ли это была погоня? Да, это казалось почти несомненным. В пользу такого предположения говорили и размеры, и внешний вид обоих кораблей.

Один из них представлял собою небольшой трехмачтовый барк с откинутыми назад мачтами и остроугольными парусами, похожими на плавник акулы. На таких судах плавают обыкновенно пираты.

Другой обращал на себя внимание широкими четырехугольными парусами. Он был значительно больше первого. Из ряда люков в борту его торчали жерла пушек. Это было военное судно. Каждый моряк с первого же взгляда без запинки называл его фрегатом. А национальность фрегата могла бы определить даже и «сухопутная крыса». Флаг, красовавшийся на топе его бизань-мачты, пользовался известностью во всем мире. Это был английский флаг.

Роль дичи выпала барку. Роль охотника взял на себя фрегат. Поручиком тому служили и его национальные цвета, и их взаимное положение. Маленький барк шел впереди.

На бизань-мачте барка тоже развевался флаг. Однако далеко не всякий сумел бы определить его национальность. Между тем это был флаг морской державы, правда, не особенно могущественной. Пятиконечная белая звезда на голубом поле является отличительным признаком Чили.

Почему же гнался английский фрегат за чилийским барком? Великобритания не объявляла войны богатейшей из южноамериканских республик. Оба государства были связаны рядом мирных договоров. Отношения у них установились самые дружественные. Если бы чилийское судно выкинуло флаг, на кроваво-красном или черном поле которого виднелся бы череп с двумя крест-накрест сложенными костями, поведение фрегата не казалось бы загадочным. Но барк не проявлял каких бы то ни было враждебных намерений. Напротив, он взывал о милосердии и просил помощи. Флаг его был приспущен и перевернут. Коротко говоря, барк подавал сигнал бедствия.

И, несмотря на это, он стремительно несся вперед, все его паруса были подняты, ход не оставлял желать ничего лучшего, такелаж находился в полной исправности. Весь экипаж военного корабля, начиная от стоявшего на мостике капитана и кончая последним юнгой, впервые совершавшим плавание через океан, следил за беглецом. Поведение его поразило всех еще до того, как началась погоня.

Мы не ошиблись в своем предположении. Это действительно была погоня. Обнаружив на горизонте парусное судно, фрегат повернулся к нему. Незнакомый корабль тотчас же стрелою понесся по ветру. Через некоторое время стало ясно, что фрегат постепенно нагоняет незнакомца. Вскоре офицеры, наблюдавшие за ним в подзорную трубу, сообщили, что это трехмачтовый барк с приспущенным флагом.

Приспущенный флаг! Само по себе это не было ни удивительно, ни странно. К сожалению, приспущенные флаги составляют в открытом море обычное явление. Но то, что судно, подававшее сигнал бедствия, развернуло все паруса и уходило или хотело уйти от другого судна, которое могло оказать ему помощь, — особенно от фрегата, идущего под британским флагом, — это казалось в высшей степени невероятным. Тем не менее барк продолжал стремительно нестись вперед, не убавляя хода и не складывая ни одного из своих белых крыльев. Поведение его было необычайно странно, даже более чем странно. Оно было загадочно.

К этому заключению единодушно пришли все люди, находившиеся на борту военного корабля. Вид убегающего барка наполнил их каким-то тягостным, суеверным чувством. Дело в том, что они уже слышали о нем. В течение последней недели им повстречались два судна. Оба эти судна видели «трехмачтовый барк, идущий под всеми парусами, с приспущенным флагом».

Английский бриг, к которому фрегат подошел вплотную, сообщил, что таинственный барк проскользнул перед самым его носом, что при желании его ничего не стоило бы взять на абордаж, что сперва на нем не было видно ни души, но потом, после повторных окликов, два человека, поспешно вскочившие на ванты, выкрикнули несколько совершенно непонятных слов. Хриплые гортанные голоса их напоминали лай цепных собак.

Английский бриг столкнулся с барком поздним вечером. Было уже почти темно. Тем не менее матросам удалось разглядеть карабкавшихся по мачтам людей. Внешний облик их производил не менее странное впечатление, чем их голоса. Оба незнакомца были закутаны с головы до ног в звериные шкуры. Заметив, что барк выкинул сигнал бедствия, бриг хотел было спустить спасательную шлюпку. Но барк не дал ему выполнить это намерение. Не свернув ни одного паруса и не попытавшись войти в какие бы то ни было переговоры

со встречным судном, он проследовал своим путем.

Если бы сведения фрегата о странном корабле были целиком почерпнуты из рассказа команды брига, их вряд ли можно было бы считать достоверными. Моряки любят приукрасить правду. К тому же, как они сами признавались, «было уже почти темно», а в темноте мало ли что может почудиться! Однако их слова всецело подтвердились рапортом другого судна, встреченного фрегатом несколько дней спустя. Это китобойное судно сообщило следующее:

«Показался трехмачтовый барк. 10°22' южной широты, западная долгота 95°. Идет под всеми парусами. Флаг приспущен. Белая чилийская звезда. Люди на борту покрыты рыжей шерстью. Предполагаем, что у них одежда из звериных шкур. Пытались догнать. Не удалось. Барк быстроходен. Скрылся в подветренном направлении».

Все это казалось в высшей степени странным. Немудрено, что команда военного фрегата почувствовала нечто большее, чем удивление, заметив судно, внешний вид которого соответствовал описанию китобоя. Расстояние между обоими кораблями все уменьшалось и уменьшалось. Матросы с любопытством рассматривали беглеца. Да, несомненно, это был он. «Трехмачтовый барк. Под всеми парусами. Флаг приспущен. Белая чилийская звезда».

Поведение его тоже соответствовало ходившим о нем толкам. Он уходил от тех, кто пытался откликнуться на его призыв. Вскоре экипаж фрегата окончательно убедился в этом. Тут собственно и началась погоня. До тех пор военный корабль шел следом за незнакомым судном случайно, только потому, что это было ему по пути. Увидев в подзорную трубу сигнал бедствия, капитан тотчас же принял соответствующее решение. Развернув все паруса, фрегат понесся прямо к барку. Он был очень быстроходен. Китолов не мог бы угнаться за ним. Военный корабль шел значительно быстрее китолова. И все-таки находившимся на его борту было ясно, что погоня займет немало времени.

Действительно, расстояние между ним и барком как будто перестало уменьшаться. По всей вероятности, оно все-таки уменьшалось, только очень медленно. Вскоре команда фрегата начала сомневаться в успехе задуманного предприятия. Матросы, толпившиеся на задней палубе и зорко наблюдавшие за таинственным барком, вполголоса разговаривали между собой. Лица их были мрачны. Некоторые утверждали, что преследуемое судно не настоящий, а призрачный корабль. Эта выдумка имела успех. Чем больше сокращалось расстояние между фрегатом и барком, чем отчетливее вырисовывались очертания беглеца, тем мрачнее становились лица матросов.

Людей, одетых в звериные шкуры, они еще не видели. А впрочем, были ли на барке люди? Матросы допускали, что экипаж его состоит из одних призраков.

Люди, стоявшие на шканцах, не разделяли суеверных чувств теснившихся на нижней палубе. Но они тоже были глубоко взволнованы. Окруженный офицерами капитан смотрел в бинокль на таинственный барк. Фрегат, которым он с полным основанием гордился, не принадлежал к числу особенно быстроходных военных кораблей. Иначе ему давно уже удалось бы догнать незнакомца. Тем не менее расстояние между ними уменьшалось. Теперь их отделяли друг от друга уже неполные три мили. Но ветер, как нарочно, стал стихать, и за последние полчаса фрегату не удалось приблизиться к барку ни на один ярд.

Желая наверстать потерянное время, он развернул все лиселя и снова кинулся в погоню. Но и на этот раз его ждало разочарование.

— Напрасный труд! — сказал капитан, глядя на матросов, ставивших последний парус.

И, бросив взгляд на небо, добавил:

— Ветер стихает. Через пять минут наступит полный штиль.

Все знали это и без него. Самый неопытный мичман понимал, что погода резко меняется.

Действительно, не прошло и пяти минут, как предсказание капитана исполнилось.

Громадное военное судно застыло в неподвижности.

Глава II ПОЛИТИКА КАПИТАНА

Фрегат замер на месте. Но что случилось с барком? Принудил ли его штиль остановиться? Весь экипаж военного корабля был занят этим вопросом. Каждый офицер, каждый матрос жаждал узнать ответ на него. Все пытливо смотрели на странное судно. Его положение волновало моряков больше, чем их собственное.

Суеверное чувство, постепенно овладевавшее ими, усилилось. Что значило это неожиданное затишье, наступившее как раз в тот момент, когда они начали надеяться догнать преследуемый корабль? Старые моряки покачивали головами, избегая высказывать какие-либо предположения. Молодые, не боявшиеся слов, на все лады твердили, что никакого судна вдаль не было и нет. Напрягая зрение и упорно всматриваясь в очертания барка и повторяли и вслух, и про себя легенду о «корабле-призраке», о Летучем Голландце. А барк между тем продолжал нестись вперед. В кильватере его все время рябили волны.

— Я же предупреждал вас, товарищи! — воскликнул старый матрос. — Никогда нам не догнать этого судна. Даже если мы будем преследовать его до конца нашей жизни. Впрочем, конец этот может наступить очень скоро.

— Что касается меня, я страшно хочу, чтобы проклятый барк поскорее удрал от нас, — подхватил другой матрос. — С нашей стороны было бы безумием гнаться за ним. Если бы это зависело от меня, мы никогда бы не впутались в эту историю.

— Не беспокойся, — отозвался первый. — Твое желание сбудется. Посмотри-ка! Он продолжает идти вперед как ни в чем не бывало. Мне сдается, что паруса его не нуждаются в ветре.

Едва успел старик произнести эти слова, как, словно в опровержение их, паруса преследуемого судна повисли, как тряпки. Свернувшийся флаг его перестал взывать о помощи. Затишье, остановившее на полном ходу фрегат, прервало и поспешный бег барка. Он тоже замер в неподвижности.

— Какого вы мнения об этом корабле, мистер Блэк? — спросил капитан своего старшего помощника.

Оба они стояли на шканцах и ни на минуту не выпускали из рук бинокли.

— Никакого, сэр. Судя по флагу, это чилийский корабль. На нем нет ни души. Впрочем... Посмотрите! Что-то показалось над гакабортом. Уж не челове-

ческая ли это голова? Она вынырнула совершенно неожиданно.

Наступило молчание. Капитан, не отрываясь, смотрел в бинокль. Ему хотелось увидеть предмет, обративший на себя внимание его помощника. Однако предмет этот больше не появлялся.

— Странно! — произнес, наконец, капитан, как бы подводя итог своим собственным мыслям. — Этот корабль подает сигнал бедствий и в то же время отказывается от помощи. Чрезвычайно странно! Не правда ли, джентльмены?

Вопрос его был обращен к группе моряков, стоявших на шканцах.

Все согласились с мнением капитана.

— На барке неблагополучно, — продолжал он. — Интересно знать: какая беда могла стрястись с ним?

Вопрос остался без ответа. Лейтенанты и мичманы казались не менее удивленными и взволнованными, чем их начальник. Они не чувствовали себя в силах объяснить поведение загадочного барка.

Правда, у двух офицеров, у третьего лейтенанта и одного из мичманов, мелькнули кое-какие догадки. Но догадки эти были так фантастичны и так смутны, что молодые люди не сочли возможным поделиться ими ни с капитаном, ни даже друг с другом. На лицах их появилось выражение беспокойства. Никто из товарищей не обратил на это внимание только потому, что они превосходно владели собою. Между тем беспокойство их постепенно усиливалось. Они напряженно смотрели на остановившийся барк и, казалось, **видели [1]** что-то. Как бы то ни было, ни один из них не проронил ни слова. Они хранили безмолвие, не решаясь высказать вслух свои предположения.

— Да, джентльмены, — воскликнул капитан, обращаясь к своим подчиненным, — это чрезвычайно странно! За всю мою долгую службу на море я не видел ничего подобного, тут кроется какая-то тайна. Но даже под угрозой смерти я не взялся бы разгадать ее. Этот чилийский барк — если он действительно чилийский — вряд ли принадлежит корсарам. На нем нет пушек. Если даже допустить, что они спрятаны, я не вижу людей, которые могли бы стрелять из них. Мы натолкнулись на загадочное судно. Чтобы проникнуть в его тайну, я предлагаю немедленно спустить шлюпку.

— Едва ли команда сочувственно отнесется к вашему предположению, — решительно заявил старший офицер. — Проклятый барк внушает ей суеверный ужас. Некоторые матросы думают, что перед ними не обыкновенное судно, а Летучий Голландец. Когда боцман прикажет им грести по направлению к нему, у них будет чувство, что их заставляют идти на верную смерть.

Слова старшего лейтенанта вызвали улыбку у капитана и у остальных присутствующих. Только два офицера воздержались от проявлений веселости. Это были те самые офицеры, о которых уже шла речь. Выражение их лиц стало еще мрачнее.

— Не странно ли, — задумчиво сказал капитан, — что наши brave матросы, всегда рвущиеся в бой, не останавливающиеся ни перед чем, смело бросающиеся навстречу жерлу заряженной пушки и нисколько не боящиеся смерти от человеческих рук, — эти самые матросы становятся пугливее детей, когда им чудится угроза со стороны его величества черта? Вы правы, мистер Блэк. Перспектива свести более близкое знакомство с таинственным барком вряд ли обрадует наших молодцов. Позвольте показать вам, однако, чем можно бороться с матросским суеверием. Я несколькими словами рассею их стра-

хи.

Капитан двинулся вперед. Офицеры последовали за ним. Приблизившись к баку, он остановился и сделал знак, что хочет говорить. Матросы тотчас же обернулись к нему.

— Ребята, — крикнул он, — выслушайте меня! Видите ли вы этот барк? Заметили ли вы, что флаг его приспущен? Знаете ли вы, что он подает сигнал бедствия? Не было еще случая, чтобы порядочный корабль, а тем более корабль военный, не откликнулся на такой призыв. Лейтенант! Прикажите немедленно спустить катер. А вы, боцман, готовьтесь! С вами поедут только охотники. Желающих прошу подняться на верхнюю палубу.

В ответ на слова капитана матросы разразились громким «ура». Не успели еще замолкнуть его отголоски, как толпа людей опрометью бросилась наверх. Желающих участвовать в экспедиции оказалось так много, что их хватило бы на все шлюпки фрегата.

— Что скажете, джентльмены? — спросил капитан, оборачиваясь к офицерам.

Лицо его сияло гордостью.

— Вот каковы наши моряки! — продолжал он. — Как я уже говорил вам, никакой враг им не страшен. А когда поднимается речь о спасении людей, взывающих к их человеколюбию, они готовы лезть в драку даже с чертом!

Вторично прозвучало «ура». Матросы обронили несколько шуточных замечаний. Однако ни один из них не засмеялся. Лестные слова капитана доставили им удовольствие. Тем не менее они чувствовали, что шумное проявление веселости было бы неуместным. Искреннее желание помочь попавшим в беду товарищам умерялось чувством какого-то необоримого страха. Как только капитан ушел на шканцы, многие матросы поспешили вернуться на нижнюю палубу. Группа охотников быстро уменьшилась. Но все-таки их осталось вполне достаточно.

— Какую шлюпку спускать, сэр?

Этот вопрос задал старший лейтенант, ни на шаг не отстававший от своего начальника.

— Спускайте катер, — ответил капитан. — По-моему, мистер Блэк, нет никакой необходимости посылать с ним еще и шлюпку. Я не допускаю, чтобы экипаж барка выказал по отношению к нашим людям враждебные намерения. Ведь нам ничего не стоит одним залпом разнести это суденышко.

— Кому вы поручаете командование катером?

Капитан задумался и обвел вопрошающим взглядом своих офицеров. Глаза его упали на третьего лейтенанта, стоявшего поблизости. Молодой человек сделал чуть заметное движение. Это движение не прошло для капитана незамеченным. Он считал третьего лейтенанта отличным моряком, знающим свое дело и способным, несмотря на молодость, справиться со всяким поручением, как бы опасно и сложно оно ни было. Не колеблясь ни минуты, он поручил ему командование катером.

Молодой человек тотчас же приступил к исполнению своих обязанностей. В его торопливых движениях чувствовалось нечто большее, чем простое повиновение. Он поспешно бросился к тому месту, где матросы под наблюдением боцмана уже начинали спускать катер. Товарищи не без удивления заметили, что он принялся усердно помогать своим подчиненным. Глаза его горе-

ли нетерпением, брови были мрачно сдвинуты. В то время как он тянул канат, к нему подошел другой офицер, совсем молоденький мичман.

— Возьмешь ли ты меня с собою? — спросил юноша.

— Конечно, дорогой, — ласково ответил лейтенант. — Я сам уже подумывал об этом. Но необходимо заручиться согласием капитана.

Не говоря ни слова, мичман отошел от товарища, взглянул на шканцы, увидел там капитана и в следующее мгновение уже очутился около него.

— Разрешите мне ехать на катере, сэр, — сказал он, прикладывая руку к козырьку.

— Пожалуйста. Ничего не имею против.

Взгляд его скользнул по лицу юноши.

— Почему у вас возникло это желание? — спросил он.

Мичман покраснел и ничего не ответил. Странное выражение его лица заинтересовало и удивило капитана. Но для дальнейших вопросов не было времени. Матросы уже спустили катер и рассаживались по местам. Третий лейтенант отдавал последние распоряжения.

— Можете отправляться, — сказал капитан. — Передайте лейтенанту, что я отпускаю вас с ним. Вы очень молоды и, по всей вероятности, честолюбивы. Сегодня, впрочем, вам вряд ли представится случай отличиться. Таинственный барк находится в бедственном положении. Должно быть, вам предстоит увидеть много тяжелого. Что ж! Юности не следует пренебрегать уроками жизни. Ступайте.

Заручившись согласием начальника, мичман быстро сбежал со шканцев, спустился на катер и занял место рядом с лейтенантом.

Оба судна стояли неподвижно на прежнем расстоянии друг от друга; за все это время они сдвинулись с места не больше, чем на кабельтов. Нос фрегата был повернут к корме барка. Фрегат и барк застыли в том положении, в каком их настиг последний порыв утихающего ветра.

Ни на одном из обоих судов паруса еще не были убраны. Они висели, как тряпки, время от времени слегка покачиваясь; при первом же взгляде сразу становилось ясно, что их легкие движения вызваны не ветром, а качкой. Впрочем, ветер был очень слабый. Его не хватало даже на то, чтобы растрепать длинные перья в хвосте тропической птицы, парившей в воздухе.

Словно очарованные, оба судна стояли неподвижно, отражаясь в воде; у каждого из них был, таким образом, свой двойник.

Поверхность расстилавшегося вокруг океана напоминала громадное темное зеркало. Недаром Великий океан прозвали Тихим. Его часто случается наблюдать в состоянии полного спокойствия. Теперь этому спокойствию предстояло быть нарушенным. Катер, с его десятью веслами — по пяти с каждой стороны, — готовился к отплытию.

Команда уже расселась по банкам, боцман взялся за руль, лейтенант приказал отчаливать. Наконец матросы взмахнули веслами, и катер быстро помчался к неподвижному барку.

Люди, оставшиеся на фрегате, внимательно наблюдали за товарищами. Время от времени взоры их невольно обращались к чилийскому барку. С передней палубы на него открывался превосходный вид. Он по-прежнему находился приблизительно в одной лиге, то есть в трех милях от фрегата. Невооруженным глазом его нельзя было рассмотреть как следует. Матросы видели

только белые паруса и черный корпус. Офицеры, не отрывавшиеся от биноклей, отчетливо различали висевший на бизань-мачте флаг. Он повернулся к ним теперь оборотной стороной — красной, голубой и белой. Чилийская звезда, украшенная геральдическими знаками, скрылась из виду. Барк как будто не желал давать о себе каких бы то ни было сведений. Но экипаж фрегата не мог примириться с этим. Воображение моряков разыгрывалось. Некоторые из них клялись, что видят на борту судна десятки, даже сотни людей. По всей вероятности, эти люди все-таки пираты. Сигнал бедствий — уловка. Барк чрезвычайно быстроходен. До сих пор он умышленно замедлял ход, чтобы ввести в заблуждение фрегат. Команде катера грозит смертельная опасность.

Наряду с такими, более или менее правдоподобными, предположениями строились и другие, совершенно фантастические. Матросы, толпившиеся на юте, все больше и больше склонялись к убеждению, что барк только призрак. Сердца их взволнованно бились. Им казалось, что катер вот-вот погрузится в море, а Летучий Голландец взвовется кверху и исчезнет в воздушном эфире.

Офицеры были также крайне возбуждены. И капитан, и лейтенанты, и мичманы напряженно смотрели в бинокли на странный корабль. Однако им не удалось отыскать на нем ничего такого, что могло бы послужить ключом к разгадке. Они видели только поникшие паруса и чилийский флаг. Через некоторое время катер почти вплотную приблизился к барку. Но и тогда на борту зловещего судна не появилось ни одного человеческого существа и ни одно лицо не мелькнуло между снастями.

Суеверное чувство матросов мало-помалу стало передаваться и офицерам. Они тоже начали испытывать неопределенный страх.

Глава III

ТАИНСТВЕННОЕ СУДНО

На катере десять рослых матросов и столько же весел. Катер режет воду, словно нож. Сидя на корме рядом с мичманом, молодой лейтенант ежеминутно отдает распоряжения. Оба офицера не отрывают глаз от чилийского барка. Взор их сосредоточенно-серьезен. Такое выражение не бывает у людей, томимых банальным любопытством.

Матросы не обращают внимания на странное настроение офицеров. Оно им непонятно. Они не пытаются его понять. Они уверены, что лейтенант и мичман находятся во власти того же чувства, которое волнует их самих. Им кажется, что одна и та же причина должна породить аналогичные следствия. Сидя спиной к таинственному барку, они то и дело оглядываются назад. Эти беглые взгляды полны любопытства и страха.

Да, несмотря на их природную смелость и на прилив бодрости, который они почувствовали в ту минуту, как капитан напомнил им о великодушии и долге, матросы все еще испытывают страх. С чувством непобедимой тревоги рассаживались они по своим местам. Тревога эта усиливается по мере удаления от фрегата.

Не проходит и получаса, как катер оказывается в кабельтове от загадочного корабля.

— Стой! — командует лейтенант.

Пять пар весел замирают в воздухе. Сперва катер по инерции скользит впе-

ред, потом останавливается. Вода спокойна, как зеркало.

Взоры моряков устремлены на барк. Двенадцать пар глаз тщетно осматривают чилийское судно от носа до кормы. Никто не выходит навстречу гостям. На палубе не видно ни одного живого существа. Из-за поручней не высовываются человеческие головы.

— Гей, барк! — громко кричит лейтенант.

— Гей, барк! — глухо отзывается кто-то.

Но это не ответ. Это просто эхо, повторяющее возглас молодого офицера, эхо, раздающееся из глубины пустого корабля. Когда оно замолкает, воцаряется мертвое молчание. Матросы не произносят ни слова. Страх лишает их дара речи.

— Гей, барк! — еще громче кричит лейтенант.

Результат тот же. Кроме эхо, никакого отклика. Или на таинственном барке нет ни души, или обитатели его не считают нужным вступать в переговоры с гостями. Но нет, не может быть! Вид парусов свидетельствует о присутствии на барке людей. Флаг, красующийся на топе бизань-мачты, молит о помощи. Что же значит эта гробовая тишина?

— Гей, барк! — в третий раз кричит лейтенант, изо всех сил напрягая голос.

И через секунду добавляет:

— Есть ли кто-нибудь на борту?

И оклик, и вопрос начальника катера остаются без ответа. Снова наступает напряженное, странное, жуткое безмолвие. Матросы дрожат. Полно! Уж не обманывают ли их собственные глаза? Существует ли в действительности этот загадочный барк? Может быть, он только плод их фантазии? Может быть, он им только чудится? Слыханное ли дело, чтобы пустой корабль шел под всеми парусами? Кто же поставил их, как не люди? Но если на барке есть люди, почему они прячутся? Почему они не отвечают на троекратный оклик? У лейтенанта достаточно громкий голос. Если бы даже команда барка спала, он разбудил бы ее.

— Дай ход! — командует лейтенант. — Правая, гребь! Левая, табань!

Весла погружаются в воду. Катер снова начинает скользить вперед.

— Стой! — приказывает лейтенант.

Катер останавливается.

Голос молодого офицера слился с хором других голосов. Голоса эти раздаются на барке. По-видимому, обитатели его проснулись или сбросили с себя владевшее ими оцепенение. Слышен шум какой-то возни. У матросов создается впечатление, что на палубе происходит драка. Шуму вторят странные крики. Почти тотчас же над поручнями появляются две головы, похожие на человеческие. Команда катера с ужасом смотрит на ярко-красные, заросшие волосами лица. Вскоре оба человека (если только это люди) выпрямляются во весь рост. Тела их сплошь покрыты рыжеватой-красной шерстью. Они устремляются на ванты, хватаются за тросы, дергают их что есть мочи и сердито выкрикивают какие-то непонятные слова. Голоса их звучат хрипло и резко. Они как будто хотят отогнать пришельцев.

Проходит несколько мгновений. Странные существа продолжают цепляться за ванты. Однако вверх они не лезут. Что-то как будто удерживает их на месте. Вдруг они прыгают на палубу и исчезают. Исчезновение их так же неожиданно, как неожиданно было их появление.

Лейтенант смело мог бы не отдавать своего последнего приказа. Матросы перестали грести раньше, чем он скомандовал «стой!». Вынув из воды весла, они словно окаменели. Дыхание их прерывисто, глаза широко раскрыты, слух напряжен, губы плотно сжаты. Тишина царит на катере. Тишина царит на барке. Тишина завладела целым миром.

Эту тишину нарушает только слабый звук воды, капающей с лопастей весел.

Некоторое время команда катера хранит молчание. Никому даже в голову не приходит разговаривать. Не изумление сковало язык матросов. Они охвачены чувством панического ужаса. Их побледневшие лица изменились до неузнаваемости. В этом нет ничего удивительного. Картина, только что представшая их глазам, наполнила бы страхом самое мужественное сердце. Матросов, пожелавших принять участие в экспедиции на таинственный барк, смешно было бы упрекать в недостатке мужества. Все они brave, опытные моряки. Но ведь то, что они увидели, действительно страшно. Перед ними корабль, экипаж которого состоит из обросших шерстью людей. При виде таких чудовищ самый флегматичный человек задрожал бы с головы до ног и выронил из рук весла. Матросы фрегата не выронили весел. Они только перестали грести. Несколько мгновений сердца их не бьются вовсе. Весла и сердца замирают.

Наконец один из матросов набирается храбрости.

— Что же это, товарищи? — бормочет он. Никто не отвечает ему. Но молчанию положен конец. Раздаются два приказа. Первое отдает лейтенант, второе — мичман. Мичман только повторяет команду своего друга. Между ними нет разногласий.

Суеверный ужас, овладевший матросами, не заражает их. Они тоже испытывают страх. Но это страх совсем иного рода, порожденный совсем иными причинами. До сих пор они еще не поделились друг с другом своими мыслями. До сих пор мысли их были еще чрезвычайно туманны. Теперь они начинают проясняться. Вид обросших шерстью существ наполнил матросов трепетом. Присутствие на корабле этих чудовищ показалось им необъяснимым. Лейтенанту и мичману оно, наоборот, что-то **объясняло**. Судя по выражению их лиц, они начинают понимать мучительную загадку. Ключ от нее в их руках. Они более встревожены, чем испуганы, более растроганы, чем поражены.

— Ходу! — командует лейтенант. — Живо, боцман! Держи на борт!

Молодой офицер нервно жестикулирует. В его торопливости чувствуется нетерпение. Мичман машинально повторяет слова команды. Он невольно подражает движениям товарища. Матросы исполняют полученное приказание, но медленно и неохотно. Они знают, что лейтенант и мичман пользуются репутацией хороших моряков. И все-таки ими овладевают сомнения. Они считают, что молодые люди действуют опрометчиво, может быть, даже безрассудно. Мотивы, заставившие лейтенанта скомандовать «Ходу!», ускользают от них. Тем не менее они повинуются.

Нос катера ударяется о корпус барка.

— Причаливай! — кричит старший из офицеров.

Канат зацепляется крючком о железную цепь. Катер поворачивается и останавливается бок о бок с барком. Лейтенант поспешно вскакивает с места. Не говоря ни слова, мичман тотчас же следует его примеру. Приказав боцману сопровождать их, оба молодых человека взбираются на барк.

Повинуясь команде, матросы остаются на катере. Они по-прежнему держат в руках весла. Смелость начальников изумляет и восхищает их.

Ухватившись за поручни, лейтенант и мичман заглядывают на палубу. Глаза их блуждают по всему барку, от носа до кормы. На нем не видно и не слышно ничего такого, что могло хоть как-нибудь объяснить окружающую его таинственность. Палуба и мостик пусты. Ни матросов, ни офицеров нет и следа. Весь экипаж барка состоит, по-видимому, из двух странных существ, которые несколько минут назад вскочили на ванты. Они еще тут, поблизости. Одно из них стоит у грот-мачты; другое возится у камбуза. Оба сердито ворчат и угрожающе размахивают руками. Лейтенант спрыгивает на палубу и направляется к ним. Юный мичман и боцман не отстают от него ни на шаг.

При виде приближающихся людей косматые чудовища пятятся. Но страха в них не заметно. Все поведение их доказывает, что они готовятся защищать свои владения. Тем не менее, им приходится отступить. Они отступают медленно, неохотно. В конце концов пришельцам все-таки удастся загнать их на ют.

Ни лейтенант, ни мичман не обращают никакого внимания на злобные взгляды странных обитателей барка. Они несколько не боятся их. Чувство, более могущественное, чем страх, заставляет молодых людей безостановочно идти вперед.

Потрясенный и напуганный ужасным видом косматых чудовищ, боцман хранит молчание и не отстает от офицеров.

Все трое направляются к шканцам. Путь их лежит мимо камбуза. Выдвижная дверь его раскрыта настежь. Поровнявшись с нею, лейтенант и мичман останавливаются как вкопанные. Из раскрытой двери до слуха их доносится слабый, невнятный стон. Они заглядывают внутрь. Глазам их открывается ужасное зрелище, при виде которого они замирают на месте. На скамейке, лицом к давно уже, очевидно, не топленному очагу, выпрямившись и прислонясь к деревянной пробке, сидит какой-то человек. Живой это человек или мертвец? В том, что он **человек**, сомневаться нечего. Но теплится ли еще в нем жизнь? Он представляет собой скелет, обтянутый кожей, которая не менее черна, чем угли в очаге.

Этот человек — негр. Он еще жив. Увидев трех моряков, остановившихся в дверях камбуза, он подается вперед и пытается что-то сказать.

Но один только боцман наклоняется к нему и прислушивается к его словам. Лейтенант и мичман спешат дальше, к каюте, виднеющейся там, внизу, они быстро сбегают по винтовой лестнице. Перед ними закрытая дверь. К счастью, она не заперта на замок, а только прикрыта и уступает первому нажатию ручки. Бесцеремонно, не постучав и не спросив разрешения, молодые моряки входят в каюту. Очутившись в ней, они останавливаются и бледнеют. Холодный пот выступает у них на лбу. В сравнении с той картиной, которую они видят сейчас, живой скелет, сидящий в камбузе, уже не кажется им страшным.

Кают-компания, в которой очутились лейтенант и мичман, не особенно велика. Это в порядке вещей. Ведь барк не пассажирское судно. Тем не менее кают-компания его достаточно просторна для того, чтобы в ней мог поместиться стол в шесть футов длины и четыре ширины. Именно такой стол и заполняет ее почти целиком. Ножки его ввинчены в пол. Вокруг стола стоят четыре сту-

ла.

Стол уставлен блюдами, графинами, вазами, тарелками и бокалами. На блюдах и тарелках фрукты, пирожные, конфеты. В графинах разнообразные вина. У бокалов такой вид, словно они когда-то были наполнены вином.

На столе четыре прибора, по одному перед каждым из четырех стульев. Все указывает на то, что в прерванном обеде принимало участие четыре человека. Два стула пусты. Они небрежно отодвинуты. По-видимому, двое из обедавших встали из-за стола и удалились в другие каюты. Пустуют два боковых стула. Веер, лежащий на одном из них, и шарф, висящий на спинке другого, свидетельствуют о том, что их занимали дамы.

Двое мужчин все еще сидят за столом, первый — на хозяйском месте, второй — напротив его. В отличие от живого скелета в камбузе они принадлежат не к черной, а к белой расе. Но выглядят они не лучше, чем он. Кожа плотно обтягивает их челюсти, щеки их ввалились, подбородки выступают вперед, глаза запали в самую глубину орбит.

Они живы. Лихорадочно блестящие глаза их светятся и меняют выражение. Правда, иных признаков жизни эти люди не проявляют. Выпрямившись и словно застыв в неудобных позах, они даже не пытаются пошевелиться. На исхудалых, желтых лицах уже лежит тень голодной смерти. А между тем они сидят за столом, на котором много графинов с великолепным вином, много фруктов, сладких тортов, конфет и прочих деликатесов. Что с ними?

Не вопрос этот, а крик ужаса срывается с уст обоих молодых людей. Они остаются в кают-компании очень недолго. Через минуту, самое большее, лейтенант кидается к винтовой лестнице, взбегает наверх, приближается к левому борту, у которого все еще стоит катер, и кричит:

— Живо назад! Возвращайтесь с врачом. Скорее! Скорее!

Не говоря ни слова, матросы быстро отчаливают. Им самим не терпится вернуться на фрегат. Из всех сил налегая на весла, они не отрывают глаз от проклятого барка. Взоры их блуждают по его черному корпусу, по окошечным мачтам, по пустым палубам. Но они не видят ничего, что могло бы помочь им разгадать поведение офицеров, ничего, что пролило бы хоть слабый свет на ряд загадок, которые сплетаются между собой, как звенья одной и той же цепи. Пожилой матрос, не сумевший за всю свою долгую жизнь освободиться от предрассудков и слепо верящий в существование «сверхъестественного», упрямо качает головой.

— Попомните мое слово, братцы! Никогда в жизни не увидим мы больше ни смелого лейтенанта, ни юного мичмана, ни старого боцмана. Никогда!

Моряки, оставшиеся на борту фрегата, толпились на юте, поглядывая то на таинственное судно, то на быстро мчавшийся к нему катер. В сущности, следить за происходящим могли только обитатели биноклей: день был не очень ясный и воду окутывала голубовато-серая дымка. Легкий туман поднялся сразу после того, как утих ветер. Он стлался над морем прозрачной, еле заметной, точно газовой завесой. И все-таки эта завеса мешала отчетливо различать далекие предметы. Даже в подзорную трубу происходившее вдали было видно смутно. Обитатели биноклей делились с остальными товарищами своими наблюдениями. Они сообщили, что катер приблизился к загадочному барку и остановился под его левым бортом. Относительно дальнейшего у них не было

уверенности. Им показалось, что навстречу катеру вышли несколько человек из экипажа барка. Но поручиться за это они не могли. Голубовато-сизая дымка плотно обволакивала злое судно. Некоторые офицеры высказали предположение, что вокруг него клубится пар. Так или иначе, рассмотреть его сколько-нибудь детально не представлялось возможным.

В то время как моряки тщетно напрягали зрение, стараясь уловить, что делается на барке, самый зоркий из офицеров воскликнул:

— Смотрите! Наши возвращаются.

Убедившись в том, что катер действительно отчалил от барка, матросы и офицеры пришли в недоумение. Ведь нет еще и десяти минут, как их товарищи достигли своей цели! Что случилось? Чем объясняется такая непонятная поспешность?

Не успели они поделиться друг с другом своими догадками, как офицер, раньше всех заметивший, что катер идет обратно, сделал одно любопытное наблюдение. Вместо десяти весел на возвращавшемся катере виднелось только восемь. Команда его состояла не из тринадцати, а из десяти человек. Трое людей исчезли.

Эта новость несколько не беспокоила офицеров. По их мнению, события разворачивались совершенно естественно. Они полагали, что три человека по тем или иным причинам были вынуждены остаться на барке. Третий лейтенант пользовался среди них репутацией не только смелого, но и в высшей степени находчивого моряка. Что же удивительного в том, что, проникнув на судно, выкинувшее сигнал бедствия, он мгновенно выяснил причины, заставившие его подать этот сигнал, и распорядился, чтобы катер немедленно съездил на фрегат за всем тем, в чем, наверное, нуждались попавшие в беду люди. Такого рода предположения высказывались на шканцах.

Совсем иное настроение царило у бака. Матросы были полны тревоги за оставшихся на барке смельчаков. Им казалось, что там происходит что-то ужасное. Правда, выстрелов не было слышно. Но как будто людей убивают только из огнестрельного оружия! Дикари умеют справляться с врагами совершенно бесшумно. Рассказы о команде, одетой в звериные шкуры, невольно всплывали у всех в памяти. Но ведь и матросы, поехавшие на катере, были хорошо вооружены. Они захватили с собой не только кортики, но также и пики, и пистолеты. Если бы экипаж таинственного судна напал на них, они бы начали отстреливаться и уж ни в коем случае не оставили бы на нем своих товарищей. Однако борьбы не было ни слышно, ни видно. Барк безмолвствовал. Безмолвие его казалось матросам непонятнее и страшнее криков. Суеверные предчувствия с новой силой охватили их.

Между тем катер быстро скользил по зеркально тихой поверхности воды. Несмотря на то что число его гребцов уменьшилось, он развил поразительную скорость. В движениях возвращающихся моряков чувствовалось громадное напряжение. Глядя на них, можно было подумать, что они участвуют в гонке.

Расстояние между катером и фрегатом уменьшалось. Вскоре матросы и офицеры оказались в состоянии назвать по имени каждого из гребцов. На катере отсутствовало трое людей: лейтенант, мичман и боцман. За рулем вместо боцмана сидел матрос.

Прошло еще несколько минут. С каждым мгновением лица приближающихся гребцов вырисовывались все отчетливее. Странное выражение застыло

на этих лицах. Команда фрегата даже и не пыталась разгадать его. Она только молча жалась к поручням. Наконец катер подошел к фрегату вплотную и, проскользнув мимо его носа, остановился.

Офицеры кинулись к шкафуту. Матросы толпой поспешили за ними. Но и тех и других ожидало горькое разочарование. Команда катера не узнала о барке ничего нового. Краткое приказание лейтенанта: «Живо назад! Возвращайтесь с врачом!» — казалось не менее загадочным, чем все остальное. Передав это приказание, гребцы сообщили, что на барке действительно находятся обросшие шерстью люди, которых они не только видели собственными глазами, но даже и слышали. Эти люди говорят на каком-то непонятном языке. Двое из них вскочили на ванты и громкими криками пытались отогнать пришельцев.

Бесхитростный рассказ гребцов облетел военное судно с быстротою молнии. Через несколько секунд моряки затвердили его наизусть. Каждый считал своим долгом присовокупить к нему собственные комментарии. На шканцах его нашли в достаточной степени странным. На нижней палубе он способствовал укреплению веры в «сверхъестественное» толкование событий.

С трепетом выслушали моряки жуткое предсказание одного из вернувшихся товарищей. Этот товарищ повторял буквально то же, что он произнес в момент отплытия катера.

— Попомните мои слова, братцы! Никогда в жизни мы не увидим больше ни смелого капитана, ни юного мичмана, ни старого боцмана. Никогда!

Не успел суеверный глупец замолкнуть, как громкий крик, раздавшийся на юте, заставил всех вздрогнуть и устремить глаза вдаль.

На некоторое время и матросы, занятые обсуждением вестей, привезенных с барка, и офицеры, озабоченные посылкой помощи неведомым страдальцам, и врач, укладывавший инструменты и не знавший, какие именно лекарства понадобятся ему, — все прекратили наблюдение за странным судном.

Раздавшийся на юте крик напомнил морякам о его существовании. Они бросились к поручням и устремили взоры на барк.

Впрочем, нет. Не на барк, а на то место, где он только что стоял.

Ко всеобщему изумлению, барк исчез.

Глава IV

ЧЕРНЫЙ ШКВАЛ

Ужас, вызванный исчезновением загадочного судна, продолжался всего несколько секунд. Как и следовало ожидать, исчезновение это объяснялось чрезвычайно просто. Причиной его явился туман. Легкая голубовато-серая дымка, окутывающая море, уступила место плотной и темной пелене, внезапно поднявшейся над океаном и совершенно закрывшей барк. Матросы отлично понимали, что та же участь грозит и фрегату. Хотя в исчезновении «корабля-призрака» не было ничего таинственного, их продолжал томить какой-то неопределенный страх. Разумеется, они боялись не тумана. Такое обычное явление не могло устрашить людей, вечно борющихся со стихией и нередко пробивающих себе путь среди ледяных гор, невидимых во мраке вечной ночи.

Страх их объяснялся совсем иным: они сомневались в естественности происшедшего. Туман сам по себе мало беспокоил их. Но почему туман поднялся именно теперь, в ту минуту, когда они оживленно разговаривали о таинственном судне, вызвавшем столько противоречивых толков; в ту минуту, как одни из них уверяли, что на барке прячутся пираты, другие задавались вопросом о реальности его существования, а третьи во всеуслышание называли его призраком? Разве естественное явление, явление природы, не может быть следствием сверхъестественных, непостижимых причин?

Пробегая глазами эту страницу, читатель, наверное, улыбается. И конечно, будет прав. Такие рассуждения донельзя смешны и нелепы. Не следует забывать, однако, что английские моряки середины девятнадцатого века были людьми довольно невежественными и что суеверие, которым они страдали, до сих пор еще весьма распространено и в так называемом культурном обществе. Вековые предрассудки чрезвычайно крепко сидят в людях.

Кроме неопределенного страха матросы испытывали также и вполне понятную тревогу. Туман, становившийся с каждой минутой плотнее, быстро приближался к ним. Темная пелена, окутавшая барк, должна была в самом ближайшем будущем развернуться и над фрегатом. И матросы и офицеры отдавали себе ясный отчет, что на их судно надвигается не обычный, а особенный туман, предвещающий внезапную, страшную бурю, известную под названием **черного тихоокеанского шквала**.

Такие шквалы считаются очень опасными. Но не о себе думали моряки. Фрегат их был достаточно крепок, чтобы выдержать какую угодно бурю. Они беспокоились за отсутствующих товарищей, которым угрожала опасность несравненно большая. Ведь во мраке суда легко могли потерять друг друга. Что ждет трех смельчаков, оставшихся на барке? Чилийское судно выкинуло сигнал бедствия. В чем, собственно, состоит бедствие? В недостатке съестных припасов? В недостатке воды? И в том и в другом случае положение несчастных может только ухудшиться. Они вряд ли испытывают нужду в рабочих руках. Ведь паруса и снасти их в полной исправности. Уж не болезнь ли заставила барк подать зловещий сигнал? Уж не страдает ли его команда холерой или, чего доброго, желтой лихорадкой? Это предположение казалось вероятнее остальных. Недаром же лейтенант приказал как можно скорее привезти врача!

Впрочем, морякам некогда было заниматься разговорами. Вплотную приблизившись к фрегату, темное облако охватило его в свои мрачные, душные объятия. Туман облепил борты, затянул паруса и стал торопливо расползаться по палубам, оседая на них крупными, тяжелыми каплями. Доктору пришлось отказаться от того подвига человеколюбия, к которому он готовился. О второй поездке катера на барк не могло быть и речи. Отыскать в тумане маленькое судно не легче, чем найти иголку в стоге сена. В подобных случаях самые быстроходные корабли и самые отважные матросы чувствовали себя совершенно беспомощными.

Через несколько минут команда фрегата перестала думать не только о чилийском барке, но даже и об оставшихся на нем товарищах. С глаз долой — из сердца вон! Под давлением жестокой необходимости эта жестокая поговорка стала на короткое время правдой. Экипаж всецело погрузился в исполнение своих обязанностей. Почти в тот самый миг, как мачты исчезли за темной мантией тумана, на фрегат налетел первый порыв ветра.

То и дело раздавался громкий голос капитана, отдававшего в рупор приказания относительно уборки парусов. Приказания эти исполнялись с быстротой и точностью, свойственной матросам военных кораблей. Вскоре фрегат заколыхался на бушующих волнах под одними только штормовыми парусами.

Вид штормовых парусов всегда наводит моряков на грустные размышления. Их ставят только в момент исключительно напряженной борьбы с водой и ветром, в те моменты, когда разгневанная стихия вызывает человека на смертный бой.

Положение окутанного туманом фрегата было довольно опасно. Море, еще недавно такое спокойное, как будто обезумело. Волны неистово взвивались кверху, напоминая могучих белогривых коней, мчащихся во весь опор. Громадный военный корабль, обычно чувствовавший себя господином океана, сделался его рабом. В эти минуты он казался легче перышка. Океан точно играл с ним, то перебрасывая его с вала на вал, то низвергая в пучину. Команда помогала ему в борьбе, чем могла. Мысли о других судах — даже о судах, подающих сигнал бедствия, — покинули ее. Ведь не исключена была возможность, что и фрегату придется выкинуть перевернутый флаг. На борту его находились смелые, ловкие, опытные моряки, великолепно знавшие свое дело и не раз уже отражавшие беспощадный натиск стихии. Но поручиться за благополучный исход борьбы не мог никто. Шквал становился все сильнее. Не слушаясь руля, фрегат, как щепка, носился по волнам.

Существовало только два пути к спасению. Капитану пришлось выбирать между ними. Нужно было или лечь в дрейф и «отстаиваться», или пытаться спастись бегством. Но уходить от шторма — значило уходить от барка. Тайственное судно (его так и не было видно) вряд ли могло сдвинуться с места. Казалось наиболее вероятным, что лейтенант, принявший, очевидно, командование над ним, распорядился немедленно убрать паруса.

Тщательно взвесив все за и против, капитан решил остаться там, где его настиг шквал. Судно круто повернуло к ветру.

Сердца моряков были полны тревоги. Они беспокоились не за себя, а за товарищей. И боцман, и мичман, и лейтенант пользовались всеобщей любовью. Какова их судьба? Все думали только об этом, но никто не высказывал своих

мыслей вслух. Каждый понимал, что загадочному чилийскому барку, идущему под перевернутым флагом, грозит огромная опасность.

Время от времени неистовый вой моря заглушался какими-то иными, еще более мощными звуками. Это были пушечные выстрелы, раздававшиеся каждую минуту на борту фрегата. Военный корабль не взывал о помощи. Он только старался поддержать бодрость в тех, кто, быть может, находился на краю гибели.

Наступил вечер. Мрак сделался еще гуще, еще непроницаемее. Но положение фрегата изменилось мало. Дружная атака ветра и тумана, заключивших между собою союз, продолжалась всю ночь. И всю ночь продолжали ежеминутно звучать громкие выстрелы. Ответа на них не ждал никто. Все были почти уверены, что на борту зловещего барка нет пушек.

Незадолго до рассвета ветер немного улегся, и тучи рассеялись. Туман медленно стал редеть. Отдельные куски его пронесли куда-то в сторону. Вместе с пробуждавшимся днем пробудились и надежды. Матросы и офицеры поголовно высыпали на палубу. Прижавшись к борту судна, они с волнением начали всматриваться вдаль.

Туман рассеялся. Воздух прозрачен. От темной завесы не осталось и следа. Серая дымка исчезла. Небо голубое и ярче лент, украшающих гоночные лодки. На успокоившихся, мягко закругленных, нежно рокочущих волнах больше не видно белых пенистых гребней. Моряки дружно напрягают зрение. Глаза их пробегают по каждому сектору безграничного водного простора. Офицеры обводят биноклями горизонт. Их взорам представляется круг, в котором сливаются две синевы. Кроме моря и неба, не видно ничего. Широко распахнув крылья, парит в голубом небе альбатрос. Быстро пролетает на север бело-розовый фаэтон. Но ни барка, трехмачтового или иного, ни шлюпок, ни мачт, ни парусов нет и в помине. Один только фрегат слегка покачивается на спокойных волнах Тихого океана. Он производит впечатление затерявшейся в бесконечности точки. Моряки печальны. Чувство тягостного недоумения овладевает ими. Что же дальше? Где барк? Какова участь товарищей?

Только один решается высказаться громко. Это тот самый матрос, который уже дважды предвещал беду. Теперь он в третий раз повторяет свое предсказание. Голос его звучит необычайно уверенно.

— Никогда в жизни не увидим мы больше ни смелого лейтенанта, ни юного мичмана, ни старого боцмана. Никогда!

Глава V

ДВА АНГЛИЙСКИХ МОРЯКА

То, о чем сейчас будет речь, произошло в Сан-Франциско, столице Калифорнии, осенью 1849 г., за несколько месяцев до только что описанных событий.

Странный это был город! Резко отличаясь от Сан-Франциско наших дней, он в то же время не имел ничего общего с Сан-Франциско 1848 года, или, говоря иначе, с безвестным селением Иерба Буене, получившем в этом году новое название, заново обстроившемся и, в сущности, заново родившемся.

В 1848 году Иерба Буене состояло из крохотных кирпичных домиков и служило портом миссионерской станции Долорес. Две трети небольших шхун, ежегодно заходивших в этот порт, увозили сало и кожи, бывшие главной статьей дохода местных жителей.

Проснувшись однажды утром, обитатели кирпичных домиков с изумлением увидели целую флотилию кораблей, теснившихся в Золотых Воротах и бросавших якоря на том месте, где должна была бы находиться пристань. Корабли эти приплыли со всех концов Тихого и других океанов, из всех пяти частей света. На бесчисленных мачтах развевались самые разнообразные флаги. Жители Иерба Буене с любопытством рассматривали вельботы, ходившие с гарпунами на китов Арктики или охотившиеся за кашалотами Тихого и Индийского океанов, на коммерческие шхуны из Австралии, Китая и Японии, на бриги, последним местом стоянки которых был какой-нибудь островок в Южном море, на каботажные суда Мексики, Чили и Перу, на военные корабли различных конструкций и национальностей, на китайские и малайские джонки. Паруса заполонили весь залив Сан-Франциско.

Что же привлекло к пустынному берегу такую большую и блестящую флотилию? Почему в маленький порт при миссионерской станции продолжали прибывать все новые и новые суда?

Дело объяснялось очень просто. Причиной нежданного оживления залива Сан-Франциско было **золото**, то самое золото, которое с издавних пор побуждает людей к деятельности, то самое золото, из-за которого совершено столько подвигов и преступлений.

Года за полтора до этого знаменательного дня швейцарский эмигрант Зуттер прочищал свою водяную мельницу на одном из притоков Сакраменто. Внимание его привлекло несколько желтых крупинок, блестевших в речном иле. Достав их из грязи и положив на ладонь, он почувствовал, что они довольно тяжелы. Яркий блеск их заставил его призадуматься. Тщательно промыв найденные крупинки, он окончательно убедился в том, что ему повезло найти золото.

Дальнейшие исследования речного ила дали чрезвычайно благоприятные результаты. В реке оказались не только золотые крупинки, но и самородки. Для местных жителей это не было новостью. Им нередко случалось делать такие находки. Но они не придавали этому особенного значения. С той минуты, как калифорнийское золото впервые попало на глаза представителю саксонской расы, все изменилось. Его начали добывать и вывозить за границу.

Прошло около двух лет с того дня, как Зуттер сделал свою первую промыв-

ку. За этот промежуток времени золотые крупинки, поднятые им из речного ила, успели совершить путешествие через океан и занять почетное место в витринах ювелиров и ларцах богачей. Вид их оказался до такой степени соблазнительным, что люди потоком хлынули на пустынные берега Сакраменто и наполнили залив Сан-Франциско кораблями со всего земного шара. В гавань Иерба Буене потянулись чужестранные суда. Улицы спокойного поселка наводнились странными людьми. Это были авантюристы различных общественных групп и национальностей, говорившие на таком количестве языков, какого не слышал мир со времен неудачной постройки Вавилонской башни. Мексиканские глиняные хижины исчезли, уступив место парусиновым палаткам и деревянным домам, словно по волшебству выросшим из земли. Уклад жизни изменился не меньше, чем характер построек. В глиняных хижинах царило ничем не возмутимое спокойствие. Обитатели их мирно коротали время в приятных разговорах, подслащенных анисовкой, кюрасо, Канарскими винами, пирожными и вареньем. В новых деревянных домах господствовал шумный разгул, толкалось много народу, пахло табаком и спиртом. Громкие звуки кларнетов, флейт и тромбонов почти совершенно вытеснили меланхолический звон гитар.

Вид улиц изменился до неузнаваемости. Прежде, бывало, в полуденные часы весь поселок погружался в сон; в определенное время одной и той же дорогой проходили монахи в сандалиях на босу ногу и католические патеры в широкополых шляпах, бросавшие пылкие взгляды на черноглазых сеньорит в черных шелковых мантильях и бесцеремонно заигрывавшие со смуглыми красавицами, закутанными в голубовато-серые ребозо; прежде, бывало, по этим улицам гордо расхаживали гарнизонные солдаты в форме французского образца и офицеры в расшитых золотом мундирах, чинно прогуливались обыватели в сюртуках из темного сукна, разъезжали верхом на прекрасных мустангах владельцы окрестных гасиенд, озабоченно сновали мелкие фермеры в национальных костюмах. Разумеется, и священники, и военные, и обыватели, и гасиендадо, и ранчero продолжали ходить по улицам Иерба Буене и после 1849 года. Но вид у них стал совсем иной, гораздо менее горделивый и самонадеянный. Робко пробирались они сквозь плотные ряды пришельцев. Их пугали грубые люди в красных фланелевых рубашках, кожаных куртках и коротких штанах, с пистолетами за поясом и длинными кинжалами, болтающимися на бедрах. Они одинаково недоверчиво косились и на изящные модные фраки приезжих щеголей, и на толстые бушлаты моряков. Им внушали ужас оборванцы, которые прикрывали свою наготу лохмотьями, прожженными солнцем юга и пропитанными соленым морским воздухом. По всей вероятности, с самого начала существования мира не было портового города, куда бы не стремилось столько кораблей и где толпилось бы столько разнообразных людей, как в Иерба Буене 1849 года, только что переименованного в Сан-Франциско.

Во всяком случае (это уже не подлежит сомнению), ни в одной гавани нельзя было найти такого огромного количества судов с таким малочисленным экипажем. На доброй половине их матросов не было вовсе. Команды остальных состояли из нескольких человек. Большинство обходилось капитаном, старшим лейтенантом, плотником и коком. Что касается матросов, то почти все они съезжали на берег тотчас же после прибытия корабля в порт и не об-

наруживали ни малейшего желания вернуться к своим обязанностям. Они или искали золото, или собирались искать его. Казалось, моряками овладело повальное безумие. На судах воцарилась непривычная тишина.

До странности резок был контраст между этими опустевшими судами и полным жизни городом. С раннего утра по улицам сновали толпы веселых, энергичных, шумных, задорных, горящих нетерпением людей. Корабли дремали в гавани, томясь бездействием, тишиною, скукою. Можно было подумать, что они никогда уже не выйдут в море. И действительно, некоторые из них остались в заливе Сан-Франциско навсегда.

Нет, однако, правил без исключения. Не на всех судах, бросивших якорь в заливе Сан-Франциско, отсутствовал экипаж. Некоторые могли похвастать полным комплектом людей. Это были почти исключительно военные корабли. Строгая матросская дисциплина исключала возможность побегов. Правда, для поддержания этой дисциплины приходилось принимать экстраординарные меры. Военные суда останавливались далеко от берега, и лодкам не разрешалось подходить к ним. Матрос, который вздумал бы кинуться в воду и попытаться добраться до Сан-Франциско вплавь, получил бы выстрел в спину. Такая угроза помогала морякам успешно бороться с соблазном калифорнийского золота.

Среди судов, на которых в полной мере сохранилась железная матросская дисциплина, находился английский фрегат, обращавший на себя внимание необыкновенной стройностью корпуса и редкой красотой оснастки. Паруса его плотно обвивались вокруг мачт, такелаж был в образцовом порядке, на палубах, ежедневно подчищаемых пемзой, нельзя было найти ни одного пятнышка. Впрочем, чему же тут удивляться! Ведь это был не простой «корабль», а фрегат «Паладин», которым командовал капитан Бресбридж, моряк старой школы, влюбленный в океан и гордившийся своим судном.

Экипаж «Паладина» добросовестно исполнял свои обязанности. Все матросы, значившиеся в корабельных списках, действительно находились на борту и в любой момент могли откликнуться на свисток боцмана. Даже если бы им предоставили полную свободу, они, пожалуй, не злоупотребили бы ею. Само золото не было в состоянии заставить их покинуть родной корабль. Капитан употребил все усилия, чтобы облегчить работу своих подчиненных и сделать их жизнь как можно более приятной. Они получали превосходную пищу и достаточное количество грога.

Лейтенантам и мичманам тоже грех было бы роптать на судьбу. Капитан не мешал им развлекаться живыми картинами, шарадами и любительскими спектаклями. Ввиду предстоящего отплытия он разрешил устроить на фрегате вечеринку, на которую офицеры пригласили группу обитателей Сан-Франциско, все время осыпавших их любезностями. Вечеринка прошла на редкость оживленно. Во время танцев моряки завязали ряд интересных знакомств. Мысль о том, что этим знакомствам суждено оборваться в самом недалеком будущем, была им крайне неприятна. Двое из них приходили от нее прямо в отчаяние. По всей вероятности, читатели угадывают, в чем дело. Да, совершенно верно! На вечеринке, во время танцев, два английских моряка влюбились в двух прелестных обительниц Сан-Франциско.

Три дня спустя оба эти моряка стояли на верхней палубе и вполголоса разговаривали между собой. Они нарочно удалились от остальных товарищей,

чтобы поделиться своими секретами. Голоса их звучали взволнованно. Оба они были еще очень молоды. Старшему, Кроуджеру, только что исполнилось двадцать два года. Младшему, Кедуолладеру, было лишь восемнадцать лет. Кроуджер успел уже привыкнуть к званию лейтенанта. Кедуолладер еще радовался недавнему производству в мичманы. Этот юноша представлял собою идеальный тип молодого моряка. Таких мичманов любил изображать Марриэт. Светлые кудри Вилли Кедуолладера нежно обрамляли румяное лицо, свежесть которого могла поспорить с только что сорванным персиком. Валлиец по происхождению, он, как и многие другие потомки кимвров, обращал на себя внимание чудесными бирюзовыми глазами и своеобразным оттенком волос, в которых золотистые пряди смешивались с серебристо-пепельными.

Совершенно иная наружность была у Эдуарда Кроуджера, уроженца графства Шропшайр. Темно-каштановые волосы, бронзово-смуглое лицо и небольшие темные усы, красиво оттенявшие верхнюю губу, придавали ему не по летам мужественный вид. Орлиный нос и твердо очерченный подбородок свидетельствовали о решимости и силе воли. Заглянув в глаза Кроуджера, всякий бы понял, что этот человек не боится ничего на свете. Роста он был среднего. В движениях его чувствовалась большая сила. Широкие плечи, хорошо развитая грудная клетка и необыкновенная пропорциональность рук и ног делали замечательно красивой его худощавую фигуру.

Кроуджер был и годами, и чином старше Кедуолладера. Это не помешало им стать близкими приятелями. Между тем общего между ними было чрезвычайно мало. Они резко отличались друг от друга не только внешним обликом, но и складом характера. Кроуджер производил впечатление человека серьезного, положительного и мало склонного к веселью. С губ Кедуолладера почти не сходила улыбка. Ямочки на его круглых щеках беспрерывно смеялись. Товарищи могли шутить с ним сколько угодно; он относился к шуткам добродушно и отплачивал за них той же монетой. Кроуджер не понимал и не любил шуток; его избегали поддразнивать, потому что малейшая ссора с ним грозила дуэлью.

Несмотря на разницу характеров, Кроуджер и Кедуолладер подружились чрезвычайно быстро. Возможно, что этому способствовало именно несходство их натур. В свободное от службы время они или вместе прогуливались по кораблю, или вместе съезжали на берег. Их редко видели порознь.

И вот оба они влюбились. Оба в один и тот же день. Оба первый раз в жизни. Повезло им необыкновенно. Во-первых, они полюбили не одну и ту же девушку, а во-вторых, оказалось, что избранницы их живут под одной и той же кровлей и принадлежат к одной и той же семье. Эти девушки не были ни родными, ни двоюродными сестрами, хотя их и соединяли узы крови. Старшая приходилась теткой младшей. Слова «тетка» и «племянница» невольно навязывают представление о значительной разнице в возрасте. Но между этой теткой и этой племянницей разница лет была совсем незначительна. Лейтенант родился четыремя годами раньше мичмана. Кармен прожила на свете годом больше Инье-сы. Судьба пожелала, чтобы каждый из молодых офицеров влюбился именно в ту девушку, которая подходила ему по возрасту. Кроуджеру понравилась тетка. Кедуолладеру — племянница.

Выбор юных моряков пал на чистокровных испанок. Одна из них была дочерью, а другая внучкой дона Грегорио Монтихо.

С палубы фрегата открывался превосходный вид на дом, в котором они жили. Этот внушительный дом, построенный в стиле мексиканских гасиенд, стоял на вершине зеленого холма, расположенного несколько южнее Сан-Франциско, на довольно большом расстоянии от берега. Оживленно беседуя между собой, молодые люди, не отрываясь, смотрели на него. Один из них держал в руках бинокль. Этим счастливецем был Кедуолладер.

— Мне кажется, я вижу их, Нед, — сказал он, поднося бинокль к глазам. — Честное слово, вижу! Над балюстрадой верхней террасы двигаются две прелестные головки. Это, конечно, наши сеньориты. Интересно знать, видят они нас или нет?

— Они могут нас видеть только в том случае, если у них есть бинокль.

— По-моему, он у них есть. В руках одной из них что-то блестящее. Ручаюсь, что в бинокль смотрит моя Иньеса.

— А я готов биться об заклад, что бинокль в руках моей Кармен. Дай-ка посмотреть! Хотя ты и гордишься своими голубыми глазами, зрение у меня лучше твоего. Когда на горизонте показывается парус, я всегда вижу его первым.

— Ты зорек на паруса, а я на хорошенькие лица. Да, да, Нед! К тому же ты ровно ничего не смыслишь в красоте. Иначе тебе никогда в голову не пришло бы предпочесть старую тетку молоденькой племяннице.

— Вот вздор! Моя Кармен такая же молоденькая, как твоя Иньеса. Одна прядь ее блестящих янтарных волос стоит всей густой косы ее чернокудрой племянницы. Полюбуйся-ка!

Достав из бокового кармана прядь женских волос, Кроуджер торжествующе взглянул на своего друга. В ярких лучах солнца волосы его избранницы действительно напоминали янтарь.

— И ты полюбуйся! — воскликнул Кедуолладер, в свою очередь вытаскивая из кармана несколько перевязанных ленточкой локонов. — Не воображай, пожалуйста, что тебе одному делают такие подарки. На, смотри! Разве это не чистый шелк? По сравнению с волосами моей Иньесы волосы твоей Кармен — самый обыкновенный хлопок.

Несколько мгновений оба молодых человека молчали. Лейтенант нежно поглаживал золотистую прядь. Мичман не менее нежно сжимал в руках черную. Потом оба расхохотались и спрятали свои сокровища во внутренние карманы.

Взяв у товарища бинокль, Кроуджер стал пристально смотреть на видневшийся в отдалении дом.

— В одном отношении ты безусловно прав, Билль, — сказал он после короткой паузы. — Это, конечно, те самые головки, с которых три дня назад были срезаны подаренные нам локоны. Кармен и Иньеса смотрят на нас в бинокли. Должно быть, им хочется, чтобы мы скорее приехали. Клянусь честью, за нами задержки не будет! Едем, Билль! Через полчаса ты согласишься с тем, что черный уголь не выдерживает сравнения с янтарем. Это не требующая доказательств истина становится особенно очевидной под ярким светом калифорнийского солнца.

— Ни солнце, ни луна не убедят меня в очевидности этой истины. Ни на какие сокровища мира не променяю я косы цвета воронова крыла!

— А я светлые кудри с золотым отливом!

— Что ж, у каждого свой вкус! Эту поговорку часто употребляет моя Иньеса.

Она выучила меня говорить ее на андалузском наречии. Если бы ты знал, как чудесно звучат по-испански эти несколько слов! Однако мы заболтались. К делу, Нед! Как ты думаешь, отпустит нас старик или нет?

— Разумеется, отпустит.

— Почему ты так уверен в этом?

— О, невинный младенец! Он отпустит нас потому, что я его просил об этом. Да, ему гораздо труднее отказать мне, чем тебе. Ты сын бедного валлийского эсквайра, а я имею счастье быть единственным наследником двадцати тысяч годового дохода. К тому же мой дядюшка считается важной шишкой в главном адмиралтействе. Я просил капитана отпустить нас обоих. Просьба моя будет исполнена. Не беспокойся! Старик умеет держать нос по ветру и соблюдать свои выгоды. Вот, кстати, и он. Легок на помине! Сейчас мы получим от него утвердительный ответ.

— Джентльмены, — сказал капитан, подходя к молодым людям, — я разрешаю вам прогуляться на берег. Гичка причалит там, где вы найдете это нужным. Отошлите ее обратно и попросите боцмана приехать за вами. Только, пожалуйста, не забывайте о благоразумии. Воздерживайтесь от спиртных напитков. Старайтесь не впутываться в чужие дела. Как вам известно, Сан-Франциско полон сейчас всякого сброда. Будьте осторожны, не заводите знакомств с подозрительными авантюристами и в особенности берегитесь женщин.

Закончив свою маленькую напутственную речь, капитан круто повернулся и ушел. Он находил нужным, чтобы подчиненные на свободе обдумали его советы. Но им было не до того. Они, как школьники, радовались желанному отпуску. Гичку уже спустили на воду; матросы рассаживались по местам. Лейтенант и мичман опрометью бросились в каюты и занялись приведением в порядок своих туалетов. Им хотелось предстать перед красавицами в полном блеске. Критические взгляды молоденьких испанских сеньорит пугали их гораздо больше, чем залпы неприятельской батареи. Тщательно одевшись, они спустились в гичку. Кроуджер приказал отчаливать.

Несколько мгновений спустя легкая гичка уже скользила по гладкой поверхности залива. Она держала курс не к пристани, а к южному берегу, на котором были расположены городские предместья, в ту сторону, где неподалеку от маяка виднелся роскошный дом дона Грегорио Монтихо.

Глава VI

ДВЕ ИСПАНСКИЕ СЕНЬОРИТЫ

Дон Грегорио Монтихо, чистокровный испанец, поселился в конце тридцатых годов прошлого столетия в Мексике и оттуда переехал в верхнюю Калифорнию; обосновавшись на берегу залива Сан-Франциско, он сделался скотоводом. В ту пору большинство калифорнийцев занимались разведением скота.

О том, что дела дона Грегорио шли блестяще, свидетельствовали размеры его владений. Они простирались на несколько миль вдоль берега и на такое же расстояние в глубь страны. Табун в тысячу голов лошадей и стадо из десяти тысяч голов рогатого скота паслись на роскошных пастбищах.

Гасиенда дона Грегорио стояла на вершине холма, возвышавшегося над заливом и как бы замыкавшего невысокую гряду, которая тянулась перпендикулярно берегу и, постепенно понижаясь, сливалась с длинной песчаной косой. Между берегом и усадьбой проходила большая дорога.

Дом богатого гасиендадо, массивное четырехугольное здание, построенное в том ложномавританском стиле, который завезли с собой в Новую Испанию конкистадоры, состоял лишь из одного этажа. Плоская крыша его представляла собою террасу, обнесенную изящной балюстрадой. Во внутренний двор можно было попасть через ворота, проделанные в главном фасаде. Ворота эти отличались такими размерами, что в них могла бы свободно въехать даже карета сэра Чарльза Грандиссона.

Вокруг калифорнийских гасиенд почти никогда не бывает садов. Большей частью они окружены со всех сторон простым плетнем и рядом коралей для скота, обыкновенно устраиваемых позади дома. В этом смысле гасиенда дона Грегорио Монтихо была приятным исключением из общего правила. Его дом защищала от нескромных глаз каменная ограда. Главные ворота выходили на большую дорогу. От ворот к дому вела широкая, совершенно прямая аллея, посыпанная толчеными, ослепительно белыми морскими раковинами. По обеим сторонам этой аллеи возвышались чрезвычайно декоративные, вечнозеленые растения. Несколько клумб с местными цветами и десятка три персиковых деревьев указывали на то, что хозяин делал кое-какие попытки устроить вокруг своего жилища настоящий сад.

Ознакомившись с внешним видом и внутренним устройством гасиенды дона Грегорио, а также с размерами его владений, вы, наверное, решили бы, что этот человек нажил в Америке большое состояние. И вы не ошиблись бы. Дон Грегорио действительно сделался богачом. Надо, впрочем, сказать, что из Старого Света в Новый он приехал не с пустыми руками. У него было с собой довольно много денег, благодаря которым ему удалось сразу купить большой участок земли и изрядное количество скота. Дон Грегорио не принадлежал к числу нищих авантюристов. Это был спесивый и надменный бискайский гидальго, гордившийся тем, что предки его сражались когда-то бок о бок с Сидом.

Вместе с крупной суммой денег он привез с собой в Калифорнию жену (тоже уроженку Бискайи) и крошку-дочь. Жена его скоро умерла. В надгробной надписи на одном из памятников, затерявшемся между могил старого кладби-

ща миссии Долорес, увековечены ее добродетели.

Несколько лет спустя маленькая семья дона Грегорио неожиданно увеличилась. В нее вошла его внучка, бывшая всего на один год моложе осиротевшей Кармен. Девочки выросли вместе и одновременно превратились в цветущих и красивых девушек. Нужно ли говорить о том, что именно эти две юные сеньориты, одна из которых приходилось другой теткой, завоевали сердца двух юных моряков — Эдуарда Кроуджера и Вилли Кедуолладера.

Прежде чем приступить к описанию встречи влюбленных, необходимо сказать хоть несколько слов о наружности прелестных сеньорит. Несмотря на близкое родство и незначительную разницу в возрасте, у них было весьма мало общего. Человек, только что познакомившийся с ними, с трудом поверил бы, что они связаны узами крови.

В жилах тетки, доньи Кармен, текла чистейшая кровь басков. И отец ее и мать были родом из одной провинции. От них она унаследовала золотистые волосы, которыми так пылко восхищался молодой английский лейтенант, и голубовато-серые глаза, свойственные кельтам. Нежное лицо очаровательной испанки всегда светилось радостью и весельем. Лукавая улыбка ее казалась неотразимо кокетливой. Бискайскому происхождению она была обязана прекрасной, гибкой и в то же время пышной фигурой, полной женственности и грации. Кармен очень походила на свою покойную мать, но была еще красивее ее. Громадную роль тут сыграл благодатный климат Калифорнии. Ласковое дыхание Южного моря способствует развитию женской красоты не меньше, чем нежные ветры Тосканы и Леванта.

Не буду описывать во всех подробностях наружность Кармен Монтихо. На это пришлось бы употребить по меньшей мере целую главу. Достаточно сказать, что все считали эту девушку красавицей, что многие обитатели Сан-Франциско согласились бы пожертвовать для нее жизнью, что некоторые жаждали подвигов, которые вызвали бы улыбку на ее лице, и что ни один молодой калифорниец не остановился бы ради нее даже перед убийством.

В том же Сан-Франциско жил человек, который пошел бы на преступление ради ее племянницы, доньи Иньесы Альварец. Между тем донья Иньеса не могла похвастать ни цветом лица, похожим на лепесток чайной розы, ни голубыми глазами, ни янтарно-золотистыми косами. Щеки у нее были смуглые, черные глаза напоминали агат, волосы отливали синевой воронова крыла. Она принадлежала к типу красавиц, воспетых многими поэтами, в том числе и Байроном, написавшим «Девушку из Кадикса».

Донья Иньеса была настоящей «девушкой из Кадикса». Отец ее родился и вырос в этом городе. Однажды, квартируя вместе со своим полком в Бискайе, он увидел красавицу, с первого же взгляда навеки покорившую его сердце. Она оказалась старшей и единственной дочерью дона Грегорио Монтихо, родившейся лет за восемнадцать до появления на свет Кармен. Молодой офицер принялся ухаживать за богатой бискайяной, добился ее взаимности и уехал с ней в родную Андалузию. Вскоре и он, и жена его умерли, оставив маленькой дочери громадное состояние. От отца, дальние предки которого были маврами, Иньеса унаследовала агатово-черные глаза, ресницы, достигавшие чуть ли не полдюйма длины, и дугообразные брови, похожие на серп молодого месяца. Значительно более худощавая и тонкая, чем Кармен, она была почти одного роста с нею. Фигура ее отличалась чисто девическим изяществом. Преж-

девременная смерть родителей принудила молодую девушку переселиться в Калифорнию. Дед принял ее с распростертыми объятиями. Но, несмотря на всю его заботливость, несмотря на то что ее окружали бесчисленные поклонники, она страстно мечтала о возвращении в любимую Андалузию.

Как уже говорилось, плоская крыша гасиенды дона Грегорио представляла собою террасу. Такие террасы в испано-мексиканских странах называют обыкновенно азотеями. Вокруг азотеи тянулся невысокий парапет, уставленный горшками и ящиками со всевозможными растениями. К этому своеобразному воздушному саду вела каменная лестница, эскалера, начинавшаяся во внутреннем дворе, или патио.

Азотея была излюбленным местопребыванием обитателей дома. Она располагала к отдыху, раздумью, мечтам. С высоты ее открывался превосходный вид и на окрестности, и на морскую ширь.

Три дня спустя после вечеринки на «Паладине», сразу же после завтрака (а завтракают во всех испано-мексиканских странах не раньше одиннадцати), на азотею гасиенды дома Грегорио поднялись две сеньориты.

Костюмы их свидетельствовали о том, что они собираются пробыть здесь очень недолго. На обеих были изящные амазонки, шляпы из вигоневой шерсти и высокие сапоги со шпорами. Обе держали в руках хлысты. Внизу, на дворе, стояли четыре взнузданные и оседланные лошади, нетерпеливо закусывавшие удила и бившие копытами о землю. Седла на всех четырех лошадях были *мужские*. Это обстоятельство как будто давало основание думать, что на прогулку собираются одни мужчины или что дамские лошади еще не поданы. Всякий чужестранец, наверное, так бы и подумал. Однако человек, хорошо знакомый с нравами и обычаями Калифорнии, только рассмеялся бы над подобным предположением. Увидев сеньорит в высоких сапогах со шпорами, стоявших на азотее, и оседланных лошадей, поджидающих кого-то на дворе, он сразу понял бы, что молодые девушки поскачут верхом по-мужски, точно так же, как это делала знаменитая герцогиня де Берри, приводившая в ужас парижских ротозеев. Все четыре седла были мужские, но два из них отличались несколько более крупными размерами и сравнительно меньшим изяществом. Они-то и предназначались для мужчин. Предполагаемая кавалькада должна была состоять, как и полагается, из двух дам и двух кавалеров. Кавалеры еще отсутствовали. Но догадаться о том, кого именно поджидали сеньориты, можно было по происходившему между ними разговору.

Облокотившись о перила, молодые девушки задумчиво смотрели то на чрезвычайно разросшийся за последнее время город, то на залив, кишевший самыми разнообразными судами. Гавань находилась на северо-востоке, влево от гасиенды. Однако несколько кораблей стояли на якоре прямо против холма. Среди них особенно выделялось большое военное судно. На это судно сеньориты посматривали как-то подозрительно часто. Казалось, они ждали, что вот-вот от него отчалит шлюпка.

Между тем время шло. Никакой шлюпки не было видно.

Менее терпеливая Иньеса отвернулась от фрегата и коснулась рукой плеча своей тетки.

— Правда ли, что мы скоро вернемся в Испанию?

— Да, правда. Я думаю об этом с большой грустью.

— Почему?

— По многим причинам.

— Например?

— Их, по крайней мере, двадцать.

— Достаточно одной, если она основательная.

— К сожалению, все причины моего огорчения основательны.

— Будь же откровенна со мной.

— Во-первых, мне нравится Калифорния. Я привыкла к ее чудному климату и ярко-голубому небу.

— Испанское небо не менее ярко.

— О, нет, гораздо менее. Цвет неба в Старом Свете настолько же бледнее здешнего, насколько незабудки бледнее васильков. В этом отношении ни Испания, ни Италия не выдерживают сравнения с Калифорнией. И моря там тоже совсем другие. Даже хваленый Неаполитанский залив кажется жалкой лужей рядом с этим безграничным водным простором. Неужели ты не согласна со мной?

— Если бы я смотрела на мир твоими глазами, я, пожалуй, согласилась бы с тобой. К счастью или к несчастью, у меня есть собственные глаза. И, по правде говоря, я не нахожу в этом заливе ничего особенного.

— Если не а нем, то на нем. Разве не хорош, например, этот военный корабль?! Признайся, дорогая, что ты от него просто в восхищении!

— Этот корабль не является неотъемлемой принадлежностью залива, — возразила молодая девушка.

— Он стал его неотъемлемой принадлежностью. К тому же на нем (я говорю не о заливе, а о корабле) находится некий молодой человек, сильно интересующий некую молодую андалузку, не безызвестную тебе Иньесу Альварец!

— Ты могла бы сказать то же самое об одной молодой бискайянке, безызвестной тебе Кармен Монтихо!

— Допустим! Что ж, я не намерена скрывать от тебя своих чувств. Да, это правда! На английском фрегате есть человек, который меня очень интересует. Он мне бесконечно нравится. Я полюбила его. Вот видишь, Иньеса, мне несколько не стыдно открыто признаться в том, что большинство женщин считают почему-то своим долгом скрывать. Бискайянки гораздо откровеннее андалузов. Впрочем, дорогая, ты старалась понапрасну. Я давно разгадала твою тайну. Тебя с первого же взгляда пленил юный английский мичман с кудрями цвета лисьего хвоста.

— Какой вздор! Его кудри несколько не похожи на лисий хвост. Они в тысячу раз красивее волос того лейтенанта, о котором ты мечтаешь и днем, и ночью.

— Ах, что за глупости! Посмотри-ка! Вот прядь блестящих темных кудрей, напоминающих старинную бронзу. Более красивых волос я не видала еще ни у одного мужчины. Они восхитительны. Мне хочется без конца целовать их.

Кармен прижала волосы Кроуджера к своим губам.

— Лучше посмотри на мое сокровище! — воскликнула Иньеса, вынимая из корсажа прядь чьих-то светлых волос. — Эти кудри блестят в лучах солнца, как золотая парча. Они гораздо красивее и в тысячу раз более достойны поцелуев.

Племянница поднесла к губам кудри Кедуолладера и принялась целовать их.

— Так вот какие подарки ты принимаешь от молодых людей! — с деланной строгостью произнесла Кармен.

— Я беру пример с тебя! — отпарировала Иньеса.

— Может быть, ты даже сочла нужным сделать ответный подарок?

— А ты?

— Я — да. У меня нет от тебя секретов, голубка. Об одном прошу тебя: будь в свою очередь откровенна со мной. Дала ли ты юному мичману прядь своих волос?

— Да, Кармен.

— А с волосами и сердце, не правда ли? Что же ты молчишь?

— Обратись с этим вопросом к своему собственному сердцу, тетушка. Оно тебе ответит за меня.

— В таком случае все ясно. Мы с тобой в одинаковом положении. Будем же блюсти наши тайны. А теперь поговорим о чем-нибудь другом. Вернемся к началу нашей беседы. Скоро нам придется проститься с Калифорнией. Ты радуешься этому?

— От всей души. Я удивляюсь, что ты не разделяешь моих чувств. Нет страны лучше Испании и города красивее Кадикса.

— У каждого свой вкус. В данном случае наши вкусы диаметрально противоположны. Калифорния мне дороже родины. Я люблю Сан-Франциско. Через несколько лет он сделается большим, красивым городом. Я бы хотела остаться здесь навсегда. К сожалению, мое желание неисполнимо. Мне придется распрощаться с этими местами. Отец твердо решил вернуться в Испанию. И дом, и земля уже проданы и не принадлежат нам. Новые владельцы ждут — не дождутся нашего отъезда. Скоро мы отправимся в Панаму, переедем через перешеек, пересечем Атлантический океан и начнем заново привыкать к старомодной, чопорной и нелепой европейской жизни. О, как я буду тосковать по вольной и дикой природе, по здоровой простоте нравов, по здешним людям, таким своеобразным и сильным! Я уверена, что умру там от скуки. Твой Кадикс убьет меня.

— Но ведь ты же не можешь быть счастлива здесь, Кармен! За последнее время Сан-Франциско изменился до неузнаваемости. Мы почти никуда не выходим. На улицах стало далеко не безопасно. Город битком набит какими-то ужасными людьми в красных рубашках. Ох, не выношу я этих золотоискателей, этих противных англосаксов!

— Как? Ты ненавидишь англосаксов? А чьи же кудри спрятаны у тебя на груди, так близко к сердцу?

— О, это совсем другое дело! Он не сакс, а кельт, человек той же расы, что и вы, баски. К тому же у него нет ничего общего с грубыми, хищными авантюристами. Сеньор Кедуолладер — настоящий рыцарь.

— Охотно верю этому. Но, мне кажется, ты несправедлива к людям в красных рубашках. Не следует обращать слишком много внимания на внешность. Под самыми безобразными домоткаными блузками бьются иногда самые благородные, самые честные сердца. Среди золотоискателей, о которых ты отзываешься с таким презрением, немало людей, вполне заслуживающих названия джентльменов. Вопрос об их происхождении меня несколько не интересует. Они не причинили мне никакого зла, ни разу не нанесли мне оскорбления. Я часто и охотно провожу время в их обществе. Папа так же несправед-

лив к ним, как и ты. Именно их появление заставило его решиться покинуть Калифорнию. Многие испанцы последуют нашему примеру. Между тем мы могли бы преспокойно остаться здесь и даже не сталкиваться с этими «варварами», как принято называть золотоискателей. Что касается меня, я горячо люблю Калифорнию. Предстоящая разлука с ней страшит меня. Подумать только, что я никогда больше не увижу смуглых ваккеры, несущихся галопом по прерии на превосходных мустангах и набрасывающих лассо на рога диких быков! Ах, какое это чудесное зрелище! В наш прозаический век такими зрелищами случается любоваться крайне редко. Знаешь, Иньеса, я часто думаю о том, что простые калифорнийские ваккеры достойны звания героев не менее, чем великий Конде или Сид Кампеодор. Да, только в Новом Свете, только в Америке, здесь, на берегах прекрасного Южного моря, сохранились нравы и обычаи, напоминающие времена рыцарей и трубадуров.

— Сколько в тебе огня, Кармен! Кстати, о странствующих рыцарях. Если глаза не изменяют, мне, два таких рыцаря направляются к нашему дому. Вообрази, что ты стоишь на башне старинного мавританского замка, и окажи этим «трубадурам» соответствующий прием. Ха-ха-ха!

Молодая андалузка звонко расхохоталась. Кармен, по-видимому, не разделяла веселости своей подруги. Лицо ее затуманилось. Она мрачно смотрела на видневшихся в отдалении всадников.

— Вот типичные калифорнийские рыцари! — иронически заметила Иньеса.

— Типичные калифорнийские негодяи! — грустно сказала Кармен.

Глава VII

ДВА КАЛИФОРНИЙСКИХ КАБАЛЬЕРО

Типичные калифорнийские рыцари, они же негодяи, только что оставили за собой предместье Сан-Франциско и выехали на дорогу, тянущуюся вдоль берега.

На обоих были национальные калифорнийские костюмы, необыкновенно роскошные и живописные.

Эти костюмы состояли из широких штанов, отделанных по швам двумя рядами филигранных пуговиц, соединенных изящной золотой шнуровкой, из высоких сапог со шпорами, колеса которых достигали нескольких дюймов в диаметре и блестели у каблуков, точно большие, яркие звезды, и из обтянутых бархатных курток, украшенных великолепной вышивкой. Вокруг станом обоих «рыцарей» обвивались шарфы из китайского шелка, небрежно завязанные на боку и заканчивающиеся тонкой золотой бахромой. Головными уборами им служили широкополые *сомбреро*, обшитые блестящим галуном. Кроме того, на плечах обоих всадников красовались *манги*, изящные дорогие плащи, выдерживающие сравнение даже с античными тогами. На одном из них манга была пурпурная, на другом — лазурно-голубая.

Лошади производили не менее эффектное впечатление, чем всадники. Седла из тисненой кожи, поблескивающие серебряными пуговками, вышитые чепраки, уздечки из плетеного конского волоса, оканчивающиеся сверкающими кистями, мундштуки восточного образца — все это невольно обращало на себя внимание.

Сами кони были на редкость хороши. Не особенно крупные, но чистокровные, они отличались редким совершенством форм. Всякий знаток, наверное, залюбовался бы ими. Они происходили от арабских лошадей, привезенных в Новый Свет конкистадорами. Вполне возможно, что на их далеких предках ездили Альварадо, Сандоваль или даже сам Фернандо Кортес.

Смуглые, характерные лица обоих всадников свидетельствовали о том, что они принадлежат к латинской расе. В одном сразу можно было узнать испанца. В другом испанский тип выражался менее определенно.

Кабальеро в лазурно-голубом плаще был обязан смуглым цветом лица не маврам, а калифорнийским туземцам. Очевидно, в жизни одного из его отдаленных предков сыграла некоторую роль какая-нибудь красивая индеанка. Среднего роста, широкоплечий и худощавый, он как будто составлял одно целое со своим конем. Большая часть его жизни протекала в седле. От этого его ноги несколько искривились. Красотой он не мог похвастать. Плоское и круглое лицо его, с приплюснутым носом, раздувающимися ноздрями и толстыми губами, как будто изобличало в нем негра. Но угольно-черные волосы его не вились, а торчали совершенно прямо, как иголки. По всей вероятности, в нем текла не негритянская, а малайская кровь. В этом не было ничего удивительного, так как некоторые племена калифорнийских индейцев произошли именно от малайцев.

Кабальеро в голубом плаще родился и вырос в Калифорнии, на берегу залива Сан-Франциско. Он был сыном одного из самых зажиточных скотоводов страны. Ему недавно исполнилось двадцать семь лет. Звали его Фаустино Кальдерон. Он получил в наследство от отца много земли и несколько тысяч голов скота.

Кабальеро в пурпурном плаще казался несколько старше своего спутника и не походил на него ни наружностью, ни характером. Он был и гораздо красивее, и гораздо умнее. Испанская кровь ясно чувствовалась в нем. Черты его овального лица производили скорее приятное впечатление. Оливково-смуглые щеки, почти квадратный подбородок, крупный, но безукоризненно правильный нос, тонкие прямые брови, густая шапка черных волнистых волос, темные глаза, длинные усы и эспаньолка — таковы были отличительные приметы дона Франциско де Лара. Он превосходил товарища как ростом, так и силой.

Мы уже говорили, что Кальдерон был калифорнийцем по рождению и скотоводом по профессии. Отец его, умерший за несколько лет до описываемых событий, оставил ему ряд прекрасных пастбищ, табун лошадей и громадное количество рогатого скота. Будучи единственным наследником, молодой человек сразу сделался богачом. Но богатство не пошло ему впрок. Он стал швырять деньги налево и направо. Три пагубные страсти — женщины, карты и вино — толкали его на путь не только денежного, но и морального банкротства. В Сан-Франциско он пользовался репутацией развратника, труса и глупца. Беспутная жизнь сильно способствовала его огрублению.

Так же непригляден, хотя и менее груб, был внутренний облик дона Франциско де Лара или просто Франка Лары, — как называли его завсегдатаи кафе и ресторанов. Несмотря на свою типично испанскую внешность, он одинаково свободно говорил по-испански и по-английски, хорошо знал французский, а кроме того, мог объясняться на португальском и итальянском языках. Дело в

том, что в жилах его тоже текла смешанная кровь. Креол по происхождению, он все детство провел в Новом Орлеане. Этим и объяснялось его знание языков.

Франк Лара был один из тех праздношатающих бродяг, которые появляются неизвестно как, неизвестно откуда и неизвестно зачем, везде чувствуют себя как дома, всегда живут припеваючи, а средства к роскошному существованию добывают таинственными и темными путями.

Ларе было уже за тридцать. Последние десять лет своей жизни он провел на берегу залива Сан-Франциско. Его завезло туда какое-то американское китобойное судно. Высадившись на берег, он сбросил с себя матросское платье и решил обосноваться в Калифорнии. Неторопливая, вольная и не особенно стесненная законами жизнь этой страны сразу же пришлась ему по душе. Она вполне соответствовала и его характеру, и его склонности к азартным играм. Он сделался непременным посетителем всех игорных притонов, где ему удавалось с легкостью «зарабатывать» количество денег, вполне достаточное для независимой и веселой жизни.

Сходство вкусов и привычек сблизило Лару с Кальдероном. Между ними установились тесные приятельские отношения. За последние годы связь эта особенно окрепла благодаря тому, что у них появились общие интересы. В самом начале золотой горячки и обусловленного ею нашествия англосаксов они открыли так называемый **банк**. Это не был обыкновенный банк, в котором хранятся денежные вклады и производятся всякие денежные операции, а казино, представлявшее собой нечто среднее между рестораном и притоном. Главное украшение его составляли столы, крытые зеленым сукном. Вокруг столов стояло несколько рядов скамеек и стульев. Говоря иными словами, Кальдерон и Лара открыли **игорный дом**.

Вскоре после обнаружения в Калифорнии золотых россыпей на улицах Сан-Франциско появились целые толпы полуобезумевших людей, жаждавших легкой наживы. Считая ниже своего достоинства промывать песок, копать в речном иле или же дробить скалы, некоторые из них предпочитали подбирать драгоценный металл на зеленом сукне.

Идя навстречу такого рода вкусам, дон Франциско де Лара открыл казино для игры в монте. Это выгодное предприятие финансировал, конечно, Кальдерон. Но «работать» в притоне он избегал. Ему не хотелось, чтобы местное общество считало его профессиональным игроком, и он, по возможности, прятался за спиной Лары, разыгрывавшего роль полного хозяина казино.

Вот что представляли собой два роскошно одетых всадника на чистокровных арабских лошадях, ехавшие из Сан-Франциско к гасиенде дона Грегорио. В то время как они проезжали через городские предместья, навстречу им попадалось довольно много людей, знавших их и раскланивавшихся с ними. Прохожие восхищались их красивыми и живописными костюмами. Особенно сильное впечатление производили они на золотоискателей, сравнительно недавно появившихся в Калифорнии и не знакомых еще с ее национальной одеждой.

Чем больше удалялись всадники от города, тем меньше они встречали знакомых. Красные рубашки остались позади. Дорога опустела. Изредка только проезжали по ней местные жители, направлявшиеся по делам в город. Ранчери, знавшие в лицо обоих всадников, сразу же угадывали, куда они стремятся.

Им было с первого же взгляда ясно, что Кальдерону не терпится попасть в га-сиенду дона Грегорио Монтихо. В намерениях де Лары они разбирались хуже, но предполагали, что и он едет туда же.

Читателю, не посвященному в калифорнийские обычаи и имеющему некоторое представление о моральном облике Лары и Кальдерона, покажется, должно быть, странным, что такие подозрительные люди были приняты в доме одного из виднейших местных «аристократов» и богачей. Однако человек, детально ознакомившийся с прошлым этой страны, не нашел бы в этом ничего удивительного. В середине девятнадцатого века в Калифорнии почти все были игроками. Среди этих игроков, как профессионалов, так и любителей, иногда попадались и женщины. Мужчины, никогда не притрагивавшиеся к картам, встречались крайне редко. К владельцам игорных домов относились с меньшим почтением, чем к банкирам, но не считали их профессию унижительной. Хозяйки калифорнийских гостиниц охотно принимали у себя игроков.

Дон Фаустино Кальдерон не был профессиональным игроком и не мог пожаловаться на недостаток уважения. На кутежи его смотрели сквозь пальцы. И в самом деле, кто из молодых калифорнийцев не грешил этим! Доброе имя отца прикрывало до поры до времени неблагоприятные поступки сына. Дон Фаустино имел доступ в избранное общество года и в самые лучшие клубы.

Имел туда доступ и дон Франциско де Лара. Хотя он и не был богачом, однако производил впечатление очень состоятельного человека. Это импонировало так называемому свету. Красивый авантюрист многих заставил поверить в свое богатство. Он был всегда превосходно одет. На его тонких полотняных рубашках неизменно сверкали крупные бриллиантовые запонки. Расточительный по природе, он щедро одаривал нищих и священников. Руководили им при этом соображения далеко не возвышенные. Щедрость его целиком основывалась на расчете. Он спекулировал на благотворительности, и деньги его не пропадали даром. Ведь в Калифорнии, как и во всех католических странах, жертвователи «динария святого Петра» пользуются особым почетом. Мало-помалу Франк Лара превратился в дона Франциско де Лара. Монахи в сандалиях на босу ногу и патеры в широкополых шляпах отвешивали ему при встрече низкие поклоны. К тому же он был красив, элегантен и, что еще важнее, умел держаться с большим достоинством. От мужественного лица его веяло сдержанным холодком. В глазах сверкал опасный огонек. Уроженец Нового Орлеана, города, где дуэли происходят ежедневно, он превосходно владел шпагой. В Калифорнии ему случалось драться на поединке два раза; одного из своих противников он убил.

Французы и англичане, не стесняясь, называют таких людей мошенниками. В Новом Свете они известны под более лестной кличкой «игроков». Американцы дают этому слову самое широкое толкование.

Благодаря дружбе с Кальдероном (который ему всячески покровительствовал) Франк Лара стал частым гостем в лучших калифорнийских домах. Через три дня после вечеринки на фрегате оба приятеля решили посетить дона Грегорио Монтихо. О том, что этот визит имел для них исключительно важное значение, легко было догадаться, услышав завязавшийся между ними разговор.

— Карты на стол! — сказал Лара. — Из нескольких отрывочных слов, произ-

несенных тобой перед отъездом, я понял, что ты собираешься говорить с доном Грегорио о том же, о чем хочу говорить я. Что же ты молчишь? Поделись со мной своими планами.

— Сперва изложи мне свои.

— С удовольствием. У меня нет ни малейшего основания скрывать. Между нами не должно быть тайн. Мы долго и близко знаем друг друга. Нет секрета, которого я не доверил бы тебе. Итак, слушай. Я хочу сделать предложение дочери дона Грегорио.

— А я, — ответил Кальдерон, — собираюсь просить руки его внучки.

— В таком случае заключим союз. Ссориться нам не из-за чего. Будем же действовать сообща. Я согласен стать твоим дядей и охотно уступлю тебе законную долю «испанского наследства».

— Деньги старого дона мне не нужны. Мне нужна только его внучка. Я безумно влюблен в нее.

— А я, — воскликнул Лара, — безумно влюблен в его дочь. Может быть, любовь моя даже сильнее твоей.

— Нет, этого быть не может. Я без ума от Иньесы Альварец. Если бы она отказалась стать моей женой, я, пожалуй, убил бы ее.

— Если Кармен Монтихо откажет мне, я убью ее, не задумываясь.

Голоса обоих всадников звучали взволнованно и мрачно. По блеску их глаз, напряженному выражению лица и нервным движениям было видно, что они говорят действительно то, что думают. Признавшись в своих затаенных мыслях, приятели одновременно повернули головы и посмотрели друг на друга.

— Скажи, Фаустино, — продолжал де Лара, — ты рассчитываешь на успех?

— О, да! — ответил Кальдерон. — Помнишь фанданго у дона Грегорио в день клеймения скота?

— Конечно, помню. Этот день навсегда останется в моей памяти. Но ты, кажется, хотел рассказать что-то?

— Да, Франк. В тот вечер я дважды танцевал с доньей Иньесой и наговорил ей целую кучу комплиментов. Но дело не ограничилось словами. Я пошел дальше и пожал ее хорошенькую ручку. Она не рассердилась и даже сделала вид, что ничего не заметила. После этого, мне кажется, я смело могу рассчитывать на ее согласие. Каково твое мнение?

— Я думаю, что она согласится. Но вопрос ведь не только в ней, айв доне Грегорио. У него, пожалуй, найдутся возражения.

— Разумеется, найдутся. Вот это-то и пугает меня. До тех пор пока владения старика оценивались в тридцать тысяч долларов, он был чрезвычайно любезен со мной. Теперь все изменилось. В связи с обнаружением золота стоимость его земельных участков возросла, по крайней мере, в десять раз. Он стал совсем другим человеком. Я очень боюсь разговора с ним.

— Твой страх мне понятен, — сказал Лара. — Да, мой Друг, так уж устроен мир. На месте дона Грегорио всякий вел бы себя так же. Ты не должен сердиться на него. Но уверен ли ты в том, что никто не стоит у тебя поперек дороги? Нет ли на горизонте каких-нибудь соперников?

— Соперников, увы, сколько угодно. Впрочем, ты сам отлично знаешь это и находишься точно в таком же положении. С тех пор как прелестные сеньориты превратились во взрослых девушек, вокруг них все время увивается толпа

поклонников. Я слышал, что последние дни за Иньесой ухаживает юный моряк с английского фрегата. Он бывает у дона Грегорио вместе со своим другом. Этот друг влюблен в Кармен. Знаешь ли ты, какие слухи ходят по городу? По моему, я должен сообщить их тебе.

— Говори! — угрюмо воскликнул креол.

— Меня со всех сторон уверяли, что твой соперник пользуется исключительным вниманием Кармен.

Слова Кальдерона произвели на Лару впечатление удара хлыста. Смуглое лицо его покрылось густым румянцем, в темных глазах вспыхнул огонек ревности.

— Если это так, — сказал он грозно, — я приведу в исполнение мою угрозу.

— Какую?

— Я убью Кармен Монтихо. Не вздумай отговаривать меня, Кальдерон. Я говорю совершенно серьезно. Если то, что ты сообщил мне, правда, дни ее сочтены. Я волен над ее жизнью с той минуты, как она дала мне повод думать, что я пользуюсь взаимностью.

— Неужели она уже признавалась тебе в любви?

— Она не признавалась мне в любви. Но разве только словами высказывают люди свои чувства? Есть движения и взгляды более красноречивые, чем слова. Я допускаю, что Кармен Монтихо водила меня за нос. Некоторые называют ее кокеткой. Так или иначе, она вела себя так, что я поверил в ее любовь. Будем надеяться, что моя вера меня не обманет. Если же окажется, что красавица играла со мной краплеными картами, я заставлю ее дорого поплатиться за это. Сегодня решающий день. Мое предложение принудит ее быть правдивой. Если она откажет мне, я живо сведу с ней счеты. Кармен узнает, что Франк Лара не принадлежит к числу мужчин, спускающих девушкам шуточки такого рода!

— Твоя решимость приводит меня в восторг. Я сам заражаюсь ею. Если выясняется, что Иньеса только кокетничала со мной, я тоже... Впрочем, не стоит пока говорить об этом. Прежде всего мы должны послушать, что скажут нам в ответ на наши предложения. Через какие-нибудь полчаса все выяснится. Возможно, что одному из нас ответят согласием, а другому откажут. Возможно также, что оба наши предложения будут приняты. О, как бы я хотел этого! Но надо приготовиться к худшему. Вдруг мы оба получим отказ? Что тогда? Отчаяние, смерть, не так ли?

— Смерть, но не отчаяние. Никто, клянусь, не упрекнет Франка Лару в малодушии. Однако мы попусту тратим время. Вперед! Навстречу судьбе!

Пришпорив коней, приятели галопом поскакали к дому на холме. Лица их то озарялись надеждой, то затуманивались. У них был вид людей, решившихся на отчаянную попытку и далеко не уверенных в ее результатах. Несмотря на свое безграничное легкомыслие, Кальдерон не находил в себе сил бороться с унынием. В глазах Лары горело какое-то демоническое пламя.

Глава VIII

НЕИЗБЕЖНАЯ ВСТРЕЧА

Произнеся свои почти одинаковые по звуку и совершенно различные по смыслу фразы, обе сеньориты, стоявшие на азотее, погрузились в молчание и принялись наблюдать за приближавшимися к холму всадниками. Эти всадники находились еще в доброй миле от гасиенды. Видны были только две лошади, два человеческих силуэта и два плаща — пурпурный и голубой. Однако, несмотря на далекое расстояние, молодые испанки не только узнали обоих кабальеро, но даже назвали их по имени. В нежных девических голосах отчетливо прозвучали нотки нескрываемого презрения.

— Да, — сказала Кармен, поднимая бинокль к глазам, все еще невольно устремлявшимся на британское военное судно. — Франциско де Лара и Фаустино Кальдерон — типичные калифорнийские негодяи!

Облачко, налетевшее на ее красивое лицо, когда она впервые увидела на дороге двух роскошно одетых всадников, превратилось в тучу. В движениях ее появилась какая-то принужденность.

— Они направляются к нам, не правда ли? — спросила она подругу.

— Разумеется. Признаться, мне и в голову не пришло сомневаться в этом.

— Нечистая сила несет их сюда, вот что!

— Какая там нечистая сила, тетушка! Они преспокойно едут на лошадях.

— Мне не до шуток, Иньеса. Все это слишком серьезно.

— Что именно?

— Ах, ты великолепно знаешь что. Вид этих всадников смущает меня. Я совершенно не понимаю, зачем они сюда едут.

— Тут нечего и понимать! — все так же шутливо воскликнула Иньеса. — Цель одного из них мне совершенно ясна. Дон Франциско де Лара хочет хоть одним глазком посмотреть на прелестную хозяйку дома.

— А дон Фаустино Кальдерон жаждет полюбоваться ее племянницей, — улыбаясь, сказала Кармен.

— Пусть любитесь на здоровье. Его некрасивые глаза не производят на меня никакого впечатления.

— К сожалению, не могу сказать того же о глазах дона Франциско. Взгляд его производит на меня сильное, хоть и неприятное, впечатление.

— Разве это и прежде было так, тетушка?

— Нет, прежде это было не так. Вот потому-то я и встревожена.

— Встревожена?

— Ну, да. Если бы прежде ничего не было, я не боялась бы теперь этого человека.

— Неужели же ты в самом деле боишься его?

— Конечно нет... а впрочем... пожалуй, да.

Кармен говорила, запинаясь и останавливаясь на каждом слове. Густой румянец залил ее щеки. Казалось, она не решалась сделать какое-то признание. Вдруг выражение ее лица резко изменилось.

— Могу ли я доверить тебе важную тайну? — спросила она, вплотную придвигаясь к Иньесе.

— Что за вопрос? — воскликнула молодая андалузка. — Он звучит доволь-

но странно после того, как ты раскрыла мне свою любовь к Эдуарду.

— О, если бы у меня была только одна тайна! Ну, слушай. Прежде... некоторое время назад... я любила дона Франциско.

— Правда?

— Нет, нет! — торопливо продолжала Кармен, как бы раскаиваясь в только что произнесенных словах. — Я не любила его. Но... чувство, которое я испытывала, сильно походило на любовь.

— А что ты испытываешь к нему теперь?

— Ненависть.

— Вот как! Что же послужило причиной такой перемены?

— На этот вопрос очень легко ответить. Выслушай меня внимательно, и ты поймешь все. Когда дон Франциско де Лара впервые повстречался на моем пути, я была еще почти совсем ребенком. Мною владели нелепые фантазии. Я страдала детской болезнью, обычно именуемой романтизмом. От романтизма я не избавилась и теперь. Но в доне Франциско я уже не вижу ничего романтического. Прежде он казался мне поразительно красивым. Впрочем, он действительно красив. Его наружности может позавидовать любой мужчина. Внешним обликом он напоминает Аполлона. Но внутренний облик его... Ах, Иньеса, это настоящий Мефистофель. Раскусив его, я прониклась к нему глубокой ненавистью. Да, я ненавижу этого человека!

— Пусть так. Все, что ты говоришь, мне вполне понятно. Но почему ты боишься его?

Кармен молчала. Очевидно, она сделала своей подруге только полупризнание. Что-то еще невысказанное лежало тяжелым камнем на ее сердце.

Почувствовав, что молоденькая тетка, заменявшая ей сестру, глубоко страдает, Иньеса стала умолять ее быть откровенной с нею.

— Кармен, дорогая Кармен, доверься мне во всем. Я должна знать твою тайну. Что случилось? Неужели ты дала слово дону Франциско?

— Не. Я не давала ему ни слов, ни обещаний. Он не имеет на меня никаких прав. Единственная моя ошибка заключалась в том, что я позволила ему нашептывать мне разные глупости.

— Чепуха! Это не играет роли. Дон Фаустино без устали осыпает меня комплиментами и каждый раз, когда мы остаемся одни, становится невыносимо нежен. Это нисколько не мешает мне смеяться над ним.

— По дону Фаустино нельзя судить о доне Франциско. Они совершенно разные люди. Твой поклонник ничего не имеет против того, чтобы над ним подсмеивались. С этим же — шутить опасно. Впрочем, что говорить об этом? У нас нет времени на разговоры. Сейчас меня интересует только одно — действительно ли они направляются сюда?

— В этом не может быть никаких сомнений. По всей вероятности, по городу уже ходят слухи о нашем отъезде. Вот они и решили осчастливить нас прощальным визитом.

— Ах, если бы это был только прощальный визит! Во всяком случае, они выбрали для него крайне неудачное время.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что Кальдерон и Лара могут встретиться с молодыми англичанами. Приближается час, назначенный для нашей верховой прогулки. Папа приглашал лейтенанта и мичмана ровно к двенадцати. Сейчас половина двенадцати.

того. В каком положении очутимся мы, если калифорнийцы застанут здесь наших друзей-моряков? Скажу тебе прямо, Иньеса, появление Кальдерона и Лара мне крайне неприятно.

— Меня оно ни капельки не трогает.

— Если бы папа был дома, я чувствовала бы себя гораздо спокойнее. У меня нет ни малейшего желания оставаться наедине с Ларой. Я очень не хочу, чтобы он помешал моему свиданию с лейтенантом. Между ними легко может произойти ссора. Это мне нисколько не улыбается. Остается только надеяться, что наши друзья-моряки явятся сюда после того, как наши сухопутные друзья, или, вернее, враги, откланяются и уедут.

— Наши друзья-моряки будут здесь очень скоро. Они уже двинулись в путь. Смотри-ка!

Иньеса вытянула руку в сторону залива, где на спокойных голубых волнах неподвижно стоял фрегат под британским флагом. Около него виднелась гичка. Судя по взмахам блестящих на солнце весел, она находилась в движении. Несколько мгновений молодые девушки не спускали с нее глаз. Вскоре она отделилась от фрегата и быстро понеслась вперед, прямо на песчаную косу, против которой возвышалась гасиенда дона Грегорио. Все гребцы гички были одеты совершенно одинаково; правильность и размеренность их взмахов доказывали, что они служат на военном корабле. Впрочем, юные испанки уделили им мало внимания. Взоры их не отрывались от двух моряков, сидевших на корме. Они узнали бы их на любом расстоянии.

Итак, желанные гости находились уже в пути. Это были те самые гости, которых поджидали стоявшие в патио лошади. Дон Грегорио Монтихо, чрезвычайно польщенный необыкновенной предупредительностью молодых английских офицеров по отношению к его дочери и внучке, пригласил их к себе с тем, чтобы они, покатавшись с дамами верхом, остались у него к обеду. Зная, что верховая прогулка доставит обоим джентльменам большое удовольствие, он приказал перед своим отъездом оседлать лошадей.

Кроуджер и Кедуолладер уже неоднократно бывали в гостях у дона Грегорио и часто удостоивались чести получать от него приглашение к обеду. Теперь им предстояло насладиться этим счастьем в последний раз. Это был их прощальный визит. Однако молодые люди не особенно огорчились этим. Сердца их были полны самых радужных надежд. Они твердо рассчитывали, что знакомство, завязавшееся в Калифорнии, возобновится в Кадиксе, куда собирался зайти «Паладин». Если бы не перспектива скорого свидания, Кармен Монтихо и Иньеса Альварец тоже тяжелее переживали бы близкий отъезд из Сан-Франциско.

Вид скользящей по заливу гички привел юных сеньорит в тревожное и радостное расположение духа. Но когда взоры их падали на дорогу, обоим становилось как-то не по себе. Они боялись, что неизбежная встреча английских моряков с калифорнийскими кабльеро омрачит этот счастливый день.

— Ах, что нам делать! Они наверняка встретятся! — со страхом сказала Кармен.

— Пускай встречаются! — небрежно отозвалась Иньеса. — Невелика беда!

— Что ты! Что ты! Ведь они могут поссориться. Я почти уверена, что они поссорятся!

— А я в этом вовсе не уверена. Впрочем, пусть ссорятся! Нам-то какое дело?

Право, я не понимаю тебя, Кармен. Такие девушки, как ты, насквозь пропитанные романтизмом и мечтающие о средневековых рыцарях, должны радоваться столкновению между соперниками. Приободришься! Влюбленные рыцари спешат к нам со всех сторон, одни по суше, другие по морю. Дамы эпохи трубадуров позавидовали бы нашему успеху. Разве ты не чувствуешь себя польщенной? Выше голову, тетушка! Вообрази себя владелицей средневекового замка, вышедшей взглянуть с высоты башен на подъезжающих рыцарей. Докажи им и самой себе, что ты действительно достойна поклонения.

— Ты не понимаешь, какая опасность угрожает нам.

— Пустяки! Если даже наши рыцари поссорятся и будут драться на дуэли, я пальцем не пошевелю, чтобы остановить их. На то они и мужчины! За своего рыцаря я не боюсь нисколько. Если Вилли Кедуолладер не справится с Фаустино Кальдероном, он мне не пара.

— Ты удивляешь меня, племянница. До сих пор я не подозревала, что в тебе таится демоническое начало. По всей вероятности, это голос мавританской крови. Твои слова вдохнули в меня мужество. Я тоже не беспокоюсь за исход возможной дуэли. Я верю в моего рыцаря не меньше, чем ты в своего. Сеньор Кроуджер не спасует перед доном Франциско. А если это случится... Что ж! Я вторично возьму назад мое сердце и буду стремиться в Кадикс.

Между тем гичка с военного корабля быстро приближалась, явно обнаруживая намерение войти в маленькую бухточку, образованную берегом и песчаной косой, о которой уже шла речь. Всадники, ехавшие по главной дороге, не видели ее. Моряки, в свою очередь, не видели всадников. Цепь невысоких холмов скрывала их друг от друга.

Кальдерон и Лара подвигались вперед довольно медленно. Чужестранцу это показалось бы странным, так как лошади скакали галопом. Дело в том, что калифорнийские щеголи приучают своих коней к особенному аллюру, не очень быстрому, но зато в высшей степени эффектному и дающему наездникам возможность выказать свое искусство.

Подняв кверху головы, оба всадника увидели над балюстрадой знакомой азотеи две женские головки. Им показалось, что две пары прекрасных глаз смотрят на них. Тотчас же прищпорив коней, они начали горделиво гарцевать на одном месте.

Вскоре и «рыцари с моря», и «рыцари с суши» оказались вне поля зрения юных сеньорит. Нависшая над морем скала одновременно закрыла от них и часть дороги, и часть берега.

Невидимая сверху гичка причалила к песчаной косе. Оба офицера выскочили на землю. Один из них обернулся и сказал несколько слов боцману, оставшемуся на своем месте и не выпускавшему из рук руля. В этих нескольких словах заключались инструкции относительно того, где и когда должна была поджидать гичка отпущенных на берег офицеров.

— У южной верфи в гавани, — сказал Кроуджер.

Выбор времени и места принадлежит в таких случаях старшему чином.

После того как молодые люди высадились, гичка отчалила и понеслась обратно к фрегату. Моряки начали подниматься в гору, через которую необходимо было перевалить, чтобы попасть на дорогу, идущую вдоль берега. В то же время на противоположный склон горы начали подниматься два всадника.

Через несколько минут и тех, и других увидели обе сеньориты, стоявшие на азотее.

До сих пор англичане и калифорнийцы даже и не подозревали, что им предстоит встретиться. Холм все еще разделял их. Пешеходы взбегали на гору приблизительно с такой же быстротой, как и лошади. Словно актеры, не считающие нужным стараться для пустого зала, оба кабальеро в роскошных мангах перешли с галопа на спокойную рысь. На лицах их появилось выражение еле сдерживаемого торжества. В эти минуты они были похожи на притворно скромных матадоров, склоняющих обагренные кровью копья перед улыбающимися в ложе красавицами. Моряки карабкались вверх гораздо менее церемонно. Радуюсь возможности расправить онемевшие члены, они весело шли вперед. Настроение у них было повышенное. Они без умолку болтали и смеялись, точь-в-точь как школьники, совершающие праздничную прогулку.

Внезапно глазам их открылся дом, и они в смущении замолкли, увидев над перилами террасы две знакомые женские головки. Обе молодые девушки смотрели в их сторону.

В тот же самый момент всадники тоже увидели и дом, и азотею, и женские головки. Они увидели также, что лица очаровательных сеньорин обращены не в их сторону и что внимание девушек чем-то отвлечено.

Оба кабальеро почувствовали себя глубоко обиженными. Неужели все эффектные номера, которым позавидовал бы самый искусный наездник, не произвели должного впечатления? Что заинтересовало сеньорит? Какой-нибудь нозый корабль, появившийся в заливе? Игра света и тени на воде?

Так или иначе, столь небрежный прием не обещал ничего хорошего. Разочарованные Кальдерон и Лара с недоумением посмотрели друг на друга. Но не успели они заговорить, как ответ на их молчаливый вопрос предстал перед ними в образе двух английских моряков.

Как и они, Кроуджер и Кедуолладер добрались до вершины холма и повернули к гасиенде. Через несколько мгновений все четверо неизбежно должны были встретиться у ворот.

— Это те самые офицеры, о которых я говорил тебе! — вполголоса сказал Кальдерон, обращаясь к Ларе.

— Это наши соперники, Нед! — шепотом сообщил Кедуолладер Кроуджеру. — По-видимому, они едут в гости к нашим сеньоритам.

Лара ничего не ответил Кальдерону. Кроуджер не обронил ни слова в ответ на сообщение Кедуолладера. На разговоры не было времени. Все четверо приближались к воротам. Калифорнийцев отделяло от англичан несколько десятков футов.

Все четверо приблизились к воротам одновременно и одновременно остановились. Все четверо смотрели друг на друга и молчали. Но взгляды бывают иногда красноречивее слов. Глаза соперников горели ревностью и еле сдерживаемым бешенством.

Кто же первым войдет в ворота? Некоторое замешательство, обнаруженное как всадниками, так и пешеходами, объяснялось не вежливостью, а злобой. Калифорнийцы поглядывали на англичан презрительно, гневно, вызывающе. У них был такой вид, словно они готовились ринуться вперед и растоптать врагов копытами своих лошадей. По всей вероятности, им действительно хотелось это сделать. Но моряки были вооружены. Кроуджер взял с собой пи-

столет. На боку у Кедуолладера висел кортик.

Несколько долгих мгновений стояли соперники друг против друга, не отступая ни на шаг и не обнаруживая желаний двигаться дальше. Самый воздух вокруг них казался насыщенным электричеством. Достаточно было малейшей искры, чтобы вспыхнул ужасающий пожар. Роль искры могло бы сыграть простое слово. Если бы кто-нибудь произнес его, двоим из четверых не удалось бы войти живыми в сад дона Грегорио.

Но это слово осталось произнесенным. Молчание нарушил Кроуджер, обратившийся к Кедуолладеру с громким замечанием, не имевшим как будто никакого отношения к задержавшимся на дороге всадникам.

— Пойдем же, Вилли! Нам предстоит нечто гораздо более приятное, чем бессмысленное торчание на одном месте. Вперед, дружище!

Эти несколько фраз разрубили гордиев узел. Проскользнув в ворота, оба моряка очутились на аллее, ведущей к дому. Сеньориты все еще стояли на верхней террасе. Глядя прямо в глаза Кармен, Кроуджер достал из кармана прядь светлых волос и прикрепил ее к своему кепи. Она рассыпалась по его плечу, словно водопад из расплавленного золота. Кедуолладер тотчас же последовал примеру друга; его нежного юношеского лица коснулись шелковистые локоны, иссиня-черные, как вороново крыло. Сеньоритам на азотее это очень понравилось. Они не замедлили наградить усердие своих поклонников. Руки их одновременно поднялись к шляпам. В следующее мгновение моряки ахнули от восторга. На токилье Кармен появилась прядь темных, а на токилье Иньесы — прядь светлых кудрей.

Едва успели влюбленные обменяться этими знаками, как оба калифорнийских всадника въехали в аллею. Дальность расстояния не помешала Ларе заметить маневры англичан. Увидев на кепи соперника золотистый локон, он пришел в ярость и совершенно перестал владеть собою. Не менее взбешенный Кальдерон тоже пришпорил своего коня. Оба всадника не въехали, а ворвались в ворота. Их план был очень прост. Они хотели заставить пешеходов уступить им дорогу и этим поставить их в смешное положение. Но план калифорнийцев потерпел неудачу. Кроуджер невозмутимо шел вперед. Беря во всем пример со старшего друга, Кедуолладер остался совершенно спокоен. Оба они чувствовали, что перевес на их стороне. Неприятель сдавался без боя. Крепость уже принадлежала им. Контратаку, следовательно, должны были начинать не они, а «кавалеристы».

— Отойди в сторону, Вилли, — сказал Кроуджер. — Этим джентльменам угодно проехать вперед. А побеседовать с ними мы всегда успеем.

Моряки медленно отступили к кустам шиповника. Проезжая мимо лейтенанта, де Лара грозно сдвинул брови и бросил на него уничтожающий взгляд. Не произнося ни слова, англичанин с любопытством посмотрел ему вслед. На противоположной стороне аллеи разыгралась несколько иная сцена. Полный мальчишеского задора мичман не удержался от шалости. Когда Кальдерон поровнялся с ним, он уколол кортиком круп его лошади. Обезумевшее от боли животное сперва рванулось в кусты, а потом неровными прыжками понеслось вперед. Свирепые возгласы Кальдерона и веселый смех молодого англичанина еще больше горячили его.

Подъехав к дому, оба всадника остановились. Они понимали, что их бравада не пройдет им даром. Лара, по крайней мере, отдавал себе ясный отчет в

этом. На лице английского лейтенанта он прочел твердую решимость свести с ним счеты. Это нисколько не смутило его. Напротив, он был даже доволен. Во всем Сан-Франциско не нашлось бы человека, который лучше владел бы шпагой. Воспоминания о многочисленных победах давали Ларе право ответить улыбкой на всякий брошенный ему вызов. Не страх, следовательно, согнал румянец с его смуглых щек. Не страх провел складку на его высоком лбу. Этим человеком всецело владела страсть. Мрачный огонь вспыхнул в его сердце, когда он взглянул на азотею, у перил которой все еще стояли молоденькие испанки.

— Соболаговолите ли вы уделить мне несколько минут для важного разговора, донья Кармен? — произнес красивый авантюрист, отвешивая низкий поклон.

Старшая из сеньорит ответила не сразу. Невольная свидетельница всего происшедшего, она, разумеется, заметила, как враждебно держались по отношению друг к другу калифорнийцы и англичане. Принять тех и других одновременно казалось при таких условиях крайне неблагоприятным. Они пылали столь жгучей ненавистью, что совместное пребывание их могло привести к дуэли. Молодая девушка не знала, на что решиться. Она была хозяйкой дома, заместительницей отсутствующего отца. Английские офицеры приехали в дом по его приглашению. Вспомнив это, она перестала колебаться.

— Я не могу говорить с вами сегодня, дон Франциско. Прошу извинить меня.

— Не можете? — насмешливо переспросил де Лара. — А почему, позвольте узнать? Надеюсь, такой вопрос не покажется вам дерзким.

Вопрос его был очень дерзок, и донья Кармен почувствовала себя глубоко задетой. Она дала понять ему это если не словами, то тоном.

— Я охотно удовлетворю ваше любопытство, сеньор. Мы заняты.

— Вот как!

— Да, заняты, сеньор! — раздраженно повторила молодая девушка. — У нас гости. Мой отец пригласил этих джентльменов на весь день.

— Ах, вот в чем дело! Ваш отец пригласил этих джентльменов на весь день. Право, дон Грегорио Монтихо чересчур добр. Его любезность по отношению ко всяким чужестранцам не знает пределов. Впрочем, очевидно, донья Кармен тоже считает долгом любезничать с ними.

Дочь донна Грегорио была больше не в состоянии скрывать свое возмущение.

— Довольно, сеньор! — воскликнула она. — Кто дал вам право наносить мне оскорбление? Я не желаю слушать вас больше.

С этими словами она отступила в глубину азотеи, где ее уже поджидала Иньеса Альварец, только что оборвавшая точно таким же образом краткий, но необычайно бурный диалог с Кальдероном.

Мрачно сверкая глазами, де Лара словно застыл в седле. Из оцепенения его вывел голос Кроуджера.

— По-видимому, вы сгораете от желания извиниться перед доньей Кармен? Я могу принять за нее ваши извинения.

— Карамба! — воскликнул креол, мгновенно выпрямившись и бросая убийственный взгляд на молодого моряка. — Кто вы такой?

— Человек, требующий, чтобы вы сознались в неприличии своего поведе-

ния.

— Ни за что!

— В таком случае дуэль.

— Если вам угодно.

— Мне угодно. Ваша карточка, сэр?

— Пожалуйста. Ваша?

После того как противники обменялись визитными карточками, Лара бросил прощальный взгляд на пустующую азотею, повернул коня и, безжалостно вонзив в его бока шпоры, во весь опор помчался к воротам.

Кальдерон тотчас же поскакал вслед за ним.

Трусливый скотовод и не подумал вызвать на поединок Кедуолладера. Мичман, в свою очередь, не счел нужным требовать у него карточку. Он чувствовал себя вполне удовлетворенным инцидентом в аллее.

Оба моряка пришли в самое веселое расположение духа. Неприятель отступил. Можно было не сомневаться в том, что прекрасные дамы встретят желанных гостей сияющими улыбками.

Глава IX КОРАБЛЬ БЕЗ МАТРОСОВ

На корме одного из кораблей, стоящих на рейде в Сан-Франциско, виднелась надпись «Кондор».

Это было небольшое судно, тонн в пятьсот — шестьсот. Судя по некоторым особенностям конструкции и оснастки, каждый моряк сразу понял бы, что оно предназначено для мирных торговых целей.

Название корабля невольно наводило на мысли о его принадлежности к одной из южноамериканских республик — к Эквадору, Перу, Боливии или Чили. Птица, в честь которой он получил свое название, очень распространена в этих странах. Впрочем, с равным правом на него могла бы претендовать Колумбия или Аргентина.

Однако строить предположения относительно его национальности было совершенно излишне. Флаг, развевавшийся на гакаборте «Кондора» говорил сам за себя.

Это был трехцветный флаг, красный, белый и голубой, с полосками, расположенными не вертикально, а горизонтально, и не в три ряда, а в два; нижняя, ярко-красная, полоса вплотную прилегала к верхней, наполовину белой, наполовину голубой. Посреди голубой полосы, кончавшейся у самого флагштока, красовалась одинокая пятиконечная звезда. И звезда эта, и сочетание трех цветов, белого, красного и голубого, свидетельствовали о том, что родина корабля — республика Чили.

Это было далеко не единственное чилийское судно в заливе Сан-Франциско. Кроме «Кондора» на гладких водах его покоилось много кораблей под тем же флагом. Среди них были и бриги, и барки, и шхуны. Маленькая южноамериканская республика проявляла необыкновенную предприимчивость. Трехцветный флаг с пятиконечной звездой на голубом поле то и дело появлялся в разных концах Тихого океана. Изобилуя опытными рудокопами, республика эта была первым из иностранных государств, выславших в Калифорнию обширные кадры золотоискателей. В то время как в гавани Сан-Франциско стоя-

ли чилийские корабли, по городским улицам разгуливали бесчисленные чилийские рабочие, а с балконов и из открытых окон соблазнительно улыбались прохожим хорошенькие чилийские девушки, румяные губы и черные глаза которых еще недавно пленяли моряков, заезжавших в Вальпараисо.

Однако на «Кондоре» мы нашли бы очень мало специфически чилийского или, вернее, не нашли бы ничего чилийского, кроме самого судна и командующего им капитана. О матросах судить было трудно, так как они отсутствовали. Команда, прибывшая в гавань вместе с кораблем, поголовно бежала на прииски. Очутившись в самом рассаднике золотой горячки, матросы предпочли горячечную погоню за счастьем размеренной трудовой жизни и с легким сердцем променяли просмоленные веревки на кирки и лопаты. Призрачное богатство показалось им заманчивее жалких десяти долларов в месяц. В тот же день, как «Кондор» бросил якорь в гавани Сан-Франциско, все они ушли с судна, оставив шкипера в обществе корабельного кока. Этот кок был не чилийцем, а негром из Занзибара. Не были чилийцами и две громадные, вечно разгуливавшие по палубе обезьяны; климат республики, лежащей за пределами экваториального пояса, недостаточно жарок для человекообразных.

Нет, на «Кондоре» не было ничего характерно чилийского. Не было также ничего характерно чилийского и в его грузе. Корабль этот недавно вернулся из долгого плавания на острова Тихого океана с заходом на Индийский архипелаг, откуда привез ассортимент самых разнообразных товаров, начиная с пряностей и сигар и кончая черепаховой костью. Кроме того, он привез двух здоровенных орангутангов. Их постоянно можно было видеть резвящимися на палубе. Эти умные животные родились и выросли на острове Борнео.

Для Сан-Франциско предназначалась лишь весьма незначительная часть груза «Кондора». Ее разобрали сразу по прибытии. Остальной груз должен был быть доставлен в Вальпараисо. Но на вопрос о том, когда двинется в дальнейший путь его судно, капитан не мог дать сколько-нибудь точного ответа. Когда ему задавали этот вопрос, он лаконически отвечал любимым испанским «Кто знает?». А если собеседник припирали его к стенке, молча тыкал пальцем в сторону пустующих палуб, глубоко убежденный в том, что такое объяснение нельзя не счесть исчерпывающим.

Антонио Лантанас принадлежал к числу типичных испано-американских моряков и относился к превратностям судьбы с чисто фаталистическим равнодушием. Даже столь важное событие, как повальное бегство всей команды, не вывело его из состояния душевного равновесия. Он покорился своей судьбе со смирением, которое показалось бы всякому английскому или американскому шкиперу непонятным и возмутительным. Надвинув на лоб широкополую соломенную хипихаповую шляпу, защищавшую от палящих лучей солнца его худощавое смуглое лицо, он целыми днями слонялся по палубе или стоял на шканцах. Единственным занятием его было свертывание тех бесчисленных сигарет, которые всегда торчали у него изо рта. Некоторое разнообразие в эту монотонную жизнь вносилось только регулярными трапезами и игрой с обезьянами. Оба орангутанга, самец и самка, отличались необыкновенной живостью и смышленостью. Капитан Лантанас любил наблюдать за ними и от нечего делать совал им в нос зажженные сигаретки. Гримасы боли, с которыми обезьяны в таких случаях отскакивали от него, вызывали в капитане припадки ребяческой веселости.

В кают-компанию он спускался аккуратно три раза в день: к завтраку, обе-ду и ужину. Накормив его, кок-негр, который смело мог поспорить чернотой с выбленочными тросами, предавался такой же праздности, как и он. Ничто не побуждало этих людей к деятельности. Потребность в работе была в них абсолютно атрофирована. Так же как и его хозяин, негр находил величайшее удо-вольствие в игре с обезьянами.

Каждый день шкипер садился в гичку и собственноручно доставлял свою персону на берег, не для того, чтобы поискать там матросов, — он знал, что по-иски такого рода оказались бы тщетными, — а для того, чтобы скоротать вре-мя. Правда, матросов в Сан-Франциско было сколько угодно: одни из них це-лыми бандами шатались по улицам, другие сидели в тавернах и ресторанах. Однако все эти матросы пресерьезно считали себя «занятыми». Они находи-лись на пути к богатству или страстно мечтали о нем. Среди них не нашлось бы ни одного, который согласился бы поступить на судно дальнего плавания, не потребовав за это вознаграждение, значительно превышавшего всю налич-ность его владельца.

Являясь не только полноправным хозяином, но и единственным владель-цем своего корабля, чилийский шкипер решил спокойно сидеть на месте и ждать лучших времен. Ведь жизнь ежедневно меняется! Рано или поздно на-ступит день, когда матросы станут более стоворчивы. О том, когда именно мо-жет наступить этот благословенный день и когда наконец расправит «Кон-дор» свои паруса для путешествия в Вальпараисо, капитан Лантанас не имел ни малейшего понятия.

В Сан-Франциско он ездил исключительно для того, чтобы поболтать со шкиперами, находившимися в том же бедственном положении, что и он. Эти спокойные, неторопливые разговоры за стаканом вина доставляли ему боль-шое удовольствие.

В один прекрасный день капитан Антонио Лантанас отказался от обычной поездки на берег и остался у себя на корабле, поджидая гостя, письменно пре-дупредившего его о своем появлении.

Несмотря на то что Сан-Франциско чрезвычайно быстро американизиро-вался, несмотря на то что в нем ежедневно выходило несколько газет на ан-глийском языке, маленькая испанская газета «Новости дня» все еще продол-жала влачить свое жалкое существование. В этой-то газетке капитан Ланта-нас и поместил объявление, гласившее, что судно, направляющееся в Вальпа-раисо и собирающееся зайти в несколько портов (в том числе и в Панаму), го-тово захватить с собою известное количество груза и пассажиров. Желающим получить более подробные сведения предлагалось обратиться к морскому агенту, дону Томасу Сильвестру. В ответ на помещенное в «Новостях дня» объ-явление капитан Лантанас получил письмо от некоего сеньора, уже стоворив-шегося с агентом и обещавшего прибыть на корабль ровно к двенадцати ча-сам дня.

Чилийский шкипер весьма мало интересовался и главным калифорний-ским портом, и его обитателями. Тем не менее он имел уже некоторое пред-ставление о своем корреспонденте. Дон Томас сообщил, что джентльмен, вы-разивший желание войти с ним в непосредственные переговоры, очень богат и является обладателем большой площади земли, граничащей с постепенно расширяющимся городом и оттого сильно возросшей в цене. Что именно было

нужно от него видному калифорнийцу, Лантанас, разумеется, не знал. Этого не знал и Сильвестр. Джентльмен, откликнувшийся на публикацию, заявил, что изложит свое дело только капитану, да и то при личном свидании.

Утром назначенного дня владелец «Кондора» сидел на палубе и курил только что скрученную сигаретку. Вопреки обыкновению, он не обращал ни малейшего внимания на возню своих любимцев, орангутангов. Голова его была занята совершенно другим. Он все время задавался вопросом о том, зачем приедет к нему калифорнийский землевладелец. Кое-какие соображения уже мелькали в его мозгу. Ежедневно проводя несколько часов в Сан-Франциско, он волей-неволей был в курсе всех последних новостей. Ходили слухи, что тот самый богач, который выразил желание повидаться с ним, продал все свои владения и реализовал громадную по тем временам сумму. Некоторые уверяли, что она равняется по крайней мере пятистам тысячам долларов. Лантанас узнал также, что интересовавший его сеньор не мексиканец или калифорниец, а чистокровный испанец, собирающийся в близком будущем вернуться на родину вместе со своими ларами, пенатами, семьей и прочим имуществом. Все это, то есть пассажиры и имущество, вряд ли могло поместиться в одной каюте. Для переезда испанца через океан требовалось целое судно. Уж не задумал ли он совершить этот переезд на «Кондоре»?

Капитан Лантанас обвел любовным взглядом свое судно.

Что же, пожалуйста! Места хватит. Трюм наполовину пуст. Каюты приспособлены для нескольких пассажиров.

Вскоре приятным размышлениям чилийца был положен конец. От берега отчалила лодка с двумя гребцами. На корме сидел человек, не спускавший глаз с «Кондора». Облокотившись на поручни, шкипер стал с нетерпением поджидать своего гостя. Когда лодка несколько приблизилась, он увидел, что на его посетителе тот калифорнийский костюм, который носят все зажиточные гасиендадо. Лантанас ни на минуту не сомневался, что этот гасиендадо едет к нему. Впрочем, если бы даже у него были какие-нибудь сомнения, то они очень скоро рассеялись бы. Несколько минут спустя лодка коснулась корпуса судна и остановилась. Незнакомец поднялся на борт и протянул капитану свою визитную карточку.

Это был человек лет пятидесяти, ростом выше среднего, крепкий, немного сутуловатый. Не совсем твердая походка его и усталое выражение глаз свидетельствовали о недавно перенесенной болезни. На бледном лице играл чуть заметный румянец. Густые волнистые волосы и длинная борода казались белее снега. В прежние годы они были, по всей вероятности, не темными, а пепельными. Светлая кожа, серо-голубые глаза и правильные черты лица указывали на кельтское происхождение. Чилийский шкипер подумал, что гость его родом из Бискайи.

Так это и было на самом деле.

Перед капитаном Лантанасом стоял дон Грегорио Монтихо.

Глава X ПЕРЕГОВОРЫ

Бросив взгляд на врученную ему визитную карточку и убедившись, что стоявший перед ним посетитель тот самый джентльмен, который письменно предупредил его о своем приезде, капитан Лантанас снял шляпу, вежливо поклонился и стал ждать, что скажет ему гасиендадо.

Подъем на корабль не прошел старику даром. Он обливался потом и тяжело дышал. Сердце его билось неправильно и учащенно. Несколько придя в себя, он в свою очередь снял шляпу.

— Вы капитан Лантанас?

Голос старого испанца звучал властно.

— Да, сеньор, — ответил владелец «Кондора», снова отведывая церемонный поклон калифорнийскому магнату. — Я капитан Лантанас. Рад служить вам чем могу.

— Превосходно, — заметил дон Грегорио. — Полагаю, что вы имеете представление о том, кто беседует с вами. Дон Сильвестр говорил вам обо мне, не так ли?

— Да, сеньор.

— Получили ли вы мою записку?

— Да, сеньор.

— Значит, всё в порядке. Приступим к обсуждению того дела, ради которого я приехал на ваше судно. Прочтя публикацию в «Новостях дня», я переговорил с доном Томасом. Он сообщил мне ваше местопребывание и в самых общих чертах охарактеризовал «Кондора». Что касается дальнейших переговоров, то я предпочел вести их непосредственно с вами. Дело мое слишком серьезно для того, чтобы я решился доверить его третьему лицу. Никто не должен знать о нем. Я о вас кое-что слышал, и у меня создалось впечатление, что я могу вам довериться.

— Вы слишком любезны, сеньор Монтихо.

— Нет, нет, это вовсе не любезность. Просто у меня составилось очень благоприятное представление о вашем характере. Сильвестр подробно описал мне его. Но перейдем к делу. Ваше судно предназначено для груза или для пассажиров?

— И для груза, и для пассажиров.

— Оно направляется в Вальпараисо?

— Да.

— И зайдет по дороге в наиболее важные порты?

— Во все сколько-нибудь значительные порты, сеньор.

— Сговорились ли вы уже с какими-нибудь пассажирами?

— Нет еще.

— Сколько человек вы могли бы взять?

— Говоря по правде, сеньор, мой «Кондор» вовсе не предназначен для пассажиров. Как вы сами изволили видеть, это торговое судно. Я был бы очень рад, если бы вы осмотрели его. На нем есть небольшая кают-компания и две прекрасные каюты, в которых при желании могли бы разместиться дамы.

— Все это мне подходит. Теперь обсудим следующий пункт. Дон Томас гово-

рил, что на вашем судне есть груз.

— Да, часть трюма действительно занята.

— Это не имеет значения. По всей вероятности, там найдется уголок для кладки, которая весит меньше тонны и занимает очень немного места. Можете ли вы освободить для меня приблизительно двадцать кубических футов?

— О, разумеется, сеньор.

— Превосходно. Итак, вы беретесь взять небольшой груз и трех пассажиров — двух дам и одного мужчину? Речь идет обо мне самом и о моей семье, состоящей из дочери и внучки.

— Не соблаговолит ли сеньор Монтихо спуститься вниз и детально осмотреть судно?

— С величайшим удовольствием.

Капитан Лантанас направился к винтовой лестнице. Дон Грегорио последовал за ним. Он заглянул в кают-компанию и обе жилые каюты.

— Именно то, что мне нужно! — довольным тоном воскликнул гасиендадо.

Несколько секунд царило молчание.

— Помещение меня вполне устраивает, — добавил дон Грегорио, поворачиваясь к шкиперу. — Нам остается только сговориться относительно условий. Сколько вы возьмете за переезд?

— Цена будет всецело зависеть от поставленных вами требований. В какой порт прикажете доставить вас?

— В Панаму. Если не ошибаюсь, она была упомянута в вашей публикации.

— Совершенно верно, сеньор.

— Что касается груза, то, как я уже говорил вам, он весит около тонны и занимает очень мало места. Разумеется, я беру с собой и кое-что из домашнего скарба. Пассажиров трое. Разве эти сведения кажутся вам неполными?

— Вы, должно быть, знаете, что условия фрахтового договора вырабатываются в зависимости от ценности груза. Не золото ли это, дон Грегорио?

Шкипер не ошибся. Груз, о котором шла речь, был не чем иным, как золотом, вырученным доном Монтихо от продажи его земельных владений. Покупатели расплатились с ним золотым песком и самородками, единственной в то время «монетой» Калифорнии; бумажных денег еще не было. Бывший гасиендадо не принадлежал к числу скупых и мелочных людей. Тем не менее ему хотелось перевезти свое богатство за умеренную цену. К тому же он тревожился за его сохранность. Именно этим и объяснялась таинственность, которой он окружал свой переезд, и решение совершить его на частном торговом судне. В половине девятнадцатого века между Сан-Франциско и Панамой уже ходили почтовые пароходы. Но дон Грегорио не доверял им. Он слышал, что они всегда переполнены возвращающимися на родину золотоискателями, людьми большей частью грубыми и мало чем отличающимися от бандитов. Путешествие на одном из таких пароходов не улыбалось дону Грегорио по двум причинам. Он боялся и за свое золото, и за своих дочерей (Иньесу многие считали его дочкой), которые, по всей вероятности, оказались бы единственными дамами на судне, битком набитом разным сбродом. С другой стороны, капитан Лантанас внушал ему полное доверие. Дон Сильвестр отрекомендовал чилийского шкипера как человека порядочного и хорошего. Судя по его словам, это был настоящий джентльмен.

При таких обстоятельствах и имея дело с таким человеком, дон Грегорио не

чувствовал себя вправе играть втемную. После некоторого колебания он признался, что действительно хочет перевезти в Панаму золото, и предложил объявить капитану свои условия.

Лантанас надолго погрузился в какие-то сложные расчеты.

— Я возьму с вас тысячу долларов за груз, — сказал он наконец, — и по сто долларов за каждого из пассажиров. Подходит ли вам это?

— Тысяча триста долларов! — воскликнул старый испанец. — Это солидная сумма. Правда, меня со всех сторон уверяют, что цены сейчас очень вздорожали. Что же, я согласен. Когда предполагаете вы сняться с якоря?

— Я мог бы двинуться в путь сегодня же, если бы...

— Если бы что?

Мысленно проклиная свою разбежавшуюся команду, капитан Лантанас хранил угрюмое безмолвие.

— Должно быть, вы опасаетесь какой-нибудь задержки с моей стороны, — сказал дон Грегорио, неправильно истолковав замешательство своего собеседника. — В этом отношении можете быть совершенно спокойны. На приготовления к отъезду мне нужны два-три дня, самое большое — неделя.

Шкипер по-прежнему молчал, не решаясь заговорить. Ему крайне не хотелось отказываться от выгодного предложения. Но он при всем желании не мог сколько-нибудь точно определить время отплытия «Кондора». Ох, уж эта золотая горячка! Ох, уж эти сумасшедшие матросы! Нельзя же, в самом деле, пускаться в плавание без команды! Положение капитана Лантанаса было очень затруднительное. В конце концов он решил сказать дону Монтихо всю правду. Больше ему ничего не оставалось. Он надеялся, что гасиендадо согласится отложить отъезд до того дня, когда на судне появятся матросы. Наверное согласится! Ведь почти все суда, стоявшие на якоре в порту Сан-Франциско, находились в таком же бедственном положении, как и «Кондор».

— Сеньор, — сказал чилиец после долгой паузы, — мой корабль к вашим услугам. Я был бы счастлив и горд, если бы вы и ваши дамы сделались моими пассажирами. Но для того чтобы покинуть этот порт, мне необходимо преодолеть довольно серьезное препятствие.

— Может быть, вам нужно уладить какие-нибудь дела с таможней или заплатить портовый сбор? Вы хотите, чтобы я дал вам аванс? Я ничего не имею против. Какая именно сумма нужна вам?

— От всей души благодарю вас, сеньор Монтихо. Но, к сожалению, препятствие, о котором я говорил, не денежного характера. До богатства мне очень далеко. Однако ни мое судно, ни я не находимся под эмбарго. Я мог бы сняться с якоря через полчаса, если бы...

Он снова запнулся.

— Если бы что? — вторично спросил гасиендадо.

В голосе его звучало нескрываемое удивление.

— Если бы у меня была команда.

— Как? У вас нет команды?

— К величайшему моему прискорбию, это так.

— Признаться, капитан, мне показалось странным, что на вашем судне нет никого, кроме кока. Но где же матросы? Очевидно, они уехали на берег?

— Да, сеньор, они уехали на берег. И твердо намерены остаться там. В этом вся беда. Матросы «Кондора» решили сделаться золотоискателями. Должно

быть, их примеру последовал бы и кок, если бы ему не было известно, что Калифорния входит теперь в состав Соединенных Штатов. Перспектива сделаться невольником какого-нибудь янки или встретить своего старого хозяина показалась бедняге мало соблазнительной. Он предпочел спокойно сидеть в камбузе.

— Какая досада! — заметил дон Грегорио. — Придется поискать другое судно.

— Боюсь, что ваши поиски окажутся тщетными. «Кондор» не составляет исключения. Все корабли, стоящие в заливе Сан-Франциско, страдают одной и той же болезнью.

— Вы ручаетесь за это?

— Да, сеньор.

— Я верю вам, капитан Лантанас. Повторяю, у меня создалось о вас очень благоприятное впечатление. По-видимому, дон Томас Сильвестр превосходно относится к вам.

— Я имею честь считать дона Томаса своим другом.

— Он отзывался о вас столь лестно, что я преисполнился доверием к вам. Вот почему мне хочется поделиться с вами теми мотивами, которые заставили меня остановить выбор на вашем корабле.

Чилийский шкипер молча поклонился и приготовился слушать.

— На этих днях я продал всю мою недвижимую собственность. Мне дали за нее триста тысяч долларов в золотом песке. Это именно тот груз, о котором мы говорили. В настоящий момент золото находится у меня дома; живу я приблизительно в трех милях от города. Как вам известно, капитан, Сан-Франциско сделался за последнее время сборным пунктом для проходимцев всего мира. Особенно щедро поставляют их нам Соединенные Штаты и Австралия. Эти авантюристы не желают считаться с законами. Впрочем, новые судьи ничем не лучше тех преступников, дела которых им приходится разбирать. Я горю нетерпением как можно скорее вырваться из этого ада. Думаю, что вы меня понимаете. Разумеется, я сильно беспокоюсь за мое золото. В любое время дня и ночи одному из болтающихся по городу бездельников может прийти в голову мысль меня ограбить. Ввиду этого я решил перевезти золото в безопасное место, на судно, капитану которого я мог бы вполне доверять. Теперь, надеюсь, вам все ясно?

— Да, — лаконически ответил чилиец.

Он собирался добавить, что на «Кондоре» золото дона Грегорио будет в полной сохранности и что никто не сможет проникнуть в его тайны, но бывший гасиендадо не дал ему времени произнести приготовленную фразу.

— Мне остается только добавить, что я хочу вернуться на родину, в Испанию, в Кадикс, где у меня есть дом. Это желание я лелеял уже давно. Но обстоятельства вынудили меня ускорить отъезд. Вы сами испанец, сеньор. Вам, человеку латинской расы, должно быть понятно, что современные калифорнийские нравы мне не по душе. Мало-помалу грубияны-американцы все захватывают в свои руки. Я никак не могу свыкнуться с этим. Мне хочется бежать отсюда без оглядки. Как жаль, что на вашем «Кондоре» нет команды. Где бы ее достать?

— Достать-то ее, конечно, можно. Весь вопрос в деньгах. Сан-Франциско полон матросов. Далеко не все они заняты добыванием золота. Некоторые из-

брали благую часть и, вместо того чтобы добывать его, сорят им направо и налево. К несчастью, большинство из них бездельники. Но, думается мне, в городе все же можно найти несколько десятков хороших, честных, опытных моряков. При условии приличного вознаграждения они охотно пойдут в плавание. Целесообразнее всего, по-моему, было бы поместить объявление, приглашающее матросов на «Кондор» за двойную плату. Я почти уверен, что желающих окажется вполне достаточно.

— Во что это обойдется мне?

— В лишнюю тысячу долларов.

— Я уплачу ее, если вы предоставите судно в полное мое распоряжение, то есть, говоря иными словами, не возьмете на борт «Кондора» других пассажиров, не нагрузите его никаким товаром и двинетесь в путь сразу же после того, как вам удастся приискать команду. Согласны вы на такие условия?

— Да, сеньор.

— Хорошо. Итак, я принимаю на себя выплату добавочного вознаграждения матросам. Все что угодно, только бы выбраться отсюда!

— По всей вероятности, мы наберем людей в самом непродолжительном времени. Уполномочиваете ли вы меня поместить объявление в газете?

— Да, — ответил дон Грегорио.

— Превосходно! — воскликнул шкипер. — Итак, сеньор, займитесь приготовлениями к отъезду.

— Сборы мои будут недолги. Я уже ликвидировал дела. Остается только доставить на ваше судно багаж и груз.

Бывший гасиендадо понизил голос до шепота.

— Золото мне хотелось бы перевезти как можно скорее и как можно незаметнее. Вы понимаете меня, капитан?

— Да, сеньор.

— Что, если доставить его ночью, в лодке дона Сильвестра? В вашей каюте ему не будет грозить ни малейшая опасность. И, главное, никто не будет знать, где оно.

— От меня, во всяком случае, никто не узнает этого.

— Я абсолютно доверяю вам, сеньор Лантанас.

Польщенный этими словами, чилийский шкипер снова отвесил своему посетителю церемонный поклон. Поговорив еще некоторое время о доставке на судно золота и о тексте объявления, которое решено было поместить в «Новостях дня», дон Грегорио поехал домой. Проводив взглядом старого гасиендадо, капитан Лантанас закурил новую сигаретку, облокотился о поручни и снова погрузился в то блаженное состояние праздности и беззаботности, из которого он временно принужден был выйти.

Глава XI В ПОИСКАХ СЕКУНДАНТА

Как раз в то время, как дон Грегорио Монтихо прощался с капитаном Лантанасом, из ворот его гасиенды выезжали два незваных и неприятных гостя. Де Лара болезненно переживал нанесенную ему обиду. Различные чувства теснились в его сердце. Губы его побагровели от злобы, лоб помрачнел, в красивых глазах горел огонь мести. Проезжая по аллее, он ни разу не оглянулся. Ни один звук не сорвался с его плотно сомкнутых губ. Устремив взор в землю, он в угрюмом безмолвии скакал вперед.

Очутившись за воротами и повернув к городу, Франциско де Лара не выдержал и посмотрел на дом, где ему отказали в гостеприимстве. То, что он увидел, не утешило, а, наоборот, еще больше огорчило его. Грумы вывели к главному подъезду четырех лошадей. Эти лошади были взнузданы и оседланы. Они как будто ждали своих седоков. Внимательно оглядев их, Лара сразу понял, что им предстоит не долгое путешествие, а простая увеселительная прогулка. Он понял также, что две из них предназначены для дам, а две для мужчин. Итак, сеньориты собираются кататься верхом в обществе своих гостей-англичан! Инстинктивно оба калифорнийца пришли к этому заключению. Им стало ясно всё. Это еще сильнее задело их. При мысли о том, что молодые девушки поедут с английскими моряками по уединенным и диким тропинкам, терявшимся в зеленом сумраке леса, их охватило полное отчаяние. Ведь там, в лесу, никто не помешает влюбленным. По всей вероятности, они разделятся. Старший из моряков и донья Кармен поедут в одну сторону; младший и донья Иньеса — в другую. Свободные, как птицы, они будут разговаривать, не боясь, что кто-нибудь услышит их, будут жать друг другу руки, зная, что за ними не наблюдают нескромные глаза; может быть, обменяются горячими поцелуями... Эта мысль сводила с ума даже недалекого и апатичного Кальдерона. А его чувству было далеко до любви Лары.

Еще раз оглянувшись на гасиенду, у подъезда которой стояли оседланные лошади (такой взгляд бросил на Эдем сатана в момент своего изгнания), креол прищпорил коня и помчался вниз по горному склону. Кальдерон не отставал от него. У подошвы холма всадники остановились. Дом сеньора Монтихо скрылся у них из виду. Де Лара мрачно посмотрел на приятеля.

— Нам обоим придется драться на дуэли, — сказал он. — Будь готов ко всему.

— Мне драться не придется, — возразил Кальдерон. — Я не нашел нужным вызвать мичмана. Ведь он еще мальчишка.

— Причем тут его возраст? Он нанес тебе оскорбление. Надеюсь, ты проучишь его за это.

— По-моему, он не нанес мне никакого оскорбления.

— А по-моему, ты горько заблуждаешься. Нахал ткнул кортиком твою лошадь так, что она взвилась на дыбы и чуть не сбросила тебя. И это в присутствии доньи Иньесы! Нет, мой милый, ты должен считать себя оскорбленным.

— Но ведь я сам держался крайне вызывающе. Вспомни, как было дело. По твоему совету я чуть не наехал на мичмана. Если принять это во внимание, его поступок вполне извинителен. К тому же он только подшутил надо мною.

В его намерения вряд ли входило оскорбить меня. Он весело смеялся над своей проделкой.

— Он смеялся не над своей проделкой, а над тобою. И смеху его вторила донья Альварец. Подъезжая к дому, я видел, как презрительно смотрели на тебя из-под опущенных ресниц ее глаза и как иронически улыбались прелестные губы. Ты впал в немилость, дорогой мой! Если тебе хочется вернуть расположение красавицы, необходимо предпринять что-то.

— Ты уверен, что она действительно смеялась надо мною?

— Абсолютно уверен. Настолько уверен я не был еще никогда в жизни.

— Но что же мне предпринять?

— На этот вопрос ты бы мог найти ответ и без моей помощи.

— Мне важно твое мнение.

— Вызови щенка, нанесшего тебе оскорбление, и постарайся отправить его к праотцам. Я, по крайней мере, твердо намереваюсь убить моего противника.

— Ты специалист по этой части, а я нет. Говорят, англичане почти всегда дерутся на пистолетах. Если я вызову мичмана, право выбирать оружие будет принадлежать ему.

— Совершенно верно. Что касается меня, то я предусмотрел все. Мой противник вынужден был бросить мне вызов. В таких случаях это играет большую роль. Напрасно ты не последовал моему примеру. Тебе следовало бы ударить мичмана хлыстом.

— Я раскаиваюсь, что не догадался сделать это.

— Возможность исправить эту ошибку еще представится.

Наступило молчание.

— Я очень рад предстоящему поединку, — продолжал Лара. — Мне совершенно все равно, на чем драться. Ни шпага, ни пистолет не пугают меня. Мы, креолы из Нового Орлеана, умеем владеть всеми видами оружия. Я с одинаковым успехом всажу в тело этого англичанина пол-унции свинца или двенадцать дюймов стали. Кстати, как его имя?

Лара достал из кармана визитную карточку противника и, взглянув на нее, громко прочел:

— Эдуард Кроуджер, фрегат «Паладин».

Вид безобидного куска картона вызвал в нем новый припадок гнева.

— Берегитесь, мистер Нед Кроуджер! — воскликнул он, безукоризненно произнося по-английски ненавистное ему имя. — Сегодня счастье улыбнулось вам. Завтра оно улыбнется мне. Клянусь, я приложу все усилия к тому, чтобы за столом в кают-компании «Паладина» одно место оказалось вакантным.

— Ты действительно собираешься драться с ним?

— Позвольте вас спросить, дон Фаустино Кальдерон, что значит этот вопрос?

— Мне кажется, что дело можно уладить без...

— Без чего? Да говори же, черт возьми!

— Без кровопролития, Франк.

— Можешь улаживать свои дела, как тебе угодно. Твоя дуэль совершенно не зависит от моей. У меня своих забот довольно. Если бы не это, я, по всей вероятности, несколько иначе отнесся бы к рассуждениям такого рода. Но в настоящую минуту мне не хочется вступать в какие бы то ни было пререкания. Ты спросил, действительно ли я собираюсь драться с английским лейтенан-

том? Мои намерения, кажется, достаточно ясны. Я не только собираюсь драться с ним. Я хочу убить его. Возможно, что мне не удастся осуществить это желание. Во всяком случае, я буду бороться до конца. Моего противника, меня или нас обоих ожидает смерть.

— Карамба! Меня даже в дрожь бросило от твоих слов. О такой дуэли страшно и подумать.

— Дрожи, сколько хочешь. Что касается меня, то отказаться от этой дуэли мне было бы крайне тяжело. Я много жил и много испытал. До нравственности мне нет никакого дела. По правде говоря, я просто плюю на такие вещи. Все это одно притворство. Положение человека в обществе определяется деньгами. Без них он ничто. Нищий праведник не лучше нищего грешника. А респектабельность, за которую ты так цепляешься... Меня тошнит от одного этого слова! И все-таки есть кое-что, чем я дорожу, что имеет в моих глазах настоящую ценность, что всегда играло и будет играть первенствующую роль в жизни, от чего я не откажусь никогда.

— Что же это?

— Мужество. В тот момент, как я лишился бы его, все было бы для меня потеряно. Положение мое в Сан-Франциско сразу изменилось бы. Из охотника я превратился бы в собаку. Всякая дворняжка лаяла бы мне вслед. Трусы, любезничающие со мной, награждали бы меня пинками.

— Ну, этого не будет никогда. Репутация смельчака прочно установилась за тобою. Никто не осмелился бы отказать тебе в уважении.

— Если я уклонюсь от поединка с молодым англичанином, все перестанут уважать меня. Неужели ты не понимаешь, что молодцы в красных рубашках, приходящие в наше казино играть в монте, не обкрадывают нас и ведут себя сравнительно прилично только потому, что я внушаю им страх? Впрочем, мне сейчас не до них. Я хочу добиться уважения кого-то другого.

— Кого?

— Опять нелепый вопрос! По-моему, ты нисколько не влюблен в Иньесу Альварец и вообще не имеешь понятия о том, что такое любовь.

— При чем тут Иньеса Альварец?

— Ни при чем. Это правда. Ее уважение мне не нужно. Ее мнение меня не интересует. Но зато меня очень интересует, какого мнения обо мне Кармен Монтихо. Я не желаю, чтобы она считала меня дураком или трусом. В том, что я не дурак, она рано или поздно убедится. Смелость мою я докажу завтра. И если городские сплетники не врут, если то, что ты сказал мне, правда, если она действительно отдала свое сердце этому молодому иностранцу, я приложу все усилия к тому, чтобы он не получил ее руки. Пока я жив, Кармен ему не достанется. Когда я умру, она может распоряжаться собою, как ей угодно.

— Неужели ты собираешься еще раз делать ей предложение?

— Конечно. Но я сделаю его не раньше, чем мы сведем счеты с нашими врагами. Чему ты удивляешься, Фаустино? Я хочу исчерпать все возможности. Она должна ясно и просто ответить мне «да» или «нет». Будущее в ее руках. Однако мы попусту тратим драгоценное время. Необходимо подумать о завтрашнем дне. Прежде всего, скажи, намерен ли ты драться с мичманом?

— Право, не знаю, — нерешительно ответил Кальдерон. — Мне хотелось бы избежать поединка. Как ты думаешь, можно это устроить?

— Разумеется, можно. Но я не допускаю и мысли, что ты будешь устраивать

что-то. Как тебе не стыдно, Фаустино! Неужели ты не боишься покрыть себя позором в глазах Иньесы? Нет, полно малодушничать. Ты должен драться с другом Кроуджера.

— Я готов драться с кем угодно, если ты находишь это нужным. Но войди хоть на минуту в мое положение. Я никогда в жизни не стрелял из пистолета и очень неважно владею шпагой. Мне не приходилось иметь дело ни с каким оружием, кроме мачете. Но джентльмены находят почему-то неприличным драться на ножах. А ведь этот мальчишка, наверное, считает себя джентльменом.

— Еще бы он не считал себя джентльменом! Английские моряки очень высокого мнения о своих особах. Только ты чересчур скромничаешь. Мне не раз случалось видеть тебя в фехтовальном зале у Роберто, и я нахожу, что ты прекрасно дерешься на рапирах.

— Роберто доволен мною. Но от простого фехтования до дуэли еще далеко.

— Пустяки! Очутившись лицом к лицу с противником, постарайся представить себе, что ты находишься в фехтовальном зале и проделываешь какие-нибудь очередные упражнения. Я настоятельно советую тебе выбрать шпагу, а не пистолет.

— Ты забыл, что право выбора оружия будет принадлежать англичанину.

— Оно будет принадлежать тебе. Мне пришла в голову великолепная идея. Наши враги возвратятся на корабль еще не скоро. Обыкновенно их отпускают на берег до позднего вечера. Покатавшись верхом, господа моряки отобедают у дона Грегорио, немного выпьют и отправятся, как они говорят в таких случаях, «крейсировать» по городу. Мы «случайно» встретимся с ними. Эта встреча даст тебе возможность угостить мичмана пощечиной или плюнуть ему в рожу. Дальнейшее разыграется как по нотам.

— Ты прав, Лара. Я непременно воспользуюсь твоим советом.

— Превосходно. Теперь, когда все решено, надо подумать и о деталях. В качестве участников дуэли мы не можем быть секундантами друг друга. У меня уже есть на примете человек. А у тебя?

— Я приглашу дона Мануэля Диаца. Надеюсь, он не откажется.

— Вполне одобряю твой выбор. Дон Мануэль превосходно владеет шпагой, очень хладнокровен и отлично знает все правила, касающиеся дуэлей. Но сегодня его нет дома. Он уехал на петушиный бой в Пунта-Педро.

— Что же нам делать? Поехать за ним в Пунта-Педро или послать гонца?

— Лучше пошлем гонца. Время — деньги. Я, по крайней мере, очень дорожу им. Как тебе известно, игроки приходят в казино сразу после наступления сумерек. К этому времени я должен быть на месте. Иначе мы быстро растеряем всех наших завсегдатаев. К тому же мне нужно еще сговориться с моим секундантом. Интересно знать, долго ли мы проболтались здесь? Я забыл захватить часы.

— Сейчас четверть первого.

— Только? Признаться, я думал, что уже гораздо больше. В таком случае мы успеем прокатиться в Пунта-Педро. Петушиный бой обещает быть сегодня очень интересным. Дон Мануэль поставил на своего петуха большую сумму. Я с удовольствием рискну двумя-тремя дублонами. Мы весело проведем время и сговоримся обо всем с Диацем. Итак, в путь!

Всадники снова пришпорили коней и, проехав небольшой кусок по глав-

ной дороге, свернули на другую, ведущую в Пунта-Педро. Ревность и злоба продолжали терзать их. Они мчались галопом, как будто преследуемые кем-то. Между тем дуэль, к которой они так стремились, могла кончиться смертью или для одного из них, или для обоих.

Глава XII КАВАЛЬКАДА

Мыс Пунта-Педро находится не в заливе Сан-Франциско, а на берегу открытого океана. Чтобы попасть туда со стороны города, необходимо перевалить через горный хребет, являющийся как бы ветвью береговых гор, постепенно повышающихся к югу и известных среди калифорнийских испанцев под названием гор Сан-Бруно. Беря начало у подошвы последней из этих гор, мыс Пунта-Педро вдается в океан. В этом месте морской берег очень дик, на редкость живописен и почти совершенно необитаем. Лишь кое-где виднеются одинокие хижины охотников за тюленями и рыбаков. Самый мыс тоже пустынен.

Дорога из города в Пунта-Педро проходит через Долорес — старинную миссию францисканских братьев, портом которой, как уже говорилось, служил поселок Иерба Буене, впоследствии переименованный в Сан-Франциско.

На эту-то дорогу и выехали де Лара и Кальдерон. Некоторое время они скакали во весь опор, не произнося ни слова и глядя на развалины миссии, смутно вырисовывавшейся вдали. Вопреки обыкновению, дорога не была безлюдна. Едва успела улечься пыль, поднятая копытами калифорнийцев, как на ней появились еще несколько всадников. Они тоже направлялись в Долорес, но ехали относительно медленно. В кавалькаде участвовали и дамы.

Называть этих всадников по именам вряд ли стоит. Достаточно сказать, что под ними были те самые лошади, которых мы уже видели во дворе гасиенды дона Грегорио. Руководствуясь наставлениями своего отца, Кармен предложила гостям совершить верховую прогулку. Старый баск считал, что ничто не может доставить английским морякам большего удовольствия, чем поездка по окрестностям его гасиенды с остановкой в старинной миссии, считавшейся одной из достопримечательностей Сан-Франциско.

Подобно большинству калифорнийских молодых девушек, дочь дона Грегорио Монтихо очень любила ездить верхом и добрую половину свободного времени проводила в седле. Она была отличной наездницей. Ей ничего не стоило взять самый высокий барьер или перескочить через пропасть. В искусстве верховой езды она смело могла бы соперничать со всеми английскими Дианами. Псовая охота не входила в круг ее развлечений. Зато она часто охотилась за мустангами. Тот мустанг, на котором она обыкновенно ездил, был приручен еще только наполовину. Изнервничавшись за долгое пребывание в ненавистой конюшне, он бил копытами землю, тряс головой и то и дело становился на дыбы. Прекрасная амазонка обращала мало внимания на его капризы. Весело улыбаясь, она вонзала шпоры в крутые бока упряма и изредка прибегала к помощи хлыста.

Великолепно справлялась с лошадьёю и Иньеса, в совершенстве изучившая все калифорнийские приемы верховой езды. Обе сеньориты представляли собой зрелище, показавшееся бы странным каждому человеку, впервые попав-

шему в эту часть Америки. Мужская посадка, полумужской костюм, широкополые фетровые шляпы, шаровары, высокие сапоги с отворотами и большие блестящие шпоры — все это придавало им крайне живописный вид. Молодые девушки были очень хороши: ласковый ветер Южного моря загибал поля их сомбреро, играл их мягкими волосами, окрашивал нежным румянцем их щеки. Они разгорячились от быстрой езды. Огонь, и без того горевший в их глазах, стал еще ярче.

Английские моряки не спускали со своих дам взоров, полных самого пламенного восхищения. Они полюбили очаровательных испанок с первой встречи. Но только в этот день любовь их созрела окончательно. Они решили воспользоваться совместной верховой прогулкой, чтобы сделать своим спутникам предложения.

Всадники ехали попарно, Кроуджер рядом с Кармен, Кедуолладер рядом с Иньесой. Молодые моряки были в форменном платье. Нельзя сказать, чтобы этот костюм очень подходил для такой прогулки. Верховом в морской форме! В Англии это произвело бы в высшей степени курьезное впечатление. Каждый деревенский мальчишка расхохотался бы при виде наших героев. Но в Калифорнии нравы совсем иные. Там принято ездить верхом в самых разнообразных костюмах.

Эдуард Кроуджер несколько не был смешон. Мундир изящно облегал его стройную мужественную фигуру. К тому же в ранней юности ему часто приходилось охотиться по целым дням; он ездил верхом превосходно. Заметив это с первого взгляда, Кармен Монтихо испытала прилив радостной гордости. Итак, предчувствия не обманули ее! Человек, которому она отдала свое сердце, во всем и всегда на высоте!

С другой парой дело обстояло менее благополучно. Вилли Кедуолладер был плохим наездником. Ему почти никогда не приходилось кататься верхом. Это сразу бросалось в глаза. Он держался в седле довольно неуклюже. Однако сознание этого не причиняло ему ни малейшего огорчения. Молодой валлиец без умолку смеялся над самим собой. И чем меньше слушалась его лошадь, тем громче и беззаботнее становился его смех.

Может быть, читатель хочет узнать, какими глазами смотрела на своего спутника Иньеса Альварец? Я охотно удовлетворю его любопытство. Молодая андалузка смотрела на мичмана нежнее, чем когда бы то ни было. Он нравился ей. Она от души вторила его хохоту, бесконечно восхищаясь его наивностью и отдавая должное мужеству, которое он проявлял в непрерывной борьбе с мустангом. Она знала, что родная стихия ее избранника не суша, а море. Она верила, что на корабле он ловок, как акробат, и смел до безумия. Она замирала от восторга, представляя его себе карабкающимся по мачтам. Не беда, что он держится в седле, точно куль с мукой! Не беда, что он не справляется с мустангом! Зато громадные белогривые волны беспрекословно повинуются ему. Он реет над ними, как альбатрос.

Все время любуясь друг другом, участники веселой кавалькады быстро достигли старой миссии. Поворачивать назад им не хотелось. Они не испытывали никакой потребности в отдыхе. Прогулка не удовлетворила их. Как назло, минуты в этот день казались гораздо короче, чем обычно. Не удивительно при таких условиях, что и обоих моряков, и обеих сеньорит охватило неудержимое желание подняться на вершину зеленого холма, видневшегося непода-

леку. Прежде чем осуществить это желание, они остановились подле полуразрушенного монастыря. Это была первая христианская церковь в Калифорнии. За несколько столетий до описываемых событий священники впервые напоили душистым запахом ладана чистый калифорнийский воздух и усердно принялись учить туземцев чуждым и непонятным для них молитвам.

Пробыв в миссии не больше получаса, всадники двинулись к намеченной цели.

Приблизительно через час они благополучно достигли вершины горы, с которой открывался чудесный вид на великое Южное море. Глазам их представился необъятный водный простор, сливающийся с горизонтом; в неомраченную лазурь небес и океана расплавленным золотом вливались яркие лучи солнца. Смутными пятнышками обрисовывались далекие Фарралоны. На севере гордо возвышалась Тюленья скала, прозванная местными жителями Колокольной. Крупные волны с седыми гребнями шумно разбивались о прибрежные камни. Недалеко от подошвы горы тянулась широкая песчаная коса.

Все четверо участников кавалькады невольно залюбовались восхитительной панорамой. Сперва они любовались ею вместе, потом снова разделились на пары. Это разделение произошло само собой. Его с необыкновенным упорством добивались лошади. Мустанг Кроуджера желал во что бы то ни стало идти рядом с мустангом Кармен. Конь Кедуолладера, имевший полное право быть недовольным своим седоком, требовал в виде компенсации общества коня Иньесы. Возможно, что желания всадников совпадали с желаниями лошадей. Так или иначе, кавалькада снова разбилась на пары, и общий разговор уступил место двум параллельным диалогам. Чтобы ознакомить с ними читателя, я должен воспроизвести их по очереди. Начну, как полагается, со старшей пары.

— Мне хотелось бы пробыть здесь как можно дольше, — сказал Эдуард Кроуджер, горящими глазами глядя на океан и испуская меланхолический вздох.

— И мне тоже, — ответила Кармен Монтихо, устремив взор в ту же точку и точно так же вздыхая.

— Скоро ли вы предполагаете расстаться с Калифорнией? — спросил молодой лейтенант.

— Очень скоро. Мой отец уже почти закончил приготовления к отъезду. Он ликвидировал свои дела и собирается двинуться в путь не позднее будущей недели. Ему не терпится уехать отсюда. Сегодня он отправился в город, чтобы договориться с капитаном торгового судна, которое направляется в Панаму. Вот почему его не было дома, когда вы приехали к нам. Он просил меня извиниться перед вами. Только важное дело могло заставить его нарушить обычай гостеприимства.

Нисколько не чувствуя себя задетым таким нарушением обычаев, Кроуджер молчал. Ему нечего было сказать. Принято утверждать, что любовь делает человека красноречивым. К сожалению, в некоторых случаях она производит как раз обратное действие. Под ее влиянием жители суши становятся разговорчивы. Морякам она сковывает уста. Происходит ли это потому, что моряки более замкнуты, застенчивы и сдержанны, чем люди, занимающиеся другими профессиями, или по каким-нибудь другим причинам, я не знаю. Но тем не менее это так.

К числу моряков, немеющих от наплыва чувств, принадлежал и Эдуард

Кроуджер. Ему стоило громадного труда преодолеть овладевшее им смущение.

— Скажите, донья Кармен, — произнес он наконец нетвердым голосом, — вы очень радуетесь возвращению в Испанию?

— Нисколько, — решительно ответила дочь дона Грегорио. — Мысль о предстоящем отъезде наполняет меня грустью. Я люблю Калифорнию и с радостью осталась бы здесь на всю жизнь.

— При известных условиях я тоже с восторгом остался бы здесь.

— Вы полюбили эту страну?

— Да, я полюбил ее. Но через каких-нибудь десять дней мне все-таки не будет до нее уже никакого дела.

— Почему, дон Эдуардо? Разве можно заранее знать свои чувства? Признаюсь, ваши слова кажутся мне загадочными. Пожалуйста, объясните их.

Серо-голубые глаза молодой бискайянки устремились на лейтенанта с выражением тревоги и страха.

— Вы действительно хотите, чтобы я ответил на ваш вопрос, сеньорита?

— Очень прошу вас, сеньор.

— Извольте. Я привязался к Калифорнии только потому, что в ней живет девушка, прекраснее которой нет на свете, которая дороже мне собственной жизни и которую я горячо люблю. Через десять дней, а может быть, и раньше (я говорю на основании ее слов) она будет далеко отсюда. Без этой девушки Калифорния покажется мне адом. Теперь, донья Кармен, ключ от моей загадки в ваших руках.

— Не совсем, дон Эдуардо. Прошу вас быть снисходительным к женскому любопытству и не сердиться на меня, если мой вопрос покажется вам нескромным. Как зовут ту девушку, от которой всецело зависит ваше отношение к этой чудной стране?

Кроуджер ответил не сразу. Густой румянец залил его смуглые щеки. Он колебался. С губ его так и просилось дорогое имя. Он жаждал произнести слова, значительнее которых ему еще не случалось произносить, слова, от которых зависела вся его дальнейшая жизнь. И в то же время он боялся произнести их. А вдруг единственным ответом будет холодный взгляд? Впрочем, нет. Не может быть! Вопрос Кармен прозвучал так робко, так взволнованно. По всей вероятности, ей хочется услышать именно то имя, которое он собирается назвать. Смелее же! Зачем мучить ее и себя?

— Имя этой девушки — Кармен Монтихо, — твердо сказал молодой моряк.

На насколько секунд снова воцарилось молчание.

— Не шутите ли вы, Эдуардо? — спросила наконец Кармен, впервые отбрасывая частицу «дон». — Должна ли я верить вам? Не обманывайте меня. Будем вполне откровенны друг с другом. Я не намерена скрывать своих чувств. Мое сердце принадлежит вам. Принадлежит ли мне ваше?

— Разве я не сказал вам этого?

— И это действительно так?

— Прочтите ответ в моих глазах.

Она подняла на него взгляд. Расстояние между ними уменьшалось с каждой секундой. Они глубоко заглянули в глаза друг другу. Голубое сияние слилось с блестящим во мраке пламенем. Выражение этих взоров не могло лгать. В них горела настоящая, страстная и чистая любовь. Обменявшись при-

знаниями, они доверчиво смотрели друг на друга. Полнота счастья сладким бременем легла на их сердца. Они начали строить планы будущего, сулившего, казалось, одно блаженство.

Неподалеку от них так же счастливо бились два других сердца. Между Вилли Кедуолладером и Иньесой Альварец тоже разыгралась любовная сцена. Правда, она была несколько менее сентиментальна. Посторонний слушатель, пожалуй, нашел бы их диалог чересчур легкомысленным. И действительно, он звучал почти шутливо. Это нисколько не мешало ему быть вполне серьезным. Я приведу только заключительные слова молодого валлийца и лаконичный ответ прелестной андалузки.

— Никогда еще не случалось мне встречать такой славной девушки, как вы. Довольно лавировать. Свернем паруса и бросим якорь! Согласны ли вы быть моей женой?

— Да.

Оставаться дольше на вершине холма и смотреть на океан не было никакой нужды. Инстинктивно поняв это, лошади повернули к дому.

Глава XIII СТЫЧКА ЛОШАДЕЙ

Яркое калифорнийское солнце уже клонилось к Береговым горам, когда на склоны их стали подниматься два всадника, появившихся со стороны океана. Зной кончавшегося дня спал. С моря подул прохладный ветерок. Всадники проделали головы в круглые отверстия роскошных манг, развевавшихся красивыми складками по бокам из коней. Это были дон Франциско де Лара и дон Фаустино Кальдерон, возвращавшиеся с петушиного боя в Пунта-Педро.

Цель их поездки была достигнута. Дон Мануэль Диац, которого им без труда удалось найти, принял горячее участие в обсуждении всех подробностей предстоящей дуэли. Кальдерон окончательно решил драться с юным мичманом. Пример приятеля и настоятельные уговоры Диаца (типичного калифорнийского удальца) подогрели его мужество. Укреплению принятого им решения немало способствовала также и крепкая каталонская водка, лившаяся рекой во время петушиного боя. Дон Фаустино до того разошелся, что даже захватил с собою полную флягу этой опьяняющей жидкости. Когда задор его несколько утихал, он выпивал несколько глотков «для храбрости». Как известно, под влиянием водки всякий трус делается на словах храбрецом. Кальдерон вел себя прямо героем... Только бы встретиться поскорее с этим проклятым английским молокососом! Уж он не упустит случая! Уж он заставит щенка вызвать его на дуэль! Он в точности исполнит советы Лары. Да, в точности! Он даст белокурому мичману пощечину, толкнет его, плюнет ему в лицо! Ему ненавистна эта мальчишеская физиономия, на которой еще не показалось ни малейших признаков растительности. Он принудит врага драться с ним, а если трусишка откажется... Ну, что ж! Тогда пусть попросит прощения (не как-нибудь, а на коленях!) и громогласно признает, что сеньор Фаустино Кальдерон, лучший из всех людей на свете, один имеет право добиваться благосклонных улыбок и прекрасной руки доньи Иньесы Альварец!

Этой хвастливой болтовней подвыпивший калифорнийский скотовод занимал де Лару всю обратную дорогу. Креол, тоже крайне возбужденный,

остался верен своей обычной сдержанности. Между тем, крепкая каталонская водка тоже бросилась ему в голову. Он не испытывал потребности подогреть свое мужество. Мужества у него и так было достаточно. Спирт оказал ему другую, более существенную услугу. Опыянение сняло с его души ту страшную тяжесть, которая давила ее с той минуты, как он убедился в равнодушии к нему Кармен. Неприятная сцена разыгралась у подъезда гасиенды дона Грегорио около полудня. Теперь уже было шесть часов вечера. Первые три часа Лара невыносимо страдал. Вся природная гордость его становилась на дыбы при одном воспоминании о нанесенном ему оскорблении. Он чувствовал себя так, как будто его смешали с грязью. Алкоголь помог ему освободиться от этого чувства. Перестав думать о прошлом, он перенес все свое внимание на будущее. Надежда на быструю и жестокую месть сладким хмелем кружила ему голову. В победе своей он нисколько не сомневался. Недаром же все хором уверяли его, что в искусстве владеть шпагой ему нет равного. Как и большинство южан, он предпочитал холодное оружие огнестрельному и, считая, что северяне плохо фехтуют, признавал их несомненное превосходство в стрельбе. Впрочем, о пистолетах не могло быть и речи. Выбор оружия, бесспорно, принадлежал ему. Потребовав у него визитную карточку, лейтенант сам подписал себе смертный приговор.

Оба всадника не умолкали ни на минуту. И храбрец, и трус одинаково жаждали излить в словах обуревавшие их чувства. Де Лара не повышал голоса и не хвастал. В тоне его чувствовалась непоколебимая решимость. В сущности, он только еще более определенно и страстно повторял уже сказанное. О, скорей бы очутиться лицом к лицу с врагом! Пусть английский моряк не рассчитывает на его милосердие. Он вонзает ему шпагу прямо в грудь. Если противник запросит пощады, мольба его будет гласом вопиющего в пустыне. После того, что произошло, компромисс невозможен.

— Поединок наш кончится смертью.

Эти слова, произнесенные после целого ряда других, не менее зловещих фраз, прозвучали торжественнее клятвенного обещания.

Увлечшись разговором, представлявшим собой два совершенно самостоятельных монолога, всадники в развешивающихся мангах едва заметили, что лошади, давно уже перешедшие с галопа на шаг, с трудом поднимаются по крутому склону. Это была самая тяжелая часть дороги. Достигнув вершины горного хребта и взглянув на Сан-Франциско, белые стены и свежескрашенные крыши которого ярко пламенели в лучах заката, де Лара вдруг сообразил, что уже очень поздно. Шпоры его глубоко вонзились в бока усталой лошади. Кальдерон тоже прищипорил своего коня. Они галопом помчались к миссии Долорес. Остановившись там вовсе не входило в их расчеты. Но они все-таки оказались вынужденными сделать короткий привал. Их громко окликнул какой-то оборванец, стоявший на пороге маленькой таверны, посещаемой только подонками калифорнийского общества. Это был подозрительный, загорелый субъект с грубыми чертами лица, в одежде, изобличающей в нем если не профессионального моряка, то, во всяком случае, человека, постоянно имеющего дело с морем. Он походил на лодочника или рыбака. Наружность его не внушала доверия. Именно такие лица бывают у пиратов.

Сделав несколько шагов вперед, оборванец поздоровался с обоими всадниками, остановившимися на полном скаку и поджидавшими его приближения.

Несмотря на свою грубую одежду и неприглядную внешность, он, по-видимому, состоял в самых приятельских отношениях с ними. Приветствие его прозвучало очень фамильярно. Скользя взглядом по раскрасневшемуся лицу Кальдерона, он в упор посмотрел на Лару.

— Мне нужно сказать вам несколько слов, дон Франциско.

— Я охотно выслушаю вас, мой друг. Опять что-нибудь относительно охоты на тюленей?

Слово «тюленей» креол многозначительно подчеркнул.

— Карамба! Нет, на этот раз речь идет о вещи гораздо более интересной.

— О чем же, Рокас? О деньгах?

— Совершенно верно.

— Вы хотите поговорить со мною с глазу на глаз?

— Признаться, да. Может быть, дон Фаустино тем временем...

— Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, — перебил Рокаса Кальдерон. — Я тихонько поеду вперед. Дон Франциско догонит меня.

— Хорошо, — отозвался Лара, поспешно соскакивая с седла.

Между ним и Рокасом тотчас же завязался весьма оживленный разговор. Но они настолько понизили голоса, что двое зевак, вышедших из таверны, чтобы поглазеть на проезжающих всадников, при всем желании не могли разобрать ни слова.

Что именно сказал Рокас Ларе, осталось покрыто мраком неизвестности, но сообщение его произвело большой эффект. В красивых и мрачных глазах креола заискрился какой-то странный огонек. Возглас удивления сорвался с его губ. На лице его появилось выражение алчности. По всему было видно, что слова собеседника не только показали ему достойными внимания, но и обрадовали его. Беседа обоих приятелей продолжалась очень недолго. Заключительные фразы этого краткого разговора свидетельствовали о том, что он будет иметь продолжение.

— Мы встретимся завтра около полудня, — сказал креол.

— Хорошо, дон Франциско.

Лара вскочил в седло.

— Прощайте, дон Рафаэль. До завтра!

С этими словами он прищипорил коня и галопом поскакал вслед за своим спутником. Несколько мгновений посмотрев ему вслед, Рокас снова скрылся в дверях таверны.

Через четверть часа де Лара догнал Кальдерона. Поровнявшись с ним, он несколько умерил аллюр. По-видимому, ему не хотелось рассказывать приятелю о разговоре с Рокасом. Он только разжег его любопытство, объявив, что чрезвычайно интересное сообщение дон Рафаэля станет со временем известно и дону Фаустино.

— А пока мы должны заняться другими, не менее важными делами.

Креола был прав. Обоим калифорнийцам предстояло драться на дуэли. Трусливый скотовод уже подумывал о том, как бы уклониться от этого. Его перестало тянуть к фляжке с водкой. Он протрезвился и пришел в более или менее нормальное состояние.

— Выпей-ка еще, — посоветовал дон Франциско. — Тебе это не помешает. Мы приближаемся к городу. Кто знает, может быть, нам сразу попадется на встречу твой златокудрый соперник.

Едва Лара успел произнести эти слова, как предсказание его исполнилось. Вдалеке, на довольно большом расстоянии от обоих калифорнийцев, поднялось облако пыли. Посередине этого облака начали постепенно вырисовываться силуэты всадников. Их было четверо. Ехали они попарно. Изо всех сил вонзив шпоры в бока своих арабских коней и приблизившись к удалявшейся кавалькаде, Кальдерон и Лара увидели, что она направляется в ту же сторону, куда и они, то есть к городу. Несмотря на пыль, столбом поднимавшуюся на дороге, они без труда узнали всех четырех всадников. Эти всадники ехали на тех самых лошадях, которые стояли утром во дворе гасиенды дона Грегорио. Это были донья Кармен Монтихо, донья Иньеса Альварец и... Да, разумеется, их сопровождали английские моряки!

Самообладание изменило Ларе.

— Проклятье! — воскликнул он, охваченный ревностью и злобой. — Они возвращаются с верховой прогулки. Предчувствие не обмануло меня. Я готов был биться об заклад, что мы их встретим. Тебе повезло, Кальдерон. Рыбка сама просится на удочку. Ты избавлен от необходимости искать ее. Более благоприятного случая нельзя даже и представить себе. Твой соперник скачет бок о бок с дамой твоего сердца. Он нашептывает ей какие-то нежные речи. Смело! Вперед! Не теряй попусту времени и помни, что ты должен нанести мичману несмываемое оскорбление. Признаться, у меня самого чешутся руки.

Он подобрал поводья и остановил коня. Кальдерон молча последовал его примеру. Оба они стали внимательно наблюдать за видневшимися вдали всадниками. Влюбленные пары держались на расстоянии десяти — двенадцати шагов друг от друга. Кармен и Кроуджер ехали впереди, Иньеса и Кедуолладер сзади. Для креола молодой андалузки и ее спутника просто не существовало. Он не отрывал взгляда от передней пары. В эту минуту дикие, злобные и блестящие глаза его удивительно напоминали глаза тигра, подстерегающего добычу. И вдруг Кармен подняла голову, спутник ее наклонился, два силуэта слились в один, губы всадника и амазонки встретились.

— Карамба! — глухо крикнул Лара. — Они целуются!

В тоне его чувствовалось злобное отчаяние. Эта попытка была ему больше не под силу. Испустив горестный и в то же время угрожающий вопль, он снова пришпорил коня и во весь опор поскакал вперед.

На громкий стук копыт первый оглянулся Кедуолладер. До сих пор влюбленные, всецело поглощенные собой, даже и не подозревали о надвигавшейся опасности. Оглянувшись, юный валлиец увидел обоих кабальеро. В тот же миг раздался гневный возглас Лары. Мичман инстинктивно понял, что калифорнийцы замышляют что-то недоброе. Повторение утренней сцены мало улыбалось ему. Поспешно вытащив кортик, еще так недавно послуживший ему для чисто школьной проделки, он решил дорого продать свою жизнь. Больше всего беспокоила его, однако, не собственная участь, а неприятность, грозившая Иньесе. В эту минуту юноша словно переродился. В позе его, в плотно сжатых губах, в сузившихся зрачках чувствовалась железная решимость. Спутником доньи Альварец был уже не смеющийся мальчик, а мужественный и смелый человек. Да, Вилли Кедуолладер плохо держался в седле! Но, взглянув на него, каждый понял бы, что он не даст себя в обиду.

Франциско де Лара вихрем промчался мимо него, даже не удостоив его взглядом. Ему не было ни малейшего дела до этого юноши. Он направлялся к

его другу.

За Ларой мчался Кальдерон. Глаза его, в упор устремленные на мичмана, сверкали злобой. Он явно намеревался напасть на него. Кедуолладер крепче сжал в правой руке кортик. Однако нападения не последовало. Выражение лица скотовода неожиданно изменилось. Эта перемена произошла в ту минуту, когда взгляд его упал на блестящий стальной клинок. Вид стали оказался сильнее действия выпитой водки. Мужество изменило калифорнийцу. Он отшатнулся и, не произнося ни слова, проскакал мимо Кедуолладера. Ему не терпелось догнать Лару. И он догнал его. Но, вопреки обыкновению, Лара даже не попытался приободрить приятеля.

Услышав за собой конский топот, Кроуджер натянул поводья и оглянулся. При виде быстро приближающегося к нему Лары он сразу понял все. Креол, очевидно, намеревался устроить «стычку лошадей». Этот прием борьбы очень распространен среди калифорнийских испанцев.

Вместо того чтобы отскочить в сторону, уроженец Шропшайра решил принять вызов. Лошадь под ним была очень сильная, и он вполне доверял ей. Повернувшись лицом к своему врагу, лейтенант пришпорил мустанга. Лошади столкнулись грудь с грудью, люди — плечом к плечу. Ни одного слова не было произнесено противниками. Они совершенно обезумели от гнева. Тишину нарушили только испуганные восклицания Иньесы и Кармен. Не успели замолкнуть эти восклицания, как дон Франциско де Лара ничком упал на пыльную дорогу. Арабский конь его с громким ржанием остановился над ним. С неистовым проклятьем вскочив на ноги, креол кинулся к пистолету, торчавшему из-за луки его седла. Но Кедуолладер помешал ему. Угадав намерение врага, юноша с молниеносной быстротой подъехал к лошади Лары, схватил пистолет и таким образом лишил смелого авантюриста последней надежды на победу. Обезоруженный, покрытый пылью, смущенный, жалкий, растерянный, стоял дон Франциско посреди дороги. Он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Ему оставалось только бормотать яростные угрозы, перемешанные с самыми ужасными ругательствами.

По просьбе Кроуджера дамы отъехали в сторону. Исступленные проклятья креола показались бы женскому слуху просто невыносимыми.

Некоторое время лейтенант молча слушал выкрики донна Франциско.

Кедуолладер неудержимо смеялся. Иньеса и Кармен стояли поодаль.

— Послушайте, мистер Лара, — сказал наконец лейтенант, — я позволю себе дать вам добрый совет. Возвращайтесь домой, запируйтесь на замок и не выходите на улицу до тех пор, пока к вам не вернется душевное равновесие. Нам не о чем разговаривать. Я возвращаю вам вашу лошадь. Что касается пистолета, то тоже верну его, но не сегодня. Мы ведь еще встретимся.

Кроуджер посмотрел на Кальдерона.

— Рекомендую и вам принять к сведению мой совет, сэр.

Продиктовав эти унижительные условия, которым посрамленные храбрецы волей-неволей принуждены были последовать, молодой человек вскочил в седло и поехал к дамам. Улыбаясь, мичман поскакал за ним вслед.

Через несколько минут кавалькада уже мчалась в сторону гасиенды донна Грегорио. Вторичной «стычки лошадей» нашим морякам не приходилось опасаться.

Глава XIV

«ДО СВИДАНИЯ В КАДИКСЕ!»

Простившись с капитаном Лантанасом, дон Грегорио Монтихо отправился домой. По дороге он заехал в город, чтобы повидаться с Томасом Сильвестром, агентом по морским делам. Необходимо было сговориться с ним относительно объявления в «Новостях дня». Это пустячное дело требовало не больше пяти минут. При желании его ничего не стоило бы изложить письменно. Однако дон Грегорио хотел во что бы то ни стало личной встречи. Он давно знал агента, поддерживал с ним дружеские отношения и всецело доверял ему. Дон Томас тоже был испанским баском.

Придя к нему, старый гасиендадо во всех подробностях воспроизвел разговор с капитаном Лантанасом, сообщил, что «Кондор» действительно пойдет в Панаму, и попросил оказать содействие чилийскому шкиперу в приискании команды. Больше всего волновал дон Грегорио вопрос о погрузке золота на судно. Он буквально дрожал при мысли, что золото могут украсть. Ведь Сан-Франциско полон бесшабашных авантюристов, не останавливающихся решительно ни перед чем! Дон Томас сочувственно слушал излияния своего собеседника. Он знал, что страхи его не лишены оснований.

Отец Кармен очень волновался. Картины, одна страшнее другой, проносились в его мозгу. Обыкновенная кража. Кража со взломом. Открытое разбойничье нападение. Все это казалось ему одинаково возможным. И все это действительно было возможным. За последнее время население Сан-Франциско сильно возросло. Среди пришельцев насчитывалось немало профессиональных воров. В Калифорнию устремлялись и беглые каторжники из Австралии, и преступники из Соединенных Штатов, отсидевшие положенный им срок, и темные личности со всех концов земного шара. Кроме того, в стране было громадное количество собственных, местных бандитов. Узнав о том, что в доме дон Грегорио хранится золотой песок, оцениваемый в триста тысяч долларов, каждый из них счел бы своим долгом попытаться счастья. Бывший гасиендадо прилагал величайшие усилия, чтобы сохранить все свои дела в тайне. Но, разумеется, это ему не удалось. Слух о продаже его владений быстро распространился по городу. Завсегдатаи кафе и ресторанов, дельцы, даже прохожие на улицах знали, какую именно сумму выручил дон Грегорио. Вывод напрашивался сам собой: золото где-то спрятано. В том, что это именно золото, ни у кого не возникало сомнений. В половине девятнадцатого века в Сан-Франциско банковых билетов почти не было. Тщетно пытался сеньор Монтихо уверить своих знакомых, что ему удалось превратить золотой песок в денежные бумаги, представляющие столько преимуществ во время путешествия. Никто не придавал серьезного значения его словам.

Поделившись своими опасениями с Сильвестром и подробно обсудив создавшееся положение, дон Грегорио окончательно остановился на том плане, о котором он уже говорил капитану Лантанасу. Ему казалось, что благоразумнее всего тайком погрузить золотой песок на «Кондор». Дон Томас обещал предоставить в распоряжение дон Грегорио не только свою лодку, но и гребца, которому смело можно было бы доверить погрузку. Друзья решили осуществить этот план ночью. Они условились, что лодка причалит в назначенный

час к песчаной косе, находившейся у подошвы холма, на котором стояла гасиенда сеньора Монтихо, возьмет мешки и ящики с золотом и, не заезжая в порт, отвезет их прямо на «Кондор». Лантанас получит соответствующие директивы. В его плавучей крепости золото найдет надежный приют. Более безопасного места нельзя и придумать. Так, по крайней мере, полагал бывший гасиендадо. Морской агент вполне разделял его мнение.

Их беседа продолжалась недолго. Договорившись относительно кое-каких подробностей, дон Грегорио поспешил распрощаться с другом. Он знал, что в гасиенде остались только слуги. Ведь дочь его и внучка должны были уехать на верховую прогулку с иностранными гостями. Тревога за золото с новой силой овладела им. Он вскочил на коня, поджидавшего его у ворот дома Сильвестра, и двинулся в обратный путь.

Вернувшись в гасиенду, старик заперся в спальне и распорядился, чтобы его не беспокоили до возвращения с прогулки сеньорит. Но даже в четырех стенах своей собственной комнаты он не обрел спокойствия духа. Деньги волновали его. Он не лег спать и даже не подремал в глубоком кресле. Ему было не до отдыха. Несколько часов подряд возился он с золотым песком, который, как читатель, должно быть, догадывается, находился в его спальне. Боясь оставить без призора свое сокровище, он даже спал рядом с ним. Оно хранилось частью в мешках, частью в ящиках.

Готовясь к предстоящей доставке золота на «Кондор», дон Грегорио принялся заново перекладывать его.

Едва он успел справиться со своей задачей, как с посыпанной гравием дороги послышался громкий стук копыт. Кавалькада возвращалась с прогулки. Тяжелые ворота со скрипом повернулись на петлях. Медленно проехав по широкой аллее, усталые, запыхавшиеся всадники остановились в патио.

Хозяин дома вышел навстречу гостям. Оба моряка поспешно соскочили с лошадей и бросились к своим дамам. Но прежде, чем они успели приблизиться к ним, обе сеньориты, как птички, спорхнули на землю и, с двух сторон обвив шею дону Грегорио, принялись горячо целовать его. И дочь, и внучка называли старика папочкой. В этот вечер обе они выказали по отношению к сеньору Монтихо совершенно исключительную нежность. Дело в том, что каждой из них предстояло обратиться к нему с исключительно серьезной просьбой. И дон Грегорио догадывался об этом. Он давно уже заметил, что английские моряки по уши влюблены в сеньорит. У него были все основания предполагать, что во время верховой прогулки молодые люди обменялись любовными клятвами, что лейтенант и мичман сделали его дочери и внучке предложения и что обе парочки попросят его дать свое согласие на их союз. Он не раз уже думал о такой возможности. И личные качества, и социальное положение обоих моряков ему были хорошо известны. Обратив внимание на все учащающиеся посещения лейтенанта и мичмана, сеньор Монтихо съездил на британский фрегат и откровенно поговорил с капитаном Бресбриджем. Полученные сведения вполне удовлетворили его. Капитан дал о своих юных подчиненных великолепный отзыв. Судя по его словам, оба эти офицера, совершенно не похожие друг на друга по складу характера, в одинаковой степени проявляли блестящие способности, с честью носили звание английских моряков и считались отличными работниками. Средства Кедуолладера ограничивались скромным мичманским жалованьем. Кроуджера ожидало большое на-

следство. Оба они с полным правом могли претендовать на брак с гордыми испанскими сеньоритами.

Бывший гасиендадо почти не сомневался, что молодые люди уже сделали предложение Кармен и Иньесе. Он знал, что в ближайшем будущем им предстоит проститься с Калифорнией. «Паладин» получил из главного адмиралтейства приказ идти на Сандвичевы острова в тот день, как в порту Сан-Франциско бросит якорь давно уже вышедший оттуда корвет. Капитану Бресбриджу предписывалось закончить кое-какие дипломатические переговоры с королем Каме-Камехой, зайти в Мазатлан, Акапулько и несколько других мексиканских портов, а также в Панаму и Каллао и затем присоединиться к средиземноморской эскадре. На пути в Средиземное море «Паладин» должен был непременно заглянуть в Кадикс. Таким образом, любовным клятвам, которыми обменялись между собою испанские сеньориты и английские моряки на берегу Тихого океана, предстояло возобновиться по ту сторону Атлантики.

За роскошным обедом, поданным вскоре после возвращения кавалькады, дон Грегорио сообщил своим гостям, что ему уже удалось договориться относительно отъезда в Панаму и что он покидает Калифорнию почти одновременно с ними. Он не скрыл от них ни названия чилийского барка, на котором ему хотелось ехать, ни имени его капитана. И лейтенант, и мичман слушали его с большим интересом. В конце концов он рассказал им даже о том бедственном положении, в котором очутился капитан Лантанас благодаря повальному бегству своей команды.

— Знаете, сеньор Монтихо, — заявил Кроуджер, особенно внимательно прислушивавшийся к последним словам старика, — мы можем оказать вашему капитану маленькую услугу. У меня есть на примете прекрасный матрос.

Дон Грегорио вопросительно посмотрел на лейтенанта.

— Как ты думаешь, Вилли, — обратился Кроуджер к своему другу, — удастся нам найти Гарри Блю? Я боюсь, что он уже отправился на прииски.

— По-моему, он еще в Сан-Франциско, — ответил Кедуолладер. — По крайней мере, я позавчера видел его собственными глазами. Он заходил к нам на фрегат поболтать со своими старыми товарищами.

— Что представляет собою сеньор Блю? — спросил гасиендадо.

— Гарри Блю — настоящий моряк. Понятно ли вам, что я хочу сказать этим, дон Грегорио?

— Да, сеньор Кроуджер.

— Он до последнего времени служил на «Паладине» и был на прекраснейшем счету. Недавно кончился срок его службы. Подобно многим другим, он списался с фрегата в надежде разбогатеть. Ему захотелось поискать золота в одном из притоков Сакраменто. Но, если только он еще не уехал, мне, по всей вероятности, удастся заставить его изменить решение. Этот человек был бы вам очень полезен. Не думаю, чтобы он отклонил мою просьбу. Во время стоянки в Гвайамасском порту его угораздило свалиться за борт, чуть не прямо в пасть громадной акуле. К счастью, я успел броситься ему на помощь. Гарри — хороший парень. Его трудно было бы упрекнуть в неблагодарности. Если он еще не уехал из Сан-Франциско, вы можете смело рассчитывать на него. Такой матрос стоит десяти. Он знает свое дело, отлично управляет парусами и имеет исчерпывающее представление обо всех тихоокеанских портах.

— Благодарю вас, лейтенант, — воскликнул дон Грегорио. — Для капитана

Лантанаса такой человек просто находка, Я почти убежден, что он предложит вашему Гарри стать его помощником. Но удастся ли вам отыскать это сокровище?

— Не беспокойтесь. Если он в Сан-Франциско, мы его, несомненно, отыщем. Матрос — не иголка. Я рассчитываю напасть на его след сегодня же. В случае удачи я направлю Гарри или к капитану Лантанасу, или к тому морскому агенту, о котором вы говорили. Его фамилия Сильвестр, не правда ли?

— Да.

— А адрес?

Достав из бумажника визитную карточку своего друга, дон Грегорио протянул ее через стол лейтенанту.

— Тут указан адрес конторы дона Томаса, — сказал он. — Эта контора представляет собою жалкую лачугу, недавно выстроенную подле новой дамбы. Последнее время кажется, дон Томас, окончательно перебрался туда. Оно и понятно. Цены на квартиры сказочно растут.

— Хорошо, — ответил Кроуджер, опуская визитную карточку в карман. — Если Гарри Блю еще болтается по Сан-Франциско, мы найдем его где-нибудь неподалеку от конторы мистера Сильвестра. Матросы ведь проводят большую часть времени на берегу.

Испанцы и испано-американцы не имеют обыкновения чересчур долго засиживаться за столом. Как только кончается обед, лакей снимает скатерть, а дамы удаляются, оставляя гостей наедине с хозяином. Выпив по несколько рюмок хересу, портвейна или педро-хименеса, мужчины тоже встают. Торопиться им большей частью некуда. Но их тянет из душных комнат на свежий воздух.

Сразу после обеда донья Кармен и ее племянница поднялись на азотею. Горы, поля и море уже окутаны нежно-голубыми калифорнийскими сумерками. В этот день вторая Родина казалась молодым девушкам особенно прекрасной.

Вскоре к ним присоединились и английские моряки. Сославшись на то, что ему необходимо заняться неотложными делами, дон Грегорио снова заперся в своей спальне. Ему хотелось закончить упаковку золотого песка. Провозгласив на прощание тост за его здоровье, молодые люди перевели разговоры на интересовавшую их тему и одновременно задали два вопроса. Лейтенанту Эдуарду Кроуджеру не терпелось узнать, согласится ли дон Грегорио Монтихо отдать ему руку своей дочери Кармен. Мичман Уильям Кедуолладер спрашивал, удостоит ли дон Грегорио доверить ему судьбу своей внучки Иньесы. Оба моряка жаждали сделаться зятьями старого испанца. И оба получили на свои вопросы утвердительный ответ.

Не помня себя от счастья, с покрасневшими щеками и горящими глазами, Кроуджер и Кедуолладер взбежали на азотею, где их с нетерпением поджидали сеньориты.

Известие о том, что отец их уже дал согласие, привело Кармен и Иньесу в неописуемый восторг. При мысли о предстоящем разговоре с доном Грегорио они испытывали тягостное смущение. Теперь не придется, значит, краснеть и запинаться! Теперь уже не нужно ластиться к «папочке»! Они не сомневались, что он сдержит свое слово.

Кармен, Иньеса, Кроуджер и Кедуолладер снова разделились на парочки и разошлись в противоположные концы азотеи. Они говорили о далеком будущем, сулившем им счастливую встречу в Кадиксе. Однако сеньориты никак не могли отделаться от беспокойства за своих друзей. Это беспокойство невольно омрачало радость настоящей минуты. Ведь столкновение с Ларой и Кальдероном неизбежно должно было иметь последствия. Отлично понимая это, и тетка, и племянница осыпали своих женихов тревожными вопросами и заклинали их воздержаться от кровопролития. Лейтенант и мичман отшучивались, высказывали непоколебимую уверенность в своих силах и клялись, что ничего дурного с ними не случится. Послушав их, можно было подумать, что они не только непобедимы, но и неуязвимы.

Между тем время шло. Последние минуты счастливые парочки провели в каком-то безмолвном экстазе.

Наконец пришлось сказать роковое «прости».

Оно прозвучало менее зловеще, чем обыкновенно в таких случаях, так как, произнося его, все четверо влюбленных добавили:

— До свидания в Кадиксе!

Глава XV НА ПУТИ К ВЕСЕЛЬЮ

На городской ратуше Сан-Франциско пробило десять часов. Луна, взошедшая над Монте-Диабло, озарила нежными светло-голубыми лучами зеркально-гладкий залив. Темная вода стала похожа на расплавленное серебро. Как в громадном зеркале, отражались в ней бесчисленные корабли. К флотилии, стоявшей на рейде у Сан-Франциско, присоединилась другая, призрачная флотилия; перевернутые мачты дремлющих под водой судов тонули верхушками в черной глубине. Однако ни на кораблях настоящих, ни на кораблях призрачных паруса не были развернуты. Вместо того чтобы гордо развеяться по ветру, флаги безжизненно висели вдоль мачт или клонились над гакабортом. В заливе царила мертвая тишина. Суда, бросившие якорь в открытом море, и суда, стоявшие у самого берега, одинаково безмолвствовали. С них не доносилось ни звона цепей, ни окриков вахтенных начальников, ни веселых песен, которыми обычно развлекаются собравшиеся у бака матросы. Такая глубокая тишина в этот сравнительно ранний час была явлением любопытным, но вовсе не необъяснимым. Корабли, избравшие своей стоянкой залив Сан-Франциско, безмолвствовали по очень простой причине. На них осталось очень мало людей. Моряки почти поголовно дезертировали.

Одни дезертировали по-настоящему, навсегда отказались от исполнения своих обязанностей и поспешили на прииски, куда их гнала жажда богатства. Другие покинули суда только на несколько часов. Всех неудержимо манил шумный город, полный развлечений и соблазнов. В сравнении с сонным и тихим заливом он казался особенно веселым и привлекательным.

По волнам, залитым серебристым лунным сиянием скользили шлюпки, то отвозившие на берег, то привозившие обратно на корабли моряков. Напряжение, с которым налегали на весла гребцы, а также неравномерность их взмахов свидетельствовали о том, что недостаток рабочих рук остро чувствуется всюду.

Тем временем в городе ключом была жизнь, шум не смолкал ни на минуту, по улицам сновали толпы людей, ярко горели фонари, велись громкие споры на всевозможных языках. Для Сан-Франциско пробил час разгула и наслаждений. Магазины и конторы закрылись. Мирные обитатели улеглись спать. Широко распахнулись гостеприимные двери всевозможных увеселительных заведений. В игорные дома потоками хлынули люди, карманы которых оттопыривались от золотого песка. Когда они выходили оттуда, в карманах их большей частью бывало пусто, а на душе пасмурно и тяжело.

Поработав несколько месяцев подряд на золотых приисках, померзнув в холодных водах рек, берущих свое начало в вечных снегах Сьерры-Невады, измучившись в борьбе со скалами, нажив кровавые мозоли на руках, полумертвые от усталости, эти безумцы нередко спускали в один вечер, даже в один час все то золото, добывание которого стоило им невероятных трудов.

К этому-то шумному, залитому светом, неистовому городу подходили два человека, не имевшие ничего общего ни с бездельниками, кутившими в его роскошных ресторанах, ни с дельцами, шнырявшими по его улицам, ни с подозрительными оборванцами, прятавшимися в темных углах. Это были два молодых английских моряка, Эдуард Кроуджер и Уильям Кедуолладер, пробывшие весь день в отпуску и теперь возвращавшиеся на корабль.

Путь их лежал через Сан-Франциско. Утром, высадившись на берег, лейтенант сговорился с боцманом, что лодка будет ждать офицеров у одной из только что выстроенных деревянных верфей.

Молодые люди быстро шли по прибрежной дороге. Дон Грегорио Монтихо предлагал им дать лошадей. Но они отклонили его любезное предложение, заявив, что предпочитают прогуляться пешком. По пути ни один из них не проронил ни слова. Оба глубоко погрузились в собственные мысли. Им было в одно и то же время и бесконечно хорошо, и бесконечно грустно. Счастье, которое они испытывали, омрачалось сознанием разлуки. Будущее, еще недавно рисовавшееся им в ослепительно ярких красках, стало постепенно затягиваться дымкой непроницаемого тумана.

Некоторое время ничто не нарушало естественного течения мыслей лейтенанта и мичмана. Они не обращали внимания ни на мерный шум разбивавшихся о берег волн, ни на пронзительные крики чаек, круживших над самой водой, ни на мелодичное воркование голубей. Все эти звуки вполне гармонировали с их настроением.

Когда они вплотную подошли к городу, сверкавшему огнями фонарей и жужжавшему наподобие улья, задумчивость их несколько рассеялась. Они почувствовали потребность поделиться между собою кое-какими мыслями. Разговор начал Кроуджер.

— Ах, Вилли, дружище, какой прекрасный день пережили мы сегодня!

— Да, Нед. Я уверен, что более счастливого дня не будет во всей моей жизни!

— Однако у всякой медали есть обратная сторона.

— Обратная сторона? Что ты хочешь этим сказать? Ах, знаю! Под обратной стороной медали ты подразумеваешь наше столкновение с калифорнийцами. Это столкновение доставило мне громадное удовольствие. Дурак в лазоревом плаще, лошадь которого я кольнул кортиком, метался по аллее, как корабль без руля во время шторма. Любой клоун позавидовал бы нелепости его

движений! А какой восхитительный вид был у твоего соперника, свалившегося на дорогу! Несмотря на всю свою ярость, он напоминал вывалившуюся в грязи собаку. Я нахохотался всласть. С тех пор как меня назначили на «Паладин», мне ни разу еще не случилось переживать более веселого приключения. Нам будет о чем рассказать товарищам. Вот-то они посмеются! Вот-то будет разговоров!

— На разговоры у нас, пожалуй, не хватит времени. Мы должны сесть за письменный стол и написать два письма. Я, по крайней мере, собираюсь послать коротенькую записку мистеру де Лара.

— Неужели ты решил вызвать этого хвастуна?

— Разумеется, Вилли. Только не воображай, пожалуйста, что мысль о предстоящей драке мне сколько-нибудь приятна. С той минуты, как я раскусил моего врага, у меня прошла всякая охота драться с ним. Противно иметь какое бы то ни было дело с человеком, которого презираешь. У меня такое чувство, словно я собираюсь идти в омерзительный притон и пить из одного стакана с негодьям.

— Это чувство вполне понятно мне, Нед. Но зачем же в таком случае драться на дуэли? По-моему, в этом нет ни малейшей необходимости. Твой враг — заведомый негодяй. Мой тоже. Все поведение их достаточно показывает это. Мы должны помнить о благородии. Право, не стоит связываться с ними. Плюнем на них, вот и всё!

— Не забывай, что мы не в Англии, а в Калифорнии. Здесь дуэли — заурядное явление. Разбойники с большой дороги и карманные воришки непрерывно толкуют о «чести» и дерутся между собою. Удивительно нелепая страна! Мне рассказывали, что недавно произошел поединок между двумя шулерами. Один из них убил другого. А полгода назад случилась совершенно невероятная история. Преступник вызвал на дуэль судью, разбиравшего его дело и признавшего его виновным. Представь себе, что этот судья не только принял вызов, но и убил противника. Большой бессмыслицы нельзя себе представить! Вообще, говоря между нами, я нахожу, что дуэли следовало бы запретить. Сводить личные счеты путем убийства и глупо, и недопустимо с государственной точки зрения. Тем не менее, пока этот устарелый обычай еще существует, приходится мириться с ним. Я, по крайней мере, никогда не дам повода упрекнуть меня в трусости. И если кабальеро в пурпуровом плаще не выкинет белый флаг, я убью его без сожаления. Возможно, впрочем, что он убьет меня.

— Разве тебе не кажется, Нед, что ты уже получил от него полное удовлетворение?

— Каким образом?

— Сейчас постараюсь объяснить мою мысль. Для меня совершенно несомненно, что моральную победу ты уже одержал. Если бы все ограничилось утренним столкновением, я был бы иного мнения и сам советовал бы тебе послать калифорнийцу вызов. Но ведь «стычка лошадей» кончилась его полным поражением. Я полагаю, что ты можешь считать себя вполне удовлетворенным. О поддержании «чести» следует заботиться не тебе, а твоему врагу. При желании он, конечно, вправе вызвать тебя.

— Никогда не думал, что у тебя столько здравого смысла, Вилли! Признаться, твои слова кажутся мне чрезвычайно убедительными. Пожалуй, я последую твоему совету и не буду ничего предпринимать, пока мой противник не

даст о себе знать. Вполне вероятно, что он предпочтет забыть о моем существовании. В этом человеке есть что-то отталкивающее. Он похож на бандита. Если бы ты вовремя не завладел его пистолетом, он, наверное, попытался бы пристрелить меня. Хороший пистолет! Интересно знать, придет ли за ним молодчик? Если нет, я отошлю ему оружие. Иначе, чего доброго, он еще привлечет нас к суду за кражу.

— Ха-ха-ха! Это была бы самая подходящая развязка для сегодняшнего фарса!

— О, нет, не совсем! Ведь если нас привлекут к суду, вся эта история станет известна капитану Бресбриджу. У старика чертовски строгие понятия о дисциплине. Он не поверит в нашу правоту и решит, что мы стащили пистолет у калифорнийцев из озорства. Конечно, в конце концов нам удастся доказать свою невиновность. Но для этого нам надо будет не только дать исчерпывающие объяснения городскому судье и капитану, но и рассказать, при каких обстоятельствах у нас произошло столкновение с обоими кабальеро. Придется даже, пожалуй, называть два женских имени. Такая «развязка» мне несколько не улыбается.

— Будем надеяться, что занавес опустится до окончания спектакля, — отозвался Кедуолладер. — А сейчас, Нед, мне ужасно хочется промочить горло. Сладкие испанские вина обладают свойством вызывать жажду. К тому же прощание с Иньесой привело меня в грустное настроение. Мне необходимо подбодриться.

— Превосходно, дорогой мой! — воскликнул Кроуджер. — Я с наслаждением составлю тебе компанию. Довольно разговоров о «войне». Закончим день тем, что начинается на ту же букву, то есть вином.

— Что касается меня, — заявил молодой валлиец, — то я предпочитаю заменить вино другим напитком на букву в добрым крепким виски. Ах, если бы достать где-нибудь ирландской или шотландской водки! Никогда еще я не испытывал такой потребности в ней. Право, Нед, мне невыносимо грустно. Сердце точно налито свинцом. Я сам не знаю, что творится со мной.

— Постарайся взять себя в руки, дружище. Мы уже входим в город. В этом великом и славном городе добрая половина жителей ютится в парусиновых палатках, почти нет мануфактуры и постоянно происходит заминка с продуктами первой необходимости. Зато спиртных напитков сколько угодно. Если хочешь, зайдём в Парк-Отель. Эта гостиница славится своим рестораном. Не сомневаюсь, что там найдется и виски.

— Превосходно. Ход вперед, Нед!

— Умерь свое нетерпение. По-видимому, ты совершенно забыл, что мы должны еще кое-чем заняться.

— Чем?

— Поисками Гарри Блю. Я ведь обещал дону Грегорио найти нашего приятеля. Только бы он согласился поступить на «Кондор»! Я призову на помощь все мое красноречие, чтобы уговорить его.

— Можно обойтись и без красноречия. Для Гарри Блю твое слово — закон. Он чудесный малый. С тех пор, как ты спас его от смерти, в нем пробудилась безграничная привязанность к тебе. Накануне ухода с «Паладина» он говорил, что разлука с тобою причиняет ему большую боль. Когда вы жали друг другу на прощанье руки, крупные слезы текли по его обветренным щекам. Если бы

в тот момент ты посоветовал ему остаться на фрегате, он с восторгом последовал бы твоему совету.

— Я не сделал этого только потому, что желал ему добра. На калифорнийских приисках многие богатеют. Сотни английских матросов здесь сделались состоятельными людьми. Мне казалось, что Гарри тоже следует попытаться счастья. Но теперь перед ним раскрываются новые возможности. Дон Грегорио сказал, что хорошему матросу капитан Лантанас охотно предложит двойное или даже тройное жалованье. Не лишено вероятия, что Гарри сделается его главным помощником. Такая карьера гораздо больше к лицу моему любимцу, чем золотоискательство. На море ему нет цены. На суше он беспомощнее ребенка. Мошенники, которых в больших городах хоть отбавляй, куда опаснее для него, чем акулы. Если бы даже ему повезло на приисках, я уверен, что через неделю по возвращении в порт он снова сделался бы бедняком. Нам предоставляется великолепный случай спасти его. Родная стихия Гарри — океан. Он провел большую часть своей богатой приключениями жизни в море. И вот море снова зовет его. На военном фрегате он мог быть только простым матросом. На коммерческом судне он может быть кем угодно. Весь вопрос в том, удастся ли нам отыскать его в этом муравейнике. Не знаешь ли ты случайно, где он собирался бросить якорь?

— Представь себе, знаю. Когда мы виделись с ним в последний раз, он сказал, что намерен остановиться в какой-то гостинице или таверне, известной под названием «Приют моряка». Точного адреса этой гостиницы я не помню. Но мне случалось как-то проходить мимо «Приюта моряка». Я проведу тебя туда прямым путем.

— Прямым или окольным, мне все равно. Лишь бы поскорее до нее добраться! Времени у нас достаточно. Я ведь просил боцмана не приезжать за нами раньше одиннадцати. Но мне хочется немного ознакомиться с вечерней жизнью этого своеобразного города, о котором, в сущности, я не имею еще ни малейшего представления.

— Вполне разделяю твоё желание.

— Более благоприятного случая может и не представиться. Сомневаюсь, чтобы капитан Бресбридж еще раз отпустил нас на берег. Нужно ковать железо, пока оно горячо. Иногда бывает полезно немножко поразвлечься. При ярком свете дня мы занимались только любовью и ссорами. Используем лунное сияние для веселья.

— Веселиться я всегда готов. Но на лунное сияние не советую особенно рассчитывать. Посмотри, какие громадные тучи надвигаются с востока. Через десять минут они затянут все небо, и залив окутается густым мраком.

— Что нам залив? Рестораны Сан-Франциско залиты светом. Прибавь шагу, Билль. Отыщем Гарри Блю, переговорим с ним, а потом отправимся в Парк-Отель.

— А потом?

— Если ничего не имеешь против, заглянем в какой-нибудь игорный дом.

— Неужели ты собираешься играть в азартные игры, Нед?

— Как я уже говорил, мне хочется ознакомиться с жизнью Сан-Франциско. Азартные игры являются ее неотъемлемой частью. Не смотри на меня так тревожно. Я не наделаю глупостей.

Весело смеясь и ежеминутно обмениваясь шутками, молодые люди ускори-

ли шаг и вскоре очутились на улицах Сан-Франциско.

Глава XVI МОРЯК СТАРОГО ЗАКАЛА

Гарри Блю был типичным моряком старого закала. Теперь таких моряков уже нет. Они встречались только в прежние времена, когда корабли еще ходили под парусами и строили их из дуба, а не из стали. В наши дни парусные суда стали редкостью. Но еще большей редкостью стали искусные, отважные моряки, проворно карабкающиеся по мачтам и с молниеносной быстротой ставящие паруса.

Из всех матросов, служащих на «Паладине», никто не проявлял большего мастерства в своем деле и никто не пил с большим удовольствием своей порции грога, чем Гарри Блю. Под влиянием солнца, морского воздуха и ветра смуглая кожа его стала бронзовой, а щеки и шея приобрели медно-коричневатый оттенок. По воскресеньям, после усиленных омовений и бритья, этот оттенок несколько смягчался. Правильные, красивые черты круглого лица Гарри казались особенно привлекательными благодаря искристому блеску больших серых глаз и веселой улыбке, обнаруживавшей два ряда крепких белых зубов. Из-под лихо заломленной набекрень матросской шапки с голубой лентой выбивались темные, тщательно приглаженные кудри. Ямочка на энергичном, широком, слегка выступающем подбородке придавала Гарри что-то детское. Стройная шея и могучие плечи свидетельствовали об исполинской силе. Громадный воротник, шириной в добрых семь дюймов, спадал на крепкую мускулистую спину. Верхняя часть торса Гарри была всегда обнажена. На позлащенной солнцем груди его красовался вытатуированный якорь. Рядом с этим якорем, несколько менее на виду, находилось изображение темно-синей девушки — не реалистический портрет, а стилизованный набросок, имевший цель постоянно напоминать бравому матросу о романе, разыгравшемся в каком-нибудь отдаленном порту. Однако вечное напоминание не привело ни к чему. Гарри изменил синей красавице. Вероломство это выплывало наружу, когда он засучивал рукава. На правой руке его, от локтя к кисти, была вытатуирована другая, светло-голубая, красавица. На левой виднелся Купидон, державший в руках опущенный лук и благосклонно смотревший на два сердца, пронзенные только что пущенной им стрелой. Вид всех этих любовных эмблем невольно наводил на подозрение, что наш лихой моряк отличался таким же непостоянством, как ветер, с которым ему так часто приходилось бороться. Между тем предположения такого рода были бы совершенно неосновательны. Люди, знавшие его, клятвенно утверждали, что он любил только один раз в жизни. Предметом этой единственной любви была светло-голубая девушка. Гарри пребывал верным ей до самой ее смерти, случившейся как раз в тот день, когда они собирались венчаться. Это неожиданное несчастье произвело на него такое глубокое впечатление, что он решил навсегда остаться холостяком. Темно-синяя красавица являлась плодом фантазии того пожилого матроса, который вытатуировал ее, когда Гарри был еще только молоденьким юнгой.

Незадолго до описываемых событий Гарри Блю исполнилось сорок лет. Из них тридцать он провел в море. На берегу он бывал только случайно, во время

стоянок корабля в том или ином порту. Суша мало привлекала его. Он служил на всевозможных военных судах и три раза совершил кругосветное плавание. Долгие годы непрерывного труда не надломил его могучей натуры. Он был здоров, бодр, свеж и весел. Только плечи его немного согнулись от вечной возни с парусами. Благодаря сутулости он казался ниже, чем был на самом деле. Гибкие члены его отличались редкой пропорциональностью. Ноги, обтянутые белыми полотняными штанами, казались выкованными из стали.

Гарри был прекрасным моряком и на редкость хорошим человеком. Несмотря на это, ему не удалось добиться никакого повышения по службе. Он принадлежал к числу так называемых вечных матросов. Зачисление в списки первого разряда ни на шаг способствовало его карьере. Он только в исключительно редких случаях жаловался на свою судьбу. Но если бы его спросили, чем объясняется ее несправедливость к нему, он, по всей вероятности, сказал бы, что она всегда несправедлива к людям, которые держат себя независимо, или, как он выражался, «не лижут ноги начальству». Такое объяснение в значительной степени соответствовало действительности. Но была, однако, еще причина, по которой Гарри не давали ходу. Любя соленую морскую воду, он выказывал глубокое отвращение к пресной и пил ее только в тех случаях, когда к ней примешивалось соответствующее количество спирта. Пристрастие к алкоголю было единственным недостатком нашего героя.

Как уже говорилось, морская служба его протекала на всевозможных военных судах. На «Паладине» он пробыл целых пять лет. Срок службы его кончился как раз в тот день, когда фрегат бросил якорь в заливе Сан-Франциско. Перед Гарри открывались две возможности. Он мог или остаться на корабле, снова записавшись на пятилетний срок, или же отправиться на все четыре стороны. Ему захотелось уйти. Принимая во внимание горячку, которую переживал в то время Сан-Франциско, мы не найдем в этом желании ничего удивительного. Скорее уж нам покажется странным, что Гарри несколько дней провел в тяжелых колебаниях. Однако призрак золота в конце концов все-таки соблазнил его. Уступив соблазну, он распрощался со старыми товарищами, съехал на берег и поселился в «Приюте моряка». Сведения Кедуолладера оказались совершенно правильными.

«Приют моряка» представлял собой не то гостиницу, не то харчевню, имел очень непривлекательный вид и помещался в двухэтажном домишке, почерневшие стены которого не красились уже много лет. Гарри Блю скоро убедился в том, что, несмотря на внешнее убожество, цены в этой гостинице чрезвычайно высоки, совсем не соответствуют ее внутренним качествам и смело могут конкурировать с ценами остальных заведений того же рода. Он намеревался пробыть там очень недолго, ровно столько, сколько это казалось ему необходимым, чтобы «немного встряхнуться». После кратковременного пребывания в Сан-Франциско Гарри хотел уехать на один из приисков Сакраменто. За исполнение первой части программы он взялся с таким рвением, что через несколько дней от его жалованья не осталось и следа. По истечении недели ему пришлось с грустью удостовериться в полнейшей пустоте своего кошелька. Деньги точно растаяли. Что касается кредита, то к нему в Сан-Франциско относятся крайне отрицательно.

Очутившись на берегу, Гарри не считал нужным вести запись расходов. Поэтому банкротство явилось для него грустной неожиданностью. Опустив руки

в карманы, он не нашел в них ни пенни. Дальнейшие поиски тоже не дали никаких результатов. Он перерыл свой матросский сундучок и тщательно осмотрел все вещи, которые в какой-либо степени могли служить хранилищем для денег. Денег не было. Куда же девалось годовое жалованье, полученное им в день прощания с «Паладином»? Оно словно в воду кануло. Тому, что Гарри это сделалось известно только в самую последнюю минуту, удивляться не приходится. С момента переезда на берег он перестал быть собою и всецело отдался разгулу. Кутить так долго подряд ему еще не случалось никогда. Он гулял шесть дней и шесть ночей. На седьмой день кошелек его опустел. Хозяин того самого заведения, где он спустил все свои денежки, наотрез отказался давать ему что-либо в долг.

Безденежье неприятно всегда и всюду. Но человек, очутившийся в 1849 году в Сан-Франциско без гроша в кармане, попадал без преувеличения в катастрофическое положение. Цены в то время там были совершенно фантастические. Самый дешевый обед стоил не меньше шести долларов. Ту же цену запрашивали за ночлег в деревянной лачуге или парусиновой палатке; одеяла и тем более простынь при этом не полагалось. Добрые люди позволяли иногда бездомным скитальцам переночевать у стены бревенчатого хлева. Но за право провести ночь внутри его, на соломенной подстилке, в обществе коров и быков, взималась довольно солидная плата.

На седьмой день своего пребывания на берегу Гарри Блю столкнулся лицом к лицу с необходимостью подумать о приискании какого-нибудь, хотя бы самого непритязательного, ночного пристанища. В тот момент, когда он окончательно протрезвел и вновь обрел способность мыслить, ему пришло в голову, что наступило время приняться за исполнение второй части программы, то есть начать работать на приисках. Но каким образом уехать из Сан-Франциско и добраться до приисков? На эти два вопроса Гарри не находил сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Дорога к Сакраменто на пароходе стоила около ста долларов, а в дилижансе еще того больше. У Гарри не было ни одного цента. Реализация его скудного имущества не дала бы требуемой суммы. В довершение всех бед на это имущество был наложен арест хозяином гостиницы, не желавшим прощать постояльцу долга за двое суток пансиона и несколько бутылок виски.

Гарри Блю очутился в чрезвычайно затруднительном положении. Он не мог ни ехать на прииски, ни оставаться в «Приюте моряка». Стол и ночлег в этой плохонькой гостинице обходился ежедневно в десять долларов. Это было не по карману Гарри даже в те дни, когда он чувствовал себя богачом. Теперь, когда от богатства его осталось одно воспоминание, дело начало принимать трагический оборот. Таверна, в которой жил бывший матрос, ни в какой мере не оправдывала своего названия. Владелец ее страдал полным отсутствием гостеприимства. Узнав, что Гарри не уплатил за двое суток пансиона, он пришел в бешенство. На самом видном месте его заведения, прямо над стойкой, красовалось объявление: «Плата за стол и пансион должна вноситься ежедневно». Легкомысленному постояльцу, не принявшему к сведению этого объявления, тотчас же была послана грозная записка с предложением немедленно очистить занимаемое им помещение. Получив эту записку, Гарри несколько не рассердился и не обиделся. Как и многие другие моряки, он давно уже научился спокойно относиться к житейским невзгодам. Долгие странствова-

ния убедили его в том, что человек без гроша в кармане не может рассчитывать на хорошее обращение. Он ни на что и не претендовал. Он только жалел, что так глупо прокутил свои деньги, слегка мучился угрызениями совести и не знал, как «сойти с мели».

Впрочем, из-за собравшихся туч все-таки проглядывало солнце. «Паладин» еще стоял в порту. При желании Гарри мог снова поступить на фрегат. Он знал, что капитан охотно примет его, что матросы и офицеры окажут ему самый радушный прием. Чтобы вернуться на старую службу, достаточно шепнуть словечко одному из гуляющих в Сан-Франциско товарищей... Может быть, так и сделать? Однако Гарри казалось немного унижительным снова приняться за работу, от которой он отказался, вернуться к товарищам, которым он сказал «прости»; мыть палубу, лазить по мачтам и крепить паруса, а главное — навсегда расстаться с радужными надеждами, с мечтами о золотом песке, о деньгах, о благосостоянии и об отдыхе. Неужели же ему суждено гнуть спину над черной работой до конца жизни?

До тех пор пока червонцы весело позвякивали в его карманах, море рисовалось перед мысленным взором Гарри Блю в мрачных красках, а калифорнийские прииски в розовых. Теперь, когда в карманах его утих дразнящий звон, прииски стали постепенно окутываться мраком, а море заметно посветлело. И все-таки Гарри колебался. Мозг его усиленно работал. Погруженный в глубокую задумчивость, он держал руки в карманах, как будто отыскивая там что-то. Это были совершенно машинальные движения. Он отлично помнил, что у него не осталось ни цента.

Своим тягостным размышлениям Гарри предавался в маленьком баре «Приюта моряка». В помещении не было никого, кроме него и стоявшего за стойкой хозяина. Хозяин посматривал на своего единственного гостя крайне недружелюбно. Перед ним лежала толстая тетрадь, в которой были занесены все прегрешения Гарри, или, говоря иначе, неоплаченные счета за двое суток пансиона и за несколько бутылок виски. Эти неоплаченные счета одинаково терзали и должника, и кредитора. Хозяин ни за что на свете не дал бы прокутившемуся матросу даже бутылки пива. Только деньги могли смягчить его сердце.

«Что же делать? — думал Гарри. — Поставить крест на золотых снах? Вернуться к черным тросам? Ведь в это такое дурацкое положение попал!»

Взгляд, брошенный им на злое, каменное, непреклонное лицо хозяина гостиницы, сыграл роль гири, упавшей на весы. Гарри Блю решил. Он высказал свое решение не угрюмому кредитору, а самому себе, и не громким голосом, а еле слышным шепотом:

— Видно, такова уж моя судьба. На роду мне написано быть вечным матросом. Придется снова поступить на фрегат!

Глава XVII

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Решив распрощаться с мечтами о золоте и снова сделаться матросом, Гарри Блю хотел уже было выйти на улицу, как вдруг его задержали. Виновниками этой задержки не были, однако, ни владелец «Приюта моряка», ни его помощник. Они ничего не имели против ухода прокутившегося постояльца. Беглый осмотр его сундучка, содержавшего воскресный костюм и кое-какие вещи, убедил в том, что они без труда могут взыскать с него долг. Поэтому им было бы только на руку, если бы Гарри навсегда покинул гостиницу, расплатившись с ними своими вещами.

Однако это вовсе не соответствовало желаниям самого Гарри. Ему не хотелось лишаться своего сундучка. С того момента, как он принял решение возвратиться на «Паладин», в нем снова стали оживать заглохшие было надежды. Он рассчитывал, что судовой казначей не откажется выдать ему небольшой аванс. В крайнем случае товарищи матросы ссудят его суммой, необходимой для выкупа пожитков. Он решил поехать на фрегат немедленно, с первой же шлюпкой, которая повезет с берега отпускников. Перспектива провести ночь под открытым небом мало устраивала его. А других перспектив перед ним не было. Хозяин гостиницы кратко, но весьма выразительно посоветовал ему убраться прочь. Он уже собирался исполнить этот совет, как вдруг на пороге гостиницы появился какой-то человек. Нет, появилось двое людей! Две черные фигуры выросли в раскрытых дверях и бросили колеблющуюся тень на дощатый пол. Эти черные фигуры показались Гарри светлее и прекраснее лучей восходящего солнца. В неожиданных посетителях он узнал двух офицеров с «Паладина». Один из них был его лучшим другом.

Перед ним стояли Кроуджер и Кедуолладер.

Бывший матрос сперва приветствовал их по-военному, вытянувшись во фронт не менее старательно, чем он это делал на «Паладине», а потом по-дружески. При виде знакомых и симпатичных лиц крик радости невольно сорвался с его губ. Он снял свою соломенную шляпу, провел рукою по взлохмаченным волосам и, несколько раз восторженно тряхнув головой, принялся усиленно шаркать ногами.

Закончив эту операцию, Гарри застыл на месте с нетерпением ожидая, что скажут ему офицеры. В том, что они пришли именно к нему, он нисколько не сомневался.

В баре было почти совершенно темно. Перешагнув через порог, Кроуджер остановился, кинул вокруг пытливый взгляд и спросил:

— Нет ли здесь английского матроса по имени Гарри Блю?

— Есть! Есть! — взволнованно откликнулся сам Гарри, бросаясь навстречу гостям.

После долгих приветствий воцарилось короткое молчание. Сердце прокутившегося моряка билось частыми и сильными ударами. Тоска, только что угнетавшая его, сменилась радостной тревогой. Ему казалось, что Кроуджер, которому он был обязан жизнью, вторично спасет его. Может быть, молодые люди хотят посоветовать ему вернуться на фрегат? Что ж! Такой совет пришелся бы как нельзя более кстати и вполне соответствовал бы его собствен-

ным желаниям. Гарри решил не предвосхищать событий и выслушать все то, что скажут ему офицеры.

— Здравствуй, старый друг! — воскликнул Кроуджер, крепко пожимая руку матроса. — Очень рад, что мне удалось отыскать тебя. Я боялся, что ты уже уехал на прииски.

— Нет еще, мистер Эдуард. Собирался уехать, да не собрался. Без попутного ведь ветра далеко не уплывешь!

— Без попутного ветра? Что ты хочешь сказать этим?

— Д то, сэр, что на берегу я немножко поистратился.

— Вот как!

— Признаться, дорогой мистер Эдуард, у меня не осталось ни цента. На приисках, говорят, золота сколько угодно. К сожалению, чтобы добраться до них, необходимы деньги. А денег у меня нет. Завяз я, по правде сказать, как старая шляпка в прибрежной тине. Дела мои их рук вон плохи.

— Не унывай, Гарри. Дела твои поправятся. Не хочешь ли ты снова поплавать по морю?

— Хочу, мистер Эдуард. Как раз перед вашим приходом я сидел тут и думал об этом. Я решил съездить на фрегат и попросить, чтобы мое имя снова внесли в списки. Если капитан согласится, я охотно запишусь опять на тот же срок.

— Капитан с радостью принял бы тебя. Можешь быть в этом уверен. В английском военном флоте много хороших моряков. Но таких, как ты, и днем с огнем не сыщешь.

Гарри смущенно потупился.

— Однако на «Паладин» тебе возвращаться не стоит, — продолжал Кроуджер.

— Почему, сэр?

— Потому что я могу устроить тебя на несравненно лучшее место. Во всяком случае, оно гораздо доходнее того, которое ты занимал до сих пор. Что, если бы тебе предложили поступить на торговое судно с окладом жалованья, в два или три раза превышающим обычное? Как бы ты отнесся к такому предложению?

— Я нашел бы его заманчивым, мистер Эдуард. Правда, военные суда нравятся мне больше торговых. Но если вы находите, что мне следует принять это предложение, то я ничего не имею против. Ради вас я с восторгом сделался бы даже коком.

— Нет, нет, Гарри! — со смехом заметил молодой лейтенант. — Я ни за что не подпустил бы тебя к камбузу. Мне было бы слишком жалко тех несчастных, которым пришлось бы есть твою стряпню. К тому же мне даже странно подумать, что такой молодец может возиться с кастрюлями и сковородами. Ты достоин лучшей участи. К счастью, я уполномочен предложить тебе хорошее место. Речь идет о чилийском торговом судне, на котором сравнительно легко выдвинуться. Капитан его не то чилиец, не то испанец. Надеюсь, впрочем, что до национальности судна и капитана тебе мало дела.

— О, никакого, сэр! Мне все равно, под каким флагом ходит корабль и о какой родине тоскует шкипер. Лишь бы получать приличное жалованье и сносную пищу.

— И немножко грога, не правда ли?

— Да, мистер Эдуард! Вы ведь знаете мою слабость. Грог мне необходим три раза в день.

— Успокойся, ты будешь получать его. Однако наш разговор еще не кончен. Выслушай меня внимательно. Устраивая тебя на это чилийское судно, я забочусь не только о твоих интересах, но и о своих собственных. Мы оба, мистер Кедуолладер и я, обращаемся к тебе с большой просьбой. Во время предстоящего плавания ты должен вести себя безукоризненно. На этом судне, направляющемся, если память мне не изменяет, в Вальпараисо, поедут две молодые девушки. Они сойдут в Панаме. Старайся делать все возможное, чтобы они чувствовали себя хорошо во время путешествия. Если же случится какая-нибудь беда, шторм, кораблекрушение или что-либо в этом роде, приди им на помощь.

— Да, Гарри, — подтвердил мичман, — мы оба рассчитываем на тебя. Обещаешь ли ты исполнить нашу просьбу?

— Конечно, обещаю! — радостно воскликнул Блю. — Вы могли бы и не просить меня об этом. В случае несчастья я и сам догадался бы поспешить на помощь пассажирам. А присматривать за двумя девушками, да еще такими молоденькими и красивыми...

— Стой, Гарри! Почему ты знаешь, что они молоды и красивы? — с изумлением спросил Кроуджер.

— Откуда у тебя такие точные сведения? — добавил Кедуолладер.

Гарри улыбнулся во весь рот.

— У вас плохая память, джентльмены. Или вы, может быть, думаете, что для меня не существует ничего на свете, кроме парусов и канатов? Ведь я был в числе гребцов, доставивших ваших знакомых на ту шикарную вечеринку, которую вы устраивали на фрегате. А потом мне и вас случилось разика два отвозить к песчаной косе, от которой идет дорога к большому, красивому дому. К тому же... с вечеринки вы провожали ваших знакомых на берег... я сидел на руле... слух у меня хороший... Помнится, вы нашептывали сеньоритам речи, которые казались им нежнее летнего ветерка...

— Молчи, разбойник! Оказывается, он в курсе всех наших дел, Вилли! Вот так штука! Я совсем забыл, что ты знаешь испанский язык.

— Я знаю его плохо.

— По-моему, слишком хорошо.

— Ах, мистер Эдуард, на новом месте это мне очень пригодится.

— Пожалуй.

— Только, пожалуйста, не сердись на меня за то...

— Я не сержусь, Гарри. Не мог же ты, в самом деле, заткнуть уши! Скажу тебе только одно. На чилийском судне поедут молодые девушки, которых ты видел у нас на вечеринке. Позаботишься ли ты о них?

— Не беспокойтесь, сэр. Я буду беречь ваших знакомых как зеницу ока. Никто не посмеет обидеть их. Они останутся довольны мною. Можете положиться на обещание старого морского волка.

— Я верна тебе, Гарри. Теперь поговорим о твоей новой службе. Чилийская шхуна стоит на якоре в гавани. Ты найдешь ее без труда. Но сперва повидайся с джентльменом, имя и адрес которого написаны на этой бумажке. Смотри, не потеряй ее. Дон Томас Сильвестр — агент по морским делам. Контора его находится где-то неподалеку от набережной. По всей вероятности, он примет тебя

с распростертыми объятиями и договорится с тобою относительно жалованья. От него ты направишься прямо к капитану. Чилийское судно испытывает острую нужду в рабочих руках. По правде сказать, на нем нет сейчас ни одного матроса. При желании ты легко можешь сделаться правой рукой капитана. Знание испанского языка очень пригодится тебе. Сейчас уж слишком поздно, чтобы предпринимать что-либо. Займись хлопотами с утра. Только, смотри, не проспи.

— Что вы, мистер Эдуард! Я поднимусь с петухами и явлюсь в контору мистера Сильвестра к самому открытию дверей.

— Превосходно!

— А вдруг они набрали уже полный комплект и не нуждаются в людях?

— Вряд ли. Я думаю, ты будешь для них первой ласточкой. Дай нам знать о твоих успехах. Должно быть, «Паладин» простоит в Сан-Франциско еще не меньше недели. Но не исключена возможность, что он снимется с якоря внезапно. Тогда мы больше не увидимся. Не забудь нашей просьбы. Береги сеньорит. Мы оба всецело полагаемся на тебя.

— Будьте спокойны, мистер Эдуард. Можете доверить Гарри Блю и вашу собственную жизнь, и жизнь ваших близких.

— Спасибо, старый товарищ, — взволнованно сказал лейтенант. — Грустно мне расставаться с тобою. Но я уверен, что мы видимся не в последний раз. Когда ты вернешься в Англию, непременно разыщи меня. Я всегда буду рад тебе. А пока пожмем друг другу на прощание руки.

Эдуард Кроуджер и Гарри Блю обменялись крепким рукопожатием. Истинная дружба связывала этих двух людей. Лейтенант спас матроса от смерти. Матрос взялся оберегать девушку, которая была лейтенанту дороже жизни. Немудрено, что оба они вложили в свое безмолвное рукопожатие множество разнообразных чувств.

Обернувшись на пороге и еще раз посмотрев на Гарри Блю, Кроуджер и Ке-дуолладер пошли «изучать быт» Сан-Франциско.

Глава XVIII

НЕГОСТЕПРИИМНЫЙ «ПРИЮТ»

Стоя в дверях «Приюта моряка», Гарри Блю долго смотрел вслед своим уходящим друзьям. Глаза его сверкали радостью. Он был глубоко благодарен Кроуджеру. Да, предчувствие не обмануло его. В нужную минуту лейтенант вторично пришел ему на помощь.

За каких-нибудь полчаса положение бывшего матроса резко изменилось. До прихода неожиданных гостей он был мрачнее тучи. Разговор с ними привел в наилучшее расположение духа. Будущее рисовалось ему в самых радужных красках. При мысли о плавании на хорошем корабле (правда, не военном, а коммерческом), о двойном или даже тройном жалованье, о возможности стать помощником капитана он чувствовал легкое головокружение. Единственным пятном на безоблачном небе Гарри была разлука с человеком, который так много сделал для него. Но он уже пережил эту разлуку, уходя с «Паладина». Горечь ее несколько умерялась сознанием, что ему представляется случай доказать свою благодарность на деле. Он отлично знал, как заинтересован Эдуард Кроуджер в благополучии Кармен Монтихо (имена обеих молодых девушек не были для него тайной), и бесконечно радовался тому, что молодой лейтенант решил доверить ему свое сокровище.

Тронутый этим доверием, бывший матрос мысленно клялся во что бы то ни стало оправдать его. За последние полчаса он словно переродился. Смертельная опасность не испугала бы его. Он принял героическое решение не пьянствовать больше никогда в жизни или, по меньшей мере, до тех пор, пока ему не удастся выполнить взятое на себя обязательство. До Панамы, где сеньориты высадутся на берег, он ни разу не притронется к спиртным напиткам! Он воздержится от них до самого Вальпарайсо! Насчет дальнейшего Гарри чувствовал себя уже гораздо менее уверенным.

Проводив печальным вздохом завернувших за угол офицеров, он вернулся обратно в бар. О поездке на фрегат думать больше не приходилось. Он должен был переночевать в городе, чтобы встать пораньше и вовремя явиться к морскому агенту. Сообразив это, прокутившийся матрос задумчиво почесал в затылке. Вопрос о ночлеге так ведь и остался невыясненным. Блестящие перспективы на будущее нисколько не изменили настоящего. Гарри страшно досадовал на себя за то, что он не подумал об этом до ухода своих друзей. Одно из слов оказалось бы достаточно, чтобы вывести его из затруднительного положения. Разумеется, они охотно помогли бы ему. Но теперь уже было поздно. Они снялись с якоря и поплыли на всех парусах в открытое море. Куда именно они намеревались держать курс, Гарри не знал. Ему было ясно, что искать их на запутанных и людных улицах большого города совершенно бессмысленно. В то время как он тщетно старался найти какой-нибудь выход, к нему подошел владелец гостиницы. На устах этого мрачного джентльмена играла самая приветливая улыбка. Он надеялся, что дела его постояльца поправились. Недаром же так приветливо разговаривали с ним только что ушедшие офицеры! По всей вероятности, они предложили ему поступить на их судно и снабдили его деньгами.

— Очень рад за вас, голубчик, — ласково сказал хозяин. — Надеюсь, теперь,

когда в карманах ваших снова появились золотые монеты, вы уплатите мне по счету.

— К сожалению, вы ошибаетесь, сэр, — вежливо ответил Гари, заметно приуныв. — У меня по-прежнему нет денег.

— О чем же в таком случае беседовали с вами эти молодые офицеры?

— О чем угодно, только не о деньгах. Эти молодые офицеры — мои бывшие сослуживцы. Мы проплавали вместе на «Паладине» целых пять лет. Если бы вы знали, какие они славные!

— Я знаю, что они не сочли нужным помочь вам. Неужели вы действительно не получили от них ничего, кроме теплых слов? — Ничего, — ответил Гарри, стараясь сохранить спокойствие. Грубый допрос хозяина гостиницы начал действовать ему на нервы.

— Теплые слова стоят дешево. Ими вам не удастся покрыть ваш счет.

— Я это знаю, — сказал бывший матрос, решив ни в коем случае не поднимать скандала. — Мне очень жаль. Я надеюсь скоро получить деньги.

— Вы надеетесь на это уже двое суток. Впрочем, мне на ваши надежды наплевать. Кредит для вас закрыт.

— Я бы хотел еще раз поужинать и переночевать здесь.

— Ваше желание неосуществимо.

— Я расплачусь с вами завтра утром.

— Если бы вы были сколько-нибудь добросовестны, вы расплатились бы со мною сегодня. О чем тут толковать? Неужели вы воображаете, что я держу гостиницу из благотворительных целей? Для постояльцев вашего сорта у меня нет ни кроватей, ни еды, ни виски. Чем скорее вы уберетесь отсюда, тем это будет лучше.

— Уж слишком вы строги, сэр! — со вздохом отозвался Гарри. — Мне очень хотелось бы переночевать у вас сегодня. Завтра я поступлю на хорошее место. Джентльмены, которых вы изволили видеть, дают мне самую лучшую рекомендацию.

— Почему же они не дали вам денег?

— Они, наверное, дали бы и денег, если бы я попросил их об этом. Мне просто как-то в голову не пришло обратиться к ним с такой просьбой.

— Неужели вы думаете, что я верю хоть одному вашему слову? Рассказывайте эти побасенки кому-нибудь другому. Если бы молодые офицеры устраивали вас на службу, они дали бы вам денег на уплату ваших долгов. Ну, довольно! Мне некогда разговаривать с вами. Платите по счету или убирайтесь вон.

— Боюсь, что мне придется убраться.

— Скатертью дорога!

— А мои пожитки?

— Они останутся у меня.

С этими словами хозяин гостиницы снова встал за стойку, устремив все свое внимание на двух только что вошедших посетителей, которые потребовали вина и закусок и тут же расплатились за них несколькими новенькими долларами.

Гарри Блю молча повернулся и вышел на улицу. Он больше не колебался и не задумывался. Жестокосердие владельца «Приюта моряка» наполнило его горечью и печалью. Возмущенный, негодующий, грустный, он быстрыми ша-

гами шел вперед, не оглядываясь. Его удручало сознание, что на свете существуют такие дурные люди. Проведя почти всю свою жизнь в плаваниях, он привык не заботиться о еде и ночлеге. Ему казалось, что и то и другое должно доставаться человеку без особых хлопот, приблизительно так же, как солнце и воздух. Теперь, когда его выгнали на улицу, он испытывал крайне тягостное чувство. Фантазия его разыгралась. Он боялся, что каждый встречный угадает, в каком он очутился положении.

Преследуемый этим страхом, он все ускорял и ускорял шаги. Его точно подгонял кто-то. Спокойствие вернулось к нему только тогда, когда негостеприимный «Приют» остался далеко позади. При мысли о том, что ему рано или поздно придется сходить в гостиницу за вещами, его охватывала мрачная тоска.

Положение Гарри, действительно, не принадлежало к числу приятных. Ночь только начиналась. Как скоротать ее? Где найти постель и ужин? О постели бывший матрос беспокоился довольно мало. Вопрос об ужине смущал его несравненно больше. Он не ел весь день. Он был голоден. Он с восторгом уничтожил бы по крайней мере два фунта самой жесткой и невкусной солины. Он страстно мечтал хоть чем-нибудь набить желудок.

Блуждание по улицам Сан-Франциско не заглушало, а разжигало его волчий аппетит. Пищи в городе было сколько угодно. Он видел ее. Он чувствовал ее запах. Никто не запрещал ему приблизиться к ней. Но утолить ею свой голод он не мог. В первый раз в жизни пришлось ему испытать муки Тантала. На каждом шагу виднелись рестораны, бары, харчевни. При ярком свете газа Гарри любовался дымящимися супами, золотистыми жаркими, заманчивыми соусами, красовавшимися на столиках, вокруг которых сидели такие же люди, как и он. Счастливые! Они имели возможность утолить свой голод. Конечно, он тоже мог бы войти в любой из этих ресторанчиков. Никто не попросил бы его убраться. Среди людей, которым он завидовал, многие были одеты не лучше его. Но какой смысл входить в подобное заведение без гроша в кармане? Какой смысл смотреть на недоступные яства? Воспоминание о грубых и презрительных словах хозяина «Приюта моряка» отбивало у Гарри всякую охоту к дальнейшим попыткам в этом направлении. Он грустно отворачивался от соблазнительных окон и продолжал идти вперед. Два вопроса неотступно преследовали его. Где бы достать хоть кусок хлеба? Где бы переночевать? Как было глупо, в самом деле, не признаться во всем молодым офицерам! Они помогли бы ему выпутаться из беды. Хозяин, наверное, поверил бы им. А впрочем, к чему терзать себя бесплодными сожалениями? Теперь его друзья, должно быть, уже возвращаются на родной фрегат... О, как ему хотелось бы очутиться сейчас на борту «Паладина»! Каким счастливым почувствовал бы он себя у бака, в кругу старых, испытанных товарищей! Но это было так же невозможно, как и все остальное.

Внезапно Гарри осенила счастливая идея. Ему вспомнилась бумажка, на которой были записаны имя и адрес морского агента. Вынув из кармана эту бумажку, он остановился подле уличного фонаря и стал читать ее. Не думайте, пожалуйста, что такая задача оказалась ему не под силу. В половине девятнадцатого века вполне грамотные моряки не представляли собою явления исключительного. На счастье Гарри, в том приморском городе, где он провел детство, за несколько лет до его рождения открылась начальная школа. В ней

он научился читать и писать. Постоянное общение с иностранцами не мало способствовало его дальнейшему развитию. Между прочим, во время частых стоянок в южноамериканских портах он более или менее овладел испанским языком.

Прочитав адрес, написанный рукою дона Грегорио, и постаравшись запомнить название улицы и номер дома, Гарри сунул бумажку обратно в карман и, преисполнившись новыми надеждами, отправился на поиски конторы дона Томаса Сильвестра.

Глава XIX «ЭЛЬДОРАДО»

Казино, на дверях которого красовалось соблазнительное название «Эльдорадо», представляло собою одновременно и ресторан, и игорный притон. Оба заведения помещались в одном большом, удлиненном зале. Часть, отведенная Бахусу, находилась в глубине. Алтарем этому веселому богу служила тянувшаяся от стены к стене стойка, сплошь уставленная разноцветными бутылками и блестящими бокалами. Роль жрецов исполняли человек шесть франтоватых буфетчиков, на белоснежных рубашках которых сверкали большие (настоящие, а не поддельные) бриллиантовые запонки.

Храм богини Фортуны занимал переднюю половину зала и был устроен совершенно иначе. Алтарь для священнослужителей в нем отсутствовал. С первого же взгляда становилось ясно, что жрецами могут быть все желающие. Главным украшением этого храма являлись пять больших столов, несколько напоминавших столы для бильярда. Но, разумеется, они предназначались для более высоких целей. Бильярд не удовлетворил бы посетителей «Эльдорадо». Эта игра требует терпения и выдержки. В ней слишком мало азарта. При виде катающихся по столу шаров почитатели богини Фортуны хором воскликнули бы: «Подавайте нам монте!» Может быть, вам удалось бы расслышать в этом хоре вопли нескольких «протестантов», высказывающих предпочтение фаро.

Богиня считалась с пожеланиями верующих. На четырех алтарях ее происходила игра в монте. На пятом сражались в фаро. Во внешнем убранстве этих алтарей не наблюдалось существенных различий. Все пять были покрыты зеленым сукном, испещренным какими-то таинственными линиями. На столе для фаро — открытыми и в два ряда — лежали все пятьдесят две карты, составляющие игру. На столах для монте все карты лежали рубашками кверху, за исключением дамы и валета.

И фаро и монте пользуются большой популярностью в Испании и испано-американских странах. Обе эти игры чрезвычайно азартны.

Посетителям «Эльдорадо» представлялась возможность проигрывать или выигрывать деньги различными способами. Дилетанты, как водится, выигрывали только в исключительных случаях. Большею частью победа оставалась за профессионалами.

Денежные убытки возмещались силой и разнообразием ощущений. В одном из углов зала находилась рулетка, в другом — триктрак. При желании в обоих этих углах ничего не стоило спустить целое состояние. За небольшими столами, расставленными вдоль стен, играли в макао, баккара и т. д. «Эльдорадо» вполне заслуживал названия пантеона азартных игр. Но гвоздями его,

несомненно, были монте и фаро. Остальные игры пользовались гораздо меньшим успехом и возбуждали гораздо меньше страстей. Особенно процветало монте, удивительной простотой своей напоминающее «орла и решку» и потому доступное для самых несообразительных людей. Ставя на даму или на валета, наивнейший желторотый птенец пользовался точно такими же шансами, как и самый опытный картежник. Эта азартная игра, родиной которой является Мексика, приобрела полное право гражданства в Калифорнии и других западных штатах.

Кроме двух открытых фигур, дамы и валета, на столах для игры в монте лежали несколько только что распечатанных колод карт и множество круглых разноцветных костяшек, называемых фишками и заменяющих во время игры деньги. Главная масса этих фишек находилась обычно около банкомета, обязанность которого исполнял или сам владелец казино, или его крупье. При выходе из игры посетители обменивали фишки на золотые и серебряные монеты или кредитки. Каждый из игроков держал перед собой на краю стола приготовленные для ставок или уже выигранные деньги.

Перед посетителями «Эльдорадо» лежали доллары, дублоны, костяные фишки, самородки и мешочки с золотым песком. В половине девятнадцатого века кредиток в Сан-Франциско еще почти не было. Наряду с американскими и испанскими монетами ходило золото, в обильном количестве доставляемое с приисков. Поэтому рядом с крупье стояли небольшие весы, на которых тщательно взвешивались слитки или мешочки с песком, выдаваемые банком. Золото, поступающее в банк, крупье оценивал «на глаз» и взвешивал в виде исключительной милости.

Банкомет занимал, разумеется, центральное место. Он сидел на высоком стуле с колодой карт в руках. На нем было сосредоточено всеобщее внимание. Перетасовав карты, он открывал их одну за другой. Движения его отличались медленностью и размеренностью. Время от времени он приостанавливался и, глядя на ту или иную карту, монотонно и нараспев провозглашал выигрыш или проигрыш. Пауза длилась до тех пор, пока крупье не сводил счетов с игроками. Впрочем, это не требовало большого количества времени. Монеты, фишки и мешки с золотом с молниеносной быстротой перекладывались с места на место. Крупье не уступает в ловкости фокусникам.

Вокруг стола сидели и стояли игроки. Прежде всего невольно бросалась в глаза поразительная пестрота публики. Какое разнообразие лиц! Какое разнообразие костюмов! Вы встретили бы тут не только представителей всех существующих в мире национальностей, но и представителей всех общественных классов^ всех профессий, всех специальностей. Более разношерстного собрания нельзя себе и представить. За зеленым столом толпились джентльмены, с успехом защитившие ученую диссертацию, офицеры с золотыми погонами на плечах, моряки с кораблей, плавающих под различными флагами, местные жители, щеголяющие в роскошных национальных костюмах, доктора и адвокаты из Соединенных Штатов, выделяющиеся из общей массы благодаря своим унылым черным сюртукам, и даже судьи, пришедшие сюда прямо из зала заседаний. Компанию им составляли золотоискатели в красных фланелевых рубашках, грубых шерстяных плащах, кожаных штанах и высоких, покрытых грязью сапогах. А заметнее, шумнее, развязнее всех были матросы в форменных куртках с большими воротниками или в полосатых фуфайках.

В «Эльдорадо» господствовало полное равенство. Классовые различия стирались. Все приходило сюда с одной целью. Все одинаково жаждали разбогатеть. Блеск рассыпанного по столам золота как будто отражался в обращенных к нему лицах. Но отражался он не улыбками, не радостными взглядами, не веселым оживлением. На лицах игроков словно застыло выражение угрюмой алчности. Игроки не смеялись, не издавали восторженных восклицаний, не обменивались шутками. Можно было подумать, что их связывает обет молчания. Тишина прерывалась только отрывистыми замечаниями и монотонным голосом крупье, раздававшего и загребавшего деньги. В храме Фортуны царило молчание. Как ни разношерстна была собравшаяся публика, установленный порядок соблюдался необычайно строго. Игроки крайне редко повышали голос. Поведение их в общем не оставляло желать ничего лучшего. Если между двумя посетителями вспыхивал спор, его почти тотчас же удавалось ликвидировать. Даже кровавые столкновения проходили почти бесшумно. Гневные возгласы, угрожающее щелканье курков и выстрелы моментально замолкали. Служители поспешно выносили из зала тяжелораненых и мертвых.

Через несколько секунд неприятный инцидент забывался. Игроки устремляли все свое внимание на зеленый стол. Банкомет снова начинал открывать карту за картой. Его певучий голос, звон монет, сухое царапанье лопатки, придвигающей к игрокам или отодвигающей от них деньги, заглушали всякое воспоминание о только что произошедшей драме. О ней не только не говорили, но даже и не думали.

Казино «Эльдорадо» принадлежало одному владельцу. Но право собственности его распространялось лишь на помещение и на ресторан. У каждого стола был свой собственный владелец и хозяин. Этот хозяин и финансировал данное «предприятие» и, как выражаются в Калифорнии, «вел» его. Большей частью он держал банк сам. Такие банкометы принадлежат обычно к числу самых высококвалифицированных специалистов по своей части, или, говоря иными словами, к числу «заслуженных» профессиональных игроков. Эти своеобразные «дельцы» вовсе не являлись чем-то специфически калифорнийским. Встречаясь на всем протяжении Соединенных Штатов, они особенно преуспевали на юге и юго-западе. Излюбленным поприщем их деятельности была великая долина реки Миссисипи. Их штаб-квартира находилась в ее главных городах — Новом Орлеане и Сан-Луи. Остальные, менее значительные города, как Мемфис, Виксбург, Луисвилл и Цинциннати, они удостаивали только кратковременными посещениями. Особой их благосклонностью пользовались большие шикарные пароходы. Они поразительно ловко умели заводить знакомство с богатыми пассажирами. Бедняки для них не существовали. Старенькие скромные пароходы они великодушно предоставляли неопытным новичкам.

Американские профессиональные игроки середины девятнадцатого века представляли собою особый тип людей. Их можно было узнать с первого взгляда. Прежде всего они обращали на себя внимание внешним обликом. Они носили запонки с драгоценными камнями. Их накрахмаленные рубашки сверкали ослепительной белизной. На пальцах их неизменно красовались бриллиантовые перстни. Когда они сдавали карты, бриллианты (всегда чистойшей воды!) переливались всеми цветами радуги. Это были денди, одетые

и надушенные по последней моде. Они отличались несколько крикливой элегантностью и до нелепости преувеличенными понятиями о чести.

Глава XX ИГРА В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ

Как уже говорилось, посреди игорного дома «Эльдорадо» стояли пять больших столов, покрытых зеленым сукном. Председательское место за средним из них занимал красивый и стройный человек лет тридцати. Резкие черты его смуглого лица отчетливо изобличали испанское происхождение. Гладко выбритые щеки, небольшие усы и заостренная козлиная бородка, так называемая эспаньолка, придавали ему мужественный и гордый вид. Белая фетровая шляпа (как и все присутствующие, он не считал нужным снимать ее) плотно сидела на его густых, черных, волнистых волосах. Широкие поля этой шляпы бросали легкую тень на безусловно интересное лицо банкюмета. Он был бы очень хорош собой, если бы его не портило мрачное, даже злое выражение черных глаз; они все время у него были опущены. Казалось, карты, которые он держал в руках, всецело поглощали его внимание. Только один раз он поднял глаза и обернулся. До слуха его долетело имя Монтихо. Он прислушался. Между двумя калифорнийцами, стоявшими позади него, завязался оживленный разговор, во время которого один из них сказал несколько слов о доне Грегорио. Но разговор тотчас же оборвался, и, опустив свои длинные черные ресницы, банкюмет снова замер в неподвижности.

Хотя он казался бесстрастнее сфинкса, внимательный наблюдатель без труда заметил бы, что мысли его заняты чем-то посторонним. Высокие ставки не производили на него никакого впечатления. Вопреки обыкновению, он как будто не интересовался результатом игры. С того момента, как было произнесено имя дона Грегорио, рассеянность его увеличилась. Он стал небрежно сдавать карты и даже сделал несколько промахов. Эти ничтожные промахи были тотчас же исправлены. Игроки не обратили внимания ни на них, ни на странное настроение банкюмета. Им и в голову не приходило, что невозмутимый джентльмен в превосходном черном костюме переживает мучительнейшую душевную драму.

Только один из присутствующих знал о ней. Он сидел в ряду остальных игроков, прямо против банкюмета. Это был довольно плотный молодой человек, роста немного ниже среднего, некрасивый и смуглый, с угольно-черными, прямыми и жесткими волосами. Все время рискуя довольно большими суммами, он оставался совершенно равнодушным к результатам своей игры. Зато ставки остальных присутствующих интересовали его свыше меры. Он наблюдал за ними с явным беспокойством. По-видимому, дела посторонних людей волновали его гораздо больше собственных. Он радовался чужим проигрышам и огорчался чужим выигрышам. Всякому, кто дал бы себе труд понаблюдать за ним, поведение его показалось бы чрезвычайно странным. Но наблюдать за ним было некому. Игроки с головою ушли в собственные расчеты.

Странный субъект следил не только за присутствующими, но и за банкюметом. Когда он смотрел на него, в глазах его появилось озабоченное, пожалуй, даже укоризненное выражение. Небрежность, с которой элегантный джентльмен сдавал карты, по-видимому, глубоко возмущала его. Если бы ему предста-

вилась возможность высказать свое возмущение незаметно для публики, он непременно сделал бы это.

Странное поведение этого человека объяснялось, в сущности, очень просто. Он был истинным владельцем «предприятия», существовавшего исключительно на его счет. Немудрено при таких условиях, что чужие проигрыши вызвали в нем хищную радость и что судьба собственных ставок (носивших чисто фиктивный характер) мало занимала его. За исключением нескольких посвященных, никто из присутствующих не знал об этом. И хозяин стола, и банкомет тщательно скрывали свои отношения. Сидя друг против друга, они всячески подчеркивали, что у них нет ничего общего, кроме интереса к игре.

Игра шла своим чередом. Монотонным аккомпанементом ей служили звон золота, стук костяных фишек и протяжные возгласы банкомета. Изредка только с уст какого-нибудь неудачника срывалось глухое «Черт возьми!» или «Проклятье!». Более бурного проявления своих чувств игроки себе не позволяли. Никто из них не решался вступать в пререкания с банкометом. Все отдавали себе ясный отчет в том, что это было бы рискованно. На столе, под правым локтем элегантного джентльмена лежал заряженный двуствольный пистолет. И хотя, по-видимому, присутствующие не обращали на него никакого внимания, каждый из них понимал, что в случае нужды банкомет пустит его в ход, не задумываясь.

К десяти часам игра была уже в полном разгаре. До этого времени игроки, редко цепью окружавшие стол, ограничивались незначительными ставками. Они представляли собою как бы авангард, нащупывавший силы противника и стрелявший в него только из винтовок. Теперь на сцене появилась тяжелая артиллерия. Бойцы сомкнулись в плотные ряды. Тройная цепь их непроницаемым кольцом обвивалась вокруг крепости. Вместо серебряных долларов на стол посыпались червонцы. Звон разбрасываемых по зеленому полю монет, похожий на доносящуюся издалека перестрелку, возвестил начало генерального сражения.

Позволю себе напомнить читателям, что наряду с игорным притоном в «Эльдорадо» помещался и ресторан. Храм Бахуса не испытывал недостатка в посетителях. У стойки одновременно стояло не меньше двадцати человек. Как только они утоляли свою жажду, место их сразу занимала следующая партия.

В последней партии «жаждущих» находились двое молодых людей в военно-морской форме. На расстоянии трудно определить национальность моряков. У всех них темно-синие или черные мундиры с золотыми пуговицами и нашивками. На улице, в темноте, подходивших к «Эльдорадо» молодых людей многие принимали за янки. Но когда они вошли в залитое огнями казино, сразу бросились в глаза особые значки на их кепи. Это были наши старые знакомые: лейтенант Кроуджер и мичман Кедуолладер.

Они зашли в «Эльдорадо» без всякой определенной цели, просто для того, чтобы, как выразился Кроуджер, «ознакомиться с бытом». Неотъемлемой частью быта Сан-Франциско 1849 года были игорные дома.

Очувившись в роскошном зале, они приблизились к стойке.

— Выпьем, Вилли! — предложил лейтенант.

— С удовольствием! — откликнулся его товарищ.

Лицо его уже сильно разругалось от кратковременного пребывания в Парк-Отеле.

— Дайте нам, пожалуйста, пинту шампанского, — сказал Кроуджер, облакачиваясь на стойку.

— У нас нет пинт, — пренебрежительно ответил буфетчик, только что скинувший фрак и оставшийся в одной жилетке.

Рукава его белоснежной рубашки были подхвачены золотыми обручами.

— А что же у вас есть? — осведомился лейтенант.

— Только кварталы.

— В таком случае давайте квартиру! — воскликнул Кроуджер, бросая на стойку золотой. — Я согласен даже на галлон. Только живее.

Вид золотой монеты и властный тон молодого офицера оказали благотворное действие на надменного калифорнийского буфетчика. Он снизошел до любезной улыбки и стал прислуживать англичанам.

Наполнив бокалы, молодые офицеры устремили взоры на часть зала, занятую игроками. Они увидели несколько многочисленных групп людей, сидящих и стоящих у столов, покрытых зеленым сукном. Им сразу стало ясно, что там происходит игра в монте. Кедуолладеру часто приходилось слышать об этой игре. Но он никогда не играл и не имел о ней никакого понятия. Кроуджер, успевший уже постигнуть на практике все ее тонкости, охотно взялся просветить товарища. Осушив свои бокалы и получив сдачу, молодые люди направились к среднему столу, вокруг которого в три ряда теснились игроки. Прошло добрых четверть часа, прежде чем им удалось пробраться через два последних ряда. Подойти вплотную к столу было крайне трудно. Люди, сидевшие и стоявшие в первом ряду, и не подумали уступить дорогу нетерпеливым пришельцам. Кроуджер и Кедуолладер в смущении остановились. «Передовые позиции» занимали не только штатские, но и военные. Большинство этих военных были старше их чином. Они заметили несколько старших лейтенантов, капитанов первого и второго ранга, майоров, полковников и даже генералов. Не очень-то растолкаешь их! Правда, в непосредственном соседстве с ними находились золотоискатели в красных фланелевых рубашках, охотники в кожаных куртках и простые матросы. Но и они не обнаружили ни малейшего желания потесниться. К тому же молодые люди не считали себя вправе мешать им. Нищие безумцы вызвали в них гораздо больше сочувствия, чем обеспеченные капитаны и полковники, стремящиеся к легкой наживе.

Обменявшись несколькими беглыми замечаниями, Кроуджер и Кедуолладер решили запастись терпением и подождать благоприятного момента.

Случай не замедлил представиться.

Один за другим неудачники выходили из игры. При виде последнего доллара, загребаемого лопаткой невозмутимого крупье, они тяжело вздыхали, медленно отодвигали стулья, вставали и удалялись, все время оглядываясь на зеленый стол в тщетной надежде, что кто-то позовет их обратно. Цепь не прорвалась ни на минуту. Износившиеся звенья ее тотчас же заменялись новыми. Через некоторое время, однако, Кроуджеру удалось завладеть одним из освободившихся стульев. Кедуолладер поспешил устроиться рядом с ним. Добравшись до «передовых позиций», молодые люди опустили руки в карманы, чтобы запастись «патронами». Но не успели они достать деньги, как руки их точно застыли. Они растерянно посмотрели друг на друга. В глазах обоих появилось выражение тревоги. Они были озадачены, изумлены, потрясены. Прямо против Кроуджера, в конце стола, на высоком стуле, держа в руках колоду

карт, сидел человек, претендовавший на руку и сердце Кармен Монтихо. В тот самый миг, когда взгляд лейтенанта впервые упал на него, мичман увидел своего соперника, поклонника Иньесы Альварец.

Глава XXI ОХОТА НА ТИГРА

При виде Лара и Кальдерона кровь бросилась в голову молодым морякам. Они чувствовали себя не в силах заговорить. Сердца их тревожно забились, словно раненные отравленными стрелами. Особенно сильно уязвлен был Кроуджер. Итак, поклонник Кармен Монтихо оказался профессиональным игроком! И такой человек осмеливался претендовать на ее руку! Такой человек ухаживал за ней, восхищался ею, любил ее! Обо всем этом Кроуджер не мог думать без возмущения. Веселое лицо Кедуолладера тоже омрачилось. Правда, его соперник был, по-видимому, не профессиональный игрок, а такой же случайный посетитель, как и он сам. Но дружба между ними и банкومتom ясно указывала на отсутствие в нем сколько-нибудь строгих принципов. До сих пор мичман знал, что Кальдерон трус. Теперь он стал подозревать, что трусость не мешает ему быть мошенником.

Эти мысли вихрем пронеслись в мозгу английских моряков. Ни один из них не проронил ни слова. Но взгляды, которыми они обменялись, были достаточно красноречивы. К счастью, никто из игроков не обратил внимания на странное выражение их лиц. Всех поглощали собственные дела.

Появление молодых английских моряков произвело впечатление только на двух людей. Фаустино Кальдерон и Франциско де Лара сразу заметили прищельцев. Бывший скотовод, сидевший по ту сторону стола, что и они, исподтишка бросал на них испуганные взгляды. Совсем иначе вел себя креол. Увидел Кроуджера, он положил карты на стол. Щеки его внезапно побледнели. В красивых мрачных глазах вспыхнул злобный огонек. Присутствующие не придали этому никакого значения. Они объяснили страстную вспышку банкомета раздражением, вызванным несколькими крупными проигрышами подряд. Впрочем, вспышка эта длилась не долго. Быстро овладев собою, Лара придал своему лицу обычное холодное, невозмутимо-спокойное выражение.

Кроуджер и Кедуолладер не сразу пришли в себя. Опомнившись и снова обретя дар речи, они стали вполголоса разговаривать между собою. Но того, что больше всего интересовало их, они друг другу не высказали. Заключив молчаливый, им одним понятный договор, молодые моряки решили отложить обсуждение случившегося до более благоприятного момента.

— Успеем потолковать обо всем на фрегате, — сказал Кроуджер. — Когда я гуляю по палубе, у меня особенно хорошо работает голова. Сейчас мне не хватает воздуха. Я чувствую себя, как рыба, попавшая на сушу.

— Я тоже, — заметил Кедуолладер.

— Все черти, сидящие внутри меня, разом сорвались с цепи. Но не стоит говорить об этом. Вот уже несколько минут, как одна мысль не дает мне покоя. Я сойду с ума, если не приведу ее в исполнение. О, если бы только план мой удался! Я хочу поохотиться на тигра.

— Поохотиться на тигра? Как понять мне тебя?

— Скоро ты все поймешь. Но, если угодно, я согласен объяснить тебе сей-

час.

— Пожалуйста, Нед. Может быть, я могу помочь тебе?

— Нет, не можешь. Оказать мне помощь в состоянии только...

— Что же ты запнулся? Кто этот человек?

— Это не человек, а богиня. Богиня Фортуна. Я намерен теперь поухаживать за нею. Если она согласится внять моим мольбам, я сорву банк мистера де Лары.

— Глупости! Я не допускаю, чтобы тебе удалось сделать это.

— Шансов на успех действительно маловато. Но они все-таки есть. В истории каждого игорного дома бывали такие случаи. Смелость и удача помогают одерживать всякие победы. Смелости у меня хоть отбавляй. Будем надеяться, что счастье повернется ко мне лицом. Во всяком случае, мое решение непоколебимо. Или я сорву банк, или проиграю все, что у меня есть. К счастью, бумажник мой набит достаточно туго. Итак, начнем.

Молодые люди разговаривали шепотом. Окружающие не слышали их и не обращали на них никакого внимания. Все были заняты собственными расчетами. Если даже какому-нибудь любопытному игроку пришла бы фантазия уделить несколько секунд наблюдениям над английскими моряками, он, наверное, решил бы, что они обсуждают важный вопрос о преимуществах дамы над валетом или же спорят, стоит ли рискнуть для начала целым долларом. Как бы то ни было, все присутствующие оцепенели от изумления, когда старший из английских офицеров небрежно бросил на зеленое сукно стофунтовый банковый билет.

— Прикажете разменять на фишки? — почтительно спросил крупье, бегло осмотрев кредитку, пользующуюся доверием во всех концах земного шара.

— Нет, — ответил Кроуджер. — Совершенно незачем. Я ставлю сто фунтов на даму.

Молча кивнув головой, крупье пододвинул кредитку к одной из начерченных на сукне линий.

Эта маленькая сценка не прошла незамеченной. Глаза всех присутствующих устремились на двух английских моряков. Кроуджер сразу сделался центром общего внимания. Он спокойно сидел на своем месте и ждал. Любопытные взгляды не смущали. Ему было совершенно безразлично, что могут подумать о нем все эти люди.

Между тем игра продолжалась. Банкомет взял новую колоду карт, перетасовал и начал метать. Игроки взволнованно и напряженно следили за его движениями. Последовав примеру Кроуджера, многие поставили на даму. Им страстно хотелось, чтобы она вышла раньше валета. И желание их исполнилось.

— Валет бит, дама берет! — провозгласил банкомет.

В певучем голосе его прозвучали металлические ноты. Из-под опущенных ресниц злобно сверкнули черные глаза.

— Разрешите уплатить вам фишками? — спросил крупье, предварительно выдав мелкие выигрыши. — Или вы предпочитаете звонкую монету?

— Можете не расплачиваться со мною вовсе, — холодно ответил лейтенант. — Впрочем, я выразился не совсем точно. Будьте добры присоединить выигрыш к первоначальной сумме. Я ставлю двести фунтов на даму.

Снова посыпались на стол деньги и фишки. Некоторые игроки тоже удвои-

ли ставки и вторично поставили на даму. Большинство, руководясь теорией вероятности, изменило даме ради валета. Игра возобновилась. Атласные карты бесшумно заскользили между унизанных перстнями пальцев банкюмета. У него был такой вид, словно он пытался пронзить их взглядом. Но оказать давление на судьбу ему не удалось. Если даже он и хотел прибегнуть к какой-нибудь шулерской проделке, осуществить такое желание было невыносимо. За ним следило слишком много глаз. Почти у всех присутствующих сверкали за поясом пистолеты и ножи. В случае чего игроки немедленно пустили бы их в ход.

Несколько мгновений все молчали.

— Валет бит, дама берет! — снова провозгласил банкюмет.

— Угодно вам получить деньги, сэр? — спросил крупье лейтенанта, расплачившись с другими игроками.

— Нет еще. Время терпит. Ставлю четыреста на даму.

Сумма ставок остальных игроков в десять раз превышала ставку Кроуджера. Убедившись в том, что Фортуна покровительствует молодому англичанину, почти все его случайные партнеры оказали предпочтение даме. И дама не подвела их.

— Валет бит, дама берет! — в третий раз воскликнул Лара.

И Кроуджер в третий раз отказался принять предложенные ему деньги.

Теперь его ставка возросла до восьмисот фунтов. Вверяясь счастью английского моряка, игроки с лихорадочным волнением принялись удваивать и утраивать свои ставки. Около дамы выросла куча денег. Дело запахло десятком тысяч.

Побледневшие губы Лары стали нервно подергиваться. Тревога его возрастала с каждой минутой. Страх начинал овладевать им. Но он все-таки продолжал владеть собой. Гораздо более взволнованным и испуганным казался Кальдерон, сидевший на противоположном конце стола. Громадная денежная потеря (ведь все это были его деньги!) причиняла ему невыносимые страдания. Он с ужасом услышал очередной возглас банкюмета, провозгласивший победу дамы.

Кроуджер снова оставил на столе свой выигрыш. Этот выигрыш равнялся тысяче шестистам фунтам.

Молодой лейтенант был совершенно спокоен. На холодном, словно окаменевшем лице его виднелась непреклонная решимость. Он дал себе слово, что или сорвет банк, или проиграет все свои деньги. Ему даже не приходило в голову прекратить битву. Он хладнокровно ждал окончательной победы или полного поражения. Но поражение не грозило ему. Фортуна продолжала баловать своего любимца.

— Валет бит, дама берет! — в пятый раз объявил Лара.

Выплата многочисленных и крупных ставок заняла довольно много времени. Даже невозмутимый крупье заметно оживился. За выплатой неожиданно наступила пауза. Банкюмет как будто не решался продолжать игру. Кроуджер снова отказался взять выигрыш. Подле него на столе лежали три тысячи двести фунтов.

— Неужели вы рискнете всей этой суммой? — спросил крупье.

— Разумеется! — вызывающе ответил лейтенант. — Я рискую всем и остаюсь верен даме.

— Скорей! Не задерживайте игру!

— Мечите же!

Публика настойчиво требовала продолжения игры. Лара посмотрел на Кальдерона. Внимательный наблюдатель заметил бы, что он задал какой-то немой вопрос. Ответил ли владелец банка на этот взгляд или нет, мы не знаем. Так или иначе, банкомет решил продолжать игру. Почти у всех присутствующих слегка дрожали руки. К великому огорчению Лары и Кальдерона, все ставили на даму. Повышение ставок вызвало повышенный интерес к игре. Азарт достиг своего апогея. Не только за средним столом, но и за другими столами, и даже у стойки воцарилась мертвая тишина. Посетители казино столпились вокруг того места, где происходило генеральное сражение. Можно было подумать, что тут должен решиться вопрос жизни или смерти.

Ожидание показалось томительно долгим. Время как будто остановило свой бег. Наконец, роковая минута наступила. Банкомет перестал метать. Голос его прозвучал на этот раз хрипло, еле слышно. Ему трудно было говорить. И все-таки он заставил себя выговорить слова, застрявшие у него в горле:

— Валет бит, дама берет!

Произнося приговор банку, де Лара резким движением швырнул на стол карты, порывисто встал со своего высокого стула и заявил:

— К сожалению, должен сообщить вам, джентльмены, что **банк сорван**.

Глава XXII МАСТЕР СВОЕГО ДЕЛА

Банк сорван!

Как часто поражали людей в самое сердце эти два коротеньких слова! Услышав их, игроки, сидевшие в тот вечер за средним столом казино «Эльдорадо», немедленно повскакали со своих мест. Можно было подумать, что деревянные стулья, на которых они сидели, превратились в железные и внезапно раскалились докрасна. Они вскочили все сразу, одной сплошной цепью, как будто прикованные друг к другу локтями. Несмотря на такое редкое единодушие, выражение лиц у них было, однако, далеко не одинаковое.

Игроков волновали различные чувства. Одни не испытывали ничего, кроме удивления. Другие недоверчиво пожимали плечами. Третьи буквально не помнили себя от бешенства. Несколько минут в зале было так тихо, что стали отчетливо слышны доносившиеся с улицы звуки.

Изумление и гнев сковали всем уста. Громадное казино замерло. Последние слова Лары донеслись и до слуха любителей спиртных напитков, теснившихся у стойки, и до слуха игроков, сидевших за другими столами. Впечатление от них было потрясающее. Замолк стук костяшек и металлический звон монет. Прекратилось шумное откупоривание пробок. Утихло дребезжание бокалов. Шум сменился глубочайшей зловещей тишиной. Человек, случайно зашедший в этот миг в казино, подумал бы, что в нем происходит собрание квакеров. Правда, вид бутылок и карт быстро разубедил бы его в этом. Нет, в «Эльдорадо» не было ничего квакерского.

Скорее уж он напоминал игорный зал в музее восковых фигур.

Но тишина и неподвижность длились не долго. Их снова сменили шум и движение. Воздух огласился криками. Люди забегали взад и вперед по залу,

как сумасшедшие, внезапно выпущенные на свободу. Некоторые из них яростно потрясали кулаками. Крупные ставки все еще продолжали лежать на столе. Никто не собирался уплачивать выигрышей. Признавшись, что банк сорван, Лара добавил, что касса совершенно пуста: в ней не осталось не только денег, но даже и фишек.

Десятка два игроков с лихорадочной быстротой принялись собирать рассыпанные по столу серебро и золото. Они мирились с случившимся и радовались, что хоть ставки их остались целы. Другие держались более воинственно. Считая, что объявленное Ларой банкротство носит злостный характер, они требовали расплаты полностью. Их возмущала недобросовестность того, кого они принимали за владельца банка. Креол стоял перед ними, красивый, спокойный, элегантный, как будто поддразнивая их изящным покроем фрака и ярким блеском бриллиантов.

Некоторые подступили с угрозой отнять у него драгоценности.

— О нет, джентльмены! — запротестовал он, сардонически улыбаясь. — Этого я вам не позволю! Сперва потрудитесь выслушать меня, а потом уже давайте волю рукам.

— Что вы хотите сообщить нам? — спросил один из игроков, растерянно прижимая к груди целую кучу костяшек.

— Я хочу сообщить вам, что не имею чести быть владельцем банка и никогда им не был.

— Где же в таком случае владелец? — хором спросило несколько голосов.

— На подобный вопрос я не могу и не хочу дать ответа.

Эти слова, произнесенные мрачным, торжественным и чрезвычайно решительным тоном, оказали должное воздействие на самых непримиримых игроков. Они отступили и замолчали. Убедившись в том, что страсти мало-помалу успокаиваются, Лара обратился к публике с небольшой речью.

— Да, джентльмены, я не владелец этого предприятия. Я только банкомет. Вы спросили меня, кто настоящий хозяин сорванного банка. Ваше любопытство кажется мне вполне естественным. Но войдите хоть на минуту в мое положение и согласитесь, что отвечать на такие вопросы я не обязан. Если бы я исполнил ваше требование и назвал имя владельца, каждый из вас мысленно упрекнул бы меня в низости. Полагаю, что все порядочные люди соблаговолят понять мою точку зрения. Возможно, однако, что кто-нибудь из присутствующих не разделяет ее. Таких джентльменов я прошу выйти вперед. Моя визитная карточка к их услугам. Я готов побеседовать с ними наедине, где и когда угодно. Мое имя — Франциско де Лара, или просто Франк Лара. Я готов свести счета с любым из вас или здесь, в казино, или где-нибудь в городе. Относительно времени легко стовориться. Может быть, найдутся желающие приступить к делу немедленно? Что ж! Пожалуйста! Пистолетов тут много. Я готов стреляться через стол. Кто хочет доставить себе и мне это маленькое развлечение? Разнообразие всегда приятно. Я устал от монте. Мне надоело тасовать карты. Игра с оружием не хуже всякой другой игры. Я жду партнера. Что с вами, джентльмены? Почему вы притихли? Я убедительно прошу вас высказаться. Есть желающие драться со мною или нет?

Ни желающих высказаться, ни тем более желающих драться не нашлось. Никто не поднял брошенной банкометом перчатки. Человек двадцать всегдагдаев казино окружили его, наперерыв выражая ему свое сочувствие. Они

искренно восторгались находчивостью и мужеством Лары. Желающих драться с ним не нашлось. Но желающих чокнуться с ним было сколько угодно.

— Шампанского! — крикнул кто-то, подходя к стойке.

Довольный благополучной развязкой и польщенный градом сыпавших на него комплиментов, креол согласился провести несколько минут в обществе своих поклонников. В высоких хрустальных бокалах заискрилось благородное французское вино. Окруженный толпой приятелей, Лара чокался направо и налево. Вскоре у стойки собралась почти вся публика. Храм Фортуны временно опустел. Почитатели легкомысленной богини устремились к алтарю Бахуса. Неудачники искали в вине утешения. Счастливицы считали своим долгом «спрыснуть» удачу. Крах банка Лары послужил на пользу буфету. Слуги ежеминутно приносили из погреба все новые и новые бутылки.

Возбуждение, охватившее посетителей «Эльдорадо», скоро улеглось. Происшествия такого рода (иногда кончающееся гораздо более трагически) слишком часто случаются в Калифорнии, чтобы сколько-нибудь долго занимать публику. Обыкновенно не проходит и часа, как новое событие отвлекает ее внимание. Устаревший инцидент быстро забывается, сохраняясь лишь в памяти лиц, игравших в нем активную роль. Такая судьба постигла и крах банка Лары. Посетитель, зашедший в казино часом позже, с трудом поверил бы, что незадолго до его прихода там произошла крупная неприятность. Через час после того, как Кроуджер осуществил свой план, за средним столом уже толпились люди, и игра шла своим порядком. Правда, на высоком стуле сидел другой банкомет, и деньги выдавал другой крупье. За этот короткий промежуток времени стол успел переменить владельца. Услышав, что банк Лары лопнул, один из игроков-профессионалов поспешил купить освободившееся место. По существу ничто не изменилось. Посетителям было совершенно все равно, кто именно держит банк. За средний стол уселась та же публика, которая чуть не набросилась на креола. Несколько выбывших игроков заменили десятки новых.

Только наиболее благоразумные люди воспользовались естественным перерывом, чтобы покинуть казино. К ним присоединились и оба молодых английских офицера. Де Лара и Кальдерон тоже вышли на улицу. Но куда направили они свои шаги, не знал никто. Да, по правде сказать, никто этим и не интересовался. Судьба людей, потерпевших поражение на зеленом поле, мало трогает тех, которые каждую минуту могут сделаться их товарищами по несчастью.

Глава XXIII

РОСКОШНЫЙ УЖИН

Выйдя из «Эльдорадо», Кроуджер и Кедуолладер взглянули на часы и увидели, что времени у них еще довольно много. Согласно уговору с боцманом, гичка должна была поджидать их у южной верфи после полуночи. Посещение казино, со всеми его драматическими эпизодами, заняло не больше сорока минут.

Молодым людям хотелось использовать отпуск до конца. Быт Сан-Франциско по-прежнему интересовал их. Они мало рассчитывали на то, что капитан Бресбридж позволит им еще раз съездить в город. Ведь «Паладин» уже готовился сняться с якоря.

Гуляя по оживленным улицам, наши герои встретились с несколькими молодыми американцами моряками и решили провести с ними конец вечера. Кроуджер пригласил своих новых знакомых на ужин в Парк-Отель, который славился в то время как роскошью, так и дороговизной. Лейтенант мог позволить себе это удовольствие. К английским фунтам, лежавшим у него в бумажнике в момент появления его в «Эльдорадо», прибавилось несколько тысяч долларов. Выигрыш его был бы еще более значителен, если бы банк не отказался обменять фишки на звонкую монету. Так или иначе карманы Кроуджера оттопыривались от кредиток и золота. Кедуолладер взял на себя часть его ноши. Она была очень тяжела, так как бумажные деньги им удалось раздобыть только в очень небольшом количестве.

— Мы похожи на вьючных мулов, дружище! — со смехом воскликнул мичман, подходя к великолепному зданию Парк-Отеля.

Очутившись в отдельном кабинете, Кроуджер заказал изысканный ужин и потребовал лучшего шампанского. Владелец ресторана предложил ему какой-то особенной мадеры, бутылка которой стоила пятнадцать долларов. Лейтенант приказал подать сразу полдюжины. В этот вечер ничто не казалось ему слишком дорогим.

Не прошло и десяти минут, как ужин был уже на столе. Нет уголка на земном шаре, где бы лакеи отличались большей расторопностью, повара большим искусством и цены большей высотой. Золотой город всегда славился любовью к гастрономии. Даже в половине девятнадцатого века, то есть в начале своего существования, когда жители его ютились в грубо сколоченных бараках и парусиновых палатках, в нем можно было найти все сколько-нибудь известные кушанья, приготовляемые по всех частях света, насладиться всеми тонкостями французской, испанской и итальянской кухни, получить лучший английский ростбиф, американскую свинину с бобами, эльзасские пулярки, немецкие сосиски с капустой, суп из ласточкиных гнезд и целый ряд всевозможных экзотических яств. Если бы Лукулл дожил до 1849 года, он, наверное, покинул бы берега Тибра и переселился бы в Калифорнию.

Ужин, сервированный для молодых моряков в отдельном кабинете Парк-Отеля, не оставлял желать ничего лучшего. К сожалению, у них было слишком мало времени, чтобы они могли просмаковать его как следует. Как англичане, так и американцы обещали вернуться на свои корабли между двенадцатью и часом. Им пришлось встать из-за стола в самый разгар веселья.

Выйдя из отдельного кабинета, они попали в великолепный общий зал. Путь их лежал мимо стойки. Перед тем как распрощаться с новыми приятелями, Кроуджер стал уговаривать их выпить еще по бокальчику вина.

Этого требовали и местные обычаи. Ни один калифорниец не считает возможным покинуть ресторан, не остановившись хотя бы на пять минут у стойки. Кутеж считается незаконченным без «прощального» тоста в общем зале. Решив соблюсти установленный порядок, офицеры бросили якорь у мраморной стойки.

— Что вам угодно, джентльмены? — вежливо осведомился буфетчик.

Последовала довольно продолжительная пауза. Подвыпившие джентльмены и сами не знали, что им, собственно, угодно. Наконец Кроуджер набрался решимости и разрубил гордиев узел.

— Дайте нам, пожалуйста, римского пунша! — заявил он.

Спутники его дружно зааплодировали. Трудно было выдумать что-нибудь более подходящее. Вскоре на стойке выстроились громадные бокалы, наполненные блестящими, прозрачными кристаллами. Буфетчик подал офицерам ложки. Пусть читатель не удивляется этому. Римский пунш не пьют, а едят. Освежившись своеобразным «мороженым», молодые люди обменялись крепкими рукопожатиями и пожелали друг другу всяческих благ. Кроуджер и Кедуолладер остались, чтобы расплатиться по счету.

Облокотившись на стойку и поджидая метрдотеля, они принялись наблюдать за находящейся в зале публикой. Сперва глаза их рассеянно блуждали по сторонам. Но это продолжалось не долго. Через две-три минуты внимание обоих молодых людей устремилось на группу людей, стоявших в дальнем углу зала у входных дверей. Несмотря на обширные размеры помещения, столы стояли довольно тесно. Почти все они были заняты. Парк-Отель считался в то время самым шикарным рестораном Сан-Франциско. Веселящаяся публика начинала кутить не раньше полуночи. В этот день ее собралось особенно много. По обыкновению, она была чрезвычайно разношерстна.

Компания, обратившая на себя внимание Кроуджера и Кедуолладера, ничем не бросалась в глаза. Посторонний наблюдатель равнодушно скользнул бы по ней взглядом. Она состояла из четырех человек. Двое из них были в элегантных черных пальто. Двое кутались в обыкновенные калифорнийские серапе. Это не казалось ни удивительным, ни странным. К ночи погода совсем испортилась. Стало холодно и довольно сыро. Четыре человека, стоявшие у дверей, явно собирались уходить. Они остановились только для того, чтобы закончить начатый разговор. По выходе из ресторана им предстояло, очевидно, разойтись в разные стороны.

Несмотря на то что они стояли в тени, в углу, отделенном от остального зала невысокими ширмами, несмотря на то что воротники их пальто были подняты, а поля сомбреро бросали почти непроницаемую тень на их лица, — несмотря на все это, и Кроуджер и Кедуолладер сразу узнали троих из них.

Который уже раз за один день попадались на пути молодых моряков эти люди! Вопреки общепринятому мнению, случай проявляет иногда изумительную логичность.

В дальнем углу зала, у наружных дверей стояли Фаустино Кальдерон, Франциско де Лара и джентльмен, исполнявший во время игры в монте обязанность крупье. Четвертого собеседника лейтенант и мичман видели впервые.

Судя по наружности, он принадлежал к тому же типу людей, что и его приятели.

— Смотри-ка, Вилли! — воскликнул Кроуджер, увидевший подозрительную компанию немного раньше, чем Кедуолладер. — Там, у выхода, налево... Клянись честью, это наши друзья из «Эльдорадо»!

— В самом деле, Нед! Какое забавное совпадение! Не думаешь ли ты, что они пришли сюда специально ради нас?

— В этом нет ничего невозможного. Признаться, я очень удивляюсь, что они до сих пор не сделали нам никакой гадости. Во время нашего пребывания в казино меня мучили тревожные предчувствия. Сорвав банк мистера Лары, я приготовился к серьезному столкновению с ним. Мне казалось, что он во что бы то ни стало захочет возобновить наше знакомство. Ведь я дважды уже разбил его наголову! Я не допускаю, чтобы он примирился с этим. Однако факт налицо. Враг уклонился от боя. И Лара, и Кальдерон тщательно избегали нас. По-моему, они даже старались не смотреть в нашу сторону. Их поведение очень удивляет меня.

— А по-моему, удивляться тут нечему. Ты так ловко отделал этого молодчика, что он до смерти тебя боится.

— Нет, Вилли. Ты ошибаешься. Франк Лара — негодяй, но не трус. Там, в «Эльдорадо», он блестяще доказал это. Я внимательно следил за ним в ту минуту, как публика набросилась на него с кулаками. Он не побоялся бросить вызов сотне людей. Он проявил истинное мужество. По правде говоря, в ту минуту я невольно залюбовался этим человеком. Я и теперь готов отдать ему должное. Он настоящий мужчина. Увидав его в роли банкомета, я решил, что не буду драться с ним, даже если он меня вызовет. Профессиональные игроки внушают мне какое-то брезгливое чувство. Однако решение мое изменилось. Если он захочет со мною драться, я отвечу ему не отказом, а согласием. Мы живем в нелепое время. Но раз уже принято считать, что позор смывается кровью, я дам моему сопернику возможность избавиться от тех пятен, которыми покрылось из-за меня его имя.

— Ты бредишь, Нед! Драться на дуэли с профессиональным игроком! Ведь это просто смешно.

— Ни один калифорниец не согласится с твоим мнением. Пока я нахожусь здесь, я должен считаться с местными воззрениями. Напрасно ты пожимаешь плечами, дружище. Уклоняясь от дуэли с Ларой, я поставил бы себя в глупое и унижительное положение. Весь вопрос лишь в том, пожелает ли он действовать прямо и открыто.

— Сильно сомневаюсь в этом. Ты только посмотри на него хорошенько. Он ведет себя в высшей степени странно. У него и его приятелей вид заговорщиков. По-моему, они обсуждают план дальнейших действий. Им хочется, должно быть, подстеречь нас. Как жаль, что наши друзья-американцы уже ушли! Они славные малые и, наверное, не отказались бы помочь нам в случае надобности.

— Без сомнения. Но мы спохватились слишком поздно. Они, по всей вероятности, уже подходят к верфи. Ну, что же делать! Обойдемся и без них. В случае чего живо хватайся за кортик. Да не забудь, что у тебя в кармане один из пистолетов мистера Лара.

— Будь спокоен! Память мне не изменит. Вот было бы забавно подстрелить

этого разбойника из его собственного оружия!

— Не валяй дурака, Вилли! Если они действительно намереваются напасть на нас, нам грозит большая опасность. Сегодня утром мы обезоружили Лару. Но с тех пор прошло много времени, и он тысячу раз мог обзавестись новыми пистолетами. Я готов биться об заклад, что под пальто и плащами всех этих четырех джентльменов спрятана целая батарея. На лицах их застыло выражение мрачной решимости. По-видимому, они заняты обсуждением какого-то плана. Впрочем, нет ничего тайного, что не стало бы явным. Мы скоро узнаем их намерения. Я не сомневаюсь, что они замышляют что-то.

— Четыреста девяносто долларов, джентльмены, — сказал метрдотель, подавая Кроуджеру счет.

— Пожалуйста, — ответил молодой лейтенант, бросая на поднос бумажку в пятьсот долларов. — Сдачи не надо.

— Благодарю вас, сэр, — холодно поклонился калифорниец.

В Англии метрдотель больше обрадовался бы одному шиллингу.

Отойдя от стойки, молодые офицеры медленно прошли через громадный зал. Им хотелось посмотреть, что сделают при их приближении враги. Угол, который они занимали, стал недоступен наблюдениям. Перед ним выстроилось несколько официантов.

У наружных дверей Кроуджер и Кедуолладер обернулись. К их великому изумлению, в углу, за ширмами, никого не было. Очевидно, игроки ушли в тот момент, когда они просматривали счет.

— Ох, не нравится мне это! — прошептал Кроуджер. — Уж лучше было бы встретиться с ними здесь. По всей вероятности, они поджидают нас на улице. Делать нечего, Вилли! Мы не можем проторчать в ресторане всю ночь. Если они нападут на нас, будем защищаться. Не выпускай из рук пистолета. Как только кто-нибудь обнаружит враждебные действия, стреляй. И пожалуйста, не отставай от меня ни на шаг.

С этими словами Кроуджер направился к дверям. Кедуолладер молча последовал за ним. Выйдя на улицу, оба молодых человека остановились. Мимо Парк-Отеля сновало множество людей. Одни стремились в гостеприимно распахнутые двери. Другие спешили куда-то. Однако ни черных пальто, ни живописных серапе не было видно. Заговорщики словно в воду канули.

— По-видимому, мы напрасно забили тревогу, — сказал Кроуджер, имевший склонность переоценивать человеческое благородство. — Тем лучше! Мне становилось как-то не по себе при мысли, что человек, выказавший на моих глазах подлинную храбрость, способен убить своего ближнего из-за угла. Весьма вероятно, что Лара и его товарищи просто совещались относительно дуэли. В таком случае продолжение последует завтра. Все складывается как нельзя лучше, Вилли. А теперь полным ходом к верфи! Если мы попадем на фрегат после часу, старый Бресбридж проглотит нас живьем. Курс налево, мичман!

— Есть, лейтенант!

Кроуджер решительно двинулся вперед. Кедуолладер пошел за ним. Оба они не слишком твердо стояли на ногах. Причиной тому служили отчасти золотые, позвякивавшие в их карманах, отчасти винные пары, бросившиеся им в голову на свежем воздухе.

Глава XXIV

БЕЗ ПРИСТАНИЦА

В самый разгар сражения на зеленом поле мимо «Эльдорадо» проходил Гарри Блю. Если бы он обладал способностью видеть через стены, его тотчас же потянуло бы в казино. В этот момент ему особенно хотелось быть с Кроуджером. Он не сомневался в том, что молодые джентльмены немного покутят перед возвращением на фрегат. Он знал, каким опасностям подвергаются на улицах Сан-Франциско доверчивые иностранцы. Вот было бы хорошо, если бы ему удалось разыскать офицеров! Он пошел бы за ними и в случае нужды помог бы им справиться с грабителями. К сожалению, эта мысль возникла в его уме слишком поздно. Он не мог привести ее в исполнение.

Если бы Гарри пришла в голову фантазия хоть на миг заглянуть в «Эльдорадо», все сразу изменилось бы. Он увидел бы там своих молодых друзей и откровенно поговорил бы с ними. По всей вероятности, они охотно согласились бы принять его в качестве телохранителя. Вместо того чтобы слоняться по улицам и изнемогать от голода, он плотно поужинал бы, а потом отправился бы спать или в какую-нибудь приличную гостиницу, или на «Паладин».

Однако ничего этого не случилось. Когда бывший матрос проходил мимо «Эльдорадо», тайный голос не подсказал ему, что там находятся Кроуджер и Кедуолладер. Он не замедлил шагов и не приостановился. Блестящее казино ни на минуту не привлекло его внимания. Оно показалось ему точно таким же, как десятки других увеселительных заведений.

Долго бродил по городу Гарри Блю в тщетной надежде разыскать своих друзей. Несколько раз мелькали перед ним силуэты морских офицеров. Он поспешно кидался к ним. Но каждый раз оказывалось, что это не англичане. В конце концов ему пришлось отказаться от дальнейших поисков. Безнадежно махнув рукой, он торопливо зашагал к конторе Сильвестра. В отличие от старых портовых городов, где люди жили привольно и не теснясь, Сан-Франциско никак не мог изжить острого жилищного кризиса. Каждый фут жилой площади оценивался в нем в те времена чуть ли не на вес золота; его старались использовать не только днем, но и ночью. Вот почему Гарри надеялся, что, несмотря на поздний час, контора Сильвестра еще открыта.

По всей вероятности, в ней ночевал или сам морской агент, или один из его клерков. Может быть, они позволят бездомному матросу поспать несколько часов в каком-нибудь сарае? Ведь он с восторгом растянулся бы на любом старом диване, на любой лавке, даже на голом полу. Все, что угодно, только бы перестать гранить мостовую негостеприимного города!

Сворачивая то направо, то налево и время от времени в нерешительности останавливаясь, Гарри Блю, наконец, очутился на набережной. В течение своего недельного пребывания в Сан-Франциско он успел довольно прилично изучить его топографию и ориентировался в нем недурно. Но найти контору морского агента оказалось все-таки не так просто. Дома на набережной стояли на большом расстоянии друг от друга, и номеров на них почти не было. К тому же эта часть города освещалась крайне слабо. Как назло, ночь выдалась необыкновенно темная. Густые тучи совсем заволокли небо. Редкие фонари, горевшие китовым жиром, проливали на землю тусклый, мерцающий свет.

Разбирать при таких условиях номера и надписи было очень затруднительно. В конце концов Гарри все-таки удалось разыскать дом, около которого стоял столб с вывеской: «Контора морского агента Т. Сильвестра».

Бросив беглый взгляд на этот дом, наш бесприютный скиталец сразу приуныл. Он стоял перед маленькой деревянной постройкой, напоминавшей по размерам сторожевую будку: это помещение явно не могло служить жильем. Но, разумеется, в нем было достаточно места, чтобы взрослый человек имел возможность вытянуться на полу по весь рост. Как уже говорилось, Гарри вполне удовлетворился бы этим. «А вдруг там кто-нибудь есть?» — подумал он. Единственное окно, такое же крохотное, как и вся постройка, было заперто. Мало рассчитывая на успех, бывший матрос взялся за ручку двери и дважды дернул ее. Как он и опасался, дверь оказалась запертой на ключ. Это не смутило его. Он постучал сперва робко, еле слышно, потом довольно громко. Никто не ответил ему. Тогда он принялся изо всех сил колотить по двери своими крепкими кулаками.

— Отворите! Отворите!

Гробовое молчание было ему ответом.

Сообразив, что морской агент не знает английского языка, Гарри повторил свой окрик по-испански.

Результат получился тот же.

Ни на стук, ни на окрик не отозвался никто, кроме эхо, гулко раскатившегося вдоль домов и постепенно слившегося с шумом разбившихся о берег волн. Стучать и кричать не имело больше никакого смысла. Гарри понял, что контора Сильвестра закрыта и что и он сам, и его клерк спят в другом месте. Придя к этому печальному заключению, бывший матрос волей-неволей отошел от маленького дома и снова начал кружить по затихавшим улицам.

Теперь уже перед ним не было никакой цели. Он метался из стороны в сторону, как корабль без руля, уносимый неблагоприятным ветром.

Проблуждав таким образом около часа, Гарри Блю снова очутился на набережной. Его привел туда инстинкт. Так тюлени, совершив экскурсию в открытое море, неизбежно возвращаются к берегу. Ах, если бы только он умел плавать, как тюлень! Эта мысль невольно пришла ему в голову при взгляде на смутно видневшийся в отдалении «Паладин». Чего бы не отдал он за то, чтобы оказаться на родном фрегате! Всем злоключениям его сразу пришел бы конец. Он просто забыл бы о них, встретившись со старыми товарищами. Но, увы, об этом не стоило и мечтать. Английский военный корабль стоял на якоре в двух милях от берега. Гарри плавал очень хорошо, но такое расстояние все-таки было ему не под силу. К тому же постепенно сгущавшийся туман мало-помалу окутал фрегат плотной непроницаемой завесой. Даже суда, стоявшие у самого берега, почти совершенно скрылись из виду. Снасти их сделались похожими на паутину.

Охваченный глубоким унынием, Гарри остановился. Что делать? Может быть, лечь на прибрежный песок и попытаться заснуть? В другое время года он так и поступил бы, не задумываясь. Но теперь, как-никак, была зима. Ветер с Тихого океана врывался в Золотые Ворота, неся с собою сырость и холод. Конечно, до мороза было еще далеко. Но прохлада все-таки очень чувствовалась, и в воздухе стоял густой туман. В довершение всех несчастий начинал накрапывать мелкий, частый дождь. Сырость уже насквозь пропитывала Гарри.

Ему больше, чем когда-либо, хотелось найти хоть какое-нибудь непритязательное пристанище. Машинально оглядываясь во все стороны, он увидел перевернутую вверх дном лодку. Это был старый баркас, выброшенный за негодностью или ожидавший починки. Впрочем, его судьба мало интересовала нашего героя. Он нашел наконец пристанище, в котором ему так грубо отказал владелец «Приюта моряка». Старый баркас не мог, разумеется, ни предоставить гостю кровати, ни угостить его ужином. Но он мог с успехом защитить его от дождя, становившегося с каждой минутой все назойливее. Убедившись в том, что ничего лучшего ему не найти, Гарри Блю подполз под баркас и вытянулся во весь рост на мелком песке.

Это импровизированное ложе показалось бывшему матросу мягче пуховой перины. Просачиваясь между мелких камней, дождевые потоки вскоре устремились под опрокинутую лодку, сделав «постель» Гарри еще более мягкой, но совершенно сырой. Дрожа от холода, он лежал с открытыми глазами. Ночную тишину нарушали только плеск волн и стук дождевых капель, ударявшихся о деревянный баркас.

Через некоторое время до слуха Гарри долетели и другие звуки. Он насторожился. Это были человеческие голоса. Они становились с каждой минутой все громче и отчетливее. Очевидно, шедшие по берегу собеседники не удалялись, а приближались. Прошло еще несколько мгновений. Наконец у баркаса остановилось несколько человек. Остановившись, они продолжали разговаривать между собою. Голоса их звучали очень взволнованно. Они говорили настолько громко, что Гарри отчетливо слышал каждое произнесенное ими слово. Правый борт лодки прилегал к песку не совсем вплотную. Сквозь эту щель видны были четыре пары ног — две в обыкновенных брюках, две в бархатных кальсонеро, обшитых по краям черной кожей. Услышав знакомые звуки испанского языка, бывший матрос решил, что люди, остановившиеся у лодки, — калифорнийцы или испанцы. Знание испанского языка на этот раз очень пригодилось если не ему самому, то бесконечно дорогим ему друзьям.

Прежде всего до слуха Гарри долетел вопрос:

— Уверен ли ты, Кальдерон, что они пройдут здесь?

— Уверен, Лара. Когда я стоял рядом с ними у стойки, тот, который помоложе, сказал американцам, что шлюпка будет ждать их около половины первого у южной деревянной верфи. Чтобы попасть на эту верфь, нужно идти берегом. Другой дороги нет. Они вышли из ресторана одновременно с нами. Следовательно, мы должны ожидать их появления с минуты на минуту. Не думаю, чтобы они пошли куда-нибудь еще.

— Почему знать? — вмешался третий собеседник. — А вдруг их захотелось обойти еще полдюжины ресторанов? Англичане ведь пьют, как верблюды. Самое замечательное при этом, что они мало пьянеют.

— Чем больше бросится им в голову вино, тем лучше, — заметил четвертый калифорниец. — Нам легче будет справиться с ними.

— Не обольщайтесь, дон Мануэль, — сказал де Лара. — Наша задача не из легких. Несмотря на свою молодость, оба англичанина очень смелы. У них превосходное оружие. Они будут драться, как львы. Да, товарищи, нам придется поработать как следует! Но игра стоит свеч. Мы вернем наши денежки.

— Ты настаиваешь на том, чтобы убить их? — спросил Кальдерон.

— Разумеется. Мы должны покончить с ними ради нашей собственной без-

опасности. Даже если бы у них не было с собою ни пенни, я все равно настаивал бы на этом. Говорят, что старший из них, Кроуджер, очень богат. Ему ничего не стоит подкупить всех здешних судей. Если мы пощадим его, он с завтрашнего же утра натравит на нас полицию. Возможно, конечно, что нам удастся сохранить наше инкогнито. Но подозрение падет на нас во всяком случае. В хорошеньком мы очутимся тогда положении! Карамба! Нет, Кальдерон, раздумывать тут нечего. Перед нами нет выбора. Мы должны убить их.

Голос Лары звучал холодно и решительно. Выслушав его ужасную речь, Гарри Блю весь похолодел. Он понял, что молодые люди еще находятся в городе и что четыре разбойника подстерегают их с целью грабежа и убийства. Только одна фраза показалась бывшему матросу непонятной и загадочной: «Мы вернем наши денежки». Что бы это могло значить? Дальнейший разговор объяснил все.

— В том, что мы собираемся сделать, нет ничего дурного. Так, по крайней мере, смотрю на дело я, Франк Лара. Они первые открыли враждебные действия. Зачем понадобилось лейтенанту срывать банк? Он вел себя возмутительно. К сожалению, ему дьявольски повезло. Если бы остальные игроки не пошли за ним, как бараны, мы в конце концов победили бы его. Но что пользы говорить об этом? Банк лопнул. Мы должны вернуть наши деньги. Ради этих денег и нашей будущности англичан необходимо убить.

— Будь они прокляты! О чем тут разговаривать? Все ясно как день. Прикончим их — и баста.

Этот суровый приговор вынес дон Мануэль.

— Итак, все согласны? — спросил Лара.

— Да!

— Да!

— Согласны!

Один только Кальдерон не присоединился к общему хору. Его удерживала не жалость, а трусость.

Теперь Гарри было ясно все. Молодые друзья его играли в карты и выиграли много денег. Банкомет и три негодяя, находившиеся в приятельских отношениях с ним, решили убить их за это.

Что же делать? Как спасти офицеров? Гарри тщетно ломал голову над этим вопросом. Несколько утешало его только то, что оба его друга были хорошо вооружены. Разговаривая с ними в «Приюте моряка», он заметил, что кроме кортиков у них есть и пистолеты. Но все-таки им грозила большая опасность. Злоумышленники собирались напасть на них врасплох. Даже если бы они знали о замыслах своих врагов и подготовились к предстоящей борьбе, исход этой борьбы очень пугал бывшего матроса. Двое против четверых! Сам он был безоружен. Складной нож его пошел в уплату за последнюю выпитую им бутылку грога. Гарри смущало еще одно обстоятельство. Из разговора негодяев он понял, что Кроуджер и Кедуолладер порядочно выпили. По личному опыту ему было хорошо известно, что пьяные люди менее всего склонны к осторожности. Да и кто вообще остерегается разбойников? Разве только мексиканцы и калифорнийцы. Англичане не привыкли к таким нравам. По всей вероятности, они ровно ничего не подозревают и беззаботно идут вперед, чтобы пасть от кинжалов убийц, как колосья от косы жнеца.

Эта мысль заставила несчастного Гарри содрогнуться. И снова всплыл пе-

ред ним мучительный вопрос: что делать?

Все четыре заговорщика стояли в каком-нибудь фуге от баркаса. Вытянув руки, Гарри свободно мог бы схватить за ноги. Для этого ему даже не пришлось бы изменить позы. В первую минуту он поверил в целесообразность такого способа действий. Почему не допустить, что они смертельно перепугаются и удерут? Однако, поразмыслив немного, бывший матрос отказался от этого намерения. Он отлично понимал, что калифорнийцы далеко не трусы. Судя по тому, что они говорили, двое из них, по крайней мере, были настроены крайне решительно. Попасться в их руки — значило обречь себя на верную гибель. К чему приносить совершенно бесполезную жертву?

Но что же делать?

Уже в третий раз задался Гарри этим вопросом. Ответа по-прежнему не было.

Снедаемый безысходной тоской, он тщетно старался выдумать какой-нибудь удобоисполнимый план. Вдруг злоумышленники снова принялись разговаривать.

— Мне кажется, товарищи, — заявил Лара, — мы выбрали не совсем удачную позицию. Место слишком открытое. Они могут увидеть нас издалека. Это было бы слишком глупо. Мы должны наброситься на них прежде, чем они успеют схватиться за оружие. Иначе шансы наши на успех значительно понизятся.

— Какую же позицию мы можем занять? По-моему, тень старого баркаса достаточно хорошо скрывает нас.

— Знаете что, кабальеро? — предположил Кальдерон. — За-лезем-ка под это разбитое корыто! Там нас и с огнем отыщешь.

Сердце Гарри заколотилось с удвоенной быстротой. Ему показалось, что смертный час его пробил. У бедняги было такое чувство, словно к вискам его приставлены дула четырех пистолетов, а в грудь вонзаются четыре кинжала.

Он пережил минуту незабываемого ужаса. К счастью, смерть на этот раз прошла мимо него.

— Ни в коем случае не следует залезать под лодку, — сказал дон Мануэль. — Ваша мысль неудачна, Кальдерон. Вылезая из этой засады, мы неизбежно подняли бы отчаянный шум. По всей вероятности, старый баркас трещит по всем швам. Услышав подозрительные звуки, наши враги не преминут обратиться в бегство. Не забудьте к тому же, что неподалеку отсюда их поджидает шлюпка с восемью или десятью дюжими гребцами. В случае тревоги эти молодцы тотчас же бросятся на помощь своим офицерам.

— Вы правы, дон Мануэль, — ответил Лара. — Залезать под лодку было бы крайне глупо. Я советую встать около той стены. Там совершенно темно. Никто нас не увидит. Это чрезвычайно удобное место. Идемте!

Возражений не последовало. Отойдя от лодки, все четверо заговорщиков двинулись к темной стене и, словно призраки, исчезли во мраке ночи.

Глава XXV «ПАЛАДИНЫ»

«Что мне делать?» По-прежнему лежа под разбитой лодкой, бывший матрос в четвертый раз задался этим вопросом. Ответ ему был нужен больше, чем когда бы то ни было. Но отчаяние Гарри улеглось, уступив место надежде. Правда, негодяи перешли от баркаса к стене только потому, что тень ее благоприятствовала их замыслам. Они хотели убить Кроуджера и Кедуолладера с первого же удара и, по возможности, бесшумно. Однако их уход все-таки обрадовал Гарри. Он почувствовал себя, как пленник, выпущенный на свободу. Теперь уже ничто не мешало ему в любой момент покинуть свое пристанище. Подумав немного, он решил выползти из-под баркаса.

Положение вещей было ему совершенно ясно. В течение разговора злоумышленники несколько раз упомянули о том, что гичка с «Паладина» должна поджидать молодых офицеров у новой южной верфи. На этой верфи ему случалось бывать часто, так как именно к ней имели обыкновение причаливать все шлюпки, привозившие моряков на берег. Он вполне допускал, что за лейтенантом и мичманом придет катер с десятью гребцами. Вот было бы чудесно! Впрочем, гичка тоже вполне удовлетворяла его. В худшем случае с нею пришлют двух матросов. Два матроса, он сам, Кроуджер и Кедуолладер. Итого — пять человек. Неужели же пять моряков не справятся с четырьмя калифорнийскими разбойниками? Такой возможности Гарри просто не допускал. Он знал, конечно, что матросы не носят с собою никакого оружия, кроме складных ножей. Но ведь при желании можно пустить в ход багры и весла! Мысль о схватке с негодяями несколько не пугала его. Только бы добраться до товарищей! Удастся ли ему выползти незаметно из-под разбитого баркаса? Удастся ли ему пробраться к южной верфи, не возбудив у калифорнийцев никаких подозрений?

Гарри осторожно высунулся наружу. Одного взгляда на стену, у которой притаились негодяи, оказалось достаточно, чтобы успокоить его. Туман, до сих пор вызывавший в нем отвращение, показался ему самым замечательным из всех явлений природы. Плотная, серовато-коричневая масса водяных паров заволокла набережную. Как ни напрягал зрение бывший матрос, ему ничего не удалось увидеть. Из этого он вывел заключение, что его не увидят также. Еще одно обстоятельство придало ему бодрости. На мягком песчаном берегу шаги звучали еле слышно; глухой звук их терялся в равномерном шуме прибоя.

Все эти мысли пронеслись в мозгу Гарри с молниеносной быстротой. Он собирался уже приступить к исполнению своего плана, как вдруг на него напал внезапный страх. А вдруг уже поздно? Ступени, к которым обыкновенно причаливали шлюпки, находились в четверти мили от лодки, служившей ему убежищем. Чтобы добежать до них, нужно было время. Если даже ему удастся обмануть бдительность калифорнийцев, успеет ли он добежать до верфи, переговорить с товарищами и привести их к месту засады до появления офицеров? Это казалось весьма сомнительным. Неуверенность, как известно, порождает страх. Гарри Блю задрожал при мысли, что Кроуджер и Кедуолладер могут подойти к роковой стене в его отсутствие. Что, если, вернувшись, он

найдет на прибрежном песке два бездыханных тела и не будет даже в состоянии отомстить негодьям?

Тяжкая нерешительность охватила его. На несколько мгновений он потерял обычную ясность мыслей. Может быть, благоразумнее всего дожидаться приближения молодых офицеров и, издали услышав их шаги, броситься вперед, поднять тревогу и попытаться защищать их собственной грудью? О, если бы у него было оружие! Голыми руками не больно-то много сделаешь. Что может противопоставить он кинжалам и пистолетам? Злодеи убьют вместо двух людей трех, вот и всё. Нет, это не годится. Лучше уж бежать к верфи. А вдруг негодяи заметят, как он выползает из-под опрокинутой лодки? Вдруг они бросятся за ним в погоню? Это пугало его сравнительно мало. Он не верил, чтобы им удалось догнать его. Несмотря на долголетнее пребывание в море, ноги служили ему не хуже, чем в годы ранней юности. Он готов был потягаться в беге с калифорнийцами. Пять минут туда. Пять минут обратно. Если шлюпка уже стоит у пристани, товарищи-матросы поймут его с полуслова. Итак, на всю экспедицию требуется не больше десяти минут. Превосходно! Но ведь за эти десять минут Кроуджер и Кедуолладер могут подойти к стене, и тогда все будет кончено.

Страшная внутренняя борьба поднялась в груди старого морского волка. Он не знал, на что решиться. Сомнения терзали его. В обоих придуманных им планах действий были доводы за и против. Выбор требовал тщательного обсуждения. Между тем промедление грозило ужасной бедой. Надо было не размышлять, а действовать.

Еще несколько секунд прошло в мучительных колебаниях. Голова Гарри Блю пылала, как в огне. Он был чрезвычайно высокого мнения о своих молодых друзьях. Он знал, что оба они беззаветно храбры и вполне способны оказать должное сопротивление убийцам. Близость с Кроуджером убедила его в том, что лейтенант в достаточной мере благоразумен. Проходя в такой поздний час по набережной, он, наверное, примет кое-какие меры предосторожности. Если между офицерами и калифорнийцами завяжется борьба, эта борьба продлится довольно долго. А тем временем подоспеет и он, Гарри, с товарищами с «Паладина». Их угрожающие крики испугают злодеев. Все кончится благополучно.

Эти мысли пронеслись в мозгу бывшего матроса в десять раз скорее, чем я рассказал о них. Приняв определенное решение, он принялся выполнять задуманный план.

С проворством ящерицы выполз Гарри из-под опрокинутого баркаса. Сердце его билось сильными, неровными толчками.

Сперва он шел медленно, бесшумно, пригнувшись к земле, потом выпрямился и побежал. От быстроты его зависела жизнь дорогих ему людей. Он несся быстрее ветра.

Не прошло и пяти минут, как на деревянном настиле южной верфи раздался громкий звук шагов. Десятью секундами позже Гарри стоял уже на верхней ступеньке лестницы, спускавшейся прямо на море. Внизу чернел катер. Шесть матросов сидели на банках. Некоторые из них сладко дремали, опустив головы на грудь. Гарри облегченно вздохнул. Перед ним были «паладины».

— Здорово, товарищи! — крикнул он.

Дремавшие матросы тотчас же проснулись. Они сразу узнали голос старого

сослуживца.

— Идите сюда! — продолжал он, не помня себя от тревоги. — Живо! Живо! Не спрашивайте меня ни о чем. Дорога каждая минута. Готовится нападение на двух наших.

— На кого именно? — спросил один из гребцов.

— На Кроуджера и Кодуолладера.

Услышав имена молодых людей, пользовавшихся всеобщей симпатией, матросы поспешно вскочили со своих мест и бросились на лестницу. Им не пришлось давать никаких инструкций. Они вооружились чем могли. В руках у них сверкали ножи. Другие захватили с собою багры и весла.

— За мною, ребята! — воскликнул Блю, бросаясь вперед.

«Паладины» молча побежали за ним.

Маленький отряд мчался по берегу, держа курс на старый баркас. Матросы ни о чем не спрашивали Гарри. Впрочем, ему трудно было бы дать им какие-либо объяснения. Он весь дрожал и задыхался. Язык отказывался слушаться его. Казалось, он вот-вот упадет. И все-таки несколько хриплых, бессвязных слов сорвалось с его пересохших губ.

— Кроуджер... Кедуолладер... засада... разбойники... убийство!..

Если бы «паладины» уже не бежали изо всех сил, эти слова, наверное, подогнали бы их. Но они и так старались вовсю. Грудью пронзая густой туман, Гарри Блю несся впереди и напряженно прислушивался. Но пока ничего не было слышно, кроме монотонного плеска волн и отдаленного шума городских улиц. Ни крики, ни выстрелы, ни стоны не оглашали ночного безмолвия. По видимому, все обстояло благополучно.

— Какое счастье! — воскликнул Гарри. — Еще не поздно. Мы спасем их!

Едва успел он произнести эти слова, как маленький отряд поравнялся с опрокинутым баркасом. В тот же миг вдалеке вырисовались две человеческие фигуры. Благодаря туману они казались непомерно большими. Это были Кроуджер и Кедуолладер. Кроме них, кругом не было ни души. Молодые люди шли вперед, не торопясь, беспечно разговаривали и, очевидно, даже не подозревали о том, что притаившиеся в засаде разбойники собираются умертвить их.

Только бы предупредить надвигающуюся опасность! Гарри Блю пережил ужасную минуту. Он увидел, что лейтенант и мичман почти вплотную подошли к стене, в тени которой притаились калифорнийцы. Еще секунда — и грянут выстрелы... В воображении бывшего матроса всплыли зловещие картины... Ему казалось, что в тумане уже блестят четыре стальных клинка... На миг какое-то оцепенение овладело им. Ему пришлось призвать на помощь всю свою волю.

— Стоп, мистер Кроуджер! — крикнул он громким, исступленным голосом. — Ни шагу дальше, или вы погибли! Мы — «паладины». Здесь, у стены, стоят четыре негодяя, намеревающиеся убить вас. Одного из них зовут Ларой, другого — Кальдерон. Знакомы вам эти имена?

При первых же словах Гарри лейтенант и мичман остановились как вкопанные. Предупреждение было сделано как раз вовремя. Как только бывший матрос замолчал, темная стена озарилась четырьмя вспышками. Одновременно раздались четыре выстрела, и четыре пули прожужжали у самых ушей молодых офицеров. К счастью, ни один из выстрелов не попал в цель. Однако

опасность еще не миновала. За первым залпом последовал второй. Впрочем, он тоже не причинил нашим героям никакого вреда. Разбойники были плохими стрелками.

После второго залпа воцарилась тишина. Очевидно, Лара и его спутники принялись заново заряжать свои пистолеты. Не успели они, однако, сделать это, как Гарри Блю и остальные матросы отважно кинулись вперед. Кроуджер и Кедуолладер тотчас же подбежали к ним и, взяв на себя командование маленьким отрядом, двинулись к стене. Молодые люди давно уже держали наготове пистолеты. Но им не хотелось стрелять наугад. Теперь они решили вступить в открытую борьбу с врагами.

К их величайшему огорчению, из этого ничего не вышло. Подойдя к зловещей стене, они не увидели ничего, кроме груды камней и нескольких прогнивших досок. Калифорнийцев и след простыл. Они счастливо избежали угрожавшей им кары. Оглянувшись во все стороны, Кроуджер увидел вдалеке несколько удалявшихся силуэтов. Он взвел курок, поднял руку и остановился в нерешительности. Что, если это не они, а какие-нибудь мирные обыватели? Рука его опустилась.

— Черт с ними! — сказал он, пряча пистолет в карман. — Пусть убираются, куда хотят. Мы и завтра успеем воздать им по заслугам. Разыскать негодяев не составит труда. Ведь мы знаем, как их зовут. Если в Сан-Франциско есть хоть тень правосудия, они понесут наказание за свою низость. От всей души благодарю вас, мои храбрые «паладины»! Возьмите этот стофунтовый билет и выпейте за мое здоровье. Я никогда не забуду, что обязан вам жизнью. Если бы не вы... Но, в самом деле, что привело вас к этому пустынному месту?.. Впрочем, сейчас у нас нет времени на разговоры. Мы потолкуем по дороге на фрегат. Ты поедешь с нами, Гарри. Тебе полезно будет поспать еще разок на старом пепелище.

Гарри охотно повиновался. Вместо того чтобы переворачиваться с боку на бок на мокром песке, он крепко и сладко проспал эту ночь на своей прежней койке.

Глава XXVI

ЗАБРОШЕННАЯ ГАСИЕНДА

Милях десяти от Сан-Франциско стоял довольно неказистый дом. Его со всех сторон обступали горы Сан-Бруно. Невдалеке проходила дорога, сперва тянувшаяся по берегу залива, а потом вплотную подходи́вшая к открытому океану. Не обладая никакими архитектурными достоинствами, дом этот назывался гасиендой только потому, что находился посреди обширных пастбищ, обращавших на себя внимание крайней запущенностью. Когда-то это было первоградное скотоводческое владение. Теперь оно пришло в негодное состояние. Особенно тяжелое впечатление производил самый дом с прилегающими к нему уго́дьями.

Стены уединенной гасиенды почернели от непогоды и дали кое-где большие трещины. Двери не исправлялись и не красились в течение многих лет; когда их открывали или закрывали, ржавые петли скрипели невыносимо громко. В коралях около дома скота не было и в помине. Не было его также и на лугах, окружавших гасиенду. Коротко говоря, она имела такой вид, словно владелец ее отсутствовал или его не существовало вовсе. Дом можно было принять за необитаемый, если бы вокруг него не бродило несколько пеонов. Общество им составляли две-три босоногие женщины, то часами сидевшие на крыльце, то размельчавшие на метате маисовые зерна.

Тем не менее владелец у заброшенной гасиенды был. В разговоре скучающих пеонов и служанок то и дело упоминалось имя хозяина. Он появлялся дома чрезвычайно редко. Звали его дон Фаустино Кальдерон.

Большую часть времени дон Фаустино проводил в Иерба Буена, сравнительно недавно получившем название Сан-Франциско. В последние месяцы он совершенно забросил владение, доставшееся ему по наследству от отца. Особого внимания, впрочем, он не уделял ему никогда. Скотоводство казалось ему слишком низменным занятием. Он быстро прокутил и проиграл в карты отцовское наследие. Земля была уже заложена и перезаложена. Дом постепенно превращался в развалины. В отсутствие Кальдерона это особенно бросалось в глаза. Слуги даже не пытались придать гасиенде жилой вид. Увлекаясь картами не меньше, чем их хозяин, они почти целые дни проводили во внутреннем дворе, играя на медяки в монте. Стоило дону Фаустино приехать, как картина резко менялась. Несмотря на свое беспутство, Кальдерон был чрезвычайно строгим и взыскательным хозяином. Крайне снисходительный к своей собственной персоне, он проявлял бесконечную требовательность к людям, находившимся от него в зависимости. Несчастные пеоны ненавидели его. Когда он удастаивал заехать на денек-другой в свою гасиенду, им приходилось ходить за ним по пятам и угадывать его желания. При малейшей оплошности с их стороны хозяин раздражался громкими проклятиями и хватался за плеть.

На следующее утро после той памятной ночи, которая ознаменовалась крахом банка в «Эльдорадо», в заброшенной гасиенде царил необычный оживление. Несмотря на ранний час, слуги с озабоченным видом сновали взад и вперед. Их необычайное поведение служило верным признаком того, что хозяин дома. Он действительно был дома.

После недельной отлучки Кальдерон приехал в родную гасиенду в неурочный час, когда из-за гор только начало показываться солнце. Он приехал не один, а с джентльменом, который (слуги прекрасно знали это) был его закадычным другом. Они подскакали к дому, кинули поводья своих коней на руки выскочившим им навстречу гругам и прошли в комнаты. Осторожно заглянув в дверь гостиной, слуги увидели, что хозяин в чрезвычайно мрачном расположении духа. Это заставило их с особенной энергией взяться за приготовление завтрака.

Усевшись в удобные кресла, дон Фаустино и его гость некоторое время хранили молчание.

Оба они облокотились на стол и опустили головы на руки. Разговор, как и полагается, начал хозяин дома.

— Что же нам теперь делать, Лара? Мне кажется, мы должны уехать куда-нибудь. После того, что произошло, они, наверное, попытаются разыскать нас.

— Это весьма вероятно. Какая дурацкая история! Чего-то я тут признаться не понимаю. Откуда узнал этот человек наши имена? Как удалось ему выведать, что мы стоим у стены? На помощь нашим врагам подоспели «паладины». Так, по крайней мере, они назвали себя. Это были, очевидно, матросы с английского фрегата, поджидавшие офицеров у южной верфи. Но кто предупредил их? Это для меня загадка.

— И для меня тоже.

— Я помню наверное, что в Парк-Отеле не было не одного матроса. Ни один матрос не попался нам навстречу, когда мы шли по берегу. Я в этом уверен. Набережная показалась мне вчера еще более пустынной, чем обыкновенно. Я не допускаю, чтобы кто-либо мог пройти мимо нас незамеченным. В чем же тут дело? Уж не обладают ли матросы с «Паладина» ясновидением?

— Мне приходило это в голову.

— Стыдись, Кальдерон! Неужели ты способен относиться серьезно к таким глупостям? Что касается меня, то, говоря об ясновидении, я, конечно, только пошутил. Нет, все это объясняется иначе.

— Но как?

— Самым естественным образом.

— Как же?

— Очень просто. Под опрокинутым старым баркасом кто-то лежал. А мы, четыре дурака, стояли подле него и откровенничали вовсю, называя друг друга по именам. Возможно, что, завидев нас, какой-нибудь матрос, ожидавший прибытия шлюпки, испугался и спрятался. В таком случае от него не ускользнуло ни одно наше слово. Когда мы отошли в стеньгу, он вылез из своего убежища и сбегал за товарищами. Согласись, что мое объяснение вполне правдоподобно.

— Да, Лара. Теперь мне все ясно. В то время, как ты говорил, я вспомнил одну вещь. Когда мы стояли у стеньги, какой-то человек, крадучись, побежал к южной верфи.

— Может быть, он только тебе примерещился?

— Я почти уверен, что нет. Тогда я не придавал этому никакого значения. Мое внимание было всецело поглощено другим. Мне и в голову не пришло, что это какой-нибудь англичанин.

— Очень жаль, что это не пришло тебе в голову. Теперь вся картина вырисовывается передо мной совершенно отчетливо. Нет ничего удивительного, что матрос, подслушавший наш разговор, назвал нас по именам и объявил, что мы замышляем убийство. Ты вздрогнул и побледнел? Эх, Фаустино! Что за бабий страх у тебя перед словами! Не в них дело. Мы должны заботиться не о прошлом, а о будущем. Карамба! Сейчас нам угрожает очень большая опасность. На это нечего закрывать глаза. Скажи, пожалуйста, почему ты сразу не сказал мне, что по берегу пробежал какой-то человек?

— Потому что я никогда не думал, что он имеет какое-либо отношение к нашим врагам.

— Ты бываешь поразительно недогадлив. На этот раз твое легкомыслие может оказаться для нас роковым. Не раз в жизни бывал я в затруднительных положениях. Но в такую неприятную историю мне еще не случалось попадать. О дуэли нечего и думать. Наши враги пришлют к нам не своих секундантов, а наряд полиции. Как жаль, что они ни один из сделанных нами выстрелов не попал в цель. Лучше быть привлеченным к суду за убийство, чем за неудачное покушение. Да, оставаться здесь нам не имеет никакого смысла. Скажи слугам, чтобы они не отводили на конюшню лошадей. Позавтракав, мы немедленно двинемся в дальнейший путь.

Дон Фаустино громко хлопнул в ладоши и отдал вошедшему пеону соответствующее приказание.

— Над нами тяготеет какое-то проклятие, — мрачно продолжал Лара, ударя кулаком по столу. — Судьба преследует нас.

— Да, одна неудача сменяет другую. Деньги, любовь, месть — все потеряно!

— Да, только не месть! Будь спокоен, Кальдерон. Месть от нас не уйдет.

— Неужели ты серьезно говоришь это?

— Разумеется.

— По-моему, надежды твои тщетны. Через день или два английских офицеров здесь уже не будет. «Паладин» скоро снимется с якоря. Вчера вечером мне говорили, что это дело решенное. Завтра, может быть, даже сегодня, фрегат двинется в путь.

— К черту фрегат и всех, кто на нем находится! Чем скорее уберутся отсюда наши враги, тем лучше. Их отъезд нисколько не помешает моим планам. Он даже будет способствовать им. Я поражу Кроуджера в самое чувствительное место. А ты можешь точно таким образом поразить Кедуолладера.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Твоя недалновидность переходит все границы. Но я человек вежливый и дураком, так и быть, тебя не назову. Постарайся только не задавать чрезмерно глупых вопросов. Да, наши враги уедут сегодня или завтра. Но ведь всего, что им дорого, они с собою не захватят. Понимаешь ли ты это?

— Разумеется. Они оставят здесь свои сердца. Я угадал?

— Нет.

— Что же они оставят в таком случае?

— Своих возлюбленных.

— Но ведь сеньориты уезжают тоже?

— Таково действительно их намерение. Но прежде, чем дон Грегорио окончательно соберется в путь, произойдет событие, которое заставит его отложить, а может быть, и отменить отъезд.

— Ты говоришь загадками, Лара. Очень прошу тебя поделиться со мной своими мыслями.

— Я исполню твою просьбу после того, как ты угостишь меня шоколадом и водкой. Алкоголь необходим мне. Я должен сосредоточиться. Нам придется поработать вовсю. Пока скажу только одно. Меня посетил некий добрый гений. Он указал мне путь к мщению и к богатству.

— И ты намерен следовать этому пути?

— Во что бы то ни стало.

— Возьми меня с собою!

— Хорошо. Только докажи сперва свою пригодность к такого рода путешествию.

— Буду стараться изо всех сил, Лара. Доброй воли у меня сколько угодно. Скажи мне только, что я должен сделать.

— Все в свое время. Предупреждаю, однако, что одной доброй воли тут недостаточно. От нас потребуется сила, выдержка и решимость.

— Пожалуйста завтракать, сеньоры! — объявил слуга.

Выпив по чашке шоколада, Кальдерон и Лара принялись за каталонскую водку. Помолчав немного, бывший скотовод стал упрашивать своего гостя быть вполне откровенным с ним.

Опрокинув несколько рюмок крепкой «каталонки» и закурив сигару, креол смерил приятеля каким-то странным, испытующим взглядом.

— Ответь мне на один вопрос, Фаустино. Правда ли, что ты разорен?

— Конечно, правда. Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Потому что мне необходимо быть в курсе твоих дел. Путь, на который ты хочешь вступить со мною, очень труден. Я вторично спрашиваю: правда ли, что ты разорен?

— А я вторично отвечаю: да, правда. Не понимаю, какая связь между моим разорением и твоими планами?

— Очень большая. Итак, я в третий раз спрашиваю: ты действительно разорен?

— Ну, да. Я так же беден, как и ты, а может быть, еще беднее. Как тебе известно, последние деньги мои я вложил в наше казино.

— Но ведь у тебя есть кое-что и кроме денег.

— У меня ничего нет.

— А дом и земля?

— Давным-давно заложены.

— Значит, от твоего богатства ничего не случилось?

— Ни гроша. Все, что ты видишь вокруг себя, мне уже не принадлежит. Слуги называют меня хозяином только по старой привычке. Вот мы сидим с тобой в удобных креслах и пьем «каталонку», а между тем старый ростовщик Мартинец может в любую минуту выгнать нас отсюда.

— Пускай попробует! Не советую ни ему, ни кому-либо другому трогать меня сейчас. Я в ужасном настроении.

— Я тоже.

— Твое банкротство делает наше дальнейшее пребывание еще менее желательным. Что, если нагрянет полиция?

— Это очень возможно.

— Не будем терять даром золотого времени. Ближе к делу! Дай мне слово,

Фаустино Кальдерон, что у тебя больше нет денег.

— Даю тебе слово, Франциско де Лара, что у меня нет больше абсолютно ничего.

— Превосходно! Теперь, когда твои дела мне ясны, я с удовольствием поделюсь с тобою моими планами.

— Я сгораю от нетерпения узнать их.

— Не торопи меня, Фаустино. Я уж дважды сказал, что речь идет о чрезвычайно серьезном предприятии. Осуществление моих планов требует громадной ловкости и беззаветного мужества. Нужны по крайней мере четыре надежных и верных человека. Три таких человека у меня уже есть. Есть и четвертый... Но я не знаю, можно ли положиться на него.

— Назови мне этих троих людей.

— Изволь. Это Франциско де Лара, Мануэль Диац и Рафаэль Рокас.

— А кто же четвертый, на которого, по-твоему, нельзя положиться?

— Фаустино Кальдерон.

— Почему ты сомневаешься во мне?

— Потому что ты слишком щепетилен и недостаточно смел. Впрочем, подвергаться сколько-нибудь серьезной опасности нам не придется. Надо только умело повести дело, а главное — не колебаться и не отступать.

— Напрасно ты меня подозреваешь в излишней щепетильности. За последние сутки я пережил много тяжелого и, можно сказать, переродился. Человек, сразу потерявший все» и превратившийся из богача в нищего, не склонен деликатничать. Не бойся довериться мне, друг.

— Со временем ты узнаешь все. Но не сейчас. Я хочу обставить наше предприятие известными формальностями. Участникам его придется принести торжественную клятву. В ближайшее время мы устроим с этой целью тайное собрание. Пока тебе достаточно знать одно. Сделавшись моим союзником, ты убьешь разом двух зайцев.

— Каких именно? Это-то уж, надеюсь, спросить можно?

— Разумеется. Во-первых, ты сделаешься богаче, чем когда бы то ни было. Во-вторых, дон Грегорио Монтихо или вовсе не уедет из Калифорнии, или уедет очень не скоро. Таким образом ты получишь возможность поухаживать за Иньесой Альварец.

— Карамба! Если ты действительно устроишь это, то клянусь...

— Пока что от тебя клятв не требуется, я довольствуюсь твоим словом. Обещание влюбленного, заинтересованного в успехе своих сердечных дел, стоит клятвы.

— Ты абсолютно уверен в Диаце и Рокасе?

— Абсолютно. С ними я не буду вести столь продолжительные разговоры. Шестьдесят тысяч долларов — кругленькая сумма. Наши приятели присоединятся ко мне, не задумываясь.

— Шестьдесят тысяч долларов на каждого?

— Может быть, и больше!

— При одной мысли о таких деньгах у меня кружится голова! Я боюсь потерять рассудок.

— Подожди сходить с ума до тех пор, пока эти деньги не окажутся в наших руках. Потом безумствуй, сколько хочешь.

— Во всяком случае, я сойду не от горя, а от радости.

— Да уж горевать будет нечего! Ты снова заживешь лучше прежнего. Возможно, что тебе удастся добиться руки твоей избранницы. Однако засиживаться здесь нам не следует. Лучше уберемся отсюда подобру-поздорову. Я думаю, что в течение ближайших часов никто нас не потревожит. Едва ли наши враги выберутся на берег до полудня. К тому же полиция Сан-Франциско не имеет обыкновения пороть горячку. Пока она раскачается, много воды утечет.

— Хорошо, что моя гасиенда находится в десяти милях от города!

— Но все-таки нам пора в путь. Я знаю место, где мы будем в полной безопасности. Это ранчо Рокаса. Я сговорился встретиться там с Диацом. В хижине Рафаэля мы пробудем до тех пор, пока английский фрегат не снимется с якоря. Конечно, в случае каких-либо осложнений нам придется уехать куда-нибудь подальше.

— Надеюсь, что до этого дело не дойдет. Мне бы очень не хотелось покидать Сан-Франциско.

— Мне тоже. Впрочем, не все ли равно, где жить? Лишь бы были деньги! Ну, довольно пустой болтовни. Едем!

Через несколько минут Кальдерон и Лара вскочили на коней и ускакали. Слуги проводили их равнодушными взглядами. Они радовались тому, что никто не будет мешать им наслаждаться бездельем, объедаться бобами с мясом и играть в монте. Вскоре оба всадника исчезли за холмистой грядой. Заброшенная гасиенда снова погрузилась в унылое безмолвие.

Глава XXVII

РАЗГОВОР С ОРАНГУТАНГАМИ

Несмотря на всю свою любовь к родному фрегату, Гарри Блю проснулся на заре и с первой же шлюпкой поехал в Сан-Франциско. Ему хотелось как можно скорее переговорить с Сильвестром. Слова Кроуджера о том, что капитан чилийского судна ищет не только матросов, но и помощников, крепко врезались в его память. Между тем он и не знал еще ни названия корабля, на котором ему предстояло служить, ни места его стоянки.

Когда шлюпка причалила к южной верфи, он весело и уверенно ступил на деревянный помост. Душу его наполняли самые радужные надежды. Он прижимал к левому боку кошелек, в котором кроме стофунтового билета, подаренного ему Кроунд-жером, лежало еще несколько золотых монет, полученных им от Кедуолладера.

В этот день счастье покровительствовало бывшему матросу. Когда он подошел к конторе Сильвестра, она оказалась уже открытой.

Вручив морскому агенту карточку дона Грегорио, Гарри Блю в нескольких словах объяснил, чего именно ему хотелось бы. Сильвестр приветливо выслушал своего посетителя, написал записочку капитану Лантанасу и объяснил, где стоит «Кондор». Чилийское судно было видно из окна конторы.

— Впрочем, сеньор Лантанас обещал зайти ко мне сегодня утром, — прибавил агент. — Если хотите, можете подождать его здесь. Это избавит вас от лишних расходов.

Но Гарри не пожелал ждать. Помня старую пословицу «Куй железо, пока оно горячо», он твердо решил сделать все, от него зависящее, чтобы добиться поставленной цели. Ему хотелось во что бы то ни стало стать помощником

Лантанаса. Не только честолюбие заставляло его желать этого. Нет, им руководило другое, менее эгоистическое и более возвышенное чувство. Он думал, что помощнику капитана удобнее заботиться о прекрасных сеньоритах, чем простому матросу.

Калифорнийские лодочники не имеют обыкновения грести ради спорта. За доставку на «Кондор», стоявший в каких-нибудь трех кабельтовых от берега, с Гарри спросили два доллара. Но в этот день все было ему нипочем. Гордым жестом подозвав ближайшую шлюпку, он сказал:

— Вези меня к тому судну, парень. Смотри, не спутай. Держи курс на трехцветное знамя с пятиконечной звездой. Чем скорее ты довезешь меня, тем больше я тебе заплачу.

Почерпнув в обещании бравого английского моряка новый запас энергии, лодочник стремительно заработал веслами. Не прошло и десяти минут, как Гарри очутился на палубе «Кондора». К его великому изумлению, на ней не было ни одного живого существа, кроме добродушного старого негра и двух громадных обезьян.

С недоумением поглядев на них, бывший матрос остановился.

— Зачем пожаловал, приятель? — спросил негр, подходя к нему. — Должно быть, тебе хочется поговорить с капитаном? К сожалению, я не капитан, а только кок.

— А, ты только кок? Ну, что же! И коком быть не плохо. Желание мое ты угадал: мне действительно хотелось бы поговорить с капитаном.

— Он у себя в каюте. Подожди немного. Я сейчас позову его.

Старик исчез, оставив Гарри в обществе обоих орангутангов.

— Здравствуйте, товарищи! — весело сказал бывший матрос. — Каково ваше мнение о текущих событиях?

— Кро-кро-кроак!

— Чрезвычайно выразительно, но тем не менее непонятно. Неужели вам нечего больше сообщить мне?

— Курра-кра-кра! Кра-кро-кроак!

— Простите, уважаемые товарищи, но я вашим языком не владею. Если меня возьмут на «Кондор», постараюсь пополнить этот пробел в моем образовании. Кроак! Скажите-ка лучше, как тут обстоит дело с грогом? На всех порядочных кораблях матросов угощают им три раза в день.

— На-на-на-на-на! Ва-ва-ва-ва-ва! Фуфф!

— Только два раза? О, черт! Этого мне маловато. На «Паладине» были другие порядки. Там дьявольски хорошо жилось.

Вы, кажется, изволите выражать какие-то сомнения? Вы думаете, что я лгу? Подождите! Сейчас я расправлюсь с вами!

— Курра-курра! Кро-кроак! На-на-на-фуфф! Ва-ва-ва-ва-ва-ва-пф-пфф! Пфф!

Ворчанье орангутангов совершенно заглушило голос Гарри. Его шуточная угроза напугала и рассердила животных. Неизвестно, чем бы кончился этот замечательный разговор, если бы ему не положило конец появление капитана.

— Вы моряк? — спросил Лантанас по-испански.

— Да, сеньор капитан.

— Что вам угодно?

— Я пришел предложить вам свои услуги. Вот записочка от сеньора Силь-

вестра. Ознакомившись с нею, вы поймете все.

Капитан взял протянутое ему письмо, вскрыл конверт и начал читать. Почти тотчас же смуглое лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Наконец-то! — пробормотал он вполголоса. До этой минуты ни один еще матрос не предлагал ему своих услуг.

Лантанас был в восторге. Гарри Блю произвел на него чрезвычайно благоприятное впечатление. К тому же этого симпатичного моряка очень лестно отрекомендовал дон Грегорио Монтихо, посетивший «Кондор» накануне вечером. Повторяя слова Кроуджера, старый гасиендадо заявил, что Гарри в высшей степени ценный работник и исключительно порядочный человек, вполне достойный места старшего офицера. Ввиду этого чилийский шкипер проэкзаменовал своего посетителя только для проформы. Ясные и точные ответы Гарри вполне удовлетворили его.

— Надеюсь, вы справитесь с судовым журналом? — спросил напоследок Лантанас.

— Конечно, справлюсь. Читать и писать я умею, а журналов на своем веку видел не мало.

— Превосходно! — воскликнул чилиец. — Теперь скажите мне по совести, сеньор Энрико, считает ли вы себя способным быть пилотом?

— Вы хотите сказать, помощником капитана?

— Мы, испанцы, называем помощников капитана пилотами. Что же вы молчите?

— Расхваливать самого себя не принято, сеньор капитан. Вы просили ответить **по совести**, не правда ли? Ну, в таком случае слушайте! Тридцать лет с хвостиком отработал я на различных военных кораблях. Пусть меня сделают младшим поваренком до конца моих дней, если после этого я не способен быть помощником капитана на торговом судне! Сделайте меня старшим офицером вашего «Кондора», сеньор! Ручаюсь, что вы будете довольны мною.

— Я тоже это думаю, сеньор Блю. Итак, будьте моим помощником. Я могу предложить вам пятьдесят долларов в месяц на всем готовом. Подходят ли вам такие условия?

— Да.

— Значит, по рукам. Когда вы приступите к исполнению своих обязанностей?

— Я немедленно взялся бы за работу, если бы мне не было необходимо съездить за пожитками.

— Моя шлюпка в вашем распоряжении. Если вы встретите на берегу матросов, желающих отправиться в плавание, я уполномочиваю вас предлагать им двойное жалованье. Мне хочется как можно скорее сняться с якоря. Когда вы вернетесь, мы потолкуем с вами обо всем. Зайдите, пожалуйста, к сеньору Сильвестру и скажите, что я к нему сегодня не приеду. У меня много дел. До скорого свидания.

Вежливо раскланявшись со своим новым помощником, чилийский шкипер снова ушел в каюту.

Глава XXVIII ГОЛУБОЙ ФЛАГ

Сделавшись старшим помощником капитана на чилийском торговом судне и получив в свое распоряжение шлюпку, Гарри Блю отпустил поджидавшего его лодочника и с шиком подъехал к берегу. Прежде всего он зашел к морскому агенту и передал ему поручение Лантанаса. Как и в первый раз, дон Сильвестр встретил его чрезвычайно приветливо.

Выйдя из конторы, Гарри нанял носильщика и отправился за своим сундучком. Хозяину гостиницы пришлось выслушать от своего бывшего постельца краткую, но в достаточной степени нравоучительную речь.

— Полюбуйтесь на эту штучку, сеньор! — сказал Гарри, помахивая перед самым носом калифорнийца измятым стофунтовым билетом. — Вы ведь, кажется, любите английские денежки? Вам хотелось бы захватить эту бумажку в свои грязные лапы, не правда ли? Но лучше умерьте свой аппетит! Ни черта больше вы от меня не получите! Более мерзкой береговой акулы мне еще не случалось встречать.

С этими словами он положил банковый билет в карман и, насмешливо помахав им на прощание рукой, последовал за носильщиком, взвалившим на плечи его сундук. Ему не терпелось вернуться на «Кондор». Помня, однако, наставление Лантанаса, он пошел искать матросов. И на улицах, и у дверей харчевен их было сколько угодно. Но предложение двойного оклада жалованья казалось им мало соблазнительным. Тяжелой работе они предпочитали праздную, беспечную жизнь.

Вскоре старший офицер «Кондора» убедился в том, что поиски его останутся безрезультатными. Несколько опечаленный этим, он направился со своим носильщиком к берегу и хотел усесться в шлюпку, когда взгляд его упал на родной фрегат. Ему сразу бросился в глаза голубой флаг. Итак, «Паладин» готовился к отплытию! Это очень удивило Гарри, так как ни Кроуджер, ни остальные товарищи не попрощались с ним. Между тем голубой флаг красноречиво свидетельствовал о том, что фрегат снимется с якоря не позже, чем через два часа. Впрочем, бывший матрос скоро понял все: на расстоянии четырех кабельтовых от «Паладина» стоял другой корабль под британским флагом. Это был корвет, только что пришедший с Сандвичевых островов.

Вид голубого флага наполнил грустью сердце Гарри. Ему хотелось еще разок повидаться с приятелями и, главное, сообщить молодому лейтенанту о своих успехах. Теперь на свидание с ним трудно было рассчитывать.

В то время как он в нерешительности стоял у пристани, от фрегата отчалила гичка. Постепенно силуэты трех сидевших в ней людей стали вырисовываться все более и более отчетливо. Перед Гарри мелькнуло знакомое молодое, румяное лицо.

— Мне чертовски везет! — пробормотал он радостно. — Это Кедуолладер! На лице мичмана уже играла веселая улыбка.

— Клянусь Юпитером, это Гарри Блю! Здорово, Гарри! Именно тебя-то мне и нужно.

Через несколько мгновений гичка причалила.

— Здравствуйтесь, мистер Вилли! Я только что увидел на «Паладине» голубой

флаг. Если бы вы знали, как мне стало грустно при мысли, что мистер Кроуджер и вы уедете, не попрощавшись со мной!

— Мы тоже грустили об этом, Гарри. Давай-ка пройдемся по набережной. Несколько десятков шагов они прошли молча.

Через некоторое время Кедуолладер достал из бумажника письмо.

— Мистер Кроуджер просит тебя передать это письмо лично. Адрес указан на конверте. Обернись направо. Видишь дом на вершине холма?

— Конечно, вижу, мистер Вилли. И даже знаю, что в этом доме живут две очаровательные молодые девушки. Готов биться об заклад, что письмо адресовано одной из них.

— Лучше не бейся об заклад, хитрец! Проиграешь! Прочти-ка, что написано на конверте.

Гарри взял письмо в руки. Оно было адресовано дону Грегорио Монтихо.

— Будьте спокойны, мистер Вилли. Я отдам его в собственные руки. Это надо сделать немедленно?

— Как можно скорее. Ответа, впрочем, не требуется. Через двадцать минут «Паладин» снимется с якоря. Я подъехал на берег в надежде найти тебя в конторе дона Сильвестра. Как хорошо, что мы встретились! Мы оба, Кроуджер и я, придаем большое значение этому письму. Прочтя его, сеньор Монтихо начнет, должно быть, расспрашивать тебя о событиях минувшей ночи. Выложим ему все начистоту. Только смотри, не проболтайся о том, что мы с лейтенантом выпили чересчур много шампанского. Понял?

— Понял, мистер Вилли.

— А теперь прощай. Мне надо поторапливаться. На «Паладине» поставлены уже почти все паруса. А у меня нет ни малейшего желания оставаться в Калифорнии. Скажи, кстати, как твои дела?

— Мои дела очень хороши, мистер Вилли. Я получил место старшего офицера на «Кондоре».

— Поздравляю тебя, дружище. Я твердо верю, что со временем ты обзаведешься собственным судном. Ну, прощай! Не забудь нашей просьбы. Береги сеньориту. Желаю тебе удачи во всех твоих начинаниях.

Гарри и Кедуолладер обменялись крепкими рукопожатиями.

Десять минут спустя бывший матрос проходил через предместье Сан-Франциско, направляясь к береговой дороге, близ которой стояла гасиенда дона Грегорио.

Глава XXIX

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

На следующий день после помолвки Кармен Монтихо и Иньеса Альварец снова поднялись на азотею. Глаза их сразу же устремились на громадный военный корабль, где находились те два человека, которым они вверили накануне все свое будущее. Молодые девушки не помнили себя от счастья. В то же время тревога ни на минуту покидала их. Обе они думали, что столкновение между английскими моряками и калифорнийцами будет иметь серьезные последствия. Обе они смертельно боялись исхода неминуемой (так казалось им) дуэли.

Накануне утром этот страх совершенно не мучил их. Но с тех пор обстоятельства переменились. Тогда молодые офицеры были только *поклонниками*. Теперь они сделались *женихами*. Любовь к ним молодых девушек окрепла, расцвела, созрела. Тревога за *них* стала тревогою за *себя*. Иньеса волновалась гораздо меньше, чем ее тетка. Одаренная редкой для своего возраста наблюдательностью, она давно уже поняла, что Кальдерон — трус. Не менее наблюдательная Кармен успела хорошо изучить Лару. Она знала, что он негодяй. Но она знала также, что душевная низость не мешает ему быть мужественным и храбрым человеком. Когда-то (не так уж давно!) именно это ей и нравилось в нем. Не мудрено, что тревога за Кроуджера ни покидала ее ни на минуту. Разговаривая с Иньесой, она все время смотрела на залив, боясь увидеть в одной из сновавших по нему шлюпок своего возлюбленного.

Если бы сеньориты сколько-нибудь разбирались в морских сигналах, их беспокойство сразу бы улеглось. Голубой флаг с белым квадратом посередине доказывал, что в самом ближайшем времени фрегат расправит паруса и уйдет в неведомую даль, увозя их женихов от всех береговых опасностей и соблазнов. Но сеньориты не имели никакого понятия о морских сигналах. Голубой флаг был для них таким же флагом, как и все остальные. Они смотрели главным образом не на фрегат, а на шлюпки, скользившие по заливу. Одна из шлюпок обратила на себя их внимание. В ней было трое людей, два матроса и офицер. Любовь, говорят, обладает способностью придавать зрению особенную остроту. Совместное действие любви и бинокля воистину творит чудеса. Иньеса Альварец не замедлила узнать в сидевшем на корме офицере своего милого Гюльельмо. Зачем понадобилось ему ехать на берег? Почему его не сопровождает дон Эдуардо? На эти вопросы ни одна из сеньорит не находила ответа. Невольно бросив взгляд на «Паладин», обе они увидели, что весь он покрыт широкими белыми парусами.

— Фрегат снимается с якоря! — заявил только что поднявшийся на азотею дон Грегорио. — Интересно знать, чем объясняется такая спешка? Почему наши юные друзья не сказали нам, что сегодня им предстоит уже двинуться в путь?

— По всей вероятности, они сами не знали об этом, — сказала Кармен.

— Разумеется, не знали! — добавила Иньеса.

— Почему ты так уверенно говоришь это, крошка? — спросил дон Грегорио.

— Да потому, что они сами так сказали! — воскликнула молодая андаллузка, заметно покраснев.

— А, вот в чем дело! Тем не менее факт налицо. Английский фрегат готовится к отплытию. Впрочем, тут нет ничего таинственного. Помните, наши друзья говорили, что в Сан-Франциско должен прибыть английский корвет? Он прибыл сегодня ночью. Все объясняется чрезвычайно просто. Очевидно, «Паладин» получил инструкцию от адмирала. Как я хотел бы, чтобы «Кондор» тоже снялся поскорее с якоря. У меня не будет ни минуты покоя до тех пор, пока...

— Посмотри на дорогу, папа! — перебила его Кармен. — Кажется, по ней идет какой-то матрос.

Дон Грегорио поднес к глазам бинокль.

— Совершенно верно, — сказал он. — У тебя хорошее зрение, дочурка.

— Уже не к нам ли он направляется?

— По-моему, к нам. Должно быть, его послали с каким-нибудь поручением наши друзья. Я думаю, что это тот самый матрос, которого они рекомендовали мне.

— Так вот зачем Гюльельмо ездил на берег! — шепнула Иньеса своей тетке. — Матрос несет нам какие-нибудь известия. Я была уверена, что они еще дадут о себе знать.

Через десять минут Гарри Блю (ибо это был, разумеется, он) остановился у крыльца и, подняв голову кверху, поклонился хозяину дома.

— Что вам угодно, сеньор? — спросил гасиендадо.

— Я хочу передать письмо сеньору Монтихо.

— Я — сеньор Монтихо. Войдите, пожалуйста. Я сейчас спущусь к вам.

Встретившись с Гарри во внутреннем дворе, дон Грегорио поспешно прочел врученное ему письмо.

«Глубокоуважаемый сеньор!

Обстоятельства вынуждают нас покинуть Сан-Франциско раньше, чем мы ожидали. Согласно распоряжению, переданному нам только что прибывшим корветом, мы должны немедленно сняться с якоря. Отправляемся мы, как и предполагалось, на Сандвичевы острова. В суматохе, предшествующей отплытию, я с трудом урвал несколько минут, чтобы написать Вам. Мистер Кедуолладер и я считаем своим долгом довести до Вашего сведения ряд фактов, которые, по всей вероятности, очень удивят Вас. Вчера утром мы встретились в Ваших владениях с доном Франциско Ларой и доном Фаустино Кальдероном. Вчера днем между ними и нами произошло столкновение, во время которого они вели себя далеко не по-джентльменски. Вчера вечером, натолкнувшись на них в третий раз, мы убедились в том, что оба они профессиональные игроки. Мне удалось сорвать у них банк. Подходя к верфи, у которой нас ожидала шлюпка, мы в четвертый раз столкнулись с этими «джентльменами». На сей раз они предстали перед нами в роли разбойников. Им не удалось убить нас только благодаря своевременному вмешательству того доблестного моряка, который доставит Вам настоящее письмо. Если хотите, он расскажет во всех подробностях о нашей последней встрече с негодьями, имеющими мерзость называть себя Вашими знакомыми. Это человек, со всех точек зрения заслуживающий абсолютного доверия.

В надежде встретиться с Вами в Кадиксе посылаем прощальный привет сеньоритам и остаемся

искренно Вам преданные

Эдуард Кроуджер и Уильям Кедуолладер».

Прочтя это письмо, дон Грегорио нахмурился. Низость Лары и Кальдерона не особенно удивила его. Последнее время о них ходило столько темных слухов, что он уже решил при первой же возможности порвать с ними. Они просто не существовали для него. Тем не менее он чувствовал себя глубоко задетым. Фраза Кроуджера о «негодях, имеющих дерзость называть себя знакомыми», произвела громадное впечатление на гордого гидальго. Пригласив Гарри в гостиную, он стал его расспрашивать о происшествии минувшей ночи. Бывший матрос охотно ответил на все заданные им вопросы.

Между тем молодые сеньориты тоже спустились с азотеи. Узнав, что Гарри назначен старшим офицером на «Кондор», они забросали его ласковыми словами и рядом маленьких просьб. Глаза их светились нетерпением. Они свято верили, что в его кармане спрятаны любовные записочки. Однако он ушел, не вручив им ничего.

Глядя ему вслед, Кармен испытала приступ тоски, граничащей с отчаянием. Веселое личико Иньесы тоже омрачилось грустью.

И все-таки они еще не теряли надежды. Кто знает, может быть, записочки вложены в письмо, адресованное дону Грегорио? В громадном конверте хватило бы места на десяток писем! Если даже молодые моряки почему-либо не написали ни строчки, то во всяком случае они, наверное, просили старика передать им что-нибудь на словах. Молодые девушки бросились к сеньору Монтихо.

Да, лейтенант и мичман действительно просили что-то передать им. Дон Грегорио вынул из конверта письмо и прочел:

«...посылаем прощальный привет сеньоритам».

Глава XXX

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД

Точно птица, расправившая широкие белые крылья, несся «Паладин» к Золотым Воротам. Капитаны судов, застрявших в порту из-за отсутствия матросов, печально смотрели ему вслед.

Кармен Монтихо и Иньеса Альварец стояли на азотее с биноклями в руках. Думая о предстоящей разлуке, они не сомневались в том, что будут махать платками уезжавшим женихам. Но ледяные слова «посылаем прощальный привет сеньоритам» навеяли на них тяжелые сомнения.

Это были странные, страшные слова! Что думал Кроуджер, когда писал их? Молодые девушки тщетно ломали голову над этим вопросом. На душе у них было сумрачно и уныло. Они стояли неподвижно и молча следили за фрегатом до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Лейтенант и мичман покидали Калифорнию с тяжелым чувством. Подняв бинокли к глазам, они не отрывали взглядов от гасиенды дона Грегорио. Над парпетом азотей виднелись две женские головки. С волнением и тоской смотрели на них молодые моряки. Будущее рисовавшееся им накануне утром в самых радужных красках, подернулось мрачными грозowymi тучами.

Особенно грустен и подавлен был Кроуджер. Когда гасиенда дона Грегорио скрылась за горным хребтом, он не выдержал и заговорил:

— Кармен Монтихо! Я не могу примириться с мыслью, что этот низкий авантюрист, этот профессиональный игрок был хорошо знаком с ней и добивался ее любви!

— Кальдерон и Лара не только авантюристы и игроки, — сказал Кедуолладер. — Они настоящие разбойники. Понятие благородства им недоступно. Они способны на всякое преступление.

— Ты прав, Билль. Нет низости, которую они не решились бы совершить. Подлые, отвратительные люди! Вот это-то и сводит меня с ума. Неужели ты не разделяешь моих чувств?

— Нет, друг мой. Я не схожу с ума и не возмущаюсь. Мною владеет совсем иное чувство.

— Какое?

— Страх.

— Чего же ты боишься?

— Я боюсь, что эти негодяи могут сделать что-нибудь ужасное с нашими невестами. Они действительно способны на все. Человек, не останавливающийся перед кровопролитием, не остановится и перед похищением. Будем надеяться, что твое письмо откроет дону Грегорио глаза и заставит его быть настороже. Но все-таки мне страшно. Я безумно беспокоюсь за мою Иньесу. Кто защитит ее в минуту опасности? Чего бы я не дал за то, чтобы она была уже на «Кондоре»! Ведь там теперь Гарри. А он уж позаботится о ней... о них обеих.

Слова мичмана произвели на Кроуджера странное впечатление. Выражение лица его резко изменилось. Негодование, сверкавшее в темных глазах, уступило место тревоге.

— Ты словно ранил меня ножом, Билль! Мне и так было грустно, а теперь стало еще грустнее. Я до сих пор ни разу еще не подумал об опасности, грозя-

щей сеньоритам. Другие мысли угнетали меня.

— Я знаю, Нед. И, по правде сказать, мне кажется, что ты сильно преувеличиваешь. Конечно, и меня помучили немного сомнения. К счастью, я не позволил им пустить корни в моем сердце. В конечном счете все это пустяки. Ведь нужно считаться с местными порядками. Американские испанцы во многих отношениях нисколько не похожи на нас. Самые порядочные из них считают возможным водить знакомство с профессиональными игроками.

— Все это так, но...

— К тому же у меня был один очень интересный разговор с Иньесой. Во время нашей верховой прогулки речь зашла о кабальеро в голубом плаще, лошадь которого я кольнул кортиком.

— Что же она говорила о нем? — с живостью спросил Кроуджер.

— Что отец его был честным человеком, но что он сам совершенно опустился.

— Не сказала ли она что-нибудь о Ларе?

— О нем Иньеса еще худшего мнения, чем о Кальдероне. За последние две-три недели обе сеньориты узнали про него такие вещи, что твоя Кармен не раз уже выражала желание окончательно порвать с ним. Она не сделала этого только потому, что дон Грегорио неожиданно решил уехать из Калифорнии.

Кроуджер жадно выслушал рассказ товарища.

— Спасибо, Билль! — воскликнул он, крепко пожимая ему руку. — Ты снял с моей души огромную тяжесть. Вокруг меня только что царил непроглядный мрак. Теперь вдалеке блеснул луч солнца. Счастье, значит, еще возможно! Только теперь я понимаю, как прав Кэмпбелл:

*...И любовь осватила то место,
На котором слились воедино
Эти два загоревшихся сердца.
Пламя страсти ничто не затушит,
Оно выжжет подземные недра
И взлетит в лучезарное небо.*

Повторяя эти строки, Кроуджер устремил мечтательный взор на вершину того зеленого холма, который был свидетелем его объяснения с Кармен Монтихо. «Паладин» уже прошел Золотые Ворота и вышел в открытый океан. Некоторое время оба молодых моряка хранили молчание. Чудесные воспоминания обступили их. Только когда берег остался далеко позади и очертания гор Сан-Бруно стали постепенно сливаться с небесным куполом, тень печали снова набежала на лица Кроуджера и Кедуолладера. Однако сомнения и ревность больше уже не терзали их. Они только испытывали глубокую тревогу за любимых девушек, оставшихся в Калифорнии. Эта тревога несколько смягчалась мыслью о Гарри Блю.

Глава XXXI

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

На берегу моря, прилепившись к скале, стояло маленькое, жалкое ранчо, закрытое камышом. Со стороны суши к нему вела извилистая, опасная тропинка, знакомая только нескольким посвященным. Со стороны залива в него можно было попасть, въехав на лодке в узкую стремительную речку, впадающую в мелкую бухту, у которой он стоял.

Владелец этого ранчо Рафаэль Рокас занимался охотой на тюленей. Население Сан-Франциско считало его контрабандистом.

Были ли основательны взводимые на него обвинения, мы не знаем. Во всяком случае он не обращал на них внимания. В то время, когда Калифорния еще принадлежала Мексике, контрабандисты нисколько не стыдились своего ремесла. При новом правительстве положение вещей почти не изменилось, а если и изменилось, то к худшему. Как прежде, так и теперь широко развитая контрабанда продолжала оставаться наименьшим из зол.

Рафаэль Рокас был не только контрабандистом. Люди, близко знавшие его, утверждали, что при случае он не гнушался ни разбоем на большой дороге, ни кражей со взломом. Когда с началом золотой горячки, калифорнийские нравы заметно ухудшились, ему не пришлось делать никаких усилий, чтобы идти в ногу с веком.

В тот день, когда английский фрегат покинул гавань, Рафаэль Рокас сидел в своей хижине и вел оживленную беседу с тремя людьми, по виду не имевшими с ним ничего общего. На нем был обыкновенный костюм калифорнийского рыбака, состоявший из широкой холщовой рубашки, кожаных штанов, непромокаемых сапог и шапки из тюленьей кожи. Собеседники его щеголяли в дорогих разноцветных плащах, бархатных куртках, расшитых золотом, и кальцонеро с золотыми шнурами и двумя рядами блестящих пуговиц.

Несмотря на элегантность своих гостей, хозяин маленького ранчо, этот полурыбак, полуконтрабандист, держал себя с большим достоинством. По всему было видно, что он относился к ним как к равным.

Гости приехали в его хижину только несколько минут назад. С двумя из них читатель уже успел свести довольно близкое знакомство. Это были дон Франциско де Лара и дон Фаустино Кальдерон. Компанию им составлял дон Мануэль Диац, известный всему Сан-Франциско своими боевыми петухами.

Поприветствовав изящных кабальеро, охотник за тюленями достал из шкафа бутылку превосходного агвардиенте.

Все уселись за единственный маленький стол, стоявший посредине комнаты.

Выпив несколько рюмок водки, Лара с места в карьер принялся говорить о деле.

— Хотите ли вы разбогатеть, сеньоры?

В ответ на его слова раздался громкий хохот.

— Карамба!

— Еще бы не хотеть!

— Конечно, хотим!

— Много пустых вопросов задавали мне на моем веку, — заметил Диац. —

Но все же вы побили в этом отношении все рекорды.

— Что вы называете богатством? — спросил Рокас.

— Речь идет о шестидесяти тысячах долларов.

— Недурно! — воскликнул дон Рафаэль. — Если бы у меня была хоть половина этой суммы, я перестал бы ловить тюленей.

— А я перестал бы устраивать петушинные бои, — сказал Диац. — Шестидесят тысяч долларов! Да с такими деньгами я сделался бы не менее богатым скотоводом, чем наш приятель Кальдерон!

Заговорщики снова расхохотались. Ни для кого не было тайной, что у дона Фаустино не осталось ни рогатого скота, ни лошадей.

— Вы получите по шестьдесят тысяч долларов, — продолжал Лара, — если согласитесь обделать со мной одно маленькое дельце.

— Второй вопрос ваш много осмысление первого, — отозвался Диац. — Но мне вы все-таки могли бы и не задавать его. Ради шестидесяти тысяч долларов я, разумеется, не остановлюсь ни перед чем.

Рафаэль Рокас вполне присоединился к его мнению. Кальдерон ограничился молчаливым кивком головы. Все, что говорилось, уже было известно ему.

— Поделитесь с нами вашими намерениями, дон Франциско! — попросил Диац. — Вы напали на пласт? Или открыли жилу? Уж так и быть, мы согласны потрудиться. Только не томите нас, пожалуйста. Разве вы не видите, что мы сгораем от любопытства?

— Ваше любопытство будет удовлетворено. Да, я действительно открыл золотые россыпи. Но нам не придется ни пачкаться в грязи, ни дробить скалы. Золото, которое я нашел, уже уложено в мешки.

— Ваши слова прозвучали для меня сладчайшей музыкой, — заявил дон Мануэль.

— Просто сказка! — добавил Рокас.

— Удастся ли воплотить эту сказку в жизнь? — спросил Диац.

— Конечно, удастся. Нужно только протянуть руку и завладеть кладом.

— Так вот в чем загвоздка! — недоверчиво протянул дон Мануэль.

— А вы воображали, что шестьдесят тысяч долларов сами прилетят к вам?

— Наивность не принадлежит к числу моих пороков. Ради кругленькой суммы я готов протянуть обе руки, предварительно захватив в одну пистолет, в другую кинжал.

— По всей вероятности, к оружию прибегать не придется. Итак, согласны ли вы действовать со мною заодно?

— Согласен! — сказал Диац.

— Я тоже! — проворчал дон Рафаэль.

— Я тоже! — еле слышно ответил Кальдерон.

— Превосходно! — воскликнул Лара. — Теперь я попрошу вас скрепить согласие обещанием. Надеюсь, вы ничего не имеете против?

— Конечно, ничего! — хором ответили заговорщики.

— Готовы ли вы связать себя клятвой?

— Да!

— Да!

— Готовы!

— В таком случае я предлагаю произвести торжественную клятву. Возражений нет?

Никто не проронил ни слова.

— Встаньте! — крикнул креол. — Клятвы такого рода принято приносить стоя.

Все четверо собеседников поднялись со своих мест. Лара вынул из ножен кинжал и бросил его на стол. Остальные поспешили сделать то же самое. Сложив все четыре кинжала крестом, дон Франциско произнес следующие слова:

— Клянемся согласованно и в полном единении добиваться цели, поставленной нами сегодня, блюсти строжайшую тайну, помогать друг другу и для этого, в случае надобности, не жалеть собственной жизни; если кто-либо из нас четверых нарушит данный договор, обязуемся преследовать этого человека и покарать его за клятвопреступление смертью.

Диац, Кальдерон и Рокас повторили за Ларой каждое слово клятвы.

После этого все четыре негодяя выпили по рюмке агвардиенте, вложили в ножны кинжалы и снова уселись на свои места, ожидая от креола дальнейших объяснений.

— В предприятии, которое я затеял, нет ничего необычайного, — сказал он наконец. — Речь идет о краже. В некоей гасиенде лежат триста тысяч долларов золотом, охраняемых только стариком гасиендадо и пятью-шестью пеонами.

Для Диаца и Кальдерона сообщение Лары было новостью. Слушая его, Рокас только улыбался. Мысль о похищении сказочного клада принадлежала ему. Именно об этом говорил он Ларе у таверны миссии Долорес. Скромный охотник за тюленями и блестящий светский авантюрист «работали» вместе уже не впервые.

— Когда же вы думаете приступить к делу? — спросил Диац. — По-моему, чем скорее, тем лучше.

— Я всецело присоединяюсь к мнению дона Мануэля, — заявил Рокас.

— И вы оба правы! — воскликнул Лара. — Но все-таки мы должны соблюдать величайшую осторожность. Двоим из нас не рекомендуется появляться в городе. Знаете ли вы что-нибудь о событиях прошлой ночи, дон Рафаэль?

— Знаю! — буркнул Рокас.

— Я в общих чертах рассказал нашему другу о вашем приключении, — заявил Диац.

— Прекрасно сделали, — сказал Лара. — В таком случае мне остается только добавить, что нам, Кальдерону и мне, можно будет вернуться в Сан-Франциско только после того, как английский фрегат снимется с якоря. Молодой моряк, сорвавший наш банк, может натравить на нас полицию. Когда же фрегат уйдет...

— Фрегат уже ушел, — перебил его Рокас.

— Не может быть!

— Уверяю вас.

— Откуда вы это знаете?

— Я видел это собственными глазами.

Охотник на тюленей указал пальцем на старую зрительную трубу, висевшую на стене.

— Час назад я поднимался на скалу и видел, как английское судно огибало Фарралоны. Теперь, должно быть, оно уже вышло в открытое море.

Эта новость обрадовала всех четырех заговорщиков. Но особенно востор-

женно отнесся к ней Кальдерон, до полусмерти боявшийся воинственного юного мичмана.

— Странно! — задумчиво сказал Лара. — Мне говорили, что «Паладин» снимется с якоря, лишь когда на смену ему придет корвет.

— Корвет пришел, — ответил Рокас. — Вчера, на закате, он плыл вдоль берега, прямо к Золотым Воротам.

— Если так, — заявил креол, — нельзя терять ни минуты времени. Предпринимать что-либо сегодня уже поздно. Начнем военные действия завтра. Только бы выдалась темная ночь! Полагаю, что четыре опытных человека легко справятся с таким пустячным делом. Я хотел было пригласить еще Хуана Лопеца, моего бывшего крупье. Но, мне кажется, это совершенно излишне. К тому же последнее время у меня появились кое-какие подозрения на его счет.

— Черт с ним! — сказал Рокас.

— И без него справимся! — добавил дон Мануэль.

— Я тоже так думаю, — продолжал Лара. — Чем меньше людей будет участвовать в этом деле, тем крупнее будет доля каждого.

— Итак, завтра ночью? — спросил Диац.

— Если только не подведет погода. Нам нужен абсолютный мрак. Луна и звезды могут выдать нас. А у меня, признаться, нет ни малейшей охоты кончить жизнь на виселице.

— Луны нам опасаться нечего, — заметил старый контрабандист, давно уже изучивший все капризы калифорнийской погоды. — Если она и появится, ее не будет видно. В это время года по ночам всегда нависают туманы. Готов биться об заклад, что завтрашняя ночь будет чернее дегтя.

— Я твердо на это рассчитываю, — отозвался Лара, тоже имевший некоторое представление о метеорологии. — Сама природа благоприятствует нашим замыслам. Если все сложится благополучно, мы вернемся сюда завтра на рассвете. Завтра! Завтра! Сейчас мы бедны, как церковные крысы. Завтра на этом столе будут лежать четыре груды золота, каждая стоимостью в шестьдесят тысяч долларов.

— Карамба! — воскликнул Диац. — Остается только обратиться к черту с покорнейшей просьбой окрасить дегтем завтрашнюю ночь!

Эта шутка вызвала у заговорщиков единодушный взрыв хохота. Они вскочили со своих мест и принялись готовиться к предстоящему им маскараду.

Глава XXXII

«ОТВОРИТЕ!»

Солнце, весь день озарявшее гавань, ярко-красным шаром погрузилось в Тихий океан. Небо сразу приняло серый свинцовый оттенок. К полуночи предсказание Рокаса исполнилось. Поднявшийся туман окутал тяжелой пеленой и Сан-Франциско, и берег. В его белесоватой мути потонула и гасиенда дона Грегорио Монтихо. Обитатели этой гасиенды, по-видимому, улеглись спать. В черные окна не пробивался свет. За крепкими стенами не раздавались никакие звуки. Не слышно было ни лая собак, ни мычания быков, ни ржания лошадей. В гасиенде царила глубокая зловещая тишина.

Медленными, осторожными шагами приближались к дому четыре заговорщика. Сквозь дымку тумана лица их казались призрачными и страшными. Впрочем, они произвели бы жуткое впечатление и при дневном свете. Надежные на них черные маски придавали им сходство с балаганными чертями.

Четверо негодяев, совещавшихся накануне в хижине Рокаса, приступили к осуществлению своих гнусных планов.

Неужели дону Грегорио не суждено довести до Испании мешки и ящики с золотым песком?

Какая судьба ожидает его дочь Кармен Монтихо? Что будет с его внучкой Иньесой Альварец?

Ведь среди четырех злоумышленников, крадущихся к гасиенде, находятся и Франциско де Лара, и Фаустино Кальдерон.

Посмотрим, однако, как будут разворачиваться события.

Прячась за густыми кустами, грабители бесшумно подошли к дому. И в нем, и вокруг него по-прежнему царила абсолютная тишина. Это было даже немного странно. Молоссы, обычно стерегущие калифорнийские гасиенды, славятся своим тонким чутьем. Большой частью их громкий лай раздается почти безумолчно.

Заговорщики изумленно переглянулись. Дойдя до конца аллеи, они сочли нужным устроить «военный совет».

— Как лучше всего проникнуть в дом? — спросил Лара.

— По-моему, нам следует взлезть на азотею, а оттуда спуститься в патио, — сказал Диац.

— Где вы достанете лестницу? — осведомился контрабандист.

— Не может быть, чтобы тут не было лестницы. В крайнем случае мы воспользуемся несколькими шестами. Около корраля их, наверное, сколько угодно.

— Подходить к корралю опасно. Или вы хотите разбудить пастухов?

— У вас есть какое-нибудь предложение, дон Рафаэль? — спросил Лара.

Старый охотник за тюленями пользовался исключительным доверием красивого авантюриста.

— По-моему, мы должны смело подойти к дверям и потребовать, чтобы нас впустили.

— Что вы, что вы, дон Рафаэль! — испуганно воскликнул Кальдерон. — Ведь на такое требование хозяин может ответить ружейным залпом.

— Чепуха! — грубо возразил Рокас. — Старик и не подумает стрелять в нас.

— Почему вы так уверены в этом?

— Потому что он очень гостеприимный человек.

— Признаться, я не совсем улавливаю вашу мысль, — сказал Лара.

— У вас мало воображения.

— Говорите яснее.

— Кто мешает нам выдать себя за посланцев тех двух молодых офицеров, о которых вы рассказывали?

— Блестящая идея!

— Один из нас будет вести переговоры. Остальные спрячутся. Мнимый посланец скажет, что у него есть поручение к дону Грегорио или к сеньоритам, так как «Паладин» снялся с якоря раньше, чем предполагалось, это прозвучит чрезвычайно убедительно.

— Рафаэль Рокас, вы — гений! — воскликнул Лара. — Вам следовало бы быть не охотником за тюленями, а режиссером какого-нибудь первоклассного театра. Я безоговорочно принимаю ваш совет. Нет сомнения, что дверь нам откроют. Кто-нибудь из нас должен немедленно заняться привратником. Я знаю его. Это шестидесятилетний старик. Справиться с ним не составит ни малейшего труда. В случае чего его можно прикончить. Ну, Кальдерон, тебе представляется возможность доказать свое мужество на деле! Ты знаком с расположением комнат и знаешь, где дон Грегорио имеет обыкновение хранить свои капиталы. Я назначаю тебя проводником.

— Скажи, Франциско, — шепнул бывший скотовод, отводя своего друга в сторону, — каковы твои намерения относительно сеньорит?

— Пока мы оставим их в покое. Надо выждать, Фаустино. Оставшись без гроша в кармане, они перестанут разыгрывать собою принцесс и переменят гнев на милость. Сегодня у нас достаточно хлопот и без них. Всему свое время. Сейчас меня интересуют только деньги.

— А вдруг сеньориты узнают нас?

— Пустяки! Маски сбили бы с толку даже наших матерей. Впрочем, если бы твое опасение исполнилось...

— Почему ты замолчал?

— Не стоит думать об этом. Успокойся, друг! По всей вероятности, наши сеньориты даже не проснутся. Смотри. Дон Мануэль и Рокас уже проявляют признаки нетерпения. Идем скорее к ним.

Обменявшись несколькими короткими фразами, все четыре заговорщика приблизились к входной двери и спрятались за колоннами.

Лара выступил вперед и постучал.

Разговаривать с привратником должен был Диац, никогда не встречавшийся с обитателями гасиенды и потому не опасавшийся, что они его узнают по голосу.

На стук в дверь никто не отозвался.

Лара постучал вторично.

— Удивительно крепко спит старый привратник, — шепнул он.

Неприятное предчувствие зашевелилось в его душе.

— Отворите! — громко крикнул Диац.

Ответа не было.

Лара в третий раз стукнул ручкой пистолета в дубовую дверь.

За дверью послышались тяжелые шаги.

— Кого это черт носит по ночам? — произнес по-английски чей-то грубый голос. — Что вам нужно? Убирайтесь-ка подобру-поздорову. Нашли время будить человека! Если вы будете еще надоедать мне, я начну стрелять. У меня тут под рукой винтовка и кольт.

— Что это значит? — растерянно пробормотал Лара. Несколько мгновений все молчали.

— Скажи ему, Диац, что мы с английского корабля и что... Карамба! Ведь ты не говоришь по-английски. Отойди. Я сам объясню ему все.

Креол смело подошел к запертым дверям.

— Мы желаем видеть дона Грегорио Монтихо! — заявил он громко. — Нас прислали к нему два молодых офицера с фрегата «Паладин».

— К черту фрегат, офицеров и вас самих! Ни до чего этого мне дела нет. Что касается дона Грегорио, то его и след простыл. Он выехал еще вчера со всем скарбом. Я сторожу голые стены. По всей вероятности, и старый испанец и его дочери остановились в Парк-Отеле. Там их и ищите.

Громкое проклятие сорвалось с уст всех четырех заговорщиков. Дон Грегорио покинул гасиенду! Дон Грегорио увез собою и золото, и сеньорит! Ломиться в пустой дом, охраняемый сторожем, «под рукою» которого были и кольт и винтовка, не имело, разумеется, никакого смысла.

Не помня себя от бешенства, злополучные грабители поспешно вскочили на поджидавших их у ворот лошадей и ускакали.

Глава XXXIII РАЗНОШЕРСТНАЯ КОМАНДА

Перевезя свое золото на чилийский барк, а сеньорит в лучшую гостиницу, бывший гасиендадо поступил чрезвычайно благоразумно.

Все это он сделал в один день. После отплытия «Паладина» им овладело мучительное беспокойство. Весть о каждом новом преступлении, совершенном в Сан-Франциско или его окрестностях, внушала ему непобедимый страх. Он боялся не только за свое золото, но и за горячо любимых им молодых девушек. До тех пор пока английский фрегат стоял в гавани, его утешало сознание, что лейтенант и мичман не откажутся в случае чего прийти ему на помощь. Когда они уехали, он окончательно потерял душевное спокойствие и поспешно перевез свое имущество на «Кондор», а сам поселился с молодыми девушками в Парк-Отеле.

Заехав на следующий день в покинутую им гасиенду, дон Грегорио узнал о ночном происшествии и пришел в восторг от собственной предусмотрительности. Сторож, здоровенный американец, подробнейшим образом рассказал про странных посетителей. Он разглядел их в замочную скважину. Они настойчиво выражали желание видеть хозяина дома. Их было четверо. Переговоры с ним они вели по-английски, но, уходя, разразились целым потоком непонятных ему испанских ругательств.

С каким поручением могли послать этих четырех людей английские офицеры? Почему они избрали для своего визита такой неурочный час? Почему они ругались по-испански? Почему, наконец, они не соблаговолили зайти утром в Парк-Отель, про который им толковал сторож? Все это казалось сеньору Монтихо в высшей степени загадочным. Уж не почтили ли его своим посе-

щением сеньоры де Лара и Кальдерон? Письмо Кроуджера, сопоставленное с целым рядом городских сплетен, окончательно убедило старика испанца, что эти негодяи способны решительно на всё. После того как они пытались убить мичмана и лейтенанта, он нисколько не удивился бы, если бы им пришло в голову ограбить его.

Раздумывая обо всем случившемся, дон Грегорио снова почувствовал страстное желание поскорее распрощаться с Калифорнией. Даже в Сан-Франциско он чувствовал себя далеко не в безопасности. Грабители и разбойники преспокойно разгуливали по улицам бок о бок с судьями, которые и не могли и не хотели бороться с ними. Мелкие воришки угощали водкой явно благоволивших к ним полицейских. В середине девятнадцатого века глаза калифорнийской Фемиды были засорены золотым песком.

Матросские койки на «Кондоре» по-прежнему пустовали. Двойной оклад жалованья никого не соблазнил плавать в Вальпараисо и другие мексиканские порты. По барку слонялись только шесть дюжих молодцов, нанятых дном Грегорио для охраны золота. Ничего не делая и не понимая, за что им платят по десять долларов в день, они изнывали от скуки. Экипаж судна состоял из капитана, старшего офицера, кока и двух орангутангов.

Нетерпение дона Монтихо росло с каждым днем. Он постоянно советовался с Сильвестром. Результатом их долгих совещаний явилось второе объявление в «Новостях дня», призывавшее на «Кондор» моряков всех национальностей. Капитан Лантанас сулил желающим тройной оклад жалованья, превосходный стол и увеличение порции грога.

Столь щедрое обещание возымело, наконец, желанное действие. Через сутки на палубе чилийского барка стали появляться матросы. Они приходили вдвоем, втроем и в одиночку. Скоро их набралось человек десять. Эти матросы принадлежали к различным национальностям и говорили на различных языках. Были среди них и англичане, и французы, и датчане. Но большинство, как и следовало ожидать, составляли испанцы. Не имея между собою ничего общего, все эти люди производили одинаково отталкивающее впечатление. Порок наложил на них неизгладимый след. Почти все они были завзятые алкоголики. Об этом свидетельствовали и налитые кровью глаза, и распухшие лица, и синяки, и царапины. Некоторые матросы пришли на «Кондор» под хмельком и еле держались на ногах.

При других обстоятельствах им нечего было бы и думать о поступлении на службу. К сожалению, капитан Лантанас находился в безвыходном положении. Выйти в море без команды он не мог. Остаться в порту на неопределенное время он не хотел. Поэтому он немедленно внес в корабельный журнал имена всех явившихся «претендентов». Один из них, испанец по имени Падилла, представивший рекомендацию с последнего места, был назначен младшим помощником.

Кроме этих десяти человек, желающих поступить на «Кондор» не нашлось. Даже тройное жалованье оказалось бессильным против соблазнов в Сан-Франциско. Понимая, что с десятью матросами далеко не уедешь, капитан Лантанас отложил отъезд еще на один день. Надежды его не оправдались. Придя к заключению, что дальнейшая проволочка бессмысленна, он решил довериться судьбе и сняться с якоря. Приготовления были почти закончены. Оставалось только запастись провизией. Дон Грегорио приказал не жалеть на

это денег.

На следующее утро чилийский шкипер облегченно вздохнул. Все было готово. «Кондор» ожидал прибытия пассажиров. Заново обставленные каюты сверкали чистотой. Лучшая из них предназначалась для двух молоденьких красавиц, с детства привыкших к роскоши и комфорту.

Глава XXXIV ПРОЩАЙ, КАЛИФОРНИЯ!

Еще раз вошло над Сан-Франциско яркое калифорнийское солнце. В то время как золотой шар его сверкал над куполообразным Монте-Диабло, старый гасиендадо ехал на лодке к чилийскому барку, выкинувшему сигнал отплытия. Дона Грегорио провожала большая компания нарядных мужчин и дам. Среди друзей, расстававшихся с ним навеки, были и такие, которым предстояло провести много бессонных ночей в тоске по Кармен Монтихо и Иньесе Альварец.

Отъезд не причинял молодым сеньоритам особенной грусти. В памяти их непрерывно звучали прощальные слова, которыми они обменялись с английскими моряками: «До свидания в Кадиксе!» В этих словах им слышалась целая любовная поэма.

Когда лодка причалила к «Кондору», капитан Лантанас вышел на сходни и приветствовал пассажиров. Рядом с ним стоял его старший офицер.

Пожимая своей грубой матросской рукой нежные пальчики Кармен и Иньесы, Гарри Блю дал себе слово охранять их от всех зол и бед.

В кают-компании был сервирован роскошный завтрак. Пассажиры и их друзья уселись за стол. Капитан Лантанас занял хозяйское место и всех обворожил своей любезностью.

Полчаса оглашали судно веселые разговоры. Аккомпанементом им служили хлопанье пробок, взрывы смеха и звон бокалов. К концу завтрака настроение сделалось более серьезным. Потом гости встали из-за стола и, попрощавшись с отъезжающими, спустились в поджидавшую их лодку. Послышались возгласы:

— Прощайте! Счастливого пути!

В воздухе заколыхались обшитые кружевами платочки.

Когда лодка причалила к берегу, «Кондор» снялся с якоря, расправил паруса и быстро заскользил к Золотым Воротам.

Противный ветер вынудил его лавировать весь день в мелководном проливе, соединяющем залив Сан-Франциско с океаном.

На закате он миновал старинный испанский форт и вышел в открытое море. Солнце, выплывшее из-за Монте-Диабло золотым шаром, спустилось над Фарралонами мрачным огненным ядром.

Едва успело оно погрузиться в темно-синие волны, как чилийский барк вышел из Золотых Ворот, обогнул Тюленью скалу и взял курс на вест-зюйд-вест.

Собравшиеся на палубе матросы оживленно разговаривали между собою. Некоторые из них стояли у борта, устремив прощальный взгляд на исчезающую землю. Почти все они радовались отъезду, потому что дальнейшее пребывание в Сан-Франциско угрожало им тюрьмой. В открытом море лица их производили не более отрадное впечатление, чем на суше. Зловещими каза-

лись опухшие щеки и помутившиеся от пьянства глаза. Даже чистый морской ветер не мог смыть с этих лиц следов порочной жизни.

Всякому, кто посмотрел бы на матросов «Кондора» и на двух прелестных девушек, прогуливающихся мимо них, невольно пришло бы в голову, что из их совместного плавания вряд ли получится что-нибудь хорошее. Две райские птички, запертые в одну клетку с десятком волков, тигров и гиен!

Пока что «райские птички» не обращали ни малейшего внимания на окружающее. Опершись на борт, они не спускали затуманенных взоров с далекого прибрежного холма.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Иньеса.

— Неужели? — отозвалась Кармен.

— Любуясь этим холмом, ты говоришь себе: «О, как я хотела бы еще разок очутиться на его вершине вдвоем с ним!» Угадала, не правда ли?

— Ты твердишь себе то же самое.

— Я этого и не отрицаю. В голове моей все время проносятся необыкновенно приятные мысли.

— А у меня и приятные и неприятные.

— Твои страдания совершенно напрасны.

— Я отношусь к жизни менее легко, чем ты. Да, мне тяжело. Влюбленные так не поступают. Уехать, не сказав ни слова, не написав, даже не передав ничего на словах! Это грубо и жестоко.

— Кроуджер просил дедушку передать нам привет. Что тебе еще нужно?

— Приветы такого рода дешево стоят. Простой ваккеро, и тот нашел бы ласковые слова для прощания со своей невестой!

— Очень возможно, что письма наших друзей пропали. Я почти уверена в этом. Сторож говорил дедушке, что в ночь после нашего отъезда приходили какие-то незнакомые люди. Наверное, у них были письма для нас. А если даже мичман и лейтенант не написали нам, то это случилось только потому, что у них не хватило времени.

— Когда мы встретимся в Кадиксе, я потребую от Эдуардо исчерпывающего объяснения.

— Он охотно даст тебе его. Мне кажется, мы окружены какой-то тайной. Хорошо еще, дело обошлось без дуэли. Кое-чего я все-таки не понимаю. Наши калифорнийские рыцари словно в воду канули. Не странно ли это?

— Очень странно! — взволнованно подтвердила Кармен. — Никто из общих знакомых не видел их с того злополучного дня.

— Но кто-то о них слышал.

— Кто?

— Твой отец.

— Почему ты это думаешь?

— У меня составилось такое впечатление по нескольким словам, которые он произнес, разговаривая с Гарри Блю. По-моему, Кроуджер написал ему что-нибудь о Ларе и Кальдероне. Дедушка не пожелал быть откровенным с нами. Надеюсь, мы выведаем все от помощника капитана.

— Ты очень сообразительна, племянница. Мне бы до этого никогда не додуматься. Помощник капитана очень симпатичный человек. Эдуардо спас ему жизнь. Как он смел и великодушен! Но все-таки я сержусь на него за то, что он не счел нужным проститься со мной как следует. Ему придется на коленях вы-

маливать мое прощение.

— По правде говоря, тетушка, я сперва тоже не помнила себя от злости. Но теперь на душе у меня спокойно и светло. Тут просто какое-нибудь недоразумение. Я не хочу, не могу оскорблять моего жениха напрасными подозрениями.

— Ты легко прощаешь. Я так не могу.

— Можешь, Кармен. Взгляни на этот холм, вспомни, как ты была счастлива, и постарайся быть снисходительной.

Кармен Монтихо взглянула на исчезавший в тумане холм. Через несколько минут мрачное выражение лица ее сменилось радостным, и на устах ее заиграла улыбка, обещавшая прощение человеку, который вольно или невольно причинил ей боль.

Вскоре и берег и море потонули в пурпурных сумерках. Прощай, Калифорния!

Глава XXXV МАУНА-ЛОА

Тихоокеанское течение очень напоминает Гольфстрим Атлантического океана. Протекая с востока у Алеутского архипелага, оно ударяется в Американский материк со стороны Ванкуверского острова, а отсюда, обогнув Калифорнию, поворачивает назад и впадает в Южное море, уносясь вдаль за Сандвичевы острова.

Благодаря этому течению суда из Сан-Франциско в Гонолулу идут очень быстро, и если им благоприятствует еще попутный ветер, то время пути значительно сокращается. Соединение этих двух условий плавания было большой удачей для «Паладина», шедшего к Сандвичевым островам с такой исключительной быстротой.

Двое лиц из его экипажа, отмечавшие не только каждый день, но и каждый час своего пути, были в этом особенно заинтересованы. Трудно предположить, чтобы они так торопились увидеть владения короля Камехамеха или найти там какие-нибудь развлечения.

Наоборот, если б это от них зависело, они в коем случае не задержались бы в Гонолулу дольше времени, необходимого для разгрузки бананов и пополнения птичника жирными канакскими курами.

То обстоятельство, что людьми, столь равнодушными к прелестям Сандвичевых островов, были Кедуолладер и Кроуджер, вряд ли требует пояснений. По всей вероятности и смуглые красавицы Гавайи и, соблазнительные девы Южного моря, имеющие обыкновение испытывать на моряках чарующую силу своих коварных ласк, нисколько не занимали их мысли. Однако такое странное безразличие, несомненно, имело свои причины и крылось в том, что они до сих пор не могли без сердечного трепета вспоминать те улыбки, которые расточались им их возлюбленными. Очутиться под жгучим огнем Андалузии и снова трепетать под огнем этих улыбок — вот о чем постоянно мечтали оба молодых человека.

Моряки уж так созданы, что легче других привыкают к разлуке с людьми, дорогими их сердцу: поэтому не разлука, в сущности, омрачала настроение Кроуджера и Кедуолладера, заставляя их хмуриться и считать каждую сотню

миль.

Раздражение, мучившее их перед уходом из Сан-Франциско, исчезло без следа, уступив место раскаянию: они теперь не могли простить себе своей подозрительности, ни на чем не основанной и пустой. То, что их волновало в данное время, не имело ничего общего с подозрениями. Так как было немыслимо приписать эту тревогу материальным заботам или страху за свою жизнь, то было очень трудно определить ее источник, но чувствовалось, что она ежечасно преследует их, как страшный сон, неизменно воплощавшийся в двух лицах — в Кальдероне и де Ларе. В воображении наших героев они, как зловещие духи, стояли всюду рядом с их возлюбленными... То, что моряки обнаружили при ближайшем знакомстве с этими личностями и что они о них узнали еще до ухода из Сан-Франциско, не сулило ничего хорошего и Кармен Монтихо, и Иньесе Альварец. Эти отчаянные головорезы были способны на все и могли даже помешать отъезду их милых из Калифорнии, а «отъезд» был тем магическим словом, которое в беседах Кроуджера и Кедуолладера играло главную роль, воплощая в себе и мечты их, и опасения.

До прихода «Паладина» на Сандвичевы острова был получен приказ, в некоторых отношениях очень приятный для наших героев. Он предписывал фрегату не задерживаться на островах и не заходить в гавань Гонолулу.

Поручение, данное капитану, было вообще не первой важности: ему предстояло только составить официальную депешу с каким-то приказом на имя британского консула, после чего надо было взять курс прямо на Панаму.

— Недурные вести, не правда ли, Нед? — спросил Кедуолладер у своего начальника во время вахты. — Благодаря быстроте нашего хода из Фриско, как его называют янки, и возможности не медлить на Сандвичевых островах мы, верно, доберемся до перешейка так же скоро, как чилийский барк.

— Верно! Но это отчасти будет зависеть от того, когда «Кондор» выйдет из Сан-Франциско. По всей вероятности, ему будет очень трудно набрать нужное число команды. Ведь говорил же Блю, что там никого нет, кроме капитана и его самого.

— Да, никого, кроме них да еще старого негра-кока, бывшего невольника, если не считать четы орангутангов. Вот что, по последнему рапорту, составляет весь экипаж корабля. Положим, в одном отношении мы можем этому радоваться, — продолжал мичман, — нам, может быть, удастся благодаря этому прийти первыми до Панамы, а так как назначение фрегата — стоянка в этом порту, мы можем встретиться с нашими друзьями раньше, чем предполагали.

— Я верю и твердо надеюсь, что именно так случится, а если бы можно было за тысячу фунтов в этом окончательно убедиться, я бы охотно их заплатил, тем более что тогда с моей души спало бы бремя, самое тяжелое, какое я когда-либо испытывал.

— И с моей души также. Но если мы даже и не дойдем раньше них до Панамы, то мы все-таки услышим, были ли они там, и если были, то, значит, все в порядке. Мы узнаем тогда, что они целы и невредимы и что в будущем им также не угрожает никакая опасность. То, что нам не надо задерживаться на островах, кажется мне хорошим предзнаменованием.

Разговор прервался. С высоты мачты открылся вид на Мауна-Лоа.

Глава XXXVI

БОЧКА С ПОРОХОМ

По Тихому океану на 125° долготы шел корабль. Собственно говоря, это был не корабль, а, судя по парусам на бизань-мачтах, скорее барк.

Из всех мелких судов, плавающих в океанах, барк считается наиболее красивым: все его мачты от самого топа и до основания сделаны из одного сплошного куска и из специального сорта дерева.

Такие суда встречаются часто и в Средиземном море, и в испанских портах Америки. Их можно видеть в Монтевидео, Буэнос-Айресе и Вальпараисо. К этому же типу принадлежит и барк, о котором идет речь. Он построен в Чили, и его высокие стройные мачты все сделаны из деревьев древних лесов.

На корме красуется его имя «Кондор», и он находится под командой капитана Антонио Лантанаса. Может показаться странным, что в гавани Сан-Франциско «Кондор» был кораблем, а не барком, и невольно спрашиваешь себя: как могло это случиться? Ответ на это так же прост, как и само превращение: не имея достаточной по численности команды, капитан Лантанас решил прибегнуть к обычной в таких случаях хитрости, переделав свой корабль на барк. Это неожиданное превращение произошло за день до ухода из Сан-Франциско, так что «Кондор», войдя в Золотые Ворота кораблем, вышел оттуда барком, с понижением ранга. В таком же виде он плывет теперь долготой 125° по Тихому океану на юг.

С обычного пути парусников, между Северной Калифорнией и перешейком, он свернул к западу, чтобы идти по ветру, как в течение целых веков ходили из Филиппин в Акапулько нагруженные пряностями испанские галеры. Корабль, наверное, держался бы берегов, окаймленных бурными бесплодными горами Южной Калифорнии, тогда как барк уклонялся от них так далеко, что потерял их из виду, пока не подошел к Панамскому заливу.

Наступила полночная вахта, первая с ухода из Сан-Франциско. Пробыло восемь склянок, и старший штурман, во главе своей части команды, стал на дежурство, вместо младшего, ушедшего на покой. Море было тихое, легкий ветерок дул с кормы, и ничто не требовало напряженного внимания. Правда, ночь была очень темна, но признаков шторма накануне пока не было. Опытный глаз Гарри Блю различал и во мраке тяжелые дождевые тучи, часто затемняющие горизонт в этой части Тихого океана.

Но этот мрак не опасен. Встретить айсберги на такой низкой широте нельзя, а бояться столкновений с судами в этих обширных и далеких водах Южного моря не приходится. Однако, несмотря на все данные, позволившие ему чувствовать себя в полной безопасности, старший штурман шагал по палубе чернее тучи, нависшей на небе над его головой, а напряженное выражение его глаз выдавало какую-то необычную тревогу. Причина ее необъяснима пока, но, очевидно, дело было не в погоде. Он не глядел ни на море, ни на небо, ни на паруса. Походка его была не мужественная и смелая, какой должна быть походка командира судна, а наоборот, шаги его были вялы и неуверенны. Он то бродил, то останавливался, сторбившись в тени мачт, больверков и лодок; видимо, его больше интересовали исполнители судовой работы, чем самое движение снастей, парусов и других приспособлений. При этом он наблю-

дал за ними не в моменты, когда они находились за работой, а в то время, когда они лениво бродили по шкафутам и шептались, притаившись в каком-нибудь углу. Короче говоря, он шпионил за ними. К этому были причины, и причины основательные.

Еще до ухода из Сан-Франциско он уже обнаружил отрицательные стороны своего экипажа, набранного так поспешно, с первого же взгляда они показались ему грубыми и дерзкими буянами и пьяницами. В общем их было одиннадцать человек, и в числе их младший штурман; последний, как оказалось, был испанец — Падилла. Еще трое были тоже испанцы или испанские американцы — Гилье Гомец, Иосиф Гернандец и Геацинт Велардез, два англичанина — Джек Страйкер и Билль Девис; француз — Ла Кросс; один голландец, один англичанин и один датчанин. Двое были неопределенной национальности; таких, не знающих своего происхождения, можно часто встретить на многих морских судах.

Старший штурман «Кондора», привыкший к судовой дисциплине военных кораблей, был сильно разочарован всем, что происходит на торговых судах. Он это почувствовал еще до ухода из Сан-Франциско, с некоторым страхом взяв на себя командование этим кораблем.

Штурман предвидел, что с таким экипажем ему предстоят большие затруднения, если даже он избегнет опасности. А теперь, очутившись в открытом море, он убедился, что рискует испытать и то и другое. В эти несколько дней плавания он ясно обнаружил, что его команда, недостаточная по числу, в других отношениях недостойна доверия. Многие из служащих работали до сих пор не на судах, а на берегу; один или два были совершенные невежды, никогда до этого не прикасавшиеся к снастям.

Как возможно было с такими подчиненными управлять барком? Но больше, чем нераспорядительность в управлении канатами и парусами, его страшило отсутствие дисциплины. Оно уже сразу проявилось среди команды и могло во всякую минуту перейти в открытое возмущение. Ему это казалось тем более вероятным, что он хорошо узнал за это время характер капитана Лантенаса. Этот чилийский шкипер, человек в высшей степени мягкий и податливый, любил чтение книг по естественной истории и коллекционирование редкостей вроде четы обезьян с острова Борнео и других животных, набранных во время торговых рейсов по Индийскому архипелагу. Он был очень мил и обходителен, но именно поэтому был совсем не способен управлять разношерстным экипажем, случайно попавшим на корабль. Вечно погруженный в свои научные занятия, он почти не замечал своих подчиненных, предоставив их в распоряжение своего штурмана Гарри Блю, которому поручил и весь контроль над ними.

Кроме чилийского судна на ответственности Гарри находились еще две очаровательные девушки в отдельной каюте. Уход за ними он поручил повару-негру, исполнявшему еще и обязанности буфетчика и таившему под своей черной хмурой оболочкой доброе, любящее сердце. Поэтому, хотя прелестные пассажирки и не появлялись на палубе ни разу, можно было сказать с уверенностью, что они целы и невредимы. Однако, несмотря на это, Гарри Блю не мог не волноваться: помимо небрежности и лености служащих его пугало их наглое и дерзкое поведение. Вначале их грубость могла быть оправдана неприспособленностью к новой для них обстановке, но теперь они могли уже

протрезвиться. Конечно, такого быстрого исправления трудно было ждать, так как, взятые сюда прямо с улицы, они были как бы пропитаны преступным воздухом Сан-Франциско. Но теперь большинство из них провело уже несколько дней на море, где строго было запрещено пьянство и определенная порция водки отпускалась только во время еды. Несмотря на мягкое обращение капитана и штурмана, матросы едва скрывали свое недовольство, и нельзя было не опасаться, что малейший упрек или строгое слово и взгляд могут вызвать между ними бунт.

— Что это значит? Чего они хотят?

Сто раз спрашивал себя об этом Гарри Блю, но удовлетворительного ответа никак не мог дождаться. С целью выяснить все сомнения он тихо бродил по палубе «Кондора», держась в тени и надеясь услышать хоть одно слово, дающее ключ к разгадке заговора, если заговор существовал. То, что он узнал, превзошло все его ожидания.

Решение загадки было потрясающее. Укрывшись под тентом, наскоро сооруженным в жаркий день плотниками для защиты от солнца и еще не убранном, штурман занял выжидательную позицию.

Черное, как смоль, небо, без единой звезды, лишенное и этого слабого света, давало Гарри Блю возможность стоять в полнейшем мраке, непроницаемом для человеческих глаз. Даже проходя совсем близко, нельзя было его заметить.

Он остался невидимым и для двух человек, как и он, блуждавших по палубе и остановившихся под тентом. Они беседовали вполголоса, однако настолько ясно, что он мог разобрать каждое слово.

Разговор их до того заинтересовал Гарри Блю, что из боязни пропустить хотя бы одну фразу он почти перестал дышать.

Смысл их слов был ему вполне понятен, тем более что они говорили на его родном английском языке. Он узнал в собеседника Джека Страйкера и Билля Девиса.

Задолго до прекращения их разговора ему удалось не только выяснить то, что его смущало до сих пор, но узнать и еще кое-что новое, от чего волосы его стали дыбом и кровь застыла в жилах.

Глава XXXVII

ДВА ЖУЛИКА ИЗ СИДНЕЯ

Джек Страйкер и Билль Девис, бывшие каторжники, достаточно напрактиковались в своем ремесле в дни странствий по тюрьмам Австралии. Служили они и в матросах, что когда-то и было их настоящим призванием. Но после известного путешествия в колонию Лебязьей реки, в котором они участвовали как пассажиры, высланные британским правительством, море им опротивело, и они терпели его только как злую необходимость для переезда из порта в порт, где для заработка преследовали совершенно иные цели. Спасаясь от принудительной колонизации, они направились в Калифорнию и после экскурсии в Сакраменто и довольно неудачных поисков золота вернулись в Сан-Франциско.

Найдя сомнительные средства к существованию в городе у Тихого океана, они там и остались, предпочитая эту жизнь тяжелому труду золотоискателя. Шатаясь среди праздных и опустившихся матросов, они неожиданно встретили человека, предложившего им по пяти тысяч долларов каждому за краткосрочный рейс в Панаму на торговом судне.

Это крупное вознаграждение за такую легкую службу требовало, конечно, разъяснения от того, кто договаривался, проявляя такую необычайную щедрость. Разъяснение это было дано и вполне удовлетворило сиднейских жуликов, без дальнейших колебаний согласившихся на предложенные им условия. В результате они очутились на «Кондоре».

Человек, сделавший им такое выгодное предложение, не был ни владельцем корабля, ни его капитаном, ни судовым боцманом, а просто-напросто лицом, решившим воспользоваться их услугами для каких-то целей, весьма далеких от простой возни с парусами. Он же обещал им уплатить, в зависимости от каких-то случайностей, даже больше условленной суммы. С его странными условиями Джек Страйкер и Билль Девис отчасти познакомились еще до того, что они попали на барк, и без колебаний и страха согласились на то, от чего честный моряк, невзирая на всю соблазнительность награды, отказался бы с презрением: эти бывшие каторжники и неисправимые преступники были способны ради денег на всевозможные злодеяния, начиная с воровства и кончая убийством.

До водворения на борт «Кондора» и присоединения к его экипажу они окончательно проникли в суть предложенного им договора и требуемых от них услуг. При этом оказалось, что еще несколько человек вовлечены в то же дело и за такое же щедрое вознаграждение.

Несколько удивленные этим обстоятельством, Девис и Страйкер сличили свои условия с условиями товарищей и сделали из этого соответствующие выводы. Быстро сообразив, в чем дело, они сразу выяснили причину необыкновенной щедрости, проявленной их «антрепренером», оказавшимся не кем иным, как младшим штурманом Падилла.

Страйкер, как более опытный и старший из двух, был первым посвящен в эти дополнительные условия и, чтобы сообщить о них своему товарищу по торговле, вызвал его на палубу. Благодаря встрече за средней вахтой он случайно добился этого свидания, которого искал весь день.

Как только они очутились под тентом, Девис, отличавшийся большей общительностью, первый прервал молчание.

— Ну, старина, что ты думаешь о нашем новом назначении? Пожалуй, это лучше, чем долбить камень для дорог на Лебязьей реке да слушать, как на твоих ногах бряцают двадцатифунтовые кандалы.

— Лучше-то лучше, да не так хорошо, как могло бы быть.

— Ну, ты вечно ворчишь. Пять тысяч долларов за поездку, которая едва ли протянется месяц, может, всего-то недели две-три. Если уж это не по тебе, то я не знаю, что тебе еще нужно.

— Хорошо, дружище, я, так и быть, скажу, что мне нужно. Не пять, а тридцать тысяч за поездку, вот что. И знай, что Джек Страйкер не помирится на меньшей сумме.

— Ты шутишь, Джек?

— Нет, Билль, я не шучу и уверен в этом так твердо, как никогда в жизни не был уверен. Мы оба, и ты и я, должны получить по тридцати тысяч этого желтого товара — не меньше, сколько бы там ни нашлось его.

— А может быть, там и нет столько?

— И есть, и будет. Как я ни стар, а слух у меня острый, не хуже прежнего, и я могу на него смело положиться. Прошлой ночью я слышал, как Падилла шептался к кем-то из испанских молодчиков, и это навело меня на некоторые размышления.

— Что же ты слышал?

— То, что здесь пахнет суммой в триста тысяч долларов.

— Черт возьми, а ведь они говорили, что тут куда меньше.

— Не важно, что они говорили. Я-то теперь говорю тебе определенно, что это так. Конечно, им выгоднее показать как можно меньше, так как нам полагается процентная плата. Но я вовсе не намерен подчиняться их затеям. И тебе советую сделать то же самое, Билль. Мы оба можем рискнуть на то, на что идут остальные.

— Это, пожалуй, верно.

— Конечно. И раз дело так обстоит, нам следует получить равную с ними долю. Мы ее получим непременно, если будем дружно держаться вместе.

— Правильно!

— Мы и так подвергаемся риску очутиться на виселице: если дело не выгорит, то нам не миновать этого удовольствия. А что кровопролитие будет еще до конца дела, за это я ручаюсь.

— Что же ты посоветуешь предпринять? Ты знаешь, Джек, что я всегда готов поддержать тебя, что бы ты ни затеял.

— Я хочу, чтобы была ровная дележка между всеми, и требую этого определенно. Почему четыре испанца должны получить больше, чем мы? Как я заметил, двое из них — Гомец и Гернандец — приударили за женщинами. Легко убедиться, что это входит в их планы; к тому же я сам слышал их разговор об этом. Гомец ухаживает за блондинкой, а Гернандец за брюнеткой. Впрочем, пусть делают, что хотят, это дело не мое. Но зато можно думать, что они не будут так жадны к желтому товару. Что же касается Гомеца, то ясно, что он их главарь, а второй штурман, который нас нанимал, — у него в подчинении. Их беседу я и подслушал. Гомец говорил Падилле, что золотой песок, аккуратно уложенный в шкапах кают, ценится в триста тысяч долларов. А так как нас

всех одиннадцать человек, то на каждого, если я верно считал, придется почти тридцать тысяч. Билль Девис, повторяю тебе еще раз, что мы должны отстаивать свои права.

— Ну, разумеется, но я боюсь, что трудно будет их уговорить.

— Нисколько, если мы сумеем им доказать, что мы думаем и об их пользе. Четыре испанца собираются все поделить между собой. Но нас остальных — семеро, и когда я скажу им то, что сказал тебе, то они все к нам примкнут, если, конечно, они не последние дураки.

— Ну, дураками они не будут: разница чуть не в двадцать тысяч на каждого придаст им ума. Но как пойдет дело, или, как пишут в театральных листках, какова программа?

— Вот что, брат; насколько я в курсе дела, мы должны идти вперед, пока не доберемся до какого-нибудь берега вблизи Панамского перешейка. Там, как только мы увидим землю, судно будет потоплено, но предварительно мы, конечно, выгрузим товар на лодку и перевезем его на берег. По словам Гомеца, мы пристанем к какой-то известной части берега. Там, приведя все в должный порядок, мы двинемся в город, где постараемся приличным образом объяснить наше появление. Иначе нас могут остановить в пути, и тогда все наши труды пропадут даром, да еще в придачу нас вздернут...

— А девушки?

— Они должны ехать вместе с Гоменцем и Гернандецем. Как они это проделают, Джеку Страйкеру неизвестно. Как это обыкновенно бывает, женщины, наверное, явятся помехой; из-за них вся компания может попасть впросак. Тем не менее приходится считаться с этим неудобством, так как оно неизбежно. Оба молодца, по-видимому, сильно увлеклись. Что ж, пусть себе увозят девиц. Благодаря этому, как я уже говорил, они при дележке денег будут уступчивее.

— А что станется с другими? Например, со старым испанцем и шкипером, с черным коком и старшим штурманом?

— Они вместе с судном пойдут ко дну. И как только мы очутимся в виду берега, я собираюсь им всем размозжить головы.

— Ну, Джек, за первых трех я медного гроша не дам. Они иностранцы и чернокожие, — значит, для нас ничто. Но раз Блю наш земляк, мне не хотелось бы, чтобы ему пришлось так круто.

— Чепуха, Билль Девис, какое дело тебе или мне до подобных чувств? Земляк, нечего сказать! Хороша страна, где морят голодом десять миллионов людей, подобных нам с тобой, и, если мы пытаемся захватить то, что по естественному праву принадлежит нам, нас в ручных кандалах и с железными украшениями на ногах выпроваживают вон, за тридевять земель. Песни про родину и земляков — все это вздор и ханжество. Если мы его выпустим, то, чего доброго, встретимся с ним, когда нам это будет вовсе не удобно. Нет, уж пусть испытает то же, что и трое остальных. Это необходимо, если мы не хотим болтаться на виселице.

— Пожалуй, ты прав, Джек Страйкер, хотя мне его жалко. Но почему испанцы медлят? Отчего они ждут прибытия в Панаму? Раз желтый товар тут, можно бы его тотчас и захватить, и тогда у нас осталось бы больше времени на то, чтобы обсудить, как правильно устроить дележ. Что же мешает забрать его немедленно?

— Дело вовсе не в том, чтобы поскорее захватить его. Это совсем не трудно, и, когда время настанет, мы все оборудуем по-своему. Выбросить всех четверых за борт — вопрос одной минуты. Но как пойдет судно без шкипера и старшего штурмана?

— А по-моему, можно и без них обойтись.

— Вот это-то и невозможно. Только они одни из всего экипажа знают, как обходиться с картами, хронометрами и прочими штуками. Падилла, работающий за младшего помощника, сам сознается, что ровно ничего в этом не смыслит. Поэтому мы хоть и на хорошем судне, но без капитана и Блю все равно что без рук. Плыдем-то мы ведь на самом большом океане в мире и если бы взяли неверный курс, то могли бы или никогда не увидеть земли, или быть выброшенными на какой-нибудь опасный берег или же, наконец, встретились бы с военным кораблем и не могли бы указать, куда идем и кто мы такие. Видишь, Билль, в чем беда? Поэтому-то испанцы и сговорились оставить все как есть, пока мы не приблизимся к Панаме. Там, по уверению Гомеца, есть длинная полоса необитаемой земли, где мы можем ночью свободно сойти на берег.

— Да, я вижу теперь, что так-то лучше. Если у кого есть деньги, то не все ли равно, в каком месте он сойдет на берег? В Панаме мы, конечно, найдем работу не хуже, чем в другом месте.

— Правильно, Билль. При изобилии можно во всем найти радость, и лишь золото дает ее.

— Получив такую богатую добычу, можно и потерпеть немножко, — покорно сказал Билль.

— Но ради обещанных нам пяти тысяч я и не подумаю быть терпеливым, Девис, и ты, надеюсь, также. У нас равные со всеми права, и мы должны твердо стоять за них.

— Конечно, Джек! Как только ты скажешь хоть слово, я всегда тебя поддержу. Так же поступят, наверное, и все остальные.

— Они бы должны именно так поступить, и, вероятно, так оно и будет, хотя есть между нами один или два тупоумных дурака, которые способны все разболтать. Как только я кончу свое дело у колеса — а оно скоро начнется, — я немедленно пойду к ним. А вот и звонок, мне пора идти на корму! Когда я пойду оттуда, Билль, ступай на носовую часть барка и приведи с собою того голландца, который в нашей смене, а также датчанина. Они скорее других, сразу примкнут, и им я прежде всего открою наш план.

— Отлично, старина, я туда и приду.

Выйдя из-под навеса, заговорщики разошлись в разные стороны.

Гарри Блю стоял пораженный, от ужаса кровь застыла у него в жилах, и волосы на голове зашевелились.

Заговор, обсуждавшиеся три страшных преступления: разбой, похищение женщин и убийство — и он сам среди этого кошмара!

Теперь он знал, чем объясняется такое отсутствие дисциплины в команде, ему стало понятно все, когда он услышал о трехстах тысячах долларов золота, запрятанных в ящиках кают.

Для него это было новостью. Капитан не сообщил ему об этом, а эти богатства были погружены на корабль до его появления на борту «Кондора». В тот самый вечер, когда он явился в контору пароходного агентства, дон Томас с

несколькими надежными грузчиками перевозили золото на борт чилийского судна. Это неудачное предприятие, несомненно, должно было повлечь за собой катастрофу, гибель не только дона Грегорио и обеих девушек, но и для лиц, совершенно не заинтересованных, не связанных отныне с судьбою Гарри Блю. Хотя, услышав весь разговор, наш герой не сомневался в его значении, он не мог, однако, сразу опомниться и разобраться во всех подробностях.

Понятно, что, пораженный ужасом, он чувствовал себя до последней степени взволнованным и смущенным. Но, успокоившись и обдумав все, он ясно представил себе замышляемые преступления и их мотивы. О характере гнусного заговора не могло быть разногласий. Все было задумано и предусмотрено еще на берегу, и негодяи, конечно, с определенной целью нанялись на корабль.

Четверо из испанцев и калифорнийцев узнали о перевезенном драгоценном грузе и, чтобы легче завладеть им, привлекли к делу и других помощников. Об этом шла речь между Страйкером и Девисом, развернувшим еще более дьявольские планы похищения и убийств.

При мысли о трагедии, которой предстояло разыгаться на борту «Кондора», сердце Гарри Блю замирало от ужаса, хотя сердце это всегда было твердо и мужественно. Но страшный рок навис над ним и над теми, кого он обещал охранять и беречь.

Как предотвратить этот кошмар? Как спасти их и как спасти себя?

Эти вопросы неотступно преследовали его, но ответа он не находил. Представлялся один возможный выход — бегство, но он был немислим. Весь экипаж — главари и их помощники — в заговоре. Это выяснилось из разговора негодяев. То, что в числе их и младший помощник, нисколько не удивило Гарри Блю. Видя его дружбу с теми, кто оказывал неповиновение, он уже составил себе определенное мнение о Падилле. При этом он не мог не заметить, что Гомец был их руководителем, Ве-лардо — его правой рукой, и оба влияли на Падиллу, несмотря на его положение начальствующего; Гернандецу все трое, видимо, не доверяли, и его поведение было под их строгим контролем. Гернандец, по наблюдениям Гарри Блю, был земледелец, совершенно неопытный в мореплавании; когда это обнаружилось, Гернандец стал оправдываться желанием заработать свой проезд в Панаму. Роль остальных семи была тоже известна из слов Страйкера: в конце концов все были участниками предполагавшегося разбоя и убийств, хотя условия вознаграждения были далеко не одинаковы.

Припоминая всех этих лиц поочередно, а также свойства их характеров, подмеченные за это короткое время на практике, старший штурман «Кондора» не мог назвать ни одного, кто бы захотел ему помочь. В решительную минуту он оказался бы совершенно одиноким, если не считать помощи капитана, дона Грегорио и повара — людей, абсолютно на это не способных, ибо капитан, человек добрый, но слабый, мог только управляться с телескопом и книгами; дон Грегорио был стар и метил в инвалиды, а повар, человек тоже пожилой, вряд ли мог идти в расчет как защитник, хоть на его верность можно было вполне положиться.

Все это ясно и отчетливо проникло в сознание старшего штурмана. Первой его мыслью было сообщить об этом зверском плане капитану Лантанасу, но, подумав как следует, он решительно отказался от нее. Доверчивый чилий-

ский шкипер ни за что не поверил бы в возможность такого жестокого заговора, а если бы и поверил, то, приняв слишком поспешные меры, мог только повредить делу и ускорить катастрофу. Нет, мысль поделиться с ним ужасной тайной никуда не годилась.

Дон Грегорио тоже не должен подозревать ни о чем.

Если бы даже они и узнали о заговоре, то через какой-нибудь час все было бы кончено: жертвы были бы брошены в море, и сам Гарри Блю, конечно, в их числе.

Все еще сидя, скорчившись, под тентом, он весь дрожал, рисуя в воображении страшную картину неминуемо ожидавшей его гибели. В открытом ли море, у берегов ли — все произойдет, как решили злодеи: девушки будут похищены, капитан, дон Грегорио и сам он заперты или убиты, золото извлечено из ящичков кают. Нагрузив на лодки добычу и пленных, они откроют кингстоны и, потопив судно, отправятся к берегу. Не удивительно, что дрожь пробирала Гарри Блю до мозга костей, когда представлял себе эту ужасную картину. Ничего не могло его успокоить. Наоборот, чем больше он думал, тем ярче рисовалась ему опасность во всей своей устрашающей наготы. Борьба с такими врагами безнадежна. Она должна кончиться смертью для всех отмеченных злым роком, и из них первый был он!

Несколько минут Гарри стоял молча, точно парализованный отчаянием. Страшное волнение охватило все его существо; невыполнимые, неопределенные планы путались в его утомленном мозгу с бесплодными туманными мыслями.

Однако после долгого размышления он что-то придумал. Его лицо оставалось в тени, и потому нельзя было разобрать его выражения, но, судя по движению губ, он шептал какое-то слово. Это было слово «предатель». Из сбивчивой речи Гарри можно было понять, что, побежденный малодушным страхом, он решил отречься от своего священного долга и пожертвовать ради сохранения жизни даже честью. Укрывшись под тентом, он повторял:

— Для спасения нет другого выхода, как присоединиться к ним и быть с ними заодно. Так я и сделаю, будь что будет!

Глава XXXVIII

ЗАГОВОР ЗА ЗАГОВОР

«Кондор» шел со свежим попутным ветром, подняв все свои паруса, и благодаря погоде работа Джека Страйкера на руле была легка и приятна. Приходилось только следить, чтобы судно при случайных поворотах не теряло устойчивости.

Недавно взошедшая луна отражалась в прозрачной воде, освещала лицо человека лет пятидесяти, дышавшее во всех чертах и изгибах злобой и преступностью. Безбородое, рябое, с толстыми безобразными губами, с отвислыми дряблыми щеками и бесформенным тупым носом, оно сильно напоминало сердитую морду бульдога. Тусклые, зеленые, с красноватым оттенком глаза его умели, по его собственному выражению, проникать в самую преисподнюю.

Вскоре после начала вахты Страйкер увидел шедшего к нему с палубы человека, в котором он тотчас узнал старшего штурмана.

— Верно, идет меня проверять! — проворчал старый каторжник. — Очень мне нужны его проверки. Джек Страйкер сумеет вести какое угодно судно не хуже его.

Он стоял по правую сторону штурвала, тогда как штурман, пройдя вдоль шкафута и став на комингсе, остановился по другую его сторону.

— Ну, как дела, Страйкер? — обратился к нему Блю. — Этой ночью легко управиться с барком, он сам идет по ветру. Это хорошо. Пожалуй, так можно сделать и по девять узлов?

— Может, и больше, с вашего позволения, — вежливо отвечал рулевой, примиренный мягким тоном штурмана. — «Кондор» на ходу недурен, хотя таке-лаж у него и странный, не похож на те, что видывал.

— Вы, верно, много плавали на своем веку? Это сразу заметно, когда вы в работе. Видно, что для вас управлять кораблем — дело привычное.

— Рад стараться, — ответил матрос, польщенный оценкой начальника. — Правда, у Джека Страйкера в этом деле опыт не малый.

— Вы, верно, служили и на военных судах?

— Всяко бывало. А кто этому не поверит — пусть убедится на моей спине, я против такого осмотра ничего не имею. Кровавых следов «кошки» на ней и не счесть: скрывать это я никогда не стану.

— Да и не надо. Мало ли хороших моряков знакомо с девяти-хвосткой. И хоть я сам этого и не испытывал, а встречать людей, с которыми обращались на военной службе так грубо и жестоко, приходилось не раз. Конечно, видывал я и таких, которые гонялись за худой честью, но находили потом кое-что и получше.

— Неужели? — с возрастающим интересом воскликнул Джек, выпучив глаза на человека, так откровенно посвящавшего его в свои мысли. — Что ж это было? Может, контрабанда или торговля живым товаром?

— Понемножку и то и другое. А что касается «кошки», то я с вами вполне согласен, что волноваться, увидит ли у вас кто-нибудь ее следы или нет, не стоит и труда. Мне и самому жилось не легко, то лучше, то хуже, скорее плохо, чем хорошо. А вот теперь дело как будто и налаживается. Сан-Франциско я

бросил, так как там и без меня рабочих рук целая уйма; здесь же по крайней мере готовая койка и жалованье. Положим, платят-то маловато, сравнительно с тем, что сумел бы заработать, и потому иногда и думаешь, не лучше ли было остаться в Калифорнии и, взобравшись на гору, покопаться там в золотых приисках.

— А вы там никогда не бывали?

— Нет, еще не бывал, да и вообще за пределы Сан-Франциско почти никуда не выходил.

— Пожалуй, так-то лучше, мистер Блю. Я и Билль Девис достаточно хорошо познакомились с этими дутыми предприятиями. Прошли мы весь страданный путь вдоль Лебязьей реки — и золота нигде не нашли; работы же самой трудной было так много, что не хватало ни сил, ни денег на пропитание, а на выпивку и подавно. Вести такую жизнь никому не охота, вот мы и вернулись в порт.

Несмотря на всю откровенность, проявленную в рассказе о девятихвостке на военном корабле, Страйкер совершенно умолчал о веревке совсем иного сорта, грозившей и ему и Биллю обвить их нежные шеи, а между тем опасность эта висела над ними как раз в то время, как они странствовали по берегам Лебязьей реки, откуда едва успели своевременно удрать в Сан-Франциско.

— Да, — скромно добавил Блю, — кажется, я хорошо сделал, что не избрал этот путь. Как и вы, и Билль, я мог легко вернуться оттуда с пустыми руками. А вы еще говорили, что и водки там недоставало. Это-то и совсем не по мне, я привык к своей ежедневной порции, иначе... ну, да не стоит об этом говорить. Вы, Страйкер, как бывший военный моряк, меня, конечно, поймете и потому и сейчас, верно, не откажетесь опрокинуть стаканчик.

— Даже и от двух не откажусь, — ответил Страйкер так же быстро, как ответил бы любой пьяница вроде него.

— Вот и славно. У меня тут остаточек рома самой высшей марки. Берите, наслаждайтесь.

Гарри Блю протянул рулевому темную пузатую бутылочку, а тот, сняв руку с руля, жадно к ней прильнул губами. Продержав ее горлышко довольно долго во рту, он передал бутылку штурману, и, ради прочного укрепления новых уз дружбы, Гарри тоже пришлось хлебнуть прямо из горлышка. Разговор после этого возобновился еще дружелюбнее прежнего. Ром окончательно умилил душу «сиднейского жулика», а Блю, отбросив всякую сдержанность, старался с своей стороны подойти ближе к своему новому приятелю.

Весь этот эпизод внес в их отношения то особенное доверие, которым часто отличается дружба заговорщиков.

Блю первый нашел путь к полному сближению.

— Вы говорили мне, Страйкер, — сказал он, — что пережили тяжелые времена и перенесли много суровых наказаний. То же было и со мной. Судя по вашим словам, вам наплевать на это; я прибавлю, что мне тоже. В этом отношении мы оба с вами на равной ноге, служа на одном и том же судне, хоть и в различных должностях, мы можем работать совместно и дружно. Хотите, чтобы я сказал вам как?

— Ну, еще бы, говорите скорей! У Джека Страйкера уши всегда наготове, чтобы услышать о том, как он может улучшить свои житейские обстоятель-

ства.

— Хорошо. Я заметил, что вы ловко управляетесь с рулем. Хотите ли взяться за работу, которая наполнит ваши карманы целой кучей денег?

— Согласен, но мне интересен не род работы, а сумма денег. Много ли их?

— Переведея на золото, столько, сколько вы сумеете захватить: такая груда, что снести ее вам будет не под силу.

— И вы еще спрашиваете, гожусь ли я для такой работы? Станный вопрос, особенно если его задают Джеку Страйкеру. Он пойдет на все, если даже виселица будет у него перед глазами. Будь я трижды проклят, если это не так.

— Отлично, я так и думал, что кривляться не будете. Мне же лучше, что вас ничем не напугаешь. Дело крупное, и для тех, кто пойдет за мной, будет хорошая пожива.

— Только покажите Джеку Страйкеру, как подойти к делу, а он не из тех, кто вздумал бы повернуться к нему спиной.

— Довольно, товарищ. Дело у нас здесь, под руками. Внизу, в ящиках кают, сложено около полтонны блестящего золотого песка. Он принадлежит старику испанцу — нашему пассажиру. Что же может помешать нам завладеть этим богатством? Если нам удастся привлечь на свою сторону большую часть команды, то дело сделано. Кто не пожелает нам помочь, пусть остается в стороне. Хотя, судя по всему тому, что я заметил, они все к нам примкнут. Если разделить все золото поровну, каждый получит двадцать — тридцать тысяч долларов. Как вам это нравится, Страйкер?

— Пожалуй, что и недурно. С тридцатью тысячами в кармане я бы мог начать кое-что новенькое.

— Работать-то вам тогда не придется. Все будет ваше, если вы будете со мной и поможете мне привлечь остальных. Знаете ли вы кого-нибудь из них, кого можно было бы пощупать без всякого риска?

— Двух-трех знаю. Один из них верный человек — мой старый приятель Билль Девис. Ему можно поручить и убийство, а не только что такой пустяк. А теперь, мистер Блю, раз уж вы нашли возможность довериться мне, я кое-что сообщу вам по секрету. Оно так и должно быть между двумя людьми, которым нужно сговориться до конца. Могу сказать вам, что мне уже давно все известно насчет желтого песка. Прежде чем встать у руля, я уже переговорил с Девисом. Не вы один собираетесь его заполучить. Наши испанские молодцы, еще прежде чем нога их ступила на судно, все это задумали и обмозговали. Все четверо, насколько я понял, стоят за равный раздел между всей командой, тогда как остальные готовы удовлетвориться только назначенной им суммой.

— Вы удивляете меня, Страйкер.

— Что ж, я говорю вам только то, что знаю. Я рад, что вы хотите действовать с нами заодно, — это нас избавит от хлопот, а вам спасет жизнь. Не могу скрыть от вас, что мы решили спровадить и вас ко дну вместе с шкипером и старым испанцем.

— Вот так приятная новость, черт побери! Ну, товарищ, благодарю вас, что сказали. Да, это счастье, что нам довелось потолковать с вами сегодня ночью.

— Быть может, это и для всех счастье. Билль и я решили отстаивать раздел золота на равные доли каждому. Если поднимется спор, мы с вами легко устроим дело по-своему, наперекор испанцам, раз вы на нашей стороне. Ну а если дойдет до драки, то Страйкер постоит за себя и готов справиться с двумя

сразу.

— А Гарри Блю — с другими двумя. Нам нечего бояться. Сколько их, по-вашему, будет с нами?

— Большая часть, я бы сказал, исключая испанцев. Это касается всех остальных так же, как и нас. Во всяком случае, с нами должно быть большинство.

— Когда же, по-вашему, нам следует начать переговоры?

— Сразу же. Как только я уйду отсюда, так и начну кое-что выпытывать. Их будет несколько человек с вахты, и мы выпьем бутылочку, прежде чем спуститься к себе. Это будет самое удобное время, чтобы их подготовить.

— Правильно. Итак, сразу принимайтесь за них, Страйкер. Но все-таки, товарищ, будьте осторожны, слишком далеко не заходите, пока не узнаете их настроения, и чересчур откровенно не выдавайте нас самих. Завтра я увижу вас на первой вахте, тогда вы мне скажете, чего нам ждать.

— Будьте спокойны, дело у меня пойдет гладко, без сучка, без задоринки, на Джека Страйкера можете в этом вполне положиться. Пропустим-ка еще глоточек рома. Если это поездка окажется удачной, никто из нас больше не будет принужден отказывать себе в самых тонких напитках в мире.

Страйкер снова схватился за бутылку и до последней капли высосал все содержимое.

Получив ее обратно пустою, Гарри Блю выбросил ее за борт и, расставшись с рулевым, ушел, как бы намереваясь заняться другими судовыми делами.

Глава XXXIX ДЕЛЕЖКА ПОРОВНУ

Дело произошло на баке «Кондора». Наступала уже вторая ночь после выхода из Сан-Франциско, и на вахте была вторая смена.

Дежурили Падилла с Гернандецем и двумя матросами неизвестной национальности.

Остальные пять — Страйкер, Девис, француз Ла Кросс, голландец и датчанин — находились в кубрике, а старший штурман ушел, вероятно, к себе.

Они ждали тех, кто окажется свободным от работы, так как ранее намекнули им, что они будут нужны на баке.

Это очень озадачило многих из команды, но они не решались расспрашивать. Вскоре пришли туда и двое безымянных, прозванных: один — Старым Тарри, а другой менее почетно — Слеш, что в переводе значит «слякоть». Вслед за ними явились и Падилла с Велардо.

— Двух еще между нами недостает, — заявил Страйкер, — верно, один из них на руле.

— Да, Гомец там, — подтвердил Падилла.

— А где же Гернандец?

— Не знаю, должно быть, с ним же.

— Это не важно, — вставил Девис. — Я думаю, мы можем устроить дело и без них. Начинай, Джек, и расскажи мистеру Падилла и остальным все, о чем мы с тобой толковали.

— Это не трудно. Много слов тратить не придется. Все, о чем я хотел сказать, — это то, что товар должен быть поделен на равные доли.

— Что вы говорите? — с дрожью в голосе и с притворным удивлением спросил Падилла, переглянувшись с невольно вздрогнувшим Велардо, тоже изобразившим удивление на своем лице.

— Повторяю еще раз то, что уже сказал: товар должен быть разделен на равные части.

— И все-таки я вас не понимаю.

— Прекрасно понимаете. Полно, товарищ, нечего прикидываться дурачком, особенно при Джеке Страйкере. Он — стреляная ворона, и его на мякине не проведешь. Если вам очень хочется пустить мне пыль в глаза, то пускайте, но только ту, что позади, в каюте. Что, теперь поняли меня?

Падилла стал серьезен, Велардо тоже помрачнел. Старый Тарри и Слеш ничем не выказали своих чувств, так как были уже осведомлены о том, что Страйкер собирается требовать, и заранее дали свое согласие его поддержать.

— Вы, видно, говорите о золотом песке, — сказал младший штурман. — Я полагаю, что вам все уже о нем известно.

— Конечно, — ответил Страйкер.

— Ну, так что ж из этого?

— То, что я уже сказал, только и всего. Если хотите, я могу повторить, что желтый песок, о котором идет речь, должен быть 190 разделен поровну между всем экипажем барка и вручен всякому, не делая никаких различий между лицами, принадлежащими к этому судну. И что он будет непременно разделен именно так, за это ручаюсь.

— Верно! — с таким же сильным ударением подтвердил Девис. — Так оно должно быть и будет.

— Черт возьми, конечно, так должно быть, — с жаром подхватил француз и за ним тем же значительным тоном и датчанин Стронсен и голландец Ван Гаутен, при дружной поддержке Тарри и Слеша.

— Нечего вам больше упрямяться, товарищи, — продолжал Страйкер, обращаясь к Падилле и Велардо. — Вы видите, что большинство на моей стороне, а у большинства всегда сила и право в руках, как я узнал из моей многолетней практики.

— Что и говорить, это правильно, — подтвердили остальные, тогда как Падилла и Велардо хмуро хранили молчание.

— Да, — продолжал Страйкер, — но здесь, среди нас, недостает еще одного, которому причитается такая же доля.

— О ком это вы говорите? — спросил Падилла.

— Нет нужды объяснять вам, — ответил Страйкер. — Если я не ошибаюсь, он, кажется, идет сюда и может говорить сам за себя.

При этих словах на лестнице, ведущей к баку, послышались шаги и вначале появились ноги, а затем и вся фигура Гарри Блю.

И Падилла и Велардо посмотрели на него с явным страхом.

Вообразив, что тайна заговора раскрыта и их планы разрушены, оба подумали, что Страйкер их предал, и недоумевали, что может им сказать штурман. Но Страйкер тотчас вывел из замешательства, слово в слово повторив свой разговор с Гарри Блю.

— Я буду с вами, товарищи, — подтвердил штурман, — до самого конца, независимо от того, будет ли этот конец удачен или нет. Страйкер в своем требовании совершенно прав, и его взгляд на дело самый верный. Вопрос этот

должен быть решен большинством голосов. Двоих из нас здесь еще нет, но и с ними надо посоветоваться, а они на вахте. Поэтому все пойдем к ним и там обсудим все. Помешать никто нам не может, так как капитан спит, и мы теперь хозяева корабля.

Гарри Блю стал подниматься по лестнице; все остальные пошли за ним.

Взойдя на палубу, они остановились у переднего люка, так как старший штурман хотел еще до выхода на корму сказать им несколько слов. Младший штурман, не желая принимать участия в их совещании, незаметно, как бы крадучись, первым пробрался в кормовую часть судна. Вскоре и остальные беспорядочной толпой последовали за ним и, пройдя к шканцам у шпиля, снова остановились. При лунном свете, падавшем на них, легко было рассмотреть, что это лица мятежников, но мятежников, не встречающих отпора.

На корме никто им не мешал. Предатель — старший штурман — сказал правду: капитан спал, и барк был в их руках.

На руле все еще стоял Гомец, и рядом с ним его приятель Гернандец. Никто из них еще не знал о происшедшем, хотя днем до них доносился какой-то подозрительный шепот, и они приготовились к возможности недоразумений.

Вопрос, занимавший их, был совсем другого рода. Первым заговорил Гернандец.

— А что нам делать с девицами, когда мы сойдем на берег?

— Жениться на них, конечно, — живо ответил другой. — По крайней мере, что касается меня, то я именно так и намерен поступить с доньей Кармен. А ты, вероятно, с Иньесой сделаешь то же?

— Разумеется, если только мне удастся последовать твоему примеру.

— Непременно. Это будет легко, дружище.

— А я не надеюсь. По-моему, будут всякие затруднения, и даже немалые.

— Какие именно?

— Предположим, что они не согласятся.

— Наплевать на их согласие. Должны же они согласиться, пусть это тебя не пугает. Будет ли это им приятно или нет, мы добьемся брачного обряда в той или иной форме. За это я ручаюсь, если только я не ошибся в цели, к которой мы стремимся, и в людях, с которыми нам надлежит встретиться. Если бы пATER Падиерна был в живых, то он обвенчал бы меня с Кармен Монтихо, не спрашивая ее согласия и не обращая никакого внимания на ее ответы, каковы бы они ни были. Если же он уже покоится в могиле, я рассчитываю на молодого патера Гонзага, в мое время занимавшегося спасением грешных душ в церковке, весьма близкой к тем местам, где мы надеемся пристать. В случае же невозможности отыскать моих старых приятелей найдется целая куча людей, готовых завязать узел, который составит счастье всей нашей жизни. Уверяю тебя, дружище, что ты приближаешься к настоящему земному раю и обрешь его в Сант-Яго.

— Надеюсь, что все случится, как ты обещаешь.

— Можешь не беспокоиться. Раз мы доберемся до старого города провинции Верагуа с девочками в роли наших жен (а они не будут в состоянии долго оспаривать наших прав на них), мы, без страха за наши неподходящие физиономии, можем сделаться членами приличного общества. Притом же с нашими мешками золота на спине мы проживем весело и роскошно, там или в ином месте, где бы нам ни вздумалось. Вернуться же в твою милую Калифорнию,

как ты ее называешь, тебе тогда и в голову не взбредет.

— Так ты уже вообразил, что мы непременно на них женимся?

— Конечно, и у меня есть к тому основания. Я не стал бы так хлопотать, раз они и без того в нашей власти и должны нам подчиняться. Делай, как знаешь, но я думаю, что и ты заинтересован в том, чтобы наши «принципы» получили право превратиться в владетельных принцесс.

— На что ты намекаешь?

— Ты, очевидно, забыл, что у обоих барышень большие имения в Испании, как мне сообщил недавно мой достойный дружок Мартинец. Донья Кармен сделается очаровательной наследницей богатств после смерти своего отца, то есть, короче говоря, очень скоро. Я нисколько не претендую на его золото, но его земли в Бискайе или еще где-то перейдут когда-нибудь, благодаря всемогущей судьбе, под мой надзор и в мою полную собственность. А донья Иньеса в то же время владеет бесчисленным количеством акров земли в Андалузии, да, кроме того, несколькими десятками домов на лучших улицах Кадикса. Чтобы добиться всех сокровищ, надо превратить девочек в наших жен.

— Я разнюхал все, что касается андалузских имений, и старый ростовщик, который знает больше меня, обещал, если мы женимся, выдать под них ссуду. Но поверь, что меня соблазняют в этом деле не только деньги. Я безумно влюблен в Иньесу, так влюблен, что, если б у нее не было и медного гроша, я все равно женился бы на ней.

— Скажи, что ты скорее хотел бы быть повелителем, чем мужем. Как только мы будем на суше, я тоже начну учить свою Кармен покорности. Высокомерная красотка узнает, что значит быть женой, а если она окажется непослушной, тогда, клянусь всеми богами, я тотчас, как заполучу бискайские поместья, дам ей развод. Тогда пусть себе, если захочет, идет на все четыре стороны. Черт! Что там внизу?

Это восклицание вырвалось у него при виде людей, собравшихся на баке. При ясном свете полной луны можно было заметить, что в сборе был если не весь целиком, то почти весь экипаж. В этом лунном освещении ясно выступили резкие жесты матросов, а громко звучащие голоса доказывали, что там обсуждается серьезное дело.

Что бы это могло быть? Люди первой, давно смененной вахты, казалось, должны были спать на своих койках. Почему же они находились теперь на палубе? Это удивило находившихся у руля. В то время как они терялись в догадках, младший штурман поспешно, но точно крадучись подходил к ним.

— Что там такое? — спросил Голец.

— Тревога! — ответил Падилла. — Мятеж среди тех, кому мы предложили быть нашими помощниками.

— Неужели? А что они требуют?

— Чтобы дележ был поровну, и твердо настаивают на этом.

— Ну их к дьяволу!

— Старый черт Страйкер — зачинщик всего. Но кто вас особенно удивит — это старший штурман. Он знает все наши планы и присоединяется к нам. Во главе мятежников он требует того же, и они клянутся, что в случае нашего несогласия разделить все поровну они силой возьмут свое. Я незаметно пробирался к вам, чтобы спросить: что нам делать?

— А их решение неизменно?

— По их словам, они готовы бороться на жизнь и на смерть.

— В таком случае, — пробормотал Годец после минутного молчания, — придется уступить их требованиям. Другого выхода нет. Возвращайся туда, Падилла, и придумай, как их успокоить. Будь оно проклято, это неожиданное препятствие!

Падилла собирался было идти обратно к своим недовольным товарищам, но это оказалось излишним, так как они уже направлялись к корме. Они не боялись нарушить священную неприкосновенность шканцев, так как теперь никто уж не имел над ними власти. Поднявшись на кормовую палубу, они собрались около штурвала. Весь экипаж «Кондора» был теперь налицо — и штурман, и матросы — все, кроме капитана и повара, и решительно все, кто голосом, кто жестами, принимали самое живое участие в спорах.

Впрочем, пререкались недолго, и спорный вопрос был скоро решен. Гарри Блю, при поддержке бывших каторжан, говорил ясно и определенно, подчеркивая слова энергичными восклицаниями. Остальные, разделяя его взгляды, стояли рядом с двумя главными ораторами и поддерживали их одобрительными возгласами.

— Товарищи, — говорил старший штурман, — золото, на которое мы посягнули, должно быть поровну разделено между нами.

— Так оно и будет! — кричал Страйкер.

— Это единственный правый путь, по которому мы и пойдем.

— Крепко держись его, Страйкер! Мы стоим за тебя.

— Можешь не сомневаться в нас! — одобрял его француз.

Между тем испанцы после краткой, но сильной борьбы жадности с благоразумием решили, что меньшинство в их лице должно уступить и тем избежать неприятностей, могущих возникнуть при дележе награбленного.

После этих важных событий освободившиеся от вахты пошли к койкам, а Годец и Гернандец к штурвалу. Погруженные в мрачное раздумье, хмурые и недовольные, они долго молчали. Потерять до пятидесяти тысяч долларов в течение десяти минут не очень-то приятно, а именно это-то с ними и случилось...

Годец первый нарушил молчание:

— Беда не велика, дружище. Для выполнения наших теперешних планов денег у нас хватит, а наше будущее будет строиться на прочном фундаменте.

— На каком же это?

— А ты забыл о наших испанских поместьях?

Глава XL БЕРЕГ!

Кармен Монтихо и Иньеса Альварец путешествовали не впервые. Они обе уже побывали в море, за пределами Испании. Но Кармен успела об этом забыть, тогда как для Иньесы перерыв между двумя поездками был так краток, что она еще не успела оправиться от предыдущей качки, как попала в новую. Поэтому обе страдали от морской болезни в равной степени. Несколько дней им не пришлось даже выходить на палубу, и они большей частью сидели или лежали в своих каютах.

Хоть настроение у них было очень подавленное, пожаловаться на плохой уход они не могли. Старый кок-негр беспрестанно заходил к ним, предлагая свои услуги. Нельзя было не почувствовать, что под его грубой черной кожей билось доброе, нежное сердце, побуждавшее его окружать больных девушек чутким вниманием и заботой. Капитан Лантанас не отставал от него в этом отношении, посвящая своим пассажиркам большую часть досуга.

Однако всему приходит конец, и силы молодых девушек через некоторое время настолько восстановились, что, дождавшись хорошей погоды, они решились выйти на палубу.

Сидя в каютах, они не видели никого, кроме одновременно с ними заболевшего дона Грегорио, капитана и кока. Ни штурманов, ни матросов они ни разу еще не встречали, если не считать того дня, когда они шли Золотыми Воротами и имели возможность взглянуть на них мельком.

Теперь же, выйдя на палубу, они очень желали встретить Гарри Блю; однако это так долго им не удавалось, что они уж начали тяготиться бесконечным ожиданием.

Наконец он появился вместе с несколькими матросами и остановился у лодки, подвешенной на шлюпбаке. Поразительно мрачны и злы показались им лица этих людей. Повозившись над лодкой, Гарри направился к корме, так как до того получил через кока приказание капитана встретить его здесь и помочь ему в наблюдениях. Но так как шкипер еще не приходил, штурман подошел к девушкам, впервые после поступления на чилийский барк очутившись в обществе дам.

В ответ на их радостные приветствия они встретили очень холодный прием. Это сильно озадачило их. Слегка поклонившись, Гарри Блю сделал вид, будто внимательно рассматривает что-то за бортом.

Тонкий наблюдатель, однако, не мог бы не заметить притворства с его стороны, так как глаза его, якобы обращенные на люк, в сущности, следили хоть и украдкой, но внимательно за оставшейся позади командой, которая и его самого не выпускала из виду.

Молодые девушки, обиженные его нелюбезностью, больше не пытались с ним заговорить и поспешно спустились к себе, недоумевая, что бы это могло означать. Но чем больше они старались понять странное и необъяснимое поведение англичанина, тем больше терялись в догадках, им казалось, что случилось что-то им не понятное и непоправимое, что и в минуту разлуки с их возлюбленными вызвало холод и отчужденность. Теперь это подтверждалось поведением Гарри Блю; он не мог не знать чувств Кроуджера и Кедуолладера,

и перемена в их обращении с молодыми девушками, очевидно, послужила для Гарри указанием, как держать себя в дальнейшем.

Только этой внезапной перемене могли они приписать такое невежливое, почти грубое отношение к ним Гарри Блю.

До глубины души огорченные девушки решили не делать более никаких попыток к сближению со старшим штурманом «Кондора» и как можно реже показываться на палубе.

Вопрос, была ли налицо измена и чем она была вызвана, мучил их неотступно. Дни стали тянуться невероятно долго и скучно, пока они наконец не услышали радостный возглас: «Берег!», раздавшийся с фок-мачты. Это было почти в полдень.

Капитан не мог еще решить, что это за земля, и сразу не узнавал ее, но благодаря безоблачному небу ему удалось взять солнце в меридианной высоте и разглядеть горизонт. А так как чилийский шкипер, как опытный моряк, мог всегда положиться на правильность своих наблюдений, то ему стало ясно, что обозначившаяся земля не что иное, как остров Койба или лежащий с ним рядом Гикарон. Оба острова находились на высоте Верагуанского берега, к западу от Панамского залива и приблизительно в ста милях от его входа.

Сюда-то и стремился войти «Кондор».

Закончив свои полуденные вычисления, капитан занес следующие записи в шканечный журнал: «Широта 7° 20'. Долгота 82° 12' 7". Ветер...»

Набросав эти маленькие заметки, он и не воображал, какое значение они будут иметь в будущем. Далекий от мрачных предчувствий, старый моряк не подозревал, что это его последняя запись в шканечный журнал.

Юго-западный ветер всегда облегчает вход в Панамский залив, и, если кораблю удастся, держа курс на Кабо-Мала, обогнуть этот страшный остров, он оставляет его с правого борта. Но «Кондор», идя с севера, увидел его «по носу». Капитан, догадавшись, что подошел слишком близко к берегу, скомандовал: «Право на борт, держи от берега дальше!» Выполнив таким образом все, что требовалось, Лантанас закурил сигару, заглянув к обезьянам, встретившим его, как всегда, радостными ужимками, и затем, спустившись в кают-компанию, присоединился к своим пассажирам.

Вид берега и надежда скоро перебраться на сушу радовали и ободряли всех, бывших на барке. Веселость их еще возросла, когда капитан заявил, что намерен через двадцать четыре часа войти в Панамский залив, а еще через сутки поставить барк на верфь старого порта, где когда-то свирепствовали знаменитые разбойники — флибустьеры.

Высыпав на палубу, все продолжали оживленно беседовать и строить всевозможные планы, пока наконец тропическое солнце своими палящими лучами не заставило всех разойтись по каютам, чтобы предаться обычному в испанской Америке дневному сну. Чилийский шкипер тоже любил в это время вздремнуть.

Рассчитав широту и определив курс «Кондора», он записал свои вычисления и пошел отдыхать. Ни айсбергов, ни каких-либо иных препятствий не ожидалось; можно было, таким образом, спокойно предаться безмятежному сну. Но еще до этого, решив достойным образом отпраздновать приближение к берегу, Лантанас вызвал кока и заказал парадный обед, распорядившись извлечь из кладовой самые отборные припасы.

Палуба на некоторое время опустела. Никого на ней не осталось, кроме рулевого у штурвала и младшего штурмана рядом с ним. Незанятые матросы частью собрались на баке, а частью разбрелись — поваляться по койкам.

На море был полный штиль, и барк подвигался черепашьим шагом. Однако казалось странным, что положение его не соответствовало бризу. Он шел правым галсом, совсем не так, как двигался до ухода капитана в рубку. Между тем направление ветра с тех пор ни на йоту не изменилось: было ясно, что «Кондор» переменял курс и, вопреки команде капитана, шел ближе к берегу.

Если бы у руля не стоял Джиль Гомец — опытный матрос, хорошо знавший свое дело, — можно было предположить оплошность или неумение. Притом же рядом с ним находился и Падилла, а этот младший штурман умел не хуже капитана управлять кораблем.

Поэтому он не мог не заметить, что барк рискует наскочить на берег, а сознательное слушание его со стороны штурмана казалось ему недопустимым.

Загадка, однако, скоро выяснилась.

— Хорошо ли вы знаете этот берег? — спросил Падилла, указывая на появившуюся землю.

— Всякий ее дюйм мне знаком, и подходящее для «Кондора» место причала я, конечно, найду без труда. Мыс называется Пунта-Мариета, и надо его обогнуть не ранее вечера; если же мы это сделаем днем, нам может помешать береговой бриз и развернуться будет трудно. Поэтому нам необходимо держаться берега и оставаться под его защитой. Торопиться некуда, а как только стемнеет, мы ускорим ход и, идя вдоль берега, отыщем удобное место.

— Бояться, что Лантанас будет за нами следить, не приходится: обед очень шикарный — я слышал об этом собственными ушами — будет сервирован в кают-компании. Капитан сделает все, чтобы перед предстоящей разлукой угодить своим дамам. Кутеж, наверное, продлится всю ночь. Лантанас напьется вдрызг и тем самым избавит нас от лишних волнений. Похоже на то, что нам адски везет!

— Вообще не о чем беспокоиться, — ответил Гомец, — все и так скоро кончится. Конечно, то обстоятельство, что капитан застрянет внизу, несомненно, облегчит дело. Барышни, верно, после обеда придут на палубу; если же дон Грегорио и шкипер останутся в кают-компании, тогда...

Разговор был прерван склянкой, призывающей вторую смену на вахту. Сделав нужные распоряжения, Гарри Блю стал на дежурство, а Страйкер заменил Гомеца на руле. В ту же минуту на площадке лестницы появилась голова капитана. Увидев его, Гомец стремительно бросился к рулю и изо всех сил дернул его, а Страйкер стал ему помогать повернуть барк по ветру.

— Вот так оказия! — гневно воскликнул Лантанас, поспешно взбежав по ступенькам и выскочив на палубу. Взорам его представился почти по носу высокий мыс. Узнав по нему Пун-та-Мариета, он сразу убедился, что приказания его не были выполнены: иначе барк не оказался бы в данном положении относительно берега.

— Что случилось? — кричал капитан, протирая глаза в надежде, что его обманывает собственное зрение. — Что все это значит? Вы держались берега, тогда как я приказал обратное. Право на борт!

Тот, кто был у руля, тотчас повернул судно по ветру настолько круто, насколько это было возможно, а капитан, грозно обратившись к нему, стал доби-

ваться причины слушания.

По уверениям Страйкера, его дежурство только что началось, а что было до того, ему не известно. Он держит тот же курс, что и в прошлую смену.

Озадаченный шкипер продолжал протирать глаза и осматривать местность. Хотя и в полном недоумении, он начинал уже сомневаться, не сам ли вдался в ошибку. Убедившись, что все поправимо, он, впрочем, тотчас же успокоился, и гнев его быстро остыл.

Вскоре «Кондор», идя по ветру, возвратился на прежний галс, и прежде, чем пробили последние склянки второй вахты, барк шел правильным курсом, чтобы к ночи обогнуть мыс Пунта-Мариета. Затруднение удалось преодолеть благодаря неожиданно налетевшему шквалу. Уже приближалась ночь и с суши тянуло береговым бризом, когда капитан Лантанас, хорошо изучивший карту, понял, что благодаря перемене ветра, всякая опасность миновала. Обладая в высшей степени спокойным характером, он решил, что больше нет никаких оснований волноваться, и направился в кают-компанию, где был только что подан обед.

Глава ХLI ПАНАМА ИЛИ САНТ-ЯГО?

Наступила очередь первой вахты, и на этот раз бой склянок раздался не для матросов, а только ради капитана Лантанаса, чтобы нарушение обычного порядка не возбудило его подозрений.

Команда находилась у трюма на палубе, продолжая обсуждать способы грабежа и насилия, так как срок их выполнения уже приближался.

Общий план был, впрочем, выработан уже раньше, оставалось только решить некоторые подробности.

Крайне тяжело было видеть старшего штурмана среди негодяев. Невольно напрашивался вопрос: куда девались человеческое достоинство и чувство долга британского моряка? Где его честь и верность присяге? Все это было забыто, помянуто, нарушено.

Как на всех собраниях, у совещающихся преступников возникли споры. Первым встал вопрос: где пристать? На этот счет мнения разделились. Многие настаивали на том, чтобы высадиться на ближайший берег. Другие советовали идти дальше, до самого входа в Панамский залив. Во главе последних стоял старший штурман, между тем как Гомец и Падилла держались противоположных взглядов. Под их влиянием большинство требовало высадки у ближайшего берега, как только будет найдено подходящее место, а оттуда переправы в Сант-Яго, главный городок провинции Верагуа.

— Мы можем добраться до берега в течение одного дня, — убеждал товарищей Гомец, — причем пойдем самым кратким путем. Но суть дела вовсе не в этом. Главный вопрос в том, безопасно ли то место, куда мы направимся. За Сант-Яго в этом смысле я могу поручиться. Если со дня моего недавнего отъезда оттуда ни обстоятельства, ни люди там не изменились, то мы у них встретим радушный прием. Надо помнить, что с теми деньгами, которыми мы располагаем, можно подкупить не только всех городских судей, но самого губернатора.

— Значит, этот город самый подходящий — в один голос закричали многие.

— Сначала мы повернем на северо-запад, — пояснил Гомец, — а потом пойдём вдоль берега, пока в рифах нам не попадетсся удачный пролив.

— Как бы не так, — возразил Гарри Блю, раздосадованный тем, что большинство с ним не согласно. — Если мы теперь повернем, то почти наверняка наскочим на скалы. Насколько я могу различить, вдали тянется целая цепь белых бурунов. Как же удастся ее прорезать, не повредив киля?

— Конечно, буруны там есть, — согласился Гомец, — но вовсе не сплошные. Я помню несколько проливов, где не только лодка, но корабль мог бы смело пройти, ничем не рискуя.

— Довольно, товарищи! — нетерпеливо воскликнул Падилла. — Мы только теряем драгоценное время. Барк нужно повернуть и спокойно идти вдоль берега, как предлагает Гомец. Я с ним всецело согласен, но, если хотите, можно решить вопрос голосованием.

— Не надо, все мы согласны!

— Да, решительно все!

— Ну, ладно, товарищи, — нехотя сказал Гарри Блю, видя, что приходится уступить и подчиниться общему решению. — Если вы непременно хотите идти вдоль берегов, я спорить не буду. В конце концов мне совершенно безразлично, пойдём ли мы этим путем, или иным. Итак, идем в Сант-Яго. Но если здесь поворачивать барк, то должен вам сказать, что времени терять нельзя, иначе мы можем разбиться о буруны, и тогда судно очутится в преисподней раньше, чем мы предполагаем.

— На море достаточно просторно, если мы сразу повернем, — сказал штурман.

— Это наше дело, Падилла, — заявил Гомец, гордый тем, что его мнение одержало верх над планами старшего штурмана, и мечтая теперь забрать власть в свои руки.

Падилла удалился и пошел на корму к рулевому, шепнув ему на ухо несколько слов.

Руль был поставлен право на борт, и сообразно с этим барк повернул на северо-запад.

В то же время матросы стали брасопить реи, обтягивая снасти для перемены курса; при этом, вместо обычного в таких случаях пения, царило глубокое молчание: барк казался привидением, а экипаж напоминал загадочные призраки.

До берега оставалось не более десяти миль; на середине этого пространства белели буруны, и их зловецкий рев резко нарушал безмятежную тишину ночи. Судно двигалось замедленным ходом, делая не больше одного-двух узлов, и команда собиралась вскоре спустить лодку, нагрузив ее своей добычей. Так как все это требовало много хлопот и времени, было решено тотчас приступить к делу. Выбор остановился на пинассе, как на лодке, самой удобной для того, чтобы выбраться на берег. Столпившиеся около нее матросы усердно принялись за работу. Легко туда взобравшись, двое из них поставили руль, приготовили весла и багор и стали отвязывать лодку от вант. Другие, держа в руках тали, осматривали их целость.

Придав лодке надлежащий вид, они вернулись на палубу.

Началась новая возня: матросы сновали то на бак, то обратно, таская мешки из парусины и узлы с платьем и другими вещами, нужными для предпола-

гаемой выгрузки.

Бочка со свининой, другая с бисквитами и бидон для воды — все это было собрано и снесено в лодку; не забыли захватить и несколько бутылок рома и вина, взятых из запасов барка.

Все это происходило молча, но без особенной осторожности и таинственности. Бояться, в сущности, было некого, так как кок по окончании обеда вышел из камбуза и, уже в роли буфетчика, ждал в соседней каюте, не понадобятся ли пассажирам его услуги.

Вскоре все было уложено в пинассу. Не хватало только самого драгоценного груза. Так как ночь была на исходе, надо было обсудить последний шаг. Такой серьезный вопрос требовал полного взаимного понимания и согласованности действий, так как шла речь о жизни нескольких человек. Все прекрасно знали, как с ними поступить, но даже самые закоренелые из преступников уклонялись от произнесения последнего слова. По молчаливому уговору, давно уже решено было взять девушек с собой, всех остальных же утопить.

В ожидании того, кто, наконец, осмелится говорить, все хранили молчание. Решительное слово произнес младший штурман Падилла. Прервав долгое молчание, он сказал:

— Берите девушек в лодку, а остальных бросьте за борт — вот и дело с концом!

Несмотря на то что сделанное предложение вполне соответствовало плану, выработанному заговорщиками, оно не встретило сочувствия. Раздались протесты многих присутствующих, и среди них первым, высказавшимся всех громче и смелее, был Гарри Блю. Хотя он и изменил чести и присяге, но еще не опустился до такой степени, чтобы хладнокровно и непринужденно говорить об убийстве. Многие из его товарищей уже не раз были замешаны в таких делах, он же никак не мог привыкнуть даже к мысли о крови. Поэтому, внутренне содрогаясь перед тем, что предлагал Падилла, он решил спросить, нужно ли во что бы то ни стало убивать.

— Я, признаюсь, не нахожу в этом никакой необходимости, — прибавил он в заключение.

— Что ж, по-вашему, надо сделать? — поинтересовался младший штурман.

— Пощадить их.

— Черт возьми! — презрительно воскликнул Падилла. — Вот мудрое решение — как раз для того, чтобы мы очутились на виселице. Вы, очевидно, забыли, что дон Грегорио Монтихо — человек с большим весом, и потому если он когда-нибудь еще станет на твердую землю, то легко найдет, куда нас упрятать за наши деяния. Лучше всех говорит старая пословица: молчать умеют мертвые, а потому, товарищи, следуйте моим советам и сообразуйтесь с ними. Что вы думаете об этом, Гомец?

— Я нахожу, — ответил Гомец, — что в этом отношении все мы должны придерживаться одинаковых взглядов. Мистер Блю высказался против убийства, и я тоже предпочел бы его избежать. К сожалению, имея в виду нашу безопасность, нельзя последовать его совету целиком. Поступить так, как он бы хотел, было бы с нашей стороны безумием, почти самоубийством. Мне кажется, я знаю средство избежать кровопролития и вместе с тем обеспечить нашу безопасность.

— Какое? — спросили сразу несколько человек.

— Очень простое. Оно до такой степени просто, что я удивляюсь, почему оно до сих пор не пришло вам в голову. Мы, конечно, могли бы пустить наш милый барк плыть хотя бы на край света, но он не так скоро исчезнет из виду. Поэтому лучше оставить пассажиров на судне и дать им возможность спокойно скользить с ним вместе до дна.

— Да ведь это же и предлагал Блю!

— Верно, но это не совсем так. Ведь он хотел предоставить им свободу движения по всему барку; в случае его гибели они имели бы возможность спастись на остатках мебели, досках или каких-либо других обломках.

— Что же вы предлагаете сделать с ними?

— Связать.

— Вот еще — недовольно произнес Падилла, которому всякое насилие казалось недостаточным. — Для чего же нам хлопотать? Только лишнее беспокойство. Шкипер, а за ним и знатный старик будут, конечно, сопротивляться. К чему? Так или иначе, все-таки придется стукнуть их по голове или выбросить за борт. Так лучше сразу заткнуть им рот.

— Ну и придумано! — воскликнул Страйкер, до сих пор сохранявший молчание. — Видно, что мы проделали не мало делишек в таком роде. План Гомеца лучше всех, и я тоже кое-что подобное видывал в Австралии, где люди не так кровожадны. Предположив, что шкипер и знатный сеньор захотят сопротивляться, почему бы нам не связать их?

— Вот это верно! — воскликнул Девис, поддерживая Джека Страйкера. — Мой старый приятель в таких вопросах всегда судит правильно. Кроме того, дело представляется мне довольно-таки легким. Нам нужен товар, а другим, по-видимому, нужны девицы. Что же, по-моему, и то и другое добыть можно, и не прибегая к убийству.

— Вот что я вам скажу, — перебил его Гарри Блю. — Как я уже говорил, я против убийств и крови там, где это не вызвано крайней необходимостью. Ведь, в конце концов, если мы оставим их на судне связанными, как предлагает мистер Гомец, то они, наверное, и так потонут, а это избавит нас от неприятности замарать руки в крови.

— Правильно! — закричало несколько голосов. — Возьмем пример с австралийцев и, не отступая от их обычаев, свяжем капитана Лантанаса и дона Грегорио как можно крепче.

Предложение Гомеца было принято единогласно. Все было выяснено и решено. Оставалось назначить время действия и распределить между всеми «работу». Старшему штурману было поручено потопить судно с помощью Девиса, хорошо знавшего плотничье ремесло. На Велардо и Гернандеца была возложена забота о девушках, которых надо было привести в лодку, а на Гомеца — управление лодкой. Младший штурман был поставлен во главе тех, кто должен был захватить золото, а Страйкеру и французу было приказано связать несчастных приговоренных к смерти. Таким образом, план гнусного заговора был разработан до мелочей.

Глава XLII

ПЕРЕПУГАННЫЕ ДЕЛЬФИНЫ

Навстречу верной гибели по гладкой поверхности скользил, подняв свои паруса, барк «Кондор».

Гомец, как единственный матрос, хорошо знакомый с берегом, взял на себя обязанности рулевого. До земли не было и десяти миль: приходилось поэтому с большой осторожностью держать курс вдоль наружного края бурунов. Береговой бриз, впрочем, облегчал путь.

Горы все яснее обрисовывались по правому борту. Гомец старался их припомнить; благодаря яркому свету луны это ему удалось. Трудно было забыть оригинальные очертания двух вершин, посреди которых виднелась седлообразная впадина.

Да, он был уверен, что когда-то уже видел эти двуглавые горы. Однако, хотя они и служили явным признаком знакомой ему местности, ничто не указывало на возможность высадки; ясно было только то, что «Кондор» скоро войдет в большой залив, который врезывается в берег Верагуа.

По мере движения барка открылся вид на обширное пространство воды между берегами, образующее залив в несколько миль шириной.

Но войти туда не позволяли сплошной полосой пенившиеся гребни бурунов.

Пройдя мимо и продолжая держаться уже теперь близкого берега, барк оказался на траверсе относительно двух вершин. Их причудливые силуэты выделялись особенно резко на светлом горизонте, а луна над ними напоминала большую шарообразную лампу. С противоположной стороны, среди скал виднелось открытое пространство воды, и ее темная, невозмутимая поверхность составляла резкий контраст с белыми гребнями по бокам. Еще раз осмотрев местность, Гомец оставил руль и, поручив его датчанину, сам спустился на нижнюю палубу, где все уже были в сборе, чтобы приступить к делу. Страйкер и Ла Кросс запаслись веревками, чтобы связать обреченных, а Падилла и его помощники вооружились ломами, топорами и отмычками для взлома и вскрытия всех хранилищ.

Старший штурман стоял у грот-мачты с зажженным фонарем в руках. Рядом с ним Девис держал бурав, деревянный молот и долото. Они подошли к люку с очевидным намерением спуститься в трюм. Спрятав фонарь под полый своего широкого плаща, Гарри Блю скрывался в тени мачты, как бы стыдясь своего предательства.

Пока остальные были заняты своими делами и никто не мог его видеть, он подошел к противоположному борту барка и стал смотреть на море, причем лицо его, освещенное кротким светом луны, выражало чувства, не поддающиеся никаким описаниям. Никто из физиономистов, самых проникательных, не сумел бы разобраться в этом хаосе переживаний. Можно было только заметить, что самые различные ощущения сталкивались и боролись у него между собой, следуя друг за другом с той же быстротой, с какой меняется окраска у хамелеона. На его лице отражались то преступная алчность, то угрызения совести, то мрачная тень отчаяния. Чем более усиливалась темнота кругом, тем ближе подходил он к краю судна, сосредоточенно глядя на море, как будто

стремясь в него погрузиться и этим путем избавиться от тяготевшего над ним бремени жизни.

Продолжая стоять и, видимо, колеблясь, броситься ли ему в волны, он вдруг услышал нежные голоса, долетевшие до него вместе с бризом, несмотря на шум парусов. Одновременно раздался тихий шелест юбок, и глазам его представились две женские фигуры в белых платьях, с шальями на плечах и с косынками на головках. Выйдя на палубу, они на минуту остановились; луна осветила два лица, таких же прекрасных и сияющих, как ее лучи. Взглянув на море, девушки ушли обратно — помечтать о том, чего они ждали от судьбы.

Вместо того чтобы успокоить его предательское сердце, их появление озлобило Гарри еще сильнее, напомнив ему о мщении и ускорив его развязку.

Отбросив всякие сомнения, он пошел к люку, перескочил через комингс и с фонарем в руках спустился в трюм.

Там ему предстояло совершить дело, которое ни лучи солнца, ни свет луны не могли никогда обнаружить.

Несмотря на тропики и близость к экватору, ночной воздух дышал прохладой. Завернувшись поплотнее в свои плащи, молодые девушки снова вышли на корму и стали молча наблюдать, как за барком, блестя и переливаясь всеми цветами радуги, пенится целый сноп брызг. По бокам судна тянулись и играли на поверхности моря широкие полосы света, блестящие и живые, как те загадочные тела, которые двигались рядом с судном и затихали, когда его ход задерживался. Хотя Кармен и Иньеса проехали всего тридцать миль по Тихому океану, они уже были осведомлены, что это за явление. Они знали, что это акулы и сверкающие своей чешуей, большие по размерам дельфины, которых так боятся панамские и калифорнийские искатели жемчуга. В эту ночь и тех и других было больше, чем до сих пор. Видно было, что наблюдательные хищники заметили спущенную лодку и поэтому надеялись, что добыча еще ближе к ним, чем обыкновенно.

— Ах, что это? — с испугом воскликнула Кармен, почувствовав толчок от дрейфа за кормой.

— Как страшно было бы упасть за борт, прямо в пасть этих чудовищ! Подумать только, какое крошечное пространство отделяет нас от смерти. Посмотри на этих страшилищ внизу. Какие у них громадные и блестящие глаза. Похоже на то, что они готовы вспрыгнуть сюда и схватить нас. Ой, не могу дольше смотреть. Я невольно вся дрожу. Если дольше глядеть на них, может закружиться голова. Дорогая моя, рада ли ты, что скоро нашему путешествию настанет конец?

— Конечно, я об этом не жалею. Но я желала бы, чтобы наши странствования окончились совсем, а это, кажется, еще невозможно. До нашей милой Испании еще так далеко.

— Это-то верно, но время, может быть, теперь пройдет иначе. По Атлантическому океану мы поплывем на большом пароходе, с обширными салонами и спальнями, гораздо более просторными, чем каюты на «Кондоре». При этом мы будем в большом обществе пассажиров, таких же, как и мы. Возможно, что между ними найдутся милые люди, и тогда наше путешествие по Атлантике окажется гораздо приятнее, чем было на Тихом океане.

— Но ведь на «Кондоре» нам было очень хорошо, и я уверена, что капитан Лантанас сделал все, что мог, чтобы скрасить здесь наше пребывание.

— Конечно, он добрый, милый и очень заботился о нас; я всегда буду ему благодарна за это. Но ты согласишься, что нам иногда надоедали его ученые выступления. Ах, Иньеса, я, по крайней мере, чувствовала страшное одиночество, и все это мне ужасно опротивело.

— Отлично понимаю тебя. Тебе нужно общество молодежи, которое развлекало бы тебя. На большом пароходе ты это, вероятно, и найдешь. Чуть не целый полк усатых военных будет на нем возвращаться из Кубы и других колоний. Неужели это не развеселит нас?

— Ничего подобного. Если хочешь знать правду, то не одиночество и однообразие нашего путешествия по Тихому океану меня измучили, а нечто совсем иное.

— Я думаю, что могу догадаться, что такое это «нечто».

— Если можешь, — значит, ты очень умна. Я бы не догадалась.

— Связано ли оно с холодностью прощания и небрежным отношением при расставании? Впрочем, Кармен, ты уже мне обещала, что не будешь больше об этом думать до нашего свидания с ними в Кадиксе, когда можно будет все выяснить.

— Ты ошибаешься, Иньеса. Дело вовсе не в этом.

— В чем же тогда? Ведь не в морской болезни? В таком случае меня надо больше жалеть. Хотя море и спокойно, а я до сих пор от нее страдаю. А ты? Ведь ты же переносишь качку не хуже любого матроса. Тебе-то именно надо сделаться женой моряка, и, когда твой обожатель добьется командования кораблем, ты, наверное, будешь сопровождать его в плавании вокруг света.

— Какая ты забавная.

— Право, кому не захочется скорее очутиться на суше? Я, по крайней мере, ненавижу море. Когда я выйду замуж за своего мичмана, я непременно потребую, чтобы он вышел в отставку и избрал другую профессию, повеселее.

— Представь себе, я сама не знаю и не умею разобраться в своих чувствах.

— Странно это. Может быть, ты жалеешь, что рассталась со своим верным калифорнийским рыцарем де Лара, который в последнее наше свидание лежал распростертый в прах перед тобой. Однако ты должна, по-моему, утешаться тем, что избавилась от него, так же как я от своего несносного ухаживателя — Кальдерона. Тем не менее я часто себя спрашиваю: что могло с ними случиться? Подумать только, что они почему-то даже не пришли с нами проститься. И с тех пор о них ни слуху ни духу. Что-нибудь с ними, наверно, произошло, но что бы это могло быть?

— Я тоже удивляюсь. В самом деле, это странно, хотя мне кажется, что отец что-то о них знает, но не хочет нам сказать. Помнишь, после нашего отъезда в наш дом ночью приходили какие-то люди? Отец думал, что они собирались унести его золото, воображая, что оно еще было там, и, по-моему, он подозревал, что двое из них, — а их было всего четверо — наши старые знакомые — Франциско де Лара и Фаустино Кальдерон.

— Что ты говоришь! — воскликнула Иньеса. — Страшно об этом подумать. Как мы должны благодарить судьбу, что нам удалось благополучно спастись от таких злодеев и покинуть места, где могут жить подобные люди!

— Дорогая, ты как раз затронула главный вопрос. Меня все время мучило воспоминание об этих людях. Уезжая из Сан-Франциско, я ощущала какую-то странную тяжесть на сердце, точно предчувствие, что наша встреча с ними

еще не последняя. И этот страх неотступно преследует меня. Я не знаю, в чем тут дело. Может быть, в том, что я слышала о де Лара. Он не из тех, кто легко мирится с поражением, особенно если тут замешано самолюбие; поэтому, конечно, он будет стараться отомстить за то унижение, свидетельницами которого нам пришлось быть. Мы ждали дуэли. Вероятно, она бы и состоялась, если бы английский корабль в это время не ушел. Но это, во всяком случае, не помешает дону Франциско последовать за Кроуджером и постараться каким бы то ни было способом его убить. Я боюсь, что он уже отправился за ним в погоню.

— Что ж из того? Твой жених сумеет за себя постоять, так же как и мой, если бы в дурацкую голову Кальдерона пришла фантазия гнаться за ним. Оставим их в покое, пока они нас не трогают, а это для них довольно затруднительно, принимая во внимание далекий путь в Испанию.

— Ну, я в этом вовсе не уверена. Для таких людей все дороги хороши. Такие записные картежники странствуют по всем частям света и находят себе применение во всех городах вселенной. Почему им не избрать и Кадикса? Но есть еще одна вещь, которую я скрыла от тебя, Иньеса, боясь твоих насмешек. С тех пор, что мы на корабле, я уже много раз переживала самый настоящий испуг...

— Испуг? Какой испуг?

— Скажу тебе, если ты только обещаешь не смеяться надо мной.

— Обещаю.

— Возможно, впрочем, что это только плод моего расстроенного воображения.

— Воображения? Продолжай, милая, я стораю от нетерпения.

— Я имею в виду здешних матросов. У них нехорошие лица, а некоторые из них совершенные демоны. Один из них не раз меня сильно пугал. Поверишь ли, Иньеса, у него совсем такие глаза, как у де Лары. Черты лица тоже похожи на черты Франциско, разница только в том, что матроса длинная борода и усы, тогда как у того их нет. Возможно, что сходство случайное, но все же я испугалась, когда заметила это впервые; особенно же это поразило меня сегодня утром, когда я встретила здесь этого человека. Он стоял у руля совершенно один и управлял им. Несколько раз, когда я оборачивалась, я видела, что он самым дерзким образом смотрит на меня. Мне пришла в голову мысль пожаловаться капитану, но вспомнив, что наше путешествие уже близится к концу...

Ей не пришлось договорить, так как в этот самый миг на палубу вскочил человек — именно тот матрос, который так походил на де Лару. Слегка наклонившись, он сказал:

— Конец вашего путешествия не так близок, сеньора, как вы полагаете, и вам придется его еще продолжить. А пока — отправитесь на берег, — прибавил он с иронической улыбкой. — Лодка спущена, и так как я люблю совмещать приятное с полезным, то я и взял на себя обязанность вас туда отвезти.

Пока он говорил, к Иньесе подошел другой матрос, Гернандец, в том же тоне предложивший ей свои услуги.

Несколько секунд, пораженные этой неожиданностью, девушки хранили молчание.

Ужас и страх овладели ими, когда они поняли свое положение. Отчаянный

крик вырвался у них из груди. Они сделали попытку высвободиться из объятий насильников и убежать в кают-компанию.

Им, однако, не удалось сделать ни шагу. Сильные руки, схватив их, перебросили через гакаборт. Мешки, накинутые на головы, заглушали их вопли и мешали дышать. Ничего не видя и плохо слыша, они все-таки ясно сознавали свою участь, так как чувствовали, что их подняли над перилами судна и спустили в лодку. Лежа на дне, они не могли пошевелинуться; им казалось, что они очутились в пасти тех дельфинов, которые плыли рядом с «Кондором».

Глава XLIII ПОКИНУТЫЙ КОРАБЛЬ

Одновременно с похищением на палубе в каютах «Кондора» происходила сцена, достойная ада, каким его изображали на старых картинах.

Капитан и дан Грегорио, сидевшие еще за десертом и вином, услышали шаги на лестнице, тяжелые и поспешные, не похожие ни на какую женскую походку. Это были не Иньеса и Кармен — они ведь только что ушли — и не кок, так как его раздраженный голос раздавался еще наверху. Он громко защищался от кого-то, кто, схватив его на камбузе, швырнул на скамью и расправился с ним линьком.

Сидевшие в кают-компании ничего не могли понять. Слыша угрозы и крики, они не успели опомниться, как дверь широко распахнулась и в нее ворвались несколько матросов с младшим штурманом во главе. Сидевший прямо против двери Лантанас первый увидел их.

В следующее мгновение обернулся и дон Грегорио. Спрашивать о причинах вторжения никто из них и не думал. Решительный вид и свирепое выражение лиц ворвавшихся достаточно ясно говорили о том, что всякие вопросы бесполезны.

В одну минуту приговоренных прикрутили к стульям так крепко, что они не могли сделать ни одного движения, и, засунув кляп между челюстями капитана, один из преступников положил конец страшному потоку угроз и проклятий, срывавшемуся с уст Лантанаса; другой так же быстро заткнул рот дону Грегорио. Затем приступили к грабежу. Взломав ящики, достали мешки с золотым песком и погрузили их в лодку, куда уже уселась большая часть грабителей. Только один из них, Падилла, все время настаивавший на убийстве, остался в каюте. Стоя около своих беспомощных жертв, он, по-видимому, приняв какое-то дальнейшее решение, выбил кляпы, всунутые у них между зубами, и произнес с величайшим презрением:

— Черт возьми, не могу же я допустить, чтобы, сидя у такого роскошного стола, джентльмены не могли полакомиться и уютно поболтать между собою. — Затем, обратившись к капитану Лантанасу, прибавил: — Вы, видите, капитан, что я нисколько не злопамятен, иначе я не стал бы ухаживать за вами после всех оскорблений, которыми вы осыпали меня как младшего штурмана. А вы, дон Грегорио Монтихо, очевидно, забыли меня, но я-то вас хорошо помню. Может быть, вам удастся восстановить в памяти одно обстоятельство, имевшее место лет шесть назад, в то время как вы были губернатором? Вы, может быть, потрудитесь вспомнить, как позорно и жестоко вы наказывали попытавшего счастья в контрабанде, притом самой мелкой. Этот контрабан-

дист был я, стоящий теперь перед вами, и вот за эту гнусность я пришел вам отомстить. Пожалуйста, не стесняйтесь, джентльмены, пейте вино и кушайте десерт. Вы не успеете окончить вашего пира, как барк вместе с вашими досто-почтенными особами очутится на дне морском.

На палубе никого уже не было, когда Падилла, торопливо пройдя к шкафу-ту и хватаясь за перила палубы, спустился в пинассу. Там все уже было уложено, и гребцы, готовые отчалить, сидели на веслах. Но в сборе были не все. Не хватало старшего штурмана и Девиса, которые еще оставались на барке.

Многие из команды, конечно, были не прочь тотчас же сняться с якоря и бросить отставших на произвол судьбы; младший штурман и испанцы открыто высказывались за это, но Страйкер восстал против такого предательства. Несмотря на всю свою низость, бывший каторжник хотел остаться верен тому, кто заговорил с ним на доступном ему языке. Свое мнение по этому поводу он отстаивал так решительно и энергично, что к нему тотчас же примкнули голландец, датчанин, Ла Кросс и даже Гарри и Слеш.

Тогда Падилла, видя, что на его стороне меньшинство, воскликнул:

— Ведь я же шутил: никто бросить их не собирался, а если бы мы так поступили, то оказались бы самыми подлыми предателями, — добавил он с деланным смехом.

Не обращая внимания на всю эту ленивую болтовню, Страйкер стал громко звать отсутствующего Гарри Блю и своего старого приятеля; вскоре на палубе показался Девис; старший же штурман был, судя по голосу, где-то недалеко, но еще не появлялся. Стоя у фок-мачты, он как будто поднимал что-то кверху, но набежавшие тучи закрыли луну, и было трудно рассмотреть, что у него было в руках.

— Алло, Блю! — снова закричал Страйкер. — Куда вы запропастились? Идите скорее сюда, а то наши испанцы грозили отчалить без вас.

— Черт побери! Никогда этому не поверю, — сказал Блю, спускаясь в лодку.

— И хорошо делаете, что не верите. Ничего подобного не было. Мы боялись только, что вы, замешкавшись на палубе, могли бы вместе с барком пойти ко дну.

— Ну, положим, этого нечего бояться, — возразил старший штурман, — до этого еще далеко. А как насчет руля? Поставили ли вы его так, чтобы «Кондор» мог двигаться? Не забыли?

— Нет, нет, — ответил тот, кто был у руля в последнюю смену.

— Ну, отдай концы! Ветерок погонит барк прямо в океан, и еще до восхода солнца он исчезнет из виду. Отчаливай! В дорогу!

Весла опустились и подняли целый сноп брызг. Пинасса, отходя от барка, гордо повернула к берегу, а «Кондор», предоставленный судьбе и ветрам, с поднятыми парусами скользил по волнам, в неведомую даль океана.

Осторожно продвигаясь вперед, пираты прошли буруны и стали приближаться к берегу. Перед ними возвышались все те же две вершины гор, между которыми заходила луна. Берег прерывался маленькой бухтой в форме лошадиного копыта, и вокруг нее теснились невысокие скалы. Несколькими сильными взмахами весел лодка очутилась в бухте и быстро поплыла к ее заднему краю.

В то время как киль царапал каменистое дно, сверху раздался целый хор испуганных и жалобных криков морских птиц; этот крик звучал как злове-

щий сигнал бедствия. Некоторые из птиц летели со взморья, а другие с каменной гряды, тянувшейся серой полосой вдоль подножия гор.

Крик морского орла напоминал смех безумного, но вся эта какофония ласкала слух пиратов, как доказательство полного безлюдья и необитаемости берега, к которому они решили причалить.

Привязав лодку, преступники вместе со своими пленницами, покорными и беззащитными, высыпали на берег и стали поблизости искать места для ночлега, так как идти далеко было уже слишком поздно. Им удалось найти на небольшой высоте, в несколько футов над уровнем моря поляну, покрытую густой травой и вполне удобную для лагеря. Небо между тем стало покрываться тучами; так как каждую минуту мог разразиться ливень, пришлось притачить парус и устроить тент. Однако это оказалось излишним, так как они набрали на целый ряд пещер, в которых весь экипаж мог прекрасно укрыться. Сталактиты их, освещенные фонарем, захваченным с барка, переливались и сверкали, как хрустальные подвески на канделябрах. Расположившись в самых разнообразных позах на плащах, парусиновых мешках, а кто и прямо на камнях, пираты принялись за вино, взятое с барка; сопровождая свою попойку болтовней, пением и шумом, они наполнили безмолвие ночи непривычным здесь разгулом. Хорошо, что пленницы были избавлены от участия в этой оргии; им предоставили маленькую пещеру, завесив вход парусом, который спасал их от нескромных взоров.

Об этом позаботился Гарри Блю, в душе которого еще сохранилась искра порядочности.

В то время как попойка шла своим чередом, тучи разрядились, и сверкающие зигзаги молнии, с раскатами грома, прорезали небосклон.

Ветер гнал целые потоки дождя. Это был настоящий тропический шторм, неукротимый, но краткий. Он продолжался не более часа, с невероятной силой ударяясь как раз в ту часть берега, где была привязана пинасса, и привязана притом очень небрежно.

Во время отлива разбушевавшееся течение отнесло ее к коралловым рифам, где она и разбилась вдребезги. Ее жалкие обломки рассыпались во все стороны и на гребнях пенистых волн унеслись в необъятную даль.

Глава XLIV ДВА ТАРКВИНИЯ

Был второй час ночи. После шторма наступил полный штиль, и в бухте, к которой пристали пираты, царила невозмутимая тишь.

Морские птицы вернулись в свои гнезда, смирно сидели в них, ничем не нарушая ночного безмолвия.

Только изредка раздавался пронзительный крик морского орла, когда слишком близко пролетал какой-нибудь ночной хищник и будил ревнивую ярость пернатого тирана. Глухой шум бурунов и легкое журчание волн, ударявшихся о берег, покрытый раковинами и кораллами, дополняли картину этой ночи.

Время от времени из воды высовывалась щетинистая морда маната, издававшего пронзительный вопль, напоминавший стоны умирающего или рыдания человека, убитого горем.

Людские голоса тоже умолкли, так как разбойничий кутеж наконец прекратился; затихли скверные песни и пьяный хохот, до того сливавшийся с монотонным плеском волн в нестройный, раскатистый гул. Напившись допьяна, злодеи лежали на полу пещер; во всех углах слышались храп и сопение. Но не все были тут, и не все заснули.

Двое преступников вышли наружу, собираясь приблизиться к гроту, занятому пленницами. Так как луна уже скрылась, трудно было рассмотреть их лица, но благодаря отражению света на поверхности моря можно было заметить, что вместо матросской куртки на них был национальный костюм калифорнийских испанцев. На головах у них были шляпы с широкими полями; сборчатые брюки с разрезами были спущены до лодыжек, а на плечи были накинута плащи из особого сорта сукна, которые выделяются только в Мексике. Цвет этих плащей было трудно различить в темноте, но казалось, что один из них — красный, другой — голубой.

В таком одеянии нельзя было узнать Гомеца и Гернандеца. Однако это были именно они.

Без всякого страха или особой осторожности они подошли к гроту, разговаривая вполголоса.

— Мне кажется, дружище, — сказал Гомец, — наше дело обстоит так, что нам лучше всего оставаться здесь, пока мы не устроим все, как хотели. Можно будет послать за патером, чтобы он пришел сюда. Говоря правду, я понятия не имею, когда мы доберемся до цели нашего путешествия. От Сант-Яго мы еще далеко, а идя туда с таким грузом, как у нас, мы рискуем быть ограбленными в пути. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ну, конечно.

— Нам необходимо принять некоторые предосторожности. Первое, о чем нам надо подумать, — это не пускаться в путь до того, как мы поженимся с нашими милыми. Посланцем можно избрать Рафаэля или, в крайнем случае, дона Мануэля. Я в двух словах сумею неопровержимо доказать ему, что необходимо привести духовное лицо, которое будет в состоянии обвенчать нас надлежащим образом. Тогда мы получим возможность без всякого страха, даже наоборот, окрыленные розовыми надеждами, продолжить наше плавание, а

наш медовый месяц проведем в Сант-Яго.

— Великолепная перспектива!

— То-то я и говорю, что лучше пожениться до отъезда.

— А как остальные? Будут они присутствовать на нашей свадьбе?

— А почему бы нет?

— По самой простой причине. Мы ведь решили с самого утра разделить нашу добычу. Когда это будет сделано, я и предложу, чтобы все разбрелись, кто куда хочет.

— Ты думаешь, что они согласятся?

— Непременно. Это для всех безопаснее. Если мы и дальше будем двигаться вместе, все двенадцать, не говоря уже о двух женщинах в придачу, то истории о кораблекрушении никто не поверит. Сообразив это, старики из собственных интересов, конечно, согласятся. Положись на меня: уломать их я всегда сумею. Шаферами будут у нас Падилла и Велардо; единственное, что нам не хватает, — это пары дружек для невест.

— Ха! Ха! Ха! — рассмеялся Гернандец.

— А теперь подумаем о невестах. Ведь мы еще не сделали им формального предложения. Правда, однажды мы пытались это сделать, но нас постигло полное разочарование. Теперь нам это не грозит.

— Я думаю, мы и теперь можем рассчитывать на полный отказ.

— Полный или неполный, мне решительно все равно. Знаю только, что дня через три, а может быть и раньше, я назову своей женой Кармен Монтихо. Однако идем! Мне не терпится повергнуть к ее ногам мое сердце и руку.

Гомец, а за ним и его друг направились к гроту, намереваясь, подобно двум Тарквиниям, нарушить сон невинности.

Хотя в пещере было темно, но там не спали. Несчастные пленницы переживали величайший страх, какой только можно себе вообразить. Самый острый его момент прошел, наступило внешнее успокоение, но это было обманчивое затишье отчаяния и смертельного горя. Они предпочли бы теперь умереть. В том, что им грозит неминуемая смерть, они не сомневались. Еще находясь в лодке, они слышали разговор своих врагов, споривших о судьбе судна, и значение этих слов для них было более чем ясно. Прошло уже достаточно времени, чтобы барк со своими жертвами, живыми или мертвыми, пошел ко дну.

Сознание, кого они лишились, причиняло девушкам невыносимую боль; причина заговора и вся картина чудовищного преступления были им ясны. Увы! Все это было непоправимо.

Однако чаша испытаний не была еще выпита до дна. Им еще грозила опасность, о которой они боялись не только говорить, но и думать. Что их ожидает? Трудно было ответить на этот вопрос. Однако среди туманных и сбивчивых мыслей, проносившихся в их сознании, одно опасение, возникавшее и раньше, мучило их неотступно.

— Я теперь больше, чем когда-либо, уверена, — сказала Кармен, — что мы с тобой, Иньеса, находимся во власти известных нам людей; то, что мы сегодня слышали, конечно, подтверждает мои догадки.

— Тогда мы погибли, и только чудо могло бы нас спасти.

— Да, только чудо! Нас ждет верная гибель.

Под гнетом тяжелого горя, потеряв свою обычную жизнерадостность, гордые испанки не знали, что предпринять. Доведенные до полного отчаяния,

они только друг в друге могли искать поддержку. Неужели же в эти страшные минуты никто не протянет им руку помощи? Даже английский моряк, которому они так доверяли, оказался предателем.

— Неужели нам предстоит такая ужасная участь?

— Постараемся сохранить спокойствие духа, — ответила Иньеса, — в этом наше единственное спасение.

Молодые девушки глубоко задумались. Вдруг снаружи раздался какой-то шум, сразу вернувший их к сознанию действительности.

Вслед за этим раздались голоса, и в пещеру вошли двое мужчин.

— Просим прощения, сеньориты, — произнес один из них, — что мы так невежливо вторгаемся к вам, но к этому принуждают нас важные обстоятельства. Надо надеяться, что вы не будете требовать от нас теперь соблюдения той учтивости, с которой мы всегда к вам относились.

После этого странного вступления говоривший умолк, наблюдая за впечатлением, какое произвели его слова. Не получив никакого ответа, он продолжал:

— Донья Кармен, мы с вами старые знакомые, хотя вы, может быть, и не помните моего голоса. Это, впрочем, и не удивительно, принимая во внимание, что в ваших ушах все еще звучит шум моря. Чтобы оживить ваши воспоминания, зрение, вероятно, окажется действительнее, чем слух. Позвольте мне облегчить вам эту задачу.

С этими словами испанец поднял фонарь, до сих пор скрывавшийся в складках плаща. В его ярком свете Кармен и Иньеса тотчас узнали Франциско де Лару и Фаустино Кальдерона.

Перед ними предстали их отвергнутые поклонники, но не переодетые матросами, как было до этого, а во всем великолепии калифорнийских костюмов, тех самых, что были на них в день их последнего посещения.

— Итак, мы с вами опять встретились, сеньориты, — продолжал Франциско де Лара. — Надеюсь, наше немного неожиданное присутствие не может вам быть неприятно.

Его оскорбительные слова опять остались без ответа.

— Если вы не отвечаете, значит, вы недовольны, да и вид у вас очень печальный. Напрасно, бояться вам нечего.

— Конечно, — подтвердил Кальдерон. — Никакого зла мы вам не причиним.

Наконец Кармен решила прервать молчание и голосом, полным негодования и упрека, сказала:

— Дон Франциско де Лара и дон Фаустино Кальдерон, чем мы провинились перед вами, что вы пошли на такое преступление?

— Не увлекайтесь, милая Кармен. Преступление — слишком жестокое слово. Никакого преступления мы не совершали.

— Это ли не преступление? Отец, бедный мой отец!

— Не беспокойтесь о нем. Он в безопасности.

— В безопасности? Убитый или под угрозой смерти.

— Нет, нет, это все выдумки! — возразил Лара, новой ложью усиливая свою вину. — Дон Грегорио вовсе не там, где вы думаете. Он не лежит на дне моря, а преблагополучно плывет на его поверхности и может на ней держаться сколько угодно. Но бросим этот разговор, который, видимо, вас волнует, и лучше по-

беседуем о настоящем, то есть о нас самих. Вы спрашиваете, чем вы нас обоих обидели? Пусть Фаустино Кальдерон сам ответит на это милой Иньесе; вам же, Кармен, отвечу я, но с глазу на глаз, без свидетелей.

С этими словами он взял Кармен за руку и отвел в сторону. То же сделал и Кальдерон с Иньесой.

Когда две пары оказались на достаточном расстоянии друг от друга, де Лара заговорил:

— Да, донья Кармен, вы меня оскорбили, и, с вашего позволения, оскорбили вдвойне.

— Каким это образом, сеньор? — спросила девушка, высвободив свою руку и презрительно отталкивая его от себя.

— Как? Да тем, что вы заставили меня полюбить вас и поверить, что вы разделяете мое чувство.

— Вы лжете! Этого никогда не было!

— Неправда, донья Кармен, неправда. Это вы лжете, отрицая истину. Это — первое оскорбление, в котором я вас обвиняю. Второе заключается в том, что вы меня оттолкнули, как только убедились, что довели меня до безумной любви. Но вы видите теперь, что это бесполезно. Мы опять вместе и никогда не расстанемся, пока я не добьюсь полного удовлетворения за обе нанесенные вами обиды. Я уже много раз намекал, а теперь говорю определенно, что вы сделали большую ошибку, кокетничая с Франциском де Ларой.

— Яс вами никогда не кокетничала, сеньор! Что это значит? Если вы настоящий мужчина, то сжальтесь надо мной. Чего вы хотите? Чего вы добиваетесь?

— Ничего такого, что вызывало бы столь ужасное волнение. Наоборот, я вас привез сюда вовсе не для того, чтобы вам мстить. Вы, наверное, оцените все, что я для вас сделал, если я скажу вам (у нас нет ни возможности, ни времени долго беседовать), что я собираюсь жениться на вас и хочу, чтобы вы стали моей женой.

— Вашей женой?

— Да, моей женой. Вам не следует этому удивляться или притворяться пораженной. И восставать против этого тоже труд напрасный. Я так решил, и вам, сеньорита, придется выйти за меня замуж.

— Выйти за убийцу моего отца! Можете убить меня, но я никогда не соглашусь на это.

— Я и без вас знаю все, что вы мне скажете. Но убивать вас я не собираюсь. Напротив, я всячески постараюсь сохранить вам жизнь, чтобы испытать на деле, какой женой вы окажетесь. Если вы будете хорошей женой, то мы проживем с вами прекрасно, несмотря на маленькие недоразумения, возникшие между нами. Если же наш брачный союз окажется неудачным, тогда я расторгну его тем путем, каким вы пожелаете, или же каким-нибудь иным способом. Когда пройдет наш медовый месяц, я предоставлю вам самый выбор. Так вот мои условия, донья Кармен. Надеюсь, вы их находите вполне приемлемыми?

Она не возражала. Гордая девушка онемела от негодования; она не могла не сознавать, что все ее слова были бы напрасными. Помимо гнева, она была угнетена страхом и дрожала при мысли, что ее ждет или смерть, или бесчестье. Первое — если она не согласится на подлые происки убийцы своего отца,

второе — если она выйдет за него замуж.

Злодей продолжал ее уговаривать и закончил свою речь новыми угрозами.

Измученная вконец, она стала с отчаянием умолять:

— Убейте меня, убейте меня!

В то же самое время и в тех же выражениях Иньеса отвечала своему жестокому преследователю, постепенно заставившему ее отойти в самый угол пещеры.

Наступившее молчание было прервано де Ларой:

— Ну, мы покидаем вас, сеньориты. Ложитесь спать, не опасаясь ничего дурного с нашей стороны. Не сомневаюсь, что, отдохнув и выспавшись, вы увидите все в другом свете. В одном только будьте уверены: избежать вашего плена вы можете не иначе, как переменив свои фамилии. Впрочем, это неизбежно произойдет даже и в случае вашего отказа. Да, Кармен Монтихо, меньше чем через неделю вы превратитесь в донью Кармен де Лара. А вы, Иньеса Альварец, будете Иньесой Кальдерон. Не думайте, что это имя вас унизит; оно одно из самых знатных в Калифорнии и нисколько не хуже вашего или какого-либо иного имени в Испании.

— До свидания, сеньориты, спокойной ночи!

Кальдерон повторил то же пожелание, после чего злодеи спустили парусину и вышли за дверь, взяв с собою и фонарь. Пещера погрузилась в полный мрак. Девушки отыскиали друг друга ощупью и, обнявшись, обессиленные горем, упали на пол пещеры.

Глава XLV НАВСТРЕЧУ ОКЕАНУ

На Южном море начинался новый день. Когда над гребнями Кордильер Центральной Америки появляется золотой шар, напоминающий высоко подвешенную огромную лампу, лучи солнца разливаются и сверкают по всему необъятному океану.

На протяжении многих градусов широты стоит непрерывный свет, превращающий ночь в вечный день. Наблюдатель, обративший взор к западу, увидел бы на блестящей, обширной водной поверхности предметы, которые не могли бы обрадовать Бальбоа. В его время только грубые индейские бальзы или хрупкие перигуа могли робко пробираться вдоль берега; теперь же в безбрежном открытом море можно было увидеть громадные корабли с широкими белыми парусами и даже пароходы с железными трубами, изрыгавшими густой черный дым. Однако в ту пору суда встречались здесь не особенно часто, так как торговые сношения Тихого океана всегда были куда слабее, чем Атлантического.

В то утро, о котором идет речь, можно было заметить только один-единственный корабль. Он шел по направлению к океану, а не к берегу, который он, видимо, только что покинул.

В лучах восходящего солнца судно выделялось белым пятном на лазоревом фоне моря, а его поднятые паруса казались не больше крыльев чайки. Тем не менее опытный моряк мог бы рассмотреть в телескоп, что это было небольшое судно, с косыми мачтами, какие обычно бывают на барках. В подзорную трубу можно было прочесть на корме имя: «Кондор». Если бы, невзирая на

все происшедшее, кто-нибудь мог бы попасть на судно, то увидел бы пустые палубы, а на руле не застал никого, хотя паруса были подняты и лиселя поставлены.

Два чудовища с ржавой щетиной, имевшие отдаленное сходство с человеком, опрокинутый бак, опустошенные сундуки матросов и развязанные мешки, а в камбузе на лавке черный негр, привязанный к скамье, — все это поразило бы посетителя. Но еще удивительнее был вид кают-компаний. За роскошно сервированным столом, с двух его концов, сидели люди, даже не приподнявшиеся со своих мест, как того требует учтивость, а как будто прикованные к стульям, с выражением полного отчаяния на лицах. Такую непередаваемую картину представлял чилийский корабль на другое утро после описанных выше событий.

Это была страшная ночь для трех несчастных, оставленных на «Кондоре», особенно же для тех, кто сидел у стола, потому что, помимо тяжести заключения, их терзали другие мысли, переполнявшие через край чашу их испытаний. Оба долго сопротивлялись, прежде чем уступить дикому насилию. Даже кроткий шкипер, сколько мог, отбивался, боролся и угрожал, пока его не связали по рукам и ногам. Дон Грегорио сначала тоже сопротивлялся изо всех сил, а потом старался разжалобить своих врагов, но и то и другое, конечно, было напрасно. Не потеря сокровищ, составлявших главную часть его состояния, сокрушала его, а те женские вопли, которые в эту минуту донесли до него.

Кармен и Иньеса были, очевидно, похищены злодеями, и их внезапно прекратившиеся крики будили в нем еще большую тревогу и опасения за их жизнь. Впрочем, смерть была для несчастных девушек самым лучшим исходом: страшная неволя, на которую они были обречены, могла повлечь за собой еще худшие несчастья, рисовавшиеся дону Грегорио в самых мрачных красках.

А где же был старший штурман? Вероятно, его тоже убили в момент, когда он пытался защитить обреченных на смерть. Сам честный и доверчивый, капитан не мог себе представить, чтобы Гарри пошел против него. Точно так же и дон Грегорио никогда не поверил бы, что тот, кого ему так хвалили, оказался изменником.

Пока они терялись в догадках, сомнения их разрешились самым неожиданным образом: они услышали голос Блю, раздававшийся среди голосов мятежников. В его тоне не чувствовалось ни негодования, ни протеста, а, наоборот, дружелюбие, с каким сообщник должен был обращаться к своим товарищам.

Сначала они слышали, как его позвал Страйкер и как Гарри тотчас отозвался, а затем в открытые иллюминаторы ясно донесся весь разговор старшего штурмана. Онемев от удивления и глубоко потрясенные этим открытием, они некоторое время молча смотрели друг на друга и опомнились только тогда, когда почувствовали сильный толчок от отчаливавшей лодки.

Сидя против иллюминатора, дон Грегорио хорошо видел все, что происходит на море. Когда зыбь поднимала нос корабля и корма опускалась, вдали, на поверхности моря, можно было заметить двигавшееся вперед небольшое черное пятно, постепенно удалявшееся от барка. Это была лодка, наполненная людьми, шедшая на веслах и поднимавшая с обеих сторон сверкающие серебристые струи. Не удивительно, что обращенные на нее взоры дон Грегорио

выражали напряженное внимание и сердечную тревогу. Ведь она уносила в неопределенную даль все, что ему было дорого; при одной мысли об ужасе, ожидающем впереди Кармен и Иньесу, сердце старика болезненно сжималось.

На горизонте виднелся берег, к которому направлялась лодка, между тем как «Кондор» шел к открытому морю, отчего разделявшее их пространство все увеличивалось.

При ясном свете луны можно было еще довольно долго различить черное пятно, пока наконец, попав в тень берега, окаймленного высокими скалами, лодка не скрылась из виду.

— Все погубило, все! — вздыхал дон Грегорио, опустив голову на грудь и всей своей позой выражая безнадежное отчаяние. И он и Лантанас совершенно умолкли, убедившись, что их жалобы и угрозы напрасны, так как вся команда, не исключая и старшего штурмана, покинула барк.

Впрочем, на борту его оставался еще один верный товарищ — черный кок. Хотя его голос и доносился до них, но очень издалека и, полный стонов и жалоб, не мог придать им бодрости. Помочь негру тоже не было никакой возможности, так как не подлежало сомнению, что и он был связан.

Когда первые лучи солнца проникли в иллюминатор, дон Грегорио убедился, что берега уже не видно и их окружают только небо и море. Лантанас не мог видеть и этого. Его лицо было обращено к стене, а привязан он был так крепко, что не был в состоянии повернуть голову.

Бриз гнал судно в великое Южное море, где в течение целых недель и месяцев, никем не замеченное, оно могло лавировать в безбрежных морских глубинах до тех пор пока, наконец, не сгнили бы его шпангауты и не сломались бы мачты. Потрясающая перспектива представлялась несчастным, прикованным к накрытому столу кают-компании. Яркий свет солнца вместо бодрящей радости принес им только уверенность, что для них нет и не может быть спасения.

Ни на один миг не сомкнув глаза за последние сутки, измученные и совершенно растерянные, они сидели с видом людей, отупевших от долгого ночного кутежа. Нетронутыми стояли перед ними стаканы с вином и вазы с фруктами. Ни аромат их, ни красота не могли соблазнить их, да они и не были в состоянии до них дотянуться, несмотря на то что все это стояло совсем близко от них.

Пристально глядя друг на друга, они спрашивали себя с надеждой: не сон ли это? Трудно было поверить в реальность того, что они пережили.

Грубое вторжение преступников, возмутительное насилие, взлом шкафов и ящичков, грабеж золота и похищение девушек — все это представлялось им фантазией, галлюцинацией, бреднями больной головы...

Глава XLVI

ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС

То же солнце, которое озаряло своим светом покинутый барк, сияло и над берегом, где накануне расположился вероломный экипаж «Кондора». Первые солнечные лучи, падая на острые гребни, осветили в то же время и маленькую полукруглую бухту, над которой выступал крутой обрыв.

Ряд подводных рифов, омываемых водами и кое-где поросших сорной травой, тянулся поперек бухты, с проходом в виде ворот посредине. Сильное морское течение, не достигавшее, впрочем, подножия скал, врывалось в него, с яростью разбиваясь о соседние рифы. Между этой каменной грядой и берегом лежало плоское нагорье; добраться до него можно было только сверху, по склону лоцины, которая служила руслом ручья, наполнявшегося водой только во время дождя. Пространство его не превышало одного акра и занимало внутреннюю впадину полукруга. Окружавший его, точно цепью, сухой тростник мешал разглядеть берег; только незначительная часть его виднелась сквозь проход в бухте. Вдали за скалами ревел море.

Такова была местность, где в прошлую ночь пираты расположились лагерем. Когда взошло солнце и осветило все вокруг, почти ничто не указывало на присутствие здесь людей. Один только человек сидел на камне и дремал, иногда вскакивая спросонок и хватаясь за ружье, стоявшее у него между ног. Но вскоре он снова выпускал его из рук и засыпал. Если б от него требовалась особая бдительность, он, очевидно оказался бы плохим часовым; но особый надзор здесь был не нужен. Кругом не было не только врагов, но и людей вообще. Единственными живыми существами являлись морские птицы, с пронзительным криком пролетающие к скалам.

Когда солнце взошло совсем, человек вскочил на ноги и, подойдя к главной пещере, заорал:

— Выходите, товарищи! Солнце взошло, пора двигаться!

С шумом высыпали из пещеры, зевая и потягиваясь, один за другим матросы. Первый из них, взглянув в море, предложил освежиться купанием в бухте и тотчас устремился туда. Остальные последовали за ним. Чтобы добраться до воды, им надо было пройти поперечные рифы, а во время отлива это оказывалось невозможным. Инициатор этой затеи, бросив взгляд на бухту, вдруг остановился пораженный.

— Лодка уплыла! — вскрикнул он.

Если бы преступники могли предвидеть последствия этого события, они, наверное, иначе приняли бы это известие. Но в ту минуту эта потеря не внушала им никаких опасений.

— Ну ее к черту! — заявил один из матросов. — Нам теперь лодки не нужны!

— Лошадь была бы нам куда полезнее, вернее, целый табун, — подхватил другой, а третий прибавил со смехом:

— Достаточно было бы и дюжины ослов, чтобы уложить наши пожитки.

— Все-таки интересно знать, что случилось с нашей старой пинассой, — сдержанно заметил тот, кто прошел вперед.

Все принялись подробно припоминать место, где была привязана лодка и

откуда она исчезла.

— Не удрал ли кто-нибудь на ней?

— Нет! — отвечали все хором. И только Страйкер, особенно огорченный ее исчезновением, заявил:

— По-моему, отлив унес ее к бурунам, и там она разбилась на куски.

Все решили, что лодка была плохо привязана, фалень, вероятно, был гнилой, и потому неудивительно, что она не выдержала напора волн во время шторма или отлива. Впрочем, никто об этом особенно не горевал, и все, быстро раздевшись, бросились в воду. Вдоволь насладившись купанием, грабители вернулись в пещеру и там облачились в одежду, более подходящую к их новым жизненным условиям; старое засаленное платье было выброшено и заменено обыкновенными костюмами, захваченными с барка.

Наряженные, каждый по собственному вкусу, они решили все собраться, чтобы выработать дальнейший план действий. После завтрака настал самый важный момент — решено было делить добычу.

Дележ закончился довольно быстро и без особых тревожностей. Золотой песок был извлечен из ящиков и поровну отмерен чашечкой. Никто не знал в точности, сколько он получил, считая на деньги. Получив на руки свою часть, каждый из пиратов принялся укладывать свое добро и готовиться в путь. Перед всеми сразу возник вопрос: куда направиться? И вместе или порознь? Второе предложение, сделанное Гоцецом, нашло поддержку в лице Падиллы, Гернандеца и Велардо. Гоцец привел свои доводы. Такое количество пешеходов на пути, где встречаются только всадники, покажется странным и может возбудить праздное любопытство, а это к добру не приведет: если их задержат и потащат к алькаду, какой они могут дать ответ?

С другой стороны, они рискуют встретиться с индейцами, а эта встреча может оказаться опаснее, чем допрос алькада. Путешествуя же партиями в два-три человека, они подвергаются риску быть захваченными, или убитыми, или даже скальпированными.

Последнее мнение было высказано Гарри Блю; его поддерживали только Страйкер и Девис. Все остальные были против, а Гоцец смеялся над страхом перед «краснокожими», преувеличивая опасность со стороны «белых». Так как большинство имело все основания бояться культурных людей больше, чем так называемых дикарей, то план Гоцеца восторжествовал.

При желании можно было бы опять сойтись в Сант-Яго, если так или иначе это окажется подходящим. Все они теперь достаточно богаты, чтобы вести самостоятельную жизнь, не цепляясь друг за друга, и потому можно разойтись в разные стороны без излишних сожалений.

Впрочем, был еще не выясненный вопрос. Как поступить с пленницами? До сих пор они все еще находились в гроте, скрытые парусом от нескромных взоров. Принесенный им завтрак остался почти нетронутым. Пришло, наконец, время решить их участь. Хотя все об этом думали, никто не отважился заговорить. До сих пор его, как бы по молчаливому соглашению, обходили, опасаясь, что обсуждение его вызовет целый ряд споров и недоразумений. Воздух, как перед грозой, был насыщен электричеством. Злодеям было известно, что двое из них претендуют на женщин и, справедливо или нет, считали их своей добычей. Этими претендентами были Гоцец и Гернандец. Так как они были главными вожаками, то их сообщники, грубые люди, мало дорожив-

шие любовными утехами, готовы были уступить им в этом вопросе. Но теперь вдруг оказывалось, что еще двое — Блю и Девис — желали предъявить свои права на пленниц.

Когда способ передвижения был установлен, наступил перерыв. Некоторые, уже готовые в дорогу, стояли в праздном ожидании, другие продолжали еще укладываться. Ла Кросс был послан в лощину для рекогносцировки. Четыре испанца заявили, что они немного задержатся на берегу, а англичане ничего еще о своих планах не сообщали. Они втроем совещались вполголоса, но лица их, особенно Блю, были настолько серьезны, что легко было догадаться, о чем велась речь.

Начался щекотливый спор.

— Конечно, они поедут с нами, — сказал Годец, — со мной и сеньором Гернандецем.

— Не понимаю, причем тут слово «конечно»? — возразил Блю. — Они с вами не поедут, и, во всяком случае, это не так просто, как вы думаете.

— Что это значит, мистер Блю? — спросил испанец с выражением злобы и некоторого смущения в глазах.

— Не к чему терять время, Жиль Годец! Вы меня не напугаете. Советую вам быть хладнокровнее, и тогда вы получите возможность понять мои слова. Дело в том, что ни вы, ни Гернандец не имеете больших прав, чем другие, на девушек, находящихся в гроте. Как мы поступили с золотом, так должны поступить и с ними. Но так как женщин делить между всеми нельзя, то я заявляю, что все мы имеем равные на них права; одну из них я требую себе.

— А другая должна достаться мне, — вставил Девис.

— Да, — продолжал Гарри Блю. — Хотя я немножко старше вас, мистер Годец, и меньше вас претендую быть джентльменом, мне все-таки не хуже вашего может приглянуться бабенка. Мне нравится та, у которой волосы черепашого цвета, и я не намерен отказаться от нее так легко, как вам этого хотелось бы.

— Приятно слышать, что дело идет о рыжей, Блю, — сказал Девис, — а так как я за брюнетку, то мы не будем ссориться. Она должна стать моей!

— Так как я первый поставил этот вопрос, — перебил Страйкер, — то, полагаю, мне будет позволено высказать свое мнение?

Никто не возражал.

— Никто не имеет, — продолжал бывший каторжник, — и не должен иметь особого права на этих женщин. На этот счет Блю и Билль совершенно правы. А так как об этом шел спор, то дело следует решить точно и справедливо.

— Нечего попусту тратить слова! — прервал Годец решительным тоном. — Я не допускаю спора по этому поводу. Если эти джентльмены стоят на своем, то есть лишь один способ покончить дело. Думаю, что прежде мне надо сказать два слова в объяснение. Одна из этих женщин — моя любовница и была ею гораздо раньше, чем я увидел кого-либо из вас. Сеньор Гернандец, здесь присутствующий, может сказать то же о другой. Мало того: они дали нам слово.

— Это враки! — не выдержал Блю, подходя к клеветнику и глядя ему прямо в глаза. — Это ложь, Жиль Годец!

— Довольно! — воскликнул Годец, побагровев от гнева. — Никто не имеет права безнаказанно упрекнуть Франка Лару во лжи!

— Франк Лара, или как вы там себя называете, я не умру прежде, чем не увижу вас под землей или, что еще вернее, пока не увижу вас на виселице. Не заблуждайтесь на мой счет. Я умею стрелять не хуже вашего.

— Подожди ты! — завопил Страйкер, обращаясь к де Ларе, заметив, что тот собирался взять револьвер. Руки прочь от оружия! Если без драки не обойтись, то пусть это будет по правилам. Но сначала Джеку Страйкеру надо сказать еще слово.

Он стал между двумя спорившими и разъединил их.

— Да, да, пусть поединок будет по всем правилам! потребовало несколько голосов.

— Слушайте, товарищи! — продолжал Страйкер, все еще стоя между двумя разгневанными врагами и поглядывая то на одного, то на другого. — Стоит ли по этому плевому делу проливать кровь и совершать убийство? Все из-за двух глупых девчонок! Послушайтесь моего совета и решайте дело мирным путем. Может быть, вы так и поступите, когда услышите мое предложение. Оно, я думаю, должно всем понравиться.

— Что же это такое, Джек? — спросил один из зрителей.

— Вот что. Во-первых, я замечу, что вовсе не дракой можно привлечь к себе сердца женщин, если только люди так глупы, что способны из-за них драться. Можно помимо этого кое-что предпринять.

— Объяснись же скорее! Что же еще можно сделать?

— Надо прежде всего внести за них плату.

— Как так?

— Как? Что за чушь задавать такие вопросы! Разве мы не имеем над ними одинаковых прав? Конечно да! Поэтому тот, кто хочет взять женщин, должен внести за них плату, и те, кто настолько горит желанием завладеть ими, что готов драться из-за них, наверно, возражать не будут. Тут, по-видимому, налицо четыре кандидата, и довольно любопытно, что они поделились на две пары — по два на каждую из девиц. Теперь, не говоря о предстоящем поединке, скажу только, что победитель должен внести соответствующую долю золотого песка, разделив его поровну между всеми.

— Справедливо! — сказал Слеш.

— Верно! — подтвердили Тарри, датчанин и голландец.

— Я согласен! — сказал Гарри Блю.

— И я также! — добавил Девис.

Де Лара — Гомец — тоже, не говоря ни слова, выразил согласие презрительным кивком; Герландец последовал его примеру.

Из боязни лишиться поддержки никто не решился возражать.

— Что же вы еще скажете, Джек? — спросил Слеш, уловив в последних словах Страйкера какое-то обещание.

— Не много. Мне только думается, что жаль после нашей согласной жизни расстаться врагами. Положим, женщины, насколько я их знаю, всегда были помехой. И я боюсь, что и теперь кое-кому придется из-за них довольно круто. Поэтому, повторяю, жаль нам затевать ссору и проливать кровь. В самом деле, почему нельзя обойтись без этого? Мне думается, что есть еще один путь.

— Какой?

— Предоставьте дело самим женщинам. Дайте им возможность избрать того, кого они сами желают иметь покровителем. Пусть они распорядятся по-

своему, и тогда не будет между нами ни ссоры, ни поединка. Таков закон в наших австралийских лесах, когда подвергается такой же случай. Почему бы и тут не поступить так же?

— Почему бы и нет? — подхватил Слеш. — Закон этот хорош и справедлив для всех и каждого.

— Согласен с этим, — сказал Блю. — Конечно, я не так молод и красив, как мистер Гомец, но все-таки рискну. Если та, на которую я рассчитываю, выскажется против меня, то я обещаю отойти и не возражать, а тем более не драться из-за нее. Пусть тогда идет, с кем хочет, — я благословлю обоих.

— Bravo, Блю! Вы толковый парень, и мы постоим за вас, не бойтесь! — слышалось со всех сторон.

— Товарищи, — прибавил Девис, — яс готовностью подчинюсь вашему решению; если моя девица откажется от меня, я согласен поступить так же, как Блю.

Но всех занимал вопрос еще: как отнесутся к этому проекту двое остальных, какой ответ дадут они на предложенный мирный компромисс? На них были обращены все взоры.

Де Лара, сверкая глазами, выступил первым. До той минуты он еще сдерживал свою ярость, теперь же он, казалось, утратил всякую власть над собою.

— Будь вы все прокляты! — заорал он. — Я долго слушал ваш дурацкий разговор и терпел его, сколько было сил. Так знайте же, что это все праздная и вздорная болтовня, и вы, мистер Страйкер, покрепче намотайте это себе на ус. Какое нам дело до ваших австралийских лесов и ваших законов! Наплевать мне на них! Мой способ решения спора — оружие, — добавил он, пощупав дуло револьвера и ручку кортика, висевшего у него на поясе сбоку. — Мистер Блю может выбрать одно из двух.

— Превосходно, — ответил старший штурман, — мне безразлично. Я недурно владею и тем и другим. Пистолет ли на шесть шагов, или мой кортик против вашего клинка, или же оба вместе — не все ли равно?

— Пусть оба и пойдут в ход. Это всего лучше и обеспечит верный результат. Готовьтесь, да поживей; мое намерение драться с вами так же твердо, как земля, на которой я стою.

— Ну-ка, попробуйте! Я готов. Начинайте!

Гернандец отступил назад, желая, по-видимому, помешать поединку.

— Нет, Билль, — сказал Страйкер подошедшему Девису, — к чему два поединка сразу? Когда Блю и Гомец покончат со своим, тогда и ты можешь вызвать Гернандеца, конечно, если он захочет.

Гернандец, по-видимому, был благодарен Страйкеру за его слова, несмотря на заключавшийся в них оскорбительный намек. Вероятно, он не предполагал, что дело дойдет до дуэли, и был не прочь уступить свою возлюбленную, не берясь за оружие. Он ничего не возразил, но трусливо отошел в сторону.

— Да, пока достаточно одного поединка! — закричали зрители.

Все чувствовали, что эта борьба будет не на живот, а на смерть. Достаточно было одного взгляда на противников, чтобы в этом убедиться.

Было ясно, что одному из них, а может быть и обоим, предстоит заснуть вечным сном на этом унылом и безлюдном берегу.

Глава XLVII

ДУЭЛЬ С ОТСРОЧКОЙ

Спешно выработали условия дуэли. Установить немногие пункты этой церемонии было нетрудно, тем более что у разбойников всего мира существовал один общий кодекс чести. Никаких секундантов не полагалось: их должны были заменять все присутствующие.

Одни из них отмерили расстояние между двумя камнями, другие проверили оружие и боевые патроны. Стрелять предстояло из шестиствольных револьверов кольта, известного калибра, присвоенного флоту, и у обоих противников они были именно такого образца. Расстояние установили в двенадцать шагов; в случае осечки решено было сделать по второму выстрелу. Если и это оказалось бы безрезультатным, противники должны были прибегнуть к холодному оружию.

Пленницы не подозревали о кровавой драме, готовившейся рядом с ними.

Враги остановились у камней, в двенадцати шагах друг от друга. Сняв свою штурманскую куртку, Блю остался в рубашке. Засученные рукава обнажали часть руки, покрытой татуировкой, с изображениями полумесяцев и женских головок, представлявших пеструю смесь морских воспоминаний. Сквозь смуглую кожу видны были мускулы, подобные канатам.

Если пистолеты не оправдают себя, такие руки сумеют недурно расправиться кортиком, а то после весьма краткой борьбы и придушить противника.

Конечно, Франциско де Лара нельзя было назвать слабым соперником. Он тоже снял свою верхнюю одежду, сбросил красный плащ и тяжелую шляпу. Раздеваться до рубашки ему не пришлось, так как легкая вельветиновая куртка не могла бы ему помешать. Плотная, как перчатка, она обрисовывала его твердые мускулы и пропорционально сложенное тело.

Дуэль между такими противниками представляла большую опасность и должна была быть в высшей степени интересным зрелищем. Это было заметно по репликам вполголоса и по тревожным взглядам, которыми обменивались присутствующие.

Подать сигнал к началу должен был Страйкер. Бывший каторжник стал между врагами, чтобы произнести обычное слово людям, готовым, как бешеные тигры, наброситься друг на друга.

Наступила минута полного безмолвия, которое нарушалось только слабым плеском волн, ревом бурунов и раздававшимся изредка резким криком морской птицы.

Принятые в таких случаях слова «по местам!» и «пли!» были уже готовы сорваться с уст Страйкера, но он не успел произнести ни одного из них. Прежде чем рот его раскрылся, с соседних скал донесся испуганный вопль Лакросса, приковавший к себе всеобщее внимание.

Вне себя от ужаса он орал:

— Мистер Блю! Товарищи! Мы на острове!

Когда лес горит или степь затоплена, и дикие звери, спасая жизнь, бегут на сухой клочок земли, робкая лань может смело стать рядом со свирепым волком, не боясь коварного хищника. Перед лицом смерти, кроткие и смирные,

они, дрожа, прижмутся друг к другу.

Нечто подобное произошло и с командой «Кондора» и их пленницами.

Крик Ла Кросса сначала только поразил пиратов неожиданностью. Но очень скоро их удивление перешло в испуг, достаточно сильный, чтобы остановить грозный поединок и отстрочить его на неопределенное время. Слова «Мы на острове!» заключали в себе угрозу страшной опасности. Все присутствующие бросились к скале, на вершине которой все еще стоял француз.

Взобравшись туда и бросив взгляд на окрестность, они убедились в правдивости его слов. По прямой линии до материка было не менее трех географических миль — пространство, недоступное для самого лучшего пловца и настолько далекое, что даже в телескоп было трудно его рассмотреть.

Остров, на который они выбросились, был самый голый и бесплодный из всех утесов, тянувшихся вдоль берега; окаймленный рифами и грудями камней, он был совершенно лишен растительности и, видимо, даже воды.

Сопоставив это обстоятельство с гибелью лодки, злодеи пришли в совершенное отчаяние. После внимательного осмотра местности, исследованной вдоль и поперек, страх их еще усилился, так как добытые сведения были очень неутешительны. Кроме нескольких чахлах кустов, на острове не было никакой зелени или леса, не было ни малейшего ручейка, ключа или пруда — ничего, кроме соленой воды, плескавшейся на камнях, и ни единого зверя, кроме скорпионов, змей и ящериц. Только птицы морские летали и кричали над ними, точно радуясь, что их докучные и назойливые гости попали в ловушку. А что это было именно так, они сами прекрасно понимали. Большинство из них, по своему ремеслу, уже не раз побывали в море и знали, что значит потерпеть крушение.

Некоторые сами на себе испытали весь ужас такого положения и не могли его забыть. Им казалось теперь, что земля от них не в трех, а в тысячах миль расстояния, в самой середине Тихого океана. Сколько золота готовы были они теперь отдать за то, чтобы снова очутиться на барке, отправленном ими ко дну. Их жестокость обратилась против них же самих.

Кому теперь было важно, что дуэль отсрочена? Никто этим не интересовался. Кажется даже, что и не стоило ее затевать.

Безумная ненависть и ревнивое соперничество, конечно, оставались между прежними врагами, но они пока молчали, так как ужас перед близкой гибелью сковал им уста.

Благодаря тревоге, охватившей весь экипаж, Кармен и Иньеса избавились от преследований злодеев и могли гулять по берегу так же спокойно, как по улицам Кадикса. Но зато, взамен опасности со стороны насильников, над ними висела еще худшая угроза голодной смерти.

Неужели же не было средств покинуть остров? Или, оставаясь на нем, как-нибудь поддержать жизнь?

Ответы на эти вопросы приносили одни разочарования. С каждым часом надежды делались все более призрачными.

Не было ни кусочка дерева, чтобы построить хотя бы плот; пищей могли служить только пресмыкающиеся и моллюски, да и тех не легко было набрать. Изредка удавалось убить птицу, но ее мясо оказывалось большей частью горьким и не питательным.

Но хуже всего была жажда. Вокруг была масса воды, но все испытывали

танталовы муки, не имея возможности пользоваться ею.

Бывшему экипажу «Кондора» грозила страшная участь — ничуть не лучше той, на которую они сами обрекли брошенных на барке. Правда, своими злодеяниями пираты вполне заслуживали ее. Приходилось только жалеть ни в чем не повинных девушек и надеяться, что судьба освободит их от коварных козней врагов.

Глава XLVIII ДЛИТЕЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ

Прошло уже несколько дней со времени бегства команды, а «Кондор» все еще продолжал идти с поднятыми парусами на юго-запад. Приговоренные к медленной смерти, капитан, дон Грегорио и повар-негр, все так же неподвижно и безнадежно сидели, привязанные к своим стульям.

Хотя позы их были все те же, наружно они очень изменились, и главным образом это было заметно на тех, кто сидел за столом в кают-компании.

Причина перемены заключалась, конечно, в их физических и нравственных страданиях; в данном же случае эти страдания еще увеличивались муками Тантала, так как эти люди сидели связанными перед роскошно заставленным яствами столом.

Вид их поистине был ужасен: это были настоящие скелеты с провалившимися глазами, и, если бы не туго связанные веревки, они, как безжизненные трупы, давно свалились бы на пол.

Доносившиеся снизу крики повара вызывали в них желание ответить ему, но голоса их постепенно слабели, и даже говорить между собою им становилось все труднее. Попытки развязать или хоть ослабить стягивавшие их и впивавшиеся в тело веревки тоже были тщетны.

Лантанас после первых вспышек бешенства и отчаяния впал в состояние полного оупения и сидел с опущенной на грудь головою.

Дон Грегорио, наоборот, держался прямо и, глядя на море через иллюминатор, все ждал чего-то. Но, кроме пенистых гребней волн на синей поверхности океана да морских свинок, изредка всплывавших беспорядочной вереницей, или спины кита, облепленной ракушками, ничто не радовало его взоров.

Только однажды вдали мелькнуло судно, шедшее наперерез «Кондору».

Послышался оклик, и сердце дон Грегорио радостно затрепетало, но не надолго.

Как он ни кричал и как ни старался ему вторить Лантанас, судно бесследно исчезло. Окончательно выбившись из сил, они снова погрузились в безнадежное уныние и отчаяние.

Мертвую тишину, царившую вокруг, нарушали только орангутанги, нелепо скакавшие по лестницам и громко толкавшиеся во все двери кают.

Разум капитана стал заметно мутиться; он бредил и дико стонал. Все это, вместе с безумным лицом, угнетающим образом действовало на его соседа, который, несмотря на это, не терял самообладания и, больше не надеясь на людскую помощь, ждал какого-нибудь чуда.

Однако нередко дон Грегорио мечтал о смерти как избавлении от тяжелых страданий и с радостью готов был встретить ее.

И вот однажды новая надежда озарила его черты, а на губах появилась дав-

но исчезнувшая улыбка. Невольно могло прийти в голову: не заразился ли он безумием Лантанаса? Но разум светился во взгляде дона Грегорио, когда он пристально впивался в горизонт, где еще не вполне ясно, но все-таки определенно вырисовывалось какое-то белое пятно.

— Парус! — воскликнул дон Грегорио, и это маленькое слово отдалось в душе его давно не испытанным восторгом. Вдали, на фоне голубого моря, сверкало точно белое крыло чайки, а за ним тянулась полоса серебристой пены, — очевидно, след корабля. Ничем иным не мог бы быть обозначившийся высокий белый диск, и по мере его приближения сердце дона Грегорио билось все скорее и горячее. Старику хотелось поделиться надеждой с капитаном, но внешние впечатления были еще не доступны больному мозгу Лантанаса. Однако радость дона Грегорио была далеко не безоблачна, так как к ней примешивался и страх; ведь совсем недавно в подобном же случае он обманулся, и виденное им судно исчезло тогда так же быстро и неожиданно, как и появилось. Могло же и теперь повториться то же самое.

Впрочем, на этот раз нельзя было не заметить, что объем судна все увеличивался и что оно шло следом за «Кондором», очевидно, стараясь его догнать.

Целая половина длинного дня прошла в беспрестанно сменявшихся надеждах и опасениях; наконец появился и темный корпус корабля, а поднятые паруса делались все обширнее и больше.

Над судном развеялся английский флаг, но, будь он и родной, испанский, радость не могла бы быть сильнее. Ведь в нем воплощалось спасение от всех бед и ужасов, избавление от смерти, казавшейся уже неизбежной.

Однако вожделенная минута все еще была далека. Бриз внезапно утих, странный корабль перестал приближаться, паруса его беспомощно повисли, и сам «Кондор» остановился. Наступил полный штиль; даже лампы и стаканы над головой дона Грегорио перестали качаться и звенеть.

В иллюминатор виднелось безбрежное море, вдруг опустевшее и погруженное в мертвое молчание. Не видно было ни корабля, ни парусов, ни развевавшегося флага, так ободривших теперь снова упавшее и приунывшее сердце дона Грегорио.

К счастью, это продолжалось недолго. У барка, за кормой, опять появился корабль, и рядом с ним шлюпка. Спущенная на воду, она шла к «Кондору», со сверкавшими на солнце влажными веслами, разбрасывавшими брызги, похожие на золотые и серебряные звезды. Барк медленно двигался, а шлюпка то показывалась, то исчезала. Дон Грегорио закрыл глаза и весь обратился в слух. Вскоре раздался твердый мужской голос, показавшийся ему мелодичнее музыки, и прозвучало радостное приветствие:

— Алло, барк!

Дон Грегорио пытался отвечать, но голос его так ослабел, что был тотчас заглушен другими голосами, доносившимися с борта «Кондора».

Шаги с палубы скоро перешли на лестницу кают-компаний. Дверь распахнулась настежь, и вместе с ворвавшейся струей воздуха вошли люди. Раздался невольный крик величайшего удивления. С трудом повернув свою одеревеневшую шею, несчастный старик увидел двух моряков, лица которых были ему хорошо известны. Охватившее его волнение было настолько сильно, что он лишился сознания и упал, точно сраженный пулей.

Легко догадаться, что вошедшие были не кто иные, как Кроуджер и Кедуол-

ладер.

Глава XLIX

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА, НЕОЖИДАННО РАЗРЕШИВШАЯ ВСЕ СОМНЕНИЯ

Четыре дня прошло с тех пор, как на чилийском барке появились два английских моряка и, определив его курс, стали поочередно нести обязанности команды.

Если бы не они, «Кондор», по всей вероятности, был бы уже давно на дне морском.

Налетевший шквал легко мог опрокинуть его набок, но так как в нужную минуту на нем были ослаблены шкоты, то это и спасло его от верной гибели. Тем не менее все паруса его, за исключением только одного, сильно пострадали. Когда буря миновала, решено было поставить новый фок и кливер из сохранившейся в запасах корабля старой парусины.

Идя носом к юго-востоку, барк стал делать по шести узлов. Борьба со шквалом была невероятно трудной. Положение ухудшалось тем, что вся команда состояла всего из трех человек, а шторм, хоть и кратковременный, был сильнее всех, когда-либо бушевавших на Тихом океане.

Никто из трех заключенных не мог оказать ни малейшей помощи англичанам, так как двое были больны, и о них не могло быть и речи, а негр был совсем не приспособлен к делу и недостаточно окреп. Капитан Лантанас, прикованный к кровати, продолжал бредить, а дон Грегори, слабый, как ребенок, мог только сидеть внизу, будучи даже не в силах подняться на палубу. Когда, наконец, негр оправился, его приучили помогать у парусов.

Был день, и Груммет, рулевой, стоял на руле; оба офицера были на шканцах, и Кроуджер, с секстантом в руках, брал высоту солнца. Надежда найти свой фрегат или быть им найденными давно уже у них пропала. Отвечать на сигнальную пушку, несколько раз грозно прозвучавшую в эту зловещую ночь, не было возможности, так как за туманом трудно было определять направление. Ввиду этого они взяли курс на Панаму. На судне, потерпевшем жестокую аварию, это было не легко, но там они надеялись если не застать фрегат, то хоть получить о нем какие-либо сведения.

Стоя на шканцах, молодые люди пользовались для солнечных измерений приборами капитана, который сам уже не был в состоянии применять их к делу.

Хорошо еще, что эти инструменты не были похищены, иначе путь в Панаму был бы совсем невозможен. Но даже надежда добраться туда сулила им мало радости, так как, со слов дона Грегорио, они уже знали подробности страшной драмы и ежечасно переживали все ее ужасы.

Определив при помощи хронометра долготу, они записали ее в шканечный журнал и собирались взять полуденную широту.

— Право руля! — крикнул Кроуджер Груммету. — Поверни на юго-восток.

Потом, обратившись к Кедуолладеру, прибавил:

— Если все будет благополучно, мы доберемся до Панамы ранее четырех дней. Можно бы это сделать и в два, если бы поставить добавочные паруса. Во всяком случае, я думаю, что Бресбридж будет ждать нас не меньше недели.

Как хотелось бы мне, чтобы все наши тревоги были бы тогда за спиной. Какой ужас, если «они» для нас потеряны, и, может быть, навсегда.

— Не говори этого, Нед. Надо надеяться, что мы их еще найдем.

— А если даже найдем, что же будет дальше? Не нужно отвечать, Вилли. Я не могу не только говорить об этом, но даже и думать. Моя невеста Кармен Монтихо в плену у пиратов!

Кедуолладер молчал. Он испытывал подобные же страдания при мысли об Иньесе.

Некоторое время они ничего не говорили, находясь под гнетущим впечатлением той страшной картины, которая нередко вставала в их воображении.

— Что бы ни случилось, — ответил он, — мы никогда их не покинем, а разбойников отыщем во что бы то ни стало.

— И расправимся с ними по заслугам! — воскликнул Кроуджер. — Чего бы мне это ни стоило, хотя бы за это пришлось поплатиться жизнью! Лишь бы удалось отомстить за оскорбление, нанесенное Кармен Монтихо.

— Я тоже согласен на все ради Иньесы Альварец, — добавил Кедуолладер и, постояв в раздумье, продолжал: — Ведь они это затеяли еще до ухода из Сан-Франциско и поступили на чилийский корабль только ради того, чтобы овладеть золотом. То же думает и дон Грегори после всего, что он недавно слышал от одного из злодеев, которого зовут, кажется, Рокасом.

— Это вполне правдоподобно, — ответил Кроуджер, — хотя не все ли равно, где и как было задумано гнусное преступление. Важно то, что оно совершилось. Но представить себе, каким образом Гарри Блю сделался предателем и участвовал в ограблении наравне с негодяями, я положительно не в состоянии, — это для меня неразрешимая загадка.

— Но разве ты этому веришь?

— Как я могу не верить? Другого вывода из того, что слышал дон Грегорио, сделать нельзя. Блю бежал со всеми остальными, и из его собственных слов, донесшихся в кают-компанию, стало ясно, что он пошел на это добровольно. Что можно подумать о такой черной неблагодарности? Кедуолладер, кажется, я скоро и тебя начну подозревать.

— Его поведение за последнее время, конечно, не внушает доверия, но раньше я всегда считал его честнейшим человеком. Видно, его испортило золото. Не стоит больше говорить об этом. Но я дорого дал бы, чтобы добраться до него.

— Как бы это было хорошо! Я ведь однажды спас его своими собственными руками, а теперь этими же руками и придушил бы его с удовольствием.

— Возможно, скоро нам представится такой случай; плохо придется тогда не только ему, но и всей его подлой шайке. Ведь это отъявленные мерзавцы. По словам дон Грегорио, эта миленькая компания состояла из самого разношерстного сброда, начиная с воров и кончая убийцами. Было там и четверо не то испанцев, не то испанских американцев, очень наглых и злых... А не сходить ли нам в рубку и не порыться ли там в документах, чтобы узнать хоть имена их? Это нам, наверное, пригодится.

— Ты прав, — ответил Кроуджер, и оба молча прошли в рубку. Обоих преследовала одна и та же мысль, мучившая их даже сильнее, чем измена Гарри Блю. Они тщательно скрывали ее друг от друга, не теряя надежды, что подозрения окажутся ложными.

Начав свои поиски, они наткнулись сначала на пустые ящики, а затем на целую грудку разбросанных газет, писем и старых карт. Среди этого вороха бумаг торчал обрывок белой визитной карточки. Когда Кроуджер, подобрав ее, прочел: «Эдуард Кроуджер, фрегат «Паладин», кровь бросилась ему в голову, и волосы его встали дыбом. Он сразу понял, как могла попасть сюда эта карточка. Она была им вручена испанцу де Лару как раз в тот день, когда они столкнулись с ним у дома дона Грегорио.

Сунув ее в карман и схватив пачку писем, адресованных тому же лицу, он стал перечитывать их одно за другим, трепеща перед возможностью наткнуться на дорогое ему имя Кармен Монтихо. Если бы это действительно случилось — прощай тогда всякая вера в людей. Вероломство Гарри Блю уже достаточно подорвало ее, а письмо к шулеру Франку Лару, подписанное дочерью дона Грегорио, сразило бы Кроуджера окончательно.

Писем было много, и почти все были полны денежных расчетов и подписаны Кальдероном. Пробегая их с крепко сжатыми губами и горящим взором, Кроуджер вздохнул с облегчением, только дочитав последнее. Упрекая себя в том, что мог заподозрить свою невесту, и повернувшись к Кедуолладеру, принимавшему деятельное участие в розысках, он радостно произнес:

— Ну, теперь мы узнали все!

Глава L

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА СУДОВОГО ЖУРНАЛА

Не взбунтовавшиеся матросы увезли Кармен Монтихо и Иньесу Альварец на необитаемый остров, а Франциско де Лара и Фаустино Кальдерон. Хотя не было никаких прямых указаний на их присутствие на барке, тем не менее это представлялось почти несомненным. Давно выработав коварный план похищения, они под чужими именами последовали за девушками на корабль.

После раскрытия этой тайны прошло уже несколько часов, а молодые люди все еще не были в состоянии успокоиться, с ужасом думая о том, что их невесты могли сделаться жертвами грубых разбойников и, что еще хуже, таких негодяев, как де Лара и Кальдерон.

— Да, теперь все ясно, — сказал Кроуджер. — Их привела сюда вовсе не жажда наживы, а иные дьявольские мотивы; в этом я теперь совершенно убежден.

— Знаешь ли, Нед, я с самого начала это подозревал. Вспомни хорошенько, что я говорил, когда мы уезжали из Сан-Франциско; я страшно боялся, что девушки останутся в одном городе с ними. Кто же мог тогда представить себе, что они последуют за ними даже на корабль, нисколько не стесняясь присутствием Гарри Блю, который так горячо обещал их охранять? Ведь он уверил нас, что за них готов пожертвовать своей жизнью.

— Конечно, я все это прекрасно помню, и, если когда-нибудь мне посчастливится его найти, я примерно накажу его за такое вероломство.

— А что ты думаешь предпринять, дружище, когда мы доберемся до Панамы? Ведь, нагнав фрегат, мы будем обязаны туда вернуться.

— Обязаны! Как будто существуют обязательства для людей в нашем положении! Если капитан Бресбридж не поможет нам в поисках, я пойду один.

— Положим, не один: я ведь тоже отправляюсь с тобой.

— Как жаль, что мы не знаем места! Они, очевидно, подошли близко к берегу, раз решили удовлетвориться шлюпкой.

— Знаю, Вилли, и, конечно, рассчитываю на тебя. Но если капитан Бресбридж не поможет нам со своим фрегатом, то я брошу службу, сам зафрахтую судно, наберу экипаж и обыщу весь американский берег до последнего уголка, пока не найду, куда их запрятали.

— Да, наверное, они были в виду земли, и недалеко. Я спрашивал дона Грегорио. Это он твердо знает, но больше мне ничего не удалось выведать у него. Он уверяет, что в то утро они видели землю впервые после ухода из Калифорнии. Капитан им говорил, что они дня через два будут в Панаме. Дон Грегорио видел в окно, как ушла лодка. По-видимому, негодяи направились к какому-то близлежащему берегу в светлую лунную ночь. Это все, что я из него вытянул.

— А старый негр не мог побольше рассказать?

— Я его спрашивал. Он тоже уверяет, что они проходили близко от берега. Где это было, он знает не лучше, чем орангутанги. Впрочем, он сообщил одну подробность, на мой взгляд довольно существенную. Незадолго до того, как его схватили, он смотрел на море и видел гору странной формы. По его словам, у нее было две вершины, и между ними светила луна. Это двуглавая гора может оказаться полезной для нас.

— Какое несчастье, что шкипер сошел с ума! Если б не это, он сказал бы нам, где находился в то время, как барк был брошен. Я начинаю верить, что судьба против нас. Кстати, почему мы ни разу не подумали заглянуть в судовой журнал? Это помогло бы нам кое-что выяснить.

— Наверное, помогло бы, если б только мы имели его под рукой. Ты очень ошибаешься, думая, что это мне не приходило в голову. Напротив, я все время его ищу. Но он исчез, а куда — не знаю. Возможно, что они перед уходом выбросили его за борт, хотя какая им была польза от этого? Кок говорил, что обыкновенно журнал лежал на полочке у поворота лестницы в каюту. Я смотрел и там и в других местах, но нигде его не нашел. В самом деле, ты, может быть, прав, говоря, что судьба против нас. Если это так, то мы вряд ли дойдем до Панамы...

— Посмотри! — воскликнул Кедуолладер, прерывая печальные рассуждения друга. — Вот так скоты! Что они там рвут на части? Я уверен, что это именно судовой журнал.

В самом деле обезьяны, поднявшие возню под палубой, что-то усердно вырывали друг у друга. При ближайшем рассмотрении это оказалась большая книга в красном кожаном переплете.

— Так оно и есть, шканечный журнал! — обрадовался Кроуджер. Оба моряка бросились спасать книгу из когтей обезьян.

Это удалось им не без труда: пришлось оглушить животных ударами по голове, после чего они наконец выпустили добычу из своих костлявых лап.

Журнал, хотя и в потрепанном виде, оказался в руках наших героев; листки с записями, к счастью, были не тронуты. Одна из последних записей, сделанных очень недавно, гласила: «Широта 7°20', долгота 82°12'. Легкий бриз».

— Великолепно! — воскликнул Кроуджер, убегая наверх и перепрыгивая через морскую карту. — С журналом и двуглавой горой мы можем напасть на след разбойников. Как раз тогда, когда все казалось безнадежным! Вилли, старина, это что-нибудь да значит! Я чувствую, что наступает поворот в судьбе, и

теперь нам улыбнется счастье!

— Хорошо бы это было!

— Будь у нас человек десять команды или хоть шесть, я бы не подумал идти в Панаму, а сразу пристал бы к острову Койба. Судя по карте, это и есть тот берег, который они увидели, или же Гикарон, лежащий к юго-западу. С легким бризом они вряд ли могли с того дня далеко уйти. За десять пар сильных рук и за десять толковых молодцев я дал бы по тысяче фунтов каждому. Ах, если бы теперь с нами была наша старая команда с «Паладина»!

— Будь спокоен, Нед, мы так или иначе встретим их. Старик Бресбридж не оставит нас, в этом я уверен. Если он сам не пойдет на фрегате, то даст нам команду, и мы при встрече быстро справимся с негодяями. Я желал бы скорее очутиться в Панаме.

— А я предпочел бы добраться до Койбы или вообще до того берега, где высадились разбойники.

— Но мы втроем против двенадцати.

— А мне все равно, и я с радостью согласился бы очутиться среди них хотя бы одному.

— Нед, этого никогда не случится, потому что, где бы то ни было, я буду всегда с тобой. У нас общая цель, и мы или добьемся ее, или вместе погибнем.

— Верю тебе, Вилли. Ты мне друг до конца. А теперь бросим всякие разговоры. Надо употребить все усилия, чтобы дойти до Панамы, а там мы направимся на остров Койба. Нам везет: ветер с запада, — продолжал Кроуджер веселым голосом, — если он продержится еще двадцать четыре часа, мы скоро увидим землю.

— Пароход с севера! — крикнул грубый голос Груммета.

Обернувшись с изумлением, молодые люди увидели на горизонте судно. Глядя в подзорную трубу, Кроуджер сказал:

— Ты прав, боцман, это пароход, и он идет нам наперерез. Поверни руль и возьми курс на него.

Несколькими поворотами руля Груммет поставил «Кондора» навстречу судну. Молодые люди с помощью кока ослабили шкоты и поставили паруса в нужном направлении.

Расстояние между двумя кораблями стало заметно уменьшаться, и, по мере приближения, они начали внимательно всматриваться друг в друга. Находившиеся на барке вскоре определили тип судна. Это был не военный корабль, а пассажирский, из тех, что за последнее время курсировали между Сан-Франциско и Панамой. Зато этому кораблю было гораздо труднее разобрать шедший ему навстречу барк. Видно было только, что это трехмачтовый барк с поднятыми парусами, тогда как остальные болтались на реях, изорванные в клочья. Одно это могло возбудить любопытство. Но еще страннее казался развевавшийся на грот-мачте перевернутый флаг: ведь это означало сигнал бедствия.

Отвечая на призыв, капитан почтового парохода скомандовал: «Стоп, машина!» Громадный левиафан, делавший по двенадцати узлов, замедлил ход и наконец совсем остановился.

Барк подошел к нему на расстояние кабельтова.

С корабля раздалось:

— Алло, барк! Откуда?

- «Кондор» из Вальпараисо. Терпит бедствия.
- Спускайте шлюпку.
- Нет команды.
- Обождите, мы сами подойдем.

Менее чем через пять минут была спущена шлюпка с несколькими матросами. Они подошли к барку, но не подымались на борт.

Кроуджер, уже выработавший план действий, попросил отвезти его на пароход; его желание было тотчас исполнено.

Судно было переполнено людьми и действительно оказалось одним из линейных пароходов, совершавших рейсы между Панамой и Сан-Франциско. Не менее тысячи человек, самых различных национальностей, толпилось по палубам; между ними было много калифорнийских рудокопов, пытавших счастье на приисках и возвращавшихся домой, кто веселый, кто разочарованный.

Кроуджер сразу сообщил о своих злоключениях сначала капитану, а потом пассажирам, обратившись ко всем с предложением помочь ему не только в работе на барке, но и в отыскании вероломного экипажа. За эту двойную службу он обещал им хорошее вознаграждение; капитан парохода, боявшийся, что от него потребуются помощь, охотно подтвердил основательность его обещаний, поручившись за его кредитоспособность.

Оказалось, что далеко не всеми руководила жадность к деньгам. Многие из этих людей ставили честность и человеколюбие выше всего и во имя правого дела готовы были бороться на жизнь и на смерть. Недаром в складках их лохмотьев скрывались ножи и кинжалы, уже не раз служившие им для защиты невинных и слабых.

Выслушав повесть Кроуджера, они, не дождавшись даже ее конца, сразу отозвались на его призыв. Желających нашлось так много, что он не мог забрать всех и ограничился двадцатью молодцами, с которыми и вернулся на «Кондор».

Оба судна разными путями направились в Панаму. Барк в восстановленном виде, с добавочными парусами и со свежей командой, держался курса, обозначенного перед самой катастрофой на последней странице судового журнала.

Глава LI ГОЛОД

Пока на море происходили вышеописанные события, на пустынном острове разыгрывалась тяжелая драма. Вынужденному пребыванию на острове не было видно конца. Положение команды «Кондора» было совершенно безвыходным. Внешний облик и поведение разбойников за это время резко изменились. Когда они выбросились на берег и водворились там со своим награбленным золотом, и настроение и вид их были совсем иные. Тогда они шумели и смеялись, теперь же, еле держась на ногах, придавленные и бледные, они бродили, как привидения.

Некоторые, глядя безучастно вокруг, сидели, сторбившись, на камнях; другие, еще более ослабевшие, лежали прямо на земле. На всех лицах застыло животное выражение голода; глаза впали, щеки втянулись, а пересохшие потрескавшиеся губы свидетельствовали о неутолимой жажде. Иначе и быть не могло. В течение десяти суток у них не было пищи, если не считать нескольких улиток и редко попадающихся морских птиц.

Воды, кроме дождевой, тоже не было, да и то только когда обильный дождь пропитывал оставшийся парус.

Несчастные с неустанным вниманием следили, не появится ли на горизонте какое-нибудь судно. Но все было напрасно, и кусок парусины, в виде сигнала бедствий, привязанный к веслу и прикрепленный к верхушке скалы, не привлек ничьего взора. Давно уже ни один корабль или пароход не бороздили синей поверхности океана, отражавшего заброшенный остров.

Как раскаивались они теперь в своих злодеяниях, с какой готовностью отказались бы от награбленных богатств, отпустив пленниц на свободу и вернув жизнь тем, кого они погубили!

Но это было невозможно. Их жертвы, брошенные на барке, конечно, давно покоились на дне морском. Измученные голодом и жаждой, преступники теперь завидовали их участи, мечтая о том, чтобы и для них поскорее настала смерть.

Всех смирило несчастье. Даже высокомерный Гомец уже не добивался власти, а свирепый Падилла походил на кроткого ягненка. Гарри Блю сделался их добрым духом, заняв, как и прежде, первенствующее место. Все они, раздавленные горем, точно вернулись к далекому детству, забыв и ненависть, и злобу.

Эта перемена сильно отразилась на их отношениях к пленницам. Пираты предоставили им полную свободу, и девушки перестали их бояться, так как теперь в обращении этих закоренелых преступников проглядывало нечто, похожее на сострадание.

На десятые сутки над островом разразился ливень, давший им возможность наполнить водой все имевшиеся у них сосуды. Но голода это, конечно, не утолило.

Впав в совершенное отчаяние, пираты решили собраться всем, чтобы выяснить, что дальше делать. Когда стали звать и голландца, дежурившего на горе у сигнала, он, к величайшему удивлению, не только не откликнулся, но даже не повернул головы; стоя неподвижно, он пристально всматривался в море,

ладонью защитив глаза от солнца. Казалось, что он видит вдали какой-то предмет. Опустив поднятую руку, он взял затем лежавшую около него подзорную трубу и продолжал наблюдения. Точно пригвожденные, боясь даже дышать, стояли внизу его товарищи, не сводя с него глаз.

Благоговейное молчание нарушил, наконец, наполнивший все сердца новой надеждой, громкий, радостный крик:

— На море парус!

Глава LII МСТЯЩАЯ НЕМЕЗИДА

«На море парус!» Три маленьких слова, но как велики они по своему смыслу! В них — жизнь и смерть. В ушах изголодавшихся людей они прозвучали божественной музыкой.

Все взоры были прикованы к морю. С берега ничего еще не было видно, и белые пятна вдали казались крыльями чайки.

— Где же парус? — спросил кто-то, глядя вверх.

— Вон там, на северо-западе, — отвечали с горы.

Но глядеть в ту сторону мешал выступ скалы, торчавший между ними и окраиной берега. Кто только мог, потянулся к вершине, более сильные пере скакивали через ущелье, как будто от одной этой минуты зависела вся жизнь. Другие тащились за ними потише, а слабые оставались внизу, нетерпеливо ожидая новых сообщений.

Поднявшиеся наверх с крайним изумлением смотрели на голландца и не понимали, что с ним случилось. Он стоял рядом с сигнальным флагом над скалой и делал странные движения; то плясал на месте, то вытягивал руки и, размахивая шапкой над головой, неистово кричал: «Алло, алло!», как будто кому-то, находившемуся недалеко от него.

Но недавно пришедшие тщетно старались что-нибудь разглядеть и со стороны думали: не помешался ли их товарищ и не обманул ли их своими криками?

Однако вскоре они вместо страха почувствовали безумную радость: на горизонте ясно вырисовывался парус. Хотя он был еще далеко и казался не больше маленького белого пятнышка, нельзя было не заметить, что он приближается и плывет в сторону берега. Продолжая идти тем же курсом, судно не могло миновать остров и не увидет сигнала, столько времени развевавшегося напрасно.

Гарри Блю первым прибежал на гору и устремился к подзорной трубе. Выхватив ее из рук голландца, он направил ее на отдаленный парус и несколько минут не отрывал от него взора. Подошедшие в это время пираты столпились вокруг него, забрасывая его вопросами:

— Что это за парус? Как он повернут?

— Похож на барк, — отвечал Блю, — и, если не ошибаюсь, он придерживается берега. Будет видно ясно, когда он выйдет из густого тумана.

Стоявший рядом с ним Гомец сторал от нетерпения заполучить трубу, но Блю, продолжая глядеть, распорядился:

— Позаботьтесь о сигнале, матросы. Вытяните парусину во всю длину и расправьте ее, чтобы было виднее.

Страйкер и Девис тотчас схватили ее за углы, расправили складки и развешили, как было приказано.

Блю продолжал держать трубу, очевидно, не намереваясь выпускать ее из рук. Но Гомец так упорно требовал, что пришлось уступить.

Стоя в стороне, Гарри старался подавить охватившее его страшное волнение. На его лице можно было прочитать то величайшее изумление, то радость, то страх, и это придавало ему необыкновенно сложное выражение, в котором разобраться было не легко.

Сняв свою морскую куртку, а за ней красную фланелевую фуфайку, он привесил ее к брезенту и, обратившись к Страйкеру и Девису, сказал:

— Такой сигнал всего действительнее: его не пропустит ни один корабль. Вы двое оставайтесь здесь и стерегите, чтобы он остался цел, я же пойду успокоить бедных девушек.

— Есть, — ответил Страйкер, плохо уясняя себе смысл приказа и удивляясь словам Блю. — Будьте спокойны, — прибавил он, — на меня вы всегда можете положиться, так же как и на Билля.

— Знаю, знаю, — проговорил Блю, снова накинув куртку прямо на голое тело. — Вы оба были мне всегда верны, и я надеюсь, что скоро буду в состоянии доказать вам свою признательность.

Оставшись вдвоем, Страйкер и Девис принялись обсуждать слова Блю, спрашивая друг друга, что бы это значило.

Разговор их был прерван странным возгласом Гомеца, который продолжал держать в руках подозрную трубу, дрожа, как в лихорадке.

— Что случилось? — спросил, подходя к нему, Падилла.

— Посмотри сам, Рафаэль Рокас.

Глядя в подозрную трубу, контрабандист несколько минут молчал, но, видимо, убедившись, что Гомец не ошибся, обратился к Страйкеру и Девису:

— Это бак, и барк трехмачтовый. Странно. И размер тот же. Черт возьми! Если бы я не знал, что «Кондор» на дне морском, то мог бы поклясться, что это он самый. Конечно, это, может быть, и совпадение, но довольно-таки странное.

Велардо, овладев в свою очередь подозрной трубой, выразил те же предположения, так же как и Гернандец.

Но Страйкера мало занимали их разговоры; оставив брезент, он подошел к Гернандецу и, вырвав у него трубу, наставил ее на море.

Старому морскому волку достаточно было двадцати секунд, чтобы определить тип судна; взор его скользил по корпусу, по поручням мостика и по верхушкам высоких стройных мачт, и он уже не сомневался, что видел перед собою знакомый барк.

Бросив трубу, он твердым, но взволнованным голосом произнес одно только в равной мере для всех важное слово:

— «Кондор»!

— «Кондор»! Это невозможно! — в один голос воскликнули все четыре испанца.

— И все-таки это так! — возразил Страйкер. — Хотя для меня это так же непонятно, как и для вас, я готов отдать свою голову на отсечение, что это чилийский барк.

Странные мысли возбудили слова Страйкера в умах некоторых из его това-

рищей. Как мог так долго держаться с просверленным дном «Кондор»? Не могло этого быть! Конечно, это был не парус, а привидение.

В болезненном состоянии, с возбужденными до последней степени нервами, они верили в эти невероятные явления и трепетали от страха.

Что-то сверхъестественное и непостижимое для человеческого разума несло им заслуженную кару. В ней чудилась месть. Все время этот страх угнетал их, теперь же он как бы подступил к ним вплотную.

— Несомненно, это барк! — продолжал Страйкер, снова поднося трубу к глазам. — Весь он тот же, только паруса не те, вероятно, изорвались. Да это не беда. Как-никак, это чилийский барк, и больше ничего. Видно, он знает, что мы здесь.

— Стой! — вскричал Гомец. — Где же те, кому мы поручили сделать пробоину? Может быть, они сплутовали?

Предполагаемых виновников стали искать глазами. Среди стоявших наверху их не было. Блю давно ушел вниз, а Девис только что исчез. Его звали, но он притворился, что не слышит. Вскоре о нем, как и о Гарри, забыли. Все внимание было отвлечено происходившим на море.

Судно уже приближалось настолько, что и без подзорной трубы можно было ясно разглядеть очертания барка, величиной, формой и оснасткой сильно напоминавшего «Кондора»; даже флаг, красный, белый и синий, был тот же, что и на брошенном барке.

Привидение ли это или нет, оно стояло против них и двигалось так быстро, что скоро должно было стать на траверсе острова. Видно было, что барк заметил их сигнал, в этом не могло быть сомнений. Когда судно подошло совсем близко, с него спустили шлюпку. С шумом рассекла воду лодка, в нее прыгнули люди, и вот уже от весел полетели сверкающие брызги. Сильные руки провели ее через буруны и уверенно направили в бухту.

Причалив, команда поспешно спрыгнула на песчаный берег; многие, не дождавшись, побежали вброд, по пояс в воде. Их было около двадцати человек, вооруженных с головы до ног и одетых в обычный костюм калифорнийских рудокопов.

Первыми спрыгнули на берег и, обнажив сабли, пошли во главе остальных два моряка в мундирах военного флота и в фуражках с золотым галуном.

Стоя у сигнала на горе и дрожа от страха, четыре испанца не сводили с них глаз.

Склонные ко всему сверхъестественному, они и теперь еще не были уверены, что это люди, а не привидения. Им казалось невозможным, что «Кондор», вместо дна морского, скользит по океану, что на берег высадились настоящие люди и что среди них находятся их ненавистные соперники, которых они смертельно боялись.

В течение нескольких минут де Лара, пораженный ужасом, хранил глубокое молчание. Ему было ясно, что преступление их обнаружено, наказание близко и избежать его нет никакой возможности.

Соппротивление могло бы только ускорить развязку. Не думая о борьбе или бегстве, все четверо стояли на пригорке, подавленные и онемевшие от страха. Кальдерон первый нарушил молчание и с бешенством воскликнул:

— Это английские моряки с фрегата! Как могло это случиться?

— Так или иначе, но это факт. Наша тайна раскрыта, — сказал де Лара, об-

рацаясь к товарищам. — Как я и ожидал, Блю нам вероломно изменил. Он и Девис, вместо того чтобы просверлить барк, пустили его на все четыре стороны, а фрегат «Паладин» пересек ему путь, подобрал погибающих или мертвых и послал своих штурманов закончить дело спасения барка и наших будущих невест, которых нам теперь не видать как своих ушей.

— В этом нет никаких сомнений, — прибавил Велардо. — Но странно, что грубые люди, пришедшие с ними, не похожи на команду военного корабля и даже вообще на матросов; они смахивают скорее на рудокопов, которыми кишат улицы Сан-Франциско. Очевидно, они оттуда.

— Не все ли равно, кто они и откуда, достаточно того, что они здесь и что мы в их власти.

С этими словами Диац и Рафаэль Рокас направились к самой верхушке скалы, оставив товарищей на прежнем месте.

— Как ты думаешь, что они могут нам сделать? — спросил вполголоса Кальдерон у де Лары. — Намерены ли они...

— Расстрелять или повесить нас, — прервал его де Лара. — Ты, кажется, это хотел сказать? Ничего не знаю. Уж, конечно, нас ждет одно из двух.

— Неужели нет средств бежать? — жалобно произнес его друг.

— По-моему, нет. Нечего и пытаться. Начать с того, что нам и скряться-то некуда. Да я лично и не намерен спасаться. Наоборот, я сам к ним пойду и встречу смерть, как мужчина, а не затравленный зверь. Прежде чем умереть, я еще отомщу. Согласен ли ты поступить так же, или у тебя на это не хватит храбрости?

— Я не понимаю тебя, — отвечал Кальдерон. — На кого же ты собираешься нападать?

— На кого удастся. Впрочем, двух я уже наметил.

— Кого именно?

— Кроуджера и Кармен. А ты действуй, как хочешь. На этой парочке я остановился потому, что хочу лишить их жизни, прежде чем они отнимут мою. Во всяком случае если не его, то ее я прикончу наверняка, чтобы она не могла торжествовать надо мной.

Вынув револьвер, негодяй осмотрел патроны и, убедившись, что все шесть гнезд заряжены, сунул его обратно в футляр и схватился за кинжал, висевший у него на левом боку. Видно было, что адский замысел давно уже созрел в его душе, так как он все это проделал с величайшим хладнокровием.

Кальдерон, подавленный одной мыслью о подобном злодеянии, пытался отговорить товарища, доказывая, что их, может быть, ждет только тюремное заключение, а вовсе на казнь. Но де Лара злобно прервал его:

— Если тебе это нравится, можешь гнить в тюрьме, сколько тебе угодно. Мне после всего случившегося это не по вкусу. Я предпочитаю смерть и мщение.

— А не лучше ли мечь и жизнь? — произнес Рокас, подходя к ним вместе с Диацом. По тому, как они запыхались, видно было, что они бежали, торопясь сюда. — Живей, товарищи, идите за мной. Я найду способ сохранить жизнь и отомстить за все, быть может, скорее, чем вы думаете.

— Это бесполезно, Рафаэль! — сказал де Лара, не разобрав еще хорошенько, что, собственно, предлагает его товарищ. — Если мы побежим, нас сразу пристрелят. Да и куда бежать?

— Пойдемте, я покажу — куда. Не унывайте и не сомневайтесь. Нам дорога каждая минута. Если только мы вовремя поспеем.

— Куда поспеем?

— К лодке.

Эти слова сразу оживили де Лару, так как они обещали не только спасение, но и сладость такой мести, какая, по его мнению, еще никогда не выпадала на долю смертного.

Вся его мрачность исчезла. Вместе с двумя товарищами он бодро пошел за Рокасом к скале. Через несколько секунд они уже спускались другой дорожкой прямо к бухте. Ни английские моряки, ни прибывшие с ними матросы не подозревали о приближающейся опасности. Если бы разбойникам удался их план, счастье легко могло изменить защитникам «Кондора».

Глава LIII СЧАСТЬЕ ПОЧТИ ИЗМЕНИЛО

Вот что происходило в это время у подножия скал.

Оставив лодку и боцмана у берега, новая команда «Кондора» направилась к концу бухты. Сначала они подвигались очень осторожно, но, пройдя за скалистый свод в ее центре и увидев лоцину и находившихся там, они смело ринулись вперед. Бороться им было не с кем: вместо вооруженного неприятеля их ждали две девушки. За ними стояло несколько мужских фигур, скорее похожих на привидения, чем на людей. Лица всех были страшно угрюмы, а ноги так слабы, что они с трудом на них держались.

Спрятав свои кортики и револьверы, наши герои поспешно приблизились к бежавшим навстречу девушкам и заключили их в объятия. Никто из них не мог говорить от волнения. В двух словах сообщив, что дон Грегорио жив и невредим, Кроуджер и Кедуолладер стали искать глазами Гарри Блю.

Старый моряк стоял немного поодаль и так растерялся, что даже не в силах был поздороваться. Кроуджер резко повернулся к нему, смотря на него сурово и грозно, как смотрят на величайшего в мире преступника. После всего, что случилось и что он слышал от дон Грегорио, это и не могло быть иначе. Все-таки молодой человек решил выслушать виновного прежде, чем произнести свой приговор.

— Я требую, — обратился он к Блю, — чтобы ты рассказал мне все откровенно, не скрывая правды и не лукавя. Если твоя измена так коварна, как я думал, не жди от меня пощады. Единственное, что может хоть немного облегчить твою участь, — это искреннее признание во всем.

Кроуджер вытащил шпагу из ножен и стал против штурмана, точно ожидая одного только слова, чтобы броситься и совершить над предателем заслуженную казнь.

Сам Гарри тоже был вооружен кинжалом и револьвером, но вместо того, чтобы готовиться к защите, он стоял, опустив голову на грудь, уничтоженный и подавленный. Кроуджер, видя, что он молчит, и, считая это молчание признанием вины, с негодованием воскликнул:

— Сознаться, изменник, скорее, пока я не успел тебя убить!

— Убивайте меня, если желаете. Я счастлив, что могу умереть с сознанием исполненного долга. Все, что было в моих силах, чтобы доказать вам свою бла-

годарность за то, что вы однажды спасли мне жизнь, я сделал...

Не успел он договорить, как лезвие шпаги отвела в сторону женская рука и нежный голос произнес:

— Подожди, Эдуард. Что ты хочешь делать? Ведь этому человеку я и Иньеса обязаны жизнью!

— Да, — добавила Иньеса, подходя к ним. — Помимо жизни мы еще обязаны ему и защитой, и покровительством.

Кроуджер стоял пораженный, и шпага дрожала в его руке. Пряча ее в ножны, он с ужасом думал о том, что едва не совершил поступка, который мог на всю жизнь сделать его несчастным.

За этим необыкновенным эпизодом последовал другой, еще сложнее и значительнее.

Пока Кармен объясняла Кроуджеру, чем был для них обеих Блю, с берега раздались отчаянные крики:

— Скорее сюда! Помогите! Помогите!

Услышав вопли, Кроуджер узнал голос боцмана, оставленного при шлюпке. Ни минуты не колеблясь, он кинулся к берегу, сопровождаемый Кедуолладером и рудокопами. Только двоих он оставил у пещеры для надзора за сдавшимися пиратами.

Уже на полдороге бежавшие увидели, что боцман стоит в лодке, защищаясь веслом и продолжая звать на помощь. В то же время с правой стороны залива к нему спешили четыре человека. Среди них Кроуджер, к своему ужасу, узнал де Лару и Кальдерона, до этой минуты, очевидно, нарочно скрывавшихся от него. Держа револьвер наготове, де Лара со своими сообщниками бросился к шлюпке.

В его намерениях нельзя было усомниться: боцману грозила страшная опасность, почти верная смерть.

Было ясно, что, если пиратам удастся спастись на лодке, они с барком, на котором было оставлено всего три человека команды, уйдут в море. Эта страшная мысль, как молния, блеснула в уме Кроуджера. Он побежал из всех сил, перепрыгивая через груды камней и раковин, боясь опоздать. Увидав, что пираты их все-таки опередили, Кроуджер закричал боцману:

— Отчаливай скорей!

Не успел тот поднять весла и исполнить приказание начальника, как грянул выстрел, и бедняга, зашатавшись, упал на скамейку.

Охваченная одной мыслью о мести, команда ринулась к берегу, но было уже поздно: пираты, овладев лодкой, начали грести.

Однако судьба, видимо, была против них: весла поднимались и опускались, а шлюпка стояла на месте.

Очевидно, киль ее попал на рифы, и собственная тяжесть мешала ей сдвинуться с места. Положение сидевших в ней оказывалось безвыходным. Им оставалось или бороться, или же сдаться врагам, но и то и другое было равносильно смерти. Только де Лара и Рокас стояли за сопротивление, остальные же, цепляясь за жизнь, были готовы покориться.

Всякие колебания прекратились, когда раздались жалобные крики Кальдерона, молившего о пощаде. Шлюпка была окружена, и команда вытащила ее на берег. С трудом удалось Кроуджеру помешать разъяренным рудокопам расправиться по-своему с преступниками. Их спасло только то, что раны боцмана

были не опасны и не угрожали его жизни. Убедившись в этом, матросы вывели пиратов и, обезоружив, поместили их в пещеру как временную тюрьму.

Исключение было сделано только для Страйкера и Девиса. Оба сиднейские каторжника получили помилование условно, дав обещание исправиться. Этим они были обязаны заступничеству Гарри Блю, который сообщил, что Билль Девис помог ему спасти жизнь капитана Лантанаса и дона Грегорио, не исполнив постановления пиратов, поручивших им потопить судно.

Золотой песок был собран и уложен в лодку.

Когда были закончены все приготовления, де Лара, с двумя рудокопами по бокам, был выведен первым. Не опасаясь побега, его оставили несвязанным и незакованным. Он и сам не думал о нем, но в уме его бродило нечто ужасное и жестокое. Клятва мести, произнесенная им на острове, в присутствии Кальдерона, должна была быть исполнена.

Выйдя из пещеры, он стал искать кого-то глазами, пока его блуждающий взор не остановился на четырех лицах, находившихся шагах в двенадцати от него. Кроуджер с Кармен Монтихо и Кедуолладер с Иньесой Альварец стояли попарно, но только первая пара привлекала внимание де Лары. Взглянув на них, он схватил револьвер, висевший на боку одного из матросов, и, одним ударом оттолкнув его, прыгнул в сторону молодых людей.

К счастью Кроуджера и Кармен Монтихо, со всех сторон сразу раздались крики угрозы. Видя опасность, де Лара, не растерявшись, направил револьвер в бежавших навстречу ему людей.

С двух сторон донеслись выстрелы почти одновременно, но достаточно ясно, чтобы догадаться, который из них попал в цель. Но выстрел Кроуджера прозвучал первым.

Когда рассеялся дым от обоих, злодей оказался распростертым на помосте, с раной в груди, из которой кровь разливалась обильной струей.

Бросившись к нему и нагнувшись, Гарри Блю произнес:

— Мертв! Сердце прострелено насквозь. Храброе сердце! Как жаль, что оно было так черно.

— Уйдем, дорогая! — обратился Кроуджер к Кармен. Твой отец измучился в тревоге. Довольно ужасов. Будем надеяться, что им настал конец.

Взяв свою невесту за руку, он отвел ее в лодку; за ним шел и Кедуолладер с Иньесой.

Все уселись на корме в ожидании остальной команды. Вскоре появились матросы во главе арестованного экипажа «Кондора»; только четверо преступников были брошены на острове, обреченных на съедение грифам и морским орлам.

Глава LIV

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ МАТРОСА

На второй день после трагедии, разыгравшейся на острове, чилийский барк отвалил от берега Верагуа.

Обогнув мыс Кабо-Мала, он направился в Панаму. С многочисленной командой, состоявшей главным образом из опытных и способных моряков, это было делом нетрудным. Кроуджер, на правах капитана, восстановил Гарри Блю в должности старшего штурмана. Однако, изнуренный голодом и всем, что ему пришлось пережить, Гарри так ослабел, что временно был освобожден от исполнения своих обязанностей, взятых на себя Кедуолладером.

Несмотря на физическое недомогание, старый моряк все же оказался в силах рассказать своим молодым начальникам всю историю сигнала бедствия.

До сих пор они посвящали свое свободное время исключительно своим невестам, но теперь пожелали наконец услышать исчерпывающий рассказ о катастрофе; это мог сделать удовлетворительно только Гарри.

— Да, — начал он, — это очень запутанный клубок, и, если бы вы не появились как раз вовремя, чтобы его распутать, трудно сказать, чем был все это кончилось. Вероятнее всего, мы нашли бы смерть на этом пустынном острове и сложили бы там свои кости. Не умаляя ваших заслуг в этом деле, надо сказать, что нам повезло и наша счастливая звезда тоже выручила нас.

— Верно, — согласился Кроуджер, вполне разделявший взгляд моряка, — это действительно было исключительное счастье и удача. Продолжайте.

— Так вот, я начну с начала, с той минуты, как мы с вами расстались в Сан-Франциско. Как я сказал тогда мистеру Вилли, когда он пристал к берегу в маленькой шлюпке, меня только что наняли старшим штурманом на чилийский барк. Когда я вошел на борт, да и после, в течение нескольких дней, я оказался там единственным моряком. Когда же капитан поместил свое объявление, к нему тотчас полезло, как я и ожидал, много народа. Он отобрал из них одиннадцать молодцов, выдававших себя за опытных матросов. Одного из них, Падиллу, за неимением лучшего, произвели в чин младшего штурмана. Его-то вздернули третьим по порядку, а следовало первым, так как из всей этой теплой компании он был самый жестокий мерзавец, и если кто из них всего больше заслуживал виселицы, так это именно он. Пробыв еще дня два в порту, шкипер решил сняться с якоря. Тогда-то и явился дон Грегорио с сеньоритами, и все они остались на борту.

Еще до выхода в море у меня закралось подозрение насчет вновь принятого экипажа. Мне все казалось, что это плохие люди, а как только мы пошли полным ходом, я в этом уже не сомневался. Убедившись, что о морской работе они и понятия не имеют, я предвидел всякие затруднения как в этом смысле, так и в отношении дисциплины.

Во вторую же ночь по выходе из порта я сделал страшное открытие, что это просто-напросто шайка пиратов, с уже готовым планом заговора. Счастливая случайность привела меня к раскрытию их замыслов. Я нечаянно услышал разговор двух бывших каторжников, Джека Страйкера и Билля Девиса. То, что они говорили, было так ясно и сулило такие ужасы, что у меня волосы стали дыбом и кровь в жилах застыла. План их состоял в том, чтобы ограбить золо-

то, перевезенное на корабль стариком испанцем, похитить девушек и, размозжив головы дону Грегорио и капитану, потопить их вместе с «Кондором». С вашим покорным слугой и коком должны были поступить таким же образом.

Прислушавшись к этому дьявольскому заговору, я терялся в догадках, как выйти из положения. Дело шло о жизни и смерти для некоторых из нас, а для сеньорит еще о худшем. Сначала я хотел сообщить обо всем капитану Лантанасу, дону Грегорио и негру, но затем сообразил, что это дела не изменит, а, наоборот, ускорит катастрофу. Я знал капитана за человека доверчивого и добродушного. А что, если он не поверит в заговор и, потребовав признания от мошенников, только повредит делу спасения? Из слов Страйкера и Девиса я понял, что исполнение задуманного злодеяния было отсрочено до того момента, когда барк очутится в виду берега, по пути в Панаму. У меня, таким образом, было достаточно времени, чтобы найти какой-нибудь выход.

После долгих размышлений я наконец выработал план действий, решив прикинуться сообщником негодяев и стать во главе заговора. Поняв из беседы двух сиднейских жуликов, что у них уже возникли раздоры по поводу дележа добычи, я увидел, что на этом можно сыграть. В ту же ночь я заручился доверием Страйкера, был принят в их компанию и, скрепя сердце, стал орудовать вовсю.

Не желая возбудить подозрения моих новых товарищей, я должен был притворяться угрюмым по отношению к сеньоритам, охрану которых вы мне поручили. Не раз у меня ныло сердце при мысли о вас и мистере Вилли. Передо мной невольно вставал вопрос, что бы было, если бы я не попытался спасти ваших невест. Особенно тяжело было, когда пришлось отклонять их разговоры, отвечая грубо и нелюбезно, чтобы не выдать себя, так как за мной следили много глаз и подслушивало много ушей. Сказать же им правду — значило погубить все дело. Они, конечно, сразу пошли бы к старикам, а раскрытие тайны привело бы нас всех к немедленной смерти.

Тогда мне стало ясно, что всех спасти не удастся и что ради сохранения жизней сеньорит надо пожертвовать жизнью двух стариков и кока.

Но в конце концов все сложилось так счастливо, как я и не предвидел. Все живы — чего же мне больше желать?

Рассказчик умолк в порыве радостного сознания, что все беды миновали. Слушатели молча разделяли его чувства. После некоторой паузы он продолжал:

— Наконец, в виду берега, как и было решено, настало время для свершения страшного дела. С наступлением ночи мы принялись за него, я — в признанной роли вождя. Сначала мы спустили лодку и поместили в нее свои вещи. Потом мы разделились: часть людей пошла за золотым песком, а другая — за сеньоритами. Я оставил Гомеца их охранять, боясь слишком рано накликать беду.

Вместе с Девисом, оказавшимся чем-то вроде судового плотника, мы взялись просверлить днище и с этой целью спустились в трюм. Там я предложил ему дать обреченным возможность спастись, отказавшись от потопления «Кондора». Несмотря на то что он бывший каторжник, он не так жесток, как другие, и потому согласился на мое предложение. Мы вернулись на палубу, как будто выполнив поручение, на самом же деле не тронув дна судна. Высунув голову из люка, я увидел, что вся команда уже в лодке и сеньориты там

же.

Не зная, что они сделали с доном Грегорио и шкипером, я очень опасался, не избili ли они их, как предлагал было Падилла. К сожалению, проверить это мне не удалось, так как, пока я ходил бы в каюту, они могли отчалить; некоторые уже подавали голос за это. Тогда я очутился бы в ловушке, а девушки оказались бы без защиты. Такой конец разрушил бы все мои планы, и потому я поспешил в лодку.

Мы стали грести прямо вперед, оставив судно в том же виде, в каком оно было весь этот день. Еще долго мы не теряли его из виду и могли рассмотреть его поднятые паруса, совсем так, как будто вся команда была налицо и управляла им.

— Но флаг был перевернут? — спросил Кедуолладер. — Он был в таком виде, когда нам повстречалось судно. Как могло это произойти, Гарри?

— Ах, то, что он был вверх ногами? Я сам это устроил ночью, думая, что таким образом их скорее могут спасти.

— Вы и это сделали? — радостно воскликнул Кроуджер. — Какое счастье! Не будь этого тревожного сигнала, крейсер прошел бы мимо, и... Но продолжайте. Расскажите нам, что было дальше.

— Вскоре мы выбросились на берег, не подозревая, что это остров. Судьба благоприятствовала нам и здесь. Будь это материк, нечего и говорить, что дело приняло бы совсем иной оборот. После причала мы оставались всю ночь на берегу, где оказалось несколько пещер. Мужчины заняли большую из них, а сеньориты поменьше. Я сам позаботился поместить их подальше от этой компании, чтобы оградить их от вторжений, но они, верно, уже рассказали вам о том, что это не очень-то помогло. В ту же ночь к ним явились Гомец и Гернандец, оказавшиеся теми самыми молодцами, которые еще в Сан-Франциско доставили вам немало хлопот. Они, как вы знаете, проникли в пещеру и наговорили девицам всяких дерзостей. Правда, я был недалеко, и если бы дело пошло дальше слов, то, конечно, сумел бы расправиться с негодяями. На следующее утро, проснувшись рано, мы увидели, что лодку разбило волнами во время шторма и унесло в море. Но, полагая, что она нам больше не понадобится, никто о ней не горевал. Затем начался дележ золота, после чего возник важный вопрос, по крайней мере для меня: кто уведет девиц?

Как я и предполагал, Гомец и Гернандец стали предъявлять свои права, но я приготовился их оспаривать, хотя бы мне это стоило жизни.

Прикидываясь влюбленным в донью Кармен, я уговорил Девиса на то же относительно доньи Иньесы. Мы выступили со своими требованиями. Дело кончилось тем, что я и Гомец, то есть де Лара, должны были драться на пистолетах, и хотя я смерти не страшился, но боялся оставить девушек без защиты.

Дуэль была уже назначена, так как другого выхода не предвиделось. От пистолетов мы имели право, в случае надобности, перейти к холодному оружию.

Все было решено, и мы собирались начать, когда вдруг голландец, влезший на скалу для наблюдений, крикнул нам, что мы пристали не к материку, а к острову.

Вспомнив, что лодка наша погибла, мы поняли, какая страшная опасность перед нами, и, бросив всякие личные счеты, устремились наверх.

Негодяи были как громом поражены и с радостью бы вернулись на барк, который все, кроме меня и Девиса, считали давно утонувшим. После этих пе-

чальных событий сеньориты оказались в полной безопасности. Для тех, кто мечтал завладеть ими как добычей, они отступили на второй план, да и перспектива голодной смерти превратила диких волков в ручных животных.

Теперь вы знаете все и можете сами судить, сдержал ли Гарри Блю слово, данное вам до ухода из Сан-Франциско.

— Вы действовали благородно и безукоризненно, — воскликнул Кроуджер, — и сдержали слово, как его держит истый британский моряк. Дайте мне обнять вас и прижать к сердцу, Гарри! И простите нам наши подозрения, от которых мы не могли отделаться сразу. Вилли, и ты обними его скорее и скажи ему, что мы сумеем быть благодарными человеку, спасшему нам больше, чем жизнь...

— Благодарю вас, Блю, благодарю, — проговорил растроганный Кедуолладер, до боли сжимая его в своих объятиях.

Вслед за этой торжественной сценой наступило глубокое молчание.

Его внезапно прервал голос Груммета, стоявшего у руля и направлявшего судно прямо в порт Панама, уже вырисовавшийся вдали.

— Мистер Кроуджер, — крикнул старый боцман, — вы видите судно, стоящее на якоре, там, на рейде?

Все обернулись в указанном направлении и в один голос воскликнули:

— Это наш «Паладин»!

Развязка романа произошла в городе Кадиксе. Два английских военных моряка женились на двух красивых испанках. Сообщать вам, кто эти молодые люди, кажется, не приходится. Так же ясно, кто были их невесты.

Не стоит описывать все великолепие этой двойной свадьбы, долгое время составлявшей в Кадиксе любимую тему для разговоров. Достаточно сказать, что на ней присутствовали все иностранные консулы и командиры военных кораблей, со знаменитыми между ними капитаном Бресбриджем и моряками «Паладина». Следует назвать еще двух моряков с «Кондора», в то время находившегося в доке для ремонта. Этими моряками были капитан Лантанас и старший штурман Блю. Судьба вовремя сжалилась над чилийским шкипером, давно уже освободив его сознание от затемнявших его туч. Зная теперь все о Гарри Блю и оценив его по-настоящему, капитан, оставаясь на палубе его начальником, совершенно менялся в каюте, где их связывала самая горячая братская дружба.

Процветая среди торговых судов, с восстановленной оснасткой и оригинальными мачтами, «Кондор» курсировал между Вальпараисо и Кадиксом, меняя чилийское золото и серебро на испанские шелка и сладкие вина. Теперь никто не мог узнать в нем барка, на котором еще недавно развеялся сигнал бедствия.

АМЕРИКАНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

роман

Глава I

ПАРТИЗАНЫ

— **П**ойду! Это восклицание было произнесено молодым человеком, шагавшим вдоль набережной Нового Орлеана. Перед произнесением этого возгласа он случайно остановился у наклеенного на стене объявления, на котором крупным шрифтом было напечатано следующее: «Патриотам и друзьям свободы!» Затем следовал текст прокламации, в которой после упоминания в энергичных выражениях об измене Санта-Анны, Фаннингском убийстве и зверствах Аламо призывались все патриоты и друзья свободы к восстанию против мексиканского тирана и его сообщников.

— Пойду! — вскричал молодой человек, прочтя объявление. Затем, перечитав его с большим вниманием, он повторил восклицание с энергией человека, принявшего непоколебимое решение. Объявление извещало также о митинге, назначенном в тот же вечер в кофейне на улице Пойдраской.

Молодой человек, запомнив адрес, собирался продолжать путь, когда ему вдруг загородил дорогу исполин ростом в шесть футов и шесть дюймов, обутый в сапоги из крокодиловой кожи.

— Итак, вы решили идти? — спросил гигант.

— А вам какое дело? — грубо оборвал его молодой человек, раздраженный вопросом, показавшимся ему плодом праздного любопытства.

— Мне до этого больше дела, чем вы думаете, молодой человек, — ответил ему великан, продолжая загораживать дорогу, — так как объявление вывешено мною.

— Вы, значит, расклейщик объявлений? — спросил с усмешкой молодой человек.

Великан ответил взрывом смеха, походившим на ржание лошади.

— Расклейщик объявлений! — произнес он наконец. — Это недурно сказано! Ха-ха-ха! Мне, во всяком случае, нравится такая откровенность, и я сейчас рассею ваши сомнения.

— Скажите же, прошу вас, кто вы такой?

— Случалось ли вам слышать о Крисе Роке?

— Как! Крис Рок из Техаса? Тот, который в Фаннинге...

— Был смертельно ранен, что не мешает ему прекрасно себя чувствовать, — заметил Крис Рок, перебивая своего собеседника.

— Тот, который каким-то чудом уцелел после Голиадской бойни?

— Он самый, молодой человек! Если вам так хорошо известно мое прошлое, мне незачем уверять вас, что я не расклейщик объявлений. Когда я услышал, как вы вскричали «Пойду!», я подумал, что всякие церемонии излишни между людьми, которые, надеюсь, станут в скором времени товарищами. Вы придете сегодня вечером в кофейню?

— Да, собираюсь.

— Я тоже, и, если вы взглянете вверх, вам нетрудно будет разыскать меня в толпе, так как едва ли я буду ниже других, — прибавил он тоном, ясно выразившим, насколько он гордился своим высоким ростом. — Ищите всегда Криса Рока, а найдя его, помните, что он может быть вам полезен!

— Что я и не премину сделать, — ответил молодой человек, к которому вернулось хорошее расположение духа.

При прощании великан подал ему руку, напоминаяшую своими размерами лопату, и сказал, внимательно оглядев его, точно пораженный неожиданно пришедшей ему в голову мыслью:

— Не были ли вы когда-нибудь на военной службе?

— Я только воспитывался в военной школе, более ничего.

— Где же? В Соединенных Штатах?

— Нет, я происхожу с противоположной стороны Атлантического океана.

— О, англичанин! Это для Техаса безразлично, там встречаются люди со всех стран света. Так вы, значит, англичанин?

— Нет, — ответил поспешно иностранец с легкой иронической улыбкой, — я ирландец и не из тех, которые скрывают это.

— Тем лучше! Вы, значит, воспитывались в военной школе. Могли ли бы вы обучать людей, в свою очередь?

— Конечно.

— Черт меня побери, если вы не тот именно человек, который нам нужен! Не согласились ли бы вы стать у нас офицером? Мне кажется, вы вполне подходите к этому.

— О да, на это я вполне согласен, но как иностранец имею мало шансов быть избранным, ведь вы выбираете офицеров, не правда ли?

— Да и сегодня же вечером займемся их избранием. Заметьте, молодой человек, ваша внешность мне нравится, и я уверен, что у вас большие способности. Слушайте же. Один человек считается кандидатом на должность капитана. Он наполовину испанец, наполовину французский креол из Нового Орлеана. Многим из нас, старым техасцам, кажется, что он не многого стоит, хотя и

достиг популярности среди граждан Нового Орлеана благодаря тому, что поглощает вино как бездонная бочка, у него военный склад ума, и многие предполагают даже, что он был на военной службе. Но у него есть нечто во взгляде, что не внушает мне доверия. Не я один такого мнения, и потому, молодой человек, если вы явитесь в назначенный час и скажете подходящую речь... Вы умеете говорить?

— Да, я могу сказать несколько слов.

— Прекрасно, я тоже произнесу краткую речь, затем предложу выбрать вас в капитаны. Почему знать, может быть, большинство голосов будет за вас? Вы попробуете, не правда ли?

— Конечно, — ответил ирландец с видом, ясно говорившим, что предложение пришлось ему по душе, — но почему, господин Рок, вы сами не представляете своей кандидатуры? Вы уже состояли на службе и будете, я уверен, превосходным офицером.

— Я — кандидат на офицера? Я, правда, достаточно высок и даже довольно уродлив, но таких претензий все же не имею. К тому же не имею ни малейшего понятия о солдатской выправке, и это мой главный недостаток. Мы не можем называться в Техасе настоящими солдатами, вот почему мексиканцы имеют над нами преимущество. Мы, в свою очередь, можем состязаться с ними, если вы согласитесь идти с нами. Вы ведь согласны, не правда ли?

— Да, если это вам желательно.

— Значит, дело решено, — сказал техасец, пожимая руку молодого человека с силой, достойной медведя. — До захода солнца остается еще часов шесть, советую вам подготовиться к своей будущей речи. Я же, со своей стороны, потолкаюсь между приятелями, чтобы подготовить вашу кандидатуру.

Великан, пожав в последний раз руку иностранцу, сделал было несколько шагов, как вдруг, остановившись, закричал:

— Пойдите!

— В чем дело? — спросил молодой ирландец.

— Положительно, Крис Рок — один из самых рассеянных людей в Новом Орлеане! Подумайте, ведь я собирался предложить вас в кандидаты, не имея ни малейшего понятия о вашем имени. Как вас зовут?

— Керней, Флоранс Керней.

— Флоранс, говорите вы? Ведь это же женское имя?

— Да, но в то же время в Ирландии очень распространенное мужское имя.

— Интересно! Впрочем, это не имеет никакого отношения к делу, фамилия Керней прекрасно звучит. Мне приходилось слышать имя Кет Керней, о ней поется даже в песенке. Уж не родственница ли вам эта Кет?

— Нет, Крис Рок, я, по крайней мере, не знаю; женщина эта происходила из Килларнея, я же принадлежу более к северному берегу Острова.

— Все равно, Керней! Мне это имя нравится, а в соединении со званием капитана оно будет звучать еще лучше, что и должно произойти сегодня вечером, если Крис Рок не ошибается в своих расчетах. Советую вам прийти на собрание пораньше, чтобы иметь возможность поговорить с товарищами, это будет весьма полезно. Затем, если у вас найдется десяток долларов, вам не мешает предложить кое-кому выпить с вами, это также принесет свою пользу.

Затем техасец удалился, предоставив Кернею обдумать на свободе мудрые советы и предостережения, преподанные ему с такой готовностью и охотой.

Глава II

ДЕЛО КАСАЕТСЯ ЖЕНЩИНЫ

Объясним же читателю, кто был Флоранс Керней и почему он находился в Америке.

За полгода до описанной выше встречи он, приехав на торговом судне, нагруженном хлопчатой бумагой, высадился на берег в Новом Орлеане.

Дворянин по рождению, воспитанный в военной школе, он предпринял путешествие в Новый Свет, чтобы довершить свое образование. Мысль посетить страну, мало исследованную европейскими туристами, была ему внушена собственными наклонностями и советами дяди, совершившего такое же путешествие.

Проходя курс наук, Флоранс Керней прочел и перечел несколько раз историю завоевания Мексики Фернандом Кортесом, и описание этой живописной страны произвело сильное впечатление на воображение молодого ирландца. С тех пор он лелеял мечту увидеть эту страну Анахуак и ее древнюю столицу Теночтитлан. По окончании училища эта мечта превратилась в неотвязную мысль, а затем и в непоколебимое решение. Намерение это было, действительно, уже на пути к исполнению, когда мы встречаемся с Флорансом Керней в Новом Орлеане.

Он намеревался отплыть на каком-нибудь прибрежном судне, идущем в один из мексиканских портов, хотя бы в Тампико или Вера-Крус.

Но почему же он так медлил покинуть Новый Орлеан? Причина, задержавшая его на берегу, не представляла ничего необыкновенного, так как дело касалось некой красавицы, в которую он был влюблен до безумия. Другая причина, удержавшая его сначала от продолжения путешествия, — незнание испанского языка. Он хотел изучить его до дальнейшего своего путешествия на запад, а в Новом Орлеане было всего легче найти подходящего учителя. Того, к которому он обратился, звали Игнацио Вальверде.

Это был мексиканец довольно знатного происхождения, жертва тирана Санта-Анны, изгнанный из своей страны и поселившийся в Соединенных Штатах. Его положение изгнанника без всяких средств было крайне тяжелым.

Дон Игнацио, некогда богатый землевладелец, принужден был теперь давать уроки испанского языка случайным ученикам. Между ними оказался и Флоранс Керней. Но, изучая язык андалузцев, Флоранс полюбил ту, в устах которой этот язык имел особую прелесть: это была дочь дона Игнацио Вальверде.

Расставшись с Крисом Роком, молодой ирландец пошел медленно по берегу, опустив голову и устремив глаза на песок, точно внимательно рассматривая покрывавшие его раковины. Затем он вдруг поднял голову и с удивлением стал смотреть на величественные воды реки. На самом же деле он весьма мало интересовался раковинами и Миссисипи и еще меньше думал о той речи, которую ему предстояло произнести на собрании «патриотов и друзей свободы». Он был весь во власти лишь одного чувства — страсти, которая заполняла его сердце.

— Во всем этом есть что-то ненормальное, — говорил он себе, продолжая идти. — Я собираюсь сражаться за страну, к которой вовсе не чувствую симпа-

тии, и сражаться с другой страной, которую я собирался изучить, проехав для этого несколько тысяч верст, воодушевленный самыми мирными и дружескими к ней чувствами. А теперь я отправляюсь туда, как враг, с оружием в руках! И к тому же это родная страна той, которая завладела моим сердцем! Да, вот она, настоящая причина: ее сердцем я не сумел овладеть... В этом я убедился сегодня утром. Но к чему думать все время о ней?.. Луизе Вальверде до меня столько же дела, сколько до той полдюжины креолов чистой крови, которые кружатся вокруг нее, словно бабочки вокруг цветка! Один только имеет некоторый шанс на успех: это Карлос Сантандер. Вид этого человека мне невыносим, это плут, негодяй; но она не распознает в нем плута, и если правда все то, что говорят о стране, в которой он родился, то он не хуже остальных.

Черт возьми! Как я мог влюбиться в эту мексиканку после всего, что слышал о ее соотечественниках! Она просто околдовала меня. Чем скорее я освобожусь от ее чар, чем скорее удалюсь от нее, тем для меня будет лучше. Эта техасская история дает мне возможность избежать гибели. Если Луиза не разделяет моего чувства, то для меня будет удовлетворением думать, что, сражаясь против ее страны, я могу некоторым образом унижить ее самолюбие. Ах! Техас, если ты находишь во мне защитника, то причина тому не патриотическая любовь моя к тебе, а средство изгнать из сердца горькие воспоминания. В самом деле! — вскричал он, помолчав с минуту, в которую, казалось, старался связать нить своих размышлений. — Случай, сведший меня с Крисом Роком, можно назвать счастливым, я желаю избавиться от власти сирены, и вот мне валится с неба друг, покровитель, предлагающий мне стать начальником отряда партизан! Зачем отказываться от подобного блага? Зачем? Это редкий случай, редкая удача. Продолжайте, Крис Рок, продолжайте! Делайте все, что в вашей власти, а я приложу все усилия, чтобы поспособствовать вам, произнеся достойную речь. Если я буду выбран, Техас приобретет защитника, а Луиза Вальверде лишится одного из своих обожателей.

Кончая этот монолог, в котором горечь смешивалась с тщеславием, Флоранс Керней подошел к отелю, великолепному отелю св. Карла, в котором он жил. Войдя в большой зал, он присел, чтобы обдумать свои дальнейшие действия.

Глава III

ИЗБРАНИЕ ОФИЦЕРОВ

Собрание партизан должно было состояться в трактире, находившемся на улице Пойдрас. Снятый для этого случая зал мог вместить триста человек. Около двухсот человек отозвалось на воззвание, прочтенное утром молодым ирландцем, и из них, по крайней мере, половина твердо решила отправиться против Санта-Анны.

Собрание состояло из самых разнородных элементов, как всегда было и будет, когда дело идет о военной экспедиции.

В этот вечер в зале находились представители всех цивилизованных наций Европы, а также и такие, которые не имели ни малейшего понятия о цивилизации, бородатые, загорелые, очевидно, долго пребывавшие в диких странах, а может быть, имевшие и еще более близкое отношение к дикарям.

Согласно совету техасца Флоранс Керней явился на собрание рано, но не так все же рано, чтобы не встретить ни одного знакомого лица. Крис Рок был уже там, окруженный многочисленными друзьями, всё старыми техасцами чистейшей крови, которые после участия во многих сражениях в защиту молодой республики возвратились в Новый Орлеан отчасти, чтобы развлечься, отчасти, чтобы завербовать новых сторонников идеи, завлекшей их в Техас, — доктрины Монрое. Молодой ирландец был представлен техасцам как их сторонник и друг, могущий доказать это с рюмкой в руках, что тот и сделал бы весьма охотно, нисколько не заботясь о последствиях, раз таков был обычай этой щедрой нации, если бы он не заметил при входе в зал, что в противной партии раздавались не рюмки вина, а доллары, очевидно, эта сторона решила действовать вовсю, чтобы провести своего кандидата.

Керней не только не видел еще своего соперника, но не знал даже его имени. Представьте себе удивление молодого ирландца, когда в зал вошел субъект, для него более чем хорошо знакомый: ого соперник и претендент на сердце Луизы Вальверде — Карлос Сантандер, сопровождаемый многочисленными друзьями! И он, в свою очередь, домогался командования отрядом партизан! Керней не верил своим глазам, зная, что этот человек был в самых лучших отношениях не только с доном Игнацио, но и с другими мексиканцами, которых он часто встречал у своего учителя. Как же мог этот креол домогаться стать начальником отряда, хотевшего завладеть их страной, чтобы отомстить мексиканцам за их вторжение в Сан-Антонио, столицу Техаса? Правда, изгнанные мексиканцы стали врагами Санта — Анны, и поэтому кандидатура Карлоса Сантандера не была невозможной. Восторжествовав над диктатором, они могли бы своей партией захватить власть, хотя бы им пришлось действовать заодно с техасскими скваттерами, их наследственными врагами.

Молодой ирландец, перебирая в уме все эти предположения, не мог никак согласовать столько противоречий, и кандидатура Сантандера на должность начальника партизан казалась ему более чем странной. Но теперь не время было теряться в догадках, он едва успел обменяться вызывающим взглядом со своим соперником, как председатель митинга, в техасском мундире, вскочил одним прыжком на стол и крикнул: «Внимание!» После короткой, но прочувствованной речи он предложил приступить немедленно к избранию офице-

ров. Это предложение не вызвало ни малейшего возражения. Приступили к делу без шума и суматохи, тишина царила снаружи и внутри, да и следовало, впрочем, действовать не столь открыто, ибо, как ни популярно было это движение во всех штатах, международный закон был настолько строг, что правительство могло вмешаться в дело. Выборы проводились самым примитивным образом: имена кандидатов, написанные на лоскутах бумаги, раздавались присутствующим, только члены — учредители этого собрания имели право назначать кандидатов. Каждый из них, взяв листок, на котором была написана фамилия предлагаемого им кандидата, клал его в шляпу, которую обносили по всему собранию.

Когда все голоса были собраны, шляпа была возвращена и содержимое ее было высыпано на стол. Председатель в присутствии двух секретарей сосчитал бюллетени, затем последовала на некоторое время тишина, прерываемая лишь изредка коротким замечанием председателя или шепотом секретарей. Наконец тexasский полковник провозгласил результаты выборов: Флоранс Керней был выбран в капитаны большинством в 33 голоса!

Эти слова были покрыты громовым «ура», в котором громче всех прозвучал голос Криса Рока. Затем великан, пробравшись сквозь толпу, крепко пожал руку своему новому другу, сделавшемуся его начальником благодаря его же протекции.

Побежденный воспользовался этой минутой, чтобы незаметно удалиться, по его пристыженному виду заметно было, что имя Карлоса Сантандера должно было быть отныне вычеркнуто из списка партизан. Во всяком случае, не успел он уйти, как уже был забыт.

Оставалось еще избрать поручика и подпоручика, затем пришла очередь сержантов и капралов. Надо было организовать полный командный состав. Когда выборы были окончены, общее воодушевление охватило присутствующих, градом сыпались поздравления, со всех сторон чокались, говорили речи, одним словом, праздник был в полном разгаре, ничего не было забыто, даже не забыли пошутить насчет Санта-Анны и его пробковой ноги. Расстались, конечно, не раньше, как была пропета патриотическая песня «Star spangled banner».

Глава IV

ПРИГЛАШЕНИЕ НА УЖИН

Простившись с новыми товарищами и покинув трактир на улице Пойдраской, Флоранс Керней остановился внезапно, точно не зная, по какому направлению идти. Он вовсе не забыл дороги к своему отелю, находившемуся по соседству, он давно привык ориентироваться во всех частях города, и его колебание происходило совсем по другой причине.

«Дон Игнацио, по крайней мере, желает меня видеть, хотя бы его дочь и не хотела этого. Приняв его приглашение, я, однако, не могу теперь воспользоваться им... Ах, если бы я знал раньше!.. После того, что я видел сегодня, мне положительно лучше вернуться в отель и отказаться навсегда видеться с ней», — думал Флоранс.

Но вместо того, чтобы вернуться в отель, он продолжал стоять, не зная, на что решиться.

Но в чем же состояла истинная причина его колебания? Единственно в том, что его мысли были заняты несчастной любовью к Луизе Вальверде. «Что ей до того, — говорил он себе, — приду я к ней ужинать или нет?» Он был приглашен доном Игнацио к ужину. Получив накануне приглашение, Флоранс Керней поспешил ответить на него утвердительно. Но после ему пришлось быть свидетелем сцены, заставившей его пожалеть о своем решении. Он застал Карлоса Сантандера шептавшим на ухо Луизе слова, конечно, слова любви, так как они заставили молодую девушку вспыхнуть.

Он не имел ни малейшего права требовать у Луизы отчета в ее поведении. Он видел дочь своего учителя не более десяти раз, когда приходил брать уроки. Иногда они обменивались ничего не значащими фразами о погоде, об испанском языке, о Новом Орлеане, в котором оба были иностранцами. Один только раз девушка отнеслась с большим интересом к разговору: когда, говоря о путешествиях, он сказал, что собирается поехать в Мексику. Он при этом принялся рассказывать все, что слышал о мексиканских женщинах, заметив довольно наивно, что жизни его грозит там меньше опасности, чем его сердцу. Кернею показалось, что она прислушалась к этой фразе с особенным вниманием.

— Да, дон Флоранс, — ответила она меланхолически, — вы увидите в Мексике много такого, что оправдает ваши ожидания, мои соотечественницы действительно красивы, даже слишком красивы, увидя их, вы скоро забудете...

Сердце Кернея забило, он ожидал услышать: «Луизу Вальверде». Но вместо этого девушка закончила фразу словами: «...нас, бедных изгнанников». И все же в ее голосе было что-то, глубоко тронувшее Кернея.

Если он не был любим теперь, то ведь это не значило, что он никогда не будет любим.

С тех пор он предавался сладким мечтам и надеждам, которые вдруг разом исчезли, когда он застал Луизу, выслушивающую нашептывания Карлоса Сантандера. Этого было достаточно, чтобы изгнать всякую надежду из сердца Кернея и заставить его откликнуться на воззвание. Вот настоящая причина, почему он присоединился к партизанам и сделался их начальником.

Теперь молодой ирландец, все еще сильно огорченный, делал несколько

шагов, затем останавливался, разговаривая сам с собой:

— Увижу ли ее или нет? Но почему же нет? Если она потеряна для меня, я ничем не рискую, желая насладиться еще раз ее присутствием, ведь, во всяком случае, не стану от этого ни более, ни менее несчастлив. Какое-то впечатление произведут на нее мои новые лавры? Сказать ей разве, что я собираюсь предать все в Мексике огню и мечу? Если она любит свою страну, мое намерение ужаснет ее, и, если она ко мне равнодушна, ее горе будет для меня как бы отмщением.

Надо признаться, что это были довольно странные мысли для влюбленного, идущего на свидание со своей милой. Но если принять во внимание все сказанное выше, то они могут показаться довольно естественными, и Флоранс, не раздумывая более, отправился к дону Игнацио Вальверде.

Глава V ПРЕДНАМЕРЕННЫЙ ВЫЗОВ

Дон Игнацио Вальверде жил в маленьком домике на улице Казакальво. Это была деревянная постройка во франко-креол-ском стиле, одноэтажная, с окнами, выходящими на низкую веранду. Дон Игнацио был единственным жильцом в этом доме, у него была только одна служанка, молодая мексиканка смешанной крови, наполовину белая, наполовину индианка, то есть метиска. Средства дон Игнацио не позволяли ему держать больше прислуги. Ничто, впрочем, не указывало у него на бедность. Гостиная, правда, была невелика, но хорошо меблирована, книги, арфа, гитара и ноты изобличали утонченные вкусы хозяев. Луиза Вальверде артистически играла на обоих инструментах, весьма распространенных в ее стране.

В вечер избрания офицеров, описанный выше, дон Игнацио, оставшись один с дочерью, попросил ее спеть что-нибудь под аккомпанемент арфы. Она выбрала один из романсов, которыми так богат мысли мексиканской сеньориты были далеки от музыки. Едва она кончила петь, как покинула гостиную и вышла на веранду дома. Спрятавшись там за занавесью, скрывавшей ее от взоров прохожих, она, казалось, кого-то ждала. Так как она знала, что отец пригласил Флоранса к ужину, то можно было подумать, что она ждала именно его.

Если это действительно так, то каково же должно было быть ее разочарование, когда она увидела подходящим к дому совершенно другого человека! Раздался звонок, и Пепита, служанка, побежала отворять дверь. Затем послышались шаги по ступенькам, ведущим на веранду. Девушка вернулась в гостиную. Жара была в тот вечер особенно удушлива, и дверь была нарочно приоткрыта, чтобы дать доступ воздуху. Выражение недовольства, почти грусти отразилось на лице Луизы Вальверде, когда она узнала при свете луны Карлоса Сантандера.

— *Rasa Usted adientro, senor don Carlos*[2], — сказал дон Игнацио, заметивший посетителя через окно.

Минуту спустя креол входил уже в гостиную, и Пепита подала ему стул.

— Мы не рассчитывали иметь удовольствие видеть вас сегодня, но, во всяком случае, милости просим!

Несмотря на кажущуюся любезность этого приветствия, в нем все же слы-

шалась неискренность. Было ясно, что в этот вечер, по крайней мере, Сантандер пришел некстати. Холодный прием, оказанный ему Луизой, выражал то же самое. Вместо того чтобы встретить гостя с улыбкой, девушка сдвинула брови и так сурово посмотрела на него, что не могло быть сомнения в ее неприязненном к нему чувстве. Не его, очевидно, поджидала она, прячась за занавеску.

Действительно, приход Сантандера был одинаково неприятен как отцу, так и дочери, оба, хотя и по разным причинам, не желали, чтобы он встретился у них с ожидаемым ими гостем.

Заметил ли то креол или нет, но он ничем не выдал своих чувств. Дон Карлос Сантандер обладал не только красотой, но и редким умом и самыми разнообразными способностями. Наружное спокойствие и непроницаемость были его характерными чертами.

В этот вечер, однако, он менее владел собой, был беспокоен, раздражителен, глаза его как-то странно блестели, точно креол был еще под впечатлением перенесенной неудачи.

Дон Игнацио заметил это, но ничего не сказал.

Гость, казалось, имел какое-то таинственное влияние на хозяина дома и держал его в своей власти. Оно так и было на самом деле. Сантандер, хотя и родился в Новом Орлеане, был, однако, мексиканского происхождения и считал себя гражданином страны своих предков, только близкие друзья его знали, что он пользовался исключительным доверием мексиканского диктатора. Дон Игнацио, знавший об их хороших отношениях, надеялся извлечь из этого для себя пользу. Уже не раз Сантандер из особых видов, о которых мы расскажем впоследствии, прельщал дону Игнацио возможностью вернуться в родную страну и получить обратно свои конфискованные имения.

Изгнанный патриот, изнемогший от долгого ожидания, готов был склониться на предложения, которые в другое время показались бы ему, вероятно, унижительными.

Чтобы переговорить об условиях, дон Игнацио сделал знак дочери удалиться. Она поспешила исполнить желание отца, обрадованная тем, что может снова выйти на балкон, оставив дону Игнацио одного с гостем.

Дело касалось заключения контракта, о котором между ними уже было вскользь говорено, контракта, обеспечивающего возвращение имений дону Игнацио и отмену постановления о его высылке из Мексики.

Рука Луизы Вальверде, обещанная Сантандеру, была ценой этой сделки. Креол сам назначил условия, не остановившись даже перед унижением.

Влюбленный до безумия в Луизу, он в то же время не заблуждался относительно ее чувств. И, не надеясь завладеть ее сердцем, он хотел получить ее руку.

Судьба решила, по-видимому, что дело не будет еще покончено в тот вечер, так как во время переговоров они слышали шаги человека, поднимавшегося на веранду, затем расслышали голос Луизы, приветствовавшей кого-то. Дон Игнацио был, казалось, более смущен, чем удивлен, он прекрасно знал, кто пришел. Когда до Сантандера донесли слова, произносимые на веранде, он не мог сдержаться и, вскочив с места, вскричал:

— Черт возьми! Это собака-ирландец!

— Тише! — остановил его дон Игнацио. — Сеньор дон Флоранс может услы-

шать.

— Я этого и хочу, — возразил Сантандер.

И чтобы не было сомнения, он повторил свое выражение по-английски. Тотчас же извне послышалось в ответ короткое, но энергичное восклицание задетого за живое человека. За восклицанием последовало несколько слов, произнесенных с мольбой женщиной. В окно можно было видеть раздраженное лицо Кернея, а рядом с ним Луизу, бледную и трепещущую, умолявшую его успокоиться. Но Керней, недолго думая, одним прыжком вскочил на подоконник, а с него в гостиную. Картина получилась эффектная. Лицо мексиканца выражало страх, креола — сильное возбуждение, а Флоранса Кернея — оскорбленное негодование.

Прошла минута угрожающей тишины, словно затишье перед грозой. Затем голосом, полным достоинства, молодой ирландец попросил извинения у дона Игнацио за свое неуместное вторжение в гостиную.

— Вам нечего извиняться, — ответил дон Игнацио, — вы пришли по моему приглашению, сеньор дон Флоранс, и вашим присутствием делаете честь моему скромному дому.

— Благодарю вас, дон Игнацио Вальверде, — ответил молодой ирландец. — А теперь, милостивый государь, — продолжал он, обращаясь к Сантандеру и неумолимо глядя на него, — вы должны, в свою очередь, извиниться.

— За что? — спросил Сантандер, делая вид, что не понимает.

— За то, что вы позволили себе выражаться, как арестанты в остроге, куда вы, несомненно, рано или поздно попадете!

Затем, изменив вдруг тон и выражение, он прибавил:

— Собака креол! Я требую, чтобы ты взял свое слово назад!

— Никогда! Я не имею привычки брать, наоборот, я даю.

Сказав это, он подскочил к ирландцу и плюнул ему в лицо, Керней вне себя от гнева схватился уже за револьвер, но, обернувшись и заметив испуганный вид Луизы, сделал над собой страшное усилие и сказал спокойно Сантандеру:

— Джентльмен, каким вы имеете претензию себя считать, должен иметь при себе визитную карточку и адрес. Я прошу вас дать ее мне, так как намерен завтра написать вам. Если человек, подобный вам, может похвалиться тем, что имеет друга, то советую предупредить его, что он вам теперь понадобится. Вашу карточку, милостивый государь!

— Берите! — прошипел креол, бросая ее на стол, Затем, окинув угрожающим взглядом всю комнату, он схватил шляпу, поклонился почтительно дону Игнацио, метнул взор на Луизу и ушел.

Хотя униженный и побежденный с виду, он все же достиг своей цели, лелеянной и преследуемой им с давних пор: он будет, наконец, драться на дуэли с Кернеем, который был зачинщиком. Имея, таким образом, право на выбор оружия, Сантандер был уверен в победе, не будь у него этой уверенности, он никогда не возбудил бы ссоры, так как, несмотря на свое фанфаронство, был изрядный трус.

Глава VI

САЛЮТ ОРУЖИЕМ

Город Новый Орлеан был весь окутан густым туманом, когда по улице одного из предместий, ведущего к Поншартренскому озеру, уже ехала карета, запряженная парой лошадей. Карета была наемная, с четырьмя седоками: двумя на козлах и двумя внутри нее. Один из них был капитан Флоранс Керней, другой — поручик Франсис Криттенден, оба произведенные в офицеры лишь два дня тому назад. Они направлялись, однако, не в Техас или Мексику, но к Поншартренскому озеру, где было пролито немало крови за дела чести. Не имея знакомых в Новом Орлеане, Керней вспомнил о молодом человеке, избранном накануне в поручики, и попросил его быть его секундантом. Криттенден, родом кентуккиец, способный не только присутствовать, но и сам участвовать в дуэли, изъявил полную готовность. Они находились теперь на пути к озеру, где должна была произойти встреча с Карлосом Сантандером и его секундантами.

Третий субъект, находившийся внутри кареты, был одной из тех личностей, которые в силу своей профессии присутствуют всегда на дуэлях. Этот молодой человек принимал участие в компании партизан в качестве хирурга. Кроме деревянного ящика, болтавшегося на боку у доктора, был еще один, поставленный на сиденье против Криттендена. Он отличался от первого своей формой: кто когда-нибудь видел ящик с пистолетами, тот сейчас признал бы его в нем. Было условлено, что дуэль произойдет на шпагах, которые и стояли в углу кареты. Для чего же в таком случае были взяты пистолеты?

Этот вопрос и был предложен Кернеем, которому присутствие пистолетов показалось излишним. Криттенден на вопрос о том, кому принадлежали пистолеты, указал на свою фамилию, выгравированную на серебряной доске, украшавшей крышку ящика, и прибавил:

— Я не особенно искусен в фехтовании и вообще предпочитаю пистолеты. Наружность секунданта вашего противника мне не нравится, и я подумал, что, прежде чем удалиться с места поединка, мне, в свою очередь, придется, пожалуй, с ним поговорить. В таком случае могут понадобиться и пистолеты.

Керней улыбнулся, ничего не сказав, но в душе очень довольный, что в случае измены с ним такой человек, какой именно и был ему нужен.

Присутствие человека, сидевшего рядом с кучером, должно было придать ему еще более уверенности, у него было длинное ружье, ствол которого возвышался на два фута над его плечами, а приклад помещался между его ногами, обутыми в ботфорты. Это был Крис Рок, который хотел сам наблюдать за тем, чтобы поединок происходил по всем правилам. У него тоже составилось очень нелестное мнение как о противнике, так и о его секунданте. С предусмотрительностью человека, привыкшего защищаться против индейцев, он всегда носил с собой ружье.

Подъехав к большому пустынному месту недалеко от берега, карета остановилась. Это и было место, назначенное накануне секундантами для поединка. Хотя противников еще не было, Керней и Криттенден вышли из карет, предоставив ее в распоряжение молодого хирурга, занявшегося распаковкой бинтов и инструментов.

— Надеюсь, вам не придется пустить их в ход, доктор, — сказал Керней, улыбаясь и выходя из кареты. — Я бы не желал, чтобы вы пользовали меня ранее нашей победы над Мексикой.

— И я тоже, — ответил спокойно хирург.

Затем вышел и Криттенден, взяв с собой шпаги. Перескочив через ров, отделявший дорогу от места встречи, оба сели под деревом. Крис Рок остался сидеть на козлах, храня молчание.

Место, назначенное для поединка, было ему прекрасно видно и находилось на расстоянии выстрела, они с доктором поместились достаточно близко, на случай, если бы в них оказалась надобность. Десять минут протекли в торжественном молчании, так как Керней был погружен в серьезные думы. Как бы ни был человек храбр и ловок, он все же не может не чувствовать в такую минуту некоторой душевной тревоги. Он пришел, чтобы убить или быть убитым, перспектива той или другой случайности должна действовать одинаково подавляюще на нравственное состояние человека, как бы силен духом он ни был. В такие минуты, кто не обладает врожденной храбростью, должен быть уверен в правоте своего дела и в оружии, которым он будет владеть. Флоранс Керней хотя и был новичком в таком деле, но не испытывал отчаяния. Даже мрачный вид окружающей местности и длинный висячий мох, окаймлявший ветви темного кипариса, точно бахрома гроба, не вызывали в нем тяжелых предчувствий. Если он по временам и чувствовал себя немножко смущенным, то впечатление это изглаживалось при мысли об оскорблении, которое он перенес, а также, быть может, и при воспоминании об одной паре черных глаз, которые в случае его победы или поражения должны будут, по его мнению, засиять от гордости или заплакать от горя.

Эти чувства совершенно противоречили тому, что испытывал он сутки тому назад, когда направлялся к дону Игнацио Вальверде. Теперь он уже не мог более сомневаться в том, что сердце Луизы принадлежало ему, так как она сама призналась ему в этом. Не было ли этого достаточно, чтобы придать ему храбрости в минуту схватки? А минута эта приближалась, судя по донесшемуся шуму колес. Это, очевидно, подъезжала карета их противников. Через десять минут из нее вышли два человека. Хотя они были закутаны в длинные плащи и казались великанами, в них все же нетрудно было узнать Карлоса Сантандера и его секунданта. Третий человек остался в карете, вероятно, это был доктор. Теперь все были в сборе и в должном порядке. Сантандер и его друг сняли с себя плащи и положили их в карету. Дойдя до рва, они перескочили его, первый совершил прыжок довольно неудачно, растянувшись всей тяжестью на земле. Он был силен и крепко сложен, но не обладал, по-видимому, ни ловкостью, ни поворотливостью.

Его противник мог бы обрадоваться при виде такой неловкости, но он знал, что Сантандер, хоть и считался довольно трусливым хвастуном, убил все же двоих на дуэли. Его секундант, французский креол по фамилии Дюперрон, завоевал себе также известную репутацию, победив несколько раз своих противников. В ту эпоху Новый Орлеан считался городом дуэлей по преимуществу и занимал в этом отношении первое место в свете. Керней знал, что за человек был его противник, и ему было поэтому простительно чувствовать некоторую тревогу, однако он ничем не выдавал этого чувства, надеясь на свою ловкость, приобретенную долгими упражнениями, и, поддерживаемый

храбрым кентуккийцем, он не испытывал ни малейшего страха.

При виде лица приближающегося противника и при воспоминании о Луизе и полученном им оскорблении нервы Кернея стали крепки как сталь. Уверенное, почти улыбающееся лицо Сантандера оставляло его спокойным.

Когда оба прибывшие приблизились на некоторое расстояние, Криттенден встал со своего складного стула, пошел к ним навстречу, затем проследовал несколько шагов за ними. Обменялись четырьмя взаимными поклонами. Двое противников остались в стороне. Секунданты подошли друг к другу, и между ними начались переговоры. Им, впрочем, пришлось обменяться лишь несколькими словами, так как оружие, расстояние и сигналы были уже назначены ранее. Об извинении не заводилось и речи, потому что никому и в голову не пришло, чтобы можно было просить или принять извинение. Взгляды и манера держать себя у обоих противников указывали на непоколебимую решимость довести дело до конца. Дюперрон казался равнодушным; что же касается кентуккийца, то он не был склонен к примирению, когда дело касалось оскорбления, полученного капитаном. Окончив переговоры, секунданты опять разошлись, направившись к своим друзьям. Молодой ирландец снял верхнюю одежду и засучил рукава рубашки до локтя. Сантандер же, у которого под пальто была надета красная фланелевая рубашка, остался в ней, не засучив даже рукавов.

Все молчали; кучера на козлах, оба доктора, громадный техасец — все походили на большие туманные привидения среди окутанных испанским мхом кипарисов, представлявших удивительно подходящую декорацию для этой сцены.

Вдруг среди этой могильной тишины раздался крик с одного из кипарисов, этот острый пронзительный звук мог навести ужас на самую храбрую душу. Он походил на крик человека, не имея в себе в то же время ничего человеческого, точно смех безумного, Никто, однако, не обратил на него внимания, зная, что это кричал орел. Вскоре крик прекратился, только эхо повторило его еще несколько раз. В это время в лесу послышался не менее заунывный звук, это был крик «хо-хо-хо» большой южной совы, отвечавшей точно ворчанием на подтрунивания белого орла.

Во всех странах и во все века крик совы считался предвестником смерти. Наши дуэлянты могли бы смутиться, если бы не обладали храбростью, но не успели еще замереть унылые звуки, как они уже подошли друг к другу, подняв шпаги, с одной общей мыслью в уме и сердце: убить!

Глава VII

ДУЭЛЬ НАСМЕРТЬ

Противники стояли в позе салюта, держа высоко поднятые шпаги в горизонтальном положении. Секунданты стояли на своих местах, на шаг вперед от сражающихся. Оставалось только подать сигнал к началу дуэли.

— Начинайте! — вскричал Криттенден твердым голосом, подвинувшись на полшага, как и Дюперрон.

Это движение было мерой предосторожности против возможности неправильного удара, по большей части случайного. Действительно, под влиянием возбуждения или ненависти один из противников может приблизиться слишком быстро к другому, и предупредить это является обязанностью секундантов.

В ответ на команду противники скрестили оружие со стремительностью, доказывавшей взаимную ненависть, будь они спокойнее, они не сошлись бы с таким пылом. Минуту спустя они уже овладели собой, и их скрещенные намертво шпаги точно соединились в одну, этот выжидательный, так сказать, прием имел результатом лишь искры, которые метали глаза противников, затем последовал выпад, окончившийся ничем. Опытный наблюдатель мог бы с самого начала заметить, что Керней владел шпагой гораздо искуснее своего противника. Молодой ирландец держал все время руку вытянутой, действуя лишь кистью, тогда как креол, сгибая локоть, подвергал свою руку ударам противника.

Кернея, может быть, спасло то, что главной целью Сантандера было атаковать его, не заботясь о прикрытии, но длинная, гибкая сталь, все время прямая и вытянутая, парировала все удары.

После нескольких неудачных нападений Сантандер, видимо, был поражен своим неуспехом, на лице его появилось выражение тревоги. Первый раз он имел дело с противником, державшимся так стойко и уверенно. Керней знал не только теорию защиты, но, принужденный защищаться все время от нападения Сантандера, не мог выказать свое искусство нападения. Заметив, однако, слабую сторону противника, он ловким ударом ранил креола в руку, прорезав ее от кисти до локтя. Крик торжества сорвался с уст кентуккийца, бросившего вопрошающий взгляд на другого секунданта, точно спрашивая: «Довольно с вас?» Затем он уже высказал это словами.

Дюперрон взглянул спокойно на Сантандера, точно предвидя его ответ.

— Насмерть! — сказал креол в страшном возбуждении. Его мрачный взгляд выражал непреклонную решимость.

— Хорошо, — ответил ирландец, но уже менее спокойно, не скрывая на этот раз озлобления, вызванного возгласом противника, жаждавшего его смерти.

Последовал короткий перерыв, которым воспользовался Сантандер, перевязавший свою раненую руку, что, хотя и нарушало правило дуэли, но было ему охотно разрешено.

Когда противники снова сошлись, секунданты уже не стояли около них. При возгласе «Насмерть!» они отошли, как это и полагается в такого роде дуэли. Им оставалось только наблюдать, вмешиваясь лишь в том случае, если с чьей-нибудь стороны будет проявлена нечестность. Значение слова «На-

смерть!» хорошо известно в Новом Орлеане. Здесь дело шло уж не об атаке или обороне, это было разрешение на убийство. Поэтому за произнесением этого рокового слова последовало гробовое молчание. Слышался лишь легкий шум крыльев паривших в высоте птиц, с опущенными головами и вытянутыми шеями, как бы тоже наблюдавших с интересом за происходящим внизу. Это были коршуны, чужавшие пролившуюся кровь.

И снова раздался поддразнивающий смех орла, из густоты темного леса ему ответил зловеющий свист совы, звуки, удивительно походящие к случаю. Несмотря на все эти крики, предвещавшие, казалось, смерть, противники снова сошлись, и их скрещенные шпаги зазвенели с такой силой, что белая сова и коршуны в испуге замолкли.

Хотя бой велся с ожесточением, противники сохраняли полное присутствие духа. Все их движения, немного, правда, ускоренные, выказывали удивительную выдержку и ловкость.

Если непрерывная атака Сантандера удивляла Кернея, то его противник был немало, в свою очередь, удивлен, встречая неизменно вытянутую, прямую руку Кернея. Если бы креол мог удлинить свою шпагу на несколько футов, он не замедлил бы вонзить ее в бок ирландца, он уже два раза слегка задел его, оцарапав грудь.

Бой продолжался уже двадцать минут без малейшего результата для сражающихся. Рубашка Кернея из белоснежной стала красной, как у мясника, рукава и руки были в крови, не в его крови, а его противника. Лицо было тоже замазано кровью, брызгавшей со шпаг. У Сантандера оно имело ужасный вид. Керней, воспользовавшись удобной минутой, нанес ему удар, порезавший щеку и угрожавший оставить шрам на всю жизнь. Это послужило поводом к окончанию дуэли. Сантандер, очень дороживший своей красотой, почувствовав, что ранен в щеку, потерял совершенно самообладание. Он бросился, как сумасшедший, на своего противника и, произнеся проклятие, нанес ему удар, метя прямо в сердце. Но шпага его, вместо того чтобы пронзить сердце ирландца, уткнулась в пряжку его подтяжек, где и застряла на секунду. Тогда в первый раз Керней, согнув локоть, ударил своего противника прямо в сердце. Все ждали, что Сантандер упадет мертвый, так как удар по своей силе должен был пробить его насквозь. Вместо этого шпага Кернея не только не вонзилась в тело Сантандера, но конец ее отломился, причем послышался двойной звук ломающейся стали и звон металлических звеньев. Молодой ирландец был поражен, увидев в своей руке обломок шпаги, конец которой отскочил в траву.

Надо было быть подлецом, чтобы воспользоваться этой роковой неудачей Кернея. Это, однако, не остановило Сантандера, он собрался уже напасть на безоружного противника, когда Криттенден, бросившись вперед, закричал: «Обман!» Однако его вмешательство не спасло бы жизнь ирландцу, если бы не выступил другой человек, ясно увидевший то, что уже давно заподозрил. В одну секунду у Сантандера шпага выпала из окровавленной, беспомощно повисшей руки, это было последствием меткого выстрела, последовавшего с козел одной из карет, где сидел весь окутанный теперь дымом Крис Рок.

— Подлый креол! — вскричал он вне себя от негодования, — вот же тебе за твой обман! Сорвите с него рубашку — и вы увидите, что у него надето под ней! Я прекрасно слышал звон стали!..

Сказав это, он соскочил с козел, перепрыгнул через наполненный водой

ров и бросился к сражавшимся. Отстранив секундантов, он схватил Сантандера за ворот и разорвал его рубашку. Под ней оказалась не фланелевая или бумажная фуфайка, а металлический панцирь.

Глава VIII УНИЗИТЕЛЬНАЯ КАРА

Мы не в силах описать сцены, происшедшей после этого открытия, и выражения лиц окруживших Сантандера людей. Техасец, сила которого была пропорциональна его росту, продолжал еще держать мексиканца рукой, употребляя на это так же мало усилий, как если бы держал ребенка. Под фланелевой рубашкой Сантандера виднелся панцирь, непробиваемый для шпаги. Теперь было ясно, почему он так легко шел на поединок и уложил уже двух противников, все поняли также, отчего он так тяжело упал на край рва. Трудно быть хорошим скакуном, неся на себе такую тяжесть.

Оба доктора и кучера, заметив это мошенничество, оставили кареты и подошли ближе к месту происшествия. Кучера из симпатии к Крису Року кричали: «Обман! Измена!» В Новом Орлеане даже такие люди заражаются рыцарским духом благодаря всему, что им приходится видеть вокруг. Одним словом, креол оказался покинутым всеми, даже тем, кто казался его другом, то есть его секундантом. Заметив обман, в который он был вовлечен, Дюперрон выразил ему свое презрение, назвав его подлецом. Затем, обращаясь к Кернею и Криттендену, он прибавил:

— Предлагаю вам, милостивые государи, в извинение за то, что случилось, драться со мной, где и когда вам будет угодно.

— Мы вполне удовлетворены, — заметил кентуккиец, — по крайней мере я, и надеюсь, что капитан Керней разделяет мое мнение.

— Конечно, — ответил ирландец. — Я освобождаю вас от всякой ответственности, так как вполне уверен, что вы до этой минуты не имели понятия об этой кольчуге, — сказал он, указывая на стальной панцирь своего противника.

Французский креол поблагодарил вежливо, но не без некоторой гордости, затем, взглянув еще раз с презрением на Сантандера и повторив слово «подлец», удалился с места поединка. Все, очевидно, ошиблись в этом человеке, который, несмотря на свою непривлекательную наружность, был вполне порядочным человеком, что он и доказал.

— Что с ним сделать? — спросил техасец, продолжавший крепко держать Сантандера. — Расстрелять его или повесить?

— Повесить, — вскричали в один голос кучера, которые, казалось, были так раздражены против обманщика, как будто он лишил их назначенного им вознаграждения.

— Я того же мнения, — заметил техасец. — Быть расстрелянным слишком много чести для такого негодяя! Поступив так подло, он заслуживает лишь собачьей смерти.

Затем, обратясь к Криттендену, он спросил:

— Что с ним сделать, господин поручик?

— По-моему, ни расстрелять, ни повесить, он достаточно уже наказан, если в нем осталась хоть искра совести.

— Совесть? — вскричал Крис Рок, — Да разве такого рода человек понимает значение этого слова? Черт возьми! — продолжал он, повернувшись снова к своему пленнику и тряся его с такой силой, что на нем зазвенел стальной панцирь. — Я с удовольствием проткну вас кинжалом вместе с вашим панцирем и всем прочим!

Говоря это, он выхватил кинжал, угрожающе потрясая им. — Крис Рок, Крис Рок, успокойтесь! — вскричал кентуккиец. Керней поддержал своего секунданта, прибавив: — Он недостойн ни гнева, ни мести. Отпустите его.

— Вы правы, господин поручик, — ответил Крис Рок, — я рисковал бы отравить мой кинжал, если бы запятнал его кровью этого негодяя. Я, однако, отпускаю его лишь в том случае, если вы и господин капитан настаиваете на этом, но после такого разгорячающего занятия хорошая ванна не может повредить ему. Это я сейчас и намерен сделать.

И он направился к рву, полуволоча, полунося Сантандера. Последний не сопротивлялся, зная, что в противном случае ему будет еще хуже. Действительно, острие кинжала техасца ослепляло пленника, сознававшего, что при малейшей попытке к бегству Крис Рок всадит оружие ему в спину. Молчаливый и угрюмый, креол позволял себя тащить не как овца, которую ведут на бойню, но как собака которую хотят наказать за провинность.

Минуту спустя техасец подверг его придуманному им наказанию: держа свою жертву обеими руками, он приподнял ее, затем погрузил в ров, где она и пошла стремительно ко дну, благодаря тяжелому панцирю.

— Вы заслуживаете во сто раз худшего, — сказал техасец, выпустив Сантандера. — Если бы я мог поступить по своему усмотрению, я бы вас повесил, так как никто не заслужил этого более вас. Ха! Ха! Ха!.. Взгляните же, какую чудную ванну берет этот мерзавец!

Последние слова и взрывы смеха были вызваны смешным видом Сантандера, с трудом вылезавшего из воды под тяжестью стального панциря, покрытого сплошь зеленой тиной. Кучер, стоявший тут же (другой уехал с доктором и Дюперроном), хохотал во все горло. Керней, Криттенден и хирург не могли не вторить ему. Никогда ни один трагический герой не подвергался такому унижению. Крис Рок позволил ему, наконец, удалиться, чем тот и поспешил воспользоваться. Он пошел сначала по большой дороге, затем вошел в лес и вскоре исчез из виду. Через несколько минут проехала по тому же направлению карета, увозившая Кернея и его друзей, смотревших внимательно по сторонам, думая увидеть еще Сантандера. Он остался для них лишь смешным воспоминанием и недолго занимал их мысли, направленные теперь всецело на Техас и на необходимость вернуться в Новый Орлеан, чтобы приготовиться к отъезду в Мексику.

Глава IX

ПОХОД СПАРТАНЦЕВ

В древние времена Спарта имела свои Фермопилы. Геройские подвиги, однако, не принадлежат исключительно истории древнего мира. И в новой есть бои, как, например, разыгравшиеся в Техасе, которым по отваге не найти равных в летописях других народов.

Доказательством тому может служить битва при Сан-Хасинте, где победа осталась за техасцами, несмотря на то что они сражались один против десяти. Такова же была защита форта Аламо, стоившая жизни полковнику Крошету и не менее храброму герою Джиму Бови.

Из всех подвигов, совершенных отважными защитниками молодой республики, один превосходит все остальные: это Мьерская битва. Хотя поражение было следствием неспособности неудачно выбранного вождя, побежденные покрыли себя в этот день бессмертной славой, каждый из павших воинов убил нескольких врагов, и ни один не просил пощады.

Белый флаг был поднят лишь тогда, когда они были подавлены несоразмерной силой врага. Битва, начатая ружьями и карабинами, заставила скоро сражающихся приблизиться, пули сыпались градом из окон, бойниц, продырявленных в стенах, и даже с плоских крыш домов. Затем началась уже рукопашная схватка: ножи, сабли, револьверы, приклады ружей — все пошло в ход, заменив пули, которыми техасцы осыпали вначале своих врагов.

Напрасные усилия! Численное превосходство восторжествовало над удачью героизма, и Мьерская экспедиция, на которую возлагалось столько надежд, окончилась поражением, хотя и покрытым славой. Оставшиеся в живых были взяты в плен и отведены в столицу Мексики.

Из всего корпуса партизан, участвовавшего в этой экспедиции, ни один отряд не заслужил такой славы, как организованный в Новом Орлеане на улице Пойдрас, и никто из участников его не превзошел героизмом Флоранса Кернея, их начальника, вполне оправдавшего общее доверие. Это было признано всеми, пережившими тот роковой день. В числе оставшихся в живых был, к счастью, и Керней. Судьба покровительствовала также Криттендену и Крису Року. Как и в Фаннигском побоище, гигант техасец творил в Мьере прямо чудеса и косил врагов, пока, весь израненный, не принужден был покинуть поле сражения.

Он сражался, как лев, истыканный копьями кафров, рядом с тем, кто сразу завоевал его симпатию в Новом Орлеане и был назначен капитаном благодаря его стараниям. Крис Рок возымел скоро к Кернею отцовские чувства, сохраняя к нему уважение, вызываемое всегда истинным благородством человека. Он, наконец, так привязался к молодому ирландцу, что, нисколько не задумываясь, пожертвовал бы ради него жизнью. Продолжение этого рассказа подтвердит сказанное.

Кому известна история Техаса, тот, конечно, не забыл, что пленные, захваченные в Мьере, взбунтовавшись против стороживших их солдат, бежали, рассеявшись по горам. Это случилось вблизи города Эль-Саладо. Бунт этот был вызван дурным обращением солдат и офицеров с пленными во время пути. Когда достигли Эль-Саладо, положение стало уже невыносимым. Тогда разра-

зилась буря, собиравшаяся уже долгое время. Техасцы выискивали всевозможные способы, чтобы привести в исполнение давно задуманный план бегства. В одно утро, когда сопровождавшие их солдаты отдыхали, прежде чем продолжать тяжелый путь, раздался вдруг условный клич:

— Вперед! На них, друзья!

Все поняли этот возглас. Это было почти повторение приказа, данного Веллингтоном в Ватерлоо и почти так же поспешно исполненного. Едва были произнесены эти слова, как техасцы бросились на стражу, отняли у нее оружие, с помощью которого и проложили себе путь в открытом поле.

Хотя бунт и окончился победой, но она оказалась для большинства беглецов лишь отсрочкой плена.

Теснимые отрядами, поспешившими на помощь страже, так постыдно рассеянной и потому жаждавшей отомстить за вынесенное оскорбление, беглецы подверглись жестокому преследованию среди местности, совершенно им незнакомой, пустынной, лишены пищи, а главное — воды. Неудивительно, что почти все были снова захвачены и отведены в Эль-Саладо.

Сцена, последовавшая затем, была достойна дикарей. Солдаты, стерегшие несчастных, были ничем не лучше дикарей: довольные, что захватили беглецов, они намеревались расстрелять всех до последнего — таково было мнение большинства. Это варварство едва не было приведено в исполнение, и тогда никто не услышал бы более ни о нашем герое Флорансе Кернее, ни о его друге Крисе Роке, да и самый роман «Американские партизаны» не был бы написан. Но между злодеями нашлось несколько человек, более разумных, не согласившихся на эту массовую казнь.

Они знали, что, как ни далеко находились они от Соединенных Штатов, все же слух о такой бойне дошел бы до них. Что же за этим последовало бы? Тогда им пришлось бы иметь дело не с одним плохо организованным отрядом техасцев, но с хорошо дисциплинированной, достаточно многочисленной армией. Решено было остановиться на более милостивом наказании: расстрелять по одному из десяти человек. Выбирать жертвы было излишним, так как все одинаково виновны, и судьба пленников была поэтому предоставлена слепой случайности. Прибыв в Эль-Саладо, пленников выставили в ряд и тщательно сосчитали. Вместо урны была взята у одного из драгунов каска, в нее набросали мексиканских бобов по числу пленных. Бобы эти бывают нескольких сортов и отличаются между собой цветом, самые обыкновенные — это белые и черные, они и были выбраны для решения участи несчастных жертв. На девять белых зерен клали одно черное, тот, кто его вынет, должен быть тотчас же расстрелян. Как только каска была наполнена бобами, приступили к роковой лотерее. Я, пишущий эту повесть, утверждаю, что никогда в истории человечества не было примера большей доблести, чем тот, который тогда проявился в Эль-Саладо.

Люди, выказавшие столько героизма, не принадлежали к какой-либо одной национальности. Хотя большинство состояло из техасцев, но среди них были также и англичане, шотландцы, французы, немцы, некоторые даже говорили по-испански, на родном языке их теперешних судей и будущих палачей.

Когда каску стали обносить кругом, никто из пленных не выказал ни малейшего колебания, все спокойно опускали в нее руку, хотя и знали, что в ней

заклучался, может быть, их смертный приговор. Большинство даже смеялось, смеша остальных каким-нибудь метким словом. Один из них, бывший не кем иным, как Крисом Роком, вскричал, потряхивая каску:

— Никогда друзья мои, мне еще не приходилось играть в более серьезную игру! Впрочем, нечего бояться, мне всегда везло, и мой смертный час еще не пробил!

Эта вера в свою счастливую звезду не замедлила подтвердиться, так как он вытащил белый боб. Настала очередь Кернея выдержать это ужасное испытание. Он собирался уже, не выказав ни малейшего смущения, опустить руку в каску, как техасец поспешно остановил его.

— Нет, капитан, нет, — сказал он, — я ранен... серьезно ранен, как видите, мне, вероятно, осталось недолго жить, ваша жизнь драгоценнее моей, к тому же мне везет, позвольте же мне вытянуть жребий вместо вас, вы знаете, что это позволено, мошенники сами разрешили.

Действительно, офицер, наблюдавший за исполнением общего постановления, разрешил из чувства человеколюбия иметь заместителя, если бы таковой нашелся.

Не только Крис Рок высказал готовность принести себя в жертву ради дружбы. Один старший брат настоял, чтобы его допустили тянуть жребий за младшего. Керней, относясь с глубокой признательностью к готовности Криса Рока, отклонил, однако, его желание.

— Спасибо, дорогой товарищ, — сказал он горячо, высвободив в то же время свою руку из руки техасца и поспешно опустив ее в каску. — Как бы вы ни были ранены, ваша жизнь гораздо нужнее моей, а я, может быть, и сам не лишен удачи. Вот, сейчас увидим!

Он не ошибся, радостный шепот приветствовал белый боб, который Керней держал между пальцами.

— Слава Богу! — вскричал радостно техасец. — Нам обоим посчастливилось, и если мне не суждено умереть, то я, собираюсь еще хорошо пожить!

Действительно, к нему вернулись силы и здоровье, когда они достигли тюрьмы, куда и были заключены.

Глава X АККОРДАДА

Одно из замечательных зданий в Мехико — это Аккордадская тюрьма. Редко кто из иностранцев, проезжая через столицу Мексики, не посетит ее, редко также, чтобы посетивший ее не испытывал чувства тоски и отвращения. Пожалуй, ни одна тюрьма в мире не заключает в себе столько разнородных преступников, нет такого преступления, которое бы не было совершено одним из заключенных в ней. Кельи (здание это было прежде монастырем) переполнены ворами, монетчиками, разбойниками и убийцами. Вместо того чтобы казаться смирившимися или раскаявшимися, они, напротив, имели вызывающий вид, похваляясь своими преступлениями. Даже и в самой тюрьме происходят иногда ужасные драмы. Кельи, а главным образом дворы, куда разрешается собираться и где арестанты проводят большую часть времени, бывают ареной всевозможных преступлений. Там можно видеть, как, сидя кучками, в лохмотьях они играют в карты, плутуя, если есть возможность, крича, ругаясь и богохульствуя. В общество этих ужасных существ и попали наши два пленника после Мьерского сражения.

Единственным утешением Криса Рока и Кернея была надежда, что их заключат в одну и ту же келью, но и эта надежда не осуществилась вполне, так как им пришлось выносить присутствие еще двух заключенных.

Кроме техасских узников были и мексиканцы. Один из них в другой обстановке имел бы весьма порядочный вид, несмотря на грязную, оборванную одежду, он все же выглядел человеком, хорошо воспитанным и принадлежащим к хорошему обществу.

Плен лишает льва свободы, но не может унижить его, так было и с этим заключенным. Лицо его, полное решимости, выражало в то же время доброту и ласку, отражавшиеся в его больших черных глазах, цвет лица желто-оливковый, как у мексиканцев чистейшей крови, борода и усы были черны как смола, и такие же волосы рассыпались длинными прядями по плечам.

Человек этот сразу понравился Крису Року, который не изменил о нем мнения, даже когда узнал, что он был вором, допуская, что в Мексике вор может быть относительно честным человеком, так как мог быть по каким-нибудь обстоятельствам вовлечен в кражи. Кража кажется менее достойной порицания в стране, где сами судьи могут быть ворами. Исключая этой вины, никто из находящихся в Аккордаде не знал прошлого этого человека. К тому же в тюрьму он попал недавно и предпочитал сидеть в своей келье, чем принимать участие в грубых играх узников. Однако имя его все же стало известно, и тогда некоторые вспомнили, что он был начальником шайки сальтеадоров.

Четвертый обитатель кельи настолько же разнился от упомянутого вора, как Сатир от Гипериона[3]: полная противоположность как в нравственном, так и в физическом отношении. Руперто Ривас, несмотря на рубище, которое ему приходилось носить, сохранял гордый, благородный вид, тогда как Эльзе-рильо, которого товарищи прозвали Малой Лисой, был олицетворением низости и грубости и к тому же уродлив физически, настоящий Квазимодо. Оба эти человека, так разнившиеся между собой, были, однако, в виде наказания и в предупреждение побега прикованы друг к другу до прибытия Криса Рока и

Кер-нея. Начальник тюрьмы, которого озарила вдруг внезапная мысль, велел разъединить их и приковать карлика к тexasскому великану, а Кернея — к Руперто Ривасу.

Из всех обитателей Аккордады Крис Рок чувствовал себя хуже всех. Его сердце, всегда готовое принять участие в каждом, заслуживающем его, не отказало бы в нем и прикованному к нему товарищу, если бы только нравственное уродство этого человека не превышало физического. Техасец узнал, что карлик, с которым он принужден был делить время днем и ночью, был низким убийцей, отравившим свою жертву. Если он не понес заслуженной кары, то только по недостатку явных улик, хотя виновность его была хорошо известна всем.

Эта близость карлика внушала такое отвращение Крису Року, что он первое время приходил в ярость, скрежетал зубами, топал ногами, точно хотел раздавить и обратить в прах это отвратительное существо.

В первые дни заключения наши тexasцы не переставали удивляться тому, по какому поводу их подвергли наказанию, могущему быть лишь следствием личной мести. Никто из мьерских пленников не был подвергнут такому унижению, всех сковали между собой, а не с мексиканскими преступниками. Но почему же для них было сделано такое исключение? Несмотря на все старания, им так и не удалось догадаться о причине. Было известно, что Крис Рок и Керней принимали деятельное участие во время бунта в Эль-Саладо, но ведь они были не единственными его участниками, однако же ни с кем не поступили так, как с ними.

Но кроме того, что Кернея и Крису Рока приковали к плутам, с ними еще обращались необычайно грубо, пищу им доставляли худшую и в меньшем количестве, чем другим, иногда смотритель издевался и хохотал над ними, особенно же глядя на великана и карлика, составлявших действительно уморительную пару. При заключении в тюрьму Крису Рока и Кернея начальник тюрьмы выказал по отношению к ним столько недоброжелательности, что смотритель смело позволял себе следовать примеру начальства. Однако Флоранс Керней и его верный друг поняли, наконец, в чем было дело, когда через три дня после их заключения они вдруг увидели в открытую дверь своей кельи Карлоса Сантандера!

Глава XI

БЛЕСТЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

Перед их кельей стоял действительно Карлос Сантандер, в полной форме, со шпагой на боку и в каске с белыми перьями на голове. Чтобы объяснить его появление, да еще в таком одеянии, надо рассказать несколько подробностей из его жизни, неизвестных читателю. Как уже было сказано выше, он родился в Новом Орлеане, но был мексиканского происхождения и считал себя мексиканским гражданином, если не чем-нибудь большим. До встречи с Флорансом Кернеем он занимал какую-то должность по распоряжению правительства или диктатора Санта-Анны. Никто не знал обстоятельно, что собственно он делал в Новом Орлеане, хотя его ближайшие друзья подозревали в нем тайного агента мексиканского правителя, то есть попросту шпиона.

Подозрение это явилось небезосновательным, ибо он получал деньги от Санта-Анны как жалованье за услуги, оказываемые им в Соединенных Штатах и не имевшие ничего общего с дипломатической службой. Чтобы понять, какого они были свойства, достаточно вспомнить его поведение с волонтерами улицы Пойдраской.

Придя на собрание, желая вступить в отряд партизан и записавшись в кандидаты на чин капитана, Сантандер только следовал известным указаниям, гнусная цепь которых была достойна самого дьявола. Удайся ему сделаться начальником этого несчастного отряда, результат похода был бы если не худший, то во всяком случае и не лучший, так как шпион, согласно полученным инструкциям, должен был изменить при первом же подходящем случае. Обманутый в своих расчетах и не желая вступить в ряды партизан простым солдатом, боясь к тому же огласки истории с панцирем, он решил покинуть Новый Орлеан и уехать в Мексику.

К его счастью, история дуэли не дошла ни до чьих ушей как в Мексике, так и в Новом Орлеане. Дюперрон из самолюбия умолчал о ней: доктор, скромный француз, поступил так же, Керней, Крис Рок и Криттенден в самый день дуэли отправились в Техас, занятые уже совсем другим делом.

Оставались еще оба кучера, которые, если бы не покинули Нового Орлеана, не преминули бы, конечно, рассказать первому встречному об этом скандальном происшествии, но, будучи оба ирландцами и подстрекаемые достойным поведением их соотечественника, они в тот же день присоединились к отряду партизан и участвовали вместе с ними в несчастной Мьерской экспедиции.

Таким образом Сантандер избежал огласки своего обмана. Его появление в столь блестящем виде объяснить нетрудно. Одной из слабостей Санта-Анны, человека испытанной храбрости, но настолько же тщеславного, как и храброго, было окружать себя блестящей свитой, офицеры, составлявшие ее, походили в своих пышных мундирах на павлинов.

По приезде в Мехико Сантандер был сначала назначен адъютантом Санта-Анны. Благодаря своей красивой наружности он очень скоро получил повышение. Таким образом, неудачный кандидат в лагере партизан был произведен в полковники мексиканской армии и зачислен в свиту главнокомандующего.

Если бы Флоранс Керней и Крис Рок могли подозревать, что встретят этого

человека в Мехико, да еще в таком виде, на пороге их кельи, они переносили бы с меньшим терпением все невзгоды их тяжелого путешествия, может быть, они отнеслись бы равнодушнее и к жеребьевке с белыми и черными бобами. Встреча с этим человеком живо напомнила им сцену дуэли, техасец вспомнил, как он заставил выкупаться этого негодяя, вспомнил его растерянный вид, когда тот вышел из воды, весь покрытый тиной. Какая разница с его теперешним львиным видом! Керней, вспоминая также все эти подробности, заметил на его щеке след раны, которую нанес ему, хотя Сантандер и старался скрыть шрам под старательно расчесанными бакенбардами. Было отчего смутиться ирландскому пленнику, и даже храбрый техасец почувствовал, что сердце его забилось от тревожного предчувствия...

К тому же и выражение лица Сантандера не могло внушить им спокойствия: им казалось, что на нем был написан их смертный приговор. Карлос Сантандер улыбался, но это была сатанинская улыбка победителя, злая, насмешливая, говорившая так же ясно, как слова: «Вы находитесь в моей власти и должны ожидать моей мести!» Он явился сюда не случайно и не по долгу, а единственно, чтобы показать свою власть и навести на них ужас. Его появление служило для них разгадкой того, почему они подвергались особым строгостям и были скованы с мошенниками. Это было сделано с целью унижить их, они в этом убедились, услышав слова начальника тюрьмы, обращенные к Сантандеру:

— Вот они, полковник, вы видите, они скованы согласно вашему приказу. Что за пара! — прибавил он, насмешливо указывая на Криса Рока и карлика. — Бог ты мой! Ведь можно умереть со смеху, глядя на них, ха-ха-ха!..

Сантандер, очень довольный этой шуткой, хохотал во все горло, и их громкий, циничный хохот гулко раскатился по всей тюрьме.

Глава XII

СВИДАНИЕ

Все четыре узника хранили молчание. Только карлик, когда отворили дверь, проговорил: «Buenos días, Excelencia, вы пришли, вероятно, чтобы даровать нам свободу?» Это было сказано, понятно, с иронией, так как горбун знал прекрасно, что для него не могло быть помилования, если, бы, впрочем, кто-нибудь не внес за него выкуп. Его вопрос остался без ответа.

Вновь прибывшие были слишком заняты другими обитателями кельи, чтобы обратить внимание на карлика. Предполагаемый вор стоял лицом к стене и не повернулся даже тогда, когда Сантандер заговорил с Крисом Роком и Кернеем. Полковник начал разговор, сразу взяв вызывающий тон.

— Так вот где вы находитесь! Хорошие, нечего сказать, место и компания! Это общество совсем не похоже на то, которое вы когда-то посещали в Новом Орлеане, сеньор Флоранс! А вы, техасский великан, как вам нравится здешний воздух после ваших прерий?

Помолчав немного, чтобы насладиться произведенным впечатлением, Сантандер прибавил:

— Хорош результат Мьерской экспедиции, имевшей целью завладеть Мексикой! Вы хоть и не по своему желанию, а все же попали в ее столицу... Чего же вы еще ждете?

— Мало хорошего от такого негодяя, как вы! — резко ответил Крис Рок.

— Как! Вы не ждете ничего хорошего от меня, старого знакомого, даже друга, после того, что произошло между нами на берегу Поншартренского озера? Находясь между чужими, вы должны были бы радоваться, найдя друга, да еще такого, который вам столь многим обязан! Теперь, когда представился случай, я сделаю все, от меня зависящее, чтобы расплатиться с вами.

— Поступайте как знаете, — ответил Крис Рок, — мы не рассчитываем на ваше великодушие, которого у вас и быть не может; да если бы оно и было, так Крис Рок от него отказался бы.

Сантандер не ожидал такого возражения. Он пришел в Аккордадскую тюрьму лишь для того, чтобы поиздеваться над покоренными врагами. Он был осведомлен обо всем, что с ними случалось с самого Мьера и до Мехико. Он надеялся увидеть их приниженными, выпрашивающими у него милости И вдруг вместо страха узники выказали ему презрение. Техасец, точно волк в клетке, готов был броситься на непрошеного гостя, сделай тот хоть шаг к нему.

— Прекрасно, — сказал Сантандер, не придавший, казалось, особенно внимания словам Криса Рока, — если вы не желаете принимать от меня услуг, то я предлагать вам их более не буду. А вы, сеньор ирландец, вы, наверное, не будете так щепетильны?

Глядя на своего бывшего противника, молодой ирландец твердо ответил:

— Так как я узнал по опыту, что вы недостойны удара моей шпаги, то считаю вас недостойными и разговора со мной. Вы трус даже в железном панцире. Вы подлец, и я презираю вас!

Хоть и сильно задетый, Сантандер, однако, не смутился. Потеряв надежду унижить своих врагов и боясь быть скомпрометированным в глазах начальни-

ка тюрьмы, если огласится история с панцирем, он решил прервать разговор с пленниками. К счастью для него, никто не понимал английского языка, на котором и велся весь этот короткий, но многозначительный разговор.

— Видите, сеньор дон Педро, эти два господина — мои давнишние знакомые, — сказал он, обращаясь к начальнику тюрьмы, — печальное положение которых меня очень интересует и помочь которым я был бы очень рад. Но боюсь, что здесь придется подчиниться закону.

Дон Педро загадочно улыбнулся, выслушивая эти соболезнования Сантандера. Он нисколько не сомневался в том интересе, который полковник принимал в заключенных, так как приковал их по распоряжению самого Сантандера. По своему положению и характеру он, однако, никогда не спрашивал объяснений у людей, стоявших выше его. А ведь Сантандер находился в свите самого диктатора. Начальник тюрьмы это хорошо знал. Если бы ему приказали задушить или отравить потихоньку этих узников, он исполнил бы это без малейшего сожаления и колебания. Жестокий тиран, назначивший его начальником тюрьмы, знал, с кем имел дело, и по сведениям, подтвержденным историей, не раз пользовался им, чтобы избавиться от политических или личных врагов.

В течение этого времени четвертый узник продолжал стоять лицом к стене и спиной к разговаривавшим. Техасцы не могли понять, почему он так поступал. По-видимому, Сантандер не знал, кто был этот человек, но его странное поведение возбудило, наконец, его любопытство, и он спросил у начальника тюрьмы:

— Кстати, скажите, кто этот четвертый обитатель кельи? Он точно стыдится показать свое лицо, которое, вероятно, так же безобразно, как мое.

Эта была одна из любимых шуток Сантандера, который знал, что хорош собой.

— Это рыцарь большой дороги, сальтеадор (разбойник), — ответил начальник тюрьмы.

— Человек, не лишенный интереса, — заметил полковник, — дайте-ка мне на него посмотреть, чтобы удостовериться, похож ли он на настоящего разбойника, на Мацарони или на Дьявола.

Сказав это, он вошел в келью, чтобы посмотреть на вора, который в это время повернул лицо в его сторону. Они теперь стояли друг против друга. Между ними не было произнесено ни слова, но взгляд их выражал ясно, что они виделись не в первый раз. Выражение ненависти отразилось на лице Сантандера, и он произнес какое-то злобное восклицание. Но это было все, что сорвалось с его уст, когда он встретил пару глаз, пронзивших его насквозь.

Он быстро повернулся и пошел к двери, до которой, однако, не дошел без приключений. В своей поспешности он споткнулся о техасца, загораживающего келью. Озлившись, он презрительно оттолкнул его ногой, чтобы пройти в дверь. К счастью для него, он успел уже выйти, когда великан, вскочив с места и таща за собой карлика, бросился за ним, начальник тюрьмы успел вовремя захлопнуть дверь, чем и спас жизнь Сантандеру. Крис Рок тогда, обернувшись к Кернею, сказал совершенно спокойно:

— Не был ли я тысячу раз прав, капитан, когда уверял, что надо этого подлеца повесить на Шелльской дороге? Какую я сделал глупость, что не утопил его! А уж теперь-то нам достанется от него!

Глава XIII

МЕСТЬ САНТАНДЕРА

Из действующих лиц нашего романа, уже знакомых читателю, не одни только Карлос Сантандер, Флоранс Керней и Крис Рок уехали из Нового Орлеана в Мексику. То же сделали и дон Игнацио с дочерью, причем ему были возвращены его земли и он даже попал в милость к диктатору.

В довершение всего Игнацио Вальверде был вскоре назначен министром.

Всем этим дон Игнацио был обязан Сантандеру. Красавец адъютант, пользовавшийся доверием начальства, добился без труда отмены указа о ссылке дона Игнацио и позволения ему вернуться в свое отечество.

Причину, заставившую его это сделать, нетрудно угадать, здесь играли роль не дружба, не человеколюбие, а единственно лишь страсть к дочери Игнацио. Не смея оставаться в Новом Орлеане после дуэли, он не мог более видеть Луизу Вальверде. Только эгоистическая любовь и побудила его просить помилования политического преступника. Возвращение же имущества дона Игнацио зависело уже не от него, а было лишь следствием восстановления ссыльного в его правах. Почести, жалованье, а также и его новый высокий пост были дарованы ему самим Сан-та-Анной. Причина, побудившая его осыпать благодеяниями человека, который был еще недавно его политическим врагом, была совершенно та же, что причина стараний Карлоса Сантандера: мексиканский диктатор, удостоив взглядом Луизу Вальверде, заметил, что она была красавица.

Что же касается дона Игнацио, то в его оправдание можно сказать многое: высылка из отечества, ведущая за собой потерю имущества, разлука с друзьями, необходимость жить в чужой стране среди малосимпатичных людей и, наконец, необходимость работать, чтобы зарабатывать насущный хлеб, — сложите все это и войдите в его положение во время пребывания в Новом Орлеане! Он выносил эти испытания так терпеливо и безропотно, как дай Бог всякому. Все же нечего удивляться принятому им решению по получении официальной бумаги, извещавшей его о помиловании и праве вернуться на родину.

Хорошо зная своего покровителя Карлоса Сантандера, он понимал и причины, побудившие его хлопотать за него, но, когда дело касается таких благ жизни, нельзя быть чересчур разборчивым. С того памятного вечера, когда Сантандер показал себя в столь невыгодном свете, он почти перестал ходить к Вальверде и явился только через несколько дней после дуэли с пластырем на щеке, держа руку на перевязи, рисуясь своим приключением. Он понял, что на молчание Дюперрона и доктора может положиться, остальные же свидетели, как он узнал, даже кучера, уехали в Техас. Ему, значит, нечего было опасаться, что истина всплывет наружу. По его словам, он, дерясь с Кернеем, нанес ему столько ран, что жизнь того была в большой опасности.

Он рассказал это не Луизе, а ее отцу, когда же слух об этом дошел и до нее, она чуть не заболела с горя, но Сантандер уехал, и узнать подробности было не у кого. Через несколько месяцев, встретившись уже в Мексике, он повторил ту же выдумку, зная, что его противник, которого он чуть не убил, был жив и здоров. Он прочел о нем в американской газете, в которой при описа-

нии Мьерского сражения было упомянуто в очень лестных выражениях о капитане Кернее. В числе убитых его имени не было, стало быть, он остался жив.

Вот каково было положение главных лиц нашего романа после Мьерского сражения: Карлос Сантандер — полковник, состоящий в штабе диктатора, дон Игнацио Вальверде — министр, дочь его — красавица, пользовавшаяся общим вниманием; Флоранс Керней, бывший капитан партизан, и Крис Рок, лучший стрелок всего отряда, — узники в ужасной тюрьме: один, прикованный к ноге вора, а другой — к убийце, столь же безобразному физически, как и нравственно.

Но их ждало еще большее унижение, о чем и догадался Керней, как только начальник тюрьмы захлопнул стремительно их дверь. Уроки, которые он брал у Игнацио, не пропали даром, затем практика в разговоре с солдатами во время похода дала ему возможность усовершенствоваться в знании испанского языка. Карлос, вероятно, не подумал об этом или предполагал, что двери тюрьмы достаточно толсты, чтобы можно было беседовать, не будучи услышанными в келье. Вышло, однако, наоборот. Услышав, что говорилось за дверь, ирландец, наконец, понял, почему он и Крис Рок были ввергнуты в тюрьму наравне с самыми гнусными преступниками.

— Сеньор дон Педро, — говорил Сантандер, — эти техасцы — мои давнишние знакомые, я встретил их не в Техасе, а в Соединенных Штатах, в Новом Орлеане, где между нами были отношения, которые я не считаю нужным вам описывать. Да будет вам только известно, что я в долгу у этих двух заключенных и потому хочу расплатиться с ними. Я могу рассчитывать на вас, не правда ли?

Трудно было ошибиться насчет его слов, дело касалось не расплаты за дружескую услугу, а, напротив, содействия со стороны начальника тюрьмы для выполнения задуманного плана мести. Ответ дона Педро доказывал, что он все прекрасно понял.

— Конечно, вы можете рассчитывать на меня. Скажите только, что вы желаете, ваше приказание будет немедленно исполнено.

— Прекрасно, — сказал Сантандер, подумав немного, — я хочу, во-первых, чтобы вы дали им возможность подышать воздухом на улице, не только техасцам, но всем четверем вместе.

— Однако! — вскричал удивленный начальник тюрьмы. — Они должны быть вам за это благодарны.

— Менее, однако, чем вы предполагаете, если принять во внимание их компанию и работу, которую я намерен им дать.

— Какую работу?

— Небольшую работу...

— На какой улице?

— Калье-де-Платерос.

— Когда?

— Завтра же. Приведите их утром и оставьте до вечера, до тех пор, пока не пройдет процессия. Вы поняли меня?

— Кажется, что да, полковник. А цепи оставим на них?

— Да, непременно, я желаю, чтобы они оставались так же скованы, как сейчас: карлик с великаном и два других вместе.

— Слушаю, все будет исполнено.

Этим закончился любопытный разговор или если и продолжался, то Керней не мог более ничего расслышать. Когда он сообщил услышанное Крису Року, тот не знал, чем все это объяснить; но двое других заключенных, тоже слышавшие разговор, сейчас же поняли, в чем дело.

— Хорошо же, — вскричал карлик, — ведь это значит, что не пройдет и суток, как мы будем барахтаться по пояс в грязи. Прекрасно, нечего сказать!.. Ха-ха-ха!..

И, слушая смех уродца, можно было подумать, что ему предстояло не отвратительное занятие, а очень приятное удовольствие.

Глава XIV НА АЗОТЕЕ

В мексиканском городе плоские крыши домов называются *azotea*, невысокие перила, фута в три, служат для разделения крыш от соседних домов и для ограждения кровли по краям. На азотее сидят большую часть дня, она служит местом отдыха и приема гостей. Эта особенность архитектуры восточного происхождения существует еще на побережье Средиземного моря. Не любопытно ли, что она встречается и у мексиканцев, дома которых несут плоские крыши вроде террас? Такие же кровли можно видеть и в Новой Мексике, Некосе Мокисе.

Соответствующий климат — сухой и теплый — главное условие для устройства подобного рода крыш. Нет на свете страны, где жизнь на открытом воздухе была бы привлекательнее, чем в Мексике, исключая дождливое время года. Есть и еще причина, по которой мексиканские крыши могут считаться самым приятным местом для времяпрепровождения: на них не чувствуется ни малейшего дыма, так как труб почти не существует. Здесь они совершенно излишни. Немного дров, сожженных в зале, — вот и все отопление, да и то лишь в исключительных случаях, для больных или очень богатых людей. В кухнях употребляют древесный уголь, а так как от него не бывает ни малейшего дыма, то воздух остается вполне чист. Хорошо содержащаяся азотея бывает украшена горшками цветов, красивыми растениями, небольшими апельсиновыми деревцами, камелиями и пальмами, иногда над перилами возвышается бельведер, с которого еще лучше любоваться красивыми видами. А где же найти ландшафты красивее тех, что окружают Мехико?

В какую бы сторону ни повернуться, всюду развертывается дивная картина, доставляющая наслаждение взору. То зеленеющие долины самых разнообразных оттенков, начиная от светло-желтого маиса до темно-зеленых табачных плантаций, то целые поля перечника и бобов, широкие полосы воды, отливающие на солнце серебром, и все это обрамляется цепью гор с вечным снегом на гигантских вершинах.

Словом, с какой бы крыши дома ни окинуть взором горизонт, он чарует зрение и веселит душу! Несмотря на это, на азотее одного дома, или, скорее, на бельведере, сидела девушка, не обращавшая, по-видимому, никакого внимания на красоту ландшафта, вся фигура ее выражала тоску, которую не могла рассеять окружающая ее природа.

Это была Луиза Вальверде, вспоминая другую, не менее прекрасную

страну, где она провела несколько лет изгнания. Последний год был для нее самым приятным и счастливым, так как она узнала любовь! Предметом ее любви был Флоранс Керней. Но где-то был он теперь? Она ничего о нем не знала, не знала, даже, был ли он жив. Он уехал, не объяснив ей истинной причины, вызвавшей его отъезд. Она узнала лишь от него, что он был избран капитаном отряда волонтеров, который, как ей потом сообщили, отправился в Техас. Затем до нее дошли слухи о геройской борьбе партизан и о понесенных ими потерях.

Она знала также, что оставшихся в живых взяли в плен и отвели в Мехико, обращаясь с ними самым жестоким образом, знала и о той отваге, с которой они пытались освободиться от стражи, и про их вторичный захват в плен.

В это время она жила уже в Мехико, так как отец ее получил помилование очень скоро после отъезда партизан. Она внимательно следила за всеми событиями Мьерской экспедиции и, прочитывая все мексиканские газеты, с замиранием сердца просматривала списки раненых и убитых: дойдя до списка казненных в Эль-Саладо, она, полуживая от страха, вздохнула свободно, лишь когда прочла последнюю фамилию убитых. Ей все же казалось странным, что имя Кернея никогда нигде не упоминалось.

Каким образом такой герой мог оставаться не известным никому? Ведь мексиканцы первые признали отвагу техасцев, а Флоранс должен был быть, конечно, отважнее всех. Почему же о нем ничего не писали? И где он мог теперь быть? Эти вопросы не давали ей покоя. Оставалось допустить, что Керней бесславно погиб от какой-нибудь болезни или несчастного случая. Его тело, наверное, покоилось в какой-нибудь отдаленной прерии, где его похоронили товарищи. Грустные мысли, которым предавалась все время Луиза, покрыли бледностью ее щеки и наполнили тоской ее душу. Ни почести, которыми был осыпан ее отец, ни восторг, вызываемый ее красотой, не могли рассеять ее грусти.

Глава XV

ОЖИДАНИЕ

Обыкновенно люди, тоскующие о чем-либо, предаются своему чувству у себя в комнате, скрываясь от людей. Дочь дона Игнацио избрала для этого бельведер, на котором она проводила большую часть дня в совершенном уединении. Отец ее, занятый государственными делами, проводил весь день во дворце.

В этот день, однако, Луиза, поднимаясь на азотею, была, очевидно, занята совершенно другими мыслями, чем обыкновенно, взор ее, блуждающий прежде равнодушно по окружающей живописной местности, был устремлен теперь на ту точку, где дорога, идущая вдоль Чапультепского акведука в Такубаи, сворачивает вдруг влево. Далее дорога теряется среди плантаций и исчезает совершенно из виду.

Почему Луиза не отрывала глаз от поворота дороги? Почему лицо ее было так оживленно? Ее взгляд, полный ожидания, лихорадочно горел, стремясь навстречу не блестящему всаднику на красивом коне, но простому пешеходу, слуге, которого она послала в Такубаи и возвращения которого теперь ждала. Данное ему поручение и было причиной ее лихорадочного нетерпения, оно требовало большей ловкости и осторожности, но метис Хосе обладал и тем и другим. Кроме того, она питала к нему полное доверие, зная, что он ее никогда не выдаст. Это не был вопрос жизни или смерти, но во всяком случае дело довольно щекотливое, так как надо было узнать, находился ли между пленными, отведенными в Такубаи, некто по имени Флоранс Керней.

Можно, пожалуй, удивиться, почему девушка не подумала разузнать о нем раньше, живя уже столько времени в Мексике. Но дело в том, что Луиза проживала тогда с отцом на даче, в десяти милях от города, и только накануне узнала, что пленники, столь давно ожидаемые, наконец прибыли. Узнав об этом, она тотчас вернулась в город, чтобы разузнать о своем возлюбленном. Ей не пришлось в голову навести справки в Аккордаде, хотя она и слышала, что несколько пленных было помещено в эту тюрьму.

Однажды, когда она сидела, погруженная в свои мысли, лакей подал ей конверт с гербом на печати. Разрывая конверт, она и не подозревала, что скоро будет вовлечена в заговор. В конверте оказался пригласительный билет от самого диктатора, предлагавшего ей присутствовать на большой процессии, назначенной на следующий день, внизу находилась приписка, что в ее распоряжении будет парадная карета.

Сколько женщин в Мексике позавидовали бы подобному приглашению!

Заметьте, что Антонио Лопес де Санта-Анна не только подписался собственноручно на этом приглашении, но еще приписал «*con estima particular*» [4].

Эта лесть, однако, не только не доставила удовольствия Луизе Вальверде, но, напротив, вызвала в ней чувство отвращения и даже страха. Уже не первый раз диктатор оказывал ей внимание, осыпая любезностями.

Прочтя билет, она отбросила его с пренебрежением и начала снова всматриваться по направлению к акведуку, надеясь увидеть возвращающегося посланного. Про приглашение же диктатора она совершенно забыла, как будто

его и не получала. Через несколько минут она была снова потревожена, но на этот раз приходом не лакея, а молодой изящной женщины, красота которой представляла совершенный контраст с красотой Луизы. У последней, хотя она и была испанского происхождения, были золотистые волосы и чудный нежно-белый цвет лица.

Та же, которая в ту минуту входила на азотею, была брюнетка со смуглым цветом лица, ее роскошные черные волосы были зачесаны высоко на затылок, легкий пушок над верхней губой (который у мужчин сошел бы за усы) выделял еще более белизну ее зубов. Яркий румянец ее щек напоминал по цвету розу, удивительная гармония была разлита по всему ее лицу, в котором женские чары соперничали с какой-то дикой оригинальностью, прибавляя к его очарованию известную остроту. Этот привлекательный тип происходит от мавританско-андалузского племени или от древней анагуакской крови.

Молодая женщина, наружность которой мы только что описали, была красавица Изабелла Альмонте, «львица» мексиканского общества.

Глава XVI ДВОЙНАЯ ОШИБКА

Луиза Вальверде и графиня Альмонте были очень дружны между собой, и не проходило дня, чтобы они не виделись. Они жили на одной улице. У графини был собственный дом, хотя и купленный на имя ее тетки и опекуни. Кроме красоты графиня обладала еще и титулом, доставшимся ей от древнего правящего рода в Мексике. Очень богатая, она владела во многих местах поместьями, домами и дачами. Пользуясь полной свободой, она тратила деньги, не отдавая никому отчета, веселая и беззаботная как птичка.

На этот раз, однако, Луизу Вальверде поразило озадаченное выражение лица подруги и ее прерывистое дыхание. Правда, она могла задыхаться и оттого, что поднялась сразу на четыре этажа, но краска, покрывавшая ее лицо, и блеск глаз должны были происходить от другой причины, которая собственно и заставила ее так спешить.

— *Madre de Dios!*[5] — вскричала участливо ее подруга. — Что с вами, Изабелла?

— О Лусита, если бы вы знали!

— Но в чем же дело?

— Он в тюрьме...

— Он жив! О, да будет благословенна Святая дева!

Произнося эти слова, она перекрестилась, подняв набожно глаза к небу, как бы произнося благодарственную молитву.

— Жив! — повторила удивленная графиня. — Разве вы думали, что он умер?

— Я не знаю, что и думать, я так давно его не видела и ничего о нем не слышала, я счастлива, что он находится здесь, хотя бы и в тюрьме, пока человек жив, жива и надежда.

Графиня стала понемногу приходить в себя, хотя еще не успокоилась, лицо ее выражало теперь не только тревогу, но и сильное удивление. Что хотела сказать ее подруга? Почему была она довольна, узнав, что «он» в тюрьме?

— Пока человек жив, жива и надежда! — повторяла графиня.

— Я предполагала, что его уже нет на свете. Скажите, вы уверены, что он в тюрьме? Я боялась, что его убили или что он погиб где-нибудь в техасских прериях.

— Карамба! — вскричала, прерывая ее, графиня, которая не могла иногда удержаться от обычных восклицаний своей страны, затем прибавила: — Что вы хотите сказать, упоминая о техасских прериях? Я не слыхала, чтобы Руперто там когда-нибудь был.

— Руперто? — повторила Луиза, и тотчас же радость сменилась на ее лице прежней тоской. — А я думала, что вы говорите о Флорансе Кернее!..

Обе давно уже поведали друг другу тайны своих сердец, и Луиза Вальверде прекрасно знала, кто был Руперто. Кроме того, что ей поведала графиня, она знала, что он принадлежал к хорошей фамилии и был храбрым воином. Но в то же время он состоял, как прежде дон Игнацио, в побежденной партии, большинство которой жило или в ссылке, или в своих отдаленных поместьях, удалившись от политики. Руперто уже давно не показывался в Мексике, хотя многие предполагали, что он, оставшись в стране, скрывался в горах. Говорили также, что, совершив много разбоев, он сделался начальником шайки сальтеадоров, не раз орошавших кровью дорогу в Акапулько, в том месте, где она прорезает горы, Эта арена многочисленных преступлений носит название «Cruz del Marques».

Но многие подробности были до сих пор неизвестны дочери дона Игнацио.

— Простите мне мою ошибку, Изабелла, — сказала она, обнимая подругу и нежно прижимая ее к сердцу.

— Скорее я должна просить у вас прощения, — ответила графиня, заметив впечатление, произведенное на Луизу ее ошибкой. — Я должна была выражаться яснее, но вы знаете, что все мысли мои сосредоточены на моем дорогом Руперто.

Ей следовало, судя по себе самой, понять, что мысли ее подруги были заняты лишь одним Флорансом Кернеем.

— Вы говорите, Изабелла, что его заключили в тюрьму. Но кто же это сделал и почему?

— Кто сделал? Понятно, стража по распоряжению правительства. А почему? Потому что он из либеральной партии, это его единственная вина. И знаете ли, что я вам еще скажу? Его обвиняют в том, что он сальтеадор!

— Его могут обвинить, но быть им он, конечно, не может. Впрочем, меня давно не удивляет вранье людей, пользующихся властью. Дона Руперто мы знали еще до нашей ссылки, такой человек никогда не унизил бы себя, став бандитом.

— Бандитом?! Мой Руперто, самый ярый патриот и честнейший человек во всем мире?..

— Где же и когда его захватили?

— Где-то в окрестностях Сан-Августина, уже некоторое время тому назад, хотя я только что узнала об этом.

— Странно, я провела на прошлой неделе несколько дней в Сан-Августине и ничего об этом не слыхала.

— Потому что это делается тайно, дон Руперто жил где-то в горах. Слишком храбрый, чтобы быть осторожным, он спустился в Сан-Августин, где кто-то его предал.

— Где же он теперь, Изабелла?

— В тюрьме.

— Но в какой тюрьме?

— Вот это-то я и хочу узнать. Пока знаю только, что его обвиняют в разбое. Сантиссима! — воскликнула она, нервно топча ножками веер. — Пусть клеветники поостерегутся, он им отомстит, когда его оправдают, ведь правда всегда всплывает. Ах, как я бы желала этого, хоть ценой всего, что имею! Сметь подозревать Руперто в разбое!..

Усевшись, наконец, на бельведере, подруги после первой вспышки заговорили спокойнее. Взгляд на общее положение вещей был у них совершенно различный. Одна знала, что ее возлюбленный находился в тюрьме, и приходила от этого в отчаяние, другая надеялась, что и ее милый попал туда же, но уверенность в этом доставила бы ей отраду. Читатель знает, почему происходила такая разница во взглядах.

Графиня, в свою очередь, начала расспрашивать подругу.

— Я теперь понимаю, *amigo mia*, почему вы подумали, что я говорила о Флорансе. Вы полагали, что он находится среди пленных, которые только что прибыли. Не правда ли?

— Если бы я смела надеяться!..

— Предприняли ли вы что-нибудь, чтобы узнать это?

— Да, я послала человека разузнать о нем в Такубаи, куда, я слышала, их отвели.

— Некоторых отвели неизвестно куда, но большинство, как я слышала, попало в Аккордаду.

— Как! В эту ужасную яму, с самыми подлыми негодьями! Ведь техасцы военнопленные, их не могли подвергнуть такому унижению!

— Однако так и случилось. Я узнала это от Сантандера.

Упоминание этого имени, да еще в сопоставлении с предметом разговора, произвело сильное впечатление на Луизу. Она то краснела, то бледнела при воспоминании о ненависти, существовавшей между Сантандером и Кернеем. Страшно встревоженная, она почти не слушала графиню, продолжавшую свои расспросы.

— Кому вы поручили это трудное дело?

— Я послала Хосе.

— Отлично, он действительно вполне заслуживает доверия и довольно толковый, но, *amiga mia*, он не более как слуга, и в Такубаи среди солдат гарнизона или в тюрьмах ему будет нелегко добиться нужной справки. Снабдили ли вы его деньгами?

— О, да, мой кошелек поступил в его полное распоряжение.

— Тогда есть надежда, что он принесет удовлетворительный ответ. Ваш кошелек будет золотым ключом, который откроет двери тюрьмы дона Флоранса, если только он в ней находится.

— Надеюсь, что да.

Эта надежда девушки показалась бы очень странной для человека, знающего обстоятельства дела.

— Чего бы я ни дала, чтобы узнать, что он жив!

— Вы это скоро узнаете. Когда должен вернуться Хосе?

— Ему пора уж прийти, он ушел несколько часов тому назад. Когда вы при-

шли, я как раз высматривала его, может быть, он уже прошел, пока мы разговаривали.

— *Миу amigo mía*, какое совпадение! Я сделала то же, что и вы, и жду возвращения моего посланного, которому поручила узнать об участии Руперто. Я прибежала к вам, чтобы поделиться этим с вами, и, раз уж такова судьба, будем вместе ждать вестей, каковы бы они ни были, по выражению матросов, двоим в лодке всегда лучше, чем одному.

— Что я вижу? — воскликнула она, поднимая с полу пригласительный билет, брошенный Луизой. — Приглашение с предложением кареты и любезной припиской его светлости! Мне его любезности противны. Вы собираетесь поехать?

— Нет, я об этом и не думаю.

— Мне бы хотелось, чтобы вы поехали. Да и отец ваш, наверное, пожелает.

— Но зачем это?

— Потому что я хочу, чтобы вы меня взяли с собой.

— Я должна прежде узнать, что скажет отец.

— Я уверена, что...

Ее прервал шум шагов, принадлежавших, очевидно, двоим. Это были оба посланные, возвращавшиеся случайно вместе. Девушки поспешно вышли им навстречу. Встретясь у порога дома, слуги поднялись одновременно, исполняя приказания явиться немедленно по выполнении поручения. Они стояли, обнажив головы, один — перед графиней, другой — перед Луизой Вальверде, так что ответы их были слышны обеим, впрочем, они и не собирались скрывать их друг от друга.

— Сеньорита, — сказал Хосе, — тот, о судьбе которого вы приказали мне разузнать, не находится в Такубаи.

Луиза Вальверде, страшно побледнев, воскликнула.

— Вы о нем ничего не узнали?

Последовавший затем ответ сразу привел ее в себя.

— Вы видели дона Флоранса, но где же, говорите скорее?

— В Аккордаде.

— В Аккордаде! — повторил в то же время как эхо другой голос. Это сказала графиня, которая тоже узнала, что и ее возлюбленный находился в той же тюрьме.

— Я видел его в камере, сударыня, — продолжал слуга графини, — он прикован к техасскому пленнику.

— Он был в камере, сеньорита, — говорил в то же время Хосе, — прикованный к вору.

Глава XVII

СТОЧНЫЕ КАНАВЫ

В каждом городе есть улица, пользующаяся благосклонностью высшего общества. В Мехико это улица Платерос, улица Ювелиров, улица, названная так по большому количеству ювелиров, живущих на ней.

По этой улице прогуливается золотая молодежь столицы Мексики, в лакированных сапогах, желтых перчатках, со стеклом в руке и моноклом в глазу. Сюда же приезжают сеньоры и сеньориты выбирать себе украшения у ювелира. Если же имеют в виду прогулку, то по улице Ювелиров идут в Аламеду, место общественной прогулки, с красивыми аллеями, террасами, цветами и фонтанами, осененными тенью громадных густых деревьев: под знойным небом юга все ищут тени, а не солнца.

Там *jovenes carados*[6] проводят часть дня, то гуляя по аллеям, то сидя у фонтана, любясь хрустальной струей воды, бьющей из скалы, они в то же время следят взором за сеньоритами, владеющими веерами с удивительным искусством; колебания этих хрупких игрушек предназначены не только для движения воздуха и освежения кожи, некоторые движения, к которым прикованы взгляды, выражают признания, более чарующие, чем слова. В Мехико разыгрывается роман, происходит объяснение в любви, залечивают сердечные раны или наносят их одним лишь мановением веера.

Улица Платерос, оканчивающаяся у входа в Аламеду, продолжается и далее, но уже под другим названием, до фешенебельного места прогулки *Paseo de Bucareli*, называемого иногда *Paseo de Bucareli* в честь бывшего вице-короля Новой Испании. Это мексиканский проспект, посещаемый как пешеходами, так и экипажами. Ежедневно в известный час аллея запружена экипажами и всадниками, в экипажи запряжены мулы или маленькие лошадки, иногда также английские или американские лошади, известные здесь под именем фрисонов.

Сеньоры и сеньориты, сидящие в экипажах, очень нарядны, в открытых платьях, с короткими рукавами и без шляп, их волосы, большей частью черные, украшены драгоценностями и живыми цветами, жасминами одуряющего запаха или ярко-красными цветами гранатовых деревьев. На крошечных седлах восседают блестящие всадники, гарцуя на фыркающих лошадях. Глядя на них, подумаешь, что они едва удерживают коней, которых на самом деле все время прищипывают, заставляют горячиться.

Каждый день, исключая первую неделю великого поста, когда высшее общество переходит в *Paseo Viejo*, на другой конец города, эта блестящая процессия тянется вдоль улиц Платерос и Сан-Франциско. Но здесь же взор нередко останавливается на менее красивом зрелище. Посередине улицы проходит сточная труба, не закрытая сплошь, как в европейских городах, а только прикрытая плитами, легко снимающимися. Это скорее грязная клоака, чем сточная труба. От города к деревне нет ни малейшего уклона, который способствовал бы стоку нечистот, и они скопляются в канавах (*zancas*), наполняя их доверху. Туда выливают из домов помой, и если бы их не очищали через известные периоды времени, то весь город был бы затоплен грязью; доходит иногда до того, что черная жидкость просачивается сквозь плиты, распространяя зло-

вонный запах.

Каждая новая революция как бы парализует рвение тех, кто ведает канализацией, и чего только не приходится выносить зрению и обонянию, когда наступает время очистки! Снятые плиты кладутся на одну сторону, а вонючую грязь выкладывают на другую, оставляя ее здесь до тех пор, пока она не засохнет, чтобы удобнее было ее вывезти. Это не мешает, однако, любителям променадов. Дамы отворачивают свои хорошенькие носики, не жертвуя ради этого прогулкой в «Paseo», будь зловоние во сто раз хуже, они и тогда не отказались бы от обычной прогулки. Для них, как и для большинства посетительниц Хайд-Парка, дневное катание дорожке всего, даже пицци и питья, говорят, что многие из них отказывают себе во всем необходимом ради экипажа и лошадей.

Очистка стоков — тяжелая работа, для которой трудно найти людей. Даже нищие считают ее унижительной, и последний бедняк решается на нее, лишь мучимый голодом. Она не только отвратительна, но унижительна, почему и предоставляется большей частью обитателям тюрем, ее обязаны исполнять узники, осужденные на долгое тюремное заключение. Они идут на нее с отвращением, отбывая по большей части наказание за повинность, совершенную уже в тюрьме. Их пугает не столько грязь и вонь, сколько тяжелый труд под палящим солнцем.

Интересно, хотя и отвратительно, видеть их за работой, скованных парами. Из предосторожности с их ног не снимают колодок, хотя они стоят по пояс в грязи, залепляющей им нередко и лицо! На них и без того неприятно смотреть, глаза их то мечут искры, то опущены с отчаянием. Они озлоблены против всего человечества. Некоторые из них задевают прохожих своими насмешками, песнями и ругательствами.

После всего сказанного понятно, почему Керней прислушивался с таким беспокойством к разговору Сантандера с начальником тюрьмы. Он еще не знал, в чем было дело, но прикованный к нему товарищ объяснил ему и Крису Року все, что знал по этому поводу. На следующее утро начальник тюрьмы сам пришел к их двери, сказав:

— Пора, собирайтесь на прогулку!

Он знал, что им предстояло, но, думая, что его разговор с Сантандером не был известен заключенным, прибавил насмешливо:

— Сеньор полковник Сантандер вас совсем избалует своим вниманием. Он, заботясь о вашем здоровье, желает, чтобы вы совершили прогулку. Это особая милость, которая доставит вам и пользу, и удовольствие.

Дон Педро любил поиздеваться и очень гордился умением изобретать насмешки. На этот раз, однако, его ирония потеряла соль. Карлик не пререкался, чтобы не ответить.

— А! — завопил он нечеловеческим голосом. — Прогуляться по улице! Вы хотите сказать, под улицей, я ведь знаю, дон Педро!

Он был так давно в тюрьме, что знал имя ее начальника и позволял себе с ним фамильярности, которые ему иногда прощали ввиду его уродства.

— Ах ты, уродина! — заметил удивленный и озадаченный начальник тюрьмы. — Ты всегда позволяешь себе неподходящие шутки, от которых я постараюсь тебя отучить, дав сегодня же пример, как надо держать себя.

Затем, обращаясь к Ривасу, сказал:

— Сеньор дон Руперто, я был бы счастлив избавить вас от этой маленькой экскурсии, но я получил приказания, которых не могу ослушаться.

Это опять была лишь ирония, придуманная с целью помучить заключенного, по крайней мере, вор это так понял и, обращаясь к своему притеснителю, сказал:

— Мерзавец, обесчестивший свое оружие в Закатекасе, вы как нельзя более подходите к должности начальника такой отвратительной ямы, как эта. Продолжайте делать подлости, я вас презираю!

— Черт побери! Как вы, однако, дерзки, сеньор капитан Ривас! Прежде чем покинуть Аккордаду, вы еще услышите обо мне. Не надейтесь, что графине, как бы она знатна ни была, удастся выцарапать вас из моих когтей, о вас позаботится лучше госпожа виселица.

Произнося эту угрозу, он крикнул сторожам, занятым чем-то на дворе:

— Отведите этих четверых арестантов, куда я говорил вам. Вы понимаете, для чего?

Последние слова относились к главному надзирателю, высокому и крепко сложенному малому.

— Por cierto, gobernador[7], — ответил тот с почтительным поклоном. — Я знаю, в чем дело.

— Они должны оставаться там весь день, такой мой приказ.

— Слушаю, сеньор! — ответил надзиратель.

Вскоре после ухода начальника тюрьмы тюремщик крикнул, отворив дверь камеры:

— Живо, марш на канавы!

Глава XVIII ТИРАН И ЕГО НАПЕРСНИК

Еxcellentísimo, ilustrísimo, генерал дон Хосе Антонио Лопес де Санта-Анна — таковы были имя и титул того, кто держал в то время в своих руках судьбы Мексики. Человек этот был около четверти века бичом и проклятием молодой республики. Хотя власть диктатора и была лишь временная, но деморализация, производимая деспотизмом, надолго переживает время правления деспота. Санта-Анна достаточно принизил мексиканцев в социальном и политическом отношении, чтобы сделать их не способными выносить какую бы то ни было форму конституционного правления. Они не различали более друзей от врагов свободы, а так как после каждого низложения диктатора возвращение либерального правления не сразу восстанавливало правовой порядок, то и на него сыпались обвинения, причем забывали все зло, причиненное тираном.

Неумение разбираться в сложных вопросах политики присуще, к несчастью, не одним мексиканцам. Англия, как и другие нации, не составляет в этом случае исключения. Но в первое время существования Мексиканской республики это политическое невежество разрасталось с необыкновенной силой на пользу Санта-Анны, которого свергали и прогоняли бесчисленное множество раз. Он был, однако, снова призван, к великому удивлению нации, а впоследствии и историков, не постигающих этого и до сих пор. Объяснение, однако, весьма просто — вся сила его могущества заключалась в порожденных его политикой деморализации, милитаризме и отвратительном шови-

низме, последнем в особенности.

«Divide et impera (разделяй и властвуй)!» — политическое правило, столь же древнее, как и сам деспотизм. Лесть как средство укрепления власти есть также путь, не менее известный. Этот-то последний путь и был избран Санта-Анной, не пропуская случая польстить народному самолюбию и кончившим унижением и посрамлением нации. Диктатор Мексиканской республики имел в то время притязания на титул императора и преследовал эту цель ревностнее, чем когда-либо. В действительности он пользовался императорской властью. Растоптав свободу в стране, он стремился единственно лишь к императорской короне. Чтобы подготовить своих подданных к задуманным переменам, он решил поразить их взор и воображение обстановкой и обрядностями чисто военного характера. К титулу правителя государства Санта-Анна прибавил еще звание главнокомандующего войсками. Дворец его и внутри, и снаружи походил на крепость. У всех дверей стояли часовые, а внутри можно было видеть во всякое время снующих офицеров, одетых в парадную форму. Никто из очутившихся проездом в Мексике не поверил бы при виде ее столицы, что находится в республиканской стране.

В день появления Карлоса Сантандера в Аккордаде диктатор сидел утром в зале, где была назначена аудиенция его приближенным. Официальные дела были окончены, и он оставался один, когда в зал вошел дежурный адъютант. После глубокого поклона он положил на стол около диктатора визитную карточку.

— Да, я могу принять его, — сказал тот, взглянув на нее. — Адъютант вышел через минуту. Это был Карлос Сантандер в форме гусарского полковника.

— А, сеньор дон Карлос, — весело и любезно приветствовал гостя диктатор. — Чему обязан снова вас видеть? Новая победа у дам, наверное, судя по вашему торжествующему виду...

— Экселентисимо!..

— О, не скромничайте! Вы счастливейший из смертных, судя по рассказам.

— Это только рассказы... уверяю вас, даже напротив...

— Верю, я и сам достаточно видел, например, ваши ухаживания за одной прелестной особой, которую вы, кажется, знали еще в Луизиане.

Он устремил испытующий взгляд на Сантандера, точно сам очень интересовался особой, на которую намекал. Избегая его взгляда, Карлос ответил уклончиво:

— Ваше превосходительство очень добры, уделяя мне столько внимания.

— Вот как, amigo mío, вы даже не находите нужным отрицать, подтверждая этим догадки! Ха-ха-ха!

Великий управитель, откинувшись в кресле, захохотал, он шутил, не имея в виду делать выговор или укорять.

— Да, сеньор дон Карлос, история ваших любовных похождения мне хорошо известна, но я далек от мысли осуждать вас за это, живя сам в стеклянном доме, я не могу бросать камни в стекла других. Ха-ха-ха!

Его смех и взгляд выражали, что ему очень льстит слава донжуана.

— Впрочем, ваше превосходительство, не все ли равно, что думает свет, лишь бы совесть была спокойна.

— Bravo, bravissimo! — вскричал Санта-Анна. — Карлос Сантандер проповедует мораль! Нет, это уж слишком! Есть отчего засмеяться и лошади! Ха-ха-

ха!

Полковник был немного озадачен, не понимая, к чему велся весь этот разговор, и решился, наконец, заметить:

— Меня крайне радует, что ваше превосходительство находится сегодня в таком хорошем расположении духа.

— Уж не оттого ли, что вы намереваетесь меня о чем-нибудь просить? — Санта-Анна любил иногда, оставаясь наедине, отпускать довольно обидные замечания. — А скажите, кстати, откуда у вас шрам на щеке? Я раньше его у вас не замечал.

Эти слова вызвали яркую краску на лице Сантандера, он никогда никому не рассказывал историю этого шрама, так старательно им скрываемого под баками, но запятнавшего его, как клеймо Каина.

— Это последствие дуэли, — сказал он.

— Где?

— В Новом Орлеане.

— О, это город дуэлей, я знаю по опыту, так как прожил в нем некоторое время.

Санта-Анна совершил поездку в Соединенные Штаты после сражения при Сан-Гиацинте, где был взят в плен под честное слово.

— В Новом Орлеане встречаются удивительно искусные дуэлянты, но кто же был ваш противник? Надеюсь, что вы отплатили ему как следует?

— Даже более того!

— Вы убили его?

— Нет, но это зависело не от меня, а от моего секунданта, упросившего меня пощадить противника.

— А что же было причиной ссоры? Впрочем, что же тут спрашивать? Конечно, замешана женщина.

— Виноват, ваше превосходительство, наша ссора имела совсем другую причину.

— Какую?

— Я собирался посвятить свое оружие на славу Мексики и ее достойного правителя.

— В самом деле, полковник?

— Ваше превосходительство не забыли знаменитую компанию партизан...

— Да, да, — прервал его поспешно Санта-Анна, точно не желая вспоминать о чем-то неприятном, — вы, значит, дрались с одним из них?

— Да, с их капитаном.

— Вы вызвали его за предпочтение, оказанное ему перед вами? Но что же с ним случилось? Участвовал он под Мьером?

— Да, ваше превосходительство.

— Убит там?

— Взят в плен.

— Расстрелян?

— Нет.

— Значит, он должен быть здесь? Как его фамилия?

— Керней, он ирландец.

Выражение лица Санта-Анны доказывало, что это имя было ему небезызвестно. Действительно, в то же утро дон Игнацио приходил ходатайствовать о

помиловании Кернея и освобождении его из тюрьмы, но министр не получил решительного ответа. Дон Игнацио не имел особого влияния на диктатора, и вся эта история показалась подозрительной Санта-Анне. Не упомянув, однако, об этом, он спросил только Сантандера:

— Этот ирландец в Такубаи?

— Нет, он в Аккордаде.

— Так как тexasские пленные находятся в вашем ведении, то вы, вероятно, о нем и пришли просить? Чего же вы желаете?

— Вашего разрешения наказать этого человека, как он заслуживает.

— За шрам, которым он украсил ваше лицо? Вы сожалеете, что не ответили ему как следует, не так ли, полковник?

Сантандер, покраснев, отвечал:

— Это не совсем так. Он должен быть наказан совсем по другой причине.

Санта-Анна пристально посмотрел на Сантандера.

— Этот Керней, — продолжал полковник, — один из самых ярых врагов Мексики и вашей светлости. В одной речи он называл вас узурпатором, тираном, предателем, не раз изменявшим свободе и родине. Позвольте мне не повторять тех оскорбительных эпитетов, которыми он вас осыпал.

Глаза Санта-Анны блеснули гневом и местью, ему часто случалось видеть в газетах свое имя униженным, это глубоко его раздражало, тем более что совесть его подтверждала деяния, ему приписываемые.

— Черт возьми! — вскричал он. — Если вы говорите правду, то можете делать с этим ирландцем все, что хотите. Расстреляйте или повесьте его, мне безразлично. Впрочем, нет, подождите, ведь у нас в настоящее время предприняты переговоры с министром Соединенных Штатов о тexasских пленнх. К тому же Керней, будучи ирландцем, является английским подданным, и английский консул может затеять с нами неприятную историю. Не следует его пока ни расстреливать, ни вешать. Поступайте с ним осторожно, вы понимаете меня?

Полковник понимал прекрасно, что хотел сказать диктатор, произнесший с особым выражением слово «осторожно». Все шло так, как желал Сантандер. Когда он вышел из зала правителя, лицо его сияло злобным торжеством. Отныне он мог унижать вволю того, кто его унизил!

— Вот так комедия! — воскликнул Санта-Анна, когда закрылась дверь за его адъютантом — Прежде чем опустят занавес, я хочу и сам сыграть роль в пьесе. Сеньорита Вальверде, без сомнения, прелестна, но она недостойна развязывать шнурки у башмаков графини. Эта женщина, ангел она или демон, могла, если бы захотела, добиться того, что еще ни одна не смогла... вскружить голову Санта-Анне!..

Глава XIX

ДОНЖУАН С ДЕРЕВЯННОЙ НОГОЙ

Диктатор просидел несколько мгновений неподвижно, затем, зажигая папиросу за папиросой, стал курить. Его лицо сделалось мрачно. В ту пору Санта-Анна имел власть над жизнью мексиканского народа, действуя то силой, то хитростью, не останавливаясь ни перед какими средствами, если верить общей молве. Эта перемена выражения в лице диктатора была вызвана воспоминаниями, но не угрызениями совести. Сюда примешивался, может быть, также страх разделить когда-нибудь участь своих жертв, так как каждый деспот не без оснований опасается мести. Развращенное и развращающее правление Санта-Анны так бесцеремонно обращалось к кинжалу, что убийство стало в некотором роде обычным правом. Неудивительно поэтому, что диктатор и сам боялся окончить дни от руки убийцы.

Его смущали и другие опасения.

Как ни прочно утвердился Санта-Анна на своем диктаторском посту, надеясь переменить его вскоре на трон короля, он все же не мог чувствовать себя в полной безопасности. С помощью арестов, казней, ссылок и конфискаций ему удалось, по-видимому, уничтожить либеральную партию. Но, как ни слаба она была, все же она существовала, ожидая лишь случая, чтобы проявить себя. Санта-Анна знал это лучше всех по опыту своей собственной жизни, где так часто чередовались торжество и поражения. В одном из северных городов республики раскрыт был даже заговор. Это походило на отдаленные раскаты грома могущей приблизиться грозы.

Однако мысли, омрачившие в эту минуту Санта-Анну, не имели ничего общего с политикой, так как он думал о женщине... женщине не в общем смысле слова, а об одной из двух особ, недавно упомянутых им, и, как можно было догадаться из его слов, о прелестной графине.

Он был в молодости недурен собой и очень гордился своей наружностью. Мексиканец по рождению, он был все же чистейшей испанской крови. Черты лица его были тонки и выразительны, волосы и усы черные, блестящие, цвет лица коричневый, но не темный. Он и теперь, несмотря на свои годы и на серебристые нити в волосах, мог бы еще производить впечатление, если бы не зловещее выражение, появляющееся у него на лице.

Усы он красил, благодаря чему они оставались черными. Одно обстоятельство огорчало его более всего — это его деревянная нога. Глядя на нее, у него появлялось выражение страдания, точно он чувствовал в этой деревяшке приступы подагры.

Как часто проклинал он принца Жоанвиля! Ведь он лишился ноги, защищая Вера-Круц против французов, которыми командовал этот принц.

Однако по некоторым причинам ему следовало, напротив, быть благодарным принцу, так как деревянная нога способствовала более всего популярности Санта-Анны, и не раз он пользовался ею как средством войти снова в милость у народа.

Но с каким грустным видом он рассматривал ее теперь! Если она могла ему быть полезна в политике, то в том, чего он теперь жаждал, она едва ли могла принести ему пользу. Способна ли женщина, да еще такая, как графиня Иза-

белла, полюбить человека с деревянной ногой! Он все же не терял надежды на это, основываясь если не на своей наружности, то на занимаемом им положении. Он сумел, кроме того, устранить опасность соперничества, заключив в тюрьму человека, пользовавшегося благосклонностью графини. С трудом удалось захватить, наконец, этого человека, обвинив его в разбое и воровстве. Он был заключен в Аккордадскую тюрьму, начальником которой был один из приспешников диктатора. Просидев некоторое время в раздумье и докурив папиросу, он вдруг торжественно улыбнулся. Улыбка эта была вызвана сознанием своей власти над ненавистным соперником. Чего бы он ни дал, чтобы распространить эту власть и на «нее»!

Вскоре диктатор был выведен из задумчивости легким стуком в дверь.

Снова показался уже знакомый нам адъютант, принесший на этот раз две визитные карточки сразу. Санта-Анна удивился. Форма и размер карточек указывали на их принадлежность представительницам прекрасного пола. Прочитав же имена посетительниц, диктатор удивился еще более. Адъютанту еще никогда не приходилось видеть таким взволнованным своего начальника, который, не замечая недоумевающего взгляда адъютанта, видимо, спешил принять посетительниц.

— Просите! — сказал было он, но вдруг одумался и отдал адъютанту распоряжение ввести дам сначала в приемную и впустить их к нему лишь после звонка. Судя по выражению лица молодого офицера, он был очень доволен данным ему приказанием задержать на некоторое время посетительниц, показавшихся ему очаровательными. Одна из них была Луиза Вальверде, другая — Изабелла Альмонте.

Глава XX ПРЕЛЕСТНЫЕ ПРОСИТЕЛЬНИЦЫ

Не успел адъютант уйти, как Санта-Анна направился к большому стенному зеркалу, в которое и осмотрел себя с головы до ног. Он закрутил усы, подняв кончики кверху, провел рукой по волосам, одернул шитый золотом мундир, затем, поглядев на свою единственную ногу, уселся снова в кресло. Несмотря на изысканную вежливость, которой он всегда кичился, он принимал всех сидя, даже женщин.

Зная, что деревянная нога мешала общему впечатлению, он предпочитал положение, позволявшее ему скрывать свой недостаток. Нажав кнопку звонка, он принял позу, полную достоинства и величия. Адъютант, не входя сам, открыл лишь дверь перед молодыми женщинами.

Они вошли, смущенные и взволнованные.

— Прощу сесть, — сказал диктатор, пожав им руки.

— Такой редкий случай — графиня Альмонте делает честь дворцу своим присутствием! Что касается сеньориты Вальверде, то, не будь у меня официальных отношений с ее отцом, я еще реже имел бы честь ее видеть!

Говоря это, он указал им рукой на кресла. Они сели, все еще волнуясь и слегка дрожа. Они не были застенчивы по природе, их делали такими обстоятельства, приведшие их к диктатору.

В жилах той и другой текла чистейшая мексиканская кровь. Графиня принадлежала к старинной знати, подымавшей голову выше самого диктатора,

потому что тот оказывался лишь выскочкой простого происхождения, а это бывало в Мексике не однажды.

Их смущало поэтому не присутствие диктатора, но самая цель их посещения. Были ли у Санта-Анны какие-либо подозрения на этот счет или нет, но лицо его оставалось непроницаемым и загадочным, как у сфинкса. Произнеся любезно свое приветствие, он умолк, выжидая, чтобы высказалась одна из посетительниц. Графиня решилась заговорить первая.

— Ваше превосходительство, — сказала она с напускным смирением, — мы пришли просить у вас одной милости.

При этих словах смуглое лицо Санта-Анны точно просветлело. Изабелла Альмонте просила у него милости, что же могло быть лучше? Несмотря на свое самообладание, диктатор с трудом скрывал овладевшую им радость, отвечая графине.

— Если эта милость в моей власти, ни графине Альмонте, ни Луизе Вальверде нечего опасаться отказа. Говорите же откровенно, в чем дело.

Графиня, при всей решительности своего характера, все еще медлила объяснить, так как, несмотря на полученный ответ, все же опасалась отказа. Ведь об этой милости уже просили утром Санта-Анну, и он, не отказав окончательно, подал все же мало надежды.

Читатель не забыл, вероятно, что в тот же день утром дон Игнацио приходил к диктатору просить о помиловании Флоранса Кернея и Руперто Риваса, просительницы не могли не знать этого, так как министр действовал по их настоянию и просьбе. Только безнадежность и заставила их самих обратиться к диктатору с той же просьбой.

Непривычное замешательство графини, высказавшейся, наконец, не ускользнуло от внимания диктатора, очень довольного, что представлялся случай воздействовать на интересовавшую его женщину.

— К сожалению, должен сказать, что меня все это крайне огорчает, — сказал он, стараясь казаться опечаленным, каким он и был в действительности после того, как обе женщины, за которыми он ухаживал, открыто выказали свое расположение к другим.

— Но почему же, ваше превосходительство? — спросила графиня со страстной настойчивостью. — По какой причине вы отказываете в свободе людям, не совершившим никакого преступления и заключенным в тюрьму за вину, которую вашей светлости так легко простить?

Никогда графиня не была так хороша, как в эту минуту. Ее лицо покрылось ярким румянцем, глаза метали искры негодования. Она стояла теперь во весь рост, высокая, гордая — олицетворение гнева и презрения. Она инстинктивно поняла, что все просьбы были тщетны, что можно было всего опасаться. Волнение сделало ее еще прелестнее, возбуждая в то же время дурные инстинкты Санта-Анны. В нем не оставалось более сомнений в тех чувствах, которые питала графиня к Руперто Ривасу. Он ответил с холодным цинизмом:

— Такова ваша точка зрения, но ведь это ничего не доказывает. Человек, за которого вы просите, должен сам доказать свою невиновность в преступлении, тяготеющем над ним, то же могу сказать и относительно так сильно интересующего вас узника, — прибавил он, обращаясь к Луизе Вальверде.

Они ничего на это не ответили, поняв, что все их усилия были напрасны. Они спешили уйти и, встав, направились к двери. Дочь Игнацио шла впереди,

это было именно то, чего желал Санта-Анна.

Забыв о своей деревянной ноге, он поспешно вскочил с кресла и заковылял за просительницами, успев шепнуть Изабелле Альмонте:

— Если графиня пожелает прийти одна, ее просьба будет иметь более шансов на успех.

Графиня прошла по залу, подняв презрительно голову, словно не расслышав его слов. Она прекрасно поняла их смысл, и негодование вырвалось в ее огненном взоре.

Глава XXI ЖЕНСКИЙ ЗАГОВОР

— **Ж**изнь моего бедного Руперто в опасности! Я теперь в этом уверена и, может быть, даже буду виной его смерти!

Графиня произнесла эти слова как бы про себя, сидя в карете рядом с подругой.

Не менее удрученная Луиза не расслышала бы, может быть, слов подруги, если бы они не отвечали вполне ее собственным мыслям. Думая об опасности, угрожавшей дорогому для нее человеку, она с ужасом спрашивала себя, не она ли тому причиной. Понятно, что здесь дело шло не о Руперто, а о ее бедном Флорансе Кернее.

— Вы опасаетесь, что послужите причиной его смерти... — прошептала Луиза Вальверде. — Да, мне кажется, я вас понимаю...

— Не будем об этом говорить, это слишком ужасно! Вы узнаете все впоследствии. Теперь же нам нужно не теряя времени приняться за дело, призвав на помощь всю нашу энергию. Ведь так, не правда ли? Помогите нам, Боже!

Несмотря на вопросительный тон Изабеллы, она не нуждалась в ответе, да и убитый вид Луизы доказывал, что она не находит удовлетворительного ответа. Не менее озабоченная, чем графиня, и еще более грустная, она ограничилась лишь повторением восклицания своей подруги:

— Помогите нам, Боже!

Они молчали некоторое время, погружившись в свои мысли; затем графиня снова заметила:

— Как я жалею, *amigo mia*, что вы неспособны на хитрости!

— *Santissima*[8], — воскликнула ее подруга, удивленная странным замечанием, — но почему же?

— Мне пришла в голову одна вещь, с помощью которой мы могли бы кое-чего достигнуть, если бы вы согласились мне содействовать.

— О Изабелла, чего я не сделаю, чтобы спасти Кернея!

— Мне нужно ваше содействие для того, чтобы освободить Руперто, а не Кернея. О последнем я позабочусь уже сама.

Удивление дочери дона Игнацио все возрастало. Чего хотела от нее графиня? Она решилась, наконец, спросить ее:

— Какую же роль вы мне назначаете?

— Роль ловкой кокетки, не более.

Кокетство было совершенно не в характере Луизы Вальверде. Имея большое число поклонников, она не заслуживала все же упрека в легкомыслии и нисколько не завлекала их. С того дня, как она полюбила Кернея, сердце ее

принадлежало всецело ему одному. Многие даже осуждали ее, находя слишком недоступной и холодной, не подозревая, как горячо билось это сердце, но для одного только человека. Средство, придуманное Изабеллой, глубоко смутило ее подругу. Заметив ее волнение, графиня поспешила сказать:

— Ведь только на время, дорогая. Вам не придется играть эту роль так долго, чтобы быть скомпрометированной, к тому же я вовсе не предлагаю вам вскружить голову всем вашим поклонникам, а только одному.

— Кому же?

— Карлосу Сантандеру, гусарскому полковнику, адъютанту его превосходительства. Его репутация не слишком почтенна, но он пользуется милостью Санта-Анны.

— Ах, Изабелла, какое заблуждение предполагать, что я могу иметь на него влияние! Карлос Сантандер менее, чем кто-либо другой, пожелает спасти Флоранса Кернея. Вы ведь знаете почему!

— Да, это я знаю. Но он может помочь мне освободить Руперто. Мои личные качества, к счастью, не оценены полковником, замечаящим лишь вас одну. Он не чувствует ревности к Руперто, он преследует его лишь из желания сделать приятное своему начальнику. Если вы согласитесь исполнить мою просьбу, нам легко будет восторжествовать над его чувством.

— Что же я должна буду делать?

— Вы должны быть любезны с ним хоть для вида и до тех пор, пока мы не достигнем желаемого.

— Я уверена, что из этого ничего не выйдет.

— А я так напротив, *amigo mío*. Вам, конечно, это будет не совсем приятно, но вы ведь сделаете это для меня, не правда ли? В благодарность я поступлю так же и буду играть ту же роль по отношению к другому человеку для спасения Флоранса Кернея... Вы понимаете меня?

— Не вполне.

— Я объясню подробнее в другой раз, только позвольте...

— И для дона Флоранса! Его имя будет лучшей порукой вашего согласия! Но какое странное стечение обстоятельств! Я буду действовать для вас, а вы для меня, а сами для себя мы ничего не можем сделать! Не будем все же отчаиваться в успехе.

В эту минуту экипаж остановился у дома Луизы. Графиня, отпустив кучера, пошла к своей подруге, которой хотела сказать еще несколько слов.

Войдя в дом, они выбрали уголок, где могли поговорить, не будучи никем услышаны.

— Время не терпит, — сказала Изабелла, — и надо будет воспользоваться случаем, если он представится, сегодня же во время процессии...

— Мне даже подумать тяжело об этой процессии! Каково сознавать, что все веселятся, в то время как он изнывает в тюрьме! Нам придется проехать мимо нее! Ах, я чувствую, что у меня явится безумное желание сойти с экипажа и приблизиться к нему.

— Это был бы лучший способ погубить дона Флоранса и никогда более его не увидеть. Вы этим разрушили бы весь мой план. Я объяснюсь подробнее, когда настанет время действовать.

— Значит, вы хотите непременно ехать?

— Конечно, и именно для задуманного мною. Вот почему я и прошу вас

взять меня с собой в экипаж. Не надо раздражать Санта-Анну, и, как бы я ни была на него сердита, я все же очень сожалею, что позволила себе быть с ним такой резкой, но разве я могла спокойно слушать, что Руперто называют вормом! Впрочем, нет худа без добра. Итак, скорее идите одеваться, выберите ваш лучший наряд, украсьте себя драгоценностями и, главное будьте готовы ко времени прибытия парадной кареты. Карамба! — прибавила она, взглянув на свои часики. — Нам надо торопиться. Мне надо тоже успеть одеться.

Сделав несколько шагов к двери, она вдруг остановилась.

— Еще одно слово, — сказала она. — Когда вы будете разговаривать с Карлосом Сантандером, не делайте такого несчастного вида. Печаль — худшее оружие для достижения цели. Поборите себя, прошу вас, хоть на то время, когда будете находиться в присутствии Сантандера. Кажитесь веселой, улыбайтесь самым непринужденным образом. Я, со своей стороны, буду вести себя так же с Санта-Анной.

Когда Изабелла Альмонте вышла от своей подруги, на лицо ее тотчас спустилось облако печали, она не менее Луизы нуждалась в поддержке, делая невероятные усилия, чтобы казаться веселой и беззаботной.

Глава XXII УЗНИКИ ЗА РАБОТОЙ

Отряд скованных арестантов следует по улице Платерос. Доминго, надзиратель, сопровождает их, держа в руке огромный кнут. Несколько сторожей из тюрьмы и солдат следуют за ними. Узники прикованы друг к другу парами, причем цепи колодок немного отпущены, чтобы дать арестантам возможность передвигаться. При такого рода системе нет надобности в многочисленной страже, для скованных достаточно одного часового там, где для свободных арестантов понадобилось бы человек двенадцать. Побег совершенно невозможен, хотя перед чем остановились бы эти «спаренные», если бы им угрожали только ружья да сабли?

Плиты сняли, открыв канаву, наполненную вонючей грязью, около нее навалены всевозможные орудия для чистки и лопаты всех величин. Подойдя к этому месту, Доминго, не отходявший ни на шаг от арестантов, приказал им приниматься за работу. Отказ или непослушание немислимы, даже простое колебание наказывается ударом кнута или ружейного приклада. Кернею и Крису Року пришлось поневоле следовать примеру остальных. Но никто не принялся за работу с таким отвращением, как техасец. Прежде чем приступить к ней, он взмахнул лопатой с таким угрожающим видом, точно хотел размозжить ею голову ближайшему солдату.

— Проклятие! — воскликнул он, — Хоть ты, подлец, и не виноват, но я с наслаждением рассек бы твою башку! Ах, почему я не в Техасе! Не пощадил бы я тогда ни одного встречного мексиканца!..

Не понимая ни одного слова из всего сказанного Роком, солдат, испуганный его угрожающим видом, отступил с таким глупым выражением лица, что техасец не мог удержаться от смеха. Затем, не говоря более ни слова, принялся за дело.

Сначала работа была довольно сносной. Выгребая обильную грязь, не приходилось спускаться в канаву, однако в скором времени на дне канавы образо-

валась густая масса, выгрести которую можно, лишь спустившись в нее, что и было приказано сделать. Это варварство, достойное дикарей! Однако Доминго этим нисколько не смутился и, щелкнув бичом, повторил приказание.

Некоторые спускаются осторожно, погружаясь по пояс в грязь, другие так долго приготавливаются, что приходится пустить в дело кнут. Из каждой скованной пары только один обязан спускаться в канаву. Несмотря на отвращение, испытываемое Крисом Роком к карлику, он не желал, чтобы тот утонул или задохся в грязи, и потому решительно спускается сам.

Несмотря на свой высокий рост, техасец погрузился до бедер. Края канавы доходяг ему до шеи, тогда как у других арестантов голова едва видна. Ни Керней, ни Ривас еще не опустились. Как это ни казалось странным, но они чувствовали взаимную симпатию и теперь спорили, кому спуститься в канаву. Каждый, желая избавить товарища от этой муки, брал ужасную обязанность на себя. Их пререкания были, однако, прерваны тюремщиком, который, схватив Риваса за плечо, приказал ему немедленно спуститься. Ривас поспешил повиноваться, побуждаемый чувством великодушия по отношению к молодому ирландцу. Если бы здесь находился Карлос Сантандер, он заставил бы, конечно, спуститься Кернея, но тюремщик, помня дерзости, сказанные Руперто полковнику, выбрал его.

Работа подвигается, одни из арестантов выбрасывают из канавы грязь на улицу, другие уминают ее лопатами, чтобы она не растекалась, — отвратительный, унижающий человеческое достоинство труд!

Глава XXIII ПРОЦЕССИЯ

Как ни мучительна была эта работа, некоторые арестанты не могли все же удержаться от шуток, обращенных к прохожим, брезгливо сторонившимся. Достаточно было бросить ком грязи, чтобы совершенно испортить одежду или обувь.

Стража оставалась безучастной, так как шутки были по большей части направлены на простолюдинов, привыкших ко всякого рода обращению.

Впрочем, так поступали только арестанты низшей категории, другие же чувствовали себя настолько униженными, что им было не до шуток. Как мы знаем, некоторые из них заслуживали лучшей участи, не зная за собой никакой вины. Им приходилось видеть среди прохожих знакомые лица, выражавшие им свою симпатию улыбкой или взглядом.

В Мексике арестант должен быть самым последним негодяем, чтобы его покинула возлюбленная. Вот почему время от времени смуглые девушки подходят к чистильщикам и, произнеся несколько слов, протягивают им жадно схватываемые свертки. Эти маленькие подарки, состоящие по большей части из произведений соседней булочной, допускаются часовыми после их осмотра. Но за этим исключением никто почти не обращает внимания на чистильщиков. Они слишком обыденное зрелище, даже более обыденное, чем метельщики улиц в Лондоне.

Однако на этот раз зрелище представляло больше интереса, благодаря странной паре, состоявшей из великана и карлика.

В Мексике можно редко встретить человека в шесть футов ростом. Крис

Рок поэтому был необычайным явлением: великан, прикованный к пигмею, точно Гулливер к лилипуту, не мог не привлекать внимания прохожих, выражавших громко свое удивление.

— *Au dios!* — восклицал один. — *Giganto* у епапо! Великан и карлик, как это странно!

Подобного рода замечания вызывали смех зрителей. Техасец не понимал причины смеха, который сильно раздражал его. Он предполагал, что насмехались над его высоким ростом, составлявшим его гордость.

Впрочем, и шутники не понимали слов, посылаемых им в ответ, так как техасец не оставался у них в долгу. Вот несколько из его ответных реплик:

— Чтобы вас черт побрал, желтомордые пигмеи! Ах, кабы загнать миллион вам подобных в тexasские прерии, я бы тогда показал вам. Горсть техасцев рассеяла бы вас в одно мгновение!

К счастью для него, конвойные ничего не понимали, в противном случае, несмотря на его исполинский рост, Року пришлось бы плохо. Насмешливые взгляды выводили его из себя, и это было также одной из причин, заставившей его сойти в канаву, там по крайней мере он был укрыт от праздных взоров.

Полдень, солнце немилосердно жжет, но арестанты должны продолжать работать до самого вечера, когда будут снова отведены в тюрьму. Надзиратель не дает им ни минуты отдыха, прохаживаясь среди них с самодовольным видом.

После полудня случилось обстоятельство, которое могло быть благоприятным для арестантов. Множество народа спешит из соседних улиц, заполняя тротуар. Это уж не простонародье, а люди, принадлежащие к зажиточным классам. Они одеты по-праздничному, как для зрелища. Арестанты вскоре узнают причину этого оживления, в сущности мало их интересующего, хотя двоих из них оно близко касается.

Толпа все увеличивается. Керней и Ривас, зная местный язык, поняли, что дело идет о *funcion* — закладке первого камня в Сан-Кормском предместье. Церемония эта должна быть совершена с возможно большим блеском и торжественностью. Процессия, выехав из Плаца-Гранде, должна проехать через Калье-де-Платерос, это-то и привлекает толпу. *Funcios et Fiestas* так обыденны в столице Мексики, что не возбуждают любопытства за пределами Сан-Кормского предместья.

Этот квартал особенно нуждался в церкви, так как был населен всяким сбродом, пользующимся весьма плохой славой. Приближение процессии слышно вдали по барабанному бою и звуку труб военного оркестра. Впереди едут уланы, за ними следуют две кареты: в одной сидит епископ со своими секретарями, в другой — духовенство в богатом облачении.

За ними едет золоченая карета Санта-Анны; диктатор, как и сопровождающие его офицеры, в полной парадной форме. При виде одного из них Керней не может прийти в себя от изумления, так как узнает в нем своего бывшего учителя испанского языка Игнацио Вальверде. Он еще не оправился от удивления, как проезжает другая карета, поражающая его еще более: ее занимает дочь дона Игнацио, очаровательная Луиза Вальверде.

Глава XXIV

МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

— Да, женщина, сидящая в карете, — Луиза Вальверде, сомнения быть не может, — говорил себе Флоранс Керней. При виде ее он испытывает беспокойство человека, знающего об опасности, угрожающей любимой женщине. Его опасения за Луизу подтверждаются, когда он узнает офицера, гарцующего рядом с ее каретой. Это Карлос Сантандер в шитом золотом мундире, с торжествующей, довольной улыбкой на лице.

Какой контраст с тем подлым трусом, который когда-то вылезал из воды, весь облепленный тиной! Впрочем, не больший ли еще контраст представляло настоящее и прошлое положение этих двух людей!

Гусарский полковник не присоединился, по-видимому, к свите диктатора, он, очевидно, выбрал место по собственному желанию, чему можно было позавидовать, так как вторая особа, сидевшая в карете, была красавица графиня Альмонте. Однако Сантандер, казалось, не замечал ее, и этого его внимания было достаточно, чтобы наполнить сердце Кернея не только грустью, но бешенством. Снедаемый беспокойством, он спрашивал себя: «Неужели они обвенчаны? Нет, муж с женой так не разговаривают. Может быть, они жених и невеста? Она любит его и отдала ему свое сердце! А я думал, что оно принадлежит мне...» Эти мысли пробегают с быстротой молнии в уме Кернея.

В ту же минуту он замечает, что молодые женщины поворачивают с вопросительным видом головы в его сторону. Это движение было, по-видимому, вызвано замечанием галопирующего около них кавалера.

Керней заметил, что тот, указав на него, сказал что-то, чего узник не мог расслышать.

— Взгляните на техасцев! — вскричал Сантандер, указывая на Кернея. — Ведь это, если я не ошибаюсь, один из ваших прежних знакомых, донья Луиза? Вот странно, — прибавил он, — он прикован к преступнику! Впрочем, мне не следовало бы называть преступником человека, пользующегося симпатией графини Альмонте, если верить слухам. Правда ли это, графиня?

Ответа не последовало, никто его не слушал. Молодые женщины слишком были заняты теми, на кого указал Сантандер. Одна не отрывает глаз от Кернея, другая — от Риваса. Чего только не говорят глаза всех четверых! В них можно прочесть удивление, грусть, симпатию, гнев, но всего более — глубокую, неизменную, преданную любовь.

Эта встреча была удивительно ловко подготовлена Карлосом Сантандером. Он находится с левой стороны кареты, а канава с правой, таким образом, ему видны только затылки обеих женщин. Если бы он увидел выражение их глаз, его, может быть, взяло бы сомнение в успехе задуманного плана. Глаза Луизы, смотревшие на него только благосклонно, были устремлены теперь на Кернея с выражением беспредельной нежности и любви.

Тот, на которого был устремлен ее взгляд, старался объяснить себе его значение. Чему, прежде всего, приписать ту смертельную бледность, которая покрывала при его виде лицо Луизы Вальверде? Удивлению, сознанию своей неверности или чувству жалости? Это последнее предположение было для него мучительнее самого заточения в Аккордаде. Нет, нет, это не могла быть

только жалость!.. Ее невольная дрожь, внезапная бледность, пламя ее чудных глаз — все напоминало ему время, когда он верил, что любим, и подавало ту же надежду и теперь. Опытный физиономист, который следил бы за всеми четырьмя, определил бы сразу, что графиня и Ривас понимали друг друга еще лучше, чем Керней и Луиза.

Лицо графини выразило сначала удивление, затем негодование. Ее глаза тотчас же сказали ему, что он ей дорог по-прежнему, что, несмотря на ужасную одежду, он остался для нее тем же благородным Руперто, каким был когда-то в таком же раззолоченном мундире, как менее достойный носить его Карлос Сантандер. Поверить, что он стал бандитом? Никогда! Если бы даже она и поверила этому, он был бы ей не менее дорог. Взгляды Руперто Риваса, далекие от ревности, выражали полную веру в любовь графини.

Если повествование об этой сцене довольно пространно, то взгляды, которыми обменялись четверо участников ее, длились, наоборот, лишь одну минуту. Карета с молодыми женщинами проследовала дальше. Затем проехало еще несколько карет с другими дамами, потом показалась кавалерия: уланы, гусары, драгуны и, наконец, военная музыка, заглушаемая криками толпы: «Viva Santa Anna! Viva el salva della patria!»

Глава XXV СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

— Изабелла, возможно ли? Он среди арестантов в сточной канаве! Мать Божия! — вскричала с отчаянием Луиза, обращаясь к графине.

Подруги сидят теперь вдвоем на диване в доме дона Игнацио. Они изнемогают от усталости, не физической, а нравственной. Нелегко было сдерживать свои чувства в продолжение нескольких часов, в то время как им хотелось плакать. Теперь, вернувшись домой, они могли, наконец, дать волю волновавшим их чувствам.

Графиня, как и ее подруга, сидит молчаливая и убитая. Их вид выражает глубокое горе; голова опущена, руки судорожно сжаты, глаза неподвижны. Какой контраст с их красотой и роскошными нарядами! Каждый, глядя на них, счел бы их судьбу самой радостной, тогда как на самом деле она полна горя!

— Да, — вздохнула графиня, точно находясь еще под гнетом кошмара, — я теперь начинаю понимать всю серьезность положения. Мой Руперто, как и ваш Флоранс, в гораздо большей опасности, чем я предполагала еще сегодня утром. Я прочла смертный приговор в глазах Карлоса Сантандера. Говорят, что техасцы будут расстреляны.

— О Изабелла! Как можете вы повторять такие ужасные вещи? Если они убьют его, то пусть убивают и меня! Дорогой мой Флоранс! Пресвятая дева!

На стене, как во всех мексиканских домах, висел образ покровительницы страны. Луиза встает и бросается перед ним на колени. Она проводит так несколько минут, сложив руки, в горячей молитве.

Поведение графини совершенно иное. Хотя она и набожная католичка, но не имеет такой слепой веры в чудеса и заступничество святых» Система Кромвеля, состоящая в употреблении пороха, кажется ей более действенной, чему она и намеревается последовать, употребив вместо пороха золото.

— Совершенно излишне стоять на коленях, — сказала она подруге, — помо-

лимся мысленно, что вы и я, конечно, уж не раз делали. Теперь же пустим в ход другое средство, сколько бы оно ни стоило. За дело, Луиза!

— Я готова, — ответила та, вставая. — Но скажите мне, что надо делать?

Графиня, опустив голову на руки, молчала несколько минут, ее пальцы, унизанные кольцами, слегка потирали лоб, точно способствуя сосредоточению мысли. Очевидно, в ее голове зародился план, который надо было развить. Произнесенные ею наконец слова доказывали, что все было решено.

— *Amigo mia*, нет ли среди ваших слуг такого, на кого бы можно было вполне положиться?

— Я вполне доверяю Хосе.

— Да, но для первой попытки он не годится. Нужно передать письмо, для чего требуется женская хитрость и умение. Мы воспользуемся Хосе в другом случае. У меня тоже есть несколько служанок, преданных мне, но нет человека, который бы не знал их в Калье-де-Платерос. К тому же на их ловкость я не особенно надеюсь. Надо найти женщину, ловкость которой равнялась бы преданности.

— Не подойдет ли для этого Пепита?

— Маленькая метиска, привезенная вами из Нового Орлеана?

— Она самая, это очень смышленная и преданная мне всей душой девушка.

— По всему, что я о ней слышала, это действительно вполне подходящий человек, Скорей, скорей, дайте чернил, бумаги и позовите Пепиту.

Так как все необходимое для письма находилось тут же в комнате, графиня набросала немедленно несколько слов на листе бумаги, который она, вместо того чтобы положить в конверт, принялась мять и комкать, точно, недовольная написанным, желала уничтожить его, на самом же деле она была далека от этого намерения.

— Девочка! — сказала она вошедшей на звонок Пепите. — Ваша госпожа уверяет, что можно положиться на вашу сметливость и преданность. Верно ли это?

— Не могу сама хвалить себя за сметливость, что же касается моей преданности, то донья Луиза не может сомневаться в ней.

— Можно ли поручить вам передать письмо и быть уверенной, что вы никому не заикнетесь о нем?

— Да, если моя госпожа мне это прикажет.

— Да, Пепита, я желаю этого.

— Кому должна я передать его?

Этот вопрос, хоть и обращенный к Луизе, относился более к графине, в руках которой находилось письмо, которое она собиралась отдать Пепите. Ответ требовал некоторого размышления. Письмо было адресовано Руперто Ривасу. Каким же образом Пепита, не зная его, могла бы ему передать послание? Это привело их сначала в глубокое раздумье. Луиза первая нашла выход.

— Скажите ей, — прошептала она Изабелле, — чтобы она передала письмо Флорану Кернею, она его знает и может...

— Карамба! — вскричала графиня. — Вы прекрасно придумали. Как это не пришло в голову мне! Объясните ее ей скорее, в чем дело.

— Пепита, — сказала Луиза, взяв из рук графини лоскуток бумаги, — вам надо передать это кому-то, кого вы хорошо знаете.

— Где я его видела, сеньорита?

— В Новом Орлеане.

— Дон Карлосу?

— Нет, — ответила Луиза с пренебрежительной гримасой, — дон Флорансу Кернею.

— Ау Dios! Разве он здесь? Я не знала этого. Где же я его найду?

Нет надобности передавать дальнейший разговор, достаточно будет сказать, что Пепита прекрасно поняла, где она могла найти дона Флоранса и что ей следовало ему сказать.

Поручение, данное дамами Хосе, было гораздо сложнее и опаснее. Минут через двадцать он уже знал, чего от него хотели, и обещал исполнить во что бы то ни стало данное ему поручение. Было несколько причин, возбуждавших в нем рвение: его преданность молодой госпоже, желание угодить Пепите, в которую был влюблен, и, наконец, блестящие в руках графини великолепные золотые часы, указывая на которые графиня сказала:

— Это будет вашей наградой, Хосе, часы или стоимость их, как захотите!..

Этого было достаточно, чтобы Хосе тотчас же отправился делать необходимые приготовления, решив сделать все от него зависящее, чтобы заслужить награду.

Глава XXVI ПЕПИТА ЗА РАБОТОЙ

Церемония продолжалась недолго, и вскоре процессия показалась снова на Калье-де-Платерос. Арестанты продолжали работать. Бесполезно, я думаю, объяснять, с каким нетерпением двое из них ждали возвращения одной кареты.

Несмотря на свой плачевный вид, ни один из них не опасался более предстать взору тех, чьи глаза проникли им в душу.

Ривас надеялся, что, обменявшись взглядами с графиней, он поймет ее еще больше. Керней, менее доверчивый, жаждал лишь взглянуть еще раз в любимые глаза.

Ривас и Керней ждали не напрасно, процессия действительно возвращалась. Вот и ожидаемая ими карета, те же дамы сидели в ней, только рядом с ними не было уже Сантандера, гарцевавшего, вероятно, в другом месте, по распоряжению начальства.

Это исчезновение полковника привело в восторг обоих арестантов. Обмен взглядами был еще более значителен и сопровождался чуть заметными знаками. Мог ли Керней ожидать большего, принимая во внимание обстоятельства? И к чему слова, когда глаза так красноречиво выражают беспредельную любовь и доверие?

Когда карета проехала, Ривас сказал своему товарищу:

— Помните, как начальник тюрьмы смеялся однажды надо мной, упоминая одну графиню?

— Помню.

— Эта графиня сидела рядом с молодой женщиной, делавшей вам знаки. Я могу сказать вам только, что если величайшая преданность может с помощью золота купить нам свободу, то для нас еще не потеряна надежда покинуть стены тюрьмы!

Разговор был прерван приближением Доминго, уходившего на минуту подкрепиться в ближайший кабачок. Вернувшись, он стал с ожесточением подгонять арестантов, работавших еще в продолжение часа, но уже с некоторыми перерывами.

Толпа любопытных наполняла теперь улицу, по нетвердой походке большинства прохожих можно было догадаться, что они тоже угостились в кабачках, некоторые предлагали выпить солдатам, те не отказались бы выпить и с арестантами, если бы это было дозволено, часовой за часовым покидают свой пост, чтобы выпить стаканчик вина. Доминго не отставал от других, совершая частые возлияния в соседнем кабачке.

Это давало возможность арестантам чувствовать себя свободнее и переговариваться друг с другом.

В минуту отдыха ирландец заметил, что Ривас, повернувшись лицом к Piazza grande, внимательно всматривался в прохожих, точно ожидая кого-то. Керней тоже глядел на прохожих, но просто из любопытства, когда внимание его вдруг привлекла девушка, стоявшая на тротуаре.

Она была небольшого роста и одета, как все простые женщины, в короткой юбке, с голыми руками и босоногая, голову и грудь покрывало ребосо. Лицо ее совсем не было видно, из-под шали выглядывал один только глаз. Девушка подошла к окну ювелира, точно любуясь выставленными вещами.

Керней не заметил бы этой девушки среди многих других проходивших мимо него, если бы не ее пристальный взгляд, обращенный на него с настойчивостью, которой нельзя было ожидать от незнакомой девушки. Ее манера держать себя была тоже какая-то особенная. Хотя она стояла перед магазином, но голова ее была наклонена и глаза не отрывались от Кернея.

Его сначала очень удивил этот очевидный интерес, выказываемый ему девушкой. Если бы она была в атласных башмаках и шелковых чулках, оно было бы еще понятно, но простая *michacha* (девушка) в толстой юбке и грубой шали на плечах! Это было совершенно непонятно!

Объяснение, однако, не замедлило явиться. Девушка, уверившись, наконец, что привлекла внимание Кернея, раскрыла немного свою шаль, показав часть лица и оба глаза. Керней узнал тогда маленькую служанку, с улыбкой отворявшую ему дверь дома на Каза-де-Кальво в Новом Орлеане.

Глава XXVII

ПИСЬМО

Это была Пепита, но одетая не так, как ее привык видеть Керней.

На ней не было национального костюма, который она носила в Новом Орлеане, к тому же одежда была ее поношена, а ноги без обуви.

— Ей отказано от места, бедная девушка! — подумал Керней.

Ему не пришлось бы ее жалеть, если бы он увидел ее полчаса тому назад, в кисейном платье, белых чулках и голубых атласных туфлях. Она переменяла свой наряд по настоянию графини на более подходящий к случаю простой костюм.

Думая, что она осталась без места, и вспоминая внимание, какое оказывала ему девушка во время его посещения дона Игнацио, Флоранс собирался позвать ее, чтобы ободрить несколькими ласковыми словами. Доминго еще не было, а ближайший часовой удалился с кем-то из толпы.

Но в это время Керней заметил, что Пепита сделала ему чуть заметный знак головой и рукой, точно означавший: «Не говорите со мной». Он поэтому ничего не сказал ей, но не переставал наблюдать за ней. Она, убедившись, что никто за ней не следит, осторожно высунула из-под шали кусочек чего-то белого, очевидно бумажки... Затем снова спрятала. Ее многозначительный взгляд, сопровождавший это движение, как бы говорил: «Вы видите, что у меня в руках, не мешайте же мне действовать». Затем, приблизившись на несколько шагов не к Флорансу, а к Крису Року и карлику, она словно из любопытства заинтересовалась этой странной парой, так что никому бы и в голову не пришло ее заподозрить в чем-нибудь. Ривас в это время должен был снова спуститься в канаву, он ведь не знал Пепиты, хотя ее поручение и относилось к нему. Маленькая служанка действовала с осмотрительностью, вполне оправдывавшей выбор ее госпожи.

— *Ay Dios!* — вскричала она, встав спиной к Кернею и вытаращив глаза на оригинальную пару, в то же время она умудрилась шепнуть Флорансу: «Записка, дон Флоранс... не для вас, а для сеньора Риваса. Передайте ему, я не смею... возьмите у меня из рук, но чтобы никто не видел». Затем она опять громко воскликнула: «Великан и лилипут! Как это странно!»

Керней в это время успел незаметно взять бумажку. Исполнив возложенное на нее поручение и сказав еще раз «*Ay Dios!*», она собралась перейти на другую сторону улицы, успев, однако, шепнуть Кернею: «Вскоре подъедет карета... с двумя дамами... одна из них, которая дорога вам, вас любит...» Эти слова наполнили его радостью, он не смел, однако, ответить, к тому же Пепита была уже далеко. Перейдя на другую сторону, она вскоре исчезла из виду.

Он не понимал, что она хотела сказать относительно кареты, но, уверенный, что объяснение находилось в письме, поспешил передать его по назначению. Ривас, заметив странное поведение девушки, заподозрил, что оно имело какое-то отношение к нему, и потому несколько не удивился, когда Керней, подойдя к краю канавы, сказал:

— Я должен вам кое-что передать. Приблизьте вашу лопату к моей и обратите внимание на мои пальцы.

— Хорошо, понимаю! — прошептал тот.

Через несколько секунд их лопаты как бы случайно столкнулись. Надо было обладать большой проницательностью, чтобы заметить в этом хитрость и уловить момент, когда лоскуток бумаги перешел из одной руки в другую. Казалось, напротив, что арестанты, столкнувшись нечаянно, извинились друг перед другом и разошлись, насколько позволяла им длина цепи.

Настала очередь Риваса доказать свою ловкость: прочесть письмо, не будучи никем замеченным. Если бы кто-нибудь из часовых увидал и захватил письмо, это скомпрометировало бы его автора, об имени которого Ривас не мог не догадаться. Им овладело сильнейшее беспокойство, он оглядывался, ища возможность прочесть, не обратив ничьего внимания. Он не мог ничего придумать. Если наклониться и развернуть письмо в канаве, то, скрывшись от взора прохожих, легко было быть замеченным часовыми, стоявшими на краю.

Глаза его блеснули радостью, когда он, наконец, заметил, что вблизи не было ни одного человека. Через минуту он, низко наклонившись над лопатой, уже читал письмо, положенное на самое дно. Оно состояло всего лишь из нескольких строк:

«Мой милый, вскоре по получении вами этого письма ждите проезда кареты, крытого ландо. Как только экипаж, в котором будут сидеть две дамы, поравняется с вами, постарайтесь вместе с прикованным к вам товарищем захватить ее, вытеснив дам и заняв их места. Кучеру можете смело доверять. Предприятие это небезопасно, но оно ничто в сравнении с той опасностью, которая угрожает вам. Ваши враги готовят вам гибель. Постарайтесь же исполнить то, о чем пишу вам, чтобы сохранить свою жизнь для родины и для вашей Изабеллы».

Глава XXVIII

В ОЖИДАНИИ ЛАНДО

При виде того, что сделал Ривас с письмом по его прочтении, можно было бы подумать, что он был страшно зол на пославшего его. Вместо того чтобы обойтись с ним бережно и спрятать как святыню, он затоптал его в грязь, продолжая работать лопатой и точно забыв о его существовании. Однако все это сделано было им нарочно. Попади письмо в чужие руки, пославший его пострадал бы не менее самого Риваса.

Через несколько секунд письмо уже не представляло ни малейшей опасности, так как было обращено стараниями Руперто в бесформенный лоскут.

Во все это время никто, казалось, не обращал внимания на Риваса, даже Керней, который, хотя и наблюдал исподтишка за своим товарищем, но, чтобы отвлечь от него внимание других, нарочно затеял ссору с карликом. Громкая перебранка, привлекая действительно общее внимание, прекратилась, как только Керней заметил, что она более не нужна. Публика разошлась, и все успокоилось, кроме Риваса и Кернея, старавшихся казаться спокойными, но на самом деле сильно волновавшихся. Улучив минуту, они приблизились друг к другу и разошлись, лишь переговорив о предстоящей попытке к бегству.

Крис Рок был немедленно посвящен в тайну. Керней предпочел бы остаться навсегда в Аккордаде, чем покинуть своего друга. Он не мог забыть случай в Эль-Саладо, когда тот предлагал свою жизнь, чтобы спасти Кернея.

Но Крису Року нечего было бояться, так как Ривас, в свою очередь, желал, чтобы техасец участвовал в побеге. Он не только не мог мешать, но, напротив, лишь способствовал бы выполнению их плана.

Один только карлик ничего не знал, он, конечно, был бы в восторге освободиться от цепей, но кто мог поручиться, что он ради собственной выгоды не предаст товарищей? Керней и Ривас, считая его способным на всякую подлость, решили скрыть от него замышленное. Трое товарищей не могли оторвать взгляда от улицы, ожидая в страшном волнении появления крытого ландо.

Настал час прогулки высшего общества, экипажи и пешеходы устремились по улицам, прилегающим к Paseo-Nuevo. Утренняя процессия не помешала обыденному катанью светских дам, и мимо арестантов проехал уже не один экипаж, но не было того, который они так лихорадочно ждали... Проходит полчаса, затем еще минут десять... ничего! Волнение ожидающих все усиливается. Керней начинает опасаться, не случилось ли несчастье.

Техасец тоже начинает думать, что смелый план не будет приведен в исполнение. Только один Ривас продолжает надеяться, он слишком уверен в женщине, которая должна спасти их. Запоздание должно иметь свое основание, вероятно, было еще не время. Но все сомнения рассеялись с появлением ожидаемого экипажа.

— Там... Там... видите, друзья? Ландо... Кучер в голубой с серебром лирее... — шептал Ривас.

Он и его товарищи стали похожи на трех львов, собирающихся броситься на добычу. Карлик начал что-то подозревать. Через секунду его схватила чья-

то железная рука и подняла на воздух, как мячик.

Глава XXIX НЕЛОВКИЙ КУЧЕР

Нигде, вероятно, публика не приучена так к неожиданностям, как в столице Мексики. В продолжение полувека, предшествовавшего нашему рассказу, обитатели Мексики пережили столько же революций, сколько и лет, поэтому они гораздо менее склонны к любопытству, чем европейцы, и должно случиться что-нибудь необычайное, чтобы привлечь их внимание.

Появление кареты с великолепной упряжкой и кучером в богатой ливрее было вещью самой обыкновенной, необычайной могла считаться лишь красота сидевших в карете двух дам. Обе были молоды, может быть, родственницы, но никак не сестры, так как красота их представляла слишком большой контраст. Красота их, понятно, не могла пройти незамеченной, привлекая восхищенные взоры всей публики, что, по-видимому, не доставляло ни малейшего удовольствия обеим дамам, как казалось, намеренно скрывавшимся в закрытом экипаже. Однако их все же узнавали, и знакомые приветствовали любезными поклонами. Люди, не знавшие их, интересовались, кому принадлежал экипаж с двумя красавицами, лица которых выражали озабоченность и тревожное ожидание.

Экипаж подвигался к Аламедским воротам. Вдруг лошади начали фыркать, горячиться и бросились в сторону, причем колеса экипажа попали в грязь, наваленную на край канавы.

Можно ли простить кучеру такую неловкость, которая могла к тому же сбросить его с колес? Грязь была такая мягкая, что хорошим ударом кнута легко было заставить лошадей вывезти из нее экипаж. Возмущенная публика начала осыпать его бранью.

— Экий осел! — кричал один. — Болван! — кричали другие. — Ему бы не лошадьми править, а борова таскать на веревке!

Со всех сторон сыпались самые обидные замечания на Хосе, ибо это было не кто иной, как слуга Луизы, везший госпожу и ее подругу графиню Альмонте. Не обращая внимания на брань, он продолжал натягивать вожжи, едва сдерживая лошадей. Испуганные дамы, вскочив с места, страшно волновались, одна опускала стекло, другая отворяла дверцу, и обе кричали, взывая о помощи.

Несколько прохожих поспешили на помощь, но все с одной стороны, так как с другой находилась канава. Нашлись, однако, и здесь двое спасителей, только не прохожие, а арестанты. Хотя они и были покрыты грязью с головы до ног, это все же не помешало им броситься спасать испуганных сеньорит. И преступники не лишены чувства человеколюбия.

Толпа, тронутая таким неожиданным великодушием, собиралась уже выразить свое одобрение, когда за восхищением последовал внезапно взрыв негодования. Арестанты начали с того, что открыли со своей стороны дверцы. Молодые женщины, испугавшись их ужасного вида, откинулись назад, а арестанты, возмущенные тем, что их услуги не были приняты, грубо вытолкнули дам и заняли их место в экипаже. Мало того, в ту же минуту великан Крис Рок вскочил на козлы, держа под мышкой карлика! Выхватив вожжи из рук Хосе,

оставшегося на козлах, он пустил лошадей в галоп. Находившиеся в экипаже арестанты поспешили затворить дверцы и поднять стекла.

А публика вне себя от изумления стояла, пораженная этим невиданным еще на улицах Мексики зрелищем.

Глава XXX НЕСЧАСТНЫЕ ДАМЫ

Все обстоятельства благоприятствовали бегству преступников: горячившиеся лошади, отсутствие Доминго, недостаточно бдительный надзор полупьяных солдат и, наконец, самое место происшествия. Часовые были поставлены только до Аламедских ворот. Минуя последнего часового, беглецам оставалось опасаться лишь ружейных выстрелов вдогонку; однако им удалось избежать этого. Очевидно, Фортуна решила взять их в этот день под свое покровительство.

Конвойный, находившийся в конце улицы, был первым, с которым вступали в разговор возвращавшиеся из трактира Сан-Корм, на его долю поэтому пришлось побольше угощения. Когда карета мчалась мимо него, он не различил ни ее, ни находившихся в ней людей, тупо проводив ее посоловелыми глазами. Когда кто-то объяснил ему, в чем дело, он поднял ружье дрожащими руками, но было уже поздно, и, к счастью для гуляющих, выстрела не последовало. Никто не подумал догонять карету, да и к чему? Для этого надо было скакать верхом, а она уже исчезла из виду. Все стояли, точно онемев, с трагикомическим выражением удивления, гнева и страха на лице. Наконец, оставив посты, конвойные собрались в кучу и стали совещаться, прошло немало времени, пока они пришли к решению дать знать о случившемся кавалерии.

Представлялся удобный случай для бегства и другим арестантам, чем те и не замедлили бы воспользоваться, если бы не тяжесть цепей, затруднявших движение; к тому же ведь не все находят к своим услугам разгоряченных лошадей и неловкого кучера!

Забавнее всего было смотреть на старания прохожих успокоить бедных женщин, столь грубо лишенных экипажа; все выражали им свои соболезнования и симпатию. «Las sinoritas! Pobrecitas! (Бедные молодые дамы!)» — только и раздавалось со всех сторон.

Положение их, действительно, было не из приятных, но они выносили его с удивительной стойкостью, особенно графиня. Как ни была она молода, она выказала удивительную твердость и хладнокровие. Ни один мужчина не превзошел бы ее в героизме, Когда она говорила о мошенниках, овладевших экипажем, ее глаза метали искры, достойные игры Рашели или Сиддонс.

Надо было быть уж слишком проницательным, чтобы догадаться, что она притворялась. Никто не мог предполагать, что в то время, когда их выталкивали из кареты, одна из жертв успела шепнуть «негодяю»:

— Под сиденьем для вас кое-что спрятано. Dios te guarda![9]Еще труднее было бы поверить, что другая женщина, такая встревоженная с виду, прошептала, в свою очередь, несколько нежных слов второму разбойнику, участвовавшему в похищении ландо.

Все это не мешало, однако, «pobrecitas» находить всю эту комедию до того забавной, что они с трудом удерживались от смеха. Только мысль, что дорогие

для них люди могли еще находиться в опасности, сдерживала их веселость, Боясь выдать себя, они поспешили вернуться домой.

Несколько знакомых молодых людей предложили сопутствовать им, на что они охотно согласились.

Толпа, однако, не разошлась, напротив, народ все прибывал, желая видеть место, где произошло такое удивительное происшествие. Его интересовало еще и другое: видеть ссорящихся и пристыженных солдат. Арестанты же, напротив, торжествовали, хотя сами они и ничем не воспользовались, удача товарищей не могла не радовать их.

Большинство собиралось уже разойтись по домам, когда вдруг, расталкивая толпу, прибежал, как разъяренный бык, смотритель Доминго. Добежав до канавы, он замахнулся кнутом на остальных *forzados*, осыпая бранью часовых, не исполнивших своей обязанности. Он вымещал на них угрызения собственной совести, так как узнал о случившемся в кабаке, где засиделся слишком долго. Убежали как раз те четыре арестанта, за которыми приказано было особенно строго наблюдать! Он со страхом думал о том, что скажет начальник тюрьмы, узнав о случившемся.

В замешательстве ходил он взад и вперед, срывая злобу на работавших арестантах, которые предпочитали молчать, опасаясь последствий. Зато посторонней публике нечего было его бояться, большинство знали его и ненавидели, критическое положение смотрителя было для всех торжеством. Громко смеясь над ним, они кричали: «*Viva el señor Domingo, rey de los bastoneros!*»[10].

Доминго, раздражаясь все более и более, дошел до бешенства, лицо его стало багрово-красным, бросившись с кулаками на одного из насмешников, он споткнулся и упал головой в канаву. На секунду он исчез совершенно с глаз зрителей, насмешки которых возобновились с еще большей силой, когда он опять показался из канавы. Лицо его было уже не багровым, а черным. Это купание в отвратительной жидкости подействовало на него отрезвляюще. Он думал только о том, как бы поскорее уйти, а главное — вымыться.

На его счастье показался эскадрон кавалерии, летевший галопом с саблями наголо. Толпа, испуганная видом всадников, размахивающих оружием, пустилась бежать, думая лишь о собственном спасении. Когда они промчались мимо, публика уже забыла о «короле тюремщиков», поспешившем скрыться.

Глава XXXI

ПРЕВРАЩЕНИЕ

В то время как сеньоры слушают соболезнования окружающих, экипаж, из которого они были выдворены, катится по направлению к Аккордаде. Никто, однако, из сидящих в карете не собирается приближаться к тюрьме, все прекрасно знали, что там слишком хорошая стража и что их ждал здесь град пуль.

Как бы плохо ни стреляли мексиканцы, они тут не смогли бы промахнуться. Ривас, знавший местность, видя, что они проезжают мимо старого монастыря, высунулся в окно и сказал кучеру:

— Заверните на улицу El-Nino-Perbido, вы знаете дорогу, укажите ему.

«Ему» означало Крису Року, державшему вожжи, Так как он не знал испанского языка, то нельзя было обращаться непосредственно к нему.

Лошади повернули в указанную техасцем улицу. Нельзя было обнаружить, что кучер способствовал их бегству. Впрочем, можно было не опасаться, что карлик что-либо заметил с того места, куда его упрятали.

Узкая улица, по которой они теперь ехали, окаймленная монастырской стеной, была совершенно пуста; этого-то и желал Ривас, который снова сказал;

— Придержите лошадей, пусть едут шагом.

В это время Ривас, Керней и Крис Рок поспешно переоделись. Улица примыкала к очень оживленному кварталу, лошади бежали опять рысью, и никто, конечно, не заподозрил бы этих четырех людей в мошеннической проделке с экипажем в Калье-де-Платерос. Только Хосе был все тот же, в голубой с серебром ливрее и шляпе с кокардой. Великан же, сидевший с ним рядом, совершенно преобразился, скрыв свое рубище, покрытое грязью, под длинным плащом, окутавшим его с головы до ног. Карлику приказано было не шевелиться.

Точно так же преобразились Керней и Ривас. Они были теперь одеты господами, один в синем плаще с бархатным воротником, другой в красном, вышитом золотом. Ничто не могло возбуждать ни удивления, ни подозрений прохожих. Можно было подумать, что один из богатых сеньоров, участвуя в процессии, возвращался с друзьями в свои владения. Верзила, сидевший на козлах, был, вероятно, дворецкий, которому кучер уступил на время вожжи.

Все это было весьма правдоподобно, даже слишком скорая езда могла быть объяснена неловкостью того, кто правил. Солнце должно было скоро зайти, и неудивительно, что седоки спешили покинуть большую дорогу, небезопасную для такого блестящего экипажа.

Пока все обстояло благополучно. Опасность предстояла им лишь в Эль-Нино. Приходилось заранее обдумать план, чтобы избежать ее. Ривас принялся объяснять Кернею, какого рода затруднение ожидало их:

— На дороге будут ворота около поста, их охраняют человек восемь солдат под командой сержанта. Если ворота будут открыты, лучше всего тихонько подъехать к ним, затем пустить лошадей во всю прыть. Если же они будут закрыты, придется употребить хитрость. Предоставьте мне действовать, если нам не удастся хитрость, постараемся пробиться силой. Все, что угодно, только не возвращение в Аккордаду, где меня ждет верная смерть, да и вас, вероятно, дон Флоранс!

— О да, я того же мнения. Мы должны проехать ворота, чего бы это ни стоило!

— Возьмите эти пистолеты. Ведь вы, техасцы, стреляете гораздо лучше нас. Мы предпочитаем холодное оружие, хотя я все же постараюсь использовать другую пару револьверов.

Пистолеты, о которых он говорил, были найдены в карете под сиденьем, где, кроме того, находились три кинжала, из которых один, тонкий, изящный, был настоящим дамским украшением.

— Пистолеты заряжены, — прибавил Ривас. Замечание это было, впрочем, лишним, так как ирландец уже занялся тщательным осмотром оружия.

Пистолеты были старого образца, с длинным дулом, они принадлежали, несомненно, отцу графини и дону Игнацио Вальверде, которые, вероятно, не раз пользовались ими для разрешения вопросов чести.

Осмотр длился недолго, все оказалось в исправности.

— Я ручаюсь, что могу ими убить двоих, — сказал Керней.

— И я тоже, — заметил Ривас, — если не буду ранен первым. Остаются еще кинжалы. Кучера мы исключим, он не должен участвовать в схватке. Ваш друг великан умеет, верно, обращаться с ними?

— Еще бы, он был с Бови в Алама и с Фаннингом в Голиаде. Вы можете смело вручить ему кинжал, он сумеет им воспользоваться, если явится необходимость!

Керней передал Крису Року один из кинжалов, но не через окно, а через отверстие, просверленное в карете.

— Крис Рок, — сказал Керней великану, — нам придется проехать в ворота, охраняемые дюжиной солдат. Если ворота окажутся открытыми, вы спокойно проедете. Если же они заперты, натяните вожжи и ждите моих распоряжений.

— Слушаю, капитан.

— Вот вам кинжал, и если услышите выстрелы, то, значит, время действовать им.

— Позвольте взглянуть на него, — сказал Крис, взяв оружие. Затем, внимательно рассмотрев его, прибавил: — Кинжал очень недурен, что я и надеюсь доказать, если представится случай... Ах, кабы я мог только избавиться от этого ужасного уroda, который копошится у меня между колен...

Ривас прервал его, так как беглецы подъезжали к опасному месту.

Глава XXXII

НЕЖДАННЫЕ ПОЧЕСТИ

В строгом смысле слова Мехико не может быть назван укрепленным городом, он защищен, однако, стеной, замыкающей все предместья и городские дома. Постройки современного города также сжаты и скученны, как это было и в древнем Теночтитлане, на месте которого он расположен, хотя и неомываем водами озер Тезуско и Чемилько.

Стена сооружена из каменных глыб и глины. В некоторых местах виднеются редуты, на которые выставляются пушки в революционное время. Стена эта служит не столько для военных, сколько для таможенных целей, она была воздвигнута ввиду законов о внутренней торговле, из которых главным считалось установление пошлины, называемой *alcabala*. Эта пошлина вручается охраняющему ворота караулу; *alcabala* уплачивается не при выходе, а при входе в город, за все товары, доставляемые из деревень на рынок.

Сбор этот взимается положительно за все предметы торговли: продукты ферм и садов, полей и лесов — все обложено таможенными сборами. Смуглый туземец, согбенный под тяжестью дров, принесенных им из лесистых гор, миль за двадцать расстояния, — и тот платит пошлину при входе в город. Не имея по большей части ни копейки денег, он оставляет в залог свою шляпу и отправляется с непокрытой головой на рынок, получая шляпу обратно лишь при выходе. Миновать же эти ворота невозможно ни при входе, ни при выходе из города.

Кроме таможенного чиновника, сборщика пошлин, у ворот находится караул и расставлены часовые. Обязанности этих людей разнообразны — и политические, и экономические, и военные.

Подобные ворота имеются на конце у каждой из пяти или шести улиц, ведущих из города. Одни из них называются «*garita del Nino Perbido*», то есть воротами пропавшего ребенка, они имеют второстепенное значение с промышленной точки зрения, так как сообщаются не с крупными центрами, а лишь с деревнями Микское, Койоасан и Сан-Ангель и с богатыми дачными домами, принадлежащими знатным особам. Роскошные экипажи поэтому здесь не редкость.

От ворот тянется красивая аллея длиной в две версты с двумя рядами высоких деревьев, благодатная тень которых привлекает немало катающейся публики, в конце второй версты аллея сворачивает вправо по направлению к Сан-Ангелю. Это место представляет настоящую западню. Пишущий эти строки сам убедился в этом, испытав несколько раз нападения сальтеадоров, возвращаясь с дачи. Только благодаря своему превосходному коню он остался цел и невредим.

Извиняясь перед читателем за это маленькое отступление, замечу, что часовые, стоявшие в этот день у ворот, не сочли нужным остановить экипаж, возвращавшийся, очевидно, с утреннего торжества. Напротив, они отнеслись к нему с большим почтением. Неся не раз караульную службу у дворца, они часто видели, что в таких экипажах ездят высокопоставленные лица, а теперь по ливрее кучера сразу догадались, что проезжавшие принадлежат к семье министра.

Дежурный унтер-офицер, мечтавший о повышении, желая отличиться перед членами министерства, приказал солдатам приготовиться к отдаванию чести, и, когда ландо приблизилось, солдаты с сержантами во главе взяли ружья на караул.

Им ответили военным салютом. Итак, там, где беглецы ожидали найти гибель, их встретили не только мирно, но и с военными почестями!

Глава XXXIII НЕ ВОССТАНИЕ ЛИ ЭТО?

Когда экипаж проехал и часовые вернулись на свои места, у сержанта вдруг явилось сомнение, заставившее его встревожиться. Не отдал ли он военные почести лицам, не имевшим на то никакого права? Не могло быть сомнения, что карета принадлежала дону Игнацио Вальверде. Это были его лошади, его ливрея, но это все, что сержант видел. Сидящие же в экипаже люди были ему совершенно незнакомы, так же как и Хосе, который, считаясь запасным кучером, никогда не возил своих господ во дворец или в такие места, где мог его видеть сержант.

Сидевшего на козлах верзилу он видел впервые, точно так же, как и одного из находившихся в карете, другой же возбудил в нем какие-то далекие воспоминания.

— *Mil dilablos!*[11] — восклицает он вдруг, глядя вслед удаляющейся карете. — Да ведь это мой бывший начальник, капитан Руперто Ривас! Я на днях только слышал, что он стал сальтеадором и посажен в тюрьму! *Carrai!* Что все это значит?

Экипаж, спокойно отъехав сажен пятьдесят от ворот, понесся вдруг галопом, и сержант ясно видел, что сидевший на козлах великан осыпал лошадей ударами кнута. Для чего это? Как сидящие в карете могут допустить подобную вещь?

Ведь никто из них не казался пьяным, все имели только немного возбужденный вид, что объясняется сильным впечатлением виденной ими церемонии. С чего бы при таком великолепном экипаже, да еще принадлежащем министру, лошади неслись вскачь? Это более чем странно!

В то время как сержант предавался этим размышлениям, он услышал пушечные выстрелы. Один раздался из крепости, другой — из Чапультепекского военного училища. Но это еще не все. Вдруг начался колокольный звон. Сначала зазвонили колокола в соборе, затем в Аккордаде, в монастыре Сан-Франциско и других церквах. Это уже общий тревожный перезвон!

Бум! — снова пушечный выстрел из крепости. Бум! — отвечает тотчас же выстрел из Чапультепека. Это условные сигналы, которыми обмениваются оба форта.

— Что бы это могло значить? Уж не восстание ли?

Этот вопрос занимал не одного сержанта, но и всех солдат, сержанта даже менее других, так как ему пришлось уже быть свидетелем нескольких революций и множества восстаний.

— Меня не удивит, если дело дошло до восстания, — сказал он спокойно.

— Кто может теперь поднять восстание? — заметил один из солдат, взволнованный возможностью бунта.

Перебрали несколько известных имен военных, не зная, однако, на каком остановиться. Да и можно ли было теперь ожидать восстания, когда столько времени не было ни смут, ни военного заговора, предшествующих всегда революции? Нет, здесь было что-то совсем иное. Если бы начались ружейные залпы, тогда было бы ясно...

Все внимательно прислушивались, большинству эти залпы пришлось бы по душе, не потому, что они ненавидели диктатора, напротив, они все симпатизировали Деревянной Ноге, как они называли Санта-Анну, но восстание дало бы им возможность принять участие в общем грабеже — перспектива, всем улыбающаяся.

Сержант же продолжал размышлять о проехавшей карете, убежденный, что она была причастна ко всему происходящему. Уверенность эта подтверждалась странным появлением его бывшего капитана, видимо, куда-то спешившего. Но куда именно и с какой целью? Может быть, он стремился в деревню Сан-Августина, где стояло несколько полков? Не примкнули ли они к революционной партии? Ривас, вероятно, спешил за ними, чтобы отвести их в город.

Сержант начинал сильно волноваться, блуждая глазами по дороге, он никак не мог решить затруднявший его вопрос: к какой партии примкнуть? К либеральной или клерикальной? Он усердно служил и той, и другой и все же не пошел далее сержанта! Оставаясь столько времени верным Санта-Анне и ничего этим не достигнув, чем рисковал он, изменив ему? Может быть, этим путем он скорее достигнет столь желаемых офицерских погон!

В то время как он был занят этими честолюбивыми мыслями, раздались снова пушечные выстрелы. Однако ружейных залпов все же не было.

Ни сержант, ни часовые не могли ничего понять. Это было точно грозным предвестником бури — так думали, по крайней мере, солдаты, все еще ожидая услышать усиленную перестрелку, как это всегда бывает в подобных случаях.

Ожидание их, однако, не оправдалось, и только колокола продолжали звонить, точно весь город был охвачен пожаром.

Караул уже начинал терять терпение, не надеясь более ни на восстание, ни на грабеж, когда послышался звук рожка.

— Наконец-то начинается, — крикнул один из солдат, — надо и нам быть наготове!

Все бросились за своими ружьями, продолжая прислушиваться. Но вместо ружейных выстрелов донеслись лишь звуки рожка-сигнала, призывавшего к наступлению. Хотя солдаты принадлежали к пехоте, им все же известно было значение этого сигнала. Через минуту показался эскадрон гусар, несшийся во весь опор.

— Alto! — вскричал офицер громовым голосом, и весь эскадрон остановился как вкопанный.

— Сержант, — спросил полковник у начальника караула, — не видали вы экипаж, запряженный серыми лошадьми с пятью седоками?

— В нем было только четверо, сеньор полковник.

— Четверо? Что бы это значило? А кучер был в голубой с серебром ливрее?

— Да, господин полковник.

— Это, конечно, тот самый экипаж. Как давно он проехал?

— Несколько минут тому назад, еще не опустилась поднятая им пыль.

— Adelante! — скомандовал полковник, прекратив дальнейшие расспросы.

Снова раздался сигнал, и гусары понеслись галопом, оставив сержанта и его команду в неопишемом изумлении. Один из них проговорил разочарованным голосом:

— Нет, это не восстание

Глава XXXIV ПОПЛАТИВШИЙСЯ КУЧЕР

— Сколько предусмотрительности! Сколько решительности! — восхищался Ривас, в то время как ландо катилось все быстрее и быстрее. — Удивительно! — прибавил он. — Да, что касается ловкости, то надо отдать справедливость женщинам, они поразительно ловки! Мы, мужчины, в этом отношении ничто перед ними. Ах, моя храбрая Изабелла, как она достойна быть женой военного! Надо, однако, признать, что половина заслуги принадлежит сеньорите Вальверде, а это уже относится к вам, дон Флоранс...

Керней в этом не сомневался, но он был слишком озабочен, чтобы поддерживать разговор. Найдя под сиденьем небольшую пилу, он старался распилить ею свою цепь.

Владея плотничьими инструментами не хуже, чем оружием, молодой ирландец принялся за пилу, едва миновали ворота. Работа была не из легких, так как каждое звено было толщиной в палец. Нечего было бояться, что кто-нибудь помешает им: на дороге не было ни души, только в поле работало несколько крестьян, слишком занятых собственным делом, чтобы обращать внимание на проезжавших. Экипаж не мог удивить их. Они просто подумали бы, что это каталась компания молодежи, желавшая освежиться после кутежа. Если бы даже они и поняли, в чем дело, опасаться их нечего. Заговоры и восстания их не занимали... Если бы революционная гроза разразилась над ними, они не поинтересовались бы даже узнать, в чем ее причина.

Экипаж продолжал нестись полной скоростью, так как это было единственным спасением Риваса и его спутников. Нужно было отъехать как можно далее от города...

— Заметили вы, — сказал Ривас Корнею, — сержанта, отдававшего нам честь?

— Да, он имел такой вид, точно отдавал честь самому диктатору.

— Он узнал ливрею кучера.

— Вы думаете, что он пропустил нас намеренно?

— Не знаю, обладает ли он такой же хорошей памятью, как я, а я сразу же узнал в нем капрала, служившего когда-то в том отряде, которым я командовал, он, мне кажется, был расположен в то время к своему капитану, но он такой флюгер, что ему доверять нельзя, не раз уже менял свои убеждения.

— А, наконец-то!.. Они проснулись! — воскликнул Ривас, услышав пушечные выстрелы и звон колоколов. — Черт возьми! — прибавил он. — Гонится кавалерия! Дело принимает серьезный оборот. Но с парой таких лошадей, как наши, мы, надеюсь, успеем достигнуть цели, если только...

— Что только? — спросил Керней, заметив, что лицо Риваса приняло вдруг встревоженное выражение.

— Слушайте, — сказал мексиканец, указывая в то же время на облако ды-

ма, поднявшееся над уединенной возвышенностью, на которой находилась батарея.

Один за другим следовали выстрелы.

— Дело портится, — продолжал Ривас встревоженным голосом, — там, наверное, кавалерия. Если она отправится по нашим следам, то, конечно, догонит нас. Кучер, гони лошадей что есть духу!

Кони, подгоняемые кучером, неслись как вихрь, поднимая целое облако пыли. Дорога вела в Сан-Ангель, и Ривас намеревался проехать дальше через ту деревню, зная, что там не могло быть войск. Он решил, однако, проехать стороной, чтобы избежать кавалерии. Вдруг он заметил странное движение кругом форта, при этом лицо его стало еще мрачнее.

— Santo Dios, — вскричал он, — случилось именно то, чего я опасался! Взгляните, сеньор.

Керней увидел действительно громадное количество людей, выбегавших из ворот укрепления и поспешно сбегавших с горы, у них не было еще ни лошадей, ни оружия, но Ривас прекрасно знал, что они найдут и то, и другое внизу. Он знал также, что это были уланы, считавшиеся отличными наездниками, и что им ничего не стоит догнать карету с беглецами.

Ривас, несмотря на сильное волнение, отражавшееся на его лице, не терял, однако, надежды, у него был свой план...

— Оставьте пилу, — сказал он вдруг Кернею, — теперь не время этим заниматься... Его можно отложить до более удобного случая. Теперь же нам нужно как можно скорее покинуть экипаж.

Доехав до Койоакана, где дорога разветвлялась, он приказал свернуть, продолжая подгонять лошадей. Проехав еще с милю, Ривас велел остановиться и вышел с Кернеем из экипажа.

— Бросайте вожжи, Крис, — сказал Керней техасцу, — распрягайте лошадей и следуйте за нами.

Крис поспешно соскочил с козел, увлекая за собой карлика.

— Отрежьте все, кроме уздечек, — крикнул Керней.

Техасец принялся за дело с ножом в руках, Керней помогал ему, а Ривас, держа лошадей, распускал вожжи. Вскоре кони были совершенно распряжены, на них оставались лишь хомуты да уздечки.

— Оставьте хомуты, — сказал Ривас, боясь, чтобы не было задержки. — Мы теперь сядем по двое на каждую лошадь, но прежде всего займемся «им».

«Им» означало Хосе, который продолжал сидеть на козлах, точно пораженный изумлением.

— Сволоките его с козел, Крис, привяжите вожжами к колесу, — вскричал Керней.

Техасец мгновенно исполнил приказание, и кучер оказался так же крепко привязанным к колесу, как Иксион к скале.

Но это было не всё, Крису пришлось совершить еще одну жестокость — он запищал в рот бедному малому ручку от его собственного кнута.

Кучер таким образом был лишен возможности двигаться и кричать. Он видел, как все четверо узников, сев по двое на лошадь, молча удалились. Один только карлик решил выразить свое соболезнование кучеру, прокричал ему на прощание насмешливым тоном:

— Adios, senor cochero... Желаю вам приятного путешествия! Ха, ха, ха!..

Глава XXXV

ПО ДВОЕ НА ЛОШАДИ

Вскоре крестьянам, работавшим на полях, представилась невиданная ими картина: две странного вида лошади, скакавшие во всю прыть, каждая с двумя седоками на спине. На одной из них всадники были в красной и синей мантии, на другой сидел великан, за спиной которого виднелось какое-то существо, похожее на обезьяну. Остатки сбруи, вожжей, хомуты болтались по бокам лошадей, при движении которых раздавался звон цепей.

Поселянам, однако, недолго пришлось любоваться странным видом всадников, так как те очень скоро скрылись в чаще, примыкавшей к полю.

— Мы скоро достигнем цели, — сказал Ривас. — Если бы не цепи, стесняющие движения, я мог бы сказать, что мы уже спасены. Черт возьми! А где же пила, неужели вы забыли ее?

— Вот она, — ответил Керней, распахивая плащ.

— Вы предусмотрительнее меня. Я, признаться, про нее совсем было забыл, а между тем она нам так нужна! К сожалению, сейчас ею воспользоваться нельзя, так как мы не должны терять ни минуты. Кроме улан Чапультепека, за нами гонятся, кажется, гусары из города. Когда мы распрягали лошадей, я слышал звуки рожка, да и по колокольному звону можно догадаться, что на нас идет пехота со всех сторон. Дали бы они нам только время спрятаться! Я вас сведу в одно место, где мы можем спокойно укрыться, по крайней мере, от кавалерии.

Керней полагал, что Ривас имел, вероятно, в виду какой-нибудь тайник, известный ему одному. Но где же мог быть этот тайник? Над головой виднелись лишь лесистые горы, которые, конечно, могли служить убежищем беглецам. Но как добраться до них скованным и преследуемым кавалерией? Сообщив это своему товарищу, он услышал в ответ:

— Терпение, друг, я сейчас покажу вам место, о котором говорил, это будет лучше, чем заниматься его описанием. Настоящий лабиринт, который сбил бы с толку самого Дедала. Впрочем, судите сами, вот он!

Ривас указал на серый утес, шедший бесконечными уступами до самого леса, утес этот, не очень высокий, был весь покрыт кактусами и ползучими растениям.

— Педрегаль! — вскричал он радостно. — Ах, как я рад, его видеть! Он уже раз спас мне жизнь, и я надеюсь, что и на этот раз мы найдем в нем спасение. Только надо спешить. Вперед!

Лошади, пущенные снова вскачь, очутились вскоре перед утесом, загородившим им дорогу.

— Теперь, — сказал Ривас, — пора сойти с лошадей, они нам больше не нужны.

Все четверо спешили. Крис Рок продолжал держать лошадей за уздцы, ожидая приказаний.

— Мы оставим пока их здесь, — сказал мексиканец. — Однако они могут заржать и тем выдать нас... Через час нам уже нечего будет бояться, наступит темнота, но теперь...

Он остановился в раздумье; техасец, наблюдавший за ним, сказал Кернею:

— Мне кажется, что ему хотелось бы избавиться от лошадей?

— Я тоже так думаю.

— Предоставьте мне это дело. Держите одну, капитан! Снимите уздечку.

Говоря это, техасец вынул нож, минуту спустя он острием ножа прорезал животному ухо. С громким ржанием лошадь поднялась на дыбы, затем рванулась и исчезла в чаще леса. Вторая лошадь, подвергнутая той же пытке, тоже не замедлила исчезнуть с глаз беглецов.

— Bravo! — вскричал Ривас, вышедший, казалось, из большого затруднения. — Теперь будем продолжать наш путь, действуя и ногами, и руками. Идем!

С этими словами он, накинув вожжи на выступ, стал взбираться по ним, увлекая за собой товарища. Нигде не было ни малейшей тропинки, приходилось хвататься руками за уступы, поросшие кактусами и другими мглистыми растениями. Они продолжали таким образом двигаться вперед. Техасец следовал за ним, и, когда Керней достигал верхушки, Крис Рок дергал за цепь и тянул за собой безобразного карлика. Минуты через две они совершенно исчезли в чаще, что было как раз вовремя, так как они услышали топот кавалерии, пронесшейся мимо скрывшего их утеса.

Глава XXXVI ПЕДРЕГАЛЬ

Окрестности Мехико одинаково интересны как в эстетическом, так и в геологическом отношении. Ни один уголок земного шара не представляет, пожалуй, столько данных для изучения свойств и истории горных пород. Там вы имеете возможность проследить изменения, которым подверглась земная поверхность под влиянием плутонических и вулканических сил. Для геолога самый большой интерес представляет, конечно, Педрегалльское плоскогорье, находящееся на юго-западе от столицы и примыкающее к горе Адхуско, вершина которой возвышается над уровнем моря на 13 000 футов.

Это массы лавы, выброшенной на поверхность Адхуско. Вещество это приняло при остывании всевозможные формы и растеклось на несколько квадратных миль, благодаря чему эта местность почти непроходима. Экипаж, понятно, ни один не может проехать, мексиканская лошадь и даже мул, привычные к горам, как козы, передвигаются здесь с большим трудом, для пешехода же эта местность полна опасностей: приходится беспрестанно либо лазить по скалам, либо спускаться в глубокие, опасные овраги.

Почва покрыта здесь кактусами и колючими растениями. Встречаются, однако, места, очень богатые растительностью.

Они представляют собой как бы маленькие оазисы, где мирный индеец занимается земледелием. Люди же менее мирного нрава также скрываются там, чтобы избежать тюрьмы, впрочем, эти беглецы не всегда преступники, а часто патриоты, изгнанные из отечества.

Четверо людей, прибывших сюда теперь, представляли собой именно такого рода лиц.

Местность, по-видимому, была хорошо знакома мексиканцу.

— Не удивляйтесь, что я так хорошо знаю Педрегалль, — сказал он Кернею, — ведь это почти моя родина. Будучи ребенком, я лазил по этим скалам,

разыскивая гнезда и расставляя силки. По этой тропинке мы доберемся до места, где уже нечего будет бояться быть достигнутыми, по крайней мере в эту ночь.

Они продолжали продвигаться, хотя и с большим трудом, цепляясь за скалы и пробираясь между кактусами, острые колючки которых впивались в тело как иголки. Веревка, которую им приходилось волочить за собой, затрудняла их еще более.

К счастью, цель, к которой они стремились, была близка: это углубление, в котором они могли стоять во весь рост, не будучи замеченными с окружающих высот.

Когда, наконец, достигли его, Ривас сказал, обращаясь к Флорансу:

— Теперь мы можем возобновить прерванную работу, никто нам не мешает, я ручаюсь.

Говоря это, он крепко натянул цепь, через несколько минут одно звено было распилено, и цепь распалась.

— *Caballero!* — вскричал мексиканец, точно провозглашая тост. — Пусть наша дружба будет менее хрупка, чем эта цепь, и соединит нас навеки!

Керней, как настоящий сын Ирина, поспешил ответить на эту любезность. Но это было еще не все. Предстояло разъединить Рока и Зорильо. Крис желал, может быть, больше всех освободиться от прикованного к нему товарища, карлик возбуждал в нем настоящее отвращение не столько физическим уродством, сколько нравственным.

— Капитан, — сказал он Кернею, — распилите цепь как можно ближе к моей ноге.

Первая цепь была распилена посередине, так как Ривас находил, что совсем освободиться от нее нельзя было по недостатку времени.

— Мне понадобится более свободы движений, чем ему, капитан, — объяснил Крис Рок. — Пусть всю тяжесть цепи влачит этот урод, черт бы его побрал!

Свирепый тон техасца гармонировал как нельзя более с противным визгом пилы.

Карлик, присевший на корточки, все время молчал, только глаза, похожие на глаза гремучей змеи, выражали страшное озлобление. В то же время он, видимо, трусил, так как догадывался, что речь шла о нем. Может быть, ему перережут горло? Ведь он только мешал им. Было отчего дрожать.

Как только цепь была распилена, Корней, Ривас и Крис Рок отошли в сторону. Карлик понял, что они совещаются о его участи.

— Не знаю, право, что нам делать с этим животным, — сказал Ривас.

— Его нельзя оставить здесь: он кончит тем, что выдаст нас, если мы его привяжем, он примется кричать, а мы еще будем слишком близко.

— Вот они. Слышите?.. Вон они скачут сквозь чащу, которую мы только что покинули.

Действительно, звук рожка подтвердил слова мексиканца.

— Но почему бы не связать его, заткнув рот? — спросил Керней.

— Это можно сделать, если солдаты пройдут здесь, они подберут его. Но если никто сюда не придет?

— А, понимаю, — произнес ирландец, — вы хотите сказать, что он тогда умрет с голоду?

— Вот именно. Он, может быть, и заслуживает этого, но мы не судьи его и

не имеем права быть его палачами.

— Вы совершенно правы, — поспешил ответить Керней.

— А вы какого об этом мнения, Крис Рок? Что нам с ним делать?

— Убить его было бы менее жестоко, чем связать, но ни в том, ни в другом нет необходимости. Я предлагаю таскать его за собой, если он нас будет очень затруднять, я взвалю его себе на спину. Поклажа эта очень противная, но не особенно тяжелая.

Порешили на этом и отправились снова в путь. Крис Рок вел карлика на цепи, точно какого-нибудь зверя. Только при таких условиях и возможно было не опасаться, что он предаст их. Он мог бы закричать и тем привлечь внимание, но Крис Рок выразительным жестом дал ему понять, что его ожидало в случае малейшей неосторожности.

Глава XXXVII ПОДОЗРЕНИЕ В СООБЩНИЧЕСТВЕ

— **О**чень подозрительно, чтобы не сказать более! Если же это простое совпадение, то оно прямо поразительно! Вырвать эту именно карету среди множества других! Черт возьми!.. Это не может быть случайностью, ни в коем случае!

Так рассуждал сам с собой диктатор, когда ему доложили о случившемся в Калье-де-Платерас. Как ни был краток рапорт, в нем все же упоминались имена беглецов, а также владельца кареты, в которой они спаслись. Кто были сидевшие в экипаже дамы, угадать не составляло труда.

Первое сообщение об этом происшествии было сделано ему посланным от Сантандера, который не мог явиться сам, занятый распоряжениями о немедленном выступлении гусар. Никогда, кажется, беглецы не были преследуемы с таким рвением, и никто, пожалуй, не был огорчен неудачей в такой мере, как Сантандер. Впрочем, ему не уступал в этом и Санта-Анна. Ривас, опасный враг на поле битвы, счастливый соперник в любви, изгнанник, которого он только что видел униженным, в кандалах, был теперь снова свободен! Конечно, еще рано было считать дело проигранным. Эскадрон гусар, пущенный в галоп, пушечные выстрелы и звон колоколов могли сделать свое дело, не так трудно поймать четырех арестантов, скованных по двое и сидящих в парадной карете. Все обстоятельства, казалось, были против них, но Санта-Анна по опыту знал, что можно спастись от погони еще и при худших обстоятельствах.

Он приходил в ярость при одной мысли о возможности неудачи и то садился, то опять вскакивал с места, поминутно звоня, спрашивая, нет ли известия о беглецах, чем приводил в недоумение дежурного адъютанта, получившего уже приказание немедленно уведомлять обо всем, что узнает нового. Он удивлялся, почему генералиссимус мог встревожиться бегством каких-то четырех арестантов, точно дело шло о проигранном сражении.

Санта-Анна едва владел собой. Он громко посылал угрозы то одному, то другому, строя всевозможные предположения, из которых самым тяжелым было подозрение некоторых лиц в соучастии. По нескольким вырвавшимся у него словам можно было догадаться о волновавших его чувствах.

— А, графиня, — говорил он сам себе, — вы, конечно, умны, это бесспорно!

Но если я открою ваше участие в этом деле, вам придется плохо... Титул, богатство — ничто не спасет вас от моего гнева и власти! В тюремной камере, где я смогу доставлять себе удовольствие посетить вас, вы не будете так горды и пренебрежительны, какой были со мной в моем дворце. Подождем, увидим!

— Дон Педро Ариас! — доложил адъютант о начальнике тюрьмы.

— Пусть войдет.

Начальник тюрьмы вошел с расстроенным лицом, прием, оказанный ему диктатором, был не из любезных.

— Что это значит! — вскричал он громовым голосом. — Вы распустили своих арестантов, теперь, пожалуй, в Аккордаде нет уже ни одного человека!

— Excelentissimo, я принужден сознаться, что четыре арестанта...

— Да, из которых двое подлежали особо строгому надзору!

— Да, признаюсь, но...

— Ваши оправдания ни к чему не поведут. По этому делу будет назначено следствие. В настоящую минуту я требую от вас лишь подробного и правдивого изложения всего происшедшего, я желаю знать мельчайшие подробности, относящиеся к бегству арестантов.

Начальник тюрьмы, приняв почтительную позу, ожидал начала допроса.

— Прежде всего объясните мне: почему вы послали этих четырех арестантов на очистку улиц?

— По приказанию полковника, который действовал сообразно желанию вашего превосходительства.

— Это так, я вас не обвиняю, но вы должны были позаботиться, чтобы к ним была приставлена надежная охрана.

— Я отправил их в сопровождении старшего надзирателя Доминго, к которому питал полное доверие. Его поведение в этот раз было исключением, он увлекся общим праздничным настроением и позволил себе выпить с некоторыми друзьями, задержавшими его в трактире. Только этим и можно объяснить его оплошность в исполнении своих обязанностей.

— Мне говорили, что в карете были две дамы, знаете ли вы, кто это?

— По наведенным мною справкам, одна из них — графиня Альмонте, другая — донья Луиза Вальверде, отцу последней и принадлежал экипаж.

— Я знаю это, мне говорили, что экипаж остановился как раз около работавших арестантов. Верно ли это?

— Да, ваше превосходительство!

— Знаете ли вы, как это произошло?

— Да, ваше превосходительство. Лошади, испугавшись, бросились в сторону и наехали на кучу грязи, кучер, который не был, по-видимому, очень ловок, не сумел справиться с лошадьми, четыре арестанта, воспользовавшись этим, завладели каретой, двое сели в карету, а двое взобрались на козлы. Великан техасец выхватил у кучера вожжи и кнут и пустил лошадь вскачь. По дороге к Сан-Франциско находился только один часовой, так же, как и Доминго, не вполне трезвый, он не успел задержать экипаж. Караул, находящийся у ворот del-Nino-Perbido, пропустил их без оклика, начальник караула оправдывается тем, что, узнав карету одного из министров вашего превосходительства, он не осмелился остановить ее.

Эта искусная лесть смягчила диктатора, ответившего уже более спокойным тоном:

— Эти объяснения оправдывают ваше личное поведение. Но, скажите мне, по вашему мнению, дамы, сидевшие в экипаже, были причастны к происшедшему или это простая случайность?

— Не разрешите ли мне, ваше превосходительство, немного подумать?

— Думайте, сколько хотите, я требую только, чтобы вы высказали свое мнение правдиво... Это для меня очень важно...

Начальник тюрьмы перебрал мысленно все, что ему было рассказано о поведении двух дам до их изгнания из кареты и после него. Зная, однако, о чувствах, какие питала одна из молодых женщин к одному из беглецов, он спрашивал себя, почему именно эта карета была избрана арестантами.

Однако известные ему сведения склоняли его к той мысли, что молодые женщины не были соучастницами этого дела. Он ответил диктатору, что положительно не в состоянии разобраться в этом вопросе. За столь неопределенный ответ он был холодно выпровожен и, возвращаясь в Аккордаду, сказал себе, что, пожалуй, из начальника тюрьмы, занимающего хорошую квартиру и получающего большой оклад, ему придется обратиться в узника и переселиться в одну из вверенных ему камер.

Глава XXXVIII ДОНЕСЕНИЕ О ПОГОНЕ

Диктатор с возрастающим нетерпением ожидал возвращения гусар или, по крайней мере, каких-нибудь известий о них. Но только под вечер ему удалось услышать их из уст Сантандера, явившегося для рапорта во дворец, несмотря на поздний час.

— Ну что, захватили? — спросил Санта-Анна у полковника Сантандера, мундир которого, весь покрытый пылью, утратил свой обычный блеск.

Вопрос этот был предложен с сомнением в голосе, так как по выражению лица Сантандера можно было ожидать отрицательного ответа.

— Нет, ваше превосходительство, должен сознаться, что они еще на свободе.

Санта-Анна позволил себе тогда высказать свое негодование в таких выражениях, которые не подобают особе, занимавшей столь высокий пост. Но диктатор, настоящий солдат по натуре, ругался, как последний мужик. Наконец, немного успокоившись, он сказал:

— Расскажите мне все, что произошло, что вы видели и что предприняли.

Сантандер рассказал ему все мельчайшие подробности погони, начиная с момента отъезда гусар и кончая возвращением экспедиции.

Полковник объяснил, что, находясь, по счастью, в Масае, он имел возможность отправить тотчас же гусар в погоню за беглецами, кроме того, он, как только узнал о случившемся в Калье-де-Платерос, сейчас же отдал приказ нескольким полкам быть наготове на случай, если придется разослать людей по всем направлениям. Он прибавил, что беглецы проехали в ворота Эль-Ниньо-Пербидо, где дежурный сержант не счел нужным остановить их.

— Прикажите его арестовать.

— Это уже сделано.

— Что же было дальше?

Сантандер сообщил, что сам пустился в погоню, следуя по дороге в Сан-Ан-

гель. Там работавшие в поле крестьяне рассказали, что видели проехавшую карету, карета была вскоре найдена, но без лошадей, стоящая посреди дороги и с привязанным к колесу кучером.

Когда кучера освободили, он сказал, что четверо беглецов, связавших его, ускакали по двое на лошади по дороге в Сан-Антонио. Сантанденр, поспешивший за ними, убедился вскоре, что они скрылись в чаще. Несмотря на все поиски, их, однако, не могли разыскать, только лошади их без седел и седоков пронеслись как бешеные мимо гусар, заметивших, что из ушей несчастных животных сочилась кровь. Очевидно, беглецы ранили их, чтобы от них избавиться. Чаща же была вся обыскана без малейшего результата.

— *Caramba!* — вскричал Санта-Анна. — Оно иначе и быть не могло. Если бы вы знали эту местность так же хорошо, как я, вы отказались бы от всяких поисков. Я теперь уверен, что они скрылись в Педрегале.

— Вы думаете?

— Я в этом уверен. Искать их — бесплодная трата времени, это настоящий лабиринт. Но что же вы потом делали? Продолжайте.

— Мне почти нечего более прибавить к тому, что я уже рассказал, ваше превосходительство. Стало уже совсем темно, когда мы узнали, что беглецы укрылись в горах.

— Как вы узнали это?

— По их следам, сломанным ветвям и стекавшей с их одежды грязи. Но так как настала темнота, то я не считал возможным продолжать розыск, отложив его до утра. Я принял в то же время все предосторожности, что беглецы не могли совершенно уйти от нас. Для этого мною посланы по всем направлениям уланы и гусары, которые и будут сторожить всю прочь.

— Прекрасно. Ваш план хорош, лучшего нельзя было и придумать. Однако я все же сомневаюсь, чтобы удалось захватить беглецов в Педрегале. Один из них слишком хорошо знает его, чтобы не сумел, несмотря на расставленные пикеты, добраться до верного убежища. Ах, будь прокляты эти горы с их чащами и пещерами! Они кишат моими врагами и разбойниками! Но я добьюсь того, что уничтожу всех! Я велю их вешать и расстреливать до тех пор, пока не останется ни одного во всей стране. *Carajo!* Я желаю иметь неограниченную власть над Мексикой, желаю быть ее императором!

Возбужденный иллюзией неограниченной власти и жаждой мести, столь же сладкой для деспота, как кровь для тигра, он встал с кресла и стал ходить взад и вперед, страшно волнуясь и жестикулируя.

— Да, сеньор полковник, — продолжал он победоносным тоном, — другие заботы помешали мне уничтожить всех этих ссыльных, но наша победа над техасцами даст мне, наконец, возможность расправиться с ними. Беглецы должны быть пойманы во что бы то ни стало! Вам, Карлос Сантандер, поручаю командование экспедицией. Разрешаю вам взять столько людей, лошадей и денег, сколько найдете нужным для достижения цели, и, — прибавил он, понизив голос и подойдя ближе к Сантандеру, — если вам удастся привести ко мне Риваса или хотя принести мне его голову в таком виде, чтоб я мог узнать ее, я поблагодарю уже не полковника, а генерала!

Выражение лица Санта-Анны при произнесении этих слов было поистине дьявольское, не многим, впрочем, уступал ему в этом отношении и его слушатель. Как при таких инстинктах и таких надеждах сомневаться в успехе?

Глава XXXIX В ГОРАХ

— Ночь будет очень темная, — сказал Ривас, взглянув на горы и на небо. — Что же, это к лучшему?

— С одной стороны, да, с другой — нет. Кавалерия, отправленная в погоню, окружит, конечно, Педрегаль, поставив пикеты везде, где будет подозревать выход. Если бы светила луна, чего, слава Богу, нет, мы едва ли могли бы надеяться пройти незамеченными, а это для нас главное, поэтому темнота должна нам благоприятствовать.

Ривас сделал товарищам знак остановиться, сам же осторожно взобрался на уступ, чтобы осмотреть окрестность.

— Нам нужно достигнуть гор до завтрашнего утра, — сказал он. — Если бы мы были скрывающимися бандитами, мы могли бы спокойно оставаться здесь, так как мексиканские власти не особенно преследуют их, но мы, к несчастью, не принадлежим к этой категории людей. Как бы непроходим ни был Педрегаль, он будет через несколько часов весь окружен и осмотрен. Если нам не удастся выйти из него ночью, мы погибли.

Сумерки длятся в этой местности лишь несколько минут. Не успел Ривас произнести эти слова, как наступила полнейшая темнота. Беглецы продолжали, однако, молча следовать за мексиканцем.

Пробираясь в течение получаса среди скал и колючего кактуса, Ривас вдруг остановился, сделав товарищам знак прислушаться. Можно было лишь слушать, так как рассмотреть что-либо в темноте было немислимо.

Вскоре они расслышали голоса, на одном из уступов мелькнул огонек.

— Пикет, — прошептал Ривас. — Будьте осторожны.

— Валет бубен!.. На квит!.. Валет! Он теперь, наверное, выиграет! — воскликнул кто-то, сидевший у огня.

— Отлично! — прошептал снова Ривас. — Они играют в карты, и, пока увлечены игрой, им не до нас. Я знаю место, где они расположились, мы можем обойти их другой дорогой. Бодритесь! Судьба на нашей стороне!

Он оказался прав. Искусно обойдя солдат, Ривас благополучно вышел со своими спутниками из Педрегаля, в то время как игроки весело продолжали партию. Минут через двадцать беглецы уже подымались на гору Адхуско. Теперь они находились в безопасности, и солдаты их более не страшили. Пройдя еще немного, они решились отдохнуть.

— Друзья, — сказал Ривас, — мы можем не спешить. Опасаться более нечего.

После небольшого отдыха беглецы продолжали взбираться на гору. Вдали был слышен звон колоколов — полночь. Ривас наклонился, сорвал лист и, поднеся его к губам, издал странный звук... Легкий свист ответил ему. По мере того как они продвигались, обмен сигналами продолжался. Наконец Ривас остановился.

— Quien vive?[12] — раздался голос.

— El capitán! — ответил Ривас.

Он испустил радостное восклицание, услышав ответ, обещавший ему полную безопасность. Склон горы становился все круче. Достигнув вершины, бег-

лецы увидели, наконец, человека, отвечавшего на сигналы Риваса. Керней и техасец были поражены странным видом этого человека. Насколько можно было разглядеть в темноте, он был в монашеской рясе и, по-видимому, стоял на посту часового.

Все прошли мимо него с удивленным видом, но не произнося ни слова, кроме Риваса, прошептавшего ему на ухо несколько слов. Затем все продолжали путь, который становился все тяжелее по мере того, как поднимались выше. Но цель была уже близка.

Глава XL ВЕРНЫЙ ДВОРЕЦКИЙ

Место, где остановились беглецы, чтобы провести ночь, представляло род площадки, за которой подымался высокий утес. Площадка была окружена деревьями с большими, широкими листьями, составляющими особенность мексиканской флоры. У самой скалы виднелось строение.

— Вот мое скромное жилище, Caballeros! — сказал Ривас. — Прошу вас оказать мне честь войти в него.

Здание трудно было различить в темноте, виднелись лишь два окна, между которыми находилась дверь, напоминавшая вход в пещеру. Внутри была видна горящая свеча. При их появлении с одной из наружных скамеек поднялся человек, радостно воскликнувший:

— Господин капитан, и на свободе! Какое счастье! Дон Руперто Ривас! Да будет благословенно Небо!

— Спасибо, мой добрый Грегорио, спасибо, но надо благословлять также одну прекрасную даму и даже двух.

— Сеньор капитан, я знаю, по крайней мере, одну и клянусь, что во всей Мексике...

— Хорошо, хорошо... теперь не время говорить о сеньорите, — заметил с живостью Ривас. — Мои друзья и я умираем с голоду.

— К несчастью, у меня очень мало съестного, но я сейчас разбужу повара.

— Нет, нет, пусть он спит. Мы удовольствуемся холодным мясом, к тому же мы столько же утомлены, сколько голодны, и чем раньше ляжем, тем лучше. Подите же посмотрите, что вы можете нам дать поесть и выпить. Погреб, может быть, тоже опустел?

— Нет, сеньор, без вас не было откупорено ни одной бутылки. Я говорю, понятно, о дорогом вине. В ваше отсутствие пили простое Канарское.

— О, в таком случае дело еще не так плохо. Принесите же нам бутылку мадеры, бутылку бургонского и старого медро-хименес. А мои сигары, существуют они еще?

— Как же, сеньор, я все гаванские сигары спрятал под замок и раздал лишь те, что попроще.

— Вы примернейший дворецкий, Грегорио, принесите же нам скорее вина и сигар. Мы не курили уже целую вечность.

Разговор этот происходил в полумраке длинного коридора, по которому они проходили, в конце его через открытую дверь виднелся свет. Ривас жестом пригласил Кернея и Рока войти в комнату. Он не собирался, однако, угощать и карлика дорогими винами и сигарами, поэтому, указав на него Грегорио,

рию, сказал ему вполголоса:

— Уведите его и запирайте где-нибудь. Дайте ему есть, а главное, наблюдайте, чтобы он не убежал.

— Слушаю, сеньор, все будет исполнено.

Говоря это, дворецкий схватил карлика за ухо и потащил по коридору.

Ривас поспешил к своим друзьям, вошедшим в указанную им большую комнату, вся меблировка которой состояла из длинного стола и стульев, обтянутых кожей, как принято в Мексике. Здесь было более оружия, чем мебели, висевшие по стенам ружья, сабли и всевозможные военные доспехи придавали комнате вид арсенала.

— Теперь, amigos, — сказал Ривас, заметив тревожное выражение на лицах своих гостей, — вам нечего более бояться. Я сожалею лишь, что не могу предложить вам лучшего ужина, который будет, однако, все же лучше того, какой нам давали в Аккордаде. Per Dios! Что это была за пицца! Она одна могла уж служить наказанием!

— Ах! — заметил Керней. — Если бы вы испытали то же, что мы, когда были взяты этими людьми в плен, вы бы сочли аккордадское кушанье лукулловским угощением.

— Чем же вас кормили в плену?

— Полусырыми бобами, почти холодными tortillos, а очень часто ровно ничем в продолжение целых суток.

— Черт возьми! — воскликнул мексиканец. — Меня эта жестокость не удивляет. Санта-Анна только так и может поступать со своими врагами, будь они его соотечественники или иностранцы. Никогда наша страна не видала более жестокого тирана! Благодаря Богу его царствование подходит к концу. Я имею основания надеяться на это!

Разговор был прерван приходом дворецкого, поставившего на стол бутылки, стаканы и ящик с сигарами. Ривас стал угощать ими своих гостей.

Через минуту дворецкий снова появился, нагруженный таким количеством холодных яств, которое должно было вполне удовлетворить узников, покинувших Аккордаду: холодное мясо, дичь, маисовый хлеб и всевозможные фрукты, — одним словом, целый ужин, хотя это и были только остатки кушаний, подававшихся многочисленным жильцам этого места.

Беглецы оказали должную честь ужину. Лишения, перенесенные ими, до крайности утомили их. Поэтому, утолив голод, они почувствовали потребность в отдыхе и сне и приняли с радостью возглас Георгио:

— Caballeros, ваши комнаты готовы!

Глава XLI

БЕСПОКОЙСТВО

— Луиза, вы видите солдат?

— Где?

— Вон там, вдоль улицы El-Nino-Perbido... Они несутся галопом.

— Sanctissima! Да, я вижу их теперь. Ах, Изабелла, лишь бы они не догнали карету. Ay Dios![13]

— Да, теперь как раз кстати восклицать: Ay Dios! Во всяком случае, я надеюсь, что солдаты их не догонят; если бы кучер поехал по другому направлению, гусары не выбрали бы эту дорогу, а раз карета не была остановлена у ворот, она должна быть теперь уже далеко... Успокойтесь, amigo mia, и поверьте, что они сумеют избежать опасности.

Разговор этот происходил под звон колоколов и пальбу пушек. Молодые женщины переговаривались, сидя на азотее дома дона Игнацио, куда они вошли тотчас по приходе домой.

С высоты мирадора с биноклями в руках они следили за происходившим на дороге. Карета, завернув за Кайоакан, исчезла из виду, они видели затем лишь одних солдат, несшихся в погоню за беглецами. Это были гусары с Сантандером во главе. Вскоре все смешалось в столбе пыли, поднятой лошадьми.

Затем прекратились выстрелы и звон колоколов, все затихло, и город успокоился. Только Луиза Вальверде и ее подруга были охвачены беспокойством как за участь беглецов, так и за свою собственную. Они начали думать о последствиях их участия в побеге арестантов. Чем все это кончится, если экипаж и беглецы будут настигнуты?

Как объяснить, что в экипаже оказались спрятанными кинжалы, пистолеты и в особенности пила и мужские плащи? Для чего понадобились они молодым женщинам, выехавшим на прогулку? Они не боялись измены кучера, но опасались, что, если все вещи будут найдены, участь их решена...

Беспокойство сильно подействовало на молодых женщин, которым не с кем даже было посоветоваться. Дон Игнацио, узнав о случившемся, пришел в ярость: его экипаж, лошади, все пропало! Что сказал бы он, если бы знал, что и пистолеты его подверглись той же участи? «Что делать? — недоумевали подруги». Признаться разве во всем дону Игнацио и положиться на его доброту?»

А он между тем не знал даже имен похитителей.

Луиза Вальверде и Изабелла Альманте просидели долгое время вдвоем, не зная, на что решиться, спасти их мог лишь один дон Игнацио. Он может сказать властям, что собирался в этот вечер уехать с дочерью и графиней на дачу, таким образом, присутствие оружия в экипаже не возбудило бы ничьего подозрения, так как все запасались им, уезжая за город. Что же касается теплых плащей, то они взяты были для защиты от вечернего холода.

Кроме пилы, присутствие которой трудно было объяснить, девушек выдавали еще чувства, которые они питали к беглецам.

Несколько часов, проведенных ими вдвоем, немного успокоили их. Наконец получили вести. Хосе вернулся вместе с экипажем и лошадьми. Но это все. Не было ни оружия, ни плащей, ни пилы!.. Это рассказала Пепита, прибе-

жавшая сообщить новость своей госпоже. Девушки хотели сейчас же видеть Хосе, но он в это время отвечал на расспросы дона Игнацио, смотревшего с разгневанным видом на изрезанную сбрую и загнанных лошадей!

Когда дона Игнацио вызвали во дворец, Хосе поспешил к молодым сеньоритам. Они сначала так закидали его вопросами, что он едва успевал отвечать, но мало-помалу они успокоились, хотя и продолжали прерывать его ежеминутно.

Он рассказал им, что сначала карета ехала шагом мимо стен монастыря Сан-Франциско, и в это время беглецы переоделись, что карета была покинута на дороге, а беглецы ускакали, сев по двое на каждую лошадь, что лошади были доставлены потом Хосе одним знакомым солдатом и что гусары проискали напрасно в чаще, так как беглецы достигли беспрепятственно Пед-регаля.

— Да будет благословенна Святая Дева! — восклицают радостно подруги.

— Какое счастье! — прибавляет графиня. — Руперто Ривасу так же хорошо знакомы все тропинки в Педрегале, как аллеи в Аламеде!

Луиза, встав на колени перед образом св. Гваделупы, вознесла к ней горячие молитвы благодарности.

Хосе, окончив свой рассказ, продолжал стоять, хотя вовсе не ждал обещанного вознаграждения, в чем он наивно и сознался. Но графиня помнила свое обещание.

— Отважный и преданный слуга, — сказала она, — возьмите это. Вы их вполне заслужили. — Говоря это, графиня сняла с себя цепочку с часами и протянула их Хосе.

— Возьмите также и это, — прибавила Луиза Вальверде, сняв с пальца бриллиантовое кольцо и подавая его Хосе.

— Я не приму ни того, ни другого, сеньориты, я достаточно вознагражден тем, что мог услужить вам...

— Но, Хосе, разве вы забыли наше условие? Я настаиваю, чтобы вы приняли наши подарки.

— Хорошо, но не ранее, чем мы будем вполне уверены в спасении беглецов. До тех пор я попрошу графиню считать меня своим кредитором.

— В таком случае я заплачу ему! — воскликнула Пепита и, бросившись ему на шею, громко поцеловала его. — Впрочем, — прибавила она, — чего ради я поцеловала этого человека?.. Ведь он исполнил только свой долг... Ха-ха-ха!

Смех Пепиты не смутил Хосе, этот поцелуй, так долго желанный, подавал ему надежду стать, наконец, счастливым супругом Пепиты.

Глава XLII

СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

— Где я, черт возьми?

Таков был вопрос, который предложил сам себе Керней, проснувшись на другой день после вполне удавшегося побега. Он лежал на походной кровати, устланной пальмовыми листьями, вместо одеяла он был покрыт плащом, взятым из кареты дона Игнацио. Четырехугольная комната имела не более девяти футов в длину и ширину. Вместо окна — лишь небольшое круглое отверстие, без стекол и ставней.

Протерев глаза, чтобы удостовериться, что он не галлюцинирует, Керней садится на свое ложе и начинает рассматривать комнату и ее обстановку. В ней вместо мебели стоит один только стул, на котором лежит пара пистолетов и его собственная шляпа, более ничего, если не считать стоящих на полу сапог и рядом с ними бутылки с воткнутым в горлышко огарком. Накануне, изнемогая от усталости, он моментально заснул, не оглядев даже комнаты.

— Что за странная конура! — сказал он. — Она похожа на каюту или на тюремную камеру!

Однако замеченные им изображения святого, кресты и всевозможные образки навели его на другую мысль.

— Это, должно быть, древний монастырь, — сказал он себе, — я слышал, что в Мексике выбирали в прежние времена самые недоступные места для постройки монастырей. Есть ли еще здесь монахи? — подумал он, вспомнив встреченных им накануне двух людей в монашеском облачении. — Во всяком случае, — думал он, — странно, что капитан может быть настоятелем монастыря. Но если члены этой обители согласятся приютить нас, я буду им более чем благодарен.

Он растянулся снова на своем ложе, обводя комнату глазами. На белых, оштукатуренных стенах виднелись кое-где плесень и длинные желтые потеки, указывавшие на сырость, одним словом, если это и был монастырь, то время его процветания, очевидно, давно прошло.

Предаваясь этим размышлениям, Керней вдруг заметил, что кто-то стоит в полуоткрытых дверях комнаты. Повернув к нему голову, он видит человека, одетого в длинную рясу, в сандалиях на ногах, его голый череп чуть окаймлен бахромкой волос, четки, распятие, клубок — все указывает на его принадлежность к монашеству.

— Я пришел узнать, как сын мой провел ночь, — сказал монах, заметив, что Керней не спит. — Надеюсь, что свежий горный воздух, так отличающийся от того которым вам приходилось дышать столько времени, способствовал ему?

— Да, — ответил ирландец, — я спал превосходно, не запомню даже, когда я так хорошо спал. Но где ж...

Он встал с постели и начал рассматривать монаха. Узнав его, он так поразился, что не мог продолжать говорить. Однако Керней не ошибался, это тот самый человек, с которым он провел столько печальных дней в близком общении.

— Ах, это дон Руперто Ривас! — вскричал Керней совсем другим тоном.

— Я самый, сын мой, — ответил монах с тем же смиренным видом.

Керней, разразившись смехом, воскликнул:

— Вот уж в ком я никогда не заподозрил бы монаха.

— Ах, дон Флоранс, в Мексике нам приходилось иметь по несколько тетив для лука и не одну крышу, под которой мы могли бы укрыться. Вчера я был таким же узником, как вы, а сегодня вы видите меня настоятелем монастыря. Впрочем, прошу извинения, я забываю обязанности хозяина. Вы, должно быть, страшно голодны, и, кроме того, вам не помешает заняться туалетом. Грегорио, — позвал он дворецкого, — все ли вы приготовили? Есть ли в уборной свежая вода и чистое белье? Проводите туда сеньора и предложите ему свои услуги, я попрошу вас только не очень мешкать с завтраком, так как братья не любят ждать. *Nasa luego*[14].

Произнеся это короткое приветствие он ушел, оставив Кернея с дворецким, который повел его в комнату, где находились умывальник, полотенца и другие принадлежности для умывания. Все было очень просто, но показалось роскошью Кернею, лишенному столько времени всего необходимого. Надев костюм ранчero, поданный ему дворецким, он последовал за ним в столовую.

Идя по коридору, он уже издали услышал шум голосов. Ривас предупредил Кернея, что тот увидит многочисленное общество. Действительно, в трапезной было человек тридцать, одетых в монашеские рясы.

Посреди большой комнаты стоял длинный стол, окруженный скамьями и стульями. По расставленным в беспорядке бутылкам, стаканам можно было догадаться, что трапеза, служившая и завтраком, и обедом (так как было позже одиннадцати часов), подходила к концу.

Молодые индейцы, одетые немонахами, ставили на стол блюда, которые подымались и спускались через трап, сообщавшийся с кухней, откуда шел очень аппетитный запах. Керней сейчас же все заметил. За столом сидели группами, самая многочисленная собралась около человека громадного роста. Это был Крис Рок, имевший, по-видимому, большой успех среди своих новых знакомых; по их оживленным и насмешливым лицам видно было, что они заставили его разговориться.

Но Керней был вполне уверен в своем старом друге. В то время как он удивлялся веселому выражению лиц, выражению, не особенно подходившему к рясам, в комнату вошел настоятель представивший Кернея братьям.

— Hermanos, — сказал он, — это сеньор дон Флоранс, нуждающийся в гостеприимстве монастыря.

Все встали, протягивая ему руку. Однако нельзя было терять времени на любезности. Новые блюда, поставленные на стол, привлекли внимание братьев. Настоятель, сев посередине, посадил Кернея около себя. Соседом Криса Рока был монах, по-видимому, одного из начальствующих лиц в монастыре.

Хрусталь и столовое белье были не особенно тонки, но зато яства не оставляли желать ничего лучшего. Мексиканская кухня — лучшая во всем мире, она превосходит древнюю испанскую, основу современной французской кухни, этим превосходством она обязана, впрочем, многим туземным произведениям. Монахи любили, по-видимому, хорошо поесть, так как блюдо следовало за блюдом. Некоторые блюда Кернею приходилось есть первый раз в жизни.

Теперь он понял, почему остатки обеда составили им накануне такой плотный ужин. Что касается вин, то они отличались и качеством, и количеством.

Некоторые мнения, высказанные монахами, поразили его. Но каково же было его удивление, когда в конце завтрака Ривас провозгласил, стоя со стаканом в руке: «Patria y Libertad!», подхваченное всеми присутствующими.

Отечество и свобода! Воодушевление, вызванное этими словами, казалось здесь еще более странным, чем сами слова.

Глава XLIII КТО ОНИ?

Когда завтрак был окончен, братья встали все разом и покинули трапезу. Некоторые разошлись по своим кельям, другие сели на скамьи перед домом и закурили папиросы. Настоятель, ссылаясь на спешные дела, попрощался со своими гостями и удалился. Керней и Рок могли, наконец, поговорить друг с другом.

Не желая, чтобы братья могли их слышать, они сошли на аллею, когда-то, вероятно, усыпанную песком, теперь же заросшую мхом и травой. Ветви деревьев, сплетаясь вверху, защищали гуляющих от слишком яркого солнца. Пройдя сотню шагов, беглецы очутились опять под открытым небом. Здесь они заметили, что стоят на краю обрыва или пропасти, служащей границей площадки, на которой был воздвигнут монастырь. Отсюда их взору представился самый красивый ландшафт, какой только мог видеть человеческий глаз.

Но красота природы их мало трогала, и, бросив беглый взгляд на чудную картину, они повернулись к ней спиной и сели друг против друга. Эта площадка была, вероятно, любимым местом прогулки монахов, судя по расставленным здесь скамейкам.

— Ну, Крис, старый товарищ, — начал Керней, — немало мы пережили за эти сутки! Что вы думаете о наших новых знакомых?

— Капитан, вы мне предлагаете настоящую загадку!

— В самом ли деле они монахи?

— Не сумею вам сказать. Да и что меня спрашивать? Я никогда не видел монахов до моего посещения с вами Мексики. В Сан-Антонио, в Техасе, может быть, и было их несколько, но я могу судить о них только понаслышке и, признаться, склонен думать, что здесь нет ни одного монаха.

— Неужели же это попросту разбойники?

— А кто же знает? Ривас ведь слывет атаманом сальтеадоров, то есть разбойников. Но я сильно сомневаюсь в этом. Каково ваше мнение?

— Меня бы это сильно удивило, — ответил Керней, — мне он кажется, напротив, высокопорядочным человеком. Он был офицером и имеет чин капитана.

— Я этому охотно верю, но не надо забывать, что по всему течению Рио-Гранде есть много мексиканских офицеров, которые были грабителями, начиная с поручиков и кончая генералами. Из полковников назовем хотя бы Чаперраля, известного своими разбоями и убийствами. А Санта-Анна, кто же он, если не разбойник? Звание офицера не гарантия честности. Во время революции офицеры в этой стране становятся бандитами и наоборот.

— А если это разбойники, что же нам тогда делать?

— Зачем разбираться, когда у нас нет выбора? Мы во власти наших хозяев,

и, кто бы они ни были, мы в настоящее время только у них можем найти приют и покровительство, чем мы уже и воспользовались.

Керней молчал, обдумывая слова техасца, вспоминая все, что он слышал о Ривасе, сопоставляя с этим его действия и надеясь таким образом разрешить интересовавшую его загадку.

— Если мы попали в притон бандитов, — сказал он наконец, — придется перенести все последствия. Они захотят, чтобы мы примкнули к их шайке, а это будет очень неприятно.

— Конечно, капитан, что может быть неприятнее для честного человека? Но если к этому он принуждается силой, тогда совсем другое дело. К тому же в Мексике ведь не то, что в Техасе или в Соединенных Штатах. Если к воровству не присоединяется жестокость, то оно не считается у них бесчестием. Я слышал раз, как один мексиканец уверял, что разбойник с большой дороги ничем не хуже, чем государственные деятели и законодатели, обворовывающие страну. Во всяком случае, — продолжал он, — я ничего не утверждаю, я столько же считаю их бандитами, сколько и монахами. Могу только сказать, что эти симпатичнейшие люди, каких я когда-либо встречал, и мне не верится, чтобы они принудили нас к бесчестным поступкам. Будем же относиться к ним с уважением, пока не получим доказательств, что они недостойны его. Тогда мы поступим с ними по заслугам.

— Если это нам удастся, — заметил Керней, — впрочем, займемся лучше настоящим... Что предпринять?

— Оставаться, конечно, здесь с нашими новыми знакомыми.

— Да, я не вижу другого выхода. Будем надеяться, что уйдем отсюда с чистой совестью, так как в сущности ничто не доказывает, что мы у воров.

— Я заметил даже обстоятельство, доказывающее противное.

— Какое?

— В доме нет ни одной женщины. Когда я заходил сегодня в кухню, я не заметил ни одной юбки. Полагаю, что это более похоже на монахов, чем на разбойников. Что вы об этом думаете, капитан?

— Право, не знаю, может быть, мексиканские разбойники похожи в этом случае на итальянских, которые не любят таскать с собой женщин.

— Не странно ли, однако, — прибавил техасец, — что монахи расставляют везде часовых? Я видел их и вчера, и сегодня, с ружьем в руке возвращавшихся с постов.

— Все это очень странно, но мы ведь разгадаем же когда-нибудь эту тайну. Кстати, — прибавил он, — что случилось с карликом?

— Право, не знаю, капитан, я о нем ничего не слышал с той минуты, как его увел дворецкий, и желал бы его никогда более не видеть. Экая образина!

— Его, наверное, куда-нибудь, заперли. Пусть он себе там и остается, а мы, вероятно, сейчас узнаем что-нибудь об ожидающей нас участи, так как к нам идет настоятель, — сказал Крис Рок, заметив подходящего к ним мнимого монаха.

Глава XLIV

НАСТОЯТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ

— **А**тiго, — сказал настоятель, обращаясь к Кернею, — позвольте мне предложить вам сигарету и извиниться, что я не подумал об этом раньше. Вот манильские и гаванские, выбирайте, пожалуйста.

За монахом шел дворецкий, неся большой ящик с сигарами, он поставил его на одну из скамеек и удалился.

— Спасибо, святой отец, — сказал Керней с улыбкой, — ваши сигары, действительно, превосходны.

— Я в восторге, что оценили их по достоинству, — ответил монах, — они и должны быть хороши ввиду их стоимости. Но прошу вас об этом не думать и курить, сколько пожелаете, они мне ничего не стоили. Это контрибуция, предложенная монастырю.

Слова эти сопровождались улыбкой, вызванной, вероятно, каким-нибудь воспоминанием, связанным с сигарами.

«Значит, вынужденная контрибуция», — подумал ирландец, на которого слова Риваса произвели неприятное впечатление.

Техасец еще не дотрагивался до сигар, и, когда ему предложили их жестом, он сказал Кернею:

— Скажите ему, капитан, что я предпочел бы трубку, если таковая у него найдется.

— Что говорит сеньор Крис? — спросил мнимый аббат.

— Что он предпочел бы трубку, если это вас не затруднит.

— О, un pira, Грегорио!.. Грегорио! — закричал Ривас вслед удалявшемуся дворецкому.

— Не беспокойтесь, — заметил Керней. — Крис Рок, удовольствуйтесь сигарой, не надо быть очень требовательным.

— Я сожалею, что заговорил об этом, — ответил техасец, — буду вполне доволен сигарой, в особенности если мне разрешат пожевать ее. Мой желудок давно просит табачку.

— Возьмите сигару и жуйте ее сколько хотите...

Воспользовавшись позволением, техасец выбрал одну из самых толстых сигар и принялся кусать ее, как сахар, к немалому удивлению Риваса, который, однако, не сделал ни малейшего замечания. Крис Рок жевал и курил поочередно, так как дворецкий появился вскоре с трубкой.

Ривас, в свою очередь закурил сигару и дымил, как паровоз. Курящий монах производит всегда и всюду очень странное впечатление, но так как в настоятеле монастыря горы Адхуско никто и не предполагал найти анахорета, то и удивляться было нечему. Сев рядом с Кернеем и устремив взор на развертывающийся перед ним вид, он сказал своему гостю:

— Что скажете об этом ландшафте, дон Флоранс?

— Великолепно, чудесно! Я никогда не видел ничего величественнее и разнообразнее.

— Возьмите бинокль, — сказал монах, — и рассмотрите картину детально.

Он подал Кернею бинокль, который тот и подстроил по своим глазам.

— Видите вы Педрегаль? Вон там у подножия горы, его можно отличить по

его серому цвету.

— Конечно, — ответил Керней, — я вижу даже чашу, по которой мы пробирались.

— Теперь взгляните направо, видите ли дом среди полей?

— Да. Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Потому что этот дом представляет для меня особый интерес. Как вы думаете, кому он принадлежит? Мне следовало бы, впрочем, сказать, кому он принадлежал или кому он должен бы был принадлежать.

— Как могу я это знать? — спросил Керней, находя этот вопрос довольно странным.

— Вы правы, но я вам сейчас все объясню. Несмотря на мои неоспоримые права на эту собственность, она тем не менее была у меня отнята и отдана нашему бывшему хозяину, начальнику Аккордадской тюрьмы в виде награды за его измену стране и нашему делу.

— Какому делу? — спросил ирландец, откладывая в сторону бинокль. Услышанное заинтересовало его более того, что он видел.

«Стране и нашему делу». Вот слова, которые нельзя ожидать от монаха или разбойника. Дальнейшее доказало окончательно, что он не был ни тем, ни другим.

— Дело, за которое готовы пожертвовать жизнью я и все, кого видели вы в трапезной, ясно из провозглашенного мной тоста: «Patria y libertad».

— Я был счастлив видеть вызванное им воодушевление.

— И удивлены, не правда ли, amigo?

— Говоря откровенно, да.

— Меня это не удивляет. Ваше желание разгадать все виденное и слышанное вполне естественно. Настало время все объяснить вам... Закурите же дружную сигару и выслушайте меня.

Глава XLV

ПАРТИЗАНЫ

— Попробуйте эту манильскую сигару. Многие предполагают, что привозимые с Кубы самые лучшие. Это заблуждение. По-моему, некоторые, выделываемые на Филиппинских островах, гораздо лучше гаванских.

Керней, действительно, всегда слышал, что гаванские сигары самые лучшие. Закурив теперь манильскую, он должен был признать, что она превосходит все, какие ему приходилось когда-нибудь курить.

— Вы, вероятно, заметили, что монахи моей обители не принадлежат к слишком строгому ордену, и, может быть, вы даже заподозрили, что они совсем не монахи? Все они военные и, исключая двух-трех, все офицеры и люди из хороших фамилий. Последняя революция, предав нашу страну снова тирании Санта-Анны, разогнала их; большинство из них — изгнанники, как и я, и головы их оценены.

— Вы, значит, не разбойники?

Слова эти были сказаны необдуманно, сорвавшись неволью с языка Кернея. Монах, вместо того чтобы обидеться, разразился смехом.

— Разбойники, amigo mío? Кто это мог сказать вам?

— Простите, сеньор, — вскричал сконфуженный Керней, — вас называли так в тюрьме, хотя я этому никогда и не верил.

— Спасибо, сеньор, — заметил Ривас. — Я принимаю ваши извинения, хотя они в некотором отношении излишни. Мы пользуемся такой репутацией у наших врагов, и, признаюсь, не без причины.

Последняя фраза возбудила опять беспокойство в Кернее, он, однако ничего не сказал.

— Карамба! Конечно, — прибавил Ривас, — мы действительно кое-что награбили, иначе я не мог бы вам предложить ни такого хорошего завтрака, ни таких дорогих вин. Взглянув вниз, вы увидите Пуэбло Сен-Августина и за его предместьями большой желтый дом. Оттуда-то и взяты наши последние запасы вина, сигар и всего остального. Вынужденная контрибуция! Но не думайте, что это сделано без основания. Уплативший нам эту дань — один из наших злейших врагов. К тому же это была месть, оправдываемая обстоятельствами. Я уверен, что вы согласитесь со мной, когда узнаете подробности.

— Я теперь все понял, — ответил успокоенный Керней, — и прошу извинить нас.

— Весьма охотно, да и почему мне обижаться, что вы приняли нас за воров? Я думаю, что многие, которых мы посетили, того же мнения.

— Можете ли объяснить мне, зачем вы носите монашеское облачение?

— По очень простой причине, amigo. Оно безопасно и в то же время дает возможность многое сделать. В Мексике монашеский клобук служит лучшим паспортом. Он позволяет нам обходить деревни, не возбуждая подозрения, а власти думают, что заброшенный когда-то монастырь стал снова святой обителью. Мы, понятно, никого к нему не подпускаем, расставляя для этого часовых. Мы так искусно играем роль, что никому не приходит в голову нас подозревать. Между нами есть случайно двое бывших когда-то монахами, и они очень нужны нам до того дня, когда мы, наконец, сбросим рясы, заменив их

военными мундирами. День этот уже близок, судя по тому, что рассказывали мне товарищи по моем возвращении. Штат Оаксака и вся южная сторона Акапулько полны недовольными и ожидают восстания не далее как через месяц. Альварес, имеющий большое влияние на эту часть страны, будет вождем восстания. Старый Пинто надеется, что мы последуем за ним, и в этом он не ошибается. Вот наша история, кабальеро, в прошлом, настоящем и будущем. Теперь позвольте и мне предложить вам вопрос: желаете ли присоединиться к нам?

Это предложение требовало размышления. Что ожидало Кернея, если он примет его, что — если откажется? Да и мог ли он отказаться при подобных обстоятельствах? Это был очень щекотливый вопрос. Ведь он и Крис Рок были обязаны Ривасу своим спасением, и покинуть его теперь было бы неблагодарностью. Мексиканец, заметив затруднение своего собеседника, сказал:

— Если мое предложение вам не подходит, скажите прямо, я во всяком случае сделаю все, что от меня зависит, чтобы дать вам возможность покинуть безопасно страну. Будьте покойны, я не отправлю вас опять в Аккордаду. Скажите же откровенно, желаете вы быть одним из наших?

— Да, желаю, — ответил Керней решительно.

Колебания были излишни. Взятый в плен врагами, оценившими его голову, он мог спастись, присоединившись лишь к Ривасу и его друзьям, кто бы они ни были: революционеры или просто воры.

— Да, дон Руперто, — прибавил он, — если вы находите меня достойным принадлежать к вашей партии, я с радостью приму ваше предложение.

— А товарищ ваш какого об этом мнения?

— О, я в нем уверен так же, как в себе.

Керней подозвал техасца, который, не понимая их разговора, отошел было в сторону.

— Это совсем не воры, Крис, — сказал он ему по-английски.

— Тем лучше, я, впрочем, и не думал, чтобы они были ворами или монахами. А кто же они такие, капитан?

— То же, что и вы, — патриоты, сражавшиеся за свою страну и потерпевшие поражение. Вот почему они и скрываются здесь.

— Они враги Санта-Анны?

— Да, побежденные враги, они замышляют, однако, скорое восстание и просят нашего содействия. Что вы об этом скажете?

— Что за вопрос, капитан! Я готов идти с ними когда угодно. Будь они разбойники, я все равно последовал бы за ними. Итак, это решено. Я бы не согласился идти в монахи, но, раз люди идут сражаться за свободу, Крис Рок от них не отстанет. Вы можете уверить их в этом.

— Он согласен, — сказал Керней Ривасу, — и мы оба счастливы иметь такого начальника, как вы.

— *Mil gracias*, сеньор! Мы должны считать за честь иметь в своей среде людей такой испытанной храбрости, как ваша. Теперь могу ли просить вас надеть нашу одежду? Это необходимая предосторожность. Вы найдете ваше облачение уже готовым; я дал по этому поводу распоряжение Грегорио, так как был вполне уверен в вас.

— Сколько превращений со времени отъезда из Нового Орлеана! — вскричал Крис Рок. — Я в одежде монаха!.. Если я не могу быть самым ревностным

монахом, то буду по крайней мере самым долговязым!

Глава XLVI САН-АВГУСТИН

Одна из красивейших деревень долины Мексики, без сомнения, Сан-Августин-де-Лас-Куевас — Тлалпам, как ее называли туземцы-ацтеки из-за многочисленных пещер вокруг деревни, находящейся в двенадцати милях от столицы по дороге в Акапулько.

Сан-Августин пользуется некоторыми особыми привилегиями. Кроме городского судьи там есть муниципальный совет и альгвасилы, или полицейские. Главные начальствующие лица принадлежат по большей части к чистой испанской расе — «gent de Razon», как они себя называют, хотя большинство из них метисы. К этой же группе относятся и крупные коммерсанты, все же остальное население состоит исключительно из туземцев с бронзовым цветом лица. В известную часть года, однако, здесь появляется большое число бледнолицых. Это бывает на масленице.

В то время как улицы Сан-Августина полны пешеходов, вереница экипажей и всадников движется по дороге между селением и столицей.

В продолжение целой недели масленицы полгорода предается игре. В этом мексиканском Монако идет крупная игра, для играющих раскинуты обширные палатки. В этой карточной игре, называемой «monte», принимают участие самые разнообразные партнеры. За одним и тем же столом можно видеть и офицеров, и генералов, и полковников, и сержантов. Сенаторы, министры, иногда и сам глава государства пытаются счастье рядом с нищими и салтеадорами. Даже женщины высшего круга с изысканными манерами не пренебрегают сделать свои ставки на зеленом поле рядом с босоногими деревенскими девушками и франтихами сомнительной репутации.

Однако это увлечение игрой длится лишь несколько дней, по окончании масленичной недели никто и не говорит более о «monte». Палатки снимаются, игроки всех сословий возвращаются по домам, и деревенька погружается в невозмутимую тишину до следующего карнавала.

Сан-Августин, однако, и в своем обыденном виде представляет очень любопытное местечко благодаря своему положению и живописному виду.

Кроме его коренных жителей, в нем есть и наезжие, так называемые «ricos», любящие проводить иногда время за городом, на своих дачах — casas de campo. Здесь поместий, конечно, меньше, чем в Сан-Антеле и Такубайи. Тлалпам более удален от города, но и в его окрестностях находится несколько богатых вилл, принадлежащих знатным вельможам.

Одна из них составляет собственность дона Вальверде. Это любимое место отдыха министра, куда он любит приезжать в свободное время. После описанных нами происшествий он поспешил удалиться в свою виллу вместе с дочерью и графиней Альмонте. Читателю, однако, неизвестно, сколько испытаний пришлось перенести этим трем лицам с тех пор, как мы с ними расстались. По «делу Калье-де-Платерос» было назначено следствие, которое, однако, по желанию Санта-Анны велось секретно, не становясь достоянием гласности.

Благодаря преданности Хосе, лгавшего с удивительным искусством, заинтересованные лица оказались вне подозрений. Дон Игнацио немало способство-

вал этому, согласясь, со своей стороны, покривить душой.

Для этого дочери пришлось ему все рассказать. Впрочем, обе девушки заставили дона Игнацио решиться на ложь ввиду опасности, угрожавшей обеим сеньоритам, и симпатии к тому, для кого рисковала его дочь.

Таким образом подозрения Санта-Анны и полковника были на этот раз опровергнуты. Им пришлось также отложить надежду захватить беглецов. Самые тщательные поиски в Педрегале не привели ни к чему. Тогда были обысканы деревни, долины, ближайшие горы, но без малейшего результата.

Мало-помалу жажда мести у Санта-Анны начала ослабевать, уступив место беспокойству по поводу слухов о готовящемся восстании. Все мысли его были заняты этой угрозой. Каждую минуту ему чудились крики: «Patria y Libertad!»

Скоро никто уже и не думал о происшествии в Калье-де-Платерос. На другой день после бегства арестантов был помещен полный отчет о случившемся во всех столичных газетах, а через неделю никто уже не вспоминал об этом, кроме близко заинтересованных лиц. Вот как сменяются, проходят и забываются события в Мексике!

Глава XLVII НА УТЕСЕ

Керней и Крис Рок несколько не интересовались тем, что случилось с карликом. Техасец не имел ни малейшего желания видеть этого урода, он был уверен, что того заперли где-нибудь в монастыре.

На самом деле карлик был не только заперт, но держался на цепи, конец которой, надетый на железное кольцо, был, в свою очередь, на замке. Помещение в котором он находился, напоминало Аккордадскую камеру, по всей вероятности, здесь сиживал некогда не один монах, отбывая наказание за какое-нибудь нарушение устава. Будет, понятно, излишним говорить, почему карлик был помещен в камеру. Дон Руперто прекрасно понимал, что, дав ему свободу, он рисковал лишиться своей.

Через несколько дней карлику позволено было выходить на пару часов из камеры, затем он выпросил позволение у дворецкого проводить некоторое время в кухне, где ему приходилось, однако, выслушивать немало насмешек от прислуги.

Он выносил все с таким терпением, какого нельзя было заподозрить у него в Аккордаде. Грегорио стал, наконец, смотреть на него как на принадлежащего к служебному персоналу монастыря, продолжая, однако, сажать его на ночь на цепь и запирает на ключ. Карлик не переставал жаловаться на это каждый вечер, повторяя дворецкому:

— Это так неудобно, так тяжело! Я не могу повернуться в кровати. И зачем держать меня на цепи? Неужели вы думаете, что я захочу убежать? Мне здесь слишком хорошо, чтобы менять жизнь или рисковать попасть снова в Аккордаду. О нет, сеньор, вам нечего бояться. Я желал бы только, чтобы вы меня избавили от этой ужасной цепи. Добрый дон Грегорио, позвольте мне только эту ночь провести без цепи, завтра, если захотите, наденьте ее опять на меня, и я ни слова не скажу, клянусь вам!

Эта сцена происходила каждый вечер. Однажды карлик, бывший когда-то сапожником, починил дворецкому сапоги, последний решил в виде возна-

граждания освободить его на ночь от цепи.

— Как вы добры, дон Грегорио, — сказал карлик, — как я буду сегодня хорошо спать! Прежде чем заснуть, я помолюсь за вас. Спокойной ночи!

Хотя ночь была лунная, в камере было так темно, что дворецкий не заметил злорадного выражения лица карлика, в противном случае он немедленно посадил бы его снова на цепь.

— Если мне удастся отсюда выбраться, — сказал себе карлик по уходе дворецкого, — моя жизнь спасена и состояние обеспечено. Мне откроются все блага жизни, и вместо того, чтобы запереть меня в тюрьму, мне даруют свободу и кошелек золота в придачу. Эх, хорошо бы, черт возьми!

Он подошел к двери и прислушался, до него донесся шум оживленных голосов. Монахи ужинали, не думая о нем.

— Какое, однако, счастье, что меня приковали к великану, притащившему меня сюда! И сыграю же я с ними шутку! Однако посмотрим, можно ли отсюда выйти.

Отойдя от дверей, он пробрался к окну и сообразил, насколько оно отстоит от земли. Окно без стекол было загорожено железным прутом.

Если не вынуть его, карлику не пролезть в окно. Имея, однако, пилу, которую ему удалось утащить и спрягать, карлик мог надеяться преодолеть это препятствие. Сначала он захотел получить представление об окружающей его местности. Просунув голову в окно, он убедился, что оно приходилось как раз над небольшим уступом скалы, откуда легко было спуститься на землю. Но как добраться до него?

У карлика все было обдумано заранее. Не теряя ни минуты, он вытащил из-под матраса пилу и принялся за дело, не торопясь и стараясь не шуметь. Ведь все равно, пока все монахи не лягут спать, ему нельзя будет убежать.

Заржавленное железо очень скоро уступило пиле. Отпилив с одной стороны прут, карлик, напрягая всю силу, вырвал его из спайки. Несмотря на малый рост, он обладал удивительной физической силой.

Покончив с этим делом, он, разорвав одеяло на длинные полосы, связал их вместе, чтобы спуститься по этой импровизированной лестнице. Убедившись, однако, что ей не выдержать его тяжести, он на минуту задумался, забыв, что в его распоряжении была цепь.

— Ах, я и забыл, что у меня есть эта проклятая цепь, которую мне теперь придется благословлять. Ведь здесь невысоко — каких-нибудь шесть футов. А этот дурак еще оставил мне ключ от замка!

Говоря это, он принялся искать ощупью ключ, забытый Грегорио. Когда ключ был найден, он укрепил цепь у оставшегося конца железного прута и стал осторожно опускать ее вниз. Высунувшись в окно, он убедился, что цепь не доходила до уступа на каких-нибудь два фута. Затем он сел на постель, чтобы выждать удобное для бегства время.

— Зачем ждать? — решил он. — Все теперь сидят в трапезной и всецело заняты ужином, более удобного случая не найти. Карамба! Воспользуемся им.

Говоря это, он подошел к окну, пролез в него и спустился по цепи, как обезьянка. Очутившись на уступе, он огляделся, поздравляя себя, что выбрал именно этот час, так как ему придется идти по дороге, ведущей мимо дома и где в более поздний час ставится всегда часовая. Теперь же никто не загородит ему дорогу.

Хотя он ни разу не выходил из монастыря, он прекрасно помнил тропинку, по которой пришел сюда в ночь их бегства из Аккордады. Он помнил крутой скат горы и узкий проход, где они наткнулись на часового, окликнувшего их: «Quien vive?» Что ответит он теперь на этот оклик?

Размышляя об этом, он медленно подвигался, пробираясь осторожно в темноте, хватаясь за сучья, но так тихо, что никто не мог его слышать, даже часовой, стоявший на прежнем месте. Одетый монахом, он стоял на краю пропасти, лицом к долине, на которую начинал уже падать серебристый свет луны.

Может быть, он, как и дон Руперто, смотрел на какой-нибудь дом, связанный с воспоминаниями детства и из которого он был теперь изгнан. Он мечтал, может быть, о том дне, когда снова войдет в него. Но о чем он, конечно, не думал в ту минуту, это о близкой опасности, угрожавшей ему...

— Ах! — сказал себе Зорильо. — Как жаль, что у меня нет хорошего ножа.

Но в ту же секунду в его голове родилась адская мысль: он бросился на монаха и столкнул его вниз. Крик несчастного часового замер в пропасти, куда он и исчез навеки.

Глава XLVIII БЕГСТВО И ИЗМЕНА

— Он, наверное, умер, — сказал себе карлик, глядя вниз, — нельзя упасть с такой высоты, не сломав себе шеи.

Захотев, однако, убедиться в этом, он осторожно спустился в пропасть, где при свете луны увидел свою жертву, лежавшую без признаков жизни.

Нисколько не смутившись этим, карлик подошел к своей жертве, чтобы обыскать ее. Но денег при трупe не оказалось. Ружье было сломано, и только кинжал с серебряной рукояткой послужил добычей убийцы.

Захватив с собой эту ценную вещь, он поспешно направился к городу. Ему нужно было сделать важное сообщение и сделать это как можно скорее. Чтобы попасть в город, ему надо было пройти через Сан-Августин. Опасаясь все время погони и сетуя на лунную ночь, беглец достиг, наконец, одного из предместий селения.

Заметив аллею, по которой можно было пройти незаметно, он тотчас воспользовался ею. Идя вдоль нее близ ограды, он вдруг заметил человека, идущего ему навстречу. Зорильо, слыша уверенную походку подходившего, решил, что это полицейский, и, ухватившись своими длинными руками за ветви деревьев, влез на широкую ограду и притаился на ней. Человек, не заметив его, прошел мимо.

Карлик, считая себя вне опасности, собирался уже слезть снова на аллею, когда услышал вдруг звук голосов, нежных, как журчание ручейка, голоса слышались все ближе и яснее, и, наконец, показались и их обладательницы, озаренные лунным светом... При виде их карлик чуть не вскрикнул от удивления:

— Santissima, сеньориты той кареты!..

Карлик действительно находился в парке, прилегавшем к даче дона Игнацио, теплая лунная ночь выманила из дома Луизу Вальверде и графиню Альмонте, пожелавших пройтись по парку. Они шли медленными шагами, занятые все одной мыслью, от которой их не могли отвлечь ни напоенный арома-

том воздух, ни трели соловья.

— Удивительно, что о них ничего более не слышно! Как вы думаете, Изабелла, это хороший знак? — спросила Луиза.

— Это вовсе не так странно, как вам кажется. Все дороги охраняются, и, если бы они дали нам вести о себе, посланного бы задержали и на нас пали бы подозрения. Но Руперто слишком осторожен, чтобы так рисковать. По-моему, раз нет известий, то все, значит, благополучно. Если бы Руперто и Флоранс были пойманы, об этом бы уже знал весь город.

— Это правда, но все же хочется знать, где они теперь находятся.

— Этого и мне хочется! Не думаю, чтобы они укрылись в одном древнем монастыре, о котором писал мне Руперто. Это убежище теперь недостаточно безопасно. Скорее всего они в Акапулько, и если так, то мы можем быть совершенно спокойны относительно их.

— Почему, Изабелла?

— На этот вопрос я сейчас не могу ответить, но скорее вы все узнаете и будете так же довольны, как и ваш отец.

Дочь дона Игнацио была очень удивлена словами подруги, но, зная ее характер, не стала ее больше расспрашивать.

Графиня имела в виду брожение на юге и готовившееся восстание, которое должно было свергнуть диктатора, но она воздержалась от того, чтобы выдать этот секрет Луизе.

Подруги уже собирались кончить свою прогулку, когда вдруг обе остановились, вскричав:

— Santissima... Madre Dios!

— Что это? — спросила Луиза дрожа. — Здесь человек?..

Причиной тревоги был урод, притаившийся на стене.

— Не бойтесь, сеньориты, — сказал карлик, — моя наружность отвратительна, я знаю, но душа моя чиста... Разве вы не припомните, где меня видели?

Говоря это, он приподнялся, ярко освещенный луной. Подруги сейчас же узнали в нем того Епано[15], которого великан техасец втащил с собой на козлы.

— Сожалею, сеньориты, что вы меня не узнаете, — продолжал между тем карлик, — я ведь ваш друг или, по крайней мере, друг ваших друзей.

— О ком ты говоришь? — спросила графиня.

— О двух молодых людях, имевших несчастье быть вместе со мной в Аккордаде и работавших затем в грязи. Благодаря вашему экипажу нам удалось спастись и избежать преследования врагов.

— Всем четверым? — быстро спросили подруги.

— Да, но тяжелые дни, пережитые нами, заставили нас едва ли не пожалеть, что мы более не в тюрьме.

— Почему? Говори скорее, тебе нечего нас бояться.

— Могу ли опасаться? Я ведь пришел сюда от имени ваших друзей и ради их спасения.

— Говори же скорей, в чем дело?

— Меня послали, чтобы раздобыть хоть немного зерна. У нас ничего нет, мы умираем с голоду, ведь мы уже целый месяц живем в горах, питаясь лишь плодами и кореньями. Мы не решались спуститься, зная, что всюду расставле-

ны полиция и солдаты. Наконец дон Руперто, зная мою храбрость, решился послать меня в Сан-Августин за съестными припасами, я собирался войти в селение, но, увидав полицейского, испугался и влез на ограду. Не знаю, каким образом добуду провизию, придется просить милостыню, а ведь люди все такие черствые! А может быть, вы дадите мне немного денег на покупку?

— Луиза, есть у вас деньги? У меня почти ничего нет.

— Какая досада! У меня тоже ничего нет.

— Вместо денег, сеньорита, вы можете дать какую-нибудь вещь, а я променяю ее на деньги.

— Вот возьми! — вскричала графиня, подавая ему часы, это были те самые, которые были обещаны Хосе, последний предпочел им деньги.

— Возьми это — прибавила Луиза Вальверде, передавая ему и свои часы, которые он поспешно схватил.

— Как вы добры, сеньориты, — сказал он, пряча часы в карман. — Теперь мы на некоторое время обеспечены, хотя и ненадолго, так как мне придется продать вещи очень дешево.

Маленькие глазки уродца жадно смотрели на драгоценности: браслеты, кольца, серьги, блестящие при свете луны. Молодые девушки, боясь, что их возлюбленные могут нуждаться в самом необходимом, поспешно сняли с себя драгоценности и вложили в жадно протянутые руки карлика.

— *Mil gracias!*.. — вскричал тот, запихивая все в карман. — Как сеньоры дон Руперто и дон Флоранс будут счастливы, узнав, кто дал им возможность получить необходимое! Однако до свидания, сеньориты, мне пора уходить... — И соскочив с ограды, он поспешно исчез.

Его неожиданный уход озадачил девушек, надеявшихся узнать от него еще что-нибудь, касающееся интересующих их людей.

Глава XLIX

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Миновав Сан-Августин, большая дорога, примыкающая к Педрегалю, местами прерывается скалами из застывшей лавы, По другую ее сторону расстилается богатая растительностью долина, куда все владельцы вилл отправляют на пастбища свой скот.

В ту минуту, когда карлик покидал своих благодетельниц, в некотором расстоянии от деревни проходил человек, одетый в богатое купеческое платье. Взглянув на него, не трудно узнать Хосе, грума дона Игнацио. В руках у него было два недоуздка, предназначенных для двух лошадей, которые уже известны нам и которых ему пора было отвести в конюшню.

Подойдя к Педрегалю, около которого паслись лошади, кучер увидел на скале волка, подстерегавшего лошадей. Хосе, бросившись к нему, замахнулся недоуздкой, и зверь в испуге убежал.

Кучер в это время находился совершенно в тени. Собираясь выйти на дорогу, он увидел вдруг идущего по ней маленького уroda, в котором сейчас же признал одного из седоков кареты в тот незабвенный день.

Вместо того чтобы заговорить с ним, он спрятался за выступ. Зорильо, ставший держаться в тени, подойдя к пастбищу, остановился пораженный.

— О! — вскричал он, глядя на лошадей, хорошо освещенных луной. — Вот так везет! Сколько счастливых встреч!

В эту минуту раздался топот лошадей и на дороге показалась кавалерия, несшаяся прямо на него. Карлик, моментально взобравшись на скалу, притаился на ней.

Следя за эскадроном, он не заметил кучера, находившегося совсем близко от него. Хосе узнал в одном из офицеров эскадрона полковника Сантандера, который, несмотря на холодный прием, приезжал все же изредка навещать Луизу Вальверде.

— Сагаю! — вскричали офицеры, увидав перед собой уродливое существо, испугавшее их лошадей.

— Сам черт не может быть хуже этого урода! — воскликнул Сантандер, приказав ехать шагом.

— Нет, сеньор полковник, — ответил Зорильо, — я не черт, а бедное существо, обиженное природой, которое по этой причине не должно бы изгладиться из памяти вашего сиятельства.

— Уже не ты ли это был в Аккордаде, прикованный к техасцу великану?

— Да, сеньор полковник.

— Где же ты до сих пор был?

— Ах, ваше сиятельство, я для того и спешил сюда, чтобы все рассказать вам. Какое счастье, что я вас здесь встретил! Я страшно устал и ослабел, так как ничего не ел с тех пор, как покинул горы.

— Ты был в горах?

— Да, сеньор полковник, я был там, прячась с теми, кто удерживал меня насильно. Если вы желаете узнать все подробности, нам лучше поговорить без свидетелей. Есть вещи, которые никто из посторонних не должен слышать.

Сантандер был того же мнения. Повернувшись к офицеру, он передал ему

командование эскадром и отъехал в сторону.

Карлик подробно рассказал Сантандеру все, что с ним было с минуты бегства. Выслушав его, Сантандер приподнялся на стременах. Лицо его приняло гобедоносное выражение.

— Наконец-то! — вскричал он. — Теперь все козыри в моих руках, и враг от меня не уйдет!

Подумав минуту, он закричал офицеру, чтобы тот прислал ему двух солдат.

Когда они прискакали, он приказал им арестовать карлика и не спускать с него глаз.

Затем, присоединившись к эскадрону, он понесся вместе с ним обратно в город.

Глава L СЕРЖАНТ

Хосе, слышавший весь разговор Сантандера с карликом, очень встревожился, так как все эти разоблачения были небезопасны и для него. Полковник поспешил, вероятно, в город за подкреплением, чтобы в сопровождении карлика разыскать древний монастырь. Забыв в эту минуту о себе, Хосе хотел прежде всего рассказать сеньоритам все виденное и слышанное. Кроме того, у него явилось горячее желание предупредить беглецов об угрожавшей им опасности. Он прекрасно знал дорогу к старому монастырю, куда приносил уголь, когда был ребенком. Но как пройти мимо двух гусар, оставшихся стеречь карлика?

Спрятавшись за скалой, Хосе не мог быть замеченным ими, однако оставаться в том положении, в котором находился, он более не был в состоянии, особенно же услышав то, что говорили между собой солдаты.

Сержант казался очень не в духе. Сев на камень, он угрюмо проговорил:

— Какая скука сидеть и ждать здесь! А я-то надеялся провести эту ночь в Сан-Августине и поболтать с девчоночкой, служащей в том доме, где так часто бывает полковник.

— Ты говоришь о Пепите, горничной Луизы Вальверде?

— Да, о ней, я имею основание предполагать, что она ко мне не совсем равнодушна.

Услышав эти слова, Хосе едва удержался от того, чтобы не броситься на солдата...

— Я должен тебя разочаровать, — возразил другой солдат, — так как слышал, что Пепита отдала свое сердце одному из домашних слуг, кажется, кучеру. Они даже обручены.

Хосе облегченно вздохнул.

— Это ничего не значит! — вскричал сержант. — Конюх не может быть для меня серьезным соперником.

И, повернувшись затем к карлику, он принялся вымещать на нем злобу.

— Пощадите меня! — вскричал карлик. — Я вовсе не арестант и пришел по собственному желанию, чтобы переговорить с полковником. К тому же у меня нет ни малейшего желания ни убежать, ни помешать вашему свиданию с горничной. Мы в двух шагах от дома, где ваша приятельница, вероятно, уже ждет вас. Советую не обращать внимания на слова вашего товарища, который разо-

чаровывает вас из собственных интересов.

Эта шутка рассмешила солдат. Они принялись курить, чтобы убить время.

— Нет ли у тебя карт? — спросил сержант.

— Конечно, они всегда при мне, но достаточно ли светло для игры?

— Если мало будет лунного света, нам поможет свет наших сигар, мне уже случалось играть при таком освещении.

— Но на что же мы будем играть, у меня нет ни копейки!

— И у меня тоже, будем играть на слово. Впрочем, подождите!

И он повернулся к карлику, вопросительно взглянув на него. Зорильо, заметив это, невольно задрожал, предчувствуя, что ему придется расстаться с драгоценностями, наполнявшими его карманы.

Глава LI

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ И РЯД СЛУЧАЙНОСТЕЙ

— **М**ожет быть, — продолжал сержант, — у этого человечка есть деньги. Он, наверно, не откажет нам в маленьком займе, Что ты на это скажешь?

— У меня ничего нет.

— Он действительно не похож на богача, — сказал солдат, рассматривая лохмотья карлика.

— Если бы у меня были деньги, — продолжал карлик, — я бы вам их все отдал, но я расскажу вам, что со мной случилось, и вы, наверно, пожалеете меня. Я шел в Сан-Августин, чтобы переночевать там, когда на меня вдруг напали два бандита. Я защищался изо всех сил, но один из них потребовал у меня кошелек, угрожая кинжалом, и мне пришлось уступить.

Рассказывая это вымышленное приключение, карлик энергично жестикулировал, размахивая руками, чтобы показать, как он сражался с разбойниками.

Хосе, находившийся еще в углублении скалы, почувствовал вдруг, что на него посыпался целый град предметов, упавших к его ногам.

Зорильо нарочно размахивал руками, выбрасывая в это время драгоценности, которые могли его выдать.

— Ты говоришь, что они отняли у тебя все?

— Да, клянусь честью!

— Можешь не клясться, мы все равно тебя обыщем.

Карлик, зная, что карманы его были уже пусты, не протестовал. Сержант, не удовольствовавшись, однако, осмотром карманов, ощупал его всего и, почувствовав что-то твердое, вытащил из-под кушака кинжал с дорогой серебряной рукояткой.

— Откуда у тебя такое дорогое оружие? Это что-то подозрительно.

— Очень просто, я получил его в наследство.

— Так! Во всяком случае мы разыграем его в карты и увидим, кому достанется твое наследство.

Присев на край дороги, гусары принялись играть. Карлик, примостившись около них, следил, казалось, с интересом за игрой, хотя мысли его были далеко.

Хосе в это время придумывал способ уйти-незамеченным, как вдруг увидел

лежавшие у его ног часы, браслеты, кольцо. Улучив минуту, он собрал все драгоценности и осторожно вышел из-за скалы, в то время как солдаты и карлик были всецело поглощены игрой.

Перелезая со скалы на скалу, Хосе вскоре скрылся из виду. Когда он решился, наконец, взглянуть на драгоценности, наполнившие его карманы, он пришел в совершенное изумление.

— Что за черт! Возможно ли! Ведь это часы графини, те самые, которые она хотела мне отдать! Карлик, значит, украл их! Но как он достал браслет, кольца, серьги?

Зная, что карлик был способен на все, кучер забеспокоился. Он вспомнил, что, когда уходил, молодые девушки гуляли в парке. Неужели карлик зарезал их и затем обокрал? Хосе пустился со всех ног к дому, у которого встретил Пепиту.

Не успели Хосе и Пепита сделать несколько шагов, как услышали не только разговор, но и смех сеньорит. Как могли они быть веселы после совершенной у них кражи? Удивление слуг не превзошло, однако, удивления сеньорит при появлении Хосе, у которого в руках были их драгоценности.

Хосе поспешил рассказать им, как ему достались эти вещи, сообщив им обо измене карлика и его гнусных намерениях. Урод хотел привести Сантендера и гусар к монастырю, чтобы захватить беглецов.

— Что делать, Изабелла? — вскричала Луиза. — Как предупредить их об опасности?

— Я берусь за это, сеньориты, — отвечал Хосе таким уверенным тоном, что подруги невольно успокоились.

Рассказав им, что дорога к монастырю ему известна с детства, он поспешил отправиться в путь, не выслушав их возражений. Часы на башне Тлалпама не пробили еще полуночи, как Хосе уже подымался на гору, устремив взор к вершине Адхуско.

Глава LII

НЕТ БОЛЕЕ МОНАХОВ

Зорильо прекрасно сделал, покинув свою камеру ранее назначенного им себе срока. В трапезной в это время царило необычное оживление. Человек пятьдесят, собравшиеся там, были одеты уже не в рясы, а в военные мундиры. Тут же была приготовлена и вся остальная амуниция, по-видимому кавалерийская. Хотя лошадей в монастыре не было, но все «монахи» прекрасно знали, где они их найдут. К тому же время садиться на коней еще не настало.

Оставалось провести как можно веселее эту последнюю ночь в монастыре. Стол был заставлен яствами и винами, предназначенными к уничтожению.

Около полуночи Ривас, председательствовавший за столом, встал, собираясь говорить речь.

— Товарищи! — начал он. — Вы знаете, что в эту ночь мы покидаем монастырь, но не всем еще известно, куда мы направимся и что намереваемся предпринять. Я считаю своим долгом сообщить вам об этом: я получил сегодня письмо от моего старого друга, генерала Альвареса, который сообщает, что все повстанцы готовы и ожидают лишь нас, партизан, чтобы подать сигнал к восстанию. Я ответил с тем же посланием, что и мы готовы откликнуться на зов. Вы одобряете мой ответ?

— Одобряем! — ответили все в один голос.

— Я написал также генералу, что мы будем там, где он нам назначил. План его заключается в том, чтобы атаковать Оаксака и двинуться затем на столицу. Я все сказал, товарищи, и нам остается только отправиться за лошадьми. Место сбора по эту сторону уарды.

Все остались еще, однако, допивать вино, так как времени впереди было достаточно. Начались тосты, в которых немалую роль играли Керней и техасец. Крики: «Patria y libertad» не умолкали.

Во время этого невообразимого шума кто-то ворвался вдруг в комнату с криком:

— Измена!

— Измена? — повторили, как эхо, все пятьдесят человек, повернувшись к дворецкому, так как это был он.

— Что вы хотите сказать этим, Грегорио?

— Здесь есть человек, который расскажет вам все лучше меня.

— Кто же это?

— Человек, пришедший из Сан-Августина.

— Но как же он прошел мимо часового?

— Ах, капитан, спросите его самого.

По приказанию Риваса Грегорио ввел в комнату посланного.

— Кучер!.. — удивились про себя Керней и техасец.

Это был Хосе, весь запыхавшийся от скорой ходьбы по горам.

— Но как же вас пропустил часовой? Ведь пароль вам не известен?

— Пароля не понадобилось, так как часовой лежит мертвый на дне пропасти.

— Кто нам изменил? Кто убил его?..

— Карлик Зорильо, — ответил Хосе к общему изумлению.

Тогда со всех сторон поднялись крики о мщении.

Ривас и Керней отошли с Хосе в сторону, где кучер рассказал им все виденное и слышанное. В заключение он сообщил, что дон Игнацио с дочерью и графиней находятся в настоящее время на даче около Сан-Августина.

В это время большинство партизан покинули столовую. Некоторые пошли осмотреть келью карлика, где валявшаяся на полу пила и висящая из окна цепь подтвердили совершенное им преступление. В столовую партизаны вернулись лишь после того, как их убитый товарищ был извлечен из пропасти и похоронен в могиле, вырытой их собственными руками.

Глава LIII

ОДНИ ТОЛЬКО ПУСТЫЕ БУТЫЛКИ

В то время, как партизаны хоронили своего несчастного товарища, из Мексико выступили два эскадрона гусар с Сантандером во главе.

Подъехав к тому месту, где он оставил карлика на попечении конвойных, полковник приказал взять его с собой на лошадь. Затем кавалерия понеслась через Сан-Августин.

В расстоянии версты от Сан-Августина дорога стала такой тяжелой, что гусары принуждены были сойти с лошадей. Карлик, шедший впереди, был похож скорее на четвероногое, чем на человека, так как полз на четвереньках. Вдруг он начал дрожать: дойдя до обрыва, он увидел, что убитый им монах исчез!

Очевидно, монахи нашли его и унесли, теперь можно было уже опасаться всего. Сантандер, казавшийся храбрым только с виду, стал колебаться и хотел остановить карлика, прекратив наступление. Но офицер, наблюдавший за Зорильо, так энергично подгонял его, что полковник не счел возможным командовать отступление.

Никакой враг, однако, не угрожал им. Не встретив ни часового, ни патруля, они беспрепятственно подошли к монастырю. Солдаты оцепили его кругом, но на требование сдаться не последовало ответа. Не лучший результат получен был и после ружейного выстрела. Эта мертвая тишина ясно доказывала, что в монастыре никого не было... Тогда полковник решил войти в монастырь в сопровождении дюжины солдат. В трапезной все носило следы недавнего пребывания людей, бутылки на столе были так же пусты, как сам монастырь.

Разочарование, испытанное солдатами при виде пустых бутылок, было все же не так сильно, как разочарование полковника, снова упустившего своих врагов.

Зорильо, однако, не счел себя побежденным, наклонившись к уху полковника, он прошептал ему несколько слов, от которых лицо Сантандера просияло. Подозвав майора, он сказал ему:

— Еще несколько верст — и мы, надеюсь, найдем гнездо, которое не окажется пустым.

Затем, прищпорив лошадь, он понесся вперед, скомандовав:

— В карьер!

Глава LIV ПЕРИПЕТИИ

Утренняя заря уже окрасила вершины Кордильер, когда гусары снова проскакали через Сан-Августин. Люди, шедшие к обедне, не могли понять, откуда возвращалась кавалерия в такой ранний час. Обитательницы виллы, мимо которых гусарам пришлось снова проехать, вглядывались с необычайной тревогой в ряды солдат, но ничто не изменилось, ни одного человека не прибавилось и не убавилось.

— Не права была я, говоря вам, что не надо беспокоиться? — вскричала графиня. — Я была уверена, что если их предупредят вовремя, то нам нечего будет за них бояться.

Они теперь уже знали, как обстоит дело, так как посланный вернулся, принеся с собой два письма: одно на имя Луизы, другое на имя графини Альмонте. Это было первое послание Кернея к своей возлюбленной, полное страстной любви, послание, которое он заканчивал словами, что если умрет, то с именем Луизы на устах.

Письмо к Изабелле было совсем в другом роде. Руперто писал ей как жених, уверенный в ее чувстве, относясь к ней как к самому близкому другу. Он говорил ей о поднимающемся восстании, о готовящемся нападении на Оаксакка, о надеждах на успех и, сообщая ей, где должен был находиться на следующий день, высказывал тревогу о ней и Луизе.

Какая опасность могла угрожать им?..

Дон Игнацио уже давно уехал в город. Оставшись одни, подруги, сильно встревоженные, не могли найти себе места. Но им недолго пришлось предаваться одиночеству. Часов около восьми появился Сантандер. Въехав верхом в сопровождении солдат прямо во двор, он обратился к девушкам:

— Сеньориты, вы удивлены моим бесцеремонным появлением в такой неурочный час. Мне самому, поверьте, очень жаль, что я принужден так поступать!

— В чем дело, полковник? — спросила графиня хладнокровно.

— Я обязан арестовать вас и вашу подругу. Мне это крайне тяжело, но долг прежде всего.

— Понимаю, — ответила графиня, — вам должно быть тяжело исполнять подобный долг, входящий обыкновенно в обязанность полицейских!

Оскорбленный этим замечанием, Сантандер ответил пренебрежительно:

— Благодарю, графиня, за любезное замечание, но это не мешает мне арестовать вас и сеньориту Вальверде.

Графиня даже не удостоила его ответом. Гордо взглянув на него, она повернулась к нему спиной и ушла. С таким же гордым, хотя и менее презрительным, видом вышла за нею и Луиза. Обеим было разрешено вернуться в свои комнаты, в то время как полковник принимал необходимые меры. Первой из них было окружение дома солдатами, и минут через десять дом дона Игнацио походил на казармы с часовым у каждой двери.

Глава LV УЗНИЦЫ

В ту минуту, когда девушки уже были арестованы, но дом еще не был окружен солдатами, Хосе, бывший свидетелем всего происходившего, стремительно побежал в парк. Он перелез через ограду и поспешил к указанному ему графиней месту.

Он взбирался на гору так скоро, как только мог, ни разу не оглянувшись и не замечая следившего за ним карлика, который, видя, как кучер лез через ограду, решил проследить за ним, чтобы сообщить потом обо всем Сантандеру, от которого надеялся получить щедрую награду.

Пройдя верст пять, он вдруг потерял Хосе из виду, однако продолжал идти, заметив вдалеке костер, озарявший ярким светом людей, лошадей, оружие.

Не подходя к ним близко, но успев, однако, разглядеть фигуру великана те-хасца, он поспешил обратно в Тлалпам с доносом Сантандеру.

В ожидании его возвращения вернемся к дому дона Игнацио. Обе узницы, сидя в своих комнатах, смотрели в окно на поставленного в саду часового.

Пепита, которая была допущена к своей госпоже, рассказала ей об исчезновении Хосе, на которого все они возлагали большие надежды. Немного успокоенные этим известием, они скоро начали опять тревожиться, так как приближалась ночь, а положение их не изменялось. Наконец, около полуночи Пепита снова появилась, но на этот раз с печальным известием об аресте дона Игнацио солдатами Сантандера.

Луиза надеявшаяся, что с возвращением отца все изменится, потеряла последнюю надежду на спасение. Дон Игнацио, несмотря на то что он министр, будет посажен в тюрьму!

Подойдя к полуоткрытым дверям, подруги увидели экипаж, в котором возвратился дон Игнацио. Но почему же лошади повернуты опять головами по направлению к городу, а по бокам экипажа стоят гусары?

— Сеньориты! Карета готова... Мне приказано везти вас немедленно, — сказал вошедший солдат.

Луиза и графиня, видя, что приходится повиноваться, вышли во двор, сопровождаемые солдатами. Среди офицеров, находившихся около экипажа, выделялся полковник Сантандер, тотчас же подскакавший к девушкам.

— Прошу извинения, — сказал он насмешливо-любезным тоном, — что приходится потревожить вас в такой поздний час. Впрочем, путешествие не будет продолжительно, а вы не будете одни.

Не получая ответа, страшно обозленный высказываемым ему презрением, он произнес, обращаясь к бригадиру:

— Кабо, посадите дам в карету!

Луиза Вальверде увидела только тогда своего отца, сидевшего в экипаже, бледного и расстроенного. Бросившись к нему на шею, она вскричала:

— Отец! Вы здесь... арестованы!..

— Да, amigo mío, но садись и не дрожи так. Провидение защитит нас, если люди нас покинут!

Когда обе девушки сели, дверцы с шумом захлопнулись. Пепита, не хотевшая расстаться со своей госпожой, вскочила на козлы, сев рядом с солдатом,

исполнявшим в первый раз в жизни обязанности кучера.

Не успел, однако, экипаж отъехать, как испуганные лошади, заржав, встали на дыбы: они испугались карлика, загородившего дорогу и спрашивавшего запыхавшимся голосом, где полковник:

— Здесь! — вскричал Сантандер. — Говори, в чем дело?

— Враги, сеньор полковник, враги!.. Я видел издали их бивуак, теперь они уже близко, слышите?

Невдалеке слышался действительно лошадиный топот и крики: «Patria у Libertad!» и «Смерть тиранам!» Через минуту партизаны налетели на гусар, предводитель их скомандовал громовым голосом: «Сдавайтесь!»

Гусары окружили растерявшегося полковника, у которого сабля так дрожала в руке, что готова была из нее выпасть. В ту же минуту кто-то закричал ему, размахивая саблей:

— Карлос Сантандер, ваш час настал! — Это говорил Керней. — На этот раз вы не уйдете от меня, но я не хочу быть убийцей, защищайтесь!

— Как бы не так! — вскричал Крис Рок. — Без панциря-то он никогда на это не решится.

Тогда из кареты послышался голос Луизы Вальверде:

— Оставьте его, дон Флоранс, он недостоин вашей шпаги!

— Хорошо сказано! — заметил техасец. — Но, хотя он недостоин и свинца моего револьвера, я все же угощу его им.

При этих словах раздался выстрел, и Сантандер упал мертвым.

Однако техасец еще не окончил своего мщения. Увидя издали карлика, он подъехал к нему, поднял его одной рукой повыше и бросил на землю с такой силой, что череп уroda разбился, как кокосовый орех.

— Мне самому противна моя жестокость, — сказал техасец Кернею, — но я, кажется, хорошо сделал, избавив мир от такого создания.

Керней, однако, был в это время занят совсем другим. Он держал руки Луизы в своих, обменивался с нею нежными словами и... еще более нежными поцелуями. Немного в стороне графиня и дон Руперто казались не менее счастливыми...

Однако нельзя было медлить. Гусары ускакали по направлению Сан-Ангела и Чапультепека за подкреплением.

Вскоре, действительно, довольно большой отряд прибыл в Тлалпам. Но он уже никого не нашел на вилле дона Игнацио: господа, прислуга, экипажи — все исчезло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Месяц спустя маленькая шхуна плыла мимо оаксакского берега, направляясь к Рио-Текояма, впадающей в Тихий океан около западной границы этого штата.

На возвышенности у самого устья реки стояли человек двадцать, среди которых видны только три женщины, одна из них горничная. Это были графиня Альмонте, Луиза Вальверде и преданная Пепита.

Из мужчин шестеро знакомы читателю: дон Игнацио, Керней, Крис Рок, Ривас, Хосе и дворецкий прежнего «монастыря». Большинство остальных были тоже партизаны, но в настоящее время представляли собой лишь остатки рассеянного отряда.

Как же это случилось? В последний описанный нами день казалось, что настало время торжества партизан. Оно так бы и было, если бы не произошло измены, помешавшей восстанию. Диктатор, уведомленный об их замыслах, успел послать достаточное количество войск, чтобы подавить восстание.

Только благодаря счастливой случайности министр и окружавшие его очутились на берегу Тихого океана. Альварес, предводитель повстанцев, сумел не возбудить против себя подозрений во время восстания и обещал теперь прислать беглецам судно, на котором они могли бы покинуть страну. Это-го-то и ждали партизаны, глядя с таким напряжением вдаль. Наконец Ривас воскликнул:

— Шхуна!

Как счастливы были ожидающие, когда шхуна, наконец, подошла к берегу. Три дня спустя они уже были в Панамском порту. Прибыв в Чангрес, они пересели на другое судно, доставившее их в место, безопасное от тирании мексиканского диктатора.

Дон Игнацио возвратился в свой прежний дом в Новом Орлеане, он снова стал изгнанником, лишенным имущества, то же было и с графиней Альмонте.

Но они не теряли надежду на то, что при перемене правления изменится и их положение.

И они не ошиблись. Восстание было, наконец, доведено до конца. Девиз «Patria y Libertad!» восторжествовал над диктатором, принужденным бежать за границу. Наши знакомые, понятно, не остались безучастными к событиям. Когда звон мечей затих и борьба прекратилась, произошло одно мирное событие, которое мы не можем обойти молчанием. Оно совершилось в большом соборе Мехико при звоне колоколов и звуках органа. У алтаря стояли три пары, ожидавшие венчания: дон Руперто Ривас с графиней Альмонте, Флоранс Керней с Луизой Вальверде и Хосе с Пепитой!

Все были счастливы, в том числе и свидетель бракосочетания Крис рок.

БЕЗ ПОЩАДЫ!

исторический роман

ПРОЛОГ

Во всей истории Англии нет таких светлых и славных страниц, как те, на которые занесен период между 1640 и 1650 годами. Это значительное десятилетие началось с созыва так называемого «Долгого» парламента. Просмотрите летописи всех древних и современных народов, и вы не найдете в этих летописях описания собрания, где заседало бы столько истинных государственных деятелей, как в Долгом парламенте. Мужественные, чистые и прямодушные, эти избранники были неустрашимы в исполнении своих тяжелых, опасных и ответственных обязанностей. Они не дрогнули даже перед печальной необходимостью уличить главного изменника своей стране и положить его венценосную голову на плаху. Со стойкою совестью и непоколебимою верою в свою конституцию эти люди сделали Англии такую честь, которая особенным блеском озарила ее государственный герб и прикрыла собою много позорных деяний прежних дней этой страны, заставив забыть их.

* * *

— Будьте ж, наконец, королем.

— А разве я не король?

— Да, но только по имени. О, будь я мужчиной и находишься на вашем месте...

— Что же бы вы тогда сделали?

— Я? Да сразу привила бы вашим грубым островитянам вкус к обаянию королевской власти, — той власти, которая существует у нас, во Франции. Мой брат никогда не позволил бы так унижать себя, как вы... Ведь это ужас, до чего вы дошли!

— Ах, моя дорогая, вы забываете, что у вашего брата совсем другие подданные! Во Франции еще не додумались до крика о разных «правах» и «свободах». Здесь же, в Англии, всех сводит с ума «Великая Хартия», которую они вбили себе в головы.

— О, я сумела бы выбить из их голов эту глупую хартию или же... снесла бы эти головы с плеч! Я царствовала бы как настоящий король или же отреклась бы... Нет, это вздор! Отрекаться я не стала бы, а скорее опустошила бы всю страну мечом и огнем... превратила бы ее в мертвую пустыню!

Так говорила своему супругу, королю Карлу I, Генриетта Французская. Эта беседа происходила в одном из садов Уайт-гольского дворца, на террасе, с которой видна была Темза. Был прекрасный летний вечер. Супруги прогуливались взад и вперед по длинной террасе. Когда они на одном из поворотов очутились напротив Вестминстерского дворца, глаза королевы вспыхнули новым огнем и она возбужденно добавила:

— Неужели я допустила бы, чтобы мною распоряжался какой-то дикий парламент! чтобы я дала всякому сброду такую волю!

— Так что же мне делать, по-вашему, Генриетта? — тихо спросил король.

— Как что? Само собою разумеется, распустить это сборище... отправить всех этих нахальных болтунов обратно к их конституционным выборщикам, и пусть они там болтают о чем хотят и сколько хватит у них сил. Разгоните парламент и управляйте без него, как делали до сих пор. Вот и все.

— Но в таком случае мы останемся без денег, в которых у нас такая большая нужда. Мои подданные отказываются платить налоги, назначение которых для них темно. Я не могу более делать новые займы или продавать монополии.

Уверяю вас, в настоящее время невозможно добиться ни малейшего добавочного дохода, не разрешенного и не утвержденного этим сбродом, как вы назвали парламент.

— Так заставьте этот сброд дать вам разрешение.

— Как же это я «заставлю», дорогая?

— Нет ничего проще: прикажите схватить десяток-другой этих несносных крикунов и посадить в Тауэр, на попечение сэра Томаса Ленсфорда. Он живо отучит их от мятежных повадок.

— Это может стоить мне моей короны.

— Ну, если она не стоит большого, то вам лучше расстаться с нею. Швырните ее в Темзу или расплавьте и продайте на вес золотых дел мастерам в Ледгет-Стрите... Как вам не стыдно, Шарль! Вы толкуете о королевских правах, но не пользуетесь ими... боитесь.

— Мои подданные толкуют о своих правах.

— Да, и вы их поощряете своей робостью. На коленях вымаливаете у них то, что вам следует, как королю, да, именно вымаливаете, вместо того, чтобы требовать и властно настаивать на своих требованиях. Хороши у вас «подданные». Это ваши господа, а не подданные. Но я все-таки сумела бы научить их повиновению... Для чего же они и существуют, как не для обслуживания наших нужд и удовольствия.

Слова эти были вполне достойны потомка Медичи: таковы были чувства королевы, жившей два с половиною века тому назад. Впрочем, не так велика разница между чувствами и речами коронованных лиц тех дней и некоторых

из нынешних. Лишь немногие из них предпочтут отказаться от короны или поступиться хоть одною йотою своих так называемых «прерогатив», чем продолжать спокойно сидеть на троне и смотреть, как предаются на убой их подданные и как разоряются целые цветущие области. Да и не может быть иначе. Окруженные низкими льстивыми людьми, коленопреклоненными, с низко опущенными головами и медоточивыми языками, воспевающими хвалу, видя вокруг себя не людей, а лишь человекообразные существа, поклоняющиеся им, как божеству, — могут ли они относиться ко всему иначе? И не удивительно, что эта гордая, избалованная женщина, с самой колыбели привыкшая к рабскому повиновению всем своим желанием, серьезно считала себя вправе требовать такого повиновения.

— Их права! Какие же могут быть у них права?! — с сатирическим смехом продолжала Генриетта, немного помолчав. — Какую глупость вбили они себе в свои саксонские черепа... Эх, побыть бы мне на вашем месте только один месяц... даже одну неделю, я с корнями вырвала бы всю эту глупость и растоптала бы ее ногами!

И как бы в подтверждение своих слов, она несколько раз топнула ножками по террасе. А ножки у нее были очень красивые, да и сама она, эта дочь Медици, была довольно еще пикантная женщина, несмотря на то что уже перешла за черту первой молодости. И хотя она была такая же честолюбивая, как знаменитая Катерина, «эта мать целого рода королей», и такая же явно развращенная интриганка, как та, Карл все-таки любил ее. Быть может, в особенности по этой последней причине он и любил жену: ведь крик кукушки одинаково разжигает и любовную страсть и ревность. Он любил жену с нежностью, доходившею до безумия, готов был сделать все, что она прикажет, вплоть до убийства. И она подстрекала его на одно простое убийство: она заставляла его душить, топтать ногами свободу целой страны, какой бы крови это ни стоило.

Карл охотно последовал бы дурным советам своей жены, если бы только видел, что они могут повести к успеху. Некоторые до сих пор еще уверяют, что у Карла I характер был мягкий, наперекор тому неопровержимому факту, что Карл искренне радовался резне протестантов в Ирландии. Умалчиваем о многих других доказательствах бесчеловечности этого так называемого «короля-мученика». Правда, пожалуй, он не был ни Нероном, ни Тибо и относился очень любезно к своим фаворитам и приближенным, но не стеснялся, однако, жертвовать и ими, когда ему это казалось необходимым для собственной безопасности.

За свою верность и преданность жене Карл был прозван «королем-мучеником», и мы не отнимаем у него этого прозвища, но не можем не отметить, что в его любви к ней во всяком случае была известная доля страха. Ему хорошо было известно о скандальных отношениях ее матери, Марии Французской, к Ришелье и к убитому Букингеми; он знал, что эта королева-мать отравила своего супруга — такого же короля, как он сам, — в преждевременную могилу посредством «чаши с холодной отравой». И часто, когда черные итальянские глаза ее дочери обдавали Карла пламенем негодования, он страдал от тайной боязни, как бы Генриетта в один прекрасный день не вздумала сделать с ним то же самое, что сделала ее мать с злополучным французским монархом. Ведь и она по крови принадлежала стране, где всегда можно было ожидать подобной опасности. Лукреция Борджиа и Тофана были не единственными велики-

ми отравительницами, рожденными Италией.

— Если вы не заботитесь о самом себе, то подумайте хоть о ваших детях, — упорно твердила свое Генриетта. — Позаботьтесь о своем наследнике. Вот он.

Она кивнула головой на роскошно одетого мальчика лет десяти — двенадцати, вдруг показавшегося в конце террасы. Это был тот самый мальчик, который двадцать лет спустя, прикрываясь безобидным прозвищем «веселого короля», был причиной безысходного горя во многих семействах, покрыл позором английский герб, отличился деяниями, равных которым мало даже и во французских летописях.

— Бедняжка! — вскричала Генриетта, перебирая своими белыми пальцами, униженными кольцами и сверкавшими радужным сиянием драгоценных камней, кудрявые волосы подбежавшего к ней ребенка. — Твой отец хочет лишить тебя твоих прав... сделать королем с ничего не стоящею короною.

«Бедняжка» мило улыбался матери в ответ на ее ласки и хмуро косился на отца. Как ни был он еще мал, но отлично понимал намеки матери и всецело был на ее стороне. Она успела крепко внедрить в его детский ум свои идеи о «божественном» происхождении королевских прав.

— Полно, дорогая! — сказал король, стараясь скрыть закипавшее в нем раздражение, вызванное, быть может, напоминанием о будущем преемнике. — Если бы я последовал вашим советам, то действительно рисковал бы оставить его совсем без короны.

— Так и оставьте! — отрезала королева, но тут же перешла на деланно равнодушный тон и добавила: — Право, не стесняйтесь. Пусть лучше мой сын будет простым земледельцем, чем принцем, которому вы открываете жалкую перспективу носить лишь призрачную корону...

— Государь, граф Страффорд просит аудиенции вашего величества, — доложил молодой человек в одежде придворного, только что подошедший со стороны дворца и низко, по-придворному, склонившийся перед королем.

Этот юноша был очень красив, и когда королева обратила на него свой мрачный взгляд, ее настроение сразу смягчилось.

— Кажется, я теперь буду лишняя, — сказала она, как всегда пересыпая свою английскую речь французскими словами. — Юстес, несите за мною в мой будуар вот это, — обратилась она к юноше с одной из своих самых обольстительных улыбок.

Паж с поклоном взял из ее рук довольно объемистый портфель с гравюрами, который она взяла было сама.

Неизвестно, заметил ли король улыбку, которою королева озарила юношу, или нет, но он с несвойственной ему резкостью остановил ее:

— Я бы желал, чтобы вы остались, Генриетта.

— С удовольствием, — ответила она, хотя выражение ее лица говорило другое. — И Шарлю оставаться? — спросила она.

— Нет. Он может уйти... Тревор, попросите сюда лорда Страффорда.

Юстес Тревор, как звали молодого красавца, отвесил новый низкий поклон, взял за руку принца и удалился с ним.

— Я желаю, чтобы вы слышали мнение Страффорда относительно вопроса, который мы с вами сейчас обсуждали, — пояснил король жене.

— Этого желаю и я, — ответила она многозначительным тоном. — Если вы не хотите слушать меня, слабую женщину, то, надеюсь, послушаете... сильно-

го мужчине.

Карл отлично отметил про себя подчеркивание женою ее последнего слова. Но и без подчеркивания это слово достаточно ясно намекало, что Карл был лишен того качества, которым так гордятся мужчины и которому так поклоняются женщины. Она чуть не назвала его прямо в лицо трусом!

К сожалению, королю не было времени защитить себя от этого косвенного обвинения, да еще сомнительно, решился ли бы он это сделать. Увидев подходящего лорда, Карл молча проглотил обиду и, придав своему лицу выражение полного спокойствия, стал готовиться к беседе с новым лицом.

Лорд Страффорд подходил к королевской чете с фамильярной небрежностью «своего». Королева прельщала и его своими улыбками, и он вполне был уверен в ее расположении к нему; более того: он знал, что она властвует над королем. И он ласкал ее слух такой же лестью, какою кадил перед королевою более поздних времен другой ловкий министр Уэнтворт. В одном только этом и выразилось сходство этих двух министров, во всем остальном так же различных между собою, как, например, Гиперион с Сатиром. Многие недостатки Уэнтворта покрывались достоинствами; во всяком случае этот человек обладал мужеством и был тем, что называется джентльменом.

— Вы кстати пожаловали, милорд, — сказала Генриетта Страффорду, когда он поцеловал ей руку. — Нам хотелось бы знать ваше мнение. Я советую королю или распустить парламент, или принять меры к обузданию этого собрания. Скажите, милорд, как смотрите вы на этот вопрос?

— Я вполне разделяю мнение вашего величества, — с поклоном заявил министр. — Разумеется, по отношению к этим мятежным болтунам полумеры совершенно непригодны. Среди них есть дюжина голов, которые так и просятся с плеч.

— То же самое говорю и я! — с торжеством подхватила королева. — Вы слышите, супруг мой?

Карл молча кивнул головой, выжидая, что скажет далее министр.

— В самом деле, государь, — продолжал Страффорд, — если вы не дадите отпора, вас скоро лишат всех ваших прерогатив, оставят вам одни обломки королевской власти.

— О, Боже мой!.. Что же будет с нашими бедными детьми? — плакалась королева, ломая руки.

— Я прямо из палаты, — продолжал лорд. — От одних речей, которые там льются целым потоком, можно прийти в отчаяние. Послушать Гэмпдена, Хезельрига, Вэна, сэра Роберта Гарлея и других им подобных, — так можно подумать, что в Англии уже и нет короля, а управляют страной они...

— Слышите, супруг мой, не то же ли самое говорю и я? — настаивала королева.

— Неужели это верно, Страффорд? — возбужденно спросил Карл. — Вы можете подтвердить это?

— С позволения вашего величества, могу, — ответил министр.

— О, так клянусь славой Божией, что я заговорю с ними совсем по-другому!.. Я докажу им, что король в Англии еще существует... такой король, который с этого времени будет управлять, как подобает королям: самодержавно и неограниченно!

Все более и более волнуясь, Карл почти выкрикнул последние слова.

— Благодарю вас, мой друг, — шепнула королева министру, пользуясь тем, что король отвернулся. — Теперь он наверное предпримет что-нибудь решительное.

Глаза и улыбка Генриетты подтверждали ее признательность ловкому министру.

Придворный доложил королю о новом лице, также просившем аудиенции, — о пресловутом архиепископе Лоде. Карл велел допустить и его.

Немного спустя на террасу стал подниматься своим тихим, скользящим шагом этот медоточивый князь церкви. Его лицемерное смирение являлось резкой противоположностью гордой, самоуверенной осанке лорда Страффорда. Приближаясь к королю, он постарался придать своему грубому лицу, свидетельствовавшему о его низком происхождении и низменной натуре, по возможности кроткое и благодушное выражение. На его скромно поджатых губах играла такая мягкая улыбка, точно они никогда не произносили ни одной лжи, а сам он никогда не совершал ничего позорного.

Он был таким же министром, как Страффорд, поэтому для него не было тайн ни придворных, ни государственных, и его пригласили принять участие в интимном совещании и в составлявшемся заговоре. Он также был на стороне королевы и уже не раз обсуждал с нею поднятый и ныне вопрос.

Но Страффорду не удалось развернуть перед своими слушателями полную схему той жестокой затеи, которая, по всей вероятности, была начертана в Риме. Как всегда по вечерам, к королеве Генриетте, любившей повеселиться, стало собираться многолюдное общество и на этом интересное совещание прекратилось.

Вскоре дворцовый сад расцветился пышными нарядами дам и кавалеров из представителей высшего дворянства, еще державшегося короля. Мало-помалу составилось, однако, очень смешанное общество, как в социальном, так и в моральном значении, — смешанное даже до карикатурности. Франкоитальянская королева, хотя и очень носилась со своими великими идеями о «божественных» правах и прерогативах, но была не прочь и поступиться ими, когда они не мешали ей веселиться. Она могла играть в равенство в таких случаях, когда этого требовали ее интересы.

Как раз такой случай теперь и представился. Падающая популярность короля требовала поддержки всех классов, сторон и партий, высоких и низких, дурных и хороших. Поэтому на вечернем гулянье в саду королевы носители таких громких имен, как, например, Гарри Джермайн, Гертфорд, Дигби, Конингсби, Скюдамор, шли бок о бок с людьми низкого происхождения и более низких свойств, вроде Ленсфорда, впоследствии заслужившего прозвище «кровавого», и заведомого разбойника Дэвида Гайда. Среди женского элемента замечалась такая же смесь, в том смысле, что почтенным дамам, известным своей щепетильностью в выборе знакомств и строгостью нравов, приходилось сталкиваться на равной ноге с героинями театральных подмостков и «профессиональными красотками». Положим, многие из этих красоток тоже принадлежали к знатному дворянству, роняя его достоинство своей распущенностью.

По обыкновению, Генриетта находила любезное слово и улыбку для всех, кто к ней приближался, хотя и более сладкие для мужчин, нежели для женщин, а самые сладкие для молодых и красивых мужчин. Впрочем, и между са-

мою золотую молодежью она делала известное различие. Красавец Гарри Джер-майн, до этого времени состоявший в главных фаворитах и всегда в полной мере пользовавшийся знаками благоволения королевы, теперь имел полное основание считать свою звезду померкшей. Взоры Генриетты то и дело обращались в сторону более молодого и более красивого Юстеса Тревора и каждый раз вспыхивали хорошо знакомым фавориту огнем.

Юстес, состоявший в должности докладчика о высокопоставленных лицах, искавших аудиенции, освободился от своих дневных обязанностей и также участвовал в вечернем гулянье в королевском саду. Сын уэльского рыцаря, он вел свой род прямо от короля Каратака, но не превозносился и не страдал ни самомнительностью, ни тщеславием. Всего менее Юстес думал о своей наружности. Кажется, он даже и не сознавал своей красоты, хотя она бросалась в глаза другим. Вполне равнодушно относился он и к благосклонности, выражаемой ему королевою, на горе прежних фаворитов. Нельзя сказать, чтобы это равнодушие проистекало из холодного темперамента или из бесстрастной натуры, — нет, но не Генриетте Медичи, хотя и королеве и все еще прекрасной женщине, было пробудить в сердце юноши первую страсть. До этого дня он даже не знал и любви. Помещенный ко двору на официальную должность, он думал лишь о том, чтобы как можно добросовестнее исполнять свою службу.

На поверхностный взгляд собравшееся вокруг королевской четы пестрое общество казалось веселым и радостным, хотя у многих в сердцах кипели жгучие чувства зависти, ревности, ненависти и глубоких разочарований. Из уст в уста тайком передавался слух, что король решил вернуться к своим прежним способам действий и даже — что для многих было совершенною неожиданностью — намерен энергично выступить против того, что называлось «агрессивною политикою» парламента. Разумеется, это было на руку всем приближенным к трону, презиравшим народ. Там и сям составлялись группы служилых и неслужилых дворян, которые с едва скрываемым ликованием поздравляли друг друга с мелькавшей перед ними радужною надеждою на прекрасное для них будущее. Эта надежда рисовала им возможность по-прежнему продолжать расхищение народного достояния: вводить новые налоги, делать займы для «секретных» нужд, торговать монополиями и вообще всячески обогащаться за счет народа.

Но вдруг среди этой общей радости разразилось нечто вроде оглушительного громового удара с безоблачного неба и ввергло всех в ужас и смятение. Этот удар явился в лице человека, облеченного в официальный наряд пристава палаты лордов. Этот человек скорее требовал, чем просил себе аудиенции у короля, и король не мог отказать ему.

Введенный в аудиенц-зал, куда поспешил и король, пристав вручил Карлу документ, при чтении которого король побледнел и задрожал. Этот документ оказался только что подписанным обеими палатами постановлением приговора, объявлявшего виновным в государственной измене Томаса Уэнтворта, графа Страффорда.

Вернувшись в сад, король сообщил своим приближенным о доложенном ему постановлении парламента. Менее всех был поражен этим известием сам Страффорд. Закоренелый в грехах, этот человек был одарен редким мужеством, и до последней минуты своей жизни, даже когда клал на плаху голову, не менял своей гордой величавой осанки. Этой минуты ему недолго остава-

лось ждать: малодушный монарх так же хладнокровно подписал его смертный приговор, как простое заемное обязательство.

Более всех ужаснулся парламентскому постановлению архиепископ Лод. Для него окончательно был испорчен вечер в королевском саду. Его кроткая улыбка и медоточивая речь сразу исчезли. Бледный и хмурый бродил он между придворными, словно парламентское постановление принесло осуждение ему самому. Впрочем, дурное предчувствие, что теперь кончились и его счастливые дни, не обмануло этого развращенного представителя церкви.

Правдивый парламент умел не только обвинять, но и достойно наказывать обманщиков народа; он умел поддерживать и свое достоинство и честь, что и доказал в том, например, случае, когда король, подстрекаемый колкими насмешками жены, явился в парламент в сопровождении целой толпы забияк. Однако это вторжение, сделанное с намерением арестовать самых выдающихся английских патриотов, не имело успеха. Не видя на всех скамьях палаты ничего, кроме голов в шляпах и грозно нахмуренных лиц и не слыша ничего, кроме единодушного крика: «Долой привилегии!» — король, подавленный и сокрушенный, поспешил удалиться вместе со всеми своими спутниками.

Глава I ССОРА

— Кто не республиканец, тот должен обладать дурною головою или дурным сердцем.

Слова эти были произнесены всадником в возрасте лет за тридцать, с красивым и благородным, но сильно загорелым и обветренным лицом, с черными, слегка посеребренными сединою волосами и орлиными глазами. Он был в гладкой серой суконной куртке с широким отложным кружевным воротником, в черной поярковой шляпе с высокой тульей и небрежно воткнутым спереди петушиным пером и в высоких сапогах из буйволовой кожи. Сбоку у него была шпага. В те тревожные дни никто не отваживался отправляться в путь без какого-нибудь орудия, и не по этой шпаге можно было принять всадника за военного, а лишь по всему его виду, изобличавшему в нем лихого кавалериста.

Судя по его словам, он мог быть пуританином, но эти «круглоголовые», как известно, носили коротко стриженные волосы, у незнакомца же густые шелковистые волосы вились по плечам, да и красивые, холеные усы не были «пуританскими». Не вязалось с пуританством и «легкомысленное» петушиное перо. Наружность была «роялистская»; только одни его слова отзывали пуританством.

Что же касается человека, к которому были обращены слова всадника, то насчет его принадлежности к роялистам нельзя было и сомневаться: это ясно выражалось во всей его особе, в одежде и в манере себя держать.

Совсем еще юноша, лет всего около двадцати, этот второй незнакомец — также всадник — был в роскошном шелковом кафтане цвета старого золота, в таких же панталонах, в мягких сапогах из кордуанской кожи, обшитых по расрубам широкими драгоценными кружевами и снабженных вызолоченными серебряными шпорами. Щегольская шляпа его была отделана бобром и украшена развевающимся страусовым пером, которое прикреплялось аграфом из

сверкающих самоцветных камней. Бархатная перевязь для шпаги была богато вышита, и судя по тщательности и красоте, — женскими ручками, руководимыми сердцем. Так же были украшены и раструбы его белых замшевых перчаток.

В этом юноше с женственно прекрасным, цветущим, породистым лицом, с длинными белокуроыми вьющимися волосами, с ясным открытым взором больших синих глаз и с ясною улыбкою на красиво очерченных пунцовых губах, едва покрытых первым пушком, сказывалось нечто такое, что должно было внушить каждому невольное уважение к нему. «Смотри, не задень меня, иначе расквасишься!» — было написано на всей его фигуре. С особенной силою это сказывалось в его глазах и тоне голоса, когда он, натянув поводья своей лошади, с живостью спросил своего собеседника, с которым случайно вступил в обмен мнениями:

— Что такое вы сказали, сэр?

— Я сказал, что тот, кто не республиканец, обладает дурной головою или дурным сердцем, — повторил старший из всадников, тщательно отчеканивая каждое слово.

— Вы так находите? — продолжал юноша, повертывая свою лошадь назад по дороге, по которой всадники следовали друг за другом, причем младший был впереди.

— Да, таково мое мнение, — ответил старший, останавливаясь. — Если желаете, я могу выразить это и в следующей форме: кто не республиканец, тот или подлец или глупец.

— Подлец тот, кто говорит так! — весь покраснев от гнева и хватаясь за рукоять шпаги, вскричал юноша.

— Ясно, хотя и грубо сказано, молодой человек, — спокойно заметил старший. Хотелось бы мне в ответ на это также прямо и грубо обозвать вас глупцом, но я удерживаюсь. Предупреждаю вас, однако, что если вам дорога ваша жизнь, то возьмите обратно свои слова.

— Ни одного слова, пока у меня есть шпага! — кипятился юноша. — Советую лучше вам взять обратно свои слова.

Быстрым движением он выхватил из ножен шпагу и взмахнул ею по воздуху, где она описала молниеносную дугу.

Этих двух людей, совершенно между собой незнакомых, но уже готовых вступить в бой не на жизнь, а на смерть, свел слепой случай. Они оба ехали по одной и той же дороге. Дорога эта вела по горной отлогости от города Мичельдина в мичельдинский лес, недалеко от того места, где в настоящее время стоит усадьба «Пустынка». За каждым из всадников на некотором расстоянии от них следовали верхом слуги.

Одно время кавалерам пришлось ехать почти рядом, и они разговорились по поводу дороги. Незаметно разговор свернул на политические темы, и теперь, когда оба всадника поднялись на плоскогорье, у них вдруг вспыхнула ссора, готовая перейти в кровавую схватку.

Впрочем, горячился один шелковый юноша. Тот, который был постарше, спокойно сидел в своем седле, спокойно говорил и за оружие не хватался. Это шло совершенно вразрез с той страстностью, с которой он бросил в лицо собеседнику свое мнение относительно лиц, не принадлежащих к республиканцам. Что это означало? Не трусость же? А если трусость, то она должна была

быть очень откровенного характера. Ведь этот человек первый потребовал, чтобы были взяты обратно оскорбительные для него слова. Но именно за труса и принял его юноша, почему и крикнул:

— Обнажай оружие, негодяй! Защищайся, если не хочешь, чтобы я убил тебя, как зверя на охоте!

— Ха-ха-ха! — иронически рассмеялся старший всадник. — Я потому и колеблюсь обнажить свое оружие, что опасаюсь, как бы мне не пришлось сразу проткнуть вас насквозь, — с насмешкою произнес он.

— Это увертка... самохвальство! — вне себя кричал юноша, разъяренный насмешкою противника. — Защищайтесь, и мы посмотрим, кто кого проткнет насквозь... Ну, что же вы?.. Слышите, что вам говорят?

— Напрасно вы так спешите, молодой человек. Конечно, если вы непременно настаиваете, я буду драться с вами, хотя, повторяю, боюсь нечаянно попасть в простые убийцы. Мне это было бы очень неприятно, потому что вы нравитесь мне, и я...

— Попробуйте! — с прежней возбужденностью оборвал его юноша. — Полагаю, не мне быть убитым вами. Как бы не случилось противоположное. Не будьте трусом.

По серьезному лицу старшего из противников пробежало выражение восхищения, смешанного с жалостью и с некоторою досадою. Он все еще колебался обнажить оружие, и сделал это лишь после того, как юноша обозвал его трусом.

— А? Вы находите, что я трус! — сквозь стиснутые зубы произнес он... — Ну, в таком случае — берегитесь... Да падет ваша кровь на вашу собственную голову!

Выхватив шпагу, он покрепче уселся на седле и приготовился к поединку.

— Бог и король! — крикнул юноша, набрасываясь на противника и пытаясь нанести ему первый удар.

— Бог и народ! — последовал ответ.

Шпаги со звоном скрестились. Должно быть, мало привычная к такого рода забавам лошадь юноши испуганно шарахнулась в сторону и перевернулась на задних ногах. Этим пируэтом она заставила своего всадника очутиться левым боком под оружием его противника. Если бы последний захотел воспользоваться своим преимуществом, то тут же поединок и был бы решен. Но он этого не сделал. Спокойно продолжая сидеть на своей лошади, не дрогнувшей и не шевельнувшейся с места, он выжидал, когда оправится его молодой противник.

Пылкий, самонадеянный юноша и эту снисходительность старшего счел за проявление трусости или, по крайней мере, слабости. Повернув обратно лошадь и лишив ее возможности вторично артачиться, он с новой яростью сделал выпад. По его приемам было видно, что он хотя и недурной фехтовальщик, но в серьезных дуэлях еще не имел практики. Он и на лошади сидел неважно, именно только как обыкновенный дворянчик, который всему предается только ради удовольствия.

Не то было с тем, который и в штатской одежде не мог скрыть своей принадлежности к военному сословию. Он и лошадью отлично управлял, и она охотно ему повиновалась, и оружием превосходно владел, именно по-военному, с тонким знанием своего дела. И как ни горячился, как ни пыжился и ни

храбрился юноша, шпага противника вскоре вонзилась в его правую руку выше локтя; хлынула кровь, и рука юноши бессильно повисла, невольно выпустив оружие.

Глава II ПРИМИРЕНИЕ

Молодой человек теперь уже всецело был во власти своего старшего, более опытного и искусного противника. Тот по праву мог бы лишить его жизни, тем более что ему брошено было в лицо обвинение в подлости и трусости, и эти оскорбления должны были глубоко задеть его самолюбие и вызвать в нем жажду мщения. Между тем юноша нисколько не испугался участи, казавшейся ему неминуемой и не старался уклониться от последнего решительного удара. Напротив, не меняя своего положения, он подставлял грудь противнику и пылко кричал:

— Вы победили меня! Добивайте же!

— Добить вас?.. — с легким, почти добродушным смехом повторил старший. — Лишить вас вашей молодой, едва расцветающей жизни? Вот этого-то я все время и избегал, хотя, уверяю вас, для этого требовалось все мое искусство. Обыкновенного противника я обезоружил бы одним ударом, как не раз и делал, но с вами мне это было очень трудно: я не хотел сразу уложить вас. Это вовсе не входило в мои намерения. Но вот теперь, когда игра окончена и никому из нас не пришлось убить друг друга, могу я предложить вам сдаться?

— Вы вправе требовать этого, — поспешил ответить молодой человек. — Но я, пожалуй, могу просить и пощады, — добавил он с внезапным порывом раскаяния в своей необдуманной горячности, побежденный не только шпагою противника, но и его неоспоримым великодушием.

Слуги обоих противников с живейшим вниманием следили за поединком своих господ и, чувствуя потребность как можно ярче выразить свою преданность им, готовы были сами наброситься друг на друга с оружием в руках, как будто этим могли помочь тем, кому служили. Эти слуги так же во всем разнились между собою, как и их господа. Слуга старшего был рослый, плечистый, сильный и ловкий малый средних лет и, по-видимому, из конных рядовых. Слуга же молодого был худенький, жиденький, напыщенный и тоже совсем еще молодой городской фатишка-лакей. Видя, что дело оканчивается лучше, чем можно было предполагать, слуги успокоились и как ни в чем не бывало обменялись дружескими взглядами.

— Губерт, — обратился старший из кавалеров к своему слуге, — сойди с лошади, подними оружие этого молодого господина и отдай ему. Этот господин вполне заслуживает чести носить свое оружие!.. Теперь, милостивый государь, — вновь обратился он к своему противнику, — позвольте и мне принести вам свои извинения. Сознаю, что именно я дал повод к возникшему между нами недоразумению. Я должен был пояснить свои слова, и сам не знаю, почему не сделал этого. Может быть, мне помешал сразу принятый вами повышенный тон. Но дело в том, что я, обвиняя нереспубликанцев в отсутствии у них доброй головы или доброго сердца, имел в виду людей лишь зрелого возраста, немножко разобравшихся уже в житейских делах, вроде меня самого. Что же касается людей вашего возраста, то ведь и я в ваши годы твердо верил

в разные «божественные» права. Быть может, вы пожелаете узнать мое имя? Оно подтвердит вам, что я говорю правду.

— О, я очень рад буду узнать ваше имя, — со свойственной ему живостью подхватил юноша. — Назовите себя, мой великодушный противник.

— Приятно слышать такой лестный отзыв с вашей стороны, — с поклоном ответил старший кавалер и тут же назвал себя: — Сэр Ричард Уольвейн.

— Не родственник ли вы Скюдаморам?

— Да, только дальний, и уже давно не виделся ни с кем из них. Я только на днях вернулся из Нидерландов, где напрактиковался в боях и приобрел крепость руки. Без этого я наверное оказался бы против вас в проигрыше, — со своим приятным смешком прибавил он.

Молодой человек с невольным смущением понял новый великодушный намек сэра Ричарда и сказал, что хорошо знаком со Скюдаморами, в особенности с лордом Скюдамором из замка Леси, причем с некоторой гордостью пояснил:

— Яс ним часто встречался во дворце.

— В каком? — любопытно спросил сэр Ричард.

— Конечно в Вестминстерском.

— Значит, вы сами принадлежите к этому дворцу? Впрочем, на это указывает и вся ваша внешность. Вы состоите в штате короля или, скорее, королеввы?

— Да, я действительно недавно еще состоял при дворе в должности докладчика о прибывающих ко двору лицах. Прослужил несколько месяцев, — объяснял юноша.

— А теперь?.. Простите мне мое невольное любопытство, — извинялся сэр Ричард.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, дорогой сэр, — сердечно проговорил молодой человек. — Раз вы были так любезны, что сообщили мне кое-какие подробности о себе, то и я не должен скрываться от вас. В настоящее время я оставил придворную службу и еду домой к отцу, в Монмаутсшир.

— Так ваш отец...

— Мой отец — сэр Уильям Тревор.

— А! Теперь мне понятно, почему вы так вскипели, когда узнали, что я стою за парламент... Сын сэра Уильяма Тревора, конечно, не мог отнестись иначе... Но не будем больше касаться скользких политических тем. Если я не ошибаюсь, поместье вашего отца находится близ Эбергевенни?

— Совершенно верно.

— Это в двадцати семи милях отсюда. Неужели вы надеетесь добраться туда ночью?

— Нет, я намерен остановиться переночевать в Монмаутсе.

— Да и туда вы едва ли попадете засветло. Ваша лошадь кажется довольно утомленной.

— Это неудивительно. Я еду на ней без отдыха с раннего утра.

— Это делает честь и вам и ей. Это же, вероятно, послужило и лишней причиной моей слишком легкой победы над таким мужественным противником, — подсмеивался сэр Ричард и, встретив почти ребячески смущенную улыбку юноши, продолжал: — А знаете ли, ведь до Монмаутса тоже не близко, миль около десяти. Жаль лошадки, которую вы совсем замучите по этим гор-

ным дорогам. Вам бы постараться поскорее предоставить ей отдых, который она так добросовестно заслужила.

— Я уж думал об этом. Хотел остановиться в Кольфорде, но...

— О, я и не посоветовал бы вам не только ночевать в Кольфорде, но даже и останавливаться там.

— Почему?

— А потому что население Кольфорда страшно восстановлено против короля, как, впрочем, почти во всей этой области. Это очень понятно после того, что здесь стал делать сэр Джон Уинтор, получивший от короля монополию на пользование здешними лесами и рудниками. Король не имел права жаловать этой монополии. Народ сильно возбужден, и появиться в наряде придворного кавалера на улицах Кольфорда — прямо опасно.

— О, это для меня не страшно. Я нарочно переночую там! — воскликнул юноша.

— Хорошо сказано, мой молодой друг, и я не сомневаюсь, что у вас слово всегда сходится с делом. Но зачем же подвергать себя лишней опасности, когда без этого можно обойтись?

— Но как же это, если мой путь ведет именно через этот город?

— Вы забываете или не знаете, что есть еще дорога, по которой его можно объехать мимо.

— О, прятаться по обходам и закоулкам я вовсе не намерен! — горячо возразил молодой человек. — Я ведь не браконьер, которому нужно скрываться. Нет, я не боюсь никого и ничего. Пусть нападет на меня хоть целая толпа, я буду защищаться, как могу, но в бегство при виде ее не пущусь.

— Верно. Но иметь дело с целою толпою людей, заранее враждебно настроенных против вас, — совсем не то, что та маленькая стычка, которая произошла между нами двумя, — возразил сэр Ричард. — Вы так храбро пробили себе путь в эту область, что я от всей души желаю вам благополучно выбраться из нее. Поэтому я убедительно советую вам не ездить в Кольфорд и предлагаю эту ночь провести у меня.

— У вас, сэр Ричард? Но разве у вас есть здесь поблизости поместье?

— У меня лично нет, но есть у одного из моих лучших друзей. Я уверен, что в данном случае могу распорядиться его домом, как своим, приглашая вас разделить со мной его радушное гостеприимство. Мне очень жаль, что я вынужден был сделать вам маленькое кровопускание, и мне хотелось бы, чтобы мой приятель — он недурной хирург — осмотрел вашу рану. Ваш слуга хотя и помог вам кое-как остановить кровь и перевязать рану, но она требует более серьезного и умелого ухода. Кроме того, я могу обещать вам, что вы в доме моего приятеля увидите пару прелестных женских головок, если только, впрочем, вам, находившемуся при дворе королевы Генриетты, не надоели такие головки там.

Юноша беспокойно задвигался в седле, и по его вспыхнувшему лицу было заметно, что напоминание о дворе ему неприятно. Однако он смолчал, а сэр Ричард благожелательно продолжал:

— Как бы там ни было, но я могу сказать по совести, что леди Сабрина и леди Вега смело могут поспорить красотой с любой из прославленных придворных красавиц, не исключая и самой королевы, и, наверное, затмили бы их всех.

— Сабрина? Вега? — с удивлением повторил юноша. — Что за странные имена!.. Могу я спросить, кто эти леди?

— Разумеется, можете. Но вам лучше познакомиться с ними лично, — ответил сэр Ричард. — Ну, будет вам колебаться, мой молодой друг. Решайтесь. По-едемте со мною. Право, не раскаетесь.

— Ах, сэр Ричард, вы положительно подавляете меня своим великодушием! — воскликнул растроганный юноша. — Распоряжайтесь мною по вашему усмотрению. Я весь в вашей власти.

— Благодарю вас. Едем же. Скоро скроется солнце, а нам еще нужно проехать не менее пяти миль. С Богом, в добрый час!

Крепко пожав друг другу руки, причем Тревор мог подать только свою левую, оба новых приятеля пустились мелкою рысцою по указанному сэром Ричардом направлению. Слуги, также успевшие уже подружиться, последовали за ними.

Глава III СЕСТРЫ

В то самое время, когда лесные птички на одном из митчельдинских холмов были встревожены лязгом оружия, в трех милях оттуда другие лесные пернатые с любопытством прислушивались к веселым голосам двух молодых прогуливавшихся девушек. В наружности этих девушек было мало общего, хотя они были родными сестрами. Старшая была черноволосая и смуглая, как цыганка, а младшая — нежнейшая блондинка с беленьким как снег личиком, розовыми щечками и прекрасными голубыми глазами, свежая, светлая и сияющая, как майское утро. Младшая называла старшую Сабриною, а старшая младшую — Вегою. Это и были те красавицы, о которых так восторженно отзывался сэр Ричард Уольвейн. И он не преувеличил их красоты.

Действительно, обе девушки были выдающиеся красавицы, но каждая по своему. Разница в наружности сказывалась в росте и фигуре: старшая сестра была и выше и плотнее младшей. Одеты были они тоже не одинаково, но вполне по современной моде. Безобразные фижмы времен Елизаветы были уже оставлены, и надетые на девушках нарядные узкие платья с узкими же рукавами отчетливо обрисовывали их стройные фигуры. Не только по одежде, но и по манере держать себя, говорить, двигаться можно было узнать кровных дворянок. О том же ясно свидетельствовало и благородство их лиц, изящество фигур, рук и ног.

На младшей, по-видимому более кокетливой, была прекрасная французская шляпа из светлого шелка, завязанная под подбородком длинными развевающимися лентами. На снежно-белой шейке блестело изящное золотое ожерелье, а в розовых ушках горели дорогие серьги. Все ее платье из дорогой белой летней ткани было покрыто искусной вышивкою разными шелками, сделанной, должно быть, собственными руками. В те дни даже самые знатные дамы не пренебрегали рукодельем и работали много и с любовью.

Старшая, более степенная и скромная, была в платье и шляпе темных цветов, вполне гармонировавших с ее черными волосами, глазами и смуглостью кожи. Ножки у обеих были обуты в белые чулки, очевидно тоже домашнего изделия, и в кожаные башмаки на толстых подошвах.

Обе девушки шли ускоренным шагом по лесной дороге, ведущей от Руардина до Дрейбрука. Дорога шла по высокому хребту лесистых гор. Девушки поднимались вверх, и когда они достигли высшей точки, Вега вдруг остановилась и спросила сестру:

— Не довольно ли нам ходить, Сабрина?

— А что? — отозвалась та. — Разве ты устала?

— Нет, я нисколько не устала, но боюсь, что мы слишком далеко отойдем от дома. Как бы нам не заблудиться.

Что Сабрина не боялась «заблудиться», это можно было видеть по тому, что она шла вперед твердым, уверенным шагом, и притом внимательно оглядывалась вокруг при каждом повороте дороги. Но Вега, очевидно, не замечала этого. Все внимание младшей сестры было устремлено на провожавшую их большую собаку из старинной породы чисто английских дворовых догов. Эта собака то и дело бросалась гонять мирно пасшихся в лесу темношерстных овец, которых издали принимала, должно быть, за каких-нибудь опасных для ее хозяек зверей. Вега каждый раз с восхищением хлопала в ладоши и звонко хохотала над смущением и разочарованием собаки, принадлежавшей, кстати сказать, собственно ей.

— Всего каких-нибудь две мили отошли мы от дома. Неужели же это, по-твоему, далеко, Вега? — с притворным удивлением говорила Сабрина, переждав, когда у сестры кончился новый припадок хохота, вызванный все тою же собачьей ошибкою.

— Да, это действительно не особенно далеко, — созналась Вега. — Но я...

И она недоговорила.

— Что же ты? — настаивала Сабрина. — Трусишь?

— Да... есть немножко.

— Чего же? Волков? Если их, то я могу вполне успокоить тебя. Вот уже более полусотни лет прошло, как, по словам здешних старожилов, в лесу здесь видели последний раз волка. И этот волк, очевидно последний представитель своей породы в этих местах, здесь был тотчас же убит. Здешнее население, происходящее от древних кельтов, питает наследственную неприязнь к волкам. Подозреваю, что это — последствие известного несчастья с инфантом Левелином.

— Ах нет, я боюсь вовсе не волков! — с новым взрывом смеха возразила Вега. — Напротив, мне бы очень хотелось встретить хоть одного, Гектор вступил бы с ним в бой и наверное остался бы победителем... Что, Гектор, правду я говорю, а? Неужели ты осрамился бы?

Дог несколько раз очень выразительно гавкнул в ответ на этот обращенный к нему вопрос, причем энергичнейшим образом размахивал своим огромным пушистым хвостом. Приласканный за это смеющеюся хозяйкою, он, ободренный и обрадованный, пустился в погоню за новою партией овец, и все с тем же результатом.

— Чего же ты тогда еще можешь бояться? — не унималась Сабрина. — Призраков, что ли? Но и их не водится в здешних лесах. А если бы каким-нибудь чудом и водились, то они вообще не страшны днем, а до наступления темноты мы вернемся домой.

И Сабрина, в свою очередь, громко рассмеялась, хотя это было так же мало свойственно ей, как несвойственно было ее сестре говорить серьезно. Но как

раз в это время Вега сделала серьезное лицо и заговорила таким же серьезным тоном. Очевидно, у каждой из сестер была своя причина перемениться на время характерами.

— Ну вот ты наконец и развеселилась, и я рада этому, хотя то, что меня тревожит, вовсе не шутка, — сказала Вега.

— А ты скажи, в чем дело, тогда я и буду знать, как относиться к этому, — продолжала со страхом Сабрина. — Если тебя пугают не волки и не призраки, то кто же или что? Уж не мерещатся ли тебе какие-нибудь особенные лесные звери, как Гектору?

— Ты угадала, Сабрина: звери самого страшного типа — двуногие...

— А!.. Да, двуногие звери действительно самые страшные... Но насколько мне известно, у нас, в глуши нашего Фореста, таких зверей не существует, значит, твоя боязнь не имеет никаких оснований.

— Ты забываешь, Сабрина, что в Монмаутсе и Лиднее поднялись целые толпы разнузданной черни, — возразила Вега. — Может случиться, что такая шайка забредет и сюда. Что же мы тогда будем делать?

— Ты говоришь глупости, Вега! Монмаутским и лиднейским бунтарям нет никакой надобности заходить сюда. Наши же руардинцы и дрейбрукцы, хотя тоже начинают волноваться, но женщин никогда не обижают, не только таких, как мы с тобой, но даже и совсем простых. Этого у нашего коренного населения никогда не водилось. На это способен только тот иноземный сброд, который созвал сэр Джон Уинтор в Лидией, да так называемые роялисты, околачивающиеся в Монмаутсе и возле него. Кавалеры тоже! Хвалятся чистотой своей крови и галантностью манер, а на самом деле это позор страны. Пьяницы, моты и игроки. Никого и ничего не уважают — ни друг друга, ни посторонних, ни почтенных старцев, ни женщин, всячески оскорбляют государственную честь, народное и общественное достоинство... Хороши кавалеры, нечего сказать!

Смех молодой брюнетки был саркастический. Видя, что сестра слушает ее с видимым сочувствием, она продолжала:

— Но уверяю тебя, дорогая моя трусиха, что и эти прекрасные кавалеры сюда не заберутся. Им совсем нечего делать в Форесте. Они знают, что наши бравые форестерцы все как один человек стоят за парламент. Нам лично, поверь, они ничего дурного не сделают, если бы даже и встретили нас тут одних. Напротив, они будут очень вежливы и почтительны к нам, в особенности когда узнают, кто мы. Ведь наш отец пользуется среди них большою любовью и уважением за то, что принял их сторону против насильника Уинтора. Я горжусь этим.

— Горжусь и я, — заявила Вега, — и не меньше тебя люблю наших славных форестерцев. Не их и боюсь я... Но, вообще, что ты ни говори, а нам, право, пора домой, в наш милый уютный Холлимид. Смотри, уж солнце заходит за вершины тех гор. Скоро начнет смеркаться.

— Ну, до этого еще далеко, — отрезала Сабрина, спеша вперед, и мы отлично успеем подняться наверх, полюбоваться оттуда окрестностями и вернуться домой как раз к ужину. Я догадываюсь, что именно этот ужин так и манит тебя назад.

— Ах, Сабрина, как тебе не стыдно! — возмутилась Вега. — Ты знаешь, что я всего менее забочусь о еде.

Конечно, Сабрина отлично знала это. Но она подразнила сестру едою только так, чтобы сказать что-нибудь и скрыть свои мысли. Прогулка была предпринята по ее же настоянию, и девушка, по-видимому, твердо решила не возвращаться домой, пока не побывает на вершине того горного хребта, по которому шла дорога.

— Не сердись, милая Вега, — с прежним неискренним смехом продолжала старшая сестра, — я ведь только шутила. Но ты знаешь, что я не люблю ничего недоделанного. Я задумала побывать сегодня на этой верхушке, и мне обидно было бы возвращаться назад из-за твоих пустых страхов, когда до цели осталось всего минут десять ходу. Хочется взглянуть на ту прекрасную долину, среди которой течет моя тезка — река Сабрина. Потом оттуда же мы можем полюбоваться великолепным закатом солнца вплоть до того момента, когда оно совсем скроется за Уэльскими горами. После этого еще более часа будет настолько светло, что мы будем ясно видеть дорогу, а больше ничего и не нужно. И ты совсем напрасно хочешь лишить меня ожидаемого мною эстетического наслаждения.

— Ну, если ты так заговорила, я молчу и бегу вперед! — снова засмеялась Вега, с легкостью серны опережая сестру.

Глава IV ОЖИДАНИЕ

Наверху горы, где рос один дрок, Гектор увидел осла, лакомившегося молодыми побегами дрока, и с неистовым лаем стал прыгать вокруг него. Испуганно косясь на притворно свирепствующую собаку и трясясь всем телом, осел не знал, что ему делать. Вега хохотала и хлопала в ладоши, поощряя своего хвостатого любимца к дальнейшим проделкам. Явись в эту минуту на сцену собственник осла — наверное, один из «славных» форестерцев, — едва ли бы он оказался таким вежливым, каким представлялись в воображении путниц эти лесные жители. Но в сущности ни Гектор, ни тем более его госпожа вовсе не «затравливали» осла, как это могло показаться со стороны, а просто забавлялись по-своему. Да и сам осел, вспомнивший, что и у него, не хуже чем у его отдаленных предков, перевезенных сюда из Месопотамии, есть хорошие зубы и копыта, тоже вошел во вкус затеянной Гектором игры и принялся обороняться.

Остановившись в стороне, Сабрина широко открытыми глазами смотрела на расстилавшийся перед нею вид. Представление, заданное Гектором с ослом и так восхищавшее Вегу, несколько не интересовало старшую сестру. Она только отметила про себя в уме опасение, как бы не вышло недоразумения из-за этой игры, потом махнула рукой и предалась своим мыслям.

Внизу, под ногами молодой созерцательницы, раскидывалась обширная зеленая равнина, по которой серебряною лентою извивалась узенькая речка. В некотором расстоянии от речки в живописном беспорядке были разбросаны домики довольно большого селения — Дрейбрука. Домики были небольшие и со своими выбеленными стенами утопали в густой зелени садилов. Сквозь эту зелень теперь, при заходе солнца, ярко сверкали горевшие золотом и пурпуром маленькие окна.

За рекою тянулся другой горный хребет, весь щетинившийся вековым ле-

сом, и по этому хребту шли дороги в самую густую глушь Фореста. По другую сторону Дрейбрука едва заметно, почти касаясь самого горизонта, ширилась другая равнина с лугами и полями. Эта равнина называлась Севернскою и когда-то была морским проливом.

Седые туманы, начинавшие волноваться над этой равниною, с которой уже скрылось солнце, бросавшее теперь свои последние прощальные лучи на лесистые высоты, могли бы вызвать в воображении Сабрины картину некогда плескавшихся там морских волн. Но девушка смотрела вовсе не на эту равнину. Все внимание наблюдательницы было поглощено противоположною высотой, где крутыми извилами змеилась дорога из Дрейбрука в то место Фореста, которое называлось «Глушью». При этом в черных серьезных глазах девушки было какое-то странное выражение, полное как бы тоскливой пытливости и недоумения.

Когда Вега наскучила забава с ослом, она отозвала от него Гектора и с ним вперегонки добежала до сестры. Взглянув ей в лицо, шалунья сразу заметила особенность ее взгляда.

— Ах, милая Сабрина, — защебетала Вега самым наивным тоном, хотя ей заведомо хотелось немножко задеть сестру за живое, — насколько мне помнится, ты стремилась сюда затем, чтобы полюбоваться своей тезкою — рекою, а ты смотришь совсем не на нее, бедняжку, но прямо в противоположную от нее сторону. Даже и на «великолепный» закат солнца не глядишь, повернувшись к нему спиною. Кажется, тебя заинтересовало что-то на той вон дороге в «Глушь», хотя на ней ровно ничего не видно, кроме нее самой.

— Да, там ничего и нет, — с легким смущением подтвердила Сабрина, поймав взгляд сестры, в котором блуждал огонек какого-то подозрения.

— Так чем же она так привлекает твое внимание, милая Саб?

— С чего это ты взяла, что привлекает? — с худо скрытою досадою проговорила Сабрина, торопливо отвернувшись, чтобы сестра не заметила вспыхнувшего на ее смуглых щеках яркого румянца. — Я просто нечаянно взглянула туда. Разве это преступление?

Вега немного помолчала, с трудом удерживаясь от смеха, потом рубанула как ножом:

— Кто он, Саб?

— Как... кто он?.. Про кого ты спрашиваешь? — почти испуганно спросила старшая сестра, впиваясь в шалунью острым, строгим взглядом и заметно бледнея.

— Да тот, кого ты ожидаешь увидеть съезжающим верхом с той вон дороги, — храбро ответила Вега. — Полагаю, что он явится верхом.

— Вега, ты прямо несносна со своим неуместным любопытством! — вскричала Сабрина и даже топнула ногой.

— Так ради чего же, собственно, ты затащила меня сюда, на это верхотурье, когда мне хотелось скорее домой? Пойдем назад. Мне и в самом деле страшно захотелось есть. Я так проголодалась, что чувствую слабость и даже, пожалуй, на минутку присяду отдохнуть.

И, присев к стволу старого, полусломанного бурею дерева, она со смехом прижалась к нему спиною. Смех ее был так заразителен и весь ее вид так умерителен в эту минуту, что и Сабрина невольно рассмеялась, и на этот раз уже искренне. Но опять-таки ее глубокие черные глаза устремились на противопо-

ложную горную дорогу.

— Довольно, милая Саб, хитрить передо мною, — немного спустя снова зазвенел серебристый голосок Веги. — Я ведь отлично все понимаю. Ты напрасно забываешь, что мне на днях случайно попало письмо в конверте, написанное очень знакомым почерком. Этим же почерком — по всей видимости мужским — было написано и раньше несколько писем, адресованных нашему отцу, а это было на твое имя. Сопоставив такие данные и приняв во внимание еще некоторые обстоятельства, я теперь прихожу к заключению, что в этом письме тебе было сообщено, что в такой-то день вечером, на закате солнца, некто сэр Ричард Уольвейн поедет по Динскому лесу из такого-то места в...

— Вега, ты... настоящий демон!

— Ага! Раз ты угощаешь меня таким милым прозвищем, значит, я попала в цель! — ликовала блондинка, хлопая в ладоши. — Нечего тебе больше скрываться от меня, Саб! Признавайся лучше прямо!

— Мне не в чем признаваться, а если бы и было в чем, я все-таки не стала бы, чтобы наказать тебя за твое... шпионство. Знаю, что неудовлетворенное любопытство для тебя хуже всего. Ну и оставайся с ним, — сердито проговорила Сабрина.

— О, я вовсе не до такой степени любопытна, как ты стараешься это изобразить, Саб! — воскликнула Вега. — Впрочем, продолжай, пожалуй, скрытничать, если так хочешь. Это меня несколько не трогает. Я и так знаю все, что мне интересно знать. Если сэр Ричард и в самом деле приедет сегодня в Холлимид, то неужели я не догадаюсь, что была права?

Сабрина молча окинула сестру взглядом, полным упрека.

— Отлично! Можешь молчать, как каменная статуя, — не унималась Вега. — Впрочем, тебе нечего и говорить. Ты сама знаешь, что дважды два четыре и что против этого трудно что-либо возразить, как ты ни умна. Сегодня ли пожалует сэр Ричард или завтра... Ах боже мой! Да вот, кажется, уж и он? — вскричала шалунья, вскакивая с места и указывая рукою по направлению к видневшейся вдали дороге.

Действительно, по этой дороге спускался всадник, уже замеченный Сабриной, судя по ее разгоревшимся взорам. Всадников, собственно, было двое. Тот, который ехал впереди на великолепной, богато убранной лошади, одетый в блестящий цветной шелк и в еще более блестящие доспехи, был, разумеется, из джентльменов, между тем как следовавший за ним человек в простой, хотя и приличной одежде и на более скромной лошади всего вернее был его слугою.

Пока еще, за дальностью расстояния, нельзя было рассмотреть лица передового всадника, но когда Сабрина заметила цвет его одежды, девушка с трудом подавила готовый вырваться из ее груди вздох тяжелого разочарования. Тот, кого она так нетерпеливо ждала, то есть сэр Ричард Уольвейн, — как совершенно верно угадала Вега, — никогда не носил светлых цветов. Положим, он мог и изменить своей прежней привычке. Сабрина давно уже не видела его. Он был в Нидерландах, где под знаменами короля Густава шведского сражался за правое дело. Быть может, пребывание в чужих странах заставило его изменить своим правилам.

Но это ничего, лишь бы не изменилось его сердце, лишь бы оставались прежними его чувства. Впрочем, такой единственно страшной перемены не

было основания опасаться: об этом ясно свидетельствовало то самое письмо, один вид которого навел проказницу Вегу на ее догадки.

Между тем всадник продолжал приближаться. Вдруг Вега, с таким же напряженным вниманием следившая за ним, как и ее сестра, разочарованно вскричала:

— Да это совсем не он!.. Это Реджинальд Тревор!

В ее звонком голоске вместе с разочарованием проскользнула нотка неудовольствия. Те же чувства выражало теперь и серьезное лицо Сабрины, убедившейся, что Вега права и в этом отношении. Блестящий всадник действительно оказался не тем, кого она в тайном томлении ожидала. Это был двоюродный брат Юстеса Тревора — Реджинальд Тревор.

Глава V КОРОЛЕВСКИЙ ПОСЛАНЕЦ

Между Юстесом Тревором и его кузеном Реджинальдом было мало общего: только родство да имя. Будучи совершенно различных характеров, они и жизнь вели различную, да и положение их было разное.

На долю Юстеса выпали все блага, между тем как Реджинальда судьба осыпала одними неудачами. Отец, промотавшийся дворянин, ничего не оставил ему, кроме довольно запачканного имени. Положим, Реджинальд не хуже других подходил под рубрику так называемых «галантных» кавалеров своего времени. Он даже отличался беззаветной храбростью, что не раз и доказал, состоя офицером в армии Ленсфорда, действовавшей в Шотландии. Но подобно своему отцу, он был игроком, мотом, кутилой, — словом, в глазах республиканцев, в особенности пуритан, являлся человеком, достойным глубокого презрения; среди же своих, роялистов, он пользовался репутацией милого малого. Если терпимость в вопросах нравственности может быть причислена к христианскому милосердию, то роялисты этим милосердием отличались в полной мере. Впрочем, к чести Реджинальда Тревора нужно сказать, что он был не злой человек. Если он кому-нибудь и делал прямое зло, то лишь самому себе, поэтому можно смело добавить, что у него не было врага опаснее самого себя. Начав свою жизненную карьеру без гроша в кармане, он оставался таким же бедняком и после нескольких лет службы в армии. Кроме сабли, лошади, вооружения и надетой на нем одежды, он ровно ничего не имел, но зато все это было всегда, так сказать, первосортное. Он был настоящим военным франтом, и все, что получал, тратил на свою внешность. Мало того: ради поддержания этой блестящей внешности он влезал в неоплатные долги. Он занимал в армии довольно видный пост, поэтому ему был открыт широкий кредит, которым он и пользовался, не задумываясь о будущем. И когда его удалили из той выгодной комиссии, в которой он участвовал, причем он разделил одну участь с самим Ленсфордом и другими после их возвращения с севера, он несколько месяцев околачивался в Лондоне, перебиваясь кое-какими нечаянно зацепившимися у него деньжонками. В то время храбрые рубаки были везде в спросе. И в качестве такового он был приглашен Джоном Уинтором в его родовый замок, который Уинтор пожелал превратить в крепость для защиты интересов короля. И вот уже с месяц Реджинальд Тревор находился в числе других наемных офицеров, на новом месте, где исполнял сразу несколько обя-

занностей: администратора, специалиста по вопросам обороны и дипломата, ведущего переговоры с лицами другого лагеря.

В качестве дипломата ему приходилось бывать во многих домах местной форестерской знати. Особенно привлекательным показалось ему поместье Холлимид, владельцем которого состоял отец Сабрины и Веги, мистер Эмброс Поуэль; таким привлекательным, что ему хотелось бы остаться в нем навсегда. Это было странно и как бы совсем не вязалось с легкомысленным характером Реджинальда, не любившего захолуствий, а Холлимид находился вдали от больших дорог, даже от других поместий.

Но в Холлимиде, как мы уже знаем, было два сильных магнита: Сабрина и Вега. Бесшабашного офицера притягивал именно последний. Почти при первом же взгляде на прелестную блондинку Реджинальд Тревор влюбился в нее, как говорится, по уши, и, что всего страннее, его страсть к девушке была совершенно чистой, потому что оказалась первою серьезною любовью. И намерения его по отношению к Веге были чистые и честные. Он ухаживал за нею не с той грубою, бесцеремонною настойчивостью, с какою обыкновенно преследовали понравившуюся им женщину дворянчики того времени, а сдержанно, почтительно, отчасти даже робко.

Однако Реджинальду и в этом случае не повезло. Ему не только заметили, но прямо и решительно высказали, хотя и в вежливой форме, что его участвовавшие посещения Холлимида совсем нежелательны. Разумеется, это было высказано не самою Вегою, а ее отцом. И Реджинальд с тяжелым сердцем перестал бывать в Холлимиде.

Но вот прошло не более двух недель, и он снова направился в дом, посещать который ему было запрещено. Впрочем, он теперь ехал туда с иной целью и иными чувствами, чем раньше, но не по отношению к Веге. Его страсть к очаровательной блондинке еще не угасла в его сердце, напротив, только сильнее разгорелась, хотя и была совершенно безнадежна. Отказ отца от дома сам по себе не много бы значил, если бы со стороны самой красавицы, пленившей молодого человека, был хотя малейший признак взаимности и поощрение ухаживаньям блестящего кавалера. Но все же ему трудно было уверить себя, что она осталась к нему равнодушною. Он привык к легким победам и ни разу еще не встречал серьезного отпора своим ухаживаньям, поэтому считал себя неотразимым для женщин. Тем более в данном случае, когда его чувство было глубокое и чистое. И эта уверенность утешала и поддерживала его.

Все-таки не по собственному побуждению, даже против своей воли ехал он в описываемый вечер в Холлимид. Ехать вынудили его обстоятельства, и притом такие, которые должны были еще более ухудшить отношения к нему Эмброза Поуэля.

Темнее тучи было его лицо, когда он спускался к Дрейбруку, в его глазах вспыхивали молнии гнева, когда он вспоминал, какое оскорбление было нанесено его самолюбию в Холлимиде. Но в то же время он несколько утешал себя сознанием, что везет мистеру Поуэлю нечто такое, что может послужить как бы отместкой за него, — некоторый документик, который многим был не по сердцу и даже возбуждал в них злобу. Этим документиком была грамота за подписью и печатью короля, заключавшая в себе требование ссуды в королевскую казну.

Но вернемся к сестрам.

— Да, кажется, это Реджинальд Тревор, — сказала Сабрина с таким видом, точно всадник был именно тот, кого она желала видеть.

— Наверное он, — подчеркнула Вега. — Узнаю его по гнедой лошади, на которой он постоянно ездит; узнаю и его одежду по цвету. Должно быть, у него только одна и есть, иначе бы мы при его явной склонности к щегольству видели бы на нем и другие наряды. Впрочем, может быть, сейчас он и в новом, только похожем на прежнюю, — с особенной гримаской добавила шалунья.

— Да, теперь и я больше не сомневаюсь, что это Реджинальд Тревор, — с кажущейся заинтересованностью произнесла Сабрина, не спуская глаз с всадника, все более и более приближавшегося, так что почти уже можно было рассмотреть черты его лица. — Да, это его лошадь и одежда, а также и красное перо на шляпе. Но куда же он едет? Не в Холлимид же? Не знаешь ли ты, Вега?

— Ах, Саб, какой странный вопрос!.. Ну откуда мне знать намерения мистера Тревора? — почти с негодованием возразила Вега.

— Ха-ха-ха! — судорожно рассмеялась Сабрина. — Какая ты хитрушка, Вега, и как мастерски умеешь притворяться! Я до сих пор и не подозревала у тебя такой способности.

— Саб, ты хочешь меня рассердить и отчасти уже добилась этого! — воскликнула Вега. — Право, я начинаю на тебя сердиться.

— Напрасно. Не вижу никакого повода.

— Как не видишь?

— Конечно. Какой же это повод?

— Ты, кажется, подозреваешь, что у меня есть тайна и что я способна скрыть ее от тебя, Саб. Это ужасно! — воскликнула Вега, и на ее глазах блеснули слезы.

— Вот так последовательность! — вскричала в свою очередь Сабрина. — Ты только что обвиняла меня в том, что я будто бы что-то скрываю от тебя. А теперь ты сердишься за то, что я говорю действительную правду... Да, да, не гляди на меня такими изумленными глазами, Вегочка! Ясно, что ты хотя и на три года моложе меня, но в некоторых делах гораздо опытнее, и, между прочим, в таких делах.

— В каких, Саб? Я не понимаю.

— Разве не понимаешь? Ну, я, может быть, не так выразилась. Я хотела только сказать, что тебе, вероятно, не безразлично, куда именно направляется этот всадник.

— Ах, Саб, ты меня не только обижаешь, но даже оскорбляешь! — с упреком вырвалось у Веги. — Я нисколько, ни капельки не интересуюсь Реджинальдом Тревором. Твои намеки не имеют никакого основания.

— Правду ты говоришь, Вега? — со сдержанною тревогою спросила брюнетка, и во всем ее прекрасном строгом лице выразалось глубокое чувство к сестре.

— Ты обвиняла меня в несносном любопытстве, а сама еще хуже меня любопытствуешь. Хорошо ли это, Саб? — с оттенком злорадства возразила блондинка, радуясь тому, что ей так скоро удалось «отплатить» сестре за ее любопытство.

Впрочем, злорадство Веги было не серьезное, а такое же легкое, ребяческое, как вся она.

Сабрина оставила возражение сестры без ответа. Но ее молчание и покор-

ный вид красноречивее слов говорили, что она чувствует себя неправую и побежденною. Подметив и это, Вега в порыве искренней сердечности спросила:

— Разве тебе очень хотелось бы знать, Саб, как я отношусь к Реджинальду Тревору?

— Да, конечно, — созналась Сабрина. — И когда ты скажешь мне это, я объясню тебе причину моего... любопытства.

— О, в таком случае я все охотно скажу тебе, милая Саб. Слушай! Реджинальд Тревор для меня так же безразличен, как всякий другой мужчина. Все они для меня лично ничего не значат.

— Неужели ты ни в кого не влюблена, Вегочка?

— Ни в кого. Сколько же раз мне повторять тебе это?

— И никогда не была влюблена?

— Ах, Саб, какие странные у тебя вопросы! А этот последний всех страннее. Ведь ты всегда говорила мне, что не понимаешь и не признаешь другой любви, кроме неизменной, постоянной до гроба. И мне думается, что если бы я была в кого-нибудь влюблена, то оставалась бы влюбленною в одну и ту же особу до сих пор. Но я даже и понятия не имею об этом чувстве, потому что никогда не испытывала его. Да по правде сказать и не желаю испытывать, если он так терзает всех людей, как тебя.

— Это что еще за глупости! — едва не вспыхнула сдержанная Сабрина. — Я — влюблена и терзаюсь этим! Еще что выдумаешь? Уверю тебя, что ничего подобного со мною нет.

— Нет, Саб, есть, и даже очень много «подобного», — невозмутимо продолжала Вега, чувствуя за собою превосходство положения и намереваясь использовать его до конца. — Может быть, ты думаешь, что никто ничего не замечает? Ну, ты сильно ошибаешься. По крайней мере я не была слепа за все время его отсутствия на войне...

— Кого это его? — с притворным хладнокровием осведомилась старшая сестра.

— Ну, ты, конечно, не догадываешься, о ком я говорю, — насмешничала веселая блондинка. — А я сейчас не хочу доставлять тебе удовольствия лишней разок услышать это имя... Скажу только, что с тех пор, как его нет, ты стала совсем другою, чем была раньше, Саб. Право, ты очень изменилась. Я еще помню время, когда ты была точь-в-точь такая же шалунья, как мы с Гектором. Но последние два года ты ходишь с меланхоличным видом... влюбленной киски. Только в самые последние дни — после получения известного письма — ты снова немножко повеселела, ха-ха-ха!

Засмеялась принужденно и Сабрина, хотя ей было вовсе не до смеха. Она чувствовала, что попала в тупик, устроенный ей сестрою. Письмо, на которое не раз уже намекала Вега, действительно рассеяло опасения, которым предавалась Сабрина. У нее никогда не возникало сомнения в верности того, кто был ей дорог и кому была дорога она, но она боялась за его жизнь, и его последнее письмо, извещавшее о... возвращении с войны, успокоило ее и заставило «повеселеть», как выразилась Вега.

— Слава богу, что Реджинальд Тревор не имеет для тебя никакого значения, дорогая сестренка, — поспешила она свести разговор с себя на тему о Треворе. — Если бы мы с отцом знали это раньше, то мы были бы избавлены от больших забот.

— Забот? О чем? — наивничала Вега.

— Ну, конечно, о тебе.

— По какому же поводу?

— Да по поводу вот этого кавалера, — пояснила Сабрина, кивнув на всадника.

— Напрасно вы так заботились обо мне, Саб, — возразила серьезным тоном Вега. — Я теперь уже достаточно велика, так что сама могу позаботиться о себе в подобных случаях.

Это звучало гордо со стороны молоденькой девушки, едва достигшей семнадцатилетнего возраста, но мнившей себя такою же взрослою, как двадцатилетняя Сабрина. Эта наивная на вид девушка обладала, однако, очень независимым характером, и не только не намерена была терпеть над собою контроль старшей сестры, но даже считала себя вправе контролировать сестру, потому что была любимицей отца, хотя, казалось, к нему скорее подходила бы старшая дочь.

— Уж не вашим ли с отцом заботам следует приписать то обстоятельство, что Реджинальд вот уже около двух недель не показывался у нас? — допытывалась, придравшись к случаю, Вега.

— Тут я ровно ни при чем, Вегочка, — ответила Сабрина.

— Так, значит, один отец? Да? Это-то ты уж наверное знаешь, и я прошу тебя сказать мне. По твоему лицу вижу, что ты знаешь, Саб.

— Да, наша горничная Гуензсиана как-то проговорила мне, что между этим франтом и нашим отцом произошло объяснение, после которого «красное перо» и перестало появляться в нашем доме. Отец прямо сказал ему, что находит излишними его посещения.

— Да? Ну и что же возразил на это обладатель красного пера? Наверное, длинноухая Гуензсиана слышала это и сообщила тебе, — продолжала Вега, отмахиваясь от роя комаров, приставшего к ней.

Сабрина взглянула на сестру и, убедившись, что та действительно серьезно не заинтересована, ответила:

— К сожалению, горничная не расслышала, что именно сказало в ответ отцу «красное перо». Она только сообщила мне, что «перо» что-то глухо пробормотало сквозь зубы и тотчас же удалилось с видом полного разочарования.

— Странно, что Гуензсиана ничего не сказала мне, — заметила Вега. Девушке в самом деле казалось странным, что Гуензсиана, всегда выказывавшая именно ей, своей молодой госпоже, особенную симпатию, ничего не сообщила ей об этом.

— Нисколько не странно, — возразила Сабрина. — Гуензсиана боялась, как бы это не расстроило тебя.

— Ха-ха-ха! Какая удивительная деликатность!.. Но Гуензсиана не хуже вас с отцом должна бы знать, что это на меня нисколько не повлияет.

— Радуюсь, Вегочка, твоему благоразумию. Но отец, очевидно, не предполагал в тебе такой рассудительности, иначе он был бы избавлен от лишней неприятности. При его характере ему, конечно, было очень неприятно устраивать Реджинальду такие проводы, как их описала Гуензсиана. Она говорила, что отец был очень взволнован и что...

Сабрина вдруг прервала свою речь, когда, взглянув на дорогу, вдруг увидела, как вслед за «красным пером» и его спутником на противоположном скло-

не стали выступать фигуры еще двух всадников, по-видимому кавалеров, а за ними двух верховых, похожих на слуг.

«Боже мой! — подумала она. — Да сюда движется целая кавалькада. Но он едва ли среди нее. Писал, что приедет с одним своим Губертом. Может быть, это из банды тех разнузданных забияк, которые называют себя роялистами. Лучше поспешить назад». Страхи Веги, пожалуй, все-таки были основательны.

Теперь Сабрина сама уже стала торопить домой сестру, которая по этому поводу насаждала ей несколько добродушных колкостей, а потом вместе с Гектором стрелою помчалась вниз по откосу.

Глава VI

ИСТИННО-КОРОЛЕВСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Трудно вообразить себе уголок лучше того, в котором было расположено поместье Холлимид. Находясь в северо-западной полосе Динского леса, оно господствовало над Вайей в том пункте, где эта прелестная река с красным песчаниковым дном, прозмеившись по зеленым тучным лугам Гирфордшира, сворачивает к угленосным горам Монмаутса. Эти крутые каменистые высоты, идущие наперерез реке, смотрят так гордо, словно никакая сила не в состоянии их тронуть. Однако река в течение столетий проложила-таки себе путь сквозь эти твердыни. Разумеется, это далось ей не легко. В некоторых местах ей пришлось делать такие крутые изгибы, что она казалась обертывающеюся вокруг себя. Течет она среди прорванных ею преград очень быстро и стремительно.

С трех сторон это место обставлено горными кряжами всевозможных видов и пород, начиная с древнейших на земле разноцветных базальтов, гнейсов, сиенитов и гранитов. Только с четвертой, южной, нет горных высот; там темнеются одни густые леса. Перед самым же господским домом в Холлимиде расстился на обширном пространстве своеобразный природный парк, в котором деревья словно чьей-то прихотливою рукою были разбросаны среди лужаек с сочною свежою травою. Но посередине этого парка была прекрасная аллея, по обеим сторонам усаженная вековыми дубами. Эта аллея вела к проезжей дороге, которая шла из Руардина в Уольфорд, а оттуда — на Росс.

Сам дом был построен в стиле времен Тюдоров, когда кирпич еще был дорог, потому что его мало выделялось, а дерева было в изобилии и оно почти ничего не стоило. При перестройке дома был употреблен тот и другой материал: остов его был сложен из массивных дубовых бревен, а промежутки между образовавшимися клетками заложены кирпичом и оштукатурены. Получилось нечто очень своеобразное по виду и пестроте окрасок. Почти почерневшие бревна чередовались красными, желтыми и белыми пятнами, смотря по тому, совсем ли осыпалась белая штукатурка кирпичей или только отчасти облупилась и кое-где была наведена заново. Резные карнизы и украшения вокруг окон, дверей и других мест пестрели остатками и других красок, посредством которых разные владельцы хотели придать более веселый вид своему жилищу. Сама архитектура дома была неправильная и прихотливая, так что он весь был в выступах, вышках и боковых пристройках. Окна были разбросаны как попало, разных величин и форм.

Такою же прихотливостью отличалось внутреннее расположение комнат в

доме и их убранство. Из передней поднималась вверх лестница с дубовыми перилами, для отделки которых искусный резчик не пожалел труда. К каждой площадке примыкали полутемные ходы, ведущие к комнатам, из которых не было и двух на одинаковом уровне. Комнаты эти были в большинстве спальнями, но почти все проходные. Повсюду были ступени, вверх и вниз, и знакомый с этими «тонкостями» распланировки на каждом шагу рисковал сломать себе ногу или шею.

Но подобные неправильности могут показаться неудобными и опасными только для современных поколений. В прежнее же время жилища вроде холлимидского дома не представляли ничего особенного и были всюду распространены в глуши старой Англии. Люди, строившие их и жившие в них, ходили по ним вполне уверенно и спокойно. Еще и до наших дней там сохранилось несколько таких своеобразных домов, свидетельствующих об искусстве или, вернее, о плохом умении строителей времен Тюдоров.

Владелец Холлимида, мистер Эмброс Поуэль, вполне подходил к своему родовому гнезду. У него были необычайные вкусы и склонности, как можно заметить уже по тому, что он назвал обеих своих дочерей так же, как назывались те две реки, которые, подобно сестрам, проистекают из одних и тех же недр. Эти реки теперь называются Вайя и Северна, а раньше назывались Вегою и Сабриною. В его владениях, близ дома, была заросшая мелкою порослью беседка, где он любил в летние дни проводить целые часы наедине со своими любимыми книгами и не менее любимую природою.

Эмброс Поуэль любовался природою не как ленивый мечтатель, а как трудолюбивый наблюдатель и исследователь, стремившийся проникнуть в ее вековые тайны. Но он не убегал и от жизни со всеми ее запросами, не прятался и от людей. Напротив, он любил человечество и страстно интересовался социальными, политическими и бытовыми вопросами. Всесторонне изучив все условия человеческого бытия, общественного и государственного уклада, он пришел к выводу, что самый лучший строй — республиканский. В душе он был пуританином, но не из крайних, которые нередко доходят почти до изуверства. Всего более он примыкал к той группе пуритан, которая была известна под названием «друзья», или «квакеры», и особенно яростно преследовалась в те дни. Эта группа, несмотря на свою малочисленность, гораздо более способствовала упорядочению и очищению нравов в Англии, чем официальные проповедники епископальной церкви.

Впрочем, мистер Поуэль не был вполне и квакером. Разделяя лишь их основные взгляды, он очень резко расходился с ними из-за их крайней склонности к непротивлению. Гордый и независимый по характеру, он всеми силами восставал против излишнего пуританского смирения, подставлявшего обидчику, ударившему в одну щеку, и другую. Он скорее готов был дать сдачи, и эту черту его характера вполне может осветить сцена, которой предстояло разыгаться у него в доме в описываемый нами вечер.

Ужин был уже готов, когда запыхавшиеся от быстрого бега сестры вернулись с прогулки, но они спешили не в столовую, хотя дорогою и уверяли друг друга, что очень проголодались. Не дав себе времени, чтобы снять верхнюю одежду и привести себя немного в порядок, обе девушки бросились в гостиную, окна которой выходили к тяжелым дубовым воротам, поддерживаемым толстыми, сверху донизу обвитыми плющом кирпичными столбами. Едва де-

вушки успели выглянуть в окно, как в ворота стал въезжать Реджинальд Тревор. Ворота были далеко от дома, и девушки не могли еще видеть выражения лица въезжавшего. А если бы увидели, то поняли бы, что он сильно взволнован. Ему, видимо, было не особенно приятно показываться вновь здесь после того, что произошло между ним и хозяином этого дома, но он подбадривал себя какою-то мыслью, однако тоже имевшею свою неприятную сторону. Все это ясно выразалось на его подвижном лице и в красивых темных глазах.

Действительно, Реджинальду Тревору еще никогда в жизни не приходилось чувствовать себя так неловко, как в эту минуту. Он знал, что везет с собой нечто такое, что нанесет его обидчику такой же удар, какой он, Тревор, сам получил от него. Это доставляло молодому человеку и некоторое удовлетворение, и вместе с тем мучило его. Ведь после этого как бы ответного удара он навсегда испортит свои отношения с отцом девушки, которую так искренне и беззаветно полюбил. Но его тут же утешала мысль, что, быть может, сама девушка, эта простенькая, наивная полевая маргаритка, какою она ему казалась, не разделяет взглядов своего отца; остальное же со временем уладится и без этого чересчур уж резкого старика. Затем вдруг мелькнула еще мысль: ведь как-никак, а он едет с крайне неприятным поручением, таким неприятным, что стыдно и выполнять его. А, чтоб пусто было этому Джону Уинтору и еще кое-кому, поставившим его, Реджинальда, в такое щекотливое, почти безвыходное положение!

Когда он стал подъезжать к самому дому, то сразу увидел смотревших на него в окно девушек. Заметив, что обе девушки в шляпах, он понял, что именно их-то он и видел стоящими на горе, а потом бегущими домой, только не по той дороге, по которой ехал он, а по боковой тропинке. Очевидно, они узнали его и Вега хотела бы встречать гостя милою, ободряющею улыбкою, а может быть, и еще более милым словом, но не решалась на это. Впрочем, пока довольно и того, что они хоть в окно смотрят. Сердце молодого человека забило было сильнее, но тут же и упало: вместо приветя, прелестное личико Веги выражало презрительное равнодушие, а черные брови Сабрины были нахмурены прямо враждебно. И когда он хотел снять шляпу и раскланяться перед девушками, они круто отвернулись от окна и скрылись. На крыльце же появился сам хозяин дома и со строгим видом поджидал приближения незваного гостя.

Несколько мгновений царило тяжелое молчание. Гость не решался ни заговорить первым, ни сойти с коня, не получая приглашения со стороны хозяина. Мистер Поуэль ожидал объяснения, зачем пожаловал нежеланный гость, а последний хотя и понимал, что должен дать это объяснение, но не знал, как к нему приступить, и совершенно смущенный тоже молчал. Наконец хозяин с кислую улыбкой осведомился:

— Что вам еще угодно от меня, мистер Тревор? Вам, кажется, опять за чем-то понадобилось меня видеть?

— Да, именно вас. Кого же еще? — грубовато отрезал посетитель, обозленный этим новым оскорблением.

— В таком случае прошу вас скорее изложить вашу надобность, — тем же тоном продолжал Поуэль. — Быть может, вы имеете сказать мне всего несколько слов? Можете сделать это, не сходя с седла. Но если необходимо, я могу и пригласить вас войти в дом.

Сами слова Поуэля, тон, каким они были произнесены, и взгляд, который их сопровождал, — все это был ряд пощечин для блестящего кавалера. Побледнев, он выпрямился на стременах и с резко подчеркнутой иронией отчеканил:

— Благодарю вас, сэра. Мне нет надобности входить под ваш «гостеприимный» кров. То, что мне поручено передать вам, я могу вручить и здесь, оставаясь на лошади. Я предпочел бы вручить это кому-нибудь из ваших слуг, но раз вы очутились здесь, у дверей вашего дома, сами, то позвольте вручить вам лично.

С этими словами молодой человек вытащил из-за пазухи большой конверт казенного вида с красною сургучной печатью. Печать была королевская. Эмброс Поуэль молча взял конверт и, тут же вскрыв его, прочитал про себя следующее королевское послание:

«Дворянину Эмброзу Поуэлю».

«Благосклонно приветствуем вас, верного нашего подданного» — так началось письмо. Далее тягучим канцелярским слогом описывалось право короля совершать частные займы у своих подданных, затем излагалось предложение внести в частную кассу короля, для военных и других надобностей, три тысячи фунтов стерлингов, которые-де, по истечении полуторагодового срока, будут возвращены полностью. Письмо заканчивалось словами, что получить эту сумму король доверяет сэру Джону Уинтору, которому Эмброс Поуэль и должен представить ее не позже двенадцати дней по получении этого послания, и что сэром Джоном Уинтором будет выдана форменная расписка в получении денег. Затем следовали печать и собственноручная подпись короля.

— Вначале как бы просьба, а в конце уж прямо разбойничье требование! — с едким смехом проговорил тот, которому адресовано было это письмо.

— Позвольте мне, мистер Поуэль, заметить вам, что я служу не только сэру Джону Уинтору, который послал меня к вам с этим поручением, но и королю, поэтому не могу допустить, чтобы вы так отзывались о короле. Вы, кажется, осмелились назвать его разбойником?

Мистер Тревор произнес эти слова, задыхаясь от разнообразных чувств, теснившихся в его груди. Он едва сдерживался, чтобы не выйти из границ приличия.

— Вы можете думать все, что хотите. Это вам не воспрещается, — с ироническим смехом отвечал Поуэль, разрывая королевское послание и бросая клочки под ноги лошади всадника. — Поезжайте обратно и доложите вашему непосредственному начальнику, как я поступил с этою... с этой просьбой о помощи на бедность.

Нечаянно взглянув вверх, Тревор снова увидел прекрасные личики обеих сестер и прочел на них полное одобрение ответа отца. Посланцем овладело такое бешенство, что он чуть было не прибег к насилию над стариком, бросившим оскорбление не только ему, Тревору, но и тем, кому он служил. Но, сделав над собою громадное усилие, молодой человек сдержался, сообразив, что он со своим слугою слишком слаб в сравнении с целою толпой челяди, выглядывавшей из всех дверей надворных построек и, видимо, готовой грудью броситься на защиту своего хозяина. Их насмешливые лица и злорадное хихиканье ясно доказывали, что они с особенным удовольствием занялись бы этим господчиком, ненавистным им уж за одно то, что он принадлежал к партии

короля. К тому же его оскорбитель все-таки был отцом боготворимой девушки, и с этим своим чувством Тревор не мог не считаться. Поборов себя, молодой кавалер почти смиренно сказал:

— Ваш поступок, мистер Поуэль, лично меня мало касается. Поверьте, что это поручение для меня крайне неприятно и я принял его на себя лишь в силу необходимости.

— Верю. Поручение действительно не из приятных, — с прежним сарказмом произнес Поуэль. — Поэтому вы, разумеется, не станете дольше задерживаться здесь и поспешите удалиться отсюда, стряхнув с себя поскорее эту неприятность... Впрочем, быть может, вы найдете нужным, в довершение вашей обязанности, подобрать остатки королевского послания и отвезти их обратно усерднейшему рабу королевы, а вашему господину сэру Джону Уинтору. Я вам в этом не воспрепятствую.

Идти дальше по пути насмешки было некуда. Тревор чувствовал это и при каждом слове строптивного старика вздрагивал, словно от удара хлыстом. Но снова, в третий раз, он храбро проглотил горькую обиду и, окинув пылающим взглядом теснившуюся возле него толпу челяди, глядевшей на него с самым неприязненным видом, круто повернул лошадь и направился к воротам.

— Желаю вам доброго вечера, мистер Поуэль! — сдавленным голосом крикнул он своему беспощадному врагу.

— Желаю и вам того же, сэр! — с преувеличенной вежливостью отозвался старик.

Однако как ни бодрился Поуэль, но на душе у него было тревожно. Он знал, что король, несмотря на ослабившую его парламентскую оппозицию, все же имел еще достаточно силы, чтобы уничтожить его, мелкого дворянина. Вернувшись в гостиную, куда собрались его дочери, он сказал:

— Милые детки, та грозовая туча, приближение которой я уже давно предвидел, в настоящую минуту нависла над нашим домом. Нам, пожалуй, придется или покинуть наш милый Холлимид, или же, укрепив его, и защищаться в нем.

Глава VII

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пока в Холлимиде шел совет, что предпринять, Реджинальд Тревор при выезде из холлимидского парка неожиданно встретился с двоюродным братом Юстесом, ехавшим, как мы уже знаем, рядом с Ричардом Уольвейном и со слугами позади. Кузены давно уже не виделись, но каждый из них знал, где должен находиться другой. Реджинальд был уверен, что Юстес поступил ко двору, и никак не ожидал встретить его здесь, у порога дома, который одновременно и тянул его к себе, и упорно отталкивал. В свою очередь и Юстес не предполагал, что увидит в этом месте Реджинальда, о возвращении которого с войны он не имел сведений. Оба были изумлены этой неожиданною встречей.

— Ба, Юст! Тебя ли я вижу? — воскликнул Реджинальд, сдерживая лошадь и окидывая беглым взглядом незнакомого ему спутника своего кузена. — Откуда ты?

— Редж?.. Вот удивительная встреча! — вскричал и Юстес, опережая своего спутника.

— Что это с твоей рукою, Юст? — вдруг спросил Реджинальд, увидев окровавленный рукав и перчатку кузена. — Ты ранен? Подрался с кем-нибудь?

— О, это пустяки, простая царапина! — возразил со смехом Юстес, протягивая для пожатия свою левую руку.

— Но чем нанесена эта «царапина»?

— Кончиком шпаги.

— Ну так и есть, значит, дрался! Да с кем же и где?

— Пожалуйста, потише, Редж! Мне не хотелось бы, чтобы этот джентльмен слышал нас, — взмолился юноша, указывая глазами на сэра Ричарда, который скромно оставался в стороне.

— Так это с ним у тебя было дело, Юст?

— Да.

— И он победил тебя?

— Сразу.

— Гм?.. Странно! Ты ведь хороший фехтовальщик, хотя и слишком горяч. Но еще страннее, что ты находишься в компании своего противника. Уж не в плену ли ты у него?

— Есть отчасти.

— В таком случае моя шпага к твоим услугам. Я отомщу за тебя и освобожу от любого слова, которым ты связал себя, и вообще от всяких обязательств.

Всего несколько минут назад Реджинальд Тревор принес в жертву свое самолюбие, уклонившись от угрожавшей ему схватки с холлимидской челядью; теперь же, ввиду возможности равного боя с равным противником, он был полон храбрости и мужества. Была пролита кровь Треворов, благородная кимврская кровь, и это требовало отмщения. Кузены никогда не были особенно дружны, но родственная связь давала себя знать во всем, что касалось родовой чести.

— Вызвать мне его, Юст? — спросил шепотом Реджинальд, наклонившись к кузену. — Скажи да, и он у меня живо затрещит по всем швам.

— Ах нет, нет, дорогой Редж! Благодарю тебя за участие и предложение, но этого не следует делать.

— Ну, как знаешь, Юст. Но мне, право, очень досадно видеть своего родственника в таком униженном положении и сильно хотелось бы помочь тебе вернуть свое достоинство. Твой противник, кажется, одних лет со мною и, по видимому, порядочный малый. Мне доставило бы большое удовольствие сразиться с ним.

— Верю, Редж, но еще раз прошу тебя оставить это. Не сердись на меня, если я скажу, что и тебе самому несдобровать бы с ним. Ты и не заметишь, как он отделает тебя еще чище, чем меня.

Как ни было любезно предложение Реджинальда выступить за него, но Юстес почувствовал себя уколотым. Юноша видел в этом предложении намек на свою собственную слабость. Поэтому он и говорил не без некоторой насмешки. Реджинальд заметил это и раздраженно спросил:

— Ты шутишь, Юст? Что ты за ерунду несешь?

— Совсем не ерунду, я говорю правду, — тоже немного надувшись, возразил юноша. — Этот джентльмен один из великолепнейших бойцов и наездников, каких я когда-либо видел. Он доказал мне свое превосходство в несколько минут, а если бы захотел, то мог бы сделать это еще скорее. Хотя я и сам, как ты знаешь, неплохо владею шпагой, но против него казался ребенком, размахивающим деревянным или картонным мечом. Да он так и смотрел на меня, как я потом узнал. Он сначала только немножко поиграл со мной, а потом вдруг так ловко ткнул меня в руку, что моя шпага далеко отлетела в сторону. Но это еще не все. Он обезоружил меня и в другом смысле: сделал из врага почти друга. Потому я и сказал, что я у него как бы в плену.

— Гм... Все это очень странно, — повторил Реджинальд, подавляя новую вспышку гнева. Но оставим это. После расскажешь подробности. Пока же скажи мне, как и зачем ты попал сюда. Я думал, ты так внедрился в стенах уэст-минстерского дворца и так увлечен ласками хозяйки этого дворца, что тебе не до сельских идиллий. И вдруг встречаю тебя в лесной глуши, далеко от блестящей придворной и городской суетни. Разве она для тебя уж не имеет никакой привлекательности и цены? Как же это могло случиться, Юст? Объясни, пожалуйста.

— Охотно объяснил бы, дорогой Редж, но сейчас неудобно. Видишь, меня ждет сэр Ричард.

— Какой сэр Ричард?

— Уольвейн... Вон тот, мой недавний противник, а теперь новый приятель.

— А, так вот как зовут твоего великодушного победителя.

— А ты разве знаешь его?

— Понаслышке — да, но до сих пор ни разу еще не видал его... Но как же ты с ним столкнулся и из-за чего вы поссорились?

— Оставь и эти вопросы до более удобного времени, Редж. Право, сейчас неловко...

— Ну, хорошо, хорошо. Но скажи мне, по крайней мере, зачем ты едешь в Холлимид? Надеюсь, ответ на этот вопрос не отнимет у тебя много времени.

— В какой Холлимид? — удивился Юстес.

— Ну вот, ты даже не знаешь названия усадьбы, в которую въезжаешь! — со смехом проговорил Реджинальд. — Неужели и в самом деле ты не знал это-

го до сих пор?

— Честное слово, не знал.

— Не знать, как называется усадьба Эмброза Поуэля!

— А это еще кто такой? — все более и более недоумевал Юст.

Не менее юноши недоумевал и его кузен.

— Ты даже имени лица, которое ты собираешься посетить, не знаешь? — продолжал спрашивать Реджинальд, делая большие глаза.

— Право... не знаю, — почти робко ответил юноша, начиная теряться.

— Совсем, значит, ничего не знаешь об этом лице?

— Ровно... ничего.

Юноше хотелось откровенно добавить: ничего, кроме того, что у него две «прелестные дочки», но его удержала мысль, что этим он нечаянно может задеть какую-нибудь чувствительную струну в сердце кузена.

— Вот чудеса-то! — снова смеясь проговорил Реджинальд. — Ты, придворный, едешь знакомиться, по-видимому с самыми мирными намерениями, с самым заклятым и опасным врагом королевской власти, с человеком, который ненавидит и короля, и двор, и церковь, и более всего твою покровительницу королеву, по милости которой ты и попал ко двору. Я сам слышал, как мистер Поуэль называл ее Иезавелью, с присоединением некоторых очень неместных эпитетов.

— Нехорошо с твоей стороны, Редж, что ты, будучи ревностным роялистом, мог хладнокровно слушать такие вещи! — пылко вскричал юноша.

— Я не говорил, что слушал их хладнокровно. Охотно остановил бы его кощунство, если бы не...

— Если бы не... Что же ты замялся, Редж?

— По некоторым причинам, о которых, быть может, ты узнаешь в другое время. Ведь и у меня так же, как у тебя, Юст, есть свои тайны.

Юноша подумал, что он угадывает одну из этих тайн, но смолчал и ограничился возражением:

— Однако продолжаешь же ты бывать у этого ненавистника короля? Ведь от него ты едешь? Или эта дорога ведет еще к кому-нибудь из здешних дворян?

— Нет, я был у мистера Поуэля, но после его приема полагаю, что не скоро опять попаду к нему.

— А, значит, тоже была ссора? По какому поводу?

— По довольно серьезному. Мне было поручено отвезти мистеру Поуэлю письмо короля с требованием ссуды... Я теперь состою на службе у сэра Джона Уинтора, который является королевским агентом по сбору денег в частную казну короля в этом графстве и в глочестерском. Вот я и имел удовольствие быть посланным сюда с одним из королевских посланий, — пояснил Реджинальд.

— И денег ты не получил, — подхватил Юстес. — Вижу это по твоему лицу.

— Да, Юст. Вместо денег, я получил другое: клочки разорванного мистером Поуэлем королевского письма. Положим, эти клочки были брошены под ноги моей лошади, а не прямо мне в лицо, но от этого мне не легче. Вызов брошен королю, сэру Джону, мне — одним словом, каждому роялисту. Разумеется, этим дело не кончилось. Сгоряча я сказал, что не скоро опять буду здесь, но это неправда: я буду не в далеком будущем. Тогда и разговор у нас с мистером

Поуэлем будет другой и вся картина изменится... Но что теперь скажешь ты, кузен? Неужели после того, что ты слышал от меня об этом доме, ты все-таки еще намерен войти в него? Я бы посоветовал тебе лучше повернуться к этому очагу мятежа спиной и поехать со мною в Росс, куда я сейчас направляюсь.

— Ах, дорогой Редж, — сокрушенно ответил Юстес, — сделать так, как ты мне советуешь, будет такою грубостью с моей стороны, на какую я не способен. Ведь этим я нарушу и вежливость и простую благопристойность, не говоря уже о благодарности. Я и без того сильно злоупотребил терпением и снисходительностью сэра Ричарда, заставив его так долго ждать.

— Да, это правда, — согласился Реджинальд. — Ну, так делай как знаешь, мой милый Юст. Я не могу заставить тебя сделать то, чего, очевидно, не желает твой новый приятель. До свидания.

Простившись с кузеном, королевский посланец поскакал в противоположную сторону от дороги, на которой произошла его встреча с Юстесом. Мимо сэра Ричарда Уольвейна проезжать не пришлось. Таким образом, оба джентльмена в этот раз так и не познакомились.

Глава VIII СЦЕНА В КАМЕНОЛОМНЯХ

— Ну, двигайся же, Джинкем! Чего ты плетешься как безногий!.. Живее же, говорят тебе!

Эти хриплые окрики сопровождались градом ударов палкою по спине небольшого осла, полускрытого под тяжестью двух огромных корзин, висевших у него по тощим бокам.

— Да будет тебе, Джек, мучить так бедное животное! Дай ему передохнуть. Ведь этот подъем один из самых тяжелых.

— Да, но зато корзины-то почти пустые. Чего ему еще? Уж очень ты жалостлива, Уини!

— А у тебя совсем нет сердца, Джек. Когда он давеча нес эти корзины в Моннертс, они были полные доверху. Туда и назад — четырнадцать миль, и без отдыха. И он ничего не ел, кроме того, что сощипнул мимоходом.

— Тем больше ему причины скорей попасть домой. Если бы он умел говорить, то, наверное, сказал бы то же самое, что говорю я.

— Может статья. Но все-таки он очень устал и, конечно, еле тащит ноги. Ты хоть не бей уж его больше, Джек, слышишь?

— Ну, ладно, не буду... Ползи же скорее, Джинкем. Еще какая-нибудь миля — и ты будешь дома, на лужке, по самые уши в хорошей, сочной траве. И почавкаешь всласть, и отдохнешь там до утра. Постарайся еще немножко, пошевеливайся!

Точно поняв, что ему говорят и какую оказывают милость, осел стал напрягать последние силы, истощенные долгим трудным переходом по горам и такою же долгою голодовкою.

Провожатые осла были мужчина и женщина, оба довольно необычайного вида. Мужчина отличался очень маленьким ростом и ковылял на деревянной ноге. Женщина была выше его на целую голову именно потому, что сам-то он был уж очень мал. Ее простая, домотканая, мешковато скроенная и сшитая одежда не могла скрыть ее красивой пропорциональной фигуры, а глаза и во-

лосы были так хороши, что многие герцогини и принцессы охотно отдали бы за них все свои драгоценности, если бы можно было купить живые глаза и заставить чужие волосы расти на своей голове. Эти волосы, черные как вороново крыло, длинные и густые, были свернуты жгутом и заколоты вокруг головы шпильками. Как волосы, так и огромные черные глаза под такими же черными пушистыми бровями, с длинными ресницами, бронзовый цвет кожи и черты лица напоминали цыганский тип. Напоминало об этом типе и то, что на всем облике молодой женщины лежала печать привычной неопрятности, и каждый, взглянув на нее, мог сказать: «Какая бы это была красавица, если бы она имела обыкновение умываться, причесываться и одеваться!»

Тот, с кем она шла, был ее старший брат, за свою подпрыгивающую походку, к которой вынудила его деревянная нога, прозванный Джеком Прыгуном. Он тоже был похож на цыгана, хотя вместе с сестрой происходил от одних и тех же родителей, коренных англичан. Оба они, подобно цыганам, занимались продажей кур и другой птицы на двух ближайших рынках — в Монмаутсе и Россе. Тщедушный, малосильный и вялый, Джек невольно подчинялся своей младшей сестре, Унифреде, обладавшей избытком силы и энергии.

День был рыночный, и брат с сестрой ходили в Монмаутс, где продали свой товар и закупили себе кое-чего другого, необходимого в хозяйстве. До вершины перевала оставалось немного, а там остальная часть дороги была легче для усталых путников. Впрочем, Унифреда поднималась таким легким шагом, словно и понятия не имела об усталости. Измучились только Джек да больше всего бедный ослик.

Однако отдых для терпеливого четвероногого неожиданно наступил раньше, чем это было обещано хозяином. В одном месте, где дорога врезалась между двумя откосами, поросшими густым кустарником, из-за кустов вдруг выскочил человек, вид которого мог привести в содрогание любых мирных путников, не приготовленных к таким встречам. Но те, перед которыми он так внезапно появился, не только не выразили испуга, а напротив, вполне дружески приветствовали его.

Это был мужчина лет тридцати, исполинского роста и богатырского телосложения, с целою копной темно-русых щетинистых, торчащих во все стороны волос на огромной голове, с рыжей, окладистой, включенной бородою и глазами, похожими на горящие уголья. Он также напоминал цыгана. Кафтан из толстого сукна бутылочного цвета и красный плисовый жилет были издраны, словно их владельцу пришлось продирааться сквозь колючую растительность. Лицо и руки у него были такие же грязные, как у той, которая в это время скалила ему в улыбке свои прекрасные зубы.

— Ну что слышно нового внизу, возле Моннертса? — спросил, поздоровавшись, исполин, хлопнув Джека по плечу.

— Нового много, Роб, — ответил тот. — Так много, что если бы все написать, то понадобилось бы столько бумаги, сколько войдет в обе эти корзины.

Хромой привык разнообразить свой товар, забирая все, что ему попадало в руки; так же разнообразны были и цветистые обороты его речи.

— Поделись со мною хоть частью этих новостей, Джек, — сказал тот, которого звали Робом, и спокойно присел на выступ откоса, заставляя этим остановиться и своих собеседников, к огромному удовольствию измученного осла.

— Гроза надвигается, Роб, гроза с трескучим громом и смертельными мол-

ниями, — начал Джек, располагаясь рядом с приятелем, между тем как его сестра осталась стоять, сложив руки под своим пестрым грязным передником. — Весь рынок был полон забияк со стороны Реглена и от лорда Уорстера. Заставляли всех встречных и поперечных кричать здравицу королю, а кто не хотел, тех лупили на оба бока.

— А Джек этого очень боится, потому и орал громче всех. Я думала, у него глотка лопнет от усердия! — насмешничала сестра.

— А ты полагаешь, сладко бы мне было, если бы за мое молчание меня те озорники повалили, сняли с меня деревяшку да ею и переломали бы мне ребра? — огрызнулся Джек. — Разве ты не видала, как одного храбреца, осмелившегося крикнуть: «Да здравствует парламент!» — чуть в ключья не разнесли? Поэтому я и орал что было мочи: «Да здравствует король!» — а про себя добавлял другое. От этого у меня в душе ничего не изменилось, да и тело не потерпело нового искалечения. Роб знает, какие у меня мысли. Он во мне не усомнится, как ты, сестрица, ни зубоскаль.

— Знаю, знаю, — успокоительно сказал Роб. — Ты такой же свободнорожденный форестерец, как и я, и не можешь быть заодно с теми роялистами и папистами, которые хотят закрепостить нас телом и душой и заставлять работать дни и ночи только на них да их разодетых кукол-любовниц, черт бы их всех подрал! А что зря не следует лезть в петлю или под нож — с этим я тоже согласен...

Круто оборвав разговор с Джеком, рыжебородый обратился к Уинифреде с таким видом, который показывал, что ему хотелось бы поговорить с нею наедине. Джек понял это и потихоньку погнал осла дальше. Роб поднялся и стал против молодой девушки.

Эти двое людей вполне подходили друг к другу. Оба высокие, плотные, сильные, в цветущих еще годах — Уинифреда была лет на десять моложе Роба; оба смелые, безбоязненные, решительные и, несмотря на убожество одежды и даже неопрятность, полные природного величия, не зависящего от среды и обстановки. Так и чувствовалось, что они должны любить друг друга. И это было верно: их взаимная любовь была такая же пламенная, чистая и нежная, как если бы их сердца бились не под грязными лохмотьями, а под шелком и бархатом придворных одежд. Но оставшись наедине, они не обменялись ни одним словом любви. Должно быть, они считали это лишним.

— Обо мне ты ничего там не слыхала, Уини? — спросил Роб, наклоняясь к девушке, хотя она была не намного ниже его.

— Слышала, Роб.

— Да? А что именно?

— Удивляются, как это ты бежал из тюрьмы, и обвиняют Уилли Моргана в том, что он помог тебе. Третьего дня пришел отряд из Лиднея с тем офицером, который недавно поступил на службу к сэру Джону Уинтору... Кажется, его называли Тревором...

— Верно, Тревором. Я его знаю. Это он меня и засадил в тюрьму, — перебил Роб.

— Разве он?.. Хорошо, запомним. Ну, так вот этот Тревор схватил Моргана и потащил его в Лидией, где сэр Джон устроил собственную тюрьму. Там вышла маленькая передряга. Моннертский губернатор лорд Герберт сказал, что Морган подсуден ему, а лорд Уинтор объявил, что так как ты попался в браконьер-

стве в здешних лесах, а Морган тебе помогал, то это дело подсудно ему, Уинтору. Ну, за ним и осталось последнее слово, и Уилли теперь у него. А он и вправду немножко помог тебе, Роб?

— Не только немножко, а вполне. Если бы не он, я и сейчас сидел бы в Лиднее. А вот теперь он и сам попал туда. Но я думаю, ему недолго там быть, если то, что я сам слышал, верно...

— А что ты слышал, Роб?

— Да я познакомился с теми, которые на днях побывали в Лиднее и принесли оттуда слухи, что парламент выгнал из Лондона короля и повернул теперь все по-своему. Если это окажется верным, то ведь и лорду Уинтору недолго осталось своевольничать. Мы, форестерцы, покажем ему совсем другое лицо, чем он привык видеть у нас. Нам поможет один человек. Быть может, он и станет у нас во главе всех.

— Кто же это, Роб?

— Это один из настоящих друзей народа. Он только что вернулся с войны. Храбрец такой, каких мало, и притом честный человек.

— О, я знаю, о ком ты говоришь! — воскликнула девушка. — О сэре Ричарде Уольвейне? Верно?

— Совершенно верно, Уини. Он самый и есть. А ты разве знаешь его?

— Знаю. Он прежде часто бывал в Холлимиде, чуть не каждый день. И как бывало, едет мимо нас, непременно остановится, чтобы поговорить с Джеком. Думается, кое-кто в Холлимиде помнит его еще лучше меня.

— Кто же именно?

Старшая дочка мистера Поуэля мисс Сабрина. Я это знаю по секрету от их прислуги.

Девушка пустилась в подробности, не забыв упомянуть и о слуге сэра Ричарда, Губерте, который, по ее словам, тоже не пропускал случая «почесать язык» с ее братом. Эти подробности заставили было Роба нахмуриться, но он превозмог себя и, не высказав мелькнувшего у него в уме ревнивого подозрения, заговорил с девушкой более теплым тоном.

— Ну вот, дорогая Уини, — продолжал он беседу, — этот самый сэр Ричард, как мне говорили, начинает набирать солдат для парламента. Если это правда, то одним из этих солдат, и наверное не худшим, будет и Роб Уайльд. Надеюсь, что он в грязь лицом не ударит.

— О, ты будешь самым храбрым из всех, милый Роб! — вскричала девушка.

И в пламенном порыве она бросилась своему собеседнику на шею и стала покрывать его лицо жгучими поцелуями.

Весь дрожа от блаженства, Роб отвечал девушке такую же бурную ласкою, до боли стиснув ее в своих мощных объятиях, хотя она и сама была не из хрупких. Но вдруг он разжал руки и напряженно к чему-то прислушался. Его примеру последовала и девушка. Тонкий слух лесного браконьера не обманул Роба: по направлению из Руардина ясно слышался топот по крайней мере двух лошадей. Может статься, это были друзья, но, быть может, и враги. Совесть человека, промышлявшего чужою дичью и вдобавок еще убежавшего из тюрьмы, подсказывала, что это скорее всего враги. Поэтому первым движением Роба было броситься назад в кусты и оставить девушку одну на дороге; ее, наверное, никто не тронет. Но пока он будет карабкаться на крутой откос, к месту, где гуще разросся кустарник и можно было укрыться, всадники легко увидят

его. Они неслись вскачь и каждое мгновение могли появиться здесь. К счастью, Роб заметил в противоположном откосе покрытый сорными растениями пролом и вспомнил, что это должен быть вход в старые, давно заброшенные каменоломни, где когда-то добывался известняк. Недолго думая, он схватил девушку за руку и повлек за собою в пролом. Уинифреда поняла, в чем дело, и доверчиво последовала за ним.

Но было уже поздно. Ехавший впереди всадник — Реджинальд Тревор — успел заметить беглецов. Он заинтересовался ими и пустил своего коня вслед за ними. Через минуту, не слезая с седла, так как пролом был достаточно высок и широк для прохода лошади с всадником, преследователь очутился в обширной каменоломне, лицом к лицу с Робом и его возлюбленной. Видя, что их попытка скрыться не удалась, молодые люди остановились и стали выжидать дальнейшего.

— А, это ты, мой милый великан! — весело вскричал Реджинальд, окидывая беглецов насмешливым взглядом. А с тобою и сестрица Джека Прыгуна. Знаю их обоих. В любовь, что ли, вы тут играете? Ха-ха-ха! Парочка подобралась на славу... Жаль только, что мне невольно пришлось прервать ваше приятное свидание. Но вы сами виноваты: что бы вам пораньше, а не у меня на глазах залезть сюда, чем целоваться на открытой дороге?.. Эх, неприятно мне это, но делать нечего. Придется разлучить вас, милые голубки... Ну, — продолжал всадник, обнажая шпагу, — марш за мной, мистер Роб! В Лиднее соскучились по тебе, и я дал слово, что недолго заставлю тамошних твоих друзей томиться по тебе.

— Как бы вам не пришлось нарушить ваше слово, — спокойно сказал Роб, вытаскивая из-под кафтана длинный складной нож и готовясь к защите.

Это было полной неожиданностью для королевского офицера, не предвидевшего, что может встретить сопротивление. Не показав, однако, и вида, что удивлен, Реджинальд направил коня прямо на браконьера с очевидною целью опрокинуть его и взмахнул саблей для удара.

Но нанести удара ему не удалось. Роб быстро бросился вперед и вонзил лезвие своего ножа прямо в ноздрю белому коню, который, пронзительно заржав от боли, поднялся на дыбы и обернулся кругом. Это сразу отдало офицера во власть того, над кем он только что смеялся, и в следующее мгновение почувствовал, как точно железные руки обхватили его и стащили с седла.

Слуга Реджинальда не оставался праздным зрителем и поспешил на помощь своему господину. Но едва он успел с обнаженным кортиком показаться на сцене, как Уинифреда, на которую слуга не обратил было никакого внимания, тигрицею набросилась на него, сдернула его с лошади и швырнула на землю. Таким образом, не прошло и нескольких минут, как офицер и его слуга, обезоруженные и спешенные, очутились в плену у своих почти безоружных противников.

Вдоволь посмеявшись над своими пленниками, Роб наконец сказал:

— Я отпущу вас обоих, если вы дадите мне слово, что не станете злоупотреблять моим великодушием и не нападете опять на меня... Впрочем, — прервал он сам себя, — от этой опасности я на время могу избавиться и другим способом... Вот, смотрите! — продолжал он, ломая, как щепы, шпагу и кортик пленников и бросая обломки им под ноги. — Теперь можете сесть на ваших лошадей и продолжать свой путь, — с насмешливым поклоном заключил бра-

коньер, отступая назад.

Королевский офицер молча встал, помог своему слуге подняться на ноги и сесть в седло, потом сел и сам на свою лошадь, все еще дрожавшую от боли, причем из носа ее текла кровь. После этого господин и слуга поспешили выбраться из пещеры, где все вышло совсем иначе, чем они ожидали, когда въезжали в нее, и пустились прямо к дороге.

— Ну, на время мы от них избавились, Уини! — произнес Роб, глядя вслед исчезающим за поворотом всадникам. — А ловко мы с ними расправились, ха-ха-ха! Но, разумеется, этим дело не кончится и нам немало придется еще повозиться с этими франтами... Впрочем, быть может, мы и одолеем их, как ты думаешь, Уини, а?

— Конечно, милый Роб! Бог нам поможет! — Убежденно ответила девушка, снова бросаясь в мощные объятия своего возлюбленного.

Глава IX ПОДГОТОВКА К БУДУЩЕМУ

Хотя дошедший до Роба Уайльда слух о том, что парламент будто бы выгнал короля из Лондона, и был преувеличен, но доля правды в нем все-таки была. Действительно, встретив со стороны парламента сильный отпор в своем смелом стремлении нарушить конституцию, Карл почувствовал себя в столице крайне неудобно. Мало того: поговаривали, что парламент хочет прижать и королеву, и эта тонкая интриганка находилась теперь в сильном смущении; она поняла шаткость тех прав, которые привыкла считать «незыблемыми» и «неприкосновенными».

Страфффорд лишился своей гордой головы, Лод сидел в тюрьме, готовый потерять и свою голову. Королева могла ожидать, что не сегодня завтра «кроважидные островитяне» захотят положить под свой острый топор и ее красивую венценосную головку. Ведь одна такая головка, прекраснее ее, уже скатилась под этим топором. Пример был дан. Ежедневно по улицам и мимо дворца двигались громадные толпы черни и грозные крики: «Долой епископов!» врывались в окна. Слушая эти крики, Карл в ужасе дрожал, вспоминая эпиграмму своего отца: «Не будет епископов, не будет и королей». Не лучше ли поискать более безопасное убежище, чем уайтгольский дворец? И королевская чета переселилась в Виндзор, где королева потихоньку успокоилась и затем через Дувр ускользнула в Голландию.

Она захватила с собой столько золота и драгоценностей, что могла держать двор и за границей, давать пиры и даже набрать армию для обратного завоевания и нового закрепощения ограбленной ею страны.

Неприятно останавливаться перед такими делами и еще неприятнее говорить о них. Грустно думать, что хотя Англия и постарела на два столетия после Карлов Стюартов и Генриетт Медичи, всячески оскорблявших и грабивших эту страну, но она за это время нисколько не поумнела. Последняя победа либералов как будто противоречит такому взгляду, однако, что значит эта так называемая «победа», когда сам английский народ в лице его представителей в парламенте в течение последних десяти лет санкционировал деяния, покрывшие его имя долго несмываемым позором? Понадобится еще несколько веков, чтобы стерся в глазах цивилизованного мира этот позор.

Сравним Долгий парламент и нынешний. Когда первый открыл свои славные заседания, то составлявшие его истинные патриоты думали лишь о том, чтобы не пропустить безнаказанным ни одного преступления против страны и народа. «Долой голову Страффорду! Лода и двенадцать непокорных епископов — в Тауэр! Очистить звездную палату и палату высшей комиссии! Уничтожить монополии, частные королевские займы и все несправедливые налоги и поборы!» Эти требования не только предъявлялись, но тут же и приводились в исполнение, как по мановению волшебной палочки. Но тогда судьбы Англии направлялись ее добрым гением, и ей все удавалось. Слетела голова Страффорда, Лод отправился в Тауэр, и пресловутые королевские эдикты за последнее десятилетие были вырваны из книги государственных актов.

Что же мы слышим и видим теперь, в наши дни? Мы слышим много прекрасных речей и видим парламент, образовавшийся при условиях, почти одинаковых с теми, которые вызвали к существованию Долгий парламент, и как бы повторявший его. Видели и ступавших перед этим парламентом министров, оскорблявших народ не менее, чем делали это Страффорды, Дигби и Лоды. Но вместо привлечения к ответственности, заключения в Тауэр и смертной казни, постигших министров 1640 года, министры 1880-го были награждены новыми орденами и титулами.

Живи Томас Уэнтворт, граф Страффорд, в наше время, его голова не скатилась бы на эшафоте под секирою палача, а была бы украшена еще и новою короною — герцогскою. Лод же, наверное, удостоился бы причисления к лику святых, потому что лишней земной почести для него, как архиепископа, в Англии уже не оставалось.

Как только Карл благополучно проводил свою жену за море, он сам поспешил в Йорк, где, окруженный толпой местных усердных сторонников, начал проявлять некоторую деятельность. В настоящее время столицы севера и юга переменились характерами. При Карле Йорк был наполнен врагами свободы, а Лондон — ее друзьями; в наши дни Йорк поднялся на вершину свободолюбия, между тем как Лондон тонет в липкой тине беспросветного рабства.

Перемену эту нетрудно объяснить. Живущие в королевских столицах ближе к источнику нравственной заразы. Там царит кумовство и сватовство; там каждый жалкий писака может найти себе покровительство, поощрение и успех, там развращающее влияние современной финансовой системы питает целый сонм биржевых игроков, учредителей дутых акционерных обществ, торговых мошенников и всякого рода трутней, живущих на чужой счет. И компания таких лиц сменила собою тех честных купцов и ремесленников, которые в золотые дни парламента по справедливости заняли господствующее положение в стране...

Разошедшись с парламентом, Карл внял сладким голосам окружавших его Гертфордов и Дигби, напевавших ему, что его королевское достоинство требует победоносной борьбы с мятежным собранием. Король стал готовиться к этой борьбе, принимать меры для своей безопасности, рассылать по всей стране полутребования-полупросьбы о ссуде ему денег и придумывать разные другие способы добывания средств для борьбы.

Как мы видели, одним из его агентов по сбору денег в частную казну короля был сэр Джон Уинтор, придворный сановник и частный секретарь королевы. Этот ловкий проходимец отлично умел устраивать свои делишки, расстра-

ивая чужие дела. Получив в бесконтрольное управление богатейшую лесную и углекопную область — Форест, он построил себе близ Лиднея обширный дом, названный им «Белым». В настоящее время этот дом уже не существует, потому что сам сэр Джон был вынужден предать его огню, но место, на котором он стоял, до сих пор слывет под названием «Белого дома». Когда двор покинул Лондон, сэр Джон засел в своем новом доме и, предвидя близкую грозу, привел его в состояние обороны.

Первые злоеющие раскаты этой грозы послышались ему, когда вернулся из Холлимида Реджинальд Тревор и передал ему, что там произошло. Но сэр Джон был человеком, привыкшим управлять своими чувствами и поступками. Он никогда ничего не делал сторяча и тщательно обдумывал каждое свое решение. Не вспылал он и теперь, как можно было ожидать, а спокойно выслушал доклад Реджинальда и сказал:

— Не волнуйтесь, капитан Тревор, из-за того, что говорит или делает Эмброс Поуэль. В свое время он за все ответит. В настоящее время я озабочен главным образом усилением нашего небольшого гарнизона и пригласил к себе еще одного офицера, который прибудет завтра или послезавтра. Это полковник Томас Ленсфорд.

— А! Очень приятно слышать, — заметил Реджинальд. — Ведь под его начальством я и состоял в нашей северной экспедиции.

— Ах да, в самом деле, я и забыл! — воскликнул сэр Джон. — Ну так вот он приведет с собой десятка два надежных людей, и когда отдохнет и поглядится здесь, тогда вам можно будет вместе с ним сделать новый визит холлимидскому послушнику. Во всяком случае мы так или иначе заставим его раскаться в своих словах и в своем дерзком поступке. Получим с него и деньги в полной сумме, требуемой королем. Если этот бунтарь не отдаст добром, мы возьмем силою.

Реджинальд Тревор умолчал о том, что в доме «послушника» и «бунтаря» есть нечто, ради чего он желал бы, чтобы этого дома не трогали. Впрочем, в эту минуту, когда сердце его было полно горечи, он старался не думать о том, что угрожало хозяевам Холлимида. Молодой человек устремил все свои помыслы на предстоящее прибытие полковника Ленсфорда, которого хотя и не любил, но ценил как доброго товарища в попойках и разного рода веселых развлечениях...

Глава X

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

Дней десять спустя после описанных событий в Холлимиде происходила соколиная охота. Несмотря на свои мирные наклонности, Эмброс Поуэль не был противником полевых sports, лишь бы только они не сопровождались излишней жестокостью. Сам он ни в каких охотах не принимал активного участия, но дочерям позволял развлекаться. Старшая дочь была страстная любительница соколиной охоты, а младшая интересовалась этим умереннее, и, кажется, больше лишь потому, что тогда было принято и дамам увлекаться этим развлечением.

Общество состояло из Сабрины, Веги, сэра Ричарда Уольвейна и Юстеса Тревра. Последний до сих пор все еще гостил в Холлимиде. Он находился там в качестве раненого, нуждающегося в уходе. Что же касается вопроса, почему и сэр Ричард все еще не возвратился под родительский кров в Эбергевенни, то на это дадут ответ последующие события.

Местом охоты выбрано было болотце с большими лужами и тоненьким ручейком, струившимся среди кочек. В лужах охотилось за лягушками и другою болотною тварью множество пернатой дичи: цапли, утки, глухари и прочее.

Соколов было два. Когда из болота поднялась цапля, очевидно стремившаяся в свое гнездо, с соколов были сняты шапочки и обе птицы, звеня бубенчиками и таща за собою путла, стрелюю понеслись вверх за обреченной добычей.

Приближаясь к цапле, соколы стали делать круги, намереваясь атаковать ее с двух сторон. Испустив крик испуга, цапля поспешила выбросить содержимое своего зоба, чтобы облегчить себя, и попыталась подняться выше своих врагов. Но соколы быстро задвигали крыльями и, летя концентрическими кругами, опередили ее. Затем тот, который был старшим, достигнув нужной ему высоты, как бы замер на мгновение, а затем вдруг ринулся вниз на добычу.

Но этот маневр ему не удался. Цаплю трудно взять с первого раза. Неуклюжая и неповоротливая на вид, на самом деле она обладает удивительным искусством делать неожиданные повороты и долго может увертываться от ястреба или сокола, если он один. Но когда преследователей двое, участь цапли решается скорее.

Так было и в настоящем случае. Место первого сокола, потерпевшего неудачу, моментально занял второй и с победоносным криком бросился на жалобно кричавшую цаплю. Через несколько мгновений сокол острыми когтями впился в тело жертвы. Обе птицы судорожно забили крыльями, стараясь ослабить друг друга. Вскоре к борющимся птицам присоединился и первый сокол, отдохнувший на высоте, на которую он снова было поднялся. Началась яростная борьба в воздухе.

Несмотря на неравенство сил, цапля долго сопротивлялась, и когда наконец все три птицы стали опускаться на землю, сокольный поспешил к тому месту, куда они падали. Он знал, что в предсмертных судорогах цапля зачастую пронизывает противников своим длинным и острым клювом, и хотел это предупредить. Однако цапля упала на землю уже мертвою, вместе с вце-

пившимися в нее победителями. Сокольничий громким криком известил зрителей о благополучном исходе птичьей битвы.

— О, я так и знала, что наши милые соколики не осрамят себя! — весело крикнула своим звонким голоском Вега, подпрыгивая и хлопая в ладоши. — Видели ли вы когда-нибудь таких молодцов?

Вопрос девушки не был обращен ни к кому в особенности, поэтому, не дожидаясь ответа, она пустила в ход свою прелестную лошадку и помчалась к сокольничему, который с трудом освобождал от мертвой цапли соколов. За Вегой понесся и Юстес Тревор, между тем как Сабрина и сэр Ричард Уольвейн оставались на местах и, сидя также верхами, вели вполголоса беседу.

Объехав с сотню ярдов вокруг изгиба болота, молодые люди остановились. Сокольничему наконец удалось заставить соколов выпустить свою добычу. Соколы принадлежали Веге, и сокольничий служил лично ей. Она и распорядилась охотой по своему усмотрению. Полюбовавшись на поднесенную ей цаплю, девушка сказала сокольничему:

— Отдайте ее соколам. Видите, с каким аппетитом они смотрят на нее. Они голодны и вполне заслужили свой корм.

Цапля была из редкостных по красоте своего оперения; в особенности был хорош ее пышный хвост. В другое время Вега не отнеслась бы так равнодушно к такой красивой птице и, наверное, распорядилась бы сделать из нее чучело.

— Прошу у вас милости, — обратился Юстес к своей спутнице.

— Какой, мистер Тревор? — поспешно спросила девушка.

— Позвольте мне взять несколько перьев этой птицы.

— Пожалуйста. Сокольничий даст вам их. Какие? Наверное, из хвоста?

— Да, именно их-то я и желал бы получить.

— Слышите, Ван-Дорн? Выщиплите хвостовые перья, которые получше, и отдайте мистру Тревору.

Ван-Дорн, голландец по происхождению, превосходно знавший свое дело, ловко вытащил десяток самых красивых перьев из хвоста погибшей цапли, обвязал их тоненькою бечевкою, имевшеюся у него в кармане, и вручил молодому кавалеру. Затем он отправился к соколам, которые, нахохлившись, сидели в стороне.

— На что вам понадобились эти перья, мистер Тревор? — после некоторого молчания спросила девушка.

— Я хочу украсить ими свою шляпу.

— Она и так украшена перьями, несравненно более красивыми.

— Может быть. Но зато несравненно менее ценными для меня. Перья цапли я буду носить в память об одном из самых прекрасных дней моей жизни. С этими словами он снял свою шляпу, сорвал находившиеся на ней роскошные страусовые перья и на место их воткнул только что полученные. Вега следила за ним с упреком на языке, но с блаженством в сердце.

— Ну зачем вы это сделали? — притворно-укоризненным тоном проговорила она, когда Юстес с пренебрежением изломал страусовые перья и пустил их по ветру. — Эти иноземные перья были так хороши и они так дорого стоят. Вот и шляпу испортили, и, что хуже всего, забыли, что перья с побежденной птицы — плохой трофеей.

— Тем более они подходят ко мне, — возразил Юстес.

— Почему? — удивилась девушка.

— Да просто потому, что ведь и я — побежденный.

— Вы побежденный! Когда? Где? — сыпала она вопросами, недоумевая, о какой побежденности он говорит: намек ли это на поединок, в котором он был ранен, или что-нибудь другое?

Кстати сказать, ни сам Юстес Тревор, ни сэръ Ричард Уольвейн ни словом не обмолвились перед другими о своей стычке, после которой они подружились, но мало-помалу все догадались, откуда у Тревора получилась на руке «царапина», до сих пор еще не совсем зажившая.

— Вега, мистер Тревор! Пойдемте теперь порадовать моего Мёра, — крикнула им издали Сабрина. — Он еле жив от нетерпения получить и свою долю, — продолжала она, поравнявшись с сестрой и ее спутником.

«Милый Мёр» был красивый кобчик, сидевший на левой руке у Сабрины. Как известно, эта птица не любит дичи, а предпочитает лесную и полевою добычу. В интересах кобчика и хлопотала его хозяйка.

Вега очень не хотелось прерывать начавшуюся многозначительно беседу с Юстесом, и девушка попробовала было возразить сестре. Однако Сабрина настояла на своем, и вся компания, не исключая и Ван-Дорна, отправилась на соседний руардинский хребет.

Дорогою кобчик то и дело подымался то за жаворонком, то за стрепаткой, то за горлицей и с одного налета всех их отправлял мертвыми на землю. Сабрина была в восторге и поощряла своего любимца на новые подвиги. Между тем Вега и ее кавалер с нетерпением ожидали, когда им представится новый случай досказать то, что горело у каждого из них на языке. Ван-Дорн беспокоился об участи своих соколов, оставленных им пока на попечении подручного, и в то же время особым свистом разжигал воинственный пыл кобчика. Он делал это с таким неподражаемым умением, что ради этого и был приглашен Сабриною в новую экскурсию, хотя, в сущности, он был нужнее при соколах, плохо слушавшихся других, кроме Веги, которой они принадлежали, да его самого.

Но вот вдруг Ван-Дорн прервал свой свист и воскликнул:

— Сюда идут солдаты!

Мгновенно вся компания обернулась туда, куда смотрел сокольничий — в сторону Дрейбрука, и разными интонациями подтвердила:

— Да, да, верно, солдаты!

Действительно, из лесной чащи со стороны Дрейбрука выступал довольно большой отряд всадников, одинаково одетых и вооруженных. Ехали они по двое в ряд.

Вид этого отряда сразу прекратил дальнейшую забаву с кобчиком. Сабрина призвала его к себе, посадила на руку, накрыла шапочкой и прикрепила путлом к своей руке, а Ван-Дорн поспешил вперед к оставленным у болота соколам, чтобы препроводить их домой.

— По-моему, это отряд наемников Джона Уинтора из Лиднея. Как вы думаете, мистер Тревор?

Вопрос этот был сделан Ричардом Уольвейном, подъехавшим к молодому человеку, который, в свою очередь, спешил ему навстречу.

— Я думал то же самое, что и вы, — ответил юноша. — Вон во главе мой кузен Редж... Видите его? Он на сером коне, в черной шляпе с красным пером. Вы уже раз видели его... помните, в первый день или, вернее, вечер нашего

приезда сюда.

— Помню, помню и узнаю его шляпу и перо. Кажется, и лошадь была та же... Но кто же это рядом с ним? Кажется, кто-то из начальствующих. Смотрите, обертывается на седле и что-то кричит отряду.

— Вижу, но не знаю, кто это, — ответил Юстес, заслонив глаза рукой от яркого солнца, чтобы лучше видеть подъезжающих. А эта орава что еще значит? — продолжал он, указывая на разношерстную толпу, следовавшую пешком за всадниками.

В толпе были и женщины в цветных платьях и платках.

— Это, наверное, народ из Мичельдина, из любопытства следующий за солдатами, — сказал сэръ Ричард.

Но он хорошо знал, что это за толпа и зачем она сюда идет. Не будь здесь его самого, не шла бы сюда и эта толпа. За время своего пребывания в Холлимиде он совершил немало экскурсий по окрестностям, в Мичельдин, Кольфорд и другие промышленные центры Фореста. Немало людей перевидал он, много говорил с ними о свободе, и его слова всюду встречали сочувственный и радостный отклик. Поэтому тревога, с которой он смотрел на пеших провожатых военного отряда, относилась не к тому, что и они шли, а к их численности, которую он про себя сравнивал с численностью солдат.

Дочери мистера Поуэля тоже догадывались, в чем дело, хотя и не вполне. Подозвав своих кавалеров, они поспешили вернуться домой. Когда кавалькада снова очутилась возле болота, где происходила соколиная охота, Ван-Дорн, также смекнувший кое-что, выбивался из сил, чтобы остановить соколов, гонявшихся за другою цаплею, нечаянно вспугнутою Гектором и другими собаками, шнырявшими по густой осоке, где водилась дичь. Лишь услышав властный голос хозяйки, разошедшиеся пернатые хищники решились оставить новую добычу и вернуться на свои места.

Этим и закончилась охота.

Глава XI НОВЫЙ ПОСЛАНЕЦ

Охотничья компания вернулась в Холлимид без сэра Ричарда. Что-то шепнув дамам, он вместе со своим неразлучным Губертом повернул в сторону Руардина. Оба всадника быстро понеслись по горным и лесным тропинкам и вскоре очутились в Руардине, который в то время был небольшим местечком с двумя сотнями домиков, расположенных вокруг почтенного вида старинной церкви. Все местечко, окруженное холмами, вдоль и поперек было изрезано ложбинами и ущельями.

Лошадиный топот привлек ко всем окнам и дверям любопытных, а когда всадники остановились перед постоянным двором на взмыленных и тяжело дышавших лошадях, любопытство местного населения еще более увеличилось.

— Губерт, — обратился сэр Ричард к своему спутнику, — протруби в рог сигнал созыва.

Губерт был трубачом в той армии, которая так храбро сражалась во Фландрии, поэтому знал все сигналы. Достав из-под своего кожаного колета металлический рожок, он звонко протрубил «сбор».

Не успели еще замереть звонкие переливы рожка в отголосках, отбрасываемых церковною башенкою и соседними развалинами древнего рыцарского замка, как из всех ближайших домов стали выбегать люди, спешившие к месту, откуда раздался призыв. Вскоре во всем местечке не осталось ни одного закоулка, из которого не появились бы люди обоюго пола и всех возрастов. Вокруг всадников тотчас же собралась довольно внушительная толпа. Ближе всех теснилось около них человек двадцать мужчин. По их лицам было видно, что они хотя и поняли призыв и последовали ему, но не знали, что он означает и по какому случаю сделан.

— В чем дело, сэр Ричард? — спросил один из них.

Спрашивавший был человек исполинского роста, на целую голову возвышавшийся над толпою. Это был наш знакомец Роб Уайльд.

— Из Лиднея идет отряд солдат, Роб, — ответил сэр Ричард. — Идет через Дрейбрук в Холлимид. Полагаю, ты со своими друзьями пожелаешь взглянуть, что там будут делать эти солдаты.

— Вы не ошиблись, сэр Ричард. Здесь немало найдется охотников поглядеть на это вместе с Робом Уайльдом, — отозвался великан.

— Очень рад слышать это, — сказал рыцарь и, перегнувшись через седло, стал что-то шептать ему на ухо.

Затем, приветливо кивнув головой собравшейся толпе, сэр Ричард натянул поводья, дал своей лошади шпоры и прежним галопом понесся назад к Холлимиду. Губерт не отставал от своего господина.

Немного спустя в холлимидском доме происходил следующий разговор:

— Значит, идут, сэр Ричард?

— Идут, идут, мистер Поуэль. По всем признакам, это именно отряд Уинтора. Во главе идут двое. Один из них, насколько мы могли разглядеть издали, Реджинальд Тревор, другого мы не узнали.

— Это все равно, кто бы он ни был. Визит этот, конечно, имеет целью вымо-

гательство того, что они называют займом. Я же называю это настоящим грабежом.

— Я — тоже.

— Что же вы посоветуете мне предпринять, сэр Ричард? Три тысячи фунтов стерлингов у меня имеются здесь, в доме. Пожалуй, все-таки придется отдать их. Но если вы находите, что можно обойтись и без этой недобровольной дани, то я опять откажу.

— Позвольте мне, мистер Поуэль, как следует ознакомиться с составом той толпы, которая следует за отрядом. Кажется, это народ вполне надежный, собравшийся из Мичельдина, Дрейбрука и других ближайших местечек по пути следования отряда. Потом необходимо знать численность и настроение этих людей. От этого все и будет зависеть. Когда я узнаю это, можно будет и решить, как вам действовать.

Разговор этот происходил перед домом. Мистер Поуэль стоял на крыльце, а сэр Ричард, только что подъехавший, сидел еще на коне. Затем рыцарь сошел с коня, который был уведен конюхом в стойло. Помещик же со своим гостем стали обходить усадьбу, делая нужные распоряжения относительно ожидаемых «визитеров». Покончив с этим, сэр Ричард отправился в дом и вошел в гостиную, где у одного окна стояли Вега с Юстесом, а у другого — в грустном одиночестве — Сабрина. Едва успел к последней присоединиться сэр Ричард, как снаружи к воротам подскакал Реджинальд Тревор, сопровождаемый другим, по-видимому тоже начальствующим, лицом. За ними следовал в прежнем порядке, также попарно, длинный хвост солдат. Ворота и широкая калитка, проделанная в решетке, отделявшей двор от аллеи, заранее были растворены, и всадники беспрепятственно могли проникнуть в усадьбу.

— О, да ведь это полковник Ленсфорд! — вскричал Юстес, взглядевшись в спутника своего кузена.

— Полковник Ленсфорд? Вот как? — заметила Вега. — Я кое-что слышала о нем.

— Томас Ленсфорд? — озабоченно произнесла Сабрина, видя, как грозно хмурится чело сэра Ричарда. — Что он представляет собою?

— Один из самых отъявленных... Впрочем, вы сейчас и сами поймете, что это за человек, — отвечал сэр Ричард, кусая губы.

Подъехав к дому, Ленсфорд мельком взглянул в окно на Вегу, но в прекрасное, смуглое и серьезное лицо Сабрины он впился восхищенным взглядом человека, встретившего свой идеал женской красоты. Реджинальд Тревор, наоборот, смотрел только на предмет своих тайных вздохов, снова предаваясь напрасной надежде увидеть на пунцовых губках девушки хоть беглую тень милой улыбки.

— Ого! Вот так красавица! Настоящая Венера! — вполголоса проговорил полковник Ленсфорд, подвигаясь далее к крыльцу.

— Кого это вы называете Венерой? — тревожно осведомился Реджинальд, хорошо знавший бесшабашное волокитство своего начальника.

— Кого? Разумеется, ту, которая стоит во втором окне, вон ту, высокую, черноволосую и черноглазую. Это прямо чудо красоты! Белобрысая в первом окне не в моем вкусе. Очень уж пресноваты эти так называемые блондинки.

— Вы правы, полковник, — произнес сквозь зубы Реджинальд, — с одной стороны оскорбленный таким пренебрежительным отзывом о предмете его

страсти, а с другой находивший нужным и поддержать противоположный вкус Ленсфорда.

— Впрочем, — продолжал полковник, — и белобрысая недурна, надо отдать ей справедливость. За неимением лучшего и она... Ах, черт возьми! — вдруг прервал он сам себя, только теперь заметив возвышающуюся за Сабриною фигуру человека, которого боялся и ненавидел.

Неожиданность встретить здесь этого человека была так велика для Ленсфорда, что он даже побледнел.

«Однако, Юстес-то все еще здесь?» — тоже изумлялся про себя Реджинальд, когда увидел, что из-за плеча Веги на него смотрит двоюродный брат. Он предполагал, что Юстес уже давно уехал домой к отцу.

Возмущенная дерзкими взглядами Ленсфорда, старшая хозяйская дочь отошла от окна. Сестра последовала ее примеру, между тем как сэр Ричард подошел к Юстесу Тревору и сказал ему:

— Мистер Тревор, я желал бы, чтобы вы были свидетелем, как ведут себя ваши кавалеры и королевские офицеры. Если не ошибаюсь, вам к этому сейчас представится прекрасный случай.

В словах и тоне говорившего был такой намек, который десять дней раньше заставил бы Юстеса обнажить шпагу, тем более что на помощь ему приближался его родственник. Но в эту минуту юноша и не подумал сделать это. За протекшие десять дней его политические воззрения сильно изменились, и вместо ответа он поспешно прижался лицом к стеклу окна.

Остановившись перед крыльцом дома, Ленсфорд скомандовал отряду образовать линию, параллельную фасаду дома. При этом маневре оба кузена очутились лицом к лицу. Юстес по-дружески поклонился Реджинальду. Тот ответил ему с холодной сдержанностью, причину которой юноша смутно почувствовал.

Между тем сам мистер Поуэль оставался на крыльце, точь-в-точь в той же позе, как в тот достопамятный вечер, когда он с таким презрением разорвал заемное письмо короля. По открытому лицу старика не видно было, чтобы он боялся за свой поступок и страшился ответственности за него. Напротив, старик смотрел так же смело и презрительно, как тогда. Окинув взглядом военный отряд и окружавшую его толпу, он сравнил приблизительную численность обеих сторон и пришел к заключению, что ему можно продолжать прежнюю тактику. И когда полковник Ленсфорд приблизился с той же небрежностью, к которой привык в качестве бывшего придворного, он был встречен взглядом, полным достоинства и спокойной самоуверенности. Уже раздраженный тем, что видел в окно, королевский офицер еще более был разгневан этой «грубой» встречей и решил показать свои когти.

— Вы Эмброс Поуэль? — резко бросил он вопрос помещику, осаживая своего коня перед ступенями крыльца.

Он даже не счел нужным поклониться.

— Да, сэр, я Эмброс Поуэль, — ответил старик. — Если вы сомневаетесь в моей подлинности, то обратитесь за справкою к сопутствующему вам джентльмену. Этот джентльмен должен хорошо знать меня, — со свойственным ему сарказмом прибавил он.

Это был новый удар Реджинальду Тревору, но сейчас не время было ему отвечать на него, и он угрюмо промолчал.

— О, я считаю свидетельство капитана Тревора излишней формальностью, я и без нее верю, что вы именно тот, кто мне нужен, — пренебрежительно ответил Ленсфорд.

— По какому делу я вам нужен, сэр? — твердо спросил мистер Поуэль, заметив, что полковник говорит с ним таким тоном, каким привыкли полицейские говорить с пойманным преступником.

— Мне нужно от вас, чтобы вы уплатили ваш долг.

— Вы ошибаетесь, сэр. У меня нет долгов.

— Нет, есть, и вы это отлично знаете, мистер Поуэль! Но, быть может, вы желаете, чтобы я называл это обязательством? Извольте, я скажу и так: мне нужно от вас, чтобы вы погасили свое обязательство.

— Никаких непогашенных обязательств я за собою не признаю.

— Опять позволю себе возразить вам. Вы должны королю три тысячи фунтов стерлингов. Как подданный его величества, вы обязаны помочь ему нести государственные тяготы, обязаны, подобно другим подданным, внести и свою лепту на нужды государственной обороны. Вы однажды уже отказались исполнить эту обязанность...

— И теперь отказываюсь от этого незаконного требования, — спокойно обрвал старик. — Вам не удастся получить от меня ни одного пенни.

— Однако мы получим.

— Никогда!

— А, вы продолжаете упорствовать! — злобно воскликнул Ленсфорд. — Но я научу вас повиновению! Повторяю: если вы не дадите добровольно требуемой королем суммы, я возьму ее у вас силою, слышите? Я должен это сделать и сделаю! Если у вас не найдется этой суммы, я возьму ее вашей дорогой посудой, которой, как слышно, у вас излишек. Я говорю совершенно серьезно, мистер Поуэль, — продолжал он, заметив на лице своего собеседника насмешливую улыбку, — и знаю, что говорю. Томас Ленсфорд никогда не бросает своих слов на ветер, и вы сильно ошибаетесь, если воображаете, что он уйдет отсюда с пустыми руками.

— О, если вы Томас Ленсфорд, то я знаю, что с пустыми руками вы действительно ниоткуда не уходите. Я слышал о вас, сэр. Такие разбойники, как вы, всегда и везде найдут чем поживиться, но только не всегда им это удастся, — продолжал иронизировать владелец Холлимида.

— Как?! Что такое?! Вы осмеливаетесь называть разбойником меня, королевского офицера! — крикнул Ленсфорд угрожающим голосом.

— Осмеливаюсь, и сделал бы это даже в том случае, если бы рядом с вами стоял сам ваш король, — с тою же твердостью и с тем же спокойствием произнес старик.

— А, проклятый бунтовщик! — скрежеща зубами, прошипел про себя Ленсфорд. — Берегитесь, я заставлю вас раскаяться в ваших дерзких словах! — продолжал он вслух. — Знайте, мистер Поуэль, что я имею полномочия подавлять всеми мерами всякое неповиновение воле короля... Но долго разговаривать с вами я не намерен. Если вы не желаете дать королю трех тысяч фунтов взаимы, то давайте их так, как уплачивают долг. Еще раз советую вам...

— О, я совершенно не нуждаюсь в ваших советах, сэр, — не изменяя своему спокойствию, продолжал старик. — И как вы ни вертитесь, я все-таки смотрю на вас, как на простого вымогателя или попрошайку, и повторяю: ничего не

дам вам, слышите? Ровно ничего.

— Так я обойдусь и без вашего согласия.

— Попробуйте.

— А вот увидите! — стиснув зубы, проговорил Ленсфорд и, обернувшись к своим людям, крикнул: — Эй, сержант! Бери десяток солдат — и марш за мной!

Выкрикнув эту команду, он ловко соскочил с лошади и поднял было ногу на нижнюю ступеньку крыльца.

— Ну, нет, так просто вы в мой дом не войдете! — произнес решительным тоном старик.

С этими словами он быстро повернулся к массивной двери, вошел в нее и запер ее изнутри тяжелым засовом. Вслед за тем захлопнулись все остальные двери и окна нижнего этажа и закрылись тяжелыми дубовыми ставнями.

Глава XII НЕУДАВШИЙСЯ ПРИСТУП

В то время когда хозяйские дочери отошли от окон, сэр Ричард успел шепнуть самому хозяину только одно слово: «Сопровствляйтесь!» Это слово и вселило в сердце старика новую бодрость. Он остался на крыльце, а сэр Ричард снова занял свой наблюдательный пост у окна, ближайшего к парадному крыльцу и не закрытого ставней.

Судя по особому блеску в глазах сэра Ричарда, можно было понять, что рыцарь остался доволен смотром своих сил. Солдат, приведенных полковником Ленсфордом, было не более сорока человек, да и то по большей части из того сорта, который называется «всяким сбродом». Защитников же Холлимида собралось не менее двухсот. Правда, между ними оказалось много женщин, но зато таких, которые были не хуже мужчин. Вся эта толпа казалась безоружной, но, взглядевшись попристальнее, можно было заметить, как одни прятали под одеждой огородные вилы, сечки, топоры, серпы, а другие — молотки с длинными рукоятками, мотыги и тому подобные орудия, употребляемые местными горными рабочими. Все это были орудия мирного труда, но в случае надобности могли в сильных руках превратиться в смертоносное оружие.

Поднявшись во второй этаж, сэр Ричард чуть не вскрикнул от радости, увидев, что в дальний конец аллеи, упиравшийся в проселочную дорогу, которая со своей стороны примыкала к большой проезжей дороге, вступает новая толпа народа, хотя малочисленнее первой, зато более сплоченная и, по-видимому, лучше дисциплинированная. Эта толпа шла под предводительством человека исполинского роста и телосложения, в котором нетрудно было узнать Робба Уайльда.

Великан оказался верен в своем слове и хорошо умел выполнять дело, за которое брался. Его люди были не только поголовно вооружены, но еще и настоящим боевым оружием — пиками, алебардами, кремневыми ружьями и секирами. Все это оружие они открыто несли в руках, и оно грозным блеском сверкало на солнце.

Совершенно успокоенный сэр Ричард снова спустился вниз и, стоя возле дверей, которые вели на крыльцо из дома, слышал почти всю беседу мистера Поуэля с Ленсфордом. Когда мистер Поуэль захлопнул входную дверь, сэр

Ричард обратился к Юстесу Тревору, все еще стоявшему у своего окна, и торопливо сказал ему:

— Ну, мистер Тревор, наступает время действовать. Я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы не допустить нашего доброго и радушного хозяина быть так нахально ограбленным. Если желаете, можете оставаться нейтральным. Вообще поступайте, как сами сочтете нужным или удобным для себя.

— Напрасно вы думаете, что я могу остаться безучастным зрителем разыгрывающихся событий. Понадобится драться — буду и драться, как умею, — с живостью ответил юноша.

— За кого? — полюбопытствовал сэр Ричард.

— Ах, зачем вы задаете мне такой вопрос? После того, что я сейчас видел и слышал, ясно, на чьей стороне я теперь могу быть! — чуть не со слезами на глазах воскликнул Юстес. — До сих пор я совсем не знал, что делается королем, и, разумеется, не могу поощрять такие действия. Кроме того, вы, должно быть, забыли, что я обязан вам своей жизнью, и буду очень рад доказать вам свою глубокую благодарность. Вы покорили не только мою шпагу, но и мое сердце, то и другое всегда к вашим услугам.

— Теперь я вижу, что вы истинный друг не только мне, но и тому делу, которому служим я и мои единомышленники, то есть делу человеколюбия и справедливости! — с жаром проговорил рыцарь, крепко пожимая руку юноши. — Ваша готовность быть в союзе с нами глубоко меня трогает и умиляет. Но не забывайте в вашем великодушном порыве, что, становясь на нашу сторону, вы восстанавливаете против себя своего отца и всю свою родню. Обдумайте это, взвесьте, прежде чем обнажать за нас свою шпагу. Если дело сейчас дойдет до битвы — что очень возможно, — то как бы вам не пришлось скрестить оружие с родственником, который...

— Все это я уже обдумал, сэр Ричард, — перебил Юстес, весь горя от внутреннего возбуждения. — Я понял, что ваше дело — правое, а то, которое защищает Редж, — неправое, и ставлю дело человеколюбия и справедливости выше всяких родственных связей. Если нам с двоюродным братом придется скрестить шпаги как защитникам противоположных интересов и стремлений, то пусть нас потом судит наша собственная совесть.

Не часто можно наблюдать на мужском лице выражение такой восторженной радости, какая отражалась на лице сэра Ричарда во время горячей речи его нового друга. Этот юноша, которого он случайно встретил, сразу вызвал его симпатию. Даже вооруженное «недоразумение» с ним не уменьшило этого внутреннего влечения. Более того: существовавшая до этой минуты разница в политических убеждениях не могла изменить расположение сэра Ричарда к этому милому юноше. И вот вдруг, когда наступил решительный момент и явилась надобность открыто выступить против того или иного начала, оказывается, что его прежний политический противник стал его горячим, убежденным сторонником. Сознание этого доставило сэру Ричарду одну из лучших минут его жизни. Такого переворота в душе Юстеса он совсем не ожидал, почему, искренне жалея благородного юношу, и предлагал ему отстраниться от надвигающихся событий.

— Не могу и выразить вам, как я рад видеть вас на нашей стороне, дорогой Юстес! — растроганным голосом произнес рыцарь, снова пожимая руку юноши. — Такая шпага, как ваша, — большая помощь во всяком деле. Очень мо-

жет быть, что вам сейчас же придется омочить эту шпагу в крови врагов свободы. Сэр Ричард вовремя успел помочь мистеру Поуэлю распорядиться закрытием и защитой всех окон и наружных дверей в доме. Встретившись в сенях с хозяином, рыцарь сказал ему, что он и мистер Тревор попытаются урезонить непрошенных посетителей, и просил передать молодым хозяйкам, чтобы они ничего не боялись.

Сэр Ричард и не заметил, как с площадки верхней лестницы соскользнула высокая женская фигура и быстрыми шагами стала приближаться к нему. Только шелест юбок заставил обоих мужчин оглянуться. Они увидели Сабрину, подходившую с решительным выражением на своем энергичном лице. Пока сэр Ричард спешил ей навстречу, чувствуя, что она именно ему хочет сказать что-то очень важное, мистер Поуэль, не желая стеснять молодых людей, тактично удалился.

— О, Ричард! — дрожащим голосом промолвила Сабрина, доверчиво положив ему руку на плечо. — Что вы задумали сделать? Надеюсь, ничего слишком поспешного?

— Разумеется, нет, моя дорогая, — ответил рыцарь. — Разве вы заметили во мне склонность к необдуманным действиям?

— До сих пор нет, но...

— Но и теперь я себе не изменю. Будьте уверены, что слепо я никогда ни во что не бросаюсь. Мною все предусмотрено и приготовлено, и ни вашему дому, ни тем более вам самим, то есть всей вашей милой семье, не будет угрожать никакая опасность. Того, за чем явились эти вымогатели, они не получают, и вообще здесь ничем не воспользуются. За это ручаются явившиеся к нам на помощь верные друзья.

Шепнув еще несколько успокоительных слов на ухо Сабрине, он горячо поцеловал ей руку и позвал Тревора, который вел почти слово в слово такую же беседу с Вегой, отыскавшей юношу в одной из нижних комнат, где он помогал ее отцу делать новые распоряжения по дому и усадьбе. Очаровательная блондинка с трудом сдерживала слезы. Но, подобно сестре, и она не боялась за саму себя, а лишь за того, который заставил ее понять, что такое любовь.

Несколько минут спустя после этих интимных бесед новые союзники вместе со своими слугами очутились среди толпы своих партизан за решеткою усадьбы. Это привело в большое смущение и недоумение полковника Ленсфорда и его офицера, которые только что расставили было вокруг всего дома и двора караульных, получивших приказание никого за черту усадьбы не выпускать.

— Честные форестерцы! — крикнул сэр Ричард толпе, смотревшей на него в ожидании. — Вы видите, что происходит? Неужели вы допустите, чтобы на глазах у вас ограбили вашего лучшего друга Эмброза Поуэля? И притом кто же бы ограбил? Ваш самый лютей враг Джон Уинтор. Может ли это быть?

— Нет! Мы никогда не допустим этого! — раздался в ответ хор твердых голосов.

— Вы, конечно, знаете, что эти солдаты, одетые в королевские мундиры, присланы сэром Джоном Уинтором? — продолжал рыцарь.

— Знаем, как нам не знать этих разбойников, будь они прокляты вместе с Джоном Уинтором! — с озлоблением крикнул один из толпы, выступая вперед. — С тех пор как над Форестом поставлен этот Уинтор, у нас не было ни од-

ного спокойного дня. Он отнимает у нас все наши права, которые так же стары, как наши горы и леса. Наши угольные шахты, наш лес, даже нашу дичь — все он забрал в свои разбойничьи руки. Даже самую дичь он объявил своей, хотя она испокон веку принадлежала каждому из нас, который не жалел труда добывать ее. Я заявляю протест против злоупотреблений сэра Джона Уинтора!

Этот протестант, видимо считавший самой серьезной обидой запрещение свободной охоты на местную дичь, был не кто иной, как браконьер Роб Уайльд.

— Мы все присоединяемся к твоему протесту, Роб! — донеслось из толпы. — Коли будет нужно, мы на одних словах не остановимся!

— Вот этот джентльмен, — продолжал великан, указывая на сэра Ричарда, — хочет помочь нам вернуть наши права. Только он один и может это сделать. Стойте за него, как будет стоять он за вас.

Взоры толпы впились в сэра Ричарда. Многие из этой толпы видели его впервые, но все уже слышали о нем как о правдивом и смелом человеке, открыто объявившем себя сторонником народа и парламента против короля и двора. Поэтому можно было понять, что не одна личная вражда к сэру Джону Уинтору заставляла его говорить так, как он говорил собравшемуся народу.

— Честные мои форестерцы, — произнес рыцарь, когда до него донесся одобрителный гул толпы, — благодарю вас за ваше доверие. Я знаю все ваши огорчения, причиненные произволом сэра Джона Уинтора, и приложу все свои силы, чтобы помочь вам вернуть ваши права и восстановить вашу прежнюю свободу. Но для этого вы и сами должны помогать мне. Готовы ли вы тут же на месте помочь мне дать хороший отпор этим негодьям, которые уже принялись ломать двери вашего преданнейшего друга?

Действительно, в это время солдаты по распоряжению Ленсфорда принялись высаживать и ломать тяжелую дубовую дверь господского дома. Но это плохо им удавалось, несмотря на все их усилия и проклятия.

— Готовы, готовы, все до единого! — кричали одни в ответ сэру Ричарду.

— Можете надеяться на нас, как на свои руки! — заявляли Другие.

— Мы — форестерцы, и не побоимся никаких солдат! Начинайте, сэр Ричард, мы за вами! — гремели третьи.

— Хорошо, друзья мои, я верю вам! — отвечал рыцарь.

Глаза его горели торжеством. Двести решительных, мужественных, сильных духом и телом людей против нескольких десятков жалких наемников — разве тут можно было сомневаться в успехе?

Дав толпе нужные инструкции, рыцарь вместе с Юстесом Тревором встал во главе ее и двинулся к решетчатой ограде усадьбы. Ворота в эту ограду были заперты и охранялись двумя солдатами. Сэр Ричард не был намерен просить этих солдат отворить ему ворота: он знал, что путь ему откроет его сабля и сабля его друга, а если этого мало, то поможет сам народ.

Но солдаты и сами широко раскрыли ворота. Им их собственная шкура была дороже достоинства напяленного на них мундира. Грозный вид десятифутовых пик, сверкавших над головами толпы, валившей вслед за всадниками, заставил этих трусов поспешно скрыться в глубине двора, за спинами товарищей.

Бывший вице-комендант Тауэра полковник Ленсфорд замер на месте. Гу-

стая толпа рослых, бородатых, хорошо вооруженных форестерцев, предводительствуемых двумя дворянами, из которых один был известным своей храбростью офицером, была ему сейчас не по плечу. Этот грубый проходимец, заслуживший впоследствии прозвище «Кровавого», был настолько же малодушен и труслив, насколько жесток. По приказу короля он мог немножко почваниться, когда чувствовал за собой силу, но здесь за его спиной этой силы не было и его чванство сразу оселось. Он видел, как убежали караульные от ворот и с какою тревогою оглядывались ломавшие дверь, бросив свое дело; видел, как даже его старший сержант побледнел, и тогда он понял, что ему несдобровать, если дело дойдет до схватки с надвигавшимся на него сильным противником, воодушевленным желанием во что бы то ни стало отстоять Эмброза Поуэля.

Полковник вполголоса что-то скомандовал своему отряду, и через минуту все солдаты вновь были на лошадях. Хмурые и злобные, они напоминали волков, внезапно попавших в облаву.

Глава XIII БРАТЬЯ-ВРАГИ

Сэр Ричард и Юстес Тревор ехали прямо на воинский отряд. За ними плотною массою шла толпа, которая, вступив за ограду усадьбы, разделилась на две половины и окружила весь отряд. Все происходило в стройном порядке, хотя не было слышно ни слова команды. Роб Уайльд руководил толпою одними знаками, очевидно заранее условленными. Пока сверкающие алебарды и пики еще не были направлены на солдат, но довольно было уже того, что эта грозная щетина окружила носителей королевского мундира. Это показывало, что местное население нисколько не боялось королевских наемников и готово было схватиться с ними грудь в грудь, заранее уверенное в победе.

— Капитан, или, как вас теперь называют, полковник Ленсфорд, — начал сэр Ричард, подъехав к начальнику отряда, — вы ведете себя здесь, словно все еще находитесь в Нидерландах, где можно было беспрепятственно грабить. Позвольте же напомнить вам, сэр, что здесь — Англия; здесь ваши повадки не в обычае, хотя бы им покровительствовал сам король. Именем народа предлагаю вам оставить ваше предприятие, в противном случае не сетуйте на последствия вашего отказа.

Разумеется, настоящий воин ответил бы на такой град оскорблений оружием. Так и советовал Ленсфорду сделать Реджинальд Тревор, который хотя также проглотил молча много обид, однако совсем по другим причинам. Но он напрасно ободрял своего начальника. Тот растерянно молчал, придумывая, как бы поудобнее вывернуться из создавшегося критического положения. Одного взгляда на его наемников было достаточно, чтобы убедиться в их полной ненадежности.

Видя, что Ленсфорд совсем растерялся, сэр Ричард громко сказал:

— Ваше колебание происходит, вероятно, потому, что вы желаете избежать столкновения, со свойственной вам гуманностью опасаясь подвергнуть опасности ваших наемников, производящих впечатление кротких агнцов. В таком случае я вполне сочувствую вам.

Эти иронические слова были встречены громким смехом со стороны форе-

стерцев.

Помолчав немного, рыцарь снова продолжал:

— Если вам заблагорассудится удалиться отсюда, не удостоив показать нам, насколько хорошо вы умеете владеть оружием, то мы готовы примириться с этим лишением и предоставить вам свободный пропуск. Но, быть может, вы все-таки решитесь попытаться дать возможность вашей сабле отличиться, так мы готовы и на это.

Слушать эти насмешки было истинною пыткой для Ленсфорда, тем более что их сопровождал хохот и свист толпы, обрадованной смущением храброго воина. Горше же всего для этого воина было то, что из окна верхнего этажа насмешливо смотрели две красавицы, одна из которых только что была предметом его восторгов.

Однако, несмотря на все это, Ленсфорд не мог найти в себе достаточно мужества, чтобы принять вызов своего противника, и он уклончиво ответил:

— Сэр Уольвейн, я нахожусь здесь вовсе не с целью сводить личные счеты. Это я успею сделать в более удобное время. Сейчас я здесь, в имении мистера Эмброза Поуэля, в качестве начальника ополчения, чтобы получить с этого джентльмена ссуду королю. Раз он отказался дать эту ссуду, мне, не имеющему приказания доходить до крайностей, нежелательных и для меня самого, остается только отвезти его ответ моему начальству.

Можно представить себе, каким гомерическим хохотом покрыла толпа фореистерцев эти слова, обнажавшие до самого дна всю изменность души говорившего. Тот, который до сих пор разыгрывал из себя перед этой толпой неустрашимого орла, вдруг оказывался жалким, трусливо дрожащим перед силою воробьем.

Когда толпа попритихла, сэр Ричард сказал Ленсфорду:

— Да, сэр, это будет самое лучшее, что вы можете сделать. И чем скорее делаете, тем выгоднее будет и для вас самих, и для ваших людей.

Ленсфорд молча повернул своего коня по направлению к воротам. Толпа беспрепятственно пропустила его, Реджинальда Тревора и весь их отряд, но потом провожала долго несмолкавшим гулом всяческих насмешек, который навсегда врезался в их память.

Но Реджинальд Тревор, один из всех смотревший гордым львом, припертым к стене настолько многочисленными охотниками, что сопротивляться им было бы бесполезно, и затаившим свою ярость, тут же вернулся назад. Отозвав в сторону своего двоюродного брата, он сказал ему:

— Я попросил у своего начальника позволения переговорить с тобой. Юстес, как мог ты покинуть короля?

— Спроси лучше: как мог покинуть король свой народ? — возразил Юстес. — После всего того, чему я здесь был свидетелем и что было сделано именем короля и по его воле, я считаю себя вправе отвернуться от него.

— Это объяснение может оправдывать тебя в глазах твоих новых и, очевидно, уже очень дорогих твоему сердцу друзей, — иронизировал Реджинальд, — но что скажет на это твой отец? Едва ли он одобрит тебя.

— Очень может быть. Но что же делать! — произнес со вздохом юноша.

— «Что же делать?» — укоризненно повторил Реджинальд. — Как быстро остыли твои родственные чувства, Юстес! Ты считался одним из самых образцовых сыновей, и вдруг...

— И вдруг я достиг таких лет, когда принято считать человека достаточно зрелым для того, чтобы он мог быть самостоятельным и не нуждаться в совете даже таких мудрых братьев, как ты! — с легким раздражением досказал Юстес.

— Хорошо, Юст, пусть будет так! — с горечью проговорил Реджинальд. — Но смотри, как бы тебе не пришлось раскаяться в том, что ты сейчас делаешь!

— Это тоже мое дело, — ответил юноша, нетерпеливо передернув плечами. — Но о чем ты-то беспокоишься, Редж? Во всяком случае на тебя последствия моих поступков не падут. Иди своей дорогой и не мешай мне следовать по моей.

— Ах, Юст, погубишь ты себя... положишь свою юную голову на плаху!

— Что ж, пойду и на это, если понадобится, — заявил храбрый юноша. — Но если дело дойдет до плахи, то ведь плаха не на одной только стороне. До сих пор та сторона, на которой находишься ты, не обладала исключительной привилегией снимать головы, да, наверное, и не будет обладать ею. Те, которые сняли с плеч голову Страффорда, в один прекрасный день могут снести голову и кое-кому... повыше. Он вполне заслужит этого, если будет продолжать так, как начал.

— Что-о! Ах ты, молокосос! — вскричал Реджинальд, взбешенный таким ответом. — Ну, нет, будь уверен, что король сохранит и свою голову, и корону на ней достаточно долго, чтобы успеть наказать каждого изменника, каждого низкого ренегата вроде тебя!

Эти гневные слова были внушены королевскому офицеру не одною преданностью королю, но и другим чувством, более субъективным, относившимся к одной из тех девушек, которые смотрели из верхнего окна дома и могли слышать все, что говорилось на дворе.

Юстес Тревор, с своей стороны, пылал желанием обнажить оружие против своего обидчика, но этот обидчик был его кровным родственником, всегда относившимся к нему хорошо. Как решиться пролить эту родственную кровь? Судорожно сжимая рукоятку шпаги и чувствуя себя не в состоянии оставить без протеста брошенное ему в лицо обвинение в «низком ренегатстве», юноша глухо проскрежетал сквозь зубы:

— Редж, помни, что если бы ты не был моим родственником, то...

— То ты убил бы меня?! — вскричал Реджинальд. — Ну что ж, убивай, если... осмелишься! — добавил он, в свою очередь хватаясь за рукоятку шпаги.

— И осмелюсь, будь уверен! — дрожа от возбуждения, ответил Юстес. — Но только не здесь, не теперь...

— Хорошо! — подхватил старший кузен. — Я буду ожидать новой встречи с тобой... быть может, на поле битвы. И тогда, клянусь тебе небом, я заставлю тебя раскаяться, не дам тебе пощады. Я и на тебе оправдаю наш девиз. Когда я направлю на тебя свое оружие, то ты услышишь из моих уст один крик: «Без пощады!»

— Хорошо, Редж, когда я услышу от тебя этот крик, то отвечу тебе тем же криком! — твердо проговорил юноша.

Реджинальд молча повернул коня и понесся догонять свой отряд. С этой минуты в его отравленном ревностью сердце созрело твердое решение действительно не давать никакой пощады своему двоюродному брату, если придется встретиться с ним на поле битвы.

Глава XIV

НАЧАЛО СОБЫТИЙ

Через несколько недель после описанного началась страшная междоусобица. Вся Англия резко разделилась на два противоположных лагеря. Помимо двух главных лагерей, каждое графство, каждый округ разбился на мелкие отряды, предводители которых шли друг на друга с таким же мужеством и доблестью, как настоящие боевые военачальники.

Большинство поместного дворянства укрылось в защищенных стенами городах. Те, которые были в состоянии укрепить свои усадебные дома, оставались на месте и собирали к себе друзей и сторонников. Дороги сделались небезопасными для мирных путников. Когда на них встречались незнакомые друг другу люди, тотчас же раздавался окрик: «Вы за кого: за парламент или за короля?» Когда получался неблагоприятный ответ, выхватывалось оружие и начинался бой, сопровождаемый яростными криками: «Без пощады!» и кончавшийся поражением и даже смертью сторонников той или другой стороны.

При возникновении так называемого «великого мятежа» — хотя это движение следовало назвать иначе — в графствах, опоясывающих Уэльс, в большинстве были роялисты, если не по численности, то по своему весу и силе. То же наблюдалось и в самом Уэльсе, где население находилось всецело под руководством и давлением знатного и богатого дворянства, строго контролировавшего его политические склонности и действия. Яркую иллюстрацией этому может послужить Монмаутшир, где граф Вурстер держал в повиновении всех, даже самых буйных.

Где не было таких сильных влиятельных лиц, там, как, например, в Пембroke и Глеморгане, на юге Уэльса и в некоторых его северных графствах и областях, население тяготело, разумеется, к свободе. Из окраинных графств особенно стойко было предано королю салопское. Это было очень естественно, потому что его население в течение целых столетий привыкло преклонять голову и колени пред своими деспотами — так что рабская покорность и угодливость перед знатью крепко засели ему в плоть и кровь.

То же самое, и даже еще в большей степени, было и в Гирфорде. Его полупастушеское, полужемледельческое население само, без всякого принуждения, стояло на стороне королевской власти. Всюду и во все времена на земле близость к природе и занятие мирным трудом среди полей и лугов настраивало население на тот мечтательный лад, который оказывает своим не-сопротивлением, своей кроткой пассивностью самую сильную поддержку своеволию и тирании деспотов. Не будь этого, никогда не мог бы иметь места илистый империализм во Франции, не говоря уже о его еще более вязкой имитации в Англии.

Итак, Гирфордское графство было строго монархическое, но все же с примесью противоположного элемента. Многие из простого народа, в особенности те, которым приходилось жить ближе к Глостерскому графству, были настроены иначе, и среди тамошнего дворянства встречались такие благородные исключения, как, например, Кэйрлы, Поуэли, Гоптоны и благороднейший из всех сэра Роберт Гарлей из Брамpton-Брайана. Если в этом славном списке не встречается имени сэра Ричарда Уольвейна, то только потому, что автор на-

шел более удобным сохранить за этим доблестным рыцарем его боевое имя, умолчав о действительном.

Из западных графств, заслуживших наибольшую славу за свое доблестное поведение во дни великой скорби английского народа, всех более отличалось Глостерское. Когда светоч свободы повсюду еле теплился и сильно чадил, он горел ярким пламенем только на берегах Северны, а в двух главных городах этого графства, в Глостере и Бристоле, пылал всеозаряющим костром. Этот светоч, или костер, или маяк, освещал путь друзьям свободы и поддерживал в них необходимую бодрость духа в борьбе с угнетателями.

Бристоль, как город портовый, был важнее Глостера. Он являлся крупным складочным местом и центром заморской торговли, вследствие чего население этого города, разумеется, было свободно от узких воззрений и предрассудков, свойственных нашим островитянам. Некоторые из бристольских граждан уже в то время достаточно просветились и поняли, что мир создан вовсе не для наслаждения одних королевских сибаритов и для мучений их подданных и рабов. Сообразно с этим пониманием, бристольцы и отдавали предпочтение парламенту, когда пробил час выбирать между собранием народных представителей и королем. Поэтому, когда в Бристоль был назначен военным губернатором полковник Эссекс, сын лорда-главнокомандующего армией парламента, его там приняли с распростертыми объятиями, и ни один голос не поднялся против него.

Однако вскоре же свободомыслящие бристольцы сделали открытие, сильно удивившее и смутившее их. Открытие это состояло в том, что человек, присланный самим парламентом для защиты интересов сторонников свободы, оказался способным скорее на другое. Живи полковник в наше время, он был бы вигом, хотя и с наклоном в сторону ториев. Будучи бристольским губернатором в 1642 году, он настолько склонялся к роялизму, что хвастался своей нестриженной головой и покровительствовал тем, которые носили длинные локоны и не иначе как с пеною у рта говорили о пуританах и квакерах. В Бристоле тогда было много длиннокудрых дворянчиков в качестве пленников, взятых Стемфордом при Гирфорде и живших совершенно свободно в городе. Снисходительный полковник не только постоянно водил с этими пленными компанию, но и состязался с ними за кубком вина в насмешках над круглоголовыми, принадлежавшими к плебеям и лишенными всякого вкуса к дворянскому чванству.

На счастье правого дела, язык этого полуренегата был длиннее его осторожности, а голос оказался настолько громким, что достиг до чуткого слуха парламента. Благодаря этому в один прекрасный вечер, когда Эссекс участвовал в пирушке своих друзей-роялистов, его вызвали в переднюю, где оказался человек, который с суровым видом сказал ему:

— Полковник, на меня возложена неприятная обязанность арестовать вас.

— Арестовать?.. меня?! — повторил губернатор, сверкнув глазами. — Да вы с ума сошли, милостивый государь! Кто вы?

— Вот этот документ подтвердит вам мои слова и объяснит, кто я, — спокойно ответил суровый человек.

С этими словами он вручил губернатору сложенный вдвое лист пергамента, на котором красовалась печать, но не королевская, а печать парламента. На этом листе был написан приказ на имя полковника Натаниэля Финса взять

под стражу бристольского военного губернатора полковника Эссекса и занять его место. Под приказом, кроме печати, была подпись: «Обер-секретарь парламента Ленталь».

Пораженный губернатор разразился было шумным протестом, но тем и ограничился, потому что весь гарнизон крепости, еще утром находившийся под его командой, также оказался арестованным. Эти «доблестные» защитники города, узнав о перемене над ними начальства, нашли более благоразумным молча покориться обстоятельствам.

Таким образом низложенный губернатор, вынужденный расстаться со своими приятными собутыльниками, был препровожден в крепостную тюрьму, как простой преступник. Это он-то, сын графа Эссекского, военный губернатор одной из самых важных крепостей! Тот же самый парламент, который облек было его таким высоким доверием, и низложил его, когда убедился в его двоедушии.

Глава XV СЕРЖАНТ НАРОДНОЙ ГВАРДИИ

— Ну вот, теперь мы скоро доберемся и до города, Уини. Ах, как я рад! Наверное, не меньше меня радуешься и ты, приятель, а?

Так говорил Джек Прыгун, обращаясь то к сестре, шагавшей рядом с ним, то к своему ослику, как всегда тащившему на своей терпеливой спине пару больших корзин.

На этот раз мы встречаем брата и сестру не на одной из форестских дорог, а на пути к Бристолу, высокие кровли зданий которого начали уже вырисовываться вдали.

Можно было подумать, что животное поняло слова своего хозяина: осел с оживлением поднял голову, весело тряхнул своими длинными ушами и прибавил шаг.

— Ну, до города еще добрых три мили, — заметила девушка. — Не скоро еще доберемся до него.

— Нам нужно попасть в него не позже семи часов, — продолжал Прыгун. — Авось поспеем.

— Поспеем, если нас ничто не остановит, — проговорила девушка, с беспокойством оглядываясь вокруг.

— Ну что же может остановить нас? — возразил ее спутник, отирая рукавом куртки вспотевший лоб. — Губернатор в Глостере сказал, что здесь мы если и встретим кого, то разве только разъезды наших солдат. Хорошо, кабы так... Ах, как стало теперь неприятно путешествовать! Каждую минуту так и жди, что на тебя налетят эти королевские сорванцы. Если бы нам давеча не посчастливилось незаметно прошмыгнуть мимо той компании, которая сломя голову неслась в Берклей, а моя деревяшка была бы прозрачная, то я мог бы лишиться не только последней ноги, но, пожалуй, и головы. Ну а здесь, полагаю, не так страшно. Эта сторона пока еще в руках у наших...

— Ну, ты не очень надейся на это, Джек, — возразила сестра. — Пока мы не попадем в город, нужно всего опасаться. Разве ты не слыхал, как говорили бывалые люди, что королевские драгуны рыщут по всей стране. Их главарь принц Руперт прямо какой-то бешеный зверь: давит народ конями, стреляет в

него из пистолета, словно в лесную дичь. Как бы и нам не попасть здесь в какую-нибудь беду, Джек. Меня томит какое-то предчувствие... Впрочем, быть может, оно и ошибочное...

— Будем надеяться, что оно ошибочное, Уини. Пока ведь с нами ничего не случилось особенного, хотя, конечно, можно наткнуться на беду и перед самым городом. Но, бог даст, с нами ничего не случится такого... Не забывай, что если мы попадем благополучно в город и выполним данное нам поручение, то и пользу получим хорошую. Мы сразу заработаем столько, сколько нам не выручить в целый год нашей торговлей. Разве это не важно для нас с тобой, Уини, как ты думаешь, а?

— Конечно, важно, иначе я ни за что не отправилась бы в такой дальний и опасный путь, — согласилась девушка.

Говоря так, она, однако, сильно кривила душой. Главная цель предпринятого ею с братом действительно довольно рискованного и дальнего путешествия была иная: в Бристоле девушка надеялась встретить человека, которого не видела уже несколько месяцев и который был ей дороже всего на свете. Этот человек, как вероятно уже догадался читатель, был Роб Уайльд, местный браконьер. Он сделался солдатом и, произведенный вскоре же за особенное отличие в чин сержанта народной гвардии, состоял в числе мелких начальников бристольского гарнизона.

— Бодрись, Джинкем, бодрись, дружище! Скоро доберемся до отдыха и вот как накормим тебя! — поощрял Джек осла.

И они все трое ускоренным шагом продолжали путь, мечтая каждый о своем: безногий — о награде, которую он должен получить в Бристоле, девушка — о свидании с другом сердца, а осел — об отдыхе и обещанном корме.

Пока наши путники шагают, бросим беглый взгляд на разыгрывавшиеся события.

Это было вскоре после взятия Сиренстера принцем Рупертом, когда все население города было почти поголовно истреблено без различия пола и возраста, а уцелевшие в резне были уведены или, точнее, уволочены в Оксфорд для доставления «приятного» зрелища королю. Чтобы встретить это «триумфальное шествие», король в сопровождении всех своих придворных и сподвижников отбыл из этого города, хотя и вмещавшего в своих стенах столько высших учебных заведений, но более хваставшегося просвещением, нежели обладавшего им действительно. Целых десять миль проехал этот нарядный сброд, желая поскорее насладиться зрелищем сотен несчастных пленников, полунагих, босых, коченевших от зимнего холода, покрытых ранами, облепленных грязью тех дорог, по которым их гнали, как скотину на рынок.

Один беспристрастный историк — во всяком случае не сторонник парламента — так описывает этот ужасный эпизод:

«Связанные попарно пленники сгонялись в Оксфорд. Король в сопровождении своих ближних дворян, генералов и толпы городской черни отправился им навстречу. Бесконечную вереницей тянулись пленники по дороге, окруженные кавалерией. Среди этих пленников находились дворяне, солдаты, земледельцы и горожане. Вся окрестность дрожала от гула лошадиного топота. Пленники местами брели в грязи по колена. Конвойные подстегивали их и гнали, как баранов на бойню. Многие были покрыты ранами, все были страшно измучены. Среди этой толпы страдальцев особенно выделялась трагиче-

ская фигура почти совершенно нагого человека, сидевшего на лошади, которую вел в поводу один из конвойных. Несчастный не мог держаться на ногах, ему поневоле была оказана милость, то есть его бросили на спину лошади. Это был совсем еще молодой очень красивый человек. Будучи едва жив, он все-таки старался сидеть прямо. Красота молодого тела подчеркивалась множеством зияющих ран, из которых струилась алая кровь. Когда этого умирающего юношу подвели к королю, одна старушка-горожанка крикнула: «Что, получил свое, негодный изменник?! Хорошо тебя отделали?» Юноша окинул старушку укоризненным взором, хотел что-то возразить, но тут же свалился с лошади и умер...»

Таково было зрелище, которым принц Руперт угощал своего дядю после взятия Сиренстера. «Мягкосердный», как его называли льстецы, король глядел на весь этот ужас без малейшей жалости во взоре, а его свита оскорбляла несчастных пленников разными непристойными шутками, смехом, глумлением, в то же время славословя и поздравляя бесчеловечных «победителей».

Падение Сиренстера было сигналом к падению еще целого ряда таких важных пунктов, как Тьюксбери, Мальмсбери, Девайзес, занятых было войсками парламента. Даже превосходно укрепленным замкам Седлей и Берклей пришлось подвергнуться перемене гарнизона и развевавшихся на их сторожевых башнях флагов и знамен. Вообще сторонники парламента в это время были стиснуты со всех сторон.

Неудивительно поэтому, что Джек Прыгун и его сестра боялись встречи с роялистами, или «кавалерами», как их преимущественно называли в народе. Эти беспутные «рыцари» не щадили даже скромных сельских разносчиков. Один из них, сын знатного вельможи Гастингс, заслужил себе издевательством над торговцами сельскими продуктами прозвище «Грабителя разносчиков». Пример подавал сам принц-грабитель Руперт. Где он находился со своим блестящим сбродом, там каждый мирный путник рисковал быть обобраным и при малейшем сопротивлении — хладнокровно зарезанным разбойниками в мундирах.

В сущности, опасение Джека и его сестры быть ограбленными могло казаться очень странным, так как ни на них самих, ни в корзинах на спине осла не было ровно ничего ценного. Только намек Джека на то, что его деревянная нога непрозрачна, мог послужить догадливому человеку некоторым указанием на настоящую причину тревоги Прыгуна.

Поощряемый ласковыми словами хозяина, его длинноухий подвигался вперед с таким усердием, что Джек едва поспевал за ним и порою готов был даже немножко и поумерить пыл животного, рвавшегося попасть поскорее к яслям с обещанным кормом. К счастью для путников, никаких подозрительных встреч не произошло, и к назначенному времени они уже были у ворот Бристоля.

Бристоль в те дни был сильно укрепленным городом, окруженным крепкими стенами и мощными старинными бастионами, только что заново отремонтированными и оборудованными. Ворота были заперты, подъемный мост был поднят и стража была наготове. Короткий зимний день давно кончился, и сделалось совершенно темно. Местность перед воротами освещалась чем-то вроде маленького маяка, устроенного на воротах, что давало возможность часовым ясно видеть каждую приближающуюся фигуру.

Когда наши путники вместе со своим ослом подошли к воротам, часовой окинул всех троих пронизывающим взглядом. Сразу определив по их убогому виду, кто они, он крикнул дежурному сержанту, что в город просятся «женщина, мужчина и осел». Наперекор обычаю, часовой упомянул сначала о женщине, а не о мужчине, вероятно, потому, что она прежде всего бросилась ему в глаза и поразила его своим ростом. Сверх обыкновения и сержант оставил ошибку часового без замечания. Молча поспешив к воротам, он выглянул в окошечко, закрытое железною створкою, и отдал приказ опустить мост.

Этим самовольным распоряжением сержант брал большую ответственность на свои плечи, хотя и достаточно широкие и крепкие, чтобы вынести любую тяжесть. Сержант этот был Роб Уайльд. Как нарочно, начальник стражи в это время отсутствовал, и Роб надеялся, что небольшое превышение власти будет ему прощено.

— А, Уини! Это ты? — вскричал он, узнав женщину. — Потерпи минуточку, пока мы опустим мост.

И он бросился сам помогать людям опускать мост. Усталая путница терпеливо ждала. Она готова была прождать хоть целый час, раз услышала голос любимого человека, и поняла, что скоро увидит и его самого. Через минуту завизжали тяжелые блоки, загремели толстые железные цепи и мост плавно опустился, образуя широкий проход.

— Здравствуй, Уини! — весело приветствовал Роб Уайльд девушку, отведя ее в тень. — Откуда вы явились? — продолжал он, поцеловав ее в губы.

— Из Глостера, — ответила она.

— С товаром?

— Нет, мы пришли сюда совсем по другому делу.

— Так зачем же ваш осел с корзинами на спине? Значит, они пустые?

— Пока пустые, но назад надеемся отправиться нагруженными.

Девушке не хотелось сразу сказать правду. Она и от Джека скрыла, что, собственно, погнало ее сюда. Если в Глостере ее брату было дано одно поручение в Бристоль, то совершенно случайно. Джек во всем верил сестре и слушался ее. Когда она сказала, что нужно идти в Бристоль и захватить с собой осла с пустыми корзинами, он не стал долго спрашивать, зачем и почему, а просто молча приготовился в путь в назначенное ею время. И только теперь он догадался, в чем дело.

— Так, значит, вы собираетесь и назад? — продолжал Роб.

— Разумеется. Как только покончим с делом, ради которого пришли, сейчас же и пустимся обратно, — ответила девушка. — А почему бы нам не сделать этого?

— Да ведь дороги теперь не прежние. На каждом шагу могут быть опасности. Если бы я знал, что вы идете такую даль, я бы очень беспокоился. Нет, право, вам лучше пока остаться бы здесь.

Сердце девушки замерло от радости. Она несколько месяцев уже не видела своего возлюбленного. За это долгое время он превратился в воина, даже в сержанта, и притом, как ей казалось, такого блестящего, что ни один офицер, ни один генерал, даже сам главнокомандующий не мог бы с ним поспорить в представительности. Да и в самом деле, при своем громадном росте, богатырской фигуре, затянутой в мундир, с стальной каскою на голове, с широкой сержантской перевязью через плечо, в высоких сапогах со шпорами, он мог пока-

заться простодушной сельской девушке каким-то сказочным принцем. И это тем более, что с детства она привыкла видеть его в такой же грубой простой одежде, в какой ходила сама, часто оборванным и грязным, что, однако, не помешало ей полюбить его.

С тех пор, как Уинифреда узнала о постигшей Роба перемене, повлекшей за собою его перемещение в большой город, она не имела ни минуты покоя. Ей казалось невероятным, чтобы он остался ей верен при этих новых условиях. Мало ли он теперь видел красивых девушек, которые могли оболести его? Ведь он сам был так красив, по ее мнению, что должен был привлекать к себе все женские сердца. Но слова «милая Уини» и выражение заботливости о ее безопасности доказывали, что он к ней не переменялся. О том же свидетельствовали и его честные глаза, глядевшие на нее с прежней нежностью, и его ласковый голос. Прочь все сомнения!

В сладостном упоении она сама бросилась к нему в объятия и крепко его расцеловала. Потом начала было рассказывать, зачем привела с собою брата с Джинкемом. Но сержант прервал ее:

— Об этом мы поговорим потом, когда у нас будет побольше времени. А теперь скажи только, где вы думаете остановиться в городе?

— Да там же, где останавливались раньше, когда бывали здесь, в гостинице под вывескою «Птичий куст».

— Это что за Авонским мостом?

— Да, улицы за две от него.

Бристоль не был для Уинифреды незнакомым городом, она не раз уже бывала в нем с братом и ослом. Товар на рынках этого многолюдного города всегда хорошо продавался и оплачивался.

— Я бы пошел вас проводить, если бы не был сегодня дежурным у ворот, — объявил сержант. — Я не имею права ни на минуту покидать своего поста. Если бы был на месте мой капитан, он, наверное, отпустил бы меня на часок. Но, к несчастью, его нет... Кстати, Уини, ты знаешь моего капитана, уже видала его.

— Разве? Где же я его могла видеть?

— Да в Холлимиде, нынче летом.

— Так это сэра Ричард?

— Нет, не он, — поспешно ответил Роб, у которого насчет сэра Ричарда были сомнения, подсказанные ревностью. — Это Юстес Тревор, который сначала подрался было с этим самым сэром Ричардом, а после драки крепко с ним подружился и им был введен в Холлимид. Ты ведь слышала тогда об этой истории, Уини?

— Слышала. Он долго прожил в Холлимиде, и я даже знаю почему, — сказала девушка. — Там есть хорошенькая, светловолосая барышня, и мы ожидали, что она будет его невестой.

— И будет, — с уверенностью проговорил Роб, — лучшего жениха ей и не найти... Но что же мы все толкуем о других, а о себе забываем? — совсем другим тоном продолжал он, вновь притягивая к себе девушку. — Ты себе и представить не можешь, как я рад тебя видеть, моя дорогая козочка!

Уинифреда теперь чувствовала, что это была правда.

— Ах, лиходейка-судьба! — снова заговорил он, обменявшись с нею десятком горячих поцелуев. — Какая досада, что нет капитана! Но он хотел вер-

нуться непременно сегодня же. Быть может, ты подождешь меня, если я приду ночью поболтать с тобой по душам? А если ты чересчур устала, то отложим это до завтра.

— Нет, я лучше прожду тебя хоть до самой утренней зари, милый Роб. Приходи, когда можешь. Я...

Она хотела еще что-то добавить, но в это время к молодым людям подковылял Джек, до тех пор остававшийся в стороне.

— Уини, нам некогда здесь долго задерживаться, — встревоженно сказал он. — Ты знаешь, дело не терпит.

— Да, да, правда! Идем, Джек, — торопливо ответила девушка с виноватым видом.

Сержант в недоумении перевел свой взгляд с Джека на его сестру и обратно. Очевидно, они что-то от него скрывали, но что именно? Какой мог быть у них секрет от него?

Как ему ни хотелось узнать этот секрет, он не решался прямо предложить вопрос, который мог казаться неуместным, и сильно мучился этим. Уинифреда своим тонким женским чутьем угадала его мысли и шепнула ему:

— Не думай ничего дурного, милый Роб. У нас есть небольшое дельце, о котором мы обещали никому не говорить, пока оно благополучно не обделается. Когда ты придешь в гостиницу, оно будет покончено и я все скажу тебе.

— Хорошо, я верю тебе, дорогая, — сказал сразу успокоенный Роб, еще раз крепко целуя девушку. — Идите с миром. При первой возможности я прибегу к тебе.

— Ах, как бы нам не опоздать! — озабоченно ворчал Джек, усиленно подпрыгивая и постукивая своей деревяшкой по гулкой городской мостовой. — Помнишь, Уини, ведь губернатор сказал — не терять ни одной минуты. А ты столько времени проболтала с милым дружкой. Я был как на иголках... Но вот что: не лучше ли нам пройти прямо в замок, чем еще завертывать в гостиницу? Как ты думаешь, а?

— Нет, — возразила девушка, — сначала мы поставим Джинкема на место и велим его покормить, а потом и в замок. Без Джинкема даже скорее выйдет. Авось не опоздаем.

Как всегда, Джек сдался на доводы своей сестры, рассудительность которой ставил выше своей собственной. С обычными своими прибаутками он стал погонять осла к мосту.

Глава XVI

В ГОРОДЕ И ЗАМКЕ

Через реку Авон, разделяющую город Бристоль на две половины, был перекинут мост, посередине шоссированный, униженный по обеим сторонам зданиями и укрепленный с концов башневидными сооружениями: таков всегда был вид мостов в старые годы. Среди жилых домов и торговых помещений красовалась даже церковь очень оригинальной постройки и удивительно непропорциональных размеров: семидесяти футов в длину и только двадцати одного в ширину.

Мост этот сыграл значительную роль в политических судьбах Бристоля, так как его обитатели — «мостовики», как их называли в отличие от других, — были все поголовно приверженцами парламента, и он, в особенности по вечерам, являлся местом сборища единомышленных граждан всего города.

Так и в этот темный и холодный мартовский вечер, который мы описываем, на одном из концов моста собралась довольно многочисленная толпа с целью потолковать о событиях дня и высказать свои предположения насчет будущего. Ревностный патриотизм заставлял собравшихся пренебречь личными удобствами. Тысячеголовая толпа, сжатая со всех сторон не лучше сельдей в бочонке, терпеливо стоит целыми часами, лишь бы только услышать слово правды и безобманного обещания.

Я не знаю зрелища более великого и приятного, чем то, которое представляет вид собрания свободомыслящих людей, этого моря народных лиц, на которых так ярко выражается природная склонность человека ко всему, что носит в себе истину и добро и отвращение ко всему лживому и злему. Наоборот, не нахожу зрелища более жалкого и позорного, чем то сборище, среди которого проповедуется насилие. На этих сборищах скапливаются все мракобесы, все враги свободы, все угнетатели человечества.

В числе собравшихся на Авонском мосту было немало обмундированных и вооруженных людей, хотя и не принадлежавших ни к одному из полков регулярной армии. Все это были добровольцы, тогда еще впервые явившиеся в Англии на смену насильственно набираемым «тренированным бандам». Эти добровольцы держали караул на мосту под начальством молодого офицера, имя которого впоследствии озарило славою страницы летописи, а меч навсегда дал себя чувствовать врагам свободы. Это был капитан Джон Бэрч из торгового сословия.

Писатели Реставрации забросали липкой грязью память этого честного человека, с презрением называя его низкородным, погонщиком вьючных лошадей, выскочкою и тому подобными якобы позорными кличками, как они со злобою упрекают и Оливера Кромвеля в том, что он был пивоваром. Между тем Джон Бэрч вовсе не был «низкородным»: он происходил из семьи состоятельных торговцев и сам занимался торговлей, которую вел на широкую ногу. В то время вовсе не считалось стыдом производить торговлю; ею занимались и многие дворяне, несмотря на их показное презрение к «торгашам». К тому же Джон Бэрч, судя по его дошедшей до нас обширной корреспонденции, обладал и некоторым образованием, а грамотностью превосходил многих своих высокопоставленных современников, не исключая и самого короля. Превосхо-

дил он многих и природным умом, и стойкой храбростью. В качестве партизанского вождя он стоит на первом месте, и описания его подвигов в этой народной войне читаются, как самый интересный роман с приключениями.

Будучи одним из первых по времени и усерднейшим сторонником парламента, Джон Бэрч набрал в Бристоле многочисленный отряд добровольцев, преимущественно из «мостовиков». С частью этого отряда он и держал на мосту караул, назначенный не столько против внешних врагов, сколько против внутренних, ютившихся в стенах самого города, так как в Бристоле находилось множество пленных роялистов. Хотя они и находились под присмотром, но им разрешалось на честное слово разгуливать по улицам, и при первом же удобном случае они могли нарушить это слово, что многие из них, к своему вечному стыду и позору, и сделали.

В глазах короля их это нисколько не роняло; напротив, это только способствовало его благосклонности к ним и побуждало его давать им повышения, вплоть до самых ответственных должностей, как он сделал, например, с Вавасором.

Измена, не только терпимая, но и поощряемая бывшим бристольтским губернатором Эссексом, находившимся теперь в берклейском замке, не была еще уничтожена; она только притаилась, готовая при первой возможности поднять свою змеиную голову, и новому губернатору Натаниэлю Финсу стоило немало труда держать ее в страхе. К счастью, у него в этом деле был хороший помощник в лице Джона Бэрча. Энергичный капитан-доброволец казался точно нарочно рожденным для этой обязанности. Благодаря двуличности бывшего губернатора ему раз самому пришлось пострадать: он был ни за что ни про что посажен Эссексом под арест. С тех пор Бэрч сделался особенно бдительным и осторожным.

И вот, обозревая свой участок, он увидел приближавшуюся группу, которая не могла не поразить его: шел маленький мужчина с деревянной ногой, шла женщина, чуть ли не вдвое выше его ростом, а между ними шагала осел, навьюченный двумя корзинами. Это были Джек Прыгун, Уинифреда и Джинкем.

Хотя сам Бэрч и не был погонщиком вьючных животных, как его обзывали враги, а был крупным торговцем, производившим скупку разных товаров по всей провинции, он все же отлично знал все местные дороги и способы доставки товаров. Поэтому он с первого же взгляда догадался, что это идут разносчики, простые сельчане. Мост был достаточно освещен фонарями и огнями из домов, и когда путники приблизились, капитан мог ясно рассмотреть их лица. По этим лицам наблюдательный Бэрч понял, что это люди бывалые. Если они шли из Глостера или хотя из Берклея, то могли подхватить дорогой кое-какие важные новости, которые не мешало бы узнать от них. Рассуждая таким образом, Бэрч вышел на середину шоссе и остановил разносчиков вопросом:

— Откуда идете, почтенные люди?

— Из Глостера, ваша честь, — ответил Джек.

— А по какому делу вы пришли в Бристоль?

— По своему обычному. Как вы видите, мы разносчики.

— Да, но корзины ваши, кажется, пусты, — сказал капитан, взглянув в корзины и двинув их толчком. — Почему это так?

Вопрос этот смутил было Джека, но сестра поспешила спасти положение,

ответив своим громким и ясным голосом:

— Мы пришли купить здесь кое-что для Глостера и других мест подальше. Мы, собственно, из Динского леса. В Глостере всего не достанешь, что бывает нужно в нашей стороне.

— Ах, вы из Динского леса! — подхватил капитан. — А когда вы вышли отсюда?

— С неделю тому назад, ваша честь, — снова подал голос Джек.

— Да, оттуда не близко, — заметил Бэрч, покосившись на деревяшку разносчика. — Наверное, вам попадалось немало народа по пути, особенно между Глостером и нашим городом. Не можете ли вы, добрые люди, сказать мне...

Капитан круто оборвал свою речь, заметив, что кругом начинают собираться любопытные. Он хотел продолжать свои расспросы, отведя путников в сторону, но вдруг увидел, как к женщине подошел мужчина исполинского роста в форме кавалерийского сержанта и по-дружески заговорил с этой женщиной.

— А, сержант Уайльд! — воскликнул офицер добровольцев. — По-видимому, вы знаете этих людей?

— Как мне не знать их, капитан, когда мы вместе родились и росли в Дин-Форесте! — воскликнул бравый сержант.

— Ну и отлично, — заметил вполне успокоенный капитан и дал своим людям знак пропустить путников через мост.

Обменявшись еще несколькими словами с капитаном, Роб обернулся к Уинифреде и схватил ее за руку.

— Милая Уини, — шепнул он девушке, — я отпросился на часок. Капитан Тревор вернулся, едва вы успели отойти от ворот. Когда я ему сказал о вас, он велел мне позаботиться о хорошем ночлеге для вас. Славный он человек, не правда ли, Уини?

— Хороший, Роб. Мало таких хороших, — ответила Уинифреда, про себя отмечая, чем именно вызывалась доброта мистера Юстеса Тревора к ней и ее брату: конечно, любовью к их прекрасной землячке.

Джек хмурился и неодобрительно качал головой. Новая задержка на мосту была для него настоящей пыткой: из-за этой задержки могли разлететься в пух и прах все его надежды на хорошее вознаграждение. Что же касается его сестры, то последняя мало об этом заботилась: она чувствовала себя совершенно вознагражденною за все трудности долгого пути, видя шагающего возле себя любимого человека.

Между тем к Джону Бэрчу, смотревшему вслед тем, с которыми он только что разговаривал, подошла торопливыми шагами женщина, закутанная в длинный темный плащ со спущенным на лицо капюшоном. Оглянувшись кругом и не видя ничего подозрительного для нее, эта женщина откинула капюшон, и свет фонарей озарил прелестное женское личико с тонкими породистыми чертами.

— Марианна! — вполголоса вскричал капитан. — Зачем вы пришли сюда? В чем дело?

— Ваша жизнь в опасности, Джон, — в страшном возбуждении ответила та, которую звали Марианной. — Я только что узнала это и поспешила, чтобы сообщить вам.

— Откуда же угрожает мне опасность, Марианна?

— От изменников. Они готовятся... вооружаются... хотят поднять народ в

пользу короля! — отрывисто говорила молодая женщина, дрожа с головы до ног и задыхаясь.

— Но кто они? Где? И откуда вы узнали об этом?

— Они собрались кто в доме у Иоменса, кто у Ваучера. Ждут подкрепления с улицы... Среди них... мой отец и брат... О, господи! Но ваша жизнь мне дороже всего на свете. Берегите ее, дорогой Джон! Не пренебрегайте моим предостережением!

— Не беспокойтесь, милая Марианна, не пренебрегу. Не медля ни минуты, я приму меры против заговорщиков. Не бойтесь за меня.

Торопливое объятие, торопливый, но жгучий взаимный поцелуй — и молодая женщина или, вернее, девушка, снова закрывшись капюшоном и завернувшись в плащ, поспешно удалилась с моста. Полным любви взглядом провожал ее изящную фигуру молодой капитан, и когда она наконец совсем скрылась в ночной темноте, он со вздохом отвернулся и прошел в караульню.

Эта девушка считалась одною из замечательнейших бристольских красавиц. Отец ее был очень богатый и гордый купец. Если бы этот отец слышал, что говорила его дочь Джону Бэрчу, он собственноручно сбросил бы ее с моста в воду.

Некоторое время спустя, капитан Бэрч несся во главе отряда добровольцев по направлению к городской крепости, к так называемому «Замку». Весь отряд, сидя на превосходных конях, был с головы до ног вооружен, как на войну.

В это самое время в Замке происходил военный совет под председательством самого губернатора Натаниэля Финса. Кстати нужно сказать, что этот человек хотя и был неизменно предан парламенту, но другими достоинствами, необходимыми для его ответственной должности, не обладал. По профессии он был стряпчим, и лучше разбирался в юридических тонкостях, чем в административных и тем более военных делах. Человек безусловно честный, прямолинейный и наружно спокойный, в действительности же он был горяч и несдержан, так что часто отталкивал от себя своих лучших друзей и портил самые лучшие свои намерения, не умея обуздывать свой резкий язык. К счастью, он был окружен людьми с большим дипломатическим тактом и военной опытностью; они контролировали его действия и удерживали его от многих пагубных ошибок и увлечений. К числу этих людей принадлежал сэр Ричард Уольвейн.

Этот рыцарь, как и Юстес Тревор, очутился в Бристолле потому, что весь Дин-Форест с соседними областями был временно захвачен роялистами. Сэра Джона Уинтора, оперировавшего в западной части этой провинции, поддерживали в других местах лорд Герберт и Гарри Линджен. Особенно трудно было бороться с прекрасно дисциплинированными и хорошо вооруженными наемными и партизанскими отрядами лорда Герберта, и сторонники парламента отовсюду были вытеснены из Фореста. Не теряя, однако, бодрости духа, сэр Ричард соединил свой отряд с главными парламентскими силами, двинувшимися против регулярных королевских войск. В описываемое время обе армии действовали в Вурстершире, Варвике и Салопе. Они уже вступали в битву при Эджхилле — битву, оставшуюся нерешенною, но в которой с обеих сторон проявлялось столько же стойкой храбрости, сколько и жалкой трусливости.

Не были повинны в трусости лишь отряды сэра Ричарда; напротив, все они проявили чудеса стойкости, и не при одном Эджхилле, но и на других полях

сражения. Особенно отличился отряд, находившийся под командой сержанта Роба Уайльда, одно имя которого внушало панический ужас королевским солдатам. Даже блестящая конница принца Руперта старалась по возможности избегать стычки с этим отрядом, хотя превосходила его вдвое одной численностью. Силою обстоятельств Роб со своим отрядом был вынужден войти в состав бристольского гарнизона; это было крайне неприятно свободолюбивым форестерцам, всегда стремившимся к простору, но горькая необходимость заставила их покориться.

Вместе с сэром Ричардом и «большим сержантом», как называли в народе Роба Уайльда, очутился и Юстес Тревор, весь душою и телом предавшийся парламенту с того дня, когда он в Холлимиде собственными глазами убедился в неправоте той партии, к которой принадлежал раньше.

Вернемся, однако, к новому бристольскому губернатору.

В описываемый нами вечер 7 марта, то есть всего несколько дней спустя после ареста Эссекса, он собрал в одной из своих приемных в Замке всех старших офицеров, командовавших отдельными частями местного гарнизона. Его предшественник непременно провел бы этот вечер, как и все предыдущие, в веселой компании легкомысленных кавалеров и дам, но Натаниэль Финс был человек серьезный, положительный и всему на свете предпочитал исполнение своих обязанностей, хотя иногда и не совсем верно понимал их.

Но в эту минуту и он не хуже своих офицеров понимал, что дело, которое они защищают, находится в критическом положении. Взятие Сиренстера, сопровождавшееся кровопролитнейшей резней, сдача Малмсбери, Тьюксбери и Дивайзеса, оставление седлейской и берклейской крепостей — все эти тяжелые удары, сыпавшиеся непрерывным рядом, могли всполошить хоть кого.

По всей видимости, победоносные пока роялисты намеревались попытать теперь свои силы на Бристоле. Роялисты особенно зарились на Глостер и Бристоль, как на складочные пункты, обещавшие наибольшую добычу. Кроме того, Бристоль являлся ключом к богатой северной равнине с ее цветущими городами и селами, вплоть до Шрюсбери, господствовавшим над оживленной торговлей с южным Уэльсом.

Вся ближайшая территория находилась во власти принца Руперта, который во главе своего сильного корпуса беспрепятственно совершал набеги и грабил без всякого стеснения. В последнее время шел слух, что он готовится овладеть и Бристолем путем штурма или осады. Слух этот и понудил губернатора созвать военный совет для решения насущных вопросов обороны города.

Но для Бристоля были страшны не одни внешние враги, — страшнее их были внутренние. Яйцо измены, высиженное при Эссексе, не было болтуном. В нем скрывалась живая сила, которая ждала лишь луча тепла и надежды, лишь руки помощи, чтобы пробить скорлупу и вылететь из своей темницы на свет, готовой на бой, во всеоружии своих острых когтей и смертоносного клюва.

В этот вечер Натаниэль Финс был необыкновенно возбужден, смущенный той неприятной задачей, которую оставил ему в наследство его предшественник. Уныния, однако, в нем не было заметно. Напротив, трудная минута заставила его только собрать всю силу своего духа, и когда совещание уже подходило к концу, он со свойственной ему горячностью воскликнул:

— Прежде чем врагу войти в Бристоль, ему придется перешагнуть через

мой труп!

— И через мой! И через мой! — единодушно вторили ему заседающие с ним патриоты.

Голоса их звучали страстной убежденностью, но не все были искренни. Так, например, громче всех кричал о своей преданности отечеству и парламенту полковник Ленгриш, в тиши готовивший измену, которую впоследствии и совершил.

Самым спокойным и сдержанным оказался сэр Ричард Уольвейн. Как человек более дела, нежели слов, он не любил пышных и витиеватых прокламаций. Слова же хотя бы того же Финса вскоре действительно оказались именно только такой прокламацией, потому что впоследствии враг, вступив в город, не перешагнул через тело губернатора, а вошел самым удобным путем — путем открытых перед ним настезь городских ворот. Сдача Бристоля произошла так легко, что не могла не показаться преступною, причем сам бывший стряпчий угодил в тюрьму, куда его посадили не враги, а собственные прежние друзья. Он ходатайствовал о помиловании, и оно было ему оказано, но он должен был навсегда оставить всякую общественную деятельность.

Совещание в Замке уже окончилось, и все собирались разойтись, как вдруг в дверях появился дежурный адъютант и доложил, что пришли какие-то люди, добивающиеся быть немедленно принятыми губернатором по важному делу. Никому другому об этом деле они не желают сказать.

— Что это за люди? — спросил губернатор.

— Не могу знать, ваше превосходительство, — ответил адъютант. — Они ожидают за воротами. Известие о них принес мне капрал стражи, который находится здесь у дверей.

— Позовите его сюда.

Через минуту перед губернатором уже стоял навытяжку капрал.

— Что за люди, желающие меня видеть в такой поздний час? — повторил ему свой вопрос Фине.

— Ваше превосходительство, — отвечал капрал, — я знаю только одного из них. Это сержант Уайльд из дин-форестского отряда. С ним пришли двое неизвестных мне: маленький мужчина и очень высокая женщина. У мужчины одна нога деревянная.

— Позвольте мне сказать, полковник, — начал сэр Ричард, привстав со своего места, — мне знакома вся эта компания, судя по описанию капрала. Сержант Уайльд мой подчиненный. Могу ручаться за него, как за самого себя, а также и за тех, с кем он пришел сюда. Эти лица могли прийти сюда только с добрым намерением.

— Ну, в таком случае пусть войдут сюда все трое, — приказал губернатор.

Адъютант и капрал исчезли. Когда двери за ними затворились, Финс стал расспрашивать сэра Ричарда о тех, за которых тот так ручался. Едва успел капитан Уольвейн сообщить губернатору нужные сведения, как адъютант уже привел Роба Уайльда с его спутниками.

Глава XVII

ОТКРЫТЫЙ ЗАГОВОР

Присутствовавшие на совете офицеры стали по обе стороны губернатора и с любопытством смотрели на входившую группу, состоявшую из трех людей, которые, переступив за порог комнаты, выстроились в ряд, причем маленький мужчина пришелся между рослым сержантом и почти такой же высокой женщиной.

— Добрый вечер, сержант, — сказал сэр Ричард, подходя к новоприбывшим и ответив приветливым кивком головы на поклоны разносчиков и на отдавание Уайльдом чести по уставу. — Вероятно, вы привели ваших друзей с какою-нибудь жалобой на причиненную им обиду? Быть может, они потерпели от наших солдат или от здешнего населения?

— Нет, полковник, — возразил Роб, — они не из тех, которые любят беспокоить начальство жалобами. Но дело в том, что они принесли из Глостера весть от полковника Массея, которую должны передать господину губернатору. Они только что вошли в город и попросили меня немедленно привести их сюда с этой вестью.

Глаза присутствующих с еще большим вниманием обратились на спутников сержанта. Весть от полковника Массея, командовавшего в Глостере, да еще в такой критический момент, — это, должно быть, что-нибудь особенно важное.

— Может быть, вашему превосходительству угодно выслушать этих вестников с глазу на глаз? — сказал сэр Ричард, выказывая намерение покинуть залу совещания и подавая этим пример остальным офицерам.

— О нет, зачем же! — воскликнул губернатор. — Я не вижу в этом никакой надобности. Прошу вас всех остаться, господа. В сообщениях полковника Массея мы все одинаково заинтересованы... Так что же поручил вам, добрые друзья мои, передать нам полковник Массей? — обратился он к Джеку и его сестре, пытливо оглядывая их обоих. — Говорите прямо, без стеснения и не таясь.

Слова ободрения были излишни для Джека и Уинифреды; брат и сестра привыкли иметь дело со всякого рода людьми и никого не боялись.

— То, что мне велено передать вашей чести, написано на бумажке, — сказала Уинифреда. — Бумажка у моего брата, и он спрятал ее в надежное место на случай, если бы на нас напали кавалеры, которые рыскают по стране.

— Ну, здесь их нечего опасаться, и брат твой спокойно может достать спрятанную бумагу и передать мне, — заметил губернатор.

Джек прислонился к стене и с помощью сестры отвязал свою деревянную ногу, отвинтил ее верхнюю часть, причем в деревяшке открылось небольшое углубление, из которого и был извлечен свернутый в трубочку листок бумаги.

Развернув врученный ему листок, Финс вслух прочитал следующее:

«Глостер, 7 марта. Руперт с 8000-м отрядом идет на Бристоль. Рассчитывает быть у ваших ворот вскоре же. Советую держать их на запоре. Сожалею, что не могу поспешить к вам на помощь: я сам прижат в стороне Монмаутсшира. Бретт и лорд Джон Соммерсет со своим папистским сбродом пересекли Форест и теперь напирают на нас со стороны Хайнема. Но я во всяком случае удержу Глостер, как, надеюсь, и вы удержите Бристоль. Массей».

— Удержу, чего бы мне это ни стоило! — в новом порыве восторженности вскричал Фине. — До последней капли крови будем защищать этот город, не так ли, джентльмены?

Вопрос этот был покрыт пылкими заявлениями офицеров о своей готовности умереть за Бристоль.

Не успел еще замолкнуть гул голосов, как дверь с шумом отворилась и в залу без всякого доклада поспешно вошел новый офицер, по встревоженному лицу которого было видно, что ему не до церемоний.

— Ваше превосходительство... джентльмены, под нашими ногами мина, готовая взорваться! — с трудом проговорил он, еле переводя дух и дрожащей рукой поправляя на себе сбившуюся при быстрой верховой езде перевязь сабли.

— Стоим на mine?! — повторил изумленный губернатор. — Что вы такое говорите, капитан Бэрч? Я вас не понимаю.

— Среди нас измена... сбор заговорщиков... — почти хрипел Бэрч. — Вооружены... собираются произвести смуту в городе...

— А вам известно, где они собрались? — спросило сразу несколько голосов.

— Частью в доме Роберта Иоменса, а частью у Джорджа Ваучера. Почти у ваших дверей я получил предупреждение, что и у Эдуарда Сэкра нечисто.

Если сопоставить это известие с сообщением полковника Массея, то нетрудно было догадаться, что принц Руперт и его тайные сторонники в Бристолле сговорились овладеть городом в эту же ночь. Руперт со своим корпусом наемников должен был напирать извне, между тем как его друзья в городе намеревались устроить побоище в самих стенах и под шумок отворить ему ворота.

Ленгриш, Уитель и двое других из присутствовавших на совещании у губернатора офицеров, также принадлежавших к стражникам Руперта, попытались было дискредитировать донесение Бэрча, но, к счастью, голоса их не были услышаны.

— Арестовать заговорщиков! — решило большинство офицеров с губернатором во главе.

— Слышите, капитан Бэрч? — обратился Финс к офицеру-добровольцу. — Заговорщиков нужно немедленно арестовать. Поручаю это дело вам, как наиболее знакомому с местами сборищ. Возьмите, сколько нужно, своих людей и сделайте все, чего потребуют обстоятельства. В качестве моего представителя посылаю с вами вот этого джентльмена, — заключил он, указывая рукой на своего адъютанта.

Получив еще несколько инструкций, адъютант с капитаном Бэрчем поспешно удалились. Но вслед за ними явился также без доклада и в сильном возбуждении новый офицер-доброволец, капитан Джереми Бёк, известный у писателей Реставрации под презрительной кличкой «хлопотливого торгаша». Был ли он «хлопотливым борцом» за правду — это им было вполне доказано в описываемую ночь. Между прочим, он доставил много новых важных сведений о роялистском заговоре, которыми подтверждались и пополнялись предыдущие сообщения.

Ввиду того что в Бристолле очагов измены оказалось более, чем было известно Бэрчу, губернатор уполномочил и капитана Бёка произвести «выемку» заговорщиков в тех местах, которые сделались известными ему помимо Бэрча.

Лишь только Бёк вышел из губернаторской приемной, как на смену ему

явился капитан Юстес Тревор, не менее своих предшественников встревоженный и взволнованный.

— Что случилось, Тревор? — встретил сэр Ричард своего подчиненного. — Как могли вы оставить свой пост у ворот, не испросив на то надлежащего разрешения, капитан?

— Извините, полковник, — торопливо проговорил Тревор. — Но время не терпит, и я нашел нужным лично прискакать сюда, чем посылать кого-нибудь. Особенно важно то, что здесь присутствует сам господин губернатор...

— Что же случилось, капитан? — спросил губернатор, вместе с своим штабом внимательно прислушивавшийся к каждому слову нового вестника.

— Стоя на своем посту, я увидел в некотором расстоянии от города подозрительное зарево, происходящее как бы от лагерных костров. Я счел своей обязанностью лично донести об этом по начальству и очень рад, что нашел здесь и высшее начальство в лице вашего превосходительства.

Да, полковник Массей не ошибся. Губернатор со своей свитой поспешил подняться на сторожевую башню Замка. Действительно, со стороны Дёргем-Доуна и вплоть до Кингс-Уэстона весь горизонт освещался желтоватым заревом.

— Разумеется, это бивуачные огни! — вскричал один из старых бывалых офицеров. В этом нет никакого сомнения.

— Очевидно, так, — подтвердил губернатор. — В свое время мы поблагодарим за предупреждение полковника Массея и остальных верных и преданных сынов родины, не скрывших от нас грозящей нам опасности. Пока капитаны Бэрч и Бёк исполняют данные им поручения об аресте заговорщиков, не будем медлить и мы исполнением наших дальнейших обязанностей.

С этими словами Финс спустился с дозорной башни и вместе с несколькими офицерами отправился обозревать городские укрепления.

Между тем капитан Бэрч уже стучался у дверей дома Роберта Иоменса, требуя впуска. Весь дом был окружен пешими и частью конными солдатами-добровольцами. В случае надобности были бы выломаны двери. Кроме того, Бэрч принял все необходимые меры против возможных вылазок неприятеля и в других местах.

Дом был очень обширный, так как принадлежал одному из местных богачей. По сведениям Бэрча в этом доме в настоящую минуту было собрано более сорока вооруженных роялистов. Услышав зловеший стук в наружную дверь и еще более зловещие слова: «Отоприте и сдайтесь без сопротивления!» — заговорщики схватились было за оружие и хотели попытаться пробиться силою на улицу. Однако, когда они выглянули из окон и увидели форменную осаду, сердца у них упали. Если они не хотели лечь на месте поголовно, не принеся ни малейшей пользы своему делу, то им действительно не оставалось ничего иного, как сдаться без сопротивления. И они покорно сдались. Ждать пощады им было нельзя. Они знали, что среди добровольцев есть люди, только чудом избежавшие резни, устроенной роялистами в Сирелстере, и те не упустили бы возможности жестоко отомстить за своих злополучных сограждан, погибших в этой резне.

Не зевали Бёк и Тревор, отправленные губернатором «очистить» гнезда заговорщиков, что и было ими исполнено с таким же успехом, как Бэрчем. Все обошлось без кровопролития: роялисты везде сдались, уступая силе противни-

ка и сберегая свою жизнь в надежде, быть может, на лучшее будущее.

Нужно сказать правду: не будь неусыпного Бэрча и неутомимо деятельного Бёка, улицы Бристоля в ту ночь наверное были бы орошены потоками крови. После действительно узналось, что принц Руперт, стоя перед городом, с нетерпением ожидал условленного колокольного сигнала, которым его сообщники в городе хотели дать ему знать, что местный гарнизон перебит ими и ворота отперты. Стоит лишь вступить в Бристоль и взять его.

Но титулованный разбойник так и не дождался желанного сигнала. В городе все оставалось спокойно, а его стены по-прежнему были унижены черными силуэтами людей, оружие которых блестело и сверкало в лучах фонарей. Незадолго до утра лагерные костры, обозначавшие стоянку Руперта, угасли, и он во главе своей армии повернулся спиной к богатому портовому и торговому городу, который в заносчивых мечтах уже видел было своим.

Глава XVIII РАЗНОХАРАКТЕРНАЯ СЕМЬЯ

Неблагоприятно сложившиеся политические события заставили всех наших добрых знакомых собраться в Бристоль, как в наиболее надежном убежище. Пришлось укрыться в нем и мистеру Эмброзу Поуэлю с обеими дочерьми. Его планы укрепления Холлимида и защиты своего поместья с помощью друзей и приверженцев оказались невыполнимыми. Сэр Ричард объявил, что все старания укрепиться в деревянном доме будут напрасны: первая же раскаленная стрела, какая будет пущена неприятелем из специальных метательных снарядов, подожжет строение. Противник же владел одним за другим всеми густо населенными и хорошо укрепленными и защищаемыми пунктами в Форестской области. Сила была пока на его стороне. Послушавшись совета сэра Ричарда, мистер Поуэль, скрепя сердце, решил переселиться в Бристоль одновременно с отрядами добровольцев патриотов.

У Эмброза Поуэля была сестра, состоявшая в замужестве за одним богатым плантатором в Вест-Индии. Имя ей было Гвендолина и по мужу она носила фамилию Лаланд. Муж ее, за год до своей смерти, последовавшей незадолго до описываемого нами времени, ликвидировал все свои дела в Вест-Индии и переехал на родину своей жены, где от непривычной праздности и разных излишеств вскоре же заболел и умер, оставив жене и единственной дочери Клариссе огромное состояние.

Клариссе Лаланд было всего восемнадцать лет, и она отличалась необыкновенною, оригинальною красотою. Среди предков ее отца были мулаты, и это сказывалось в бронзовом цвете ее прекрасного лица, в огромных жгучих темных глазах, в особом оттенке густых, курчавых черных волос, с которыми не могла справиться ни одна гребенка, и в ярко-пунцовых пышных, чувственных губах.

Избалована была эта единственная дочка богатых родителей донельзя. Прихотям ее и причудам не было конца. Своенравная и страстная натура Клариссы не терпела никаких противодействий своей воле и не знала никакого удержу. Воспитанная в атмосфере рабства и лести, она, естественно, могла сочувствовать только монархизму, казавшемуся ей олицетворением всех ее идеалов — величия, пышности, изящества и красоты. От демократов она с отвра-

щением и почти ужасом отвертывалась.

Хуже всего было то, что и мать стала разделять вкусы дочери. Мистер Поуэль совсем не узнавал в сестре свою прежнюю любимицу, скромную провинциальную девушку, которая раньше всегда так горячо входила в его интересы и разделяла все его взгляды и убеждения. Он много лет с нею совсем не видался и был неприятно поражен происшедшей с ней за морем переменой. Между тем судьба, как нарочно, заставила его искать гостеприимства именно у этой сестры.

Гвендолина Лаланд была в высшей степени гостеприимна. Постоянно устраивая званые обеды, вечера, балы и тому подобные собрания с великолепными угощениями и разного рода увеселениями, она, в сущности, только продолжала то, что началось по желанию ее покойного мужа. Центром этих собраний, на которых присутствовала вся местная знать — аристократическая и денежная, служила, разумеется, Кларисса. За нею увивались все мужчины, свободные от брачных уз. В числе ее поклонников одно время состоял и веселый полковник Эссекс, завсегдатай всех пышных обедов, балов и пикников. Мать и дочь, видимо, благоволили ему, потому что он был сын лорда и в один прекрасный день сам смог сделаться лордом. Но когда Эссекс был уличен в измене и посажен в тюрьму, надежды его и Лаландов рассеялись, как дым.

Однако и после исчезновения Эссекса из домарадушной вдовы последняя продолжала прежний образ жизни. Не проходило почти ни одного дня, чтобы в этом доме не было многолюдного веселого сборища. Хотя город и находился в полуосадном положении, но это нисколько не отражалось на богатом доме, где думали только о забавах, развлечениях и дорогих яствах.

Из семьи Эмброза Поуэля всех ближе подходила к Гвендолине и Клариссе Лаландам жизнерадостная Вега, но и ее смущали их чересчур уж свободные манеры и склонности. Сам же мистер Поуэль и его старшая дочь Сабрина являлись полной противоположностью своих родственниц и чувствовали себя крайне неуютно в их гостеприимном доме. Не раз пожалел мистер Поуэль о том, что не поселился в Глостере вместо Бристоля. Ему хотелось бы исправить эту ошибку, но это было очень рискованно, потому что дороги между обоими городами с каждым днем становились все более и более опасными, и он поневоле мирился с необходимостью переждать в доме сестры дни смуты и тревоги.

Гражданская война шла с переменным счастьем. Открытие заговора 7 марта и арест всех заговорщиков дали временный перевес патриотам. Принц Руперт отошел от Бристоля. Был избавлен от непосредственной опасности и город Глостер, которому угрожали отряды лорда Герберта, надвигавшиеся со стороны Монмаутшира. Это было сделано сэром Вильямом Уоллером, известным под двумя прозвищами: «Вильяма Победителя» — за совершенный им ряд блестящих подвигов, и «Ночной Птицы» — за его пристрастие к ночным экспедициям.

Разбив наголову часть партизанских войск лорда Герберта, заседавших на Глостер, он выгнал из Динского леса королевские войска, находившиеся под предводительством принца Мориса, после чего направился в Гирфордшир и занял главный город этого графства, оставленный слабым и бездеятельным парламентарием Стамфордом. Захватив там в плен целую банду роялистов, Уоллер вернулся к Глостеру, а оттуда направился к Бристолю.

Уоллер не любил нигде засиживаться. Сдав Финсу своих пленников, состоявших преимущественно из самого цвета гирфордширского дворянства, он полетел в Соммерсетшир, чтобы помериться силами с принцем Морисом и маркизом Гертфордом.

Население Бристоля могло свободно вздохнуть. Внутренняя измена была подавлена в тот самый момент, когда она надеялась на успех. Главари заговора 7 марта были приговорены к смерти и вскоре же казнены. Среди судей не нашлось ни одного голоса, который решился бы ходатайствовать о смягчении их участи.

Эти главари — Иомене и Ваучер — имели повсюду большие связи, и за них многие хлопотали, но безуспешно. Сам король попробовал было пустить в ход все свое еще остававшееся у него влияние, чтобы их спасти. Он предлагал в обмен за них всех пленных, захваченных его сподвижниками в Сиренстере, но не помогло и это. Юрист Финс на это предложение, сделанное ему одним из приближенных короля, очень находчиво ответил:

— Люди, которых мы судили и осудили, — не воины, а шпионы и заговорщики. Ваши же пленники, взятые в Сиренстере, бились с оружием в руках. Это большая разница. На предложенный вами обмен мы согласиться не можем, и я предупреждаю вас, что за каждого сиренстерского пленника мы поведем целый десяток ваших длинноволосых кавалеров. Прошу вас это запомнить.

Королевская партия знала, что Финс шутить не любит и привык свои слова подкреплять делом. Новых попыток спасти Иоменса и Ваучера больше не делалось, и сиренстерские пленные не были казнены.

Но король действовал так вовсе не из сострадания и жалости, а просто по расчету. В руках парламентариев находились роялисты, настолько важные по своему роду, положению и состоянию, что король боялся подвергнуть риску их жизнь. У этих роялистов были еще более сильные связи, чем у Иоменса и Ваучера, так что можно было опасаться, как бы они не обратились против самого короля в случае, если бы по его упорству угроза Финса была приведена в исполнение. Зато королевский провост-маршал[16] Смите впоследствии отомстил сиренстерцам, находившимся в заключении в Оксфорде, тем, что в тиши заморил их всякими лишениями и жестоким обращением.

До последней минуты своей жизни Иомене и Ваучер, эти «государственные мученики», как называют их роялистские писатели, не переставали кричать о своей невиновности, но им никто не верил. Очевидность доказывала, что они собирались пролить кровь своих ничего не подозревавших сограждан. Не даром же при аресте они оказались вооруженными вместе с остальными заговорщиками. Кроме того, судебным следствием было установлено, что они собирались впустить в Бристоль принца Руперта с его разбойничьей шайкой, а это значило бы обречь город на разграбление, мирных граждан — на убой, а женщин — на позор. Только по опубликовании следственных актов бристольцы смогли понять ту страшную опасность, которой они подвергались в ночь 7 марта и от которой они были спасены почти чудом.

Между тем госпожа Лаланд собирала вокруг себя и своей прелестной дочери не одних приверженцев короля, но и сторонников парламента. Разумеется, она охотно допускала в свой избранный круг только таких лиц из противоположной партии, которые своим происхождением и манерами не шли вразрез

с этим кругом. Таких лиц среди парламентариев было еще довольно много, так как партия чистых патриотов лишь впоследствии приняла специальную окраску.

Среди других приверженцев парламента в доме вдовы Лаланд появлялись и сэр Ричард Уольвейн и его юный приятель Юстес Тревор. Одного из них даже встречали там особенно радушно по причинам, которые выяснятся потом. Появление этих лиц несколько смягчало горечь мистера Поуэля, сильно страдавшего в той шумной толчее, которая составляла главное условие существования его сестры.

Сэру Ричарду часто приходилось отлучаться из города в погоне за роялистами. В последнее время он имел много дела с отрядами принца Мориса, которые старались пройти обходом в Соммерсетшир, чтобы присоединиться к отрядам Гертфорда. Сэр Ричард не давал покоя противнику и преследовал его как тень. При каждой стычке он наносил ему чувствительное поражение и разбивал все его планы. После одной блестящей экспедиции он вернулся в Бристоль в одни ворота, между тем как из других выступал Уоллер, который явился в этот город с целью взять под свои знамена лучшую часть тамошнего гарнизона. Так как «Победитель» был снабжен большими полномочиями, то губернатор не мог противиться этому, хотя ему и было очень досадно лишиться части своих лучших защитников.

Через несколько дней после своего возвращения сэр Ричард получил приглашение на бал, который устраивала мадам Лаланд. Такое же приглашение было получено и Юстесом Тревором. Выходило так, что будто она давала бал только в честь этих лиц, что очень удивило и даже раздражило многих роялистов, также приглашенных на этот бал. Вид Юстеса Тревора раздражал их в особенности. Они считали юношу низким ренегатом, покинувшим своего короля в критический момент. Как могла сделать это мадам Лаланд, когда тела злополучных «государственных мучеников» еще не успели остыть в могиле? Нашлись и такие, которые объясняли это тем, что мадам Лаланд заискивает у «восходящих светил». Некоторые успехи, выпавшие в последнее время на долю приверженцев парламента, многих заставляли верить в их полную победу в недалеком будущем.

Не это ли имела в виду и Гвендолина Лаланд?

Но такое предположение было неверно. На приглашении «новых светил» настояла Кларисса по причинам, известным только ей. Своенравная девушка не привыкла давать отчет в своих поступках никому, даже матери, которая, напротив, сама находилась под ее влиянием. Что будут говорить о ней другие, Кларисса совсем не заботилась, лишь бы она могла настоять на своем. Она знала, что хороша, знала, что умеет танцевать, как баядерка, хотела веселиться и блистать в обществе, хотела любить и быть любимой, а до всего остального ей и горя было мало.

В Бристолле было много дворян всех сортов: и среди коренных жителей, и среди временно искавших в нем убежище, вроде мистера Поуэля с дочерьми, и среди приведенных насильно в его стены в качестве пленников. Мадам Лаланд было из кого выбирать своих гостей. Число разосланных ею на этот раз приглашений было очень велико. Почти все приглашенные явились на ее любезный зов, и в назначенный час вечера великолепные гостиные и залы Монсерат-Хауза стали наполняться именитою публикою, состоявшею не из одних

длинноволосых или коротко стриженных дворян, но и из представителей местного крупного купечества. При новом губернаторе балы в Бристоле были редкостью, и золотая молодежь с жадностью ловила каждую возможность повеселиться и пофлиртовать. Этой молодежи и было особенно много. Но были люди и пожилые, для которых также было довольно приманок в доме мадам Лаланд в виде лакомого угощения, интересных бесед и новых знакомств.

Всех собравшихся было не менее двухсот человек обоего пола. Бал обещал быть тем более интересным, что приглашенным предоставлялось право быть в каком угодно костюме и даже в масках. Разнообразие костюмов оказалось поразительное. Большинство дам было в масках, по крайней мере в начале бала, во время же танцев почти все маски очутились на полу, открыв лица такой красоты, которую было прямо грешно скрывать.

Однако знатоки утверждали, что всех прелестнее были хозяйская дочь и ее две кузины, Сабрина и Вега Поуэль, которые и помогали мадам Лаланд принимать гостей. И действительно, эти три девушки совершенно различных типов были так ослепительно хороши, каждая в своем роде, что сам Париж признал бы за ними пальму первенства.

На бале оказался и Реджинальд Тревор, явившийся после своего кузена Юстеса, который сопровождал сэру Ричарду. Реджинальд и Юстес Треворы не виделись друг с другом довольно долго, именно с того дня, когда они неожиданно столкнулись в Холлимиде. Реджинальд участвовал с монмаутсширскими отрядами лорда Герберта в балаганной осаде Глостера, так быстро прекращенной Уоллером, который забрал его в плен и препроводил в Бристоль. Кстати сказать, во время сражения при Эджхилле попал в плен и полковник Ленсфорд, не постыдившийся громко крикнуть «Пощадите!», когда этого храбреца со всех сторон окружил неприятель. Пленника поместили в Варвик-Кэссле.

Находясь в Бристоле уже несколько недель, Реджинальд Тревор знал, что его кузен состоит в капитанском чине под начальством сэра Ричарда и вместе с ним сражается против роялистов, стремившихся овладеть одним из крупных торговых центров между реками Авоном и Северной. И вдруг старший кузен видит Юстеса в одной с ним гостиной! Эта новая встреча была для него очень неприятна. Ведь Юстес был из числа тех, которые взяли его в плен, и, кроме того, это был тот самый человек, которому он, Реджинальд, угрожал не давать пощады в случае встречи с ним на поле битвы. Все это углубило в мыслях Реджинальда ту пропасть, которая легла между ним и его кузеном еще в Холлимиде.

Но Юстес смотрел на это совсем иначе. Он со своим простодушием не чувствовал к Реджинальду никакой вражды и видел в нем лишь политического противника, с которым при встречах на нейтральной почве всегда был готов обменяться крепким рукопожатием. Он искренне обрадовался, когда увидел в этом мирном собрании и Реджинальда. Полный самых добрых чувств, он подошел было к брату с протянутой рукою. Но вместо ожидаемой им трогательной сцены примирения вышло нечто совершенно другое, заставившее его очнуться от своих прекрасных мечтаний. Произошел обмен слов, хотя и коротких, но острых и режущих, как боевые мечи.

— Так ты исполнил-таки свое безумное решение? — бросил ему Реджинальд резким тоном.

— Какое решение? — с искренним удивлением спросил Юстес.

— А, ты еще спрашиваешь?! Притворяешься непонимающим? — продолжал Реджинальд. — Ты изменил своему государю и родному отцу!

— Зато не изменил своей совести, — с достоинством возразил Юстес, начиная понимать свою ошибку в оценке истинного характера и настроения кузена. — Бог и совесть для меня выше короля и даже выше моей привязанности к отцу, как бы сильна она ни была.

— Вижу, вижу, ха-ха-ха! — злобно смеялся Реджинальд. — Продолжай, как начал. Пока еще твои стриженные головы берут кое-где верх. Но скоро, — скорее, чем вы можете вообразить, — все перевернется иначе. Радуйся, Юстес, что тебя не было среди тех, которым удалось добраться до меня при Хайнеме. Я успел уложить там около десятка бунтовщиков. Если бы и ты находился среди них, несдобровать бы и тебе.

Сделав над собою усилие, Юстес старался придать этой беседе вид шутки и с легким смехом произнес:

— Нет, Редж, если бы мы с тобой встретились там, то тебя сейчас, пожалуй, здесь бы не было.

Бросив это замечание, он поспешил отойти от кузена.

Глава XIX В КОГТЯХ РЕВНОСТИ

В эту ночь двоюродные братья более не вступали в беседу. Когда они случайно сталкивались, то делали такой равнодушный вид, точно не были даже знакомы. Новых попыток к примирению Юстес не делал и жалел о сделанной уже им.

Реджинальд также не думал о примирении. Чувство более сильное и глубокое, чем оскорбленная преданность королю, заставляло его относиться к Юстесу, как к своему злейшему врагу. Чувство это было ревностью, которая впервые заползла в сердце Реджинальда при последней встрече с кузеном в Холлимиде и с тех пор успела превратиться во всепожирающую страсть. Он был уверен, что Юстес вытеснил его образ из сердца Веги, и не поверил бы никому, кто стал бы доказывать ему, что Вега и до знакомства с Юстесом ни одной минуты не интересовалась им, Реджинальдом.

Каковы бы ни были политические разногласия между остальной массой гостей в Монсерат-Хаузе, наружу они пока не прорывались. Роялисты и круглоголовые сходились группами или по одному из каждой партии и мирно между собою беседовали, шутили, смеялись как ни в чем не бывало. Офицеры, уже сталкивавшиеся на полях битвы и старавшиеся там отнять друг у друга жизнь, здесь встречались, как добрые друзья, и старались шутить над изменившимися условиями встречи. А когда начались танцы, то не одну ярую роялистку можно было увидеть несущуюся по паркету чуть не в объятиях какого-нибудь усерднейшего сторонника парламента, даже и носившего его мундир, или самого пламенного роялиста в паре с прелестной парламентаристкой. Впрочем, большинство молодежи совсем не интересовалось политикою и со всем пылом беззаботной юности предавалось лишь наслаждению прекрасным моментом веселья. Серьезные дела молодежь предоставляла старшим.

Сабрина Поуэль танцевала почти исключительно с одним сэром Ричардом Уольвейном, с которым ей было о чем поговорить; они были уже женихом и

невестой. Что же касается ее младшей сестры, то, будучи страстной поклонницей Терпсихоры, она готова была кружиться под задорные звуки музыки хоть со всеми танцорами. Она так и перелетала из рук в руки, не отказывая ни одному из многочисленных кавалеров, искавших чести и удовольствия потанцевать с такою красавицей.

Поведение Веги не нравилось Клариссе. Хотя она тоже не имела отбоя от кавалеров, но не желала, чтобы какая-нибудь другая дама, в особенности ее собственная кузина, на которую она смотрела, как на деревенскую простушку, могла поспорить с ней в чем-либо; избалованная дочка госпожи Лаланд привыкла царить в городском обществе и не выносила соперничества. Но всего досаднее было то, что Вега осмелилась соперничать с нею еще и в любви к Юстесу Тревору; этого уж не могла бы стерпеть и всякая другая женщина, даже и не одаренная таким бурным темпераментом, как Кларисса Лаланд. Поэтому можно себе представить, что творилось в душе и сердце этой взбалмошной полу мулатки!

Распорядительницей бала была сама Кларисса. Она составила программу музыки и танцев; управляла и подбором пар, назначая, кому с кем, в каком танце и сколько времени участвовать. Сама же она старалась иметь своим постоянным кавалером Юстеса Тревора, не обращая внимания на то, что это возбуждало насмешливые толки. Такое явное предпочтение хозяйской дочерью «ренегата» перед всеми другими кавалерами побуждало некоторых роялистов высказывать предположение, что благосклонность Гвендолины Лаланд к парламентариям основана именно на благосклонности Клариссы к «ренегату».

Со своей стороны и Вега терзалась муками любви и ревности. Давно ли прошли те дни, когда она так пренебрежительно толковала с сестрой о любви, а теперь вот и сама очутилась во власти этого чувства, казавшегося ей тогда таким непонятным и бессмысленным. И как нарочно, казалось, что на ее долю выпали одни шипы этой загадочной розы, именуемой любовью, то есть одни терзания ревностью. Ведь уверенности во взаимности Юстеса она не имела. Положим, в ту минуту, когда он на соколиной охоте променял свои великолепные страусовые перья на хвост убитой ее соколом цапли, у нее была основательная надежда услышать из его уст признание в любви, но надвинувшиеся вслед за тем события помешали этому. С тех пор не было больше ни одного свидания с глазу на глаз, поэтому девушка так и оставалась в неведении относительно настоящих чувств ее избранника. Но она была верна своему слову. Никакая сила не могла бы заставить ее разлюбить Юстеса; даже уверенность в том, что он уже не любит ее, да никогда и не любил. Но страдала и мучилась она невыразимо, и лишь одурманивающая атмосфера бального угара давала ей возможность удерживать в этот вечер свое душевное равновесие.

Между тем Юстес по каким-то тайным соображениям казался весь поглощенным Клариссой, которая употребляла всевозможные уловки, чтобы он почти не отходил от нее. И то, что так заставляло страдать Вегу, приносило радость не Клариссе, но еще одному лицу — Реджинальду Тревору. С одной стороны, он считал ухаживание своего кузена за хозяйской дочерью искренним, а с другой — он, привычный сердцеед, воображавший, что и Вега не могла избежать влияния его всепокоряющего обаяния, был убежден, что если этот прятничный херувимчик Юстес не вертится больше возле нее, то, значит, она его любезностей не поощряла и, стало быть, таит нежное чувство к другому, то

есть к нему самому, Реджинальду. И это было для него большим утешением в его остальных горестях.

В Монсерат-Хауз его, собственно, и привела только безумная надежда на то, что он там вновь увидит предмет своей страсти и объяснится с ним. Что же другое могло привести его туда? Не соблазны же бала или изысканного ужина? Он любил Вегу, как никогда никого не любил, и судорожно цеплялся за надежду, что и Вега должна полюбить его. Девушку могла бы заставить разочароваться в нем только обида, причиненная им отцу. Но ведь он нанес эту обиду не по собственному побуждению, а под давлением долга службы, по приказу свыше. Во всяком случае она могла бы забыть или простить ему это. Любовь всегда все прощает. Надо было только услышать подтверждение этого от самой Веги. Вот почему он и явился на бал.

Случай для объяснения с Вегой не замедлил представиться. Хозяйка дома за своими племянницами не присматривала; она вся была поглощена заботою о своей ненаглядной дочке; мистер Поуэль на балу не присутствовал, потому что вообще никогда не участвовал в увеселениях этого дома, где жил лишь временно и поневоле. Дочерям же своим он не запрещал пользоваться удовольствиями, свойственными их возрасту, и считал их достаточно благо разумными, чтобы не нуждаться в присмотре.

Сестры стояли отдельно, когда к ним приблизился Реджинальд. На его учтивый поклон они обе приветливо ответили и без всякой натянутости вступили с ним в разговор. Они слышали, что он, хотя и сражался за начала, которыми они, разделяя политические убеждения своего отца, не сочувствовали, но проявлял истинную храбрость и стойкость. За эти свойства женщины всегда склонны многое простить мужчине. Да к тому же он ведь теперь был человеком побежденным, несчастным пленником, а это вызывало к нему сострадание благородных сердец. Такие сердца были у обеих сестер, и они теперь еще раз доказывали это.

Немного поговорив с «несчастливым пленником» о событиях последнего времени, Сабрина оставила его одного с сестрой, чтобы не мешать им. Она научилась понимать Вегу и знала, что смело может предоставить ее самой себе.

— Я думаю, вы уже забыли меня, мисс Вега? — начал Реджинальд, лишь только Сабрина ушла от них.

— Напрасно вы, капитан Тревор, полагаете, что у меня такая короткая память, — с милой улыбкой ответила девушка. — Почему вы предположили, что я уже забыла вас?

— Потому что с тех пор, как мы виделись в последний раз, случилось так много нового, произошли такие события и вам пришлось встретить столько новых людей, гораздо интереснее меня, — мог ли я надеяться, что вы не забудете меня?

Он говорил с видом скромности, почти смирения, без тени прежнего фатовства. Это еще более затрагивало в сердце молодой девушки струну сострадательности.

— Ничто не может заставить меня забыть друга, каким вы были для нас и каким, наверное, остались бы, если бы не роковые обстоятельства, которые превратили стольких друзей во врагов, — поспешила девушка успокоить «бедного» пленника, своим смиренным видом точно умолявшего об участии.

— Никто больше меня не сожалеет об этих обстоятельствах, и по очень вес-

кой причине.

Реджинальд и в самом деле имел «вескую» причину огорчаться оборотом тех событий, в которых и он был действующим лицом. Хотя он и был пленником лишь на честное слово и не содержался ни в каком заключении, но все время находился под страхом, что его схватят и отведут в крепость, откуда была одна дорога — на место казни. Король не переставал осыпать «изменников» разными угрозами, и если бы ему удалось привести их в исполнение, то в ответ на это и сторонники парламента не пощадили бы пленников из королевской партии, и Реджинальд мог бы пасть одною из первых жертв их справедливой мести.

Но не это пугало Реджинальда. Была надежда на то, что будет произведен обмен пленными. Тогда Реджинальд мог со временем иначе пристроить свою шпагу и снова поправить свою карьеру. Вега же думала, что «бедный» пленник горюет только о потере свободы и опасается за свою будущность, поэтому и продолжала в прежнем приветливом тоне:

— Да, вас постигло большое несчастье, капитан Тревор, и я от всей души жалею вас. Особенно грустно мне то, что вы пострадали за неправоное дело.

— О, благодарю вас! — воскликнул он, обрадованный и ободренный добротой девушки, не вслушавшись в ее последние слова. — Но я говорю не о своем поражении. Эту участь испытал не я один, и я знаю, что она постигла меня не по моей вине. Нет, эта гражданская война мучит меня тем, что из-за нее я лишился многих прежних друзей, и в особенности, — добавил он пониженным голосом, — меня терзает боязнь лишиться вашей дружбы.

— Но мы к вам нисколько и не переменились, мистер Тревор, — уверяла его мягкосердечная девушка. — Действительно, одно время и отец и все мы были очень раздосадованы вашими действиями против отца. Но потом мы рассудили, что вы были лишь исполнителем чужой воли и поступить иначе не могли.

— Вы поняли это правильно, как я, впрочем, и ожидал, — продолжал молодой человек, все более и более увлекаясь и поддаваясь своим иллюзиям. — Действительно, никогда ни одно служебное поручение не было мне так противно и так мало согласовалось с моей личной волей, как то, которое разлучило меня... с вами! — решительно выпалил он, немного замявшись было перед этими смелыми словами.

Сильно смущенная этой неожиданностью, Вега отступила на шаг и даже отвернулась, не найдясь сразу, что ответить. Он этого не понял и принял за особый поощрительный маневр со стороны девушки, а поэтому и продолжал страстным шепотом свои излияния:

— Да, мисс Вега, только об одном этом я сожалел и скорбел за все это бесконечно долгое время. Сколько служебных ночей провел я в неотступных думах о вас... Впрочем, когда служба и не обязывала меня бодрствовать, мои ночи все равно оставались бессонными из-за вас!

— Не понимаю, сэр, — попробовала отделаться шуткою Вега, — причем я в вашей бессоннице?

Но эта притворная шутка вдруг напомнила Реджинальду, что в сущности девушка никогда не давала ему прямого повода говорить ей такие вещи, какие он сейчас говорил.

— Ах, — разочарованно произнес он, — если вам это непонятно, то мне

нечего больше и объяснять... А я так надеялся, что вы поймете меня!

Но она отлично понимала его в эту минуту и даже была не прочь немножко поддержать его надежды: в ней заговорила ревность. Девушка заметила, как Кларисса повисла на руке Юстеса Тревора и без всякого стеснения обдавала его самыми жгучими взглядами и томными улыбками, на которые, казалось, он отвечал тем же. Пара эта готовилась начать новый танец. Зрелище, причинявшее Веге боль, как от острой пытки, и послужило на пользу Реджинальду. Когда он несмело, не надеясь на успех, попросил ее протанцевать и с ним несколько туров, она, к его удивлению, приняла это предложение. Этим девушка снова сбила его с толку. Он не догадывался, что это служит для нее лишь прикрытием в ревнивой игре.

Начался контрданс — тот самый испанский танец, который через Францию проник в Англию, предшествуя котильону, кадрили и другим подобным «квадратным» танцам.

Пар образовалось столько, что часть их решила перенестись в сад. Музыка помещалась так, что была одинаково слышна и в доме и в саду. Двери и окна одной из зал выходили на обширную террасу, перед которой расстилалась большая площадка для игр на открытом воздухе. Эта площадка была так хорошо утрамбована, что на ней так же легко было танцевать, как на паркете. Терраса и окружающие ее деревья были обвиты гирляндами пылающих разноцветных фонарей и шкаликов, а воздух был напоен смешанным ароматом цветов, в изобилии росших на садовых куртинах. Кларисса пожелала танцевать именно здесь, в этой чудной обстановке природы, в теплую летнюю ночь, где девушка чувствовала себя точно на родине, среди пальм и огромных светляков.

В ее больших темных глазах восточного разреза светилось удовольствие, словно она и в самом деле была перенесена в родную страну. Но в действительности Кларисса совсем и не думала о ней в эту минуту. Причина ее хорошего настроения была иная. Девушка и не скрывала этого. Одаренная чисто тропической страстностью и никогда не встречавшая противодействий, она не привыкла ничего утаивать. Чего хотела, того открыто и домогалась. Вот сейчас задумала покорить сердце Юстеса Тревора и добивалась этого напрямик. Казалось, она и на этот раз достигает своей цели. Молодой кавалер один танец уже протанцевал с нею, а теперь готовился пройти с нею и в контрдансе. По всей видимости, он был совсем очарован своей дамою: внимательно слушал ее болтовню, оживленно отвечал ей, всецело разделял ее радости, — словом, всячески способствовал ее торжеству.

Все это так казалось и Веге и доводило ее ревность до высшей точки кипения. Но ревность, это зеленоглазое чудовище, обладает свойством все преувеличивать и искажать, а потому бедная Вега совсем неверно истолковывала то, что видела. Беспристрастный наблюдатель, умеющий верно читать на лицах, во взглядах и движениях людей, подметил бы, что Юстес Тревор только притворялся заинтересованным Клариссою Лаланд, в действительности же был бы очень рад избавиться от нее. Дело было в том, что он также страдал всеми муками ревности, потому что видел рядом с Вегою своего кузена. Юноша знал, что Реджинальд раньше его был знаком с домом Поуэлей, и когда сам он, Юстес, был введен в этот дом, то, как он теперь припоминал, тамошняя домашняя челядь перешептывалась о том, что между младшей хозяйской доче-

рю и статным новоприезжим офицером, Реджинальдом Тревором, завязывается нечто большее, чем обыкновенная дружба.

Действительно ли это было так? Не возобновляются ли теперь на его глазах прежние отношения, временно прервавшиеся по причине возникшей политической смуты, выбившей из привычной колеи всю страну? Юстес с тоскою задавал себе эти вопросы и мучился ревностью. Ведь и он верил тому, что так искусно разыгрывалось при нем, но он не знал, что Вега вовсе не была такою простушкой, какую могла казаться на первый взгляд. Она отлично умела кокетничать не хуже любой великосветской львицы...

Удивительно, как были перепутаны сердечные дела квартета: Реджинальд — Вега и Юстес — Кларисса. Двое мужчин любили одну и ту же женщину, две женщины любили одного и того же мужчину; двое же из этого квартета не были любимы теми, которых любили сами, и что было всего страннее, именно эти нелюбимые предметами своего избрания ликовали и торжествовали воображаемую победу, между тем как любимые терзались всеми муками отвергнутой любви!

Печальное недоразумение между молодыми людьми продолжалось в течение всего танцевального вечера. Один танец сменялся другим, но ни в одном из них Юстес Тревор не был кавалером Веги. Вина была не его, хотя и могло казаться, что виноват именно он. На первый танец с Клариссою не он выбрал ее, но был выбран ею, то же самое вышло и во второй. Оттанцевав с хозяйской дочерью как бы по обязанности, от которой неудобно уклониться, он хотел подойти к Веге и пригласить ее на составлявшийся контрданс. Однако неотступно следившая за ним Кларисса перехватила его опять.

— Ах, капитан Тревор, как вы хорошо танцуете! Совсем по-другому, чем прочие наши кавалеры, — сказала она ему полупокровительственно-полувызывающе.

Не дав молодому человеку оправиться от смущения, в которое вверх его этот слишком прозрачный комплимент, Кларисса стремительно продолжала:

— Надеюсь, и вы настолько довольны моей манерой танцевать, что пригласите меня и на контрданс? Не правда ли?

В устах каждой чопорной англичанки такие слова были бы явным бесстыдством и, наверное, получили бы должный отпор даже от такого вежливого кавалера, каким был Юстес Тревор. Но к пылкой, воспитанной в совершенно иных условиях и донельзя избалованной креолке следовало быть снисходительным. Поэтому Юстес с вынужденной галантностью ответил:

— С большим удовольствием. Весь к вашим услугам, мисс.

Восхищенная Кларисса, не сомневавшаяся в его искренности, поспешно подхватила его под руку и увлекла в сад. Увидев это, охваченная ревностью Вега взяла себе кавалером Реджинальда Тревора, сходя с ума по его двоюродном брате, которого она считала навеки погибшим для себя. Конечно, этой несносной кокетке Клариссе удалось влюбить его в себя по уши! Это ясно, как божий день. Иначе неужели бы он не нашел случая подойти к ней, Веге, чтобы сказать хоть одно любезное слово?

Окончив второй танец с креолкой, Юстес кое-как отделался от своей чересчур навязчивой дамы и стал отыскивать Вегу, надеясь хоть теперь наконец перемолвиться с нею парюю слов. Но, к его отчаянию, она оказалась все еще в компании со своим кавалером по контрдансу и, по-видимому, была очень до-

вольна им. Казалось, что Вега и Реджинальд только друг для друга и существуют на свете.

Увидев идущего к ним Юстеса, Реджинальд, стоявший перед своей отдыхающей под деревом дамою, немного отступил назад и остановился в позе холодной напряженности, с блеском торжества в глазах и тенью насмешливой улыбки на губах. Двоюродные братья не обменялись ни словом, ни взглядом. Кто их не знал, тот мог подумать, что они совсем незнакомы. Поклонившись Веге, Юстес несмело спросил ее:

— Могу я просить вас на танец со мною, мисс Вега?

В другое время он отнесся бы к ней иначе и сказал бы: «Милая мисс Вега» или прямо: «Милая Вега», но в эту минуту она не казалась желающей быть «милой» для него.

— Извините, я уже ангажирована, — пренебрежительно ответила девушка и отвернулась.

Юстес понял, кем она снова ангажирована, и, с трудом скрывая свое огорчение, отвесил новый поклон, церемоннее первого, и поспешил скрыться в толпе.

В течение этого вечера пропасть между Юстесом Тревором и Вегою Поуэль все более расширялась и углублялась. Условия танцев часто заставляли их сталкиваться, но молодые люди старались даже не глядеть друг на друга; а когда их взгляды нечаянно встречались, то лишь вскользь и с таким выражением, словно каждый из взглянувших чувствовал себя в чем-то виноватым перед другим. Но украдкой они все-таки очень внимательно следили друг за другом, и жало ревности все острее и глубже вонзалось в их истерзанные сердца.

Кларисса и Реджинальд, наоборот, находились в полнейшем упоении. Между ними было много общего. Одинаково тщеславные креолка и ее кавалер умели производить известное обаяние на особ противоположного себе пола, которым желали нравиться. Реджинальд все же был красивым и видным мужчиною того воинственного типа, который так привлекателен для большинства женщин. Он и в самом деле всегда был женским баловнем, поэтому не удивительно, что он почти не сомневался в расположении к себе и Веги. Если одно время он и поддавался было сомнению, то поведение Веги по отношению к нему вернуло ему его прежнюю самоуверенность и он торжествовал теперь победу.

В таком же состоянии блаженной уверенности в победе находилась и Кларисса Лаланд. Когда она гостила в Холлимиде, перед тем как Поуэли были вынуждены переселиться в Бристоль, она слышала о том, что там провел три недели и Юстес Тревор, слышала и о его внезапном обращении из роялиста в парламентария и чутьем угадала причину этого обращения. Однако при ближайшем наблюдении она не открыла ничего, подтверждающего ее догадку. Юстес хотя и продолжал посещать Холлимид, но всегда в сопровождении своего непосредственного начальника сэра Ричарда Уольвейна. Беседовать с Вегою ему приходилось постоянно под наблюдением остальных присутствующих, между прочим, и самой Клариссы, когда та одновременно с ним бывала у своих форестских родственников. Правда, без нее Юстес с Вегою, быть может, и встречались наедине, но никакой особенной близости между ними не было заметно.

Разумеется, блестящая красота Веги, отрицать которую Кларисса не могла, давала повод подозревать, что редкий мужчина окажется в состоянии пройти мимо равнодушно. Но разве она сама, Кларисса, не была в полном смысле красавицей, и даже еще более бросающейся в глаза, чем Вега, как ее уверяли льстивые языки и зеркало? И разве она не обладает всей силою очарования? Нет, не «бледной» красоте форестской кузины спорить с нею, жгучею креолкою! Юстес должен любить ее, одну ее, Клариссу! А что он иногда украдкою так странно поглядывает на даму своего кузена, то это ничего не значит; быть может, она нравится ему в качестве будущей жены его двоюродного брата.

Таким образом, в то время как одна пара мучилась воображаемыми горестями, другая ликовала, предаваясь таким же воображаемым радостям.

Глава XX РАСКРЫТИЕ ИГРЫ

Бал завершался танцем-соло. Этот вид танцев плохо прививался в Европе, пока его не одобрила французская королева. Пример королевы заразительно подействовал сначала на близкие ко двору круги, потом понемногу начал распространяться и по всей Франции, но еще мало был знаком в Англии. Кларисса Лаланд вздумала доставить своим гостям особенный сюрприз, показав им в первый раз танец-соло, заимствованный у туземцев Антильских островов. Время для этого танца было выбрано после ужина, когда возбуждение выпитым вином должно было придать этому чересчур смелому танцу особенную привлекательность в глазах публики. Положим, Кларисса заботилась только об одном лице из публики, но ведь приходилось немного считаться и с другими.

Танец-соло, введенный Клариссою в свою программу, — собственно говоря, в финале этой программы, — изображал индейскую девушку, собирающую цветы. В качестве этой девушки выступала, разумеется, сама затейница танца. Начала она с тихих, медленных движений, сопровождаемых соответствующею пантомимой. Вокруг нее воображаемые цветы. Она идет по лесной тропинке и подходит то к одному цветку, то к другому, но не срывает ни одного. Остановившись на мгновение перед каким-нибудь цветком, она вдруг отпрыгивает от него и перепархивает к другому.

Танец этот очень богат фигурами и разнообразием поз в зависимости от того, растут ли воображаемые цветы на правой стороне или на левой, внизу, на земле, или вверху, на ветвях деревьев. Все это дает возможность развивать ловкость, грациозность и искусство пантомимы. Стан танцующей выказывает всю свою изворотливость и гибкость.

Все еще не находя желаемого цветка, танцорка вдруг останавливается, причем вся ее фигура меняет свое выражение. Очевидно, ее смущает какой-то шум в лесу. Она низко наклоняется к земле и прислушивается. Сперва она выражает недоумение, затем тревогу. И вдруг бросается бежать, но не по прямой линии, а зигзагами, словно она в своем смятении сама не знает, куда броситься, чтобы избежать угрожающей ей опасности. Движения ее становятся все более и более порывистыми, жестикуляции — возбужденнее. Наконец она несетя в вихре бешеного вальса. Временами останавливается как бы для отдыха, изображая полное изнеможение и пантомимой умоляя публику поспе-

шить к ней на помощь. Но публика знает или предупреждена, как в настоящем случае, что «спасти» танцорку должен только тот, кому она бросит какой-нибудь предмет: платок, ленту, перчатку или еще что-нибудь. Роль «спасителя» состоит в том, что он выходит на арену танца и останавливается в позе желающего помочь. Тогда танцорка бросается ему на грудь, разыгрывая восторги радости по поводу своего спасения и выражая благодарность спасителю. Разумеется, этим спасителем должен быть мужчина.

К этому танцу Кларисса надела соответствующий костюм, какой носят карибские королевы: короткую белую газовую юбку и лиф из того же воздушного материала, с очень низким вырезом и широкими рукавами. В волосах, ушах, на открытой шее и на почти обнаженных руках сверкали драгоценности. Костюм этот с особенной яркостью подчеркивал оригинальную красоту танцорки. И когда танцорка, подобно блестящей бабочке, запорхала от цветка к цветку, выказывая изумительную грациозность и гибкость, даже самые строгие пуритане не могли не восхититься ею.

Мужчины затаили дыхание в томительном ожидании, кого именно из них выберет индейская чаровница своим спасителем. Все уже заметили, к кому именно клонятся ее симпатии, но интересно было знать, не захочет ли она прикрыть свое истинное чувство, вызвав к себе «на помощь» кого-либо из остальных кавалеров. Томиться долго неизвестностью никому не пришлось.

Сняв с правой руки расшитую драгоценными камнями перчатку, какие в то время носили богатые дамы, и протянув руку с видом готовящейся бросить перчатку, она изящными волнообразными движениями переступала с ноги на ногу, вглядываясь в лица зрителей, как бы отыскивая между ними избранника. Многие были заинтересованы ею и втайне надеялись, что драгоценная во всех отношениях перчатка будет брошена им. Но она упала к ногам как раз того человека, который вовсе не желал ее, к ногам Юстеса Тревора. Отказаться поднять перчатку было нельзя. Молодой человек поднял ее и выступил вперед. В нескольких шагах от танцорки, под самую залитую огнями террасою, он остановился и, по условиям танца, раскрыл свои объятия. В то же мгновение к его груди приникла другая, молодая, упругая грудь, бурно волновавшаяся и тяжело дышавшая. Но это нисколько не восхитило юношу: эта грудь не привлекала его.

Однако этим дело еще не кончилось. Юстесу Тревору пришлось взять под руку воображаемую карибскую королеву и прогуляться с нею по иллюминированным аллеям сада. Такое зрелище было новым ударом ножа в сердце бедной Веги. Прелестная блондинка была близка к отчаянию и, пожалуй, заболела бы или наложила бы на себя руки, если бы не судьба. Эта всевластная богиня нашла, что истинная любовь должна восторжествовать над всеми ложными видимостями, недоразумениями, ошибками и заблуждениями людей и прихотями враждебных сил. Быть может, все объяснилось бы когда-нибудь и само собою, но могло случиться и другое: зеленоглазая ревность могла погубить все намеченные ею жертвы. Как бы там ни было, но судьба послала Веги и еще кое-кому помощь в лице двух бдительных добрых гениев, вполне раскусивших всю суть дела. Этими гениями оказались Сабрина Поуэль и сэр Ричард Уольвейн.

— Не знаете ли вы, моя дорогая, — спросил сэр Ричард у своей невесты, с которою переходил на интимное «ты» только в особенных случаях, — почему ва-

ша сестра совсем не танцевала с Юстесом Тревором? Да я и вообще весь этот вечер не видел их рядом. Уж не случилось ли чего-нибудь особенного между ними?

— Да, кажется, у них произошло какое-то недоразумение, — ответила Сабрина.

— Но по какому же поводу?

— Положим, повод-то есть...

— Вы думаете, что тут замешана ваша экзотическая кузина?

— А вы разве не думаете этого, Ричард?

— Как вам сказать, дорогая Сабрина?.. Положим, она довольно откровенно ведет себя с Юстесом. Но я все-таки не думаю, чтобы мисс Вега имела основание ревновать к ней.

— Почему же?

— Да просто потому, что Тревор нисколько не заинтересован мисс Клариссой.

— Так почему же он так носитя с ней весь вечер?

— Спросите лучше, почему она так цепляется за него в нарушение всех правил приличия. Что же касается Юстеса, то он только из вежливости или по какой-нибудь другой причине делает вид, будто ему приятны ее авансы. На самом же деле он любит вашу сестру. Это я знаю от него самого. В одну откровенную минуту он мне во всем сознался.

— Он мог измениться с тех пор. Кларисса очень хороша и умеет привлекать к себе.

— Да, она хороша и привлекательна, но только не для Юстеса. Он не из тех, которых может привлечь каждое красивое женское личико. В Уайтхолле он прослыл за человека с сердцем твердым, как алмаз, и все старания тамошних красавиц тронуть это нечувствительное сердце оказались тщетными. Говорят, это и было причиной того, что ему пришлось уйти оттуда. Он отверг явную благосклонность даже самой важной дамы при дворе, так что и та оказалась против него. Когда такой человек кого-нибудь полюбит, то сомневаться в прочности его чувства нет основания. Юстес Тревор искренне полюбил вашу сестру и никогда не изменит этой любви. Будьте уверены.

— Однако смог же он чуть не в один миг изменить свои политические убеждения, — резонно заметила Сабрина.

— О, это совсем другое дело, и свидетельствует только в его пользу! — воскликнул сэр Ричард. — Он не по собственному выбору шел по ложному пути, и когда убедился, что этот путь ложный, то, недолго думая, с мужественной решительностью свернул с него. С пути же, свободно им избранного, он уж не сбивается и никогда не собьется... Не вернее ли предположить, что сама Вега изменилась к нему? Она сегодня что-то очень долго находилась в обществе другого Тревора. Что это значит, по-вашему?

— Право, не знаю. Может быть, старший Тревор насильно навязывается ей, а она, оскорбленная явным пренебрежением Юстеса, затеяла эту игру.

— По всей вероятности, это игра с обеих сторон. Оба — и ваша сестра, и мой юный друг — проделывают все это просто так... в пику друг другу. Но эта игра очень рискованная, и нам нужно постараться скорее прекратить ее, пока еще не поздно.

Сабрина и сэр Ричард давно уже были помолвлены друг с другом, и если бы

не мешала гражданская война, разразившаяся в стране, то были бы уже мужем и женою. Их интерес к сердечным делам Веги и Юстеса Тревора носил покровительственный характер. Особенно тревожилась Сабрина, видя, что счастьем ее любимой сестры грозит серьезная опасность.

— Да, дорогой Ричард, вы правы, — обрадованно подхватила она последние слова жениха, — нам надо остановить эту игру... Но серьезно ли вы уверены в любви Юстеса к Веге?

— Повторяю вам — вполне уверен, — поспешил ответить сэр Ричард. — Не дальше как сегодня, когда мы ехали с ним сюда вдвоем, он снова открыл мне свое сердце и прибавил, что никогда, ни на один вечер он не отправлялся в таком тяжелом настроении, как именно на этот. Я спросил его о причине такого настроения, и он мне сознался, что боится, не ошибается ли он, надеясь на взаимность Веги! Он слышал, что во время его отсутствия из Бристоля его кузен Реджинальд часто бывал здесь, что тот тоже влюблен в Вегу и что, быть может, ему удастся покорить сердце этой еще малоопытной в знании людей девушки...

— О, — с живостью перебила Сабрина, — я положительно знаю, что Реджинальд Тревор никогда не может быть предметом мечтаний моей сестры! Она...

Молодой девушке не удалось договорить: помешал шум приближающихся шагов и говор. Жених и невеста сидели в беседке, сплошь покрытой густой листвой вьющихся растений. Беседка освещалась висячею лампой, которая только что перед этим почему-то погасла. Поэтому в беседке было теперь темно. Шаги идущих вдруг остановились перед входом в беседку. Это были Кларисса и Юстес Тревор. Беззастенчивая креолка вела своего кавалера на место, где не ожидала никого встретить.

— Как странно, что вы могли перейти на сторону парламента, капитан Тревор! — звенел возбужденный голос Клариссы.

— Почему это кажется вам странным, мисс? — раздался холодно-вежливый голос Юстеса.

— Потому что ваш отец и вся ваша семья находятся на стороне короля. Не изменил королю и ваш храбрый кузен. Да вы и сами совсем не подходите к этим плебеям... круглоголовым, как их называют. У вас с ними ровно ничего нет общего.

— Нет, мисс, вы ошибаетесь, у меня с ними общее то, что я так же, как и они, люблю свободу и правду. Я удивляюсь их стойкости, их самопожертвованию, их мужеству, с какими они добиваются своего права на сносное человеческое существование.

— Однако и роялисты не менее стойки. Напротив, говорят, что они даже и храбрее ваших оборванцев.

— Вы заблуждаетесь в этом, мисс... Простите, что я, во имя правды, противоречу вам. Роялисты вовсе не храбрее наших партизан. До сих пор они были только лучше вооружены. Это давало им возможность грабить каждую незащищенную ферму, каждую усадьбу, каждое селение. Вот в чем их преимущество над нами. Но скоро колесо фортуны повернется в другую сторону, и мы рассчитаемся с Рупертом и его грабителями за все их бесчинства.

— Ах, капитан Тревор, как можете вы так отзываться о принце Руперте, словно об атамане разбойников с большой дороги!

— Он такой же гнусный убийца! Впрочем, и сам король не лучше его. Стоит

только припомнить, как он поступил с несчастными сиренстерскими пленниками.

— Ах, какой вы, однако, гадкий бунтовщик! — вскричала Кларисса со смехом, доказывавшим, что участь сиренстерцев нисколько ее не трогает. — И что вы ни говорите, капитан Тревор, но я не могу не называть вас ренегатом.

— Называйте меня, как вам будет угодно, мисс, — прежним равнодушным тоном произнес Юстес. — Я сделал то, что должен делать каждый честный человек. Когда он увидит, что необдуманно, по чужой ложной указке идет не туда, куда следует, он тотчас же поворачивает в другую сторону. Я так и сделал и нисколько не стыжусь этого, напротив, горжусь этим.

«Прелесть, что за прямой и открытый характер!» — думал о Юстесе сэр Ричард, с наслаждением прислушиваясь к его правдивым ответам. То же самое думала и Сабрина, с тем лишь добавлением, что находила Юстеса вполне достойным быть мужем ее сестры. Только бы устроить эту партию!

Очевидно, Кларисса подумала, что Юстес обиделся ее словами, и поспешила умиротворить его.

— О, сэр, — говорила она дрожащим от страсти голосом, — не подумайте, что я серьезно назвала вас так... Нет, нет, я только пошутила. Я вовсе и не думаю упрекать вас. Ведь мы, женщины, все очень слабы в делах политики. В особенности я, я совсем не осведомлена в них, потому что нахожусь здесь очень недавно. Как вам известно, моя родина не здесь. В действительности я совсем не знаю, какая партия права, какая нет. Да, по правде сказать, мало этим и интересуюсь... во всяком случае не настолько, чтобы из-за этих вопросов ссориться с друзьями, а тем более с вами, капитан Тревор. Прошу вас забыть мои необдуманные шутки, как будто бы их и не было. Забудете? Да?

Она перешла чуть не на умоляющий тон кающейся преступницы. Кажущаяся кротость и смирение его собеседницы подкупили Юстеса. Он подумал, что, в сущности, у нее недурное сердце и много настоящей женственности, а если она так странно ведет себя, то это потому, что плохо воспитана и все время была окружена у себя на родине дурным обществом. Это побудило его пожалеть ее и сердечно ответить ей:

— Мне не за что прощать вас, дорогая мисс, и нечего забывать из ваших слов. По-своему вы, быть может, правы и не мне обижаться на вас за это.

Он и в мыслях не имел, что его дружеский тон и нечаянно сорвавшиеся с языка слова «дорогая мисс», которым он не придавал особенного значения, могут быть приняты как доказательство таких чувств, каких у него не было. Кларисса в этом именно смысле и поняла его слова.

— Ах, как я рада, что мы остаемся друзьями! — с чисто южною пылкостью произнесла она. — А где моя перчатка? Вы возвратите мне ее или предпочтете оставить у себя?

Этот вопрос сильно смутил Юстеса. Он все еще держал в руке поднятую им при танце-соло перчатку Клариссы и совсем забыл о ней. Вопрос креолки заставил его понять, что он попал в крайне щекотливое положение. Оставить у себя перчатку — значило бы выказать то, чего он не чувствовал, а возвратить ее — это могло быть прямым оскорблением для девушки, на что он по своей натуре не был способен. Как поступить? Вдруг у него блеснула мысль, дававшая ему приличный выход из создавшегося положения. Перчатка была очень дорогая: бархатная, вышитая золотом и мелкими драгоценными камнями.

— О нет, — сказал он, протягивая Клариссе перчатку, — оставить у себя такую дорогую вещь я не могу. Пожалуйста, возьмите ее обратно.

— Не надо, не надо, сэр! — со смехом ответила креолка, отмахиваясь от перчатки. — Благодарю за ваше любезное предложение, но, поверьте, я не настолько бедна, чтобы не быть в состоянии приобрести пару других таких же перчаток.

— Раз вы так великодушны, мисс, то я с благодарностью принимаю ваш подарок, — сказал окончательно растерявшийся Юстес, думая дать делу совсем другой оборот, чем это могло показаться его собеседнице.

— Благодарить не за что, — возразила торжествующая Кларисса. — Вы только получили должное за избавление меня от угрожавшего мне врага, ха-ха-ха!

Вдруг она взглянула на его шляпу, на которой еще развевались перья цапли, на которые он в Холлимиде променял страусовые, и прибавила:

— Жаль, что вы не можете прикрепить мою перчатку к вашей шляпе. Она может испортить вид этих прелестных перьев.

Молодой капитан оцепенел. Прикрепить перчатку к шляпе — да ведь это значило бы, что нужно оставить ее там, и главное, что этим та особа, которой принадлежала перчатка, всенародно объявляется дамой сердца носителя шляпы. Что подумает тогда Вега? Не будет ли она вправе считать его изменившим ей? Нет, этого нельзя допустить. Может быть, она изменила ему и никогда не любила его, — но что же делать? Ведь он сам искренне любит ее и ему не следует навлекать на себя и тени подозрения в перемене его чувств. Даже в отместку за возможную измену он не в силах был нанести ей такое оскорбление, какое внушала ему эта сумасбродная креолка. Немного подумав, он с решительным видом и твердым голосом сказал:

— Простите, мисс Лаланд. Как я ни осчастливлен тем даром, которым вам угодно было почтить меня, но есть причина, по которой я не могу использовать его согласно выраженному вами желанию.

— Да? Почему же? — полуудивленно-полураздраженно спросила Кларисса. — Интересно бы узнать эту причину... Впрочем, на что мне и знать ее! Отдайте перчатку, сэр... Благодарю вас... Спокойной ночи!

Сидевшие в беседке слышали, как сначала удалились легкие и быстрые женские шаги, а немного спустя зашуршал песок дорожки, пролегавшей мимо беседки, под более тяжелыми и медленными мужскими шагами. Затем все кругом затихло.

— Кларисса проиграла, — сказал сэр Ричард. — Видите, дорогая Сабрина, я был прав: любовь Юстеса Тревора к вашей сестре верна и крепка, как утес.

— Да, теперь я сама в этом убедилась, — подтвердила девушка. — Пойду, отыщу Вегу и расскажу ей все.

— Вы думаете, это ее обрадует?

— Конечно. Хотя прямо она мне ничего не говорила о своей склонности к Юстесу, но нетрудно было догадаться... Ах, вот еще какие-то двое идут сюда! Нужно скорее уйти, Ричард, чтобы не пришлось навлечь на себя подозрения в подслушивании...

— Не смущайтесь, дорогая Сабрина: наше подслушивание может привести только к добрым результатам, — возразил сэр Ричард, — они пройдут мимо.

Оба прислушались. Гремела музыка, слышался смутный гул множества го-

лосов, раздавались взрывы смеха. К беседке подходила еще одна парочка. Это были Вега и Реджинальд Тревор. Словно нарочно, и они остановились перед беседкою, и как раз на том самом месте, на котором за пять минут перед тем стояли Кларисса с Юстесом.

— Мой двоюродный брат Юст не отходит от своей возлюбленной, — говорил Реджинальд. — Никогда мне не приходилось видеть кого-нибудь влюбленным до такой степени, как влюблен мой бедный кузен. Интересно бы знать, отвечают ли ему взаимностью?

Он бессознательно вливал яд в сердце Веги, потому что вполне был уверен в любви девушки к нему самому. Сознательным интриганом Реджинальд во всяком случае не был.

— Должно быть, отвечают, — упавшим голосом промолвила Вега.

Если бы Реджинальд вслушался в Тон ее голоса и рассмотрел бы выражение ее лица, то, вероятно, догадался бы, что он идет по ложным следам. Очаровательное личико его спутницы было покрыто смертельной бледностью, глаза были полны слез и отчаяния, губы судорожно дрожали. Он увидел бы, что девушка едва владеет собою и сдерживается только благодаря усилиям воли, какую трудно было и подозревать в таком юном существе. Но возле беседки было темно. Блестящие огни иллюминации горели вдали, а с неба падал лишь слабый звездный свет.

Поощряя ухаживания Реджинальда, девушка хотела этим показать пренебрежение Юстесу, мало думая о том, что одному подает неосуществимые надежды, а другого оскорбляет и всех сбивает с толку. Она помнила только одно: как извивалась змеей перед Юстесом ее залетная кузина с Антильских островов, как она бросила ему перчатку, с какою — это уж Вега сама вообразила — торопливостью он подхватил эту перчатку, чтобы затем подхватить в свои объятия и прижать к груди саму танцорку, и как в довершение он стал гулять с нею вдвоем по пустынным садовым аллеям. В пику всему этому и Вега пошла под руку с Реджинальдом бродить в темноте. Теперь она клялась в своей необдуманности и порывистости и не знала, как выйти из тупика, в который сама себя загнала. Не поступает ли она еще хуже Клариссы? Та, несмотря на свою сумасбродную причудливость, была хоть искренна, между тем как она, Вега, делала глупости с целью кого-то обмануть.

Знай Реджинальд, что происходит в душе его прекрасной спутницы, он тотчас же ушел бы от нее, как ушла от Юстеса Кларисса, когда поняла, что жестоко ошиблась. Но он этого не знал, поэтому считал себя вправе скорее завладеть тем, что ему сулила лживая видимость.

— Впрочем, я выразился неверно, сказав, что не видал еще мужчины, который был бы так безумно увлечен женщиною, как мой кузен Юстес, — снова заговорил он, направляясь на этот раз уже прямо к цели. — Я знаю еще одного.

— Разве? — безучастно, машинально проговорила Вега.

— Да, я знаю его, — с невольной дрожью в голосе продолжал Реджинальд, только такого вопроса и ожидавший, чтобы пойти дальше. Он думал, что этот вопрос доказывает интерес Веги к его словам и поощряет его дальнейшие излияния, желательные ей самой. — Позвольте вы мне сказать вам, кто это? — добавил он, склоняясь к ней.

Вега молчала.

— Этот человек — я сам, — пояснил наконец он и снова приостановился, ожидая, что она спросит об имени его избранницы. Но он ошибся и в этом.

— Вот как! — еле слышно слетело с ее бледных уст, но и только.

— Сказать вам имя любимой мною женщины? — решился он еще раз, полагая, что Вега мнетя по свойственной девушкам скромности, стыдливости и застенчивости.

— А разве вам так интересно, чтобы я знала это имя? — спросила она скорее по наитию, чем сознательно, потому что вся была поглощена своими мучительными душевными переживаниями.

— Интересно, очень интересно... более всего на свете! — страстно проговорил он. — Женщина эта — вы, мисс Вега Поуэль. Вас я люблю... люблю всем сердцем, всю душою! Разве вы не поняли этого? Или, быть может, вам это неприятно?.. Вы так странно смотрите на меня...

Она подняла на него глаза, и он более чувствовал, чем видел, что эти глаза говорят совсем не то, чего он так пламенно ожидал.

— Капитан Тревор, — теперь уже с полным сознанием всей важности сказанного Реджинальдом начала Вега, — напрасно вы делаете мне такое признание. Я никогда не давала вам права думать, что могу серьезно ответить на ваше, хотя и лестное, но чуждое для меня чувство. Отвечать вам взаимностью я не могу. Останемся добрыми друзьями, какими мы были до сих пор, но не...

— Можете не договаривать, мисс Вега! — холодно, резко, почти грубо обрывал он ее. — Я слышал достаточно и знаю, кто является препятствием между нами. Это — мой собственный кузен... Хорошо, будьте с ним счастливы, если вам удастся завладеть им. Что же касается меня, то я утешаюсь мыслью, что в житейском море не одна такая прекрасная рыбка, какою являетесь вы, и иду ловить другую... Прощайте, мисс Вега Поуэль!

Сняв шляпу, он с деланной изысканной вежливостью отвесил своей собеседнице низкий поклон. Затем, круто повернувшись на каблуках, подбоченясь и насвистывая какую-то песенку, он быстрыми шагами удалился.

Оставшись одна в темноте ночи и во мраке своего отчаяния, Вега закрыла руками свое искаженное горестью лицо и горько зарыдала. В ту же минуту ее плечи обхватили две нежные, теплые и мягкие женские руки и милый, ласковый голос проговорил:

— Не плачь, моя милая Вегочка. Ты держала себя молодцом с этим франтом, и больше он к тебе не решится приставать. А я скажу тебе кое-что, после чего ты не захочешь больше плакать, а будешь радоваться. Пойдем со мной. Мы обойдем дом с задней стороны, где никого нет, и я дорогой все скажу тебе.

В то время когда сестры, нежно обнявшись, пошли по одной дорожке, чтобы задним ходом незаметно пробраться в одну из своих комнат, сэр Ричард отправился отыскивать Юстеса Тревора. Отыскав юношу в каком-то темном углу опустевшей бальной залы, где один за другим угасали огни, он утешил и его точно так же, как утешала Сабрина свою сестру. Горевавшая перед тем парочка стала ликующей, а ликовавшая — кипела теперь всеми муками действительно отвергнутой любви.

Таким образом, вся эта мучительная игра, к удовольствию одних и огорчению других, была наконец раскрыта.

Глава XXI

СДАЧА БРИСТОЛЯ

Около сотни всадников, мчавшихся во весь опор, но не в стройном боевом порядке, а в полном разброде, — всадников в рваных мундирах и помятых доспехах, пробитых пулями шлемах на головах, — некоторые, впрочем, и без всякого головного прикрытия, в разодранных, покрытых кровью кольчугах, в грязных сапогах, неумытые, облепленные потом и пылью, — вот все, что осталось от армии «Вильяма Победителя».

Эти остатки конницы Гессельрига, так называемых «лобстеров», бежали из-под Раундвэй-Дауна. Рыцарски храбрый, но беспечный и слишком доверчивый Уоллер вступил в бой с более сильным противником под предводительством Байрона и Виль-мота и был разбит наголову.

Это было заключением целой серии кровавых схваток с маркизом Гертфордским и принцем Морисом, начавшихся в покрытой мелкой растительностью долине между Тогскими и Фринольскими холмами и вскоре перешедших в жаркий бой, какого не помнили даже самые старые ветераны. После нового сражения на соседних высотах Ленсдауна, в котором перевес остался на стороне роялистов, оба войска снова сошлись на высоком горном плато при Раундвэй-Дауне, где и произошло окончательное поражение Уоллера.

Особенно пострадали кирасиры Гессельрига. Ряды их во многих местах были прорваны, у многих погибли лошади, и они оказались совершенно беспомощными в своем тяжелом вооружении. Целыми толпами они скатывались в глубокие пропасти, которыми была изрыта скалистая возвышенность. Из блестящего отряда в пятьсот человек, лишь за несколько дней перед тем так гордо выступавшего из ворот Бристоля, уцелела едва пятая часть и спасла свою жизнь в беспорядочном бегстве. Во главе этого разбитого отряда находился и сам Уоллер, не раз раненый и почти истекающий кровью.

Несмотря на страшное поражение, никто из этой горстки храбрецов не выказывал и признака душевной слабости. Свежая кровь, покрывавшая и их самих, и их доспехи, еще красневшая на их оружии и на лошадях, — все это доказывало, что они стойко бились до тех пор, пока не убедились в полной беспцельности дальнейшего сопротивления. Они даже не стыдились своего бегства, сознавая, что отступили только перед силою, намного превосходившею их собственную. Осуждать их было нельзя, и они знали это. Они спасались как загнанные львы, а не как трусливые гиены, которых может испугать и ребенок с палкою в руках.

Утро только что забрезжило, когда перед бегущими открылся вид бристольских башен, радовавший их взоры и обещавший им безопасность и отдых. В отдыхе они нуждались, пожалуй, даже больше, чем в безопасном убежище. Несколько дней и ночей подряд эти доблестные воины не покидали седел, поэтому были сильно истомлены усталостью, голодом и жаждою. И лошади едва держались на ногах и часто спотыкались, но, понукаемые всадниками, снова со свойственной им добросовестностью напрягали последние силы, чтобы выручить своих хозяев.

Но какое печальное зрелище они должны были представлять сами для тех тысяч людей, которые смотрели на них с городских стен, валов, башен и ба-

стионов! Первым увидел их часовой на сторожевой башне Замка, когда светящее небо дало ему возможность различать предметы на расстоянии. Потом они были замечены другими часовыми, стоявшими на башнях по обеим сторонам крепостных ворот, и данные всеми этими часовыми сигналы тревоги быстро были повторены по всей крепости. Загудели колокола, раздались резкие металлические звуки медных труб, зарокотали барабаны, и весь этот гул вскоре перенесся на улицы города, заставляя мирно спавших граждан с испугом вскакивать с теплых постелей.

Когда летнее солнце начало подниматься над горизонтом, все многочисленное население Бристоля было уже на ногах и высыпало на улицы. Мужчины с криками и гамом неслись к городским стенам, а женщины с плачем взбирались на первую попавшуюся возвышенность и оттуда с беспокойством и ужасом старались разглядеть и понять, что случилось. Но вот наконец все увидели длинный ряд сверкающих оружием всадников, медленно приближавшихся к городским воротам. В некотором расстоянии от города потерпевший отряд привел себя мало-мальски в порядок и умерил шаг.

Когда же бристольцы разглядели, кто эти всадники и в каком они истерзанном виде, когда увидели еле державшегося в седле, израненного, сокрушенного сэра Вильяма Уоллера и ехавшего рядом с ним не в лучшем состоянии его товарища сэра Артура Гессельрига, этих двух вождей, до сих пор считавшихся непобедимыми, — тогда зрители поняли, какая над ними разразилась беда. Этот отряд выступал из Бристоля в рядах шеститысячной армии, полный мужества, храбрости и веры в успех, и вот теперь от всей этой громады возвращалась лишь жалкая горсточка полуживых людей! Многие из бристольских граждан тут же почувствовали, что это грустное зрелище — лишь прелюдия к еще более грустным и страшным событиям, угрожающим Бристолю.

Но не все в Бристоле огорчались. Часть его обитателей даже радовалась — радостью удовлетворенной жажды мести. Разумеется, эта часть состояла из роялистов. Суровый режим губернатора Финса причинял им страдания, а вид пораженного противника возбуждал в них надежду на скорую благоприятную для них перемену, когда они снова восторжествуют пока здесь, в Бристоле, а потом, быть может, и везде. Тут были все тайные сторонники и явные родные и друзья «славных государственных мучеников», только и ожидавшие случая жестоко отомстить за них; были и простые граждане, так или иначе заинтересованные делом короля; были и парламентские пленники разных категорий из оставленных на свободе под честное слово или заключенных в тюрьмы; были, наконец, всякого рода интриганы, держащие нос по ветру, разные авантюристы, устраивающие свои делишки сообразно с обстоятельствами: где окажется выгоднее, туда и примкнут. Все эти люди радовались, глядя на остатки разбитой парламентской армии, это зрелище вливало в них бодрость и давало им повод надеяться, что скоро вернуться к ним прежние золотые деньки, когда им опять можно будет безнаказанно грабить и производить всяческие насилия над беззащитными.

Возвращение разбитого отряда «лобстеров» совпало с балом у Гвендолины Лаланд. В то время когда с этого бала разъезжались последние гости, к Монсерат-Хаузу подъехал верхом на лошади какой-то офицер в адъютантской форме и спросил, здесь ли еще находится сэр Ричард Уольвейн. Оказалось, что он

только что готовится уезжать вместе с Юстесом Тревором и некоторыми другими парламентскими офицерами. Услышав, что его спрашивают, сэр Ричард, сопровождаемый своими товарищами и друзьями, поспешно вышел на крыльцо, возле которого дожидался приезжий офицер.

— Я — Ричард Уольвейн, — сказал он офицеру. — Что вам угодно от меня?

— Мне поручено передать вам, полковник, экстренный приказ губернатора, — ответил адъютант, прикладывая руку к шлему. — Потрудитесь принять.

Сэр Ричард взял сложенную вчетверо и запечатанную сургучной печатью бумагу, вскрыл ее и прочитал следующее:

«Полковнику Уольвейну. Экстренно.

Арестуйте всех пленников, оставленных на честное слово, кто бы они ни были, военные или штатские, и препроводите их под сильным конвоем в Замок. Затем обыщите весь город.

Финс».

— Ну, Тревор, — вполголоса обратился сэр Ричард к Юстесу, — вот нам и реванш, если бы мы захотели воспользоваться этим случаем... Прочтите-ка... Поняли? Отправьтесь сейчас же в казармы и приведите сюда сержанта Уайльда с дюжиною рядовых. Начнем обыск с этого дома... Эй, да вот и он сам, и с рядовыми! — удивленно и вместе с тем обрадованно вскричал он, увидев въезжавшего в ворота сержанта Уайльда, за которым шла шеренга спешенных солдат, ведущих своих лошадей под уздцы. Роб непосредственно из Замка тоже получил приказ отправиться с определенным числом людей в Монсерат-Хауз.

Последовала сцена, трудно поддающаяся описанию. Успело разъехаться лишь небольшое число гостей. Большинство же еще веселилось, разбредшись группами по обширному саду, где находились столы с винами, прохладительными напитками, фруктами и разными лакомствами. Одни из гостей были без масок, другие — в масках, но все в самых разнообразных костюмах. Между ними оказались и пленники на честное слово. Не успели они опомниться, как их всех арестовали и свели на пустое место перед домом, где и расставили рядами, чтобы вести в Замок.

Во всем этом было много комичного и карикатурного; раздавались даже веселый смех и шутки. Но было немало досады и гнева. В особенности негодовала сама мадам Лаланд, принимая все совершившееся на ее глазах за оскорбление, наносимое лично ей. На некоторых лицах, не закрытых масками, замечались испуг и что-то вроде раскаяния.

Самые разнообразные чувства выражало лицо Реджинальда Тревора, также, разумеется, арестованного. И это было неудивительно: быть может, во всю жизнь этому человеку не пришлось пережить столько волнений, сколько он пережил в этот вечер. Муки ревности к двоюродному брату; торжество вследствие уверенности в том, что Вега его любит; наступившее вслед за тем горькое разочарование и, наконец, унижение быть арестованным тем же двоюродным братом.

К чести Юстеса нужно сказать, что ему вовсе не хотелось добивать своего родственника, хотя тот и был его противником. Напротив, он от души жалел старшего кузена, в особенности после той радостной для него вести, которую услышал всего за несколько минут перед тем от сэра Ричарда. Но нужно было повиноваться приказанию начальства. С румянцем смущения на своем красивом лице молодой человек подошел к Реджинальду и тихо сказал ему:

— Реджинальд, мне дан приказ отвести тебя в Замок.

Во избежание дальнейших разговоров он поспешно отвернулся и знаком приказал Робу Уайльду позаботиться о дальнейшем. Гигант подошел к Реджинальду и насмешливо проговорил:

— Пожалуйста за мной, капитан. Нам недалеко идти, гораздо ближе, чем вы меня вели из Кэтсхилля в Лидией.

Роялист понял насмешку грубого форестера, понял с острой болью в душе и взгляд Веги Поуэль, смотревшей на него из окна своей комнаты. Он уже в третий раз видел ее там, и все с тем же почти выражением снисходительной жалости на лице и в прекрасных голубых глазах. Однако, встряхнувшись и проведя рукою по лбу и лицу, как бы желая прогнать что-то надоедливое, Реджинальд с горделивым видом поднял голову и бодро пошел вслед за сержантом.

Совсем другим взглядом обменялась Вега с Юстесом, когда тот снизу послал ей прощальный привет. Они теперь знали, что неизменно любят друг друга, а остальное было лишь вопросом времени и обстоятельств. Охранявшие их добрые гении успокоили обоих...

Сэр Вильям Уоллер недолго оставался в Бристоле — он пробыл там лишь столько времени, чтобы дать отдохнуть измученным людям и лошадям, да немного оправиться и самому от своих многочисленных, но не опасных ран. Он был не из тех людей, которые любят торчать без дела в осажденном городе, каким Бристоль обещал сделаться в ближайшем будущем. Открытое поле, а не замкнутая крепость — вот что было ареной, достойной деятельной природы Уоллера. Хотя и потерпевший жестокое поражение, лишенный всей своей армии, этот сильный духом человек не поддался, однако, унынию. Разбита одна армия, он соберет другую. Поэтому он быстро снова покинул Бристоль. За ним последовал и Гессельриг. Они взяли с собой своих любимых «лобстеров», какие только уцелели и могли еще держаться на лошадях с оружием в руках.

Уоллер направлялся в Лондон. При таком слабом конвое это было очень рискованным предприятием, так как вся провинция была наводнена отрядами торжествующего врага. Но сообразительность и ловкость Уоллера помогли ему благополучно добраться до столицы, для чего он должен был делать большие обходы по самым глухим дорогам.

Между тем вскоре после выступления Уоллера из города бристольтцы могли полюбоваться наездом к их стенам новых гостей — передовых отрядов победоносной роялистской армии. Все западные графства находились уже во власти этой армии. Только в Глостере и Бристоле оставались еще порядочные гарнизоны, верные парламенту. Роялисты намеревались овладеть и этими городами. Вопрос сводился теперь к одному: который из них подвергнется первым натиску роялистов.

Глостер был уже под угрозой, но местному губернатору удалось на время ее отвести. Поэтому предполагалось, что роялисты набросятся теперь на Бристоль, а потом, взяв его, вновь попытаются овладеть и Глостером. Бристоль был богаче и важнее по своему положению, следовательно, захват его обещал роялистам больше выгод. И действительно, к стенам Бристоля уже подступал Байрон с порядочным передовым отрядом легкой конницы. За ним тянулись и другие войска: из Ленсдоуна шли отряды Гертфорда и Мориса, а со стороны Оксфорда показались ряды наемных войск Руперта, от которых несло гарью сожженного ими Чельгрова, где благодаря предательству одного изменника

пролита была целыми потоками кровь лучших патриотов.

С чисто сатанинским буйным весельем эти многочисленные отряды носились вокруг бристольских стен, подобно пернатым хищникам, кружащимся над добычей. Они видели, что укрепления города не настолько сильны, чтобы долго противостоять дружному натиску, и знали, что и гарнизон довольно слаб. Мы уже говорили, что после первой своей побывки в Бристоле Уоллер вывел оттуда значительную часть его защитников, которые почти все и полегли в битвах с роялистами и их наемниками.

— Тут нечего и раздумывать, — сказал Руперт. — Нужно прямо начать штурм. Город сразу же будет взят.

Вечером роялисты окружили город, а рано утром следующего дня начали штурмовать его и действительно сразу ворвались в него. Это им удалось на глостерской стороне, где снаружи действовал принц Руперт, а внутри ему косвенно помогал изменник Ленгриш бок о бок со слабым в военных делах Финсом. Испугавшись на первых же порах, бывший стряпчий решил впустить неприятеля без дальнейшего боя. Роялистам даже не пришлось перешагнуть через его тело. Хвастливые высокопарные слова хорошего законоведа, но никуда не годного военачальника так и остались одними словами, когда дошло до дела. Хотя он и пережил этот грустный день, но меча в защиту народа ему больше уже не было доверено.

Между тем на другой стороне Бристоля дело шло иначе; там защитники были другого рода. Сэр Ричард Уольвейн со своими форестерцами и Бэрч со своими «мостовиками» стойко держались против Гертфорда и принца Мориса, храбро отражая все атаки. Но — увы! — все оказалось напрасным. Не понадобилась и пылкая отвага рыцаря-солдата. Когда победа стала клониться на сторону защитников города, вдруг раздался сигнал, оповещавший о том, что кто-то хочет приступить к переговорам. Обернувшись, сэр Ричард и его волонтеры увидели белый флаг, развевавшийся на одной из замковых башен. Что бы это значило? Нападение успешно отражается, Бристоль цел — к чему же переговоры? Уж не измена ли?

Бэрч сразу подумал, что это измена, только не со стороны Финса. Губернатор мог малодушно оробеть, но не изменить, значит, изменил Ленгриш. Так думал Бэрч, и, как потом оказалось, он не ошибся. Когда он хотел сообщить о своем предположении сэру Ричарду, к нему вдруг подскакал адъютант, тот самый, который являлся в Монсерат-Хауз, и передал ему устное распоряжение губернатора прекратить оборону.

— Но почему же? — спросил ошеломленный полковник. — С какой стати нам прекращать действия? Ведь еще немного — и неприятель будет вынужден нами к отступлению.

— Причина этого распоряжения мне так же мало известна, как и вам, полковник, — отвечал адъютант, видимо смущенный той ролью, которую ему пришлось сыграть в этой некрасивой истории. — Мне известно лишь то, что мы разбиты на глостерской стороне и неприятель уже вступил в тамошнее укрепление. Губернатор просил перемирия для ведения переговоров о дальнейшем, и принц Руперт согласился. Вот все, что я знаю.

— А! Так у вас там уже хозяйничает Руперт? — с горечью вскричал сэр Ричард. — Ну, это дело Ленгриша. Я всегда считал его подозрительным... Джентльмены! — обратился он к своим офицерам. — Очевидно, Бристоль пре-

дательским образом сдается врагу. Здесь будет пировать Руперт со своими головорезами. Не желаете ли вместе со мною сделать попытку проложить себе путь отсюда наружу? Но, предупреждаю, дело это довольно рискованное.

— Желаем! Желаем! — в один голос закричали Юстес Тревор и все мужественные форестерцы; громче всех крикнул Боб Уайльд.

— И мы с вами! — послышалось из рядов, находившихся под командою Бэрча, причем его мощный голос покрыл все другие голоса.

Однако большинство защитников молчало. Предлагаемый им подвиг казался им слишком уж опасным и имеющим мало надежды на успех. Будь весь гарнизон единодушен, то еще можно было бы рассчитывать на удачу, но раз проявилась измена со стороны одной части защитников, то затея сэра Ричарда значила бы идти на верную, бесславную смерть. Какой в этом был толк?

Пока шел обмен противоположных мнений среди защитников города, к ним примчался на взмыленном коне другой адъютант, сообщивший, что принц Руперт предложил почетные условия сдачи города, и Финс на них согласился. Сомнений больше не могло быть: факт совершился, Бристоль был сдан.

— В чем же заключаются эти условия? — осведомился сэр Ричард.

— Пленных не брать, население не грабить. Солдаты и все поднявшие оружие против короля могут свободно уйти из города, куда хотят. На очищение города и собирание имущества дается три дня. После же этого срока по отношению к оставшимся в городе «бунтовщикам» будут приняты другие меры, — ответил адъютант.

На поверхностный взгляд такие условия казались очень человечными, и многие были удивлены этим. Некоторые заговорили даже о необычайном великодушии. Но кто понимал побудительные мотивы этого «великодушия», тот знал, что скрывается за ним. Очевидно, до Руперта донеслись вести о положении дела на южной стороне города, где пыл штурмующих уже сильно ослабевал. Разумеется, ввиду этого всего благоразумнее было предложить губернатору самые мягкие условия сдачи. Тот их принял и вручил Руперту ключи города так же спокойно и даже дружелюбно, как уходящее в отставку должностное лицо передает свои полномочия заместителю.

Как сдержал свои прекрасные обещания принц Руперт, об этом более подробно может рассказать история. А мы от себя скажем лишь то, что тотчас же по получении ключей злосчастного города принц разрешил своим буйным наемникам всякое насилие, какое только могло взбрести им в их отуманенные головы. Начались грабежи, пожары, убийства, оскорбления девушек и женщин... Так поступали те, которые называли себя джентльменами!

Глава XXII

ВЫСОКИЙ ПОКЛОННИК

Взятие Бристоля роялистами сопровождалось настоящей вакханалией буйств и всякого рода насилий. Условия сдачи города были нарушены раньше, чем успели высохнуть чернила, которыми они были подписаны. В стенах города было много зложелательных лиц, указывавших «победителю» достойные его внимания жертвы и добычу, хотя, в сущности, королевским наемникам было безразлично, в чей дом врываться, чью жизнь уничтожать, чье имущество грабить. Они ничем не брезговали, совершая свои разбойничьи подвиги с неопишущим цинизмом и невероятной жестокостью.

Финс оставил потомству свидетельство, что принц Руперт будто бы сделал все от него зависящее, чтобы обуздать своих дикарей, и что ради этого даже пускал в ход свою шпагу. Может быть, это было так, но его удары придворною шпагою по спинам головорезов скорее всего были притворными, чтобы доказать свою «лояльность». «Наказуемые» мало обращали внимания на это воздействие и храбро продолжали свое дело: ведь им наперед была обещана полная свобода грабить Бристоль и лицемерная игра их предводителя не могла смутить этих головорезов. Одно перехваченное письмо от кровавой памяти лорда Байрона к принцу Руперту ставит этот скандальный факт вне всякого сомнения.

Все дома парламентариев подвергались вторжению буйных шаек Руперта и освобождались ими от всех ценностей, а хозяйки этих домов, как бы высоко ни было их общественное положение, претерпевали самое гнусное насилие. Это было первым практическим ознакомлением Бристоля с победоносным роялизмом, и даже те, которые способствовали этому ознакомлению, вскоре сами же почувствовали оскомину от такой прелести.

По условиям сдачи гарнизон и все нежелающие оставаться могли беспрепятственно покинуть город; но это нужно было сделать как можно скорее, чтобы очистить помещения для вступающих «победителей». Лицам невоенным было предоставлено право взять с собой имущество. Последнее условие являлось уж прямою насмешкою, так как почти все, кто не чувствовал себя в безопасности и был в состоянии выбраться из города, поспешили воспользоваться предоставленной им «милостью».

В числе пожелавших покинуть занятый неприятелем город находился и мистер Поуэль. Теперь, при господстве роялистов, Бристоль не мог уж больше служить ему надежным убежищем, а тем более — его дочерям. Дочерей мистер Поуэль и вообще был рад освободить от влияния легкомысленной родственницы. Самое ценное его движимое имущество хранилось в Глостере, куда он и намеревался перебраться. Остальное было неважно. Совершить переезд он нашел более удобным на верховых лошадях. Выезд из Бристоля был назначен утром следующего дня. Сабрина и Вега заранее были предупреждены отцом об этой необходимой перемене места жительства, и обе девушки ничего, кроме радости, по этому поводу не выразили.

Защитники города выступили из его ворот; лишённые оружия, они медленно проходили между рядами неприятельских полчищ. На их головы сыпались всякого рода ядовитые насмешки, но они в горделивом сознании своего досто-

инства выносили все это молча. Не мог только смолчать Юстес Тревор и в ответ на иронический выпад против него старшего кузена ответил ему тем же.

— Эх, жаль, что мне не удалось вчера встретиться с тобой на стенах укреплений, Юст! Я бы... — начал было Реджинальд, но не закончил, потому что Юстес находчиво подхватил:

— Лег бы там вместе с некоторыми из твоих соратников! Не это ли ты хотел сказать мне, Редж?

Реджинальд только скрипнул зубами, глядя вслед весело смеявшемуся кузену, и мысленно молил судьбу дать ему возможность скрестить с ним шпагу при воинственном кличе: «Без пощады!»

— Ах, боже мой, какие прелестные девицы!

Это воскликнул на немецком языке принц Руперт, который, сидя верхом на прекрасном и великолепно убранном коне, окруженный блестящим штабом своих офицеров, представителей высшей знати страны, за воротами Бристоля пропускал мимо себя выходивший обезоруженный гарнизон сдавшийся крепости. Вслед за бывшими защитниками города спешили и толпы мирных граждан, также покидавших город. В волнах этого человеческого моря принц заметил обеих мисс Поуэль, следовавших за отцом и сопровождаемых небольшим числом слуг обоего пола. Все это общество было верхом на лошадях.

Восклицание Руперта заставило оглянуться державшегося почти рядом с ним Реджинальда Тревора. Узнав Вегу и Сабрину, отвергнутый обожатель первой глубоко вздохнул. Он понял, что Поуэли переправляются в Глостер; туда же, наверное, едет и Юстес. Это причиняло ему новую горечь.

Не менее Реджинальда Тревора был затронут зрелищем переселения семейства мистера Поуэля и полковник Ленсфорд. Ему, до сих пор сидевшему в заключении в берклейской крепости, совсем не было известно о пребывании этого семейства в Бристолле. И вдруг он совершенно неожиданно видит перед собой ту самую девушку, красота которой так поразила его в тот день, когда он в качестве разыскателя незаконных поборов находился в Холлимиде и так позорно был вынужден признать себя недостаточно сильным для выполнения данного ему поручения. Но и теперь эта очаровательница только скользнула мимо его восхищенных взоров.

Мистер Поуэль и его дочери ехали одетые очень скромно и на простых лошадях, но их гордый, независимый вид и благородная красота девушек, усиленная румянцем возбуждения, игравшем на их нежных щечках, и блеск прекрасных глаз — все это придавало всадницам особенную пикантность.

— Ах, Вега, — говорила Сабрина сестре, — как жаль, что мы забыли надеть свои маски! Взгляни, как они смотрят на нас.

— Ну, это не важно! — с задорным движением головы возразила Вега. — Пусть они пучат на нас свои свиные глаза. Это меня несколько не смущает, как не смущают и их дикие выкрики.

Последние ее слова относились к тем бесцеремонным замечаниям, которыми обменивались вслух насчет девушек «благородные» роялисты, сквозь строй которых они проезжали.

Но вот смеющиеся глаза Веги встретились с глазами Реджинальда Тревора и мгновенно изменили выражение. Роялистский капитан смотрел на нее с таким выражением, которое плохо вязалось с тем напускным равнодушием, какое он проявил после своего неудачного объяснения с девушкой на балу у Ла-

ландов. Видя это и сознавая свою невольную вину перед этим человеком, она посмотрела на него с жалостью сестры. Хотя она и была довольно кокетлива, но не зла и хотела бы доказать ему это чем-нибудь.

В то же время скрестились взгляды и другой пары — Сабрины с Ленсфордом. На восхищенный взгляд полковника Сабрина ответила взглядом, полным гневного негодования, и забияка-роялист понял, что эту красавицу он мог бы взять только силой. И это было острым ударом для его самолюбия.

— Кто это такие? — спросил принц, проследив за всадницами глазами, пока они не скрылись из виду. — Вы как будто их знаете, полковник?

Он обратился с этими вопросами к Ленсфорду, заметив страстные взгляды, которые тот бросал на прекрасную брюнетку.

— Ваше высочество спрашивает о тех двух молодых леди, которые только что проследовали мимо нас? — осведомился Ленсфорд.

— Да, да, именно о них... Собственно говоря, меня заинтересовала только одна из них, та, которая с золотыми кудрями. Другая не в моем вкусе.

Реджинальд слушал эти слова с чувством отвращения. Ему горько было видеть Вегу покидающей Бристоль, но еще больнее было бы знать, что она остается. Он досадовал на нее, даже возмущался ее поведением с ним на бале, но ненавидеть ее он не мог, поэтому не желал ей той участи, которой подвергалась всякая красивая женщина, имевшая несчастье понравиться бесцеремонному Руперту.

Совершенно противоположно было чувство, с которым Ленсфорд выслушал объяснение принца. Ленсфорд опасался, что принцу понравилась именно Сабрина; это угрожало неприятным соперничеством в случае, если бы прихоть судьбы когда-нибудь свела Сабрину, его и Руперта. С облегченным сердцем полковник ответил:

— Это дочери того пожилого джентльмена, который едет впереди.

— Богатый отец! — смеясь сказал принц, с победоносным видом покручивая свои холеные усы. — Я бы не прочь воспользоваться половиною его богатства в виде одной дочки, хе-хе-хе! Эта пикантная розовощекая блондиночка с задорною мордочкою обещала бы мне довольно приятное развлечение. Я такой хорошенькой куколки еще не видел у вас в Англии.

— Так почему же вы, ваше высочество, позволяете ей уходить отсюда? — шепотом спросил Ленсфорд. — Как видно, они едут в Глостер, и второй случай увидеться с нею может не скоро еще представиться...

— Да, в самом деле! — перебил принц, задумчиво глядя по тому направлению, в котором скрывалась Вега со своими спутниками.

— Если вашему высочеству угодно, можно будет их вернуть обратно. Прикажите, пока еще не поздно.

Этот совет был тем более низок, что дававший его хлопотал, собственно, о своих интересах: он рассчитывал, что вместе с Вегой будет задержана и Сабрина.

Принц колебался. Какое-то мгновение казалось, что он последует совету Ленсфорда, но одно соображение остановило его.

— Нет, полковник, — ответил он, немного подумав, — нам неудобно сделать это.

— Но почему же, ваше высочество? — удивился Ленсфорд.

— Вы забываете подписанные нами условия о сдаче города. Нарушение с

нашей стороны этих условий вызвало бы страшный скандал, а нами, роялистами, и без того многие недовольны.

— Ваше высочество, я знаю эти условия, — продолжал Ленсфорд. — Но здесь существует обстоятельство, допускающее исключение. Недостойное поведение отца этих девиц...

— А кто он и в чем провинился? — перебил с любопытством принц.

— Это один из самых ярых врагов его величества. Он даже послушник королевской воли. По своей обязанности я ездил к нему, чтобы получить три тысячи фунтов стерлингов, просимых у него королем в виде ссуды на личные нужды его величества, собиравшего средства на свою оборону. Мне не только в грубой форме было отказано в этой ссуде, обязательной для каждого верноподданного, но я чуть не был разорван в клочья громадной толпой его односельчан, которые окружили меня со всех сторон, чтобы защитить от воображаемой обиды своего единомышленника и потатчика их мятежного настроения. По-моему, все это является достаточным основанием для того, чтобы задержать этого человека и всех, которые с ним, — заключил лукавый советчик.

Будь это на двенадцать месяцев позже, когда принцу Руперту уже удалось в достаточной степени развратить английский народ и приучить его ко всяким правонарушениям, этот безнравственный человек не задумался бы последовать совету своего соблазнителя, но на второй день после сдачи ему Бристоля он счел это слишком рискованной забавой. Еще немного поразмыслив, он решительным тоном сказал:

— Нет, полковник, лучше оставим это. Пусть птички летят, куда хотят. Утешимся надеждой на новое свидание с ними в будущем. Вы знаете, куда они отправляются?

— Кажется, знаю, ваше высочество. А если ошибаюсь, могу узнать.

— Ну, вот и отлично. Когда мы приведем в порядок страну, — а это случится, наверное, скоро, — тогда вы поведете меня туда. Пока же пусть они от нас прячутся, — с новым циничным смехом добавил он, перемешивая, по своему обыкновению, английские слова с немецкими.

Никто не слышал этой беседы, веденной вполголоса, кроме Реджинальда Тревора, да и до его слуха доносились лишь отдельные слова, но их было достаточно для того, чтобы он не оставался в сомнении относительно будущности, которую готовил Веге Поуэль ее новый высокий поклонник. Он понял это, и новое горькое чувство закралось в его сердце. Несмотря на свою развращенность, Реджинальд все-таки искренне любил Вегу и желал бы видеть ее своей женой, а не любовницей немецкого принца.

Глава XXIII

РЕКОГНОСЦИРОВКА

На высшей точке области Динского леса находится странного вида утес, известный под названием Бекстона (Козлиного Камня). Это — обращенная вниз пирамида, основание которой, в пятнадцать футов диаметром, обращено вверх, а вершина гораздо меньшего размера покоится на другом утесе с ровной четырехугольной поверхностью. Издали кажется, что оба эти утеса срослись, но вблизи ясно видно, что верхний еле касается своей острою оконечностью второго, являясь, таким образом, подвижным камнем. Многие пробовали свою силу, стараясь свалить стоящую на вершине пирамиду, но сделать этого пока никому не удалось, хотя все были готовы поклясться, что она движется и вот-вот свалится в бездну. Много связано с этим камнем всевозможных легенд. Одни приписывают странному камню искусственное происхождение, другие — сверхъестественное. Но геологи дают очень простое объяснение неправильным наслоениям песчаных масс, сначала мягких, а затем постепенно отвердевших.

С Козлиного Камня открывается одна из прекраснейших панорам. Куда бы ни обратился взор, он всюду увидит оттуда живописнейшие картины природы, оживленные разбросанными там и сям городами и селами. На востоке, юго-востоке и юге красуются в своих зеленых окрестностях города Глостер, Сомерсет и Девон, а среди них вздымаются горные высоты — Костсуольдские и Мендипские. Тут же, мимо городов и поселков, извивается широкая лента реки Северны, постепенно в своем беге все более и более суживающаяся, пока наконец стремительным водоворотом не ввергается в море.

В один ясный вечер в конце лета на Бекстон поднялись двое мужчин, оба в форме и с отличиями полковников парламентской армии. Это были полковник Массей, военный губернатор Глостера, и сэр Ричард Уольвейн. На шляпе последнего сверкала на черной бархатной ленте вышитая золотом королевская корона, проткнутая шпагою — эмблема открытых приверженцев парламента. Эта многозначительная эмблема была вышита руками Сабрины Поуэль.

Со дня, описанного нами в предыдущей главе, прошло больше месяца. За это время произошло много новых кровавых событий. При Марстон-Муре роялисты, с принцем Рупертом во главе, понесли очень тяжелое поражение после целого ряда других более мелких неудач. Вообще битва при Марстон-Муре многое изменила. Весь Дин-Форест был очищен от королевских мародеров, так долго державших в страхе и трепете эту богатую область. Полковник Массей, человек в высшей степени энергичный и храбрый, в свою очередь нанес этим грабителям сильный удар при Бечлее, далеко отбросив отряды сэра Джона Уинтора, принявшиеся было укреплять переправу через Северну. Это произошло всего три дня назад, а теперь неутомимый и предприимчивый полководец задумал обрушиться на Монмаутс.

Мысль эта была внушена Массею тем самым человеком, который сопровождал его к Бекстону, а разожгла ее одна молодая девушка, которая, вся в слезах, на коленях умоляла его взять Монмаутс. Эта девушка была Вега Поуэль. До нее дошел слух, что в Монмаутской крепости содержится в плену тяжело-

раненый капитан Юстес Тревор, и она дрожала за его драгоценную для нее жизнь. Каждая минута промедления с освобождением Юстеса казалась ей вечностью. Ведь в то время был в полном ходу закон, допускавший ссылку в отдаленные места, продажу в рабство и даже резню пленных.

К счастью для молодой девушки, собственные желания Массея совпадали с ее стремлениями. Монмаутс был острой занозой для него, и он давно уже хотел бы устранить ей, но до сих пор не мог. Недавно он справился с Лиднеем, тоже сильно мозолившим ему глаза; кроме того, совершил немало и других подвигов. Может быть, ему теперь посчастливится взять и Монмаутс. Если же не удастся взять город приступом, можно будет обложить его со всех сторон. Это стоило целого года полевых военных действий, потому что как только падет Монмаутс, рухнет последняя опора роялистов во всей области и в ней больше уж не раздастся клич: «За короля!»

С Бекстона был виден, точно на ладони, весь Монмаутс. Массей вынул из кармана подозрную трубу, раздвинул ее и стал водить ею по опоясывавшим город укреплениям, по воротам, выходившим в эту сторону, и по дорогам, разбегавшимся от Монмаутса по всем направлениям. Наконец он передал трубу сэру Ричарду и спросил:

— Так вы находите, что можно будет взять этот город, не принеся слишком много жертв?

Сэр Ричард уже производил разведку Монмаутса. Между прочим, он разузнал и о численности его гарнизона.

— Думаю так, — ответил он. — Сведения, сообщенные мне полковником Кэйрлем, должны быть верны.

Полковник Кэйрль был сначала в рядах республиканцев, потом, в недавнее время, фиктивно перешел к роялистам и через знакомого нам Джека Прыгуна доставлял сэру Ричарду, с которым издавна был знаком, самые точные сведения о военных тайнах той стороны, на которую он якобы искренне передался.

— Может статься, — согласился Массей. — Неизвестно, что, собственно, побудило Кэйрля переменить окраску. Но, во всяком случае, дело при Марстон-Муре должно было произвести на него сильное впечатление, и он, похоже на то, намерен снова перефасониться и открыто вернуться к нам.

— Да и наша победа при Бечлее должна была укрепить в нем это намерение, — заметил сэр Ричард. — Вот посмотрим, какое еще известие принесут нам от него наши вестовые. Они хотели сегодня быть на рынке в Монмаутсе и теперь должны скоро вернуться оттуда. Дорога их, проложенная еще римлянами, ведет как раз мимо этого места. Мы их тут и подождем. Кажется, рынок уже кончился... Да, — продолжал он, наведя подозрную трубу на улицы Монмаутса, — вон сколько народу высыпало из ворот... и все прибывает... А это еще что такое? — вдруг перебил он сам себя, с особенным вниманием продолжая вглядываться в пеструю толпу, выходившую и выезжавшую из городских ворот.

— Что такое вас там поражает, сэр Ричард? — спросил Массей, глядя в ту же сторону, куда смотрел его спутник, но за дальностью расстояния и без помощи подозрной трубы не видевший ничего, кроме отдельных кучек движущихся фигур.

— Из города выходит отряд копьеносцев, — пояснил сэр Ричард.

— Из каких ворот?

— Из северных.

— Вероятно, патруль.

— Нет, для этого отряд слишком многочислен. Я насчитал уже более ста человек, и все еще идут новые... Ах, вот оно что: ведут куда-то пленников и...

— Позвольте мне взглянуть, — перебил Массей, протягивая руку за трубою, которую сэр Ричард поспешил ему передать, хотя ему очень хотелось рассмотреть пленников.

— Да, вы правы, — сказал Массей, взглянув в трубу, — среди отряда идут пленники. Но куда же их могут вести? Дорога, по которой они пошли, ведет в Росс...

— А также и в Гирфорд.

— Ах да, совершенно верно!.. Но зачем уводят пленных? Монмаутская крепость довольно вместительная, и я не думаю, чтобы она была переполнена пленными...

— Мне кажется, их ведут не в Гирфорд, — продолжал сэр Ричард. — Если я не ошибаюсь, есть одна подробность, указывающая на другое... Будьте любезны, ваше превосходительство, позвольте мне еще раз посмотреть в трубу, — попросил он.

— Пожалуйста, пожалуйста! — воскликнул губернатор, передавая ему трубу. — Интересно узнать, в чем там дело.

— Так и есть, это отряд конницы Линджена! — вскричал сэр Ричард, направив трубу на дорогу, которая шла из северных ворот города. — Мне так и показалось, что это линдженцы... А пленники, должно быть, из моих рядов... Один из них по фигуре очень похож на моего злополучного капитана Юстеса Трево-ра. Наверное, их ведут в замок Гудрич, ведь там главная квартира Линджена. Это недалеко отсюда, всего шесть миль. Досадно, что мешает река, иначе мы успели бы собрать свой отряд и устроить этим линдженцам приятную встречу. Как видно, большинство из них простые добровольцы: еле держат копье...

Сэр Ричард вдруг оборвал свою речь, услышав за собой чьи-то твердые и торопливые шаги. Оглянувшись, оба полковника увидели поспешно поднимающегося на утес сержанта Роба Уайльда, который нес что-то зажатое в руке.

— Сейчас встретил тут в горах Джека Прыгуна, — начал гигант, отдав честь обоим начальствующим лицам и вручая сэру Ричарду тщательно сложенную и запечатанную записку. — У него в деревяшке была спрятана вот эта записка, переданная ему в городе. Так как одноногий уж очень долго копался со своей деревяшкой, то я сам отвязал ее, открыл втулку и вынул записку, — с легкой фамильярностью подсмеивался великан, зная расположение к нему своего полковника.

— Вот и отлично! — одобрил тот. — А там больше ничего не оказалось? Может быть, Прыгун и деньги хранит в своей деревяшке?

— Так точно, полковник, — ответил Роб, ощерив свои крупные, но белые как снег, здоровые зубы, — он целую горсть мелкого серебра запрятал туда. Говорит, очень бойко торговал нынче. Много разного товара он доставил туда на спине своего Джинкема и столько же, только другого, везет назад. Кроме того, еще и денежки остались.

— Радуюсь за него, за его умницу сестру и за терпеливого Джинкема! — также со смехом сказал сэр Ричард, потом, обратившись к губернатору, другим тоном проговорил: — Сейчас мы, ваше превосходительство, узнаем, что

еще новенького сообщает нам полковник Кэйрль.

Выслушав одобрительное замечание Массея, сэр Ричард вскрыл записку, на которой вместо всякой надписи были начертаны лишь начальные буквы его имени: «Р.У». Внутри записки, над первой страницей, была нарисована пером та самая эмблема, которая красовалась не только на шляпе сэра Ричарда, но и на его знамени: королевская корона, проткнутая шпагою. Это могло быть на смешкою, однако содержание записки доказывало другое. Содержание же ее было следующее:

«Помещенный здесь символ засвидетельствует «Р. У», что «К» ненавидит то, что называется королевской властью, и никогда не перестанет ненавидеть. После этой ночи он никогда больше не обнажит меча в пользу неправого дела, а в эту ночь обнажит его лишь для того, чтобы нанести ему, этому делу, заслуженный удар. Предложение «Р. У.» принято. План действия таков: пусть «М» отведет свои отряды из Хай-Мидоу, о чем сюда будет сообщено предупрежденным заранее гонцом. Но для этого маневра необходим вполне благовидный предлог, иначе «К» трудно будет получить разрешение пуститься в погоню. Если видимость будет хорошо обставлена, намерение «К» не встретит здесь никаких препятствий. «Г» — заведомый дурак, которому очень хочется отличиться, и он непременно попадет в расставленную ему ловушку. Пусть «Р. У» покажет эти строки «М», а сам пусть будет уверен, что меч его прежнего соратника вполне сознательно вновь поднимается за дело «П»; он окажется настолько острым и действенным, чтобы навсегда исправить прежние ошибки, в которых виновен «К», кающийся и ждущий прощения».

Хотя в записке не было названо ни одного имени и она была без всякой подписи, но сэр Ричард хорошо знал почерк писавшего и не нуждался в других указаниях, чтобы понять, кто ее автор.

— Как вы думаете, полковник, можно ли довериться ему? — спросил Массей, выслушав прочтенную вслух записку.

— Я убежден, что можно, ваше превосходительство, — отвечал сэр Ричард, пряча записку в карман. — Я хорошо знаю Кэйрля, чуть не с самого детства, и вместе с ним служил в Голландии. Мне известны и причины, побудившие его перейти на ту сторону; это не что-нибудь дурное, а напротив, очень хорошее. Ведь он сделался кажущимся изменником нашему делу только ради любви к своему престарелому отцу, которому республиканство сына угрожало полным разорением, конфискацией имущества, а может быть, и кое-чем еще более худшим. Имение старика Кэйрля находится в Уальфорде. В верховьях реки, по эту сторону Росса. Оно на расстоянии пушечного выстрела от Гудрического замка, и Линджен непременно разрушил бы это имение, если бы молодой Кэйрль не поспешил принести повинную и не передался фиктивно королю. Теперь же, когда он видит, что дело короля проиграно и всякая опасность для отца миновала, он рвется назад под те знамена, которым в душе никогда и не думал изменять. Это один из самых мужественных бойцов, и мы во всех отношениях можем только радоваться, если ему удастся вернуться в наши ряды.

— Хорошо, полковник. Раз вы так уверены в Кэйрле и в успехе задуманного нами предприятия, то я готов приступить к действию. В худшем случае, если нас все-таки постигнет неудача.

— О, ваше превосходительство, — с горячностью подхватил сэр Ричард, — по всем моим соображениям и расчетам неудачи не должно быть! Позвольте

мне поговорить с моими верными форестерцами, и вы увидите, на какие чудеса храбрости они вновь окажутся способными.

— Прошу вас, полковник, делать все, что вы найдете нужным, и вообще предоставляю вам полную свободу действий, — сказал губернатор.

— Благодарю вас, ваше превосходительство. Постараюсь, как всегда, оправдать ваше лестное доверие, — вежливо, но с сохранением полного достоинства промолвил сэр Ричард. — Сделаем так, как просит Кэйрль: отведем часть отрядов.

— Да, кстати, почему желает этого Кэйрль? — прервал Массей. — Мне это кажется очень странным.

— А мне кажется, я понимаю его мысль, и для того, чтобы удостовериться в справедливости моей догадки, я сейчас пошлю верхового в Кольфорд, — сказал сэр Ричард.

— В Кольфорд? Зачем?

— Узнать новости о Глостере: не там ли опять Руперт?

Губернатор вздрогнул, словно ужаленный. Возможность сказанного сэром Ричардом была новой угрозой для победоносных за последнее время республиканцев. Однако, заметив на губах своего собеседника тонкую улыбку и поняв намек, заключавшийся в его словах, Массей, приободрившись, также улыбнулся и сказал:

— Блестящая идея, полковник, и мы воспользуемся ею. Не будем же терять времени. Отправляйте своего гонца. Пойдемте делать необходимые распоряжения.

С этими словами губернатор стал спускаться с опрокинутой пирамиды, на которой все время стоял вместе со своим спутником. Последний хотел последовать за ним, как вдруг сержант Уайльд, ожидавший распоряжений начальства, стоя немного в стороне, на самом краю пирамиды, вполголоса сообщил ему:

— Полковник, вот тут одна женщина желала бы сказать вам несколько слов.

— Женщина? Кто такая?

— Сестра Джека Прыгуна.

— А! Я знаю ее... Где же она?

— Внизу, в ущелье. Я не решился привести ее сюда, не зная, понравится ли это вам или господину губернатору. К тому же она хочет говорить именно только с вами лично.

— Ваша сообразительность равняется вашей храбрости, Уайльд, — полусутоливо проговорил сэр Ричард. — Может быть, Уинифреда хочет предложить мне поставку товара? Так это дело вы можете вести и без меня. Я дал вам на это полномочие, и вы, как хотите, так и поступайте...

— Нет, полковник, Уинифреда ничего мне на этот счет не намекала.

— Значит, намекала на что-нибудь другое? На что же именно?

— Да вот она и сама, — заметил Уайльд, указывая на росшие внизу утеса деревья, под одним из которых стояла Уинифреда.

Губернатор поспешно прошел мимо девушки, прятанной за стволом дерева, и не обратил на нее внимания, может быть, по рассеянности, а может стать, и преднамеренно, зная кое-что из сердечных тайн сэра Ричарда, посредницею которой, как и других, более серьезных секретов была эта разнос-

чица.

— Здравствуй, Уинифреда, — ласково произнес сэр Ричард, спустившись к молодой великанше. — Мой сержант сообщил, что ты хочешь что-то сказать мне.

— Не хотелось бы сообщать вам об этом, сэр, потому что я не люблю передавать неприятных вестей, но меня просили, и я обещала: — ответила Уинифреда, поклонившись сэру Ричарду.

— Неприятная весть?.. Насчет кого или чего?

— Насчет молодого капитана Тревора. Вы, может быть, не знаете, что он был ранен перед тем, как его взяли в плен при Холлимиде. Вот меня и просили сказать вам об этом, сэр.

— Да, я действительно не знал, что он ранен. Опасно?

— Говорят, не очень опасно. Рана пулевая, и, кажется, навывлет.

— Благодарю тебя, милая, за это сообщение. Оно мне как раз вовремя. Больше ничего не имеешь сказать мне?

— Больше ничего. Прощайте, сэр. Побегу догонять брата. Он пошел вперед с ослом.

— Прощай, Уинифреда. Еще раз благодарю тебя.

Разговаривающие расстались. Девушка со всех ног пустилась вдогонку за братом, успевшим проковылять со своим ослом уже довольно далеко. А сэр Ричард, отправив своего сержанта гонцом в Кольфорд, в свою очередь стал догонять Массея, уже сидевшего под горою на коне и ожидавшего своего спутника.

Относительно того, что случилось с Юстесом Тревором, нужно пояснить читателю, что Эмброз Поуэль, благополучно добравшись с дочерьми и домоладцами до Глостера и устроившись там, захотел перевезти туда еще кое-какие ценности, оставшиеся у него в имении. Сделать это взялся Юстес и отправился в Холлимид с небольшим конным отрядом. Но об этом узнал полковник Линджен и нагрянул ночью со своей конницей в Холлимид. Между его отрядом и отрядом Тревора произошла жаркая схватка, окончившаяся победою роялистов и взятием раненого Юстеса в плен.

Сэр Ричард слышал об этом происшествии, но не знал, что Юстес захвачен раненым, а теперь, узнав, решил во что бы то ни стало выручить своего молодого друга и соратника из рук врага.

Главная квартира Массея находилась в Хай-Мидоу-Хаузе, обширном и богатом имении некоего Холля, который был роялистом и бежал в Бристоль при первых признаках надвигающейся опасности со стороны республиканских войск, не успев даже ничего взять с собою, кроме денег. После битвы при Марстон-Муре Массей занял это имение, представлявшее большие удобства для него и его главных боевых сил. Оно было хорошо расположено и довольно порядочно укреплено еще его владельцем, струсившим только потому, что в решительный момент усомнился в достаточности числа защитников, челядинцев и разных наемников, которые после его бегства и разбрелись кто куда.

Вернувшись в свою квартиру, Массей все так ловко подстроил, что посланный сэром Ричардом в Кольфорд гонец сержант Уайльд привез ему заранее условленное известие о том, что к Глостеру движется целая армия с принцем Рупертом во главе. Это известие было привезено как раз в то время, когда губернатор находился в своем военном лагере, где вокруг костров заканчивался

сытный ужин, обильно орошенный хорошими возлияниями. Провизии и вин в брошенном имении оказалось столько, что могло хватить войску Массея на несколько недель. Благодаря этому люди Массея были довольны и веселы.

Прочитав врученное ему гонцом письменное сообщение, губернатор обратился к присутствующим офицерам и солдатам со следующей речью:

— Друзья! Майор Раукрофт, командующий кольфордским гарнизоном, сообщает мне очень важное известие. Он пишет, что по дошедшим до него из достоверного источника сведениям принцы Руперт и Морис объединили свои силы, взяли Страуд, Сиренстер и теперь направляются к Глостеру. Мы собирались брать Монмаутс, но, разумеется, если наш собственный город находится под угрозой, то мы должны прежде всего позаботиться о спасении его. Мы не позволим кровожадному врагу овладеть нашим старым Глостером, который до сих пор так храбро держался против злобных роялистов, ищущих только насытиться его кровью и обогатиться его сокровищами. Совершим до конца наш долг. Идем без промедления на новую защиту нашего дорогого Глостера. Мы остановились здесь, чтобы быть поближе к Монмаутсу, но теперь надо вернуться в угрожаемый город, пока еще не поздно. Через двадцать минут будьте все готовы в путь. Надеюсь, что каждый из вас исправно исполнит свою священную обязанность.

Говорить больше не было надобности. Войско Массея было прекрасно дисциплинировано и настолько уже привыкло к внезапным походам и боевым трудам, что всегда готово было мобилизоваться в любую минуту. Едва успели замолкнуть последние слова губернатора, как сигнальная труба протрубила «сбор», и вслед за тем офицеры и солдаты, бросив недоеденный кусок и недопитый кубок, проявили живейшую деятельность: выводили из временных стойл лошадей, седлали их, надевали на себя доспехи, прицепляли оружие, тушили костры, так что не истек еще и назначенный срок, как уже могла раздаться команда: «Марш в дорогу!» — и лагерь начал пустеть.

Но никто не заметил, как один из личных слуг губернатора, его дворецкий, вскочил на лошадь и, еще до выступления войска, понесся по направлению к Монмаутсу.

Глава XXIV

ВЗЯТИЕ МОНМАУТСА

Ясный день кончался с признаками наступающей бурной ночи. Солнце зашло в полосе темных облаков. Немного спустя эта полоса, все более и более уплотняясь, чернея и расширяясь, понемногу расползлась сплошной пеленою по всему небу. Наступил мрак, изредка прорезываемый яркими извилистыми молниями, походившими на раскаленные стрелы; поднялся сильный ветер и полил как из ведра дождь.

Кто в это время шел или ехал по горным дорогам и тропинкам Фореста, тот должен был переждать промежутки между молниями, чтобы не сбиться в сторону, не быть сброшенным в пропасть или со всего размаха не удариться о дерево.

Разумеется, в такую погоду ни один человек не решался пуститься в путь без крайней надобности.

Такая нужда постигла, должно быть, четырех всадников, остановившихся на расстоянии одной мили от Хай-Мидоу-Хауза, на кольфордской дороге. Очевидно, эти люди стали под дерево не для того, чтобы укрыться от проливного дождя, потому что потоки воды легко проникали сквозь нависшие над их головами ветви и сами они были уже промочены насквозь до нитки. Скорее всего они прятались тут от чужих глаз, которые случайно могли заметить их в те мгновения, когда яркая молния рассекала густой мрак и завесу дождя и освещала все вокруг. Всадники выбрали это место с тем расчетом, чтобы им можно было видеть большую часть дороги, а самим остаться незамеченными. При ослепительных вспышках небесного огня нетрудно было рассмотреть, что все четверо — люди военные: офицер и трое рядовых, из которых один держал сигнальный рожок. Это был дозорный пикет, посланный наблюдать за дорогой, и если заметит на ней какое-либо движение, дать знать кому следует.

На небольшом расстоянии от этого пикета, в глубине леса, на обширной поляне, также пренебрегало дождем, бурей и грозой войско Массея. Всадники и лошади вели себя тихо, как призраки. Лишь изредка слышалось сказанное шепотом слово, раздавался лязг оружия или металлического лошадиного убора. Фыркнет и рванется лошадь, когда молния сверкнет ей прямо в глаза, но, сдержанная сильною рукой, снова замрет.

В самый разгар непогоды из ворот Монмаутса тоже выступил отряд конницы и направился к мосту через реку Вайю, а затем, переправившись через него, начал подниматься к Каймин-Хиллу, где находился Бекстон. Этот отряд, по-видимому разведочный, состоял из сорока человек под командою старшего офицера и корнета. Когда молния озаряла флаг, который нес на древке корнет, на этом флаге можно было видеть изображение золотой королевской короны; да и некоторые особенности в мундирах свидетельствовали о принадлежности отряда к королевской армии.

Перевалив через Каймин-Хилл, отряд направился к Хай-Мидоу-Хаузу. С какой целью совершалась эта экспедиция — было известно только командиру отряда. А цель эта была следующая. Монмаутский губернатор, получив донесение об оставлении неприятельским войском своей штаб-квартиры, нашел нужным занять этот важный пункт, который мог послужить базой для даль-

нейших операций роялистов.

Сторонкою от этого отряда, лесом, быстро скользила между деревьями высокая фигура, которую можно было принять за мужскую, тем более что она была закутана в плащ с капюшоном, надвинутым на голову. Однако некоторая мягкость, округленность в очертаниях этой фигуры изобличали в ней женскую. Это была Уинифреда.

Добравшись до сторожевого пикета, девушка притаилась. При первой же новой вспышке молнии она убедилась, что перед нею те самые люди, которых она искала: сэр Ричард, сержант Уайльд, трубач Губерт и еще один конный рядовой, тоже знакомый ей. Проскользнув мимо сэра Ричарда, она шепнула ему:

— Сорок человек конных из Монмаутса идут в Хай-Мидоу-Хауз.

И тут же снова скрылась в буре и дожде.

— Роб, — обратился полковник Уольвейн к своему сержанту, — поезжай и скажи капитану Харлею как можно скорее вести назад свои отряды. Дело сейчас начнется.

Буря со свистом и воем носилась по лесу, ломая деревья; продолжительные раскаты грома грохотали по низко нависшему черному небу; дождь лил еще усиленнее, но на западном горизонте, откуда поднялась гроза, начинало яснеть. Можно было догадаться, что скоро разъяренные стихии утихнут, истощив свои силы.

В то время когда республиканское войско под предводительством самого Массея и сэра Ричарда разделилось на четыре части и по возможности бесшумно двинулось обратно к недавно оставленной квартире, предводители не спешили. Им было важно застать неприятельский отряд уже на месте, уверенным в полной безопасности.

Обрадованные прекрасным убежищем, открывшимся им в Хай-Мидоу-Хаузе, роялисты расположились там по-домашнему, обсушились за разведенными кострами и принялись угощаться всем тем, что было оставлено республиканским войском, якобы выступившим назад в Глостер.

Но радость монмаутцев была непродолжительна. Не успели они утолить первый голод и осушить первый кубок, как в пиршественный зал Хай-Мидоу-Хауза вошли два полковника в форме республиканских войск. Один из них резким голосом сказал пировавшим в зале роялистам:

— Сдавайтесь, господа. Мы вас окружили со всех сторон. Всякое сопротивление с вашей стороны будет бесполезно. Нас по пятьдесят человек на каждого из вас. Если вы дорожите своей жизнью, тотчас же сдавайтесь.

Это был сам Массей.

Ошеломленные роялисты застыли на своих местах, кто с куском во рту, кто с кубком в руке. Случилось то, чего они никак не ожидали: они очутились в ловушке, из которой не было никакого выхода. Одно мгновение им казалось, что они подверглись странной галлюцинации, но появление в дверях и у открытых окон множества вооруженных людей показало им, что они имеют дело с грозной действительностью, а не с мимолетным видением. Поняв свое безвыходное положение, все молча сдались, кроме корнета. Он успел выскочить из залы в темный внутренний коридор и оттуда благополучно выбраться во двор. Искусно лавируя между надворными постройками, тень которых не освещалась догоравшими кострами, он прошмыгнул в сад и, отыскав там лазейку, проник через нее в пустырь, а через него — и в недалекий лес. Таким

образом, из всего отряда спасся только он и к утру вернулся в Монмаутс. Бегству его помогло то обстоятельство, что он бывал в Хай-Мидоу-Хаузе в качестве знакомого владельца этого имения и хорошо знал расположение дома.

Между тем в том же доме, после того как монмаутцы были взяты в плен и уведены из зала, другой из парламентерских полковников подошел к командовавшему монмаутским отрядом, оставшемуся в зале на свободе, и сердечно сказал ему:

— Очень рад снова видеть вас в нашей дружеской среде, Кэйрль.

— А я еще того более рад, что мне посчастливилось вернуться к вам, Уольвейн, — отвечал Кэйрль, горячо пожимая протянутую ему руку. — Богу известно, как мне опротивел этот Руперт с его разнузданными шайками!..

Час спустя сотенный отряд конницы двинулся обратно из Хай-Мидоу-Хауза в Монмаутс. Буря за это время уже пронеслась. Раскаты грома становились все реже и отдаленнее, дождь ослабевал, природа успокаивалась. Только темнота оставалась прежняя. Отряд спускался по скользким горным тропинкам с особенной осторожностью, чуть не ощупью. Двигались медленно, как автоматы, и в полном молчании. Во главе отряда ехал полковник Кэйрль, а рядом с ним — знаменосец, наряженный в форму роялистов и державший тот самый флаг, который раньше находился у бежавшего корнета.

Среди отряда шли пленные и, судя по их мундирам и оружию, те самые, которые составляли монмаутский разведочный отряд, захваченный Массеем в Хай-Мидоу-Хаузе. Но на самом деле это были вовсе не пленники, и только то, что было на них надето, принадлежало настоящим пленникам, сами же они были из числа форестерцев, находившихся под командою сэра Ричарда Уольвейна.

В арьергарде следовал сам сэр Ричард со своим новым помощником капитаном Херлеем, заменившим Юстеса Тревора. За ними ехали сержант Уайльд и трубач Губерт. И эти четверо также казались обезоруженными и тоже находились под присмотром ехавших за ними десятерых конвойных с саблями наголо. Временами Кэйрль отъезжал немного в сторону, где это допускалось условиями местности, поджидал приближения сэра Ричарда и обменивался с ним несколькими словами, потом опять обгонял отряд и снова становился во главе его.

Осторожно спустившись по извилистой дороге и начиная приближаться к мосту через Вию, Кэйрль скомандовал: «Эскадрон, вольно!» Тотчас же после этого лошади были пущены веселой рысцою, а люди громко и весело заговорили. Все это было сделано с целью обмануть часовых, карауливших мост.

К этому времени караул на мосту был усилен вдвое против обыкновенного, благодаря тому что бежавший из Хай-Мидоу-Хауза корнет принес в крепость известие о случившемся с его отрядом несчастья. Основываясь на этом сообщении, комендант крепости принял целый ряд экстренных мер на случай возможного набега республиканского войска. Корнет был уверен в этом набеге, потому что во время своего бегства, прокрадываясь в темноте мимо республиканских солдат, слышал, как они вполголоса переговаривались об этом.

Караулу на мосту были даны самые строгие инструкции. Главное его внимание было устремлено на дорогу в Хай-Мидоу-Хауз. Вдруг на этой дороге показался шумный конный отряд с весело что-то выкрикивающим и хохочущим полковником Кэйрлем во главе. Это возвращался монмаутский отряд, только

значительно увеличенный. Поприглядевшись при свете фонарей, караул увидел, что это увеличение происходит от довольно большого числа безоружных людей, стало быть пленных. Очевидно, разведочный отряд Кэйрля сделал удачный набег и захватил где-нибудь поблизости неприятельский отряд. Так что же напутал корнет, вернувшийся пешком, без оружия и без своего флага? Должно быть, он бежал, не дождавшись собственного отряда. «Вернее всего, что так», — заключил начальник караула, посылая по адресу злополучного корнета не совсем лестные замечания.

Передняя часть моста была поднята, образуя огромный провал посреди дороги, и в этом провале грозно шумела вздувшаяся от проливного дождя река.

— Кто идет? — крикнул начальник караула, когда подъезжавшая конница оказалась близ провала.

— Свои! — донесся веселый голос Кэйрля. — Опустить мост!

— Для кого? — снова осведомился начальник караула.

— Для полковника Кэйрля и его эскадрона! Ведем партию пленных круглоголовых, а другую партию их отправили к праотцам. Впустите нас скорее. Мы промокли до костей, иззябли и голодны как волки!

— Но, полковник, — продолжал усомнившийся начальник стражи, — ведь ваш же корнет только что принес известие, что, наоборот, вы со всем вашим отрядом попались в плен к...

— А, так он бежал сюда, негодяй! — с притворным негодованием вскричал Кэйрль, нисколько не растерявшись. — Ах он подлец! А мы думали, что он лежит где-нибудь убитый или раненый, но в темноте не могли найти его и хотели послать искать на рассвете. А он вот что устроил: позорно бежал, бросив оружие и флаг, и в свое оправдание наплел такую ложь!.. Ну, я с ним потом расправлюсь!.. Опустите мост, повторяю вам!

Последняя молния удаляющейся грозы с полной ясностью вырисовала перед караулом длинную линию монмаутского отряда, ехавшего попарно, а посреди него и в арьергарде массу людей на чужих лошадях, в чужих мундирах, безоружных и с опущенными на грудь головами, — очевидно, пленных. Сомневаться больше было нечего. К тому же самого полковника Кэйрля ясно освещали и мостовые фонари, да и голос его был хорошо знаком монмаутскому гарнизону. Ясно, что корнет бессовестно налгал, чтобы оправдать свою трусость.

— Опустить мост! — скомандовал начальник караула, решив, что долее медлить неудобно: этим он может навлечь на себя крупную неприятность со стороны полковника Кэйрля.

Эскорт с мнимыми пленниками галопом пронесся через мост и влетел в городские ворота, также отворенные перед ним по сигналу с моста. Но тут же произошла волшебная перемена. Выхватив из-под мундиров сабли, «пленники» очутились во главе эскадрона и с криками: «За Бога и парламент!» бросились по направлению к крепости.

В то же время к мосту с другой стороны вихрем примчалась главная сила полковника Массея под его собственным предводительством. Она перебила часть караула, остальную взяла в плен и с теми же криками: «Бог и парламент!» обрушилась на стражу у городских ворот.

Когда на восточном горизонте заалелась утренняя заря, на главной башне монмаутской крепости уже развевался совсем другой флаг, чем раньше. Слав-

ный штандарт Свободы сменил опороченное знамя Стюартов.

Глава XXIV БЕСЕДА ДВУХ ДРУЗЕЙ

— Что с вами, Ричард? Чего приуныли? Это совсем не идет храброму воину, только что взявшему целый город. Вы смотрите так, словно сами попали в плен.

Это говорил полковник Роберт Кэйрль полковнику Ричарду Уольвейну. Беседа их происходила около двух часов пополудни, вскоре после перехода Монмаутса из рук роялистов в руки парламентариев. Кэйрль привел соратника в свою собственную квартиру, очень хорошую и прекрасно обставленную. Кэйрль привык жить на широкую ногу, имел большое состояние и умел им пользоваться.

Друзья сидели перед большим, богато накрытым столом и с аппетитом ели разнообразную холодную закуску, оказавшуюся в буфете, несмотря на поздний час ночи. За кубком хорошего старого вина они только что возобновили свои прежние чисто товарищеские отношения, которые одно время были прерваны переходом Кэйрля на сторону роялистов, а теперь, с возвратом его к парламентариям, начали вновь скрепляться.

— Да, Ричард, если бы не вы, Массею так скоро не взять бы Монмаутса, — проговорил Кэйрль, продолжая начатую беседу.

— Нет, он этим обязан скорее вам, Роберт, — возразил сэр Ричард. — Надо же отдать должное и черту, как уже успели прозвать вас роялисты, — с улыбкой добавил он.

Кэйрль не обиделся на эту шутку и с веселым смехом подхватил ее.

— Так как в данном случае я в роли «черта», то вам нечего и беспокоиться насчет того, что мне будет воздано «должное», — заметил он. — На мою голову теперь посыплется весь запас ругательных слов, каким и так богат лексикон роялистов. Но пусть называют меня как хотят, я этим нисколько не буду смущен: совесть моя чиста, и мне нечего стыдиться мотивов моего поведения, какими бы они ни казались в глазах других. Вам известны эти мотивы, Ричард.

— Конечно, я знаю, что руководило вашими поступками, Роберт, и никогда не осуждал вас. Я говорил об этом Массею, когда мы с ним вчера вечером находились на Бекстоне и любовались Монмаутсом как раз в то время, когда мне принесли вашу записку, вынесенную отсюда в деревянной ноге нашего тайного вестника.

— Благодарю вас, Ричард! — воскликнул взволнованным голосом Кэйрль. — Впрочем, другого отношения ко мне я от вас и не ожидал. Когда я узнал, что вы находитесь в Хай-Мидоу-Хаузе, то решил присоединиться вновь к вам во что бы то ни стало, хотя бы мне пришлось бежать одному. Вы и представить себе не можете, как мне было противно среди роялистов. От них так и несет одуряющим запахом всяческого разврата. Роялисты и паписты пропитали своим специфическим запахом весь Монмаутс. Но теперь, надеюсь, скоро в стенах этого города повеет другим духом. Об этом позабочусь я сам. Массей сказал, что намерен сделать меня здешним комендантом.

— Радуюсь этому, — с искренностью проговорил сэр Ричард. — После того, что вами сделано, вы вполне заслуживаете такого доверия.

— Ну, сделал-то я, в сущности, не много. Тонкий план, только выполненный мною, задуман был вами, Ричард.

— Выполнение-то и важно. Успех плана именно от способа выполнения и зависит.

— Ну, что нам считаться, Ричард! Каждый из нас сделал что и как мог.

— С этим я, пожалуй, согласен, Роберт. Но благодаря глупой случайности успех наш висел на волоске, когда вам с моста сообщили о бежавшем корнете.

— Да, момент действительно был критический, — сознался Кэйрль. — Я сам подумал тогда, что все пропало.

— Однако вы выпутались из этой петли великолепнейшим образом! — подхватил сэр Ричард. — Я едва удержался от смеха, когда вы так искусно разыграли возмущенного «ложью» сбежавшего «от трусости» корнета. Впрочем, он и в самом деле струсил, хотя и по другой причине, чем та, которую вы расписывали перед мостом. А каким глупцом оказался тот офицерик, который начальствовал на мосту! Наверное, его теперь уже нет в живых. Следовавшие за ними товарищи вряд ли пощадили его.

— Да, боюсь, что так, — сказал Кэйрль. — В сущности, это был один из самых симпатичнейших людей в здешнем гарнизоне.

— Интересно знать, что случилось с вашим корнетом, который выказал такую удивительную прыткость ног? — сказал сэр Ричард.

— Все это мы узнаем завтра, когда будем делать смотр. Корнет, может быть, ухитрился опять удрать. Пожалуй, и не один он. А какие остались здесь подозрительные субъекты, — они все будут мной обезврежены. Я очищу весь город от роялистов, папистов и тому подобной гадости.

Наступило минутное молчание. Кэйрль достал бурдюк с испанским вином и наполнил им оба кубка. Когда он снова взглянул на своего собеседника, то заметил на его лице прежнее озабоченное выражение.

— В самом деле, что с вами, Ричард? — вторично спросил он, ставя перед ним кубок. — Право, вы смотрите так уныло, словно я — принц Руперт, а вы мой пленник... Простите, что я пристаю к вам с расспросами о причине вашей необъяснимой грусти. Кажется, не следовало бы грустить после такой блестящей экспедиции, как та, которая привела вас сюда. Но если у вас тайна, то, я, конечно, не настаиваю. Быть может, вас тяготит что-нибудь, относящееся к делам сердечным? Тогда, разумеется, я молчу.

— Вы угадали, Кэйрль, — просто ответил сэр Ричард.

— Да?.. Вот уж не думал, что и ваше сердце может быть затронуто нежной страстью, Ричард!

— Нет, Роберт, то, что озаботило меня, не имеет никакого отношения к моему сердцу — в том смысле, как вы думаете.

— Так чьего же сердца или чьих сердец касается это?

— Знаком вам молодой Тревор?

— Нет. Я знаю всех Треворов только по слуху.

— Тот, о котором я говорю, — Юстес Тревор, сын сэра Вильяма Тревора, владельца Эбергавенни.

— Ах, этот!.. Лично с ним я не знаком, хотя он и провел здесь несколько дней в качестве пленника. Он был взят Линдженом в Холлимид-Хаузе, близ Руардина, и завезен сюда по пути в Бечлей. Возвращаясь назад, Линджен снова забрал его с собой, чтобы отвезти в Гудрический замок. Это было третьего

дня поздно вечером. Кажется, он ранен.

— Да, и я слышал, что он ранен. Вот это-то меня и тревожит. Не знаете, какого рода у него рана? Опасна она?

— Не знаю. Я только заметил, что у него правая рука на перевязи. Но почему вы так беспокоитесь о нем, Ричард? Разве он вам родственник?

— Нет. Но он мне дороже всех родственников, Роберт! — с чувством проговорил сэр Ричард. — Так любить, как я люблю Юстеса Тревора, я мог бы разве только брата, сходного со мною характером и убеждениями. Но брата у меня нет... К тому же его любит еще одна особа, которой я симпатизирую.

— А!.. Ну, конечно, эта особа — женщина, первопричина всяческого зла на земле! — презрительно буркнул Кэйрль.

— Нет, Роберт, не всякая женщина — причина зла, — возразил сэр Ричард. — Например, та, о которой я говорю, никогда никому не причинила ни малейшего зла, зато много делает добра другим и даже принесла большую пользу нашему делу. Она сделала и то, что мы с вами сейчас сидим в стенах Монмаутса.

— Будет вам шутить, Ричард! — вскричал Кэйрль. — При чем же женщина в деле взятия нами Монмаутса?

— Уверяю вас, Роберт, что без нее из нашей затеи ничего бы не вышло. Вдвоем с вами нам не взять бы Монмаутса. Надо было поднять на это дело Массея. А это сделала именно та женщина. Она любит Тревора и захотела освободить его из плена, вот и сумела повлиять на Массея...

— Вот как! — воскликнул с удивлением Кэйрль. — Значит, благодаря ей...

— Да, только благодаря ее убедительным просьбам и уверениям, что, как ей было известно от хорошо осведомленных лиц, Монмаутс охраняется довольно слабо, Массей и решил помочь нашему с вами предприятию.

— О, в таком случае эта женщина достойна всякой благодарности с нашей стороны! — снова вскричал Кэйрль. — Могу я узнать ее имя?

— Это младшая дочь Эмброза Поуэля, о которой вы, вероятно, тоже слышали.

— Конечно! Кто не слыхал об этом стойком патриоте. Теперь мне понятно, почему Тревора захватили именно в Холлимиде, а не где-нибудь еще... Если не ошибаюсь, Поуэль сейчас находится в Глостере? Мы с ним соседи по владениям, но лично нам как-то не пришлось познакомиться и подробностей его жизни за последнее время я мало знаю.

— Мистер Поуэль со своими двумя дочерьми, Сабриною и Вегой, в начале гражданской войны перебрался было в Бристоль. А когда этот город был взят Рупертом, он воспользовался позволением, данным победителем, и переселился в Глостер. Вега, младшая дочь Поуэля, и есть наша добрая помощница. Но, как мне известно, она знает о Треворе только то, что он попал в плен и был перевезен сюда, а о его ране совсем не была осведомлена. Я боюсь, что когда до нее дойдет весть и об этом, да, пожалуй, еще в преувеличенном виде, она будет очень расстроена. Всего обиднее будет для нее сознание, что он теперь, так сказать, вне нашей достижимости.

— Вне нашей достижимости? — медленно повторил Кэйрль, видимо пораженный какою-то мыслью. — Вы так думаете, Ричард?

— Разумеется! Разве мы в состоянии будем овладеть замком Гудрич? — печально произнес сэр Ричард.

— Не сейчас, конечно, а через некоторое время мы попытаемся сделать это, — сказал Кэйрль, начиная возбуждаться. — Никто так страстно, как я, не может желать увидеть скрытым до основания это разбойничье гнездо, а его владельца — повешенным над дымящимися развалинами! Много горьких обид нанес Линджен моему старому отцу, и не я буду, если не отомщу ему за это!

— Но если вы собираетесь разрушить Гудрич, то надо сначала освободить оттуда Тревора.

— Ну, конечно, это будет сделано прежде всего, и я уже придумал способ. Очевидно, вы не прочь рискнуть кое-чем для его спасения, Ричард?

— Я готов ради этого пожертвовать хоть самой жизнью! — горячо воскликнул Уольвейн.

— В таком случае постараемся освободить его, так сказать, нахрапом.

— Какой у вас план, Роберт?

— Очень простой. Едва ли оставит Линджен своих пленников в Гудриче, который он считает угрожаемым с нашей стороны после дела при Бечлее. Он опасается осады, которая чем дольше протянется, тем будет хуже для него. Я кое-что слышал об этом мельком. Говорят, что он хочет переправить пленных этой же ночью в Гирфорд с тем, чтобы к утру они были уже на месте...

— А, понимаю, — перебил сэра Ричард, — вы хотите перехватить их где-нибудь по дороге, да?

— Именно. Опасаюсь только, как бы не воспрепятствовал Массей. Он может сказать...

— Так мы обойдемся и без его разрешения! — перебил Уольвейн. — Лично я со своим небольшим, но храбрым отрядом совсем не завишу от Массея и могу делать то, что сам найду нужным.

— Да?.. Впрочем, пока ведь и я еще могу распорядиться собой и своим эскадром, как хочу, лишь бы это не шло вразрез с интересами общего дела, — соображал Кэйрль. — Да и Массей должен быть только доволен, если мы совершим новый лихой подвиг, не потревожив ради этого его самого. Я знаю одно удобное местечко возле дороги из Гудрича в Гирфорд. Мы можем засесть там в ожидании конвоя с пленниками. Только для этого надо отправляться немедленно, иначе мы опоздаем.

— Что же, я готов, — поспешил заявить сэра Ричард, допивая свой кубок. — Сейчас будут готовы и мои форестерцы.

Пока происходила эта беседа между сэром Ричардом и полковником Кэйрлем, из ворот Гудричского замка выступил конный отряд в несколько сот человек, ехавших попарно и снабженных копьями, любимым оружием Линджена. Лишь двадцать человек не было вооружено. Это были пленники. Во главе отряда ехал сам Линджен, состоявший полковником королевской армии и главным шерифом графства Гирфорд. Он, как и предполагал Кэйрль, действительно переправлял своих пленников в главный город графства.

Линджен не стал бы делать этого, если бы ему было известно о переходе Монмаутса во власть Массея. Гонец, посланный к нему с этим роковым известием из Монмаутса, задержался дорогою и достиг места своего назначения лишь после ухода оттуда эскорта с пленными. Но ничего не подозревая и считая себя в полной безопасности, Линджен ехал в самом радужном настроении, перекидываясь веселыми шуточками с окружавшими его молодыми офицера-

ми, очень довольными тем, что едут в большой город, где их ожидают всякого рода развлечения.

Среди пленников находился и Юстес Тревор. Он действительно был ранен, и его правая рука висела на перевязи. Юноша предавался самым грустным размышлениям. Помимо горести, испытываемой каждым пленником, его мучило опасение, как бы не изменилась к нему Вега. Быть может, она приписывает его несчастье трусости и стала презирать его. И никакой надежды вырваться из цепких рук врага и поспешить к любимой девушке, чтобы оправдаться перед нею! В Монмаутсе блеснула была надежда на возможность освобождения, когда туда дошла весть о победе парламентариев при Бечлее. Но здесь, в Гирфорде, расположенном в самом центре неприятельской зоны и отличавшемся своим строго роялистским направлением, не могло быть никакой надежды на спасение.

Особенно досадно было молодому Тревору видеть себя на плохой лошаденке, а не на своем верном Саладине, волею судеб попавшем в руки одного из конвойных солдат, ехавших рядом с ним. Саладин обладал свойствами, известными только его прежнему хозяину. В строю он ничем не отличался от других коней обычного типа, принятого в войсках. Но в случаях крайней необходимости он проявлял почти сверхъестественную силу, быстроту, ловкость и неутомимость. Бывали дни, когда он без отдыха делал по пятьдесят миль в сутки.

Юстес был уверен, что ему удалось бы бежать, если бы под ним был Саладин. Конь был понятлив, как человек, и, почувствовав на себе своего любимого хозяина, непременно постарался бы спасти его. В два-три быстрых скачка он вынес бы Тревора из рядов конвоя на такое расстояние, что растерявшимся конвойным нельзя было бы его догнать. Даже пуля не настигла бы его, потому что пока было бы наведено ружье, Саладин успел бы умчаться еще дальше. Думая об этом, Юстес то и дело с нежностью посматривал на своего четвероногого друга, который, в свою очередь, ласково глядел на него своими большими умными глазами и временами терся о него головой. Это было наконец замечено конвойным, который сказал:

— Что, господин офицер, вам жаль своей лошадки? Да и она, кажись, скучает по вас? Коли угодно вам заплатить мне, я могу устроить так, что мы опять обменяемся конями. Неподалеку отсюда, в Акорнбери, перед спуском в глубокий овраг, есть постоялый двор, где наш полковник всегда останавливается на отдых. Там я все и устроил бы. Никто и не заметит, как я перемену лошадок. Цветом и ростом они схожи. Мне все равно, на какой лошади ни сидеть: они все не мои. Ну, а когда привыкнешь к какой, то, понятно, жаль расставаться. А заработать немножко деньжонок было бы мне приятно, потому что я человек бедный, а дома у меня семья, которой я посылаю все, что добуду на службе...

— Видишь ли, милый друг, — сказал обрадованный Тревор, — когда вы взяли меня в плен, один из ваших капралов отнял у меня и деньги и дорогую пряжку с шляпы вместе с пером, которого мне жаль больше самой пряжки. У меня остался только вот этот перстень, и уцелел он потому, что был на пальце раненой руки, которую я обвязал платком, чтобы остановить кровь. Вот его я и мог бы отдать тебе за твою услугу, если ты согласишься.

Юстес снял с пальца перстень и показал его конвойному. Крупный алмаз в

тяжелой золотой оправе сверкнул в лучах молодой луны целым снопом разноцветных лучей, лучше всяких слов свидетельствовавших о его ценности.

— Согласен, согласен, господин офицер! — поспешил сказать солдат, сразу понявший, что он в Гирфорде выручит за этот перстень столько денег, сколько никогда не видывал даже во сне.

Глава XXVI ЗАСАДА

Конвойный хотя и мог бы обмануть Тревора, получив от него плату вперед, но он не сделал этого. Когда отряд остановился перед постоялым двором, хозяин которого подавал оставшимся в седлах офицерам вино и пиво, конвойный сделал вид, что поправляет на лошади Тревора ослабшую подпругу. Для этого пришлось слезть с лошадей и конвойному и пленнику. Дело было обычное во время стоянок, и никто на это не обратил внимания. Солдат действовал так ловко, что через минуту Юстес был уже на своем любимом коне.

Когда отряд двинулся дальше, Юстес с тревожно бьющимся сердцем стал выжидать поворота дороги в том месте, где она разветвляется в две стороны. В этой местности находилось поместье отца Юстеса, поэтому она была ему хорошо знакома с детства. И вот, когда отряд приблизился к повороту, молодой человек шепнул что-то на ухо Саладину и сильно сжал коленями его бока. В мгновение ока добрый конь вынес его из строя и помчал вверх на гору, покрытую густым лесом и изрезанную узкими тропинками. За беглецом бросилась погоня, в него стреляли, но Саладин знал свое дело и проявлял чудеса ловкости, чтобы спасти своего хозяина. Еще немного, и Юстес оказался вне всякой опасности. Куда он забрался, там ему не были страшны никакие преследователи: это была непроходимая, дикая лесная глушь. Отсюда беглец рассчитывал выбраться в область, занятую сторонниками парламента. Но помощь оказалась к нему ближе, чем он предполагал.

Восходящее солнце уже заливало своими яркими лучами весь лес, когда вдруг из-за группы деревьев выступил новый конный отряд, и тот, который был во главе этого отряда, крикнул:

— Стойте! Кто вы и за кого? — но тут же радостно прибавил: — Ах, Боже мой! Да ведь это вы, мой милый Тревор... Вот неожиданная встреча! Как вас Бог спас? Вас-то нам и нужно было, и мы думали, что вас придется отбивать из рук врагов, а тут такое чудо...

— Сэр Ричард?! — вскричал Юстес, не менее его удивленный и обрадованный. — Вот счастье-то.

— Вас везли в другое место заключения? — продолжал сэр Ричард, спеша узнать нужные ему подробности.

— Да, и, кажется, в Гирфорд.

— Под сильным конвоем?

— Человек в двести. Но ведь я был не один. Там еще осталось девятнадцать пленников.

— Где вы их оставили?

Юстес сказал.

— Кто начальствует конвоем?

— Сам Линджен.

— Да? Кстати, Тревор, слышали вы, что мы нынче ночью овладели Монмаутсом?

— Нет, не слыхал. Вернее всего, эта весть не успела еще дойти до Гудрича. Рад узнать эту приятную новость.

— Вы говорите, сам Линджен при отряде? — спросил Кэйрль, пожав руку Юстесу после того, как сэръ Ричард догадался наконец познакомить их.

— Да, полковник, он сам ведет конвой, — ответил Юстес. По лицу экс-роялиста пробежало выражение такой радости, какая может быть только у человека, давно искавшего случая разделаться со своим смертельным врагом и вот наконец дождавшегося этого случая.

— Присутствие этого человека едва не стоило мне жизни, — добавил Юстес.

— А что?

— Я слышал, как он распорядился стрелять в меня и вернуть живым или мертвым.

— Ну и стреляли в вас?

— Стреляли все его конвойные, но, к счастью, не попали, и я, как видите, уцелел.

— Ну, и слава Богу! — сердечно проговорил Кэйрль. — Значит, эти-то выстрелы мы и слышали, когда попали сюда, пробираясь к дороге в Гирфорд... Ну, Уольвейн, — обратился он к сэру Ричарду, — пора нам и дальше, если мы не хотим упустить Линджена. Хотя ваш молодой друг и спасен и отбивать его нам не нужно, мы все-таки не должны упускать случая посчитаться с неприятелем. Берите своих людей и своего друга, так счастливо попавшего из-под обстрела прямо в ваши дружеские объятия, и направляйтесь влево, а я со своими людьми поверну направо. Так с двух сторон мы и охватим Линджена. Только позвольте мне руководить всем делом, потому что эта местность мне больше знакома, чем вам.

Немного спустя, эскадроны Кэйрля и Уольвейна, каждый в отдельности, уже находились в засаде возле одного места, которого нельзя было миновать Линджену, бросившему бесполезное преследование беглеца и продолжавшему свой путь.

Юстесу было дано запасное оружие, имевшееся у сержанта Уайльда, и он снова почувствовал себя человеком, а не вещью, с которой можно делать все, что вздумается ее владельцу. И всем этим он был обязан своему верному и умному Саладину.

Часть линдженского эскорта, состоявшая исключительно из молодых дворянчиков и ехавшая немного позади, только что достигла крутого перевала, как вдруг с обеих сторон была окружена неприятельскими дружинами. Послышалось грозное: «Сдавайтесь!» Растерявшиеся кавалеры поняли, что если они не послушаются этого окрика, то через минуту все будут уложены на месте. И они, забыв, что при них есть оружие, единодушно подняли руки и хорохм завопили: «Пощадите!»

— Где Линджен? — кричал Кэйрль, с обнаженной саблей ринувшись в самую середину эскорта. — Почему не видно его? Куда он спрятался? Такому храбрецу следовало бы быть во главе отряда... Эй, вы, корнет! — продолжал он, бешено напирая на молодого офицера, помертвевшего от ужаса. — Говорите скорей, где ваш полковник? Иначе я проткну вам ребра!

— Не знаю, — лепетал несчастный корнет, еле ворочая языком. — Он был

впереди... Должно быть, отъехал в сторону.

Кэйрль вылетел обратно на дорогу и внимательно посмотрел во все стороны. За поворотом, с которого начинался спуск с кручи, мелькнуло несколько лошадиных хвостов.

— А, вот он где! — крикнул Кэйрль. — Уольвейн, пустимся за ним!

— Непременно! — отозвался сэр Ричард. — Он ушел вперед со всеми пленными. А так как эти пленные все из моей дружины, то их надо освободить, чего бы это ни стоило.

— Это не трудно будет сделать, судя по тому, что сейчас было, — заметил Кэйрль. — Ватаги Линджена деморализованы и не в состоянии оказать серьезного сопротивления.

Оставив часть своих людей при пленниках, оба полковника пустились вслед за передовым неприятельским отрядом, который успел уже уйти далеко.

Между тем Линджена стали догонять его собственные дружинники, которым удалось ускользнуть из засады. Обернувшись на шум лошадиной скачки, Линджен узнал своих и, видя их тревожное состояние, спросил:

— Что случилось? Бежавшего пленника, что ли, поймали?

— Никак нет, полковник! — запыхавшись, ответил один из солдат. — Измена! Мы попали в ловушку!

— Измена?.. Ловушка?.. Что за чушь! — воскликнул Линджен, размахивая саблей. — Очумели вы, что ли?

— Никак нет, полковник! — продолжал солдат. — Нам подстроена ловушка. Мы едва ушли. Наверху выскочили на нас целые тысячи круглоголовых...

— Вздор, какие там могут быть круглоголовые! Их больше нет в здешних местах. Это, наверное, дружина Скюдатора из Гирфорда, и вы, трусы, испугались собственной тени.

— Никак нет, полковник. Они окружили и захватили в плен всех наших кавалеров, которые ехали в арьергарде отдельной кучкой. Им крикнули: «Сдавайтесь!» — и они сдались. Никто ведь ничего подобного не ожидал.

— Не поверю этому, пока сам не увижу! — упорствовал Линджен. — Назад за мной! — скомандовал он, продолжая размахивать саблей.

Солдаты неохотно повиновались только из страха наказания. Но не успел еще весь отряд обернуться, как с нижней части дороги донесся новый конский топот. Линджен остановился в ожидании, что будет еще. Подскакал всадник, весь в поту и на взмыленной лошади. Очутившись лицом к лицу с полковником, он молча отдал ему честь и вручил письмо. Вскрыв письмо, Линджен прочитал следующие, очевидно, с большой поспешностью набросанные строки:

«Кэйрль обманул нас. Массей занял Монмаутс. Большие отряды — несколько сот человек из форестерцев Уольвейна и дружинников Кэйрля во главе с ним самим — нынче под утро отправились по дороге к Гирфорду. Назначение неизвестно. Будьте настороже!»

Хотя письмо было без подписи, но Линджен узнал автора по почерку, а содержание письма подтверждалось только что полученным от собственных людей известием о засаде и теми изустными подробностями, которыми мог дополнить письмо гонец.

Среди роялистов Линджен был одним из самых храбрых. Но кидаться очертя голову в опасность у него не было привычки; для этого он был слишком

рассудителен и осторожен. Не поступил необдуманно он и в настоящем случае. Он понял, что с несколькими сотнями форестерцев и других республиканских дружинников ему, имея под руками какие-нибудь две сотни, не сладить. К тому же при форестерцах, наверное, находился полковник Уольвейн, славившийся своей исключительной доблестью, а изменник Кэйрль лично ему, Линджену, смертельный враг. Массей — в Монмаутсе, и тоже как бы не выкинул чего-нибудь непредвиденного. Вообще, положение Линджена было довольно критическое. Поэтому он хотел продолжить путь по направлению к Гирфорду, не пытаясь вступать в битву с неприятелем и оставив ему на произвол пленных кавалеров. Однако после новых размышлений, сообразив, что Кэйрль и Уольвейн могут пуститься ему вдогонку, он не стал пробиваться к Гирфорду, но со всем своим отрядом и пленниками бросился обратно в Гудрич, только по боковой дороге, в обход того места, где была засада.

Это утро представляло удивительную картину переменчивости военных судеб. Сначала ехали триумфаторами роялисты, собиравшиеся удивить столицу графства Гирфорд своими победами и числом пленных; потом самая блестящая часть этих «победителей» позорно попала в плен к врагу и в довершение всего Кэйрль и Уольвейн успели окружить отряд Линджена и отбить всех его пленников. Только самому Линджену, и то с большим трудом, удалось пробиться сквозь ряды преследователей. Со стыдом и позором, с горстью своих солдат он вернулся обратно в свой замок, недавно покинутый им при совершенно иных условиях. Кэйрль торжествовал. Он гнался за своим врагом вплоть до самого Гудрича, куда он не мог проникнуть, потому что для этого понадобилось бы несколько тысяч человек. Но он нанес чувствительный удар Линджену, а в будущем надеялся докончить дело своей мести. Ради этого нужно было взять Гудрич штурмом или измором, сравнять эту гордую твердыню с землею и уничтожить самого Линджена. Вот только бы ему, Кэйрлю, утвердиться в Монмаутсе в качестве коменданта, и тогда наступит для него день полного торжества над врагом его родины.

Глава XXVII

ОПЯТЬ В ХОЛЛИМИДЕ

Долго страдала руардинская область от роялистов, которые держали ее в страхе и трепете, творя всевозможные насилия над мирным трудовым населением. Когда парламентариям посчастливилось сломить силу сэра Джона Уинтора при Бечлее и овладеть Монмаутсом, форестерцы могли наконец вздохнуть полной грудью. Давивший их столько времени тяжелый кошмар кончился. Для охраны их от возможных будущих вторжений и набегов роялистов по деревням были размещены отряды парламентских дружин, по большей части набранных из среды местного же населения. С их стороны нечего было опасаться измены и предательства.

Когда все успокоилось возле Холлимида, Эмброз Поуэль, все время находившийся в сношениях со своими единомышленниками и оказывавший им как материальную, так и нравственную помощь, нашел возможным снова вернуться в свое заброшенное поместье. Этому способствовало и то обстоятельство, что Ричард Уольвейн и Юстес Тревор решились основать там свою главную квартиру. При них находился и сержант Уайльд. Лучшей защиты не могло и быть.

Вместе с отцом вернулись в свое родное гнездо и Сабрина с Вегой. В старом живописном Холлимиде снова закипела молодая жизнь со всеми ее радостями и удовольствиями; снова начались там и соколиные охоты. Ван-Дорн не покидал Холлимида. Сокольничий сказал, что у него нечего взять роялистским грабителям, и за два года отсутствия своих хозяев — именно столько времени продолжалась борьба республиканцев за освобождение всего Динского леса от роялистов — успел воспитать новый выводок соколов-бойцов.

В один прекрасный летний день была устроена соколиная охота на равнине у подножия руардинского горного хребта. Предметом охоты снова была белая цапля с пышным хвостом и хохлом, поднявшаяся из ближайшей осоки. Это было странное и многозначительное совпадение для Веги. Мечтая о новой белоснежной эгретке для Юстеса, как известно лишившегося этого украшения вместе с алмазною пряжкой при взятии в плен роялистами, Вега с напряженным ожиданием следила за происходившими в воздухе движениями птиц. Соколы искусно делали свое дело, стараясь не упустить своей добычи; но одно время казалось, что она ускользнет от них. Сердце Веги тревожно колотилось в груди.

Ван-Дорн поощрительно свистал и улюлюкал. Соколы горели желанием и отличиться и получить награду. Ловким маневром они далеко отогнали цаплю от ее убежища в осоке, где она была бы потеряна для них. Долго металась несчастная жертва, тщетно пытаясь уйти от своих преследователей, и яростно защищалась от них, но минуты ее были сочтены. Новым удачным маневром оба старых сокола дружно ринулись на нее. Обхватив свою добычу крыльями и впившись в ее тело когтями, они вместе с нею спустились на землю.

— Готова! — с торжеством возгласил сокольничий и, не дожидаясь распоряжения, отделил от мертвой уже цапли роскошные хвостовые перья.

Он слышал, что Вега желает иметь новую эгретку, чтобы украсить ими некую шляпу, и спешил услужить своей госпоже.

— Вот вам, дорогой Юстес, замена вашей утраты, — с нежной улыбкой проговорила девушка, передавая своему кавалеру перья.

— Как мне благодарить вас, дорогая Вега! — воскликнул молодой человек, принимая подарок и вспыхнув от удовольствия.

Какая была разница в их взаимных отношениях с того дня, когда Юстес получил первую эгретку из тех же ручек! Не было уже больше мучительных сомнений и опасений. Сердце поняло сердце, верность обоих была доказана и взаимная любовь утверждена навеки.

— Постараюсь сохранить эти перья и не лишиться их, как первых, — продолжал молодой человек, втыкая перья за ленту шляпы. — Ах, как я был огорчен, когда у меня были отняты первые! Я опасался, что вместе с ними лишусь и того, что было мне всего дороже на свете...

— Жизни своей, конечно, — договорила Вега. — Как боялась и я этого, когда узнала, что вы ранены.

— Нет, я опасался лишиться не жизни, а кое-чего другого, — возразил Юстес.

— Чего же?

— Вашей любви, Вега, и вашего уважения.

— Ах, Юстес, как могли вы так думать!

— Как же было мне не думать так, когда я сам потерял к себе уважение, попав самым глупым образом в плен! Вы могли счесть меня трусом.

— Никогда этого не могло бы быть, дорогой Юстес. Мы все сразу поняли, что вы сделали жертвою низкой измены. При таких условиях, при каких вы попались в плен, мог попасть и лев. И он ведь покоряется превосходству силы. Притом же вы были ранены...

— Да, и опять в правую руку, на которой оказались поврежденными три пальца. Само по себе это не важно, и слухи о моем поражении были сильно преувеличены, но в нужный момент это лишило меня возможности защищаться, чем и воспользовались мои противники. Теперь уж все зажило...

— Только остались рубцы, как знаки совершенных вами подвигов! — подхватила Вега, с жалостью и гордостью глядя на красные еще рубцы, которыми были отмечены три средних пальца правой руки ее жениха. — А как славно совершился ваш побег и как хорошо, что под рукою у вас оказался милый умник Саладин! Само Провидение так вовремя вернуло его вам. Недаром я день и ночь молилась за вас... Кстати, знаете ли, дорогой Юстес, что ваш счастливый побег избавил меня от неприятной поездки и еще более неприятного унижения?

Юстес с удивлением посмотрел на свою невесту и поспешил спросить:

— Куда же вы намерены были ехать и перед кем унижаться?

— Сначала я съездила бы в Гудрич, а потом, может быть, и еще кое-куда.

— Но для чего?

— Для того, чтобы броситься к ногам мистера Линджена и вымолить вам свободу.

— Да, это действительно было бы для вас большим унижением, и я несказанно рад, что судьба избавила вас от этого! — с чувством воскликнул молодой человек.

— Судьба, а также ваша смелость и прекрасные качества Саладина, — добавила молодая девушка, трепля по шее коня, на котором сидел его хозяин. —

Милый Саладин, если бы ты знал, как я тебе благодарна!

Благородный конь на эту ласку повернул к девушке свою тонкую голову и радостно заржал, стараясь потереться мордой о плечо ласкавшей его.

Приятное зрелище представляла собою эта красивая молодая парочка, сидевшая верхом на великолепных лошадях, нарядно и богато одетая и такая же жизнерадостная, как те птички, которые так беззаботно и весело щебетали в зеленых ветвях дерева. Возмужавший за два года боевой жизни, загоревший, с вполне развившейся и окрепшей фигурой, Юстес Тревор, сидя на своем Саладине, походил на рыцаря-крестоносца, только что вернувшегося из дальних походов. В свою очередь и Вега превратилась из многообещающего бутона, каким была два года тому назад, в пышную розу. Теперь в ней сказывалась уже женщина, много видевшая и перетерпевшая. Не стало в ней прежней, почти мальчишеской резвости и бойкости, зато явилось больше спокойной, милой женственности, и это придавало ей особенную привлекательность. Вообще, она сделалась почти такую же серьезною, как ее старшая сестра.

Временами по ее прелестному личику пробегало облако печали и горести. Война еще не кончилась, и каждую минуту можно было ожидать, что возникнет новое осложнение, которое снова разлучит ее с Юстесом, и, может быть, даже навсегда. О том же самом думал и Тревор, глядя на свою очаровательную невесту. Словом, эта парочка чувствовала себя как на старом, полуразбитом ветрами корабле, ныряющем по бурным волнам океана в ожидании, что вот-вот ему предстоит нырнуть в последний раз, и тогда всему конец. Ах, какая это жестокость!

Тревоги Юстеса и Веги, вдруг охватившие их среди веселья охоты, оказались предчувствиями. Как всегда, по окончании соколиной охоты Сабрина пожелала дать отличиться и своему кобчику. Ради этого охотники поднимались на гору, где среди древесной растительности водилась птица, нужная кобчику. Так было сделано и в этот раз. Едва достигнув известной высоты, Сабрина спустила с руки кобчика. Не прошло и нескольких минут, как он уже высмотрел себе добычу — дергача — и бросился за ним. Развив всю силу своих крыльев, дергач старался юркнуть в лиственную гущу, но был настигнут кобчиком и почти мгновенно сброшен на землю мертвым. Сабрина хотела еще раз спустить кобчика, но была остановлена появлением всадника, быстро скакавшего к ним со стороны Дрейбрука.

Первым увидел его сэр Ричард, разумеется участвовавший в охоте вместе с Сабриной, и угадал в нем посланца от Массея.

— Должно быть, это ко мне, — сказал он невесте. — Наверное, случилось что-нибудь новое и важное. Обождите здесь с сестрой, а я поеду встретить гонца. Смотрите, он несется во весь опор.

И действительно, это был гонец с письмом к полковнику Уольвейну от Массея. Письмо гласило следующее:

«Джерард через Вурстер проскользнул из южного Уэльса и направляется в Оксфорд на помощь королю. Комитет предписал мне перехватить его, по возможности, возле Йвсгема или Котвольда. Для этого мне нужен полный состав дружин. Немедленно выступайте из Руардина и отправляйтесь в Глостер для подкрепления тамошнего гарнизона. Время дорого. Спешите.

Е. Массей».

Когда сэр Ричард прочел письмо, Вега тотчас поняла по серьезному лицу

жениха сестры, что опасения ее не были безосновательными. И это подтвердил ответ сэра Ричарда на вопрос Сабрины, не получил ли он дурных известий.

— Да, — дрогнувшим голосом сказал он, — Массей требует меня немедленно в Глостер со всеми моими дружинниками. Нужно поспешить домой и приготовиться к выступлению.

Как и в первый раз, охота была внезапно прервана и маленькое общество поспешило назад в Холлимид. Но тогда, два года тому назад, сэр Ричард и Юстес Тревор оставались еще какое-то время возле приглянувшихся им молодых девушек, сделавшихся теперь их невестами. А теперь женихи должны были наскоро проститься со своими возлюбленными и отправиться в тьму неизвестности.

Прошло несколько дней.

— Разве тебе не хотелось бы вернуться в Глостер, Саб?

— Зачем же мне хотеть этого, Вега?

— Здесь такая скука!

— Тебя трудно понять, Вега! Когда мы были в городе, ты не знала, как попасть сюда, а теперь...

— А теперь сплю и вижу, как бы вернуться в город.

— Это в «прозаический»-то Глостер? Помнится, ты всегда так называла его.

— Называла. А все-таки теперь мне досадно, что мы покинули его.

— Ты сама себе противоречишь, милая Вега. Отец всеми силами был против такого раннего возвращения сюда, а ты настояла на этом, и отец не мог отказать своей любимице...

— То есть тебе, Саб. Это ты все время рвалась сюда, по известной причине. Я только вторила тебе.

Вега была права. После взятия Монмаутса парламентариями сэр Ричард был назначен охранять гирфордские границы руардинской области от вторжения роялистов. Это подало сэру Ричарду мысль основать свою главную квартиру в Холлимиде, что, в свою очередь, вызвало и желание сестер Поуэль вернуться туда. После же того, как сэр Ричард был внезапно отозван в Глостер, все изменилось, и сельская жизнь, так восхваляемая Вегой в городе, потеряла для нее всякую прелесть.

— Ну, может быть, было и так, — созналась невольно покрасневшая Сабрина. — Во всяком случае раз мы здесь, нам нечего сокрушаться об этом. По советам сказать, я и сама была бы рада, если бы отец сдался на советы Ричарда.

Перед отъездом сэр Ричард советовал мистеру Поуэлю вновь оставить Холлимид и переселиться в Глостер, где он и его дочери были бы в полной безопасности, между тем как у себя в поместье, лишенном защитников, он мог снова подвергнуться неприятностям. Но Эмброз Поуэль был уверен в том, что роялисты и носа больше не посмеют показать в его владения, и в тот самый день, в который происходила описываемая беседа его дочерей, отправился в Глостер по делам комитета народной обороны, оставив дочерей одних.

— Мне не только скучно, Саб, — продолжала Вега, — но меня опять тяготит какое-то мрачное предчувствие. Ты ничего такого не чувствуешь, Саб?

— Нет. А что?

— Да мне все кажется, что к нам могут ворваться роялисты...

— Ну вот, вздор какой! Ближе Бристоля и Гирфорда их теперь больше нет.

Да и быть не может.

— Ты забываешь о Гудриче, Саб.

— Нет, не забываю, Вега. Но раз Монмаутс в руках наших партизан, гудричскому гарнизону теперь только одна забота: как бы самому уцелеть вместе с крепостью, ему уж не до набегов по сторонам. Во всяком случае, думается мне, Линджен лично нас не стал бы тревожить. Ведь он был другом нашего отца и...

— Да и твоим тоже, пока не женился на другой! — подхватила младшая сестра. — Это мне хорошо известно. Тем больше надо его бояться. Отвергнутые поклонники бывают склонны к мести.

— Ах, Вега, охота тебе городить такую чушь! — с сердцем возразила Сабрина. — Между мною и Линдженем никогда не было ничего такого, что могло бы подать ему повод считать себя «отвергнутым» и пылать к нам жаждою мести. Нет, с этой стороны нам совсем нечего опасаться.

— Так, может быть, с другой? — спросила Вега.

— С какой же, по-твоему?

— Не знаю, Саб. Но повторяю, что меня томит предчувствие о какой-то надвигающейся беде. То же самое было у меня и перед тем, как пожаловал гонец от Массея...

— Ну что же случилось тогда особенно дурного, Вега? Только то, что Ричард и Юстес должны были наскоро покинуть нас. Но ведь это не в первый раз. Пока не кончится эта несчастная война, мы постоянно должны быть готовы к разлуке. Да и не мы одни.

По своей тонкой, нервной натуре Вега была подвержена душевным состояниям, каких у большинства людей не бывает. На нее действовали всяческие знамения и предвестия, и она всему этому придавала большое значение. Как ни странно, все ее предчувствия сбывались. Сбылись они и в этот раз.

Сестры находились в маленькой гостиной, рядом со столовой, откуда и перешли в гостиную после завтрака. Вега стояла у одного из окон и смотрела вдоль длинной аллеи. Вдруг девушка вскрикнула: «Так и есть! Смотри, Саб, смотри, кто идет!» — и ближе приникла к окну.

Сабрина тоже выглянула в окно. По аллее быстрыми шагами, чуть не бегом, приближалась Унифреда, сестра Джека Прыгуна.

В самом появлении этой девушки не было ничего особенного; живя поблизости, она чуть не каждый день бывала в Холлимиде по разным надобностям. Необычна была только ее торопливость. Она всегда ходила степенным шагом, а тут неслась с поспешностью человека, гонимого очень важным.

— Должно быть, случилось что-то, — сказала Сабрина. — Уини никогда так не бегаёт... И видно, что она в большом возбуждении.

— Я же говорила тебе, что надвигается вновь что-то нехорошее для нас, — сдавленным голосом произнесла Вега. — Наверное, Уини несет нам какую-нибудь роковую весть.

— Ну, зачем все видеть в черном свете, милая Вегочка? Вернее всего, она была на рынке в Монмаутсе, услышала там что-нибудь новое и бежит сообщить нам, хотя это лично нас, быть может, не касается... Но как же она могла поспеть назад с рынка в такое раннее время?.. Впрочем, мы сейчас узнаем, в чем дело.

Отворив окно, Сабрина вышла на маленький балкон и, перегнувшись че-

рез перила, крикнула вниз:

— Уини, ты несешь нам какую-нибудь весть?

— Да, мисс Сабрина, и сама не рада этому, — отозвалась разносчица, приостановившись.

— Значит, весть твоя дурная? — с замирающим от страха сердцем спросила и Вега, также выбежавшая на балкон.

— Из Глостера? — подхватили Сабрина и Вега в один голос.

— Нет, из Монмаутса, — ответила великанша.

У сестер отлегло от сердца, и они уже спокойнее стали ждать дальнейших сообщений.

— Он взят кавалерами, — продолжала разносчица, отирая рукой струившийся по ее лицу пот. — Они ворвались в него, засадили всех парламентских сторонников в крепость и грабят там по-прежнему, — пояснила вестница.

— Откуда ты это узнала? Неужели успела уже побывать в городе такую рань? — интересовалась Сабрина, не перестававшая думать, что это просто пустой слух.

— Конечно, нет, — продолжала вестница. — Мы с братом успели дойти только до Гудрича и узнали, что тамошний лорд вместе с регленцами ходил в Монмаутс и помог им взять город. Мы и бросились назад, Джек — прямой дорогой домой, а я сюда, чтобы предупредить вас.

— Спасибо тебе, милая Уини, за то, что ты так хорошо помнишь о нас, — сказала старшая сестра. — Теперь иди на кухню и скажи от моего имени повару, чтобы он накормил тебя как следует... Да, погоди минуту! Когда был взят Монмаутс?

— Под вчерашнее утро, мисс Сабрина. Когда рассвело, люди увидели, что над крепостью опять развевается королевский флаг. Кто вчера побывал в Монмаутсе, те рассказывают, как там радуются сторонники короля. Словно все взбесились от радости.

— Что же нам теперь делать, Саб? — спросила Вега, когда разносчица ушла на кухню.

— Ничего, до возвращения отца, — ответила Сабрина. — Как только весть о взятии Монмаутса дошла до Глостера, — а это могло быть уже вчера вечером, — отец, наверное, поспешил обратно домой и скоро прибудет. Но вот что: не отложить ли нам до другого дня соколиную охоту, которую мы назначили было на сегодня?

— Ну, вот, милая Саб, почему же? — возразила Вега. — Похоже, что теперь нам и в самом деле придется опять перебраться в Глостер или в какой-нибудь другой город, и неизвестно, когда мы снова вернемся сюда и будем в состоянии повеселиться с нашими пернатými бойцами. Да и не хотелось бы разочаровывать Ван-Дорна, который только этими охотами и живет.

— Ну, хорошо, пусть будет по-твоему. Не надо только выезжать из пределов наших владений. Устроим охоту у себя в парке, — решила старшая сестра.

— Вот и отлично! — согласилась младшая. — Это ничему не помешает. Я и сама нахожу, что одним нам небезопасно уходить далеко от дома...

Соколиная охота, начавшаяся после обеда, шла к концу, и сестры уже собирались домой, вдоволь натешившись подвигами своих любимцев, двух старых соколов, двух молодых, только что кончивших курс обучения под руководством Ван-Дорна, и старого кобчика. Отца все еще не было, и девушки на-

чинали беспокоиться, не случилось ли с ним чего дорогой. Рассуждая об этом, они хотели было направиться к дому, но вышла неожиданная задержка.

Ван-Дорн уже собрал собак, посадил соколов под клобучки и собирался вернуться домой, как вдруг перед его глазами поднялась дичь, которая до этой минуты не показывалась. Это была великолепная цапля, летевшая по направлению от Северны к Байе и теперь пронесившаяся как раз над тем местом, где только что проходила охота. Это было таким соблазном, перед которым не может устоять никакой сокольник. Ван-Дорн указал Веге на цаплю, и девушка, как и ожидал сокольник, велела вновь спустить соколов, но только одних старых, и те, расправив крылья, спиралью взвились ввысь.

В эту минуту широко раскрылись ворота, замыкавшие парк со стороны проезжей дороги, и в аллею вступил длинный блестящий кортеж. Во главе ехало человек шесть в залитых золотом мундирах и в дорогих шляпах с развевающимися страусовыми перьями. Драгоценные аграфы на шляпах переливались всеми цветами радуги. Особенно роскошно одет был тот, который следовал впереди всех. Он весь горел золотом и брильянтами; вся грудь его была украшена знаками отличия, обычно присваиваемыми только лицам королевской крови. Этот блестящий всадник был принц Руперт. Непосредственно за ним следовали его главные приближенные, среди которых находился и наш знакомец полковник Ленсфорд. Затем тянулись две колонны солдат в багряных мундирах, богато украшенных золотыми шнурками. В каждой колонне было не менее ста человек. Лошади под всадниками были белой масти, превосходно подобранные. Те же белоснежные скакуны, на которых ехали сам принц и его приближенные, были чистой арабской крови, и, видимо, из одной конюшни. Принц был щедр к своим любимцам и ничего для них не жалел.

Находясь на стоянке в Бристоле, принц узнал, что те самые прелестные девушки, которые заинтересовали его, когда они вместе с отцом покидали только что занятый им, принцем, город, теперь живут у себя в имении. Об этом сообщил ему Ленсфорд, имевший при этом в виду, главным образом, свои собственные интересы, связанные, как уже известно читателю, с Сабриной Поуэль. Полковник напомнил принцу о красавицах, и тот пожелал привести в исполнение свое намерение развлечься с пикантною блондиночкою, носившею странное имя Вега. Такая же пикантная брюнетка, имевшая не менее оригинальное имя, Сабрина, была «не в его вкусе», и Ленсфорд мог не опасаться соперничества принца; напротив, мог даже надеяться, в случае надобности, на его содействие в «ухаживании» за этой брюнеткой, красота которой была именно ему, Ленсфорду, по вкусу. Накануне за веселым пиром в Бристоле принц решил «осчастливить» своим визитом прекрасных обитательниц Холлимид-Хауза на следующий же день, то есть в тот самый, который нами описывается.

Въезжая в холлимидский парк и увидев, по всем признакам, что дом действительно обитаем, как ему было донесено, Ленсфорд обратился к принцу со словами:

— Меня не обманули. Владельцы этого прелестного уголка налицо, и ваше высочество напрасно опасались проехать напрасно.

— Очень рад. Действительно, я боялся, как бы эта восхитительная блондиночка не оказалась неуловимою, — на смеси немецкого с французским и английским отозвался Руперт.

— А теперь выходит, что вашему высочеству удастся не только изловить эту хорошенькую бабочку, но и удержать ее при себе, сколько вам пожелается, — с льстивой улыбкой успокаивал своего высокого собеседника Ленсфорд.

— Если я верно понял вас, полковник, вы намекаете на то, чтобы я взял этих девиц в плен? — спросил принц.

— Нет, ваше высочество, — возразил полковник, — я посоветовал бы вам взять в плен, собственно, не девиц, а их отца. Посадить в крепость этого старого интригана и смутьяна будет вполне законно и необходимо. Ведь это, как я уже не раз докладывал вашему высочеству, один из самых ярых врагов его величества. Отведите его в Бристоль, и дочери поневоле последуют за ним. Не захотят же они оставить своего отца одного томиться в заключении. И тогда, вы понимаете, ваше высочество?

— Понимаю! — лаконически ответил принц, задумчиво оглядываясь вокруг. Совет лукавого Ленсфорда пришелся ему по душе, и принц обдумывал, как бы получше привести его в исполнение. Вдруг его слух был поражен каким-то странным криком, за которым последовал протяжный и пронзительный свист.

— Эй, да тут что-то происходит! — вскричал Руперт, придерживая коня. — Кажется, соколиная охота, судя по этому свисту.

— Совершенно верно, ваше высочество. — Подтвердил Ленсфорд. — Поднимают соколов на добычу.

— В каком же это месте? Отсюда ничего не видно.

— Должно быть, в той вон стороне, за соснами... Смотрите, ваше высочество, вот и пара соколов в погоне за цаплей! — воскликнул Ленсфорд, подняв глаза вверх.

— Да, да... Великолепный подъем. Превосходно обучены... Как красиво вонзаются вверх... А эта красавица цапля... Не уйти ей от врагов... Вот и стойка... Подлетает второй... Сцепились... Готово! Мастерские приемы у этой дивной пары! — восторгался принц на смеси трех языков.

Пока в воздухе происходили волнующие зрителей движения птичьего боя, охотники и гости не могли видеть друг друга. Возможность эта явилась только тогда, когда охотники выехали из-за тесных рядов сосен, окаймляющих с обеих сторон аллею, спеша к тому месту, куда спускались соколы и их уже полумертвая жертва. Произошло обоюдное изумление.

— Солдаты?! — раздалось из уст обеих мисс Поуэль.

— Дамы?! — вскричали кавалеры.

— Вам везет, ваше высочество, — шепнул принцу Ленсфорд. — Изволите видеть?

— Этих двух дам? Вижу. Но лиц не могу различить под широкими полями шляп. Уверены ли вы, что это именно те, которых мы ищем?

— Вполне уверен, ваше высочество. Кому же еще из дам быть здесь, как не самим хозяйкам?

— Да, вы правы. Сами птички с птичками играют, хе-хе-хе!.. Не попросить ли нам у них позволения принять участие в их забаве, как вы думаете, Ленсфорд?

— Это как вам будет угодно, ваше высочество.

— Вы знакомы с ними лично, полковник?

— Нет, представлен я им не был, но вот капитан Тревор...

— Ах да, припоминаю, вы мне описывали ваше пребывание здесь. И насчет Тревора тоже... Тревор, прошу вас сюда! — крикнул принц, обернувшись через плечо к своей свите.

Капитан Реджинальд Тревор быстро поравнялся с принцем и, почтительно выпрямившись в седле, ждал, что ему скажут.

— Я слышал, вы знакомы с семейством мистера Эмброза Поуэля? Не его ли это дочери, которых мы тут видим? — спросил Руперт.

— Да, ваше высочество, когда-то я был знаком. Но с тех пор утекло много воды, — с запинкой отвечал Реджинальд.

— Поссорились, что ли?

— Нет, ваше высочество, ссоры в прямом смысле не было, но...

— Но явилось некоторое охлаждение, понимаю, — прервал принц. — Ну, остывшую дружбу можно снова подогреть, и я постараюсь поспособствовать этому. Прошу только познакомить меня с этими дамами. Полагаю, ваше знакомство с ними не настолько охладило, чтобы они не пожелали выслушать вас?

— Надеюсь и я, ваше высочество, — пробормотал Реджинальд, поняв, что просьба принца, собственно, означает приказание, которого он не мог ослушаться. — Во всяком случае, я вполне к услугам вашего высочества.

— Так подъедемте к ним, капитан... Вы же, полковник, — обратился принц снова к Ленсфорду, — оставайтесь здесь с остальной моей свитой и со всем эскадром, пока я не узнаю, можем ли мы надеяться на ночлег в Холлимиде... собственно говоря, с радушием ли он может быть нам предоставлен, хе-хе-хе! — со смехом добавил он.

Дав своему арабскому коню шпоры, Руперт понесся вперед к охотникам или, верное, к охотницам. Реджинальд волей-неволей последовал за ним. Он все еще любил Вегу и продолжал на что-то надеяться, хотя казалось, что никакой надежды уже не должно бы быть. Поэтому он не мог перестать поклоняться Веге и уважать ее. Знакомить любимую девушку с принцем Рупертом было для него равносильно участию в ее гибели, и это было ему невыносимо больно...

Глава XXVIII

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

— Кто это может быть, как ты думаешь, Саб? Парламентское войско?

— Нет, для этого они слишком нарядны и блестящи.

— Так это дружинники Линджена?

— Едва ли и они. Ричард говорил, что у Линджена одни копьеносцы. У этих же не видно ни одного копья. Скорее всего они из Монмаутса или Реглена. Старый маркиз Вурстер, сидящий в Реглене, говорят, любит такую пышность, да и его сын, лорд Герберт, тоже... Должно быть, тот нарядный радужный павлин, который впереди, и есть сам лорд Герберт. Но кто бы они ни были, одно несомненно, что это — роялисты, то есть наши враги.

Так переговаривались сестры Поуэль, когда увидели в начале парка неожиданных гостей. Вид их привел девушек в сильное волнение. От роялистов нельзя было ожидать ничего хорошего. Предчувствия Веги оправдывались.

— Чего им нужно? — удивлялась она, с ужасом глядя на пеструю кавалькаду, сопровождаемую таким внушительным количеством солдат. — Зачем они явились?

— Наверное, за нашим отцом, — с дрожью в голосе ответила Сабрина. — А мы еще хотели, чтобы он скорее вернулся к нам. Хорошо, что наше желание не исполнилось!

— Да... Как же нам теперь быть, Саб?

Старшая сестра на минуту задумалась. Затем, обернувшись к своему груму, сказала:

— Рекс, поезжай потихоньку домой по тому пути, которым мы сейчас прошли. Поезжай шагом, и с таким видом, будто ты ищешь что-то. А когда выедешь на поляну, скажи что есть мочи и задними воротами проберись в Руардин к Джеку Прыгуну. Скажи там его сестре Уини, чтобы она как можно скорее пришла сюда. Потом отправься на глостерскую дорогу, и если встретишь нашего отца, скажи ему, чтобы вернулся назад в город. Понял?

— Все понял и исполню, мисс Сабрина, — ответил грум.

— Ну, так с Богом!

Рекс был человек сметливый и дельный. Он с таким искусством объехал вокруг опасных гостей, что ни один и не догадался, что это может быть человек, вредный для них, которого следовало бы перехватить.

— Зачем-то остановились? — недоумевала Вега, смотря в сторону неожиданных гостей. — Наверное, хотят ехать к нам в дом...

— Это они из-за нас остановились. Лица обращены к нам, — заметила старшая сестра, в свою очередь глядя в ту сторону.

— Да, правда... А вот двое скачут прямо к нам. Что же нам делать, Саб?

— Подождем их здесь. Ведь не особенно будет вежливо, если мы повернемся к ним спиной и бросимся бежать.

— Как же принять их, Саб?

— Как следует девушкам нашего круга... Впрочем, это будет зависеть от их поведения. Если это лорд Герберт, то он не позволит себе ничего неприличного. Эти регленцы хотя роялисты и паписты, но до сих пор никогда...

— Нет, это не лорд Герберт! — вскричала Вега, всматриваясь в приближав-

шегося великолепного всадника. — Это кто-то другой.

— Почему ты так думаешь? — спросила Сабрина. — Ведь насколько известно, ты никогда не видела лорда Герберта...

— Его-то я не видела, а этого вот нарядного павлина, как ты сама удачно назвала его, видела. Видела и ты вместе со мною.

— Разве?.. Не помню... Кто же это?

— Принц Руперт.

— Ах, Боже мой!.. Ведь и в самом деле он... Но кто же другой-то?

— А другой — Реджинальд Тревор.

— Да, да, вижу и я теперь... Ну, Вегочка, мы попали в тиски! Нам нужно будет действовать очень осторожно. Я уж кое-что придумала и потом скажу тебе. А пока надо стараться быть с ними как можно вежливее и приветливее.

Едва Сабрина успела проговорить последние слова, как всадники подъехали.

В нескольких шагах от дам Руперт вдруг так круто осадил коня, что тот взвился на дыбы и сбросил бы всякого неопытного и неловкого всадника. Но принц Руперт был одним из лучших наездников своего времени и захотел, очевидно, похвастаться своей ловкостью перед дамами.

— Прекрасные леди, — с изысканной вежливостью, дотрагиваясь до своей роскошной шляпы, проговорил он, — я не имею удовольствия быть с вами знакомым. Но вот этот джентльмен, капитан Реджинальд Тревор, давно уже пользуется этим удовольствием, и если вы не имеете ничего против, он может познакомить и меня с вами.

— Это его королевское высочество принц Руперт, — проговорил Реджинальд в свою очередь, хотя и с сильным смущением поклонившись дамам и представив их принцу.

«Прекрасные леди» ответили не только любезным поклоном, но даже и приятной улыбкою, что было уже больше, чем можно было ожидать от них. Поощренный этим, принц продолжал:

— Кажется, мы невольно прервали ваш интересный спорт? Усердно извиняемся в этом.

— Не беспокойтесь, ваше высочество. Мы уж кончили охоту, — ответила Сабрина.

— Разве?.. Так это был последний из намеченных вами воздушных боев, которому я имел удовольствие быть свидетелем? Великолепнейший бой! Давно не видывал такого. Ваши соколы — прекрасные бойцы, воспитаны на удивленье... Ах, я вижу у вас и кобчика? Тоже интересная птичка.

Кобчик Сабрины случайно уселся на загривке лошади ее сестры. Показывая, что любит «интересной птичкой», принц впивался глазами не в птицу, а в лицо Веги, и выходило так, что его похвала относится именно к ней самой, тем более что принц произнес свою похвалу пониженным голосом, чтобы не быть услышанным Сабриною. Та, впрочем, все равно не слушала его, потому что в это время была занята разговором с Реджинальдом Тревором.

— Да, это большой умник, — сказала Вега, одним пальцем поглаживая крылья кобчика и как будто не замечая назойливых взглядов принца. — В несколько мгновений укладывает любую птицу, на которую бывает выпущен.

— Ах, — вздыхал Руперт, — очевидно, он так же опасен для жаворонков и стрепаток, как ее хозяйка для бедных мужчин! Этот кобчик тоже ваш, мисс?

— Нет, ваше высочество, — ответила Вега, стараясь подавить неудовольствие, причиненное ей его тяжелым, пошлым комплиментом. — Кобчик принадлежит моей сестре. Мои только соколы.

— Счастливые соколы! — подхватил принц с новым вздохом. — Как бы я желал быть одним из вас! — обратился он уж прямо к птицам, смиренно сидевшим под клобучками у девушки на руке. Я готов бы целый век просидеть на цепи, лишь бы по временам удостоиться ласки нежной ручки вашей прекрасной хозяйки. Ах, как сладка должна быть эта ласка!

Это было уже прямою дерзостью, и Вега до корней своих золотистых волос вспыхнула от негодования. Ей хотелось бы как следует осадить этого блестящего нахала, но она вспомнила о предостережении сестры и сдержалась. Однако оставить совсем без возражения такие бесцеремонные выходки — значило поощрять их, и девушка ответила, стараясь говорить по возможности спокойнее:

— Простите, ваше высочество, мы, провинциалки, не привыкли к тому языку, который, очевидно, предназначен для придворных дам.

Как ни был испорчен этот немецкий принц, но и он почувствовал некоторый стыд, когда получил такой отпор со стороны девушки, а негодующий взгляд, которым она сопровождала свои слова, окатил его точно холодной водой. Поняв, что с этой «пикантной блондиночкой» надо действовать иначе, чем он привык обращаться с женщинами, принц скрыл свое смущение смехом и с искусственной веселостью проговорил уже другим тоном.

— Ах, уважаемая мисс, не сердитесь на наш язык. Он так же, как и наш меч, часто рубит без разбора. Сознаю это и извиняюсь. Клянусь вам, что у меня не было ни малейшего намерения оскорбить вас.

Извиняться было нелегкой задачей для такого избалованного человека, но он покорился этой горькой необходимости в надежде на то, что в ближайшем будущем сторицею вознаградит себя за минутное унижение, когда эта «задорная девочка» будет в его власти. Переменяя тактику, он с достоинством заговорил так громко, что мог быть услышан всеми присутствующими:

— Мисс, я приехал сюда с целью посетить вашего почтенного родителя, к которому у меня есть дело. Он, наверное, у себя дома? Может быть, вы позволите мне проводить вас домой и вместе с тем попросить познакомить меня с мистером Пуэлем, которого до сих пор, к сожалению, я знаю только понаслышке. Если же вы найдете это почему-нибудь неудобным, то позвольте мне тут же распрощаться с вами и поблагодарить за любезный прием.

— Ваше высочество, — отозвалась Сабрина, — нашего отца нет дома.

— А! — воскликнул принц, чувствуя некоторое разочарование и вместе с тем удовольствие. — Как это жаль. Но, может быть, ваш почтенный родитель скоро возвратится?

— Не могу вам сказать, ваше высочество, он не определил дня своего возвращения.

— Да?.. А не могу ли я узнать, где именно он находится? Извините, что я так настаиваю, но мне необходимо это знать.

— Он находится в Глостере, — поспешила ответить Сабрина, радуясь случаю намекнуть принцу, что ее отец в безопасности от него.

— В Глостере? Ну, в таком случае он, наверное, скоро вернется. Не будет же он там долго задерживаться вдали от своего дома и семьи. Обождем его... Тре-

вор, — обратился он к Реджинальду, — мы вынуждены здесь переночевать... Поверьте, мисс, — снова обернулся он к дамам, — мне очень совестно за такую навязчивость, и не только за себя лично, но и за мой конвой, стоянка которого здесь едва ли доставит вам удовольствие. Я понимаю это, но ручаюсь, что мои солдаты будут вести себя тихо и прилично, а если подадут кому-либо хоть малейший повод к жалобе, виновные будут мною строго наказаны.

Девушки обомлели; то, чего они так опасались при виде незваных гостей, действительно случилось. Не стесняясь отсутствием хозяина дома, принц желает остаться в этом доме, следовательно, они всецело во власти этого человека!

Но, собрав всю силу своей воли, старшая сестра постаралась уверить принца, что Холлимид будет очень счастлив пребыванием в нем такого высокого гостя, и пригласила его пожаловать в дом. Дорогою она ухитрилась шепнуть сестре:

— Не унывай, Вегочка, и постарайся сдерживаться. Все будет зависеть от твоего поведения. Помни, что с волками нужно и выть по-волчьи.

— Капитан Тревор, — распорядился между тем принц, — скажите Ленсфорду от моего имени, чтобы он привел весь отряд сюда к дому.

— Боже мой, и Ленсфорд здесь! — чуть не вслух воскликнула Сабрина.

К счастью, никто, кроме сестры, не слышал этого восклицания, и она добавила ей уже шепотом:

— Да, мы действительно среди волков.

У крыльца, ловко соскочив с коня, принц галантно помог и дамам сойти с лошадей.

Когда девушки скрылись в доме, извинившись перед гостем, что они должны сделать кое-какие распоряжения по хозяйству, он остался на месте и с видимым нетерпением стал поджидать приближения отряда. С той минуты, как он услышал, что владельца Холлимида нет дома, им овладела какая-то беспокойная мысль.

Лишь только офицер, ведущий эскорт, подъехал достаточно близко, принц сделал ему знак прибавить шагу. Этот офицер был сам Ленсфорд, который по данному ему знаку и поспешил на зов своего начальника.

— Ближе, ближе сюда, Ленсфорд! — вполголоса подзывал его принц, стоя сам на верхней ступени крыльца, так что голова всадника как раз приходилась на одном уровне с его головой. По-видимому, принц опасался быть услышанным другими.

— Что прикажете, ваше высочество? — также вполголоса осведомился Ленсфорд, удивленный такою таинственностью.

— Тревор не говорил вам, что отца нет дома? — тихо спросил Руперт, нагнувшись к нему.

— Нет. Но я сейчас узнал об этом, — также тихо ответил Ленсфорд.

— Где же и от кого?

— Только что вы изволили отъехать от нас, как я увидел шмыгавшего по парку молодого челядинца, остановил его, дал ему монету и узнал от него не только об отсутствии Поуэля, но и о том, куда он уехал.

— Мне говорили, что он в Глостере.

— Так сказал и мне этот парень. Но имейте в виду, ваше высочество, что монмаутский переворот, наверное, немедленно призовет Поуэля сюда. Весть

об этом перевороте должна была достичь до Глостера еще вчера, и нет сомнения, что старик тотчас поспешил домой, так что каждую минуту он может быть здесь.

— Думал так и я, но затем мне пришло на ум, что если он как-нибудь случайно узнает дорогою, что мы опередили его, то с той же поспешностью вернется обратно. Поэтому прошу вас отделить от нашего конвоя человек десять — двенадцать и под командою надежного офицера отправить этот отряд по глостерской дороге, приказав ему при встрече с «родителем» — принц произнес это слово с особенной иронией — взять его под арест и вести сюда.

— Это уж сделано, ваше высочество.

— Как?.. Разве он уже арестован?

— Нет, ваше высочество, прошу простить мне, если я выразился недостаточно ясно. Я хотел сказать, что отряд для задержания этого «родителя» мною уже отправлен без распоряжения вашего высочества. Я видел, что дело спешное, и боялся пропустить время, а потому и распорядился...

— Отлично, полковник. Благодарю вас.

— Рад стараться, ваше высочество. Но я должен доложить вашему высочеству еще об одном обстоятельстве. Я заметил, что верховой, похожий на груга, насколько можно судить в отдалении, сначала отъезжал шагом от того места, где происходила охота, потом, очутившись за линией сосен в правой стороне, вдруг понесся во всю прыть. Я догадался, что это может быть гонец, отправленный навстречу кое-кому, чтобы сообщить о нашем прибытии...

— О, как это изменяет весь наш план! — перебил принц.

— Ничуть, ваше высочество, — возразил Ленсфорд. — Так как гонец вынужден ехать задами, пока не достигнет Дрейбрука, откуда уж прямой путь в Глостер, то наш отряд настигнет его в пути и также захватит его в плен. Хозяина со слугой вместе и приведут назад.

— Ах, какой вы блестящий стратег, мой милый полковник! — похвалил Руперт своего соумышленника, хлопая его по плечу рукою, затянутою в белоснежную замшевую перчатку. — Если нас и постигнет неудача, то уже не по вашей вине.

— Глубоко тронут милостивыми словами вашего высочества, — ответил с низким поклоном Ленсфорд. — Но я надеюсь, неудачи не будет. Во всяком случае, гонца перехватят, и мы узнаем от него что-нибудь важное. Я распорядился, в случае если он будет упорствовать на допросе, доставить его под конвоем сюда. Здесь мы сами подвергнем упряма такому допросу, что он выложит все, что нам нужно знать, и даже то, чего не нужно, — позволил себе пошутить Ленсфорд. — Полагаю, ваше высочество намерены переночевать здесь? — спросил он с плохо скрытым любопытством.

— Да, полковник, и даже не только одну эту ночь, а несколько, если это понадобится для... достижения моей цели, — с улыбкой ответил принц.

— Достаточно будет и одной, если ваше высочество не откажетесь последовать моему искреннему совету. Скромностью и деликатностью здесь ничего нельзя будет достигнуть; это можно сделать лишь смелостью, а быть смелым всегда и везде предоставляется победителю.

Ленсфорд знал, что его совет будет выслушан благосклонно. Едва ли бы он решился дать такой совет человеку с большей нравственной устойчивостью, чем принц Руперт.

— Конечно, — подхватил принц, — это будет самым верным способом — действовать, так сказать, нахрапом. Совершенно согласен с вами, полковник. А теперь вернитесь к отряду и распорядитесь насчет квартир. Позаботьтесь также расставить стражу вокруг дома и пикеты вокруг всего именья. Хотя Монмаутс снова в наших руках, но надо быть как можно осторожнее. Мало ли что может случиться неожиданного и непредвиденного? Когда вы все устроите, приходите ко мне и мы с вами еще потолкуем.

Глава XXIX В ПЛЕНУ

Сестры Поуэль поднялись наверх, в свои комнаты. Им нужно было переодеться к обеду. Однако, когда явилась позванная ими горничная Гуензсиана, ни одна из молодых хозяек не выказывала никакого желания переодеться.

Усевшись перед своим письменным столом, Сабрина достала бумагу, обмакнула гусиное перо в чернила и принялась с лихорадочной торопливостью что-то писать. Когда письмо было готово, она особенным способом сложила его и, обратившись к горничной, сказала:

— Вот что, милая Гуензс, пойди к нижней калитке и дождись там разносчицу Уинифреду. Она должна скоро прийти. Как только она придет, приведи ее сюда ко мне. Сделай все это как можно незаметнее.

Горничная утвердительно кивнула головой и уже хотела уйти, но Сабрина остановила ее и сделала еще одно распоряжение.

— Вот что, Гуензс, сначала ступай на кухню и скажи повару, чтобы обед был отпущен только тогда, когда Уинифреда уже уйдет отсюда, если вообще она придет. Во всяком случае, на стол без моих дальнейших распоряжений не подавать.

— Неужели нам и в самом деле придется обедать с ним? — с ужасом спросила Вега, когда горничная наконец ушла. — Нельзя ли этого избежать, Саб?

— Никак нельзя, дорогая Вегочка, — спокойно отвечала старшая сестра. — Я уже пригласила принца отобедать вместе с нами, и отказаться теперь от этого будет с нашей стороны грубым оскорблением. Надеюсь, ты это понимаешь, Вегочка?

— Ах, я бы скорее села за стол с самим Вельзевулом, чем с этим вульгарным принцем! Ты и представить себе не можешь, Саб, какой он противный!

— Вижу сама. Я уже знала его по рассказам Ричарда. Но мы должны перенести его общество и всячески стараться занять его и его офицеров. Думаю, пока еще они не позволят себе никакой вольности по отношению к нам. Только бы поддержать их в хорошем расположении духа несколько часов... собственно говоря, мне нужно полным счетом двенадцать часов и тогда мы будем избавлены от всякой опасности.

— Почему же именно двенадцать, Саб? — любопытно спросила Вега.

— Вот прочти это, тогда узнаешь.

Сабрина показала сестре только что написанную ею записку, и когда Вега пробежала глазами набросанные на бумаге строки, спросила:

— Теперь поняла?

— Поняла. Но с кем ты хочешь послать эту записку?

— С Уинифредой. Для этого я и послала за нею Гуензс.

— Что ж ты не догадалась послать это с Рексом? Уж кстати бы. К тому же он на лошади гораздо скорее доставил бы ее.

— Его могут остановить, Вегочка. Я имела это в виду. Уини пешком скорее везде проскользнет, чем Рекс на лошади, а бежать она может с наименьшей скоростью, чем лошадь. Ей знакомы все тропинки и лазейки во всем Дин-Форесте, и лучше ее никто не умеет исполнять подобные поручения. К несчастью, может случиться, что ее нет дома, что она ушла куда-нибудь далеко. Жаль, что мы не знали сегодня поутру, когда она была у нас, того, что случится вечером.

— Да вот, кажется, она уже и идет! — воскликнула Вега, тонкий слух которой уловил вдруг раздавшиеся на лестнице шаги — одни полегче, другие потяжелее. — Да, да, это, наверное, она вместе с Гуензс.

Действительно, немного спустя, отворилась дверь и на пороге появились две женские фигуры — горничной и за ней разносчицы.

— Иди сюда, милая Уини, — позвала Сабрина разносчицу в комнату. — Как хорошо, что ты так скоро пришла.

— Я пришла бы и раньше, мисс Сабрина, но никак не могла пробраться сюда: весь Холлимид занят стражей. Увидали и не пропускают в усадьбу. Долго я думала, как бы мне пробраться к вам. Наконец мне пришлось в голову сказать, что я здешняя прачка и иду за бельем...

— Отлично придумала! — одобрила Вега. — Ну, тогда и пропустили?

— Не хотели и после этого. Но тут явился на выручку один из офицеров и велел не задерживать меня. Вы знаете этого офицера...

— Кто же это такой? — полюбопытствовали обе сестры.

— А это тот самый капитан Тревор, который бывал здесь года два назад.

— А! Странно, что он так хорошо обошелся с тобой, Уини, — задумчиво проговорила Сабрина. — Мы были уверены, что он сердится на нас и не захочет пропустить случая сделать нам неприятность. Ну, тем лучше, если мы ошибались... Но вот что, милая Уини. Я хочу просить тебя об одной услуге. Только не знаю, возьмешься ли ты...

— А почему же вы думаете, что я не возьмусь, мисс Сабрина?

— Потому что поручение, которое я хочу дать тебе, довольно опасное.

— А разве я боялась какой-нибудь опасности? Что вы, мисс Сабрина, Господь с вами! Говорите прямо, в чем дело, и я исполню все, что смогу, в особенности для вас.

— Спасибо, милая Уини. Вот в чем дело. Нужно бы немедленно доставить вот это.

И Сабрина показала разносчице свернутый в трубочку листок бумаги. Опытная в таких делах разносчица сразу поняла, что это было письмо, и поспешила сказать:

— Хорошо, мисс Сабрина, позвольте мне эту штуку, я доставлю ее куда и кому будет нужно, и никому не найти ее у меня, если бы меня и остановили на дороге.

Она взяла у Сабрины бумажную трубочку и так искусно вплела ее в густые пряди своих волос и потом так умело зашпилила эти пряди, что только тогда можно было бы постороннему человеку отыскать бумажку, если распустить все ее косы. Она даже не спросила, кому доставить письмо в Глостере, зная,

что адресатом может быть только сэр Ричард Уольвейн, которому не раз уже доставляла письма, написанные той же рукой.

— Ну, я отправлюсь, мисс Сабрина, — заявила она, поклонившись обеим сестрам.

— Когда ты думаешь попасть в Глостер? — осведомилась Сабрина.

— С Джеком и ослом мы ходим четыре часа, а одна я хожу скорее, потому что тогда не стесняюсь дорогой и пробираюсь глухими местами. Надеюсь, пробегу не более трех часов, а может быть, меньше.

— Теперь десять минут седьмого, — сказала Сабрина, взглянув на часы. — Значит, ты будешь там около девяти или немного позднее?

— Да, если меня нигде не остановят и не задержат.

— Ну, авось Бог милостив... постой, мне надо сказать тебе еще словечко на ушко. Подойди поближе и нагнись.

Сабрина была не из маленьких, но форестерская разносчица превышала ее почти на голову. Когда она нагнулась, Сабрина шепнула ей несколько слов, вызвавших на строгом лице разносчицы нечто вроде веселой улыбки.

— Хорошо, мисс Сабрина, — сказала она, отступая к двери. — А теперь пусть Гуензс даст мне побольше белья, чтобы видели, что я недаром назвалась прачкой.

Забрав большой узел белья, форестерка положила его себе на голову и, гордо подбоченившись, вышла из дома. Сестры, оставшись наедине, тревожно переглянулись. Теперь, когда их возбуждение немного улеглось, девушек охватило опасение: что если Уинифреда будет остановлена караулом и подвергнута обыску? Письмо, несмотря на все предосторожности, все-таки может быть найдено у нее в волосах, и тогда девушки окажутся сильно скомпрометированными. В письме были ясные указания, и если они не достигнут своего назначения, можно было ожидать всего самого дурного.

Прошло с четверть часа в томительном ожидании. Обе бледные как смерть сестры сидели в глубоком раздумье. С тревожно бьющимся сердцем они напряженно прислушивались к малейшему звуку, раздававшемуся в доме и вокруг него. Наконец по лестнице снова послышались легкие шаги Гуензс и через несколько секунд она с сияющим от радости лицом вошла в комнату и воскликнула:

— Слава Богу, Уини благополучно выбралась из усадьбы!

— Ты это верно знаешь? — осведомились сестры.

— Верно, верно! Ведь я провожала ее до самой наружной калитки.

— Неужели ее везде так и пропустили без остановок и опросов?

— Какое тут без остановок! — засмеялась Гуензс. — Здесь же, у черного крыльца, караульные не хотели выпустить ее, как мы обе ни спорили и ни доказывали, что если прачка спешит домой с бельем, которое дано ей вымыть к сроку, то ее нельзя задерживать. Пусть посмотрят, что в узле ничего нет, кроме белья. Но куда тебе, и слышать ничего не хотят! Совсем было задержали нашу Уини и хотели куда-то отправить, да на счастье опять подошел капитан Тревор и, когда узнал, в чем дело, велел пропустить нашу «прачку» без всяких препятствий, даже позволил мне проводить ее до задней калитки и отправил с нами солдата, чтобы передать наружному караулу его распоряжение насчет дальнейшего пропуска прачки. Дай Бог ему всего хорошего! Славный этот капитан. Жаль только, что он не из наших...

— Ну, это, пожалуй, и лучше для нас, — заметила Сабрина. — А по какой дороге она пошла?

— Побежала прямо через нее. Белье оставила в дальней сторожке, там оно будет цело. Не тащить же его с собой всю дорогу?

— Само собою разумеется... Ну, Бог даст, теперь все обойдется благополучно. Самое главное было выбраться отсюда, а в своем родном лесу, где ей знакома каждая норочка, каждый кустик, каждая самая глухая тропочка, она никому в руки не дастся.

Успокоившись, сестры занялись обдумыванием другого вопроса, также очень существенного: как успеть в короткий срок приготовить приличный обед для таких важных гостей, какими были принц Руперт с его приближенными офицерами? Относительно солдат нечего было особенно заботиться: Сабрина уже распорядилась выдать им достаточное количество провизии и пару бочек пива; готовить же себе еду они взялись сами, попросив только разрешения разложить в удобном месте костры. Но для принца и его спутников нужно было иное. Нельзя же кормить таких избалованных господ чем попало. А затем, как и чем занять гостей, чтобы они остались довольны? Трудно было молодым хозяйкам, не привыкшим к такого рода осложнениям. Пришлось позвать на совет повара. После долгих обсуждений и споров было решено, что обед должен быть отложен часа на два, а за это время повар брался сострять такой обед, что «хоть всех королей собирай со всего света, так и те остались бы довольны».

Наконец все необходимое было улажено, и молодые хозяйки могли приступить к одеванию для предстоящего вечера. Им хотелось бы просто заменить свои амазонки обыкновенным домашним платьем, но этого не допускало приличие. Нужно было почтить гостей и нарядом. А наряжаться сестрам совсем не хотелось. Во-первых, они вовсе не стремились казаться еще лучше в глазах этих «противных повес», как охарактеризовала Вега незваных гостей, а во-вторых, им было больно наряжаться еще и потому, что на сердце у них лежала забота об отце. Что будет, если Рексу почему-либо не удастся вернуть его с пути и он попадет в руки своих заклятых врагов, роялистов? Об этом страшно было и подумать. Но как бы там ни было, а одеться было необходимо. Перебрав все свои наряды, сестры наконец остановились на самых скромных, но вполне приличных для приема любого гостя, только не подчеркивающих, а скорее затемняющих природную красоту обеих девушек. Сабрина выбрала более темные цвета, а Вега на этот раз надела серое платье, вместо белого или голубого.

— А знаешь, Вегочка, — заговорила Сабрина, когда наряды уже были выбраны, но перед тем как их надеть, нужно было еще поправить прическу, и сестры уселись каждая перед своим туалетным столиком, — ведь Реджинальд Тревор сильно переменялся. Я давеча говорила с ним и была поражена: он точно переродился за то время, в продолжение которого мы с ним не встречались.

— Разве так? — удивилась Вега. — Что же могло так подействовать на него?.. Должно быть, тебе только показалось, что он изменился? Если бы это было верно, он едва ли бы остался в свите этого надутого павлина Руперта.

— Мало ли какие соображения могут удерживать его до поры до времени! А что он стал совершенно другим, чем был раньше, — это верно. В нем уж незаметно ни прежнего бахвальства, ни самодовольства, ни...

— Одним словом, — иронически перебила сестру Вега, — по какому-то волшебству все его прежние свойства исчезли и заменились... чужими! Напрасно, стало быть, ты, мудрая Саб, боялась, как бы я не увлеклась им... помнишь, когда он только что познакомился было с нами, а ты уж по уши была влюблена в своего Ричарда?

— Ах, Вегочка, какая ты насмешница! Мало ли что было! Я никогда не считала себя «мудрою», а всегда сознавала, что могу ошибиться, как и всякий другой человек, в особенности молодой. Это ты меня так прозвала, и, конечно, тоже в насмешку.

Вега молча расчесывала свои длинные и шелковистые золотистые волосы, целым каскадом окатившие ее белоснежные плечи, думая о том, что, быть может, Реджинальд Тревор и в самом деле изменился. Быть может, он искренно любил ее и ее отказ произвел в нем коренной переворот. Она слыхала, что так бывает. Вероятно, он понял, что таким, каким он был, его не может полюбить ни одна порядочная девушка. Ну и отлично, тем лучше для него, но ей, самой Веге, разве это не все равно? Его хорошее отношение к Уинифреде, конечно, стоит признательности, в которой ему не будет отказано. А дальше — какое ей дело до него? Да и Сабрина хлопочет, разумеется, только о справедливости: она видит, что человек исправился, радуется этому и хочет, чтобы радовалась и сестра...

— Ах, Боже мой, Вегочка! — раздался вдруг возглас Сабрины, уже окончившей свой туалет и смотревшей в окно. — Пойди-ка скорее сюда и посмотри, что там делается.

Испуганная встревоженным голосом сестры, Вега как была с распущенными волнами волос, так и бросилась к окну и выглянула во двор. В ворота въезжало трое всадников, в середине ехал кто-то в черной одежде гражданского покроя, а по бокам ехало по солдату в вышитых золотыми шнурами мундирах багряного цвета.

— Это Рекс! Его забрали в плен! — продолжала Сабрина, взглядевшись. — Попался-таки... Вот несчастье-то!

— Да, Саб, это действительно он, — подтвердила Вега. — Ах, какая неудача!.. Теперь одна надежда на то, что отец не успел еще выехать из Глостера.

Но и эта надежда оказалась напрасной. Едва успела Вега выразить ее, как в аллее, по ту сторону двора, появилось еще несколько багряных всадников с человеком посередине в темной же одежде. По-видимому, это тоже был конвой с каким-то пленником.

— О, Саб, да ведь это наш отец! — вскричала Вега, отскочив от окна и бросаясь на шею сестры. Крепко обхватив друг друга, сестры громко разрыдались...

Над Холлимидом спустилась ночь. Сама по себе очень темная, эта ночь освещалась множеством больших и малых огней, горевших вокруг дома и в нем самом. Октябрь шел к концу, и становилось свежо, поэтому топились все каминные в доме. Повсюду на столах и стенах сияло пламя толстых восковых свечей. Горели и спускавшиеся с потолка фигурные бронзовые канделябры.

На дворе пылали костры, вокруг которых в самых непринужденных позах расположились солдаты принца. Все они сытно и вкусно поужинали и получили по хорошей порции вина и пива, так что находились в самом прекрасном настроении. Их веселый и шумный гомон далеко разносился по тихим окрестностям.

Не менее весело, хотя и не так шумно, было и в парадной столовой дома. Там, за богато убранном столом, уставленным всякого рода прекрасной старинной фарфоровой посудой, бутылками с дорогими винами и серебряными кубками, восседали непрошеные гости. Самого хозяина дома здесь не было. Он находился в одной из соседних комнат, перед закрытыми дверями которой стояла стража.

Дочери его все еще оставались наверху. Они видели в окно, как их отца провели под конвоем, точно какого-нибудь злодея, пойманного на месте преступления. Это зрелище наполнило их негодованием и ужасом. Еще большее стало им, когда они узнали, что не только не будут допущены к свиданию с отцом, но даже к дверям его комнаты, через которые они могли бы перекинуться с ним несколькими словами. Эта бесчеловечность со стороны роялистов переполнила чашу горести девушек. Очевидно, взятие в плен их отца сулило впереди новые беды.

Злосчастные девушки страшились даже задумываться о будущем. Они могли только дрожать, плакать, молиться и со страхом прислушиваться к шагам, поднимавшимся по лестнице к ним. Хотя дверь в их комнату не была закрыта на ключ и никакой стражи к ним не было приставлено, однако они чувствовали себя в таком же заключении, в каком был их отец. Придворная челядь, находившаяся в рядах свиты принца Руперта, рыскала по всему дому, громко разговаривала и смеялась, — вообще вела себя самым бесцеремонным образом. Попасться на глаза этой нахальной челяди было небезопасно для девушек, потому что они сами заперлись в своей половине и боялись даже пошевелиться, чтобы не привлечь внимание к своему присутствию в доме.

По всему было заметно, что принц почему-то вдруг круто изменил свое первоначальное отношение к обитателям Холлимида. Сначала он был таким любезным, вежливым и обещал не допускать никаких бесчинств со стороны своих людей, а теперь, по-видимому, разрешил им не стесняться во всякого рода вольностях. Это что-нибудь да значило, но что именно?

Причина была в сущности простая. Вскоре после прибытия принца в Холлиמיד к нему явился гонец из Монмаутса с извещением о новом поражении роялистов: парламентские дружины взяли еще один из их укрепленных городов. Выведенный из себя этим неприятным известием, принц решил вполне последовать лукавому совету Ленсфорда и, сбросив с себя личину даже условной порядочности, поступить со всем семейством республиканца Поуэля, как с военнопленными, и отвести их в Бристоль. Сделавшись, таким образом, полномочным распорядителем этого семейства, он мог заставить «пикантную блондиночку» покориться его прихотям, как это уже было со многими девушками и замужними женщинами, имевшими несчастье приглядеться этому развратнику.

Усевшись вместе с Ленсфордом за небольшим столом, который приказал поставить в один из дальних углов столовой, принц вполголоса вел интимную беседу со своим соучастником. Бражничавшим за большим столом офицерам было не до того, чтобы подслушивать разговоры своего начальства; да если бы они и подслушали, то едва ли были бы возмущены содержанием этих разговоров. Понятия о чести и порядочности были им так же чужды, как и принцу с Ленсфордом.

— Как вы думаете, полковник, — сказал Руперт, — оставаться нам здесь до

утра или теперь же вернуться в Монмаутс? Мы могли бы быть там около полуночи, если выехать отсюда сейчас.

— Конечно, могли бы, ваше высочество, но зачем нам так скоро возвращаться в Монмаутс? — с удивлением спросил Ленсфорд.

— Разве вы находите это излишним, полковник?

— Да, ваше высочество.

— Почему?

— По двум причинам.

— Какие же эти причины, Ленсфорд?

— Первая причина та, что если Чепстоун действительно попал в руки неприятеля, то нам будет очень затруднительно переправиться обратно через Вайю. Да и через Северну мы едва ли проберемся с нашими слабыми силами!

— Да, это верно... Я об этом и не подумал... Ну, а вторая причина?

— Вторая причина более деликатного свойства, ваше высочество. Как вы поведете туда пленника, в особенности — пленниц, не обратив на это внимания лорда Вурстера? Вы знаете, какой он щепетильный в вопросах рыцарской чести... К тому же он не из ваших друзей...

— О да, это мне хорошо известно, и когда-нибудь я посчитаюсь с этим старым лицемерным папистом! Но по какому же тогда пути нам уйти отсюда?

— По-моему, нам следует пройти через Форест до переправы через Северну при Ньюнгеме или при Уэстбери. В обоих этих местах имеется прекрасный перевоз как для людей, так и для лошадей. Приема в два-три весь наш отряд будет перевезен на тот берег. К утру мы можем достигнуть Берчлей-Кессля. Если вашему высочеству будет угодно, мы там отдохнем, а затем проедем прямо в Бристоль, где никому уже не будет дела до того, кого мы ведем с собой в качестве пленников и... пленниц.

— Гм... Пожалуй, вы и правы... Но хорошо ли вы знакомы с тем путем, по которому предлагаете следовать?

— Порядочно знаком, ваше высочество. Но еще лучше меня знает весь Форест капитан Тревор. Ведь он довольно продолжительное время провел в этих окрестностях, когда служил под знаменами сэра Джона Уинтора и объездил всю область вдоль и поперек. Под его руководством мы не заблудимся.

— Но я слышал, как здесь кто-то говорил, что ночь чересчур темна, — заметил принц.

— Скоро должна взойти луна, ваше высочество, — поспешил успокоить его последние сомнения Ленсфорд. — Если мы поднимемся немедленно, то будет, пожалуй, и в самом деле еще темно, но часа через два появится луна. Тогда и в путь, а следующую ночь ваше высочество уже будет иметь удовольствие переночевать вновь в Бристоле в компании с некоей очаровательницей.

— Да, да, обязательно в этой компании, хе-хе-хе! — подхватил Руперт, весь красный от возбуждения вином и тем, что он называл любовью, но что, в сущности, было лишь одною из его грязно-чувственных прихотей. — Хорошо, я согласен следовать по предлагаемому вами пути. Распорядитесь, чтобы через два часа все были готовы к отъезду, а потом возвращайтесь сюда доканчивать нашу пирушку.

С этими словами принц пересел на свое председательское место за общим столом. Когда же вернулся Ленсфорд, сделав нужные распоряжения, Руперт поднял полный кубок и провозгласил:

— Пьем за прекрасных женщин, товарищи! Ленсфорд прославит их песенкой. Он на это мастер... Слышите, Ленсфорд, мы желаем, чтобы вы воспели наших утешительниц в боевых трудах и лишениях, прелестных женщин!

— Слушаю, ваше высочество. Сейчас исполню ваше желание.

Чокнувшись с принцем и остальными офицерами, Ленсфорд залпом осушил свой кубок, обтер усы и бороду и довольно звучным голосом запел песню собственного сочинения, прославлявшую роялистов, женщин-утешительниц и утехи любви и осмеивавшую «круглоголовых» противников. Припев этой песни повторялся присутствующими, и этот хор пьяных голосов гремел по всему замку, раздражая слух лишенных свободы владельцев этого чинного до сих пор дома.

Глава XXX МУЖЕСТВЕННАЯ ВЕСТНИЦА

Река Северна разлилась, и вся ее обширная долина превратилась в сплошное озеро. Вплоть до самого Вурстера на севере не видно было берегов. Казалось, снова хлынуло в свое прежнее ложе когда-то шумевшее здесь, затем исчезнувшее море.

Город Глостер превратился в остров, и часть его окраинных домов оказалась под водой. Сообщение по улицам производилось на лодках. Все шоссе-ные дороги, соединявшие город с окрестностями, также были залиты водою на несколько футов глубиной.

Этот осенний паводок и был причиной того, что мистер Эмброс Поуэль не успел вернуться домой вовремя, то есть до нашествия роялистов на его родной Холлимид. Только накануне он узнал о падении Монмаутса, и его тотчас же потянуло домой к дочерям, остававшимся там без всякой защиты. Его остановила разбушевавшаяся река, и пока он нашел возможность переправиться через нее, прошло несколько часов. Встревоженный отец дорого бы дал, чтобы превратиться в птицу и перенестись на крыльях домой, где, как он чувствовал, его дочерям угрожает опасность. А когда ему наконец удалось быть почти в виду Холлимида, на него вдруг налетели солдаты королевской армии и, узнав, кто он, привели его к нему же домой как пленника.

Несмотря на то что к Глостеру не было доступа иначе как на лошадях, Уинифреда, эта отважная девушка, не испугалась бушевавшей воды и задумала добраться до города вброд и, если необходимо, даже вплавь. Лодку она не хотела нанимать, чтобы не иметь лишних свидетелей своей экскурсии.

На башне кафедрального собора в Глостере пробило девять часов, когда Уинифреда дошла до Хайнема и остановилась на берегу новообразовавшегося от разлива озера. Луна еще медлила с восходом, и было очень темно. Однако слабый отблеск ее лучей уже отражался в воде и давал возможность различать все, что было на водной поверхности, на расстоянии по крайней мере сотни ярдов. Благодаря этому рысьи глаза молодой фюрестерки могли различить две линии растрепанных ивовых деревьев, вершины которых поднимались над водой. Эти линии обозначали то место, где пролегла затопленная шоссе-ная дорога.

Уинифреда не ожидала этого препятствия; обыкновенно Северна разливалась позднее. Но храбрая девушка не дрогнула и не подумала отступить назад,

как сделала бы на ее месте каждая изнеженная горожанка. Да, пожалуй, и не всякий мужчина решился бы поступить при данных условиях так, как поступила эта безбоязненная и самоотверженная девушка. Разувшись и подобрав повыше одежду, она смело вошла в воду, которая сначала доходила ей до лодыжек, потом стала постепенно подниматься все выше и выше. Временами отважная форестерка попадала в полосу быстрого течения, которое чуть не сбивало ее с ног. Но, собрав всю силу своего духа и тела, она мужественно боролась и с течением, и с поднявшимся ветром, яростно вздымавшим волны и трепавшим отважную путницу. В ее больших темных глазах не было ни страха перед опасностью, ни упрека в душе тем, ради которых она подвергалась опасности.

Погруженная в холодные волны реки уже по пояс, Уинифреда продолжала храбро подвигаться вперед. Ее красивое энергичное лицо выражало спокойную решимость. Возвращаться назад она и не думала, хотя — повторяем — даже не всякий мужчина проявил бы такую твердость воли и такую готовность к самопожертвованию. В крайнем случае она могла броситься и вплавь, как не раз уже делала и раньше при подобных же обстоятельствах. Но пока надобности в этом при ее высоком росте еще не было. В одном месте смелая путница погрузилась было в глубокую размоину почти по самую шею. Но и это не испугало ее. Высвободившись из ямы, путница снова очутилась на ровной почве, залитой водою только по пояс. Еще немного времени, еще несколько усилий — и форестерка очутилась у высокого укрепленного моста, за которым на противоположном берегу белела массивная башня городского собора. Теперь всякая опасность миновала и, кроме того, была близка минута свидания с любимым человеком. Ради уже одного этого Уинифреда готова была бы переплыть хоть океан. Грудь ее дышала свободно и сердце радостно билось.

Как нарочно, Роб Уайльд и в эту ночь, как и в ту, когда Уинифреда приходила с братом в Бристоль, был на часах у тех ворот, через которые она могла проникнуть в город. Уайльд сразу узнал свою невесту, когда та попросила впуска, и по-прежнему были горячи объятия и поцелуи этих молодых людей, чувство которых было так же крепко и устойчиво, как их тела.

— Господи, кого я вижу?.. Мою Уини! — задыхающимся от радости голосом бормотал Роб, с бурной страстностью прижимая к своей могучей груди не менее могучий стан возлюбленной. — Что принесло тебя сюда? Какая еще беда заставила тебя перебираться через паводок?.. Бедная моя, измокла-то как!

— Это ничего не значит, милый Роб, — возразила девушка. — Лишь бы было сделано дело, по которому я пробралась сюда...

— Дело?.. Уж не случилось ли чего-нибудь у вас, в Руардине или в Холлимиде? — спросил встревоженный ее серьезностью сержант.

— Да, именно в Холлимиде и случилось очень нехорошее, — продолжала Уинифреда. — Положим, этого надо было ожидать, раз роялисты взяли верх в Монмаутсе... Слышал ты об этом или еще не знаешь этой новости, Роб?

— Об этом мы узнали еще третьего дня. Но о Холлимиде нам ничего не известно. Уж не нашествие ли...

— Да, вчера днем пожаловал принц Руперт с отрядом конницы. Солдаты в красных мундирах, в золотых галунах; кони у них — одно загляденье. Сам он весь в золоте, бархате, перьях да бриллиантах... Я послана сюда к сэру Ричарду с письмом... Догадываешься, от кого это письмо?

— Знаю, знаю! — кивнул головой сержант. — Значит, тебя надо немедленно вести к сэру Ричарду? Или, может быть, ты сначала пообсушишься и приведешь себя немножко в порядок? В таком случае я сейчас найду тебе помещение...

— Ах нет, Роб, какое уж тут обсушиванье! — воскликнула девушка, кое-как выжавшая воду из своей одежды еще на берегу, перед входом в город. — Дорога каждая минута! Если сэр Ричард не успеет вовремя на выручку, то в Холлимде бог знает что может произойти. Знаешь ведь, на что способен Руперт?

— Знаю, знаю, для него ничего нет заветного. Должно быть, ему приглянулась одна из барышень? Был среди нас такой слух... Так пойдем скорей к полковнику, Уини, — теперь уж сам сержант торопил вестницу. — Он только что перед твоим приходом был здесь, проверял посты и дал мне приказ... Ну, да это уж дело мое... Поцелуй меня еще разок, радость моя, пойдем. Думаю, полковник теперь у себя дома.

Через минуту высокие фигуры сержанта и его невесты уже торопливо пробирались по пустынным улицам, погруженным в глубокий мрак, лишь кое-где прорезаемый огоньками скудных фонарей.

Отправившись в одну из своих многочисленных экспедиций, глостерский губернатор оставил своим заместителем полковника Браутона, а сэру Ричарду поручил начальство над конной частью и снабдил его особыми полномочиями.

Совершив вместе со своим молодым другом Юстесом Тревором вечерний обход караульных постов, сэр Ричард вернулся в свою квартиру. Озябшие на холоде, он и его спутник уселись перед топившимся камином в ожидании ужина. Губерт-трубач накрывал на стол. Этот бравый солдат так искренне был предан своему господину, с которым не разлучался с самого детства, что считал за счастье и честь услуживать ему, чем мог. Он один заменял сэру Ричарду несколько слуг.

Придвинув к господам небольшой стол, накрытый тонкой белоснежной скатертью, Губерт проворно расставил приборы, стаканы, корзины с хлебом и разные приправы к кушаньям. Потом достал из буфета заранее приготовленную бутылку кларета, откупорил ее и поставил перед прибором хозяина. Как молодой Тревор, так и более пожилой сэр Ричард любили умеренно пользоваться стаканом хорошего вина, да и то лишь за едою. Это было далеко от безобразных кутежей и попок роялистов.

Наконец Губерт принес и аппетитно пахнувшее блюдо жаркого, обложенного гарниром из овощей, и приятели принялись утолять свой голод, усиленный тем, что им в этот день случайно не пришлось вовремя пообедать.

Заморивши червяка сотрапезники разговорились о последних политических новостях, к числу которых принадлежало, разумеется, взятие Монмаутса роялистами. Сэр Ричард высказывал сожаление, что ему не пришлось защищать город, который благодаря главным образом его стараниям уже находился в руках республиканцев. Он вполне был вправе сказать, что будь командование монмаутским гарнизоном поручено ему, а не майору Трогмортону, роялистам вряд ли удалось бы снова овладеть этим городом. Трогмортон же, как человек или слишком малодушный, или, быть может, как изменник, отдал вверенный ему город почти без боя.

Дело это сильно смахивало на фарс, крайне досадный для парламента. В

описываемое время происходили заседания образованного парламентом «провинциального комитета». На этих заседаниях вырабатывались резолюции отдать под суд монмаутских мятежников и конфисковать их имения. И вдруг те самые лица, жизнью и имуществами которых распорядился — на бумаге — этот комитет, явились перед ними вооруженные с головы до ног и крикнули им грозное: «Сдавайтесь! Вы в нашей власти».

Никогда еще ни одно судебное заседание так внезапно не прерывалось, ничей авторитет не бывал так смехотворно разбит, как в этот раз. Только что с важным видом заседавшие судьи, игравшие в приговоры к высшим степеням наказания и в конфискацию укрепленных замков и поместий, были захвачены, как малые дети на месте шалости. Богато и уютно обставленная комната заседания сменилась для них темной, сырой, лишенной всякого комфорта тюрьмой. Люди, стоявшие у власти, мгновенно превратились в жалких, бесправных арестантов, какими собирались сделать других. Разумеется, для роялистов это было пустым бахвальством и веселым глумлением над противником, так легкомысленно попавшим впросак; но для последнего это был прямой стыд и позор, не говоря уж о разочаровании и горечи.

Особенно скорбели об этом событии полковник Уольвейн и капитан Юстес Тревор.

— Жаль, — говорил сэра Ричард, мелкими глотками потягивая вино, — очень жаль, что я не знал о надвигавшейся опасности в то время, когда получил от Массея приказ идти сюда.

— А что же бы вы сделали, сэра Ричард, если бы знали? — полюбопытствовал Юстес.

— Разумеется, не послушался бы Массея и направил бы свои отряды в противоположную сторону — к Монмаутсу, — горячо ответил Уольвейн.

— Да, действительно жаль, что не пришлось вам так сделать. Это спасло бы несчастный город, — убежденно сказал Тревор.

— Конечно, — подтвердил Уольвейн. — Но у нас осталось утешение: Монмаутс пал не по нашей вине. Дай Бог, чтобы нам с вами не о чем больше было горевать, Тревор. К несчастью, есть кое-что еще более близкое нашему сердцу. Подумать только, что наши невесты оставлены одни в Холлимиде. Это было прямым безумием со стороны мистера Поуэля.

— Да, и мы с Вегою находили это очень рискованным, — заметил Юстес. — Слишком тревожное время для таких... неосторожностей.

— Вот и мы с Сабриною говорили то же самое, — продолжал его собеседник. — Один мистер Поуэль ничего не хотел слушать. Его никак нельзя было убедить в существующей опасности. В конце концов я и сам стал надеяться, что все обойдется благополучно. А теперь, после падения Монмаутса, мало ли что может случиться неожиданного? Я весь холодею при одной мысли об этом.

— Нам с вами, полковник, следовало бы как-нибудь принудить мистера Поуэля последовать за нами сюда вместе с дочерьми.

— О, это было совершенно невозможно! — воскликнул сэра Ричард. — Мало ли я старался уговорить его. На него тогда нашло такое упрямство, какое иногда он вообще проявляет, и тогда ничем нельзя переубедить его... Неприятно говорить в таком духе о почтенном человеке, которого мы, вдобавок, оба уважаем еще как нашего будущего тестя. Но нельзя и скрывать правды относи-

тельно кого бы то ни было. Когда на мистера Поуэля находит упрямый стих, никакая земная сила не в состоянии сдвинуть его с той точки, в которую он уперся. Никого и ничего он не боится в это время. Помните, как неустрашимо отнесся он к вашему кузену и к Ленсфорду, когда они явились к нему за сбором денег в пользу короля? Положим, за спиной у него в тот день были мы с нашими людьми. Но и без этого он все равно стал бы бравировать с королевскими агентами, если бы даже за ними стояла целиком вся их армия. Это такая упрямая голова, каких мало на свете.

— Да, это верно, сэр Ричард, — согласился Тревор. — Но такая бравада вполне достойна уважения.

— Так-то оно так, друг мой, но и отвага, доходящая до безрассудства, может навлечь на него и на всю его семью, включая и нас, будущих членов этой семьи, всякого рода бедствия, — возражал Уольвейн, задумчиво глядя в одну точку перед собой. — И мне начинает казаться, что в Холлимиде уже что-то происходит очень дурное, — упавшим голосом прибавил он.

— В каком смысле, полковник? — спросил Тревор, невольно заражаясь беспокойством своего начальника и друга. — Может быть, вам мерещится какая-нибудь особенная опасность?

— Именно так. И эта опасность угрожает нашим милым невестам, — тем же тоном ответил сэр Ричард.

— Но какая и от кого?

— Вы лучше спросите: откуда? И я вам отвечу: из Монмаутса. Мне чудится, что роялисты, овладев этим местом, захотят прогуляться по Динскому лесу и, кстати, посетить прославленный своей оригинальностью Холлиמיד. Вы понимаете, что в этом-то и кроется опасность для тех, кто нам так безгранично дорог.

— Но ведь мистер Поуэль отправился уже за ними. Наверное, он поспел вовремя и ваша боязнь совершенно напрасна, сэр Ричард.

— Вовсе не напрасна, друг Тревор. Могло случиться, что он опоздал. Мало ли что бывает в пути! Если он успел добраться до своего поместья вовремя, то, конечно, ни одной лишней минуты не задержится там. Но что он вовремя прибыл туда, я сильно сомневаюсь. Ведь как назло случился такой ранний осенний паводок, который мог задержать нашего милого упрянца на первых же шагах. Наверное, ему пришлось горько раскаиваться в том, что не послушал наших добрых советов.

— Ну, Бог даст, этого не случится! — вскричал совсем приунывший Юстес. — Я не перенесу несчастья, на которое вы намекаете.

— Ия также, — с глубоким вздохом проговорил сэр Ричард. — Будь Массей здесь, я отпросился бы у него в Холлиמיד — посмотреть, что там делается... Впрочем, — продолжал он, ударив себя рукой по лбу, как человек, осененный новой мыслью, — отчего бы мне не сделать этого и по собственной воле.

— А ведь и в самом деле, полковник! — подхватил сразу повеселевший Тревор. — Мы успели бы побывать там и вернуться назад еще до рассвета.

Сэр Ричард молчал, видимо обдумывая шансы такого предприятия. Но через минуту он уже встряхнулся, вскочил на ноги и со свойственной ему решительностью проговорил:

— Рискну, чего бы мне это ни стоило! Едемте сию же минуту. Я возьму с собой собственный отряд, которым могу распоряжаться как хочу. Эй, Губерт! —

крикнул он.

— Что угодно, полковник? — послышался бодрый голос преданного трубача, появившегося из передней, в которой он находился.

— Беги скорее в казармы и труби нашим людям сбор! — распорядился сэр Ричард.

— Слушаю, полковник.

Схватив мимоходом в передней свою неизменную сигнальную трубу, Губерт в буквальном смысле слова бросился бежать к казармам. Он знал, что когда его полковник отдает приказание таким тоном, как сейчас, то нельзя медлить ни минуты.

— Тревор, — обратился сэр Ричард к своему капитану, — пошлите за Гарлем и другими офицерами... Или, еще лучше, отправляйтесь сами за ними... Вы знаете, где они стоят?

— Знаю, полковник.

— Приведите их как можно скорее. Хорошо бы нам всем через полчаса быть уже в седлах.

Юстес вполне был с этим согласен и поспешил выйти из комнаты, а затем и из дому. Но лишь только он вышел на улицу, как тотчас столкнулся с мужчиной и женщиной. В мужчине он сразу узнал сержанта Уайльда, а в женщине — разносчицу Уинифреду.

Появление здесь разносчицы, служившей вместе с тем и тайной вестницей, поразило Тревора. Он понял, что она недаром явилась сюда в разлив и, вероятно, шла к сэру Ричарду с делом, так сильно волновавшим его и сэра Ричарда.

— А, здравствуйте, Уинифреда! — воскликнул молодой человек в ответ на ее поклон. — Я и не знал, что ты в Глостере.

— Да она всего с четверть часа и находится здесь, капитан, — ответил за девушку сержант. — Я только что впустил ее в ворота. У нее есть к полковнику весточка от барышень.

— Да? Ну, пусть идет... Впрочем, сначала идите сами к полковнику, сержант, и доложите ему о ней.

Это было в порядке вещей. По военному уставу, никакое постороннее лицо не может войти к начальствующему офицеру без его предварительного разрешения. Роб, как сам военный, не подходил под это правило. Но когда тот уже шагнул через порог в полковничью квартиру, Тревор по какому-то внутреннему побуждению последовал за ним.

— В чем дело, Уайльд? — осведомился сэр Ричард, увидев встревоженного сержанта. — Благополучно ли на вашем посту?

— Вполне благополучно, полковник.

— Так какие-нибудь новости?

— Так точно, полковник, только не из добрых.

— Что же случилось?.. где?

— Вести из Руардина или, вернее, из Холлимида.

Полковник с капитаном наострили слух. Никакое место на всем земном шаре не имело для них такого значения, как Холлиמיד, и ниоткуда оба так жадно не ждали вестей, как именно из этого местечка.

— Говорите скорее, сержант, что вам известно оттуда! — последовал приказ Уольвейна.

— Туда забрался на стоянку отряд королевской конницы, полковник, — докладывал Уайльд.

— О, Господи, вот беда-то! — вскричал побледневший Тревор.

Сэр Ричард тоже казался сильно пораженным.

— Откуда вы это узнали? — спросил он сержанта.

— От Уинифреды, полковник.

— Разве она пришла оттуда?

— Так точно. Она перебралась вброд через разлив и находится здесь за дверями. У нее есть письмо от барышень.

— Приведите ее сюда скорее.

— Слушаю, полковник.

— Какое странное совпадение, Тревор! — обратился сэр Ричард к Юстесу, когда вышел сержант. — Роялисты уже в Холлимиде: случилось как раз то, чего мы боялись.

— Да, и я о том же сейчас думаю, — сказал Тревор. Тем больше основания поспешить нам туда.

— Чей это может быть отряд, как вы думаете, Тревор? Не Линджена ли?

— Роб говорит, что они там остановились. С какой же стати останавливаться Линджену так близко от его Гудрича? Вернее всего, это лорд Герберт или, быть может, даже...

— Да, Тревор, если это отряд не лорда Герберта, то кое-кого похуже... Ну, мы сейчас узнаем это от самой Уинифреды или из письма.

Дверь вновь отворилась, и в нее вошла вестница из Дин-Фореста в сопровождении сержанта. Промокшая насквозь одежда плотно облепила статную и классически очерченную фигуру великанши, а ее тяжело дышавшая грудь и горевшее румянцем лицо свидетельствовали о только что перенесенных ею затруднениях в поспешном пути.

— У тебя есть письмо ко мне, моя милая? — поспешил спросить Уольвейн, когда она, остановившись перед ним, почтительно поклонилась ему.

— Есть, ваша милость, из Холлимида.

С этими словами форестерка подняла руки к копне своих черных волос, вытащила спрятанную бумажную трубочку и вручила ее сэру Ричарду.

Последний не был удивлен таким видом записки. Он уже не в первый раз получал подобные записки из рук той же вестницы и таким же путем. Развернув записку, он поднес ее к свету лампы и быстро прочитал. Ее содержание еще более усилило его тревогу.

— Уайльд, — скомандовал он, — живо в казармы! Поднимите весь наш эскадрон, чтобы он немедленно готовился в путь. Губерт, вероятно, уже там и трубит сбор. А вы подгоняйте людей... Тревор, — обратился он затем к Юстесу, передавая ему записку, — прочтите-ка это письмо. В нем есть кое-что, касающееся и вас.

Затем он стал расспрашивать Уинифреду, что она видела и слышала в Холлимиде. Между тем Юстес пожирает глазами следующие строки:

«Сообщаю вам, дорогой Ричард, дурные вести. Явился принц Руперт с отрядом королевских кавалеристов, человек около двухсот. Прибыл только что сейчас, под вечер, и намерен остаться на ночь под предлогом дожидаться нашего отца. Надеюсь, отец без вас не поедет домой. Боюсь, что в том случае, если он все-таки уехал сюда один, роялисты захватят его. В свите принца находятся

ужасный Ленсфорд и Реджинальд Тревор. Посылаю к вам Уинифреду с этим письмом. Подробности она передаст вам изустно. Опасаюсь тратить лишнее время на писание... Дорогой Ричард, спешите к нам на помощь, если можете».

Внизу была приписка, сделанная другой рукой:

«Милый Юстес, мы в большой опасности!»

Подписей не было. Да в них и не нуждались те, кому были адресованы эти краткие, но многозначительные строки.

— Прочитали, Тревор? — спросил Уольвейн, видя, что глаза его молодого друга замерли на последних строчках, приписанных рукою Веги.

— Прочитал, сэр Ричард, — ответил молодой человек, проводя рукой по лбу и как бы отгоняя засевшее в мозгу тяжелое впечатление. — Да, чего мы боялись, то и случилось.

— Поспеем! — уверенно сказал сэр Ричард. — Одевайтесь скорее!

Немного спустя оба офицера, наскоро расспросив вестницу о самом важном, уже были в казармах, откуда во главе своего эскадрона направились к выезду из города.

Глава XXXI ОПОЗДАЛИ

Поднявшаяся луна то и дело скрывалась за бежавшими по небу темными облаками, и тогда на земле вновь наступал полный мрак. Но в промежутках между затмениями было достаточно светло.

В один из таких светлых промежутков конница полковника Уольвейна, отличавшаяся зелеными мундирами и петушиными перьями на шляпах, быстро поднималась от Мичельдина в нагорную часть Дин-Фореста.

Благополучно переправившись через разлив, эскадрон галопом примчался в Мичельдин. Там, не слезая с лошадей, офицеры навели справки о мистере Поуэле и узнали, что он в послеобеденные часы проезжал через этот городок один верхом и, по-видимому, очень торопился.

— Ну, значит, он теперь в руках роялистов, — пробормотал себе под нос сэр Ричард и снова пустился в путь.

Пользуясь тем, что начинался крутой подъем на гору, по которому можно было ехать только шагом, сэр Ричард вступил в беседу с Юстесом, ехавшим рядом.

— Ах, как жаль, — начал он, — что в письме не указано точное число кавалеристов, нахлынувших в Холлимид. Сабрина пишет: «человек около двухсот». Это очень неопределенно...

— А что говорила о численности их разносчица? — спросил Юстес. — Ведь вы расспрашивали ее.

— Она тоже не могла сказать ничего, кроме того, что кавалеристы окружили и заняли всю усадьбу и что их много. Таким образом, мы только на месте можем узнать, со сколькими саблями нам придется иметь дело.

— Лишь бы было с кем скреститься шпагами, — заметил Юстес.

— Уж не думаете ли вы, что незваные гости успеют убраться до нас? — спросил не без тревоги сэр Ричард.

— Опасаюсь этого, — ответил Юстес. — Мистер Поуэль должен был вернуться домой под вечер. Наверное, роялисты захватили его в плен. После это-

го им незачем было и оставаться в Холлимиде.

— Но почему же? — возражал сэр Ричард, продолжая, однако, волноваться. — Если они явились из Бристоля, — а это ведь не так близко, — то должны порядком устать и пожелать провести ночь на отдыхе. Мне думается, они именно из Бристоля.

— А мне думается, что принц пожаловал из Монмаутса, — возражал в свою очередь Юстес. — Наверное, его привлек туда совершившийся переворот. И если он действительно явился в Холлимид из Монмаутса, то, забрав, кого нужно в плен, теперь мог уже вернуться и назад: Монмаутс не так далеко от Холлимида, как Бристоль.

— Если вы правы, друг мой, то нам предстоит большое разочарование и эта ночь будет для нас очень горькая! — заметил после некоторого размышления сэр Ричард. — Если принц уже покинул Холлимид, то, разумеется, в сопровождении не только самого мистера Поуэля, но и его дочерей... Гм!., да! Руперт, Ленсфорд да ваш милейший кузен — хорошая, нечего сказать, компания! Ни один из них не упустит случая «позабавиться», как они это называют, с беззащитными женщинами! Ваш кузен еще особенно рад будет возможности насолить вам почувствительнее. Вы во многих отношениях стали ему поперек горла.

— Да, это верно, — поддакнул Юстес. — Я знаю, что мне еще предстоит скрестить с ним оружие, и тогда уж окончательно «перейду ему дорогу». Мы клятвенно обещали друг Другу, что при первой же встрече на поле сражения будем биться без пощады. Если по его вине случится что-нибудь недоброе с Вегой, то, клянусь, я ни за что не пощажу его!

— И хорошо сделаете, друг Тревор. Я уверен, что вам недолго придется ждать этой встречи.

— Стало быть, вы все-таки убеждены, что принц еще в Холлимиде? — с живостью спросил Юстес.

— Скорее рассчитываю на это, — ответил сэр Ричард. — Рассчитываю же я потому, что Руперт, как известно, большой любитель пображничать, Ленсфорд — тоже. В Холлимиде же такие хорошие погреба и кладовые. Наедятся всласть, напьются и не захотят, а то и прямо будут не в состоянии двинуться с места до утра. Это тем более возможно, что они не ожидают никаких сюрпризов, вроде, например, нашего появления среди них, и, уверенные в полной безопасности, наслаждаются за обильно уставленным столом.

— Ну и пусть наслаждаются хоть до утра или, лучше сказать, до нашего прибытия! — воскликнул Юстес.

— Да, если мы их застанем в Холлимиде, то в эту ночь там польется не одно вино! — глухо проговорил сквозь стиснутые зубы сэр Ричард. — А, друг Ленсфорд! — в порыве жгучей ненависти продолжал он, — вы думаете, я забыл о вас? Нет! И клянусь, если нам суждено встретиться в эту ночь, то она будет для вас последнею!

Угроза эта была вызвана, главным образом, прежними намеками Сабрины на дерзкое отношение к ней Ленсфорда, подтвержденными ею в только что полученном сэром Ричардом письме выражением «ужасный Ленсфорд». Такое выражение доказывало, что девушка сильно опасается этого человека.

Юстес Тревор также горел желанием сдержать свое обещание свести последние счеты с Реджинальдом именно в эту ночь. Горе Реджинальду, если он

осмелился хоть одним словом или даже взглядом оскорбить Вегу! Не ждать ему тогда никакой пощады, как бы он ни умолял об этом.

Во время этих монологов-размышлений Ричард и его спутник очутились на том самом месте, где два года тому назад произошла их первая встреча, начавшаяся ссорой и окончившаяся дружбой. С признательностью судьбе вспомнили об этом всадники, но с совершенно другим чувством — их кони. Под единодушным впечатлением происшедшего эти чувствительные четвероногие вдруг остановились как вкопанные и, обернувшись друг к другу мордами, принялись яростно фыркать и бить копытами землю, словно собираясь вступить в бой. Это было тем более странно, что они, подобно своим хозяевам, жили в большой дружбе между собою.

Посмеявшись над этой курьезной сценой, друзья потрепали своих коней по крутым шеям и успокоили их уверением, что им, коням, нет никакой надобности ссориться, потому что этой надобности не имеется и у их хозяев. Умные животные поняли, радостно заржали и с удвоенной энергией поскакали дальше.

Этот маленький инцидент, наверное, послужил бы темой для новой оживленной беседы между всадниками, если бы в эту минуту их внимание не было отвлечено другим обстоятельством. В стороне Руардина они вдруг заметили на небе какой-то яркий отблеск, который никак не мог быть приписан лунному свету. Этот отблеск даже усилился, когда луна снова исчезла в покрывавших ее бродячих тучах. Нетрудно было догадаться, что это — зарево пожара.

— Дом горит! — вскричал один из солдат, показывая в ту сторону.

— Может быть, не дом, а просто стог сена, — заметил Другой.

— Какое тут сено! — кричал третий. — Зарево такое большое, словно горит целый город!

— В этой стороне нет города, кроме Руардина, куда мы и едем, — послышалось чье-то возражение.

— Так разве по этой причине Руардин не может гореть? — иронизировал первый солдат. — Должно быть, горит церковь...

— И отличное бы дело, если так! — воскликнул один ярый пуританин. — Всем бы этим папистским церквям со всеми их алтарями да статуями зараз превратиться в мусор! Эти церкви с их причтом — прямая пагуба для страны. Духовенство заодно с пакостными роялистами — значит, идет против парламента и народа.

— Верно, товарищ! — отозвался другой такой же завзятый противник папизма. — Если окажется, что это горит не церковь, то давайте подожжем ее, когда доедем до нее. Надо же наконец покончить с этим злом.

Предложение это было встречено хором сочувствующих голосов. Ехавшие во главе отряда не вслушивались в беседу солдат, а вели свой разговор.

— Что-то где-то горит, — сказал сэр Ричард. — Должно быть, близ Руардина, по ту его сторону.

— А я опасюсь, что... — начал было Юстес, но от волнения не мог продолжать и только прошептал со вздохом: — О, Господи!

— Что вы хотели сказать, Тревор? Договаривайте! — с тревогой вскричал сэр Ричард. — Уж не думаете ли вы, что горит Холлиמיד?.. Да, в самом деле, похоже... Зарево правее Руардина... Эй, шевелись живее! — скомандовал он, обернувшись к отряду, и прибавил про себя: — Авось, Бог даст, поспеем, чтобы

спасти...

Но и он не мог договорить по той же причине, что и Юстес.

В глубоком молчании отряд вихрем пронесся через погруженный в крепкий сон Дрейбрук, переправился через узенькую речку, быстро поднялся по отлогой извилистой дороге у подошвы Руардин-Хилля и остановился для минутной передышки лишь в Руардине. Этот городок, как и Дрейбрук, был погружен в мирный сон, но никакого пожара в городке не было.

Снова пустились в путь и, отъехав на некоторое расстояние от Руардина, все убедились, что горит действительно Холлимид.

Всадники еще более усилили бег своих коней и неслись точно на крыльях, стараясь не отставать друг от друга. Когда достигли наконец парка, всем бросились в глаза уже догоравшие остатки живописного усадебного дома, основанного еще во времена Тюдоров. Но ни на пожарище, ни вокруг него не было ни одной живой души.

Сэр Ричард и Юстес Тревор замерли в ужасе...

— Ну, здесь нам делать нечего! — с горечью выговорил наконец сэр Ричард. — Злодеи подожгли усадьбу и увели с собой в плен всех ее бывших владельцев... Вдогонку! — с такою силою рявкнул он, что некоторые из лошадей испуганно взвились на дыбы и шарахнулись в сторону.

И тем же путем, каким ехал сюда, отряд понесся назад. Однако куда же именно направить преследование? Роб Уайльд был послан отыскать следы ушедшего из усадьбы эскадрона принца Руперта. Эту задачу сержант-великан выполнил быстро. Вернувшись к своему полковнику, ожидавшемуся во главе своего отряда на перекрестке, он доложил, что следы ведут к Дрейбруку.

— Стало быть, и к Мичельдину. Почему же мы в таком случае не встретились с ним, когда ехали сюда? — изумлялся сэр Ричард.

— Это объясняется очень просто, полковник, — сказал Роб. — Весь лес изрезан боковыми тропинками, причем некоторые из них короче большой дороги. Должно быть, такую тропинкою он и ехал.

— Может быть. Но через Дрейбрук и Мичельдин дорога идет, насколько мне известно, только на Глостер. Неужели этот разбойничий атаман не боится идти в область, занятую нами? — недоумевал Уольвейн.

— Он может миновать ее, — возразил сержант. — Возле Эбенхолла путь разветвляется: один идет в Глостер, а другой — в Уэстбери, где Руперт найдет своих.

— Да?.. Ну, хорошо, увидим, — проговорил Уольвейн и прибавил: — Поезжайте вперед, сержант, и ведите нас по следам врага. Дай Бог, чтобы мы настигли его хоть при переправе через одну из рек!

Глава XXXII

БОЙ СРЕДИ ПАВОДКА

Между тем принц Руперт и его эскадрон уже подъезжали к переправе через Северну при Фремилоде. Ближайшая переправа при Уэстбери оказалась настолько неудобной и рискованной по своей близости к Глостеру, что пришлось направиться к другой. Это затягивало и затрудняло путь, но было безопаснее. Ленсфорду пришло в голову соображение, что можно ожидать погоны со стороны полковника Уольвейна. Наверное, до него уже донеслась весть о посещении им, Ленсфордом, и принцем Рупертом Холлимида. Получив эту весть, полковник тотчас должен был подняться со своим отрядом на помощь обитателям Холлимида. Побывав же там и увидев только пожарище, зеленая конница форестерцев скачет теперь по следам багряной королевской конницы. Может быть, подумают, что Руперт переправился через разлившуюся Северну при Кэстбери, и захотят сделать то же самое. Но это будет их гибелью: вода в том месте так глубока, стремительность ее так велика, что сунувшиеся в нее сгоряча лошади не в силах будут с ней бороться.

Принц Руперт хотя и послушался доводов Ленсфорда, но с очень тяжелым сердцем решил следовать к другой переправе. Ему хотелось как можно скорее достичь Берклея, где он мог бы укрыться со своими пленниками, а главное — с пленницами. Он тоже был вполне уверен, что за ним погонится полковник Уольвейн, чтобы отбить у него лакомую добычу. К чести этого возвращенного немецкого принца нужно сказать, что он далеко не страдал трусостью; напротив, он был одним из храбрейших среди роялистов. Но голова его отяжелела после чересчур усердного возлияния Бахусу за ужином, и ему очень хотелось хорошенько выспаться, вместо того чтобы скакать ночью сломая голову по горам и оврагам, лесам и перелескам, переправляться через разбушевавшиеся реки и ждать встречи с полудикими форестерцами. Все это во все не улыбалось принцу, и он сильно нервничал.

Но вот добрались наконец до переправы при Фремилоде, находившейся милях в двух выше уэстберийской. Поскольку переправа должна была занять много времени, принц распорядился оставить на берегу арьергард настолько сильный, чтобы в случае надобности он мог отбить преследователей. Для этого приходилось оставить треть всего отряда. В той трети, которая следовала непосредственно за вождями, находились и холлимидские пленники. Все они, не исключая дам, были закутаны в длинные военные плащи с опущенными на лица капюшонами; это было сделано, чтобы скрыть их от взоров возможных встречных в пути. Пленники сидели на лошадях, которыми сами и управляли, но были так сжаты по сторонам конвоирами, что у них не могло явиться и мысли о побеге.

Начальство над арьергардом было поручено Реджинальду Тревору. Поместившись среди деревьев, спускавшихся с горных высот до самой реки, Тревор мог видеть приближение неприятеля с тыла, не будучи сам им замечен, и это предоставляло ему некоторое преимущество. Он должен был задерживать преследование до последней возможности, а с ним самим и его отрядом будь что будет, лишь бы была достигнута главная цель — благополучная переправа принца и Ленсфорда с пленниками. В случае же отсутствия погони арьергард

мог переправляться сам по сигналу со стороны авангарда, когда тот очутится уже в безопасности на противоположном берегу.

Никто из офицеров принца Руперта не был так приспособлен для охраны переправы, как Реджинальд Тревор. Он отлично знал местность, примыкавшую к его родовым владениям, и отличался выдающимся мужеством и стойкостью. Но несчастье принца заключалось в том, что он не знал того, что творится в душе и сердце этого офицера.

А сердце Реджинальда Тревора было очень беспокойно с самого отъезда из Бристоля. Капитан знал, куда и зачем едет принц, и это страшно мучило его. Не менее мучила его и необходимость рекомендовать этого принца той самой девушке, которую он сам, Реджинальд, не переставал любить и которую Руперт намеревался превратить лишь в игрушку своей мимолетной прихоти. Теперь же вдобавок на него была возложена и обязанность помогать высокородному повесе вести эту девушку туда, где она могла лишиться чести и всех надежд своей молодой, цветущей жизни.

Раньше совсем опустившийся в среде роялистов, которая была школой всяческого разврата, Реджинальд в последнее время словно переродился или, вернее, возродился, сделавшись снова таким же чистым, каким был во дни своего юношества в родительском доме. И это чудо совершила любовь к чистой девушке. Неужели же он мог равнодушно присутствовать при позоре этой девушки и даже быть участником и пособником в нанесении ей этого позора?

Стоя на своем посту и следя за переправой авангарда через разлив, он мучился непримиримым противоречием чувств. В нем спорили две обязанности — обязанность честного человека и долг службы, и ему было невыносимо тяжело при таком внутреннем разладе.

Наконец, повинувшись голосу совести, превозмогшему голос службы, он выдвинул свой отряд прямо на берег, вне всякого прикрытия, и отдал приказ держаться на месте и не открывать стрельбу, пока он не скомандует. Потом медленно поехал один назад по только что пройденной дороге и шагах в пятидесяти от места стоянки отряда остановился. Этот маневр показался солдатам странным; но так как они не слышали распоряжений принца и были твердо уверены в преданности своего капитана королю, то подумали, что он действует по каким-нибудь тактическим соображениям.

Между тем, в сущности, Реджинальд изменился не только с нравственной, но и с политической стороны. Эта перемена была так глубока, что он готов был пасть первым в бою с ожидаемыми преследователями, лишь бы вместе с тем был уничтожен весь конвой принца Руперта, а уводимые им пленники и пленницы были спасены. Приглядевшись поближе к грязной оборотной стороне внешне блестящего роялизма, он почувствовал к нему такое же непреодолимое отвращение, какое побудило и его двоюродного брата Юстеса покинуть роялистов.

Теперь, в особенности за последний день, отвращение это достигло такой непреодолимой силы, что сделало из прежнего ярого роялиста такого же ярого республиканца, мечтавшего о том, как бы сбросить с себя опротивевший ему королевский мундир, которым раньше он так гордился. Он очень жалел о том, что не сделал этого до сих пор, отстав где-нибудь по дороге сюда, например в Мичельдине. Там был удобный случай. Стоило ему войти в первый попавший

дом и заявить о своем намерении, его встретили бы с распростертыми объятиями и помогли бы ему присоединиться к парламентским войскам.

Напряженно вслушиваясь, не раздастся ли в ночной тиши шум погони со стороны Уэстбери, Реджинальд молил судьбу, чтобы его страстное желание осуществилось. Как был бы он счастлив, если бы вдруг из-за поворота дороги показался несущийся отряд зеленой конницы и раздался бы ее грозный военный клич: «Бог и парламент!» Только одно это и могло еще спасти Вегу. Но нужно, чтобы это случилось вовремя, немедленно; через какой-нибудь час прекрасная девушка будет уже за крепкими стенами Берклей-Кессля, куда и он должен будет последовать, лишенный всякой возможности помочь несчастной жертве роялистской разнузданности. Там он ценою даже своей жизни не будет в состоянии спасти ее. Да, теперь под очистительными чарами любви к Веге прежний себялюбивый Реджинальд Тревор охотно отдал бы за эту девушку свою жизнь.

Кругом царила глубокая тишина. Шумели только воды, да изредка слышался крик ночной птицы, перепархивавшей в ветвях деревьев. Стучали копыта и бряцали удила лошадей. Шумела в воде переправлявшаяся часть конницы. На далекое же расстояние кругом все было погружено в безмятежный ночной покой.

Так прошло сколько-то времени. Вдруг донесшийся издали смутный гул заставил Реджинальда встрепетаться и более прежнего напрячь слух. Беспрепятственно сиявшая в эту минуту луна ярко освещала красивое и мужественное лицо молодого человека. Посторонний наблюдатель мог бы заметить теперь на этом лице, до сих пор таком печальном, и в его открытых блестящих глазах выражение безумной радости.

Как принц Руперт со своими друзьями опасался погони со стороны Уольвейна, так Реджинальд Тревор желал ее. Он был уверен, что пленницы через кого-нибудь из своих людей или преданных друзей из местного сельского населения да ухитрились сообщить сэру Ричарду о надвинувшейся на них грозной опасности. Получив об этом известие, храбрый полковник, конечно, ни минуты не промедлит и с отрядом сейчас же бросится на помощь к своей невесте и ее сестре. Догадавшись на месте, что принц забрал в плен всю семью Поуэль и, поджегши усадьбу, с этой живой добычей поспешил назад в один из своих городов, сэр Ричард попытается догнать его и отбить у него драгоценную добычу. Иначе не могло быть. И вот теперь эта погоня действительно уже приближается.

Убедившись в том, что не ошибся в своих ожиданиях, Реджинальд вернулся к своим драгунам, но в полной нерешительности: сдать ли сразу неприятелю или до конца исполнить принятое на себя обязательство защищать интересы знамени, которому служил столько времени? Заметили ли солдаты приближение погони и, приготовив мушкеты, ожидали команды открыть огонь, но ожидали напрасно. Даже тогда, когда зеленая конница была уже совсем близко и по всей окрестности разнесся ее бодрящий клич: «Бог и парламент!» — Реджинальд Тревор молчал и не делал никаких распоряжений к обороне.

Положим, солдаты были довольны бездеятельностью своего начальника. Они видели, что противник во много раз превосходит их своей численностью. Схватиться с таким сильным неприятелем — значило прямо идти на верный

и бесславный убой. Поэтому будет гораздо лучше, если начальник крикнет: «Прошу пощады!» — тогда и они охотно присоединят к его голосу свои голоса.

Их желание исполнилось немного спустя, когда оба отряда сошлись лицом к лицу.

Впереди зеленых кавалеристов сэра Ричарда Уольвейна летел Юстес Тревор с обнаженной саблей в руке. Он первый узнал своего кузена в начальнике неприятельского отряда и неся прямо на него. Едва успел обнажить свою саблю Реджинальд, как она с громким лязгом скрестилась с шпагой Юстеса.

— А, наконец-то! — весь дрожа в пыли воинственности вскричал Юстес. — Наконец-то мы встречаемся с оружием в руках и можем выполнить свой уговор. Исполняя его, я кричу вам: «Без пощады!»

— А я, — ответил Реджинальд, — кричу: «Прошу пощады!»

Пораженный этой неожиданностью, Юстес поспешно опустил оружие и спросил:

— Как мне понимать ваши слова, капитан Реджинальд Тревор?

— Понимайте их, капитан Юстес Тревор, в том смысле, что я не служу больше ни принцу, ни королю, а с этой минуты посвящаю себя и свое оружие на службу парламенту, — пояснил Реджинальд.

— О, да благословит тебя Бог, дорогой Редж! — мгновенно переменяя свой враждебный тон на сердечный, произнес обрадованный Юстес и протянул кузену руку. — Какое счастье... Я думал, мы будем крошить друг друга, а ты вот как...

— Ну, я-то едва ли стал крошить тебя, но предоставил бы тебе удовольствие крошить меня на какие угодно мелкие части, — с улыбкой заметил Реджинальд.

— Разве?.. Да ты совсем изменился, Редж, прямо до неузнаваемости! Что такое случилось с тобою?.. Впрочем, теперь не время для таких разговоров...

— Действительно, не время, Юст. Видишь, как улепетывают принц Руперт с Ленсфордом и со своими пленниками...

— Вижу. Ну, мы их немножко подзадержим... Ты ведь теперь с нами, Редж?

— Конечно, с вами, Юст. Соединим наши отряды — мой, как заметно, ничего не имеет против этого хотя бы из одного чувства самосохранения, — и марш вслед за разбойниками!

Подоспевший в это время сэр Ричард решил, что лучше хоть для вида обезоружить королевских драгун арьергарда, хотя на его вопрос те заявили, что давно уже думали уйти от короля и только ждали удобного случая сделать это. Сержант Роб Уайльд отобрал у всех красномундирников оружие и поместил их в середине собственного эскадрона. После этого вся объединенная кавалерия бросилась в воду, вдогонку принцу.

Шум новой переправы заставил оглянуться задние ряды передового отряда принца Руперта. Смутно различив в полумраке очертания коней и всадников, драгуны авангарда подумали, что их нагоняют почему-то товарищи арьергарда и крикнули:

— Наши бегут с берега.

Крик этот, передаваемый из ряда в ряд, быстро достиг до слуха принца.

— Бог мой! — вскричал он на своем пестром жаргоне, обернувшись назад. — Что бы это могло значить, полковник? Почему арьергард следует вслед за нами, не дождавшись сигнала с нашей стороны? Как вы думаете?.. Потом,

смотрите, разве такое огромное количество людей было оставлено с Тревором?.. Уж не круглоголовые ли это?.. Но как же они тогда могли ускользнуть от внимания арьергарда?

— Едва ли это наши, ваше высочество, — отвечал Ленсфорд, всматриваясь в густые колонны, видимо имевшие намерение следовать за ними по пятам. — Это что-то другое... Можно предположить только, что круглоголовые захватили врасплох Тревора с его отрядом, и притом так ловко, что он не мог оказать никакого сопротивления, и всех наших забрали в плен, а теперь вот хотят преследовать нас.

Пока принц и Ленсфорд с недоумением переговаривались, погоня приближалась; даже стали слышны крики: «Бог и парламент!» До противоположного берега было еще далеко, да и вообще показывать спину наступающему неприятелю не в обычае храбрых людей. Лучше обернуться к врагу лицом и встретить его, как подобает, с оружием в руках.

Принц повернул свой отряд обратно. Отряд полковника Уольвейна приближался. Встреча произошла приблизительно посередине разлива. Лошади стояли в воде по брюхо, хотя под их ногами и была шоссейная насыпь, которой держались обе стороны, так как вокруг этой насыпи вода была еще глубже. Появившаяся в это время луна освещала редкую картину боевой схватки двух кавалерийских отрядов в воде.

Первый же напор зеленомундирников был настолько силен, что роялисты сразу понесли большой урон. Красномундирники один за другим валились с коней, пораженные метким сабельным ударом или пулей. Немного спустя весь отряд принца дрогнул и подался назад. Многие из красномундирных солдат стали искать спасения вплавь.

С обнаженной саблей в руке и кощунственной бранью на устах принц Руперт прокладывал себе путь по расстроенным рядам своих драгун. Рубя направо и налево, он старался пристыдить, устрашить, остановить бегущих. Но тут он вдруг очутился лицом к лицу с человеком, одно имя которого наводило на него, самого храброго бойца, панический ужас, — с сэром Ричардом Уольвейном, с которым ему и пришлось скрестить оружие.

Первый удар сэра Ричарда был ловко отпарирован принцем, но при втором сабля Руперта была выбита у него из руки и, описав в лунном свете широкую сверкающую дугу, с плеском упала в воду. Это был тот же самый прием, которым Уольвейн некогда обезоружил Юстеса Тревора.

С проклятьями Руперт выхватил из кобуры пистолет и направил было его в противника. Но в это время перед ним выросла фигура другого человека, которого ему еще приятнее было бы лишить жизни.

— А! Подлый изменник! Гнусный ренегат! — с пеною у рта прохрипел принц. — Это вы предали нас врагу... Получайте же за это достойную награду!

И принц выстрелил, но не в сэра Ричарда, а в Реджинальда Тревора и вышиб его из седла. На смену одному Тревору перед принцем встал другой, стремившийся нанести ему удар в грудь шпагою.

Между тем сэр Ричард увидел Ленсфорда, с которым ему главным образом и хотелось схватиться. Однако трусливый Ленсфорд был не из тех, которые способны держаться стойко при виде явной опасности. Притом он знал, что в искусстве владения оружием он совершенно бессилен по сравнению с Уольвейном. Боясь за свою шкуру, не дорожа своей честью, этот малодушный чело-

век вдруг круто повернул коня и, показав сэру Ричарду спину, исчез среди общей сумятицы. Его примеру последовал и принц, обезоруженный Юстесом Тревором, не успевшим только взять его в плен.

Вообще, красномундирники все до одного или спасались бегством, или просили пощады и сдавались в плен. Часть же их была перебита или утоплена. Храбрые форестерцы подвигались вперед, пока не добрались до пленников принца Руперта, оставленных своими конвоирами среди воды на произвол судьбы.

— Сабрина!.. Ричард!.. Вега!.. Юстес!

Хором четырех радостных голосов произносились эти имена, сопровождаемые ласковыми прилагательными: «милая» и «милый», «дорогая» и «дорогой». Других разговоров не было. Не время было предаваться дальнейшим излияниям. Сэр Ричард желал доделать начатое Юстесом Тревором — взять в плен принца Руперта, что было бы большою политической победою, перевешивавшею все личные интересы.

Но этому не суждено было совершиться. Руперт и Ленсфорд уже успели перебраться через паводок и скрыться вдаль. Долго еще в их ушах звенели позорные клички и насмешки, которыми их осыпал преследовавший противник. Впрочем, их, этих аристократов-выродков, это мало смущало. Совесть, честь, чувство собственного достоинства — все прекраснейшие человеческие свойства давно уже были потеряны ими в буйных оргиях и диком пьяном разгуле страстей. Они только радовались, видя себя уцелевшими для новых оргий и преступлений.

И немало было совершено еще преступлений принцем Рупертом, хотя ему после описанных событий и не пришлось долго поцарствовать в Бристоле. Этот город вновь подвергся штурму, и на этот раз уже человеком, которому было суждено стать впоследствии законодателем всей Англии и озарить ее светом свободы и блеском истинной славы.

Этот человек был Оливер Кромвель. Когда он, явившись под стенами Бристоля, крикнул: «Сдавайтесь!» — и не голосом человека, сомневающегося в успехе, а голосом твердого, властного требования, принц Руперт немедленно исполнил этот приказ, спасая свою жизнь. Вместе с жизнью великодушный победитель даровал ему свободу и беспрепятственный пропуск из города со всем его имуществом и в сопровождении всех его собутыльников, всякого рода прихлебателей и паразитов.

Одновременно в соседнем Глостере происходило событие еще более приятное для пера бытописателя. Там перед алтарем собора совершалось торжественное бракосочетание четырех любящих пар: Сабрины Поуэль — с полковником Ричардом Уольвейном, Веги Поуэль — с капитаном Юстесом Тревором, Уинифреды — с сержантом Уайльдом и Гуензсианы — с трубачом Губертом. Последняя парочка тоже давно уже тяготела друг к другу, хотя у автора и не было случая указать на это читателю.

Среди стольких сияющих счастьем лиц особенно бросался в глаза печальный вид Реджинальда Тревора. Он не был убит в сражении при Фремилоде, а только ранен. Вовремя спасенный сержантом Уайльдом и перевезенный в Глостер, он быстро оправился от телесной раны. Сердечная же его рана была настолько глубока, что он едва ли мог надеяться на ее скорое исцеление. Зато он духовно все более и более очищался от наносной грязи и облагораживался.

Смирил он себя и владел собою до такой степени, что смог даже оказать честь своему счастливому сопернику-кузену, присутствуя на его свадьбе. В сущности, это было для Реджинальда равносильно принесению самого себя в жертву другому.

В числе публики, смотревшей на церемонию бракосочетания четырех пар, находилась и Кларисса Лаланд. Разумеется, она смотрела не с добрым чувством. Обманутая в своих ожиданиях относительно Юстеса Тревора, она сама навязалась принцу Руперту, но быстро ему надоела, как все предметы его мимолетной прихоти, и была им брошена. После этого она стала улавливать в свои сети других лиц со звонкими титулами и блестящим общественным положением. Раз нельзя было удовлетворить сердце, нужно было удовлетворить хоть тщеславие. Но пока ей не удавалось и это: слишком уж была избалована, своенравна и сварлива эта красавица для того, чтобы надолго привязать к себе даже самого снисходительного к красавицам мужчину.

После свадьбы дочерей мистер Поуэль ликвидировал все свое довольно значительное имение и переселился за океан, в страну истинной свободы, так пышно процветающую теперь под своим звездным знаменем. За ним охотно последовали все его близкие: дочери с мужьями и друзья — сержант Роб Уайльд и трубач Губерт с женами, и даже Прыгун Джек. Дружескими убеждениями всех этих добрых людей, составивших как бы одну тесно сплоченную семью, удалось привлечь в свою среду и Реджинальда Тревора. С большим трудом он заставил себя смотреть на Вегу только как на любимую сестру. После же его годичного пребывания в счастливой Америке судьба сжалилась над ним и послала ему жену в лице прелестного отпрыска других английских поселенцев. Он успокоился и зажил тихой семейной жизнью.

Если бы наши друзья остались на родине, они тоже подверглись бы участи всех истинных борцов за свободу и величие Англии, то есть — беспощадным гонениям и гибели. В надвинувшихся вскоре после их отъезда в Америку кровавых событиях, имевших своим последствием страшнейший из всех позоров — Реставрацию, уцелели только те низкие трусы и предатели, которые вовремя опускались на колени перед так называемым «веселым монархом», Карлом Вторым, и постыдно умоляли это чудовище развращенности о пощаде...

В виде заключения нам осталось сказать несколько слов еще об одном герое, игравшем видную роль в нашем повествовании, — о принце Руперте. Этот герой одно время довольно успешно занимался пиратством в морях Западной Индии, затем был призван Карлом Вторым обратно в Англию. Сделанный там генерал-адмиралом королевского флота и осыпанный всяческими почестями и благами, он достиг глубокой старости и после своей «мирной» кончины был похоронен с особенной пышностью и торжественностью как «лучший и преданнейший друг короля». Хотя он и занимался убийствами и грабежами, но все-таки был отпрыском королевской крови...

ГОЛУБОЙ ДИК

роман

Глава I

СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ

— Под насос его! Живее! Вкатить негодюю двойную порцию! Так кричал повелительным и до крайности раздраженным голосом восемнадцатилетний Блонт Блэкаддер, сын эсквайра Блэкаддера, владельца обширной хлопчатобумажной плантации в штате Миссисипи, близ Вексбурга. Тот, к кому обращалось это приказание, был старшим надсмотрщиком на плантации. Тот же, которого Блонт приказывал подвергнуть одной из самых ужасных пыток, был молодой мулат, одних лет с Блонтом, такой же высокий, сильный и красивый, только смуглее, с копной черных курчавых волос на голове и с громадными жгучими черными глазами.

Дело происходило за несколько лет до уничтожения рабства в Америке, и этот мулат был одним из невольников Блэкаддера.

Чем же, однако, он заслужил такое страшное наказание? Но прежде скажем несколько слов о самом наказании.

Читатель ошибается, если думает, что окатить кого-нибудь из насоса — не больше как шутка. Действительно, если производить эту операцию в продолжение только нескольких секунд, то, разумеется, в этом нет ничего ужасного, но если лить человеку на голову непрерывную струю воды более продолжительное время, то это уже обращается в невыносимую пытку, в сравнении с которой даже наказание палками и плетью — простая забава.

Человек может кричать от боли, когда его тело раздирается кожаными ремнями или бамбуковой палкой, но страдания, причиняемые ему непрерывно льющемся водой, становятся прямо нестерпимыми: будто в мозг сразу вон-

заются тысячи раскаленных стрел и злополучная жертва варварского наказания точно испытывает множество смертей, одну за другою.

По суровости наказания можно было предположить, что Голубой Дик — так звали провинившегося — совершил очень серьезный проступок.

Так как Снивели (имя надсмотрщика) не знал, в чем состояло преступление Голубого Дика, то и решился осведомиться об этом у Блонта.

— Это дело мое, а вы обязаны только исполнять мое приказание, — резко ответил ему Блонт.

— Это так, мистер, но...

— Пожалуйста, без рассуждений! Раз я нахожу нужным наказать этого бездельника, значит, он этого вполне заслужил... Говорят вам, под насос его! Сейчас же!

— Не лучше ли будет подождать возвращения вашего отца, мастер? Мне кажется...

— Когда нет отца, его заменяю я. Надеюсь, вам это известно, мистер Снивели?

— О да, конечно, но...

— Пожалуйста, чтобы я больше не слышал от вас никаких «но»!.. Делайте, что вам приказывают... Раз я вам говорю, что этот негодяй заслужил такое наказание, то можете быть уверены, что это действительно так. Что же касается отца, то я всегда готов ответить перед ним за свои поступки и вам об этом заботиться нечего.

Молодой плантатор так и не открыл проступка, который совершил Голубой Дик и за который могла бы полагаться такая пытка. Это упорство могло иметь причиной только таившееся в глубине его души сознание, что он сам не прав и, отдавая такое бесчеловечное приказание, повинуетя лишь голосу низкой мести.

И действительно, гнев его на Голубого Дика был вызван ревностью, а придуманное ему наказание — мезтью...

Дело в том, что на плантации среди других невольниц находится молодая красивая квартеронка, с которою с некоторого времени Голубой Дик стал обращаться что-то уж слишком нежно, между тем как сын их господина, Блонт Блэкаддер, давно уже любил ее. Поэтому не трудно понять, каковы должны были быть последствия подобного соперничества.

Честное чувство Голубого Дика было отвергнуто молодой красавицей, носившей поэтическое имя Сильвия. Вместо того чтобы повиноваться голосу сердца, квартеронка стала прислушиваться к нашептываниям тщеславия. Ее ужасала перспектива оставаться вечно рабой, хотя бы с любимым и любящим мужем, тогда как любовь господина сулила ей если и не полную свободу, то хоть возможность сделаться на плантации влиятельной особой и жить в полное удовольствие.

Голубой Дик предложил Сильвии стать его женой. Она резко отказалась, хотя до этого благосклонно принимала его робкие ухаживания. Пораженный в самое сердце неожиданностью отказа и не зная его причины, мулат не удержался от горьких упреков. Сильвия пожаловалась на него Блонту, который накинулся на своего невольника с грубой руганью и угрозами. Выведенный из терпения и тут только понявший в чем дело, мулат настолько забылся, что ответил своему господину тоже грубо и это сильно взбесило Блонта.

Такова была прелюдия той сцены, с которой мы начинаем наш рассказ.

Мистер Снивели был человек недурной, насколько это допускалось его должностью надсмотрщика над невольниками, когда гораздо чаще приходится наказывать, чем вознаграждать эти несчастные существа. Гуманный и справедливый, он часто спускал невольникам мелкие провинности, о которых знал только сам, и нередко заступался за них перед хозяевами, младший из которых, Блонт, был очень горяч и необуздан.

Но Снивели все-таки слишком дорожил своим положением, чтобы жертвовать им ради бесполезной игры в величие души, поэтому в серьезных случаях не решался идти наперекор воле хозяев. Притом он и сам был убежден в невозможности управлять невольниками без наказаний. Если иногда хозяева были чересчур требовательны, то зачастую и невольники позволяли себе такие выходки, что трудно было с ними справляться, гораздо труднее, чем с домашними животными, с которыми рабы в те грустные времена стояли на одной ступени.

Кроме того, Снивели давно недолюбливал Голубого Дика, на которого смотрел как на субъекта ленивого и полного мятежных мыслей, оказывающего самое дурное влияние на своих товарищей.

Получив уверение от Блонта, что тот лично ответит перед отцом за свое распоряжение подвергнуть Голубого Дика самому жестокому из всех наказаний, надсмотрщик не считал более себя вправе отказываться от исполнения этого распоряжения.

Описываемая нами сцена происходила на открытом дворе, замыкаемом только с одной стороны рядом конюшен, позади главных зданий плантации.

Посреди двора находился насос, облицованный почерневшим от времени дубом; стержень насоса был так велик и массивен, что только самый сильный мог поднимать и опускать его в продолжение нескольких минут подряд.

Вода, поднимаемая насосом, падала с высоты пяти футов в большое деревянное корыто, служившее водопадом для лошадей и других домашних животных.

Корыто всегда было наполовину заполнено водой. Принимая во внимание палящий зной, который царит в долине Миссисипи, следовало бы предположить, что этот примитивный бассейн должен был радовать обитателей плантации. Но невольники мистера Блэкаддера смотрели на водоснабжательное приспособление с тем же ужасом, с каким присужденный к казни смотрит на эшафот.

Более половины из этих несчастных существ в разное время перебивали под насосом, светлые струи которого в течение долгих минут, из которых каждая казалась веком, впивались в их черепа, подобно железным гарпунам.

Наказание насосом стало применяться на плантации Блэкаддеров особенно часто с тех пор, как там начал распоряжаться Блонт.

Мистер Снивели знаком подозвал к себе нескольких негров из наиболее сильных и передал им приказание молодого господина. Негры выказали полнейшую готовность произвести требуемую экзекуцию, так как дело шло о Голубом Дике.

Молодой мулат не пользовался симпатией обитателей плантации. Сами негры смотрели на него очень косо; им казалось, что он добивается власти над ними. Это происходило оттого, что он, будучи полубелым, был слишком горд,

чтобы близко сходиться с неграми, и всегда относился к ним с высокомерной презрительностью.

Голубой Дик в первый раз подвергался тяжелому наказанию, но нередко подводил под него товарищей, обвиняя их в непокорности, хотя сам чаще других бывал виноват в непослушании, но старый Блэкаддер почему-то многое прощал ему, чем сильно способствовал увеличению смелости и заносчивости мулата.

Негры прежде всего требуют справедливости, и предпочтение, оказываемое Голубому Дику, такому же невольнику, как они, раздражало и возмущало их восприимчивые души.

Не скрывая радости от того, что наконец-то и гордый Голубой Дик будет поставлен с ними на одну доску, негры, которым Снивели приказал вести мулата к насосу, приблизились к своему нелюбимому товарищу.

Двое из них подхватили мулата за плечи, другие двое — за ноги и понесли к насосу. Они положили его в корыто и крепко привязали к железным перекладинам. Голова Голубого Дика очутилась как раз под отверстием насоса. После этого прикрепили и голову, чтобы он не мог повернуть ее ни в какую сторону; при малейшем движении несчастного задушили бы сжимавшие его шею ремни.

— Хорошо! — крикнул молодой Блэкаддер. — Теперь можете оставить его. — Затем, обратившись к громадного роста негру, ожидавшему его приказания у стержня насоса, добавил: — Валяй, Бланко! Задай ему двойную порцию! Не жалей воды!

Бланко, походивший скорее на хищного зверя, чем на человека, уже несколько раз подвергался наказанию под насосом. Оскалив зубы злорадной усмешкою, доказывавшею, что он хорошо был знаком с тем, что сейчас придется вытерпеть независимому мулату, негр поспешил привести в действие насос.

Выкачиваемая сильными руками вода полилась густою и широкою струей на череп мулата, ударяя прямо в темя, что было особенно мучительно, поэтому палач и старался нарочно так и направлять струю.

Толпившиеся вокруг негры, покатываясь от дикого хохота, изощрались в злых и грубых остротах над своим злополучным товарищем.

Бедному Голубому Дику было больно не столько от насмешек негров и от самого наказания, сколько от того, что он заметил среди зрителей Сильвию, очевидно тоже любовавшуюся его позором и страданиями.

Слух о том, что мулата присудили к наказанию насосом, привлек всех негров обоего пола, так что вокруг места экзекуции вскоре собралась большая толпа. Из этой толпы никто не пожалел мулата; все одинаково хохотали и осыпали несчастного насмешками, с зверскою жестокостью наслаждаясь его мучениями.

Явились даже белые обитатели господского дома, между которыми особенно выдавалась Клара Блэкаддер, сестра Блонта, девушка лет двадцати, очень миловидная, нежная и изящная.

Стоя на балконе дома, эта прелестная девушка глядела на ужасную сцену пытки невольника с таким убийственным равнодушием, точно она присутствовала в театре на представлении какой-нибудь банальной комедии, сюжет которой ей давно известен.

Что же касается брата этой красавицы, то он вовсе не был безучастным зрителем, на его лице, напротив, выразалось столько жестокой радости и злобного торжества, что посторонний наблюдатель ужаснулся бы, увидя это.

Действительно, страшно было смотреть на этого юношу и на его ровесника-невольника, из которых первый торжествовал победу деспотизма, а второй терпел двойную пытку — физическую и моральную.

Тот же наблюдатель сразу подметил бы странное сходство между этими двумя молодыми людьми, несмотря на огромную разницу в их общественном положении.

Не будь у мулата такой смуглой кожи и таких курчавых волос, он мог бы показаться двойником Блонта Блэкаддера, до такой степени у них было много общего в чертах лица и во всей фигуре.

Впрочем, в данную минуту это сходство не так бросалось в глаза, потому что под воздействием жестокой пытки лицо мулата было искажено до неузнаваемости.

Сквозь густую струю воды, непрерывным потоком стекавшую по лицу истязаемого, зрители ясно могли различить его неподвижный взгляд, полный жгучей ненависти, устремленный на бездушную толпу, наслаждавшуюся его страданиями и позором.

Через водяной занавес видны были его посиневшие губы, особенно горько искривившиеся, когда он заметил в толпе Сильвию. Но это придало ему и мужества. Он собрал все свои силы, и не только не просил о пощаде, но не издал ни звука, несмотря на то что испытываемые им страдания от бившей в темя воды были выше человеческих сил.

Только тело его судорожно извивалось, и он все время рисковал быть задушенным накинутой ему на шею ременной петлей.

Наконец один из негров, не раз на себе испытывавший то, чему подвергался теперь несчастный мулат, не выдержал и крикнул, что пора бы прекратить пытку. Остальные негры замахали на него руками, но Снивели воспользовался этим. Приказав Бланко остановиться, он спросил Блонта:

— Не довольно ли на этот раз, мастер?

— Нет еще, нет, черт вас возьми! — злобно закричал молодой человек, к счастью не слыхавший замечания негра, иначе приказал бы и его положить под насос.

— Однако, мастер...

— Прошу вас не рассуждать! Я сказал, что он должен получить двойную порцию, следовательно, не может быть никаких возражений!

Среди негров поднялся слабый ропот, который должен бы напомнить молодому Блэкаддеру если не о самоуважении, то хоть о жалости. Но это еще более вывело его из себя и он прикрикнул на них:

— Молчать, дурачье! Разве вы забыли, что этот негодяй никогда не заступался за вас? Ну, да ладно, пусть будет довольно на этот раз, — вдруг прибавил он, стараясь овладеть собою, вспомнив, очевидно, об отце. — Но предупреждаю, что при первом же его неповиновении, при малейшей новой строптивости с его стороны я прикажу окачивать его водой до тех пор, пока его толстый череп не продырявится, как сито!

Выразив таким образом свои благородные чувства дрожащим от злобы и ненависти голосом, молодой человек повернулся на каблуках, и улыбнувшись

мимоходом Сильвии, прошел прямо на балкон к своей сестре.

Снивели поспешил отдать приказание развязать мулата. Голубой Дик закрыл глаза, как только ушел его враг. Теперь, когда его развязали, он остался лежать неподвижно, словно в беспамятстве, что, впрочем, было не удивительно после перенесенной им пытки. Посиневший, едва дышащий, он казался умирающим. Снивели приказал отнести его в ближайший сарай и осторожно положить там на солому.

Зрители разошлись. Каждый возвратился к своему делу. Так как подобные зрелища должны были всем служить наглядным уроком, то невольников всегда охотно отпускали на них.

Блонт Блэкаддер пригрозил мулату при первом же удобном случае окончательно добить его пыткой под насосом. Но этому не суждено было сбыться. На третий день после описанного Голубой Дик исчез с плантации. Товарищи, носившие ему в сарай хлеб и воду, говорили, что он двадцать четыре часа пролежал без движения, не прикасаясь к приносимой ему пище, не говоря ни слова, не издавая ни малейшего звука.

Он исчез бесследно. После того как был открыт его побег, в одном из углов двора нашли труп Сильвии. Маленькая головка красавицы квартеронки была рассечена пополам. Возле трупа валялся острый топор, очевидно, орудие убийства.

Из всех обитателей плантации не было никого, кто хоть на минуту усомнился бы в том, что убийцей был Голубой Дик. Всем хорошо была известна привязанность молодого мулата к Сильвии; все видели его отчаяние, когда он узнал, что имеет соперника в лице своего молодого господина. Ни для кого не оставалось тайной и то, что именно побудило Блонта Блэкаддера подвергнуть Голубого Дика изуверской пытке.

Поэтому преступление мулата никого не удивило. Один из негров, особенно хорошо его знавший, увидев убитую Сильвию, невольно воскликнул:

— Дай Бог, чтобы месть Дика не пошла дальше!

Самые тщательные поиски следов бежавшего мулата не привели ни к чему, несмотря на то, что в них принимали деятельное участие все соседние плантаторы и колонисты. Даже ищейки, страшные, кровожадные собаки, которых плантаторы держали специально для охоты за беглыми невольниками, и те не могли напасть на след беглеца, что казалось просто невероятным, зная удивительно тонкое чутье и инстинкт, которыми обладают эти животные.

Голубой Дик точно провалился сквозь землю...

Глава II БЛЭКАДДЕРЫ

Во всех Соединенных Штатах невольничество нигде не давало себя так тяжело чувствовать, как в той области, которая тянется вдоль Миссисипи и для краткости называется просто «Берегом».

В землях, расположенных к востоку от горной цепи Аллегани и ранее других населенных европейцами, невольничество являлось под смягченными формами, благодаря патриархальным нравам плантаторов и туземцев. То же самое можно сказать о штатах Кентукки и Теннесси. В некоторых областях Луизианы, населенных мягкосердечными и снисходительными креолами, невольникам также жилось хорошо. Но в большей части той же Луизианы и на обширных хлопчатобумажных и табачных плантациях Миссисипи дело обстояло совершенно иначе.

Большинство собственников этих областей проживали на своих плантациях только часть года, месяцев пять-шесть, предоставляя в остальное время управление поместьями и надзор за неграми наемным управляющим или надсмотрщикам. Пользуясь неограниченными административными правами, эти заместители хозяина большей частью были крайне требовательны и по обыкновению чрезвычайно жестоко обращались с подчиненным ему «двуногим домашним скотом», как презрительно называли они невольников.

Кроме того, нужно сказать, что очень немногие из плантаторов были коренными уроженцами тех местностей, в которых находились их земли; преобладающее же большинство из них были выходцами не только из Северных Штатов Америки, но и из всех стран света. Они, как правило, ничего не имели на своей родине или же, промотав там свое состояние, явились в Новый Свет с целью нажиться за счет несчастных негров, каторжный труд которых оплачивался очень дешево и поэтому приносил громадную выгоду. Само собою разумеется, что, за редкими исключениями, все это были люди самых дурных правил, лишенные чести, совести и чувства.

Такие, понятно, не могли иначе смотреть на невольников, как на живые машины или как на особый род домашнего скота. Нисколько не заботясь о нравственных и материальных потребностях невольников, даже совсем отрицая эти потребности, они думали лишь о том, чтобы извлечь из своих рабов как можно большую выгоду.

Но не все плантаторы Миссисипи и юга были таковы; среди них встречались и такие, которые обращались со своими невольниками человечно, а иные даже баловали их. Если же большая часть плантаторов и отличалась жестокостью и бесчеловечностью, то вовсе не из-за их природного бессердечия или злобы, а просто вследствие дурного воспитания и глубоко укоренившегося мнения, будто с неграми необходимо обращаться как можно суровее. При этом нужно принять во внимание широко распространенное убеждение в превосходстве белой расы над всеми остальными.

Может быть, и мы с вами, дорогой читатель, были бы не лучше их, если бы находились на их месте.

Но как бы там ни было, а это факт, что среди плантаторов Миссисипи было чрезвычайно мало людей, которые отличались бы просвещенным благород-

ным образом мыслей и мягким сострадательным сердцем.

Дурная слава миссисипских плантаций была так велика и так прочно установилась, что часто стоило только пригрозить провинившемуся в чем-либо негру в Виргинии, Кентукки или Теннесси, что его продадут в Миссисипи, он тотчас же делался шелковым и старался искупить свою вину.

В конце концов самое слово «Берег» сделалось пугалом для всех негров.

Плантатор Блэкаддер был выходцем из штата Делавэра. Поссорившись за что-то с родными, он еще очень молодым человеком перебрался в штат Миссисипи, где ему удалось приобрести у одного индейского племени громадный участок земли. Черствый, алчный, ничем не стеснявшийся, он много способствовал дурной славе той области, в которой стал развивать свою деятельность.

Блэкаддер обогатился очень быстро, но ему никак не удавалось быть принятым в среду местной плантаторской аристократии, чего он сильно добивался.

Убежденный в том, что настоящее благородство состоит в деспотизме по отношению к подчиненным, он старался отличаться беспощадной жестокостью к тем несчастным существам, которых злая судьба отдала ему в руки.

Впрочем, считаем нужным пояснить, что большинство невольников Блэкаддера очутилось в его власти лишь благодаря своим дурным свойствам и порокам, из-за которых они и были проданы в штат Миссисипи.

Блэкаддер при покупке невольников обращал главное внимание на их возраст, рост и мускульную силу, никогда не справляясь об их характере и способностях. Был бы негр не старше средних лет, высокого роста, здоровый и сильный, а до остального Блэкаддеру не было никакого дела. Поэтому его «армия», как он иногда в шутку называл своих невольников, была предметом ужаса для всех соседних плантаторов, хотя и их собственные невольники были тоже далеко не из образцовых.

Блэкаддер смело мог похвалиться изумительными результатами деятельности своей «армии», которая была у него вымуштрована не хуже настоящих солдат. В этом не было ничего удивительного, если принять во внимание, что он всегда применял самые крутые меры для поощрения усердия невольников и подавления в них всякой строптивости.

Кроме того, эсквайр Блэкаддер имел вполне подходящего помощника в лице своего земляка мистера Снивели, отличавшегося строжайшей исполнительностью.

Вполне естественно, что при таком хозяине и соответствующем ему заместителе на плантации не было ни одного негра, тело которого не имело бы дисциплинарных знаков.

Мало того: Блэкаддер иногда прибегал даже к калечению негров, конечно, только к такому, которое не лишало бы невольника возможности работать. Например, стоило какому-нибудь чернокожему Помпею или Сципиону пожаловаться, чтобы избавиться от трудной работы, на зубную боль, как ему тотчас же выдергивалось несколько зубов совершенно здоровых и крепких.

Понятно, что при такой дисциплине плантация Блэкаддера процветала и приносила хороший доход. Но несмотря на это, собственник ее начинал понемногу разоряться.

Главною причиною тому был его единственный сын Блонт, с которым мы

уже имели случай познакомиться. Этот молодой человек был не только злонаправен, ленив, буен и развратен, но вдобавок отличался крайней расточительностью. Последнее особенно огорчало отца, смотревшего на остальные подвиги сына сквозь пальцы. Компанию он водил только с самыми дурными представителями окрестной молодежи. Петушинные бои, конские бега, охота — вот его любимые развлечения. Особенно он любил азартную карточную игру. Но все, что хотя бы отдаленно напоминало настоящее дело, вызывало в нем непреодолимое отвращение, конечно, только если это дело возлагалось на него самого; к другим же он был очень требователен.

Блонт тут походил на своего батюшку, поэтому Блэкаддер поневоле закрывал глаза на все проделки сына, припоминая свою собственную бурную молодость, все прощал ему. У старика не было другого сына и наследника, и он любил Блонта.

В сущности очень скупой, он никогда не отказывал сыну в деньгах, хотя отлично знал, куда и на что они идут. Но, будучи так щедр для сына, он отличался крайней скупостью по отношению к дочери и часто лишал ее самого необходимого.

Мы уже говорили, что Клара, которой было около двадцати лет, отличалась замечательной красотой, а теперь прибавим, что она обладала некоторыми и нравственными достоинствами, увеличивающими прелесть молодых девушек.

Осуждать ее за то, что она так равнодушно смотрела со своего балкона на производимую над Голубым Диком экзекуцию, было нельзя. Во-первых, она и не подозревала, как мучителен был примененный к нему способ наказания, а во-вторых, не чувствовала ни малейшей симпатии к этому мулату. Кроме того, она так привыкла видеть подобные сцены, что они и не могли производить на нее особенного впечатления.

Вырасти Клара Блэкаддер в другой среде и при иной обстановке и не будь ей с детства внушено, что невольники — не люди, а только живые машины, она, наверное, сделалась бы совершенством в полном значении этого слова. Но судьба пожелала, чтобы она родилась и выросла на плантации у Блэкаддера, — этим все сказано.

Многие заметили, что в последнее время прекрасная Клара очень изменилась. Бледная, печальная и унылая, она ходила повесив голову. Не замечали этого только ее отец и брат, то есть те, которых это всего ближе касалось.

Причиной грусти девушки было то, что ей назначили в мужа не того, кого избрало ее собственное сердце. У девушек во всех частях света это всегда главная причина их печалей.

Избранника мисс Клары природа наделила всеми достоинствами, которые могли бы возбудить любовь в женщине. Он был не только красив, но хорошо образован и умственно развит, а это представляло тогда большую редкость в Америке. Впрочем, он и не был американцем; он говорил, что его родина Ирландия, хотя в действительности никто не знал его настоящего происхождения; не знали даже, откуда он явился в долину Миссисипи. Но при всех своих достоинствах он был беден.

Отец и брат Клары не могли и слышать об ее избраннике. Она хорошо знала это, поэтому тщательно скрывала свое чувство к молодому иностранцу.

Как-то раз ирландец решился намекнуть старику Блэкаддеру на то, что он

считал бы за счастье породниться с ним, потому что любит Клару и знает, что она тоже любит его. Молодой человек получил в ответ тоже только намек, но такого оскорбительного свойства, что с тех пор больше никогда не показывался на плантации. Клара узнала стороною, что он оставил место своего жительства по соседству с Блэкаддерами и покинул даже и самый штат Миссисипи.

Знай девушка наперед, чем кончится беседа ирландца с ее отцом, она сумела бы удержать его наперекор отцу и брату. Но он исчез неизвестно куда, и Кларе ничего не оставалось, как только тосковать о нем.

Когда девушка стояла на балконе, она думала о своем так неожиданно исчезнувшем избраннике, а вовсе не о том, что происходило перед ее глазами. Даже сенсационная новость об убийстве ее горничной Сильвии и о бегстве Голубого Дика не в состоянии была надолго отвлечь ее мыслей от того, который унес с собой в неизвестную даль ее сердце и душу.

Как и предвидел Снивели, старик Блэкаддер выразил сильное неудовольствие, когда узнал, какому наказанию был подвергнут мулат, пользовавшийся его исключительным благоволением.

Драма же, явившаяся последствием этого наказания, произвела на старика прямо потрясающее действие.

— Ах, Снивели, Снивели, старый друг и товарищ! — вскричал он, бледный и дрожащий от волнения, — неужели правда, что рано или поздно нам придется расплачиваться за все свои... ошибки?

— Должно быть, это так, — пробормотал Снивели, отлично знавший всю предшествовавшую жизнь Блэкаддера. — Да, кажется, что так, — со вздохом повторил он, глядя куда-то в сторону.

Глава III ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Прошло пять лет после описанных нами событий, которые послужат как бы прологом к нашему рассказу.

В продолжение этого времени на плантации Блэкаддера не произошло ничего такого, что стоило бы отметить, только практиковавшиеся там наказания невольников все учащались и ужесточались.

Полосование спин несчастных негров бичами, окачивание их водой из насоса и тому подобные способы были единственными «поощрениями», понуждавшими невольников работать до полного изнеможения. Но несмотря на это, дела Блэкаддера продолжали ухудшаться.

Главной тому причиной, как и прежде, был его сын. Молодой человек окончательно предался разгулу и вытягивал у отца все, что только можно было вытянуть. Мало того: он втихомолку начал даже влезать в долги под имущество отца и продавать в его отсутствие невольников за ту цену, какую давали. Таким образом, количество рабочих рук на плантации стало убывать и обработанные участки земли делались все меньше и меньше.

Из-за этого поля, покрытые прежде прекрасным хлопчатником, начали зарастать сорными травами, а машины, служившие для обработки хлопка, стали покрываться ржавчиной.

Так шло в течение целых пяти лет. Но вот в один прекрасный день на плантации случился очень важный переворот, произведший сенсацию во

всем округе.

Переворот этот выразился в том, что не только господский дом, но и все остальные здания и пристройки были отремонтированы заново, а поля снова начали покрываться богатою растительностью, благодаря усердной и умелой их обработке.

В поселке негров и во внутреннем дворе господского дома происшедшие перемены были еще поразительнее: вместо встречавшихся там прежде угрюмых, изможденных, исполосованных бичом и едва прикрытых зловонными лохмотьями негров теперь весело суетилась толпа молодых, красивых, сильных и жизнерадостных людей с круглыми черными лицами или же с красивыми бронзовыми, напоминавших древние статуи. Все эти люди щеголяли в новых полосатых панталонах и в накиннутых на плечи ярко-красных шалях.

Вместо прежних криков, проклятий и угроз, вместо свиста бича и шума беспрерывно выкачиваемой воды, вместо стонов и воплей наказываемых теперь повсюду слышались только взрывы веселого смеха и оживленная болтовня, а по вечерам на большом дворе составлялись хороводы под звуки незамысловатого банхо (нечто вроде нашей балалайки) или негр Самбо, взобравшись на какой-нибудь возвышенный пункт, затягивал одну из наивных песен своей жаркой родины, причем припев этой песни после каждого куплета подхватывался хором всеми присутствовавшими мужчинами, женщинами и детьми. Иногда же кто-нибудь принимался рассказывать что-нибудь смешное, что так любят негры, эти большие дети.

Спешим добавить, что веселый Самбо был не тот негр, который играл роль палача при наказании Голубого Дика, потому что не только плантатор, но и надсмотрщик были уже другие, и вообще, из прежних обитателей здесь не осталось ни одной души.

Деспота Блэкаддера сменил плантатор из «патриархальных». А что касается первого, то он удалился со всем своим семейством. Благодаря неумелому хозяйничанью, жестокости к невольникам и безграничной слабости к бездельнику-сыну, Блэкаддер окончательно разорился и вынужден был продать свое поместье. Оставшихся у него немногих невольников никто не захотел купить, так как это были заведомые негодяи, с которыми мог справиться только он сам.

Шли слухи, что эсквайр отправился на «запад».

Выражение «отправился на запад» может показаться читателю очень темным и непонятным. Спешим пояснить, что в описываемую нами эпоху для искателей наживы открылась новая заповедная страна. Это была Калифорния, в то время мало еще известная и только что ставшая собственностью Соединенных Штатов. Слух о сказочных богатствах, заключавшихся в недрах этой страны, не успел еще распространиться, но тем не менее людей, подобных Блэкаддеру, манила туда молва о том, что там лежат необработанными громадные участки земли, которые можно приобретать за бесценок. Чтобы не находиться одному в незнакомой стране, Блэкаддер уговорил сопутствовать ему еще нескольких колонистов с семействами, удаление которых, так же как и его собственное, очень обрадовало плантаторов долины Миссисипи.

Последуем и мы за переселенцами и посмотрим, что они предпримут.

Нам не трудно будет их догнать, несмотря на то, что прошло уже три месяца с тех пор, как они покинули восточный берег Миссисипи. Они очень мед-

ленно подвигаются по необъятным степям, как люди, плохо уверенные в успехе своих замыслов.

Наблюдать за переселенцами всегда интересно, поэтому мы надеемся, что читатель не посетует на нас зато, что мы приглашаем его с собою в погоню за эсквайром Блэкаддером и его спутниками.

По степной дороге тянутся шесть громадных фургонов с обтянутыми парусиной кузовами и обыкновенно называемых «кораблями прерий». В каждый из этих фургонов впряжено по десятку сильных быков. Суровая парусина, покрывающая верх повозок, постоянно обмываемая проливными дождями и высушиваемая затем знойными лучами солнца, постепенно делается все белее и белее.

Часть фургонов занята людьми, а другая наполнена мебелью, сундуками, ящиками, орудиями и провизией. Переселенцы всегда везут с собою все, что у них уцелело от разгрома прежнего жилища и что может понадобиться им на другом месте для устройства нового обиталища, в котором все напоминало бы о привычной обстановке.

Несколько всадников с обветрившимися и загорелыми лицами, вооруженные с головы до ног, едут по бокам фургонов, управляемых неграми.

Караван в шесть фургонов считается незначительным в прериях, путешествие по которым сопряжено с громадными затруднениями и опасностями.

Блэкаддер и его товарищи знали об этом, но обстоятельства или, вернее, собственные промахи заставили их отправиться в дальний путь навстречу всевозможным опасностям.

Караван двигался по одной из тех старых дорог, которые с незапамятных времен проложены отважными купцами. Переселенцы всегда с радостью следуют по этим дорогам, если им удастся на них напасть.

Путь, которого держались наши переселенцы, проходил через Арканзас, по направлению к форту Бент, где круто поворачивал к северу, тянулся мимо Скалистых гор до прохода, известного под названием «прохода Бриджера».

По уверению некоторых всезнаек, этот путь в то время был самый безопасный, говоря, разумеется, относительно. Впрочем, нет ничего удивительного, что шнырявшие по степям индейцы были спугнуты с этого пути массовыми передвижениями по нему войск, посылавшихся в Новую Мексику и Калифорнию.

Как бы там ни было, но после прохода этих войск стало гораздо меньше слышно о нападениях индейцев на караваны и об убийствах трапперов, прежде совершавшихся чуть не ежедневно.

Ни один из спутников Блэкаддера не мог похвалиться личною храбростью и не доверял мужеству ни самого эсквайра, ни других товарищей, поэтому все и подвигались вперед с особенными предосторожностями, посылая во все стороны разведчиков и устраивая для ночных стоянок нечто вроде военных лагерей с баррикадами и часовыми.

Таким образом, караван в продолжение трех месяцев успел дойти только до форта Бента, где решился остановиться на несколько дней для отдыха и пополнения истощившихся запасов провизии.

Во время этой стоянки переселенцы познакомились с одним охотником. Это был индеец, одетый по-европейски. Он довольно бегло говорил на английском языке и предложил проводить их на север до «прохода Бриджера». Пере-

селенцы с радостью приняли это предложение и бодро продолжали путь под руководством индейца. Через несколько дней караван прибыл к Бижу-Крик, маленькой живописной речке, впадающей в Ла-Плату.

Вечером на берегу реки переселенцы по обыкновению оборудовали лагерь, то есть расставили четырехугольником свои герметически закрытые фургоны, превратившиеся таким образом в прочную баррикаду, через которую никак нельзя было забраться, не перебудив всех. Так устраивались на ночные стоянки все караваны, переходившие степи.

В этот вечер переселенцы пребывали в особенно хорошем настроении, потому что уже с полудня перед ними начали вырисовываться на горизонте очертания Скалистых гор с их «длинным пиком», гордо поднимающим к небу свою покрытую вечным снегом вершину, которая служит спасительным маяком для всех путешествующих по этим местам. Указав на снежный пик, проводник объявил переселенцам, что на другой день до солнечного захода они уже будут в форте Сен-Врэн.

Начиная с этого форта, не следовало уже опасаться нападения краснокожих и смело можно было идти вперед, не посылая разведчиков и не расставляя часовых вокруг лагеря.

Пужинав, переселенцы легли спать, убаюкиваемые самыми радужными надеждами. Они и не подозревали, что с того самого пика, который, весь облитый розовым светом солнечного заката, так приветливо светил им, готовится налететь на них сокрушительный ураган.

Чувствуя себя уже теперь в полной безопасности, они на этот раз не расставили часовых, к величайшему удовольствию негров, которые завалились спать в одно время с хозяевами.

И никому, ни белым, ни неграм, не пришло в голову, что, когда солнце снова позолотит вершину «длинного пика», половина из них будет уже спать непробудным сном и что лагерь для многих окажется последним жилищем.

Глава IV ДИКАРИ

В ту же ночь на громадной, поросшей высокой травой равнине милях в пяти от лагеря переселенцев остановился на ночлег другой отряд, состоявший из двадцати пяти человек.

Это были все всадники, молодые, здоровые и сильные люди.

У них ровно ничего не было общего с переселенцами. Они не имели ни повозок, ни клади. Все их приготовления к ночлегу состояли только в том, что они нарезали в кустах кольев, воткнули их посреди травы в землю и привязали к ним на длинных арканах своих лошадей, затем разостлали тут же большие плащи из буйволовой кожи, которые должны были служить им одновременно подстилкой и одеялом.

Для того чтобы узнать цвет кожи этих людей, их следовало бы сначала тщательно мыть в нескольких водах, так как лица и руки их были разрисованы различными красками.

Очевидно, это были индейцы, направлявшиеся по «тропе войны». Это доказывалось их татуировкой и вооружением, состоявшим из карабинов и копий. Все они были одеты в длинные полотняные рубашки, кожаные панталоны и обуты в мягкие мокасины. Будь они вооружены луками и стрелами, их можно было бы принять за охотников, потому что для охоты краснокожие предпочитают именно это оружие. Кроме того, у каждого за поясом был томагавк и лассо, которыми, как известно, индейцы владеют с замечательной ловкостью.

Среди воинов особенно выделялся один своим высоким ростом, гордой осанкой и богатым нарядом. Судя по его наружности, а также по тому почтению, с которым к нему относились его спутники, это был вождь отряда.

При первом же взгляде на этого человека можно было заметить, что он привык повелевать, если и не деспотически, то все-таки с такою твердостью и с таким достоинством, что каждый поневоле должен был признать его авторитет и преклониться без возражений и рассуждений перед его волей.

Спрыгнув на землю и поручив своего чудного коня одному из спутников, он сбросил с себя на траву длинную мантию из редкого меха белых волков и лег на нее, вытянувшись во всю длину. Затем он достал из висевшей у него на левом плече богато вышитой сумки трубку, закурил ее и, с наслаждением выпуская кольца ароматного дыма, погрузился в размышления. Очевидно, он был вполне уверен, что его спутники сами сделают теперь все необходимое, не дожидаясь особых приказаний вождя.

Остальные всадники расположились в некотором расстоянии от вождя, разложили костер и принялись готовить ужин. Когда незамысловатая похлебка была готова, индеец, которому вождь поручил своего коня, отлил немного из общего котла в глиняную чашку, достал из мешка деревянную ложку и лепешку из маисовой муки и отнес все это вождю. Очевидно, этого индейца вождь избрал для своих личных услуг и относился к нему с полным доверием.

Ужин прошел в сосредоточенном молчании. После скромной трапезы один из индейцев расставил часовых и приказал, чтобы они каждого, кто появится в лагере, немедленно вели к вождю.

Пожинав, вождь снова закурил трубку и, разлегшись на мантии, устремил

глаза на медленно поднимавшуюся над горизонтом луну.

Под магическим сиянием прекрасного ночного светила вершины Скалистых гор казались вылитыми из чистого серебра и покрытыми легкой лазоревой дымкою. Благодаря удивительно прозрачному воздуху необъятных прерий, на фоне синего неба отчетливо вырисовывались малейшие выступы и впадины гор. Картина получалась поистине волшебная.

Теперь ясно можно было рассмотреть и лицо вождя. Несмотря на арабески, выведенные на нем киноварью, оно поражало правильностью своих линий и выражением неукротимой отваги и энергии.

Когда лунный свет достиг полной яркости, все те места этого лица, которые не были покрыты узорами, стали отливать цветом настоящей бронзы.

Судя по всему, вождь был очень молод, а высокий рост, могучая грудь и широкие плечи свидетельствовали о его замечательной физической силе.

Однако едва ли за этой прекрасной наружностью в душе молодого человека скрывалось много хороших чувств: по временам в его больших черных глазах пробегали злые огоньки, а из груди вырывалось нечто вроде глухого рычания раздраженного тигра.

Ему никак не могло быть больше двадцати пяти лет, поэтому нельзя было не удивляться, что такой молодой человек сумел подчинить своему влиянию людей, очевидно обладавших теми же качествами, что он сам, то есть железной волей и непоколебимой твердостью.

По всей вероятности, вождь был сыном какого-нибудь предводителя племени, пользовавшегося общим уважением в прериях, или же сам совершил чудеса храбрости, которые заставили признать его превосходство и добровольно подчиниться ему, несмотря на его молодые лета.

Мы уже сказали, что все его спутники были тоже молодые люди. Судя по их наружности, можно предположить, что они принадлежат к тем индейским воинам, которые в прежнее время бродили в поисках приключений по всем прериям, наводя ужас на проезжавших там купцов и промышлявших охотой трапперов.

То, что молодой вождь держался в стороне от своих спутников, доказывало как бы некоторое его пренебрежение к ним. Несмотря, однако, на это, все воины относились к вождю с полным почтением и уважением.

Между тем время шло. Спутники вождя уже спали, за исключением часовых, а сам он, вытянувшись во весь рост и положив одну руку под голову, продолжал курить и созерцать луну.

Место, где сделали привал индейские воины, находилось почти у самого подножия Скалистых гор и представляло нечто вроде котловины, окруженной с трех сторон высокими утесами. С одной из вершин сбегал вниз быстрый и шумный поток, пропадавший в глубокой бездонной бездне.

Эта котловина, покрытая довольно высокой и густой травой и местами поросшая кустарником, была в несколько десятков сажен длины и ширины и открывалась на восток, где вдали красивыми изгибами извивалась небольшая речка Бижу-Крик.

Угрюмые скалы с их сверкающими, облитыми лунным сиянием снеговыми вершинами; шумящий и переливающийся всеми цветами радуги водопад, бесследно исчезающий в недрах земли; зеленая лужайка с пасущимися на ней лошадьми; потухающий костер и расположенные вокруг него группы спящих

индейцев; неподвижные фигуры притаившихся часовых; небрежно раскинувшийся в стороне на белых мехах молодой красавец вождь; искрящаяся вдали серебристая лента реки и над всем этим ясное, синее, почти прозрачное небо с золотистым диском луны, — все это вместе взятое представляло такую живописную и полную романтической прелести картину, какую редко где можно встретить.

Но молодой вождь не обращал ни на что это внимания. В его широко открытых глазах, отражавших лунный свет, не выразалось ничего, кроме напряженного ожидания, досады и злости. По временам он приподнимался на локте и зорко всматривался в ту сторону, где протекала река, но, не видя там того, что, очевидно, всецело поглощало его мысли, он скрежетал зубами и нетерпеливо ворчал.

Вероятно, он ждал кого-то, кто ему был очень нужен.

Действительно, кто мог бы заглянуть в его душу, тот прочел бы в ней следующие размышления:

«Вабога опоздал. Он должен был появиться здесь по крайней мере час тому назад, судя по положению луны. Я очень удивлен этим. Что могло задержать его и помешать явиться в назначенное время на свидание? Неужели ему не удалось захватить лошадь кого-либо из тех дураков? Уж не случилось ли что-либо непредвиденное, заставившее тех болванов усомниться в Вабоге и лишить его свободы или даже жизни?.. Это было бы очень неприятно».

Снова закурив погасшую трубку, молодой человек продолжал свои размышления уже вслух:

— Э, не все ли равно! — чуть не во весь голос воскликнул он. — Явится Вабога или нет, я все-таки сделаю, что задумал, и нападу на тех в эту же ночь, перед рассветом... О, какое это будет счастье! Наконец-то я удовлетворю свою месть, мучившую меня столько лет... О, если бы мне удалось забрать всех их живыми... Да, необходимо, чтобы они были в моей власти живыми, иначе торжество мое не будет полным. Простая, обыкновенная смерть будет для них слишком слабым наказанием. Только живым я могу достойным образом отплатить за все то, что они заставили меня выстрадать...

Адская усмешка скривила его красивые губы. Взглянув еще раз в открытую даль, он бросил трубку, заложил обе руки под голову и, снова уставившись на луну, пробормотал:

— Не напрасно ли я доверился этому Вабоге? Но кого же я мог бы выбрать? Из всех моих молодцов один он знает хорошо по-английски и умеет втираться в доверие к бледнолицым. Зато во всем остальном он глуп. Благодаря этой глупости, вероятно, и попался впросак. А что, если он мне изменил?.. Впрочем, едва ли... Скорее они заподозрили, что он изменяет им, и убили его... Нет, он не мог мне изменить. Во-первых, он боится меня и знает, что ему от меня нигде не скрыться, а во-вторых, он ненавидит белых не меньше меня и по тем же причинам, что и я... Но как бы там ни было, им не миновать моих рук и никогда не достигнуть той цели, которую они наметили!..

Молодой человек вдруг прервал свой монолог, привстал немного и, обратившись к реке, напряг слух и зрение.

С той стороны ему послышался глухой топот лошадиных копыт, с каждым мгновением приближавшийся и становившийся более ясным.

В сущности только очень тонкое и привычное ухо могло различить этот то-

пот.

Глаза молодого человека засверкали огнем дикой радости. Но, вероятно боясь обмануться, он наклонился, отстранил руками траву и приложился ухом к земле.

Через несколько секунд он снова приподнялся и прошептал:

— Скачет всадник. Наверное, это Вабога. Больше некому быть... О, месть, как ты сладка!

Он встал и прошел несколько шагов по тому направлению, откуда должен был явиться всадник.

Почти вплоть до реки тянулась цепь небольших холмов, покрытых кустарником. На одном из этих возвышений, там, где земля точно сливалась с небом, острый глаз молодого вождя различил силуэт лошади с сидящим на ней всадником. Не привыкший к жизни в прериях ничего не рассмотрел бы на таком расстоянии даже и при ярком солнечном свете.

Силуэт лошади с всадником рос и приближался; но все-таки расстояние между ним и вождем индейских воинов было еще слишком велико, чтобы можно было узнать всадника.

Вдруг в той стороне, откуда приближался всадник, послышался троекратный лай собаки, сопровождаемый громким, протяжным и зловещим воем, похожим на вой степных волков.

Но так как вой повторился несколько раз, через известные промежутки времени и с различными интонациями, то вождь понял, что вой этот не волчий.

Что же это, однако, могло быть?

Глава V ПРЕДАТЕЛЬ

Молодой индейский вождь только тогда понял, что означал услышанный им вой, когда тот троекратно повторился почти возле него. Оглянувшись, вождь увидел на некотором расстоянии от себя человека, испускавшего точь-в-точь такие же звуки, какие доносились с того места, откуда приближался всадник.

Очевидно, волчий вой был сигналом, условленным между часовыми индейского лагеря и тем, кого ожидали. Вождь же не был почему-то предупрежден об этом сигнале, поэтому и заподозрил неладное.

Через несколько минут всадник приблизился настолько, что его можно было легко рассмотреть. Он был одет по-европейски, но лицо его носило отпечаток характерного индейского типа. Обменявшись на скаку несколькими словами с передовым часовым, он круто осадил своего взмыленного коня перед самым вождем.

— Вабога не точен в своем слове: он опоздал на свидание, — с легким упреком произнес по-индейски вождь. — Теперь уже за полночь, а Вабога знает, что мы должны напасть на переселенцев до восхода солнца.

— Желтый вождь напрасно беспокоится о времени, — спокойно возразил на том же языке индеец. — По совету Вабоги бледнолицые остановились на ночь неподалеку отсюда. Вабога опоздал не по своей вине.

— А по чьей же?

— Бледнолицые стали подозревать, что у Вабоги два языка и держали его в плену своими глазами. Вабога едва мог уйти. Вчера утром бледнолицым встретились по пути в форт Сен-Врэ трапперы и пробыли в лагере переселенцев до полудня. Уши Вабоги не слышали, что говорили между собой бледнолицые, но только после этого его окружили зорким надзором.

— Кто такие были эти трапперы?

— Вабога их не знает.

— Жаль! Я бы отплатил им за то, что они вмешались не в свое дело!

— Следовало бы. Языки у трапперов длинные и ядовитые.

— Каким же образом переселенцы согласились остановиться на месте, которое выбрал Вабога, если они перестали доверять ему?

— Вабога тоже имеет язык и хорошо им работает. Бледнолицые последовали его совету, надеясь, в случае чего, на свои глаза.

— Где их стоянка?

— Там, где приказал желтый вождь, — на берегу реки.

— Сколько туда езды отсюда?

— Час, если ехать с осторожностью, и не более получаса, если нестись во весь карьер.

— Хорошо. А сколько их всех?

— Девять бледнолицых, кроме женщин и детей. Чернокожих же раз в пять больше.

— Чернокожие в счет не идут. Говори мне только о бледнолицых.

— Начальник каравана — человек лет шестидесяти. Раньше он был плантатором. Вабога хорошо знал его. Он помнит этого бледнолицого с того времени, когда играл маленьким на другом берегу большой реки, в прекрасной стране своих предков, из которой его выгнали бледнолицые.

— Плантатор с семейством или один?

— При нем сын лет двадцати четырех, такой же негодяй, как он сам, и дочь, не похожая ни на отца, ни на брата. Это настоящая женщина: прекрасная, как степной цветок, и добрая, как солнце, которое всех освещает и согревает.

«Я не ошибся: это она! Час мести наконец пробил!» — сказал про себя вождь.

Глаза его сверкнули радостью, а по губам пробежала торжествующая улыбка.

— А кто остальные их спутники? Или, по крайней мере, каковы они на вид? — продолжал он вслух прежним деловым тоном.

— Есть еще высокий силач, лет под пятьдесят. Он нечто вроде помощника начальника каравана. Сердце у него жесткое, как у плантатора, он все время бьет длинным бичом негров, которые не могут поспевать за повозками.

— Узнаю этого человека по твоему описанию. Если это тот самый, то и ему несдобровать.

— Остальные шесть...

— Этих можешь не описывать. Скажи только, как они вооружены и нужно ли ждать от них сильного сопротивления?

— Оружие у них есть, но не думаю, чтобы они оказали сильное сопротивление.

— Хорошо. А как полагаешь, Вабога, есть надежда забрать их живыми?

— Всех?

— Главным образом, первых четырех?

— Думаю, что это будет не трудно.

— Отлично. Больше мне ничего не нужно знать, — произнес вождь и, возвысив голос, крикнул своим спутникам, из которых некоторые уже не спали: — Поднимайтесь — и в путь! Хоктав (название племени, к которому принадлежал Вабога) проведет нас к месту, где мы можем рассчитывать на хорошую добычу.

Пока воины один за другим вставали, собирали свои плащи и оружие и седлали лошадей, слуга вождя привел ему коня, накинул на плечи молодого человека мантию и помог ему вскочить в стремя.

Не прошло и десяти минут, как весь отряд индейских воинов был уже на лошадях и покинул свой лагерь.

Самому образцовому кавалерийскому отряду понадобилось бы на это вдвое больше времени.

Как нам известно, переселенцы устроили на берегу реки Бижу-Крик из своих повозок нечто вроде корраля.

Место для стоянки, хотя и было выбрано предателем, но заслужило полное одобрение переселенцев; оно находилось в подковообразном загибе реки, окружавшей его, таким образом, с трех сторон.

Трава здесь была густая и высокая и такая ровная, точно ее постоянно подстригали. Река в этом месте была не широка, но зато довольно глубока; берега ее отличались такой крутизной, что казалось невозможным высадиться на них.

Вообще, более удобного места для стоянки нельзя было и подыскать, тем более что самое пространство, окруженное водою, было невелико, а потому очень удобно для защиты.

В сущности, Вабога несколько преувеличивал, говоря индейскому вождю, что переселенцы не доверяют ему. У них не было причин не доверять. До сих пор он вел их хорошо, и у них на виду были уже Скалистые горы, за которыми кончалась всякая опасность.

Да и что он мог бы сделать им? Предать их шайке дикарей? Но с какою целью? Ведь он принадлежал к племени хоктавов, а это племя никогда не выказывало вражды к белым. К тому же то обстоятельство, что проводник так бегло говорил по-английски, доказывало, что он провел большую часть своей жизни среди белых и близко сошелся с ними.

Да и самое место стоянки он им выбрал такое удобное и безопасное, что трудно было заподозрить злой умысел.

Хотя трапперы настойчиво и уверяли, что хоктав человек подозрительный, но переселенцы не придавали значения их словам: они были уверены, что это внушено трапперами предубеждением против индейцев вообще или профессиональною завистью, потому что Вабога был прекрасным охотником. Могло быть и так, что трапперы просто захотели попутать переселенцев, чтобы потом посмеяться над ними.

Один только Снивели сомневался в честности Вабоги. Проводник жил, так же как сам Снивели и его спутники, во внутренних равнинах Миссисипи, а это бывшему надсмотрщику плантации казалось плохой рекомендацией для человека.

Кроме того, Снивели находил странным, почему Вабога посоветовал устро-

ить ночную стоянку в стороне от караванного пути, на котором все-таки было бы безопаснее.

Бывший надсмотрщик сообщил некоторым из спутников свои подозрения, но те возразили ему, что он напрасно беспокоится; у хоктава не могло быть никакого интереса предавать их, потому что ему обещана довольно значительная награда, если он благополучно доведет их до Скалистых гор. Притом он во все время пути не подавал ни малейшего повода к подозрению.

Снивели замолчал, но внутренне дал себе слово бдительно следить за индейцем, в особенности ночью. И действительно, Снивели дольше всех не спал в эту ночь, почему Вабога, отлично видевший это, и не мог вовремя удалиться из лагеря. Однако в полночь усталость взяла свое: заснул и Снивели. Удостоверившись, что бывший надсмотрщик не притворялся, а действительно заснул, индеец подкрался к одной из лошадей, пасшихся посреди загона, и осторожно отвязал ее. Отведя лошадь на некоторое расстояние от лагеря, он вскочил на нее и быстро умчался.

Шум быстроводной реки заглушал лошадиный топот, никто ничего не заметил. Тем не менее почти перед самым утром простой случай открыл исчезновение проводника.

Лошадь, которую взял Вабога, имела жеребенка. Последний спал, когда мать была вынуждена покинуть его. Часа через два жеребенок проснулся и, не найдя возле себя матери, принялся так ржать и бегать взад и вперед по загороженному месту, что разбудил одного из переселенцев. Тот вскочил и, сообразив в чем дело, разбудил своих спутников.

— Вставайте! — крикнул он. — Индеец исчез вместе с лошастью!

Этих слов было достаточно, чтобы всполошить весь лагерь.

В первую минуту все растерялись и не знали, что предпринять. Женщины и дети подняли плач и вой, которому усердно вторили негры, как угорелые метавшиеся без всякой цели по лагерю.

Один Снивели не потерял хладнокровия. Успокоив кое-как своих спутников, он посоветовал им приготовиться на всякий случай к защите.

Едва он успел восстановить порядок в лагере, как один из негров оповестил, что со стороны прерий приближается отряд всадников. Напрягая всю силу своего зрения, переселенцы действительно рассмотрели какую-то плотную темную массу, быстро приближавшуюся к ним. В то же время слышался топот множества лошадиных копыт.

Не было никакого сомнения, что это мчался отряд всадников, но кто они: друзья или враги? Определить это было непросто из-за ночной темноты, слабо освещавшейся заходящей уже луной.

Но вот раздался дикий военный клич индейцев, и пораженные ужасом переселенцы поняли все: на них напали дикари, очевидно приведенные хоктавом. Трапперы были правы: Вабога изменил и предал их индейцам!

Снивели и несколько из наиболее храбрых его спутников приготовились к защите, надеясь на свое оружие. Однако им не пришлось пустить его в ход. Не успели они стать в боевой порядок, как толпа индейцев, нахлынув бурным потоком, прорвала баррикаду и мгновенно окружила переселенцев со всех сторон. Это не трудно было сделать, потому что индейцы напали именно с той стороны, где был свободный проход, а с остальных трех находилась вода, и переселенцы оказались запертыми в западне.

Дрожащие руки не повиновались, и пущенный переселенцами залп из карабинов прорезал только воздух. Сделать второй залп им не удалось: они быстро были обезоружены и частью перебиты, а частью перевязаны. Негры спрятались под фургоном и, зарывшись там в траву, жалобно выли.

Взошедшее солнце осветило ужасную картину. Такие картины в прежнее время часто повторялись в американских прериях. Фургоны переселенцев были разбиты, и все, что в них находилось, в беспорядке валялось на земле. Лошади и быки стояли связанными вместе и, точно понимая постигшее их хозяев несчастье, дрожали, оставляя без внимания сочную траву, расстилавшуюся под их ногами. Посреди этого хаоса лежали убитые и оскальпированные белые и крепко связанные негры; последние не издавали ни одного звука и не двигались.

Такова была картина, которую представлял лагерь переселенцев после того, как в нем побывали индейцы под предводительством Желтого вождя.

Глава VI ДВА ОХОТНИКА

Лощина, в которой останавливался Желтый вождь со своим отрядом, была одним из многих такого же рода углублений, длинным рядом окаймлявших прерии у подножия Сиерры.

Здесь шла еще не главная цепь Скалистых гор, а тянулись лишь ее крайние отроги, постепенно понижавшиеся и затем незаметно сливавшиеся с равниной.

Метрах в 1.300 от этого места, ближе к реке Бижу-Крик находилось ущелье или котловина, почти одинаковых размеров с первой лощиной, но совершенно другого расположения и вида. Она со всех сторон была закрыта тесно обступившими ее утесами с острыми вершинами высотой от 30 до 40 метров.

На первый взгляд казалось, что здесь нет ничего, кроме крутых отвесных скал, через которые могла бы перебраться разве только птица. Однако под этими твердынями был тайный проход, которым отлично умели пользоваться бывалые люди.

В месте соединения двух утесов, на одном уровне с землей, находился небольшой природный тоннель, из которого вытекал горный ручей, терявшийся в Бижу-Крике. Стоило только пройти по ложу этого ручья, чтобы попасть в так ревниво охраняемый утесами тайник.

Тоннель был так низок и тесен, что через него можно было пробраться с большим трудом и то согнувшись; длина его была в несколько метров.

Новичок ни за что не обратил бы внимания на этот проход, а если бы и заметил его, то никогда не подумал бы, что за ним скрывается маленький оазис.

Эта тайная котловина была покрыта роскошной травой и орошалась тихо журчащим ручейком. В глубине ее росли старые тенистые деревья, а на нижней части утеса произрастали плющ, можжевельник и другие мелкие хвойники, довольно чахлые из-за отсутствия хорошего питания в каменистой почве.

Это было как бы нарочно устроенное убежище для сов, филинов и летучих мышей. Но здесь и днем собиралось множество птиц, со всех сторон слетавшихся сюда на свидание. В этом укромном местечке им некого было бояться, кроме хищного белоголового орла, изредка появлявшегося на одной из вер-

шин и будившего горное эхо своим зловещим криком. Иногда этот хищник схватывал налету заранее намеченную им жертву, как бы она ни старалась отвертеться от него, и мгновенно исчезал с нею в поднебесье, чтобы потом опуститься в свое гнездо где-нибудь на самом высоком пике.

Увидеть этот природный цирк можно было только с окружавших его скал, а спускаться в него редко кто отваживался даже из бывалых людей, потому что на это понадобилось бы более получаса и самый спуск был сопряжен с опасностью сорваться с крутизны.

В ту ночь, когда был разгромлен лагерь переселенцев, почти на самой утренней заре в глубине мрачного горного тайника горел костер. Дым медленно поднимался по стволам массивных хлопчатных деревьев и расплывался в листве, не переходя за вершины утесов, так что по ту сторону его никто не мог заметить.

Возле костра, над которым был подвешен небольшой котелок, сидели двое. Один из них был вполне типичным охотником. На вид ему казалось лет около пятидесяти. Темные волосы и небольшая борода обрамляли энергичное лицо, сильно закопченное солнцем, ветром и пылью. Высокий и плотный, он должен был обладать недюжинной силой. Костюм его состоял из кожаной охотничьей блузы, кожаных же панталонов, мокасинов с крепкими подошвами из кабаньей кожи и пояровой шляпы с лентой вокруг тульи; но все это было старое, обтрепанное по краям и покрытое пылью и пятнами.

Товарищ его выглядел гораздо моложе и изящнее. Его охотничий костюм, хотя и состоял из того же материала, был совершенно новый и чистый. Очевидно, вышедший из мастерской более искусного портного, он, кроме того, был украшен богатыми вышивками.

У молодого человека были тонкие черты лица, нежные руки и скромные манеры, так что в нем трудно было заподозрить простого охотника, хотя в действительности он тоже принадлежал к трапперам.

Оба охотника только что вышли из палатки, сделанной из шкур, разложили костер и принялись готовить себе завтрак. Подкрепив свои силы, они намеревались осмотреть капканы, расставленные ими с вечера в окрестностях, а затем отправиться на охоту.

Около костра, на траве, лежал воткнутый на вертел кусок сочного мяса, предназначенный на жаркое. В котелке заваривался чай, служащий любимейшим напитком всех охотников.

Некоторое время оба охотника сидели молча, прислушиваясь к тому, как в котелке закипала вода. Наконец старший прервал молчание:

— Как это странно, Нед: ты всю ночь снился мне, — начал он.

— Неужели? — с улыбкой произнес молодой человек.

— Да, просто всю ночь не давал мне покоя!

— Надеюсь, вы не видели ничего такого, что предвещало бы мне дурное...

Вы знаете, я немного суеверен.

— Напрасно: все это вздор!

— Вы думаете?.. Впрочем, что бы ни ожидало меня впереди, хуже того, что уже случилось, едва ли может быть.

— Ты все преувеличиваешь, мой друг.

— И это может быть... с вашей точки зрения... Однако что же именно вы видели во сне? Это все-таки интересно.

— Мне приснилось, что ты женат на прекрасной молодой особе, которая всеми силами старалась уговорить тебя бросить твои горные походы и увезти ее в какой-то далекий город.

— Ну и что, удалось ей уговорить меня? Думаю, что нет.

— Ты думаешь? Хе-хе-хе!

— Нет, в самом деле, неужели я поддался?

— Кажется, начал было поддаваться, но в это время я как раз проснулся, так что не знаю, чем кончилось дело... Полагаю, однако, что если бы та молодая особа, которую я видел в качестве твоей жены, в действительности взялась за тебя, то ты едва ли мог бы устоять, хе-хе-хе...

— Кто же была эта особа?

— А ты не догадываешься? Мисс Клара Блэкаддер... Ага! Как тебя передернуло при этом имени!.. Я так и знал, поэтому и не хотел называть ее, но ты сам пристал ко мне... Вот теперь и кайся!

Молодой человек, мгновенно изменившийся в лице, глубоко вздохнул и печально произнес:

— Этому сну никогда не сбыться!

— Почему же это? — с легкой насмешкой спросил его собеседник.

— Потому что Клара Блэкаддер, по всей вероятности, давно уже замужем за другим и совершенно забыла о моем существовании.

— Не думаю. Женская привязанность крепче нашей, и чем больше препятствий к соединению с предметом ее любви, тем сильнее она привязывается к нему душой и сердцем. Клара же Блэкаддер в особенности из таких женщин. Я знаю ее с той поры, когда она была еще маленькой девочкой, и всегда удивлялся ее твердости во всем... Кстати, она единственная особа из всего этого семейства, стоящая любви порядочного человека.

— О да, это совершенно верно!

— Брат ее, например, такой негодяй, какого еще поискать. Он уже маленьким был сорвиголова, так что с ним никто не мог справиться, а теперь сделался прямо каким-то висельником. Кажется, во всей долине Миссисипи не сыщешь другого такого сорванца... Впрочем, виноват, я забыл о его отце: тот тоже немногим лучше своего сына... А Клара любила тебя, Нед, я это знаю наверное, и если бы ты тогда был поэнергичнее, не позволил бы ее родственникам так запугать себя или объяснился бы с ней лично, то она давно уже была бы твоей женой.

— Ну да, как же!

— Да уж поверь моему слову, Нед, все бы отлично обошлось... В крайнем случае, посадил бы ее на лошадь — да и гайда! Увез бы ее, как делают индейцы. С такими людьми, как ее отец и брат, которые хотели заставить ее выйти за одного из своей прекрасной компании, церемониться нечего. В первом же попутном местечке вас обвенчали бы, и дело было бы кончено. Пойди-ка развенчай потом! Так сделал я с моей покойной женой Соланж лет тридцать тому назад, в штате Теннесси, перед тем как поселиться на земле хоктавов. Отец ее старый Дик Сиокум и слышать не хотел о том, чтобы мы поженились, потому что он был зол на меня за то, что я победил его на состязании в стрельбе...

— И вы увезли свою невесту?

— Увез. Соланж пришла ко мне ночью в лес, откуда я повез ее прямо к одному знакомому проповеднику-методисту, и он в какие-нибудь пять — десять

минут связал нас на всю жизнь... Мне никогда не приходилось раскаиваться в этом поступке, потому что женщину лучше моей жены трудно было найти во всем свете. И, поверишь ли, с того ужасного дня, когда она навеки закрыла свои кроткие глаза, я ни разу еще не взглянул ни на одну женщину так, как смотрел на жену... Ах, как я с ней был счастлив и как мне было трудно лишиться ее!

Голос старого охотника дрогнул и оборвался.

Молодой человек печально смотрел на пламя костра и молчал, опасаясь неосторожным словом растравить душевную рану своего собеседника.

Между тем чай поспел. Старик снял с огня котелок и принялся жарить на вертеле мясо.

— Так бы следовало поступить и тебе, мой друг Нед, — продолжал он немного спустя, стараясь подавить нахлынувшие на него грустные воспоминания. — Тогда бы вся твоя жизнь сложилась иначе и тебе не на что было бы жаловаться. Вместо того чтобы рыскать по горам и степям и подвергаться всевозможным опасностям, ты завел бы себе хорошенькую плантацию в каком-нибудь укромном уголке Миссисипи и зажил бы припеваючи... По правде сказать, мне такая жизнь не была бы по вкусу. Исходив в течение тридцати лет вдоль и поперек все Соединенные Штаты, перебив около сотни краснокожих, чтобы самому не быть убитым и оскальпированным ими, и свикшись с вольною, хотя и опасною и полною лишений жизнью охотника, я, разумеется, никогда не согласился бы застрять на плантации. Для меня это было бы тюрьмою...

— Да, я знаю, мой добрый Лихе Ортон, что вы долго не вынесли бы такой тихой жизни.

— Да, мой милый, это верно... Что же касается тебя, то тебе вовсе не к лицу быть траппером, хотя ты мастерски владеешь ружьем и лазишь по горам не хуже любой козы. Мужества, ловкости и смекалки тоже у тебя вполне достаточно для этой профессии. Но все-таки сразу видно, что тебе была предназначена совсем другая доля. Скажи пожалуйста, ты никому больше, кроме меня, не открывал свою тайну?

— Никому. У меня был и есть только один поверенный — это вы, мой старый добрый друг.

— Очень рад это слышать. Я так привязан к тебе, Нед, что мне просто больно видеть, как ты грустишь и чахнешь от любви... Я и рад бы помочь тебе, да не знаю как и чем.

— А что бы вы сделали на моем месте, Лихе? Я действительно сам не свой с тех пор, как покинул долину Миссисипи. Тело мое здесь, а душа все еще там...

— Что бы я сделал?.. Вернулся бы туда и выждал бы случай увезти мою возлюбленную — вот и все. Больше, по-моему, нечего и делать, если ты хочешь быть счастливым.

— А вдруг она уже... замужем? — со вздохом проговорил молодой человек.

— Говорю тебе, этого быть не может! Я готов отдать голову на отсечение, что она еще свободна, потому что помнит тебя и...

— Да помнит ли?

— Помнит, помнит, поверь мне. Не такая она, чтобы забыть того, кого раз любила.

— Эх, если бы вы не ошибались, Лихе!

— Не ошибаюсь, будь покоен.

— А если ее насильно выдали замуж?

— Нет, и этого не может быть. Она не из робких, и не дастся. Да к тому же я слышал, что ее братец сильно порастряс отцовское имение, так что старик, как говорят, еле дышит. Из-за этого приезжий жених, наверное, отступился, а новых при таких условиях не скоро найдешь. Кто захочет связываться с людьми, которые, того и гляди, останутся с пустыми руками! Такие глупости делают только из любви, а на истинную любовь многие ли способны?.. Успокойся, мой милый: Клара Блэкаддер свободна, любит и помнит тебя. Она сама мне это говорила, когда я виделся с нею в последний раз, после того как ты отсюда скрылся... Однако вот что: давай-ка завтракать, а то чай остынет. Кстати, вот и мясо поспело.

С этими словами старый охотник снял с вертела мясо и, отрезав себе большой кусок, принялся с аппетитом уничтожать его. Молодой человек со вздохом последовал его примеру.

Глава VII ПРЕРВАННЫЙ ЗАВТРАК

Читатель, вероятно, уже догадался, что тот, кого старый охотник называл Недом, был тем самым молодым ирландцем, который так неудачно пытался посвататься за Клару Блэкаддер.

Это действительно был он, и его звали Эдуард О'Нейл. Покинув с горя долину Миссисипи, он направился на запад и остановился только в Арканзасе, где пробыл некоторое время. Затем он дошел до Скалистых гор и углубился в них, надеясь среди охотничьих приключений и опасностей скорее рассеяться и забыть то, что его так мучило. В крайнем случае, здесь не трудно было найти и смерть, которая не была бы прямым самоубийством. Он рад был бы и сам наложить на себя руки, если бы его не останавливала мысль о том, что это безнравственно и свидетельствует о малодушии и трусости.

Почти в первый же день своего пребывания в горах счастливый случай свел его с самым знаменитым охотником того времени Лихе Ортоном. Сначала они стали товарищами по профессии, а потом и закадычными друзьями.

Несмотря на свои зрелые годы, Ортон был молод и бодр душой. Под своей грубой и суровой оболочкой охотник таил мягкое, восприимчивое к добру сердце и честный характер; тем же отличался и О'Нейл. Это внутреннее сходство и помогло им сблизиться.

Ободренный словами старого друга, Нед, как мы будем его называть, с аппетитом принялся уничтожать прекрасное жаркое и запивать его душистым чаем.

Вместо стола охотникам служил большой камень с гладкой поверхностью, на котором мясо резалось не хуже, чем на мраморной доске. В корзинке, которую Ортон вынес из палатки, раскинутой тут же, в ущелье, находились хлеб, соль и кое-какие пряности для придания вкуса жаркому. Имелись и деревянные вилки, чтобы не обжигать пальцев горячим мясом.

Не успели охотники съесть и половины своего завтрака, как вдруг до их слуха донесся звук нескольких одновременных выстрелов, гулко и раскати-

сто повторенных несколько раз горным эхом.

Целый залп ружейных выстрелов! Это не предвещало ничего хорошего. Очевидно, где-нибудь в прерии происходила кровавая стычка, и, наверное, между белыми и краснокожими.

— Поднимись скорей наверх и посмотри, не видно ли оттуда чего, — сказал Ортон, продолжая есть. — Странно, что выстрелы больше не повторяются... Впрочем, быть может, этот залп был призывом на помощь?

Молодой человек проворно вскочил, схватил лежавшее возле него ружье, перекинул его себе через плечо и быстро стал взбираться на один из утесов, цепляясь за мелкий хвойник. Сам же Ортон спокойно остался на месте и принялся допивать свой чай.

Взобравшись наверх, Нед вынул из кармана подзорную трубу и направил ее в ту сторону, откуда слышались выстрелы.

Утренний свет только что начинал брезжить, и над прерией расстилался туман. Сначала Нед ничего не увидел, но потом вдруг на некотором расстоянии от того места, где он стоял, вспыхнул огонь и стал все больше и больше разгораться. Казалось, будто это горел костер. Вместе с тем слышались пронзительные, отчаянные крики и вопли смертельного ужаса и дикий рев, в котором привычное ухо Неда сразу узнало победный клич краснокожих.

— Ну что? — спросил старый охотник, приблизившись к подножию утеса, на котором делал свои наблюдения Нед.

— Насколько я могу понять, — ответил молодой человек, — недалеко от нас на кого-то напали индейцы... Возьдите скорее сюда сами!

Ортон взял ружье и тоже поднялся на вершину. В эту минуту над горизонтом начинало показываться солнце. В этих широтах утренние и вечерние сумерки не бывают продолжительны и почти сразу сменяются дневным светом или ночью темнотой.

— Там виднеется что-то белое, — говорил Нед, продолжая смотреть в трубу. — Что бы это такое могло быть?.. А, теперь я понял: это верхи переселенческих повозок... Возле них движется множество людей... Бегают взад и вперед, размахивая руками... Слышите, как кричат, режут и воют?..

— Да, там, очевидно, происходит резня, — произнес Ортон, отлично видевший и невооруженными глазами. — Это около самой реки... Наверное, переселенцы, судя по фургонам... Должно быть, на них неожиданно напали краснокожие и лишили их всякой возможности обороняться, иначе были бы еще выстрелы... Узнаю тактику индейцев: налетят как орлы и, не дав опомниться, скрутят по рукам и ногам или всадят нож в горло и снимут скальп, смотря по тому, желают ли они взять в плен или убить... И к чему этих переселенцев занесло туда, в сторону от дороги?.. Это что-то очень странно!..

— И как мало повозок! — подхватил Нед. — Должно быть, это совершенные новички и люди очень наивные, иначе они не отважились бы пуститься в таком малом числе в прерию... Смотрите, Лихе, теперь вокруг костра пляшут... А как орут-то, точно стая дьяволов!.. Вон несколько человек в белом распростерты на земле... Кажется, это уже мертвые... Фургоны разбиты, кругом разбросаны вещи... Бедные переселенцы!.. Ехали со всем своим скарбом, надеялись где-нибудь устроиться по-старому — и вдруг такой ужасный конец!.. Уж не шайка ли Желтого вождя напала на них? Если так, то нужно им пожелать, чтобы они были сразу убиты. Я слышал, что попасть в плен к этому чудовищу

во сто раз хуже смерти.

— Да, это верно, — подтвердил Ортон, — Желтый вождь превосходит своей жестокостью всех остальных индейских вождей, насколько можно судить по слухам... Но где же ты слыхал о нем, Нед? Помнится, я тебе не говорил еще о нем... как-то все не приходилось.

— Мне рассказывали об этом кровожадном звере в человеческом образе в форте Бент. Меня предупредили не попадаться ему в лапы... А что, Лихе, не пойти ли нам туда, к этим плясунам? Наверное, между переселенцами были женщины и дети, а их индейцы обыкновенно берут в плен. Может быть, нам удастся спасти кого-нибудь из них. Как вы думаете?

— Нет, мой друг, это невозможно, — ответил со вздохом охотник. — В первую минуту и мне пришлось было в голову броситься на помощь этим беднягам, но потом я одумался. Мы напрасно только рискнем своей жизнью, не принеся несчастным никакой пользы... Я уверен, что это именно орда Желтого вождя, потому что она рыскает всегда в этих местностях. А связываться с этим дьяволом не решусь даже я. Он и так ненавидит всех трапперов, и если увидит, что мы ему становимся поперек дороги, то способен объявить нам самую беспощадную войну, тогда нас ничто не спасет... Но, погоди! Это еще что такое?

Восклицание старого охотника относилось к какому-то странному существу, которое вприпрыжку мчалось по равнине прямо к утесу, на котором стояли наши друзья, спрятавшись за стволом старого кедра.

— Что за диво! — продолжал Лихе, с недоумением всматриваясь в странное существо, быстро приближавшееся к ним. — Не то волк, не то маленький буйвол... Белая шкура, а хвоста нет... Ха-ха-ха! — вдруг расхохотался старый охотник. — Да это негр! Честное слово, негр в белой рубашке. Бедняк согнулся и бежит на четвереньках... Должно быть, еще молодой... А, смотри, какой хитрец: забрался в густую траву и скачет по ней настоящим зверем!..

— Да, сметливая шельма! — с улыбкой сказал Нед, любуясь на ловкие прыжки негра, черное лицо которого теперь ясно можно было рассмотреть. — Наверное, принадлежал к тому несчастному каравану и ускользнул из рук палачей.

— Я то же думаю, — согласился Ортон. — Присутствие негров доказывает, что переселенцы ехали с юга... Однако он направляется прямо к нам, не боится нас... А может быть, он просто хочет укрыться тут где-нибудь... Нед, ты проворнее меня: спустись-ка вниз и постарайся изловить этого молодца. Мы поспросим его. А я пока побуду здесь.

О'Нейл молча кивнул головой и стал спускаться в равнину. Спуск оказался гораздо легче, чем подъем, так как с этой стороны утес был довольно отлогий.

Через несколько минут молодой охотник был уже внизу и направился навстречу негру.

Овладесть чернокожим было не трудно; он задыхался от волнения и усталости и не оказал ни малейшего сопротивления, когда Нед схватил его за одежду и заставил подняться на ноги. Сначала бедняк сильно было испугался, но, взглянув в открытое лицо молодого охотника, сразу успокоился: он понял, что со стороны последнего ему не угрожает никакая опасность.

— Лихе! — крикнул Нед своему товарищу. — Идите сами сюда. Этот бедный чернокожий так измучен, что я не решаюсь тащить его наверх. Пожалуй, он

подумает, что я хочу доставить себе удовольствие сбросить его оттуда, чтобы полюбоваться, как треснет его лохматый череп.

Старый охотник поспешил спуститься с вершины.

— Здравствуй, приятель! Наверное, ты понимаешь хоть сколько-нибудь по-английски, — сказал он негру, которого Нед держал за руку. — Откуда это ты пробрался сюда?.. Да ты не бойся, говори смелее: мы тебе зла не сделаем.

— Повозки, масса... Я бежал от повозки, — ответил негр на ломаном английском языке.

— Что это за повозки?

— Мы ехать в них по прерии... на нас напасть... всех резать: и белых и много негр... сколько оставалось у господин после плантации... Ранены есть... убиты есть... Один я бежать!

— Гм!.. А кто же это напал на вас?

— Индейцы... Крашены индейцы. Лицо белый, красный... много разных цвет... Они прискакать ночью... Мы все спать, а они напасть на нас... Мы раз стрелять, а они нас связать и бить... Мы не стрелять второй раз...

— А много вас было?

— Много... все убить.

— И белых убили?

— Убить!.. Я видеть старый масса: голова разбит... кровь течь... и надсмотрщик с большим ружьем убить... Молодая мисс плакать и кричать... и все женщин и дети кричать... Ах, как они кричат!

— Значит, твоего господина убили!

— Да, да, убить!

— А ты знаешь, как звали твоего господина?

— Знать, масса, как не знать!.. Все знать имя старый масса. Его звать Блэкаддер.

— Эсквайр Блэкаддер?!

— Да, масса, Блэкаддер.

— Уверен ли ты в том, что его так звали? — спросил Нед, которого это известие так поразило, что он почти не сознавал, что говорит.

— Уверен, масса, уверен: Блэкаддер, — отвечал негр, вытаращив глаза от удивления.

Ему показалось очень странным, что люди могут усомниться в этом имени.

— А откуда вы ехали? — в страшном волнении продолжал Нед.

— Из Миссисипи, масса.

— Миссисипи велик. С какого именно места?

— От Виксбург... На левый берег река был плантация масса Блэкаддер, от этот плантация мы и ехать.

Молодой человек замолчал и стоял как окаменелый, закрыв лицо руками, между тем как его товарищ испустил глухое восклицание ужаса и негодования.

Больше не могло быть ни малейшего сомнения: переселенцы, караван которых разгромили индейцы чуть не на глазах у охотников, были Блэкаддер с семейством и слугами.

Глава VIII

ПЛАН

— Что же нам теперь делать, мой бедный друг? — спросил Ортон, с глубоким состраданием глядя на молодого человека, совершенно убитого неожиданным открытием.

— Конечно, нужно поспешить на место битвы и убедиться, правда ли все это. Может быть, там не все убиты, а только ранены, — ответил Нед. — Страшно даже подумать, что Клара может быть убита или что она попала в плен к этому извергу, — прибавил он, растерянно обводя вокруг помутневшими от горя глазами.

— Идти туда! — воскликнул Ортон. — Да ведь я уже говорил тебе, что для несчастных жертв это будет бесполезно, а для нас кончится тем, что мы лишимся своих скальпов или, в лучшем случае, навлечем на себя вечную вражду Желтого вождя. Я уверен, что это нападение устроил именно он со своей шайкой.

— Мы поосторожнее подкрадемся к тому месту и посмотрим из-за кустов, что там делается.

— И это невозможно: там нет никаких кустов, и нам негде будет притаиться. Это я уже разглядел сверху. Нет, идти туда, значит, прямо отдаться в руки палачам, а это, по-моему, непростительная глупость. Если там даже и не Желтый вождь, то все равно нам несдобровать, потому что и всякий другой не упустит удобного случая обогатиться новыми трофеями, то есть снять с нас скальпы.

— Но нужно же предпринять что-нибудь, мой добрый Лихе, — умоляющим голосом говорил молодой человек. — Не могу же я оставаться здесь в полном бездействии, когда Клара, быть может, в плену у этих двуногих зверей. Если она жива и попала к ним в руки, то я обязан сделать попытку к ее освобождению. А если она, спаси Бог, уже убита, я считаю своим долгом отомстить за нее. Лихе, умоляю вас, помогите мне сделать что-нибудь или научите меня, как поступить.

— Конечно, нужно что-нибудь сделать, — произнес старый охотник, устремив с задумчивым видом глаза на землю. — Если бы дело шло только об эскайре Блэкаддере с его прекрасным сынком, то, понятно, не стоило бы жалеть, но раз тут замешана Клара — во что бы то ни стало нужно разузнать о постигшей ее судьбе и что-нибудь придумать для ее спасения, пока еще не поздно. Только не следует действовать наобум. Сначала нужно основательно обдумать весь план. Я убежден, что не все убиты, потому что схватки почти не было. Наверное, переселенцы сразу сдались, увидев превосходство сил неприятеля.

— Да, и мне так думается, поэтому...

— Поэтому, — подхватил Ортон, — и говорю, что не следует зря рисковать собою, лезть прямо в петлю.

— Я согласен, Лихе, вполне согласен, что этого не следует делать. Но что же в таком случае предпринять?

— А вот, дай обдумать. Сначала нужно еще порасспросить этого чернокожего.

И, обернувшись к молодому негру, спокойно сидевшему теперь на траве возле охотников, Ортон спросил его:

— Постарайся-ка сообразить, приятель, сколько напало на вас индейцев?

— Много, масса, очень много, — ответил негр, — сто... больше сто... очень много.

— Эх, — с досадой произнес старый охотник, махнув рукой, — у вас все «много». С испугу-то у вас в глазах все удесятеряется. Ну ладно, пусть будет «сто». Скажи мне теперь вот что: не заметил ли ты между индейцами такого, который бы был главным над всеми?

— О да, масса, я заметил, хорошо заметил.

— Понимаешь, какой бы приказывал, вождя?

— Видеть вождя, масса, видеть. Он все кричать, махать руками и все делать, как он кричать.

— Да? А как он одет?

— В длинный белый одежда, масса, на голова у него большой, очень большой хвост из птица, пестрый такой, красивый птица.

— Ну, так и есть: это Желтый вождь. Он всегда щеголяет в белой мантии и носит на голове убор из павлиньих перьев, — сказал Ортон.

— Нет, масса, — возразил негр. — Лицо у него не желтый, а красный, очень красный, тут и тут, — негр показал на лоб и щеки, — только две желтый полоса на щека, а...

— Ну, это ничего не значит: он выкрашен краской, вот и все — перебил Ортон. — Желтым его прозвали по другому случаю. Ну, а что он кричал и делал?

— Что кричать, я не понимать, но он показывать рука, чтобы не убить, а больше вязать белый.

— Странно! Да верно ли ты говоришь, что он не велел убивать, а только вязать белых?

— Верно, масса, верно. А потом я спрятаться под повозка и прыг-прыг по трава сюда.

— Прыгал-то ты ловко, это мы видели. Удивительно, — продолжал старый охотник, ни к кому не обращаясь, а как бы размышляя вслух, — если Желтый вождь не перебил всех белых. Не в его привычках щадить их. Я слышал, что он никогда не оставляет в живых ни одного белого, потому что чувствует к ним какую-то особенную ненависть, но приходится верить этому черномазому, потому что негры скорее склонны преувеличивать, чем смягчать дурное.

— Да, и я нахожу это очень странным, — сказал Нед. — Но во всяком случае нужно что-нибудь предпринять для выяснения дела.

Старый охотник некоторое время простоял молча, опираясь на дуло своего карабина. Очевидно, он обдумывал какой-то план, зародившийся у него в голове.

Наконец после долгого молчания он проговорил:

— Если эти проклятые краснокожие не перебили всех сразу, то, значит, пока и не убьют их, а увезут с собою. Следовательно, нам можно будет попытаться спасти кого-нибудь из пленных.

— Так вы теперь находите возможным сделать эту попытку! — воскликнул, видимо обрадованный, Нед, схватывая своего товарища за руку.

— Кажется, мой друг.

— Но как именно?

— А вот погоди, дай мне подумать. Если Желтый вождь взял в плен женщин, то он не возвратится с ними прямо к своему племени, а захочет сначала один со своими избранными молодыми воинами позабавиться добычей где-нибудь в укромном месте.

Молодой ирландец задрожал при этих словах, подтверждавших мучившую его в эту минуту тайную мысль, но промолчал, желая дать другу возможность высказать до конца свой план.

— Если это так, — продолжал Ортон, — то мне кажется, что я могу почти наверное указать, куда именно двинутся отсюда дикари. Я знаю одно место, где Желтый вождь любит останавливаться во время своих военных экспедиций. Я совершенно нечаянно открыл это убежище, когда однажды гнался за добычей. Это было еще до встречи с тобою, Нед. Наверное, индейцы переночевали там нынче, чтобы напасть на переселенцев, о приближении которых им сообщили разведчики. Эта банда всегда нападает на караваны, приближающиеся по прерии к Скалистым горам. Впрочем, она не пренебрегает и охотниками, вроде нас с тобой, когда те имеют неосторожность попасться ей на глаза. Теперь, значит, весь вопрос заключается в том, чтобы узнать, что они в настоящее время намерены предпринять и где будут находиться, когда мы вернемся сюда.

— Вернемся сюда? — недоуменно переспросил Нед.

— Ну, да! Разве ты не понимаешь этих простых слов, дружище? — спокойно произнес Ортон.

— Значит, вы хотите отсюда куда-то идти? Но куда же именно?

— В Сен-Врэ.

— В Сен-Врэ? Что же мы там будем делать?

— Искать помощи. Не вдвоем же с тобою мы нападём на целый отряд индейцев, да еще под предводительством Желтого вождя!

— И вы думаете, что мы найдем в Сен-Врэ необходимую помощь?

— Даже уверен в этом. Те охотники, которых мы вчера встретили, отправились в Сен-Врэ. Кроме того, там должно находиться много моих старых друзей: они раза два-три в неделю доставляют туда свою охотничью добычу. Вообще, я бы там в несколько часов мог набрать человек пятьдесят самых смелых охотников, но этого будет много для того, чтобы справиться с ордой придорожных грабителей. Ведь и Желтый вождь не из заговоренных. Так вот, Нед, если ты сам не придумал ничего лучшего, мы немедленно отправимся в Сен-Врэ, заключил Ортон.

— Где же мне что-нибудь придумать, когда у меня голова идет кругом! — с горечью воскликнул молодой человек.

— Ну, так двигаемся, — сказал старый охотник.

— Ах, как я страдаю при одной мысли, что бедная Клара находится во власти этих извергов! — снова вскричал Нед. Идемте скорее.

И молодой человек уже зашагал было по направлению к форту Сен-Врэ.

— Постой, не торопись, — остановил его Ортон. — Сначала дай мне честное слово, что ты во всем будешь повиноваться мне и не сделаешь никакой глупости. Помни, что нам следует всячески избегать встречи с индейцами, пока мы одни, иначе нашим волосам не удержаться на своем месте. Признаюсь, я во все не желал бы расстаться со своей шевелюрой, хотя она уже и начала покрываться сединой. Честное слово, если бы не Клара, я ни за что не тронулся бы

отсюда и не бросил бы недоеденным такой вкусный завтрак. Пускай бы Желтый вождь и его шайка сколько угодно продолжали разбойничать на вечную погибель своих душ. Так ты обещаешь мне быть умником и не делать никаких глупостей?

— Обещаю, обещаю, — нетерпеливо ответил Нед.

— Ну, так идем. Но для ускорения дела мы лучше сядем на своих лошадей, они ожидают нас как раз по дороге. На них мы живо слетаем туда и обратно. Вот что, приятель, — обратился Ортон к негру, — мы уедем на несколько часов, а ты дождись нас. Мы проведем тебя в одно место, где ты спокойно можешь пробыть до нашего возвращения. Там тебя никто не тронет.

Негр послушно и доверчиво последовал за охотниками, которые поднялись наверх и спустились оттуда со своим гостем в ущелье.

— Вот видишь, — продолжал охотник, указывая на остатки завтрака, — тут есть что пожевать и чем утолить жажду. Только ты не все съедай, слышишь? Мы вернемся еще засветло и захотим поужинать. Если ты нам ничего не оставишь, мы вынуждены будем съесть тебя самого.

С этими словами Ортон направился со своим спутником к тоннелю, оставив негра в полном недоумении относительно того, следует ли принимать последние слова старого «массы» за шутку или за действительную угрозу.

Пройдя сквозь тоннель, охотники направились к обширной пещере, служившей им вместо конюшни. Мигом оседлав лошадей и взобравшись на них, охотники стали пробираться в равнину, соблюдая крайнюю осторожность, пока не достигли такого пункта, откуда лошадиный топот не мог достичь до уха пировавших возле Бижу-Крика индейцев.

— Теперь поскачем во всю прыть, Нед, — сказал Ортон. — Впрочем, я совершенно напрасно принимал эти предосторожности: краснокожие, наверное, теперь одурманены вином. Они ведь большие любители спиртных напитков, да и старый Блэкаддер был не прочь выпить. По всей вероятности, он имел с собой порядочный запас разных водок и настоек, которыми и воспользовались теперь грабители. Ну, да осторожность никогда не мешает. Если они все напились, то едва ли успеют протрезвиться до нашего возвращения и далеко не уйдут, так что нам, заручившись достаточной помощью, нетрудно будет догнать их, отнять у них пленников и проучить самих разбойников за их подвиг.

— Дай-то бог! — воскликнул молодой ирландец, жадно хватаясь за блеснувшую перед ним, как солнечный луч, надежду спасти избранницу своего сердца.

Пришпорив коней, охотники вихрем помчались по бесконечной зеленой равнине.

Глава IX

ФОРТ СЕН-ВРЭ

В прериях было учреждено несколько укреплений с сильными гарнизонами для охраны торговых путей. Из всех этих укреплений особенно выделялся форт Сен-Врэ, служивший центром, куда стекались все охотники прерий, чтобы продать там свою добычу и отдохнуть от трудов и лишений своей тяжелой профессии.

Раз в год был общий сбор охотников в Сен-Врэ. В описываемое же нами время они являлись туда только поодиночке и их набиралось там человек от двадцати до полусотни не более.

Но сколько бы ни собиралось там этих людей, приносивших кипы драгоценных мехов и шкур, из которых самый маленький образчик продавался за несколько долларов, сейчас же составлялась веселая компания, спешившая вознаградить себя за долгое воздержание всякого рода удовольствиями.

И в тот день, когда в Сен-Врэ направились наши друзья Лихе Ортон и Эдуард О'Нейл, в форте было несколько десятков охотников, собравшихся со всех сторон: из ущелий и пещер Скалистых гор, с берегов речек и ручьев, вытекавших из этих гор, а также с больших рек, как, например, Колорадо, и, наконец, с Соленого озера, вокруг которого водилось такое множество дичи, что сколько ее ни истребляли, она все как будто не убывала.

Все охотники явились с богатой добычей и в два-три часа променяли ее у торговцев или комиссионеров на ружья, свинец, порох, кинжалы, ножи, одежду, на разные домашние принадлежности и на украшения с настоящими или фальшивыми камнями для своих жен; некоторые, впрочем, брали прямо мексиканскими долларами или золотым песком.

Но золото жгло руки охотников и требовало скорее обмена на водку и вино, карты, игральные кости и т. п. развлечения.

Устраиваемые охотниками пирушки и состязания в карты или кости нередко оканчивались кровавыми ссорами.

Чаще всего происходили стычки между охотниками и расположившимся возле форта индейским племенем «белых ворон». Эти индейцы дружили с белыми, но охотники видели в них соперников по ремеслу, поэтому не пропускали ни одного случая, чтобы прицепиться к ним и завести с ними ссору.

Как раз и теперь охотники затеяли спор с индейцами, угрожавший перейти в кровопролитную схватку, но крик часового вдруг отвлек их внимание в другую сторону и заставил прекратить опасную затею.

Спорщики находились на обширной площадке, раскинувшейся перед главными воротами форта и обыкновенно служившей местом для военных учений, атлетических упражнений и тому подобного.

Крик часового, говорим мы, заставил всех обернуться в сторону равнины, над которой владычествовал форт. По прерии прямо к форту неслись вскачь два всадника.

Быстрота скачки доказывала, что всадники спешат как можно скорее достичь своей цели, иначе они пожалели бы своих лошадей и не заставили бы их во всю прыть подниматься по крутой тропинке, которая вела на занятую фортом возвышенность.

— Ишь, как дуют, точно за ними гонится отряд краснокожих, — заметил Блэк Гаррис, один из самых славных в свое время охотников, кивая головой на быстро скакавших всадников.

— Однако за ними никого не видно, — отозвался другой, — к тому же им теперь нечего бы бояться в виду форта, а они все-таки не уменьшают скачки. Может быть, это из наших?.. Эх, зрение-то у меня не прежнее: не могу уж видеть лиц на таком расстоянии.

— Да, — подхватил третий, — если я не ошибаюсь, тот, который скачет на белой лошади, старый Лихе Ортон, техасец, которого вы все должны знать так же хорошо, как я, второго же я вижу в первый раз. Это какой-то совсем молодой и не похожий на нашу братию, хотя и сидит на своей вороной лошади точно сросся с нею: славный ездок, черт его возьми!

— Есть за что хвалить, — презрительно произнес один охотник, очевидно мексиканец, судя по его бронзовому лицу, одежде и выговору, — у нас даже шестилетние ребята ездят не хуже.

— Осмелюсь вам заметить, сеньор Санхез-и-Вегос, что вы изволите быть чересчур пристрастным, — с оттенком иронии возразил Блэк Гаррис. — Этот молодой человек ездит несравненно лучше, чем многие взрослые мексиканцы, которые, сидя верхом на лошади, очень напоминают кошек, взобравшихся на спину козе. Кстати, я теперь узнаю brave молодого всадника: это мой земляк Эдуард О'Нейл из графства Типперари в Ирландии. Он настоящий дворянин не только по рождению, но и по образу мыслей.

Мексиканец засверкал глазами и с угрожающим видом подошел было к Гаррису, но тот только презрительно передернул плечами и вмешался в толпу других охотников, с возгласами любопытства окруживших поднявшихся к ним на площадку Ортона и О'Нейля.

К величайшему удивлению всех охотников, прибывшие не сошли с лошадей, а остались в седлах.

В течение нескольких минут ни тот ни другой из всадников не были в состоянии произнести ни слова: они задыхались от своей бешеной скачки не менее своих лошадей.

— Наверное, случилось что-нибудь важное, старый дружище, — сказал Гаррис, пожимая молча протянутую ему руку Ортона. — Это видно по тому, что ваши лошади еле держатся на ногах. Не в твоих привычках по пустякам загонять так бедных животных. В чем же дело? Уж не индейцы ли? Может быть, они напали на вас и вы бежали от них?

— Нет, тут совсем другое, — ответил Ортон, с трудом переводя дыхание.

— Что же именно?

— А вот что, — начал Ортон, наконец отдышавшись. — Дело действительно касается индейцев, но они напали не на нас, а на партию переселенцев, шедших из Миссисипи и остановившихся нынче ночью на берегу Бижу-Крика. Насколько нам известно, индейцы часть переселенцев убили, а часть взяли в плен.

— Вот как! А что это за переселенцы? Ты их знаешь?

— Знаю. Это плантаторы из долины Миссисипи, они направлялись в Калифорнию.

— Значит, это мои земляки, — заметил молодой охотник, стоявший рядом с Блэком Гаррисом, — я тоже с берегов Миссисипи.

— А нам очень интересно знать, откуда ты? — сердито обрезал его Гаррис, раздосадованный перерывом беседы. — Так ты говоришь, — снова обратился он к Ортону, — что переселенцы ночевали на берегу Бижу-Крика и что там на них напали краснокожие? Когда же это было?

— Сегодня на восходе солнца.

— Ну, а тебе-то тут какая печаль?

— У меня есть друзья между ними.

— Да? Кто же именно?

— Об этом после. По-моему, впрочем, достаточно уже одного того, что это белые и что на них напали краснокожие, чтобы заставить всех порядочных людей помочь несчастным.

— Положим, это так. Ну, а какие же индейцы напали на них? Черные ноги?

— Нет.

— Рабагон?

— Тоже нет.

— Так уж не хейены ли?

— Они самые.

— Ага! Ну, это самые жестокие и предательские из всех краснокожих.

— В том-то и дело, мой друг, — сказал Ортон.

— А ты узнал, кто ими предводительствует?

— Об этом нечего и спрашивать, — заметил один из охотников.

— Почему же? — осведомился Гаррис.

— Потому, что хейенами всегда предводительствует тот самый дьявол, которого называют Желтым вождем.

— Значит, и эта шайка была под предводительством Желтого вождя, Ортон? — спросило сразу несколько голосов.

— Да, друзья мои, — ответил старый охотник.

Этот ответ был встречен криками злобы и ненависти.

Все охотники и обитатели форта не раз слышали о Желтом вожде, имя которого наводило ужас на всю территорию, расположенную между истоками Ла-Платы и Арканзасом.

Многим из них лично приходилось терпеть от злодеяний этого разбойника, и они клялись отомстить ему при первом же удобном случае. К несчастью, Желтый вождь был очень осторожен и поймать его было так же трудно, как ветер в степи.

Теперь все поняли, что Ортон явился в форт не даром, а чтобы пригласить собравшихся там охотников выступить соединенными силами против Желтого вождя. Эта мысль заставила их забыть личные счеты между собою и сойтись в единодушном желании ударить на общего врага.

— Следовательно, вы явились позвать нас на помощь переселенцам? — спросил Ортона один старый охотник.

— Да, я надеюсь, вы не откажетесь...

— О, конечно, — перебил охотник. — А как вы думаете, краснокожие сейчас в том месте, где стояли переселенцы?

— Едва ли, — ответил Ортон. — Против этого имеется несколько причин. Первая та, что вчера, как я слышал, кто-то из вас встретился с их караваном...

— Это были мы, — в один голос сказали три охотника, до сих пор стоявшие молча. — Мы даже прошли с ними довольно большое расстояние и делали

вместе полуденный привал, — добавил один из них.

— Значит, вы знаете кого-нибудь из них? — осведомился Ортон.

— Нет. Но мы узнали их проводника, старого хоктава, — продолжал тот же охотник. — Этот хоктав имеет обыкновение проживать подолгу в окрестностях форта Бент. Индейцы зовут его Вабогой. Он пользуется дурной славой, поэтому мы предостерегали против него переселенцев, но, должно быть, они не приняли во внимание нашего предостережения. Я уверен, что ему удалось обмануть, завлечь и предать их.

— Наверное, так, — сказал Ортон. — Я еще раньше слышал, что какой-то хоктав Вабога служит Желтому вождю шпионом. Что же касается до самого вождя, то он, по-моему, не решится остаться в такой близости от этого форта, а, наверное, поспешит уйти со своими пленниками. Вабога, конечно, передал ему о вашей встрече с караваном, и это могло внушить Желтому вождю опасение, не вздумали бы вы поинтересоваться дальнейшей судьбой переселенцев. Поэтому я думаю, что он теперь уже ушел, но я знаю, где он мог укрыться со своей шайкой и пленниками.

— Во всяком случае, нам не трудно будет напасть на его следы, — сказал один из молодых охотников.

— Ну, это вовсе не так легко, как вы воображаете, — возразил Ортон. — Краснокожие очень искусны в уничтожении своих следов.

— Как же быть в таком случае?

— По-моему, нам следует направиться прямо к тому месту, где Желтый вождь будет некоторое время скрываться.

— А ты точно знаешь это место, Лихе? — спросил Гаррис.

— Кажется, знаю.

— Так веди нас туда! — воскликнул Гаррис. — Только бы нам найти его, а там уж мы расправимся по-своему, будь покоен, перевешаем всех краснокожих на ближайших деревьях, что же касается самого Желтого вождя, то я задуш его своими собственными руками, не будь я Блэком Гаррисом!

— А я не буду Лихе Ортоном, если не проведу вас ближайшим путем к логовищу этого зверя, — проговорил старый охотник.

— Отлично. Когда же, по-твоему, следует отправляться.

— Да чем скорее, тем лучше. Времени терять не следует.

— Ну, так, значит, едем сейчас, — произнес Гаррис. Кто с нами друзья? — обратился он к толпе охотников.

— Я! Я! Мы все идем! — раздалось в ответ несколько десятков голосов.

Охотники мигом приготовились в путь, сгорая жаждой встретиться лицом к лицу со страшным Желтым вождем хейенов и отомстить ему за смерть своих товарищей, имевших несчастье попасть к нему в руки.

Ортон и Нед едва успели, не сходя с лошадей, выпить наскоро по стакану коньяку, закусить парой сэндвичей и напоить своих коней, когда охотники, тоже верхами и вооруженные с головы до ног, окружили их со всех сторон.

Их набралось только двадцать пять человек, но все это были люди храбрые и вполне опытные в делах с краснокожими. Каждый из них, надеясь на свой длинноствольный карабин, был уверен, что справится с несколькими индейцами.

— Готовы, друзья? — спросил Ортон, окинув довольным взглядом группу всадников.

— Готовы, — в один голос ответили всадники.

— Ну, так с Богом, за мной.

С этими словами старый охотник выехал вперед и, пришпорив своего коня, быстро понесся вниз с возвышения по направлению к прерии. Вслед за ним направился и маленький отряд смелых искателей приключений.

Глава X ИНДЕЙЦЫ И ИХ ПЛЕННИКИ

Мы снова находимся в той лощине, откуда Желтый вождь хейенов двинулся на лагерь переселенцев.

Отряд охотников еще не появлялся, и краснокожие наслаждаются отдыхом после своего подвига и сознанием полной безопасности в этом убежище.

День в полном разгаре; солнце медленно плывет по безоблачному небу, приближаясь к зениту.

Рамка картины осталась та же, какая была ночью, но содержание изменилось. Прежде всего прибавилось много новых людей, да и прежние ведут себя иначе, чем в то время, когда мы в первый раз увидели их ночью при свете луны и костра. Тогда индейцы держались тихо и с полным достоинством, как и следует воинам, отправляющимся в экспедицию, теперь же, опьяненные победою, а отчасти и вином, они предаются самому необузданному веселью, выражающемуся в диких движениях, прыганье, беготне, громких криках и хохоте.

Одни бесцельно шныряют взад и вперед по лощине, другие лежат в высокой траве и, размахивая руками, что-то бормочут и кричат заплетающимися языками; третьи исполняют дикую отвратительную пляску, сопровождая ее наводящим ужас гиканьем, и только немногие, сдерживаемые уважением к вождю, настолько сохранили самообладание, что могут наблюдать за лагерем и за пленными.

Пленные были разделены на три группы, расположенные отдельно, недалеко одна от другой; к каждой из них был приставлен караульный.

Негры — мужчины, женщины и дети — сидят тесной группой в углу, образуемом двумя утесами. Хотя они и не связаны, но бежать им нет никакой возможности, потому что при первом подозрительном движении с их стороны они были бы беспощадно убиты стоящим возле них караульным.

Впрочем, они и не думают бежать. Ведь их положение в сущности очень мало изменилось: они только перешли из рабства в плен, а это почти одно и то же. И если бы не боязнь быть убитыми, они были бы совершенно спокойны.

Вторая группа состоит из пяти белых женщин и пятнадцати детей, самому старшему из которых лет тринадцать, а младшему пять.

Среди женщин особенно выделяется одна, возле которой нет детей. Хотя она уже в таких летах, что тоже могла бы быть матерью, но по ее лицу и фигуре видно, что она еще девушка.

Это мисс Клара Блэкаддер. Сидя отдельно от своих товарок по несчастью, она погружена в грустные размышления.

Если у нее нет детей, за которых трепетало бы ее сердце, зато она терзается скорбью при воспоминании о тех взрослых, которые пали жертвами индейцев, а главное — за своего старого отца: он на ее глазах был убит и оскальпи-

рован. Никогда Клара Блэкаддер не забудет ужасного зрелища, при виде которого она лишилась чувств!

И теперь, как только бедная девушка поднимает глаза, она видит этот скальп, надетый на копьё, воткнутое неподалеку от нее в землю. С этого скальпа капля по капле стекает на траву кровь, та самая кровь, часть которой течет в жилах самой Клары!

Третья группа состоит из шести крепко связанных белых. В караване находилось всего девять белых мужчин; трое из них были убиты.

И действительно, рядом с тем копьём, на конце которого прикреплен седой скальп эсквайра Блэкаддера, находятся еще два таких же копьё со скальпами, снятыми с убитых. Разумеется, подобная же участь постигла бы и пленников, если бы Желтый вождь не распорядился взять их в плен живыми. Только это приказание и спасло их.

Из оставшихся в живых мы знаем только двоих: Блонта Блэкаддера и бывшего надсмотрщика плантации мистера Снивели. У последнего на правой стороне лица зияет глубокая рана, очевидно нанесенная копьём. Наружность этого человека и раньше не отличалась привлекательностью, а теперь была прямо ужасна.

Индейцы сожгли все имущество переселенцев, за исключением денег, драгоценностей и кое-какой одежды, в которую могли бы нарядиться их жены. Только с одной повозки они сняли кузов и устроили из него в лощине шатер для своего вождя, где в эту минуту он отдыхает. Вождь не спал всю прошедшую ночь, а потому прилег днем после совершенного набега.

Вход в шатер сторожат Вабога и тот воин, который приставлен к вождю для его личных услуг. Оба индейца охраняют покой своего вождя не потому, что остерегались какой-нибудь опасности или чтобы не потревожили его пьяные воины, а просто потому, что так было принято.

Кроме того, они знают по опыту, что вождь проспит недолго, и прежде всего будет нуждаться в их услугах, как он им заявил.

Полуденный зной клонит и их ко сну, но они стойко противятся искушению прилечь тут же на траве и закрыть глаза; минутная слабость могла бы им дорого стоить, потому что вождь шутить не любит и не простил бы им подобного баловства.

Белые пленные шепотом передают друг другу свои впечатления, чувства и опасения за будущее. Они страдают не только от всего уже испытанного ими и от ран, но и при мысли о том, что того и гляди их предадут самой мучительной смерти.

Более всего они опасаются пыток, которым, как они слышали, индейцы любят перед смертью подвергать пленников.

— Хорошо бы, — говорит Снивели, — если бы злодеи сразу убили нас, но они, вероятно, не это задумали. Если бы они этого хотели, то не стали бы возиться с нами и тащить нас сюда, а покончили бы с нами на том месте, где напали на нас... Впрочем, кто их знает, быть может, они и совсем не тронут нас, а только будут держать в плену и заставят работать на них. Бывает иногда и так. Дай Бог! Тогда у нас все-таки останется надежда когда-нибудь спастись бегством. На что им, в сущности, наша смерть?

— Им не смерть наша нужна, — произнес лежавший рядом с Снивели бывший плантатор и приятель Блэкаддера, — а наши скальпы. Разве вы не знаете,

что индейцы больше всего дорожат скальпами, в особенности молодые, которым хочется отличиться. Ведь с каждым лишним скальпом растёт слава доблестного воина. Нет, они никогда не откажутся воспользоваться этими трофеями ради каких-нибудь других интересов.

— Увы, это верно! — со вздохом подтвердил третий.

— Однако я слышал, — снова заговорил Снивели, — что скальпы считаются у них почетными трофеями только тогда, когда сняты во время битвы с живых или мертвых врагов, но раз они берут кого-нибудь в плен, то никогда не снимают с него скальпа. Мы же взяты в плен, поэтому едва ли они намерены лишить нас наших головных украшений.

— Ну, я не думаю, чтобы эти негодяи были способны на такие тонкие различия, — заметил плантатор. — Да вы только посмотрите на них: две трети из них мертвецки пьяны и им каждую минуту может прийти в голову позабыться снятием с нас скальпов. Я дрожу каждый раз, когда кто-нибудь из этих зверей смотрит в нашу сторону.

— Успокойтесь, — сказал Снивели, — вождь запретил им приближаться к нам. Я слышал это собственными ушами и уверен, что никто, как бы он ни был пьян, не осмелится ослушаться вождя. Наконец, и караульный не допустит никого из них к нам. Нет, пока еще мы в полной безопасности, а вот проснется вождь, тогда неизвестно, что будет.

Один Снивели не терял бодрости и надеялся на благоприятный исход, но все его товарищи предавались самым мрачным опасениям, и готовы были умереть от одного страха.

Что же касается пленниц, то они до такой степени были удручены постигшим их несчастьем и боязнью за будущее, сулившее им нечто хуже смерти — бесчестье, что даже и говорить не могли. У одной из них был убит муж, скальп которого она могла видеть на одном из копий, другая потеряла брата — его скальп был третьим из тех, о которых мы говорили. Остальные пленницы хотя еще и не потеряли никого, но дрожали за участь своих детей и за свою собственную.

Поэтому все они, говорим мы, сидели, молча вздрагивая при каждом взгляде, бросаемом в их сторону индейцами.

Вабога и его товарищ, сидя около палатки вождя, тоже, подобно пленникам, вели довольно оживленную беседу, стараясь говорить как можно тише.

— Как ты думаешь, — говорит Вабога, — кому достанется та красивая девушка, которая сидит в стороне от своих подруг?.. Я прозвал ее про себя Белой Лилией... Лакомый кусочек, честное слово! Всю дорогу я ею любовался.

— Кому же, как не вождю, — отвечает его собеседник.

— Да, это верно. Мне кажется, вождь ради нее, собственно, и начал все дело. Я это заметил по некоторым его словам.

— Что ж, и не мудрено: он мог раньше видеть эту бледнолицую красавицу и прельститься ею. Вот он и выследил ее, налетел по своему обыкновению орлом и забрал в плен. Теперь она уж от него не отвертится.

— Да, уж он своего не упустит... А если бы ты видел, как он весь затрясся, когда увидел ее, хоть он и умеет скрывать, что в нем кипит, но все-таки...

— Ну, это дело его, — перебил хейен. — Он вождь, и его дела нам не приходится разбирать... Видно, что ты, Вабога, много вертелся среди бледнолицых и выучился у них всех судить... А, по-нашему, кто выше нас, того нам не следует

судить.

— Да я только так говорю, чтобы провести время, — оправдывался хоктав. — Я ведь тоже всю ночь не спал и готов задремать, поэтому и пустил в ход язык: это самое лучшее средство, чтобы отогнать сон.

— Я тоже не спал, но все-таки умею держать язык за зубами, — сказал хейев.

— Ну, а я этого не могу. Я должен болтать всякий вздор, чтобы не заснуть, потому что привык спать, хоть немного, но каждую ночь.

— И этому ты научился у бледнолицых: они тоже спят каждую ночь. Да, ты совсем перестал походить на индейца, Вабога. Тебе только теперь и осталось вымазать рожу белой краской, чтобы окончательно перестать быть краснокожим. Одежду и язык ты давно уже переменил.

— Да ведь это я сделал для вашей же пользы. Разве иначе я мог бы обставлять бледнолицых?

— Это верно. Но, по-моему, лучше действовать напрямик, чем так...

Неизвестно, что еще хотел сказать хейев, но в это время вдруг произошло нечто совершенно неожиданное, заставившее его замолчать. Один из пьяных с громкими криками подбежал к шатру и выразил желание видеть вождя, чтобы потребовать у него бледнолицую красавицу, которая сидит в стороне одна.

Телохранители вождя бросились урезонивать пьяницу, но это удалось им не скоро, и то только при помощи крутых мер: буян до тех пор не унялся, пока ему не скрутили руки и ноги и не завязали рот.

— Вот вы говорили, что они боятся вождя? — прошептал на ухо Снивели плантатор. — Трезвые, может быть, действительно боятся, а пьяным, известно, море по колено. Видите, один хотел даже ворваться к вождю, насилие его усмирили... Ах нет, я так и жду, что они сейчас набросятся на нас и начнут сдирать волосы!

— Успокойтесь, они не сделают этого, — возразил Снивели. — Насколько я понял из криков этого краснокожего, — я ведь немного знаю их язык, — дело шло о Кларе Блэкаддер, которая всем представляется лакомой добычей... Бедная девушка! Я хотя и не из жалостливых, а за нее и мое сердце болит.

— А каково мне видеть жену и детей во власти этих дьяволов? — произнес один из пленных, раненный в плечо. — Если бы только можно, я лучше убил бы их собственными руками, чем отдавать на поругание.

— Да и я сделал бы то же самое, — отозвался другой. — И нужно же нам было послушаться этого старого дурака Блэкаддера, соблаздившего нас следовать за ним! Он всему виною.

На это замечание Блонт Блэкаддер, наверное, энергично возразил бы, если бы не был погружен в глубокий сон.

Но вот вдруг из шатра послышался голос вождя, звавшего к себе часовых. В лагере все встрепенулись. Пленники разом умолкли и со страхом стали ожидать появления человека, который должен был решить их участь.

Глава XI ВОЗМЕЗДИЕ

По приказанию вождя Вабога привел к шатру несколько молодых воинов из наиболее трезвых. Вождь сказал им несколько слов, после чего они с злобным хохотом поспешно направились к белым пленникам.

Очевидно, им было приказано сделать с пленниками что-то ужасное, судя по тому, что свирепые физиономии индейцев так и светились предвкушением наслаждения, которое они будут испытывать при виде страданий ненавистных белых.

И действительно, Желтый вождь придумал для пленных, — пока, впрочем, только для одного из них, — такую пытку, которая никому не могла прийти в голову.

Подойдя к связанным пленникам, индейцы схватили только что проснувшегося Блонта Блэкаддера, отнесли его несколько в сторону и быстро развязали ему ноги. Потом подхватили его под руки и повели по направлению к водопаду.

Крик ужаса вырвался из груди молодого прожигателя жизни, когда он понял, что его хотят подвергнуть той самой пытке, которой он сам когда-то истязал других.

Не меньшим ужасом были поражены и остальные пленники, уверенные, что и их черепа будут медленно раздроблены широкой струей ледяной воды, с страшною силой низвергавшейся со скалы. Это было несравненно мучительнее смерти, какого бы рода она ни была.

Под водопадом лежало громадное дерево, сваленное бурей. К этому-то дереву индейцы и привязали свою жертву так, что ее лицо очутилось как раз под водяною струей и пытаемый не мог пошевелить головой, если не хотел быть задушенным веревкою, несколько раз обмотанною вокруг его горла.

Все индейцы, за исключением самых пьяных, еще не проспавшихся, собрались к месту пытки и шумно выражали свою радость по поводу предстоявшего интересного зрелища.

Желтый вождь медленно приблизился к ним и заставил их расступиться так, чтобы всем пленникам была видна картина того, что потом ожидало и их.

Прошло несколько мгновений томительного ожидания, в продолжение которого вождь с выражением бесконечного торжества смотрел на беспомощно лежавшего перед ним врага, о голову и лицо которого дробился водопад миллионами брызг, ярко сверкавших на солнце и резавших лицо, как острыми ножами.

— Теперь пришла и твоя очередь, Блонт Блэкаддер! — раздался вдруг громовой голос вождя на чистейшем английском языке, заглушивший даже шум водопада. — Вкатить негодяю двойную порцию, — прибавил он, еще более возвышая голос.

Эти ужасные слова, гулко повторенные отголоском скал, достигли слуха Блонта сквозь шум водопада, хлеставшего его по голове, ослеплявшего и оглушавшего его.

Несчастный с усилием открыл глаза и рот. Очевидно, он хотел умолять сво-

его палача о пощаде или проклясть его, но тотчас же был вынужден снова закрыть их, иначе вода выхлестала бы ему глаза и задушила бы его.

Но и этого момента было вполне достаточно, чтобы узнать того, кто скрывался под гримировкою Желтого вождя. Он понял, что скорее можно было ожидать пощады от настоящего дикаря, чем от этого человека, который так хорошо говорил на его родном языке.

Слова вождя донеслись и до остальных пленников и подействовали на них подобно громовым ударам.

Снивели задрожал с головы до ног и тщетно силился приподняться, чтобы получше разглядеть Желтого вождя, Клара Блэкаддер тоже с особенным вниманием взглянула теперь на эту таинственную личность и, начиная, подобно брату, догадываться, кто это мог быть, побледнела как смерть и затрепетала всем телом.

— Да, вкатить негодяю двойную порцию! — повторил Желтый вождь, причем его крашеное лицо приняло выражение такой адской радости, что даже самый храбрый человек должен был прийти в ужас при взгляде на него.

Снивели припомнил тот отдаленный день, когда он слышал точь-в-точь такое же приказание, отданное молодым, дрожащим от злобы и ненависти голосом.

Но почему эти слова повторяются вождем индейского племени хейенов через пять лет слишком и на расстоянии нескольких сот миль от того места, где они раздались впервые из уст того самого, кто теперь переносил пытку, к которой он тогда приговаривал другого?

Это была тайна, ключа к которой Снивели пока еще не находил.

Побледнели и негры, то есть их черные лица приняли земляной оттенок, когда они услышали слова Желтого вождя.

— Что бы это значило? — проговорил один из негров. — Ведь то же самое кричал и молодой масса Блонт пять лет тому назад на плантации, когда он приказывал положить под насос Голубого Дика. Помните, братцы?

— Помним, как не помнить, — отозвался другой. — Мы все тогда присутствовали при наказании Дика.

И чернокожие задрожали при воспоминании о том, как они издевались над несчастным мулатом, подвергавшимся одной из самых ужасных пыток.

В эту минуту в их лохматых головах мелькнула мысль, что они в тот день были очень неосторожны и жестоки и что им теперь, быть может, придется расплачиваться за те дурные чувства, которые они тогда так громко высказывали.

И они с такой же жадностью, как Снивели и Клара Блэкаддер, стали ловить каждое движение и каждое слово Желтого вождя, которое подтвердило бы или разрушило их ужасное подозрение.

Между тем тот, на кого теперь было обращено внимание всех пленных, стоял молча и неподвижно, завернувшись в свою белую мантию, и не сводил горящего ненавистью взгляда со своей жертвы.

Все видели, что он следит за каждым дрожанием мускулов пытаемого и с чувством знатока наслаждается муками, которые тот должен был испытывать в эти страшные минуты.

Наконец он отвернулся и, разразившись дьявольским хохотом, кратко приказал:

— Отвязать его!

Вабога поспешил исполнить это приказание, затем с помощью двух хейенов поднял полумертвого Блонта на руки и снова отнес его на то место, где он лежал раньше.

— На этот раз довольно, — продолжал вождь, мгновенно принимая свое обычное серьезное и полное достоинства выражение. — Но в другой раз я прикажу окачивать этого бездельника водою до тех пор, пока его толстый череп не продырявится, как сито!

Клара Блэкаддер с глухим стоном закрыла глаза и опрокинулась навзничь. Едва не лишился чувств и хладнокровный Снивели: молодая девушка и бывший надсмотрщик плантации ее отца теперь удостоверились, что в лице Желтого вождя они встретились с человеком, которого отлично знали прежде, но о существовании которого успели забыть.

— Так и есть, — пробормотал сквозь зубы Снивели, — мы попались в руки человека, который лучше всякого другого сумеет доказать нам истину пословицы, гласящей, что «как аукнется, так и откликнется».

Товарищи Снивели ничего не знали о драме, которая пять лет тому назад разыгралась на дворе плантации эсквайра Блэкаддера, поэтому все, что сейчас происходило перед их глазами, не имело для них такого значения, как для бывших участников и свидетелей той расправы.

Снивели закрыл глаза и принялся обдумывать свое положение. Он отлично понимал, что Желтый вождь, наверное, подвергнет и его той пытке, которую только что вынес Блонт Блэкаддер.

Мозг англичанина лихорадочно заработал и принялся измышлять способы избежать этой ужасной пытки. Но что можно было предпринять? Кроме попытки спастись бегством, другого средства не было.

Снивели взглянул на свои руки, которые были скрещены у него на груди и в таком виде связаны веревкою.

При внимательном разглядывании этой веревки он заметил, что она в одном месте была так пропитана кровью, что вся промокла и растрепалась и ее не особенно будет трудно перегрызть зубами.

Быть может, и удастся сделать это, а потом бежать. Если же его и поймают, то взбешенный вождь, наверное, прикажет тут же убить его. Это все-таки будет гораздо лучше, чем испытывать муку водяной пытки.

Нужно сделать эту попытку, а там — будь что будет. Быть может, она и удастся. Смелым, говорят, Бог владеет. В сущности ведь только то положение безнадежно, из которого сам человек не старается выйти.

Все эти соображения вихрем пронеслись в голове энергичного англичанина. Пользуясь тем, что все индейцы столпились в это время вокруг полумертвого Блонта Блэкаддера, он перевернулся лицом вниз и, полускрытый за выступом скалы, начал перегрызать зубами веревку, связывавшую его руки.

Через несколько минут ему настолько удалось растрепать зубами волокна веревки, что перегрызть каждый из них в отдельности не представляло уже особенного труда. На все это потребовалось минут десять. Освободив руки, Снивели осторожно развязал и ноги; потом, улучив минуту, он вдруг поднялся на ноги, перепрыгнул через своего соседа, лежавшего с краю, и изо всех сил пустился бежать по направлению к равнине. Товарищи его только ахнули от изумления и завистливыми глазами стали смотреть ему вслед.

— Как это он ухитрился снять с себя узы? — прошептал его сосед, бывший плантатор. — Должно быть, перегрыз: недаром он вдруг перевернулся ничком.

— Да, но только напрасно он это сделал, — заметил другой. — Все равно ему далеко не убежать. Только то и выйдет, что эти звери еще больше обозлятся и начнут вытягивать из нас жилы.

— Эх, и без того не пощадили бы, — сказал третий. — Нам теперь только и осталось молиться за спасение своих душ.

А Снивели, подгоняемый инстинктом самосохранения, стремился уйти дальше от лагеря. Путаясь и падая в высокой траве, он тут же снова вскакивал на ноги и продолжал свою отчаянную скачку с препятствиями.

Весь вопрос теперь сводился к одному: успеет беглец достичь другого ущелья, расположенного в нескольких километрах от той лоцины, из которой он бежал, или нет! Ущелье это было сплошь усеяно нагроможденными друг на друга обломками скал, заросшими мелким хвойником и ползучими растениями.

Раз попав туда, Снивели больше нечего было опасаться преследования, потому что там он легко мог спрятаться в обломках скал.

Лошади индейцев паслись у входа в лоцину, и ноги у них были спутаны. Снивели совершенно резонно рассчитал, что если индейцы и тотчас заметят его бегство, то пока они добегут до лошадей и распутают им ноги, пройдет несколько лишних минут, которые у него все-таки будут в выигрыше. В остальном англичанин надеялся на свою силу, ловкость и энергию.

Но беглец ошибся в своих расчетах. Он был уверен, что за ним погонятся только верхом, а между тем его преследовал человек, тоже пеший, как он сам, и вдобавок еще более сильный и ловкий благодаря молодости.

Этот человек был Желтый вождь.

Заметив бегство Снивели в первый же момент, он, не теряя времени, схватил у одного из своих воинов копьё, сбросил с себя мешавшую ему мантию и пустился вслед за улепетывавшим во весь дух англичанином.

Хейены, не получив приказания следовать за вождем, остались на своих местах: они знали, что если понадобятся ему, то он подаст им знак.

Между тем Снивели вдруг исчез в ущелье, а через минуту от взоров наблюдателей там же скрылся и Желтый вождь. Какое-то время не было слышно ничего, кроме треска ветвей и шума скатывавшихся вниз камней, которые попадали под ноги беглеца и его преследователя, стремившихся вверх. Затем вдруг послышался громкий голос Желтого вождя, кричавший по-английски:

— Еще одно движение — и я проткну тебя копьём, рыжая собака!

Ответа не последовало.

— Не упирайся, проклятый мучитель негров! — снова раздался голос вождя. — Следуй за мною, иначе тебе тут же конец!

Очевидно, преследователь догнал беглеца и держал его в руках.

— А, ты все еще упорствуешь! — продолжал тот же голос. — Разве ты не видишь, несчастный, что тебе не уйти от меня?.. Напрасно ты и пытался! Я слишком долго искал тебя, чтобы так легко позволить тебе ускользнуть. Я знал, чего можно от тебя ожидать, поэтому все время наблюдал за каждым твоим движением... Говорят тебе — не упорствуй! Не беспокойся, я не смерти твоей хочу, иначе давно бы мог убить тебя, вместо того чтобы торговаться с

тобою столько времени.

Несчастному англичанину оставалось только перескочить через один выступ утеса, чтобы быть в безопасности, когда Желтый вождь настиг его и схватил за край одежды.

Снивели рванулся было изо всех сил, но железная рука противника крепко держала его и тянула вниз. Англичанин молча стал упираться, чтобы выиграть время и обдумать, что предпринять дальше. У него мелькнула мысль напечь все свои силы, освободиться из рук преследователя и, бросившись на него, попытаться задушить его.

Но осуществить эту мысль ему не удалось: Желтый вождь ловким движением руки накинул ему на шею лассо и снова крикнул:

— Вот теперь ты поневоле пойдешь за мной, если не хочешь быть задушенным!.. Впрочем, тебя, пожалуй, понесут. Это будет еще удобнее и... почетнее, — насмешливо прибавил он и испустил резкий крик какой-то птицы.

Через несколько минут прибежало человек десять индейцев. По знаку своего вождя они вновь связали беглецу руки и ноги и с торжеством понесли его обратно в лощину.

Желтый вождь спокойно последовал за этим триумфальным шествием.

Когда все вернулись в лощину и Снивели был положен на прежнее место, вождь приказал приставить к пленным более крепкий караул, а сам направился к ручью.

Там он смыл с лица пеструю гримировку и снова возвратился к пленникам.

Увидев и узнав теперь настоящее лицо вождя, смуглое и прекрасное, как у древней бронзовой статуи, Снивели громко простонал и заскрежетал зубами.

Остальные пленники с изумлением смотрели на вождя, преображенного из индейца в мулата, совершенно не понимая, что значит эта метаморфоза.

Клара Блэкаддер, пришедшая было в себя, при взгляде на представшего перед нею во всей своей красоте мулата, дико вскрикнула и снова упала в обморок.

У пораженных ужасом негров тоже вырвался единодушный крик.

— Так и есть: это Голубой Дик.

Глава XII ПОМОЩЬ

Пока происходили вышеописанные события в одной из лоцин Скалистых Гор, сюда осторожно приближался отряд всадников под прикрытием разбросанных по равнине горных отрогов.

Это были охотники, собранные Лихе Ортоном в форте Сен-Врэ и ехавшие под его предводительством.

Сначала отряд подвигался очень быстро, а теперь, ввиду близости цели, Ортон распорядился умерить шаг, тем более что почва становилась очень неровной и местами была усеяна обломками скал, путаницею лиан и других ползучих растений.

Рядом с Ортоном ехало двое охотников, тоже уже знакомых нам. Один из них был Эдуард О'Нейл, трепетавший от нетерпения и сильно сокрушавшийся по поводу того, что лошади не имеют крыльев, другой — Блэк Гаррис.

Остальные охотники следовали за ними отдельной группой. Многие из них, как люди предусмотрительные, не забыли захватить с собою по бутылке коньяку; дорогою они для большего воодушевления то и дело прикладывались к горлышку. А так как ради этой операции приходилось останавливаться, хотя и ненадолго, то из-за этих остановок О'Нейл все время сильно волновался и выходил из себя; молодой человек находил их совершенно излишними и уверял, что они делают охотниками нарочно для того, чтобы их поездка не достигла цели.

— Что ты все ворчишь, дружище, — говорил ему Ортон, — потеря нескольких минут ровно ничего не значит. Будь покоен, поспеем. Индейцам только бы взять кого-нибудь в плен и быть уверенными в безопасности, тогда они не очень спешат. Вообще, нам нечего бояться, что мы не поспеем вовремя, и я советовал бы тебе не тратить своего пыла даром.

В ответ на эти увещания молодой человек только вздыхал и начинал ворчать про себя.

— Вернее всего, — продолжал старый охотник, — что индейцы валяются теперь пьяные, поэтому ничего и не предпримут до завтра против пленников. Таким образом, у нас еще много времени впереди для того, чтобы предупредить гибель той, за кого ты так опасаешься.

После этих увещаний своего старого друга молодой человек ненадолго успокаивался, но потом снова начинал волноваться. Ему припомнилось все, что он слышал о Желтом вожде, который из всех индейских вождей, охотившихся на белых, пользовался славою самого лютого и беспощадного, в особенности по отношению к попавшим в его руки женщинам.

Последнее обстоятельство объяснялось тем, что он когда-то был жестоко оскорблен белой девушкой и теперь искал постоянно случая выместить эту обиду на всех женщинах ее племени.

В подтверждение этого факта рассказывалось множество историй одна ужаснее другой. Припоминая их, Нед чувствовал, как у него в жилах стынет кровь и волосы на голове поднимаются дыбом.

— Ради Бога, поедemте скорее, — не своим голосом умолял он, не будучи в состоянии подавить в себе мучительную мысль, что, быть может, в эту самую

минуту Клара Блэкаддер подвергается какой-нибудь ужасной пытке.

— Не горячись, мой друг, имей терпение, — сказал Ортон, — мы уже близко от того места, где, по моим расчетам, должны находиться наши враги, поэтому следует быть как можно осторожнее и не скакать сломя голову. К тому же, видишь, что здесь при быстрой езде лошади на каждом шагу могут сломать себе ногу, а это уж вовсе не желательно. Ты дал мне слово слушаться меня: докажи теперь это на деле.

— О, Боже мой, какое мучение, — с отчаянием простонал молодой человек, но все-таки покорно придержал лошадь и решил, скрепя сердце, следовать всем указаниям и советам своего опытного друга, чтобы не испортить все дело какой-нибудь опрометчивостью.

Ортон слишком хорошо изучил нравы и обычаи индейцев и знал, что они, как бы пьяны ни были, никогда не забудут расставить вокруг своего лагеря часовых. Он твердо был убежден, что и хейены в данном случае не пренебрегли этой предосторожностью, несмотря на то, что могли считать себя в полной безопасности в той лощине, где он надеялся их найти. Так как они не могли и подозревать, что белые узнали об их ночном набеге, то, разумеется, и не ожидали помехи своему отдыху. Но тем не менее, как подсказывал Ортону его многолетний опыт, они все-таки должны были расставить караульных и, быть может, даже выслали разведчиков в ту сторону, откуда их лагерь был более доступен.

Подъехать открыто к этому лагерю было бы прямым безумием. Заметив их приближение, краснокожие тотчас же поспешили бы скрыться вместе со своими пленниками, по крайней мере с наиболее важными из них. В случае же, если бы индейцы нашли необходимым вступить в бой с противниками, они поспешили бы прежде всего оскальпировать пленных.

Кроме того, следовало принять во внимание и то обстоятельство, что лошади индейцев не были так измучены, как лошади охотников, совершившие дальний и трудный путь. Ясно было, что если разбойники захотят скрыться, их нельзя будет догнать.

Продолжая так рассуждать, старый охотник пришел к заключению, что есть одно только средство обеспечить себе успех — это дожидаться ночи близости лагеря краснокожих и попытаться тогда забраться в него хитростью.

Сделав своим спутникам знак остановиться, Ортон сообщил им свой новый план.

— Ах, Лихе, Лихе, неужели вы не можете придумать чего-нибудь другого, чтобы не ждать так ужасно долго и не терять драгоценного времени? — с мольбой произнес несчастный измученный Нед, чуть не плача.

Старик немного подумал, потом сказал:

— Положим, есть еще один способ забраться в логовище наших врагов, но очень трудный и рискованный.

— Какой же это способ? Ради Бога, говорите скорее, Лихе, не томите меня! — вскричал молодой ирландец, схватив своего друга за руку.

— Видишь эти высоты? — спросил Ортон, указывая на горную цепь, возвышавшуюся перед ними.

— Еще бы не видеть, это ведь не песчинки, — заметило несколько голосов.

— Ну и что же? — спросил Нед, так и впиваясь глазами в лицо старого охотника.

— Вы замечаете, друзья мои, что эти скалы, покрытые лесом, образуют как бы полукруг? — продолжал Ортон.

— Это верно. Что же дальше? — приставал Нед.

— А вот что. В середине этого полукруга, у самого его подножия и расположен лагерь Желтого вождя, — ответил старый охотник. — Нужно подняться на эти высоты и оттуда спуститься вниз, прямо, так сказать, на головы индейцам.

— Ну вот и отлично! — воскликнул О'Нейл, весь просияв, — Мы так и сделаем. Идемте.

И он хотел уже спрыгнуть с лошади.

— Постойте, молодой человек, не спешите, — остановил его Блэк Гаррис, который считался не менее опытным, чем Лихе Ортон. — Видно, что вы еще новичок в такого рода делах. Помните, что в подобных обстоятельствах мало одной храбрости и отваги, а необходимы, кроме того, осторожность и благоразумие. План Ортона хорош, но нам прежде всего нужно подумать, куда мы денем своих лошадей, пока будем взбираться на высоты. Нельзя же оставить их здесь, в открытой местности на добычу зверям и бродягам. Кроме того, не следует упускать из виду и вот что: можно ли нам будет обойтись без лошадей, когда мы достигнем своей цели? Ведь мы можем легко погибнуть от одного того, что окажемся без лошадей.

— Да, ты прав, Гаррис, — задумчиво проговорил Ортон. — Я вот и травленный волк, а этого не сообразил, между тем это очень важно. Конечно, без лошадей нам не обойтись. Но постойте, — продолжал он, хлопнув себя рукой по лбу, — я сейчас кое-что вспомнил, это поможет нам выйти из затруднения. Недалеко отсюда есть тропинка. По ней мы совершенно незамеченными можем проехать вплоть до тех скал, на которые нам следует подняться. Сколько бы ни выслал Желтый вождь разведчиков, они все-таки не заметят нас, если мы направимся этим путем. Только он идет в обход, и нам придется ехать часа два.

— Это ничего не значит, лишь бы нам иметь уверенность в успехе, — заметил Гаррис.

— Ну, так едем. Указывайте дорогу, Лихе! — вскричал молодой ирландец, едва помня себя от страшного нетерпения и боязни опоздать на выручку своей возлюбленной.

Ортон свернул в сторону и направился вдоль горной цепи, где раскидывался густой лес. Спутники его последовали за ним, зорко осматриваясь по сторонам глазами опытных охотников. Один Нед стремился вперед, не обращая ни на что внимания, всецело углубленный в свои горькие размышления.

Въехав в лес, отряд стал пробираться между густо росшими массивными деревьями по едва заметной тропинке, очевидно проложенной какими-нибудь крупными животными.

Было пять часов дня, когда охотники добрались до подножия тех утесов, между которыми находилась лощина, выбранная Желтым вождем для стоянок во время своих походов.

Привязав всех лошадей внизу к деревьям, Ортон и его спутники, молча и соблюдая всевозможную осторожность, стали взбираться на один из самых крутых утесов, цепляясь руками за острые выступы и мелкую поросль.

Глава XIII ОТКРЫТИЕ

Появление Желтого вождя в его настоящем виде не на всех пленников произвело одинаковое впечатление. Больше всего были поражены этим превращением те, которые его не знали раньше.

Блонт Блэкаддер, его сестра и Снивели уже раньше догадывались, что знаменитый Желтый вождь и Голубой Дик, таким таинственным образом исчезнувший пять лет тому назад с плантации эсквайра Блэкаддера, — одно и то же лицо. Подтверждение этого предположения заставило их окончательно убедиться, что они безвозвратно погибли, очутившись во власти именно этого человека.

То же самое можно сказать и о тех неграх, которые находились на плантации Блэкаддера в тот роковой день, когда их молодой господин приказал положить под насос Голубого Дика. Мулат, пользовавшийся особым расположением старого эсквайра, а потому очень заносчивый, требовательный и жестокий к своим товарищам-невольникам, был ненавидим неграми, которые и не могли скрыть своей радости, когда он по приказанию молодого «массы» был сравнен с ними, унижен и подвергнут жестокому наказанию.

Теперь, узнав, кто был Желтый вождь, и видя, как он отомстил Блонту Блэкаддеру за себя, негры почувствовали страшный трепет при мысли, что и они могут быть подвергнуты той же ужасной пытке.

Особенно дрожал за себя негр-силач, который так усердно работал тяжелым рычагом насоса в день наказания Голубого Дика. Он вполне основательно предположил, что Голубой Дик припомнит это и отплатит ему за его усердие.

Открыв пленникам свое настоящее лицо, Желтый вождь приказал снести под водопад Снивели и вкатить ему тоже «двойную порцию». Англичанин едва перенес пытку, которая была для него еще мучительнее, чем для Блонта, так как хлеставший на него поток ледяной воды страшно разбередил его рану на щеке и заставил щеку сильно раздуться и посинеть. На бывшего надсмотрщика нельзя было теперь смотреть без содрогания — до того ужасно стало его изуродованное лицо.

После Снивели пришел черед силача-негра, как он и предвидел. Несчастный чернокожий испускал страшный вой от боли не только во время самой пытки, но долго и после нее.

Желтый вождь никого не забыл из тех, которые пять лет тому назад так радовались его унижению и наслаждались его страданиями; он всем им щедро отплатил «двойной порцией». Хотя лица негров более или менее похожи одно на другое, однако Голубой Дик всех их отлично запомнил и не оставил без наказания ни одного из глумившихся над ним.

Подходя в сопровождении двух своих приближенных, Вабоги и того воина, который ему прислуживал, Голубой Дик указывал на виновных, и их одного за другим клали под водопад.

Он оставил в покое только тех негров, которых не знал.

Пока происходила пытка водою, хейевы ни на минуту не отходили от водопада, чувствуя неизъяснимое наслаждение при виде мук пытаемых. Против

обыкновения индейцев, всегда сохраняющих невозмутимую серьезность при каких бы то ни было обстоятельствах, эти воины хохотали, как дети во время балаганных представлений, передразнивали корчи, стоны и крики несчастных жертв, прыгали и кривлялись от восторга.

Никогда еще мулат, ставший во главе индейцев благодаря своему уму, смелости и безграничной ненависти к бледнолицым, не казался хейевам таким достойным уважения и удивления, как в этот раз. Ни один из их прежних вождей не доставлял им такого интересного зрелища, как это оно вполне соответствовало их жестоким нравам и удовлетворяло их ненасытную ненависть к белым.

Если пожилые индейцы и старались свято сохранять заключенные ими с белыми мирные договоры, то молодые всеми силами восставали против стеснительности этих договоров и никогда не упускали случая втихомолку, тайком от старших мстить бледнолицым за насильственный захват земель своих предков.

Желтый вождь приобрел такую власть над хейенами не только указанными выше качествами и женитьбою на дочери их главного волшебника, что тоже много значило, но и тем, что то и дело предпринимал с ними смелые экспедиции против белых.

Сначала, когда пытали Блонда Блэкаддера, воины Желтого вождя думали, что это не более как особенная забава над белыми, придуманная вождем для развлечения своих сподвижников, но потом, по крикам и судорожным движениям жертв, они поняли, что это есть месть, и пришли в еще больший восторг.

Когда кого-нибудь из пытаемых уносили из-под водопада, воины плясали вокруг него с дикими возгласами и радостными завываниями. С каждой новой жертвой их возбуждение и энтузиазм все возрастали и возрастали.

Нужно сказать, что пытка водою хотя и очень мучительна, но убивает только после нескольких повторений, потому она нравилась хейенам и тем, что обещала им неоднократно наслаждение.

Оставив пока в стороне белых пленниц по какой-то особенной причине, Желтый вождь указал своим палачам на нескольких старых негритянок, которые когда-то тоже оскорбили его своим злорадством и насмешками.

Негры, не бывшие на плантации Блэкаддера в то время, когда там находился Голубой Дик, и вообще видевшие его в первый раз, успокоились; они поняли, что, быть может, избегнут страшной пытки.

И действительно, перепытав всех знакомых негритянок, Желтый вождь наконец махнул рукой и удалился в свой шатер. Вероятно, ему надоело это зрелище, судя по тому, что он ушел с выражением скуки на своем красивом лице. Всем можно пресытиться, даже местью.

Клара Блэкаддер в смертельном страхе ожидала, что вот-вот и ее повлекут к водопаду. Проходя мимо нее к другим пленницам, Желтый вождь каждый раз как-то особенно взглядывал на нее. По этим взглядам девушка поняла, что он узнал и ее и что, наверное, захочет отомстить ей за то, что она так равнодушно смотрела, как его истязали, и за то, что была близкою родственницею того, кто обрек его на эту пытку.

На ум ей пришло решение бежать, как незадолго перед тем такая же мысль явилась у Снивели.

Неудача, постигшая англичанина, не могла остановить Клару; притом ей благоприятствовало одно обстоятельство: она была очень слабо связана и каждую минуту могла освободиться от своих уз.

Индейцы никогда не связывают женщин так же крепко, как мужчин, поэтому молодой ничего не стоило освободить свои руки. Кроме того, она заметила, что ее лошадь приближалась к ней, как бы приглашая свою госпожу воспользоваться ею. Клара знала, что если она очутится в седле, то будет в состоянии состязаться с лучшими индейскими наездниками.

Девушка решила, что пустится прямо по дороге в форт Бент; эту дорогу она хорошо заметила во время движения каравана.

«Теперь или никогда!» — прошептала пленница, когда Желтый вождь удалился в шатер.

Лошадь была около нее. Клара уже начинала потихоньку ослаблять веревку на руках и почти совсем было сняла ее, как вдруг Желтый вождь снова вышел из шатра.

На этот раз он был одет точь-в-точь так, как одевался на плантации. Все заметили, что он почти не изменился, только возмужал и окреп.

— Теперь, — насмешливо сказал он, остановившись перед пленниками, — вы еще лучше можете узнать меня и убедиться, что Голубой Дик каким был, таким и остался... А что касается вас, мисс Клара Блэкаддер, — продолжал он, обращаясь к девушке, — то вам, вероятно, памятен тот день, когда вы, стоя на балконе, с таким равнодушием любовались на то, как ваш брат подвергал ни в чем не повинного человека самой ужасной и унижительной из всех пыток? Если бы в вас была хотя капля человечности, то вы не могли бы тогда не возмутиться этим ужасным зрелищем и не выказать против него протеста. Но у вас тогда не было человеческого чувства, поэтому не ищите его теперь и у меня. Я было хотел на сегодня прекратить эту забаву, но мысль о том, что вы можете подумать, будто я вас не узнал или не считаю достойной моей мести, не дает мне покоя, и я возвратился, чтобы сказать вам: испытайте-ка теперь вы то, что испытывал тогда я!.. При этом я должен прибавить, что задумал отомстить вам еще и другим способом. Надеюсь, что водяной душ лишит вас охоты противиться мне... Ха-ха-ха! Как переменялись наши роли: пять лет тому назад ваш отец, ваш брат и вы имели меня в своей власти и делали со мною все, что вам хотелось. Теперь же я стал распорядителем ваших судеб и, в свою очередь, сделаю с вами все, что мне вздумается. Очень жаль, что я не успел помешать моим молодцам отправить на тот свет вашего отца. Мне было бы гораздо приятнее, чтобы и он узнал, кто я, и повертелся бы тут передо мною под этим прекрасным водопадом, который во столько же раз превосходит его несчастный насос, во сколько я превзошел его самого всеми своими качествами. Но что делать: глупая случайность лишила меня удовольствия любоваться на его муки, зато это удовольствие с избытком доставите мне вы и ваш брат...

Девушка побледнела, но не теряла своего хладнокровия. Какое-то предчувствие говорило ей, что она будет спасена, и это поддерживало ее мужество.

Предчувствие не обмануло ее. Только что палачи Желтого вождя или, вернее, Голубого Дика по его приказанию схватили ее и хотели нести к водопаду, причем она не оказала ни малейшего сопротивления и даже не издала ни звука, как одна из старых негритянок, более тридцати лет находившаяся в доме

Блэкаддеров и только что перенесшая пытку под водопадом, пронзительно вскрикнула и подползла к Голубому Дику.

— Оставьте мисс Клару! — вскричала она, уцепившись дрожащими пальцами за камзол мулата. — Не трогайте ее, Голубой Дик, если не хотите совершить самого страшного из всех своих преступлений!

— Убирайся к черту, полоумная старуха! Ты что вмешиваешься не в свое дело! Или мало тебе попало под этой прекрасной водокачкой? Так я прикажу прибавить, — презрительно сказал Голубой Дик, отталкивая негритянку ногой.

— Я не сумасшедшая, — возразила негритянка. — Уж если на то пошло, то я открою вам тайну: мисс Клара ваша родная сестра!

— Моя родная сестра?.. Этого быть не может! — воскликнул мулат, невольно отступив назад.

Вабога и его товарищ выпустили из рук Клару и стали выжидать, что предпримет их вождь после интересного и неожиданного заявления старой негритянки.

— Говорю вам, Голубой Дик, что это ваша сестра, — продолжала старуха. — У вас с нею один отец. Клянусь спасением моей души, что говорю истинную правду.

Голубой Дик несколько минут простоял в глубокой задумчивости, но когда он после этого снова взглянул на Клару, она прочла в его глазах, что его чувства к ней несколько не изменились, несмотря на только что узнанную им тайну.

— Прекрасная сестра, нечего сказать! — с злым смехом произнес Голубой Дик, бросив на девушку молниеносный взгляд. — Сначала она сделала меня своей игрушкой, потом козлом отпущения и, наконец, рабом... Нет, я не признаю ни ее своей сестрой, ни ее отца своим отцом, потому что они сами не признавали меня! Я признаю только свою мать, которая во всяком случае не могла быть матерью этой красавицы с каменным сердцем... Это сестра не моя, а вон того негодяя, который ей вполне под пару... Нет, не сестрой моей она будет, а невольницей; она делается рабою моей жены и будет работать у нас, как раньше у нее самой работали ее невольницы... Пожалуйте, милая сестричка, попробовать сначала того, на что вам было так приятно смотреть, когда это выпадало на долю других!

Говоря это, Голубой Дик сам схватил девушку и повлек было ее к водопаду.

Но ему сейчас же пришлось выпустить ее из рук: старая негритянка, собрав остаток своих сил, вдруг вскочила на ноги, бросилась на него сзади и крепко стиснула его горло своими костлявыми пальцами.

С большим трудом удалось Голубому Дику освободиться от цепких пальцев негритянки. Опрокинув ее на землю сильным ударом по голове, он снова обернулся к своей жертве, но та, к величайшему его изумлению, исчезла.

Воспользовавшись тем, что внимание всех было обращено на борьбу вождя с негритянкой, Клара Блэкаддер, ноги которой, к счастью, не были связаны, бросилась к своей лошади, перерезала заранее приготовленным перочинным ножом путы на ее ногах, вскочила в седло и во всю прыть понеслась к равнине.

Глава XIV НАПАДЕНИЕ

После долгих усилий, рискуя каждую минуту сорваться с кручи и слететь в пропасть, охотники достигли наконец вершины одного из утесов, возвышавшегося с задней стороны над лагерем индейцев.

Смельчаки подвигались вперед молча и, пробираясь между кустами и деревьями, росшими на вершине, старались делать как можно меньше шума. Ортон руководил своими спутниками только посредством знаков.

Нед с каждой минутой все больше волновался и терзался нетерпением. Он готов был Бог весть на что, лишь бы скорее удостовериться, жива ли еще Клара Блэкаддер и невредима ли она.

Но вот охотники очутились наконец над головами индейцев и ясно могли слышать и видеть все, что у тех делалось. Они попали как раз к тому времени, когда старая негритьянка принялась душить Желтого вождя.

О'Нейл сразу заметил Клару и видел, как она вскочила на лошадь и быстро поскакала к равнине.

— А!.. — прошептал он. — Она бежит!.. Я догоню ее.

И молодой человек хотел повернуть назад.

— Да ты с ума сошел, — прошептал Ортон, схватив его за руку. — Разве ты не видишь, что за ней уже гонятся краснокожие? Неужели и тебе хочется попасть к ним в руки?

— Но нельзя же оставить ее! — вскричал Нед, забывая всякую осторожность и стараясь вырвать свою руку. — Ведь они ее...

— Тише, тише, не горячись, — перебил старый охотник, зажимая ему рот рукой. — Дай сначала посмотреть, что будет дальше. Потом мы придумаем, как выручить ее. А пока все ложитесь.

С этими словами он заставил молодого человека и других своих спутников лечь на землю, как можно ближе к краю утеса, между стволами деревьев, так, чтобы снизу никого не было видно. Потом он лег сам и начал наблюдать.

— Я угадал, там более половины пьяных, — шепнул он на ухо Неду. — С ними не трудно будет справиться. Стража при пленниках неважная, с ней мы тоже сладим. Остальные, которые могли бы оказать нам серьезное сопротивление, помчались за беглянкой. Не нужно будет даже стрелять, чтобы завладеть всеми находящимися тут краснокожими.

— Как же так? — недоумевал Блэк Гаррис. — Я что-то не понимаю тебя, дружище. Каким образом можем мы завладеть нашими врагами отсюда, не стреляя в них? По-моему, следовало бы каждому из нас взять по одному индейцу на прицел и постараться одним выстрелом свалить его с ног. Их теперь не более, чем нас, считая даже пьяных.

— Нет, этого не следует делать, — возразил Ортон. — Я знаю тут один очень удобный спуск, по которому мы можем пробраться вниз, не будучи никем замеченными. Ползите все за мной.

И Ортон осторожно пополз вперед к большой трещине в скале, по которой во время ливней стекала вода, поэтому в трещине не было ни камней, ни растений, которые могли бы помешать спуску. Она была довольно крутая и гладкая, как ледяной каток, так что стоило только сесть в нее наверху, чтобы ми-

гом очутиться внизу.

Трещина кончалась на дне глубокого оврага, поросшего густой травой. Когда все охотники один за другим скатились в этот овраг, Ортон подал им знак броситься на индейцев всем сразу и убивать их ножами.

Нападение было произведено так внезапно, что краснокожие не успели даже сообразить, откуда вдруг появились враги, как были уже все перебиты, к величайшей радости пленников, в особенности чернокожих. Они так шумно выражали свою радость, что белым пришлось остановить их, чтобы не обратить внимания индейцев, находившихся в погоне за беглянкой.

Приказав пленникам не изменять своего положения и даже не освободив их от уз, Ортон распорядился побросать тела убитых краснокожих в овраг и уничтожить все следы кровопролития. В его новый план входило, чтобы Желтый вождь, руководивший погоней за Кларой Блэкаддер, по возвращении в лагерь не сразу заметил происшедшую в нем перемену.

— Теперь вот что, друзья мои, — обратился старый охотник к пленникам. — Если кто-нибудь из вас издаст хоть один звук, то я тотчас же, ради спасения остальных, убью ослушника. Поняли? Ну, значит, ни гугу!

Затем он приказал нескольким из своих спутников переодеться в одежду индейцев и стать на места убитых часовых, оборотившись спиной к равнине, откуда должны были возвратиться участники погони за беглянкой, так, чтобы те не могли сразу разглядеть лиц новых часовых.

Остальные охотники по распоряжению Ортона снова спрятались в овраге, где находились тела убитых. Таким образом, самый зоркий глаз не мог бы заметить ни малейших следов их пребывания в лагере.

Пока охотники устраивались в засаде, Клара Блэкаддер, голосом и движениями поощрявшая свою лошадь, во всю прыть неслась по равнине.

Сердце девушки было наполнено двумя совершенно противоположными чувствами: радостью, что ей удалось бежать от индейцев, и боязнью, как бы снова не очутиться в их власти.

Казалось, и само благородное животное, несшее на своей спине беглянку, понимало, что ее спасение зависит от быстроты бега. Закусив удила и вытянувшись во всю длину, лошадь неслась во весь опор, перескакивая через овраги, рытвины и через все те места, где трава была запутана и препятствовала быстрому бегу.

К несчастью, в числе лошадей переселенцев находилась еще одна такая же умная, сильная, выносливая и быстроногая лошадь, принадлежавшая Блонту Блэкаддеру. Этой лошадью и воспользовался Голубой Дик для погони за ускользнувшей от него жертвой.

Девушка слышала, что за нею гонятся, но, не оборачиваясь, продолжала подгонять свою лошадь, и без того несшуюся точно на крыльях.

Но вот лошадь нагонявшего ее всадника вдруг заржала. Клара по этому ржанию узнала лошадь брата и захотела взглянуть, кто на ней сидит. Одного полуоборота назад и быстрого взгляда, брошенного на всадника, было вполне достаточно, чтобы понять, кто ее преследует. Голубой Дик немного опередил отряд индейцев и уже достигал беглянку.

Девушка поняла, что она погибла, и сердце ее болезненно сжалось. От всякого другого ездока она могла бы ускакать, но только не от этого. Лошадь Блонта точно нарочно была создана для него, и он несся на ней подобно пти-

це. Еще несколько минут, и бедная жертва снова будет в руках своего палача.

И действительно, вскоре раздался насмешливый голос преследователя:

— Напрасно вы так трудитесь, прекрасная сестрица: вам все равно от меня не уйти! Я сказал, что сделаю вас своей рабой, и слов своих на ветер никогда не выпускаю. Да, я теперь такой же рабовладелец, каким был когда-то ваш отец, и не хуже его умею расправляться с рабами. Вы скоро убедитесь в этом на собственном опыте. Теперь же позвольте избавить вас от напрасного, совершенно непроизводительного труда.

Голубой Дик догнал девушку и ловким движением руки схватил ее лошадь под уздцы так, что животное сразу стало как вкопанное.

Клара не сопротивлялась, она поняла, что это бесполезно.

Дав обоим лошадям немного передохнуть, мулат повернул их назад и мелкой рысью направил обратно к лагерю, не переставая дорогою подтрунивать над своей пленницей. Девушка молча слушала насмешки и глумление своего спутника, мысленно решив, что скорее откусит себе язык, чем удостоит Голубого Дика хоть одним словом.

Она очень жалела, что впопыхах выронила свой нож, единственное оставшееся у нее оружие, с помощью которого она теперь могла бы покончить с собой, ибо жизнь не предоставляла ей ничего кроме стыда, позора и мучений.

Впрочем, мало ли есть способов избавиться от жизни, следовало только улучшить удобный момент! И девушка решила дожидаться этого момента.

Глава XV РАЗВЯЗКА

Солнце уже село, когда Голубой Дик возвратился в лагерь со своей пленницей. Но, несмотря на темноту, зоркие глаза мулата еще издали рассмотрели, что в лагере был полный порядок: часовые и пленники на своих местах, и все спокойно.

Голубой Дик только что хотел спрыгнуть с коня на землю около входа в лощину, как вдруг услышал восклицание, заставившее его остаться в седле и, не выпуская повода лошади беглянки, повернуть к тому месту, откуда раздалось это восклицание.

Дело в том, что индейцы, участвовавшие вместе со своим вождем в погоне за беглянкой, вздумали въехать в лагерь с задней стороны, то есть оттуда, где утесы составляли почти сплошную стену. Это было именно то место, в котором охотники оставили своих лошадей. Увидев их, индейцы выразили свое удивление восклицанием, уловленным чутким ухом их вождя.

Подъехав к своим воинам, столпившимся вокруг множества привязанных лошадей, и взглянув на животных, Голубой Дик сразу понял, что поблизости находятся белые, но где именно: в самой ли лощине или наверху?

Приказав двум воинам стеречь беглянку, мулат с остальными индейцами спрятался между деревьями, чтобы высмотреть, где находятся хозяева так неожиданно очутившихся здесь лошадей.

Если краснокожие были удивлены, увидев оседланных и бережно привязанных лошадей в этом месте, то и охотники, в свою очередь, не менее своих врагов были изумлены внезапным исчезновением последних.

Овраг, в котором укрылись охотники, тянулся от подножия утесов до само-

го конца лощины, то есть до того места, где лощина сообщалась с равниной. В этом месте охотники и вели наблюдение за равниной, выжидая возвращения краснокожих с пойманною беглянкой.

Ортон знал, что Кларе Блэкаддер не уйти далеко и что преследователи скоро ее поймают и приведут обратно в лагерь. Поэтому он, несмотря на все настояния Неда, и не погнался вслед за ними. Старик вполне основательно сообразил, что схватка с краснокожими на открытой равнине будет несравненно труднее, чем в лощине, из которой был только один выход. Потому-то Ортон и решил дожидаться возвращения индейцев в лагерь, чтобы напасть на них врасплох.

А в это время индейский вождь продолжал упиваться размышлениями о своей местности.

«Пусть теперь моя гордая сестрица сама испытает всю сладость рабства, — говорил он себе. — Куда денется вся ее фанаберия, когда моя жена начнет хлестать ее бичом и заставит делать самые трудные работы!.. Но перед этим она напляшется у меня еще под водопадом, а потом я докажу ей и другим способом, что вовсе не считаю ее своей сестрой... О нашем родстве нужно было заявить раньше, а не теперь, ха-ха-ха!.. Да, нельзя не сознаться, что этот поход был для меня самый удачный!»

Солнце уже давно скрылось за вершиною утесов, когда Голубой Дик въезжал в свой лагерь. Поднялась луна, и при ее свете индейцы ясно могли видеть, что в лагере никаких перемен не произошло.

Тела двух последних убитых индейцев были тоже убраны охотниками, а на месте часовых стояли три охотника, переодетые в индейские костюмы. Голубой Дик полагал, что воины, которым он поручил охрану Клары, уже привели ее в лагерь. Это доказывалось бродившими вокруг лощины тремя лошадьми.

Сердца скрытых в овраге охотников били тревогу: наступал решительный момент.

Ортон поднял ружье на плечо и прицелился, дав знак остальным охотникам сделать то же самое. Нед радостно улыбался при мысли, что еще несколько минут — и его возлюбленная Клара будет в полной безопасности.

— Вабога! — крикнул вдруг Голубой Дик.

Вабога, убитый одним из первых, был в числе караульных, назначенных стеречь белых пленников.

Ответа, конечно, не последовало.

— Вабога! Где же ты? — продолжал молодой вождь.

Снова полное молчание.

Вдруг из оврага выскочило множество людей, в то же время блеснул огонь и раздался оглушительный ружейный залп.

Голубой Дик, пораженный в самое сердце двумя пулями, с глухим стоном упал с лошади; одна из этих пуль принадлежала Лихе Ортону, другая — Эдварду О'Нейлю.

Выстрелы остальных охотников были тоже так метки, что почти весь отряд индейцев был уничтожен сразу; только очень немногие, уцелевшие при первом залпе, погибли от второго.

Не будем описывать радости освобожденных пленников: это понятно само собою.

Самыми же счастливыми были, конечно, Эдуард О'Нейл и Клара Блэкаддер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассказ наш окончен. Но он был бы не полон, если бы мы ничего не сказали о дальнейшей судьбе наших героев.

О переселенцах и охотниках мы скажем кратко.

Переночевав в лощине, все переселенцы, за исключением Клары Блэкаддер, продолжили свой путь. Охотники проводили их до ближайшего форта. Отсюда шла прямая дорога в Калифорнию. Дорога эта была настолько безопасна, что уже не представлялось никакой надобности в вооруженной охране, поэтому переселенцы и охотники здесь дружелюбно распрощались. Первые направились далее, а последние разбрелись по окрестностям.

Что же касается главных лиц нашего рассказа, то о них мы должны сказать несколько подробнее.

После смерти отца никто уже более не мог воспрепятствовать Кларе Блэкаддер следовать влечению своего сердца и связать навсегда свою судьбу с судьбою Эдуарда О'Нейля.

Блонт был даже очень доволен, что избавился от необходимости заботиться о сестре, которую он терпеть не мог, она тоже не любила его, поэтому они распростились друг с другом очень холодно.

Сон Лихе Ортона, который он рассказывал О'Нейлю при первом нашем знакомстве с этими двумя лицами, сбылся в точности. Эдуард действительно оставил бродяжнический образ жизни. Отправившись со своей невестой в ближайший город, он там с ней обвенчался и стал искать подходящую плантацию, которую задумал приобрести в собственность.

У молодого человека был порядочный капитал, доставшийся ему от отца. Кроме того, Лихе Ортон, тоже скопивший кое-что в продолжение своей жизни, назначил своей наследницей Клару, так как у него самого не было ни детей, ни близких родственников.

С помощью одного ловкого комиссионера Неду удалось вскоре приобрести за сравнительно ничтожную цену целый остров Мангатан, прозванный американцами «Жемчужиной морей». Он развел на этом острове роскошную плантацию, о какой эсквайр Блэкаддер и мечтать бы не мог, и зажил припеваючи со своей молодой и любимой женою.

Лихе Ортон часто навещает своих «милых детей», как он называет счастливую парочку. Поговаривают, будто старый охотник обещал и совсем поселиться у них, когда беспощадные годы заставят наконец и его распротиться с любимыми горами.

ЧЕРНЫЙ МУСТАНГЕР

роман

Глава I

МУСТАНГИ

До самого края горизонта расстилается необъятная прерия. Слева она густо заросла вереском и колючим терновником, справа ее прорезает широкий поток, который в десяти — двенадцати километрах дальше впадает в реку Тринитэ, орошающую равнины Техаса. Поток этот многоводен, он бурно стремится между высокими и скалистыми берегами.

Царствующую в равнине тишину нарушает появившийся вдруг табун диких лошадей числом около ста голов.

Табун этот состоит из лошадей различных мастей, начиная от черной как смоль, вороной и кончая совсем белой, без отметины. Тут видны лошади буланые, гнедые, бурые, рыжие, чалые, светло-серые, отливающие как сталь, серые в яблоках и, наконец, золотистые.

Поток преграждает лошадям путь и заставляет их бежать вдоль реки, так как они, видимо, боятся броситься в воду, чтобы переплыть на противоположную сторону, где разворачивается необъятный простор прерии.

По временам лошади оглядываются, как бы выражая этим сильное желание вернуться назад, но для осуществления этого намерения, видимо, существует какое-то серьезное препятствие, потому что они продолжают бежать все дальше и дальше.

Путешественник наверняка обратил бы внимание на то, каким аллюром бегут лошади и как странно держит себя весь табун. Вместо того чтобы бежать по равнине коротким галопом, переходя по временам в карьер, как это имеют привычку делать дикие лошади, табун подвигается вперед сравнительно со-

всем медленно.

Иногда, впрочем, лошади начинают бежать быстрее и даже переходят на крупную рысь, точно спасаясь от летающих над ними мух, которые немилосердно жалят их своими хоботками, но затем почти сейчас же опять меняют аллюр и по-прежнему не бегут, а скорей бредут тем же ленивым, усталым шагом, точно их гонит какая-то невидимая сила, хотя им и очень не хотелось бы удалиться от излюбленных ими пастбищ.

Дикие лошади, если подкрасться к ним незаметно и последить за тем, как они, когда им не грозит никакая опасность, бродят по пастбищу или бегут по прерии, обыкновенно проявляют при этом все свойства своего дикого нрава: они прыгают, брыкаются, громко ржут, то гордо поднимая голову кверху, то грациозно изгибая шею и распуская по ветру свой длинный хвост.

В противоположность такому обыкновению бегущие в это время по прерии лошади держат себя совершенно иначе, и наблюдатель не увидел бы во всем табуне ни одной изогнутой, как у лебедя, шеи, ни одного развевающегося султаном хвоста. Наоборот, головы у лошадей опущены, глаза не мечут молнии, и вообще бедные животные, с трудом волочащие ноги, имеют такой изнуренный вид, точно с них сейчас только сняли седла и уздечки после продолжительной и быстрой скачки. Они кажутся усталыми, разбитыми и чем-то сильно напуганными, точно их долгое время преследует и не дает им отдыха ни на минуту какой-то странный их враг.

Последнее предположение оказывается верным и подтверждается последующими событиями: вслед за лошадьми вскоре появляются и преследующие их враги, которые оказываются тремя всадниками, едущими на довольно большом расстоянии один от другого; но всадники эти сидят верхами не на лошадях, а на мулах.

Человеку, не знакомому с техасскими прериями, трудно даже представить себе такую картину, — до такой степени все это казалось бы ему невероятным!.. Табун диких лошадей, этих гордых, любящих свободу и таких осторожных животных, бежит туда, куда его гонят всего три всадника, сидящих к тому же верхом на мулах... на неповоротливых мулах, от которых быстроногие кони одним махом могли бы уйти на громадное расстояние, а затем и вовсе скрыться из виду!.. И это происходит как раз среди безграничной прерии, где лошадям так легко уйти от преследователей, где им нечего бояться и где почти невозможно их догнать?..

Да, это и на самом деле должно казаться невероятным, если не предпослать тому необходимое объяснение, которое заключается в следующем: сидящие на мулах всадники — мустангеры, то есть охотники, занимающиеся главным образом ловлей диких лошадей. Эти люди до такой степени хорошо изучили все привычки диких лошадей и излюбленные ими места пастбищ, что в любой момент могут изловить их, не имея при этом надобности прибегать ни к ружью, ни к лассо.

Они уже давно обратили внимание на табун, который теперь преследуют. Несколько недель изучали они, так сказать, «образ жизни» этого табуна, следили, какие места облюбовали себе лошади для пастбищ, где они проводят ночи и куда регулярно, в известные часы, отправляются утолять жажду. Затем в один прекрасный день мустангеры отправляются охотиться на них. Сидя верхами на мулах и имея, кроме того, по два запасных, они медленно, но неуто-

мимо, не останавливаясь ни на минуту, гонят несчастных, обезумевших от страха лошадей.

В первый день охоты лошади не бегут прямо вперед, подобно тому как это бывает на охоте на красного зверя, когда ловчий выпускает стаю гончих по следу, но описывают вначале концентрические круги, возвращаясь каждый раз на прежнее место. Во время этой быстрой и не достигающей цели скачки лошади пробегают не меньше пятидесяти километров, что, само собой разумеется, их сильно утомляет, тогда как их враги в это время проезжают всего десять километров, нисколько не утомляя своих мулов. При этом мустангеры, заменяющие устающих мулов свежими, запасными, в продолжение этой скачки все время держатся перед табуном, преграждая ему обратный путь и заставляя лошадей снова поворачивать обратно в прерию. В то время как табун описывает круг, один из всадников пересекает его путь, и это повторяется до тех пор, пока обезумевшие от страха лошади не отказываются от надежды пробиться сквозь живую преграду. Они истощили свои силы в бесполезной беготне по заколдованному кругу, вместо того чтобы с самого начала скрыться с глаз своих преследователей и навсегда покинуть эти опасные места. Потом к усталости присоединяется голод. Проходит час-другой, и лошади начинают испытывать еще и мучения жажды, заставляющие их невыносимо страдать. Тщетно пытаются они свернуть в сторону, чтобы утолить жажду в излюбленных ими местах — безжалостные мустангеры каждый раз предупреждают их намерения и кратчайшим путем спешат к водопою.

И снова продолжается погоня, вся цель которой в том, чтобы не давать лошадям ни минуты отдыха... Наконец измученные животные бегут туда, куда их гонят мустангеры. Голод дает себя знать все сильнее и сильнее: лошади приостанавливаются, жадно хватают траву и молодые зеленые ветки, но и этого им делать не дают и гонят дальше... Они вдыхают своими воспаленными ноздрями аромат полевых цветов, которые топчут копытами, но не смеют остановиться, слыша за собой громкие крики преследователей, и, несчастные, вконец измученные, бегут дальше...

Наступает ночь, но и она не приносит им облегчения, не дает желаемого отдыха, потому что охота продолжается и ночью и лошади должны безостановочно бежать вперед, не имея возможности утолить ни голода, ни жажды... Наконец табун доходит до такого состояния, когда его можно заставить идти куда угодно, точно стадо быков, которых пастух гонит на пастбище.

Мустангерам это только и нужно, и они гонят табун в заранее приготовленное для него место. Это корраль, или, иначе сказать, загон, устроенный чрезвычайно остроумно и прочно, над устройством которого мустангеры часто трудятся в течение нескольких недель. Такой корраль занимает обыкновенно пространство в несколько гектаров, причем место для него выбирается таким образом, чтобы участок этот примыкал или к крутому обрывистому берегу реки, или к скалистому утесу. Затем все пространство обносится идущим зигзагообразно палисадом, в котором по углам для прочности врыты в землю столбы. Вход в корраль имеет воронкообразную форму и устраивается со стороны прерии между деревьями или высокорослым колючим кустарником, что заставляя бредущих вразброд лошадей сбиться в кучу.

Как только лошади попадают в корраль, мустангеры считают их пойманными и с помощью лассо, которым мастерски владеют все техасские охотни-

ки, укрощают коней одного за другим по мере надобности. Надо заметить, впрочем, что этот способ укрощения принадлежит к числу самых жестоких, и укрощенный мустанг долгое время после этого при виде веревки или длинного тонкого ремня сейчас же останавливается и, весь дрожа от страха, покорно отдается в руки своего укротителя.

Описанием такой охоты, или ловли, происходящей на берегу притока реки Тринитэ, мы и начинаем этот рассказ. Охота близится к концу, о чем свидетельствует загнанный вид лошадей и их усталая тяжелая поступь.

Впереди видна группа деревьев, растущих метрах в ста от потока. Туда мустангеры и гонят табун. Вдруг лошади останавливаются, словно заподозрив, что здесь им устроена западня, и нерешительно с минуту топчутся на одном месте, не желая идти дальше. Но позади они видят мустангеров, размахивающих у них перед глазами кусками яркой материи. Мустанги в испуге снова несутся к потоку, а затем бросаются тяжелой рысью в узкий свободный коридор. Вслед за ними с громкими криками гонятся мустангеры, и лошади в страхе бегут по дороге между палисадом и берегом реки. В это время охотники пересаживаются на свежих запасных мулов и громкими криками, кусками яркой материи пугают лошадей еще больше, и те устремляются в узкий проход, где им приходится бежать, вытянувшись в одну линию. Затем проход снова расширяется; это в первую минуту радует лошадей, и они, напрягая последние силы, стараются уйти от своих неумолимых врагов...

Табун пробегает еще двести — триста метров и снова видит перед собой врытые в землю столбы палисада... Передние лошади бросаются к ограде, но толстые столбы глубоко врыты в землю, и вся ограда устроена так прочно, что лошадям не проложить здесь себе дороги... Тогда они бросаются обратно, но из этой западни нет выхода... Лошади мечутся как безумные, опять бегут к берегу и останавливаются... Там скалистый обрыв, бездна...

Мустангеры, загнав лошадей в корраль, устало спрыгнули со своих мулов и закрыли выход такими же толстыми бревнами, из каких сделана и вся ограда.

Глава II

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ

Один из трех мустангеров остался сторожить так удачно пойманных лошадей, а двое остальных выехали из корраля и, разговаривая, направились к хижине, в которой они жили, за веревками и вообще за всем необходимым для предстоящего укрощения лошадей, а также и за тем, чтобы поискать там чего-нибудь съестного для подкрепления сил после долгой и утомительной езды верхом во время охоты.

— Не нравится мне этот человек, милейший Эдуард, — сказал тот из них, который был пониже ростом, я его терпеть не могу. Вы обратили внимание, что он никогда не смотрит людям прямо в глаза?

— Мне он поэтому тоже очень не нравится, дорогой Вашингтон... но раз мы согласились взять его с собой, мы не можем же теперь прогнать его без всякой причины...

— А кто согласился?.. Только не я... Вы помните, как я всеми силами восставал против этого... По моему мнению, трое не могут охотиться вместе без того, чтобы они в конце концов не поссорились, и потом, одного из них всегда эксплуатируют двое остальных. В прерии, отправляясь на охоту, нужно всеми силами избегать лишних товарищей... Вы ведь, думаю, не забыли, как я уговаривал вас предоставить ему ехать одному, куда он хочет, следом за нами или другой дорогой, но вы настояли непременно взять его с собой.

— Я хорошо помню, что взял его под свою защиту и настаивал на том, чтобы принять его к нам в товарищи... Он имел тогда такой несчастный вид и так нуждался в нашей помощи!

— А нам еще нужнее было не брать его совсем с собой. Вам еще придется иметь с ним дело впоследствии... Буду очень рад, если окажется, что я ошибаюсь, но мне почему-то кажется, что на совести у него лежат не одни только неуплаченные долги!

— Вы думаете?

— Да, я даже почти уверен в этом... Вы разве не обратили внимание, как странно он держал себя в Нэкогдочсе, где мы прожили несколько дней, какой он имел беспокойный вид каждый раз, как прибывали эмигранты, и при всякой встрече с новым лицом?.. Он в такие минуты напоминал собою человека, который боится, что сейчас явится полисмен и арестует его, — так по крайней мере казалось мне в то время.

— Вы, значит, думаете, что он совершил какое-нибудь преступление?.. Может быть, он спасался от наказания за подделку или за кражу?..

— Нет, гораздо хуже этого, поверьте мне!

— Что же такое удалось вам узнать?.. В чем вы его подозреваете?

— У меня из головы это не выходит... Честные люди не дрожат так от страха и не вскакивают по ночам, как это я замечаю за ним.

— Значит, вы думаете...

— Да, я думаю, что у этого человека руки запятнаны пролитой кровью, милейший мой Эдуард Торнлей?.. Вот что не выходит у меня из головы...

— В таком случае очень жаль, что мы взяли его с собою. Но если бы для наших подозрений не было таких серьезных оснований, меня бы мучило уже

одно сознание, что мы можем предполагать относительно него что-нибудь недоброе. Ну, да в наших руках исправить это, и прежде всего нужно победить в себе это предубеждение против него: мы ведь, собственно говоря, не знаем ничего определенного, в чем могли бы упрекнуть его...

— Гм!

— К тому же нам, вероятно, скоро придется иметь столкновение с индейцами; они сильно косятся на нас за то, что мы охотимся на мустангов на их территориях, и если нам придется сражаться с ними, три ружья все-таки больше, чем два.

— Может быть, да, а может быть, и нет... Кто знает, может случиться как раз наоборот... Вы разве не заметили, как дружит наш товарищ с тем краснокожим, у которого такое славное прозвище «Тигровый Хвост», и со всеми подвластными ему семинолами?.. Если бы они не разнились один от другого так сильно цветом кожи, можно было бы подумать, что они родные братья... К нам эти же самые индейцы относятся, наоборот, не только сдержанно, но даже скорей враждебно... Это, на мой взгляд, не предвещает ничего хорошего. Вы никогда не слыхали рассказов о ренегатах-европейцах, которые изменили своим товарищам и предлагали их в руки индейцам? Здесь такие изменники оказывались большей частью людьми, совершившими тяжкие преступления у себя на родине и не смевшими поэтому туда возвращаться... Очень возможно, что и этот субъект один из таких изменников... Сам не знаю, что именно заставляет меня думать так, но я положительно не могу отказаться от мысли, что наш товарищ именно такой человек.

— Но зачем станет он изменять нам?

— Зачем! А хотя бы ради того, что нам посчастливилось сегодня поймать такой славный табун диких лошадей!.. Если продать нашу кавалладу соседним колонистам... мы выручим за нее не меньше двадцати тысяч долларов... Если разделить эту сумму на три части, то каждому достанется столько, что мы могли бы покинуть прерии и провести некоторое время у родных. Ну, а он, можете быть уверены, не поедет с нами... он сам говорил мне это вчера... Он хочет остаться здесь у индейцев, и я не думаю, чтобы кто-нибудь мог поручиться нам, что у него не явится в один прекрасный день мысль предложить индейцам в подарок, чтобы расположить их к себе, принадлежащую нам часть добычи, то есть тех мустангов, которые приходятся на нашу долю... Семинолы не хуже нас с вами сумеют продать их, если захотят!

— В таком случае, дорогой Ваш, нам следует как можно скорее отделаться от него... Для этого нужно только отвести мустангов в Нэкогдочс...

— Да, тем более что я знаю и причину, почему именно вы предпочитаете это место всякому другому...

— Что вы хотите сказать этими словами?

— Только то, что вблизи этого города живет девушка, которую вам до смерти хочется повидать, разве это неправда?

— Нет, уверяю вас, что это неправда! Мое сердце так же свободно, как и ваше, Вашингтон.

— В таком случае я ошибся, но это произошло потому, что один вид женщины приводит меня в бешенство с тех пор, как я охотился в горах близ форта Ларами. Я там женился на индианке, но моя скво, женщина, до такой степени опротивела мне, что я поклялся ненавидеть с тех пор всех их. Она так любила

виски и ром, что в течение зимы пропивала все деньги, какие удавалось зарабатывать ее мужу-трапперу за целый год охоты. Нет, я и слышать больше не хочу о женщинах!.. Я их презираю и ненавижу!

— Ха-ха! — весело расхохотался его юный спутник. — Но это, надеюсь, все-таки не может служить препятствием к тому, чтобы ехать нам в город... Там, я уверен, вы можете найти удовольствия и по своему вкусу...

— Для меня самым большим удовольствием будет продать лошадей и получить за них деньги. Поэтому, как только покончим с укрощением мустангов, сейчас же едем в Нэкогдочс, что бы там ни говорил наш компаньон! Впрочем, он может делать что ему угодно с теми мустангами, которые придутся на его долю... Но только пусть он не рассчитывает получить третью часть добычи!.. Он не имеет на это права, потому что слишком уж мало помогал нам и большую часть проводил время в компании со своим другом Тигровым Хвостом и прочими краснокожими приятелями... Если б вы только знали, как я презираю всех таких белых: они позорят себя, по моему мнению, тем, что дружат с краснокожими разбойниками!.. Негодяи!..

— Не браните бледнолицых, как нас называют индейцы, и прищпорьте лучше хорошенько вашего мула.

С этими словами Эдуард и сам дал шпоры своему мулу.

Одного из двух мустангеров звали Эдуард Торнлей, а другого Вашингтон Карроль, или сокращенно Ваш, как его называл иногда его более юный товарищ. Оба они настолько отличались один от другого, насколько только это возможно для людей одной и той же расы. И по внешности, и по воззрениям, и по образованию между ними не было никакого сходства. Вашингтон Карроль был человек маленького роста, худой, с лицом острым, точно лезвие ножа, как говорил он сам про себя, загорелый до такой степени, что лицо и руки у него цветом своим напоминали хорошо выдубленную кожу. В деловых сношениях со своими друзьями, а в особенности с людьми одной с ним расы он держал себя безупречно, но зато далеко не так вел себя, когда приходилось иметь дело с краснокожими. По возрасту его еще нельзя было назвать совсем стариком, так как ему было всего около пятидесяти лет. Первое впечатление от его наружности было совсем не в его пользу, и выражение его лица, хотя скорей умного и хитрого, чем угрюмого и нечестного, нисколько не смягчалось сильно безобразившим его, надо заметить, широким красным шрамом, — результат некогда полученной им раны, — проходившим по всему лицу, начиная от рта и до левого уха. Он был уроженцем штата Теннесси и траппером по профессии; но с тех пор как цены на меха сильно упали, он бросил этот промысел и сделался мустангером. Последние несколько лет жил в Техасе и занимался тем, что охотился на диких лошадей. В противоположность ему, Эдуард Торнлей был совсем молодой человек, виргинец, переселившийся в Техас и появившийся вместе с Вашингтоном в прерии не только затем, чтобы добывать деньги охотой на диких лошадей, но главным образом потому, что ему нравилась эта свободная, полная всевозможных приключений жизнь в прерии, хотя и очень тяжелая и сопряженная с большими опасностями. Описанная в начале рассказа охота была первой, предпринятой ими вместе. С Вашингтоном Карролем он познакомился в Нэкогдочсе, и оба они так понравились друг другу, что сейчас же условились ехать вместе на охоту.

В то время как они, готовясь к отъезду, запасались всем необходимым, к

ним явился один субъект и так настойчиво умолял их позволить ему ехать с ними, что, несмотря на всю недоверчивость старого охотника, чувствовавшего к тому же непреодолимую антипатию к просителю, кончилось тем, что молодой, легко поддававшийся влечению сердца Эдуард уговорил его побороть в себе чувство предубеждения, и они согласились взять с собой посланного им неожиданно судьбой нового товарища. Это был тоже молодой человек, почти одних лет с Торнлеем; он сказал, что его зовут Луи Лебар и что он уроженец Луизианы. Новичок всей своей особой вполне оправдывал те подозрения, которые он внушал обоим друзьям. Карроль при первом же свидании почувствовал к нему антипатию, которая затем перешла в полное отвращение. И надо сказать правду, в нем и в самом деле не было ничего, что говорило бы в его пользу. Он был маленького роста, коренастый, широкоплечий и при этом слегка горбился. Цвет кожи у него был такой, какой бывает обыкновенно у мулатов, а включенная густая черная борода придавала ему еще более несимпатичное выражение. Глаза у него все время бегали, и в его взгляде было что-то такое, что напоминало в одно и то же время и лисицу и волка. Антипатия Карроля, кроме того, имела еще и другие основания: он и в самом деле слышал, как Лебар бормотал во сне какие-то странные слова и часто упоминал о каком-то убийстве. Карроль видел в этих словах нечто злое, и, как мы увидим впоследствии, его подозрения, к сожалению, оказались слишком основательными...

Глава III

НЕПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Всадники прекратили дальнейший разговор о своем новом товарище и, пришпорив мулов, крупной рысью направились к хижине, где они жили вместе уже несколько недель. Хижина эта, срубленная из толстых неотесанных бревен, одной стороной примыкала к высокой скале, нависшей над берегом потока, впадавшего в реку Тринитэ; от корраля до хижины нужно было проехать расстояние в полтора километра. В то время как всадники ехали берегом потока, Вашингтон вдруг осадил своего мула и, указывая вытянутой рукой вперед, крикнул:

— Смотрите!.. Смотрите!

— Что там такое вы увидели? — спросил Торнлей, останавливаясь в свою очередь.

— Неужели вы ничего не видите там... невдалеке от реки... В прерии?..

— Теперь вижу. Там белеет что-то похожее на палатку.

— Палатка?

— Да, или, может быть, я ошибаюсь?

— Разумеется... Это вовсе не палатка, а белый верх эмигрантского фургона.

— Фургон!.. Неужели это правда?

— К несчастью, да... И за каким чертом они попали сюда!

— А не все ли вам равно?

— Мне это неприятно. Я переселился сюда в надежде, что буду жить один и что мне не придется уже видеть больше бледнолицых, как говорят краснокожие приятели Луи Лебара, а вот теперь мне приходится забирать свои пожитки и снова уходить дальше. Из-за этого я не остался жить в Теннесси и ушел

оттуда сначала в Луизиану, потом перебрался в Арканзас, потом изъездил и исходил целые сотни миль по берегам Миссисипи, и все напрасно!.. Проклятые эмигрантские фургоны всюду следовали за мной.. они разбивали палатки... пускали свой скот топтать прерию... за ними являлись другие бледнолицые и строили города... Я отправился на юг и дошел до Красной реки, но там оказалось еще больше эмигрантов и домов... Тогда я прибегнул к последнему средству, как говорят в Луизиане креолы, и забрался сюда, к самым границам Техаса... И тут неудача!.. Бледнолицые нашли дорогу и сюда!.. Настоящее несчастье!

— Я и в самом деле ошибся, — перебил его Эдуард Торнлей, — это эмигрантский фургон, и если только мне не изменяют глаза, там не один фургон... а два... Но я положительно представить себе не могу, почему вам так неприятно видеть людей одной с вами расы?.. А мне, признаюсь, наоборот, это доставляет даже удовольствие.

— Удовольствие! Вы говорите, что вам это доставляет удовольствие?

— Да!

— А на каком основании, милостивый Боже! Разве вы не знаете, что значит увидеть эти большие фургоны?

— Это значит, что в них сидят переезжающие через прерию путешественники, может быть, золотоискатели?..

— А может быть, и эмигранты, которые ищут удобное для поселения место! И последнее предположение будет верней... Когда видишь белые верха этих фургонов, ни за что нельзя поручиться. Да вот, смотрите сами. Как вы думаете, что это такое движется возле фургонов?

— Там видны всадники...

— Там не одни всадники, есть и пешие... Затем коровы, овцы, дети... Это эмигранты и даже колонисты, я их хорошо знаю!.. Я убежден, что они очень быстро заселят всю эту территорию, потому что здесь самая лучшая земля для разведения хлопчатника!.. Я это еще и раньше предсказывал и, как видите, не ошибся. Эти люди колонисты, и они непременно поселятся здесь! А где будут пастись после этого табуны диких лошадей? Где будем мы их ловить потом?.. Эх! Дорогой Эдуард Торнлей, мы должны готовиться к тому, чтобы покинуть эти места! Мы в последний раз охотились здесь на мустангов!.. Прощайте, чудные лошади! Через год, и самое большее через два, здесь будут стоять большие шести- и восьмиэтажные дома, а может быть, вырастет и целый город... Я ненавижу эти большие дома и города! Пройдет немного времени, и по всей Америке не останется места, где не было бы города!.. Ах! Нечего сказать, приятно будет жить нашим потомкам! Тогда не будет ни диких зверей, ни диких животных! Прощай охота, рыбная ловля, прощай свободная жизнь, большие леса! Ужас!.. Ужас!..

И старый арканзасский траппер покачал головой, снова тронул своего мула и, продолжая ехать берегом потока, все время смотрел в ту сторону, где виделся караван эмигрантов, причем в его взгляде виден был не только гнев, но и глубокая истинная скорбь. Для всякого другого, кроме него, это белое пятно было бы знаменем цивилизации, сигналом прибытия его братьев или, во всяком случае, бледнолицых, людей одинаковых с ним понятий; но он видел в этом только мрачную тучу, заволакивавшую будущее, и с грустью переживал скорбь страстного охотника вообще и мустангера в особенности.

— Странная вещь! — заговорил он снова, внимательно в то же время рассматривая людей, суетившихся вокруг фургонов. — Удивительно, право! У этих людей всего только два фургона, да и самих их не больше девяти человек, считая в том числе и негров. Это, по всей вероятности, переселяется сюда какой-нибудь мелкий плантатор со всем своим имуществом... Бедняга! Если он рассчитывает поселиться здесь, имея только то, что есть при нем в эту минуту, я могу только пожалеть его, потому что Тигровый Хвост со своими кровожадными воинами проглотит его в одну минуту, а то время уже недалеко, когда краснокожие снова выйдут на тропу войны!

— Может быть, следом за этими идут еще и другие фургоны, которые почему-нибудь отстали и догонят их через несколько часов? — проговорил Торнлей, в котором слова его товарища пробудили опасение за участь, ожидавшую эмигрантов.

— Если это верно, тем лучше для них! Но те фургоны должны быть еще очень далеко, потому что с этого места вся прерия отлично видна по крайней мере на пятнадцать миль кругом, и фургонов что-то нигде не заметно. Куда же они девались и почему так далеко отстали от авангарда?

— Да, это странно, в самом деле.

— Нет, тут перед нами весь караван, я в этом уверен! На горизонте нигде не видно ни одной повозки, ни одного всадника. И если вы ничего не имеете против, по моему мнению, следует сейчас же ехать к ним и разузнать, что они за люди, куда едут... и, может быть, помочь им советом.

Не ожидая ответа своего товарища, старый мустангер наградил мула сильным ударом хлыста и крупной рысью поехал к тем, с которыми он решил познакомиться и которым хотел помочь советом. Торнлей последовал примеру Карроля и, пришпорив своего мула, заставил его тоже идти рысью.

Глава IV

ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ

Караван эмигрантов или колонистов, появление которых так неприятно удивило мустангеров, был в пути уже давно, медленно продвигаясь по прерии, где не существует никаких проезжих дорог и где приходится ехать целиной... Вдруг послышалась команда:

— Стой!

Приказание это было отдано громким, привыкшим повелевать голосом, принадлежащим человеку очень высокого роста, лет пятидесяти от роду, носившему на себе следы военной выправки и сидевшему на рослом, под стать ему, коне. Приказание это относилось не к батальону солдат, а к самому обыкновенному негру, исполнявшему обязанности кучера и погонщика в одно и то же время при переднем фургоне, запряженном четверкой сильных мулов. Самого же командира звали полковник Вильям Магоффин, и если бы кто-нибудь вздумал назвать его просто мистером Магоффином без прибавления титула «полковник», он сейчас же остановил бы его словами:

— Стойте, милейший мой, вы не совсем так, как следует, называете меня.

Ветеран, служивший в армии под начальством Джексона, слишком дорожил усвоенными им привычками старого солдата и не мог отступить от них ни при каких обстоятельствах; поэтому же не мог он никак отвыкнуть от привычки говорить громким повелительным голосом, что составляет такой порок, которым одинаково страдают старые вояки во всем свете.

Как только раздалась команда «стой», темнолицые погонщики подняли крик, и мулы в ту же минуту остановились. Вслед за первым фургоном сейчас же остановился второй, а за ним остановилась и карета, запряженная парой поджарых, горячих лошадей. Одновременно с каретой остановили своих лошадей и двое всадников, ехавших у дверей по обе стороны экипажа, мимо которого шестеро пеших слуг прогнали вперед с дюжину овец и коров.

Словом, это был довольно обычный для техасских прерий караван эмигрантов, разыскивающих удобное место для поселения, но в то же время это было в высшей степени необычное (если только не единственное) явление для той местности, где остановился караван, предводительствуемый полковником Магоффином. Белые верхи фургонов в первый раз приходилось видеть на зеленом фоне леса, носившего название техасского Кросс-Тимберса, при том доказательством того, что эмигранты прибыли сюда из южных штатов, служили не только кучера и погонщики-негры, но и смуглые лица людей, гнавших за караваном рогатый скот и овец.

Если бы кто-нибудь приподнял белую занавеску верха у переднего фургона, то увидел бы, что в нем сидят женщины с лицами самых разнообразных оттенков, начиная от бледно-желтого и кончая совсем черным; вместе с ними ютились тут же и дети, без которых не приходится видеть почти никогда эмигрантских караванов. В следовавшем за вторым фургоном экипаже сидели две красивые «бледнолицые» девушки, по манерам которых видно было, что они получили хорошее воспитание. Из двух всадников, ехавших возле этого экипажа, один был такого же высокого роста и такого же могучего сложения, как и полковник, но и по лицу его и по манерам видно было, что он принадлежит

к более низкому классу. Другой всадник был совсем еще юноша самое большее двадцати лет; черты его лица имели в себе фамильное сходство с начальником каравана, в чем, впрочем, не было ничего необыкновенного, так как юноша приходился племянником полковнику.

Из двух девушек, сидевших отдельно в карете, одна была дочь полковника — Теннесси Магоффин, а другая — ее двоюродная сестра Луизиана. Такие имена должны странно звучать для европейского уха, но в юго-западных и в юго-восточных штатах существует обычай давать дочерям имена тех штатов, где они родились; этим же объясняются и такие имена, как Каролина, Виргиния и даже Флорида.

Полковник Магоффин сам был уроженцем штата Теннесси, куда отец его прибыл вместе с Лардингом, Робертсоном и Брэдфортом, и как истинный патриот считал себя обязанным дать имя Теннесси своей дочери, превратившейся в красивую девушку с белокуроыми волосами. Его племянник и племянница были дети его сестры, которая вышла замуж за уроженца одного из самых отдаленных южных штатов и переселилась с мужем в Луизиану. Это объясняет, почему юная креолка Луизиана Дюпрэ, приходившаяся Теннесси Магоффин двоюродной сестрой, отличалась от нее более тонкими чертами матово-смуглого лица.

Место, где остановился по приказанию полковника караван эмигрантов, представляло из себя равнину, отлого спускавшуюся к югу. Место это казалось скорее садом или частью парка, чем некультивированным клочком необъятной прерии, случайно обратившим на себя внимание красотой местоположения. В недалеком расстоянии виднелись группы высокоствольных деревьев, которые стояли на своих местах, точно часовые, предупреждавшие путешественников, что там за ними его ждут необъятные девственные леса и что эта прерия с ее высокой зеленой травой, волнующейся точно море, не более как прелюдия.

— Мне это место очень нравится, — сказал полковник, как только остановились фургоны, — и я не вижу необходимости ехать дальше искать другой участок для поселения... и даже не думаю, чтобы мы могли найти где-нибудь другое местечко, которое находилось бы в лучших условиях и больше радовало бы глаз, чем это... Что вы скажете, мастер Стротер?.. Вы согласны со мной?

— Виноват, полковник, я не только согласен с вами, но я и сам думал это, — отвечал спрашиваемый, который был не кто иной, как рослый всадник в простом костюме из домотканой крашенины цвета красной меди, вооруженный длинным шестифутовым ружьем, которое он держал на левом плече.

Затем он подъехал поближе к полковнику Магоффину и авторитетным тоном прибавил:

— Я тоже не думаю, чтобы можно было найти что-нибудь лучшее. Тут как раз рядом течет река, которая даст сколько угодно воды и для нас и для скота, а прерия покрыта такой чудной густой травой... Места свободного тут сколько хочешь, и нам совсем не придется вырубать лес, расчищать землю из-под вырубки. Надо будет только как следует вспахать и обработать землю, а затем, я уверен, она будет давать столько хлопка, сколько захотим, и притом самого лучшего качества... Затем, — сказал он в заключение, обертываясь лицом к лесу, который с противоположной стороны реки доходил до самого берега, — нам не придется ходить далеко искать медведей и оленей, не говоря уже о

том, что тут должно быть много пушных зверей, а затем должны быть и зайцы, и дикие индейки... Да, полковник, я думаю, что вам следует как можно скорее оформить свои права на землю, где теперь стоит наш караван.

— А ты какого мнения, Эжен? — спросил полковник своего юного племянника. — Земля в этом месте кажется очень плодородной и вполне пригодной для культуры табака и хлопчатника, кроме того, я думаю, что климат этой местности достаточно тепел и для того, чтобы можно было заняться культурой сахарного тростника. Место очень живописное, а рыбная ловля и охота дадут нам возможность иметь всегда провизию в изобилии... Ну, так скажи же мне твое мнение?

Полковник обернулся к молодому человеку, который в качестве уроженца Луизианы должен был, по его мнению, лучше знать, какие земли более пригодны для сахарного тростника. Но Эжен не слышал того, что ему говорил дядя, и, повернув лошадь, направился к экипажу, в котором в эту минуту находилась его очаровательная кузина Теннесси. Полковник с озабоченным лицом тоже подъехал к этому экипажу и здесь снова повторил тот же вопрос, прибавив в заключение:

— Скажите же мне, дети мои, как вы находите это место?.. Нравится оно вам?..

— Здесь восхитительно! — весело отвечала первой Теннесси. — Тут такая масса цветов, что только рви их и делай из них букеты и гирлянды!

— Это очень красивое место, — спокойно заметила ее кузина, лицо которой носило на себе следы меланхолии, даже почти печали.

— Как ты думаешь, будет здесь расти сахарный тростник, Эжен? — спросил полковник, обращаясь непосредственно к новому креолу, на котором был надет ловко сшитый костюм из синей бумажной материи, а голову прикрывала настоящая панама.

— Не думаю, дядя, — отвечал молодой человек, точно не замечая, что ответ этот не особенно приятен его дяде. — Мы отошли слишком далеко к северу. Да не все ли это равно, раз здесь можно будет заниматься культурой хлопчатника? Не забывайте, дядя, что фунт ваты стоит гораздо дороже фунта сахара. Главное затруднение для нас, если мы поселимся здесь, будет заключаться, по моему, в том, как доставлять отсюда продукты земледелия на рынки и каким образом, если представится необходимость, поддерживать сношения с населенными местностями?

— Отлично! — весело проговорил полковник. Я очень рад, что все согласны со мной. Все остальное мы устроим впоследствии. Мы займемся культурой хлопка, а хлеб будем сеять лишь в таком количестве, какое необходимо для нашего собственного хозяйства. Что же касается провизии, то до тех пор пока мы не разведем побольше скота, будем питаться рыбой и дичью, и на столе у нас будет то медвежий окорок, то жареный дикий индюк. Словом, будем жить здесь не хуже, чем жили в нашем старом доме в Теннесси.

Но говоря это, полковник оказался не в силах сдержать невольный вздох. Он думал в эту минуту, что, покидая свой старый дом в Теннесси, ему пришлось отказаться и от того комфорта, к которому он привык, и от всего, что в его представлении неразрывно было связано с понятием о благосостоянии и навсегда сказать «прости» тем, которых он считал своими друзьями. В один прекрасный день к нему явился представитель закона и продал за долги,

явившиеся результатом неумеренного хлебосольства и излишнего великодушия к другим, все его имущество, оставив ему лишь то ничтожное число цветнокожих, которые находились теперь при нем, тогда как раньше он был владельцем великолепной плантации, где работало двести человек чернокожих рабов обоего пола. Но скользнувшее было по его лицу облако печали сейчас же отлетело прочь, и через минуту он снова казался таким же спокойным и веселым. Он принадлежал к тому типу людей, в душе которых живет инстинктивная страсть к переселению, которые не любят привязываться ни к одному месту и которых бессознательно влечет все дальше и дальше... Родившись и проведя детство на восточной границе штата Теннесси, он потом переселился в Нашвилл, в центр, а затем в Мемфис, на запад. Но и здесь казалось ему, что дома стоят слишком близко один к другому и что вся эта местность слишком густо заселена. Вот почему старый воин, лишившийся почти всего своего имущества, до известной степени был даже рад, что это дает ему возможность уйти подальше от цивилизации, подальше от городов, растущих как грибы, от вырубленных лесов, от обработанных полей и отправиться искать счастья в другой стране, вдали от людей и городов. И теперь ему казалось, что судьба дает ему возможность осуществить свою мечту в этом уголке Техаса. Место, куда совершенно случайно попал его караван и где он приказал остановиться, представлялось ему самым подходящим для поселения... А так как и все его спутники одобрили его намерение, он окончательно решил поселиться здесь.

Глава V СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

В то время как эмигранты занимались приготовлением ужина и устройством бивуака на ночь, полковник Магоффин увидел направлявшихся к лагерю двух всадников, сидевших на мулах, которые бежали тяжелой крупной рысью.

Эти всадники были уже знакомые нам мустангеры.

Появление человеческого существа (будь то бледнолицый или краснокожий) в местности необитаемой, в прерии или в лесу, всегда вызывает известного рода тревогу и опасение. Поэтому полковник, в котором долговременная служба в армии и многолетнее странствование по малонаселенным территориям штатов выработали привычку держаться всегда настороже и быть готовым к встрече с опасностью, отдал приказание своим людям взяться за оружие.

Но так как двое неизвестных продолжали все так же спокойно ехать крупной рысью, ничем не обнаруживая каких-либо враждебных намерений, и так как они, когда подъехали поближе, оказались бледнолицыми, то полковник скоро успокоился и приказал своим людям опустить взятые было на прицел ружья.

Как сам полковник, так и все входившие в состав каравана люди с нетерпением и даже, впрочем, вполне понятной тревогой поджидали прибытия незнакомых всадников.

Они уже много дней не видели ни одного человека, которого могли бы назвать если не другом, то хотя бы не врагом, и уже совсем не рассчитывали ви-

деть в этих местах людей одного цвета кожи с собою.

Полковник Магоффин еще за год перед тем, как покинуть навсегда штат Теннесси, ездил осматривать обширную территорию, носившую название Кросс-Тимберс, и, разъезжая по этой местности, ни от кого не слышал, что эта местность уже заселяется и что тут есть колонисты. Поэтому его тоже очень сильно заинтересовало неожиданное появление двух «бледнолицых».

— Кто вы такие? Зачем вы забрались сюда? — грубо спросил Вашингтон Карроль, легко спрыгивая со своего мула, в чем, впрочем, не было ничего удивительного, если принять во внимание его маленький рост и тощую фигуру.

При этом он подошел почти вплотную к полковнику Магоффину, в котором с первого взгляда угадал начальника этого маленького каравана эмигрантов.

— Вот довольно-таки бесцеремонный и недвусмысленный вопрос, — сказал полковник, не изменяя своему обычному хладнокровию. — Ну, да это все равно: я не делаю из этого тайны и могу откровенно ответить вам, что мы плантаторы и хотим поселиться здесь, чтобы заняться культурой хлопчатника, а если окажется возможным, то будем возделывать и другие растения.

— И вы хотите поселиться здесь?.. На этом самом месте?

— Да. Мы только что решили поселиться именно на этом месте.

— И у вас только и есть всего народу?

— Да.

— И к вам сюда никто еще не приедет?

— Насколько я знаю, нет.

— Чужестранец, вы не рассердитесь, надеюсь, на меня за мое чистосердечное желание быть вам полезным... Как же это вы рискнули отправиться сюда с такими слабыми силами? Или вы, может быть, не знали, какие вам грозят тут опасности?

— Опасности? Какие опасности?

— Со стороны индейцев, черт возьми! Вон там в лесах живет довольно-таки большая шайка индейцев...

— Но почему же вы сами, то есть вы и ваш товарищ, не боитесь жить в таком близком соседстве с ними? Вы ведь, наверное, тоже живете где-нибудь в этих местах?

— Да, разумеется. Но только мы — совсем другое дело. Ни я, ни мой товарищ не собираемся строить здесь дом, который будет виден со всех сторон за несколько миль, и потом, мы не имеем намерения жить здесь долго. Затем у нас у обоих нет ничего такого, что могло бы пробудить алчность в дикарях. Им с нас нечего взять, кроме скальпов, ну а наши скальпы мы постараемся уберечь от них, в этом отношении вы можете мне поверить на слово.

— Я и не думаю сомневаться в этом...

— Кроме того, индейцы, надо вам сказать, не особенно тревожатся, когда видят нас и таких же, как мы, трапперов или охотников, тогда как колонисты — дело совсем другое! Они прекрасно понимают, что прибытие бледнолицых и устройство плантаций влечет за собою уничтожение охотничьих территорий... Понимаете вы теперь, какая разница между нами и вами? Затем еще раз повторяю вам, у нас нет ничего, а у вас есть имущество и, как бы мало оно ни было, оно будет возбуждать зависть у индейцев, и они кончат тем, что непременно отнимут у вас все ваше добро! И вы должны будете считать себя еще счастливыми, если они только этим одним и ограничатся и не лишат вас

также и жизни и не завладеют тем, что для вас, может быть, дороже даже самой жизни.

При этих словах старый охотник бросил многозначительный взгляд в сторону девушек, которые, слышав незнакомый им голос человека, разговаривавшего на английском языке, вышли из экипажа, но, увидев вместо одного двоих незнакомцев, покраснели и остановились.

Даже сам старый траппер, считавший себя навсегда застрахованным от опасных чар женской красоты, и тот невольно залюбовался ими. Взгляд его молодого товарища сначала перебегал с одной девушки на другую, а затем окончательно остановился на креолке, от прекрасного лица которой он, казалось, уже не мог оторваться.

Это восхищение, вызванное девушками в обоих мустангерах, было как бы их невольною и бессознательною данью красоте далеко не заурядной; хотя со стороны Торнлея в этом и не было ничего особенно удивительного, потому что он уже в течение многих недель не видел ни одного женского лица, за исключением индианок.

Полковник Магоффин прекрасно понимал все значение сделанного ему охотником намека. Эти слова пробудили в нем старые опасения, которые он упорно гнал от себя. Он не мог не сознавать, какая опасность грозила не только ему самому, но главным образом обеим девушкам, если только в этих местах бродят шайки индейцев.

Когда он был здесь год назад, он не только не встретил ни одного индейца, но нигде не открыл и никаких признаков пребывания их в этих местах. Но теперь он явился сюда, чтобы поселиться здесь; с ним громоздкие фургоны, скот и, наконец, что всего дороже, тут женщины и дети. Поэтому слова траппера сильно встревожили его, но, не желая обнаруживать это, он сделал вид, будто не понял намека, скрывавшегося в словах мустангера, и спокойно отвечал:

— Мне кажется, что опасность не так велика, как вы говорите, а потом мы и сами такие, что сумеем защитить не только себя, но и всех прибывших сюда с нами. Нас, правда, не много, но мои негры умеют так же хорошо владеть огнестрельным оружием, как киркой и лопатой. Среди них нет ни одного, который не сумел бы выстрелить из ружья. Я имел это в виду, отправляясь сюда, и поэтому краснокожих должно быть очень много, чтобы нас победить или хотя бы запугать.

На лице старого мустангера появилось нечто вроде насмешливой улыбки, тогда как лицо его молодого товарища, казалось, говорило: «В случае нападения краснокожих или других каких-нибудь врагов новые колонисты могут рассчитывать, что число белых и негров, способных защищаться с оружием в руках, в ту же минуту увеличится по крайней мере одним человеком».

— К тому же краснокожие, кажется, зарыли в землю боевой топор, — продолжал полковник полувопросительно. — Так, по крайней мере, мне говорили на Красной реке и поэтому-то я решил отправиться сюда. Надеюсь, что с тех пор здесь не случилось ничего такого, что давало бы вам повод утверждать противное?

— Ничего. Я не знаю ничего такого, — отвечал Кар-роль, — но только этот мир так же легко нарушить, как разгрызть орех. Индейцы очень быстро и очень легко забывают данное ими слово, как только это им кажется выгодным сделать.

— И вы наверное знаете, что тут где-то недалеко бродят краснокожие? — спросил полковник Магоффин.

— Не так чтобы уж очень близко, но и не очень далеко: милях в двадцати от вас, не больше, вниз по течению ручья стоит лагерем и бродит по лесам довольно большая шайка индейцев. Это шайка семинолов, отделившихся от племени и странствующих по всей территории под начальством молодого вождя, которого зовут Тигровый Хвост и который ничем не лучше, если только не хуже настоящего тигра. Он привел с собою до полутора ста взрослых индейцев, не считая женщин и детей. Женщин и детей приходится редко видеть, но воины, как они называют себя, вечно бродят по всей стране и очень часто их встречаешь там, где всего меньше ожидаешь увидеть краснокожих. Это-то и пугает меня всего больше за вас, и я от чистого сердца советую вам сейчас же уехать со всеми вашими фургонами, неграми, ружьями... Уезжайте куда хотите, только подальше от этих опасных мест!..

— Там видно будет. Меня это, признаюсь, не особенно тревожит, — отвечал плантатор так же невозмутимо, желая этим успокоить своих спутников, которые могли слышать их разговор и встревожиться, особенно женщины, и, может быть, совершенно неосновательно, во всяком случае раньше времени.

— А вас не затруднит ответить мне, откуда вы прибыли сюда? — собираясь уже уезжать, спросил охотник, на которого, видимо, произвело очень благоприятное впечатление мужество и хладнокровие, обнаруженные его собеседником.

— Из Теннесси.

— А как ваша фамилия, если это не секрет? Или, может быть, вы хотите, чтобы я сначала сказал вам свое имя?

— Магоффин: по обыкновению меня все называют полковник Магоффин.

— Полковник Магоффин! А вы не родственник лейтенанту Магоффину, который служил под начальством старика Джексона, когда мы воевали с англичанами?

— Мне думается, что я и есть тот самый лейтенант, про которого вы спрашиваете, потому что, насколько я помню, в армии генерала Джексона не было другого лейтенанта с этой фамилией.

— Неужели это правда? — вскричал мустангер, бросаясь вперед и схватывая за руку плантатора. — Значит, вы и есть тот самый лейтенант Магоффин? Ну да, конечно!.. Иначе это и быть не может. Теперь я вас узнаю даже и по лицу. А вы меня не узнаете разве? Впрочем, нет ничего удивительного, черт возьми! В этом виноват, по всей вероятности, вот этот проклятый шрам, перерезавший мое лицо пополам. Вы, впрочем, не можете ставить это мне в вину, потому что я получил этот шрам, защищая вас от удара томагавком, которым замахнулся на вас великан ирокез. Вы еще не забыли об этом?

— Господи! Ваш Карроль, да неужели это вы? — проговорил полковник дрожащим от волнения голосом.

Через минуту старый траппер был уже в объятиях полковника, который поднял его, как перышко, в воздух и крепко прижал к своей могучей груди.

Окружавшие полковника и мустангера эмигранты, негры и бледнолицые, видимо, были сильно удивлены неожиданно разыгравшейся перед ними сценой.

Обе девушки, которых грубоватые манеры и сильно изуродованное лицо

мустангера заставляло до сих пор держаться подальше от него, подошли теперь к нему и любезно приветствовали старинного друга и ратного товарища полковника Магоффина.

Как только улеглось волнение, вызванное этой совершенно неожиданной встречей старинных знакомых, и собеседники снова получили возможность говорить спокойно, Ваш Карроль, которого теперь уже серьезно заботило крайне опасное положение старого друга, попросил выслушать его и деловым тоном человека, привыкшего взвешивать каждое свое слово, сказал:

— Тигровый Хвост ужаснее всех краснокожих, а его воины такие же, как и он, негодяи и разбойники. Они даже свирепее своих союзников команчей. Вся эта шайка состоит почти исключительно из одних молодых воинов, которым пришлось покинуть свое племя потому, что их не хотели больше терпеть. Ну, да это не беда! Раз вы остановились здесь и хотите здесь же и поселиться навсегда, вам остается только решить, какие нужно принять меры к тому, чтобы вам можно было жить здесь, не боясь никаких опасностей. Прежде всего я посоветовал бы вам выстроить как можно скорее блокгауз, а потом вы можете уже приниматься за постройку жилых зданий и прочих хозяйственных построек. Надеюсь, полковник, вы знаете, как строить блокгаузы?

— Да, имею понятие, — отвечал полковник, — потому что такой же точно блокгауз, о котором вы говорите, стоял среди покинутой нами плантации, и теперь я припоминаю, как он был выстроен.

— Тем лучше! Мой товарищ Эдуард Торнлей, с которым позвольте вас познакомить, и я поможем вам в этом и руками и советом. Мы занимаемся здесь охотой на диких лошадей и сегодня только что загнали в корраль целый табун мустангов. Как только мы пристроим лошадей в безопасное местечко, сейчас же явимся к вам. С нами еще один товарищ, но только на него нечего особенно рассчитывать. Для постройки блокгауза у вас тут чудное место — как раз у самой бухточки, там, где небольшая роща. Тут у вас под руками строительный материал, вам не нужно рыть колодец и, кроме того, берег тут высокий и крутой, а это тоже имеет громадное значение, потому что вам придется укреплять только ту сторону, которая обращена к прерии.

— Я последую вашему совету, голубчик Карроль.

— И хорошо сделаете, полковник, но только принимайтесь за работу завтра же с утра.

— Мы так и сделаем.

— Отлично, — сказал Вашингтон Карроль, вскакивая на своего мула.

Затем, обменявшись еще несколькими словами с полковником и пожав ему крепко руку на прощанье, мустангеры дали шпоры мулам и рысцой направились к своей хижине.

Глава VI

МЕЧТЫ ПРЕСТУПНИКА

Между тем оставшийся в коррале Луи Лебар с нетерпением поджидал возвращения своих товарищей. Его нетерпение разделял также не стоявший на месте мул, хотя у последнего это вызывалось, может быть, просто чувством голода.

«Будь они прокляты, негодяи! — думал Луи Лебар. — Где это они пропадают, хотелось бы мне знать? С тех пор как они уехали, я мог бы уже несколько раз съездить в хижину и вернуться обратно. Они знают, что я здесь стерегу лошадей, и преспокойно сидят оба дома и едят до отвала, а я тут умираю от голода и жажды. Ах, как ненавижу я этих презренных негодяев за то, что они так презрительно и недоверчиво относятся ко мне! Они хотят ехать в Нэкогдочс сейчас же после того, как покончат с укрощением приходящихся на их долю мустангов... Но я не могу ехать с ними. Да, я не смею ехать! Туда чуть не каждый день являются приезжие из Луизианы, плантаторы и эмигранты. Я рискую встретить там знакомых, меня может кто-нибудь из них узнать. И тогда... тогда я попаду в руки регуляторов, этих проклятых полицейских ищеек, от которых мне стоило такого труда удрать! Что же делать? Как быть, раз я не могу ехать с ними туда? Остаться навсегда в прериях и в лесах? И всю жизнь бояться встречи с представителями закона?..»

Последние слова он машинально произнес вслух. Но звук собственного голоса испугал его, и он вдруг умолк, подозрительно огляделся, как бы для того, чтобы убедиться, что тут нет никого, кто мог бы услышать то, что он сказал, затем, тяжело вздохнув, проговорил громким голосом:

— Ах, если бы только я не боялся вернуться в Луизиану и поселиться снова там, хотя бы под чужим именем!.. А почему бы и нет? Цвет лица стал у меня совсем бронзовый, а моя борода изменила меня до неузнаваемости. Нет, об этом пока нечего и думать. Чтобы жить человеком независимым, ни в ком не нуждаться и избежать риска быть признанным, нужно прежде всего иметь много денег, но у меня почти совсем их нет. А разве скоро разбогатеешь, если будешь всю жизнь заниматься охотой на диких лошадей, продавая их потом самое большее по десять долларов за штуку?.. Остается только один исход: согласиться с предложением Фаннинга, потому что только этим путем и можно составить себе состояние. Он предлагает присоединиться вместе с ним к команчам и заняться грабежом плантаторов по течению Рио-Гранде. Плантаторы там народ богатый, и он уверен, что большинство мексиканских владельцев гасиенд держат у себя большие суммы денег, не говоря уже о том, что у каждого бесчисленное множество золотой и серебряной посуды, скота и всевозможных драгоценных вещей!.. Мне это, сказать правду, не особенно нравится, но я волей-неволей должен согласиться и присоединиться к Фаннингу с его шайкой грабителей. Надо будет еще раз выкрасить себе лицо и сделать его совсем такого цвета, как у краснокожих. Да, клянусь небом, я так сделаю. У меня, впрочем, нет другого выбора. Затем, когда у меня будет много денег, я могу смело ехать, куда захочу, и делать, что мне угодно. У этого молодого Фаннинга есть, кажется, небольшие деньжонки, и поэтому он может купить у меня мустангов, которые приходятся на мою долю: это меня избавит от необходимо-

сти гнать лошадей на продажу самому до ближайшего города и от опасности быть там кем-нибудь узнанным... Итак, решено: я присоединяюсь к Фаннингу и отправляюсь вместе с ним к берегам Рио-Гранде!..

Вот о чем думал Луи Лебар или, лучше сказать, человек, называвший себя этим именем, в то время как он, стоя внутри корраля, где жалобно ржали пойманные мустанги, с нетерпением поджидал возвращения товарищей. Ему пришлось долго еще ждать, пока наконец увидел их, рысцой направлявшихся к корралю.

— Наконец-то вы вернулись, — сказал он сердитым голосом, когда они подъехали к нему поближе, — а я уже думал, что вы там забыли обо мне!.. Какого черта вы там делали? Вы должны бы помнить, что я умираю тут от голода и жажды!

— Э, товарищ, — своим обычно веселым тоном возразил ему Торнлей, — если бы вы поехали с нами, вы увидели бы нечто такое, что заставило бы вас, готов поручиться, запоздать еще больше.

— Что же это такое?

— А! Заинтересовались-таки!

— Что же это такое, что может заставить двух охотников забыть, что их с нетерпением ждет голодный товарищ?

— В этой проклятой местности, черт возьми, не каждый день, я думаю, приходится видеть по две таких красавицы сразу!

— У семинолов тоже немало красивых девушек. Или, может быть, их-то вы и встретили? Признавайтесь, что я угадал!.. Ну, говорите, вы встретили краснокожих красавиц?

В этих словах Луи Лебара звучала нескрываемая насмешка, потому что он прекрасно знал, какого невысокого мнения его товарищи по профессии о краснокожих и о красоте их женщин и девушек.

— Я говорю вовсе не об этих отвратительных созданиях, — отвечал мустангер, — если бы мы встретили их, я не упомянул бы об этом ни одним словом, мистер Луи. Нет, я говорю о двух бледнолицых девушках, о двух ангелах, и надеюсь, что и Карроль не откажется подтвердить мои слова. Не правда ли, Ваш?

— Пусть меня возьмут черти, если я скажу хоть одно словечко против них! Это — настоящие ангелы, каких только можно себе представить, каких я еще никогда не видал до сих пор и каких, наверное, уже никогда больше и не увижу!

— Слушайте, Торнлей! Вы, должно быть, сговорились с Карролем и просто-напросто дурачите меня. Но я совсем не расположен смеяться, я умираю с голоду, и мне не до шуток. Дайте мне сначала поесть как следует, а потом я с удовольствием готов дурачиться с вами, сколько хотите.

— Ешьте, ешьте! — сказал Торнлей, протягивая уроженцу Луизианы мешок, в котором лежали привезенные ими сухари и дикий индюк, зажаренный накануне. Наедайтесь досыта, но только не думайте, пожалуйста, что мы шутим; это так же верно, как и то, что я теперь разговариваю с вами.

— Где же это посчастливилось вам увидеть их? — спросил охотник, с жадностью набрасываясь на жареного индюка, один вид которого, казалось, сразу изменил к лучшему его настроение. Теперь рассказывайте, пожалуйста, я буду есть и слушать вас.

Торнлею так хотелось говорить, что он не заставил повторять просьбу два раза, и сейчас же с мельчайшими подробностями рассказал, каким образом увидели они прибывший в эти места караван эмигрантов. Затем он не менее красноречиво описал заключительную сцену свидания старинных друзей, причем не забыл, само собой разумеется, упомянуть и о том, что эмигранты хотят поселиться в этих местах и завести здесь плантацию хлопчатника.

— А вы не знаете, откуда прибыли эти эмигранты? — спросил Луи Лебар, которого рассказ Торнлея, видимо, сильно заинтересовал.

— Несмотря на то что все они между собой близкие родственники, так сказать, члены одной семьи, они прибыли сюда из двух отдаленных один от другого штатов, — отвечал Эдуард, — одни из них из Теннесси, а другие из Луизианы. Постойте, да вы сами, кажется, из Луизианы, Лебар? Что, если они окажутся вашими знакомыми? Вот было бы интересно, не правда ли? Вы жили там долго и должны знать многих.

Лебара не нужно было спрашивать, хочет он или нет узнать о том, кто такие эти колонисты; его любопытство и без того было сильно возбуждено, как только он услышал слово «Луизиана», потому что для него это слово могло иметь неизвестное его товарищам ужасное значение.

— Луизиана — один из самых больших штатов, — отвечал он, стараясь ничем не обнаружить своего волнения, — а для того, чтобы знать всех жителей любого даже из самых маленьких штатов Северной Америки, нужно не только просто странствовать по этому штату, как делал я, а жить в нем многие и многие годы. Если бы я знал их фамилии, я, пожалуй, мог бы сказать, из какой именно они местности, а может быть, оказалось бы, что я их и знаю... Да вы, по всей вероятности, спрашивали у них об этом? И они, наверное, сказали вам, кто они такие?

— Представьте себе, нет! Я не спросил их об этом и поэтому не могу удовлетворить ваше любопытство, но зато я слышал фамилию джентльмена, стоящего во главе каравана. Он из Теннесси, и к тому же старинный друг Карроля, который скорей, наверное, припомнит его фамилию, чем я.

Лебар вопросительно взглянул на старого траппера.

— Я прекрасно знаю его фамилию, — отвечал тот улыбаясь. — Я знаю не только фамилию, но и все прошлое этого джентльмена и смею вас уверить, что и сам он и его имя пользуется большим и заслуженным уважением в Теннесси. Я был другом его и товарищем еще в те времена, когда служил вместе с ним под началом старого генерала Джексона. И я смело могу сказать, не боясь погрешить против истины, что у нас в армии не много было таких храбрых молодцов, как лейтенант Вильям или Билль Магоффин, а теперь полковник Магоффин милиции штата Теннесси.

Луи Лебар, если бы он мог видеть себя в эту минуту, наверное, обрадовался бы тому, что солнце скрылось окончательно за горизонтом и темная ночь окутала своим покрывалом и корраль, и его самого, и разговаривавших с ним мустангеров.

Не будь этой темноты, наступившей всего несколько минут назад, его товарищи, вне всякого сомнения, обратили бы внимание, как сильно побледнело его лицо, когда при нем назвали фамилию полковника Магоффина.

Несмотря на это, подозрительный и привыкший быть всегда настороже Ваш Карроль обратил внимание, что голос Лебара все-таки слегка дрожал, ко-

гда он с деланной небрежностью спросил:

— Как вы его назвали: полковник Магоффин?

— Да, — отвечал старый траппер.

— Вы его знаете? — спросил Эдуард.

— Нет, я никогда даже не слышал такой фамилии.

Беседа прекратилась. Утомленные продолжительной охотой мустангеры завернулись в одеяла и растянулись на мягкой зеленой траве под большим деревом. По-видимому, они все сейчас же и заснули, не обращая внимания на ржанье лошадей и завывания волков, бродивших стаями вокруг корраля. Но, если бы в корраль проник какой-нибудь любопытный, он, наверное, сделал бы открытие, что из троих мустангеров в ту же минуту заснули только двое: Торнлей и Карроль; что же касается Луи Лебара, то он лежал с открытыми глазами. Но это происходило вовсе не потому, что он успел выспаться в то время, как его товарищи ездили в хижину за провизией, а потому, что его сильно взволновал рассказ мустангеров о встрече с полковником Магоффином.

Глава VII РАЗВЕДКА

Лебару, как только при нем назвали фамилию полковника Магоффина, очень бы хотелось расспросить своих товарищей, кто именно прибыл с полковником в эти места, но он не смел даже и заикнуться об этом из страха, что не в состоянии будет сохранить необходимое хладнокровие и что даже чуть заметное дрожание голоса может обратить на себя внимание старого траппера и возбудить в нем подозрение.

Ему и так уже казалось, что тот заметил, как удивило его, когда Ваш назвал фамилию полковника; ему почудилось даже, что траппер слышал, как сильно билось его сердце в эту минуту, и видел, как побледнело при этом его лицо.

Он лежал на земле на некотором расстоянии от своих товарищей, но недолго оставался в положении спящего. Ему нужно было только убедиться, что они в самом деле спят и что ему нечего бояться, если они спросят его, куда он собрался. Сбросив с себя одеяло, он осторожно поднялся и ползком добрался до деревьев, в тени которых и скрылся. Здесь он остановился, точно затем, чтобы решить, каким путем можно скорее всего добраться до лагеря эмигрантов, куда он решил отправиться на разведку. Он знал приблизительно, где они остановились, — это выболтал словоохотливый Эдуард Торнлей. Ему предстояло пройти всего около двух километров, и поэтому он решил не брать с собой мула. Кроме того, даже и безопаснее пройти это расстояние пешком, потому что топот копыт по затвердевшей земле могли услышать не только мустангеры, но и люди полковника Магоффина. А ему хотелось проникнуть туда незаметно под покровом ночи.

— Магоффин! Магоффин! — повторял он, быстро шагая по прерии и взглядывая по временам на небо, усеянное звездами, которыми он руководствовался за неимением компаса. — Так звали их дядю, жившего в Теннесси. Неужели они обе здесь?.. Да, это конечно же они! Луизиана, племянница полковника Магоффина, а та, другая, ее двоюродная сестра, дочь этого самого полковника. Случайного совпадения тут не может быть! Да, это они, они! Как объяснить их прибытие сюда?.. Что заставило их перебраться в эти места: воля Провидения

или же покровительствующий мне злой дух? Если я не ошибаюсь и если это в самом деле Луизиана Дюпрэ, то, значит, судьба мне благоприятствует, и в конце концов она непременно будет моей женой!.. Я сам не знаю, что делается со мной; мне кажется, что я начинаю сходить с ума!.. Неужели это правда?..

И он все шел и шел до тех пор, пока его не заставил сначала умерить шаг, а потом и совсем остановиться огонь костра, разведенного на бивуаке эмигрантов, расположившихся лагерем под деревьями.

Осмотревшись кругом, он пригнулся и нырнул в кусты, росшие по берегам речки, и медленно, чуть не ползком, стал пробираться к стоянке. Прошло еще несколько минут, и вот перед ним уже весь лагерь. Он видел верхи фургонов из белого полотна, которое казалось сероватым от покрывавшей его пыли, видел лошадей, мулов и коров, которые паслись поблизости. Костер, который прежде всего обратил на себя его внимание, пылал ярко и освещал лица сидевших вокруг огня мужчин и женщин с белым цветом кожи. Немного дальше пылал другой костер, вокруг которого сутились приготовлявшие себе ужин чернокожие невольники.

Лебар еще ниже пригнулся к земле и медленно, соблюдая все предосторожности, стал подвигаться вперед. Тень от деревьев, кусты и густая, высокая трава отлично скрывали его, и ему нужно было заботиться только о том, чтобы не производить ни малейшего шума. Но это не представляло особого труда, потому что листва еще не начинала опадать с деревьев и зеленая сочная трава давала возможность скользить по ней почти бесшумно.

Наконец он приблизился настолько, что мог рассмотреть лица сидевших вокруг огня эмигрантов, среди которых он, как и ожидал, увидел Луизиану.

Лебар прополз еще немного, достиг большого дерева и, укрываясь за ним, не спуская глаз, рассматривал эмигрантов или, вернее, смотрел на Луизиану, которая отказалась быть его женой и которая в его глазах была виновна в том, что он сделался преступником. И вот теперь судьба устроила так, что он снова видит ее и, если захочет, может без особого труда завладеть ею и принудить ее стать женой. Он видел в этом что-то роковое, как бы подтверждавшее, что его неудавшееся намерение может теперь осуществиться.

И Лебар стал медленно отступать той же дорогой, какой добрался сюда, так как надо было вернуться в корраль раньше, чем проснутся его товарищи. На обратном пути его мысли были заняты выработкой плана завладеть юной креолкой, что казалось ему делом совсем нетрудным, если только он станет действовать осторожно, заручившись надежными помощниками. С этими мыслями он снова улегся рядом с мустангерами и почти в ту же минуту заснул крепким сном человека, нуждающегося в отдыхе после утомительной охоты и продолжительного странствования пешком по прерии.

Глава VIII ДОГОВОР

Проснувшись на следующее утро довольно поздно, Лебар весь день усердно занимался укрощением пойманных мустангов, а затем, с наступлением ночи, снова покинул своих спавших товарищей. Но на этот раз его влекло уже не в лагерь эмигрантов, а в становище краснокожих, к Тигровому Хвосту. Он застал его в палатке, в которую индейцы, знавшие о его дружбе с вождем, пропустили беспрепятственно.

— Что заставило моего брата Черного Мустангера прибыть в такое позднее время в лагерь семинолов? — спросил вождь у Лебара.

— Я хочу оказать важную услугу вождю семинолов.

— Я всегда рад видеть моего брата, а теперь особенно, но только пусть мой брат не томит меня и скажет, какую услугу он хочет оказать мне.

— Не желает ли Тигровый Хвост взять себе новую жену?

— У меня и так довольно жен.

— Но у него нет ни одной жены бледнолицей?

— Да, у меня все жены краснокожие.

— Тигровый Хвост, помнится мне, говорил, что ему хотелось бы иметь бледнолицую жену?

— Да, и он с удовольствием даст за нее сто лошадей, если только она молода и красива.

— Она и молода и красива, и, кроме того, Тигровому Хвосту не придется давать за нее ни одной лошади.

— Слова Черного Мустангера приятно звучат в ушах его друга. Где же эта девушка и когда мне можно будет взять ее?

— Она очень близко отсюда, и взять ее можно будет скоро.

— Мой друг хочет, чтобы я дал ему за это все-таки что-то такое... или, может, это грозит какой-нибудь опасностью?..

— Опасности почти нет никакой, а мне нужно от вас самые пустяки.

— Пусть Черный Мустангер говорит яснее.

— С удовольствием.

Вождь приказал подать трубки и любезно предложил одну из них гостю, другую закурил сам. Мустангер, подражая индейскому обычаю, несколько минут сидел молча, выпуская клубы синего дыма, а затем сказал:

— Вчера у нас в прерии появился небольшой караван эмигрантов, то есть бледнолицых, как вы их называете. При них также небольшое число черных рабов. Они прибыли из южных штатов с намерением поселиться недалеко отсюда на берегу реки и заняться разведением хлопчатника. Я сам видел их, правда, всего только минуту и даже не говорил с ними, но мои товарищи были у них вчера днем, от них-то я и узнал, где именно хотят поселиться эмигранты и где будут они строить блокгауз. Но я этих эмигрантов знал раньше... Мой брат вождь семинолов не забыл, что он обещал мне свою дружбу?

— Тигровый Хвост никогда не забывает своих обещаний, — отвечал краснокожий.

— Я это знаю, — продолжал мустангер, — и верю вам. Кроме того, я должен еще сказать вам, что за оказанную мне помощь вы получите такую награду,

какой даже и не ожидаете...

Теперь слушайте, вы должны будете напасть на эмигрантов, перебить всех мужчин и взять в плен двух молодых бледнолицых девушек, которых они привезли с собой! Что же касается негров, то с ними можете делать все, что вам угодно.

— А! Так в этом караване две девушки?

— Да, обе они и молоды и очень красивы. Одна из них будет женой вождя семинолов.

— А другая?

— А другая будет моей женой. За этим я и явился теперь к вам...

— Значит, Черный Мустангер видел уже ту девушку раньше?

— Да, я видел ее раньше и я ее люблю!.. Из-за нее и совершил преступление!.. Она не хочет быть моей женой, но я так люблю ее, что готов совершить еще новое, какое угодно преступление, только бы захватить ее. Ну, что же, вождь согласен помочь мне?

— Значит, она очень красива?

— Да.

— Она самая красивая из двух?

— Нет, вам она не понравилась бы. Вы мне говорили, что хотите иметь бледнолицую жену, что вам хотелось бы найти тихую женщину, у которой было бы румяное лицо и золотистые волосы. Поэтому-то я и говорю, что та, которую я люблю, вам не понравится, тогда как ее двоюродная сестра как раз в вашем вкусе.

— Черный Мустангер говорит мудро, и если только девушки так мало похожи одна на другую, нам больше не о чем и говорить. Ну, а теперь пусть он скажет, как завладеть ими.

— Отправляйтесь сами вместе с вашими воинами, осмотрите местность и решите, как удобнее будет напасть на них. Только имейте в виду, что особенно спешить нет никакой надобности, потому что они решили здесь поселиться и все равно никуда не уйдут.

— Это правда.

— Я не могу принять участия в нападении на эмигрантов, потому что хочу, чтобы мои товарищи ничего не знали о наших намерениях и о моем прошлом. Они не подозревают даже, что я знавал раньше этих эмигрантов. Если только они узнают об этом, у нас будет двумя врагами больше, и, кроме того, мне кажется, что они не особенно доверяют мне.

— Они ничего не будут знать.

— Мы захватили табун мустангов и сегодня весь день втроем занимались укрощением лошадей, с которыми провозимся, вероятно, еще несколько дней, а затем я приеду к вам узнать, как решили вы действовать. Тигровый Хвост, кстати, скажет мне тогда, понравилась ли ему девушка с золотистыми волосами. Впрочем, я и теперь уже знаю, что подумает он, когда увидит ее: он скажет, что за нее отдаст свою жизнь, точно так же, как и я готов пожертвовать жизнью за ту, которая нравится мне. Ну, что же, согласны?

— Да, — ответил Тигровый Хвост твердо.

Договор, таким образом, был заключен. Мустангер простился с краснокожим, вскочил на мула и крупной рысью направился к корралю, где застал своих товарищей спящими, так как до рассвета было еще далеко.

Солнце было уже высоко, когда Эдуард Торнлей и Ваш Карроль проснулись на другой день после посещения лагеря эмигрантов. Луи Лебар спал еще глубоким сном, когда старый траппер, сбросив с себя одеяло, сел на траву и, потягиваясь, стал громко зевать и кашлять. Это разбудило креола, который вдруг приподнял голову и, опершись на локти, стал испуганно осматриваться кругом, точно человек, которому грозит внезапное нападение врагов. От внимательных глаз Карроля не ускользнуло, конечно, это выражение испуга, и он довольно бесцеремонно спросил:

— Что с вами, Лебар? У вас лицо, как у приговоренного к смертной казни, когда его будят утром, чтобы отправить на виселицу.

В глазах креола сверкнула ненависть, но он опустил голову под пристальным взглядом траппера и, стараясь казаться совершенно спокойным, ответил:

— О! Ровно ничего, просто-напросто видел скверный сон как раз в ту минуту, когда вы меня разбудили своей зевотой и кашлем.

Вслед за тем он тоже поднялся, потягиваясь и нарочито шумно откашливаясь.

Торнлей встал немного раньше и теперь, возвращаясь с речки, где он только что выкупался, с удовольствием поглядывал на загнанных в корраль мустангов, печально топтавшихся на одном месте.

Глава IX УКРОТИТЕЛИ МУСТАНГОВ

Корраль, как мы говорили, занимал угол долины, окруженный высокими деревьями и скалами и обнесенный, кроме того, еще прочной изгородью.

— Слушайте, Ваш! — еще издали крикнул молодой виргинец трапперу. — Лошади сегодня выглядят гораздо свежее и сильнее, чем вчера, и нам придется немало повозиться, пока их укротим.

— Не бойтесь ничего, мой молодой друг, — отвечал Карроль, пытаясь изобразить на своем лице улыбку. — Мне еще ни разу в жизни не приходилось видеть такой лошади, которую наброшенное на шею лассо не сделало бы покорной. Давайте скорее завтракать, а потом сейчас же и за работу! Надо торопиться, если мы хотим помочь полковнику при постройке.

Тут его заставил на минуту умолкнуть устремленный на него взгляд Луи Лебара.

— Как! Вы хотите помогать ему устраивать плантацию? — спросил креол с нескрываемым изумлением. — Мне кажется, что у нас немало и своих дел. Нам нужно прежде всего покончить с укрощением лошадей и отвести их на продажу. Это куда важнее, чем помогать другим строить дома и хижины. Вы, помните, сами говорили мне, что у них есть чернокожие рабы, вот пусть они им и строят все, что нужно. А потом знаете, что я вам скажу? Всего больше удивляете меня вы, Ваш Карроль: вы сами говорили, что ненавидите всех этих эмигрантов, которые заставляют нас уходить все дальше и дальше искать новые места для охоты, а теперь вдруг хотите помогать им. Откуда такая быстрая и странная перемена?

— Все это так, я и в самом деле говорил одно, а делаю другое, — отвечал Ваш, не стараясь даже оправдываться. — Но, видите ли в чем дело, у нас в Теннесси вошло в обычай никогда не отказывать в помощи другу, а в особенно-

сти на чужой стороне, вот почему мы с Эдуардом и решили помочь этому храброму полковнику. И потом, кто знает? Может быть, в один прекрасный день мы сами будем просить у него убежища и защиты, если команчи и этот проклятый Тигровый Хвост вдруг объявят нам войну, а этого, как вы и сами знаете, можно ждать каждую минуту.

Говоря это, старый траппер в то же время грыз своими прекрасно сохранившимися белыми зубами сухари и ел ножку дикой индейки, которую он ни на минуту не выпускал из рук. Эдуард Торнлей тоже завтракал, но не говорил ничего, потому что его мысли были заняты Луизианой Дюпрэ, задумчивое лицо которой все время стояло у него перед глазами и грезилось ему ночью во сне. Лебар тоже больше не заговаривал ни о чем и, как всегда, имел усталый и чем-то сильно озабоченный вид. Карроль, уничтожая индейку и сухари, искомса посматривал на него, стараясь не дать заметить, что следит за ним.

— Послушайте, Ваш, — сказал Торнлей спустя несколько минут, — как вы думаете, годится эта крапчатая лошадь под седло для молодой девушки?

В это время они уже кончили завтракать и все трое стояли у входа в корраль. Ваш, держа в зубах коротенькую трубочку, торопливо наматывал кольцами на правую руку сделанное из тонких сыромятных ремней лассо. Лебар стоял в нескольких шагах от него. Траппер обернулся к своему юному товарищу и, насмешливо улыбаясь, с минуту смотрел на него. Эдуард невольно покраснел и опустил глаза.

— Значит, дело кончено? Вы-таки попались? — спросил Ваш, испуская глубокий вздох. — Будь я проклят, если это неправда, что все женщины знают с нечистым! И черт их разберет, как все это они быстро и ловко делают! Но вы не тревожьтесь, я вовсе не думаю упрекать вас за это. Девушка с белокурыми волосами и в самом деле самая красивая из всех, каких я только видел. Она настоящий ангел, таких и на картинах не часто увидишь. Да, ваша правда, эта лошадка будет самым подходящим подарком для молоденькой барышни.

Говоря это, он в то же время тихонько отодвигал барьер, загоразживавший доступ в корраль. Торнлей проскользнул следом за ним, и так как к ним в эту минуту подходил Лебар, он шепотом сказал своему умудренному жизненным опытом товарищу:

— Послушайтесь моего совета, голубчик Ваш, выберите и вы какую-нибудь из лошадей и поймайте ее своим лассо, а потом мы вместе и подарим этих лошадей обеим девушкам. Вы, вероятно, тоже заметили, что у них нет лошадей, и поэтому мы своими подарками доставим им большое удовольствие.

Ваш кивнул головой в знак согласия, но не сказал ни слова, потому что к ним подходил Лебар. Затем они заботливо задвинули брусья барьера и занялись трудным делом укрощения диких лошадей. Ваш Карроль, как самый искусный из троих укротителей, шел во главе.

— Слушайте, Лебар, — сказал он, вы еще не научились хорошо бросать лассо, поэтому оставайтесь здесь у ворот, вы откроете нам выход, как только мы поймаем лошадей.

— Тем лучше, — отвечал Лебар, бросая на землю свое лассо, хотя и несколько недовольным тоном, — мне все равно что ни делать, а это даже и много легче, чем ловить лошадей.

Бродившие по корралю мустанги, завидя приближающихся охотников, подняли головы и с громким ржаньем отбежали в дальнюю часть загона, где

сбились в плотную кучу и, дрожа от страха, ждали своих врагов. Ваш Карроль медленно подходил к табуну, держа в правой руке лассо, и, обернувшись на ходу к следовавшему за ним Торнлею, сказал:

— Теперь старайтесь набросить лассо на вашу пеструю лошадку, а я, — прибавил он, улыбаясь, — возьму себе эту кофейного цвета лошадку с черной головой и черной гривой.

В это время они были шагах в десяти или в двенадцати от сбившихся в кучу лошадей. Мустангер остановился, сначала откинулся всем корпусом назад, потом выпрямился, взмахнул над головой петлей лассо, и тонкий ремень, точно змея, обвился вокруг шеи лошади. В ту же минуту бросил свое лассо Торнлей и также удачно поймал понравившуюся ему с самого начала лошадь, белую, с маленькими черными, точно крапинками, пятнышками. Вслед за тем они приступили к самому трудному делу — вытащить лошадь из плотно сбившегося в кучу табуна; но через несколько минут и эта задача была благополучно выполнена. То потягивая, то отпуская лассо, они заставили лошадей сначала удалиться от табуна, а затем тем же способом принудили их бежать к воротам; здесь мустангеры вдруг натянули лассо. Лошади остановились, дрожа от страха, и позволили мустангерам подойти к ним. Первая часть укрощения была кончена, теперь оставалось объездить пойманных лошадей, но это уже такое легкое дело, которое мустангеры даже за труд не считают, — два часа бешеной скачки, и лошадь становится смиреннее ягненка. Лошадь кофейного цвета выдержала испытание, но белая оказалась нежнее и у самых ворот, как подкошенная, упала на землю, с трудом дыша и от страха, и оттого, что лассо слишком крепко сжимало ее тонкую лебединую шею.

Глава X ТИГРОВЫЙ ХВОСТ

Стук топоров, которыми рубили деревья, разбудил дремавшее эхо на берегах реки, орошавшей долину Кросс-Тимберс, где полковник Магоффин и его спутники с раннего утра и до поздней ночи работали не покладая рук и наско-ро обтесывали бревна, необходимые для сооружения блокгауза.

В работе принимали участие все мужчины, за исключением Эжена Дюпрэ, не любившего тяжелого физического труда. В данную минуту он занимался чисткой охотничьего ружья, ведя в то же время шуточный разговор со своей двоюродной сестрой Теннесси.

Девушка в душе, видимо, вовсе не была недовольна присутствием двоюродного брата, хотя на словах она и упрекала его со смехом в том, что он только изображает из себя занятого человека, а на самом деле лодырничает.

— Вы кончите тем, что испортите ружейные стволы, Эжен, — сказала она. — Вы чистите их с самого завтрака, и если вы в самом деле хотите принести нам к обеду дикую индейку, вам давным-давно пора отправляться на охоту, мой друг.

Затем она обернулась к кухне и тем же веселым тоном сказала ей:

— Милая Луизиана, не можешь ли ты уговорить своего брата, который мне ужасно надоедает, оставить нас хоть на минуту в покое? Впрочем, если он не уйдет, я сама уйду и отправлюсь за цветами.

Эжен, как будто не слыша того, что говорила Теннесси, принялся внима-

тельно осматривать свое ружье, но сколько ни старался, нигде не мог найти ни одной царапинки, ни одного пятнышка, которое могло бы послужить для него предлогом остаться еще немного в обществе девушек. Тогда он медленно, нехотя поднялся и, обращаясь к кухне, сказал:

— А я, Теннесси, не говорил бы вам ничего подобного даже и в том случае, если бы вы и в самом деле мне сильно надоели. Но вы, девушки, гораздо бессердечнее нас, вы в состоянии смеяться над человеком даже и тогда, когда видите, что ему тяжело, что он едва не умирает от горя у ваших ног.

Чуть заметная улыбка озарила на минуту бледное лицо Луизианны Дюпрэ.

— Не говори таких глупостей, Эжен, — сказала она затем умышленно строгим голосом. — У тебя нет никаких причин для того, чтобы умирать с горя. Будь умницей и, если хочешь доставить мне удовольствие, отправляйся-ка лучше на охоту.

— Я сейчас иду, сестричка. До свидания! Не сердись на меня, пожалуйста, не сердитесь и вы, Теннесси! Если я не принесу вам к обеду индейку, то позволяю вам говорить про меня, что я не умею стрелять.

Он поцеловал у нее руку и, весело насвистывая охотничью песенку, направился по берегу реки. Луизиана следила за ним печальным взглядом до тех пор, пока он не скрылся из глаз.

— Бедный Эжен! Он так добр и так любит меня! Только он один и остался у меня после того, как умерли мой отец и мать, а моего несчастного жениха...

Теннесси обняла кухню обеими руками и, прижимаясь к ней, взволнованным голосом сказала:

— Не говори так, голубушка Луиза!.. Старайся отгонять от себя эти печальные мысли! Мертвые счастливее нас, кто знает, что ждет нас здесь?.. Может быть, мы еще будем завидовать им!.. Не горюй же так, моя дорогая!

Луизиана вытерла слезы, выступившие у нее на глазах, и, целуя кухню, сказала:

— Ты мой лучший друг, Теннесси! Я знаю, что ты меня любишь и сама очень люблю тебя и знаю, что тебе тяжело видеть меня такой грустной и слушать мои слова... И знаешь, ты права, к чему вспоминать о прошлом, да еще о таком тяжелом?.. Оно миновало и его ни вернуть, ни изменить нельзя!.. Я хочу рассеяться.

С этими словами она встала и, обхватив рукой талию кухни, потащила ее гулять. Проходя через лагерь, они видели рабов, которые доканчивали обед, а вертевшиеся тут же детишки облизывали тарелки. Затем, пройдя немного дальше, они заметили в просвете между деревьями полковника и управляющего, который сплавливал по течению реки срубленные для постройки блокгауза деревья. В то время когда они были приблизительно метрах в ста от лагеря, Теннесси вдруг остановилась и вскрикнула.

Впереди, в нескольких шагах от них стоял, точно вынырнувший из-под земли, молодой индейский вождь в блестящем воинском наряде, но без оружия, держа в правой руке поднятую кверху трубку с длинным чубуком, украшенным перьями и стеклянными разноцветными бусами.

Дикарь неподвижно стоял на одном месте, впиваясь своими сверкавшими, как раскаленный уголь, глазами в голубые глаза Теннесси Магоффин, в которой выражение лица индейского воина вызвало чувство ужаса, хоть в эту минуту она и не могла бы сказать, почему так сильно испугалась его.

Когда прошли первые минуты удивления и страха, девушки стали рассматривать краснокожего. Его нельзя было бы назвать некрасивым, но в нем не было ничего и отталкивающего. С точки зрения краснокожих, его, наоборот, можно было бы назвать даже очень красивым: он был высокого роста, стройный и сильный, глаза у него были выразительные, а волосы он носил очень длинные. Одет он был по последней моде, опять-таки с точки зрения краснокожего. Вместо плохо выдубленной буйволово́й кожи на нем была перекинута через плечо тигровая кожа, обшитая, точно бахромой, хвостами убитых им тигров, в награду за что ему и было дано его соплеменниками громкое прозвище Тигровый Хвост.

Индейцу, который был не кто иной, как друг и союзник Луи Лебара, видимо, было приятно, что появление его так сильно испугало девушек, хотя только мертвенно-бледное лицо Теннесси служило несомненным признаком страха; что же касается Луизианы, то она гораздо больше сохранила спокойствие. В своем штате ей гораздо чаще приходилось видеть индейцев, чем кузине в Теннесси, где краснокожие в это время почти совсем исчезли.

— Не бойся или по крайней мере старайся не дать заметить этого, милочка, — шепнула ей Луизиана, дикарь не посмеет сделать нам ничего дурного, потому что к нам прибегут сейчас же на помощь из лагеря. Да вот, смотри, я сейчас буду говорить с ним.

И затем, обращаясь к индейцу, она сказала ему голосом не только твердым, но даже повелительным:

— Здравствуйте, вождь! Что вам нужно? У нас, в Луизиане, мы всегда бываем рады видеть индейцев.

Тигровый Хвост медленно перевел глаза с Теннесси на ее кузину. Он сделал рукой знак и на очень плохом английском языке отвечал:

— Я хочу виски!

— Мы не можем дать вам виски! — таким же твердым голосом отвечала юная креолка. — Прежде всего потому, что у нас нет виски, но если бы даже у нас и была огненная вода, мы все равно не дали бы вам ее, потому что она очень вредна для индейцев: они теряют от виски разум.

Тигровый Хвост взмахнул чубуком, который он держал в правой руке.

— Я хочу видеть бледнолицего вождя, он даст мне виски! Тигровый Хвост — великий вождь семинолов! Ух!

— Бледнолицый вождь на берегу реки, — ответила Луизиана. — Там вместе с ним много вооруженных воинов. Он живет в дружбе с честными индейцами, а остальных он убивает, как собак. Он не даст вам виски, повторяю вам.

Тигровый Хвост бросил на нее такой взгляд, что она робко опустила глаза, покраснела и тоже почувствовала страх, хотя только что уверила свою кузину, что им нечего бояться этого краснокожего. Тогда индеец снова перевел свои глаза на Теннесси, которая, вся дрожа от страха, говорила в это время своей кузине:

— Луиза, Луиза! Зови на помощь и бежим! Я умираю от страха! Он убьет нас!

Вождь расслышал последние слова и изобразил на своем лице самую добродушную улыбку, которая, однако, плохо гармонировала со свирепым выражением его глаз.

— Вождь не убивает красивых бледнолицых девушек, — сказал он. — И по-

том, Тигровый Хвост вовсе не враг бледнолицых. Смотрите! У меня нет даже ножа. У меня только трубка мира, которую я хочу выкурить с великим вождем бледнолицых.

И он, откинув заменившую ему плащ тигровую шкуру, показал охотничий пояс, на котором и в самом деле не было никакого оружия, по крайней мере на виду, а только висел набитый табаком кiset, украшенный арабесками различных цветов.

— Тигровый Хвост — великий вождь, — продолжал индеец гордым, уверенным тоном. — Он хочет видеть вождя бледнолицых и приветствовать его с прибытием в эти места.

— Я уверена, что мой отец тоже будет очень рад видеть вас и поблагодарить вас за приветствие, — сказала Теннесси Магоффин, вмешиваясь в разговор, хотя голос ее при этом и дрожал слегка. — Пройдите к берегу реки и там вы увидите моего отца, который лучше нас знает, как нужно вести беседу с таким вождем, как вы.

Тигровый Хвост снова изобразил на своем лице улыбку и, бросив насмешливый взгляд на девушку, сказал:

— Тигровый Хвост любит разговаривать с бледнолицыми женщинами и девушками. У него много жен, но нет ни одной такой красивой, как бледнолицые девушки.

Теннесси снова начала дрожать от страха: мужество покидало ее опять. Она дорого дала бы за то, чтобы к ним явился на помощь хотя бы кто-нибудь из негров, но все мужчины работали далеко на берегу и не могли, конечно, видеть того, что происходило в это время в лесу. А между тем индеец все более и более пугал своими свирепыми взглядами. Тогда Луизиана снова решила сделать попытку заставить краснокожего уйти от них и твердым голосом сказала ему:

— Бледнолицым девушкам запрещают разговаривать с незнакомыми мужчинами. Если вам что-нибудь нужно, если вы хотите есть, мы прикажем дать вам все, что пожелаете, а если хотите видеть полковника, то идите к нему, — он на берегу реки.

— Я не голоден, — отвечал Тигровый Хвост высокомерно, — у меня всегда есть даже больше, чем нужно пищи. Мне нужны ружья, порох, одеяла.

— О, господин Тигровый Хвост, — полным отчаяния голосом сказала ему Теннесси, — у моего отца и у его товарищей много ружей там, на берегу реки. Идите, пожалуйста, к ним, у нас в лагере не осталось ни одного ружья. Умоляю вас, идите к ним! Вам всего лучше переговорить обо всем с самим полковником.

— Тигровый Хвост пойдет, куда он захочет и когда он сам захочет, а не тогда, когда ему приказывают! — гордо отвечал индеец, пожимая плечами. — Он хочет, чтобы ему дали виски сию минуту!

И он направился мимо изумленных девушек прямо в лагерь, где появление его до такой степени испугало чернокожих, что они все сейчас же разбежались в разные стороны.

Луизиана, сохранившая все-таки более хладнокровия, чем ее кузина, подзвала к себе чернокожего мальчика лет двенадцати и велела ему бежать как можно скорее до реки и позвать полковника.

Но Тигровый Хвост, внимательно следивший все время глазами за девуш-

ками, инстинктом краснокожего угадал все, что она говорила мальчику, и не успел тот пробежать и десяти шагов, как в ту же минуту в воздухе мелькнуло лассо, которое индеец выхватил из-под своего плаща, и опутанный ремнем негритенок упал на спину, не имея сил подняться. Вождь бросил угрожающий взгляд на девушек и повелительным тоном сказал им:

— Не вздумайте посылать еще кого-нибудь! Я сам пойду к белому вождю бледнолицых, когда придет время.

В эту минуту и Луизиана в первый раз в жизни почувствовала страх. Поступок краснокожего служил доказательством враждебных намерений индейца, очевидно умышленно выбравшего для посещения лагеря именно такой момент, когда начальника эмигрантов в нем не было. Вдруг послышался топот скачущих во весь опор лошадей, быстро приближавшихся к лагерю. Обращение Тигрового Хвоста моментально изменилось. Он подошел к лежавшему на земле мальчику, велел ему встать и, снимая с него лассо, сказал:

— Хо, хо! Я только хотел испугать ребенка, но я не хотел делать ему ничего дурного!

Через несколько секунд к лагерю подскакали Ваш Карроль и Торнлей верхом на чудных мустангах, ведя еще двух лошадей в поводу. По тому, как сильно запыхались их лошади, видно было, что они летели во весь опор. Глаза старого траппера загорелись гневом, когда он увидел вождя семинолов, потому что бледные и взволнованные лица девушек красноречивее всяких слов говорили ему, что они пережили тяжелые минуты страха.

— Я был почти уверен в этом! — вскричал старый траппер, бросая на индейца такой взгляд, который заставил того потупить. — Мне это пришло в голову сейчас же, как только я увидел привязанную к дереву лошадь. Что вам здесь нужно? Говорите!

Тигровый Хвост придал своему лицу самое кроткое выражение, какое только мог, и, показывая свою изукрашенную трубочку, сказал:

— Я пришел выкурить трубку мира с моим соседом, вождем бледнолицых.

— Зачем же попали вы сюда? — продолжал допрашивать Карроль. — Вы знаете, что полковник Магоффин работает на берегу реки, и вам совсем незачем было совать сюда ваш мерзкий нос и вступать в разговор с девушками. Я хорошо вас знаю, вы нарочно выбрали такую минуту, чтобы испугать женщин! Это ведь в вашем вкусе! Ну, а теперь можете убираться! Слышите, что я вам говорю, Тигровый Хвост? Убирайтесь сию же минуту! Уходите, а не то вам плохо придется!

Как ни была испугана Теннесси, но фигура индейского вождя, потупившего глаза и говорившего таким кротким, как будто даже робким голосом, показалась ей до такой степени смешною, что она весело расхохоталась. Нечего и говорить, как благодарили девушки так неожиданно явившихся к ним на помощь мустангеров, заставивших удалиться индейского вождя. А тот в это время, держа в руке свою знаменитую трубку, точно оливковую ветвь, медленными шагами направлялся к реке и скоро скрылся за деревьями.

— Ах, мистер Карроль, — говорила Теннесси соскочившему со своего мустанга трапперу, — вы себе и представить не можете, как мы вам благодарны и как мы обрадовались, когда увидели вас! Этот индеец так перепугал нас всех; он, вероятно, кончил бы тем, что обокрал бы нас, и прежде всего, конечно, забрал бы все оставшиеся в лагере ружья.

— Негодяй!

— Как вы думаете, придет он опять сюда? Мне кажется, я умру от одного страха, если только снова увижу его.

— О! Можете быть спокойны, сюда он больше не явится таким образом, — отвечал Ваш Карроль, — это мы берем на себя! Все эти индейцы одного поля ягоды, они грубо держат себя с женщинами, с безоружными, и трусливо бегут от вооруженного бледнолицего! Вы ведь и сами обратили внимание, как он изменился сразу, когда мы приехали.

— Смотрите, он идет сюда вместе с полковником, который мирно о чем-то беседует с ним.

— Не бойтесь, теперь он будет держать себя смирно и долго здесь не останется.

— А вы не уедете от нас?

— Нет, и мы сумеем заставить его держать себя прилично. Если бы вы знали, как мне хочется показать ему, до какой степени ненавижу и презираю как его самого, так и всех краснокожих!

— А как вы думаете, — спросил Эдуард Торнлей, разговаривавший в эту минуту с Луизианой, — не поехать ли кому-нибудь из нас им навстречу и не предупредить ли полковника, как он должен держать себя с этим негодяем?

— Да, это было бы не только полезно, но даже необходимо сделать.

— В таком случае я еду?

— Нет, вы оставайтесь здесь, а я поеду. Я думаю, что Тигровому Хвосту будет приятнее видеть меня, чем вас. А вы поболтайте с юными мисс, но только, пожалуйста, не покидайте их ни на минуту! — сказал Карроль, бросая Торнлею поводья лошади кофейной масти, а сам вскакивая на своего мустанга и уезжая галопом навстречу полковнику.

Глава XI

ДВОЮРОДНЫЕ СЕСТРЫ

— Как вы думаете, грозит нам какая-нибудь опасность? спросила Теннесси у Эдуарда Торнлея, когда Ваш Карроль уехал.

— В настоящую минуту вам нечего бояться, мисс Магоффин, — отвечал молодой человек. — До тех пор пока индейский вождь видел только чернокожих невольников, которые стерегли лагерь, и вас, он был смел и дерзок, но теперь, увидя нас здесь и узнав, что у вас кроме полковника есть еще и другие защитники из белых, он не позволит себе ничего подобного. Краснокожий уважает силу и мужество, где бы ему ни пришлось столкнуться с ними. Потому-то я и не думаю, чтобы этот презренный Тигровый Хвост рискнул на вас напасть среди дня, так как знает, что вы можете дать ему сильный отпор и, кроме того, будете все время держаться настороже.

Теннесси облегченно вздохнула. Но она не знала, что Торнлей умышленно не сказал ей всей правды, не желая возбуждать в девушках тревогу раньше времени. Если бы он хотел сказать ей правду, то должен был бы предупредить ее, что скоро Тигровый Хвост явится ночью и постарается внезапным нападением взять то, чем он не мог бы завладеть днем хитростью или силой. Затем, желая дать разговору другое направление, он спросил:

— Как вы думаете, мисс Магоффин, понравится вам здесь, в Техасе?

— Если бы вы мне предложили этот вопрос час тому назад, я ответила бы вам, что мне здесь больше чем нравится.

— А теперь?

— А теперь, после того как нас так напугал этот ужасный индеец, эта страна утратила уже в моих глазах всю прелесть, и все очарование исчезло навсегда.

— По-моему, вы немного преувеличиваете, мисс.

— Нет, я нисколько не преувеличиваю то отвращение и тот ужас, который я только что пережила. Ответьте мне по чистой совести: можем мы считать себя здесь в полной безопасности и не бояться внезапного нападения краснокожих?

— О, этого вам пока нечего бояться, мисс. Мы предупредили вашего отца. Он строит теперь блокгауз и, как только выстроит его, обнесет место вокруг него палисадом. Тогда вам нечего уже будет бояться даже и в том случае, если бы на вас напали все индейцы сразу.

— А сколько времени нужно на то, чтобы выстроить все это и чтобы мы могли чувствовать себя в полной безопасности? — спросила Луизиана, до сих пор не принимавшая участия в разговоре.

— Блокгауз самое позднее дня через два будет приведен в такое состояние, что в нем уже можно будет защищаться от нападения врагов, — отвечал Торнлей, довольный, что может похвастаться своими познаниями в присутствии той, которая произвела на него такое сильное впечатление. — Ваш отец может перевезти вас всех туда хоть сегодня. Там вы будете чувствовать себя в безопасности хотя бы потому, что там производятся все работы и там, следовательно, всегда будут рядом все мужчины, которые защитят вас в случае нужды. Это место, признаюсь, совсем не годится для лагеря. Тут слишком много

таких уголков, где могут скрываться враги, тогда как там никому не удастся незамеченным подкрасться к блокгаузу.

— Значит, вы все-таки думаете, что на нас могут напасть, и даже, может быть, сегодня?

— Нет, мисс, этого я не говорил. Я не думаю, что вам грозит опасность так скоро, потому что, как я уже вам сказал, защитники лагеря представляют такую силу, с которой надо считаться, и потом, вы будете держаться настороже. Индейцы никогда не нападают при таких условиях.

Разговор этот показался слишком серьезным и слишком продолжительным живой Теннесси Магоффин, к которой, как только миновала опасность, снова вернулось ее прежнее веселое настроение и природная беззаботность. И вот, желая дать другое направление этому скучному, по ее мнению, разговору, она сказала:

— Каких красивых лошадей вы привели, мистер Торнлей, и какая разница между ними и безобразными мулами, на которых вы приезжали вчера. Мне больше всего нравится эта кофейного цвета лошадка, я в жизни не видала ни одной лошади красивее ее. Как вы думаете, могла бы я на ней ездить?

— Сейчас я не советовал бы вам этого делать, мисс Магоффин, отвечал мустангер с сияющим от радости лицом. — Я ее всего только вчера укротил, и ее нужно все-таки еще немного объездить. Но я очень рад, что она вам нравится, потому что мой друг Карроль предназначил ее для вас. Что же касается другой лошади, то мне очень хотелось бы, чтобы она понравилась вашей кузине, и я почел бы себя в высшей степени счастливым, если бы она позволила мне предложить ей эту лошадь в подарок.

— А от имени кого собираетесь вы делать мне подарок, мистер Торнлей? — спросила девушка, вскидывая на него свои голубые глаза.

Торнлей покраснел до корней волос и, сильно конфузясь и робея, отвечал:

— Я хотел просить вас, мисс, принять эту лошадь в подарок от меня.

— А!

— И я и мой друг, мы оба обратили внимание, что вы не привели с собой верховых лошадей, и поэтому думали, что не сочтете это неделикатностью с нашей стороны... если мы... если бы мы осмелились... подарить вам... Неужели вы откажетесь принять их от нас в подарок? — закончил он свою речь, умоляюще глядя на Луизиану.

Луизиана снова подняла свои лучистые глаза на Торнлея и твердым голосом, совершенно спокойно сказала ему:

— Очень вам благодарна, мистер. Это очень любезно как с вашей стороны, так и со стороны вашего товарища, но вы так мало еще знаете нас, что с нашей стороны было бы большой неделикатностью принять от вас в подарок таких чудных лошадей. Думаю, вам не часто удается ловить таких мустангов, и, на мой взгляд, они должны стоить очень дорого.

— Самую большую им цену в наших глазах придавала надежда, что они могут вам понравиться и что этим мы доставим вам удовольствие. Кроме этих лошадей у нас в коррале еще целая сотня мустангов, которых мы теперь дрессируем и поведем затем на прогулку в Нэкогдочс. Согласитесь, пожалуйста, принять этих лошадей от нас в подарок, этим вы нам доставите большое удовольствие. Обе эти лошади прекрасно годятся под дамское седло. Крапчатая летит, как птица. Мне нужно будет проехать на ней еще раза два или три, а

потом можно будет на ней ездить и вам.

— В таком случае я беру эту лошадь, мистер Торнлей, и очень-очень благодарю вас за такой прекрасный подарок, — сказала Луизиана.

Этим и закончился их разговор, потому что как раз в эту минуту показался подходивший к лагерю полковник Магоффин; рядом с ним шел Тигровый Хвост, держа в руке поднятую кверху трубку мира, которую он нес, точно знамя. Следом за ними шло, на всякий случай, несколько вооруженных белых, а за ними ехал уже верхом Карроль... Когда они достигли лагеря, бывший траппер спрыгнул с лошади, привязал ее к колесу одного из фургонов и, подойдя к Теннесси, почтительно поклонился ей и сказал:

— Мисс Теннесси, мы с моим товарищем думали, что вам и мисс Луизиане доставит удовольствие иметь двух верховых лошадей, на которых вы могли бы кататься по прерии. Мы выловили этих лошадей из табуна нашими лассо, и дня через два или три они будут уже совсем укрощены, и на них можно будет ездить кому угодно. Если вы сообразовываете, мисс Теннесси, принять от меня в подарок эту кофейного цвета лошадку, которая с этой минуты будет уже ваша, то другую, крапчатую, мы будем просить принять от нас в подарок вашу кузину, мисс... мисс...

— Меня зовут Луизиана Дюпрэ, — отвечала юная креолка, — и я очень вам благодарна за подарок, мистер Карроль.

— О, мисс, вы слишком любезны. Возможность поговорить с вами с избытком вознаграждает нас за этот скромный подарок, — сказал Ваш Карроль, без всякого намерения сказать комплимент, но просто высказывая только то, что он думал в эту минуту и что не считал нужным скрывать, так как привык всегда говорить правду.

— Еще раз спасибо вам за подарок, мы обе в восторге от наших лошадей, — сказала Теннесси.

— Но только нам все-таки нужно еще немного по-дрессировать их, — сказал Карроль, — потому что какими ни смотрятся они смирными, я не думаю, чтобы на них могли сейчас ездить даже самые смелые девушки штатов Теннесси и Луизианы...

В эту самую минуту к ним подошел полковник и вместе с сопровождавшим его Тигровым Хвостом направился к одному из фургонов.

Индеец, за минуту перед тем державший себя так грубо и так бесцеремонно обнаруживший свою свирепую натуру, теперь притворялся избалованным и капризным ребенком, с нетерпением ожидающим получить давно обещанную ему игрушку.

Ваш Карроль, когда вождь проходил мимо него, окинул индейца презрительно-насмешливым взглядом; бывший траппер при этом так лукаво подмигнул девушкам, что Теннесси не могла сдержать себя и весело расхохоталась.

Проходивший мимо них Тигровый Хвост, услышав веселый хохот девушки, повернул голову и бросил на нее быстрый, как молния, взгляд. Затем лицо его сейчас же приняло опять то выражение наивного простодушия, которое он ему придал. Но в этом взгляде, брошенном им на девушку, было столько угрожающей ненависти, что Теннесси побледнела как смерть и у нее пробежала дрожь по всему телу.

Ваш Карроль дождался, пока полковник и вождь отошли немного подаль-

ше, а затем сказал вполголоса:

— Этот презренный дикарь уверяет, что он явился просить у своих бледнолицых друзей порошу и виски. Полковник ответил, что порох ему нужен и самому на случай, если на него нападут индейцы. Что же касается виски, — прибавил он затем, — то сам я не пью и виски у меня нет, но если бы даже виски и было, я все равно не дал бы их индейцу. Я думаю, все ограничится тем, что он даст ему табаку и красное одеяло.

— А как вы думаете, удовольствуется этим Тигровый Хвост? — спросил Торнлей. — И не лучше ли было бы прогнать его, не давая ему ничего? Лагерь расположен в очень неудобном месте, и этому разбойнику нетрудно было бы напасть на лагерь хотя бы нынешнею же ночью, чтобы похитить оружие и вообще все, что ему здесь нравится.

— А мы-то на что? — довольно грубоватым тоном возразил Ваш Карроль. — Кто же мешает нам приехать сюда вечером? Или вы, может быть, считаете нас ни на что не годными новичками, Эдуард? И я и полковник, мы оба отлично знаем, какая вам грозит опасность, и после завтрака сделаем все, что нужно, чтобы не дать захватить себя врасплох, а вы в это время займетесь дрессировкой лошадей. Но тише! Индеец идет сюда.

Семинол и в самом деле показался в эту минуту из-за ближайшего фургона, в котором лежало личное имущество полковника. Он улыбался, и его лицо сияло от удовольствия. Через левую руку у него было перекинута бумажное одеяло ярко-красного цвета, в правой он нес большой пакет табаку низшего сорта, а свою знаменитую трубку он держал под мышкой. Он с весело улыбающимся лицом прошел мимо молодых девушек, даже и не взглянув на них, и через минуту скрылся уже в чаще, где к одному из деревьев была привязана его лошадь. Полковник, появившийся вслед за ним, проводил его глазами, а потом, обращаясь главным образом к Карролю, сказал:

— Я положительно отказываюсь верить, чтобы этот индеец был уж так нам опасен, как вы стараетесь меня уверить, милый друг.

— А!

— Да, он мне показался субъектом довольно простодушным и добрым, и, во всяком случае, уж безусловно честным. Он так обрадовался, когда я дал ему одеяло и табаку...

— Не верьте ему, милый дядя, — перебила его Луизиана, — этот человек очень опасный. Он фальшивый и опасный человек, поверьте мне.

— Я вполне согласна с Луизианой, — вмешалась Теннесси. — Я прочла в его глазах угрозу, и до такой степени испугалась, точно меня укусила ядовитая змея, когда он, возвращаясь, бросил на меня сердитый взгляд за то, что я расхохоталась.

— И вы думаете то же самое, господа? — спросил полковник, обращаясь к мустангерам.

— Да, разумеется, — отвечал Торнлей.

— А что касается меня, — сказал Карроль сердито, — я могу только пожалеть, что вы, давая ему табак, не подсыпали в него мышьяку. Вы, по-моему, человек слишком добрый и слишком честный, чтобы жить в техасских прериях.

— Э, полноте!

— Неужели же вы думаете, что этот негодяй приходит затем только, чтоб выпросить у нас табаку и одеяло и попросить порошу и виски?

— Ну да, черт возьми! Он так обрадовался, что я этого даже не ожидал.

— И вы решили, что он был рад получить хоть это? Разуверьтесь, пожалуйста! Он приходил сюда шпионить, и все время, пока он был здесь, он только этим и занимался.

— Неужели это правда?

— Это — истинная правда, и если мы не примем мер, он явится сегодня же ночью со всей своей шайкой и ограбит вас дочиста, если только при этом он не будет иметь в виду еще и другой цели.

— Как это странно! — проговорил полковник, вздохнув. В таком случае нам надо как можно скорее выбраться отсюда на открытое место.

— То же самое думал и я, — подтвердил Карроль, — об этом-то я и хотел переговорить с вами. Послушайте меня, покиньте эти места как можно скорее! Здесь очень опасно оставаться как для вас, так и для всех ваших!

Глава XII ОХОТА НА ДИКИХ ИНДЮКОВ

Покидая лагерь, Эжен Дюпрэ и в самом деле имел твердое намерение идти на охоту и при этом решил возвращаться не иначе как с парой диких индюков или же с дикой козой, так как привезенный с собой сравнительно небольшой запас провизии следовало беречь насколько возможно. При этом надо еще заметить, что он считался одним из лучших стрелков у себя на родине, где охотился на всякого рода дичь. Но с тех пор как они вступили в эту часть Техаса, ему ни разу не приходилось не только стрелять диких индюков, но он и не видел ни одного из них, хотя и слышал много раз их клохтанье на заре; ему, правда, говорили, что птиц этих в этой местности приходится видеть очень редко и, кроме того, они так осторожны, что к ним почти невозможно подкрасться на ружейный выстрел. Впрочем, даже и в Луизиане, где их гораздо больше, и там охотникам удается убивать их только случайно. В Техасе на этих птиц охотятся с дудкой, которой охотник подманивает на ружейный выстрел индюков, подражая клохтанью индюшек. Мистер Стротер, бывший смотритель или, вернее, бывший управляющий полковника, не раз в своей жизни охотившийся на индюков в Техасе, и особенно в штате Теннесси, где он жил многие годы, сделал из кости, из крыла индюшки дудку и научил Эдуарда приманивал ею индюков. Когда молодой креол верхом на лошади и с охотничьим ружьем за плечом проезжал мимо работавших на берегу реки, старый Стротер бросил на него завистливый взгляд, но не сказал ни слова.

— Ты едешь на охоту, Эжен? — издали крикнул молодому человеку полковник, наблюдавший за тем, как обтесывали срубленные для постройки блокгауза деревья и как перетаскивали их затем к месту постройки.

— Да, дядя, — отвечал молодой человек, — я видел сегодня утром в зрительную трубу стадо коз на берегу реки, а потом, если не ошибаюсь, я слышал и клохтанье диких индюков за рекой.

— Если только ты рассчитываешь очень на индюков, смотри, как бы не пришлось тебе вернуться с пустыми руками, — сказал полковник, улыбаясь. — Стротер уверяет, что в этих местах индюки большая редкость.

— Это правда, индюки здесь большая редкость, — подтвердил бывший управляющий, считавший себя вправе вмешаться в разговор после того, как

назвали его имя. — И потом, знаете, не всякому тоже удастся не только убить, но даже и подкрасться незаметно к этой птице. Если вы хотите иметь сегодня жареного индюка, вы должны и меня отпустить на охоту.

— А, вот к чему клонится твоя речь, старый плут!

— Вовсе нет, полковник, я это сказал потому...

— Потому, что тебе тоже хочется идти на охоту. Ну, хорошо, ступай, дружище, — сказал полковник самым добродушным тоном. — Я думаю, что мы можем обойтись без тебя часок-другой, — только не ездите, пожалуйста, очень далеко.

— Хорошо, полковник, — отвечал обрадованный управляющий.

Эжен тоже был очень рад ехать на охоту со стариком Стротером, который вполне заслуженно пользовался репутацией опытного охотника и меткого стрелка. Управляющий взял ружье, вскочил на лошадь, и оба охотника рядом поехали берегом реки.

В нескольких сотнях метров дальше они увидели брод и переправились на другой берег реки.

В ту минуту, когда лошади входили в воду, они увидели на другом берегу, покрытом высокой, густой травой, целое стадо ланей и затем еще каких-то больших птиц, которых Стротер назвал дикими индюшками; но и птицы и лани, как только завидели охотников, моментально исчезли.

Переехав через реку, охотники направились к видневшемуся невдалеке холму. Тут они слезли с лошадей и привязали их к нижним ветвям громадного кедра, который весь был закрыт паразитными растениями, гирляндами, ниспадавшими до самой земли и образовавшими под ветвями подобие свода, не проницаемого для глаз снаружи.

— Теперь, мистер Эжен, — сказал Стротер, — мы с вами пойдем в эти кусты, но только надо пробираться так тихо и так осторожно, чтобы у нас не хрустнула даже сухая ветка под ногами, иначе индюки, которые, должно быть, тут где-нибудь недалеко, снимутся с места, и тогда мы их уж не скоро найдем после. Кроме того, помните, эта птица очень зоркая, и берегитесь, чтобы они нас не увидели.

Старик охотник осмотрел ружье, переменял пистон и только уже после этого, согнувшись чуть не вдвое, стал пробираться между кустами, не производя ни малейшего шума. Эжен, следуя его примеру, тоже пригнулся к земле и, осторожно раздвигая кусты, медленно стал подвигаться вперед.

Так шли или, лучше сказать, ползли они довольно долго, с трудом пробираясь сквозь чащу кустарника и поминутно останавливаясь, чтобы раздвинуть загоразживавшие им путь лианы.

Легкий ветерок дул им навстречу, а это весьма важное обстоятельство, когда отправляешься на охоту. Впрочем, умудренный опытом Стротер и не переправился бы через реку в этом месте, если бы ветер дул с другой стороны. Он предпочел бы лучше проехать еще несколько километров, чем идти под ветром.

Наконец они добрались до опушки и увидели впереди лужайку шириною приблизительно в полкилометра, а дальше опять начинался лес. Стротер обернулся к своему спутнику и сделал знак остановиться. Но на лужайке не было видно ни одной козы, ни одной лани, ни одного индюка, и у пылкого Эжена невольно сорвалось восклицание разочарования. Стротер обернулся к

нему и сделал ему знак соблюдать тишину, а затем преспокойно уселся под деревом и предложил последовать его примеру и своему спутнику.

Перед ними с деревьев, точно занавес, спускались покрытые листьями стволы ползучих растений, не мешавшие им, однако, видеть все, что делается на лужайке. Эжен, не понимая, зачем это делается, тем не менее покорно уселся рядом с Стротером и, пригнувшись к его уху, шепотом спросил:

— Чего ради сидим мы здесь? Неужели вы сами не видите, что на этой лужайке ничего нет?

— Молчите, — так же тихо отвечал ему бывший управляющий. — Молчите и слушайте, сидите смирно и ждите!

Так сидели они довольно долго, не слыша ничего, кроме собственного прерывистого дыхания и легкого шелеста в траве, который производили бегавшие кругом них мелкие животные. Вдруг откуда-то издали до них донеслось странное клохтанье. Молодой человек в ту же минуту достал из кармана дудку для приманивания индюков, но Стротер удержал его за руку.

— Подождите, подождите, мистер Эжен, — шепотом сказал он, — послушайте меня, не спешите! Если вы ему сейчас ответите, индюк ни за что не придет сюда. Предоставьте мне действовать, и через несколько минут он будет в двадцати шагах от вас.

Старый Стротер не спеша достал из кармана дудку и приложил ее к губам, в ту же минуту послышалось короткое клохтанье индюшки, похожее на жалобный стон. На этот призыв ответили сразу три самца с трех различных сторон. Эжена поразил этот блестящий результат, и он снова взялся было за дудку, но Стротер опять остановил его.

— Не торопитесь! — сказал он, хотя по лицу его видно было, что ему и самому большого труда стоит сдержать себя.

— Но...

— Большинство новичков, каких бы птиц им ни приходилось подманивать, всегда чересчур торопятся и поэтому только они и не имеют удачи. Дикие индюки в особенности очень хитры и подозрительны. Они удивительно хорошо умеют отличать каждый неверно взятый звук... их не скоро обманешь... Вы прислушайтесь хорошенько, как они сами клохчут... Индюшка, которая слышит голоса трех индюков, ни за что не ответит им сейчас же; наоборот, она будет молчать и заставит их упрашивать себя. Она ведь отлично понимает, что стоит только ей подать голос и перед нею сейчас же предстанут три кавалера с распущенными хвостами и будут стараться заслужить ее внимание. Она будет ждать до тех пор, пока они не начнут более настойчиво просить ее явиться или же пока у ней самой не явится желание взглянуть на посланных судьбою новых поклонников! Поэтому послушайте меня, тут самое главное — терпение! Малейшая поспешность может погубить все дело!

Докончив эту коротенькую лекцию, старый птицелов поднял руку, и лицо его озарила улыбка. Как раз в эту минуту снова послышалось клохтанье индюков, двое из которых даже подошли ближе, судя по тому, что клохтанье слышалось гораздо громче и яснее. Затем после короткого перерыва они снова принялись перекликаться, подходя все ближе к тому месту, где скрывались в засаде охотники.

— Неопытный, неумелый охотник сейчас же схватился бы за дудку и стал приманивать их, — спокойно заметил Стротер. — Ну! И знаете, чем бы это

кончилось? Индюки сейчас остановились бы и стали бы говорить друг другу: «Какая это глупая индюшка!» Они, может быть, отозвались бы и еще раз, а если бы вы и после этого стали подманивать их, они преспокойно повернулись бы и ушли, а там можете их ждать и подманивать хоть до завтра.

— Но разве вы не боитесь, что, если вы не будете отвечать им, индюки подумают, что индюшка ушла? — спросил Эжен, которого эта охота интересовала все больше и больше.

— Подождите, пока они устанут или пока им надоест клохтать, тогда мы опять их поддразним. Слушайте!

И они выжидали еще минут десять, в течение которых индюки все перекликались на своем индюшином языке, и хотя крики слышались уже не так часто, зато на более близком расстоянии, и притом с каждым разом все яснее и яснее. Они медленно приближались. Наконец Стротер снова приложил свисток к губам, и в ту же минуту послышалось короткое и отрывистое клохтанье индюшки, которая точно взывала о помощи или кому-то жаловалась на свою горькую судьбу. Жалоба эта имела магическое действие: все три индюка принялись одновременно кричать так быстро и так громко, что будь тут в самом деле индюшка, ее, наверное, порадовало бы такое внимание к ней со стороны непрекрасного пола индюшиной породы. Затем вдруг наступила тишина.

— Они ушли? — спросил Эжен задыхающимся от волнения голосом.

— О нет! — весело отвечал Стротер, стараясь говорить как можно тише. — Приготовьтесь стрелять, вы их сейчас увидите... У вас есть крупная дробь?..

Но сколько ни смотрел Эжен, он не видел на поляне ни одного индюка, хотя по временам они и подавали попеременно свой голос.

— Отвечайте им, Стротер, отвечайте! — умолял Эжен.

— Нет, черт возьми! Ни за что! — отвечал Стротер, становясь все более и более спокойным, в противоположность горячившемуся юноше. — Сделать это — значит погубить все дело... Тише! Смотрите! Вот они!

В это время метрах в четырехстах от них показался выбиравшийся из кустов громадной величины индюк. Он появился с правой стороны и бежал на средину лужайки с широко распушенными крыльями. Вдруг он остановился, поднял голову и подозрительно стал осматриваться кругом. Затем он раза два или три громко вскрикнул. В ту же минуту ему ответили с противоположной стороны лужайки, откуда из кустов выбежали еще два индюка, и затем они уже втроем принялись кружиться и так отчаянно кричать, что, казалось, совсем забыли о том, что именно заставило их устремиться сюда и теперь, видимо, готовились к битве. Стротер имел терпение выждать еще целых десять минут, пока индюки приблизились наконец настолько, что в них можно было уже стрелять.

— Не стреляйте только раньше меня, — шепотом сказал он на ухо Эжену, тогда нам, может быть, удастся убить всех зараз.

Между тем индюки, сами того не замечая, все более и более приближались к охотникам и скоро были уж не больше как в тридцати шагах от них. Стротер медленно взял ружье на прицел, приложился и выстрелил... один индюк упал на землю, убитый наповал. В тот же почти момент разрядил и Эжен оба ствола охотничьей двустволки, и два других индюка пали рядом со своим сраженным соперником.

Юный креол ликовал от радости как безумный и горячо благодарил своего

учителя, который и сам, видимо, тоже был очень рад и вместе со своим товарищем отправился подбирать убитую дичь. Самый меньший из индюков весил около тридцати фунтов. В это время был уже почти полдень, так как солнце приближалось к зениту, охотники начали чувствовать голод и решили вернуться в лагерь.

— Я обещал Теннесси принести индюка, — сказал Эжен, — и очень рад, что могу так блистательно исполнить свое обещание. Этим трех индюков хватит на всех, не исключая и негров. Я в таком восторге, Стротер, и не знаю, право, как и благодарить вас, потому что без вас я, наверное, не убил бы ни одного индюка. Вы себе и представить не можете, какого мне труда стоило сдерживать себя! Ну, а теперь в лагерь!

— Да, надо идти, — согласился Стротер, — я нужен там на работах. Полковник хочет, чтобы блокгауз был готов завтра к вечеру и поэтому мы должны дорожить каждой минутой. Но мы можем охотиться и на обратном пути. Идите вы правой стороной, а я пойду левой и сойдемся там, где оставили лошадей. Может быть, нам попадется коза или медведь. Я понесу индюков.

Молодой человек, радуясь, что ему, может быть, представится новый случай блеснуть своим искусством, ничем не выразил своего протеста и даже не предложил своему товарищу разделить ношу. Управляющий, который был силен, как Геркулес, взвалил на себя убитых птиц и повернул налево, а его более юный товарищ пошел по опушке направо, то есть ближайшим путем к лошадям.

Стротер шел своим обычным шагом, несмотря на то что тащил на себе тяжесть чуть не в сто фунтов и на те трудности, которые ему приходилось преодолевать, прокладывая себе дорогу. Он имел в виду главным образом намерение осмотреть местность, а вовсе не одну только охоту и поэтому его несколько не огорчило, что на пути ему не попалось ни одного животного, ни одной птицы, которых стоило бы подстрелить.

В ту минуту, когда он достиг того места, где были привязаны лошади, он услышал донесшиеся издали два выстрела, следовавшие один за другим так быстро, что они почти слились в один.

— Что за черт! — проговорил Стротер. — Интересно знать, что такое ему попало, что он палит сразу из обоих стволов?

Затем он совершенно спокойно привязал индюков к седлу своей лошади и сел отдохнуть в ожидании прихода Эжена. Так прошло довольно много времени, но молодой человек все не возвращался. Стротер начал тревожиться. Он пробовал кричать, но никто не отозвался на его призыв. Тогда он достал из-за пояса револьвер и, зарядив свой карабин, побежал в ту сторону, где он слышал выстрелы...

Эжен исчез, и кругом нигде не было слышно ни малейшего шума!.. Его разряженное ружье валялось в траве на небольшой прогалине, где виднелись следы множества лошадей... Невдалеке от ружья, где трава была сильнее прижата, виднелось как бы большое кровавое пятно... При виде крови Стротер вскрикнул и схватил себя за волосы!..

Глава XIII

КАРРОЛЬ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Полковник Магоффин, сидя со своим другом Карролем под деревом, торопливо доедал завтрак, состоявший из сухарей и ветчины, и в то же время с удовольствием следил глазами за быстро подвигавшимися работами по сооружению блокгауза.

Работавшие под его надзором люди, которых к тому же заставляла торопиться возможность внезапного нападения индейцев, успели сделать очень много в весьма короткое время. Нижняя часть здания, заменившая фундамент и состоявшая из врытых в землю толстых, гладко обтесанных бревен, была уже готова и представляла непроницаемую для пуль ограду в восемь футов высотой. Над нею должна была подниматься, так сказать, жилая верхняя часть блокгауза с бойницами для стрелков. Необходимый для постройки этой части здания материал был уже весь заготовлен, и его оставалось только поставить на место.

Невдалеке от полковника сидели кружком чернокожие работники и с аппетитом уничтожали неприхотливый, приготовленный их женами обед, обмениваясь веселыми шутками и поминутно разражаясь громким хохотом. Фургоны были уже передвинуты к блокгаузу, и женщины и дети перетаскивали из них имущество в обнесенное изгородью пространство.

После неожиданного появления в стане эмигрантов индейского вождя полковник решил до ночи непременно перенести все более-менее ценное имущество под защиту стен будущего блокгауза и, насколько возможно, обезопасить от нападения грабителей.

— Нам нет никакой необходимости делать сейчас же и крышу, — сказал он Карролю. — Я думаю, что мы в состоянии будем долгое время защищаться даже и за этими стенами. Нужно будет только проделать бойницы и соорудить поскорей палисад, куда и будем загонять на ночь лошадей и скот.

— Мне и самому кажется, что мы успеем сделать все это, — отвечал Ваш Карроль. — Индейцы, что бы там ни говорили о них, препорядочные трусы. Они обыкновенно долго раздумывают, прежде чем решатся объявить войну, и поэтому раньше, чем проклятый Тигровый Хвост соберется напасть на нас, у нас все будет готово, и мы устроим ему такую встречу, какой он и не ожидает.

— Все-таки, я думаю, нам нельзя терять время, нужно торопиться с окончанием блокгауза.

— Непременно! И чем скорее все будет сделано, тем лучше! Мне, признаюсь, очень не понравилось, что проклятый индеец осмелился так бесстрашно, среди дня, забраться к нам в лагерь. Полковник, смотрите, как ловко сидит мисс Теннеси на своей лошадке! Она сидит, как настоящий команч, честное слово!

Это восклицание вырвалось у старого траппера при виде дочери полковника, у которой не хватило терпения ждать, пока ее кофейного цвета лошадка будет окончательно укрощена и выезжена. Она кругами носилась по прерии между блокгаузом и бывшим лагерем, легко и грациозно сидя на лошади, которая, к удивлению, прекрасно ее слушалась. Это происходило, может быть, отчасти потому, что Теннеси, как и все уроженки южных штатов, начала ез-

дить верхом с самого раннего детства.

Луизиана, у которой пример Теннесси тоже вызвал желание покататься на своей крапчатой лошади, в это время еще только садилась на лошадь, которую держал под уздцы Эдуард Торнлей.

Красавица лошадь вся еще дрожала после перенесенной ею попытки укрощения при помощи хакимо.

Хакимо — это тонкий ремень, который мертвой петлей надевают на морду лошади повыше ноздрей, затем его пропускают в рот и обматывают нижнюю челюсть. В Мексике этот способ употребляют все охотники при укрощении диких лошадей, и даже самые упрямые и непокорные мустанги очень скоро становятся смиренными и послушными.

Полковник Магоффин, хотя и не привел ни одной верховой лошади, но предусмотрительно захватил с собою седла, уздечки и вообще все необходимое для верховой езды, так как знал, что тexasские прерии славятся своими мустангами, которые бегают здесь табунами.

Луизиана с помощью Торнлея ловко вскочила на лошадь, молодой человек снял петлю хакимо, и крапчатая, сделав громадный прыжок, стрелой полетела затем по прерии.

Крапчатая, как и пойманная вместе с ней кофейная лошадь, была укрощена только, так сказать, наполовину, как и вообще укрощают в Техасе девять мустангов из десяти. Сначала лошадь душат при помощи лассо, затем надевают седло и центавр-укротитель с громадными, чуть не в полфута длины шпорами, которыми он до крови пропарывает бока лошади, до изнеможения скачет на ней по необъятной прерии, и после этого пойманный мустанг считается уже укрощенным...

Луизиана Дюпрэ ездила верхом почти так же хорошо, как и ее кузина Теннесси, и крапчатая, как ни бесновалась она, скоро почувствовала, что дальнейшая борьба бесполезна, и покорилась юной наезднице.

Верховая езда окрасила румянцем бледные до того щеки девушки, и глаза ее весело сверкали, когда она галопом подъехала к дяде и спросила его:

— Как вы находите мою лошадь, дядя? Не правда ли, она великолепна?

— Она и в самом деле очень хороша, милочка, — отвечал полковник, вставая и начиная гладить рукою шею лошади, но ты и сама сию минуту выглядишь очень хорошо, а едешь ты великолепно.

— Очень вам благодарна за похвалу, дядя, — отвечала девушка. — А теперь, если вы ничего не имеете против, я хотела бы поехать навстречу Эжену. Бедный мальчик, должно быть, умирает с голоду, и, кроме того, я боюсь, что он еще сильно горюет о том, что охота его не увенчалась успехом.

— С полчаса тому назад я слышал, как стреляли он и Стротер, и поэтому думаю, что они подстрелили какую-нибудь птицу, а может быть, козу или лань. Стротер замечательный стрелок, и, кроме того, никто лучше его не умеет ставить ловушки и подманивать индюков. Наши охотники должны скоро вернуться обратно, и тебе нет никакой надобности ехать им навстречу.

В эту минуту к ним подскакала Теннесси и, остановив лошадь, сказала задыхающимся от быстрой езды и от волнения голосом:

— Папа, я видела сейчас Стротера, когда он переезжал через реку, ведя в поводу лошадь Эжена, но самого Эжена не видно. С ними что-то случилось! Может быть, какое-нибудь несчастье! Он всегда такой неосторожный! Папа, па-

па, он, может быть, ранен, а может быть, и еще хуже!

— Послушай, милочка, ты напрасно так волнуешься раньше времени, — сказал полковник, стараясь успокоить дочь, хотя сам в то же время думал совершенно другое, — может быть, они настреляли так много дичи, что не могли захватить все с собою, и тогда Эжен, вероятно, остался отгонять коршунов.

— Значит, ты думаешь, папа, что с ними ничего особенного не случилось? — спросила Теннесси, успокаиваясь. — Я поеду навстречу Стротеру и спрошу.

— Не делайте этого, умоляю вас! — сказал старик Карроль глухим и каким-то странным голосом. — На такой не совсем еще укрощенной лошади опасно ехать по реке... Я лучше пойду сам.

С этими словами старый траппер побежал навстречу к Стротеру, так как был почти уверен, что услышит от него дурные вести.

— Что случилось? — крикнул он, завидя Стротера. — Что с нашим молодым господином? Где вы его оставили?

— Он исчез! — ответил Стротер голосом, в котором дрожали слезы. — Его похитили эти проклятые собаки краснокожие! Я в этом уверен. Мы расстались с ним всего полчаса назад и должны были сойтись там, где были привязаны наши лошади... Я слышал потом выстрел и думал, что он охотится, но так как после этого он долго не возвращался, отправился разыскивать его и не нашел...

— Как же это могло случиться? Вы не узнали, что там произошло?

— Вот все, что я нашел... оно валялось на земле недалеко от того места, где было видно большое кровавое пятно.

И он показал Карролю изящную двустволку с серебряной насечкой, которую так усердно чистил молодой человек все утро.

— Покажите-ка мне это место, — сказал Ваш, — будь они прокляты, ваши индюки! Все ведь это вышло из-за них! Бросьте их тут, я сяду на лошадь бедного юноши и едем! Мы должны как можно скорее разгадать эту тайну! У вас оружие в порядке?

— Да, — лаконично ответил Стротер.

Один вид такого энергичного, решительного человека, как Ваш Карроль, сразу изменил настроение управляющего и глубокое отчаяние сменилось в нем гневом. Он бросил индюков на землю. Ваш Карроль вскочил на чистокровного коня, принадлежавшего Эжену, и они галопом поскакали к броду.

— Что-то скажет теперь полковник? — проговорил Стротер, сдерживая лошадь, когда они въезжали в реку. — Не лучше ли нам вернуться в блокгауз и рассказать ему о том, что случилось?..

— Зачем? — грубо перебил его Ваш, смело бросаясь в воду. — Дурные вести и так скоро узнаются, а потом полковник так хорошо знает меня и так верит мне, что не рассердится за то, что уедем, не сказав ему ничего, и одобрит все, что я сделаю.

Стротер не стал спорить, и оба охотника, один настоящий великан, а другой чуть ли не карлик, переехали вброд через реку и, пустив снова лошадей в галоп, поскакали к той прогалине, где Стротер нашел в траве ружье в луже крови.

Достигнув этого места, Ваш спрыгнул с лошади, передал поводья своему спутнику и, опустившись на колени, стал внимательно изучать следы. Нако-

нец Ваш выпрямился и, видимо довольный результатами исследования, крупным шагом пошел по следам лошадей. Пройдя таким образом небольшое расстояние, он остановился и снова опустился на колени.

— Какого вы мнения, приятель? — спросил он управляющего.

— Индейцы набросили на него лассо, — отвечал управляющий.

— Да, это верно, — сказал Карроль, — а что касается крови, то вы ошибаетесь, и я думаю, у нас нет никаких оснований предполагать, что здесь была пролита именно его кровь.

— А почему думаете вы это? — спросил великан, видимо сильно сомневаясь.

— Почему?.. А вот почему... Вы разве не видите, что кровавые пятна все время идут с одной стороны, как раз вроде этого следа, а не посередине, как это должно быть, если бы кровь текла у него из раны в то время, когда они тащили его по земле? Да вот, смотрите сами! Видите этот отпечаток конского копыта? Теперь смотрите тут... этот кровавый след оставила раненая лошадь... Они неожиданно напали на него, но он все-таки успел выстрелить и ранил лошадь... Затем они набросили на него лассо и тащили его по земле, пока он потерял сознание... потом они повезли его сюда... Теперь надо узнать только, куда именно они его увезли. У вас есть револьвер?

— Да, — отвечал управляющий, показывая револьвер.

— В таком случае идем, — сказал Карроль, доставая в свою очередь из кармана револьвер и заряжая ружье.

Затем он снова пошел пешком по следам, оставленным копытами лошадей, тогда как Стротер ехал следом за ним верхом, держа другую лошадь в поводу.

— Здесь они перекинули его через седло, — сказал Карроль, приостанавливаясь на минуту. Их было всего трое, — прибавил он, — и они были верхами на неподкованных лошадях.

— Значит, они были на диких лошадях? — спросил Стротер.

— Да, три мустанга, — отвечал Ваш, задумчиво опуская голову.

Ему, видимо, было особенно неприятно сделанное им открытие. Он шел медленно, бормоча какие-то слова, которых Стротер, однако, разобрать не мог. Потом он опять остановился и, обращаясь к управляющему, спросил:

— Вы умеете находить следы и можете сказать, что означают они?

— Я не стану особенно хвалиться, — скромно отвечал управляющий, — но мне случалось делать это.

— В таком случае скажите мне, какая разница между посадкой бледнолицего и краснокожего?

— Бледнолицые откидываются больше назад, тогда как краснокожие сидят чуть не на шее у лошади.

— Отлично, — сказал Карроль, довольный ответом. — Теперь слезайте с лошади, посмотрите эти следы и скажите мне ваше мнение.

Стротер быстро соскочил с лошади и тоже стал изучать следы.

— Обратите особенное внимание на этот след, — сказал Ваш Карроль, указывая рукой на одну из вмятин. Вы ведь видите, что их было трое и что все трое были верхами? Две лошади оставили следы одинаковые, а третья надавливала больше задними копытами, чем передними. И мне кажется, что на этой лошади сидел не краснокожий, а бледнолицый... А вы какого мнения?

— Я могу только удивляться и, конечно, согласен с вами. Но каким образом мог бледнолицый оказаться союзником индейцев и принять участие в таком преступлении? Это что-то очень странно.

— Негодяев всюду и везде хоть отбавляй, — сказал Карроль. — Да вот с нами вместе живет в коррале такой человек, которого мы оба, и я и Торнлей, сильно подозреваем и думаем, что ему не миновать виселицы. Скажите, пожалуйста, вам приходилось бывать в Луизиане. Вы хорошо знаете этот штат?

— Отлично.

— Вам там не приходилось видеть некоего Луи Лебара?

— Нет. Я даже и имени такого никогда не слышал.

— Это субъект небольшого роста, коренастый, чернолицый, точно негр, с большой длинной бородой. По лицу он скорее похож на мексиканца.

— Нет, такого не знаю, — коротко отвечал Стротер. Ваш, видимо, остался очень недоволен этим ответом и, взяв ружье на плечо, молча направился дальше по лесу.

— Берегитесь, — сказал ему Стротер, — тут могут быть индейцы, вам бы всего лучше сесть на лошадь, а следы и так видны очень хорошо.

Ваш не отвечал ни слова. Он продолжал идти все тем же быстрым шагом, как вдруг внимание его обратил на себя предмет, который показался ему весьма ценной находкой, а между тем это было не что иное, как обертка, сорванная с табака, данного полковником Магоффином Тигровому Хвосту; она валялась в траве и тут же виднелось множество следов, оставленных копытами лошадей и мокасинами индейцев.

— Это проделка Тигрового Хвоста! Я и раньше подозревал это, а теперь я в этом уверен! — вскричал Ваш Карроль. — Теперь нечего особенно тревожиться, товарищ! Ваш друг жив и здоров, и мы в самом непродолжительном времени выручим его из беды, или пусть меня не зовут больше мустангером! Все идет отлично! Я теперь знаю, где его искать. Он жив и здоров, поверьте мне. Они похитили его затем, чтобы взять выкуп с полковника. Это любимая проделка проклятого Тигрового Хвоста.

— Что же нам теперь делать? — сурово спросил управляющий, которому было неприятно видеть эту, по его мнению, неуместную веселость мустангера.

— Не бойтесь ничего, я ручаюсь вам за это и беру все дело на себя. Я тоже с ним сыграю штуку, и такую, какую он наверняка не ожидает. Смотрите! Вся шайка ждала их здесь, а затем они уже все вместе поехали в свое становище! След идет прямой линией к лагерю Тигрового Хвоста...

— А сколько воинов у вождя семинолов? — спросил Стротер, рассматривая свежие следы.

— Около полутораста.

— А нельзя ли собрать небольшой отряд смелых людей для нападения на логовище этого зверя? — спросил управляющий, давно уже ограничивавшийся только краткими вопросами и такими же краткими ответами.

Карроль обернулся и, глядя на него в упор своими проницательными глазами, спросил:

— А вы тоже присоединились бы к этим смелым людям?

— И вы еще спрашиваете, черт возьми! — отвечал Стротер, к которому вместе с даром слова вернулась и общительность. — Мы возьмем себе в помощь

хорошо вооруженных людей и, кстати, расскажем полковнику, в чем дело, а потом поедем с теми, кто захочет ехать с нами. Нам ведь нужно с полдюжины револьверов, чтобы напасть на Тигра в его логовище.

— Вы настоящий мужчина, — сказал Карроль с энтузиазмом, — позвольте пожать вашу руку.

Великан схватил протянутую ему трапшером руку и пожал ее так крепко, что тот чуть не вскрикнул от боли.

Затем они сели на лошадей и галопом поскакали в лагерь эмигрантов, где всех нашли в сильной тревоге. Теннесси Магоффин сходила с ума от отчаяния. Полковник приказал вооружиться всем своим людям. Когда Ваш Карроль рассказал о результатах своей поездки и сообщил выработанный им план, все единогласно изъявили желание ехать с ним в логовище краснокожих. Полковник велел женщинам перейти в блокгауз и оставил при них четырех хорошо вооруженных негров. Затем полковник Магоффин, Стротер, Торнлей, Карроль и восьмеро чернокожих с ружьями и револьверами верхами отправились к стану индейцев.

Глава XIV ВОРОНОЙ МУСТАНГ

Становище семинолов занимало глубокую впадину в самой чаще громадного леса, носившего название Кросс-Тимберс. Впадина эта со всех сторон, кроме лицевой, была окружена растительностью местной флоры. Низкорослые дубы, икори, черный терновник, достигавший едва двенадцати футов высоты, и всевозможные виды растущих в этих местах колючих кустарниковых растений окружали впадину непроницаемой живой изгородью, сквозь которую мог пробраться только человек, вооруженный топором.

В этой впадине, размером примерно с гектар, служившей становищем для шайки бродячих индейцев, стояло от пятидесяти до шестидесяти палаток и шалашей.

Палатка вождя отличалась от остальных тем, что перед входом в нее был врыт в землю большой шест с привешенным к вершине его обручем с прикрепленными к нему скальпами убитых врагов. Среди этих трофеев немало было скальпов с длинными белокурыми волосами, снятых с бледнолицых женщин.

Затем эта палатка была еще и гораздо больших размеров, чем все остальные; в ней жило с десятков скво, или индейских женщин, среди которых виднелись лица даже и очень красивые, потому что племя семинолов славится правильностью черт и красотой среди многочисленных племен краснокожих Северной Америки.

Большинство из этих женщин сидело или лежало перед входом в хижину; одни из них кормили грудных детей, а другие следили за играющими невдалеке на траве детьми более старшего возраста.

В становище, по-видимому, остались только женщины и дети, а воины, вероятно, отправились в какую-нибудь экспедицию или же уехали на охоту. Кое-где виднелись лошади, привязанные к вбитым в землю кольям. Они спокойно пощипывали густую сочную траву. В это время вдруг послышался крик, возвещавший возвращение вождя, и в ту же минуту толпа мальчишек устре-

милась приветствовать возвращавшихся. Впереди отряда краснокожих, размахивавших копьями и издававших победные крики, скакал вождь, перед которым лежала перекинутая через спину лошади какая-то бесформенная масса, завернутая в одеяло.

Тигровый Хвост подскакал к своей палатке, спрыгнул с лошади, снял с нее связанного человека и без всяких церемоний бросил его на землю, точно тюк товара. При этом одеяло распахнулось и тогда стало ясно, что привезенная индейцем добыча был бледнолицый, одетый в костюм из синей бумажной материи, какие носит большинство креолов в Луизиане.

Голова пленника, до самой шеи, была обернута красным одеялом, которое не позволяло ему ничего видеть.

Вслед за вождем к палатке подскакал еще один всадник. Это был Черный Мустангер.

Он сидел верхом на взятом из корраля чудном мустанге, которого испанский мундштук заставлял стоять смирно во все время, пока всадник, слегка похлопывая хлыстом по вздымавшимся бокам лошади, говорил Тигровому Хвосту:

— Теперь мне следует сейчас же расстаться с вами, вождь. Стерегите хорошенько пленника, вам за него заплатят большой выкуп. Только помните, он даже и подозревать не должен, что я вам друг. Если это случится, тогда все дело будет проиграно. Я и в корраль еду сию минуту исключительно затем, чтобы отвратить от себя всякое подозрение. Надеюсь, что мои товарищи не догадуются о том, какое я принимал участие в этом деле. Все остальное должно быть сделано сегодня же ночью, раньше, чем будет достроен блокгауз. Прощайте, я постараюсь пробраться незаметно лесом.

— Хорошо, — сказал вождь, — мои воины будут ждать вас в назначенном месте.

Лебар повернул лошадь, дал ей шпоры и галопом поскакал к выезду из впадины, где помещалось становище семинолов. Здесь он свернул на одну из разветвлявшихся в разные стороны тропинок, прорубленных краснокожими в чаще на тот случай, если бы им понадобилось спастись бегством при внезапном нападении на их становище. Тропинки проложены были так искусно и так хорошо замаскированы, что ими могли бы пользоваться только опытные глаза посвященных.

Лебар, по-видимому, прекрасно знал эту дорогу, потому что ни на минуту не задумался, какую ему лучше выбрать. Мало того, он заставил даже свою лошадь идти галопом по этой узкой, извилистой тропе, где ей часто приходилось грудью прокладывать дорогу сквозь чащу кустарников и переплетавшие их лианы.

Он ехал так быстро, что через десять минут выбрался уже на опушку Кросс-Тимберса, откуда ему оставалось не больше мили до видневшегося впереди корраля, где его оставили стеречь пойманных мустангов его товарищи по охоте, отправляясь к полковнику Магоффину.

Одного взгляда достаточно было, чтобы убедиться: в коррале за время его отсутствия не случилось ничего особенного, и он, пустив лошадь в карьер, через две минуты был у ворот палисада.

Здесь он, натянув поводья, с такой силой ударил лошадь хлыстом, что бедное животное заржало от боли и поднялось на задние ноги, точно собираясь

опрокинуться на спину и придавить собой безжалостного мучителя; но всадник в ту же минуту отпустил поводья и, приподнявшись на стременах, слегка наклонился вперед, лошадь сделала скачок и, распластавшись на одно мгновение в воздухе, перелетела через загородку и упала на колени.

Что же касается Лебара, то он, будучи довольно плохим мустангером, то есть не умея собственно хорошо бросать лассо, в то же время мастерски ездил верхом, и в тот момент, когда его лошадь падала, он ловко перепрыгнул через голову лошади и, стоя перед ней, спокойно смотрел, как несчастное животное, не будучи в силах подняться, повалилось, тяжело дыша, на бок.

Через минуту покрытый пеной и вконец измученный мустанг тяжело приподнялся с земли и, весь дрожа, стоял покорно перед всадником.

Черный Мустангер снял с лошади седло, и та, получив от него еще один удар хлыстом, медленно побрела к сбившемуся в кучу табуну.

— Какое счастье, что мои товарищи не приехали сюда в мое отсутствие, — проговорил он, глядя на удаляющуюся лошадь. — Если бы они видели, как быстро летел я сюда, они, наверное, разгадали бы мою тайну. Интересно, через сколько времени они узнают об исчезновении креола? Чтобы его черти взяли, этого глупого простофилю! Я просто убить его готов за те слова, которые он мне сказал тогда. Жаль только, что Тигровый Хвост не согласился покончить с ним сразу. К счастью, он меня не видел. Если вождь и отпустит его за хороший выкуп, он все равно никогда не узнает о моем участии. Я боюсь старика Магоффина, потому что только Эжен Дюпрэ и его сестра знают меня. Все остальные из Теннесси. Досадно только, что мои товарищи приняли в них участие. Что это значит, однако, что их нет так долго? Хотелось бы мне знать, что именно удерживает их у Магоффина?..

Говоря это, Лебар взобрался на одну из скал, окружавших корраль, и стал с нее смотреть в ту сторону, где был расположен лагерь эмигрантов.

Долгое время он ничего не видел, а потом заметил силуэт сначала одного всадника, а за ним и еще нескольких, выезжавших из-за повозок и направлявшихся через прерию к лагерю семинолов.

Тем путем, который избрали всадники, до лагеря семинолов было около десяти миль, тогда как от корраля через лес, по тем тропинкам, по которым ехал Лебар, было всего около четырех миль.

Глядя на скакавших одного за другим всадников, Черный Мустангер пересчитал их и узнал, что отряд состоит из двенадцати человек, в числе которых, как ему показалось, он рассмотрел даже малорослую фигуру Карроля и казавшихся, в сравнении с ним, великанами полковника и управляющего, которые ехали впереди.

— Они знают, что креол исчез, — проговорил Лебар, насмешливо улыбаясь, — и едут теперь разыскивать его. Возможно даже, что они подозревают, что его похитили семинолы, и, вероятно, предложат им выкуп за пленника. Ха-ха-ха! Они, наверное, даже не подозревают, какой с них попросят выкуп. Это заставит их разлюбить эти места и отказаться навсегда от мысли устраивать здесь плантацию. Я хорошо сделал, что вовремя предупредил краснокожих.

И он еще некоторое время следил за маленьким отрядом всадников, легкой рысцой ехавших к лагерю Тигрового Хвоста, пока они не скрылись за густо разросшимися деревьями.

— Хотелось бы мне знать, что скажут они, — продолжал Лебар. — Если бы ему дать знать каким-нибудь способом о том, что к нему едут гости, он мог бы устроить им маленький сюрприз. Жаль, что мы не подумали об этом раньше. Все было бы кончено одним ударом, и даже сегодня. А почему бы мне не поехать самому предупредить его? Им ведь нужно ехать на целых пять миль больше, чем мне, и потом им нужно будет пробираться лесом по незнакомой для них дороге. Хорошо было бы устроить засаду и захватить полковника, Карроля, Торнлея, а с ними и всех остальных, способных защищать девушек. И я сразу стал бы и богат и счастлив, не поехать ли мне обратно к семинолам? Но мне нужна для этого хорошая лошадь, очень хорошая, чтобы успеть вовремя предупредить семинолов, а затем ехать вместе с ними в лагерь Магоффина. Надо поймать нового мустанга. Ну, да у меня тут выбор большой, на хорошей лошади я наверняка не опоздаю.

Вслед затем Черный Мустангер спрыгнул со скалы, отвязал от седла лассо, сложил его кольцами и направился к табуну мустангов.

Его приближение, по обыкновению, испугало мустангов, и они в ужасе бросились в самый конец корраля и здесь сбились в тесную кучу.

Лебар окинул взглядом табун, выбрал великолепного мустанга серо-стального цвета и сделал несколько шагов в ту сторону, где в первом ряду держался этот чудный конь.

Но он, как мы уже говорили, не отличался искусством бросать лассо. Как и все новички, он слишком долго размахивал им над головой, прежде чем набросить его на шею лошади. Табун бросился врассыпную. Лебар, когда серый мустанг пробежал мимо него, бросил лассо и в тот же момент почувствовал, что какая-то невидимая сила стремительно тащит его вперед и он падает на землю. Ему казалось, что наступила его последняя минута... Но, к счастью, скоро истощились силы у пойманного им мустанга, которого душил накинутый на него ремень лассо, и пленник, протащив за собой мустангера по земле через весь корраль, наконец остановился. Лебар поднялся и, к удивлению своему, увидел, что его лассо поймало не серого мустанга, а вороного, бывшего одним из вожakov табуна и выделявшегося как своим ростом, так и изрядной силой.

— Ты мне за это дорого заплатишь, проклятый! — крикнул мустангер, натягивая лассо и грозя мустангу кулаком.

Но его угроза произвела совсем не то действие, которого он, вероятно, ожидал. Мустанг, правда, испугался и его сердитого голоса, и грозившего ему кулака, но испуг не приковал его к месту, а, наоборот, заставил снова искать спасения в бегстве, и черный жеребец, сделав громадный скачок, снова бросился бежать и снова потащил за собой опрокинувшегося на землю Лебара, и эта бешеная скачка по корралю продолжалась до тех пор, пока не свалился от изнеможения и сам непокорный мустанг.

Лебар тяжело поднялся, постоял с минуту, потом подошел к мустангу и отпустил немного петлю лассо. Жеребец вскочил на ноги и сделал было попытку двинуться, но петля заставила его отказаться от этого намерения. Лебар, укорачивая постепенно длину ремня, подходил к нему все ближе и ближе, потом сначала погладил его, а затем несколько раз дунул ему в ноздри. Мустанг вдруг стал смирен, как овечка, Лебар оседлал его, вывел за ворота, вскочил на него, и после короткой борьбы, закончившейся победой укротителя, мустанг

отказался от надежды сбросить с себя поработившего его человека и стрелой помчался к лесу, куда его гнал наездник.

Доехав до входа в ущелье, Лебар увидел, что он явился слишком поздно... Отряд бледнолицых, въезжал уже в лагерь краснокожих.

Глава XV ЛОГОВИЩЕ ТИГРА

— Теперь, полковник, — сказал Ваш Карроль, когда они подъехали к тому месту, откуда стало видно становище семинолов, — предоставьте мне полную свободу действий... Я лучше вас знаю этого негодяя Тигрового Хвоста и поэтому мне легче будет справиться с ним... Согласны вы уступить мне права руководителя и командира экспедиции?

— Да, милейший мой Ваш, даю вам честное слово джентльмена безусловно подчиниться вам, — отвечал полковник. — Вы, само собою разумеется, должны лучше знать нравы и обычаи краснокожих... А что, если они его убили? Что мы тогда будем делать?.. Как быть тогда с его сестрой?

— Не бойтесь ничего, полковник: он жив, за это я вам ручаюсь. Если бы они убили его, то мы нашли бы давным-давно его оскальпированный труп, и если бы они вообще имели намерение убивать его, они не стали бы откладывать это и тащить его в лагерь... Нет и нет, они похитили его только затем, чтобы взять за него с вас выкуп... Предоставьте мне устроить это дело вместе с нашим управляющим Стротером и дайте мне только слово исполнить все, что бы я ни потребовал, и вы увидите, как все хорошо кончится.

— Даю вам слово, — сказал полковник.

Тем временем маленький отряд въехал в лагерь семинолов.

Появление эмигрантов, по-видимому, не вызвало никакой тревоги, и только одни дети сгруппировались по обе стороны въезда и молча рассматривали прибывших, бросая на них сердитые взгляды исподлобья.

Ваш Карроль, как будто не сознавая грозящей им опасности, смело продолжал ехать вперед; на самом же деле он отлично знал, с кем имеет дело, но решил взять отвагой и во что бы то ни стало добиться успеха. Так доехали они до палатки Тигрового Хвоста, возле которой стояло несколько вооруженных воинов. Здесь он остановил лошадь, обернулся к полковнику и, понижая голос до шепота, сказал ему:

— Оставайтесь здесь и держитесь наготове... Если нас окружают индейцы, стреляйте в них, а теперь мы с управляющим пойдем в логово тигра.

С этими словами он спрыгнул с лошади. Примеру его сейчас же последовал Стротер. Затем с ружьями в руках они направились к палатке вождя. Войдя в нее, Карроль достал из-за пояса найденную им в лесу обертку из-под табака и бросил ее к ногам стоявшего среди палатки Тигрового Хвоста.

— Вождь, как вы думаете, где я нашел эту бумагу? — спросил он.

Семинол поднял глаза, взглянул на непрошеного гостя, и с его уст сорвался глухой рык, похожий на рычание дикого зверя.

— Я нашел ее, — продолжал мустангер тем же спокойным тоном, — на дороге от лагеря моего друга к вашей деревне и сразу же угадал, что вы похитили молодого вождя бледнолицых... Где он?.. Что вы с ним сделали?..

Глаза Тигрового Хвоста сверкали, как раскаленные уголья. Он гневно взгля-

нул на стоявшего перед ним пигмея, осмелившегося разговаривать таким образом с вождем в его собственной палатке.

— Какое имеете вы право спрашивать меня о пленнике? — грубо возразил краснокожий.

Ваш Карроль вспыхнул, глаза его метнули молнию, но он сдержал себя и, не сказав ни слова, ограничился тем, что сделал знак рукою стоявшему за его спиной гиганту-управляющему, который тотчас выступил вперед и глухим, могучим голосом, похожим на речь медведя, что, видимо, произвело сильное впечатление на индейца, сказал:

— Слушай, вождь! Ты пришел к нам в лагерь под видом друга, и мы тебя принимали как честного человека... Разве не правду я говорю?

Тигровый Хвост бросил на него презрительный взгляд.

— Нет, — отвечал он затем. — Я просил много виски и много табаку, а мне дали самое дешевое одеяло и немножко табаку!

— Мы дали тебе то, что могли дать, — возразил Стротер. — У нас нет виски, чтобы раздавать другим, и нет у нас пороха для чужих... А как отблагодарил ты нас за подарки?.. Ты похитил моего молодого господина, самого лучшего юношу во всем Техасе, и насмерть перепугал всех его родных, которые думают, что ты его убил... Ну, что же ты мне ответишь на это?

Вождь насмешливо улыбнулся.

— Где твой пленник? — резким тоном спросил Ваш Карроль.

Глаза семинола снова сверкнули гневом, но он не ответил ни слова. Он считал себя в полной безопасности у себя в палатке, среди своих воинов, и ему, конечно, и в голову не могло прийти, до чего может дойти дерзкая храбрость бледнолицых. На его лице снова появилась та же презрительно-насмешливая улыбка, и он, оборачиваясь к своим собеседникам спиной, проговорил:

— Я хочу много виски, много пороха, и тогда я вам отдам его.

Ваш Карроль бросил взгляд на своего спутника, и в то же мгновение великан протянул руку и схватил индейца за волосы. Краснокожий пошатнулся и упал на колени, даже не вскрикнув, и только лицо у него стало землистого цвета, а сам он задрожал от страха. Ваш Карроль, приложив дуло револьвера к голове индейца, твердым голосом сказал ему:

— Только крикни, краснокожая собака, и я прострелю тебе голову!.. А теперь говори скорее, где молодой вождь?

Глава XVI

РЕГУЛЯТОРЫ

В тот самый день, когда полковник вместе со своими друзьями так смело ехал в становище семинолов, в весьма значительном расстоянии к юго-востоку от Кросс-Тимберса снимался с лагеря отряд вооруженных людей, ночевавших среди прерии. Но если бы кто-нибудь проследил их маршрут за последние несколько дней, тот, наверное, сказал бы, что отряд направляется именно к той части обширной тexasской равнины, которая носит название Кросс-Тимберс.

В этом отряде как люди, так и лошади казались одинаково способными для той тяжелой и подвижной жизни, которую им приходилось вести в необъятных прериях. Все лошади в отряде были полукровные, и знаток в лошадях сказал бы, что они представляют собой помесь малорослого, поджарого и быстрого мустанга, или дикой тexasской лошади, с ширококостными, рослыми лошадьми северных штатов — помесь, которая не имеет ничего подобного себе во всем свете и дает чудную охотничью и кавалерийскую лошадь. Эти стройные и неутомимые лошади могут в течение целой недели делать по полтораста километров в день, не требуя за собой никакого ухода и вечно оставаясь на подножном корме.

Всадники на первый взгляд казались охотниками. У всех у них были длинные бороды, все были одеты в костюмы, сшитые из кож различных животных, причем преобладали буйволовы кожи, и все были вооружены с головы до ног. У всех было заткнуто за поясом по револьверу, а у некоторых даже и по два; затем почти у всех были в руках заряжающиеся с казенной части карбины Шарпа, потому что в это время заряжающиеся с дула ружья уже начали выходить из употребления.

Отряд состоял из восьмидесяти человек, и когда раздались звуки сигнального рожка (последнее обстоятельство служило доказательством правильной организации, а не случайно собравшегося общества охотников), все бросились седлать лошадей и готовиться к выступлению в поход.

Начальник этого кавалерийского отряда не обращал на себя внимания абсолютно ничем. Это был небольшого роста скромный пожилой человек с рыжеватыми, сильно поседевшими волосами, и только в его серых глазах, когда он устремлял их на кого-нибудь из подчиненных, сверкала непреклонная воля, заставлявшая повиноваться даже самых строптивых.

По одежде — хотя костюм его был самый скромный — он больше всех был похож на жителя цивилизованных стран. На нем была надета широкополая серая шляпа, серая охотничья куртка и высокие, из желтой кожи, сапоги с голенищами выше колен, какие носят фермеры и охотники южных штатов Северной Америки.

Единственным знаком его достоинства могло служить разве только его оружие: два чудных револьвера с серебряной насечкой, ручки которых выглядывали из кобур, и магазинная винтовка Кольта, висевшая на перевязи через плечо.

Все его приказания, которые он отдавал, не торопясь, спокойным голосом и таким тоном, точно беседовал с друзьями, беспрекословно исполнялись под-

чиненными, которые большею частью называли его полковником и только изредка заменяли этот титул словами «шериф» или «мистер Гейс».

Начальник отряда и в самом деле был не кто иной, как знаменитый Джек Гейс, неумолимый враг индейцев и мародеров всех видов и всех национальностей, которых еще так много бродит по необъятным прериям и лесам Техаса. Особенно боялись его конокрады. Их одно его имя приводило в ужас и заставляло обращаться в бегство. Он был основателем и главою общества регуляторов, которые вели неустанную борьбу с кровожадными индейцами и всякого вида преступниками, грабившими и убивавшими мирное население Техаса, куда стремились в надежде на легкую добычу воры и убийцы чуть не со всего света.

Итак, полковник Гейс был шерифом Техаса и, в силу занимаемого им служебного и общественного положения, имел право казнить всех попадавшихся ему в руки грабителей и убийц. При этом он всегда соблюдал требуемые законом формальности: злодей должен был сначала выслушать приговор присяжных, избравшихся из числа наиболее уважаемых регуляторов, а потом уже, если они признавали его виновным, шериф приводил приговор этот тут же на месте в исполнение.

Мрачная история, которую одинаково хорошо знали как регуляторы, так равно и его враги, то есть преследуемые им злодеи, немало способствовала увеличению того престижа, которым шериф пользовался и у тех и у других.

В этой истории, правдивой от начала до конца, повествовалось об ужасной кровавой драме, разыгравшейся в доме Гейса.

Двадцать лет назад — так начинается рассказ — ночью в столовой одного техасского ранчero сидела, занимаясь работой, женщина лет тридцати пяти. В этой же комнате, кроме нее, были еще девушка лет шестнадцати-семнадцати, которая тоже работала, и пожилая женщина, которая читала книгу.

Это были жена, дочь и мать Гейса. Шериф выехал из дому рано утром, и близких очень тревожило его долгое отсутствие.

— Меня это начинает сильно беспокоить, — сказала, поднимая голову, старушка, которая делала вид, что читает, а на самом деле только держала в руках книгу и давно уже не перевертывала страниц. — Вильям никогда не возвращался так поздно. Я боюсь, не случилось ли с ним чего.

В эту самую минуту звук ружейного выстрела нарушил тишину ночи. Затем сначала послышался крик, а за ним галоп лошади, скакавшей от берега реки к дому.

— Господи! Что значит этот выстрел и этот ужасный вопль? — вскричала миссис Гейс, бросаясь в наружной двери и распахивая ее настежь.

В эту самую минуту к крыльцу подскакала, тяжело дыша от усталости, лошадь. С нее спрыгнул всадник, взбежал на крыльцо, втолкнул бросившихся было к нему навстречу женщин обратно в комнату, а затем обернулся к лошади и что было силы ударил ее хлыстом; лошадь сделала скачок и в одно мгновение скрылась во мраке ночи.

В то время как Вильям Гейс (это был сам ранчero), стоя на крыльце, осматривал берег реки, в той стороне сверкнула молния, грянул выстрел и ружейная пуля впиалась в притолоку двери, которая оставалась открытой.

Ранчero прыгнул в комнату, захлопнул дверь и задвинул ее двумя железными засовами. Затем он бросился к жене, сжал ее в объятиях, поцеловал в

лоб дочь Мэри и обнял старуху мать, которая, точно окаменевшая, стояла среди комнаты.

— Не бойтесь, — сказал он им, стараясь улыбнуться, — не бойтесь ничего, повторяю вам! Помогите лучше мне отразить нападение. Мэри, неси сюда оружие и заряды и клади все это на стол. Тут дорога каждая минута. За мной по следам гонятся команчи. Они сожгли ранчо Коттуса и перебили всех живших в нем. Милочка Мэри, ты храбрая девочка, бери свой маленький карабин и следи сквозь бойницу за берегом реки. Помни, дитя мое, что теперь ты будешь защищать мать и бабушку!

— Хорошо, отец, я буду сражаться храбро, ты увидишь.

— Это я знаю, моя дорогая. Теперь как раз всходит луна, и это будет для нас хорошей помощью в борьбе с проклятыми краснокожими. Видите, как быстро светлеет. Потушите камин и лампу, нам ни то ни другое пока не нужно. Не бойтесь, матушка, они ничего не сделают вам, мы гораздо сильнее их.

— Дай Бог, чтобы это было так, — сказала мать глухим дрожащим голосом. — Я уже старуха, но и мне не хотелось бы умереть насильственной смертью.

В эту минуту грянул залп, и слышно было, как пули впивались в стены или, вернее, в толстые бревна, из которых было сооружено ранчо.

Жалобное хныканье собирающегося расплакаться ребенка раздалось в одном из углов темной комнаты и заставило Гейса покинуть свое место у бойницы и подойти поцеловать лежавшего в колыбели мальчика; затем он быстро возвратился на свое место.

Мэри, сжимая в руке заряженный карабин, бледная, стояла возле бойницы, проделанной в северной стороне дома, обращенной к реке. Вот она приложилась глазом к отверстию и точно застыла в этой позе. Она, казалось, не слышала ни выстрела, сделанного в это время ее отцом, ни предсмертного вопля сраженного краснокожего, ни полных ярости криков остальных индейцев. Что же так сильно заинтересовало ее? Шагах в двадцати от дома росло громадное дерево, нижние ветви которого доходили до самой крыши. Индейцы обратили внимание на это, и один из них стал медленно взбираться на дерево.

На этого-то индейца и смотрела Мэри, отлично понявшая его намерение. Девушка видела, как он скользит по ветке, чтобы потом спрыгнуть на крышу. Его примеру последуют, конечно, и те индейцы, которые стоят под деревом и с любопытством следят за гимнастическими упражнениями своего товарища. В это время часть шайки будет отвлекать внимание осажденных с другой стороны, они разберут крышу и в одно мгновение перестреляют всех находящихся в доме.

Индеец между тем, сидя верхом на ветке, медленно подвигался вперед. Мэри, бледная как смерть, смотрела на него, но не стреляла, хотя и сознавала прекрасно, что ей необходимо стрелять, если она хочет спасти своих близких от грозящей им мучительной смерти.

Индеец полз вперед медленно и осторожно, потому что тонкая ветка гнулась под тяжестью его тела, но тем не менее он подвигался все ближе и ближе к дому.

Мэри наконец решилась стрелять: просунула дуло карабина в бойницу, прицелилась дикарю в грудь и спустила курок. Татуированный индеец вскрикнул, схватился руками за ветку, стараясь удержаться, наклонился сна-

чала в одну сторону, потом в другую и с жалобным стоном свалился на одного из стоявших под деревом индейцев, который получил довольно сильные ушибы.

В это время Вильям сделал еще три выстрела в группу индейцев, обстреливающих дом с его стороны, и принудил их отступить.

После этого некоторое время царила полная тишина как внутри домика, так и снаружи; но эта тишина была гораздо ужаснее, чем гремевшая за минутой перед тем перестрелка. Вильям и Мэри стояли у своих бойниц, готовые стрелять при малейших признаках тревоги. Миссис Гейс взяла ребенка из колыбели и, прижимая его к груди, опустилась на колени возле старушки, все еще продолжавшей плакать.

Вильям и Мэри ранили и убили с полдюжины краснокожих чудовищ; остальные отхлынули в соседний лесок, и доносившиеся оттуда крики служили доказательством, что там шло совещание.

Дикари не могли, конечно, не заметить, что в них стреляли из бойниц, проделанных в двух стенах дома, и, удалившись в лес, вероятно, обсуждали план нападения на незащищенные его части. Вильям, когда ему пришла в голову эта мысль, бросился к бойницам, проделанным в других стенах, но было уже поздно...

Краснокожие отрядили двух воинов, и те, укрываясь в тени, незаметно проскользнули к дому со стороны корраля и с него взобрались на крышу.

В ту минуту, когда несчастный отец возвращался к своему наблюдательному посту, так как там снова слышались крики и началась стрельба, дюжина дикарей, подтащив к дому бревно и действуя им, как тараном, стала колотить в дверь, которая скоро поддалась ударам и упала внутрь комнаты.

Вильям выстрелил несколько раз в толпившихся перед дверью команчей. Трое из них упали убитыми, а остальные обратились в бегство и скрылись за деревьями.

Но осажденные, внимание которых всецело было поглощено грохотом тарана, разбивавшего дверь, и происшедшей затем кровавой сценой, не слышали, как взобравшиеся на крышу команчи разбирали кровлю и потолок. О появлении их Вильям узнал только в ту минуту, когда проникнувшие в дом краснокожие убивали его жену и мать, которые первыми бросались им в глаза... Их предсмертные крики заставили обернуться его и Мэри, и в то же мгновение оба дикаря, сраженные пулями, упали на трупы убитых. Но через минуту и Вильям, и его отважная дочь были тяжело ранены. Уцелел только ребенок, и то, по всей вероятности, потому, что его прикрыла своим телом убитая мать...

Когда Вильям через несколько дней пришел в себя, он с ужасом узнал, что у него остался только этот крошка-мальчик: его и ребенка спасли опоздавшие всего на несколько минут соседние плантаторы...

Вот причина, почему Вильям так безжалостно преследовал индейцев, а заодно с ними всегдашних союзников краснокожих — всякого рода преступников. Он знал, конечно, что далеко не все индейцы заслуживали ненависть, но, несмотря на это, один вид индейца приводил его в страшное бешенство. Все знали, что когда регуляторам приходилось судить краснокожего, шериф отказывался от принадлежавшей ему роли председателя и выступал в качестве обвинителя, и если суд признавал краснокожего виновным, он с какой-то свире-

пой радостью присутствовал при исполнении приговора, а потом, со слезами на глазах, уходил в свою палатку и проводил там иногда по нескольку дней, если только его не требовали дела.

Таков был человек, начальствовавший над регуляторами в Техасе...

Когда раздался второй сигнал, весь отряд сидел уже на конях и сейчас же выстроился; затем по команде шерифа всадники повернули коней направо и, перестроившись по четверо в ряд, тронулись с места рысью, точно эскадрон гусар.

Шериф Гейс ехал во главе отряда. Рядом с ним находился человек с лицом до такой степени побуревшим от загара, что его можно было принять за индейца; это был креол из Луизианы.

— Вы уверены, Батист, что мы идем по верному следу? — спросил Гейс своего спутника.

— Да, полковник.

— Имейте в виду, что я не люблю разъезжать наудачу. У нас так много дел, что мы не можем тратить время попусту и должны действовать всегда наверняка.

— Я уверен, что тут нет никакой ошибки, — сказал креол.

— А почему вы так уверены в этом?

— По описанию примет этого человека я уверен, что он не кто иной, как Антонио Микелец! Я готов даже поклясться в этом! А вы знаете, что я не люблю вводить других в заблуждение...

— Это правда.

— Убежден, мы его непременно захватим, уверен также, что он будет приговорен судом к смерти. Но и смерть не сможет искупить его вины... Если бы только вы знали, какого хорошего человека убил этот негодяй!.. Ах, как бы мне хотелось увидеть его перед судом присяжных в Новом Орлеане!

— Если только ваши сведения верны, ему не уйти от нас, и вам не придется долго ждать суда над ним, — сказал шериф. — Мы сами будем его судить и сейчас же после суда исполним свой приговор.

— Тем лучше, полковник. Я, по крайней мере, своими глазами увижу тогда, что ему не удастся уйти от веревки, а он, поверьте, давно ее заслужил.

— Очень возможно, — проговорил Гейс, — что нам удастся убить одним выстрелом двух зайцев. Я знаю, что в тех местах живет где-то шайка семинолов, покинувших свое племя и промышляющих теперь грабежами. К ним, говорят, пристало немало негодяев и из других племен краснокожих... Ах, если бы мне найти между ними того, кого я ищу столько лет! Если бы я мог отомстить теперь последнему из убийц и уйти на покой, который я давно заслужил, чтобы жить вместе с моим сыном.

Креол с удивлением смотрел на него... Начальник регуляторов не любил ни вспоминать о прошлом, ни говорить о будущем... Гейс поднял голову, провел рукой по глазам и, дав шпоры лошади, пустил ее в галоп... Креол решил, что разговор кончен и, придержав лошадь, присоединился к своим товарищам регуляторам, которые ехали весь день с такой быстротой, что к вечеру были уже не больше, как в пятнадцати километрах от корраля мустангеров. Шериф дал сигнал к остановке, и через несколько минут представители закона уже стояли лагерем на берегу того самого потока, возле которого строил свой блокгауз полковник Магоффин.

Глава XVII ЗАЛОЖНИК

Эдуард Торнлей и полковник Магоффин, по предварительному уговору с мустангером, продвинули своих лошадей на несколько шагов дальше и поставили их таким образом, чтобы происходящее в палатке Тигрового Хвоста не было видно ни бродившим по лагерю воинам, ни тем из них, на которых лежала обязанность охранять особу вождя, причем последние, не предполагая, чтобы бледнолицые рискнули употребить силу, даже отошли в сторону и уступили им свое место. К тому же как раз в это время из-за чего-то поспорили сидевшие на лужайке женщины и подняли такой адский крик, что никакое чуткое ухо не могло слышать ни одного слова из того, что говорилось внутри палатки.

Словом, все благоприятствовало исполнению намерения мустангера. Тигровый Хвост попался в подстроенную ему ловушку и дал схватить себя так, что его лишили возможности оказать хотя бы малейшее сопротивление. Неожиданное нападение, исполинская сила великана управляющего и дуло револьвера — все это вместе взятое сразу лишило индейца мужества, и двое смельчаков видели перед собою уже не кровожадного хищника, а робкого труса, каким Тигровый Хвост, впрочем, и становился всегда, когда видел, что сила не на его стороне.

Ваш Карроль с удовольствием смотрел, как лицо вождя постепенно бледнело, принимая землистый оттенок, что у краснокожих и негров особенно заметно проявляется в минуты сильного испуга. Ваш уже видел такое лицо у Тигрового Хвоста, когда внезапно появился в лагере полковника Магоффина. Для мустангера это послужило верным признаком того, что индеец беспрекословно исполнит все, чего бы от него ни потребовали.

— Вы, может быть, душите его уж слишком сильно, — сказал он шепотом управляющему. — Этот негодяй, пожалуй, не в состоянии будет и говорить... Дайте ему передохнуть немножко, но только не выпускайте совсем.

Великан, добродушно улыбаясь, немного разжал руку.

— А теперь слушай, ты, краснокожая собака! — сказал Ваш Карроль глухим, гневным голосом. — Говори скорее, где молодой бледнолицый вождь, и помни: если скажешь неправду, я прострелю тебе голову... Ну, говори, где он?

Индеец робким, дрожащим от страха голосом быстро отвечал:

— Там... там... за палаткой!..

Карроль обернулся, подошел к выходу из палатки и, убедившись, что им пока не грозит никакой опасности, снова вернулся к вождю и сказал:

— Я сам пойду узнать, правду ли ты сказал мне... Но если ты вздумаешь кричать или вырываться, ты будешь тотчас убит!.. Если сюда заглянет кто-нибудь из твоих воинов, вели им уйти... А вы, товарищ, — прибавил он, обращаясь к Стротеру, — следите внимательно за этим негодяем... Это такая хитрая bestия, что от него можно ожидать всего... Смотрите за ним!.. И если он хоть шевельнется, убейте его, как собаку!.. Без него нам уже не так трудно будет справиться с его воинами.

Стротер улыбнулся и, как бы желая показать, что он не выпустит пленника, сильно сдвинул ему плечо, что заставило краснокожего скорчить болезнен-

ную гримасу и пригнуться. Затем управляющий достал из-за пояса револьвер и направил дуло на дрожавшее от страха лицо краснокожего.

Ваш Карроль распахнул задние полотнища палатки и увидел Эжена Дюпрэ. Молодой человек со связанными руками и ногами лежал на боку, не имея возможности повернуться на спину, так как концы веревки, которой связаны его руки, были обмотаны вокруг врытого в землю столбика.

Охотник перерезал веревки и помог Эжену встать, но тот чувствовал себя до такой степени разбитым, что не мог идти, и мустангеру пришлось тащить его чуть не на руках. Когда они входили в палатку, полковник обернулся и, увидя племянника, хотел было броситься к нему, но Ваш Карроль жестом заставил его отказаться от этого намерения.

— Не надо, не надо, полковник!.. Теперь-то, собственно, нам и грозит настоящая опасность... Мы сделали большую глупость, что не захватили лошади для мистера Дюпрэ... Ну, да теперь поздно горевать об этом... Стойте здесь!

И бывший траппер, не спеша, вышел один из палатки и, точно не замечая краснокожих, которые смотрели на него широко открытыми от удивления глазами, направился к чудному мустангу, покрытому заменившей ему седло ягуаровой шкурой, что служило признаком, что мустанг этот принадлежит самому вождю племени. Конь был привязан к врытому в землю столбику в нескольких шагах от палатки. Карроль подошел к мустангу, погладил его, отвязал, вскочил на спину, подъехал к палатке и здесь, спрыгивая с лошади, сказал, улыбаясь, Эжену:

— Ну, молодой человек, пожалуйста, я помогу вам взобраться на лошадь... вождь дарит вам этого коня.

И, подхватив Эжена Дюпрэ под руку, помог ему сесть на лошадь, а затем вернулся в палатку и, снова грозя вождю револьвером, сказал ему:

— Слушай, Тигровый Хвост, ты пойдешь нас провожать пешком и скажешь воинам, что хочешь идти с нами один и чтобы никто из них не смел навязываться тебе в провожатые...

Мой друг Стротер тоже хочет пройти немного пешком и, кстати, приглядит за тобой... Если ты вздумаешь удрать или позвать на помощь своих разбойников-воинов, он в ту же минуту отправит тебя охотиться в прерии великого духа, а если он почему-либо промахнется, тогда сделаю это я и прострелю твою глупую башку... Ты меня понимаешь?

— Да — отвечал Тигровый Хвост голосом уже гораздо более твердым, так как видел, что жизни его пока не грозит никакой опасности.

Но прежде чем подать сигнал к отъезду, Ваш Карроль счел необходимым сказать еще несколько слов своему пленнику.

— Ты видишь теперь, — сказал он, — что мы не хотим делать тебе ничего дурного, и если тебе дорога жизнь, ты должен и сам ничего не предпринимать против нас... Скажи своим воинам, чтобы они дали нам дорогу и, главное, чтобы не преследовали нас.

Тигровый Хвост утвердительно кивнул головой, после чего старый мустангер попросил полковника Магоффина стать во главе отряда и ехать шагом. За ним следовал Стротер, который шел пешком рядом с пленником; с одной стороны пешеходов ехал верхом Ваш Карроль, ведя в поводу лошадь управляющего, а с другой — Эдуард Торнлей, готовый стрелять в краснокожего при первой же его попытке к бегству. Что же касается остальных всадников, то они

составляли общий арьергард.

Им пришлось идти между двумя рядами индейцев, бросавших на них свирепые взгляды и, видимо, готовых взяться за оружие. Ваш Карроль дал знак Тигровому Хвосту, и тот сказал своим воинам, чтобы они расходились по палаткам и не боялись за него, потому что он по доброй воле согласился служить заложником для бледнолицых.

К этому старый траппер прибавил еще от себя, что вождю не будет грозить ни малейшей опасности, если воины не вздумают напасть на маленький отряд, но если они обнаружат враждебные намерения, то вождь будет немедленно убит. Семинолы ответили на эту коротенькую речь криками гнева, но тем не менее исполнили приказание и один за другим разбрелись в разные стороны.

— Ну, пока все идет хорошо! Прибавьте шагу, полковник, и вы все смотрите хорошенько, чтобы пленник не убежал!.. Если краснокожие пустятся за нами в погоню, я убью пленника, а сами мы постараемся тогда ускакать от них.

Стротер левой рукой держал индейца, а в правой у него был заряженный револьвер. Индеец, впрочем, не обнаруживал ни малейших попыток к бегству и с опущенной головой шел быстрыми шагами, обдумывая, по всей вероятности, как отомстить так жестоко посмеявшимся над ним бледнолицым.

Ваш Карроль не спускал с него глаз ни на минуту и через известные промежутки отряжал кого-нибудь из ехавших в арьергарде всадников узнать, не следуют ли за ними индейцы; но краснокожих не было видно, они, по всей вероятности, не покидали лагерь.

Отойдя с километр от лагеря, Ваш Карроль приказал остановиться, найдя, что они настолько удалились от становища индейцев, что уже нечего бояться их, а странствование пешком слишком замедляло возвращение в блокауз, где их, наверное, ждут с нетерпением. Он объявил пленнику, что тот свободен, но Стротер посчитал необходимым, прежде чем выпустить индейца, сделать ему прощальное напутствие:

— Помни, на плантацию больше не смей являться, иначе тебе плохо придется, — сказал он грозным тоном.

Тигровый Хвост бросил на него взгляд, полный такой свирепой ненависти, что управляющему пришло в голову, что они, пожалуй, поступают не совсем благоразумно, отпуская пленника на свободу. Однако, вспомнив, что дали слово отпустить его здоровым и невредимым, он отвел его на несколько шагов от стоявших неподвижно всадников и, повернув лицом в ту сторону, где виднелось его становище, дал ему такого пинка, что краснокожий отлетел шагов на десять и растянулся. Затем он вскочил на ноги и, крикнув какую-то угрозу на гортанном языке семинолов, скрылся в кустах.

— Вы нажили себе смертельного врага, мистер Стротер, — сказал Карроль. — Тигровый Хвост никогда не простит вам этой обиды.

— Не беспокойтесь, я тоже никогда не забуду его.

В то время как маленький отряд, пустив лошадей в галоп, спешил как можно скорее добраться до блокауза, вождь во весь дух летел к становищу краснокожих, где у самого въезда в ущелье его ждали стоявшие группами воины. Вождь еще издали закричал им:

— На коней! На коней! Смерть бледнолицым! Смерть всем бледнолицым.

Через минуту воины были уже на конях и с громкими воинственными кри-

ками размахивали оружием, а наиболее пылкие из них, не имея терпения ждать, пока весь отряд выступит под предводительством вождя, который приказал привести ему другую лошадь взамен коня, взятого мустангером, сейчас же бросились вдогонку за эмигрантами. Они очень скоро их догнали, так как те впервые ехали по незнакомым лесным тропинкам. Индейцы, держась на довольно почтительном от них расстоянии, осыпали их выстрелами, хотя и не причинившими вреда, но тем не менее сильно их задержавшими. Ваш Карроль несколько раз останавливался и стрелял из своего дальнобойного карабина в индейцев. Почти каждый его выстрел попадал в цель. Затем догонял своих товарищей, которые все дальше уходили от преследующих их краснокожих.

Один из индейцев, бывший, может быть, похитрее, а может быть, и посмелее остальных, пробрался между деревьями и, подскакав к Карролю, прицелился и спустил курок, но мустангер успел отскочить в сторону, а затем, выхватив револьвер, метким выстрелом убил индейца, принадлежавшего к числу главарей в шайке семинолов.

Но оставим пока сражающихся с индейцами эмигрантов и вернемся снова в становище индейцев.

Мы уже говорили, что Луи Лебар, увидев въезжавшего в лагерь индейцев полковника Магоффина, с которым были также и мустангеры Торнлей и Карроль, должен был поневоле отказаться от своего намерения: Но так как ему пока нечего было бояться, что компаньоны заметят его отсутствие из корраля, где они оставили его стеречь мустангов, креол решил спрятаться в укромном местечке и дожидаться возвращения полковника Магоффина, чтобы узнать, какие результаты будет иметь его поездка в лагерь семинолов.

Он привязал лошадь к дереву, а сам взобрался на вершину, откуда была хорошо видна хижина вождя племени. Он видел, как выстроились эмигранты перед входом в палатку, как ненавистный ему Ваш Карроль прошел в сопровождении Стротера к Тигровому Хвосту, как наконец Карроль вышел из палатки и, отвязав лошадь вождя, посадил на нее юного Дюпрэ. Но его удивление сменилось бешенством, когда он увидел, как уезжавшие эмигранты уводили с собой и вождя семинолов, которому не только не удалось взять с них выкуп, но и самому пришлось стать заложником.

Лебар, проследив несколько минут за уезжавшими шагом эмигрантами, спустился с дерева, вскочил на лошадь и галопом поскакал в становище краснокожих, где его приветствовали громкими криками радости. Он направился в палатку вождя, куда вслед за ним собрались на совет все старейшины племени. В то время как они совещались, придумывая способ выручить пленника и отомстить за него бледнолицым, показался бежавший во весь дух Тигровый Хвост. Он буквально задыхался от бешенства и хотел без промедления лететь вдогонку за эмигрантами, но Лебару достаточно было сказать ему несколько слов, чтобы заставить его отказаться от этого намерения.

— Вождь, — сказал Лебар краснокожему, — я понимаю ваше желание отомстить, но вы сделаете большую ошибку, если броситесь догонять ваших врагов. Вы можете отомстить им гораздо лучше, не подвергая себя при этом никакому риску. Вы упускаете из виду, что в лагере у них теперь никого не осталось для охраны девушек, о которых я вам говорил. Вы можете проехать туда кратчайшим путем и попасть в лагерь полковника задолго до возвращения

эмигрантов. Послушайте моего совета, возьмите с собой пятьдесят воинов для нападения на лагерь бледнолицых и пошлите Вороное Крыло с остальными воинами вдогонку за эмигрантами, но прикажите ему не вступать с ними в настоящий бой, а стараться только задержать их. Тем временем сами мы поедем другой дорогой к лагерю эмигрантов и будем там по крайней мере на полчаса раньше, а этого времени вполне достаточно на то, чтобы разграбить лагерь и забрать из него все самое ценное. Затем мы заглянем в корраль и выпустим из него мустангов, чем накажем за непрошеное вмешательство моих компаньонов, а потом со всей добычей скроемся в лесу.

При первых же словах мустангера лицо Тигрового Хвоста просияло, а через минуту он уже сидел верхом на приведенной для него лошади и осматривал выстраивавшийся по его приказанию отряд в пятьдесят отборных воинов.

— Благодарю моего брата за совет, — сказал он, обращаясь к Черному Мустангеру, — я слушал его слова с таким же удовольствием, с каким ухо изнемогающего от жажды охотника слышит журчание ручейка... Едем! — крикнул он в заключение, размахивая томагавком.

Затем вождь подозвал женщин и приказал им сниматься с лагеря и перебираться в другое, более надежное убежище в глубине леса.

Через пять минут после того отряд Тигрового Хвоста, углубившись в лес, уже выезжал на тропинку, которая вела к броду через реку, а оттуда мимо корраля, где помещались пойманные мустанги, к лагерю эмигрантов.

Перебравшись на другой берег реки, где дорога была гораздо шире, индейцы пустили лошадей во весь опор. Вскоре перед ними открылся лагерь, и они с радостью убедились, что отряд полковника еще не возвратился.

Эмигранты были милях в четырех от лагеря, когда солнце почти скрылось за горизонтом. Отправленных в погоню индейцев было довольно много и при этом они строго следовали совету Лебара только задерживать эмигрантов. Краснокожие, рассеявшись по всему лесу, незаметно подкрадывались и, разрядив ружья, исчезали. Такие нападения заставляли эмигрантов часто останавливаться и в свою очередь открывать огонь по нападающим, которые хотя и терпели каждый раз урон, но не прекращали враждебных действий. Все это, конечно же, задерживало эмигрантов, и полковник с ужасом думал, как долго останется еще им ехать до блокгауза. Вдруг со стороны лагеря до них донесся залп ружейных выстрелов. Полковник побледнел и, обращаясь к Карролю, сказал:

— Слышите эти выстрелы?.. Они напали на наш лагерь!.. Моя дочь и племянница погибли!.. А между тем мы не можем ехать скорее, потому что тогда преследующие нас краснокожие перестреляют нас поодиночке.

Ваш Карроль на минуту задумался, а потом, подняв голову, сказал полковнику Магоффину:

— Полковник, вы сейчас только убедились, что вам нет основания жалеть о том, что мы последовали моему совету...

— Да.

— Ну, так вот, предоставьте мне еще раз полную свободу действий. У меня и у Торнлея лошади гораздо лучше, чем у ваших людей, поэтому позвольте нам ехать вперед, а вы постарайтесь, насколько возможно, задержать этих негодяев.

— Поезжайте, мой друг, и спасите их... Помогите вам Бог!

Мустангеры, пришпорив лошадей, во весь опор поскакали в ту сторону, откуда слышались выстрелы врагов, осаждавших блокгауз.

Глава XVIII ЛУИЗИАНА И ТЕННЕССИ

Полковник Магоффин, отправляясь разыскивать похищенного краснокожими племянника, приказал всем оставшимся в лагере перебраться в блокгауз и при этом слушаться его дочери, как его самого.

Теннесси Магоффин, несмотря на горе, вызванное исчезновением Эжена, показала себя достойной доверия, оказанного ей отцом. Она по-хозяйски проследила за тем, как перенесли в блокгауз все более или менее ценное из имущества. Затем велела подтащить фургоны и загородить ими вход в блокгауз, куда заставила перейти всех женщин и детей. Что же касается рогатого скота и упряжных лошадей, то их загнали в оставленное между фургонами небольшое пространство, которое затянули снаружи веревками и загородили ветвями колючих кустарников.

Для защиты блокгауза, на случай нападения краснокожих, полковник оставил всего четверых слуг, но толстые стены вновь сооруженного блокгауза представляли сами по себе такой надежный оплот, что четверо вооруженных людей могли за ними сопротивляться значительно большему числу врагов. Это именно и имел в виду полковник Магоффин. Оставленные им слуги были вооружены ружьями, из которых они, как и все взятые полковником с собой в дорогу, стреляли довольно порядочно.

Впрочем, ни полковнику, ни мустангерам при отъезде и в голову не приходило, что индейцы могут во время их отсутствия напасть на лагерь эмигрантов. Зато Теннесси оказалась предусмотрительнее всех и, как только полковник уехал разыскивать похищенного Эжена, она взялась приводить блокгауз в оборонительное положение, словно ей удалось какими-то судьбами подслушать разговор Лебара с индейским вождем.

По мере того как работа по укреплению блокгауза подвигалась вперед, она становилась все более и более спокойной, и тревога за участь двоюродного брата постепенно сменилась в ней надеждой скоро увидеть его возвращающимся вместе со всеми эмигрантами. По временам она отрывалась от дела и подходила к Луизиане, чтобы ее утешить и поддержать в ней надежду на скорое свидание с братом. В одну из таких минут, когда она особенно горячо уговаривала кузину не терять мужества, Луизиана вдруг вскочила и встревоженно проговорила:

— Тенни, слышишь?.. Там стреляют...

Обе девушки взбежали на парапет и, чутко прислушиваясь, устремили глаза в ту сторону, куда еще днем уехал маленький отряд полковника. Через минуту порывом ветра до них донесло звуки ружейных выстрелов, раздававшихся в лесу на другом берегу потока.

— Слышишь? — проговорила Луизиана. — Там идет битва!

— Да, но кто знает, может быть, это, наоборот, хороший знак?

— Господи! Спаси моего брата!.. Что будет со мной, если его убьют!..

— Милочка, послушай меня и не приходи в отчаяние раньше времени.

— Я так измучилась, так исстрадалась!.. Я с ума схожу от отчаяния!..

— Перестань! Отчаяние — большой грех. Будем лучше слушать.

И кухни прекратили разговор. Выстрелы слышались все чаще и с каждой минутой становились громче. Это служило доказательством того, что сражающиеся быстро приближаются к блокгаузу.

— Они едут сюда!.. Они скоро будут здесь! — вскричала Луизиана.

— Да, и я уверена, что твой брат с ними, — сказала Теннесси, — я даже и мысли не допускаю, чтобы они могли вернуться одни, без него.

— Спасибо тебе, дорогая, за твое старанье утешить меня, но я не смею даже надеяться на такое счастье.

— А я в этом уверена, повторяю тебе еще раз. Отец мой дал слово не возвращаться без него, и, поверь мне, он сдержит свое слово.

— Все это так, но ты забываешь, что враги преследуют их, — продолжала Луизиана, — они могут убить кого-нибудь из них. Хоть бы они поскорей приезжали сюда, здесь все-таки не так опасно.

Теннесси не отвечала ни словом. Она прислушивалась к выстрелам, которые раздавались уже реже, а затем и совсем затихли. Вдруг она почувствовала, что кухня схватила ее за руку. Теннесси обернулась к ней и увидела, что Луизиана широко раскрытыми от ужаса глазами смотрит в развертывавшуюся перед ними безграничную прерию. Километрах в двух от блокгауза скакал отряд краснокожих. Он быстро приближался к лагерю бледнолицых. Когда индейцы подъехали совсем близко, девушки узнали в одном из всадников вождя семинолов Тигрового Хвоста. У него за плечами развевался украшенный хвостами плащ из шкуры ягуара. Впереди индейцев на чудном вороном мустанге скакал европеец, подгонявший коня ударами хлыста и шпор.

— Смотри! Это он! — воскликнула Луизиана.

— Кто он?

— Микелец... Убийца моего жениха!

— Этого не может быть!

— Он, он... Уверяю тебя... Мой брат убит!.. Теперь настала моя очередь умереть... Мы погибли!..

Луизиана пошатнулась и, наверное, свалилась бы с парапета, если бы кухня не успела вовремя подхватить ее под руки и удержать. Теннесси в эту минуту опасности проявила необыкновенное мужество и энергию. Она держала себя точно старый воин, для которого все происходящее не составляет ничего необыкновенного.

— Послушай, Луизиана, — сказала она кухне, — теперь не время предаваться отчаянию. Мы должны защищаться сами, потому что помощь к нам если и явится, то, во всяком случае, не скоро. Берите ружья, заряды и становитесь все по местам! Но только не стрелять до тех пор, пока я не подам сигнала. Дайте индейцам подъехать.

В это время индейцы были всего в сотне шагов и, не видя никого из эмигрантов, решили, что оставшиеся в лагере женщины и дети, испуганные появлением краснокожих, попрятались в фургоны, и нападающим остается только перебить их и разграбить имущество бледнолицых. Шагах в шестидесяти от блокгауза индейцы осадил лошадей, издавая грозные воинственные крики. В эту минуту Теннесси твердым голосом скомандовала стрелять. С бастиона загремело четыре выстрела, за которыми последовал и пятый — это стреляла из охотничьего карабина сама Теннесси. Пятеро всадников свалились с ло-

шадей убитыми или смертельно ранеными, а остальные с громкими криками разбежались. Теннесси показала себя образцовым комендантом. Не переставая ни на минуту стрелять из своего магазинного ружья, она приказала четверым своим помощникам переменить места, чтобы заставить индейцев думать, что число защитников блокгауза гораздо больше, чем оно есть в действительности, но не велела им стрелять, пока она не скомандует снова открыть огонь.

Тигровый Хвост тоже изменил тактику и перестроил своих воинов в одну растянутую линию, которая широким полукругом охватила блокгауз со стороны прерии, причем воинам был отдан приказ поддерживать сильный огонь по осажденным, стараясь, однако ж, не ранить ни одну из девушек... С этой минуты пули, точно шмели, жужжали по всем направлениям, заставляя защитников блокгауза искать спасение за стенами и почти лишив их возможности отвечать выстрелами на выстрелы. Теннесси с отчаянием видела, что тактика краснокожих лишила их возможности защищаться. Каждый раз, когда она осмеливалась поднять голову, девушка видела постепенно приближавшуюся линию краснокожих и с ужасом убеждалась, что они каждую минуту могут проникнуть в блокгауз или со стороны реки, или в отгороженное только веревками и ветками колючих кустарников пространство между стоящими у входа фургонами... Тигровый Хвост, очевидно, имел намерение, окружив осажденных и осыпая их дождем пуль, дать части своих воинов незаметно прокрасться к повозкам с тем, чтобы оттуда уже проникнуть в блокгауз и перестрелять эмигрантов. Теннесси Магоффин подошла к кухне и встревоженным голосом спросила ее:

— Можешь ты стрелять?.. Милочка, нам грозит большая опасность, и я прошу тебя помочь нам.

— Хорошо. Я буду стрелять и сделаю все, что ты прикажешь, моя дорогая...

— Ты и сама должна понимать, что не будь нас так мало, мы могли бы отбить нападение краснокожих... Помогите нам, и мы, может быть, продержимся до возвращения наших, они должны быть уже недалеко... Эй, вы, слушайте! — крикнула она, обращаясь к негритянкам, которые сидели на корточках, прижавшись к стене. — Если вам дорога жизнь, вы тоже должны сражаться, пока к нам не явится помощь!.. Берите ружья и стреляйте в краснокожих... Если вы даже и не убьете никого, это не беда... Мне нужно только, чтобы вы стреляли!

— О, мисс, — взмолились негритянки, — мы и ружья-то никогда не держали в руках!..

— Это ничего не значит, — отвечала девушка, — вы должны стрелять!.. Я научу вас... Это необходимо, потому что иначе через несколько минут мы все будем убиты и оскальпированы!

Ее энергия победила в негритянках инстинктивный страх к огнестрельному оружию, и они одна за другой становились на места, которые им указывала Теннесси, объяснявшая им в то же время, как нужно заряжать ружье и стрелять из него.

Девушка расставила их позади фургонов, которые загоразживали единственный вход в блокгауз и под защитой которых, как она думала, краснокожие будут, наверное, пытаться проникнуть к осажденным. Ее предположение подтвердилось скорее, чем она ожидала. В ту минуту, когда она собиралась уже уходить, оставив негритянок охранять опасный пост, под одним из фурго-

нов показался медленно пробирающийся ползком краснокожий, за которым в нескольких шагах виднелось еще двое индейцев... Теннесси, скомандовав негритянкам стрелять, прицелилась сама в ближайшего индейца и спустила курок... Сраженный ею краснокожий подпрыгнул и растянулся мертвый, а следовавшие за ним обратились в бегство.

Теннесси приказала негритянкам дать еще один залп и затем поспешила к своему месту на парапете и тотчас с ужасом убедилась, что индейцы за время ее отсутствия еще более приблизились к блокгаузу... Она выстрелила в ближайшего к ней краснокожего, что заставило индейцев снова отступить, потеряв при этом еще одного раненым.

Теннесси была не только комендантом, но почти что и единственным защитником этой недостроенной крепости и появлялась со своим карабином всюду и везде, где только, по ее мнению, грозила наибольшая опасность. При этом она сделала удивившее ее открытие, что каждый раз, когда она во весь рост выпрямлялась над бруствером, индейцы прекращали стрельбу. Но удивилась бы еще больше, если бы слышала, как Тигровый Хвост отдавал своим воинам приказание не стрелять ни в нее, ни в ее кухню и во что бы то ни стало захватить их живыми, чтобы взять за них потом громадный выкуп с бледнолицых...

Один из негров, поощряемый примером мужественной девушки, вознамерился подражать ей и, выпрямившись во весь рост, выстрелил в толпу индейцев... Но в тот же миг, в ответ грянул залп, и храбрый защитник блокгауза, взмахнув руками, с громким криком откинулся назад, пронзенный несколькими пулями. К несчастью, предсмертный крик его слышали не одни только защитники блокгауза, которых этот крик умирающего привел в ужас, но и краснокожие, приветствовавшие гибель врага громкими радостными криками и еще смелее начавшие после этого приближаться к блокгаузу. Теннесси снова выпрямилась во весь рост и выстрелила в ближайшего к ней индейца, и это снова заставило врагов отступить.

Между тем солнце опускалось все ниже и в самом непродолжительном времени должна была наступить ночь. В лесу не умолкая гремели выстрелы и слышались крики индейцев. Вдруг Теннесси, которая все свое внимание сосредоточила в эту минуту на том, что происходило в лесу, почувствовала, что кто-то потянул ее за платье. Теннесси вздрогнула и, обернувшись, увидела Луизиану, которая подошла к ней так тихо, что она этого не заметила. Луизиана в левой руке держала хлыст, а в правой — заряженный револьвер, ручка которого была богато украшена серебряной насечкой; ручка другого такого же револьвера выглядывала из кобуры, пристегнутой к поясу.

— Теннесси, — сказала она, понижая голос до шепота, — я не могу вам здесь принести никакой пользы, поэтому хочу пробраться за реку и поискать там помощи...

— Помощи? — повторила с удивлением Теннесси.

— Да, милочка, — отвечала Луизиана.

— Но ты забываешь, Луизиана, что они убьют тебя раньше, чем ты успеешь достигнуть противоположного берега реки.

— Нет, — возразила Луизиана, — они не убьют меня... Разве ты сама не видишь, что они умышленно не хотят стрелять ни в меня, ни в тебя?

— Да, это правда, они, вероятно, хотят захватить нас живыми.

— Потому слушай. Я знаю презренного негодяя, который командует этой шайкой краснокожих. Это убийца Антонио Микелец. Я уверена, что это он заставил индейцев щадить нас, потому что хочет захватить меня в плен и заставить быть его женой. Я уверена, что в меня не будут стрелять ни в коем случае. Я ничем не рискую.

— Но они бросятся за тобой в погоню... Подумай только, что ждет тебя, если ты попадешь к ним в плен. Ты погибнешь!

— Нет, и прежде всего потому, что они не догонят меня, — спокойно отвечала Луизиана. — Моя лошадь скачет удивительно быстро... А потом, если бы они даже и догнали меня, у меня есть два револьвера, и последний выстрел я приберегу для самой себя!..

— Милочка Луизиана, помочь нам может только мой отец, но тебе не удастся пробраться к нему... Слышишь выстрелы?.. Это отец пробивается к нам на выручку. Скоро он будет здесь... Послушайся моего совета, откажись от своего намерения!..

— Нет, я поеду... Кроме того, это отвлечет индейцев, потому что многие из них бросятся за мной в погоню, — возразила Луизиана, — и тогда тебе хоть немного легче будет защищать блокауз. И потом, — сказала она в заключение, — я, наверное, приведу вам помощь... Я в этом уверена!

И она, не слушая никаких возражений, бросилась к своей лошади, быстро оседлала ее и через минуту уже скакала к реке.

Глава XIX СЛИШКОМ ПОЗДНО

Странствующий по прериям путешественник обязательно каждую ночь слышит далеко не гармоничный лай и завывание койотов, которые как бы ставят себе в обязанность сопровождать его во все время пути и задавать ему по ночам концерты, прекращающиеся только в том случае, когда приближение врага заставляет обратиться в бегство неутомимых артистов. Бодрствующие и завывающие по ночам койоты, хоть и надоедливы их концерты, являются самыми лучшими и бдительными часовыми как для одинокого траппера, заночевавшего в прерии, так равно и для стоящих лагерем индейцев или охотников, которые часто вынуждены тушить на ночь костры, опасаясь внезапного нападения себе подобных бледнолицых или краснокожих разбойников, которых они боятся больше, чем диких зверей. Прекращение серенады койотов служит знаком, что к бивуаку приближаются люди или крупные хищники, которых трусливые койоты боятся не меньше, чем охотника.

Регуляторы, располагаясь бивуаком на ночь, ограничились устройством временного загона для лошадей, охраняемого часовыми, а затем, не разбивая палаток, зажгли большой костер и, ведя оживленную беседу, принялись готовить ужин. Это, впрочем, отнимало у них мало времени: каждый, кому хотелось есть, подходил к лежавшим вблизи костра двум ланям, подстреленным перед вечером, и большим охотничьим ножом вырезал себе по своему вкусу кусок и жарил его на вертеле, пек на угольях или на раскаленных добела камнях. Скромная трапеза запивалась водой из ручья, на берегу которого расположились регуляторы и который впадал в речку, орошавшую долину, где полковник Магоффин выстроил свой блокауз. Одну из групп ужинавших регуля-

торов составляли всего двое: полковник-шериф и знакомый уже нам Батист, служивший проводником.

— Мы теперь совсем близко от Кросс-Тимберса, полковник, сказал проводник, — отрезая кусок жареной говядины.

— Да, всего в нескольких милях, — отвечал полковник, — указывая рукой в ту сторону, где виднелась река.

— Я сгораю от нетерпения...

— Я не меньше вас желаю как можно скорее увидеть вашего друга Микелеца и с ним, может быть, и того, кого ищу я уже давно и с кем мне нужно свести свои личные счета... Я надеюсь, что завтра, если только полученные вами сведения подтвердятся, мы непременно покончим, по крайней мере, с одним из них...

Полковник умолк и, подняв голову, стал прислушиваться. Затем встал и, подняв кверху руку в знак молчания, вышел за черту лагеря... Койоты вдруг прекратили свой концерт... Полковник сделал еще несколько шагов вперед, опустился на колени, припал ухом к земле и стал слушать... Неопределенный, вначале совсем слабый шум с каждой минутой становился все слышнее, и вскоре полковник совершенно ясно различил топот конских копыт... Гейс вернулся в лагерь, велел потушить костер и привести лошадь, а затем, обращаясь к регуляторам, скомандовал:

— На коней, друзья! Кто-то скачет к нам, спасаясь от погони... Скорей! Через несколько минут и беглецы и преследователи будут здесь!

Регуляторы тотчас бросились за лошадьми. Через минуту весь отряд был уже на конях и в боевом порядке готов был следовать за своим начальником... Шериф, как и подобало ему, ехал впереди. Не успел отряд проехать и четверти мили, как впереди вырисовался темный силуэт всадника, скакавшего во весь опор на белом мустанге.

— Стой! С коня долой! — скомандовал шериф. — Стоять смирно и не трогаться с места, пока я не подам сигнал!

Он один поехал навстречу неизвестному всаднику и через несколько минут с удивлением увидел подъехавшую к нему девушку, сидевшую верхом на белом крапчатом мустанге... Вдруг девушка осадилась лошадь и, подъезжая шагом к стоявшему от нее всего в нескольких шагах шерифу, сказала:

— Кто бы вы ни были, умоляю вас спасти меня от преследующих врагов!

— Это само собой разумеется.

— С кем имею удовольствие говорить?

— Я полковник Гейс, техасский шериф, а эти люди регуляторы... Теперь скажите, какие враги преследуют вас?

— Индейцы, — отвечала девушка.

— Хорошо.

— Но ими командует человек, который хуже самого презренного из всех индейцев... Это преступник... Убийца!.. Его зовут Микелец!

— Микелец! Неужели?

— Вы его знаете?

— Я именно его и разыскиваю, и вы сообщили мне самую приятную новость... А вы уверены, что он преследует вас вместе с индейцами?

— Да, он скоро будет здесь... Мне удалось уйти от них только потому, что у меня очень быстрая лошадь... Я увидела огонь у вас в лагере и спешила к вам,

НО...

— Тише, мисс. Слушайте!

Девушка умолкла и стала слушать. В ночной тишине ясно слышался топот летевших во весь опор лошадей. Затем всадники, очевидно, остановились... И наступила полная тишина.

— Какое несчастье! — сказал полковник. — Они остановились!.. Они, по всей вероятности, увидели дым нашего костра, а может быть, рассмотрели даже и не успевшие еще погаснуть искры... Теперь нам придется самим догонять их... А это очень жаль, потому что Микелец за ночь может скрыться от нас, и нам, может быть, долго еще придется искать его потом.

— Если только узнает, что его разыскивают, то непременно скроется, потому что он очень осторожен и ловок.

— А теперь скажите мне, мисс, каким образом вы попали сюда одна, спасаясь от преследующих вас индейцев и разбойников Микелеца?

— Перед заходом солнца мне послышался звук сигнального рожка, — отвечала девушка, которая была не кто иная, как Луизиана Дюпрэ. — Ветер в то время дул с этой стороны, и я два раза слышала звуки сигнала, но не думала, что вы стоите лагерем так далеко от нас, потому что мне пришлось проехать не меньше десяти миль.

— Порывы ветра, должно быть, были очень сильны, раз вы слышали звуки рожка на таком далеком расстоянии, — сказал шериф.

— Но я до такой степени не была уверена в этом и так боялась, что, может быть, ошибаюсь, что никому даже не рискнула сказать об этом... А вы, мистер, разве не слышали выстрелов в той стороне?

— Нет, мисс. Значит, там идет битва?

— Да, мистер, и я вас умоляю помочь им!.. На моего дядю, полковника Магоффина, напали в лесу индейцы...

— А вы не знаете, к какому племени принадлежат эти индейцы?

— Они сами называют себя семинолами, а их вождь носит прозвище Тигровый Хвост...

— Тем лучше, у меня и к нему есть дело... Но вы, мисс, если не ошибаюсь, приехали не с той стороны, где идет битва? — сказал полковник, указывая рукой туда, где, по словам девушки, должен был находиться полковник Магоффин.

— Нет, полковник, — отвечала Луизиана, — я оставалась в лагере вместе с кузиной и неграми... Индейцы, узнав, что лагерь остался почти без всякой защиты, напали и на нас... Мы защищались храбро, впрочем, мне следовало бы сказать, что лагерь защищала, собственно, одна моя кузина, потому что у меня не хватило на это мужества... Поэтому я решила отправиться искать помощи и при этом рассчитывала, что этим мне удастся уменьшить число нападающих, так как они отрядят за мной погоню... Я не знаю, сколько именно там осталось индейцев, и даже представить себе не могу, как будет дальше защищаться от них моя кузина... Поэтому умоляю вас, поезжайте к ним как можно скорее на помощь!

— К несчастью, этого нельзя сделать сейчас, мисс, потому что нам преграждают путь преследовавшие вас индейцы. Для того чтобы захватить их вождя и уничтожить с ним вместе и всю шайку, мы должны выждать еще некоторое время... Они прекратили преследование, вероятно, потому, что увидели дым

костра, который я приказал притушить. Но убедившись, что здесь все тихо, они снова бросятся в погоню за вами, и тогда они погибнут... А если мы сами теперь же нападём на них, то попадём в засаду... Поэтому нам следует непременно выждать немного... Они не знают ни кто мы такие, ни сколько нас, и если здесь все будет тихо, то решат, что мы испугались их и бежали... Но если они раздумают ехать дальше, тогда мы, нечего делать, сами нападём на них, хотя это и гораздо рискованнее... Вы со мной согласны, мисс?

— Все это правда, полковник, но каждая минута промедления приводит меня в отчаяние!..

— Я это понимаю отлично, но иначе, право, нельзя. А теперь послушаем, что делают наши враги...

Кругом на всем необъятном пространстве прерии царствовала глубокая тишина. Койоты молчали, видимо не смея снова начать свой ужасный концерт; что же касается индейцев, то они исчезли, точно призраки, во мраке ночи.

Полковник, которому эта могильная тишина казалась подозрительной и которого отчаяние девушки заставляло решиться возможно скорее исполнить ее просьбу, передал поводья своей лошади одному из регуляторов и пешком отправился на разведку.

Луизиана, которая тоже спешила по примеру регуляторов, видела, как шериф, пройдя несколько шагов по высокой траве, опустился на колени и ползком стал пробираться в ту сторону, где должны были скрываться индейцы, и скоро темный силуэт отважного предводителя регуляторов скрылся из виду... Через несколько минут томительного ожидания девушка услышала будто оклик часового... В то же мгновение сверкнула молния, а затем грянул выстрел... Регуляторы вскочили на лошадей... В эту минуту в ответ на одиночный выстрел грянул залп по крайней мере из сорока или пятидесяти ружей... Затем опять послышалось пять одиночных выстрелов, сопровождаемых громкими криками боли и гнева. Это было доказательством того, что шериф, разряжая свой магазинный карабин, каждый раз ранил или убивал индейца... Вслед за тем появился и сам шериф, виновник поднятой тревоги, крича на ходу:

— Вперед, друзья!

Регулятор, которому полковник Гейс поручил свою лошадь, поспешил к нему навстречу. Шериф одним прыжком вскочил в седло...

— Вперед, друзья! — повторил полковник отданное им приказание. — Но только помните: стрелять без промаха!

Луизиана присоединилась к начальнику регуляторов, который, припав к шее своего коня, скакал впереди отряда... Но индейцы предпочли не вступать с ними в битву и, слышав боевой клич регуляторов, моментально рассеялись в разные стороны...

Шериф осадил лошадь и, боясь попасть в засаду, свистком собрал рассеявшихся по прерии регуляторов и стал советоваться с ними, а затем, обращаясь к Луизиане, спросил:

— Где ваши друзья? Где лагерь, в котором ваш дядя оставил вас только с неграми?

— Лагерь там, на берегу реки, и мы его увидим, несмотря на темноту... если только блокгауз еще существует...

— Надеюсь на Бога, мисс, — сказал шериф твердым голосом, а затем, обра-

щаясь к регуляторам, скомандовал: — За мной!.. В карьер!

Отряд ехал вдоль течения реки. Через полчаса бешеной скачки он был уже на вершине. Отсюда не только ясно слышалась перестрелка защитников блокгауза с краснокожими, но даже видны были вспышки каждого выстрела. Луизиана, заметив, как часто сверкали выстрелы в самом блокгаузе, почувствовала себя несколько спокойнее и решила, что это происходит, по всей вероятности, потому, что ее дяде удалось благополучно туда пробраться со своими людьми. Однако, когда она высказала это шерифу, тот, видимо не разделяя ее мнения, спросил:

— Сколько людей у вашего дяди?

— Человек двенадцать или четырнадцать, — ответила девушка, — кроме того, там должен быть еще и Карроль со своим другом Торнлеем...

— Карроль? Какой Карроль?

— Вашингтон Карроль.

— Вашингтон Карроль? Вы в этом уверены?

— Да, — ответила девушка.

— Вы подвезли ваши фургоны к самому блокгаузу? — спросил затем шериф.

— Да, два фургона и карета... Когда начали строить блокгауз...

Но она не закончила начатую фразу, потому что как раз в эту минуту поднялся огонь пламени над двумя фургонами, загоравшимися вход в блокгауз, и осветил защитников укрепления, из которых двое как раз в этот момент, взмахнув руками, упали сраженными внутрь здания.

— Скорей!.. Помогите им! — умоляла Луизиана, которую эта кровавая картина приводила в ужас. — Скорей, иначе будет слишком поздно!

— Вперед, друзья, вперед! — крикнул Гейс, прищпоривая лошадь и бросаюсь с места в карьер.

Но как ни спешили регуляторы, индейцы упредили их и как демоны устремились на приступ блокгауза, откуда уже не слышно было выстрелов и неслись только отчаянные вопли избиваемых женщин и детей.

— Кричите, друзья мои, кричите громче! — говорил полковник Гейс регуляторам. — Наши крики, может быть, испугают краснокожих и заставят их обратиться в бегство!..

И, подавая пример, принялся кричать во всю силу своих легких, затем разрядил в воздух револьвер, как бы давая этим сигнал начать стрельбу, и регуляторы открыли огонь на скаку в надежде, если не ранить индейцев, то, может быть, вызвать этим смятение среди них... Когда через несколько минут они подъезжали к реке, пожар уже догорал и громкие до того крики слышались теперь слабыми восклицаниями и стонами умирающих. В момент переправы через реку индейцы сделали несколько выстрелов по регуляторам, но одного залпа оказалось достаточно, чтобы обратить краснокожих в бегство, которых не могло, кроме того, не испугать и весьма значительное число бледнолицых.

Полковник первым переплыл через реку, которая в этом месте была довольно глубока, и бросился к блокгаузу. В ту минуту, когда он вбежал в эти обгорелые развалины и спрашивал, не осталось ли кого-нибудь в живых, ему ответил слабый голос:

— Почти никого, почти никого!

Глава XX БЛОКГАУЗ

Луизиана вбежала в блокгауз одновременно с шерифом, и они первые увидели ужасную картину разыгравшейся здесь кровавой драмы. Сквозь багрово-красные клубы дыма видны были лежавшие вповалку по всему пространству блокгауза тела мужчин, женщин и детей, бледнолицых, краснокожих и негров. Одни из них были уже мертвы, а другие еще мучились в предсмертной агонии. Все они, за исключением индейцев, были оскальпированы; но индейцев, надо заметить, было здесь гораздо меньше, чем представителей других рас, и жертвами кровавой бойни стали, главным образом, негры, негритянки и их дети. Из бледнолицых прежде всего бросался в глаза великан в охотничьей блузе; он, по всей вероятности, свалился последним, потому что это громадное тело лежало сверху. Он был уже мертв и все еще сжимал своими могучими руками задушенных им перед смертью врагов, из которых один лежал ничком, а другой на спине. Великан тоже был оскальпирован, как и все убитые...

— Кто это говорил только что? — спросил шериф.

— Я, — ответил тот же голос из противоположного угла блокгауза.

— А где остальные? — спросил шериф, делая несколько шагов в ту сторону, откуда слышался голос разговаривавшего с ним человека.

— Они ушли... уехали...

— Все?

— О нет!

— Да где же вы?

— Здесь, под этой грудой проклятых краснокожих, — отвечал неизвестный. — Я не могу сам выбраться, помогите мне, пожалуйста. Кроме меня, я думаю, в живых остался только один бедный малютка... Он тут, возле меня...

— А как вы себя чувствуете?

— Очень плохо... Мне, должно быть, осталось недолго жить... Помогите же мне выбраться поскорей... Я задыхаюсь...

Гейс вместе с Луизианой, у которой из глаз струились слезы, поспешили на помощь к умирающему, который лежал в углу под кучей навалившихся на него мертвых тел. Полковник оттащил в сторону трупы убитых индейцев и тогда при свете догоравшего пожара увидел взывавшего о помощи белого, в котором, к удивлению своему, узнал своего старого приятеля Карроля.

— Карроль, неужели это ты, дружище? — спросил шериф.

— Я или, вернее, то, что от меня осталось, — отвечал бывший траппер, голос которого звучал теперь громче.

Затем он вскочил на ноги и, протягивая Гейсу руку, проговорил:

— Как я рад тебя видеть, шериф!.. Ты всегда являешься там, где совершается преступление... Жаль только, что ты приехал немного поздно и не можешь уже спасти остальных.

— Я опоздал всего на несколько минут. А что твои раны?

— Мои раны?.. А я и забыл совсем о них... У меня страшно болит рука, — сказал он, — приподнимая правой рукой висевшую, как плеть, левую. — Потом у меня, должно быть, сидит пуля в ноге, потому что тут видна кровь... Но

все это пустяки, я чувствую себя прекрасно и, должно быть, просто-напросто со страху вообразил себя умирающим...

Тем временем Луизиана обошла весь блокгауз и убедилась, что из белых пострадали только двое: убитый и оскальпированный Стротер и раненый Ваш Карроль; все остальные были негры и краснокожие. Это ее и обрадовало и испугало в одно и то же время, и она, подбежав к Карролю, прерывавшимся от волнения голосом спросила его:

— А где мой дядя? Где Теннесси? Где мой брат? Где они, скажите ради Бога? Неужели они тоже все убиты?

— Нет, мисс, успокойтесь, — отвечал траппер, — они все перебрались на другой берег реки раньше, чем блокгауз стал добычей индейцев, и, вероятно, спрятались где-нибудь в кустах на берегу... Я остался здесь вместе с управляющим Стротером и неграми... Ах, если бы мы только знали, что вы так близко и так скоро явитесь к нам на помощь, мы все ждали бы вас здесь и все были бы еще и теперь живы... Индейцам ни за что не удалось бы взять так скоро блокгауз, если бы мы все вместе защищали его...

— А вы уверены, что они не попали в руки индейцев?.. Еще скажите нам, почему они решили покинуть вас?

— Они уехали, как только совсем стемнело, мисс... Мы понимали, что не в состоянии будем все равно долго защищать блокгауз, особенно ночью, и поэтому решили удалить вашего дядю, вашу кузину и вашего брата... И, если с ними не случилось ничего особенного, они должны быть теперь на другом берегу, где им не трудно будет скрываться в чаще до самого рассвета...

— Но где именно искать их там? — спросил шериф. — И кто еще уехал с ними?

— Уехали только мисс Теннесси, полковник и его племянник, мистер Евгений. Мой компаньон, Эдуард Торнлей, отправился еще раньше разыскивать мисс Луизиану, но за него я нисколько не боюсь, он такой человек, который сумеет и защитить себя, и преодолеть всякую опасность. Потом он и не станет особенно рисковать собой, пока не разыщет мисс Луизиану...

— Не понимаю, как могла прийти вам в голову такая безумная мысль, — перебил его шериф. — Им ни в каком случае не следовало уезжать из блокгауза.

— Значит, вы думаете, что они погибли? — спросила его Луизиана, которую слова шерифа снова заставили вспомнить об опасном положении близких ей лиц.

— Зачем вы меня спрашиваете об этом? Разве я знаю, что с ними? Где и как искать их нам теперь среди ночи?.. Слушайте, Ваш, вы и в самом деле только легко ранены?

— Я ранен двумя пулями, но это мне нисколько не мешает желать отомстить как за себя, так и за беднягу Стротера. Я видел, как он сцепился с этими двумя краснокожими, и видел, как к нему подкрался сзади третий дикарь и ударил его топором по голове. Бедный друг! Какую нужно было иметь силу для того, чтобы, получив смертельную рану, не выпустить попавшихся ему в руки врагов и задушить их. Он был не только сильный, но и храбрый человек. Я был недолго знаком с ним, но буду вспоминать о нем всю жизнь.

В эту минуту за рекой раздался ружейный выстрел, а за ним послышались громкие крики краснокожих. Собеседники вздрогнули и переглянулись. Ваш

Карроль бросился было к выходу, но в ту же минуту остановился, громко вскрикнув:

— Проклятие! Я не могу ходить... Но я думаю, что на лошади я все-таки мог бы еще держаться.

Шериф Гейс тем временем уже бежал к реке, ворча про себя:

— Этого именно я и боялся. Дикари открыли их убежище.

С того места на берегу, где они стояли, видно было, как на другой стороне шайка индейцев с громкими криками преследовала трех всадников. Луизиана на Дюпрэ, стоявшая рядом с шерифом, узнала в этих беглецах дядю, кузину и брата. Спасаясь от преследователей, они решили снова перебраться через реку и смело бросились в воду. В эту минуту скакавший впереди краснокожих всадник, в котором Луизиана с ужасом узнала своего смертельного врага Антонио Микелеца, распустил лассо и набросил его на Теннесси Магоффин. Девушка вскрикнула и упала в воду, которая поглотила ее, впрочем, лишь на одно мгновение, а затем она снова появилась на поверхности. Этим моментом воспользовался Черный Мустангер, чтобы вытащить пленницу на берег. Полковник Магоффин и его племянник Евгений повернули лошадей, видимо, с намерением выручить из беды несчастную Теннесси, но им загородили дорогу краснокожие. Загремели выстрелы; но дикари, очевидно, не хотели убивать ни полковника, ни его племянницу и ограничились только тем, что убили у них лошадей, рассчитывая, что тогда бледнолицые поневоле должны будут сдаться в плен. Но надежды их не оправдались; полковник и его племянник исчезли в волнах потока. Тем временем Черный Мустангер, не слезая с лошади, поднял девушку, перекинул ее через седло и помчался во весь опор вдоль берега реки. За ним последовали и все индейцы. В ту же минуту на поверхности реки появились полковник и Евгений и быстро поплыли к берегу. Наблюдавший эту сцену начальник регуляторов поднял руку и твердым голосом произнес клятву:

— Клянусь всемогущим Богом, — сказал он, — что завтра до захода солнца девушка будет освобождена из плена, а похитивший ее презренный негодяй повешен! Оставайтесь здесь, мисс, я этого требую. Я оставлю при вас для охраны десяток регуляторов. Вам не грозит тут ни малейшей опасности, не бойтесь и за своих родных. Даже вашей кузине и той не грозит никакой опасности. Завтра вы будете снова все вместе. Клянусь вам в этом! Но вы должны исполнить мое приказание и остаться здесь.

Его голос звучал при этом так повелительно, что девушка не посмела ослушаться.

Через пять минут после этого регуляторы, предводительствуемые шерифом, переправились через реку в нескольких сотнях шагов ниже блокгауза и во весь опор помчались вдогонку за краснокожими и похитителем девушки Антонио Микелецем, прозванным индейцами Черным Мустангером.

Глава XXI ЛОВКИЙ ОБМАН

В ту минуту, когда регуляторы переезжали через реку, приблизительно в миле расстояния от лагеря эмигрантов, на холме появился одинокий всадник и, глядя на остатки догоравшего блокауза, грустным тоном проговорил:

— Я опоздал!.. Я опоздал!.. Я, точно маленький ребенок, заблудился в кустарнике и из-за этого мне не удалось напасть на ее следы. Кто знает, где она теперь? Индейцы, по всей вероятности, увезли ее в свой лагерь, и она отныне в полной власти Тигрового Хвоста. Я не сумел найти ее и только совершенно напрасно покинул своих товарищей. Что теперь делать? Куда ехать? У меня голова идет кругом. Мне и больно и досадно в то же время на самого себя.

И он, задумавшись, опустил голову и ослабил поводья лошади, которая, вытянув шею, стала обрывать листья с ближайших кустов.

Эдуард Торнлей (нет надобности говорить, что этот одинокий всадник был не кто иной, как товарищ старого траппера) прибыл вместе с Карролем в блокауз и, узнав, что Луизиана уехала искать помощи, бросился в ту же минуту вдогонку за нею, не обращая внимания на пули, которыми осыпали его индейцы, пока он переправлялся через реку. Отправившись разыскивать девушку, он не только не напал на ее след, но еще и сам, попав ночью в незнакомую ему местность, заблудился и потом довольно долго разыскивал дорогу к реке. Он туда и добрался, когда было уже совсем темно, при этом каким-то чудом избежал столкновения с краснокожими, сновавшими по всему побережью. Здесь он спрыгнул с лошади, которая изнемогала от усталости, и стал смотреть на развертывавшуюся перед ним картину пожара. Вдруг он услышал топот копыт множества лошадей, галопом приближавшихся к тому месту, где он стоял. Это заставило его прийти в себя, и он скорее инстинктивно, чем сознательно отвел свою лошадь в кусты и зажал ей ноздри, чтобы она не вздумала дать знать о себе ржаньем. Минуты через две после этого он увидел подскакавших к холму всадников, которые вдруг остановили лошадей и как будто стали прислушиваться. Все они, за исключением одного бледнолицего, были краснокожие. В бледнолицем, прибывшем первым, Торнлей с удивлением узнал своего товарища мустангера Луи Лебара, у которого через седло была перекинута какая-то бесформенная масса, показавшаяся Торнлею в первую минуту большим белым мешком, но затем он узнал фигуру женщины, находившейся, по всей вероятности, в обмороке. Это открытие привело его в ужас, ему пришло в голову, что пленница Черного Мустангера, может быть, не кто иная, как Луизиана Дюпрэ. Он машинально выхватил револьвер и навел его на грудь злодея, бывшего в эту минуту не более чем в двадцати шагах от него, но не выстрелил. Впоследствии, вспоминая об этом эпизоде, он каждый раз говорил, что и сам не знает, как хватило у него благоразумия сдержать себя и не прострелить голову презренному негодяю. Лебара окружало десятка два индейцев, и выстрел из револьвера, даже и вполне удачный, не мог бы обратить, конечно, в бегство такую большую шайку, не говоря уже о том, что они, если бы даже и вбежали, то захватили бы с собой и пленницу. Торнлей только еще крепче сжал ноздри своей лошади, которая не стояла на месте и, видимо, сильно желала дать знать о себе мустангам краснокожих. В эту минуту он

услышал, как Луи Лебар говорил по-английски своей пленнице:

— Вы должны благодарить меня, мисс, за то, что не оскальпированы до сих пор. Как неблагоприятно было с вашей стороны искать убежища в этом лесу, где кишмя кишат краснокожие. Проклятые регуляторы помешали мне захватить вашу кухню, но я все-таки надеюсь, что с помощью воинов Тигрового Хвоста мне удастся отбить ее у них. А если и не удастся, с нас достаточно будет и одной вас, чтобы отомстить нашим врагам. Вы только напрасно утомляете ваши глаза, мисс, все равно никого не увидите. Как ни хитры наши преследователи, а мне все-таки удалось обмануть их. Они теперь стараются догнать индейца, впереди которого на лошади сидит закутанный в белое одеяло другой индеец, которого они принимают за вас, а в это самое время мы с вами спокойно доберемся до лагеря Тигрового Хвоста, мисс Магоффин.

Торнлей из себя выходил от гнева, слушая речь Лебара, но в то же время не мог не сознавать, что злодей говорил правду, потому что как раз в эту минуту он услышал ружейные выстрелы и конский топот в направлении, диаметрально противоположном тому, которое избрал похититель девушки.

Впрочем, в словах Луи Лебара было нечто такое, что было и приятно услышать молодому человеку: он узнал о прибытии регуляторов и о том, что Луизиане удалось найти этих добровольных защитников угнетаемого мирного населения Техаса.

Лебар в это время о чем-то шепотом переговаривался с одним из индейцев, игравшим, очевидно, роль предводителя отряда краснокожих. Затем он разразился веселым хохотом и, обращаясь к пленнице, сказал:

— Слышите, как они усердно стреляют, мисс Магоффин? Как быстро, однако, они скачут. Судя по тому, что выстрелы стали едва слышны, они теперь должны быть уже далеко. Что, если бы им сказать, что они проехали мимо нас и гонятся сами не зная за кем, то-то разозлились бы эти идиоты регуляторы. Но только не вздумайте кричать, мисс Магоффин, потому что тогда, к величайшему сожалению, придется убить вас. А мне, признаюсь вам, не хотелось бы этого делать, потому что я дал слово Тигровому Хвосту доставить вас ему здоровой и невредимой. Вас ожидает честь сделаться женой вождя семинолов, а в награду за это вождь обещал мне помочь захватить вашу очаровательную кухню, которая будет моей женой. Сейчас мы поедем с вами в лагерь к семинолам, откуда вашим друзьям трудненько уже будет выручить вас.

Торнлей, слушая, несколько раз хватался за револьвер, но благоразумие брало в нем верх над минутным желанием расправиться с презренным негодяем, и он неподвижно продолжал стоять на одном месте и ждал, что скажет пленница в ответ на глумления похитителя. Но девушка не проронила ни слова. Затем Лебар обратился к начальствовавшему над отрядом краснокожих индейцу и спросил, не пора ли им ехать; индеец ответил ему что-то на языке семинолов, после чего весь отряд легкой рысцой тронулся в направлении к становищу краснокожих.

Эдуард Торнлей сел на лошадь и последовал за ними, стараясь все время держаться на таком расстоянии, чтобы индейцы не могли ни увидеть его, ни слышать топот копыт его лошади по твердому грунту прерий.

Похитители сначала ехали почти параллельно течению реки на довольно, впрочем, значительном расстоянии от нее, а затем, проехав мили две, стали постепенно приближаться к реке. Торнлей, следуя за ними, все более убеждал-

ся, что отряд, как и говорил Лебар действительно направляется к становищу краснокожих, где сам он был всего несколько часов тому назад вместе с Карролем и полковником Магоффином... Вдруг послышались ружейные выстрелы, а затем стал слышен и топот конских копыт. Торнлей решил, что это должны быть регуляторы... Заслышав выстрел, Лебар пустил лошадь в галоп и через минуту вместе с сопровождавшими его индейцами был уже на другом берегу реки... Между тем выстрелы прекратились и Торнлей вывел из этого заключение, что регуляторы, по всей вероятности, нагнали индейцев, старавшихся направить их на ложный след, и, покончив с ними, теперь спешат обратно, чтобы исправить свою ошибку... Торнлей тоже направился к реке и невдалеке от берега скрылся в чаще кустарника, где решил дожидаться прибытия регуляторов. Что же касается Лебара и сопровождавших его индейцев, то они, перебравшись на другой берег реки, моментально спешили и тоже скрылись в кустах, представлявших такое надежное убежище, что регуляторам было бы довольно трудно выбить их отсюда. Здесь они могли бы провести всю ночь до рассвета и дожидаться помощи от своих.

Через несколько минут показались регуляторы. Торнлей поспешил к ним навстречу и, указывая на противоположный берег реки, сказал:

— Берегитесь! Там индейцы! — Затем, обращаясь к ехавшему впереди отряда регуляторов всаднику, которого он не без основания считал начальником, мустангер прибавил: — Я Торнлей, мустангер и друг полковника Магоффина. Я вместе с ним ездил в становище краснокожих освободить его племянника, попавшего в плен к индейцам... А покинул его потому, что отправился разыскивать девушку, которая сообщила нам о нападении на лагерь эмигрантов... Индейцы обманули вас... Вы гнались за индейцем же, завернутым в белое одеяло, а мисс Магоффин на том берегу в какой-нибудь тысяче шагов от этого места. Но я думаю, до рассвета мы ничем не можем помочь ей.

— Почему?

— Потому что похитивший ее человек, бледнолицый, засел на другом берегу в кустах вместе с индейцами и, как только убедится, что вы хотите напасть на него, сейчас же покинет свое убежище и за ночь успеет уйти так далеко, что нам придется потом долго разыскивать его.

— В таком случае...

— В таком случае нам остается только одно: спрятать здесь, в кустах, лошадей, пробраться пешком к берегу и следить за ними. Для вас это будет тем легче, что они даже и не подозревают, что вы знаете место, где они скрываются.

— А если они скроются потихоньку?

— Этого нечего нам бояться... лагерь индейцев на этом берегу... Кроме того, если у вас есть кто-нибудь, знакомый с жизнью прерий, его можно отправить разведчиком, а затем отрядите часть ваших людей и я немного ниже переправлюсь вместе с ними через реку и найду индейцам в тыл... Если индейцы вздумают покинуть свое убежище, ваш разведчик подаст нам сигнал и мы тогда с двух сторон нападём на них... Есть у вас такой человек?

— О да! У нас есть именно такой человек, какой нам нужен.

— Позовите его и прикажите ему сейчас же отправляться. Начальник подзвал к себе одного из регуляторов, сказал ему несколько слов, и тот сейчас же отправился исполнять опасное поручение. Затем Гейс, спрыгнув с лошади и передав ее одному из своих людей, сказал Торнлею:

— Мне очень нравится ваш план, лучше ничего и придумать нельзя. Слезайте с лошади. Мои люди отведут ее подальше от берега вместе с нашими лошадьми, а затем вернутся обратно. Мы ползком проберемся к самому берегу и будем ждать сигнала от нашего разведчика, в помощь которому я отрядил часть моих людей.

Было около десяти часов вечера. С безоблачного неба сияла луна... Никому, даже человеку, хорошо знакомому с прерией, не могло бы, казалось, прийти в голову, что оба берега реки заняты двумя отрядами врагов, готовых каждую минуту начать битву. Часа через два шериф, внимательно исследовавший берег, сказал Торнлею:

— Наш разведчик, должно быть, давно на месте, и раз он не давал до сих пор сигнала, значит, индейцы и в самом деле решили дожидаться тут наступления... Я хочу воспользоваться этим временем и съездить в блокауз... Почему бы нам не отправиться туда, захватить с собой человек двадцать и оставить здесь для охраны человек сорок или пятьдесят?..

— Я готов ехать хоть сию минуту.

— Я оставлю здесь своего лейтенанта и прикажу ему на рассвете завязать перестрелку с индейцами...

— Едемте! Едемте скорей! Но прежде скажите мне, с кем я имею честь разговаривать...

— Я шериф Гейс, начальник регуляторов.

Торнлей, услышав это пользовавшееся всеобщим уважением имя, приподнялся и почтительно пожал протянутую ему полковником руку.

Через четверть часа шериф, сделав все необходимые распоряжения, скакал вместе с Торнлеем к блокаузу; их сопровождал отряд из двадцати всадников.

Глава XXII

БИТВА

В самой чаще девственного леса, носившего название Кросс-Тимберс, среди большой поляны, образовавшейся здесь, видимо, не совсем случайно, а благодаря тому, что над этим потрудились руки человеческие, был расположен укрепленный лагерь племени семинолов. Ими предводительствовал прославившийся своими кровавыми подвигами Тигровый Хвост.

Вечером того дня, когда индейцы напали на блокгауз эмигрантов, по всему лагерю перед палатками ярко пылали огни, заставлявшие предполагать, что большинство воинов вернулось из экспедиции и что в лагере этом индейцы считали себя в полной безопасности. Все пространство между деревьями, окружавшими занимаемую лагерем поляну, было засажено кустарником, образовавшим такую непроницаемую живую изгородь-ограду, через которую было труднее пробраться, чем через большую реку или через крепостные рвы и стены. Ограду эту шириною около пятисот футов прорезывало бесчисленное множество узких извилистых тропинок, искусно замаскированных непроницаемыми для глаз завесами из вьющихся растений. Эта лесистая часть прерии, носившая название Кросс-Тимберс, была значительно выше окружающей ее территории, а поляна, служившая лагерем, наоборот, занимала середину большой впадины, дно которой по уровню было гораздо ниже окружающей эту часть леса местности, что уже само по себе являлось большим преимуществом для тех, которые больше любят рассчитывать на хитрую уловку, чем на силу, и всего больше заботятся о том, чтобы их убежище не было открыто. Такой рельеф способствовал, между прочим, и тому, что сколько бы в лагере ни горело костров, из прерии не было видно ни огня, ни дыма.

В этот вечер, несмотря на ярко пылавшие костры, в лагере хозяйничали почти исключительно женщины и дети, так как взрослое мужское население ограничивалось всего несколькими воинами, занимавшими сторожевые посты у каждой из тропинок, по которым можно было проникнуть в лагерь.

Остальные воины отправились в тот лагерь, где так еще недавно Тигровый Хвост имел столкновение с Карролем, окончившееся освобождением юного креола Дюпрэ и повлекшее за собою нападение на блокгауз. Но главные силы краснокожих, состоявшие из сотни отборных воинов, скрывались в засаде на берегу реки, противоположную сторону которой занимал оставленный шерифом отряд регуляторов всего из пятидесяти человек.

Полковник Гейс должен был знать краснокожих лучше, чем Торнлей, и с его стороны странно было, что он согласился с мнением последнего, будто индейцы даже и не подозревают присутствия их на этом берегу реки. Индейцы прекрасно видели их еще в то время, когда они подъезжали к Торнлею, видели затем, как регуляторы по приказанию шерифа спешили и, конечно, со свойственным им умением разгадали остроумный, в сущности, план Торнлея, заслуживший одобрение шерифа. И Микелец если и не покинул своего убежища и не обратился в бегство, то только потому, что ему нужно было бы снова переправиться через реку, чтобы достигнуть укрепленного лагеря краснокожих. Он не думал, что его могут окружить таким образом, что нельзя будет выбраться. Тем более что он рассчитывал на помощь Тигрового Хвоста, кото-

рый должен был находиться или в одном из лагерей, или вблизи блокгауза, а на рассвете непременно явится на выручку к своему другу, добывшему для него бледнолицую жену.

Поэтому Микелец и начальствовавший над отрядом краснокожих индеец решили не покидать избранного ими убежища до рассвета, а пока отправили на розыски вождя племени трех разведчиков, из которых одному приказано идти к блокгаузу и собрать на помощь всех, кого найдет вблизи него индейцев, другому было поручено отправиться в маленький временный лагерь Тигрового Хвоста, а третьего послали в укрепленный лагерь в чаще леса на случай, если бы оказалось, что Тигровый Хвост ушел туда с остававшимися при нем воинами.

Отправления разведчиков не удалось увидеть никому из регуляторов, потому что индейцы воспользовались для этого рекой. Они осторожно, один за другим, спустились в воду, нырнули и быстро поплыли по течению, выплывая на поверхность, только чтобы перевести дыхание, а затем ныряли опять и так плыли до тех пор, пока не миновали опасную зону.

Нет надобности говорить, что все три посланца благодаря этой уловке благополучно избежали всех опасностей и добросовестно выполнили возложенные на них поручения. Из трех разведчиков первым достиг цели тот, которому поручено было отправиться к блокгаузу, вокруг которого и в самом деле бродило немало индейцев; разведчик, собрав их, повел в свой лагерь. Туда одновременно с ними явился второй посланец. Здесь они нашли вождя и при нем около пятидесяти воинов. Разведчики, сделав вождю обстоятельный доклад о положении отрядов обеих враждующих сторон, сообщили затем выработанный Микелецем план сражения с регуляторами, если только последние решат вступить в бой. Причем Микелец предполагал не покидать занимаемого им места до рассвета, а насколько будет возможно, делать вид, что ему ничего не известно о присутствии врагов на другом берегу реки. Что же касается вспомогательных отрядов — их разыскали бы разведчики, — то они должны были, следуя по течению реки, явиться на помощь к Микелецу, как только начнется битва.

Однако ни Микелец, ни его кровожадный союзник Тигровый Хвост не учли одно весьма важное обстоятельство, которое, если бы о нем проведали, наверное, заставило бы их отказаться от задуманного сражения. Они не знали, что во время битвы очутятся между двух огней. Другой берег реки, прямо против них, занимал, правда, небольшой отряд регуляторов, всего в пятьдесят человек, но зато тылу их угрожал другой отряд регуляторов, состоявший из сорока человек под командой самого шерифа Гейса, при котором находились, кроме того, полковник Магоффин, его племянник, Торнлей и Ваш Карроль. Последний был бледен и казался очень слабым, вероятно, от слишком большой потери крови, но уверял, что это ровно ничего не значит и силы вернутся к нему, как только начнется битва. Он попросил, чтобы ему вместе с Торнлеем и двумя или тремя регуляторами было поручено охранять Луизиану Дюпрэ, которая тоже была при этом отряде вместе с братом и дядей.

С первыми проблесками зари маленький отряд сел на коней и медленно тронулся к реке, имея приказ напасть с тылу на Микелеца, который, по донесению стороживших его разведчиков, продолжал занимать избранную им позицию на берегу реки, где провел ночь.

Что же касается корраля, служившего в эту ночь сборным пунктом для регуляторов, то он остался нетронутым, индейцы, наверное, забыли или не имели времени выгнать из него мустангов, а может быть, рассчитывали сами завладеть табуном после того, как бледнолицые будут перебиты, или потому, что Тигровый Хвост запретил грабить имущество, принадлежащее его другу и союзнику Антонио Микелецу.

Торнлей, полковник и его племянник взяли для себя из корраля свежих лошадей взамен своих, изнемогавших от усталости. При этом Торнлей, точно предчувствуя, что должно случиться в этот день, выбрал для себя самого лучшего коня из всего табуна. Им оказался тот светло-серый мустанг, на котором ездил накануне Луи Лебар. Торнлей с одного взгляда оценил все достоинства этой удивительной лошади, которая могла сослужить ему большую службу, если бы ему пришлось состязаться в быстроте с конем Тигрового Хвоста или изменника Микелеца.

Торнлей теперь знал, какая гнусная личность этот Черный Мустангер, и, пересказывая своему другу Карролю подслушанные им слова изменника, в заключение прибавил, что считает себя обязанным искупить свою вину, состоящую в том, что он уговорил Карроля принять Микелеца в товарищи, и постарается во что бы то ни стало поймать его своим лассо, чтобы передать затем в руки правосудия. На этом же основании он настоял, чтобы ему позволили отправиться на разведку. Вернувшись, он сообщил, что Микелец и краснокожие продолжают держаться в том же месте на берегу реки.

Индейцы, укрывшись в кустах, отвели лошадей за несколько сот шагов в соседний лесок, где их охраняло несколько воинов. И только Тигровый Хвост, Микелец и с ними женщина сидели верхами. Женщина попала сюда, как видно, не по доброй воле, потому что руки у нее были связаны за спиной, а сама она была привязана к лошади... В эту минуту мустангер услышал подавленное восклицание, раздавшееся почти над самым его ухом, и, обернувшись, увидел бледное лицо Эжена Дюпрэ, который, пылая от гнева, смотрел на похитителей своей кузины. Торнлей наклонился к нему и, понижая насколько возможно голос, сказал:

— Теперь как раз время напасть на них... Надо сказать нашим... идите за мной.

Юный креол, хотя, видимо, и очень неохотно, повиновался. Пробравшись благополучно сквозь цепь часовых, они вскоре достигли того места, где их ждали регуляторы, и Торнлей, отдав отчет в исполнении возложенного на него поручения, в заключение сказал шерифу:

— Полковник, послушайте меня, нападём на них... мы захватим их врасплох и освободим несчастную девушку.

— Нет, мой друг, — ответил шериф своим обычным спокойным тоном, — нам нельзя нападать первыми. Не дай Бог, чтобы повторилось то, что было вчера, когда каждый делал что хотел... Если это случится, нынешний день обойдется нам еще дороже вчерашнего, а все произошло потому, что не приняли самых необходимых мер предосторожности!

Торнлей сознавал, что в этих словах много горькой истины и, не говоря ни слова, сел на свою лошадь; примеру его последовал и Эжен Дюпрэ.

— А теперь, — продолжал шериф, — потрудитесь выслушать мои распоряжения. Весь отряд выстраивается в одну линию, и люди, держась в несколь-

ких шагах друг от друга, образуют цепь, которая должна будет охватывать кольцом всю эту часть побережья. Затем, как только я дам сигнал атаки, все должны будут сразу броситься на врагов, стараясь при этом поменьше подставлять себя под вражеские пули и ни в коем случае не открывать огонь до тех пор, пока станет возможной стрельба без промаха... Они, по-видимому, еще не подозревают, что мы зашли им с тыла, и потому, если нападём на них врасплох, то можем рассчитывать на полную победу.

Регуляторы, выслушав это приказание, разошлись по своим местам и выстроились в линию, охватив пространство шагов на триста — четыреста в длину.

Вслед за тем шериф Гейс медленно въехал на вершину холма, отделившего их от индейцев, и, остановившись здесь, вскоре услышал выстрелы регуляторов с противоположного берега, открывших огонь по краснокожим. Индейцы, по-видимому, не пожелали уклониться от битвы, так как вместо того, чтобы отступить, они, наоборот, ползком стали пробираться ближе к берегу, а затем в свою очередь стали осыпать выстрелами регуляторов...

Индейцы до такой степени увлеклись битвой, с каждой минутой разгоравшейся все более и более, что отряд полковника Гейса незаметно смог подобраться к ним на близкую дистанцию... Шериф дал сигнал, и его отряд открыл огонь, стреляя почти в упор... Неожиданность нападения смутила индейцев до такой степени, что они, несмотря на свое численное преимущество, бросились врассыпную к лошадям, намереваясь искать спасения в бегстве; но регуляторы и тут упредили их: они успели завладеть лошадьми и встретили врагов огнем из револьверов и карабинов... Индейцы, видя, что им отрезан единственный путь в бегству, защищались отчаянно и думали только о том, чтобы как можно дороже продать свою жизнь. Враги сцепились в рукопашную...

Эдуард Торнлей и Эжен Дюпрэ, принимая участие в битве, со страхом думали о том, что какая-нибудь шальная пуля может ранить Теннесси Магоффин, и всеми силами старались проложить себе путь к тому месту, где должны были находиться девушка, охранявший ее Тигровый Хвост и Антонио Микелец. В это время Тигровый Хвост, видя, что битва проиграна, схватил за повод лошадь, на которой сидела связанная по рукам и ногам пленница, и насколько возможно быстро потащил ее за собой, следуя вдоль берега реки; за ним последовал и Антонио Микелец... Но Торнлей и Эжен увидали их с вершины холма и, не обращая внимания на свиставшие кругом них пули, бросились вдогонку за беглецами... Эжен держал в руке револьвер, а Торнлей — свернутое в кольцо лассо.

К западу, то есть к той стороне, куда направил путь Тигровый Хвост, лес отступал от реки, и перед беглецами открывалась покрытая высокой травой безлесная равнина шириною в несколько миль. Затем лес опять вдруг двигался к реке, оставляя только узкую дорогу между непроницаемой стеной зарослей и берегом...

Эжен Дюпрэ невольно вскрикнул, видя, что Тигровый Хвост повернул свою лошадь в ту сторону, заставляя, конечно, следовать за собой и пленницу, и не отстававшего от него ни на шаг Микелеца. Торнлей тоже обратил на это внимание и, пришпорив коня, вместе с Эженом пустился догонять убегающих. Как ни быстро скакали беглецы, но у преследователей лошади оказались гораздо резвее и благодаря этому с каждой минутою расстояние между обеими

группами все более сокращалось... Достигнув конца равнины, Тигровый Хвост вдруг остановил свою лошадь... Примеру его тотчас последовал ехавший рядом Микелец. Черный Мустангер обернулся к преследователям и, показывая им револьвер, громко крикнул:

— Стой! Ни шагу дальше! Иначе я сейчас же застрелю пленницу!

Эжен осадил лошадь, но Торнлей точно не слышал обращенных к ним слов и устремился на Черного Мустангера... Микелец, вместо того чтобы исполнить свою угрозу, повернул дуло револьвера и выстрелил в своего бывшего компаньона... Но он слишком торопился и, стреляя не целясь, промахнулся. В то же мгновение он повернул лошадь и обратился в бегство, предоставив Тигровому Хвосту одному сражаться с двумя. Краснокожий тем не менее сохранил свое обычное хладнокровие и в ту минуту, когда Торнлей, видевший только убежавшего от него Микелеца, пролетел на своем сером мустанге мимо индейца. Тигровый Хвост выстрелил в него из ружья, но дал промах, потому что в этот момент на него налетел Эжен Дюпрэ... Лошадь молодого человека ударила грудью лошадь индейца с такой силой, что та не удержалась на ногах и упала, увлекая с собой и всадника. Не ожидавший этого, Эжен тоже не сумел удержать своего коня и с ним рухнул на землю... Торнлей, обернувшись в последний раз, видел, как Эжен и Тигровый Хвост, сцепившись врукопашную, катались по земле, но всякое промедление грозило лишить его возможности свести счеты с похитителем Теннесси, который был от него всего в нескольких шагах... Торнлей взмахнул лассо, бросил его, тонкий ремень охватил плечи злодея, сорвал его с лошади и потащил по земле... Торнлей, прежде чем остановить свою лошадь, крикнул Черному Мустангеру:

— Бросьте револьвер, а не то я буду тащить вас до тех пор, пока в вас сохранится хоть искра жизни.

Микелец разжал руку, в которой был у него револьвер... Торнлей остановил своего мустанга и ослабил ремень лассо... Черный Мустангер стал просить у него пощады.

— Послушайте, Эдуард Торнлей, — сказал он, не понимаю, за что именно вы вооружились против меня. Разве вы не считаете уже меня своим товарищем, своим компаньоном?

— Меня вы только обманули, — отвечал Торнлей, подъезжая к нему, — но я знаю, что вы не тот, за кого себя выдавали... Вы Антонио Микелец, убийца, которого разыскивают прибывшие сюда регуляторы...

— Пожалейте меня! Я не виноват, клянусь вам! Не выдавайте меня им, Торнлей! Умоляю вас! Разве вы не знаете, что это за люди? Они убьют меня без всякого суда и следствия!

— Я не понимаю, почему вы их так боитесь? — возразил Торнлей. — Честным людям нечего бояться регуляторов, они вешают только убийц и конокрадов... Вас будут судить, и если присудят к повешению, значит, вас признают виновными в убийстве.

— Я убил, защищая свою собственную жизнь! — полным отчаяния голосом завопил Микелец. — Пустите меня! Я навсегда покину эти места!.. Какое имеете вы право выдавать меня им?

И он сделал было попытку сбросить с себя лассо и подняться, но в эту минуту подъехали регуляторы, среди которых Микелец увидел хорошо знакомое ему лицо Батиста Леду, траппера из Луизианы... Черный Мустангер окинул их

взглядом, и строгое выражение лиц регуляторов сказало ему, что убийце жениха Луизианы Дюпрэ и похитителю Теннесси Магоффин нечего ждать пощады.

Глава XXIII СУД

Нападение Эжена Дюпрэ на вождя краснокожих закончилось тем, что оба они свалились с лошадей и сцепились врукопашную, причем Эжен очень скоро почувствовал, что Тигровый Хвост гораздо сильнее его. Но это, впрочем, нисколько не обескуражило его, и когда индеец попытался высвободить руки, чтобы вытащить свой охотничий нож, молодой мустангер, не переставая, изо всей силы колотил его по голове ручкой револьвера, из которого он имел неосторожность выпустить все до последнего заряда. Индеец пригнул голову, и, благодаря этому, удары сыпались не на голый череп, а на высоко взбитую прическу, не причиняя почти никакой боли краснокожему, которому вскоре удалось опрокинуть Эжена на спину. Затем Тигровый Хвост схватил левой рукой за волосы и, сжимая в правой нож, издал победный воинский клич, собираясь снять скальп с поверженного врага... В эту минуту налетели регуляторы, грянул револьверный выстрел, краснокожий, вскрикнув, выронил нож, разжал руку и, откинувшись навзничь, упал. Пуля пробила ему сердце.

Меткий выстрел, избавивший Эжена от мучительной, казавшейся неминуемой смерти, принадлежал полковнику Гейсу, прибывшему во главе регуляторов. Однако все они, ни на миг не задерживаясь, покинули Эжена и устремились вслед за мустангом, к которому была привязана Теннесси Магоффин. Но спасти девушку посчастливилось самому быстрому к ловкому Торнлею, без труда остановившему коня-беглеца своим лассо...

Потом все вместе с пришедшим в себя Эженом Дюпрэ и освобожденной от связывавших ее уз Теннесси Магоффин собрались вокруг лежавшего на земле Черного Мустангера. Шериф окинул взглядом присутствовавших и твердым голосом представителя закона сказал:

— Теперь, друзья мои, нам остается исполнить долг правосудия, волю которого я сегодня исполню в последний раз... Один из тех, с кем мы вели сегодня борьбу, убит, и я почти жалею об этом, потому что тщетно разыскивал его многие годы... Тигровый Хвост был сыном того индейца, который начальствовал индейцами, убившими мою мать, мою жену, мою дочь... Если бы нам удалось захватить его живьем, я отказался бы от обязанности судьи и взял бы на себя обязанности палача! Но Богу угодно было распорядиться иначе, хотя именно я сам и убил выстрелом из револьвера этого краснокожего в ту минуту, когда он хотел оскальпировать вашего племянника, полковник Магоффин. Ну, да об этом теперь поздно уже говорить, займемся лучше делом этого презренного негодяя... Полковник Магоффин, можете вы подтвердить, что человек, называющий себя Луи Лебаром, в действительности Антонио Микелец, убийца жениха вашей племянницы?

— Да, я подтверждаю это, — ответил полковник Магоффин.

— А вы, господа? — продолжал допрашивать шериф, обращаясь к Эжену Дюпрэ и к обоим мустангерам.

— Я тоже подтверждаю это, — отвечал Дюпрэ.

— Мы знали его под именем Луи Лебара и считаем его способным на всякое преступление.

— Хорошо. Посадите его на лошадь, — приказал шериф двоим из регуляторов, — и привяжите его покрепче. Мы поедem в блокгауз и там будем судить его.

Регуляторы связали Черному Мустангеру руки за спиной, перекинули его через спину лошади и крепко привязали к ней веревками. Пленник не произнес ни слова, с уст его не сорвалось ни одной жалобы, ни одного стопа, и только глаза его метали молнии... Отряд выстроился и почти по прямой линии направился к блокгаузу, до которого им нужно было проехать несколько миль. Полковник Магоффин подъехал к шерифу и, наклоняясь к нему поближе, спросил:

— Дорогой друг, вы сейчас только сказали, что сегодня в последний раз исполняете обязанности председателя суда регуляторов... могу я узнать, чем именно вызвано было это заявление?

— О да! Я не делаю из этого тайны... Не позже как завтра я откажусь от звания начальника техасских регуляторов, так как я сохранял за собой эту должность до сих пор потому только, что мне нужно было отомстить за убийство моей семьи... Теперь я перееду к моему сыну в Филадельфию и буду жить с ним... Я заслужил право на отдых и очень рад, что, заканчивая свою служебную деятельность, поймал причинившего вам столько горя Антонио Микелеца.

— Да, для нас это большое счастье, особенно потому, что мы остаемся жить здесь, — проговорил полковник Магоффин. — Негодяй так озлобился, что я едва узнал его, но я видел, как он убил Оскара Бретона и бросил тело в реку, протекавшую возле моей плантации... Они встретились на охоте, и злодей изменчески выстрелил ему в спину. Мы потом нашли невдалеке от того места, где разыгралась эта кровавая драма, пыж из его ружья и пороховницу, которую он обронил, убегая.

— Вы можете клятвенно подтвердить, что узнали его и что все произошло так именно, как вы рассказали? — спросил шериф.

— Да, я в этом уверен.

— В таком случае суд над ним займет не много времени, и он будет сейчас же повешен.

Подъехав к тому месту, где происходила генеральная битва, они увидели десятка два индейцев, которых стерегли оставшиеся при них регуляторы. Эти индейцы были единственно оставшиеся в живых из всего племени; остальные погибли в сражении.

Проехав еще немного, всадники остановились на одной из лужаек вблизи блокгауза, и здесь открылось заседание суда. Шериф исполнял обязанности председателя, старший его помощник — прокурора, а младший — защитника обвиняемого. Что же касается присяжных, то они были избраны по жребию из числа регуляторов. Полковник Магоффин, Батист Лэду и Эжен Дюпрэ удостоверили личность Антонио Микелеца и подтвердили обвинение его в убийстве Оскара Бретона, труп которого убийца бросил в реку, где его нашли через несколько часов после совершения преступления. Потом по следам, оставленным убийцей, отыскали место, где было совершено убийство. Здесь же были найдены сначала пыж, а потом и пороховница убийцы. По окончании допро-

са свидетелей председатель обратился к обвиняемому с вопросом, не желает ли он что-либо сказать в свою защиту. Черный Мустангер пожал плечами и презрительно отвечал:

— Нет. Да и к чему бы это повело? Я осужден заранее. Я убил Оскара Бретона потому, что ненавидел его. Я был честный человек, пока не знал его. Я любил дочь полковника, но она отказалась выйти за меня замуж, потому что любила Оскара. Тогда я поклялся, что она никогда не будет его женой, и за несколько дней до свадьбы убил его. Вот и все! Теперь мне остается только проклясть вас всех, и я с удовольствием сделаю это... Я вас проклинаяю!

Кругом поднялся ропот негодования, но председатель заставил жестом умолкнуть негодующих, а затем громким голосом спросил:

— Не может ли кто-нибудь сказать что-либо в защиту обвиняемого?

Никто не отозвался.

— В таком случае я ставлю вопрос господам присяжным, — и обернувшись к присяжным, спросил: — Признаете ли вы этого человека виновным в убийстве?

Присяжные единогласно ответили:

— Да, виновен.

Вслед за тем председатель снова поднялся и, обращаясь к Антонио Микелеццу, сказал ему:

— Пленник, вы признаны виновным по закону прерий, который не допускает никаких смягчающих вину обстоятельств. Вы уже совершили одно убийство ранее, а теперь собирались совершить новое, еще более тяжкое преступление. За это вы присуждены к смерти и должны быть повешены! Я даю вам четверть часа на то, чтобы помолиться и раскаяться в совершенных вами преступлениях.

— Я предпочитаю быть повешенным сию минуту! — проговорил осужденный.

— В таком случае нам здесь больше нечего делать, и мы можем ехать, — сказал шериф полковнику, отдав шепотом приказание своему помощнику.

Регуляторы в ту же минуту привели приговор в исполнение, после чего весь отряд направился к блокгаузу, причем дорогой полковник стал благодарить шерифа за оказанную ему помощь.

— Не будь вас, — сказал он, — мы все бы погибли!

— Об этом не стоит и говорить, полковник, потолкуем лучше о том, что вы станете теперь делать.

— Все мое имущество, по всей вероятности, погибло, — отвечал полковник, — но мои близкие спасены, и я могу только благодарить за это Бога... Я скорблю о погибших слугах и радуюсь за себя лично — судьба уберегла меня.

Отряд подъехал к блокгаузу, и все, не исключая суровых, привыкших к таким печальным картинам регуляторов, со слезами смотрели на убитых и оскальпированных негров, здесь же лежал и бывший управляющий полковника Стротер. Ваш Карроль, которому убитый гигант внушал большую симпатию, потупился, но затем быстро справился с собой и, смахнув слезу, сказал, подходя к полковнику:

— Вы потеряли в нем честного и самого преданного вам слугу... Я много видел на своем веку хороших и храбрых людей, но такого, признаюсь, не встречал. Будь они прокляты, эти краснокожие!.. О я еще отомщу им за него! — За-

тем он отвел полковника в сторону и, еще более понижая голос, продолжал: — Послушайте! Это, правда, очень большое несчастье, но могло быть и хуже! Все ваши остались целы и невредимы. Вы потеряли только слуг и рабов... Мне нечего говорить вам, что ни я, ни мой товарищ не покинем вас в такую тяжелую минуту... Полковник Гейс и его регуляторы тоже помогут вам... Вы должны сейчас же начать работы на плантациях риса и хлопчатника.

— Ах, дорогой мой Карроль, — отвечал грустным тоном полковник Магоффин, — у меня нет теперь рабочих рук для того, чтобы заняться выращиваем риса или хлопчатника... Как нехорошо я сделал, что покинул бедняков негров! Если бы я остался с ними, они, может быть, не были перебиты...

— Ну, в этом я с вами не согласен, — возразил бывший траппер, — вы хорошо сделали, что не остались здесь... Если бы остались, то и вы, и мисс Магоффин были бы тоже в числе убитых и оскальпированных, да и наши тела лежали бы теперь такими же изуродованными среди убитых. Вспомните, что я вам говорил: единственное средство избежать того, что случилось, было вернуться сейчас же обратно. Но раз вы решились остаться здесь, вы должны были ждать, что на вас непременно нападут днем или ночью... Теперь вы почти совсем избавились от врагов, которые вам могли бы угрожать, а это значительно меняет дело... Да вот, спросите шерифа, я уверен, что он тоже посоветует вам остаться здесь.

— Я всецело присоединяюсь к мнению нашего общего приятеля Карроля, — сказал Гейс, — вам, по-моему, нет никакого резона приходить в отчаяние и терять мужество... Вы понесли тяжелые потери, но в то же время избавились от опасных соседей, которые могли причинить вам еще более тяжкие бедствия. Ваш блокауз, в сущности, пострадал очень мало и не составит большого труда теперь довести его постройку до конца... Скот у вас тоже весь уцелел...

— В самом деле? — спросил полковник, видимо обрадовавшись.

— Я только что убедился в этом собственными глазами.

— Что касается достройки блокауза, то в этом деле мы поможем вам все... Вы займетесь скотоводством и станете понемногу распахивать землю, на первое время для этого не потребуются особенно большого числа рук... Я знаю не мало людей, которые прибыли к нам в Техас, не имея почти ничего и владеющих крупным состоянием!

— Кроме того, — вмешался Торнлей, — если вы ничего не будете иметь против... Ваш Карроль и я... если вы не сочтете это навязчивостью с нашей стороны... мы могли бы расширить корраль и держать в нем, кроме лошадей, еще и рогатый скот.

— Неужели вы считаете это возможным? Вы хотите...

— Да, полковник. Мой товарищ пострадал довольно тяжело и нуждается в продолжительном отдыхе. Ему ни в коем случае нельзя ни ехать со мной в Нэкогдочс, ни помогать мне укрощать мустангов. Я тем временем покончу с укрощением мустангов... Такой табун представляет довольно значительную ценность... К тому же укрощение займет в сущности очень мало времени...

Говоря это, Торнлей краснел все больше и больше от смущения, чувствуя в то же время, что сердце у него замирает от страха услышать неблагоприятный ответ полковника или же протест Карроля. Он старательно избегал встретиться глазами с присутствовавшей тут же Луизианой Дюпрэ, которая, собственно, и была виновницей явившегося вдруг у Торнлея проекта заняться ското-

водством...

— Мистер Торнлей! — сказал ему в ответ на речь полковник слегка дрожащим от волнения голосом и протягивая при этом мустангеру руку. — Мистер Торнлей! Я не знаю, как и благодарить вас за ваше великодушное предложение... Вы настоящий джентльмен. Но я не могу принять такую жертву с вашей стороны и заставить вас отказаться от той свободной жизни, что вы до сих пор вели, ради только того, чтобы помочь в беде жалкому старику, который может отблагодарить вас лишь словами.

— Сэр, — решительно возразил Торнлей, — могу вас уверить, что я давно уже решил поселиться именно в этих местах, и поэтому, согласитесь вы или нет принять мое предложение, я не уеду отсюда. В случае отказа все ограничится тем, что я буду жить вместе с моим другом Карролом где-нибудь в окрестностях... Предложение мое, как видите, объясняется очень просто!

— Да, это правда, полковник, — вмешался в разговор бывший траппер, который, как и Луизиана Дюпрэ, отлично понимал, что именно вызвало у Торнлея желание поселиться и заняться скотоводством, — мы с Эдмондом уже давно решили. Мне тоже надоело странствовать по прерии, и я решил пустить здесь корни... Место здесь чудесное... У нас здесь корраль... Нет, я больше никуда не поеду!..

Кончилось тем, что полковник, тоже прекрасно понимавший, какое чувство диктовало Торнлею это предложение, дал свое согласие, и новые компаньоны скрепили словесный договор крепким рукопожатием...

Регуляторы в несколько дней не только достроили самое здание блокгауза, но даже обнесли его еще высоким палисадом с вырытым перед ним довольно глубоким рвом... Затем регуляторы ушли и увели с собою взятых ими в плен индейцев, которых они, однако, не стали убивать, а лишь переправили на территорию, специально предназначенную для индейцев племени семинолов...

Перед отъездом Гейс сдал команду над регуляторами своему помощнику и ему же вручил официальное прошение на имя губернатора об отставке, а сам отправился к своему сыну в Филадельфию, где тот играл довольно видную роль в коммерческом мире и где бывший шериф и умер на руках сына через несколько лет...

В заключение остается только сказать, что Торнлей женился на Луизиане Дюпрэ и приобрел еще больше прав на то, чтобы интересоваться успехами новой плантации, процветанием которой, надо заметить, очень гордится и его друг Ваш Карроль... Эжен Дюпрэ, женившийся на Теннесси Магоффин, все так же страстно увлекается охотой, но теперь ему не грозит опасность быть схваченным краснокожими; топор войны глубоко зарыт в землю, и отныне в этой части Техаса царит мир и тишина!

INFO

Рид Майн

Р49 Сочинения: В 3 т. Т. 3: Сигнал бедствий; Американские партизаны; Без пощады!; Голубой Дик; Черный мустангер: Романы / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1996. — 768 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-00287-9 (т. 3)

ISBN 5-300-00284-4

*Р 4703010100-027/А30(03)-96 подписное
ББК 84.4(Вл.)*

МАЙН РИД

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

Редактор Т. Прокопов

Художественный редактор И. Сайко

Технический редактор Н. Привезенцева

Корректоры

В. Антонова, М. Александрова, В. Рейбекель

*ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 22.12.95 г. Уч. изд. л.
49,9. Цена 24 000 р.*

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

*.....
Scan Kreyder — 22.05.2018 — STERLITAMAK
FB2 — mefysto, 2021*

Примечания

1

Выделение р а з р я д к о й, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено **жирным** шрифтом. — Примечание оцифровщика.

[^^^]

2

Войдите, дон Карлос (*исп.*).

[^^^]

3

Древнегреческие боги.

[^^^]

4

С особым почтением (*исп.*).

[^^^]

5

— Матеръ Божья! (*исп.*).

[^^^]

6

Юные красавицы (исп.).

[^^^]

7

Конечно, господин управляющий (*исп.*).

[^^^]

8

Святая дева! (исп.).

[^^^]

9

Храни тебя Бог! (*исп.*).

[^^^]

10

Ура сеньору Доминго, королю тюремщиков! (исп.).

[^^^]

11

Тысяча чертей! (*исп.*).

[^^^]

12

Кто тут? (исп.).

[^^^]

13

О Боже! (исп.).

[^^^]

14

До скорого свидания (*исп.*).

[^^^]

15

Карлика (*исп.*).

[^^^]

16

Главный надсмотрщик за арестантами, тюремный староста.

[^^^]